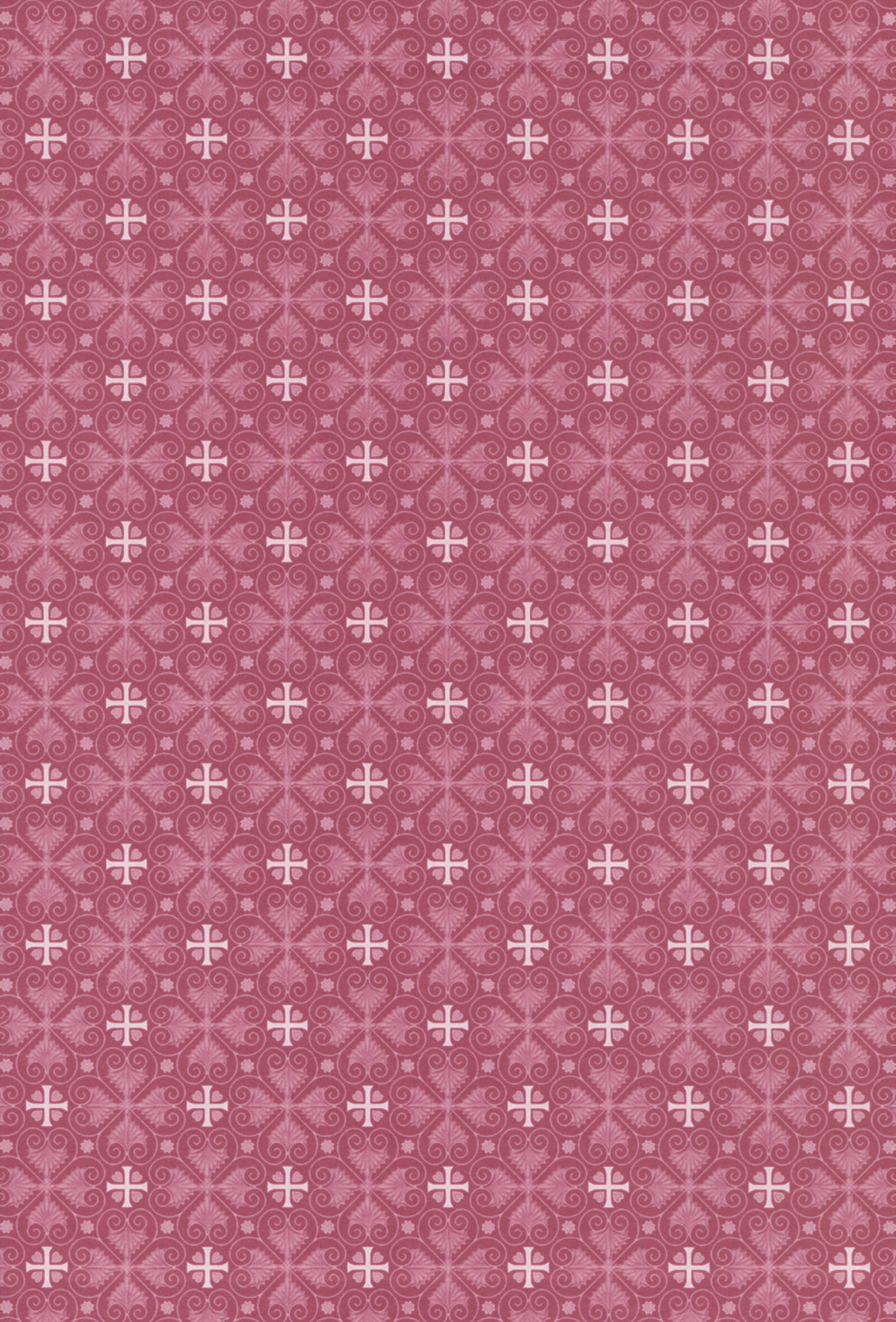

Царь и Россия

Размышления
о Государе Императоре
Николае II

ЦАРЬ И РОССИЯ

*Размышления
о Государе Императоре
Николае II*

«ОТЧИЙ ДОМ»
Москва 2017

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

Ц–20

Допущено к распространению

Издательским советом Русской Православной Церкви

(ИС Р16-618-0681)

Ц–20 **Царь и Россия:** Размышления о Государе Императоре Николае II

/ Сост. П. Белоусов. – М. : Отчий дом, 2017. – 752 с. с илл.

Книга «Царь и Россия (Размышления о Государе Императоре Николае II)» представляет собой сборник статей, авторы которых поставили своей целью на основе фактов и личных свидетельств рассказать о царствовании последнего Российского Императора и духовном значении этого трагического периода отечественной истории в дальнейших судьбах России и всего мира.

Вошедшие в первую часть книги документально обстоятельные очерки русских публицистов, государственных и военных деятелей, опубликованные в Русском Зарубежье в 1920–1950-х годах, посвящены доказательному, фактологическому разоблачению чудовишной сатанинской лжи вокруг Государя и его семьи. Мифы о «слабовольном», «неумном», «кровавом» Царе, созданные на основе сплетен и клеветнических измышлений в начале XX века, глубоко внедрены в сознание русских людей и по сей час. Одна из целей издания – обличить ложь и клевету и засвидетельствовать правду.

Первая часть сборника дает ответ на вопрос: **почему** произошла русская революция. Включенные во вторую часть труды, проповеди, размышления священнослужителей РПЦ и РПЦЗ отвечают на вопрос: **для чего** Господь попустил революцию, в чем смысл крестного пути и смерти Царственных страстотерпцев, в чем должна быть суть нашего покаяния, какой духовный смысл мы должны извлечь для себя из русской катастрофы.

«Мы обязаны знать факты, от этого, и почти только от этого, зависит все наше будущее – и личное, и национальное», – пишет И.Л. Солоневич.

В канун 100-летней годовщины революции мы должны признать, что мало позаботились о том, чтобы знать факты об этой трагедии, знать правду о величии подвига последнего Русского Государя, чтобы понять, как нам жить дальше, чтобы осмыслить «наше будущее – и личное, и национальное». Главная цель книги – привлечь читателя к такому осмыслению.

Издание снабжено справочным аппаратом: подстрочными примечаниями, сведениями об авторах и аннотированным указателем имен.

***Издательство благодарит всех,
кто помог в составлении и издании этой книги***

© Составление – Петр Белоусов

© Макет, оформление, справочный аппарат –
издательство «Отчий дом»

© Художественная ретушь фото на обложке –
Ольга Ширнина

ISBN 978-5-906241-27-6

Часть
ПЕРВАЯ

СЛУЖЕНИЕ
БОГУ
и
ОТЕЧЕСТВУ

Подлинный облик Царя-мученика как человека, христианина и Монарха

«Я имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи в руках Господа, Который поставил меня на то место, где я нахожусь. Что бы ни случилось, я склонюсь перед Его волей в убеждении, что никогда не имел иной мысли, как служить той стране, которую Он мне вручил».

Император Николай II

Вступление

Настоящий очерк посвящен светлой памяти Царя-мученика Николая II Александровича¹, столетие со дня рождения которого исполняется в текущем – 1968 году.

Под каким углом ни рассматривать историю мира, она всегда и прежде всего представляет картину извечной борьбы, происходящей между силами Добра и Зла. Со дня вступления Царя-мученика на престол своих

¹ В своей статье «Можно ли называть Царя Николая II мучеником?» прот. Александр Шаргунов пишет: «На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 г. Царь Николай и его семья были прославлены как страстотерпцы. Церковь знает такой подвиг святости, когда враги Церкви не требуют от христиан прямого отречения, но предают их страданиям и смерти... Но на иконе новых мучеников и исповедников Российских, представленной Архиерейским Собором 2000 г., Царь и его семья – среди и в центре сонма новых мучеников. Русская Зарубежная Церковь, которой принадлежит честь первой прославить Царя [в 1981 г.], именует его мучеником... На самом деле мученик и страстотерпец – однородные понятия... Итак, следуя определению Архиерейского Собора, будем именовать царственных святых прежде всего как страстотерпцев. Но не будем протестовать, когда кто-то именует их мучениками. Они и страстотерпцы, и мученики. Вопрос в ином – молимся ли мы им по-настоящему, чтобы не по имени только быть христианами... Святые Царственные страстотерпцы вместе со всем сонмом новых мучеников и исповедников Российских показывают, что путем мученичества могут следовать все христиане в обыденной жизни, даже если они не призваны пролить свою кровь за Христа и Его Церковь. Это дано не всем, но все должны быть готовы исповедовать Христа перед людьми и следовать за Ним крестным путем среди гонений, которые никогда не оставляют Церковь» (См. в кн.: *Прот. Александр Шаргунов. Царь. Изд-во «Златоуст», 2013. С. 32–34).*

предков и до последнего своего вздоха он оставался выдающимся, если не единственным в современном ему мире поборником Добра и в этой борьбе занял первостепенное место. На фоне исторических событий его царствования и мрачных событий в истории мира, происшедших в течение пятидесяти лет со времени ухода Царя-мученика от власти, преисполненный нравственной красоты облик его возносится во весь свой гигантский рост и остается единственным светлым образом в галерее мрачных портретов большинства правителей и политиков нашего безвременья, погрязших и погрузивших весь мир в беспросветное Зло. Христианнейший правитель Православного Русского Царства, помазанник Божий Царь-мученик Николай II не только олицетворял собою бытие Православного Русского Царства, но и был единственным в мире удерживающим от Зла. Вот почему темным силам так важно было очернить, устранить и убить его.

Надо быть слепым, чтобы не видеть той резкой перемены, которая произошла в состоянии мира после ухода Царя-мученика от власти. Потрясаемый непрерывными революциями и войнами, он тонет в крови и переживает невероятный по своей остроте моральный, политический и экономический кризис. Политическая карта мира перекраивается чуть ли не ежегодно. Сотни миллионов людей гибнут от мятежей и войн, от террора и жестокостей властей, от голода. Никакие конституции, никакие парламенты, никакие лиги народов и наций не препятствуют победоносному шествию воцарившегося в мире Зла. Уверенности в безопасности и стабильности завтрашнего дня нигде и ни у кого нет. Над перепуганным до смерти обывателем повис кошмарный призрак атомной войны – призрак конца грешного мира, – когда он начнет гореть от края и до края.

17 июля 1968 года исполнилось пятидесятилетие дня мученической кончины всей Царской семьи, зверски и подло убитой в подвале дома купца Ипатьева, превращенного советскими чекистами в «Дом особого назначения». История мира не знает другого преступления, по своей бессердечной жестокости, подлости и низости равного убийству Царской семьи и ее верных слуг-союзников¹. За это ужасное преступление против

¹ В Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 г. вместе с Царем Николаем Александровичем, Царицей Александрой Феодоровной и их детьми: Наследником Цесаревичем Алексием, Великими княжнами Ольгой, Татианой, Марией, Анастасией, – были расстреляны их верные слуги: лейб-медик Евгений Боткин, повар Иван Харитонов, камердинер Алексей Трупп (Алоизий Труппс), горничная Анна Демидова. Все жертвы екатеринбургского убийства были канонизированы Русской Православной Церковью Зарубежом в 1981 г. В 2000 г. Русская Православная Церковь канонизировала Царскую семью в лике страстотерпцев. В 2016 г. Архиерейским собором РПЦ было принято решение об общецерковном прославлении страстотерпца праведного Евгения врача (Боткина). Другие слуги Царской семьи РПЦ не канонизированы.

человечества главный убийца – Янкель Свердлов не только не был осужден на «нюрнбергском процессе», но был прославлен на весь мир; город Екатеринбург, где произошло убийство, был переименован в Свердловск и до сих пор носит это проклятое Богом и людьми имя¹.

Смерть свою Царственные узники ожидали и готовились к ней, но пришла она не сразу; ей предшествовало полное лишений, глумлений и мучений заключение, официально начавшееся по повелению Временного правительства и его генерального прокурора товарища А.Ф. Керенского 21 марта 1917 года² и продолжавшееся 1 год, 3 месяца и 25 дней.

Прологом к нему было самое ужасное и нелепое в тысячелетней истории государства Российского событие – вынужденное отречение Царя-мученика от престола. Произошло это событие 2/15 марта 1917 года в результате заговора небольшой группы лиц, имевшего целью произвести дворцовый переворот и заменить Царя-мученика, по мнению заговорщиков неспособного править Россией, другим лицом – из числа членов Императорской Фамилии. Однако, как об этом явствуют последовавшие исторические события, такого лица ни среди членов Императорской Фамилии, ни среди заговорщиков не нашлось. Это было покушение на захват в свои руки власти над Россией, совершенное негодными лицами, применившими негодные средства.

Одним из этих средств была отвратительная клевета, направленная против мученика-Царя и Царицы. С уверенностью можно сказать, что от сотворения мира не было другой четы, которая была бы более незаслуженно и подло опорочена и оклеветана, чем Царь Николай Александрович и Царица Александра Феодоровна.

Из тайников немецкой агентуры, из недр международных политических партий 1-го и 2-го Интернационалов³, из подрывных организаций

¹ В 1991 г. городу было возвращено имя Екатеринбург (однако область по-прежнему называется Свердловской). На месте Ипатьевского дома особого назначения, где в ночь с 16 июля на 17 июля 1918 года была расстреляна Царская семья, в 2000–2003 гг. построен Храм-Памятник на Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших – один из крупнейших православных храмов России.

² Здесь и далее: если приводится несдвоенная дата (старый/новый стиль), то до 31 янв./14 февр. 1918 г. (т.е. до «Декрета о введении в Российской республике западноевропейского календаря») даты даются по старому стилю, после этого дня – по новому. В воспоминаниях М. Палеолога и П. Жильера даты приводятся ими по новому стилю (григорианскому календарю), как это давно было принято в большинстве европейских стран.

³ Первый Интернационал (1864–1872) – первая массовая международная организация пролетариата, основана К. Марксом и Ф. Энгельсом, учреждена в Лондоне. Второй Интернационал (Социалистический, Рабочий) – международное объединение социалистических рабочих партий (1889–1914).

и общин, свивших свои гнезда на территории иностранных государств, правительствами и «частными капиталами» которых поддерживались и субсидировались их деятельность и само существование, из стана заклятых врагов Христа, из отечественных великосветских салонов, хозяева которых чувствовали себя «оскорбленными и униженными», по их мнению, якобы недостаточными к ним милостями и вниманием со стороны Царя и Царицы, зловонным потоком потекла самая невероятная и мерзкая клевета, направленная против Царственных мучеников и Российского Православного Царства. Под дружным напором этих разнообразных по своему составу и различных по своим мерзким убеждениям и чаяниям элементов, объединенных общей жгучей ненавистью к Удерживающему и к Православному Русскому Царству, Царственные мученики были «принесены в жертву» Злу. Вслед за тем рухнуло Православное Русское Царство, и на российский народ обрушились неисчислимые бедствия: ограбленный, тонущий в собственной крови, он был загнан в кабалу 3-го Интернационала¹; самые названия «Россия» и «русский» исчезли (почему это так важно было для блага русского народа?); и дальнейшее их бытие протекает под анонимной кличкой «советских».

Как вызвавшие, так и совершившие эти злодеяния преступники убийством Царской семьи не ограничились; вот уже 50 лет, как они с бесовским упорством прилагают все свои усилия к тому, чтобы продолжением своей богомерзкой клеветы очернить светлые образы Царя и Царицы. Особенно преуспевает в этом старающийся клеветой на невинных обелить свой красный облик корифей Февраля и диктатор товарищ А.Ф. Керенский, который гласит на весь мир о том, что «не будь Распутин – не было бы и Ленина» (*Роберт К. Мессу*. Николай и Александра. Нью-Йорк: Атенеум, 1967). Какая подлая и глупая ложь! Керенский и Ленин, которых связывали между собой узы личной дружбы, общие революционные убеждения и общая работа по разрушению России, существовали еще задолго до появления Распутина в Царском дворце. С одинаковым успехом Керенский мог написать: «Не было бы Распутина – не было бы и меня». Но, если бы Керенский, хоть на склоне своих лет, пожелал бы стать хоть мало-мальски честным человеком, то в порядке преемственности власти он должен был бы написать: «Не было бы меня – Керенского, – не было бы и Ленина».

Этот закоренелый атеист-революционер, из уст которого никто никогда не услышал слов «Бог» и «Россия», вместо этого с упорством маньяка

¹ Третий Интернационал (Коммунистический, Коминтерн) – международная организация, основанная международным съездом коммунистов в Москве, объединил коммунистические партии всего мира с целью установления советской власти во всех странах (1919–1943).

беспрерывно твердил о завоеваниях революции и о ее углублении. Каждому российскому обывателю, к какому бы лагерю он в то судьбоносное для России время ни принадлежал, было совершенно очевидным, что «завоевания» революции, равно как и ее углубление, олицетворялись немецким агентом и диверсантом В.И. Лениным-Ульяновым – социал-демократом, большевиком – и Львом Троцким (Лейбой Бронштейном), тогда еще социалистом-революционером, то есть членом той самой партии, из недр которой на поверхность революции вынырнул и товарищ Керенский. И Ленин, и Троцкий совершенно открыто и беспрепятственно гласили об этом в своих ежедневных речах, на заседаниях всяких съездов, в печати и в своей пропаганде, наводнявшей фронт и все просторы России. Их приход к власти был подготовлен и обеспечен именно Керенским, который к тому времени занимал половину всех министерских постов Временного правительства, от которого он получил диктаторские полномочия, кроме того.

Корифей русской адвокатуры Н. Карабчевский в своей книге «Что глаза мои видели»¹ описывает состоявшееся в Петрограде в конце 1916 года собрание петроградских адвокатов, в котором принял участие товарищ Керенский. Вот как описывает Н. Карабчевский выступление на этом собрании Керенского. «Враг у ворот, – начал Керенский и стал нервно, истерично повторять то, что уже много раз он пытался говорить в Думе... – Насаждающего внешнего врага мы можем победить, только расправившись с нашим внутренним врагом, собственным правительством, помышляющим лишь о предательстве и унижении России». «Положение мое, – рассказывает далее Карабчевский, – среди заволновавшегося многолюдного собрания было не из легких. Я начал с комплимента по адресу “трудолика”², который вне судеб рабочего класса, наконец, обеспокоен судьбой всей России и согрет самыми патриотическими чувствами. Чувства эти заставляют его видеть неминуемую опасность там, где пока еще ее, слава Богу, нет, и не позволяют провидеть большую опасность, может быть, гибель России от той революции, к которой он так властно призывает нас во время войны»... Во время возникшего спора Керенский крикнул: «Поймите наконец, что революция может удасться только сейчас, во время войны, когда народ вооружен, и этот момент может быть упущен навсегда!»

¹ *Карабчевский Н.* Что глаза мои видели. Издание Ольги Дьяковой и К° в Берлине, 1921.

² Трудолики («Трудовая группа») – мелкобуржуазная демократическая фракция депутатов-крестьян и народнической интеллигенции в 1–4-й Государственных Думах (1906–1917). В 4-й Думе (1912–1917) председателем фракции «Трудовая группа» был А.Ф. Керенский, перешедший после Февральской революции 1917 г. в партию эсеров.

Русская революция, к осуществлению которой так настойчиво стремились и товарищ Керенский, и Немецкий Генеральный штаб, который ее субсидировал, не щадя немецкого золота, была встречена в стане наших врагов с энтузиазмом и с облегчением; но, пожалуй, еще больший энтузиазм вызвала она в стане наших друзей-союзников. Особенно ликовала по этому поводу английская пресса. При таком положении вещей не было удивительным, что со всех концов мира, как стая ворон на падаль, слетались в Россию для углубления революции ненавистники русского народа. Одними из первых прибыли из Соединенных Штатов Троцкий и Рыков. Начальник Разведывательного отделения Американских экспедиционных сил в Сибири капитан Монтгомэри Шуйлер в секретном рапорте своему правительству от 9 июня 1919 года доносил, что к апрелю 1919 года только из одних Соединенных Штатов Америки в Россию прибыло 264 еврея-большевика. Эти евреи заняли самые видные комиссарские должности в советском правительстве, в ЧК и в Политуправлении. Выезд этих уголовных и политических преступников в Россию со стороны правительств союзных нам держав препятствий не встречал, как не встречал препятствий со стороны Керенского и Временного правительства их въезд в Россию. Наоборот, Керенский приветствовал их прибытие в Россию с энтузиазмом, на какой он только был способен. Германский Генеральный штаб организовал переезд Ленина, Крупской и 16 других видных большевиков из Швейцарии в Россию. Свое историческое путешествие через Германию они совершили в запломбированном вагоне. Об их прибытии в Россию Винстон Черчилль высказался следующими словами: «Немецкие вожди употребили против России самое ужасное из всех орудий. Подобно чумной заразе, они перевезли Ленина в запломбированном вагоне из Швейцарии в Россию».

16 апреля 1917 года после десятилетнего пребывания в Швейцарии Ленин высадился на Финляндском вокзале в Петрограде, где Керенским ему была приготовлена торжественная встреча с царскими почестями: перрон и весь путь его следования к автомобилю были устланы красными коврами; на перроне был выстроен от частей Петроградского гарнизона почетный караул с оркестром. Приняв от начальника караула рапорт, под звуки «Марсельезы» Ленин проследовал к выходу, где его поджидал бронированный автомобиль (о безопасности будущего вождя Октября вожди Февраля не забыли); многотысячная толпа, над которой развевалось целое море красных флагов, встретила его дикими криками восторга; Ленин сел в броневик, который доставил его в специально реквизируемый для него Временным правительством обширный, комфортабельный, роскошно меблированный дворец известной балерины Кшесинской, находившийся на Каменоостровском проспекте и ставший, таким образом,

первой цитаделью большевиков в России. На следующий день утром Ленин выступил на приуроченном к его приезду Всероссийском съезде Советов и произнес свою первую речь, в которой потребовал свержения Временного правительства.

Первый Совет рабочих и солдатских депутатов, от которого впоследствии и произошла оскорбительная и гнусная кличка «Советский Союз» и «советский народ», заменившая многовековые, священные для каждого россиянина наименования «Россия» и «русский народ», был организован в Петрограде, в самом начале возникших там на почве перебоев в снабжении его населения хлебом беспорядков. В состав его вошли интеллигенты, принадлежавшие к разным сословиям; рабочих и солдат там не было или, быть может, почти не было. Это было сборище людей, принадлежащих к разным расам, народам и племенам и крайне левым политическим партиям, объединенных общей ненавистью к России.

25 и 26 февраля женщины, стоявшие в очередях за хлебом, возмущенные недостатком его, начали громить пекарни. Никаких противодействий, никаких воззваний к населению столицы со стороны властей не последовало. Этот беспрепятственно бушевавший в столице, благодаря мягкости и попустительству властей, бабий бунт был как бы приглашением петроградской черни принять в нем участие. Приглашение было принято, и чернь начала грабить магазины и лавки. С заведомого благословения Государственной Думы на улицу высыпали рабочие некоторых заводов. Наступил тот вожделенный и «быть может, единственный момент» для организации революции «во время войны», который Государственная Дума не «могла упустить». Она взяла в свои руки руководство бунтом, организовала свой Думский комитет и, непомерно увеличивая масштаб петроградских беспорядков, сопровождавшихся полным спокойствием во всех остальных городах и областях России, принялась создавать психоз о необходимости государственного переворота и об отречении Государя Императора, под который подпали некоторые генералы на высших командных должностях, как имевшие с заговорщиками из Государственной Думы контакт, так и в заговоре не участвовавшие. Среди этих лиц оказался и Главнокомандующий Кавказским фронтом Великий Князь Николай Николаевич. Их коленопреклоненные просьбы Государю об отречении завлеченный в псковский тупик Государь-мученик принужден был принять. Видный организатор переворота Думского комитета и Временного правительства, лидер конституционно-демократической партии профессор П.Н. Милюков в своем труде «История русской революции»¹ откровенно

¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. Киев, 1919. Вып. 1; София, 1921–1924. Вып. 1–3.

и не без гордости говорит: «...революция вышла из стен Государственной Думы». Член партии социал-революционеров, коллега по профессии и по партии товарища Керенского, миллионер Исаак Штейнберг, перешедший впоследствии в лагерь большевиков и ставший первым народным комиссаром юстиции в составе первого Советского правительства, в своей книге «От февраля по октябрь 1917 г.» (Берлин—Милан, издательство «Скифы»)¹ пишет: «Творение часто бывает глубже, чем думает автор. Также и революции часто делают и дают больше, чем предполагают в начале их». К сожалению, наша «прогрессивная» интеллигенция, наши политические и общественные деятели оказались политически неграмотными и всеми силами тормозили прогресс подлинный, к которому Россия в царствование Императора Николая Второго шла гигантскими шагами. Никакого понятия о политике и прогрессе не имели и коленопреклоненные генералы во главе с Великим Князем Николаем Николаевичем. У нас в России было принято рубить сплеча по нашей науке, по нашей политике, по нашим традициям, и крепче всего рубили те, которые меньше всего были в этом компетентны. Рубили, так сказать, обратно пропорционально своей неосведомленности, неграмотности и непорядочности. Но клевету творили мастера этого дела, имевшие иногда большую эрудицию при полном отсутствии совести.

В упомянутой выше книге И. Штейнберг посвящает мартовской революции эпитафию, выраженную следующими словами: «Кто знает? Быть может, человечество когда-нибудь благословит и март русской революции. Ибо без его ошибок и его страданий, быть может, не пришел бы в мир октябрь». Большевистский комиссар И. Штейнберг высказывает предположение, что без «марта» могло и не быть «октября», и этим самым подтверждает, что «октябрь» вышел из «марта». «Великий и бескровный март» вышел из стен Государственной Думы.

Одновременно с формированием Думского комитета и Временного правительства началось и формирование Петроградского Совета, так называемых рабочих и солдатских депутатов, ставшего прототипом будущего Советского правительства. Большевистский комиссар юстиции И. Штейнберг в упомянутой выше книге уделяет много места этому учреждению. Привожу некоторые выдержки из его труда. «Как известно, в момент свержения царизма, — пишет И. Штейнберг, — формальное продолжение государственной власти принял на себя сначала Комитет Государственной Думы, а потом Временное правительство, — и далее: — На самом деле было иначе. Рядом с Временным правительством в Петрограде организовался сразу Совет рабочих и солдатских депутатов». «Под

¹ Книга вышла в 1920 г.

давлением Совета, – пишет далее И. Штейнберг, – Временное правительство приняло восемь пунктов соглашения, которые давали сразу выход организации народных масс и в которые входил и созыв Учредительного Собрания. Под его давлением была оставлена мысль о продолжении монархии. Под его давлением принимались различные правительственные решения. В результате установилось то самое политическое понятие, которое известно под названием “двоевластия”. Формально юридически власть в стране принадлежала Временному правительству и его комиссарам, но реально эта власть находилась в руках Советов Петроградского и местного». На странице 17, вторая строка сверху, И. Штейнберг пишет: «Но тогда были мыслимы постоянные разноречия и столкновения между ними, и возникал вопрос: кто же будет их разрешать? Очевидно, решалось по воле Совета или достигался компромисс по соглашению с Советом. Но, таким образом, налицо было второе правительство, а не только орган контроля». Одним из инициаторов организации Петроградского Совета и выдающимся его организатором был товарищ А.Ф. Керенский, который занимал в нем пост первого его вице-председателя. В своей книге «История русской революции» П. Милюков рассказывает о том, что Керенский, когда ему был предложен пост министра юстиции Временного правительства, долго колебался его принять, прежде чем расстаться с постом вице-председателя Совета.

При деятельном участии Керенского в Петрограде была организована из подонков населения и уголовных преступников всех категорий, выпущенных Керенским из тюрем, красная гвардия, ставшая опорой Советов, главным очагом грабежей и насилий и сыгравшая крупную роль в порабощении России большевиками.

Керенский в октябре, если бы он только пожелал, мог легко не допустить большевиков к власти, как это случилось помимо его воли в июле¹, за что командующий войсками Петрограда генерал Половцев получил от Керенского разнос. Но Керенский совершенно определенно этого не желал. К этому времени у подавляющего большинства русской интеллигенции, тогда еще представлявшей общественное мнение России, наступило отрезвление от революционного угара и осознание того, что революция поставила Россию, в полном смысле этого слова, на край гибели. Такое

¹ 3 июля 1917 г. в Петрограде прошли стихийные демонстрации солдат, рабочих и моряков против Временного правительства под лозунгом «Вся власть Советам!» Большевики присоединились к выступлению. 4 июля демонстрация восставших была расстреляна. 5 июля прошли аресты, выступление было подавлено. 6 июля правительственные войска захватили штаб большевиков, арестовали его главарей. Однако менее чем за последующие полгода партия большевиков оправилась от июльского поражения: ее ряды выросли в десять раз.

положение вещей ставило перед Керенским дилемму: или разрешить национально и государственно мыслящим людям подавить большевистское движение, возглавляемое немецким шпионом и диверсантом Лениным, Троцким и компанией, или передать им власть без сопротивления. Керенский предпочел последнее, так как он твердо знал, что с подавлением большевистского восстания будет подавлена и революция, так как власть из рук интернациональных шахер-махеров перейдет в руки русских патриотов. На это ни Керенский, ни те лица, которые руководили его политической деятельностью и субсидировали ее, согласиться не могли.

Вся политическая деятельность Керенского, основанная на клевете и провокации, была направлена в сторону разрушения России. Какими бы фразами он ни прикрывался в своих выступлениях и воспоминаниях, исторические подлинные факты неопровержимо свидетельствуют о том, что он решительно защищал большевиков и всегда решительно выступал против их противников и подавлял их. Никто иной, как Керенский, освободил из тюрьмы большевистских главарей во главе с Бронштейном-Троцким и Нахамкесом-Стекловым, арестованных при подавлении июльского восстания. Из кабинета Керенского вынесли окровавленный труп генерала Крымова, войска которого находились на подступах к Петрограду и которого Керенский пригласил к себе для «переговоров». Именно Керенский, облеченный всею полнотою власти, решительно выступил против генерала Корнилова и в своем обращении, начинавшемся словами «Всем, всем, всем», объявил Корнилова «контрреволюционером» и «вне закона». Именно Керенский заключил в быховскую тюрьму генералов Корнилова, Деникина и других русских патриотов – противников большевиков. Это он позднее грозил русскому патриоту генералу Каледину и возглавляемым им донским казакам «огнем и мечом» и готовил против них карательную экспедицию, которая была осуществлена уже большевиками, после того когда Керенский в октябре передал им всю полноту власти над Россией.

Все действия Керенского во время Октябрьского переворота были ничем иным, как очередной тонкой и обдуманной провокацией. Единственной силой, находившейся в то время в столице и в ее окрестностях, готовой с оружием в руках противостоять большевикам и защищать Россию, представленную Временным правительством, как тогда казалось многим, были военные училища, школы прапорщиков и женский батальон под командой капитана Бочкаревой. Бочкарева, простая русская крестьянка из Вологодской губернии, была организатором этого батальона, где наряду с простыми фабричными работницами и крестьянками служили представительницы русской интеллигенции и аристократии; так, среди офицеров

этого батальона были подпоручики Скрыдлова – дочь адмирала и княжна Гагарина. Все эти училища и женский батальон получили от Керенского приглашение принять участие в защите Временного правительства под его личной командой. Все они были завлечены Керенским в приготовленную для них в Петрограде ловушку. Никакого плана наступления или обороны они от Керенского не получили. Вместо создания из них стратегического кулака с резервом они были рассеяны по всей столице: в Зимнем дворце, в своих училищах и казармах, на телефонной станции, в Михайловском манеже и в других местах. Лишенные общего руководства и связи между собой и Главверхом Керенским, преданные им на растерзание во много раз превосходящим их числом, хорошо организованным и вооруженным большевикам, опиравшимся на самый важный в Петрограде стратегический пункт – Петропавловскую крепость, давным-давно, не без ведома Керенского, занятую большевистским гарнизоном, и на большевистский крейсер «Аврору», эти русские девушки и мальчики сделали в кровавом хаосе тех дней все, что они могли, свято исполнили свой долг перед Россией и с честью погибли. Чести у товарища Керенского не было от рождения. 6 ноября большевики начали действовать; 7 ноября утром Керенский сел в автомобиль с развевающимся американским флагом и, беспрепятственно проехав среди большевистских войск по улицам, покрытым кровью брошенных им на произвол судьбы своих защитников, благополучно прибыл в распоряжение казачьих частей контрреволюционного генерала П.Н. Краснова, ища у него защиты. Генерал Краснов по просьбе Керенского спешил ему на помощь и был задержан на подступах к Петрограду большевистскими войсками под общей командой мичмана Русского флота, большевика Раскольников и обер-лейтенанта Германской армии Бауэра (Архив Русской Революции под редакцией профессора Гессена¹). Переодевшись здесь бабой, Керенский скрылся и только в мае 1918 года выехал через Мурманск за границу. Семимесячное пребывание Керенского под властью Советов не было ими обнаружено и выезд его за границу был совершен беспрепятственно.

Выезд Керенского за границу произошел в тот момент, когда в России разгоралось успешно Белое движение. Попав за границу, Керенский не прекратил своей защиты большевиков; в качестве премьера последнего небольшевистского правительства, признанного всеми другими прави-

¹ «Архив русской революции» – печатное издание в 22-х томах, издававшееся в Берлине лидером кадетов И.В. Гессеном с 1921 по 1937 гг., состоящее из воспоминаний белоэмигрантов, материалов и документов, освещающих события Октябрьской революции и Гражданской войны. Репринт «Архива русской революции» был выпущен в России издательствами «Политиздат» и «Терра» в 1991–1993 гг. в серии «Русский архив».

тельствами мира, он появлялся то в Лондоне, то в Париже, то в Нью-Йорке и всюду требовал и просил у сильных демократического мира прекратить помощь Добровольческим армиям, боровшимся против большевиков, грозя им в противном случае проклятием русского народа. Совет рабочих и солдатских депутатов, организованный Керенским на заре названной им «великой народной и бескровной» революции, в котором он занимал пост его первого вице-председателя, был прототипом пришедшего к власти Советского правительства; и сам Керенский был прототипом пришедшего ему на смену Ленина, который захватил власть над Россией не только благодаря попустительству Керенского, но и благодаря его помощи. И Ленину, и Керенскому было наплевать на Россию. В этом отношении между ними была та существенная разница, что Ленин говорил об этом открыто, а Керенский прикрывал это фразами о необходимости кровавых завоеваний революции и об ее дальнейшем углублении.

Известный адвокат-швейцарец доктор Обер писал: «Определить границу, где кончается социализм и начинается коммунизм, совершенно невозможно»¹. Точно так же совершенно невозможно определить, где кончался революционный социализм Керенского и начинался демократический социализм Ленина; оба они были мазаны одним и тем же миром, источником которого были Первый и Второй Интернационалы, задачей которых было не благополучие Православного Русского Царства и его народов, а их уничтожение. Стремление Керенского произвести революцию в России именно во время войны было изменой русскому народу, который, изнывая и кровавая в борьбе с внешним врагом, руководимый твердой волей Царя-мученика, добился к моменту организованной Керенским и его товарищами революции победы. Никто не может опровергать тот исторический и совершенно очевидный для всех факт, что войну проиграли не союзники России, а ее враги. Нельзя отрицать и того факта, что к революции в России во время войны в одинаковой мере стремились и Немецкий Генштаб, и Ленин, и Керенский. Как юрист по образованию, Керенский не мог не знать того, что совершение государственного переворота во время войны было изменой своей собственной стране. Беспрепятственный приезд в Россию Ленина был вторым актом измены членов Временного правительства, среди которых «златоуст революции» Керенский играл первую скрипку. Ни члены Временного правительства, ни Керенский не могли предполагать, что находившийся на службе у врага Ленин был прислан в Россию Немецким Генеральным штабом для

¹ Подобные заключения содержатся в речи Обера на Лозаннском процессе 1923 г. об убийстве Воровского. Она была переведена на русский язык и издана отдельной брошюрой в Белграде (Королевство СХС) в 1924 г.

спасения России. Они не могли не знать того, что Ленин – германский агент, уже потому, что все правительства союзников, в том числе и Временное правительство, получили об этом исчерпывающие сведения от контрразведок союзных с Россией держав. Третьим актом измены Керенского была передача им власти немецкому шпиону и диверсанту Ленину; подготовкой к этому акту Керенский систематически занимался в течение почти семи месяцев – с первого же дня приезда Ленина в Петроград. Когда большевики взяли власть в свои руки и вместо «Марсельезы» Керенского запели «Интернационал» Ленина о разрушении старого мира, разрушать в России было нечего. Многовековое государственное устройство России к приходу к власти большевиков было разрушено Керенским до основания. Не спрашивая на то разрешения русского народа, во имя и от имени которого якобы он действовал, Керенский произвел следующие реформы: Русская Православная Монархия была отменена; Россия была объявлена федеративной республикой, и разным ее национальностям дано было право «самоопределения вплоть до отложения»; Русская Православная Церковь была отделена от государства; русский народный гимн был заменен «Марсельезой»; русский национальный флаг был заменен красным – эмблемой крови; для пополнения кадров революционных активистов преступники всех категорий были выпущены из тюрем; для поощрения грабежей, убийств и анархии смертная казнь была отменена; конституция была отменена; для разложения армии были созданы кадры правительственных комиссаров и Солдатские комитеты; дисциплина была отменена приказом № 1¹; с морских офицеров были сняты погоны; генералитет был дискредитирован и разогнан; была введена чехарда верховных главнокомандующих; правительственные комиссары и Солдатские комитеты контролировали служебную деятельность командного состава армии и отменяли боевые приказы и т.д. и т.д.; полиция была перебита,

¹ 1 марта 1917 г. был издан приказ № 1 по Петроградскому гарнизону о демократизации армии. В первом пункте приказа было сказано: «Во всех ротах, батальонах, полках немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов». Выборные Солдатские комитеты получили право осуществлять контроль над действиями командования. Положения приказа были вскоре распространены на всю армию. Приказ № 1 стал первым и самым важным толчком к развалу армии: в условиях войны резко снижалась ее боеспособность, падала дисциплина, исчезала координация между армейскими соединениями, армия превращалась в инструмент политической борьбы. Один из авторов приказа, меньшевик Иосиф Гольденберг, говорил в марте 1917 г.: «Приказ № 1 не ошибка, а необходимость. В день, когда мы "сделали революцию", мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили – я смело утверждаю это – надлежащее средство».

из уголовных преступников была организована заменившая ее милиция; на железных дорогах был введен 8-часовой рабочий день; русский неподкупный, быстрый и справедливый суд был заменен более быстрым судом Линча; Государственный Совет, Сенат и Государственная Дума были закрыты, была организована ЧК (Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией), заменившая собой следственные власти судебного ведомства (Керенский лично произвел обыск в Царском дворце, перерыв все ящики столов и комодов и все шкафы); по обвинению в измене были отданы под следствие ЧК Государь, Государыня и члены правительства, но убийства адмиралов Непенина, Вирена и др., убийство Управляющего Балтийским заводом генерала Мотофанова¹, и ни одно убийство генералов, офицеров, священников, полицейских, помещиков не были расследованы, и виновники за все время царствования Керенского никогда не были преданы суду; царские деньги были заменены «керенками», которые к концу его власти курсировали не одиночными купонами, а аршинными лентами на вес. В результате всех этих реформ законы не функционировали, армия была разложена, транспорт разрушен, нравственность уничтожена, Петроград голодал, и люди умирали на улицах, лошадей всех съели, потому извозчики перестали существовать, школы не функционировали, валюта была обесценена, страна была погружена в состояние анархии, грабежи были повсеместные, от убийств по всем просторам России гибли ежедневно сотни, если не тысячи людей.

И, как оказывается, по словам Керенского, виной всему был не он и не Временное правительство, а Григорий Распутин. Между Распутиным и Керенским была та существенная разница, что Керенский создал себя сам, но Распутина создали Керенский и подобные ему клеветники, так как им нужно было создать хоть какой-нибудь повод для совершения революции; в своей же «творческой» революционной деятельности они не брезговали ничем. Относительно клеветы, связанной с именем Распутина, лейб-медик Государя – доктор Евгений Сергеевич Боткин, разделивший заключение и трагическую судьбу Царской семьи, говорил: «Если бы не было Распутина, то противники Царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой – из меня, из кого хочешь». (*Татиана Мельник, рожденная Боткина. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, Всеславянский книжный магазин М.И. Стефанович и К°, 1921*).

Клевета на Царственных мучеников, начавшаяся при их жизни, продолжается и после их мученической смерти, уже пятьдесят лет, и чем дальше – тем сильнее. Эта отвратительная кипучая деятельность врагов российско-

¹ Вероятно, ошибка памяти. Речь идет о генерале Моисееве Александре Ивановиче.

го народа вызвана их страхом перед грядущим и, верим мы, неизбежным возрождением национальной России. Она применяется как превентивное средство против этого возрождения. Разношерстные ненавистники христианнейшего правителя – Русского Православного Царя, Православного Русского Царства и российского народа в его целом – не могут ограничиться только убийством Царской семьи, разрушением Православного Царства и геноцидом русского народа. Чтобы оправдать свою гнусную кровавую деятельность, они стараются очернить все три элемента, из которых состояло Русское Государство до их прихода к власти, и создать ложное представление о них как в толще самого русского народа, так и в общественном мнении всего мира. Это логическая последовательность всей их деятельности с самого начала ее возникновения. Самыми разнообразными, широко применяемыми ими средствами искажают они истину, не останавливаясь даже перед созданием всевозможных заведомых фальшивок.

В вольном или невольном союзе с ними, по обе стороны железного занавеса, работали и продолжают работать многочисленные отечественные мемуаристы и сочинители всевозможных «исторических» трудов. В своей бессовестной работе большинство этих авторов руководствуется возможностью легким трудом заработать деньги. Некоторых из них обуревают горечь, вызванная крушением их политической или служебной карьеры, их воцелений, их жизненного благополучия, происшедшим главным образом по их же собственной вине. Творческая деятельность третьих подогревается как возможностью заработка, так и горечью их чувств. Все эти писания наглядно свидетельствуют об атрофии у их авторов национального чувства и являются той водой, которая непрерывной струей льется на колесо мельницы русофобской пропаганды. И ныне, чуть ли не ежедневно, на страницах иностранной прессы, равно как и на страницах прессы, печатаемой на русском языке, но издаваемой не русскими людьми, появляются статьи, содержащие самую бессовестную клевету, стремящуюся исказить до неузнаваемости подлинный образ тех трех элементов: Веры, Царя и Отечества, из совокупности которых состояло Русское Государство.

Уже в самом начале появления в печати клеветы на Царственных мучеников с возмущением и глубоким негодованием отзывается о ней благородный и мужественный чужестранец-швейцарец Пьер Жильяр, который в течение почти полных тринадцати лет находился в непосредственной близости к умученной Царской семье и был одним из наиболее близких к ней людей.

В сентябре 1905 года Пьер Жильяр принял на себя обязанности преподавателя французского языка мучениц – Великих княжен, а 2 октября 1912 года он был назначен, кроме того, воспитателем мученика Великого

князя и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Пьер Жильяр добровольно разделит заключение Царственных мучеников, пребывая в нем с 21 марта 1917 года по 23 мая 1918 года, когда, за пятьдесят пять дней до мученической кончины Царской семьи, по распоряжению советских диктаторов, несмотря на свои просьбы и протесты, он был насильственно грубо отстранен от нее. В течение этих тринадцати лет П. Жильяр жил, что называется, под одной крышей с Царской семьей в Царском Селе, в Ливадии, в Ставке, в местах ее заключения и участвовал в ее поездках по России и фронту, неотлучно сопровождая мученика-Царевича. Пребывание Пьера Жильяра в непосредственной близости к Царской семье давало ему возможность наблюдать жизнь этой святой семьи не только в официальной или в повседневной интимной обстановке, но и в обстановке мрачного, полного издевательств и ужасов заключения. Будучи человеком хорошо образованным и наблюдательным, П. Жильяр досконально изучил характеры как самого Государя-мученика, так и каждого из членов его семьи. Особенно способствовали этому беседы Жильяра с Царственными мучениками, которые велись запросто, затрагивали самые разнообразные темы, в которых выявлялись самые сокровенные духовные устремления, взгляды на совершающиеся политические события, чаяния и убеждения.

Не будучи связанным с какими-либо придворными кругами, политическими партиями или общественными группировками, преследовавшими свои узкие, эгоцентрические цели, Жильяр был свободен от всяких навязчивых идей, выращенных на почве личного самолюбия, личного благополучия или личной материальной выгоды. Будучи же человеком безупречно честным, П. Жильяр в своих суждениях о людях и событиях руководствовался исключительно своей совестью и старался быть в них беспристрастным.

В своей книге «Трагическая судьба Николая II и его семьи», первое издание которой вышло в свет в июле 1921 года¹, Жильяр пишет, что в течение своего трехлетнего пребывания в Сибири он был совершенно изолирован от остального мира и не имел никакого представления о тех трудах об Императоре Николае II, которые в течение этого времени были напечатаны в Европе. Вернувшись в Европу в сентябре 1920 года, Жильяр поспешил ознакомиться с содержанием этих трудов. Вот доподлинное

¹ Жильяр П. Трагическая судьба Императорской Фамилии: воспоминания бывшего воспитателя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Пьера Жильяра (пер. с фр.). Ревель, 1921. В том же году вышло единственное полное разрешенное авторское русское издание с другим названием: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921.

заключение о них Жильяра: «В то время как в некоторых из них сведения, касающиеся Императорской Фамилии, очень часто были ошибочны и неполны, большинство остальных представляло собою сплетение бессмыслицы и лжи – ту подлую литературу, которая пользовалась самой гнусной клеветой. Достаточно, для того чтобы удостовериться в ценности этих писаний, указать на тот случай, когда в одной из этих книг, все содержание которой основано на показаниях одного “очевидца” екатеринбургской драмы, “точность” которых заверена, можно прочесть описание моей смерти. Коль скоро я ознакомился с содержанием некоторых из них, я был возмущен; я возмущился еще больше, убедившись, к моему удивлению, что они нашли одобрение широкой публики. Возникла насущная необходимость реабилитации нравственного облика русской Царской Четы; исполнение этого требовало **чувство справедливости и порядочности** (Выделено мной. — Н. О.)»¹.

Цель настоящего очерка, посвященного светлой памяти Царя-мученика Николая Александровича, выявить Его подлинный облик как человека, христианина и правителя, на основании подлинных исторических фактов, событий и мнений людей справедливых и порядочных, лично близко знавших его.

Часть первая

Царь-мученик Николай Александрович как человек

28 октября 1866 года Наследник Цесаревич и Великий князь Александр Александрович вступил в брак с принцессой Софией Фредерикой Дагмарой – дочерью Датского Короля Христиана IX и Королевы Луизы. Перед этим принцесса Дагмара была присоединена к Православию с наречением Марией и стала именоваться Великой княгиней Марией Феодоровной.

Их первый сын, Великий князь Александр Александрович, родившийся в 1867 году, умер в младенчестве, вскоре после своего рождения².

Их второй сын, Великий князь Николай Александрович, будущий Император Всероссийский Николай II, родился 6/19 мая 1868 года, после

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Предисловие автора.

² Ошибка памяти. Первым сыном был Николай Александрович, а Александр Александрович был вторым сыном Императора Александра III: он родился в мае 1869 г. и, не дожив до годовалого возраста, скончался от менингита в апреле 1870 г.

смерти своего старшего брата. День его рождения совпал с днем памяти святого Иова Многострадального, что было, как он это всегда предчувствовал, как бы предзнаменованием его многострадальной жизни и мученической смерти.

С первого дня своего рождения, согласно «Закону о Престолонаследии», Великий князь Николай Александрович стал преемником Императоров Российских; поэтому на воспитание и образование будущего монарха его Августейшими Родителями было обращено особое внимание.

Первоначальной учительницей Великого князя Николая Александровича была его пестунья Сургучева, жившая во дворце вместе со своим сыном – сверстником и товарищем детских забав будущего Императора.

В 1877 году руководителем учебных занятий был назначен генерал-адъютант Г.Г. Данилович – человек большого ума и большой эрудиции. Генерал-адъютант Данилович, согласуясь с указаниями Августейшего Родителя Великого князя и Наследника Цесаревича Александра Александровича, тщательно разработал и составил программу учебных занятий. В программу эту входил восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний – высших наук. Общеобразовательный курс был составлен по программе учебных занятий для восьмиклассных классических гимназий с изменениями: вместо преподавания классических языков (латинского и древнегреческого) было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии; курс политической истории, русской литературы и иностранных языков был значительно расширен. Курс высшего образования включал следующие науки: политическую экономию, право и военное дело (военно-юридическое право, стратегию, военную географию, службы Генерального штаба). Выбор преподавателей был сделан тщательный; в его состав вошли корифеи науки – профессора высших учебных заведений Российской Империи, такие, как К.П. Победоносцев, выдающийся юрист и автор замечательного трехтомного труда о русском праве, блестящий оратор и глубоко верующий человек; Н.Х. Бунге, М.Н. Капустин, Е.Е. Замысловский и выдающиеся авторитеты военной науки, такие, как профессор Академии Генерального штаба генерал-адъютант М.И. Драгомиров, любимец Императора Александра III – генерал-адъютант трех Императоров, Начальник объединенных штабов Российской Империи (Генерального и Главного); автор военно-научных трудов Николай Николаевич Обручев; генералы Г.А. Леер и П.Л. Лобко. Тактику преподавал генерал-майор Гудим-Левкович. Английский язык – англичанин Карл Иосифович Хисс. Строевой службе, ружейным приемам и воинским уставам обучал Великого князя полковник Лейб-гвардии Преображенского полка Дрентельн. Наследник и Великий князь Николай

Александрович был прекрасным наездником, отличным стрелком и увлекался тогда еще всюду малоразвитым спортом, достигнув большого совершенства в игре в теннис, в управлении парусной яхтой, в конькобежном и гребном спорте.

1 марта 1881 года было совершено седьмое по счету злодейское покушение на жизнь Царя-Освободителя Александра II, в результате которого он был убит; на престол вступил Царь-Миротворец Александр III, и Великий князь Николай Александрович, которому тогда было 12 лет, стал Наследником престола.

Мой двоюродный дед, генерал-адъютант Н.Н. Обручев, всегда с восторгом отзывался об уме и прекрасных душевных качествах своего ученика и неоднократно рассказывал о способности Наследника Цесаревича быстро схватывать суть излагаемого предмета и о его феноменальной памяти. Преподаватель английского языка говорил о своем ученике: «Он был очень любознателен и прилежен, вызывая даже добродушные насмешки других, и чрезвычайно увлекался чтением, проводя большую часть свободного времени за книгой. Любил также, чтобы ему читали, и сам отлично читал вслух». По окончании курса наук Наследник Цесаревич сохранил к ним интерес на всю жизнь и продолжал совершенствовать свои знания путем чтения и бесед с компетентными и выдающимися людьми своего времени и поражал их своими обширными познаниями в различных областях. «Обладая основательными знаниями, – сообщает Н.Д. Тальберг¹, – Государь всю жизнь пополнял их, поражая своею осведомленностью тех, кто имел с ним дело. Вспоминаю то впечатление, которое он произвел на министра путей сообщения Клавдия Семеновича Немешаева. Последний управлял долгое время обширной и образцовой Юго-Западной железной дорогой, был большим знатоком своего дела. Он рассказывал мне, как поражен был знаниями Государя в этой области. Приходилось слышать то же от других лиц». В.И. Мамантов, главноуправляющий канцелярией по принятию прошений на Высочайшее Имя приносимых, который занимал эту должность очень долго и по роду своей службы был очень близок к Государю, пишет: «Впоследствии, когда мне пришлось часто докладывать Государю, я убедился, что Его Величество удивительно быстро схватывал сущность того, что повергалось на его усмотрение и что, казалось бы, требовало подробных объяснений. Память у Государя была поразительная: мало-мальски выдающееся дело, ему доложенное, он помнил в течение очень долгого времени в мельчайших подробностях»².

¹ Тальберг Н.Д. Светлой памяти возлюбленного Государя. Гл. 1 // Отечественная быль: юбилейный сборник. Джорданвилль, 1960. С. 258–320.

² Там же.

«Государь Император Николай Александрович был самым интеллигентным и образованным человеком, какого я когда-либо встречал в своей жизни», – свидетельствует лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, погибший мученической смертью вместе с Царской семьей и который очень хорошо и близко знал Царя-мученика, пребывая с ним в ежедневном общении, в обстановке интимной жизни Царской семьи, в течение 13 лет.

Историк Царствования Императора Николая II Ольденбург пишет: «Император Николай II обладал живым умом, быстро схватывающим существо докладываемых ему вопросов – все, кто имел с ним деловое общение, в один голос об этом свидетельствуют. У него была исключительная память, в частности на лица»¹.

К этому остается добавить, что Император Николай Александрович в совершенстве владел немецким и особенно французским и английским языками; его английский выговор приводил в удивление и в восхищение англичан и мог ввести в заблуждение оксфордского профессора, который неминуемо принял бы его за настоящего англичанина.

Если образование Наследника Цесаревича Николая Александровича было превосходным, то воспитание его под непосредственным руководством его Августейших Родителей, нравственность и душевные качества которых находились на самом высоком уровне, не оставляло желать ничего лучшего.

От них Наследник Цесаревич унаследовал ничем непоколебимую веру в Бога, глубокое благочестие, преданность и покровительство Святой Православной Церкви, осознание своего священного долга монарха как главного правителя и первого слуги Богом вверенного его попечению народа российского, что стало традицией Российских самодержавных монархов, которая так резко выделяла их из среды других правителей, которые только правили народом, но никогда ему не служили. Эта традиция, передававшаяся от прадедов к правнукам, нашла в лице Царя-мученика самого выдающегося последователя. Царь-мученик глубоко верил, что только неуклонное исполнение своего долга делало жизнь человека осмысленной и полезной. Это чувство в его душе доминировало над всем остальным, стояло у него на первом месте и было для него важнее его собственной жизни. Его кажущаяся некоторым слабость исходила не от того, что у него не было силы воли, но от его человеколюбия, от врожденного у него уважения к мнению других и как следствие этого от нежелания кого-либо обидеть. Воспитанные, интеллигентные и умные люди, как правило, никогда не бывают грубыми и высокомерными. Однако полное

¹ *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград: О-во распространения рус. нац. и патриот. лит., 1939. Гл. 2.

отсутствие у Царя-мученика высокомерия и грубости отрицательно воспринималось многими его современниками и сотрудниками.

Царь-Миротворец воспитывал своих детей в строгости и в спартанской простоте. Спали они на простых деревянных кроватях, на твердых матрасах и подушках. Пища их была без излишества и состояла из самых простых блюд: черный хлеб, разных сортов каши и вареные яйца составляли обычное меню их завтраков. Во время обеда, общего с их Августейшими Родителями, им подавали блюдо после того, как был обслужен последний из гостей. В тот момент, когда вставал от стола отец, вставали и дети. От них требовалось строгое исполнение их обязанностей и точное соблюдение распорядка дня и расписания занятий. Вставали они в 7 часов утра ежедневно, после чего шли под холодный душ. Отличительные качества доброй души Царя-мученика: простота, скромность, смирение и человеколюбие – были превратно поняты и приняты за слабость характера не только многими иностранцами, но и многими из его подданных. На самом же деле благодаря этим душевным качествам в нем была воплощена огромная нравственная сила, которой он руководствовался как в управлении страной, так и в своей личной жизни до последнего своего вздоха.

Французский президент Феликс Фор считал Государя Николая II самым воспитанным человеком, какого он когда-либо встречал. Ему вторит граф С.Ю. Витте, который в одном месте своих, кстати сказать, весьма противоречивых, начиненных ложью и скверными анекдотами воспоминаний в точности повторяет мнение президента Ф. Фор; в другом же месте он пишет: «Его Величество – человек весьма деликатный, и эта черта деликатности и крайней воспитанности проявлялась в нем особенно в молодости»¹.

Кроме воспитания и обучения своего сына, Император Александр III, с той же тщательностью и систематичностью, подготовлял его к принятию тяжелой и ответственной обязанности будущего монарха огромной Российской Империи. Путем бесед и поучений он систематически посвящает Наследника престола в суть проводимой им внутренней и внешней политики, знакомит его со своими планами государственных преобразований в связи с насущными потребностями страны. Иначе говоря, Наследник престола с юных лет получает профессиональное образование будущего правителя. В основу этого образования кладется программа государственного строительства России, вырабатывавшаяся русскими монархами на протяжении веков и передававшаяся прадедами своим правнукам для последовательного исполнения ее предначертаний, направленных

¹ *Витте С.Ю., граф.* Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Т. 1. Гл. 8.

всегда в сторону общего благополучия всего населения России, а не отдельных групп, политических партий или сословий.

6/19 мая 1884 года Наследник Цесаревич, достигший 16-летнего возраста, совершеннолетия для Особ Императорской Фамилии, в торжественной обстановке, под штандартом Лейб-гвардии Атаманского полка, приносит присягу на верность Государю Императору Александру III и в его лице России, присягу, которой он останется верен всю свою жизнь – до последнего своего вздоха. С этого момента Наследник Цесаревич зачисляется на действительную военную службу.

23 июня 1887 года Наследник Цесаревич приступает к строевой службе и назначается на должность младшего офицера Государевой роты Лейб-гвардии Преображенского полка, а 17 июня 1888 года назначается ее командиром. В 1890 году он служит в Лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку – сперва младшим офицером, а потом командиром эскадрона Его Величества. В 1891–1892 годах Наследник служит в артиллерии, где сперва он командует взводом в Лейб-гвардии 1-й конной Его Величества батарее, а потом командует Лейб-гвардии 6-й пешей Его Величества батареей.

В декабре 1892 года, в возрасте 24 лет, Наследник Цесаревич производится в полковники и 1 января 1893 года принимает 1-й батальон Лейб-гвардии Преображенского полка, которым и командует до своего вступления на престол – 21 октября 1894 года, сохранив за собой звание командира батальона на всю жизнь, вследствие чего приказы по полку ежедневно посылаются Государю-мученику как командиру батальона, что дает ему возможность следить за ежедневной жизнью преображенцев. Назначаемые же на эту должность офицеры называются не командирами батальона, а командующими. Бывший камер-паж Генштаба генерал-майор Александр Александрович Зуров, в конце своей военной службы бывший командиром Лейб-гвардии Семеновского полка, после своего выхода в отставку в 1908 году бывший бессменным личным секретарем сестры Царицы-мученицы Александры Феодоровны – Великой княгини Елизаветы Феодоровны, зверски убитой большевиками 18 июля 1918 года в окрестностях Алапаевска, – бывал во дворцах и лично знал членов Императорской Фамилии и Императорской Семьи. Но особенно хорошо и близко он знал Государя-мученика, который во время своей службы в Лейб-гвардии Преображенском полку сперва был его однополчанином, а потом и непосредственным прямым начальником, как командир 1-го батальона, в котором Зуров в это время командовал ротой. Генерал А. А. Зуров, которого я очень хорошо и близко знал, подолгу жил с ним под одной крышей и последние 20 лет его жизни находился с ним в постоянном общении, дарил меня

своей дружкой и доверием. В наших беседах он постоянно возвращался к темам, касавшимся жизни Царственных мучеников, неоднократно рассказывал мне о той простоте отношения к окружающим людям, которая была самой характерной чертой Наследника Цесаревича и в бытность его Самодержцем Всероссийским, о том, что он одевался всегда очень просто, то есть строго по форме, без всякого намека на франтовство. «Наследник Цесаревич, – рассказывал генерал Зуров, – всегда аккуратно приходил на занятия; он не числился только, но действительно служил и был образцовым офицером и командиром. Его отношение к своим однополчанам, офицерам и солдатам было всегда дружелюбным и доброжелательным. Он был подлинным отцом-командиром, заботившимся о своих подчиненных, как офицерах, так и солдатах, о солдатах же в особенности, так как он любил их всем своим русским сердцем; его влекла к ним их бесхитростная простота, что было основной чертой его собственного характера. Наследник Цесаревич не только интересовался их питанием и условиями их казарменной жизни, но и их домашними делами, жизнью и нуждами их семей и помогал их нужде».

Другой однополчанин Наследника Цесаревича по Лейб-гвардии Гусарскому Его Величества полку, Генштаба генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, свидетельствует, как по душе был Наследнику весь уклад полковой жизни и «тесная товарищеская среда, простые и вполне определенные взаимоотношения, дружественные вне службы и строго дисциплинированные во время несения службы. Но особенно привлекала его возможность ближе подойти к солдату, к простому человеку из толщи народной. Входя в жизнь и быт солдат вверенной ему роты или эскадрона, наблюдая и изучая солдатскую психологию, взаимоотношения офицеров и солдат, Наследник вынес из своего пребывания в войсковых частях не только глубокую, искреннюю любовь к военной среде, к армии, но совершенно определенные взгляды на духовную сторону жизни в казарме. Мечтой Наследника была возможность командовать полком. Он желал провести в жизнь свои взгляды на офицера и солдата, на их взаимоотношения, на отношение к службе и собственным примером увлечь офицеров на путь еще большего приближения к солдату» (*Тальберг Н.Д.* Отечественная быль. Джорданвилль, Нью-Йорк: Издание Свято-Троицкого монастыря, 1960).

Бывший преображенец, впоследствии киевский губернатор, А.Ф. Гирс в своей книге «На службе Императорской России», дополняя свидетельства генерала Зурова и Миллера, пишет: «Наследник Цесаревич обошел с командующим полком Великим князем Константином Константиновичем и полковником Огаревым (от которого Наследник Цесаревич принимал в командование 1-й батальон Лейб-гвардии Преображенского полка)

(Примечание мое. – Н. О.) все ротные и батальонные помещения, посетил кухню, пробовал пищу, знакомился с состоянием денежных сумм и батальонного имущества и по окончании занятий в ротах прошел в офицерское собрание, где перед общим завтраком ему были представлены все офицеры. С этого дня Наследник почти ежедневно приезжал в батальон во время утренних занятий, наблюдал за их ходом, вел подробные беседы с ротными командирами и младшими офицерами по вопросам, касающимся службы, в перерыве разговаривал с солдатами и скоро начал поражать знанием всех фамилий унтер-офицеров своего батальона и губерний, из которых они вышли. С самого начала Наследник обратил внимание на занятия с солдатами грамотностью, стараясь внушить им, что звание солдата высоко и почетно, как то значилось в раздававшейся им памятке. Присутствуя при обучении нижних чинов фехтованию, Наследник любил взять ружье и с небольшого разбега проткнуть штыком чучело, а при стрельбе дробинками пострелять в цель с солдатами. В этом сказывалось его влечение к спорту, в те далекие времена еще крайне примитивному. Наследник исполнял все сопряженные с его должностью обязанности и наряду с другими батальонными командирами назначался дежурным по караулам. К этой службе он относился с особым вниманием, увлекая других своим примером. В исполнение инструкции Санкт-Петербургского коменданта, невзирая ни на какую непогоду или зимнюю стужу, он поздно вечером объезжал караулы и для обхода постов вызывал разводящего¹.

В октябре 1891 года Наследник Цесаревич в сопровождении своего брата Великого князя Георгия Александровича (старшего после него сына Императора Александра III, умершего от туберкулеза летом 1899 года в возрасте 27 лет), начал свое большое заграничное путешествие приездом в Грецию, где к ним присоединился и Наследник Греческого престола Георгий. Отсюда на броненосце «Память Азова», через Суэцкий канал, Наследник Цесаревич совершил свое путешествие на Восток, посетив по пути Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Сиам, Сайгон, Гонконг и Японию, где он побывал в Нагасаки, Киото и Тсу. Здесь на Наследника Цесаревича было произведено японским самураем покушение, являвшееся отражением того враждебного отношения к России, которое царило тогда в Японии и которое поддерживалось правительственными кругами Англии и других держав и должно было неминуемо привести к Русско-японской войне. Это покушение не окончилось убийством Наследника исключительно благодаря быстрому вмешательству Наследника Греческого Георг-

¹ Также цитируется в очерке Н.Д. Тальберга об Императоре Николае II «Светлой памяти возлюбленного Государя». Гл. 4.

гия, который своей тростью ослабил удар сабли самурая, вследствие чего рана оказалась поверхностной, но шрам от нее сохранился на голове Наследника Николая Александровича на всю жизнь. В момент покушения, как и после него, Николай Александрович сохранил полное спокойствие¹. В мае 1892 года Наследник Цесаревич прибыл во Владивосток, где 19 мая старого стиля, после молебна, он заложил первый камень железнодорожного вокзала – конечной станции Великого Сибирского пути, соединившего Европейскую Россию с ее портом на берегу Тихого океана, постройка которого была закончена в царствование Императора Николая II. В Санкт-Петербург Наследник Цесаревич вернулся сухопутным путем. Это путешествие очень расширило умственный кругозор Наследника.

Наряду с военной службой Наследник Цесаревич практически знакомился с государственными делами, неизменно присутствуя на заседаниях Государственного Совета, в заседаниях Финансовой комиссии, председателем которой он состоял, принимал послов иностранных держав, усиленно занимался сбором средств, как председатель комиссии по оказанию помощи пострадавшим от неурожая, жертвуя на нее крупные суммы из своих собственных средств, и т.д.

В результате своего образования и воспитания по традициям, им усвоенным, Царь-мученик Николай Александрович был олицетворением того идеального русского человека, образ которого выдающийся русский писатель Иван Шмелев изобразил следующими словами: «Русский тот, кто никогда не забывает, что он русский. Кто знает родной язык, великий русский язык, данный великому народу. Кто знает свою историю, Русскую историю – великие ее страницы. Кто чтит родных героев. Кто знает родную литературу, русскую великую литературу, прославленную в мире. Кто неустанно помнит: ты – для России, только для России! Кто верит в Бога, кто верен Русской Православной Церкви: она соединяет нас с Россией, с нашим славным прошлым. Она ведет нас в будущее; она – водитель наш, извечный и верный».

Сын учительницы Царских детей И. Сургучев в своей книге «Детство Императора Николая II» (Париж, 1953), росший и воспитывавшийся со своими Царственными сверстниками – будущим Императором Николаем Александровичем и его братом Великим князем Георгием Александровичем, рассказывает о том, как Великий князь Николай Александрович

¹ По словам чиновника Министерства внутренних дел князя Э.Э. Ухтомского, бывшего в числе сопровождавших Наследника в путешествии, первыми словами Цесаревича после покушения были: «Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может как-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие».

вич, будучи отроком, уже тогда обнаруживал самостоятельность своих суждений и, несмотря на дворцовый этикет, был в сердечных и простых отношениях с детьми дворцовой прислуги. В книге 5-й журнала «Русская летопись» (Париж, 1923) флигель-адъютант А.А. Мордвинов передает случай, рассказанный ему учителем английского языка Великого князя Николая Александровича Хиссом: «Однажды, – рассказывает Карл Иосифович, – мы читали вместе с маленьким Николаем Александровичем один из эпизодов английской истории, где описывается въезд короля, любившего простонародье и которому толпа восторженно кричала: “Да здравствует король народа”. Глаза у мальчика заблестали, он весь покраснел от волнения и воскликнул: “Ах, вот я хотел бы быть таким...” Это интимное желание быть любимым “многими”, “всеми”, по преимуществу простыми людьми и притом только русскими, хотя и было запрытано у Николая Александровича глубоко, все же чувствовалось во многих случаях и впоследствии, когда он достиг зрелого возраста и стал Императором. Его простую, незлобивую, непритязательную, глубоко верующую, застенчивую натуру тянуло более к бесхитростным людям, с душою простого человека. Во внутреннем мире крестьянства, составлявшем три четверти его подданных, Государь, видимо, искал все те черты, которые были ему дороги и которые он так редко встречал в окружавшей его среде. Это любовное чувство к простому народу мне приходилось неоднократно наблюдать во время многочисленных разговоров Государя с крестьянами. Оно всегда проявлялось в особой, легкоуловимой, задушевной интонации его голоса, в чутком выборе задаваемых вопросов, в высказывавшихся затем по окончании разговора впечатлениях – неизменно доверчивых, добродушно ласкательных и заботливых»¹.

Привожу выдержку из письма Государя, написанного в декабре 1905 года своей матери Императрице Марии Феодоровне, находившейся в это время в Дании, которая особенно ярко иллюстрирует его душевную простоту и Его чувства, которые были вызваны в нем разговорами с солдатами во время смотра 1-го армейского корпуса, вернувшегося с войны: «Такая радость была видеть этих славных людей, которые с таким самоотвержением послужили в страшной и трудной войне. Старый Мейендорф, их командир, бегал около них и расспрашивал о тех боях, в которых он был с ними; а я рядом говорил с другими, на это он не обращал никакого внимания. Было очень забавно»².

¹ Мордвинов А.А. Отрывки из воспоминаний // Русская летопись. Париж : Рус. очаг, 1923. Кн. 5. С. 65–177.

² См. в: Тальберг Н.Д. Светлой памяти возлюбленного Государя. Гл. 4 // Отечественная быль: юбилейный сборник. Джорданвилль, 1960. С. 258–320.

Бывший киевский губернатор Александр Федорович Гирс в своей книге «На службе Императорской России» в следующих словах передает рассказанное ему полтавским губернатором графом Н.Л. Муравьевым описание представления Государю, во время полтавских торжеств в 1909 году, крестьянских делегаций, на этих торжествах присутствовавших: «По его свидетельству, самым замечательным в Полтаве днем было 26 июня – канун празднования Полтавской победы. По распоряжению Столыпина в Полтаву было вызвано из сел более 2000 крестьян, которые расположились в поле лагерем. Об этом лагере Столыпин доложил Государю, выразившему желание в 4 часа, до всенощной, его посетить. Крестьяне были расположены по уездам кольцом, в которое вошел Государь, и началось представление. Оно имело сначала характер официальный, но по мере продвижения Государя оно стало обращаться в оживленную беседу. Лицо Государя просветлело, его собеседники заговорили свободно. Перед Царем развернулась вся картина крестьянской жизни, их забот и обычаев. Столыпин со своей стороны задавал крестьянам вопросы, вызывая их высказаться по занимавшему Государя и его вопросу о разверстании надворной чересполосицы и хуторскому расселению. Ответы крестьян были метки и веселы; смеялся Государь и все присутствовавшие»¹.

Тысячи и тысячи случаев свидетельствовали о доброте Государя и о его неустанной заботе о своих подданных.

Государь Николай Александрович был среднего роста (5 фут. и 7 дм)². Его стройная фигура пропорциональностью своего сложения была безукоризненной, блистала исключительной элегантностью своего врожденного изящества, которое в соединении с военной выправкой, спортивным совершенством, мягкой плавностью движений Государя являла собой внешний облик его Царственного величия и Царственной простоты. Государь был прекрасным наездником; его посадка на лошади отличалась необыкновенным кавалерийским изяществом. Вид Царственного всадника, слитого воедино с лошадей, являл образ совершенной красоты.

Волосы Государя были золотисто-рыжевато-голубого цвета; несколько темнее была Его всегда тщательно подстриженная холеная борода. Украшением его красивого продолговатого лица, на котором часто светила очаровательная улыбка, были его голубые глаза. Всех, кто имел счастье когда-либо видеть Государя, поражала бездонная глубина этих чудных глаз, в которых, как в зеркале, отражалась его прекрасная душа. Его внешняя наружность была достойным обрамлением его светлой души. Все это, в совокупности с приятным мягким голосом, в самом начале беседы с Госу-

¹ Там же. Гл. 1.

² 5 футов и 7 дюймов – около 170 см.

даром создавало у его собеседника впечатление, что перед ним находится очень дружелюбный человек.

В апреле 1894 года Наследник Цесаревич Николай Александрович отбыл из Петербурга в Кобург на свадьбу принца Гессенского Эрнеста. По прибытии в Кобург он был встречен на вокзале сестрой принца Алисой Викторией Еленой Луизой Беатрисой – будущей Императрицей Александрой Феодоровной. Обоюдная симпатия, возникшая между ними во время их многократных встреч за границей и в России, бывшая ранее, перешла у них с течением времени в то глубокое, чистое, святое чувство взаимной и преданной любви, которое было украшением их примерной супружеской и семейной жизни и никогда и ничем не нарушалось вплоть до их мученической смерти. Здесь, в Кобурге, Наследник Цесаревич сделал принцессе Алисе официальное предложение о вступлении с ним в брак, которое принцессой было принято.

Из Кобурга Наследник Русского престола вернулся в Петербург официальным женихом. Вскоре после этого у Императора Александра III появились признаки той роковой болезни, которая свела его в могилу. В связи с этим Царская семья по предписанию врачей переехала на жительство в Ливадию, куда за десять дней до смерти Императора Александра III прибыла невеста его сына. Находясь в безнадежном состоянии, сильно ослабленный болезнью, несмотря на протесты врачей и семьи, желая оказать внимание невесте своего сына, Император Александр III, встав с кровати, встретил принцессу сидя в кресле, одетый в полную парадную форму и тут же благословил коленопреклоненных у его ног жениха и невесту.

20 октября 1894 года Император Александр III в Бозе почил. На следующий день на трон вступил Император Николай II.

14 ноября 1894 года – в день рождения вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны – в атмосфере грусти и в скромной обстановке, в присутствии лишь ближайших членов семьи митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский совершил в церкви Зимнего дворца Таинство Венчания Императора Николая Александровича и принцессы Алисы, принявшей перед этим Святое Православие.

Ввиду траура Коронация Государя Николая II была отложена на 1896 год. О своем намерении короноваться Государь объявил следующими словами своего Манифеста:

«Божиею Милостью, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным: При помощи Божией, вознамерились Мы, в Мае месяце сего года, в Первопрестольном граде Мо-

скве, по примеру Благочестивых Государей Предков наших, возложить на Себя Корону и воспрять, по установленному чину, Святое Миропомазание, приобщив к сему и Любезную Супругу Нашу Государыню Императрицу Александру Феодоровну.

Призываем всех верных наших подданных в предстоящий торжественный день Коронования разделить нашу радость и вместе с нами вознести горячую молитву Подателю всех благ, да излиет на нас дары Духа Своего Святого, да укрепит Он Державу нашу и да направит Он нас по стопам Незабвенного Родителя нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для нас навсегда светлым примером.

Дан в Санкт-Петербурге, в 1-й день Января в лето от Рождества Христова Тысяча Восемьсот Девяносто Шестое, Царствования же нашего во второе».

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ».

6 мая 1896 года юная Царская Чета прибыла в Москву на Брестский вокзал, откуда направилась в Петровский дворец. По всему пути ее следования, несмотря на дождь, густые массы народа радостно ее приветствовали.

В Петровском дворце Их Величества, пребывая в полном уединении, говели и причащались Святых Таинств. 9 мая состоялся торжественный въезд Их Величеств в Москву. По дороге в Кремль Царский кортеж остановился у Иверской часовни, где Их Величества приложились к чудотворной иконе Иверской Божией Матери.

На коронационные торжества со всех концов мира прибыли в Москву многочисленные иностранные посольства. Среди возглавителей этих посольств находились: одна королева, три великих герцога, два владетельных князя, двенадцать наследных принцев и шестнадцать принцев и принцесс. 14 мая совершилось Священное Коронование Их Величеств и Миропомазание. После Святого Миропомазания Государь входит в алтарь, где перед Святой Трапезой он приобщается Святых Таин по «чину Царскому», как священнослужители, то есть особо Тела и особо Крови Христовой. Государыня приобщается у Царских Врат, обычным порядком. После окончания службы Божией в Успенском соборе, где происходило Святое Коронование, Их Величества в сопровождении вдовствующей Императрицы-Матери направились в Архангельский и Благовещенский соборы, где приложились к мощам святых угодников. Вслед за тем Их Величества, увенчанные коронами, взойшли на Красное Крыльцо и троекратным поясным поклоном приветствовали заполнивший всю площадь народ. Привет Царственной Четы был встречен народом громовым восторженным «ура» и несмолкаемым пением национального гимна.

Венчание Их Величеств было омрачено смертью отца Государя, Венчание Государя на Царство было омрачено катастрофой на Ходынском поле, происшедшей по недосмотру и нерадению московской администрации. В коронационных торжествах, кроме миллионного населения Москвы, приняли участие и сотни тысяч крестьян, пришедших в Москву из ближних и дальних ее окрестностей. На Ходынском поле было приготовлено для этой массы людей угощение и раздача царских подарков-сувениров и сладостей. Администрация не учла многолюдности толпы и недисциплинированности народа. В происшедшей давке было задавлено несколько сот человек, и больше тысячи людей потерпело повреждения. Когда об этом доложили Государю, он был потрясен до глубины души, по лицу его потекли слезы, и все последующие дни выражение глубокой печали лежало на его прекрасном лице. Царственная Чета поспешила в госпитали Москвы, где навещала пострадавших. Государь отдал распоряжение, чтобы похороны жертв ходынской катастрофы были совершены за его собственный счет; каждый покойник должен был быть похоронен в отдельной могиле. Независимо от этого каждой пострадавшей семье было выдано из собственных средств Государя вознаграждение в одну тысячу рублей.

Первые 10 лет супружества Царской Четы были самыми счастливыми годами в их личной семейной жизни. В ноябре 1895 года родился их первый ребенок – Великая княжна Ольга Николаевна, в июне 1897 года – Татиана Николаевна, в 1899 году в мае – Мария Николаевна, в июне 1901 года – Анастасия Николаевна. 30 июля 1904 года, к великой радости родителей, у них рождается первый ребенок мужского пола, долгожданный Наследник Цесаревич и Великий князь Алексей Николаевич. В это время Россия находилась в войне с Японией, и Государь спешит поделиться своей радостью с Дальневосточной армией, которая вся – в полном своем составе, представленная крестным отцом родившегося Наследника – Великим князем Алексеем Александровичем, – становится его воспитательницей. Рождение Наследника, как и перед тем Коронация Государя Николая Александровича, сопровождается его Манифестом, предоставляющим всему населению России широкие общие льготы.

Но злой рок продолжает беспощадно преследовать Русскую Царскую Чету; великая радость родителей, вызванная рождением Царевича Алексея, вскоре омрачается великой печалью, которая превращается в ту тяжелую душевную драму, которую они будут таить в глубинах своих душ скрытой от постороннего взгляда, но постоянно ими самими переживаемой – вплоть до конца их земной жизни.

Через несколько дней после своего рождения у Наследника делается кровотечение; все попытки врачей остановить его остаются тщетными;

через некоторое время оно само по себе прекращается. Когда же ребенок подрастает настолько, что начинает самостоятельно ползать, у него на теле в результате даже только лишь резкого прикосновения к твердым предметам появляются синяки – признак внутреннего кровоизлияния, сопровождающегося опухолью суставов, высокой температурой и мучительными болями. Врачи определяют, что Наследник болен гемофилией – болезнью, при которой самое незначительное повреждение кожного покрова, даже в виде незначительной царапины, сопровождается сильным кровотечением, могущим вызвать смерть. Болезнь эта передается по наследству исключительно особами женского пола и исключительно детям мужского пола. Передатчицей этой болезни оказалась Государыня-мученица Александра Феодоровна, унаследовавшая эту биологическую особенность своего организма от своей бабушки и воспитательницы – Английской Королевы Виктории, младший сын которой принц Леопольд оказался гемофиликом, к удивлению его ничего не подозревавшей матери. Две из ее пяти дочерей оказались передатчицами этой болезни, равно как в следующем поколении передатчицами оказались две ее внучки – Императрица Российская и Королева Испанская. Для исследования болезни Наследника и ее лечения Царская Супружеская Чета приглашает целый ряд светил медицины – своих и зарубежных; врачи подтверждают диагноз, но остаются совершенно беспомощными во время припадков болезни (никаких средств и лекарств для лечения болезни как не было тогда, нет и теперь). С этого времени Царственные родители погружаются в пучину глубокого постоянного горя и пребывают в постоянной тревоге за жизнь их ребенка; к этим чувствам невольно примешивается чувство как бы своей виновности перед сыном в невольной передаче ему наследственного недуга. Особенно остро переживает это мученица-мать.

Горячая вера в Бога, в Его неисчерпаемую милость поддерживает в их страдающих душах надежду на совершение чуда исцеления их сына.

6 января 1905 года, в день праздника Богоявления, у проруби на Неве, вблизи Зимнего дворца, совершалось в Высочайшем Присутствии освящение воды. После церковной службы, во время орудийного салюта, по крышам павильона, в котором находился Государь, защелкали картечи, и в то же время послышался звон разбитых стекол в окнах дворца. Одна из картечей упала на пол в зале дворца вблизи стоявшей у окна Императрицы Александры Феодоровны. Оказалось, что одно из орудий Лейб-гвардии 1-й конной Его Величества батареи было заряжено неким вольноопределяющимся из студентов боевым зарядом. Государь не дрогнул.

Вообще неустрашимость и невозмутимое спокойствие Царя-мученика были отличительными чертами его мужественного характера. К этому

случаю Государь отнесся очень снисходительно и к виновным были применены лишь дисциплинарные наказания. Командир батареи полковник Давыдов, с которым Государь вместе служил в той же батарее, отбывая ценз в артиллерии, был переведен на такую же должность в армейской артиллерии. В своих лживых, начиненных чванством и злобой мемуарах граф С.Ю. Витте следующим образом описывает этот случай: «6 января, во время традиционной процессии Крещения, когда Его Величество со всем духовенством и блестящей свитой вошел в беседку присутствовать на освящении воды митрополитом и когда после священного акта традиционно с Петропавловской крепости, находящейся против беседки, на другой стороне Невы, начали стрелять орудия, то оказалось, что одно из орудий было заряжено не холостым зарядом, а боевым, хотя и весьма устарелым, тем не менее, если бы этот снаряд попал в беседку, то он мог произвести большую катастрофу.

Из расследования потом оказалось, что это был простой промах, простая случайность, и Государь Император отнесся к лицам, допустившим этот промах, эту случайность, крайне милостиво, как вообще Государь всегда относится к военным, – к этому сословию Его Величество особенно милостив, особенно добр.

Тем не менее случай этот во многих слоях общества трактовался как покушение если не на Царскую жизнь, то на Царское спокойствие»¹.

Ко времени рождения Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в высшем петроградском обществе стала распространяться слава о сибирском неграмотном крестьянине Григории Ефимовиче Распутине как о благочестивом старце и чудесном целителе болезней. Особенно способствовало этому то обстоятельство, что Григорий Распутин сделался завсегдатаем дворцов Великих князей – братьев Николая Николаевича и Петра Николаевича, женатых на родных сестрах Великих княгинях Анастасии и Милице Николаевнах – дочерях Черногорского Короля Николы I.

Узнав о безнадежности болезни Наследника и о той душевной драме, которую в связи с этим мучительно переживали его родители, Великие княгини поспешили сообщить Государыне и Государю о чудодейственной целительной силе Распутина и стали горячо уговаривать их призвать Распутина для лечения их безнадежно больного сына. Считая своим долгом перед больным сыном использование всякой представлявшейся им возможности его лечения, Их Величества дали свое согласие, и 1 ноября 1905 года супруга Великого князя Петра Николаевича – Милица Николаевна лично привезла Распутина во дворец. Распутин был приведен к ложу

¹ Витте С.Ю., граф. Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Т. 1. Гл. 23.

больного Наследника, стал шептать молитвы; постепенно ребенок стал успокаиваться и через некоторое время заснул совершенно спокойным сном. У проснувшегося после долгого спокойного сна младенца на лице появился румянец, кровотечения не было обнаружено, и он стал постепенно поправляться.

О необъяснимой, сверхъестественной силе, которой обладал Распутин, имеются тысячи свидетельств. Его появление у ложа больного Наследника неизменно вызывало быстрое прекращение кровотечения, больной, как правило, засыпал, а когда он просыпался, всех окружавших его поражала та явная резкая перемена к лучшему в состоянии его здоровья, которая наступала после посещения его Распутиным: боли и жар прекращались, на изнеможенном бледно-желтом лице появлялся румянец жизни и наступало постепенное восстановление сил. Совершенно беспомощные в лечении болезни врачи только разводили в недоумении руками. Целительный дар Распутина – вероятно, гипнотизм – подтверждают все лица, близко соприкасавшиеся с Царской семьей, в том числе и врачи, под постоянным наблюдением которых находился Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Об этом утверждает в своих воспоминаниях, неоднократно присутствовавшая во время сеансов лечения Наследника Распутиным Великая княгиня Ольга Александровна, младшая из сестер Царя-мученика, лейб-медик доктор Е.С. Боткин, воспитатель Наследника Пьер Жильяр, постоянно жившая во дворце Анна Александровна Вырубова и множество других лиц. Оценка Распутина как целителя у разных лиц была разной: одни приписывали это его глубокой вере, другие объясняли тем, что он обладал способностью гипнотизировать, третьи считали его ловким шарлатаном; но все в один голос свидетельствовали о том, что с появлением Распутина у ложа больного Наследника припадок гемофилии, не поддававшийся лечению врачей, прекращался и в состоянии его здоровья наступал резкий поворот к лучшему.

В 1915 году, будучи в домовой церкви на Кировной улице в Петрограде, прихожанами которой были исключительно представители высшего петроградского общества, я был поражен, увидев среди молящихся крестьянина с длинными волосами, разделенными посередине головы прямым пробором, с длинной бородой, в высоких сапогах, в шароварах, в косоворотке с русскими вышивками на выпуск, перепоясанной домотканым узорчатым поясом. Когда наши взгляды встретились, я был поражен выражением глаз этого человека, которые, казалось мне, проникали во все тайники моей души, светились каким-то огнем, который сверлил меня насквозь. На мой вопрос: «Кто этот человек?» – я получил ответ, что это Распутин. Это была моя единственная мимолетная встреча с этим

таинственным сибиряком, впечатление от которой сохранилось у меня на всю жизнь.

Приглашение Распутина к больному сыну было частным делом его родителей. Последующие его появления у ложа больного оправдывались неизменно прекращением кровоизлияния и мучительных болей, от которых маленький Наследник престола невыносимо страдал, и происходило это, повторяю, при полном бессилии врачей, под постоянным наблюдением которых Наследник находился. Поэтому вполне естественным было чувство глубокой благодарности у добрых и благородных родителей к целителю их страдальца-сына, смерть которого можно было ожидать от каждого очередного припадка болезни. Неестественным, неблагородным и жестоким было поведение некоторых лиц, принадлежавших к высшему обществу и административным и политическим кругам, которые, узнав о близости неграмотного сибирского мужика к Царской семье, решили эксплуатировать его для своих личных, эгоистических, грязных целей. Распутина начали систематически развращать, его стали обхаживать, перед ним стали пресмыкаться. Первоначальная скромность сибирского неграмотного крестьянина, который сам себе не отдавал отчета в той необыкновенной таинственной силе, которая в нем таилась, стала исчезать. Окруженный роскошью и почетом заискивающих перед ним бар, неграмотный, но смекалистый, сибирский мужик не брезговал отношениями с ними и вытекающими из них удовольствиями и выгодами. К нему стали обращаться с просьбами, ходатайствовать о разных милостях и назначениях у высокопоставленных лиц. В конце концов усилиями этих лиц Распутин был перенесен от постели больного Наследника на политическую арену. Эти господа, забыв о самых элементарных правилах морали и собственном достоинстве, разделились на два враждующих лагеря: распутинцев и его противников. Распутин под натиском на него знатных просителей начал досаждать советами и просьбами Государю. За вмешательство не в свои дела Распутин по приказанию Государя был дважды выслан в свою деревню – Покровское. Но всякий раз, когда жизни Наследника угрожала смерть в связи с очередным приступом болезни, а врачи по-прежнему оставались бессильными, Распутин срочно вызывался для лечения больного мальчика.

Современная медицина широко пользуется гипнотизмом для лечения различных болезней и даже применяет его как анестезирующее средство при некоторых операциях. Сегодня имеется обширная литература по гемофилии, среди которой имеются научные труды крупных ученых-специалистов по гемофилии, которые утверждают, что под влиянием гипноза на нервную систему пациентов, больных гемофилией, у послед-

них происходит сужение кровеносных сосудов, вследствие чего кровоизлияние прекращается.

Каждое новое появление Распутина в столице неизменно сопровождалось возобновлением старых и появлением новых интриг. Из интимной переписки Государя Императора с Государыней Императрицей явствует, что когда Государыня сообщала Государю о советах или просьбах Распутина, Государь в своих ответных письмах неоднократно отвечал лаконической фразой решительного отказа: «Наш друг в этих делах ничего не понимает» или: «Наш друг дает весьма странные советы». Иногда, в очень редких случаях, эти советы или просьбы Распутина независимо от него совпадали с собственными пожеланиями Государя. Так эксплуатировалось аморальными и жестокосердными людьми – грубо и беззастенчиво – самое большое несчастье в жизни Царской семьи, а из Распутина создавалась в умах некомпетентных, несведущих людей какая-то фантастическая политическая величина, имевшая неограниченное влияние на весь ход государственных дел России. Клевета же делала свое дело, и в конце концов из Распутина был создан жупел, которым широко пользовались для своей пропаганды Государственная Дума, безответственные подрывные революционные элементы и Немецкий Генеральный штаб, имевший своих агентов и в России. Этот распутинский фантом был окончательно зафиксирован его убийством – ненужным, гнусным и отвратительным преступлением, совершенным 16 декабря 1916 года, и был, собственно говоря, первым толчком к дворцовому перевороту, немедленно превратившемуся, с падением единственного государственного авторитета, каким был Царь-мученик для всего населения России, в тот «жестокий и бессмысленный бунт», который постепенно захватывал народные массы России на том основании, что народ пришел к заключению, «что, раз баре Царя сбросили, теперь все можно». Эту фразу можно было слышать по всей России, и стала она лейтмотивом того отвратительного явления, обильно политого кровью лучших русских людей, которое Керенский и его соумышленники и сотрудники по уничтожению России называли «великим, бескровным Февралем».

Инициатором убийства Распутина был князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон, который года за 2–3 перед этим женился на родной племяннице Царя-мученика – княжне Ирине Александровне, дочери младшей сестры Государя Великой княгини Ксении Александровны и ее супруга Великого князя Александра Михайловича. Юсупов был одним из самых богатых и красивых людей России.

Внешний облик Юсупова состоял из контрастов: его женственной красоте и женственным манерам противоречило жестокое, холодное выра-

жение его больших голубых глаз, отражавших беззастенчивость и жестокость его души. До девятилетнего возраста он воспитывался девочкой, носил длинные волосы, и мать, обожавшая свою «дочь», наряжала его в неизменно розового цвета платьица. Окончательное воспитание и образование князь Юсупов получил в Англии – в Оксфордском университете, где он усвоил не только английские вкусы и привычки, но и английские взгляды на свою родину – Россию.

19 ноября 1916 года «обожатель» Государя, видный монархический деятель крайне правого фланга, если не ошибаюсь, в то время председатель «Союза Русского Народа»¹, член Государственной Думы Владимир Митрофанович Пуришкевич, в унисон со штурмовой речью своего партийного и личного врага – профессора П.Н. Милюкова, лидера партии конституционных демократов, обвинившего правительство и Государыню в глупости и в измене², – произнес тоже погромную речь, направленную против правительства³. На следующий день ему позвонил по телефону князь Юсупов, которого он до этого никогда не встречал, прося у него свидания. На следующий день – 21 ноября – князь Юсупов приехал к Пуришкевичу и предложил ему принять участие в задуманном им убийстве Распутина, на что Пуришкевич немедленно согласился. Уже перед этим Юсупов втянул в заговор Великого князя Дмитрия Павловича, которому в этом предприятии сопутствовал некий гвардейский поручик С. Пуришкевич же втянул в заговор непосредственно ему подчиненного врача его санитарного поезда доктора С.С. Лазаверта, с которым он был на «ты».

По заранее выработанному плану действий Распутин был приглашен под неблагоприятным предлогом свести его с одной дамой из высших сфер общества. Свидание было назначено в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в известном всему Петрограду роскошном дворце князя Юсупова на Мойке.

¹ «Союз русского народа» – крупнейшая патриотическая и монархическая организация, созданная в 1905 г. с центром в Санкт-Петербурге для борьбы с революцией под лозунгом «Православие. Самодержавие. Народность».

² 1 ноября 1916 г. Милюков на заседании IV Государственной Думы произнес обличительную речь, в которой он клеветнически обвинил Императрицу Александру Федоровну и премьер-министра России Бориса Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией. Приводя огульные обвинения в государственной измене, Милюков неоднократно вопрошал: «Что это, глупость или измена?». Это выступление косвенно ускорило Февральский переворот 1917 г. (Резанов А.С. Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова. Париж, 1924. С. 45–61).

³ В этой двухчасовой речи, ставшей знаменитой, Пуришкевич основывался на лживых слухах и сплетнях, не имевших под собой реальной почвы, бичевал правительство, царских министров, которых представил марионетками в руках главного «виновника» – Григория Распутина. В конце своей речи Пуришкевич призвал избавить Россию от «распутинцев больших и малых».

К заговору был привлечен и член конституционной демократической партии будущий министр Временного правительства масон Василий Алексеевич Маклаков, который благословил заговор, но от личного участия в убийстве Распутина уклонился. Было решено Распутина отравить, и заговорщики были снабжены доктором Лазавертом большой дозой цианистого калия. К приезду Распутина во дворец были приготовлены отравленное вино и отравленные пирожные. Распутин был привезен, и началось угощение. Распутин пил отравленное вино и закусывал его отравленными пирожными, яд на Распутина никакого действия не производил, и между ним и его отравителем продолжалась вялая, искусственно поддерживавшаяся находившимся в ожидании мгновенной смерти Распутина князем Юсуповым беседа. Прошло около получаса, никаких признаков отравления не было заметно, тогда недоумевающий Юсупов поднялся в свой кабинет, находившийся в верхнем помещении дворца, где находились все остальные скрытые от Распутина заговорщики. После короткого совещания было решено застрелить Распутина, и князь Юсупов, спрятав в карман револьвер, спустился вниз и, подведя Распутина к Распятию, сказал ему: «Григорий Ефимович, Вам пора замаливать Ваши грехи». Когда же Распутин стал перед художественно сделанным из слоновой кости изображением Распятого Христа, Юсупов выстрелил в него – в спину, в область сердца. Распутин упал, но следов крови не было. Через некоторое время Юсупов нагнулся, чтобы пощупать пульс «мертвого» Распутина, и в то же время Распутин, поднявшись на ноги, со словами: «Феликс, Феликс!» – схватил его за горло. С трудом вырвавшийся из рук Распутина, обезумевший от страха князь Юсупов бросился удирать наверх, к заговорщикам. Вбежав на верхнюю площадку, он обернулся и увидел, что Распутин шатающейся походкой направляется к выходным дверям. На дикий крик Юсупова: «Распутин удирает!», – в погоню за ним бросился Пуришкевич. Последняя сцена разыгралась уже снаружи, во дворе дворца, где Пуришкевич открыл по Распутину стрельбу, из четырех выстрелов два попали в Распутина: одна пуля – в спину, другая – в голову; Распутин упал у выходных ворот.

К лежащему Распутину подбежал с двухфунтовой каучуковой гирей князь Юсупов и стал бить его этим гимнастическим прибором по голове и в висок. С трудом удалось присутствующим оттянуть от бездыханного тела Распутина обезумевшего князя Юсупова. После этого тело Распутина было погружено в автомобиль и сброшено с моста в Неву – в прорубь. Утром 17 декабря Пуришкевич послал находившемуся в Москве упомянутому раньше будущему министру Временного правительства В.А. Маклакову телеграмму с извещением, что Распутин убит. В своих клеветнических воспоминаниях, в которых Пуришкевич старается себя обелить и

очернить целый ряд неповинных лиц, в том числе обеих Императриц, Государя и т.д., о посылке им Маклакову телеграфного донесения об убийстве Распутина он сообщает в следующих словах: «Еще не было половины девятого в день 17 декабря, когда, кто бы сказал, свежие и бодрые, несмотря на проведенную ночь, мы с доктором Лазавертом, расставив дневальных санитаров у вагонов, стали поджидать думских гостей, они явились в начале десятого с А.И. Шингаревым (будущим министром Временного правительства. — *Н. О.*), как врачом во главе, и детальнейший осмотр поезда длился почти до полудня, причем оба мы давали гостям все нужные разъяснения, характеризуя работу наших отрядов.

В начале первого члены Государственной Думы уехали, а я, сев в автомобиль, заехал к матери попрощаться, да заехать в Государственную Думу, чтоб послать телеграмму в Москву В. Маклакову: “Когда приезжаете?”, обозначавшую, как было условлено, что Распутин убит”¹.

Почему так важно было послать врагу существовавшего в России режима телеграмму об убийстве Распутина? Не был ли он инспиратором и душой заговора? Маклаков это отрицает. Однако, если принять умственную ограниченность Пуришкевича и других участников заговора, эта возможность далеко не исключена. Весьма сумбурное сочинение Пуришкевича, которое он называет своим дневником, полно всяких фантастических измышлений, в которых он старается оправдать себя и потому обвиняет режим и целый ряд лиц из политических и высших сфер. Распутина Пуришкевич до дня его убийства никогда не встречал, и надо полагать, что его решение на самоотверженное участие в убийстве Распутина было сделано под влиянием князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона, недавно всю эту позорную историю, из каких-то коммерческих соображений повторившего на голливудском процессе. Участие Пуришкевича в убийстве Распутина, надо полагать, было обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, Пуришкевич сам пал жертвой пропаганды немецких и революционных кругов, во-вторых, Пуришкевич искренне жаждал славы и популярности; мечтал о министерском портфеле, представлял себя в роли князя Пожарского. Поэтому вполне естественно, что пожалованный ему Государем чин действительного статского советника и орден Святого Станислава 1-й степени его не удовлетворяли; отказ же Царя-мученика следовать его советам он счел для себя оскорбительным, и потому в своем сочинении он показал режиму свои «оскорбленные»... ослиные копыта. Поэтому с нижеприведенным мнением Маклакова о «дневнике» Пуришкевича нельзя не согласиться.

¹ Пуришкевич В.М. Дневник. «Как я убил Распутина». М.: Советский писатель, 1990. Репринтное воспроизведение издания 1924 г. С. 42.

Дневник Пуришкевича был издан в конце 1918 года на юге России. В 1923 году некий псевдоним Я. Е. П. переиздал его. Перед напечатанием «дневника» Пуришкевича Яков Евгеньевич П. обратился к Маклакову с письмом, прося его, как лицо, хорошо знакомое с делом об убийстве Распутина, как он выразился в этом письме: «...дополнить эту страничку истории»¹. В ответ на это предложение В.А. Маклаков написал ему, в свою очередь, письмо, которое и было помещено в виде предисловия к переизданному Яковом Евгеньевичем П. сочинению Пуришкевича. Цитирую две выписки из этого письма В.А. Маклакова: «Если мы будем искать в нем **фактической точности**, столь естественной для дневника, то, наверное, впадем в ошибку. Дневник Пуришкевича – вовсе не дневник; это только литературная форма, которую он избрал для своих воспоминаний. Что это так, едва ли стоит доказывать; само по себе невероятно, чтобы в этой суеде, в которой проходило время перед убийством, Пуришкевич мог найти досуг, чтобы вести дневник, особенно в такой форме, то есть не в виде простой записи фактов, а в виде рассказа с лирическими отступлениями, в велеречивом и декламаторском стиле. Самый этот стиль доказывает, что перед нами не дневник, а “литература”. Что это не дневник, я убеждаюсь еще и потому, что нахожу в нем такие неточности, которые естественны и неизбежны в воспоминаниях, но были бы необъяснимы для дневника. Я мог констатировать их почти во всех случаях, где мог их лично проверить...» и далее: «Но в рассказах современников, а тем более участников, заключается обыкновенно еще та условная правда, которую принято называть “исторической”. Эти рассказы ценны не только правдой, но и своими заблуждениями; даже сознательная неправда может быть характерна и способствовать пониманию эпохи и ее настроения. Дневник Пуришкевича не может не быть интересен и с этой точки зрения, но только с одной оговоркой: он рельефно и ярко изображает не столько эпоху, сколько его собственную личность. Для суждения об эпохе и людях нельзя полагаться на его отзывы и суждения; многие из них явно вздорны: Пуришкевич был человек и страстный, и пристрастный, ему не было свойственно чувство ни справедливости, ни терпимости; к тому же его суждения, и самые основные, часто менялись».

¹ Первое издание «дневника» Пуришкевича было напечатано в Киеве в 1918 г. В 1923 г. в Париже в известном эмигрантском книгоиздательстве Якова Евгеньевича Поволоцкого появилось отдельное заграничное издание: *Пуришкевич В.М. Убийство Распутина: Из дневника Пуришкевича*. Париж, Русское книгоиздательство Я. Поволоцкий и Ко, 1923. К этом изданию и было прибавлено письмо В.А. Маклакова. В 1923 г. книгу переиздал в Москве «Мосполиграф», а на следующий год она вышла в Риге: *Пуришкевич В.М. Дневник члена Государственной Думы Владимира Митрофановича Пуришкевича*. Рига, 1924 (Источник: *Сергей Фомин. Убийство Распутина: создание мифа // Русский Вестник. 08.01.2007. <http://www.rv.ru/content.php3>*).

Пуришкевич, как В.В. Шульгин, принадлежал к числу так называемых обожателей Государя Императора, о которых Царь-мученик (которого Пуришкевич в своем «литературном произведении» представил ничего не знающим о том, что творится не только в России, но и в его, Государя, ближайшем окружении; а Государь, оказывается, прекрасно разбирался в людях) неоднократно говорил: «Больше всего я боюсь своих обожателей – обязательно подведут». И эти пророческие слова Царя-мученика полностью оправдались в отношении Пуришкевича и Шульгина – оба они стали на путь революции и отличались от своих коллег слева тем, что они делали самый худший вид революции – революцию справа.

Участники убийства Распутина за совершенное ими преступление никакого наказания не понесли, за исключением Великого князя Димитрия Павловича, который был отправлен в русский отряд, находившийся в Персии, что спасло ему жизнь, и князя Юсупова, который был сослан в свое имение.

Пуришкевич после прихода к власти большевиков был ими арестован и заключен в пересыльную каторжную тюрьму «Кресты» в Петрограде, где он был на привилегированном положении, исполняя обязанности истопника. 1 мая 1918 года Пуришкевич был большевиками амнистирован и перебрался на юг России в распоряжение Белой армии и умер в Новороссийске от сыпного тифа в 1920 году, незадолго до оставления его белыми войсками.

Князь Юсупов благополучно перебрался за границу, жил в Париже, где он содержал ночное увеселительное заведение, пользовавшееся весьма сомнительной славой, где он хвастливо рассказывал посетителям о своем геройском поведении при убийстве Распутина, писал свои «литературные сочинения», например «Распятие», вел удачные и неудачные судебные процессы и во время НЭПа не брезговал вступать в коммерческие сделки с советчиками, благодаря чему, указав им место, где были спрятаны юсуповские фамильные драгоценности, половину их ему удалось, таким образом, получить из окровавленных рук палачей русского народа, впрочем... у самого Юсупова руки были тоже в крови.

Труп Распутина, насколько мне помнится, на второй день после его убийства был извлечен со дна Невы. Судебно-медицинская экспертиза обнаружила, что легкие Распутина были наполнены водой, что означало, что в прорубь он был брошен еще живым и умер от утопления. В желудке его было обнаружено присутствие цианистого калия в количестве, достаточном для того, чтобы мгновенно отравить 26 лошадей. Живучесть его была потрясающей.

Однако нельзя не отметить еще и того, что, кроме его способностей лечить болезни и сверхъестественной, необъяснимой живучести, он обла-

дал еще и даром предвидения. Он неоднократно предсказывал, что с его смертью царствование Династии Романовых прекратится; но были и другие его предсказания. Об одном из его предсказаний, оправдавшемся во время путешествия Царской семьи из Царского Села в ссылку в Тобольск, весьма критически относившийся к Распутину Пьер Жильяр рассказывает следующими словами записи в своем дневнике: «Выехав 14 августа в 6 часов утра, мы вечером 17-го прибыли в Тюмень – на станцию железной дороги, наиболее приближенной к Тобольску. Через несколько часов после этого мы грузились на пароход “Русь”. На другой день мы плыли мимо деревни – места рождения Распутина, и семья (*Царская семья*. – Н. О.), собравшаяся на мостике, могла созерцать дом “старца”, который ярко выделялся посреди изб. Это событие не было для них неожиданностью, так как Распутин это предсказал, и это стечение обстоятельств, казалось, еще раз подтверждало его пророческие слова»¹.

За десять дней до своего убийства Григорий Распутин каракулями написал Государю безграмотное письмо, в котором он прощался с Царской семьей, предсказывая, что он скоро будет убит и что он наверное знает, что новый 1917 год (*по старому стилю*. – Н. О.) он уже встречать не будет. В дальнейшем он сообщал в этом своем письме о том, что если в его убийстве примут участие члены Императорской Фамилии, то через два года на территории России ни одного из членов Императорской Фамилии в живых не останется. Это последнее предсказание Распутина, независимо от того, какое название ему дать – «пророчества» или «совпадения обстоятельств», оправдалось полностью: в 1919 году большевиками был убит находившийся в заключении в Петропавловской крепости в Петрограде Великий князь Николай Михайлович – последний из оставшихся еще в живых на территории России членов Императорской Фамилии.

3 марта 1918 года в г. Брест-Литовске большевистской делегацией, возглавляемой Адольфом Иоффе и Лейбой Бронштейном (Троцким), был подписан мирный договор с Германией. В этот унижительный, позорный для России договор было включено поставленное немцами условие о том, что Государь и Государыня должны быть доставлены в Германию целыми и невредимыми. Большевики дали немцам обещание исполнить это требование в точности. Через некоторое время после подписания договора в Москву прибыл немецкий посол – генерал граф Мирбах, который стал настаивать на исполнении этого пункта мирного договора. Уступая его

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильера, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XIX. Наше заключение в Тобольске.

настойчивым требованиям, большевики дают ему обещание доставить Царскую семью в Москву. Немцам это было крайне необходимо, так как Германский Император Вильгельм II делал все свои политические расчеты на спасении жизни Царской семьи, полагая, что спасенный им Император Николай II будет посажен немецкими штыками на Русский престол и в благодарность за это станет союзником Германии. На подобных эфемерных предположениях основывалась вся внешняя коварная политика Императора Вильгельма II. Но коварные планы Императора Вильгельма и на этот раз рушатся благодаря более тонкому коварству, проявленному Председателем Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, иначе говоря, Президентом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, как тогда большевиками официально именовалась Россия, – Янкелем Свердловым.

Обещая графу Мирбаху привезти Царскую семью в Москву, большевики втайне решают убить ее «по дороге». Для будто бы предполагаемого перевоза Царской семьи в Москву Янкель Свердлов официально командует в Тобольск в сопровождении небольшого отряда комиссара Яковлева, снабженного особыми полномочиями. Непосвященный большевистской головкой в ее план убийства Царской семьи «по дороге», комиссар Яковлев искренне верит в правдивость своего поручения. Он не знает, что одновременно с командировкой его, Яковлева, в Тобольск Янкель Свердлов дает Председателю Уральского областного комитета Вейсбарту (Белобородову) инструкцию «самовольно» задержать Царскую семью в Екатеринбурге и предать ее там убийству.

22 апреля 1918 года Яковлев со своим небольшим отрядом прибывает в Тобольск. 26 апреля 1918 года Государь, Государыня, Великая княжна Мария Николаевна в сопровождении некоторых из своих союзников, конвоируемые Яковлевым, покидают Тобольск. Зная из печати и других источников о чрезвычайной враждебности Вейсбарта-Белобородова и возглавляемого им Совета по отношению к Царской семье, опасаясь, что этот Совет задержит Царственных узников в Екатеринбурге, Яковлев решает ехать в Москву окружным путем – через Омск, Челябинск, Уфу и Самару. Как только поезд с узниками тронулся со станции Тюмень, Уральский Областной Совет получает оттуда донесение, что поезд движется в противоположном направлении. Собравшийся на экстренное заседание Уральский Областной Совет шлет Омскому Совету распоряжение задержать поезд и одновременно объявляет комиссара Яковлева предателем революции и вне закона. В 60 верстах от Омска – на станции Куломзино – остановленный поезд окружается отрядом красной гвардии.

Предъявленное Яковлевым удостоверение об его особых полномочиях от Центрального Исполнительного Комитета дела не меняет, и Яковлев на отцепленном от поезда паровозе спешит в Омск. Омский Совет требованиям Яковлева пропустить поезд не уступает. Тогда Яковлев соединяется прямым проводом с находящимся в Москве Я. Свердловым, который в связи со «сложившейся» обстановкой приказывает ему передать узников Уральскому Областному Совету. Таким образом, уже тогда решается ужасная участь Царской семьи, освобождение которой большевики не хотят допустить.

Привожу ниже несколько выдержек из дневника Пьера Жильяра, иллюстрирующих переживания Царской семьи и ее союзников, как в период времени, непосредственно предшествовавший ее переезду в Екатеринбург, так и во время самого переезда.

«Понедельник, 25 февраля. Полковник Кобылинский получил телеграмму, извещавшую его, что начиная с 1 марта “Николай Романов должен получать солдатский паек, что каждый член семьи будет получать 600 рублей в месяц, взятых с процентов из собственного капитала”. Нужно будет содержать весь дом на 4200 рублей в месяц, раз семья состоит из семи человек. (К этому времени фактическая стоимость рубля не превышала одной пятой его номинальной стоимости.)

Вторник, 26 февраля. Ее Величество просит меня помочь ей в счетоводстве и составить бюджет семьи. У нее сохранилась некоторая сумма денег, которую она сэкономила на своей одежде.

Среда, 27 февраля. Государь объявляет нам с юмором, что, так как теперь все организуют комитеты, то он также решил назначить комитет для ведения дел коммуны. Она будет состоять из генерала Татищева, князя Долгорукого и меня. Сегодня после полудня мы заседали и пришли к решению, что необходимо сократить личный состав. Сердце у нас сжимается, так как нужно будет уволить 10 человек прислуги, из коих многие имеют свои семьи в Тобольске. Когда мы докладываем об этом Их Величествам, то мы видим, какое огорчение они переживают, сама преданность слуг в этом случае должна уменьшить нужду.

Понедельник, 4 марта. Солдатский комитет постановил разрушить ледяную горку, которую мы соорудили *(в начале зимы, для детей. – Н. О.)*, под тем предлогом, что Их Величества взошли на нее, чтобы отсюда видеть отъезд солдат 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. Каждый день новые докучливые ограничения делаются по отношению к членам семьи и окружения. Вот уже давно, как мы не можем выходить иначе, как в сопровождении часового; по всей вероятности, что нас скоро лишат и этой последней льготы.

Вторник 5 марта. Вчера солдаты, как преступники (они отлично сознавали, что они делают подлость), разрушили кирками ледяную горку. Дети опечалены.

Пятница, 15 марта. Жители города, будучи осведомлены о положении, в котором мы очутились, разными способами снабжают нас яйцами, сладостями и печеньем.

Понедельник. 18 марта. Семья, по обыкновению, будет говеть на этой первой неделе поста. Службы совершаются утром и вечером. Так как пение больше не могут приходить, Императрица и Великие княжны поют вместе с диаконом.

Среда, 19 марта. После завтрака обсуждали недавно подписанный в Брест-Литовске мир. Государь с глубокой грустью высказался по этому поводу: "Это такой стыд для России, и это равнозначно самоубийству. Я никогда бы не поверил, что Император Вильгельм и немецкое правительство могли бы пасть так низко, чтобы пожимать руки этим негодьям, которые изменили своей родине. Но я уверен, что это не принесет им счастья; это не спасет их от разгрома!" Несколько позже, когда князь Долгорукий сказал, что в газетах говорится о статье в договоре, по которой немцы требуют передать им Царскую семью в полной сохранности, Император воскликнул: "Если это не попытка опозорить меня, то это оскорбление, которое мне наносят!"

Государыня добавила тихим голосом: "После всего зла, которое они сделали Государю, я предпочитаю погибнуть в России, нежели быть спасенной немцами".

Пятница, 22 марта. В 9 часов 15 минут, после всенощной, все исповедались: дети, прислуга, свита и в конце Их Величества.

Суббота, 23 марта. Сегодня в 7 часов с половиной мы отправились в церковь и причащались Святых Таинств.

Вторник, 26 марта. Из Омска прибыл отряд из 100 человек красногвардейцев; это первые красные солдаты, прибывшие в Тобольск.

Вторник, 9 апреля. Большевистский комиссар, прибывший из Омска вместе с отрядом, потребовал, чтобы его допустили осмотреть дом. Солдаты нашей охраны отказались его впустить. Полковник Кобылинский очень обеспокоен, т. к. он опасается столкновения. Приняты меры предосторожности: патрули и парные часовые. Мы проводим беспокойную ночь.

Среда 10 апреля. Общее собрание нашей охраны, на котором большевистский комиссар предъявляет свои полномочия. Он имеет право расстрелять в 24 часа без суда всякого, кто будет противиться его приказам. Его впускают в дом.

Пятница, 12 апреля. Алексей Николаевич остается в постели, так как со вчерашнего дня он страдает от сильнейших болей в паху, как последствия от усилия. Он так хорошо себя чувствовал эту зиму. Только бы не было ничего серьезного.

Один из солдат нашего отряда, который был послан в Москву, сегодня вернулся и вручил полковнику Кобылинскому бумагу от Центрального Исполнительного Комитета партии большевиков с приказом подвергнуть нас еще более строгому режиму. Генерал Татищев, князь Долгорукий и графиня Гендрикова должны быть переведены в наш дом и находиться под стражей. Сообщают также об ожидающемся приезде комиссара с особыми полномочиями, который привезет с собой отряд.

Суббота, 13 апреля. Все те, кто жил в доме Корнилова: графиня Гендрикова, барышня Шнейдер, генерал Татищев, князь Долгорукий и мистер Гиббс (мой коллега мистер Гиббс присоединился к нам в Тобольске. Он, как и я, сопровождал Царскую семью в Екатеринбург), переезжают к нам. Лишь доктор Боткин и Деревенко оставлены на свободе. Страдания Алексея Николаевича увеличились.

Понедельник, 15 апреля. Алексей Николаевич очень страдал вчера и сегодня. Это один из тяжелых припадков гемофилии.

Среда, 16 апреля. Полковник Кобылинский, караульный офицер и несколько солдат произвели в доме обыск. От Государя отобрали кинжал, который он носил с черкесской.

Понедельник 22 апреля. Сегодня из Москвы прибыл с небольшим отрядом комиссар Яковлев. Он предъявил свои документы Солдатскому комитету и полковнику Кобылинскому. Вечером я пил чай у Их Величеств. Все обеспокоены, напуганы... В приезде комиссара чувствуется неопределенная, но действительная угроза.

Вторник, 23 апреля. В 11 часов приходит комиссар Яковлев. Он осматривает весь дом, потом идет к Императору и вместе с ним заходит к лежащему в кровати Алексею Николаевичу. Не имея возможности повидать Государыню, которая не была готова, он возвращается несколько позже со своим заместителем и вторично заходит к Алексею Николаевичу (он хотел, чтобы его помощник лично убедился в болезни ребенка). Выходя, он справился у коменданта, много ли у нас имеется багажа. Касается ли это отъезда?

Среда, 24 апреля. Все мы очень перепуганы. У нас чувство, что все нас забыли, что мы предоставлены самим себе, на милость и немилость этого человека. Возможно ли, чтобы никто не попытался сделать даже малейшую попытку спасти Царскую семью? Где же все те, кто остался верен Императору? Почему они запаздывают?

Четверг, 25 апреля. Около трех часов, когда я проходил по коридору, я встретил двух рыдающих слуг. Они говорят мне, что Яковлев объявил Государю, что он его увезет. Что же происходит? Я не смею войти без зова и иду к себе. Вскоре Татьяна Николаевна стучится в мою дверь. Она вся в слезах и сообщает мне, что Ее Величество просит меня прийти. Я слеую за ней. Императрица одна, очень взволнована. Она сообщает мне, что Яковлев был прислан из Москвы, чтобы увезти Императора и что отъезд назначен сегодня ночью.

— Комиссар уверяет, что никакого вреда Государю не будет причинено, и, если кто-нибудь пожелает его сопровождать, он не будет этому препятствовать. Я не могу допустить, чтобы Император ехал один. Его хотят удалить от его семьи, как тогда... (Императрица намекает на отречение Государя). Они хотят заставить его сделать нечто плохое, вызвав у него опасение за жизнь его близких... Император им необходим, они прекрасно понимают, что только он один представляет Россию... Вдвоем мы будем сильнее сопротивляться, и я должна быть при нем в этом испытании... Но маленький еще болен. Если произойдет осложнение... Боже мой! Какое страшное мученье!.. Это первый раз в моей жизни, что я не знаю, что мне делать; я всегда чувствовала вдохновение перед тем, как принять какое-нибудь решение... А теперь я не знаю, что мне делать... Но Господь не разрешит этот отъезд, он не может осуществиться, он не должен состояться... Я уверена, что сегодня ночью тронется лед... (во время ледохода в течение нескольких дней река бывает недоступна для судоходства, нужно было ждать несколько дней для возобновления судоходства).

В этот момент вмешивается Татьяна Николаевна:

— Но, мама, если отец неизбежно должен ехать, нужно все-таки что-нибудь решить.

Я поддержал Татьяну Николаевну, сказав, что Алексей Николаевич чувствует себя лучше и что мы будем хорошо за ним ухаживать.

Чувствовалось, как сомнения раздирали душу Ее Величества, она шагла туда и назад по комнате, она продолжала говорить, но больше сама с собою, нежели с нами. Наконец, она подошла ко мне и сказала:

— Да, так лучше; я поеду с Государем, я поручаю Вам Алексея!..

Спустя мгновение вошел Император; Императрица двинулась ему навстречу:

— Решено, я поеду с тобой, и Мария будет нас сопровождать.

Император ответил:

— Хорошо, раз ты это желаешь.

Я возвратился к себе, и весь день прошел в приготовлениях. Князь Долгорукий и доктор Боткин будут сопровождать Их Величества, так же как

Чемодуров (камердинер Государя), Анна Демидова (горничная Государыни) и Седнев (лакей Великих княжон). Было решено, что 8 офицеров и солдат охраны поедут вместе с ними.

Все время после полудня семья провела у кровати Алексея Николаевича.

Вечером, в десять часов с половиной, мы поднимаемся пить чай. Императрица сидит на диване, две ее дочери сидят по обеим ее сторонам. Они так много плакали, что лица у них распухли. Каждый из нас старается скрыть свои мучения и казаться спокойным. Мы сознаем, что, если один из нас поддастся, все остальные последуют ему.

Император и Императрица серьезны, сосредоточенны. Чувствуется, что они готовы на любую жертву, включая их собственную жизнь, если Господь, пути Которого неисповедимы, потребует это для блага Отечества. Никогда они не высказали нам столько доброты и заботы, как в этот вечер.

Их спокойствие, невозмутимость, их чудотворная вера воспринимались нами.

В одиннадцать часов с половиной слуги собираются в большой зале. Их Величества и Мария Николаевна прощаются с ними. Государь целует всех мужчин, Государыня – женщин. Все плачут. Их Величества уходят; мы все идем вниз – в мою комнату.

В три с половиною часа во двор въезжают повозки. Это все ужасные тарантасы (крестьянские повозки, состоящие из большой сделанной из лозы корзины, положенной на двух длинных жердях, заменяющих рессоры, без сиденья), в которых сидеть и лежать можно на самом дне. Только одна повозка имеет крышку. Мы находим на заднем дворе немного соломы, которую мы расстилаем на дне повозок. В повозку Государыни мы кладем матрац.

В четыре часа мы поднимаемся в комнаты Их Величеств, которые в это время выходят от Алексея Николаевича. Государь, Государыня и Мария Николаевна с нами прощаются. Государыня и Великая княжна в слезах. Государь спокоен и говорит каждому из нас ободряющие слова; он нас целует. Прощаясь со мной, Государыня просит меня не провожать и остаться при Алексее Николаевиче.

Я вхожу к ребенку, который плачет в своей кровати.

Через несколько минут мы слышим стук колес отъезжающих повозок. Великие княжны, возвращаясь к себе, рыдают, проходя мимо дверей комнаты их брата...

Суббота, 27 апреля. Возница, который отвозил Императрицу к первой остановке, приносит записку от Марии Николаевны: на дорогах распутица, условия путешествия ужасны.

Как сможет Государыня перенести это путешествие? Какой страх испытываем за них!

Воскресенье, 28 апреля. Полковник Кобылинский получил телеграмму, извещающую, что все благополучно прибыли в Тюмень в субботу вечером, в 9 часов с половиною.

В большом зале поместили походную церковь, священник сможет служить обедню, так как имеется освященный алтарь.

Вечером приходит вторая телеграмма из Тюмени: "Путешествуем в хороших условиях. Как здоровье маленького? Да будет Господь с вами".

Понедельник, 29 апреля. Дети получили из Тюмени письмо от Императрицы. Путешествие было утомительное. При переезде ручьев вода доходила лошадям до брюха. Несколько раз ломались колеса.

Среда, 1 мая. Алексей Николаевич встал. Нагорный занес его к его креслу на колесах, его вывозили на солнце.

Четверг, 2 мая. До сих пор никаких известий с тех пор, как они покинули Тюмень. Где же они? Они могли уже во вторник приехать в Москву.

Пятница, 3 мая. Полковник Кобылинский получил телеграмму, что путешественники задержаны в Екатеринбурге. Что произошло?

Суббота, 4 мая. Грустный канун Пасхи. Все подавлены.

Воскресенье, 5 мая. Пасха. До сих пор никаких известий.

Вторник, 7 мая. Дети наконец получили письмо из Екатеринбурга, сообщаемое, что все здоровы, но ни одного слова, почему произошла задержка в Екатеринбурге. Сколько опасений проскальзывает между строк.

Среда, 8 мая. Офицеры и солдаты нашей охраны, которые сопровождали Их Величества, вернулись из Екатеринбурга. Они рассказывают, что поезд Императора по прибытии в Екатеринбург был окружен красногвардейцами и что Император, Императрица и Мария Николаевна заключены в доме Ипатьева, что князь Долгорукий находится в тюрьме и что они сами были освобождены лишь после двухдневного ареста.

Суббота, 11 мая. Полковник Кобылинский устранил, и мы подчинены Тобольскому Совету.

Пятница, 17 мая. Солдаты нашей охраны заменены красногвардейцами, прибывшими с комиссаром Родионовым, который приехал за нами. Генерал Татищев и я считаем нашим долгом задержать наш отъезд возможно дольше, но Великие княжны стремятся возможно скорее соединиться со своими родителями, и мы не считаем себя вправе противиться их страстному желанию.

Суббота, 18 мая. Всенощная. Священник и инокини были раздеты донага и обысканы по приказанию комиссара.

Воскресенье, 19 мая (6 мая старого стиля). День рождения Государя...

Наш отъезд назначен на завтра. Комиссар отказался впустить священника, он запретил Великим княжнам закрывать их дверь на ночь. В 11 часов с половиною мы покидаем дом и грузимся на "Русь". Это тот же самый пароход, который привез Их Величества и нас 8 месяцев тому назад. Баронесса Буксгевден, которой разрешили ехать вместе с нами, присоединилась к нам. В 5 часов мы покидаем Тобольск. Комиссар Родионов запирает Алексея Николаевича в его каюте вместе с Нагорным. Мы протестуем; ребенок болен, и доктор должен иметь возможность входа к нему в любое время.

Среда, 22 мая. Сегодня утром мы прибыли в Тюмень. Прибыв 22 мая в Тюмень, мы немедленно были отправлены под сильнейшим конвоем к специальному поезду, который должен везти нас в Екатеринбург. В то время когда я собирался войти в вагон вместе с моим учеником, я был отстранен от него и загнан в вагон 4-го класса, который, как и все прочие вагоны, охранялся часовыми. Ночью мы прибыли в Екатеринбург, поезд был остановлен вдали от города. Около 9 часов утра (23 мая) появилось несколько извозчичьих повозок, которые выстроили вдоль поезда, и я увидел четырех мужчин, направляющихся к вагону детей.

Прошло несколько минут, и мимо окон моего вагона прошел преданный Алексею Николаевичу Нагорный, неся маленького больного на руках; за ними шествовали Великие княжны, неся чемоданы и мелкие предметы. Я хотел выйти, но часовой грубо отпихнул меня обратно в вагон.

Я вернулся к окну: последней шла Татьяна Николаевна, неся свою собачку и с трудом волоча тяжелый коричневый чемодан. Шел дождь, и я видел, как она на каждом шагу увязала в грязи. Нагорный поспешил к ней на помощь; он был грубо отброшен одним из комиссаров... Через несколько минут извозчики тронулись, увозя детей в сторону города.

Как мог я предположить, что мне не суждено более увидеть тех, возле которых я провел столько лет! Я был уверен, что за нами вернутся и что вскоре мы снова будем вместе. Между тем проходили часы. Наш поезд был введен на станцию, и я видел, как вели под конвоем генерала Татищева, графиню Гендрикову и барышню Шнейдер. Несколько позже наступила очередь Волкова – лакея Государыни, Харитонов – главного повара, лакея Труппа и маленького Леонида Седнева – четырнадцатилетнего поваренка.

За исключением Волкова, которому удалось бежать, и маленького Седнева, которого пощадили, никто из перечисленных не вышел из рук большевиков.

Мы все ждали. Что происходило? Почему не приходил наш черед быть взятыми? Мы строили всякие предположения, когда около 5 часов комис-

сар Родионов, который приезжал за нами в Тобольск, вошел в наш вагон и объявил нам, “что в нас больше не нуждались” и что “мы свободны”.

Свободны! Как, нас разлучали с ними? Тогда все кончено!»¹

25 июля 1918 года Екатеринбург был взят с бою белыми войсками. На улицах города висели расклеенные 20 июля сообщения Уральского Областного Комитета, извещавшие, что «смертный приговор, вынесенный бывшему Царю Николаю Романову, был приведен в исполнение в ночь с 16 на 17 июля, что Царица и дети были эвакуированы и находятся в безопасном месте». Военное командование выставило вокруг дома купца Ипатьева часовых. На стенах комнаты подвального этажа этого дома виднелось множество следов от пуль и ударов штыками, были и следы от замытых кровавых пятен. Весь вид комнаты свидетельствовал о том, что здесь были совершены убийства нескольких людей. В комнатах верхнего этажа, где помещались Царственные узники, царил хаотический беспорядок. На полу лежали кучки пепла, вынутого из печей. В них было найдено множество полуобуглившихся предметов: зубные щетки, пуговицы, шпильки для волос, ручка от щетки из слоновой кости, принадлежавшей Государыне, с ее инициалами «А. Ф.» и т.д.

Верховным правителем России, адмиралом Александром Васильевичем Колчаком, было отдано распоряжение о производстве следствия для выяснения судьбы исчезнувшей Царской семьи. Ведение следствия первоначально было поручено члену Екатеринбургского Окружного Суда Ивану Александровичу Сергееву. С первых же шагов начатого расследования Сергеев пришел к заключению, что все члены Царской семьи были убиты, но никаких следов местонахождения их останков не было.

В январе 1919 года адмирал Колчак поручил генералу Дитерихсу привезти ему из Екатеринбурга следственный материал и все найденные предметы. Ознакомившись с материалом, адмирал Колчак поручил дальнейшее ведение следствия следователю по особо важным делам Омского Окружного Суда Николаю Алексеевичу Соколову, назначение которого состоялось 7 февраля 1919 года распоряжением министра Старынкевича.

Следствием были допрошены сотни свидетелей, среди них были и специально оставленные большевиками их агенты с целью направлять следствие на ложный путь, что очень тормозило его работу. В деле убийства Царской семьи очень важными были показания красногвардейцев из охраны «дома

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XX. Конец нашего тобольского заключения; Гл. XXI. Екатеринбург. – Кончина Царской Семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

особого назначения» Анатолия Якимова и Филиппа Проскурова, захваченных в плен белыми частями. Первый из них присутствовал при убийстве, второй хотя и не присутствовал при этом, но знал все подробности и обстоятельства убийства от лиц, участвовавших в нем непосредственно. Наконец, в феврале 1919 года в г. Перми был взят в плен один из главных убийц Царской семьи – комиссар Екатеринбургской «чрезвычайки» бывший каторжник Павел Медведев, который хотя и подтвердил все обстоятельства убийства Царской семьи, однако утверждал, что ему неизвестно, что большевики сделали с телами узников. Тела были найдены благодаря показаниям крестьян деревни Коптяки. Следствием было обнаружено и множество документов, непосредственно относившихся к убийству Царской семьи. Среди этих документов находились оригиналы требований на серную кислоту и бензин, подписанные комиссаром Петром Лазаревичем Войковым, аптекарем из г. Керчи, и лента телеграммы, посланной Вейсбартом-Белобородовым из Екатеринбурга в Москву Янкелю Свердлову.

Весь собранный Н.А. Соколовым материал был им классифицирован, сфотографирован, вывезен за границу. Впоследствии весь этот материал был Соколовым опубликован в его документальной книге «Убийство Царской семьи» (Париж, 1921). Из содержания этой книги выявляется правдивая мрачная картина последних дней жизни узников Ипатьевского дома, жуткие подробности их смерти и вся подоплека совершенного большевиками гнусного преступления. Прологом к нему являются дипломатические переговоры, которые ведутся между советскими преступными заправилками и германским правительством, поставившим своей тайной целью, но разгаданной их большевистскими контрагентами, восстановление в России монархии в пользу Императора или Наследника престола при условии признания ими Брест-Литовского договора, заключенного Германией с большевиками. По мнению следователя по особо важным делам А.Н. Соколова, этот план не осуществился лишь благодаря сопротивлению Императора Николая II, категорически отказавшегося от какого-либо компромисса и ставшего потому жертвой своей непоколебимой верности России и данному им ее союзникам слову. В этот период времени большевики очень считались с Германией, войска которой заняли почти всю Прибалтику и дошли до Пскова на севере, в то время как на юге России они заняли всю Малороссию, включая Киев, Харьков и Ростов-на-Дону, и демаркационная линия между немецкими и советскими оккупантами проходила по рубежу между тогдашними Черниговской и Орловской губерниями.

В половине апреля 1918 года Янкель Свердлов, председатель Центрального Исполнительного Комитета в Москве, как бы уступая требо-

ваниям германского посла графа Мирбаха, командирует в Тобольск для перевезения Царской семьи в Москву или Петроград комиссара Яковлева. Как показало следствие, Яковлев встречает неожиданно для него сопротивление Уральского Областного Комитета в Екатеринбурге, которое он старается преодолеть. Янкель Свердлов, который, с ведома всей советской головки, ведет двойную игру, притворяется, что он подчиняется требованиям графа Мирбаха, в действительности же тайно уговаривается с екатеринбургскими комиссарами воспрепятствовать Царю-мученику вырваться из их рук. Об этом свидетельствует тот факт, что одновременно с командировкой в Тобольск комиссара Яковлева в Екатеринбург в спешном порядке выселяется из своего дома купец Ипатьев, дом этот в два дня обносится крепкой сплошной изгородью из толщенных досок, высота которой достигает до верхов окон второго этажа и получает название «дома особого назначения». В эту заранее приготовленную для Царственных узников тюрьму, 17/30 апреля 1918 года, по прибытии привезшего их в Екатеринбург поезда, немедленно были заточены Государь, Государыня, Великая княжна Мария Николаевна, доктор Боткин и трое слуг: Анна Демидова – горничная Государыни; Чемодуров – камердинер Государя и старший Седнев – лакей Великих княжен.

Вначале состав охраны этого дома состоял из случайно набранных людей, в большинстве случаев бывших солдат. Состав охраны постоянно менялся. Позже состав ее состоял исключительно из распропагандированных большевиками рабочих Систерского завода и фабрики братьев Злоказовых, явившихся добровольно сторожить «Николая Кровавого». Эта охрана была непосредственно подчинена комиссару Авдееву, коменданту «дома особого назначения». Авдеев, бывший уголовный преступник-каторжник, был алкоголиком, подверженным самым грубым инстинктам. Его главным ежедневным занятием было изобретательство совместно со своими подчиненными все новых издевательств над мучениками, отданными во власть этих подлых, низких и грубых существ, потерявших человеческий облик. 23 мая, сейчас же после своего прибытия в Екатеринбург, Наследник Цесаревич и его три сестры под конвоем были отправлены в дом Ипатьева. Соединение всей семьи, несмотря на тяготеющую над их жизнью угрозу и беспросветность их тягостного положения, было последним радостным событием в их страдальческой жизни. Через несколько часов в «дом особого назначения» были приведены повар Харитонов, старик-лакей Трупп и мальчик Леонид Седнев. Генерал-адъютант Татищев, графиня Гендрикова, барышня Шнейдер и лакей Государыни Волков были непосредственно после своего прибытия в Екатеринбург отведены в тюрьму.

24 мая заболевшего Чемодурова отправили в тюремную больницу, что чудесно спасло его жизнь, так как о нем забыли. Несколько дней спустя в тюрьму были отправлены дядька Наследника матрос Нагорный и старший Седнев, которые не могли скрыть своего негодования и открыто протестовали, увидев, как чекисты завладевали маленькой золотой цепочкой с образками, которая висела у изголовья кровати больного Наследника. Число лиц, желавших разделить заключение Царской семьи, ее главным тюремщиком, во время правления Временного правительства, товарищем Керенским, уже с самого начала было ограничено до минимума. После того как власть перешла в руки большевиков, под их давлением число это стало быстро уменьшаться: 10 человек прислуги были уволены из-за недостатка средств еще в Тобольске. До самого конца с Царской семьей оставались лишь четыре человека: доктор Боткин, Анна Демидова, Харитонов и Трупп. Большой поддержкой для Царской семьи было присутствие доктора Боткина, который прилагал все усилия, чтобы защитить ее членов от безобразных издевательств и грубостей тюремщиков, и окружал их своими заботами. В состоянии здоровья Наследника после утомительного переезда, лишений и волнений, которым постоянно был подвержен мальчик, наступило сильное ухудшение, и большую часть дня он оставался прикованным к своему ложу. Когда заключенных выпускали на прогулку, Государь выносил сына в сад.

Царская семья и слуги обедали вместе с чекистами, которые, как и люди охраны, когда им только заблагорассудится, входили в комнаты Царской семьи. Большею частью они бывали пьяными, и их грубостям и издевательствам не было границ. Глубокая, безграничная вера Царственных мучеников, их безропотная покорность воле Божией, незлобливость и смирение давали им силы твердо переносить все страдания. Они уже чувствовали себя на той стороне бытия и, с молитвой в душе и на устах, готовились к своему переходу в жизнь вечную. Государыня и Великие княжны, пребывая в этом чекистском аду, постоянно пели молитвы, вызывая у своих тюремщиков невольное смущение. Пораженные их простотой, мягкостью, человеколюбием и смирением, и эти потерявшие человеческий образ тюремщики были ими покорены. Их первоначальная озверелость сменилась глубоким сочувствием к заключенным. Под влиянием их христианской твердости и величия их душ даже закоренелый преступник-каторжник Авдеев осознал свое собственное ничтожество и подлость. «Дом особого назначения» был ничем иным, как отделением «Чеки» – того всемогущего учреждения, на котором держалась тогда и продолжает держаться ныне советская власть. Екатеринбургская «Чека», как и всякая другая «Чека» в провинции, непосредственно подчи-

нялась главному ее правлению – Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (В.Ч.К.), находившейся в Москве и подчиненной кровавейшему из палачей русского народа, поляку Феликсу Дзержинскому.

Уральский Областной Совет состоял приблизительно из 30 членов. Председателем его был Белобородов (Вейсбарт). Президиум его представлял собой Исполнительный Комитет этого Совета, в состав которого входили: председатель – еврей Вейсбарт (Белобородов) и члены: Шая Голощекин и Войков – евреи, Сафаров – татарин и Сыромолотов – русский, каторжник. Наиболее влиятельными членами екатеринбургской «Чеки» были: Янкель Юровский, Шая Голощекин и Войков; Авдеев был подчинен им и другим комиссарам, членам Президиума «Чека». Так выглядели большевистские учреждения г. Екатеринбурга и их представители, непосредственно выполнявшие порученное им советской головкой истребление Царской семьи.

Представители этих учреждений не могли не заметить наступившей резкой перемены в чувствах тюремщиков по отношению к Царственным узникам. Эта перемена стала известна и в Москве, вызвав там серьезные опасения. В связи с этим Свердлов вызвал в Москву комиссара Шаю Голощекина. 4 июля 1918 года Вейсбарт-Белобородов послал в Москву Янкелю Свердлову и Шаю Голощекину телеграмму следующего содержания: «Сыромолотов выехал в Москву для организации дела, согласно указаниям из Центра. Напрасные опасения. Авдеев отстранен. Мошкин (*помощник Авдеева. – Н. О.*) арестован. На место Авдеева назначен Юровский. Внутренняя охрана заменена другими. Белобородов». В этот день Авдеев и Мошкин были арестованы комиссарами Янкелем Юровским и его помощником Никулиным. Юровский привел с собой десять человек отборных палачей екатеринбургской «Чеки», которые заняли все внутренние посты в доме Ипатьева. Сменная ими охрана, состоявшая из русских рабочих, была переведена в соседний дом Попова и занимала лишь наружные посты. В это время план убийства всех членов Царской Фамилии был окончательно разработан Янкелем Свердловым и утвержден Лениным и другими членами советского правительства.

Командированный в Москву для организации дела согласно с указаниями из Центра, Сыромолотов вместе с Голощекиным вернулся в Екатеринбург, привезя с собой инструкции, полученные лично от Свердлова. Одновременно Юровский начинает разъезжать верхом в окрестностях Екатеринбурга в поисках укромного места, где должно будет произойти бесследное исчезновение тел Русского Православного Царя, его семьи и союзников. Для этого им была облюбована поляна в лесу, вблизи забро-

шенной шахты, недалеко от деревни Коптяки, находящейся в 20 верстах на северо-запад от г. Екатеринбурга.

В воскресенье, 14 июля, Царская семья и ее союзники присутствуют на последнем богослужении, которое совершает священник отец Иоанн Сторожев, – последний человек извне, который видит Царскую семью еще живой. На другой день, 15 июля, Юровский отдает распоряжение о переводе 14-летнего Леонида Седнева в дом Попова, в котором помещается внешняя охрана «дома особого назначения», состоящая из русских рабочих, подчиненная комиссару-чекисту Павлу Медведеву, пользовавшемуся полным доверием Янкеля Юровского.

16 июля, в 7 часов вечера, Юровский отдает Павлу Медведеву приказ – принести ему 12 револьверов системы «Наган», входивших как добавочное вооружение отряда из русских рабочих. Когда Медведев приносит наганы Юровскому, последний сообщает ему, что сегодня ночью вся Царская семья будет умерщвлена, одновременно он приказывает Медведеву сообщить об этом позднее русской охране. Около 10 часов вечера Медведев сообщает об этом своим подчиненным.

Через несколько минут, по прошествии 12 часов ночи, Юровский входит в комнаты Царской семьи и лиц, разделяющих с ней заключение, и приказывает им одеться, чтобы следовать за ним. Как причину он выставляет будто бы происходящее в Екатеринбурге восстание, поясняя при этом, что в помещении полуподвального этажа дома они будут находиться в большей безопасности. Перед этим Юровский посещает Наследника Цесаревича и спрашивается о его здоровье. Такое поведение Юровского свидетельствует о том, как он озабочен, чтобы не вызвать никаких подозрений у своих жертв, – чтобы убийство их прошло бы в возможно наиболее спокойной обстановке. Вскоре все готовы и, захватив с собой некоторые мелкие вещи и подушки, спускаются по внутренней лестнице, выходят во двор и оттуда направляются в комнату подвального этажа. Во главе шествия идут Юровский и Никулин, за ними следует Государь, который несет на руках больного Наследника, за ним следуют: Государыня, Великие княжны, доктор Боткин, Анна Демидова, Харитонов и Трупп. Здесь происходит довольно долгая остановка, во время которой вышедший Юровский дает последние распоряжения убийцам, распределяет между ними жертвы, причем себе он выбирает Государя и Наследника. В ожидании дальнейших событий узники просят, чтобы им принесли стулья. Им приносят три стула. Больной Наследник, который не может стоять на ногах, садится на стул посередине комнаты. Государь садится влево от него, доктор Боткин становится справа от него, несколько сзади. Государыня садится возле стены – вправо от двери, через которую они вошли, неда-

леко от окна. Сзади нее стоит Великая княжна Татьяна Николаевна. В углу комнаты, с той же стороны, стоит Анна Демидова, в руках она держит две подушки. Великие княжны Ольга, Мария и Анастасия стоят, прислонившись к задней стене, справа от них – в углу стоят Харитонов и старик Трупп. Ожидание затягивается...

Неожиданно в комнату входит Юровский в сопровождении семи человек, бывших германо-австрийских военнопленных и трех своих друзей-каторжников, уголовных преступников, выпущенных на свободу Керенским: Ермакова, Ваганова и Медведева – палачей местной «чрезвычайки». Юровский приближается к Государю и говорит: «Ваши хотели Вас спасти, но им это не удалось, и мы принуждены Вас убить». Не расслышав, что сказал Юровский, Государь спрашивает: «Что?» «А вот что!» – отвечает Янкель Юровский и стреляет одновременно в Государя в упор. Государь падает, убитый наповал. Выстрел Юровского служит сигналом к общей пальбе. Смерть большинства узников наступает почти мгновенно, но не всех. Лежащий на полу рядом с отцом Алексей Николаевич ощупывает рукой шинель отца и издает стон. Один из палачей ударяет его ногой в висок, после чего Юровский приставляет дуло своего револьвера к уху Наследника и дважды стреляет в него. Анастасия Николаевна только ранена и начинает кричать. Убийцы добивают ее штыками. Анна Демидова благодаря подушкам, которыми она прикрыта, остается невредимой. Она мечется из угла в угол, пока не падает мертвой под ударами убийц.

После убийства комиссары снимают с жертв драгоценности, а тела относят и укладывают на грузовик, который стоит возле ворот – между первой и второй дощатой стеной, окружающей «дом особого назначения». Затем грузовик направляется через погруженный в сон город в сторону леса; никакого восстания в городе не происходит. Для предосторожности на некотором расстоянии впереди грузовика верхом на лошади едет комиссар Ваганов. Недалеко от поляны, где должно произойти «бесследное» исчезновение останков Царской семьи и их союзников, Ваганов замечаетдвигающуюся навстречу по дороге из деревни Коптяков крестьянскую телегу. В телеге находится крестьянка, ее сын и его жена – все из деревни Коптяки; они направляются в Екатеринбург для продажи наловленной ими рыбы. Подъехавший к телеге Ваганов приказывает им немедленно повернуть и направиться обратно в деревню; под страхом смерти он запрещает им оборачиваться и смотреть назад. Чтобы быть уверенным, что приказание его будет исполнено в точности, Ваганов часть пути сопровождает мчащуюся во весь опор телегу, скача рядом с ней. Однако крестьяне успели заметить в предутреннем рассвете контуры далекого грузовика и по прибытии в деревню рассказывают о происшествии своим односель-

чанам. Заинтересованные рассказом крестьяне отправляются на разведку и натываются на цепь часовых, расставленных в лесу.

Между тем прибывший на поляну грузовик останавливается, тела выбрасывают и начинают раздевать, при этом чекисты находят множество драгоценностей, которые Великие княжны носили спрятанными под своими платьями или зашитыми в них. Комиссары жадно набрасываются на добычу и в лихорадочной поспешности роняют некоторые из них на землю, где они затапываются ногами. После этого тела рубят на куски и укладывают на больших кострах, предварительно полив их бензином. Останки тел, не сгоревшие в огне, поливаются серной кислотой. В течение трех дней и ночей чекисты работают над уничтожением останков их жертв. По требованиям, подписанным комиссаром Войковым, следствием установлено, что на поляну было доставлено 175 килограммов серной кислоты и 300 литров бензина. 20 июля убийцы уничтожают следы костров, зола и пепел выбрасываются в колодезь шахты или рассеиваются вдали от поляны. Главный эксперт и руководитель по уничтожению останков, комиссар Войков, остается совершенной «работой» доволен и в восторге восклицает: «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали!»

Непосредственно после совершения злодеяния главный исполнитель его – Янкель Юровский – отдает Павлу Медведеву приказ: «Сохрани наружные посты, а то еще народ восстанет!» Во исполнение этого приказа в последующие дни на наружных постах вокруг дома Ипатьева продолжают стоять часовые, как будто внутри дома ничего не произошло.

Организаторы убийства – члены Советского правительства – отдавали себе отчет в том, что совершить это отвратительное и позорное преступление могут лишь потерявшие совесть, хорошо сплоченные палачи. Этими палачами оказались Янкель Юровский, ставший им не только наживы ради, но и по убеждению, Медведев, Никулин, Ермаков и Ваганов – уголовные преступники из каторжан, выпущенных на свободу товарищем Керенским, и 5 человек бывших военнопленных австро-венгерской и германской армий, личности которых не были в точности установлены. По мнению судебного следователя Соколова, их иностранные фамилии не указывали на их латышское происхождение, хотя латыши в то время представляли наибольший контингент палачей в «чрезвычайках».

25 июля 1918 года пермская газета печатает следующие официальные сообщения советских палачей: «Постановление Президиума Уральского Областного Совета рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов: Принимая во внимание, что чехословацкие банды угрожают столице красного Урала Екатеринбургу, принимая во внимание, что коронованный палач может избежать народного суда (только что раскрыт заговор бе-

логвардейцев, целью которого было похищение всей семьи Романовых), Президиум Областного Комитета во исполнение воли народа решил: бывшего Царя Николая Романова, виновного перед народом в бесконечных кровавых преступлениях, расстрелять.

Решение Президиума Областного Совета было приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля.

Президиум Уральского Областного Совета рабочих, крестьян и красногвардейцев.

Решение. Президиум Центрального Исполнительного Комитета от 18 июля с. г. Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, крестьянских, красногвардейских и рабочих депутатов в лице своего председателя одобряет действия Президиума Уральского Комитета. Я. Свердлов».

В этих сообщениях о судьбе остальных членов Царской семьи и их союзников нет ни одного слова. Казалось, что концы преступления канули в воду.

Но вот приходят крестьяне из деревни Коптяки, они заявляют, что в ночь с 16 на 17 июля большевики расположились вблизи их деревни на просеке лесного урочища «Четыре брата», что они развели там большой костер и оставались на просеке в течение нескольких дней. Крестьяне принесли некоторые предметы, которые они нашли там, возле заброшенной шахты. Несколько офицеров отправляются в указанное место и находят там еще и другие предметы, которые, как и предметы, принесенные крестьянами, опознаются лицами, близко знавшими Царскую семью, как вещи принадлежащие ей. Одновременно возле шахты обнаружены следы большого костра. Весной 1919 года судебный следователь Соколов, как только растаял снег и земля обсохла, переносит следствие на просеку урочища «Четыре брата». Каждый дюйм земли осматривается, исследуется, земля поляны и шахты просеивается, и следствие обнаруживает сотни новых предметов, которые опознаются. Среди этих предметов находят: пряжку от пояса Государя, остатки его фуражки, маленькую портативную рамку, в которой Государь всегда носил при себе фотографию Государыни, и другие предметы.

Любимые сережки Государыни, одна из которых сломана, куски ее платья, стекло из ее очков, опознанное по своей особой необыкновенной форме, и другие предметы.

Пряжка от пояса Наследника, пуговицы и куски его шинели и другие предметы.

Большое количество вещей, принадлежащих Великим князьям, кусочки их ожерелий, обуви, пуговиц, крючков, кнопок и т.д.

Шесть металлических застежек от корсетов (Государыни, четырех Великих княжен и Анны Демидовой).

Челюсть доктора Боткина, остатки его очков, пуговицы его платья.

Кости и куски обугленных костей, частично разрушенных серной кислотой, со следами зазубрин от острых предметов и пил, револьверные пули из числа застрявших в телах и большое количество расплавленного олова этих пуль. Всего было найдено 460 вещественных доказательств, начиная с драгоценностей и кончая трупом собачки Наследника Джой, который был вывезен вместе с останками мучеников.

Еврей-комиссар Войков ошибался; мир узнал во всех подробностях, что они с ними сделали: ночью с 16 на 17 июля 1918 года они – презренные убийцы – возвели на вершину Голгофы помазанника Божьего, христианнейшего, подлинно народного правителя, мужественного, добрейшего и кроткого сердцем Православного Русского Царя Николая II Александровича. Бестрепетно взошел он на ее вершину, предводительствуя своей святой семье и великомученикам союзникам, неся на своих руках к подножию Трона Всевышнего своего больного, горячо и нежно любимого отрока сына. На вершине Голгофы простирал к ним Свои руки скорбный Христос...

И сбылись неоднократно высказанные Царем-мучеником слова: «Я имею больше чем предчувствие – полную уверенность, что я предопределен ужасным испытаниям и не получу награды здесь — на земле». Об этих знаменательных словах Царя-мученика повествует в своих мемуарах также и бывший многолетний посол Франции в России Морис Палеолог¹.

Непоколебимо верным своему долгу Царь-мученик оставался на протяжении всей своей жизни и до последнего своего издыхания. «Он скорее пожертвует жизнью, чем изменит своему слову», – свидетельствует о Царе-мученике Морис Палеолог².

Царь-мученик безгранично был предан воле Божией и всем своим сердцем любил горячо и был предан России. Даже в трагический момент своего вынужденного отречения он думал прежде всего о ней, о российском народе, что было так просто и искренне выражено им следующими словами: «Быть может, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию? Я буду этой жертвой. Да совершится воля Господня... Для России, для ее счастья я готов отдать и трон, и жизнь»³.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. III. Запись «Четверг, 20 августа <1914 г.>».

² Там же. Гл. IX. Припадок пессимизма: снарядный кризис. Запись «Среда, 9 декабря 1914 г.».

³ Там же. Гл. XVIII. Запись «Четверг, 2 сентября <1915 г.>».

«Государь был одарен замечательными личными качествами, — пишет Жильяр, — Он был воплощением самых благородных и лучших чувств русской души. Он подчинился своей судьбе и покорно принял сверхчеловеческий труд, порученный ему Богом. Всеми силами своей души он любил свой народ и свое отечество. Особенно горячо любил Государь простонародье и русского крестьянина, к улучшению жизни которого Государь стремился всей душой. История отдаст ему должное»¹.

Но коварные убийцы и пошедшие с ними рука об руку преступные клеветники прилагают все усилия к тому, чтобы создать свою лживую историю, которая замученному ими Царю должного не отдает. Они — слуги Антихриста — стараются представить грядущим поколениям святой облик замученного ими Царя в самых мрачных красках. Они, преступники против Бога и человечества, погрязшие по горло в крови русского народа, с присущим им цинизмом осмеливаются именовать добрейшего, христианнейшего Православного Русского Царя Николая II Александровича «кровавым».

После совершения ими злодеяния убийцы в своих лживых официальных сообщениях стараются придать этому злодеянию вид некоей законности — как бы исполнение приговора некоего суда. Но ни следствия, ни суда над Царем-мучеником назначено не было. Да если и была бы сделана ими попытка инсценировки суда, то разве могли бы эти безбожные преступники, организовавшие в России под названием «Советского правительства» интернациональную, рабовладельческую, кровавую диктатуру, представлять собой правосудие?

Во имя какого правосудия скрыли они от русского народа совершенное ими злодейское убийство мучеников: больной Царицы Александры Феодоровны, тяжелобольного Наследника Алексея Николаевича, не достигшего полных 14 лет жизни, Великих княжен Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии Николаевых, из коих старшей было 22 года, а младшей 17 лет, горничной Анны Демидовой, доктора Евгения Сергеевича Боткина, повара Харитонов и старика лакея Труппа? Об этом «правосудии» красноречиво свидетельствует зашифрованная телеграмма, посланная 17 июля 1918 года Вейсбартом-Белобородовым секретарю Совета Народных Комиссаров в Кремль — в Москву: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов».

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921.

Для полного представления о советском «правосудии» необходимо указать на состоявшийся в сентябре 1919 года в городе Перми процесс 28 членов партии социал-революционеров, обвиненных советским правительством в самовольном убийстве Царской семьи на пути ее следования в «безопасное место» (!).

В своих лживых официальных сообщениях о совершенном ими гнусном убийстве Царя-мученика советские вожди указывают, что было оно совершено «во исполнение воли народа», не указывая при этом имени этого народа. Встает вопрос: «во исполнение воли какого народа»? Того ли, который боролся с советской властью на полях Гражданской войны и во время бесчисленных восстаний рабочих, крестьян, матросов и красноармейцев? Или в рядах противосоветских армий и формирований во время Второй мировой войны? Или в рядах тех российских людей, которые поныне ведут непрекращающуюся пятидесятилетнюю борьбу против международных поработителей их родины? Или, быть может, «во исполнение воли» тех 100 миллионов российских людей, безжалостно и жестоко уничтоженных советской властью во время Гражданской войны, во время небывалых в истории мира искусственно созданных советскими палачами голодных 1921–1922 и 1932–1933 лет, унесших около 30 миллионов человеческих жертв; во время принудительной коллективизации, на стройках, в концентрационных и принудительного труда лагерях, во время завоевательных войн, в застенках «Чеки», НКВД, МВД и МГБ? Или «во исполнении воли» тех русских людей, о которых Пьер Жильяр повествует в своей книге следующими словами: «Мне часто приходилось видеть людей, встречавшихся на пути нашего шествия в Церковь или обратно, которые при виде Царской семьи крестились и становились на колени. В подавляющем своем большинстве жители города Тобольска были глубоко преданы Царской семье, и наши охранники должны были принимать решительные меры против людей, останавливавшихся под окнами нашего дома, снимавших шапки и крестившихся, проходя мимо него»¹. Или, быть может, это убийство было совершено «во исполнение воли» крестьян-белорусов Гродненской губернии, отданной большевиками Польше по Рижскому договору, которых я имел возможность видеть ежегодно на непопулярных у польских властей панихидах по убиенной Царской семье, вплоть до занятия этой части Польши большевиками в 1939 году? Как сейчас вижу эту крестьянскую массу, тесно наполняю-

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XIX. Наше заключение в Тобольске.

щую внутренность монументального храма, вмещающего около 1000 человек, и весь обширный двор вокруг него, стоящую на коленях, усердно молящуюся и рыдающую, пришедшую на панихиду без всякого особого приглашения, а по влечению своего сердца из деревень, отдаленных даже до 20 километров. Было ли это вопиющее к Богу преступление совершено «во исполнение воли» населения казачьих областей, южнорусских и поволжских губерний и Сибири, которое, несмотря на грозящую ему «высшую меру наказания», прятало портреты Царственных мучеников и с приходом частей Белой армии обратно вешало их в красном углу – под образами? Нет! История со всей очевидностью свидетельствует о том, что убийства Царской семьи, членов Императорской Фамилии и их слуг, обоюбого пола, были совершены... вопреки воле российского народа.

Втайне задуманный интернациональной волей, заранее разработанный ею до мельчайших подробностей, план убийства, тщательная подготовка к его выполнению, хладнокровная, беспощадная расправа убийц с жертвами, дикая жестокость, которой она сопровождалась, в своей совокупности со всей очевидностью свидетельствует о том, что убийство это, совершенное в подвале Ипатьевского дома, было актом жгучей мести помазаннику Божьему – христианнейшему православному Царю, его благоверной христианнейшей семье и всему Православному Русскому Царству со стороны фанатиков-изуверов.

Тайна, которой убийство было окутано, меры предосторожности, которые были убийцами предприняты, тщательное скрывание ими следов своего преступления, уничтожение останков жертв и лживые сообщения убийц непреложно свидетельствуют о том, что это потрясающее, ужасное, вопиющее к Богу преступление было совершено в строгой тайне от русского народа и что именно он – русский народ – не должен был об этом знать.

Часть вторая

Государь-христианин

Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение.
Флп. 1, 21

Эти слова святого апостола целиком относятся и к праведному Русскому Царю-мученику Николаю II. Душа его была захвачена мистицизмом¹; в ней жил Бог. Отсюда происходила его глубокая убежденность в своем священном призвании к правлению Царством, вверенным его попечению

¹ То есть верой не в свои силы, а в Промысл Божий.

как помазаннику Божьему Самим Богом. Отсюда происходила его пламенная вера в Бога и его непоколебимая преданность Христу-Спасителю и Его заповедям. Из его насыщенной Светом Христовым души проистекали все ее качества: любовь к Богу, человеколюбие, смирение, простота, незлобливость, чувство долга.

Об усердии и пламенности молитвы Царя-мученика рассказывал мне, тогда еще отроку, духовник и друг трех поколений нашей семьи, замечательный по своим духовным качествам и строгой, праведной жизни старец – митрофорный протоиерей отец Наум Мезецкий, бывший с начала этого столетия вплоть до эвакуации Варшавы в 1915 году настоятелем церкви в Летнем дворце в Лазенках. Помню, как однажды, после исповеди, когда мы остались с ним в церкви дворца лишь вдвоем, указывая мне на коврики, лежавшие на полу, отец Наум сказал: «Вот здесь, на этом месте, стоя на коленях, молились Государь Император и Государыня Императрица. Они молились так ревностно, так проникновенно, что, глядя на них, мне казалось, что души их, оставив всякое земное попечение, вознеслись туда – одновременно он поднял руку вверх – на небо. О, если бы Господь дал бы и тебе такую силу веры! И вот смотри! Эту мою, недостойного иерея, руку смиренно целовал Самодержец всяя России», – при этих словах отец Наум простер вперед свою руку, показывая ее мне. Позднее, в 1930-х годах, то же самое рассказывал мне член Варшавско-Холмской Духовной консистории Православной Церкви в Польше протоиерей отец Александр Субботин. Православный Русский Царь-самодержец целовал руку каждому священнику; в этом сказывалось и его смирение, и его уважение к сану священнослужителя.

Государь молился и за своих врагов и прощал им обиды. Об этом имеются записи Пьера Жильяра: «13 апреля, Страстная Пятница. Вечером вся семья исповедуется. Суббота, 14 апреля. В 9 часов 30 м. утра обедня и Святое Причастие. Вечером, в 11 часов с половиной, все собираются в церкви к заутрене. Полковник Коровиченко, комендант охраны и личный друг Керенского, и три офицера охраны также присутствуют. Служба длится до 2-х часов, все направляются в библиотеку для обмена пасхальными поздравлениями. Император, по русскому обычаю, целует всех присутствующих, в том числе коменданта дворца и офицера охраны караула, который при нем остался. Эти два человека не могут совладать с волнением, которое в них вызывает этот чистосердечный поступок. Воскресенье, 15 апреля. Пасха. Мы с Алексеем Николаевичем первый раз выходим на террасу перед дворцом. Чудный весенний день. Вечером в 7 часов богослужение наверху, в апартаментах детей. Нас около 15 человек. Я замечаю, что Государь усердно крестится в то

время, когда священник читает молитву с поминовением Временного правительства»¹.

В Бозе почивший благочестивый и всесторонне высокообразованный Блаженный митрополит Антоний (Храповицкий) – основатель Русской Церкви За границей – был одним из немногих современников Царя-мученика, хорошо его понимавших и отдававших ему должное. В своем Слове, сказанном им в Житомирском кафедральном соборе 21 октября 1905 года, через четыре дня после Манифеста 17 октября, установившего народное представительство и в области государственного управления России, владыка Антоний в следующих словах охарактеризовал Государя и тогдашнее моральное и политическое состояние русских людей: «Сегодня окончился одиннадцатый год царствования нашего монарха, и настает двенадцатый год с несколько изменившимися условиями, обозначенными в последнем Манифесте. Оглянитесь же, русские люди, на сей закончившийся первый период царствования нашего Государя, оглянитесь на себя, насколько вы за это время оправдали данную вами перед Крестом и Евангелием присягу, и ныне, когда густая тьма бессовестной лжи и разнузданного себялюбия обложила небосклон нашей жизни, вззрите мысленно на того, кому так мало вы подражаете в добродетели и кому столь неблагоприятными оказались многие. Наш Государь вступил на отеческий престол в юном возрасте, но оказался мудр перед искушением власти. Большею частью цари и другие высокие начальники, достигая власти, стараются о том, чтобы сразу выдвинуть перед глазами всех свою личность в противовес личности предшественника, чтобы показать ожидаемые преимущества своего управления сравнительно с предшественником... Подобные приемы действий особенно свойственны государям молодым, как это было при первых царствованиях в народе библейском. Не так, совсем не так поступил наш, тогда еще юный Государь, сделавшись властителем величайшего в мире Царства. Он обещал следовать во всем примеру и указанию своего в Бозе почившего родителя и постоянно ссылался на его авторитет. Он сохранил при себе его советников и не только не старался о том, чтобы выдвигать самолюбие, свою личность, но, напротив, постоянно смирялся пред своим Отечеством, исповедывая свою сердечную привязанность к старинной Москве, и первый из Русских Императоров не усрамился распространять свои изображения в старинной одежде.

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XVIII. Пять месяцев заключения в Царском Селе.

Смирение – это первая заповедь Евангелия, это первая ступень из десяти блаженств, через которые открывается нам Господень рай, – сколь редкая, сколь ценная эта добродетель в наш горделивый, изолгавшийся век. И если мы справедливо ценим ее так высоко среди простых смертных, то как она вожделенна в могущественнейшем Императоре. Учись же, русский народ, у своего Царя этой великой мудрости быть смиренным... Как же сохранить в себе дух смиренномудрия? Как сохранил его в себе наш Государь? Хранить такой дух может лишь тот, кто боится Бога, кто всем сердцем верит во Христа, кто благоговеет перед святыми угодниками. И сему учиться у своего Царя, русские люди.

Наш Государь начал царствовать в сегодняшний день 21 октября, причастившись в храме Святых Таинств Тела и Крови Христовых. Вторично причастился он Божественных Таинств через три недели, в день своего бракосочетания. Сие необычно земным царям, которые, хотя и стараются всегда показать, что они не чужды веры, весьма опасаются прослыть слишком благочестивыми... Такая раздвоенность совершенно чужда нашему Монарху: Слава Божия являлась главным направляющим началом его деятельности. Ревнуя о прославлении святых угодников с тем же бескорыстным упованием, с каким относится к ним народное сердце, он с радостью разрешил открытие мощей святого Феодосия Черниговского в год своей Коронации¹, а затем приложил старания к тому, чтобы провозглашена была Церковью святость другого угодника Божия – преподобного Серафима Саровского. Но и на сем не успокоилось сердце Царево: оно повлекло его с Царицей-супругой и Царицей-матерью в далекую Саровскую пустынь и побудило его собственными руками поднять священный гроб Чудотворца и вместе со своим народом, собравшимся сюда в количестве трехсот тысяч, проливать слезы умиления, открывать свою совесть духовнику и причащаться Святых Таинств у одной Чаши с простолудином².

Слышал ли ты что-либо подобное, о русский народ, за последнее столетие и более? Часто ли встречал такую силу веры среди людей знатных

¹ Торжество открытия святых мощей святителя Феодосия Черниговского († 1696) состоялось 9 (22) сентября 1896 г.

² В 1892 г. по распоряжению Св. Синода была создана специальная комиссия по исследованию многочисленных свидетельств о чудесах, явленных по молитвам к старцу Серафиму Саровскому. Однако, несмотря на трехкратное представление в Св. Синод по поводу признания подлинности чудес, дело о прославлении отца Серафима остановилось. Оно получило дальнейший ход благодаря участию Императора Николая II, который в июле 1902 г. выразил пожелание завершить начатое дело. В январе 1903 г. Св. Синод объявил о признании в лике святых благоговейного старца Серафима. 16–19 июля 1903 г. в Сарове прошли торжества открытия святых мощей преподобного Серафима, на которых присутствовал Государь с Государыней и другие Высочайшие Особы.

и богатых и укажешь ли мне во всей вселенной нечто подобное в жизни царей, именующих себя христианскими? Учись же у своего Царя вере, умиленнию и молитве. Искреннее благочестие остается не полным, если не украшается любовью и состраданием к ближним. И сию любовь наш Государь проявил в первые же месяцы по своем воцарении, когда, по примеру Всероссийского праведника отца Иоанна Кронштадтского, начал повсюду учреждать дома трудолюбия для бедных, ибо в этом нуждается городская беднота»¹.

В 1914 году, при прославлении праведного Симеона Верхотурского, протоиерей отец Иоанн Сторожев (совершивший 1 /14 июля 1918 года последнюю обедницу и преподавший Царственным мученикам последнее в их жизни пастырское благословение), в следующих словах описал присутствовавшим благочестие Царя-мученика: «Какое, братие, великое, какое неизъяснимое утешение знать и видеть, что Державный вождь народа русского, коему вверены Богом судьбы Отечества нашего, в основу всего в своем Царстве полагает не иное что, как благочестие, самолично подавая пример глубокого, чисто древнерусского благочестия, любви к благолепию служб церковных, почитания святых русских, заботы и усердия к прославлению памяти великих подвижников святой благоугодной жизни».

19 июня 1949 года в храме-памятнике, сооруженном в г. Брюсселе для увековечения памяти Царя-мученика Николая II, выдающийся святитель Русской Православной Церкви и ее Первоиерарх за рубежом – в Бозе почивший Блаженный митрополит Анастасий, инок аскетического образа жизни, молитвенник пламенный за русский народ, всесторонне образованный и обладавший большой эрудицией, в своем прекрасном по содержанию и по форме Слове в следующих словах описал евангельские добродетели убиенного Государя:

«Это был подлинно Царь Православный, в котором воплотились многие евангельские добродетели и прежде всего те, за которые ублажает Христос Спаситель своих последователей в Нагорной проповеди.

Во главе их поставлена нищета духовная, то есть смирение сердца, которым наш самодержавный Царь обладал в такой степени, как никто другой из венценосцев. Она возносит его на высоту и делает его достойным уже не земного, а вечного Царства Небесного. Родившись в день ветхозаветного страдальца Иова, Государь должен был испытать чашу тяжких, горьких страданий. Они проходят через все его царствование и достигают высшего предела в конце его жизни.

¹ В кн.: *Тальберг Н.Д.* Светлой памяти возлюбленного Государя // Отечественная быль: юбилейный сборник. Джорданвилль, 1960. С. 258–320. Гл. 11.

Он плакал горькими незримыми слезами не столько о своей участи и несчастной судьбе своей семьи, сколько о непонимании его лучших благородных стремлений и особенно об ослеплении своего народа, отрехшегося от своего Царя, от своей истории и частью от самой своей веры.

Он не нашел уже утешения на земле, как некогда Иов, и за то обретает его сторицею в блаженном Царстве Христовом.

Кротость его смиренного сердца известна всем, и если кроткие наследуют землю, то и он унаследует землю благих и посажен будет на престоле, который не поколеблется вовеки.

Его возвышенная душа никогда не переставала алкать и жаждать правды, за которую он положил душу свою, – и он насытится ею там, где правда будет царствовать вовеки.

Милосердие – сердце милующее, готовое обнять всех, – это лучшее украшение монархов, составляет самую сердцевину его души. Через эту добродетель он сам обретает помилование у Бога. Чистота сердца, которую он хранил до последнего издыхания, сделает его достойным открытыми очами взирать на славу Божию, а любовь и мир, какие он распространял вокруг себя, как духовный воздух, и к которым он призвал все народы тотчас же по вступлении на Царство, приобщают его к сонму истинных сынов Божиих наряду с прочими миротворцами.

Наконец, кто больше его претерпел незаслуженных поношений, гонений, унижений, клеветы и поруганий, постигших его только за то, что он хотел быть христианином не по имени только, но и в самой жизни показать себя исполнителем заповедей Христовых, положенных им в самое основание своего Царствования. Тернии клеветы и лживых обвинений сплетаются в скорбный венец вокруг его чела даже теперь, когда он отошел от этого мира и предстал на Суд Божий. Но чем больше суждено было ему пострадать за правду в этом мире, тем большая награда ожидает его в грядущей жизни. <...>

Когда гнев Божий возгремел над Русскою землею и власть тьмы водворилась в ней, дыша неистовою злобой против всего, что пыталось стать на ее пути, тогда лучшие русские люди принесли себя в жертву во искупление Отечества. Господь потребовал прежде всего такой жертвы от Государя – как первого сына и Верховного вождя России, – и он безропотно принес ее вместе со всею своею семьею, которую справедливо можно назвать его “домашнею церковью”. Государь мужественно взошел на свою Голгофу и в кроткой покорности воле Божией вкусил мученическую смерть, оставив после себя в наследие ничем не омраченное монар-

хическое начало, как драгоценный залог, полученный им от своих Царственных предков»¹.

Протопресвитер отец Михаил Польский в своей книге «Новые мученики Российские» пишет: «Государь был умучен от маловерного, неверного и отступнического общества русских людей, ставших чуждыми принципам Святой Руси, умучен, как хранитель этих принципов. Он умучен, как слуга Божий, ограниченный в своей воле и власти только законом Божиим, законом правды и любви, которым и служил до смерти. За верность своей присяге, клятвенному обещанию, данному при восшествии на престол. За веру в святость своего Миропомазания на Царство и в свою ответственность перед Богом. За благочестие и за свидетельство Христовой Истины своей жизнью, благодаря чему он стал чужд окружавшему его развращенному обществу. За правду русской жизни и культуры, дух которой в Православии»².

Только под влиянием горячих и непреклонных убеждений Царя-мученика его невеста-лютеранка согласилась приобщиться к Святому Православию. Только познав в глубинах души своего супруга источник пламенной веры и горячей любви к своему народу и под влиянием их, немецкая принцесса превращается в пламенную исповедницу Святого Православия, в ту любящую русский народ и преданную ему до самоубийства подлинно Русскую Царицу Александру Феодоровну, какой знали ее все близко стоявшие к ней люди и о чем так ярко свидетельствует ее неутомимая широкая благотворительная и милосердная деятельность на протяжении всей ее многострадальной жизни и письма из Тобольска, проникнутые горячей верой, покорностью воле Божией и всепрощающей любовью к русскому народу. Вот о чем пишет в них Царица-мученица:

«Чем больше здесь страдания, тем ярче будет на том светлом берегу, где так много дорогих нас ждут (21 октября. 1917 г.).

Дух у всех семи бодр. Господь так близок, чувствуешь Его поддержку, удивляешься часто, что переносишь вещи и разлуки, которые раньше убили бы. Мирно на душе, хотя страдаешь сильно за Родину (9 декабря).

Не надо так мрачно смотреть – голову наверх – бодрее всем в глаза смотреть. Никогда надежду не терять – непоколебимо верить, что пройдет этот кошмар...

¹ Слово, произнесенное Первоиерархом Русской Православной Церкви Зарубежом Высокопреосвященнейшим митрополитом Анастасием 19 июня 1949 г. в храме-памятнике, сооруженном в Брюсселе для увековечивания памяти мученически убитого Государя Императора Николая II // Сборник священной памяти Царственных мучеников. Париж: Издание В.М.С. (Высший Монархический Совет), 1954.

² *Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1949. С. 258–259.*

Какая я старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою Родину, несмотря на все ужасы и согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце – но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господи, смилуйся и спаси Россию (10 декабря).

Ведь очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает своих детей. Но я твердо, непоколебимо верю, что Он все спасет, Он один это может. Странность в русском характере – человек скоро делается гадким, плохим, жестоким, безрассудным, но и одинаково быстро он может стать другим; это называется бесхарактерность (9 января 1918 г.).

...Но что время? Ничего, жизнь – суета, все готовимся в Царство Небесное. Тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол человека стережет на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело – быть на страже, не спать, а воевать. Вся жизнь – борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, попущение – все к лучшему; везде видишь Его руку. Делают люди тебе зло. А ты принимай без ропота: Он и пошлет Ангела-хранителя, утешителя Своего. Никогда мы не одни, Он – Вездесущий, Всезнающий, Сама любовь. Как Ему не верить (2/15 марта 1918 г.).

Отбросим старого Адама, облечемся в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече Небесного Жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас: как Он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он, Невинный, Безгрешный, вольно страдал. Искупаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови пятна, загрязнившие наши души (13/26 марта).

Когда совсем затоптаны ногами, тогда Он Родину подымет. Не знаю как, но горячо этому верю. И будем непрестанно за Родину молиться. Господь Иисус Христос, помилуй меня, грешную, и спаси Россию (19 марта).

Атмосфера электрическая кругом, чувствуется гроза, но Господь милостив и охранит от всякого зла.

Хотя гроза приближается, на душе мирно – все по воле Божией. Он все к лучшему делает. Только на Него уповать. Слава Ему, что маленькому (*Наследнику. — Н. О.*) легче (8/21 апреля 1918 г.)»¹.

Святая Русь, во всей ее духовной силе и красоте, выявляется в замечательных строках той, которая подвергалась такой клевете и поношению, даже некоторыми членами Императорского Дома, пренебрегшими

¹ *Тальберг Н.Д.* Святая Русь. Париж, 1929; Джорданвилль, 1964.

нарочитой присягой, ими даваемой. «Пламенной верой, силой древнего христианства, величием благороднейшей души преисполнены письма узницы революционеров, Царицы Александры Феодоровны», – пишет Н.Д. Тальберг в своей книге «Святая Русь».

Генерал М.К. Дитерихс рассказывает¹, как после занятия Екатеринбурга белыми войсками в каретнике во дворе дома Ипатьева был обнаружен перерытый убийцами сундук с книгами Царской семьи. В одной из английских книг, принадлежавших Великой княжне Ольге Николаевне, было обнаружено записанное рукой Царицы-мученицы следующее стихотворение, которое, по предположению генерала Дитерихса, было сочинено тоже ею²:

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже Правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов –
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

О доброте души и человеколюбии Царя-мученика имеется много свидетельств, и перечислить их все невозможно. Но некоторые из них нельзя не привести. В своей книге «Отечественная быль» Н.Д. Тальберг передает

¹ Дитерихс М.К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. 1922.

² Автор «Молитвы» – поэт, офицер Белой армии С.С. Бехтеев. В октябре 1917 г. он послал это стихотворение через графиню А.В. Гендрикову из Ельца Царской семье, находившейся в заключении в Тобольске. Его своей рукой переписала Великая княжна Ольга Николаевна (о чем и Дитерихс пишет; у Обручева: «записанное рукой Царицы-мученицы» – ошибка памяти), поэтому оно нередко ошибочно приписывалось ей.

в следующих словах рассказанное ему генералом П.П. Орловым: «Будучи, как флигель-адъютант, на дежурстве во дворце в Царском Селе или в Петергофе (точно не помню), он в поздний час вынужден был принять молодую женщину, упорно настаивавшую на свидании с ним. Волнуясь, сквозь слезы она сообщила ему, что через несколько часов предстоит казнь ее жениха, которого судил военный суд вместе с несколькими революционерами. По ее словам, молодой человек только случайно оказался связанным с группой террористов и ни в чем не виноват. Она умоляла испросить у Государя повеление о приостановке его казни. Орлов знал, что Государь удалился уже в спальню и, возможно, спит. Все же искренность ее горячей мольбы побудила Орлова постараться исполнить ее просьбу. Спрошенный им камердинер ответил, что Государь ложится спать. Орлов просил осведомить Царя о необходимости сделать ему доклад по неотложному делу. Через короткое время Государь вышел в домашнем костюме и спросил: “Что случилось, Орлов?” Выслушав доклад, он поблагодарил Орлова, не побоявшегося побеспокоить его по такому важному делу, и приказал передать немедленно по телефону коменданту Петропавловской крепости Высочайшее повеление о приостановке казни молодого человека. На следующий день Государь отдал распоряжение выяснить обстоятельно степень виновности последнего. Обнаружена была в отношении его судебная ошибка. Он был освобожден, и через год Орлов случайно встретил в Крыму счастливую супружескую пару». Этот эпизод тоже передает в своей книге «Николай и Александра»¹ американский писатель Роберт К. Месси, добавляя к рассказанному Н.Д. Тальбергом подробности о том, что молодая женщина, узнав об исполнении ее просьбы Государем, в порыве благодарности и радости сказала, что она всю свою жизнь будет ежедневно молиться за него. На другой день утром Орлов рассказал об этом Государю, который, выслушав Орлова, сказал ему: «Я Вам очень благодарен, Орлов, так как своим вчерашним докладом Вы сделали счастливыми двух людей: ее и меня»².

В октябре 1915 года Государь в сопровождении Наследника начал объезд фронта. В следующих словах П. Жильяр, неизменно сопровождавший своего ученика, описывает свои переживания и виденное на одном из участков этого фронта. «24 октября, – пишет Жильяр, – мы отправились на фронт. На следующий день мы прибыли в Бердичев, где к нашему поезду присоединился командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-адъютант Н.И. Иванов. Через несколько часов мы прибыли в Ровно, где находился Штаб генерал-адъютанта Брусилова. Мы тотчас же

¹ Роберт К. Месси. Николай и Александра. Нью-Йорк: Атенеум, 1967.

² Тальберг Н.Д. Отечественная быль: юбилейный сборник. Джорданвилль, 1960.

сели в автомобили, так как нам нужно было сделать более 20 километров. Эскадрилья аэропланов сопровождала нас до места смотра. Государь и Наследник обошли фронт всех частей. После этого Государь вызвал из строя офицеров и солдат, представленных к знакам отличия святого Георгия, и собственноручно приколот им таковые. Когда смотр и награждение окончились, наступила ночь. Узнав на обратном пути от генерала Иванова, что недалеко от этого места находился перевязочный пункт, Государь тотчас же решил его навестить. Мы направились в густой лес и вскоре заметили маленькую постройку, слабо освещенную факелами. Государь в сопровождении Наследника вошел в дом, обошел каждого раненого и с присущей ему добротой вступал в разговор, не минуя никого. Его неожиданный приезд в столь поздний час в непосредственную близость к фронту вызвал удивление, которое отражалось на лицах солдат. Один из солдат, который только что пришел в себя после перевязки, своей единственной рукой начал ощупывать одежду Царя, чтобы убедиться, что возле него действительно находился Царь, а не призрак»¹.

В своей книге «Светлой памяти Императора великомученика Николая II» (Париж, 1933)² флигель-адъютант В.В. Свечин, со времени еще совместной службы с Государем в Лейб-гвардии Преображенском полку хорошо и близко его знавший, описывает посещение Царем-мучеником лазаретов в Москве, куда Государь прибыл по дороге в Петроград, после посещения Кавказского фронта, где он приветствовал доблестные войска, только что одержавшие блестящую победу над турками при Саракамыше³. Сопровождавший Государя при его посещениях лазаретов В.В. Свечин сообщает: «Сопровождая, таким образом, Его Величество в его поездках по лазаретам, я имел неоднократно случай наблюдать, какое глубокое впечатление производил на него вид тяжелораненых, ампутированных, ослепших и изуродованных, еще так недавно вполне здоровых людей, принесенных в жертву Молоху войны, столь всегда противной сердцу Государя. Впечатление это бывало настолько сильно, что, несмотря на присущие Государю выдержку и самообладание, он иногда был не в силах скрыть своего душевного волнения.

И надо было видеть его глаза, когда, переходя от койки к койке, он склонялся над несчастными страдальцами и заботливо расспрашивал о

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XII. Император Николай II. – Верховный Главнокомандующий. – Приезд Цесаревича в Ставку. – Поездки на фронт.

² Свечин В. Светлой памяти Императора великомученика Николая II : «глаза – зеркало души». Париж : Société Nouvelle d'Impr. et d'Éditions, 1933.

³ Саракамышская операция завершилась 4 (17) января 1915 г.

их ранениях и сражениях, где они были ранены, интересовался, какой они части, какой губернии, есть ли семья и т.д.

Я, который знал его глаза и столько лет уже ими постоянно любовался и, казалось, вполне их изучил, я всякий раз в лазаретах поражался их новой скорбной красотой.

Не могу выразить словами, сколько было в них сострадания и любви к ближнему.

Всегда прекрасные, но обыкновенно не легко проницаемые, они были в это жестокое время истинным отражением его благочестивой христианской души, и в них нетрудно было разглядеть, какие сокровенные струны затронула навязанная ему ужасная война и понять, какой искренней и великой печалью звучали эти невидимые струны...

В день своего отбытия в Петроград Государь Император повелел мне остаться еще несколько дней в Москве, дабы объехать неосмотренные лазареты и в первую голову побывать в том, который Его Величество посетил перед самым отъездом.

– Мне пришлось сейчас торопиться, – сказал Государь, – и я опасюсь как бы кого не обидел, обойдя тяжелораненых и наградив случайно менее достойных... Поезжайте и проверьте и если такие случаи обнаружите, то исправьте мой грех и обласкайте от моего имени обойденных.

Эти простые слова Русского Императора, запечатлевшиеся в моем сердце, – как решительно рассеивают они возведенную врагами и недоброжелателями на него клевету о присущем ему будто бы бессердечье и безразличном отношении к участи и страданиям своих подданных!»

Далее флигель-адъютант В.В. Свечин рассказывает, как он обнаружил одного такого «обойденного» Государем солдата.

«Подойдя к контуженному, – рассказывает В.В. Свечин, – я увидел одно из тех хороших, открытых, привлекательных простонародных лиц, которые особенно часто встречаются среди жителей Полтавской, Черниговской и других малороссийских губерний, всегда дававших прекрасных солдат.

Он был бледен, как полотно его рубашки, и худ до чрезвычайности; впавшие глаза казались погасшими, губы были совершенно белы.

Несчастный был контужен в спинной хребет и страдал невероятно. По мнению врача, на выздоровление он имел очень мало шансов...»

Фамилия этого солдата была Сиволенко. Далее В.В. Свечин повествует о том, как он наградил Сиволенко и какой между ними произошел по этому поводу разговор:

«Глубоко растроганный таким невероятным смирением, я приколол к его рубашке Георгиевскую медаль и сказал, что передаю ему, от имени

Государя Императора, особо сердечное спасибо за службу и за тот героический дух, который он сохранил среди страданий.

– Покорнейше благодарю, Ваше Высокоблагородие, – начал он, но затем, видимо от волнения и под влиянием сильных болей, забывая обычные уставные формулы, он продолжал, пересыпая русскую речь малороссийскими словами, просто, душевно, – премного благодарны Государю Императору за их милость... Нам тут хорошо – уход, что за господами... А они, Государь-то, и так нас наградили, что нас грешных посетили... Ваше Высокоблагородие, – продолжал он, все более и более волнуясь, – у Государя такие глаза, что в жизнь не бачил – до смерти не забуду. Люди говорили, что ему до нас дила нет... Теперь я знаю: то злодеи, хуже немца – все брешут... Уж мене теперь сего не скажут... Коли Бог даст, выдужаю – убью всякого, хто скажет что такое подобное... Я видел его глаза и знаю теперь правду. В них слезы были, вот те Христос, сам видел. Сказать – не поверят: Царь, Император Российский, да плаче... Смотрел на нас, искалеченных, и плакал... Знать, жалел. Видно, правду в полку учили, когда сказывали, что мы для него, як дити. Как есть отец по детям и плаче... Ваше Высокоблагородие, помирать буду, не забуду его глаз...»

Вернувшись в Петроград, В.В. Свечин сделал доклад Государю, но, зная о скромности Государя, о его нелюбви обнаруживать свои душевные переживания, Свечин о сказанном Сиволенко о глазах Государя и виденным им его слезах умолчал.

«По повелению Государя престарелым родителям героя-страдальца было послано в деревню денежное пособие. Кроме того, начальнику Московского Военного Округа было указано периодически сообщать о состоянии его здоровья Военно-Походной Канцелярии, для доклада Его Величеству».

Два с небольшим месяца спустя, на одном из моих дежурств, Государь, как только меня увидел, сказал:

«Вчера я получил известие о смерти Сиволенко. Командующий войсками доносит, что он последнее время безумно страдал.

При таких условиях, это, конечно, к лучшему, но мне очень жаль, что я его не увижу... Я надеялся, что он поправится, и хотел обеспечить ему тихую и спокойную жизнь».

В.И. Мамантов, очень долго бывший главноуправляющим Канцелярией по принятию прошений на Высочайшее Имя приносимых и по роду своей службы бывший очень близко к Государю, характеризует Государя следующими словами: «С врожденным и сильно развитым чувством справедливости, – пишет в своих воспоминаниях Мамантов, – добрый, слишком, к сожалению, добрый, гуманный, он с величайшей готовностью

шел навстречу предлагавшимся ему Канцелярией мерам восстановления поправленных прав и смягчению суровых велений закона, когда изъятие из него не нарушало ничьих интересов и вызывалось требованиями высшей справедливости. Я не говорю уже об оказании им широкой помощи впадшим в нужду – доброта его в таких случаях не имела предела, – и только недостаток средств заставлял его с сожалением отказывать»¹.

Царь-мученик был подлинно Православным Царем – борцом за христианские идеалы, подвижником в своем Царском служении российскому народу. Правление Россией было у него неотъемлемо от его религиозного убеждения, как помазанника Божьего.

В этой своей религиозной убежденности черпал он силы для управления бурлившей страной, продолжавшегося более 22 лет.

Несмотря на самые мрачные предзнаменования и предчувствия, он никогда не терял своего христианского оптимизма. Подлинно христианское смирение было отличительной чертой его праведной души; он никогда не предавался унынию, какие бы скорби и печали ни встречались на его жизненном пути.

Свой жизненный путь он прошел ровной и твердой поступью – с именем Божиим на устах и с образом Христа в своем сердце.

Часть третья

Государь-правитель

«Не самодержавие я защищаю, а Россию».

Император Николай II

21 октября 1894 года, на пятидесятом году жизни, в Бозе почил великан-Царь Миротворец Александр III, подточенный неожиданно подкравшейся болезнью.

Под этой датой Царь-мученик Николай II сделал в своем дневнике следующую краткую запись: «Государь умер. Боже, что будет с Россией!» Это был вопль Царской души к Богу. Об этом сокроуенном вопле Царя мир узнал случайно от его и России врагов, похитивших и опубликовавших Царский дневник, писанный не для огласки².

¹ Мамантов В.И. На государевой службе: воспоминания. Таллинн, 1926. См. также: Н.Д. Тальберг. Светлой памяти возлюбленного Государя // Отечественная быль: юбилейный сборник. Джорданвилль, 1960. С. 258–320. Гл. 6.

² Сразу после расстрела Царской семьи Дневник Императора Николая II был «национализирован» советским правительством, и уже в начале августа 1918 г. в газетах «Известия» и «Правда» были опубликованы около 30 записей из него. В 1923 г. в Берлине издательством «Слово» были опубликованы копии Дневников, попавшие к издате-

Этот вопль наглядно указывает на то, что центром устремленного на Добро духовного взгляда Царя была Россия, у которой – он это хорошо знал – нет друзей извне и есть много врагов внутри.

В этом вопле звучало осознанное им понимание того тяжкого бремени, ложившегося на его плечи, каким являлось управление разнородной по своему составу, идейно разъединенной, бурлившей, огромной страной, в которой никогда не заходило солнце. В его сознании глубоко были внедрены все затруднения и проблемы политического, экономического и хозяйственного характера, которые он унаследовал вместе со своим Царством. Он хорошо понимал, что все это и те нестроения, которые начались за 100 лет до него, отныне придется разрешать ему – только ему одному...

И в этом его вопле звучал вопрос: «Справлюсь ли я?»

Этот самый вопрос он, умудренный 22-летним правлением Россией, задал представителям Временного правительства – монархистам Гучкову и Шульгину, когда они требовали от него, плененного собственным генерал-адъютантом Рузским в Пскове, отречения от престола: «Справитесь ли Вы?» И эти бессовестные, преступные политические слюнтяи, не имевшие ни его знаний, ни опыта, не задумываясь, ответили: «Справимся!» Как они справились, об этом знаем мы – русские, знает весь мир и непреложно свидетельствует история.

Но в этом вопле Царя перед вступлением на трон звучала, и звучала громче всего, его покорность воле Божией. В ней представлялся акт величайшей, по учению Христианской Церкви, жертвы любви акт величайшего послушания – изъявление готовности ради искупления грехов русского народа принять на себя страдания.

Вслед затем прозвучали слова Манифеста о вступлении на престол: «Божией Милостью, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский...», и началось самое гуманное, самое благодатное, полное реформ и жертвенного служения российскому народу царствование Царя-мученика Николая II Александровича, продолжавшееся 22 года, 4 месяца и 13 дней, приведшее Россию на небывалую до того высоту ее экономического и хозяйственного развития, благополучия, благоденствия и неповторимой подлинной свободы российского народа.

В основу своего правления Царем-мучеником было положено сохранение принципов государственного строя, укрепление Церкви; дарование

лям сомнительным путем, при участии заведующего советским «Новоромановским архивом» проф. В.Н. Сторожева (*Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В.* Из истории публикации документов Царской семьи в 1918–1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1).

благоразумных, основанных на христианской морали свобод; выполнение исторических задач, стоявших перед российским народом; сохранение великодержавного авторитета Империи; повышение общего благосостояния населения путем широких хозяйственных и экономических преобразований; освоения просторов Российской Империи; повышение уровня образования и патриотического воспитания юношества и ведение миролюбивой внешней политики.

28 января 1897 года по Высочайшему повелению была произведена первая общая всероссийская перепись населения, давшая подробную картину состояния России. По данным этой переписи, население Империи достигло цифры в 128 миллионов 239 тысяч. Общая площадь огромной Империи, растянувшейся на двух материках ($\frac{1}{2}$ Европы и $\frac{1}{3}$ Азии), – от Балтийского моря до Тихого океана с запада на восток и от Северного Ледовитого океана до границ Турции, Индии и Китая – с севера на юг, была равна $\frac{1}{6}$ части всего земного шара и составляла 19 179 000 кв. верст, или около 8 320 000 кв. миль. В административном порядке она была разделена на 97 губерний и областей, разделенных, в свою очередь, на 816 уездов.

Гениальный русский ученый Димитрий Иванович Менделеев, бывший не только химиком, но и экономистом, и государственным деятелем, в своем замечательном труде «К познанию России», изданном незадолго до его смерти, в 1906 году, дает подробную картину российского благополучия. Основываясь на статистических данных Всероссийской переписи 1897 года и на данных Статистического комитета, приведенных им в своем отчете «Движение населения Европейской России в 1897 г.», опубликованном в 1900 году, Менделеев подчеркивает, что в 1897 году «рождаемость составляет 4,95%, смертность – 3,14%, а естественный прирост населения – 1,81%».

«Считаю очень не излишним, – пишет Менделеев, – обратить внимание на то, что такого естественного прироста, какой найден для 1897 года в Европейской России (1,81%), ни для одной страны до сих пор неизвестно». Сравнивая статистические данные России с данными Соединенных Штатов и Аргентины, Менделеев указывает, что прирост населения этих стран больше потому, что он состоит из естественного прироста, увеличенного иммиграцией населения из других стран. Одновременно он указывает на самую благополучную в этом отношении страну – Германию, где годовой прирост населения составляет 1,5%. Далее он приводит статистику Ирландии, где происходит явная убыль населения. «Согласно статистическим данным для Ирландии, – пишет Менделеев, – в Ирландии в 1871 г. жило 5,4 млн., в 1886 г. – 5,2 млн., в 1896 г. – 4,7 млн., в 1901 г. – только 4,46 миллиона».

В добавление к сведениям профессора Менделеева считаю нужным указать, что, по статистическим данным Ирландии за 1966 год, численность населения ее выражалась цифрой в 2 880 752 человека. Убитый президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди, ирландец по отцу, во время посещения им городка, откуда происходил его отец, в произнесенной им там, обращенной к компатриотам своего отца речи, сказал, между прочим, следующее: «В настоящее время в Соединенных Штатах живет больше ирландцев, нежели в самой Ирландии». Ни для кого не секрет, что бегство ирландцев за границу происходит благодаря тому давлению со стороны демократического английского правительства, при котором экономическое, политическое и религиозное существование ирландцев сделалось для них совершенно невозможным.

Далее Менделеев указывает в своей книге, что существуют страны, в которых население постепенно вымирает. Такой страной после Великой революции, развращенная ее революционной философией и падением нравственности, стала Франция, население которой перед Первой мировой войной систематически уменьшалось. И после Первой мировой войны, несмотря на присоединение к ней Эльзас-Лотарингии, тенденция к вымиранию у французов продолжалась; так, в 1935 году, согласно статистическим данным, смертность во Франции превысила рождаемость на 26 476 человек.

Знала ли обо всем этом увлеченная западными идеями русская интеллигенция? Знают ли об этом русские интеллигенты из числа хулителей Царя и Царской России, очутившиеся после революции на положении беженцев за границей?

В упомянутом своем труде Менделеев вычисляет, что если из «предосторожности» взять для прироста населения России 1,5% вместо 1,81%, то в 1950 году оно будет составлять 282,7 млн.».

Общая численность населения России, по статистическим данным за 1914 год, составляла 182,5 млн.

По советской статистике, общая численность населения Советского Союза составляла в 1967 году цифру в 235 миллионов, тогда как, по вычислениям Менделеева, она должна была бы достигнуть цифры в 360 миллионов как минимум. Вот этот «дефицит» в населении России, равный 125 миллионам людей, представляет собой тот подлинный итог, во что обошлась российскому народу революция и «достижения» советской власти. По советской статистике, прирост населения за 1967 год составляет 1,11. Есть над чем задуматься каждому!

Разбирая данные статистики 1897 года, Менделеев сообщает, что в 49-й ее статье «перечислены лица, не заявившие о способах, которыми

они живут; или заключенные за свои проступки, или занятые неопределенными и сомнительными видами промысла, например проституцией. Общее число таких лиц, равное 851 000, все же в России сравнительно невелико по отношению к тому, что известно для других стран. А тут-то и содержится истинный пролетариат или настоящее бедствие человечества». В добавление к вышеизложенному нельзя не обратить внимания русских людей, какой категорией граждан была представлена диктатура пролетариата.

«В России ежегодно, – сообщает Менделеев, – прибывает 2 000 000 жителей, то есть в каждую минуту дня и ночи общее число рождающихся в России превышает число умирающих на 4 человека».

В дальнейшем великий русский ученый и патриот обращает внимание российской общественности на рост населения, которое к 2000 году должно достигнуть 600 000 000 душ.

Исходя из этого, Менделеев приходит к выводу, что для обеспечения и увеличения благополучия населения необходимо увеличить рост отечественной промышленности, заняться землеустроением, поднять производительность сельского хозяйства и труда вообще. На основании же результатов переписи и данных о движении населения он приходит к твердому выводу о том, что вопрос этот Императорским правительством правильно понимается и трактуется, о чем свидетельствует более быстрый рост городского населения за счет сельского и рост крестьянского землевладения.

Касаясь нашей промышленности, Менделеев указывает на то, что наша бумагопрядильная промышленность завоевала вне всякой конкуренции все рынки Азии. Он указывает на то, что экспорт прекрасных по качеству и очень дешевых бумагопрядильных изделий, как ситцы, кумач, сатинет, «чертова кожа» и т.д., совершенно вытеснили такие же товары английской промышленности в Китае и других азиатских странах, включая Индию, бывшую тогда английской колонией.

Экспорт за границу сахара, табака, папирос, водочных изделий, икры, рыбных и других консервов достигает внушительных размеров.

«Всякий русский, ездивший за границу, – пишет Менделеев, – знает, что в России конфетные изделия всякого рода, начиная от простых карамелей и варенья до конфет высшего сорта, не только лучше, чем где бы то ни было, но и дешевле».

Со своей стороны я не могу не указать и уверен, что каждый, живший в Императорской России, это подтвердит, что таких лимонадов, какие там выделявались, по своему качеству и вкусу нигде за границей не было и нет и сейчас; особенно в этом отношении выделялись москов-

ские: «Фруктовые воды» Ланина и «Ситро» и «Клюквенный» Калинкина. Наши консервы Прохорова, выделявавшие малороссийский борщ, судака в майонезе, жареных куропаток и тетеревов, сладкий горошек и т.д., и т.д., фруктовые консервы, особенно фабрики Магомета Омар-Оглы в Темир-Хан-Шуре, наши рыбные консервы: шпроты, кильки, бычки, скумбрия, наши балыки, сиги, семга были и, хоть в прошлом, до сих пор остались вне конкуренции, так же как разные виды икры, папирос, табака и водки.

Статистика за 20 лет царствования Царя-мученика дает следующие сведения:

	в 1894 г.	в 1914 г.
Население	122 000 000 чел.	182 500 000 чел.
Крестьянское землевладение	132 000 000 дес.	240 000 000 дес.
Урожайность хлебов	2 500 000 000 пуд.	4 500 000 000 пуд.
Средний урожай с десятины	38 пуд.	58 пуд.
Добыча нефти	294 000 000 пуд.	600 000 000 пуд.
Добыча железной руды	140 000 000 пуд.	500 000 000 пуд.
Добыча каменного угля	466 000 000 пуд.	2 200 000 000 пуд.
Добыча меди	395 000 пуд.	1 800 000 пуд.
Добыча марганца	12 000 000 пуд.	55 000 000 пуд.
Добыча соли	85 000 000 пуд.	121 000 000 пуд.
Добыча золота	2 576 пуд.	3 674 пуд.
Добыча платины		450 пуд.
Выплавка железа, стали и чугуна	143 000 000 пуд.	600 000 000 пуд.
Продукция сахара	30 000 000 пуд.	120 000 000 пуд.

Развитие промышленности в России шло гигантскими шагами — в 1914 году насчитывалось около 14 000 крупных фабрик и заводов, на которых работало уже около 2 500 000 рабочих, производивших товаров общей стоимостью около 5 миллиардов золотых рублей.

Согласно статистическим данным, в 1914 году в России имелось 150 000 промышленных и 900 000 торговых предприятий с оборотом в 27 000 000 000 золотых рублей в год. Кроме того, была развита кустарная промышленность, в которой принимало участие несколько миллионов главным образом малоземельных крестьян, занимавшихся этим промыслом (большей частью в Северной России), как подспорьем к сельскому хозяйству. Кустари выделяли ножи, ножницы, обувь, валенки, гончарные изделия, мебель, игрушки и много художественных изделий из слоновой кости, серебра, дерева, эмали и посуду. В Москве имелся большой

музей кустарного искусства, где можно было приобрести любые кустарные изделия. Владимирская губерния славилась иконописью, Кавказ – оружием и всякими украшениями, Бухара, Хива и Туркестан – коврами, Великороссия и Малороссия – вышивками, Белоруссия – сукнами и тончайшим полотном, Ярославская губерния – валенками и полушубками, Архангельская губерния и север России – пимами и дохами¹, и т.д.

В России устраивалось ежегодно 30 000 ярмарок, из которых наиболее славились международные ярмарки в Нижнем Новгороде.

Царь-мученик был разумным русским патриотом и всячески покровительствовал отечественной культуре, промышленности, сельскому хозяйству, росту государственных и частных финансов.

Любовь Царя-мученика к простому народу не была абстрактной: он стремился систематически к улучшению его быта и благополучия; целый ряд законодательств и реформ, проведенных на их основании, свидетельствует об этом. Особенно ярко это сказалось в его реформах, касавшихся землеустройства крестьян. Стремление Царя-мученика к улучшению быта крестьян, можно сказать, было врожденным и по мере понимания им глубже государственных задач России возрастало. Он хорошо понимал то, что не понимали теоретики социализма, выставившие демагогический лозунг «Вся земля – крестьянам». Царь-Мученик ясно сознавал, что раздел всей земли поровну был утопичен и неминуемо привел бы сельскохозяйственную продукцию страны в катастрофическое состояние в ближайшие же десятилетия. Говорить о разделе сельскохозяйственных угодий могли лишь безграмотные люди и безответственные демагоги. В 1914 году на всей площади России в 19 179 000 кв. верст, что равнялось 1 997 799 714 десятинам, проживало 182,5 миллиона жителей. Если разделить поровну всю площадь России, то в среднем выходило бы 10,95 десятины на одну душу. Но в общее число этих десятин входили площади, занятые населенными пунктами, железными и другими дорогами, озерами, реками, болотами, горами и огромнейшими пространствами солончаков, пустынь, тундр и лесов. Государь хорошо сознавал, что это были «бесмысленные мечтания»² и что нужны были коренные реформы для улучшения продукции сельского хозяйства как в частновладельческом понимании, так и в общегосударственном масштабе. Для этого прежде всего требовалось уничтожение общинного владения и чересполосицы. Убежденность Государя о необходимости проведения такой реформы разде-

¹ Пимы – высокие сапоги из оленьей шкуры мехом наружу. Доха – шуба из шкур мехом и внутрь и наружу.

² Слова Императора Николая II из его речи, произнесенной в Зимнем Дворце 17 января 1895 г. перед депутацией от дворянства, земств, городов и казачьих войск.

ляли величайшие умы России: профессор Менделеев, генерал-адъютант Н.Н. Обручев, профессор Н.Х. Бунге, профессор Д.И. Пестржецкий, министры Дмитрий Сергеевич Сипягин и Петр Аркадьевич Столыпин, начавший проводить эту реформу в жизнь.

Интересно отметить, что по этому поводу пишет в своих мемуарах С.Ю. Витте. Упомянув о мнении по этому вопросу, существовавшем у генерал-адъютанта Н.Н. Обручева, Витте сообщает: «Упомянув о Н.Н. Обручеве, не могу не сказать, что он систематически проповедовал обратить внимание на крестьянство. Многократно об этом докладывал Государю». Говоря о себе, он пишет: «Должен сказать, что, с одной стороны, я еще не вполне изучил крестьянский вопрос относительно преимуществ того или другого способа крестьянского владения землей, не установил себе окончательного воззрения». И далее: «Таким образом, я не высказался ни за общину, ни за личное владение, а находил, что было бы благоразумнее, пока не будет выяснен и разобран крестьянский вопрос во всей его совокупности, действие статьи о выделении приостановить»¹. Как мы видим, землеустроительные реформы были задержаны не без влиятельного участия в этом Витте, которому это не помешало впоследствии – в конце своих воспоминаний – упрекать Государя и правительство в запоздалом проведении этих реформ. Такого рода казуистика очень характерна для Витте и неоднократно повторяется в его книге «Воспоминания». В тот день, когда этот вопрос разбирался в специальном заседании Государственного Совета, Витте имел по этому вопросу долгую беседу с Царем-мучеником, тогда еще Наследником Престола, которая произошла во время поездки Наследника Цесаревича, совместно с Витте, из Гатчины в С.-Петербург для присутствия на заседании Государственного Совета. «Как подал свой голос Цесаревич, – пишет Витте, – я не знаю. Но едучи с Цесаревичем, я имел случай говорить с ним довольно долго о крестьянском вопросе, я тогда заметил, что Его Высочество, со свойственной ему сердечностью и благожелательностью, относился в высокой степени милостиво к крестьянским интересам и считал их первенствующими». Все реформы царствования Императора Николая II полностью подтвердили тогдашнее мнение Витте, хотя в своих воспоминаниях он свое мнение меняет чаще, чем перчатки.

Едва ли стоит упоминать о том, что в результате совершенной революции все имения помещиков не только не были разделены среди крестьян, но были в том же виде и в той же площади переименованы в советские хозяйства – «совхозы», в то время как крестьяне потеряли свою собственность, как частновладельческую, так и общинную.

¹ *Bumme* С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Т. 1. Гл. 32.

Не то было при Императорском правительстве, произведшем по инициативе Царя-мученика целый ряд реформ, направленных на улучшение быта крестьян. Русский выдающийся ученый-специалист по сельскому хозяйству Д.И. Пестржецкий в своей книге «Около земли» (Берлин, 1922) сообщает, что в 1905 году было произведено поземельное обследование-перепись. «С 1906 года, – пишет профессор Пестржецкий, – обеспечение малоземельных и безземельных крестьян составило предмет особой заботливости правительства. Таким крестьянам выдавались из Крестьянского банка ссуды в 100% оценки. При переселении земли они пользовались особыми преимуществами. Поземельная землеустроительная комиссия и Переселенческое управление выдавали таким крестьянам ссуды и пособия на обзаведение хозяйством, возведение построек, покупку живого и мертвого инвентаря». Перевоз переселенцев производился за счет казны. «С 1906 года, – сообщает Пестржецкий, – началось усиленное переселение крестьян в Сибирь. Переселявшиеся дворы продавали обычно свои хозяйства односельчанам. С начала 1906 года до начала Мировой войны переселилось из Европейской России в Сибирь 3 460 169 душ мужского пола».

Этим переселенцам, сообщает профессор Пестржецкий, «отводилось даром по 15 десятин на душу казенной или кабинетской земли¹, то есть в общей сложности было отведено 51 902 503 десятины удобной земли, не считая земель неудобных и долевого значения».

По указам 1906 года, все не засаженные лесом казенные и удельные земли² Европейской России были переданы крестьянам. Кабинетские и удельные земли, оставшиеся к 1 января 1917 года, составляли исключительно лесную площадь и ничтожное количество высших культур. За время с 1906 года по 1917 год, по вычислениям Пестржецкого, только в Европейской России крестьянам было распродано 6 000 000 десятин казенной земли и 1 868 224 десятины удельной земли. Землю же эту приобрели исключительно малоземельные крестьяне. Кроме того, при посредстве Крестьянского банка ими было приобретено в рассрочку на 50 лет из 2% годовых около 15 миллионов десятин дворянской, купеческой и мещанской земли и без участия Крестьянского банка – около 25 миллионов десятин. «На 1 января 1917 года, – сообщает проф. Пестржецкий, – по исчислениям, произведенным мною с А.Н. Тройницким, на основании данных Министерства земледелия, Крестьянского банка и «Движения земельной собствен-

¹ Кабинетские земли – земли, находившиеся в личной собственности Российского Императора; управлялись Кабинетом Его Императорского Величества.

² Удельные земли – земельная собственность Императорской Фамилии, созданная в 1797 г. из дворцовых земель; управлялась Департаментом уделов. С 1863 г. удельные земли выделены в собственность удельным крестьянам.

ности по данным Старших нотариусов», количество крестьянской земли только в Европейской России превысило 188 миллионов десятин против 42,5 миллиона дворянских земель, половину которых составляли леса.

В Азиатской России под переселение крестьян отводились земли, исключительно пригодные для сельского хозяйства и в полосе, климат которой был наиболее мягкий и здоровый. Так указом от 16 сентября 1906 года Царь-мученик приказал передать Переселенческому управлению для устройства малоземельных и безземельных крестьян Европейской России все удобные для сельского хозяйства земли Алтайского округа, в том числе 25 миллионов десятин, принадлежащих лично Царю-мученику.

Россия к 1917 году была совершенно крестьянской страной в большей степени, чем какая-либо из европейских стран. Накануне революции крестьянам принадлежала вся пахотная площадь земли в Азиатской России и 80% ее в Европейской России.

9 ноября 1906 года Царем-мучеником был издан закон о свободном выходе крестьян из общин и об установлении личной крестьянской собственности на землю – личной, а не семейной. По этому закону крестьяне могли выходить на хутора, дробление которых в будущем запрещалось. Для проведения этой реформы никаких насильственных мер не предпринималось – проведение ее обуславливалось постановлением, то есть согласием всей общины. Непонимание крестьянами выгоды этого закона сильно тормозило дело землеустройства. Над проведением землеустроительной реформы работало 5000 казенных землемеров. К 1914 году было подготовлено к выходу на хутора 2 862 000 крестьянских дворов с 25 728 000 десятин земли, вышло 2 040 000 дворов с общей площадью около 18 000 000 десятин. Обследование хуторских хозяйств, произведенное в 1911 году, выяснило, что урожайность у хуторян по сравнению с общинниками в среднем увеличилась на 16%, но, что особенно важно, посевная площадь их владений увеличилась на 60%.

Улучшение сельского хозяйства, иначе говоря, улучшение быта и экономического благосостояния 75% всего населения России было постоянной заботой Царя-мученика. Одновременно с реформами по землеустройению очень много было сделано для улучшения сельского хозяйства и для поднятия сельскохозяйственной продукции. Количество начальных, средних и высших сельскохозяйственных учебных заведений быстро росло. Была создана прекрасная сельскохозяйственная пресса, среди которой особенно выделялись еженедельники: «Прогрессивное садоводство и огородничество», «Сельский хозяин» и «Хуторянин» (ежемесячник), имевшие большой тираж и дававшие подписчикам в виде приложений к ним множество книг по самым разнообразным отраслям сельского хозяйства.

Русская сельскохозяйственная литература была очень обширной, очень ценной по своему содержанию и прекрасно изданной. Такие труды, как «Книга о лошади» князя Урусова, «Огородничество» агронома Шредера и целый ряд книг агронома Кичунова, не имели себе равных во всем мире. В России было выведено много сортов плодовых деревьев, овощей, ягод и злаков. На этом поприще особенно много достиг известный русский ученый Мичурин. Туркестанские и кавказские персики, виноград, абрикосы, груши и сливы были лучшими в мире. Черноморский чернослив вытеснил в последние годы перед революцией знаменитый французский чернослив. Росло виноделие; русские крымские и кавказские вина, донское шампанское, удельное «Абрау-Дюрсо» если не превосходило, то и не уступало по своему качеству французскому. Выводились новые породы скота и лошадей. Среди последних особенно выделялись по своим превосходным качествам: рысаки Хреновского государственного завода и завода графа Орлова, текинская – замечательно красивая и ценная порода лошади, исключительно выносливая сибирская, незаменимая в горах кабардинская, воронежские тяжеловозы «битюги» и прекрасная донская горбоносая кавалерийская лошадь, дававшая самый большой контингент строевых лошадей для службы в армии.

Императорским правительством по всей стране была создана сеть агрономических, ветеринарных и сельскохозяйственных испытательных пунктов. Устраивались сельскохозяйственные выставки. На выставке в Киеве в 1912 году отделом коврового цветоводства были созданы две ковровые клумбы из низкорослых растений и цветов, представлявшие художественно воспроизведенные портреты Императора Александра I и Льва Толстого.

По обследованиям профессора Д.И. Менделеева, климат России из всех стран Европы был наименее благоприятным для сельского хозяйства. Особенно страдало сельское хозяйство от засух, когда под влиянием дувшего из юго-восточных пустынь Азии ветра, так называемого «суховея», весь урожай Поволжья, юго-востока и юга России сгорал на корню. Такие засухи происходили иногда в течение трех лет подряд.

«До революции, – пишет профессор Пестржецкий, – в 46 губерниях Европейской России было 84 тысячи хлебозапасных общественно-крестьянских магазинов. В этих магазинах оказалось натуральных запасов хлеба и овса: на 1 января 1891 года – 94 430 410 пудов, на 1 января 1900 года – 110 590 738 пудов, на 1 января 1907 года – 38 847 000 пудов озимого и 178 000 четвертей ярового хлеба. На 1 января 1917 года хлеба в хлебозапасных магазинах было: ржи, пшеницы и ячменя – 190 456 411 пудов и овса – 27 356 453 пуд. В эти цифры входит только хлеб бывший в на-

личности, в закромах продовольственных магазинов. Сверх того, огромное количество было за отдельными крестьянами в ссудах».

В 14-й – последней главе своей книги профессор Пестржецкий делает выводы и приводит некоторые статистические данные. Так, например, средний размер крестьянского землевладения на 1 января 1917 года составлял 14 десятин на двор. «Средние размеры крестьянского землевладения в России, – пишет Пестржецкий, – превышают средние размеры землевладения вообще где бы то ни было в Европе. В Германии, например, средний размер землевладения вообще 5,8 гектара, в других странах Европы еще меньше».

По статистическим сведениям за 1912 год, в Российской Империи состояло: 35 300 000 лошадей, на втором месте были Соединенные Штаты, имевшие 23 015 902 лошади; крупного рогатого скота – 51 900 000 – второе место после Соединенных Штатов, имевших 613 682 648 штук; овец – 84 500 000 шт. – второе место в мировой продукции после Австралии, имевшей 85 057 402 головы; свиней – 16 000 000 голов – третье место: 1-е – Соединенные Штаты – 59 473 636 голов и 2-е – Германия – 21 923 707 голов.

Царская Россия была житницей Европы. «В среднем за 1909–1913 годы, – сообщает профессор Пестржецкий, – продукция зерна в России составляла в год 75 114 895 тонн (или 4 669 992 690 пудов). Во всех остальных странах Старого и Нового Света вместе с рисом собиралось 360 879 000 тонн (или 22 314 980 000 пудов). Таким образом, зерновая продукция России составляла 21% продукции всего мира. Наряду с Россией наиболее крупными производителями зерна были Соединенные Штаты – 108 млн. тонн, Германия – 27 млн., Австро-Венгрия – 22 млн., Франция – 16 млн., Канада – 12 млн. тонн».

По данным профессора Пестржецкого, в 1910 году вывоз зерна и муки составлял 848 823 000 пудов, а других семян – 50 908 000 пудов, то есть почти 1 000 000 000 пудов. Россия вывозила больше зерна, муки и семян, чем Соединенные Штаты и Аргентина совместно.

В России очень было развито мукомольное дело и производилось 10 сортов муки, в то время когда в Европе производилось только 4 сорта.

Одновременно с ростом обыкновенных сельскохозяйственных культур в России быстро росла и продукция специальных и высших культур. По сравнению с 1894 годом общая площадь плантаций сахарной свекловицы возросла с 289 000 до 729 000 десятин; за тот же период времени площадь хлопковых плантаций возросла с 150 000 десятин на 675 000 десятин в 1914 году. Табаку производилось 7 000 000 пудов. Ввоз русского льна в Европу составлял 2/3 общего ввоза. Ввоз зерна составлял: 35% – пшени-

цы, 94% – ячменя и 80% – овса общего ввоза. Россия доставляла в Европу 3,5 миллиарда яиц. Улов и заготовка рыбы в 1914 году составляли 142 миллиона пудов. Продукция сахара стояла в Европе на первом месте, текстильная промышленность – на четвертом в мире после Англии, Германии и Соединенных Штатов. Заводились собственные плантации риса и чая.

Совершенные в царствование Царя-мученика колоссальные сооружения в огромной мере способствовали развитию отечественного сельского хозяйства, промышленности и торговли. За этот период времени Россией было построено и оборудовано пять крупных портов: Александра III – в Ревеле, Дальний – на Ляодунском полуострове, Мурманск и Романов – на Ледовитом океане и Новороссийск – на Черном море¹. В Новороссийске был сооружен второй в мире по емкости после чикагского элеватор-зернохранилище с механическим оборудованием для приема, очистки, сушки и погрузки зерна на пароходы. Из Баку в Батум был проведен нефтепровод длиной в 750 верст. Все эти постройки производились исключительно русскими фирмами, из русского строительного материала, под наблюдением русских инженеров и при помощи русских техников и рабочих. В 1897 году была закончена постройка начатой в 1893 году транссибирской железной дороги «Великий Сибирский путь» общей длиной около 9375 верст. Дорога эта была проложена через девственную тайгу, через болота и топи, через горы, через реки. Общая длина пробитых туннелей составляла 300 верст, было построено около 1000 мостов разной величины. Дорога пересекла с запада на восток весь азиатский материк и соединила Европейскую Россию с Тихим океаном во Владивостоке. Вся эта колоссальная постройка была выполнена в рекордный срок исключительно русскими силами, то есть русскими инженерами, водолазами, техниками, рабочими и исключительно из русского материала – начиная с ферм для мостов и кончая рельсами, шпалами и костылями. В 1902 году по этой дороге было открыто прямое сообщение – Париж, Берлин, Варшава, Москва, Владивосток и обратно. Культурное, хозяйственно-экономическое и стратегическое значение этой дороги было огромным.

Менее чем в полуторагодовой срок, начатая во время войны в 1914 году и законченная в 1916 году, была построена Мурманская железная дорога длиной в 2 тыс. верст, включая все необходимые сооружения.

¹ Военный порт Императора Александра III был построен в Либаве (ныне Лиепай) к 1898 г., в Ревеле (ныне Таллин) к 1913 г. была возведена морская крепость Императора Петра Великого. Город и порт Дальний основан в 1898 г. Незамерзающий порт Романов-на-Мурмане начал действовать в 1915 г. Город-порт Новороссийск был основан еще в 1838 г., но его масштабное развитие, связанное с экспортом зерна, началось в 1888 г., когда к порту была подведена железная дорога; в 1894 г. был сооружен элеватор; также порт был оборудован для отправки нефти и цемента.

В 1894 году в России имелось 31 812 верст железных дорог, в 1917 году – 74 000 верст, и было приступлено к постройке другой грандиозной, уже провешенной¹, дороги – Туркестанско-Сибирской, сооружение которой было закончено уже советской властью. Для сравнения привожу данные о длине железных дорог в 1939 году: Франция имела 26 116 километров, Германия – 36 271 километров, или 33 993 версты.

2 января 1897 года под личным председательством Царя-мученика состоялось заседание Финансового комитета. На этом заседании было постановлено немедленно приступить к проведению давно подготовлявшейся денежной реформы – введения металлического обращения, основанного на золоте. Эта реформа подготавливалась министрами финансов: профессором и крупным ученым Н.Х. Бунге, преподававшим Государю-мученику в бытность его Наследником финансовые науки и политическую экономию, и профессором Вышнеградским.

Проведение этой реформы в жизнь выпало на долю тогдашнего министра финансов С.Ю. Витте. «Все это, – пишет Витте в своих воспоминаниях, – было совершено мною и приведено в исполнение совершенно против течения; я имел за собою доверие Его Величества и благодаря его твердости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которая, несомненно, будет служить украшением царствования Императора Николая II.

Против этой реформы была вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке и, в-третьих, по личному, хотя и мнимому, интересу некоторых классов населения».

«Наконец, – пишет далее Витте, – против этой реформы в том виде, в каком я ее проводил, то есть реформы, основанной исключительно на золоте, иначе говоря, – реформы денежного обращения, основанной на монометаллизме, – были многие из весьма компетентных и достойных финансистов».

Единственный человек, который преодолел все эти затруднения, был Царь.

«Из изложенного краткого очерка, – пишет Витте, – видно, что, в сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это – доверие Императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно Императору Николаю II»².

¹ Провешивание (от «веха») – прием для проведения длинных отрезков прямой на местности, используемый при прокладывании железной дороги.

² *Vitte С.Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Гл. 5.

Начавшееся частичное, по инициативе Императора Александра III, введение винной монополии в царствование Императора Николая II было закончено, и в 1903 году винная монополия была введена во всей России.

Народное образование, патриотическое воспитание и развитие спорта были предметами неустанной заботы Царя-мученика.

В 1894 году в средних учебных заведениях обучалось 224 179 человек, в 1914 году – 733 387, в начальных школах Европейской России только в 1894 году обучалось 3 275 362 ученика, в 1914 году – 6 416 247. В высших учебных заведениях России, за исключением женских, военных и духовных, в 1914 году обучалось 40 000 человек. По числу женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия стояла на первом месте в мире. Образовательный курс в России стоял очень высоко, как нигде в мире.

Народное образование в России в царствование Императора Николая II быстро развивалось. Бюджет народного образования с 40 000 000 рублей в 1894 году достиг 400 000 000 рублей в 1914 году. Плата за обучение в русских университетах по сравнению с заграничной была исключительно низкой – 50 (пятьдесят) рублей в год. Студенты из крестьянских, рабочих и незажиточных семей освобождались от платы за учение и были стипендиатами. Высшее образование в России не было привилегией исключительно богатого класса, как это было за границей. Императорское правительство всячески покровительствовало студентам и ученикам средних учебных заведений. Обследование положения студентов Московского университета выяснило, что из 4017 студентов, обучавшихся в 1899–1900 учебном году, 1957 были совершенно освобождены от платы за учение, кроме того, 874 студента получали стипендии. То же самое было и в других университетах и в средних учебных заведениях, где приблизительно 50% освобождалось от платы. Обучение же в начальных школах было бесплатным. Студенты и учащиеся средних учебных заведений (в старших классах) имели возможность зарабатывать интеллигентным трудом, главным образом уроками или в качестве репетиторов, или гувернеров. В Императорской России никогда не было такого положения, чтобы студент или ученик среднего учебного заведения работал на фабрике, подметал улицы, рубил дрова или работал чернорабочим на постройках.

В 11-й книге «Вестника Европы» за 1913 год бывший лидер фракции трудовиков в 1-й Государственной Думе И. Жилкин писал: «Снова более и более выпукло выступает одна знаменательная черта – стихийно растет дело народного образования. Неслышно, почти неуследимо (главным образом, потому что на поверхности громяхают события, сегодня вол-

нующие нас досадой, раздражением, ожиданием, а завтра сменяющиеся такими же скучными и дутыми явлениями и быстро забываемые) совершается громадный факт: Россия из безграмотной становится грамотной... Вся почва громадной российской равнины как бы расступилась и приняла в себя семена образования – и сразу на всем пространстве зазеленела, зашелестела молодая поросль».

В 1906 году Государственной Думой и Государственным Советом был принят законопроект министра народного просвещения П.М. Кауфмана-Туркестанского, утвержденный Царем-мучеником о введении в России всеобщего образования. Эта реформа в области народного образования должна была быть законченной в 1922 году и требовала увеличения контингента учителей на 171918 человек. В связи с этим в России ежегодно строилось 10 000 начальных школ и открывалось 60 средних учебных заведений.

В царствование Императора Николая II в России повсеместно были организованы «потешные дружины», имевшие большое воспитательное значение, носившие специальную форму, главным образом древнерусскую-стрелецкую, обучавшиеся военному строю и военной дисциплине. Уже в 1911 году на Марсовом поле в Петербурге Государь произвел смотр 10000 потешных.

В 1909 году в Царском Селе была основана первая дружина русских разведчиков (скаутов), в которую был зачислен Наследник Цесаревич Алексей Николаевич.

В это царствование было много сделано в деле призрения сирот. Все доходы от акциза на игральные карты шли исключительно на содержание женских сиротских приютов.

В царствование Императора Николая II, как и в тогдашних Соединенных Штатах, подоходного налога не существовало. Вообще налоговое обложение в России было самое низкое по сравнению с другими великими державами Европы. По статистическим данным за 1912 год:

Налоги (в рублях) на одну душу населения составляли

Прямые:

в России	3,11
в Австрии	10,19
во Франции	12,35
в Германии	12,97
в Англии	26,75

Косвенные:

в России	5,98
в Австрии	11,28
во Франции	16,00
в Германии	9,64
в Англии	13,86

Несмотря на это, государственные доходы России с 1 410 000 000 золотых рублей в 1897 году возросли до 3 417 000 000 золотых рублей в 1913 году.

Золотой запас Государственного банка с 300 000 000 рублей в 1894 году возрос до 1 600 000 000 рублей в 1914 году. Сумма государственного бюджета с 950 000 000 золотых рублей в 1894 году возросла до 3 500 000 000 золотых рублей в 1914 году. За все это время государственный бюджет Российской Империи не знал дефицита.

Государь Император покровительствовал отечественному капиталовложению и был непреклонным противником иностранного. Государь отлично понимал, какое отрицательное влияние может иметь иностранный капитал на внешнюю и внутреннюю политику России и на ее национальное экономическое развитие. На эту особенность Государя Витте неоднократно сетует в своих воспоминаниях. «Мне представляется, – пишет Витте в одном месте, – что это несочувствие происходило прямо от того, что Государь Император – близко не знакомый ни с финансовой историей, ни с финансовой наукой – боялся того, чтобы посредством этого пути не внести в Россию значительного влияния иностранцев»¹. Более образованный, чем Витте, обладающий большим государственным умом, которого у Витте не было, и более дальновидный, чем это предполагал Витте, Государь твердо знал, что завоевательские аппетиты международных империалистов удовлетворялись не столько пушками и генералами, сколько финансистами и их золотом.

И, несмотря на ограничения для иностранных капиталов, экономическое благополучие России, и в частности ее промышленность, быстро росли. «С конца XIX века, – пишет Ленин, – промышленное развитие России происходило быстрее, чем в любой другой стране»².

Вместе с тем Россия не была страной классического капитализма. Все железные дороги, за исключением небольших: Московско-Рязанско-Казанской, Владикавказской и еще одной, кажется, Юго-Западной, принадлежали государству, да и те с течением времени должны были перейти по уговору государству, почта и телеграф были государственными, как и большинство путей сообщения; все военные суда строились на государственных верфях в Николаевске Херсонском, Ревеле, Петрограде; все заводы, выделявшие оружие, принадлежали государству – Златоустовский, Ижевский, Вятский, Тульский, Балтийский, Сестрорецкий и т.д., государство владело золотыми россыпями и рудниками, лесами, конскими заводами и другими предприятиями и паровозо- и вагоностроительными

¹ *Vitte С.Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Гл. 18.

² См.: *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России.

заводами; наши сормовские паровозы были лучшими в Европе и не уступали по своим качествам американским.

В России очень поощрялась кооперация, и в этом отношении Россия, пожалуй, тоже стояла на первом месте в мире. В 1914 году в России было 45 000 кооперативных сберегательных касс и, вероятно, около 30 000 лавок.

Интересы рабочих защищались специальным законодательством. В царствование Императора Александра III были учреждены должности фабричных инспекторов, обязанностью которых было следить за исправностью машин на фабриках и заводах и за принятием предохранительных мер и защитительных сооружений при станках для предохранения рабочих от несчастных случаев. Были введены обязательные расчетные книжки, в которых вписывались часы работы и заработки, была запрещена работа для малолетних, подростки от 14 до 16 лет не могли работать больше 8 часов, для мужчин был установлен 11-часовой рабочий день в обыкновенные дни и 10-часовой в субботу и накануне праздников. Работа на фабриках в ночное время была запрещена женщинам и подросткам мужского пола до 17 лет. Законом от 2 июня 1900 года было введено вознаграждение рабочим, потерпевшим от несчастных случаев; законом от 12 декабря 1904 года было введено государственное страхование рабочих, такого закона не существовало еще очень долго в Соединенных Штатах. 4 февраля 1906 года были учреждены профессиональные союзы рабочих. Профессиональный союз углекопов был организован в России раньше, чем в Соединенных Штатах.

Сельскому и городскому населению земствами оказывались бесплатная медицинская помощь и бесплатное лечение в больницах и госпиталях. Русский врач никогда не отказывал больному ни днем, ни ночью в приеме его у себя или в поездке на дом. В больницах и госпиталях больных принимали в любое время дня и ночи, независимо от того, приехал ли он самостоятельно или по распоряжению врача; были ли у него счета в банке или он был совершенный бедняк и безработный. Первой страной в мире, учредившей Департамент народного здравоохранения, была Россия.

Знала ли обо всем этом предреволюционная интеллигенция и полунинтеллигенция России, своей революционной деятельностью подрывавшая благополучие и само существование России? Знают ли об этом сегодняшние грамотные и полуграмотные поклонники завоеваний революции, прозябающие за границей и считающие себя квинтэссенцией русской государственной мысли?

Царь-мученик внес живую струю в религиозную и церковную жизнь России. В его царствование состоялись прославления: в 1896 году – свя-

тителя Феодосия (Углицкого), архиепископа Черниговского († 1696); в 1897 году – святого мученика Исидора, пресвитера Юрьевского, и совместно с ним 72 его пасомых, утопленных в 1472 году в р. Омовже римокатоликами за стойкое исповедание Православной веры; в 1903 году – преподобного Серафима Саровского († 1833); в 1911 году – святителя Иоасафа Белгородского († 1754); в 1913 году – святителя Ермогена, Патриарха Московского, умученного поляками († 1612); в 1914 году – святителя Питирима, епископа Тамбовского († 1698); в 1916 году – святителя Иоанна, митрополита Тобольского († 1715). В 1910 году состоялось торжественное перенесение из Киево-Печерской Лавры в Полоцк мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой († 1173)¹.

Усилилась миссионерская деятельность. В июле 1908 года в Киеве состоялся Всероссийский миссионерский съезд, на котором обсуждались меры борьбы с проникшей в Россию из Соединенных Штатов в 80-х годах прошлого столетия иудействующей сектой «адвентистов седьмого дня». Эта секта возникла в немецких колониях Таврической губернии и к 1901 году насчитывала 137 общин с 13 проповедниками. Одновременно на съезде обсуждались средства борьбы с развивавшимся атеизмом и социализмом, как с глубоко материалистическими воззрениями. В 1909–1910 учебном году в курс преподаваемого в Духовных семинариях нравственного богословия был введен особый отдел «разбора и опровержения социализма».

Очень успешно работали наши православные миссии в Китае, в Японии и в Святой земле. При Православной миссии в Иерусалиме было учреждено существующее и поныне Императорское Палестинское Общество². Это общество благодаря притоку средств из России, в том числе сборов, производившихся по распоряжению Святейшего Синода во всех церквях России в Неделю Ваий (Цветную), организовывало дешевый проезд паломников в Святую землю, принимало на себя все заботы о них в странноприимных домах и гостиницах, создало целый ряд врачебных заведений, в которых оказывалась помощь как местному на-

¹ Также в 1909 г. по инициативе Императора и с его Высочайшего согласия Св. Синод официально восстановил общецерковное почитание святой благоверной Анны Кашинской († 1368). А в 1912 г. к общероссийскому почитанию был канонизирован преподобный Евфросин Синозерский († 1612).

² Императорское Православное Палестинское общество было создано в 1882 г. Указом Императора Александра III и общественной инициативой выдающихся русских людей того времени. Первым его Председателем был Великий князь Сергей Александрович. После трагической гибели Великого князя в 1904 г. Председателем Общества стала его супруга, Великая княгиня Елизавета Феодоровна. Под ее председательством в 1907 г. Общество торжественно отметило в Петербурге свой 25-летний юбилей.

селению, так и паломникам. По отчету Общества за 1901/2 год в одной только Иерусалимской больнице насчитывалось 10 733 больничных дня, а в пяти амбулаториях была подана врачебная помощь 110 000 пациентам с бесплатным отпуском лекарств. В 1903 году имелись мужская и женская учительские семинарии, и, кроме того, в Палестине и Сирии имелось 87 русских православных школ при 10 225 учащихся и 417 учебного персонала.

Росло храмостроительство, и редко в каком храме не имелось пожертвований, сделанных мучениками – Царем и Царицей. В царствование Императора Николая II и главным образом на деньги, им пожертвованные, были сооружены храмы в Нью-Йорке, в Буэнос-Айресе, в Каннах, в Штутгарте, в Карлсбаде, в Меране, в Вене, в Гамбурге (два), в Киссингене, в Герберсдорфе, во Флоренции, в Мариенбаде, в Бад-Наугейме, в Бухаресте, в Ницце и Лейпциге. Были введены жалование и пенсии для духовенства. Росло книгопечатание церковных и религиозных книг. Расширялась церковная и религиозно-нравственная пресса. В каждой епархии к концу царствования Императора Николая II издавались «Епархиальные Ведомости». Число церковноприходских школ, семинарий духовных и епархиальных – закрытых среднеучебных женских заведений для дочерей духовенства – быстро росло. К 1 января 1917 года Святая Православная Русская Церковь возглавлялась 4 митрополитами и 64 епархиальными архиереями, при которых состояло 40 викарных епископов. Число православных с 15 миллионов при Императоре Петре I возросло до 115 и более миллионов к концу царствования Императора Николая II. В 1908 году в России имелось 51 413 церквей.

В 1901 году был Высочайше учрежден Комитет попечительства о русской иконописи, целью которого было изыскание мер к обеспечению развития русской иконописи. В 1913 году в Москве на Варварке была устроена выставка древних икон. «Организованная в 1913 году, – пишет историк царствования Императора Николая II Ольденбург, – в Москве Романовская церковно-археологическая выставка, устроенная в Чудовом монастыре, и выставка древнерусского искусства Императорского Археологического Института дали возможность широким русским кругам познакомиться с русским искусством XIV–XVII веков, которое так ценил Государь. Художественное значение русской иконописи впервые получило должную оценку. “Эти выставки (отмечал кадетский «Ежегодник Речи») – самое крупное событие в русской художественной жизни за последние годы”» (*Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949*)¹.

¹ Гл. 17.

Особое внимание Царя-мученика было обращено на армию. Уровень образования в военно-учебных заведениях был сильно повышен. Было обращено большое внимание на дело воспитания в кадетских корпусах и в военных училищах. В связи с этим обновлен воспитательский и учительский персонал. Были учреждены военно-педагогические курсы для будущих воспитателей кадетских корпусов. Деятельным помощником Государя в деле реорганизации военно-учебных заведений был назначенный в 1900 году Главным начальником военно-учебных заведений, памятный и любимый всеми их питомцами – Великий князь Константин Константинович, человек высокой культуры, благородной души и добрейшего сердца.

В первые же дни своего царствования Царь-мученик увеличил содержание и пенсии офицерам. Производство в чины обер-офицеров было установлено: из подпоручиков в поручики – через три года, в следующие чины – через четыре года. Было повышено жалованье солдатам, было увеличено число и продолжительность их отпусков, было улучшено довольствие и отпуск постельных принадлежностей. Телесные наказания, существовавшие в России единственно в штрафных солдатских батальонах, были отменены. Особенное внимание было обращено Государем на обеспечение дальнейшей судьбы сверхсрочных унтер-офицеров, которым после выслуги ими срока были обеспечены места с соответствующим положением в других ведомствах. В армии были введены новая походная защитная форма и новое снаряжение; желая испытать на себе накладку и удобство такового, Царь-мученик 24 октября 1909 года, одетый в форму рядового 16-го стрелкового Императора Александра III полка, при полном боевом снаряжении совершил двадцативерстный переход. По просьбе командира 1-й роты, из которой были доставлены винтовка и снаряжение, Государь собственноручно выполнил все графы ее, вписал свое имя и фамилию и в графе «На службе с» вписал: «16 июня 1887 г.», а в графе «На правах» вписал: «Никаких до гробовой доски». И эти слова «до гробовой доски» были искренним выражением того, как понимал Царь-мученик исполнение своего царственного долга – служения горячо любимому им российскому народу.

Царем-мучеником была совершена грандиозная по своим размерам работа государственного устройства. Благополучие России в его царствование очень быстро достигло небывалой до того высоты. Но давалось это ему нелегко, так как ни в одном слое общества не было ни понимания, ни сочувствия к великодержавной политике России. Исключение составлял небольшой процент людей в среде образованного общества. Даже среди многих из своих министров Царь-мученик не встречал сочувствия, и не-

редко ему приходилось преодолевать сопротивление некоторых из них в проведении своей политики и необходимых мероприятий.

В этом отношении особенно выделялся С.Ю. Витте, который, будучи исключительно поклонником какой-то своей собственной, иногда противоречивой политики, в основном был противником великодержавной политики России. Объективностью суждения он не отличался. Всякое проявление инициативы в деле государственного управления, исходившее не от него, а от другого министра или государственного деятеля, решительно им отрицалось и подвергалось пристрастной и острой критике. Будучи в основном противником великодержавной национальной русской политики, которая с такой настойчивостью и неослабевающей силой воли проводилась в жизнь Царем-мучеником, Витте, в частности, был противником крестьянского землеустройства, усиления нашей государственной обороны, развития нашей промышленности на здоровых основах – путей отечественного капиталовложения, которому он с упорством противопоставлял привлечение иностранных капиталов, в особенности же иностранных еврейских капиталов, что неминуемо должно было бы привести к подчинению им всей хозяйственно-экономической жизни России и было бы сопряжено с жестокой эксплуатацией как богатств, так и самого русского народа. Витте не отдавал себе отчета в том, что агрессивная империалистическая политика Запада проводилась не так пушками и генералами, как банкирами и их золотом. Не сочувствовал он и проведению в России принудительного всеобщего образования.

Будучи министром финансов, Витте был противником усиления нашей обороны и вооружений. Так, упоминая о начальнике Объединенных Штабов – генерал-адъютанте Н.Н. Обручеве, Витте в своих воспоминаниях пишет: «К сожалению, он впадал в то противоречие, что одновременно требовал различных облегчений для крестьянства и настаивал на все большем и большем увеличении военного бюджета и вообще расходов по обороне»¹.

Бывший военный министр и Главнокомандующий Дальневосточной армией – генерал-адъютант А.Н. Куропаткин – указывает в своих записках², что на четырехлетний бюджет Военного министерства (на 1899–1903 годы) в 455 млн. рублей Витте ассигновал лишь 160 млн. рублей, обрезав его, таким образом, до 35%! В этом отношении государственная политика Витте ничем не отличалась от «деятеля» П.Н. Миллюкова и других левых представителей Государственной Думы, которые

¹ *Vumte С.Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Гл. 32.

² Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911.

всегда голосовали против нашего военного бюджета и потом обвиняли Императорское правительство, точно так же, как это делал Витте, в том, что оно к войне не было подготовлено.

В значительной мере ответственность за наши поражения во время Русско-японской войны, наряду с неумелым руководством нашими войсками генералом Куропаткиным и некоторыми другими высшими начальниками, падает и на Витте. После занятия нами Порт-Артура рядом с ним – на Квантунском полуострове – под личным руководством Витте был построен коммерческий порт Дальний, обошедшийся России в 20 млн. золотых рублей. Благодаря же экономии, проявленной Витте в области нашей военной обороны, крепость в Порт-Артуре не была построена, порт Дальний совершенно не был укреплен и, будучи с налета захвачен японцами, оказался прекрасной базой для армии генерала Ноги, осаждавшей Порт-Артур. Витте совершенно не хотел предвидеть войны с Японией и не хотел замечать предшествовавших ей событий, которые еще задолго до того начали нагромождаться на территории Китая, как раз в том самом месте, где лежали и наши насущные государственные интересы, обуславливавшиеся не только проведением Великого Сибирского пути, но и нашим выходом к Великому океану в незамерзающей бухте. Огромная многомиллионная страна, какой была Россия, не имела свободного выхода в море: выход из Черного моря находился в руках Турции, выход из Балтийского моря был в руках Дании и Скандинавских стран и в стратегическом отношении находился под контролем германского и английского флотов; наш единственный порт на Великом океане – Владивосток – большую часть года был покрыт льдами и потому был недоступен для судоходства, стратегически он находился под контролем Японии, полуокруг островов которой его почти запырал.

В 1841 году англичане захватывают Гонконг. В 1885 году Франция аннексирует Индокитай (сегодняшние Лаос, Камбоджа и два Вьетнама)¹. С 1882 года начинается интенсивное политическое и финансовое влияние Японии в находившемся тогда под протекторатом Китая Корейском королевстве, вызвавшем между Японией и Китаем целый ряд вооруженных столкновений, вылившихся в 1894 году в войну, окончившуюся полным поражением Китая и начавшуюся затоплением японцами большого каравана китайских судов без объявления войны. В результате военных действий Япония захватила о. Формозу² и весь Ляодунский полуостров, которые и были ей уступлены Китаем по Симоносекскому мирному до-

¹ Колонизация французами Индокитая была завершена к 1893 г.

² Тайвань. С захватом Тайваня Япония стала единственной неевропейской колониальной державой в Азии.

говору¹. Таким образом, Япония переходила на материк. Россия же могла не позволить Японии укрепиться на Ляодунском полуострове. Россия, заручившись предварительно согласием Германии и Франции, поставила Японии ультиматум, в котором Японии предлагалось покинуть эту территорию взамен за уплату ей Китаем контрибуции. Япония была вынуждена согласиться.

С 1895 года японская экспансия в Корею начинает быстро расти. Япония оккупирует своими войсками Корею, где поселяются десятки тысяч японских колонистов, где Япония устраивает дворцовые перевороты, проводит железные дороги, захватывает в свои руки почту и телеграф.

В 1896 году Россия заключает с Китаем тайный военно-оборонительный союз против Японии и договор о постройке прямой ветви Транссибирской железной дороги: из Читы – по китайской территории, через Харбин – во Владивосток. Через 36 лет Китай имел право выкупить эту так называемую Восточно-Китайскую железную дорогу, а через 80 лет она по договору переходила к нему бесплатно.

Презрительное и жестокое отношение японцев к корейцам вызывает в Корею волну восстаний. Корейский король обращается за помощью к России, вследствие чего в Корею посылаются русские финансовые советники и военные инструктора. В 1896 году между Россией и Японией состоялось соглашение о разделе влияния в Корею.

В 1897 году Германия без всякого повода захватывает Кио-Чоу, Франция – бухту Гуань Чжо-вань, Португалия обосновывается в устьях реки Кантон – в Макао, Англия захватывает Вей-хай-вей и готовится занять Порт-Артур.

На фоне того хаотического состояния, в котором находится Китай, интересы России, находящейся на $\frac{1}{3}$ азиатского материка, где лежит ее будущее, попадают под угрозу со стороны экспансии Японии и европейских колониальных стран и сталкиваются с торговыми интересами Соединенных Штатов.

15 марта 1898 года Россия заключает с Китаем договор на аренду сроком на 25 лет Квантунской области с ее портами Порт-Артур и Далиенван² и дает разрешение на проведение Южно-Маньчжурской ветви железной дороги через Мукден к Порт-Артуру.

Несмотря на то, что в дальнейшем Россия шла на все уступки по отношению к интересам Японии в Корею и в Маньчжурии и что Россия в

¹ Подписан 17 апреля 1895 г. Но через несколько дней, вследствие ультиматума России, Германии и Франции, в ноябре того же года Япония вынуждена была отказаться от аннексии Ляодунского полуострова.

² Дальний.

Далиенване построила порт Дальний, объявленный коммерческим и свободным для судов всех государств мира, без взимания каких-либо торговых пошлин и других торговых оплат (портофранко), конфликт с Японией назревал.

В 1902 году Англия заключила военно-оборонительный союз с Японией. Приехавший в Соединенные Штаты Японский принц Фушима был принят там весьма приветливо и получил заверения в поддержке на том основании, что Соединенные Штаты имеют общие с Японией не только коммерческие, но и политические интересы (!). Англией и Соединенными Штатами была оказана Японии политическая поддержка и широкая экономическая и финансовая помощь. Кроме того, Японии было оказано деятельное участие в создании первоклассного современного флота. С моральной стороны политику Англии и Соединенных Штатов на Дальнем Востоке в ту эпоху можно рассматривать по-разному, но последовавшие затем события в Перл-Харборе, на Филиппинах, в Гонконге, в Австралии и на просторах Великого океана¹ убедительно показывают, что дальновидной она не была. Еще больше это подтверждают последовавший затем распад Великобритании, превратившейся в маленькую Англию, политическое состояние современного Китая, корейские и вьетнамские войны и общий экономический кризис всего мира.

Мнение же Витте о том, что Русско-японская война была вызвана русскими лесными концессиями в Корее – на пограничной реке Ялу, больше напоминает детский лепет, нежели мнение государственного деятеля.

Американский летописец Русско-японской войны С. Тайлер о концессии отставного ротмистра Безобразова на реке Ялу имел, по-видимому, свое особое мнение, когда он писал: «Россия должна была прочно утвердиться на Печелийском заливе и найти свой естественный выход к его свободным гаваням, иначе все труды и жертвы долгих лет оказались бы бесплодными и Великая Сибирская Империя осталась бы только гигантским тупиком»². То, что понимал американец Тайлер, не понимали рус-

¹ В декабре 1941 г. Япония атаковала британскую колонию Гонконг, Филиппины, Таиланд и Малайю. Одновременно японские самолеты и подводные лодки совершили нападение на американские военно-воздушные базы в гавани Перл-Харбор. В январе 1942 г. Япония вторглась в Бирму, Голландскую Ост-Индию, Новую Гвинею и Соломоновы острова. В феврале пали Сингапур, Бали и Тимор. В феврале и марте 1942 г. японская авиация практически уничтожила военно-воздушные и военно-морские силы союзников в Юго-Восточной Азии и начала совершать налеты на северную Австралию.

² *Tyler Sydney. The Japan-Russia war : an illustrated history of the war in the Far East, the greatest conflict of modern times. Philadelphia, 1905.* Цит. по: *Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Мюнхен, 1949. Т. 1. Гл. 9; Тальберг Н.Д. Светлой памяти возлюбленного Государя. Гл. 8.*

ская «передовая» интеллигенция и шедший у нее на поводу государственный деятель Витте.

Несмотря на всю ненависть и предубеждение к Царскому режиму со стороны советских заправил, все же в «Красном архиве» Красной армии напечатана следующая оценка мнения Витте: «Нет более убогого взгляда на вопрос, чем взгляд буржуазных радикалов, сводивших все дело к концессиям на Ялу. Концепция об авантюрах различных придворных клик является не только недостаточной, но и убогой». Это как раз та самая концепция, которая была создана С.Ю. Витте в его воспоминаниях.

Во время Японской войны, не без помощи Витте, мы потерпели ряд поражений, но войну мы не проиграли – мы проиграли мир, так как не довели войну до конца.

В своей очень беспристрастной, правдиво написанной книге бывший доблестный Главнокомандующий войсками Юга России Генштаба генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин пишет:

«1 января 1905 года пал Порт-Артур. Событие это, хотя и не было неожиданным, но тяжело отозвалось в армии и в стране. Комендант крепости, генерал Стессель, не был на высоте положения. Впоследствии он был присужден военным судом к смертной казни, замененной Государем 10-летним заключением в крепости¹. Душою обороны Порт-Артура был начальник его штаба, генерал Кондратенко, и, если бы его не сразил неприятельский снаряд, крепость продержалась бы, быть может, еще несколько недель. И только. Во всяком случае, гарнизон Порт-Артура выказал доблесть необычайную. На незаконченных и далеко не совершенных верках крепости гарнизон силою в 34 тысячи в течение 233 дней отбивал яростные атаки японцев, удерживал почти треть японской армии (4–5 дивизий Ноги, то есть 70–80 тыс., не считая пополнений); потерял только убитыми и умершими 17 тыс., выведя из строя 110 тыс. японцев; при сдаче крепости гарнизон насчитывал 13,5 тыс., из них много больных, в особенности цингой и куриной слепотой. Порт-Артур – славная страница Маньчжурской кампании. <...>

Могли ли маньчжурские армии вновь перейти в наступление и одержать победу над японцами?

Этот вопрос и тогда, и в течение ряда последующих лет волновал русскую общественность, в особенности военную, вызывал горячие споры в печати и на собраниях, но так и остался неразрешенным. Ибо человеческому интеллекту свойственна интуиция, но не провидение.

Обратимся к чисто объективным данным.

¹ В апреле 1909 года генерал Стессель был помилован Царем Николаем II и освобожден из Петропавловской крепости.

Ко времени заключения мира русские армии на Сипингайских позициях имели 446,5 тыс. бойцов (под Мукденом – около 300 тыс.); располагались войска не в линию, как раньше, а эшелонированно в глубину, имея в резерве общем и армейских более половины своего состава, что предохраняло от случайностей и обещало большие активные возможности; фланги армии надежно прикрывались корпусами генералов Ренненкампа и Мищенко; армия пополнила и омоложила свой состав и значительно усилилась технически гаубичными батареями, пулеметами (374 вместо 36), составом полевых железных дорог, беспроволочным телеграфом и т. д.; связь с Россией поддерживалась уже не тремя парами поездов, как в начале войны, а 12 парами. Наконец, дух маньчжурских армий не был сломлен, а эшелоны подкреплений шли к нам из России в бодром и веселом настроении.

Японская армия, стоявшая против нас, имела на 32% меньше бойцов. Страна была истощена. Среди пленных попадались старики и дети. Былого подъема в ней уже не наблюдалось. Тот факт, что после нанесенного нам под Мукденом поражения¹ японцы в течение 6 месяцев не могли перейти вновь в наступление, свидетельствовал по меньшей мере об их неуверенности в своих силах.

Но... войсками нашими командовали многие из тех начальников, которые вели их под Ляояном, на Шахе, под Сандепу и Мукденом. Послужил ли им на пользу кровавый опыт прошлого? Проявил ли штаб Линевича более твердости в отношении подчиненных генералов и более стратегического умения, чем это было у Куропаткина? Эти вопросы вставали перед нами и, естественно, у многих вызывали скептицизм.

Что касается лично меня, я, принимая во внимание все “за” и “против”, не закрывая глаза на наши недочеты, на вопрос: “что ждало бы нас, если бы мы с Сипингайских позиций перешли в наступление?” – отвечал тогда, отвечаю и теперь: Победа!

Россия отнюдь не была побеждена. Армия могла бороться дальше. Но... Петербург “устал” от войны более, чем армия. К тому же тревожные признаки надвигающейся революции в виде участвовавших террористических актов, аграрных беспорядков, волнений и забастовок лишали его решимости и дерзания, приведя к заключению преждевременного мира»².

¹ Самая крупная и кровопролитная сухопутная битва Русско-японской войны закончилась 10 марта 1905 г., когда японцы заняли город Мукден, бывший с 1900 г. (после Боксерского восстания) опорным пунктом Российской империи в Китае.

² Деникин А.И. Путь русского офицера. Франция, США, 1944–1947. Часть 4. С. 182; 213–215.

Русская армия, которая в Японскую войну проявила свою традиционную беззаветную жертвенность и героизм, для «прогрессивной» интеллигенции, весь прогресс которой фактически выражался в прогрессивном параличе ее национального самосознания, в унисон с Витте, рассматривалась как «привилегированное сословие». Принесенные ею на алтарь Отечества жертвы не могли быть оценены по заслугам ни радикальным обществом, ни радикальным министром, и они не были оценены.

Наоборот, окрыленные нашими военными неудачами политики левого и либерального лагеря пришли к заключению, что настало время для достижения их заветной цели – захвата власти в свои руки. Начался мятеж – левая революция 1904–1905 годов.

Ей предшествовало назначение Витте на пост Председателя Кабинета министров, которое состоялось 17 августа 1903 года и было вызвано увольнением его с поста министра финансов, так как дальнейшее его оставление на этом посту стало совершенно невозможным в связи с его упорной, систематической оппозицией по всем статьям государственного бюджета, тормозившей все государственные начинания и нужды страны. Государь отлично знал все его недостатки, но ценил одновременно в нем его несомненные таланты: бюрократические и дипломатические способности, изворотливость и многолетний государственный опыт. Оставление Витте в составе правительства обуславливалось еще и тем, что в это время был недостаток в лицах, способных к занятию министерских должностей, – П.А. Столыпин еще не был открыт.

Поставленный лицом к лицу с наступившей революцией, угрожавшей самому существованию России, Витте сразу и окончательно струсил и решил плыть по течению.

Революция и шедший у нее на поводу Витте и были теми двумя факторами, которые заставили Государя принять предложение президента Соединенных Штатов Теодора Рузвельта – начать мирные переговоры с Японией. Предложение о мире исходило от Японии ввиду того затруднительного положения, в котором она очутилась благодаря начатой войне и из которого она вышла исключительно благодаря той революционной анархии, в которую наша просвещенная и полупросвещенная интеллигенция погрузила собственную свою родину в момент ее тяжелой борьбы с внешним врагом.

Министр иностранных дел граф Ламсдорф подал Государю в связи с этим докладную записку, в которой он указал на три основных пункта возможных требований Японии на мирной конференции: 1) отказ от всякого влияния в Корее, 2) уплата контрибуции и 3) ограничение наших военных и морских сил на Дальнем Востоке. На докладной записке графа

Ламсдорфа Государь собственноручно написал: «Я готов кончить миром не мною начатую войну, если предложенные условия будут отвечать достоинству России. Я не считаю нас побежденными, наши войска целы, и я верю в них». В вопросе о Корее Государь написал: «В этом вопросе я согласен на уступки – это не русская земля». Относительно контрибуции Государь высказался следующими словами: «Россия никогда не платила контрибуций, и я на это никогда не соглашусь». Слово «не соглашусь» было Его Величеством три раза подчеркнуто. Относительно наших вооружений Государь выразил свое мнение следующими словами: «И это недопустимо, мы не разбиты, можем продолжать войну, если нас вынудят к тому неприемлемыми условиями».

Нашу делегацию возглавил Витте, которому записка с резолюцией Государя и была вручена как руководство для ведения переговоров.

Сперва японцы требовали уплаты им контрибуции, ограничения наших сухопутных и морских сил на Дальнем Востоке и даже японского контроля над их составом. И хотя Витте, в посланной им Государю телеграмме, советовал ему идти на уступки, Государь, одним словом своей ответной резолюции: «Никогда!» дал понять и Витте, и японцам, что решение его твердо. Не Витте, а именно Государь проявил непоколебимую твердость в отстаивании интересов России. После заключения мира Царь-мученик сказал В.Н. Коковцеву: «Я рад, что мир заключен и что Витте, очевидно, понял, что контрибуции я ни в коем случае не уплачу, хотя бы мне пришлось воевать еще два года»¹.

На революционное движение в России Япония, как и Германия в 1914–1917 годах, тратила крупные средства. После войны натиск левой и либеральной общественности на правительство усилился, в результате вся Россия оказалась охваченной революционным движением. Любимец либеральных кругов Витте вместо принятия решительных шагов против крамолы стал уверять Государя в необходимости дать народное представительство, после чего, по его мнению, революция должна была прекратиться. Желая избежать кровопролития, сама мысль о котором была противна Царю-мученику, он в Манифесте от 18 февраля (3 марта) 1905 года объявил о своем решении учредить законосовещательную Государственную Думу. 6 (19) августа 1905 года был издан Манифест об учреждении Государственной Думы, волна революционного движения продолжала расти. Дарованная 27 августа (9 сентября) 1905 года университетам автономия превратила их в очаги революционного движения. 9 (22) октября 1905 года граф Витте подал Государю докладную записку, в которой он настаивал на дальнейших уступках революционной общественности.

¹ Мирный договор был подписан в Портсмуте (США) 23 августа (5 сентября) 1905 г.

17 (30) октября 1905 года Государь издал Манифест о преобразовании законосовещательной Думы в законодательную с одновременным провозглашением свободы совести, слова, собраний и союзов. Революционные и либеральные круги, желание Царя-мученика миролюбивым образом покончить с настроениями приняли как явную слабость правительства, как победу революционного движения. Вакханалия беспорядков, террора и всеобщих забастовок была ответом на миролюбивый, полный государственного понимания шаг со стороны Царского правительства. Государь увидел, что никакие уступки не могут более остановить требования обнаглевших левых кругов общества, все более и более погружавших страну в пучину анархии. В своем письме к Императрице-матери в Копенгаген Царь-мученик в следующих словах описывает заседания Совета министров под его председательством: «Говорят много, делают мало. Все боятся действовать смело; мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее». В результате Царь-мученик берет в свои руки руль государственного корабля и благодаря своей твердой решимости и непреклонной воле в несколько месяцев восстанавливает порядок. Левая подлинная революция была подавлена.

11 (24) декабря 1905 года издан был государственный закон о выборах в Государственную Думу, вскоре после этого был преобразован в полувыборное учреждение Государственный Совет, ставший, таким образом, Верхней палатой Русского парламента. По выборам в Первую Думу большинство получила партия конституционных демократов – 190 мест, трудовики – 94, беспартийные, главным образом крестьяне, – 100, народные меньшинства – 70, несколько умеренных социалистов и социал-демократы меньшевики – 17. Большевики, социал-революционеры и крайние правые выборы бойкотировали.

23 апреля (6 мая) граф Витте был уволен в отставку – на его место был назначен И.Л. Горемыкин, вместо министра внутренних дел П.Н. Дурново был назначен П.А. Столыпин. Первая Дума была открыта 27 апреля (10 мая) 1906 года. Она представляла собой сборище горланов и демагогов; работа с ней правительства оказалась совершенно невозможной. 9 (22) июля 1906 года Дума была распущена. 178 ее членов, главным образом кадеты, собрались в Выборге, где организовали вооруженное восстание. Лица, подписавшие Выборгское воззвание¹, были арестованы, судимы и присуждены к нескольким месяцам тюремного заключения.

¹ Обращение группы депутатов распущенной Первой Госдумы от 9 июля 1906 г. «Народу от народных представителей», составленное в городе Выборге. Воззвание призывало к гражданскому неповиновению правительству – отказываться от уплаты налогов, от прохождения военной службы и т.д.

В июле того же года премьером был назначен П.А. Столыпин. Выборы во Вторую Думу, открытую 20 февраля (5 марта) 1907 года, дали еще более левый состав ее. Огромное количество революционеров, заседавших в этой Думе, было представлено полуинтеллигенцией, и получила она прозвище «Думы народного невежества». Эта Дума отвергла аграрную реформу Столыпина, а социал-демократическая ее фракция явно готовила вооруженное восстание. На квартире рижского социал-демократа Озоля был произведен обыск, и был обнаружен обличающий действия этой фракции материал, указывающий на подготовку к свержению существующего строя. Столыпин потребовал от Думы выдачи вожаков и согласия на их арест. Дума в требовании Столыпину отказала и 3 (16) июня была распущена.

Страна отнеслась к новому избирательному закону спокойно, а к новой – Третьей Государственной Думе – более работоспособной, доброжелательно. Она была представлена 154 октябристами, 72 националистами и умеренно правыми, 92 кадетами и прогрессистами, 52 правыми социалистами, 18 социал-демократами, 14 трудовиками и рядом представителей мелких партий и групп.

Государственный Совет оставался на прежнем положении и оказывал большое противодействие реформам Столыпина. Особенно противодействовал Столыпину в его начинаниях бывший член Государственного Совета Витте, который не мог простить Столыпину, что он вывел страну на путь мирных реформ, переменив свои политические воззрения на гораздо более правые, чем у Столыпина. В своем письме от 12 (25) января 1906 года Государь писал о Витте: «Теперь он хочет всех вешать и расстреливать... никогда не видел такого хамелеона... почти никто ему больше не верит». Приостановленный революцией экономическо-хозяйственный рост государства за последнее десятилетие царствования Царя-мученика пошел буквально гигантскими шагами. «Дайте России 25 лет спокойной жизни, и вы ее не узнаете», – говорил Столыпин. Враги русской государственности этого не желали.

В 1914 году России была навязана Германией новая война. К моменту победоносного завершения этой войны Четвертая Государственная Дума решила добиться того, что не удалось первым трем. В эти судьбоносные для России дни Дума стала требовать от Царя-мученика парламентаризма, то есть передачи ей государственной власти путем учреждения ответственного перед ней министерства¹. Насколько эта идея была дико антигосударственной, можно судить по тому, что парла-

¹ Ответственное министерство – правительство, опирающееся на думское большинство и подотчетное Думе.

менты таких стран, как Англия и Франция, отказались во время войны от многих своих привилегий, и премьеры Англии – Давид Ллойд Джордж и Франции – Клемансо получили диктаторские полномочия. Демократические Соединенные Штаты Америки за все свое существование не знали, что такое ответственное министерство, и назначение и увольнение министров до сих пор зависит исключительно от воли президента Соединенных Штатов.

В своем историческом труде «Очерки русской смуты»¹ генерал Деникин сообщает о том, что генерал Алексеев, начальник Штаба Государя, неоднократно советовал Государю согласиться на требования Думского прогрессивного блока и дать ответственное министерство. Но генерал Алексеев, будучи прекрасным начальником Штаба и талантливым стратегом, не был политиком и, не имея опыта в управлении государством, не мог предвидеть то, что твердо знал Царь-мученик, а именно, что в ответственное министерство войдет безответственная, политиканствующая преступная мразь, которой нужна была не великая Россия, а великие потрясения и удовлетворение своих личных вожделений во вред российской государственности, то есть та самая, которая требовала ответственного министерства и составила из себя преступное и безответственное Временное правительство, которое в рекордный семимесячный срок превратила великую Российскую Державу, уже выигравшую Великую войну, в ничто, распоров ее по всем швам.

Долгом генералитета было неуклонное исполнение данной Царю и России присяги о верной службе, вместо того, чтобы вопреки ей пускаться в политические размышления и в стачки с политиками.

В связи с событиями, совершившимися в царствование Царя-мученика, у многих современников этой эпохи, равно как и у пришедшего им на смену поколения, возникли два кардинальных, связанных между собою вопроса: «нужна ли была российскому народу революция?» и «правильно ли поступал Царь-мученик, защищая основы самодержавной власти?»

Все вышеизложенное мною со всей своей очевидностью свидетельствует о том, что революция, кроме ненужных вреда, страшных страданий, моря крови и рабства, ничего иного российскому народу не принесла; поэтому она не только не была для него неизбежно необходимой, но, наоборот, была для него неизменно убийственной; и потому прав был Царь-мученик, защищая самодержавную власть, – единую оберегавшую общенародные интересы в целом, а не частные классовые или партийные эгоистические интересы, главным образом возглавителей всевозможных

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Париж, 1921; Т. 2. Париж, 1922; Т. 3. Берлин, 1924; Т. 4. Берлин, 1925; Т. 5. Берлин, 1926.

клик, беспощадно разрушивших все то, ныне недостижимо прекрасное, что было сущностью Императорской Самодержавной и Великодержавной России. Чтобы не быть голословным, привожу мысли по этому вопросу, высказанные великими по духу и уму своему русскими людьми:

«Научись, Россия, – проповедовал святой Иоанн Кронштадтский, – верить в правящего судьбами мира Бога-Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству»¹. «Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры... Восстань же, русский человек!»². «Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России... Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда, чашу и вам, и России»³.

«Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению»⁴. «Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония»⁵.

«Бедное Отечество, когда ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов».

В предисловии к своей книге умирающий великий русский ученый Д.И. Менделеев завещает русской интеллигенции: «Не революция нам нужна, а эволюция».

«Поэтому я не могу не высказаться, – пишет далее Менделеев, – заметив, без всяких уступок и в явном противоречии с социалистами, коммунистами и всякими иными политиканствующими, что суть дела, по мне, вовсе не в общественно-политических строях и передерягах, а в таком явном умножении народонаселения, которое уже не укладывает-

¹ Слово на день перенесения мощей благ. Вел. князя Александра Невского, бывшего в 1724 г. при Императоре Петре I из Владимира в Петербург // *Прот. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский)*. Новые слова и поучения, произнесенные в кронштадтском Андреевском соборе в 1907–1908 гг. СПб., 1909. С. 21.

² Слово на день памяти св. славного всехвального апостола Андрея Первозванного // Там же. С. 43.

³ Слово на день преславного Рождества по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа // Там же. С. 52.

⁴ Слово, произнесенное 6 мая 1907 г. «Царства земные колеблются и падают от безверия и беззакония» // Новые грозные слова отца Иоанна (Кронштадтского), произнесенные в 1906–1907 годах «О страшном поистине Суде Божиим грядущем и приближающемся». СПб., 1908. С. 43.

⁵ Слово на день воспоминания и празднования священного Миропомазания и венчания на Царство Благодетельнейшего Государя Императора Николая Александровича 14 мая 1907 года // Там же. С. 55.

ся в прежние сельскохозяйственно-патриархальные рамки, создавшие Мальтусов, да требующие войн, революций и утопий. Для меня высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой “политики” яснее, проще и осязательнее всего выражается в выработке условий для размножения людского»¹.

10 мая 1907 года свою речь, произнесенную в Государственной Думе, П.А. Столыпин заканчивает следующими словами: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия».

В другой своей речи Столыпин говорит: «Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы для России, то завтра в Петербурге заседал бы Совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования верг бы Россию в геенну огненную».

«Конечно, должны произойти великие перемены, – писал А.С. Пушкин, – но не должно торопить времени, и без того довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества»².

«Не приведи Бог, – писал Пушкин, – видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, которым и своя шейка – копейка, и чужая головушка – полушка»³.

«Всякое нарушение самодержавия, – писал профессор П.И. Ковалевский, – немедленно влечет за собою подрыв благосостояния нации и крепости государства. Враги нашей родины, как внешние, так и внутренние, прекрасно знают это и всеми способами стараются извратить исторические факты нашего прошлого и подорвать, в глазах особенно легковверных русских, величие и значение этого принципа в нас самих»⁴.

«Либерализм, – писал известный русский философ К. Леонтьев, – как медленно действующий яд, приведет к одному результату – революции и смерти России».

¹ Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1906.

² Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6. С. 395.

³ Пушкин А.С. Капитанская дочка // Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 5. С. 410 (Пропущенная глава).

⁴ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912. Репринт. С. 142.

«Душа наша знает, – писал П.С. Лопухин, – что правда государства – в христианской власти. Святая Русь всегда верна Правде. Сыны Святой Руси или те, кто надеется быть сыном ее, стоят за Царя, Царское служение, потому что, как Святая Русь, они не знают иного способа установления христианской власти»¹.

«До издыхания будь верен Царю и Отечеству!» – поучает бессмертный Суворов.

«Императорская власть – святыня, палладиум порядка, прогресса, свободы и славы народа», – твердит профессор Катков².

12 апреля 1848 года великий прозорливец Ф.И. Тютчев писал: «Давно уже в Европе существуют две действительные силы – Революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, может быть, завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны – существование одной из них равносильно смерти другой»³.

«Социализм – это ложь, – пишет Ф.М. Достоевский, пророчески избразивший советскую власть в своем романе «Бесы», – с которой вместе придут зависть, сладострастие и жестокость». «Социализм – это порабощение личности и могила всякой свободы».

«В Государственной Думе четырех созывов не было с самого же начала, – пишет знаменитый русский мыслитель В.В. Розанов, – ровно ничего государственного, у нее не было самой заботы о государственном и государевом деле. Сам высокий титул “Думы” к ней не шел и ею вовсе не оправдывался. Ибо в ней было что угодно другое, кроме “думанья”»⁴.

Государственная Дума была представлена русской интеллигенцией, той самой, о которой в своей «Критике русской революции» (1921 г., Белград) бывший марксист профессор П.Б. Струве писал, что она была больна редкой болезнью: «полной атрофией национального чувства».

Н.Д. Тальберг в своей книге «Отечественная быль» пишет: «На заседании депутатов четырех Дум, происходившем 27 апреля 1917 года в

¹ Лопухин П.С. Святая Русь и Российское государство. Мюнхен, 1953.

² Ср.: «Самодержавие есть палладиум России, целостность его необходима для ее счастья» (Н.М. Карамзин. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях).

³ Записка Ф.И.Тютчева на французском языке Государю Императору Николаю I о положении в Европе после Февральской революции, в 1849 г. она была опубликована в виде статьи под названием «Россия и Революция» // Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1900. С 474–475.

⁴ Розанов В.В. С печальным праздником // М. Спасовский. В.В. Розанов в последние годы своей жизни: Среди неопубликованных писем и рукописей. Берлин, 1923. С. 22–25.

Таврическом дворце, председатель последней Думы, М.В. Родзянко, говорил: “Государственная Дума четвертого созыва, возглавившая революцию, считала, что она оберегает честь и достоинство России, которые так долго попирались старым, отжившим режимом”. “Семена, посеянные Первой Думой, дали здоровые всходы, и ни Столыпин, ни закон 3-го июня не могли помешать этим всходам. Теперь мы являемся свидетелями их бурного, безудержного роста, сулящего небывалый урожай”, – возглашал председатель Второй Думы Головин. “Она (4-я Дума) еще крепче связала себя в памятный день 27 февраля, когда вся палата, со своим председателем во главе, первая стала на путь революционный, который привел нас к нынешнему положению”, – заявлял член Первой Думы Винавер. “Даже не желая этого, мы революцию творили, – откровенничал Шульгин. – Поэтому, господа, нам от этой революции не отречься. Мы с нею связались, мы с нею спаялись и за нее несем моральную ответственность”¹. Подробный отчет об этом заседании приведен в газете «Русское Слово», 1917 г., № 94 от 28 апреля.

Из всего этого видно, как дальновиден был Государь в своем убеждении не давать ответственного министерства.

Благодаря железной воле Царя-мученика левая революция 1905 года была подавлена, была бы подавлена и совершавшаяся на средства иностранного капитала революция 1917 года, если бы ей не предшествовал заговор, который сразу парализовал все действия Государя, – та чудовищная и подлая глупость, которую предвидеть было невозможно, так как гнездилась она в правых кругах, даже в ближайшем окружении Царя-мученика, и которую Он охарактеризовал тремя словами своей записи в Дневнике: «Глупость, измена и обман»².

Революция 1904–1905 годов не дала России возможность закончить войну, революция 1917 года вырвала у нее из рук победу и уничтожила ее государственный быт. Памятником ей служат 100 миллионов трупов русского народа и уничтожение всего его достояния.

Государь проявил железную волю неоднократно, несмотря ни на какие оппозиции, но особенно выпукло выделяется она во время Первой мировой войны, которой он не желал и которая была навязана ему Германией, спровоцированной Англией. Германский Император в его стремлении к войне основывал свои расчеты на победу на том основании, что в своих закулисных дипломатических отношениях с Англией он заручился ее обещаниями в войну не вмешиваться. И действительно, в начале конфликта

¹ Тальберг Н.Д. Отечественная быль: Юбилейный сборник, Джорданвилль, 1960.

² Из записи Государя Николая II от 2 марта 1917 г.: «Кругом измена и трусость и обман!»

Англия вела такую политику, которая могла и должна была укрепить веру Германского Императора в то, что сохранит нейтралитет. Французский посол в России Морис Палеолог уделяет в своих воспоминаниях¹ много места тому, как Царь-мученик все время убеждал его влиять на немедленное и решительное выступление английского правительства, которое единственное могло остановить завоевательные стремления Германии. «Если Англия открыто выступит в конфликте на стороне своих союзников, то Император Вильгельм никогда не решится на такой безумный шаг», – твердил Государь. Англия выступила тогда, когда начались уже военные действия. Это предательство англичан было зафиксировано Германией выпуском почтовых марок с надписью: «Боже, покарай Англию».

Так начались те роковые для всего мира события, которые постепенно привели его в состояние перманентного политического, хозяйственного и духовного кризиса и поставили само его бытие под знаком вопроса.

¹ *Палеолог М.* Императорская Россия в эпоху Великой войны (пер. с фр.). // Историк и современник: ист.-лит. сборник в 5 т. – Берлин: Ольга Дьякова и К°, 1922–1924; *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923.

Император Николай II и его царствование (1894–1917)

Предисловие

Бесконечные нарекания, клевета, ложь, сыпавшиеся на Царя-Мученика, и продолжающаяся на него и доселе травля – вызвали во мне, человеке, оставшемся верным присяге, справедливое возмущение и невольное желание выставить рельефно все то хорошее, что было достигнуто в течение 22 лет царствования Императора Николая II и им создано в России.

Никогда не было такого д о н е г о достигнуто развития в промышленности, в экономическом и финансовом отношении; никогда культура не стояла так высоко. Россия богатела, процветала – и господа революционеры все разрушили. Пусть и сравнивают, – ч т о б ы л о при Императоре Николае II и ч т о происходит теперь.

Albert Thomas [Альбер Тома], посетив наш Тульский оружейный завод при Временном правительстве и усмотрев царящие у нас порядки, выразился, что жалеет, что не может пожать руку того, кто 22 года умел держать в руках этот народ, «*car il est bien mauvais ouvrier*»¹ (выражение было более крепкое).

Глубокое знание и изучение всего творившегося при Императоре Николае II, ознакомление с цифровыми данными старого опытного профессора, к которому я обратился для получения нужного материала, вполне помогли к составлению настоящей брошюры.

Она ярко отметит, ч т о б ы л о в России при царизме и ч т о стало от благодетельной свободы большевизма в теперешнем советском раю.

Читателю пояснять не нужно – он найдет правдивый ответ в этой брошюре.

Князь Д. Оболенский

¹ Ибо он [народ] слишком плохой работник (*фр.*).

I

***Внешняя политика Императора Николая II.
Война с Японией. Отношения с Англией и Германией***

Трагическая гибель Императора Николая II, а с ним и гибель величайшей и могущественнейшей в мире Империи до сих пор никого не вразумили. По-прежнему сыплются нападки на покойного последнего Русского Императора, и на его голову возлагается главная вина в происшедшей несчастной и преступной революции, разрушившей Россию накануне достижения ею своих важнейших исторических задач. И речь идет не о революционных писателях, даже не о так называемых левых или радикальных кругах (их нападки понятны: приятно сложить вину с своей больной головы на здоровую), но о представителях серьезных, вдумчивых правых групп. Прочтите воспоминания М.В. Родзянко, «Царь и Царица» – В.И. Гурко, воспоминания С.Д. Сазонова, князя Ф. Юсупова, воспоминания графа С.Ю. Витте (писанные до революции), отрывки из воспоминаний Н.Н. Львова, П.Н. Краснова – «Душа Армии»¹ и др., прочтите статьи и заметки в разных «правых» изданиях, вышедших за границу, следовательно, без всякой цензуры, и вы неизменно увидите, до какой степени тенденциозной, неверной является оценка личности Императора Николая II и его царствования.

Всегда подчеркивается, что Николай II был прекрасный, обаятельный человек, умный, образованный, мягкий; но плохой Царь: безвольный, неподготовленный к управлению государством, подверженный вредным влияниям, не обладающий авторитетом, не умеющий подобрать себе хороших сотрудников, не умеющий их удержать, если случайно таковые находились, вечно фатально неудачливый, не могущий понять государственных задач, всегда ошибающийся, не умеющий оценить обстановку, ориентироваться в окружающих людях и в текущих делах и т. д. Революция произошла (как это или прямо высказывается, или делается на это прозрачный намек) оттого, что Николай II вовремя не пошел навстречу требованиям прогрессивных кругов общества, не дал «настоящей» конституции; во время войны не согласился на ответственное министерство,

¹ *Родзянко М.В.* Крушение Империи (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин: Слово. Т. 17, 1926; *Гурко В.И.* Царь и царица. Париж: Возрождение, 1927; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж-Берлин: книгоиздательство Е.Сияльской, 1927; *Юсупов Ф.Ф., князь.* Конец Распутина: воспоминания. Париж: L. Beresniak, 1927; *Витте С.Ю., граф.* Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922; *Краснов П.Н.* Душа Армии. Очерки по военной психологии. Берлин: Медный Всадник, 1927.

принял на себя командование войсками, держал неугодных Государственной Думе министров, увольнял угодных, слушал «дурных» советников, особенно И.Л. Горемыкина, находился под влиянием, весьма вредным, Императрицы Александры Феодоровны и Григория Распутина (также и других «безответственных элементов»). В результате – «безумно затеянная» Японская война, послужившая причиной вспышки первого революционного движения и «проигрыш» войны с Германией, послуживший главной причиной второго революционного движения, окончившегося гибелью России.

Все это, сказанное до революции (например, в «Воспоминаниях» Витте), имело бы какой-нибудь смысл и основание: ошибаться ведь свойственно всякому, даром предвидения почти никто не обладает. Но теперь, когда факты и события выяснены и «блестящий» результат «великой» революции налицо, когда скоро минет 12 лет после царствования Николая II, и царствование это сияет на расстоянии небывалою красотою и величием, – утверждать теперь подобные вещи – или умышленное преступление, или преступное невежество. – Царь должен расцениваться по результатам его царствования. Что было сделано за 22 с небольшим года царствования Николая II в области внешней и внутренней политики? Каких успехов достигла за это время Россия? Чем была, чем стала? Обратимся к фактам, точным, объективным данным.

Дальневосточная политика. Сколько было сделано упреков здесь по адресу Николая II! Это была его личная политика, здесь он не находился ни под каким влиянием, он сам являлся знатоком Дальнего Востока, стоял во главе Сибирского комитета (по постройке великой Сибирской железной дороги и связанным с нею предприятиям и задачам), был в Японии и в Сибири. Некоторые ловкие дельцы (Безобразов, Абаза, Вонлярлярский, Бадмаев) сумели добиться благоволения Государя, подавая ему разные записки о Дальнем Востоке и предлагая свое участие в развитии разных дальневосточных коммерческих предприятий (лесных, золотых и т. п.). Но это не значит, что они влияли, – влиял именно сам Государь. Теперь проблема Тихого океана выяснена. Никто не может оспаривать ее огромного первенствующего значения. К Тихому океану обращены взоры всего мира. В будущем Тихому океану предстоит роль бо́льшая, чем Атлантическому. Государь о б я з а н предвидеть будущее. Россия, которая обладала громадным протяжением Тихоокеанского побережья, должна была заранее подготовить и укрепить там свои позиции. Многие ли в России понимали это? Но Николай II понимал. У него было «орлиное око», он видел далеко вперед. У наших заурядных министров, бездарных «общественных» деятелей и огромной части публицистов было «око куриное»,

не видящее ничего дальше своего носа. Они упрекали своего Государя за его дальнорукость и гордились своей близорукостью. Со всех сторон кричали: «Чего мы лезем на Дальний Восток? Своего дела внутри страны не обобратить, мы дразним японцев, мы вызываем их на войну». Войну с Японией неизменно и до сих пор ставят на счет Николаю II, утверждая, что он является ее виновником.

Так пишется история. Можно и в самом деле подумать, что Россия объявила войну Японии, по крайней мере послала в свое время вызов. Между тем как известно: Япония бросилась на Азиатский материк еще в 1894 году, за десять лет до войны с Россией напав на беззащитный Китай, захватив Корею и Квантунг и создавая угрозу нашему, тогда все беззащитному Дальнему Востоку. Могла ли Россия остаться к этому безучастной? Россия в ы с т у п и л а против Японии, и выступила не одна, но в союзе с Францией и Германией (при противодействии Англии). Этот союз также был идеей Императора Николая II. В то время он имел у себя блестящего помощника – министра иностранных дел кн. Лобанова-Ростовского, сменившего бесцветного Н.К. Гире. Князь Лобанов сумел объединить, казалось, необъединимое: Германию с Францией, и направить это объединение на пользу России. Соединенный флот (под командой русского адмирала) принудил Японию (без объявления ей войны и без боевых действий) прекратить войну с Китаем и пойти на уступки¹. Японию не допустили тогда на материк. Ей пришлось удовольствоваться островом Формозой и контрибуцией (с Китая). Россия за свою услугу Китаю получила концессию на Восточно-Китайскую железную дорогу с отдачей в свое фактическое обладание всей Маньчжурии, аренду на Квантунский полуостров с Порт-Артуром и Талиенваном (переименованным в Дальний – теперь Дайрен) и протекторат над сделавшейся независимой Кореей. Кроме того, Россия (немного позже) урегулировала с Китаем вопрос об Крянхае (богатой области, заселенной русскими и уступленной нами Китаю по недоразумению, хотя она принадлежала России еще со времени Царя Михаила Феодоровича). Урянзай был возвращен России. Таковы были приобретения в результате вмешательства в японско-китайскую распря. Возможен ли большой успех во внешней политике с затратой столь небольших усилий, как это было достигнуто Императо-

¹ 24 апреля 1895 г. корабли соединенных эскадр Тихого океана и Средиземного моря под командованием вице-адмирала С.П. Тыртова произвели демонстрацию вооруженных сил на рейде китайского порта Чифу (Яньтай) в 75 милях от Порт-Артура. Преимущество российских морских сил заключалось в наличии крупных кораблей – одного эскадренного броненосца и трех броненосных крейсеров, равных которым не было в более многочисленном японском флоте. Это явилось одной из причин успеха демонстрации: Япония отказалась от Квантуна.

ром Николаем II в 1895–1898 годах? В связи с постройкой Сибирской и Восточно-Китайской железной дороги и укреплением Владивостока и Порт-Артура этот успех был очень оценен во всем культурном мире. Россия стала считаться могущественнейшей державой, ее кредит сравнился с кредитом Англии и Франции и был выше германского. Мы выпускали на внешнем рынке 3 и 3,5%-ные займы по курсу, близкому к паритету, – небывалое явление в истории мировых финансов.

К сожалению, были допущены ошибки; их виновником был всесильный тогда и высоко даровитый министр финансов С.Ю. Витте. Первая ошибка была в гарантии Россией китайского займа для японской контрибуции, что дало возможность Японии получить деньги для сооружения на английских верфях военного флота, который и нанес впоследствии (в 1905 году) поражение русскому флоту. Япония тогда была некредитоспособна и без русско-китайской помощи не могла бы создать себе военный флот. Другой ошибкой было сооружение и отличное оборудование коммерческого (неукрепленного) порта Дальнего рядом с недостаточно укрепленным военным портом (Артуром), что во время войны дало возможность японцам выгрузить необходимые осадные орудия, без помощи коих Порт-Артур невозможно было бы взять. Третьей ошибкой был отказ от сооружения Амурской железной дороги, созданной уже при Столыпине, после войны и ухода от власти Витте, и первоначальная постройка Сибирской магистрали без мостов через реки, одноколесной и с ничтожной пропускной способностью без кругобайкальской соединительной ветви. Четвертая ошибка была в постоянном сокращении кредитов на создание действительно необходимого большого военного флота, достаточного для обороны на Дальнем Востоке и на усиление наших морских крепостей на Тихом океане.

Вследствие этих ошибок (против которых молодой Государь постоянно восставал и многое исправил, несмотря на крайнее упрямство со стороны Витте, человека волевого и неуступчивого, но с которым Государю не хотелось расстаться ввиду его исключительных дарований и влияния в финансовых сферах) создалась относительная наша слабость на Дальнем Востоке, которая привела нас к войне с Японией, рассчитывавшей на легкую победу. Наша слабость на Дальнем Востоке была единственной причиной этой войны, а вовсе не какие-то лесные концессии в Корее Абазы и Вонлярлярского, как до сих пор твердят наши доморожденные политики. Император Николай II употреблял все усилия, чтобы предотвратить войну, шел на всевозможные уступки, вплоть до отказа от протектората над Кореей и от усиления наших вооруженных сил на Дальнем Востоке, и тем не менее Япония напала на наш флот даже без объявления войны.

Война была для русского оружия неудачной и на суше и на море, и тем не менее Япония одерживала лишь Пирровы победы. Она дошла до крайней степени истощения, и положение японской армии в Маньчжурии в последние месяцы войны «висело на волоске». Император Николай желал мира, но мира почетного; желал вести войну до победного конца, но вынужден был уступить общественному мнению и начавшимся народным волнениям, вызванным нашими революционными пораженческими группами. По заключенному в Портсмуте миру Россия пошла на уступки¹. Но отнюдь нельзя сказать, что Россия в общем и целом из своего столкновения на Дальнем Востоке (1895–1905) вышла с уроном. Напротив, Россия удержала за собой Северную Маньчжурию, богатейшую и сравнительно пустую (т. е. годную для заселения русскими поселенцами) область, а по договору (1903) с Японией, заключенному другим выдающимся министром Николая II А.П. Извольским, в сферу влияния России отошла также большая часть и Монголии.

Это огромное приобретение. Мало того, Япония была сильно устрешена тем сопротивлением, которое ей оказала Россия даже при своей полной неподготовленности. Япония искала соглашения, союза с Россией и во время Великой войны² действительно оказалась в ряду союзников, а не врагов России, как на то надеялась Германия. Возможно, что в этом отношении неудача России в войне с Японией сослужила нам некоторую службу: побежденная Япония мечтала бы о реванше и во время Великой войны ударила бы нам в тыл. Таким образом, дальневосточная политика Николая II оправдалась и принесла России огромные выгоды.

Еще более удачной оказалась политика Николая II в отношениях с Англией – вековым врагом России. Николаю II удалось сделать из врага друга и извлечь из соглашения с Англией крупную выгоду. Тот же А.П. Извольский заключил с английским правительством договор о разделе сфер влияния обеих держав на Среднем Востоке: к России отошла «сфера влияния» в богатейшей Северной Персии, Тибете, Афганистане и Белуджистане. Средняя Персия (с выходом России к Индийскому океану) осталась нейтральной. После этого оставался один лишь шаг до союза с Англией,

¹ Согласно Портсмутскому мирному договору, подписанному 23 августа (5 сентября) 1905 г., Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, часть Южно-Маньчжурской жел. дороги, юг Сахалина.

² Великая война – первоначальное название войны 1914–1918 гг., когда против России выступили Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Также ранее эту войну называли «Второй Отечественной» (первой была Отечественная война 1812 г. против наполеоновского вторжения). Позже война 1914–1918 гг. получила наименование Первой мировой войны.

и этот союз был заключен сейчас же после начала войны с Германией; Англия выступила против Германии и тем сразу же предопределила исход войны, сделавшейся непосильной для центральных империй.

Пытался Николай II обезвредить и Германию: в 1905 году (в Бьорке) им лично был заключен соответствующий договор с Императором Вильгельмом II (это была все та же комбинация союзных отношений между Россией, Францией и Германией, которую удалось практически осуществить в 1895 году)¹. При осуществлении этого договора не могло бы быть войны с Германией. Она отвлеклась бы в область развития своей колониальной политики («будущее Германии на водах») и не стремилась бы через Австрию и Балканы к Константинополю – Багдаду. К сожалению, Великий князь Николай Николаевич, граф С.Ю. Витте и граф Ламсдорф (тогдашний министр иностранных дел) настояли на аннулировании этого договора, что и предрешило отказ Германии от колониально-морской политики, устремление Германии к Ближнему Востоку и неизбежное столкновение ее с Россией. Вина ли дальновидного Императора или его более близоруких сотрудников? Несмотря на самодержавие, Император не был всемогущим в России: времена Петра Великого давно миновали. Общественное мнение и влияние правящих кругов не могли быть пренебрежены русскими самодержцами в XIX и XX столетиях...

Но попытки соглашения с Германией не прекращались и после крушения Бьоркского договора. Преемник А.П. Извольского, С.Д. Сазонов, пытался осуществить таковое, хотя и в гораздо более скромных рамках. Но жребий уже был брошен. Германская военная партия восторжествовала и стала явно готовить «предупредительную» войну с Россией и Францией.

II

Мировая война. Вопрос об ответственности за нее России.

Подготовка России к войне. Ход военных действий.

Смена Верховного командования и ее результаты

В Германии уже десять лет пытаются возложить на Россию, и в частности на Императора Николая II, ответственность за Великую войну 1914–1918 годов, и в русской печати наблюдается такое же течение. Факты, как известно, говорят иное. Русская дипломатия употребляла все усилия, чтобы предотвратить войну, шла на все уступки, почти унижительные. Император Николай II, инициатор международного соглашения о сокраще-

¹ Русско-германский договор об оборонительном союзе был подписан двумя Императорами на борту царской яхты «Полярная Звезда» у острова Бьёрке около Выборга 11 (24) июля 1905 г.

нии вооружений (Гагская конвенция 1899 года¹) и о создании международного третейского суда для разрешения мирным путем политических конфликтов (предложения Николая II разбились в свое время о резкое противодействие именно со стороны Вильгельма II и привели поэтому к ничтожным результатам), – Николай II до самой последней минуты австро-сербского столкновения 1914 года добивался мирного его разрешения, оказывая давление на Сербию и заставляя ее идти на все уступки. Но Австрия была непримирима и, подстрекаемая Германией, объявила войну Сербии, мобилизовав одновременно свои войска и на русской границе. Объявила почти одновременно мобилизацию армии и Германия, сперва, впрочем, без официального опубликования. И только тогда Император Николай II согласился на мобилизацию своих войск уже под явной угрозой неприятельского внезапного нападения без объявления войны (опыт Японии был еще слишком памятен). Правительству Николая II скорее можно поставить в упрек недостаточную подготовленность к войне. Но к войне Россия потому именно и не готовилась, что ни в коем случае не желала войны. Германия, напротив, издавна подготавливала войну наступательную, которую она и начала нападением на Бельгию, нейтралитет которой, между прочим, был гарантирован самой же Германией.

Теперь многие доказывают, что войну можно было предотвратить. Утверждают, что стоило Англии объявить себя заранее на стороне Франции и России, Германия не осмелилась бы напасть на них. Возможно, Россия и Франция употребляли все усилия, чтобы убедить Англию сделать этот шаг. Англия отказала – она не желала воевать из-за Сербии. Если бы Германия не напала на Бельгию (непоправимая ошибка Германского Генерального штаба), а напала бы только на Россию или на Францию (например, со стороны Вердена), Англия, конечно, не шевельнулась бы.

Но ни Россия, ни Франция не могли бы сами по себе никакими путями предотвратить войну, давно подготовленную и желанную в Германии. Предлог для нападения нашелся бы: вспомним мнимые «французские авионы над Нюрнбергом»². В лучшем случае, пожертвовав Сербией, можно было бы войну на месяц-другой отсрочить. Это, конечно, и было бы

¹ На 1-й мирной конференции в Гааге в 1899 г., созванной по инициативе Императора Николая II и объединившей участников из 26 стран, были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, включенные в комплекс норм международного гуманитарного права.

² Не имея фактического повода для войны с Францией, Германия прибегла к наглому лжи, заявив, что французские самолеты нарушили нейтралитет Бельгии, а также летали над германскими городами Карлсруэ и Нюрнбергом и даже сбросили в их районах бомбы на железнодорожную линию. 3 августа 1914 г. германский посол в Париже передал ноту с объявлением войны Франции.

сделано, если бы была уверенность, что Сербия столь победоносно отобьет первые атаки австро-венгерской армии, как это произошло на самом деле (под Крагуевацом и Шабцем). Но ведь для этих успехов потребовался предварительный разгром австрийских войск русскими (в Галиции)¹. А что было бы без этого разгрома?

Во всяком случае, не Россия объявила войну Германии, а наоборот, Германия России и затем Австро-Венгрия России (Россия не напала на Австрию, не объявила ей войны даже после бомбардировки Белграда и вторжения австрийских войск на Сербскую территорию)²: Император Николай II был миротворцем до конца. Но когда война началась уже против его воли, он обнаружил необыкновенную твердость при ее ведении и большое дипломатическое искусство в приобретении союзников и в извлечении для России выгод на случай успешного окончания войны.

Англия примкнула к России, Франции и Бельгии на четвертый день войны. В ближайшем будущем к ней присоединилась Япония, на поддержку которой Германия так рассчитывала. Напротив, Италия, бывшая в союзе с Германией и Австрией, сперва объявила нейтралитет, а затем выступила против Австрии (1915). Русская дипломатия (Штюрмер) заставила выступить на нашей стороне и Румынию (1916), всегда тяготевшую к германо-австрийскому союзу. В конце концов на стороне России оказался и ряд других государств: Греция, Португалия, Китай, Бразилия. Не могла только австро-франко-русская дипломатия заставить продержаться нейтралитет Турцию и Болгарию. Это была огромная неудача, но неизбежная: и Турция, и Болгария были в скрытом соглашении с Германией еще до войны, их участие было предreshено заранее. Но и из участия в войне Турции России удалось извлечь большую выгоду: она поставила на очередь разрешение своей исторической задачи по овладению проливами и занятию Великой Армении. Союзники дали России согласие на присоединение к ней Константинополя с проливами, островами Тенедосом и Имбросом и соответствующими территориями на азиатских и европейских берегах проливов, а также на присоединение значительных территорий в Малой Азии, примыкающих к нашему Закавказью (в том числе Эрзерума и Трапезунда).

¹ В августе-сентябре 1914 г. в результате Галицийской битвы русские войска одержали крупнейшую победу над австро-венгерской армией и заняли почти всю восточную Галицию, почти всю Буковину и осадили Перемышль. Сербская армия к середине декабря 1914 г. очистила Сербию от австро-венгерских войск.

² 15 (28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, и в тот же день дальнотбойная австрийская артиллерия начала обстрел Белграда. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России. 26 июля (8 августа) войну России объявила Австро-Венгрия. 2 (15) августа 1914 г. Россия объявила войну Германии.

При разгроме Турецкой Империи и ее расчленении Россия могла потребовать образования Месопотамско-Палестинского еврейского царства (или республики), благодаря чему мог быть совершенно удовлетворительно разрешен столь сложный и острый для России еврейский вопрос, всегда занимавший Императора Николая II. Палестина – бедная и маленькая область сама по себе, конечно, недостаточна для прокормления огромных масс евреев, если бы они туда переселились. Это было всегда ясно для тех, кто знаком с Палестиной, а теперь ясно и для всех после опыта с колонизацией Палестины евреями после войны (совершенно неудавшегося). Но Месопотамия (первоначальная родина евреев, вполне приемлемая с их религиозной точки зрения) – страна богатейшая, при условии ее орошения, легко осуществимого и уже существовавшего в прежние времена, когда она была «колыбелью цивилизованных народов». Богатейшие источники нефти, возможность хлопководства и прекрасные морские гавани – залог самого широкого развития этой страны при условии приложения к ней интенсивного труда и капитала.

Еврейское царство, поставленное под протекторат великих европейских держав и С. Штатов С. Америки¹, несомненно, могло бы процвести и привлечь евреев-колонистов со всех концов вселенной и преимущественно, конечно, из России, которая оказала бы и этой колонизации, и самому еврейскому народу самую деятельную поддержку: моральную, политическую и экономическую. Такое решение еврейского вопроса в связи с войной было блестящей мыслью Императора Николая II и некоторых из его сотрудников, и оно было близко к осуществлению.

Что касается до западной границы, то Россия обеспечила ее исправление (с согласия союзников) в таком виде, в каком ей угодно было бы определить самой. Предполагалось прежде всего объединение с Российской Империей всех старинных русских областей, то есть Буковины (Зеленая Русь), Прикарпатской Руси и Галиции (Червонная Русь) и далее объединение Польши под скипетром Русских царей (то есть присоединение к Царству Польскому Краковской области, Познани с Данцигом и Верхней и Нижней Силезий в полном составе). По желанию могла быть присоединена и Восточная Пруссия, онемеченная старинная славянская область (принадлежавшая прежде чешским королям) и завоеванная в эпоху Семилетней войны Императрицей Елизаветой Петровной у Фридриха Великого и подаренная ему обратно Императором Петром III (лишившимся за это предательство русских интересов престола и жизни).

¹ Соединенные Штаты Северной Америки (США) – название, употреблявшееся в русском языке до сер. XX в. для обозначения Соединенных Штатов Америки.

Ни в одну прежнюю, самую удачную войну (не исключая победной кампании 1812–1814 годов) России не удавалось так широко обеспечить свои интересы, как удалось это сделать Императору Николаю II в процессе Мировой войны, причем все руководство внешней политики велось им непосредственно, совершенно твердою рукою. И где же здесь слабости, нерешительность и неосведомленность покойного Императора, о которых все говорили? Несмотря на свою привязанность и уважение к министру иностранных дел С.Д. Сазонову, Николай II не остановился перед увольнением его в отставку, когда убедился в недостаточной его смелости и настойчивости при отстаивании русских интересов и в чрезмерной уступчивости, иногда почти пресмыкательстве перед союзниками (что подтверждает в своем дневнике и французский посол Палеолог). Сменивший Сазонова Б.В. Штюмер (столь беззастенчиво оболганный русской печатью вслед за иностранной) действовал по непосредственным указаниям самого Императора Николая II с чрезвычайной смелостью и настойчивостью в деле обеспечения русских выгод в случае успешного окончания войны и добился согласия союзников на все русские требования (его за это крайне невзлюбили союзные представители, ведшие против Штюмера настоящую травлю).

Императору Николаю II ставят в вину недостаточную подготовку к войне, ее неудачное ведение и более всего принятие лично на себя (в самый тяжелый момент военных неудач) Верховного командования войсками. Мы были, конечно, не готовы к войне. Но кто был готов? Ведь Россия не желала войны, всячески ее избегала. Естественно, что и готовилась к войне неохотно, щадя народные средства, которые были так нужны для развития производительных сил страны и для осуществления ее культурных задач.

Но даже Германия, которая готовилась к нападению на соседей, специально для этого вооружалась, разработала подробно все планы наступления на Францию и Россию, готовяла специальные стратегические пути, приспособила к войне свою финансовую систему, создала все необходимые запасы и т. д., оказалась ли она надлежащим образом подготовленной? Предвидела ли она вмешательство Англии? Допускала ли, что война будет длиться более четырех лет и окажется «войною на истощение»? Германский штаб был уверен в быстрой молниеносной победе и только к этой короткой войне был готов. Не говорим уже об Австро-Венгрии, которая готовила войну, как и Германия, и оказалась все же менее готовой, чем Россия.

И нельзя сказать, что Россия вовсе не была готова к войне. Она оказалась в большей готовности, чем в эпоху войны Крымской, Турецкой

1877 года или Японской 1904 года. Армия была вся вооружена скорострельными магазинными ружьями (и их было больше, чем у германцев), отличной скорострельной полевой артиллерией: снарядов в среднем на пушку было 850 (по тогдашним расчетам, после 1000 выстрелов пушка становилась негодной), армия была снабжена большим (сравнительно) количеством гаубиц, тяжелой артиллерии и пулеметов, хотя, конечно, и недостаточным. Накануне войны наши оружейные и пушечные заводы были расширены и приступлено к сооружению новых. Была готова великолепная эскадра дредноутов¹, более сильных, нежели германские. Снаряжение и снабжение армии оказались в сравнительном порядке. В лучшем порядке, чем когда-либо, была и рельсовая сеть, благодаря чему мобилизация армии могла быть произведена несколькими неделями раньше предполагаемых Генеральным штабом сроков (что дало возможность быстро начать наступление в Восточную Пруссию и тем спасти от разгрома французскую армию). Военные планы были в большем порядке, чем когда-либо. Мобилизация была проведена вполне успешно. Германский штаб, во всяком случае, был сильно разочарован: он рассчитывал на гораздо худшую русскую подготовку. Между прочим, нашему Штабу оказались отлично известными оба военных плана наступления Австро-венгерского штаба и тот из них, который был применен (№ 1), был отлично отпарирован русским командованием, хотя предполагалось, что будет осуществляться другой план (№ 2).

В полном порядке оказались и русские финансы: блестяще сведенный бюджет, огромная свободная наличность (свыше полумиллиарда рублей золотом), колоссальный разменный золотой фонд Государственного банка (свыше 1600 млн. руб. золотом), большие запасы иностранной валюты за границей (также свыше 500 млн. руб. золотом). Россия, несомненно, была лучше подготовлена к войне, чем ее союзник Франция и присоединившиеся к союзу Англия (1914) и Италия (1915). Упрек Императору Николаю II, что Россия оказалась к войне вовсе неподготовленной, является совершенно голословным и потому тенденциозно несправедливым.

Война была поведена с самого начала правильно. Наступление в Восточную Пруссию было прекрасным стратегическим маневром, сперва очень удачным (движение генерала Ренненкампа, бой под Бумбине-ном), потом потерпевшим частичное крушение (поражение армии генерала Самсонова под Сольдау-Тененбергом), но все же выполнившим свое основное задание (отвлечение германских сил от Франции и спасение Парижа). Большой успех (а он был вполне возможен вследствие

¹ Дредноут – артиллерийский военный корабль класса линкор, вооруженный орудиями крупного калибра.

неосторожности Германского штаба, не рассчитавшего времени развертывания русских армий и оставившего для обороны Восточной Пруссии слишком ничтожные силы) – большой успех привел бы к потере германцами Восточной Пруссии и Вислянской системы крепостей и скомпрометировал бы весь план Германского штаба. Австро-венгерская армия (в великой Галицкой битве) потерпела полный разгром, который должен был окончиться падением Перемышля и Кракова, прижатием армии к Карпатам и полной ее сдачей, что, вероятно, сразу же вывело бы Австро-Венгрию из строя и заставило бы ее заключить сепаратный мир (с потерей Галиции и Буковины). Австрия была спасена победой Гинденбурга над армией Самсонова и его удачной диверсией на Варшаву, защита которой потребовала отвода значительных русских сил из Галиции, прекращения штурма Перемышля и приостановки преследования разбитой австрийской армии. Трудно оспаривать, что эта защита Варшавы (потребовавшая огромных жертв со стороны русской армии, между прочим, великолепных сибирских корпусов, брошенных в бой прямо из вагонов) была ошибкой нашего Верховного командования, вызванной не столько стратегическими, сколько политическими соображениями. Но, во всяком случае, Варшава была спасена, атака Гинденбурга отражена и русские войска остались и в занятой ими Галиции, и в части Восточной Пруссии (на линии Мазурских озер).

Неудачи наши начинаются с 1915 года, и, конечно, Император Николай II решительно здесь ни при чем. Причина неудач – рискованное зимнее наступление на Карпаты, предпринятое по инициативе Штаба главного командования, вопреки мнению большинства Военного совета и представителей союзного командования, которые заявляли о невозможности оказать с своей стороны содействие русскому наступлению ввиду недостатка у них снарядов и необходимости пополнения их армий. Снарядов в русской армии тоже не было достаточно для наступательных целей (и было удовлетворительное количество для целей обороны), их надо было пополнить, для чего даны были соответствующие заказы, тем более что в это время уже было сделано изобретение, позволяющее использование орудий для несравненно большего количества выстрелов, чем предполагалось в начале войны. Карпаты, легко проходимые летом, почти неприступны зимой.

И тем не менее наступление началось в предположении, что австрийская армия совершенно расстроена. Но эта армия, подкрепленная германцами, оказала в природных благоприятных условиях серьезное сопротивление, для преодоления которого потребовались героические усилия со стороны русских войск, сделалось необходимым введение в

бой кадровых частей, расположенных в Восточной Пруссии, издержки огромного количества снарядов, создавшее в остальных армиях безусловный их недостаток. В результате – прорыв в феврале 1915 года русского расположения у Мазурских озер и в апреле прорыв растянутых от Львова до предгорий Карпат русских армий Юго-Западного фронта на реке Дунайце. При недостатке снарядов и гибели значительнейшей части кадровых войск начался отход русских армий. Пала система русских крепостей первой (Варшава, Новогеоргиевск, Ивангород) и второй (Гродно, Ковно, Брест-Литовск, Ковель) линий. Сдано было в плен более 2 млн. солдат. Больше миллиона погибло их в боях. Уже был отдан приказ об очищении Киева, и Ставка перенесена была из Барановичей в Могилев. Русские войска отступали даже перед австрийскими после нанесения последним поражений (что вызывало в наших войсках ропот). Риге угрожало падение. Германская кавалерия гнала русские корпуса (уже почти безоружные) и готовила прорыв (в Молодечно), чтобы затем начать конный рейд в тылу русской армии. Командующий Северо-Западным фронтом генерал Н.В. Рузский сейчас же после ликвидации им (под Праснышем) германского прорыва в Восточной Пруссии ушел в отставку, не согласный с распоряжениями Штаба Главнокомандующего. Об отчислении своем ходатайствовал и командующий Юго-Западным фронтом генерал Н.И. Иванов, разделявший со своими войсками неудовольствие по поводу приказов об отступлении перед австрийцами после побед над ними...

Что оставалось делать Государю в этот страшный и ответственный момент, когда уже выражалось опасение за участь обеих столиц и говорили о переносе Ставки в Люботин?

Он, как Верховный вождь армии и флота и самодержавный Царь, обязан был сменить Верховное командование, несмотря на блестящие дарования, военные заслуги, громадную популярность Великого князя Николая Николаевича и свое уважение и любовь к нему. Государь очень колебался. Он первоначально настаивал лишь на замене начальника Штаба генерала Янушкевича генералом М.В. Алексеевым, но встретился с категорическим противодействием Великого князя какой-либо замене этого злополучного генерала.

Конечно, всего правильнее было заменить Великого князя кем-либо из выдавшихся на войне генералов (М.В. Алексеевым или Н.В. Рузским, например), но такая замена вызывала зависть других генералов и до известной степени оскорбляла бы Великого князя Николая Николаевича, подчеркивая неодобрение его действий самим будто Государем. При таких обстоятельствах Императору Николаю оставалось одно: принять

номинально командование войсками лично¹, взяв начальником Штаба выдающегося и авторитетного генерала (назначен был М.В. Алексеев, возвращены к командованию Н.В. Рузский и Радко-Дмитриев). Великий князь Николай Николаевич не был просто отставлен, а назначен Наместником Кавказа и Главнокомандующим Кавказским фронтом – должность первостепенной важности ввиду предстоявших завоеваний в Малой Азии и необходимости их устройства. Назначение это вполне оправдалось блестящими результатами и распорядительностью Великого князя Николая Николаевича. Таким образом, труды и дарования Верховного Главнокомандующего были вполне оценены.

Государь не взял на себя командование войсками в благоприятный момент, в момент решительной победы, как ему это советовали, но в самую тяжелую и ответственную минуту. «Вы можете стать во главе войск, когда они будут входить в Берлин, – говорили Государю его министры, – но не рисковать возможностью поражения». Другими словами, Государю рекомендовалось присвоить себе славу победы, одержанной его полководцами, но отнюдь не разделять со своей армией ее тяжелого положения, – чисто «готтенготская мораль»... Государь держался другого мнения. Он охотно готов был предоставить всю славу победы своим генералам и осыпать их за то наградами, но не мог допустить окончательного поражения ради пощады личных самолюбий и для сохранения себя лично от всякой опасности и нареканий. Он предпочел лично взять на себя всю ответственность. И за этот смелый и благородный шаг его упрекают до сих пор.

Почему? Разве принятие Императором Николаем II Верховного командования повлекло за собой неудачи? Напротив. Неудачи как раз с этого времени прекратились. Ликвидирован был прорыв германской конницы под Молодечно и почти вся она была потоплена в болотах. Отбиты были все штурмы Двинска, несмотря на все упорство германцев (70 атак). А ведь перед тем все крепости падали одна за другой. Операция против Риги потерпела полную неудачу. В боях на Стыри и Стрыпе было остановлено австро-венгерское наступление (Макензена) и об эвакуации Киева больше речи не подымалось. Положение русской армии стало устойчивым. Продвижение германской армии прекратилось. Уже это было огромным успехом. И этим успехом армия всецело обязана была именно лично самому Государю, своим хладнокровием и спокойствием духа вливше-

¹ Приказ по армии и флоту, в котором Император Николай II объявил о принятии на себя «предводительствования всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий», был издан 23 августа/5 сентября 1915 г.

му силы в своих ближайших сотрудников. Это признавал сам генерал М.В. Алексеев (см.: Русская Летопись. Кн. 1. Париж, 1921. С. 167 и след.)¹. Но в дальнейшем именно под командой Государя русская армия окончательно окрепла и перешла снова в наступление. Напомним о боях Брусилова в 1916 году, после которых фронт продвинулся на 70 верст вперед и была занята нами вся Буковина и снова часть Галиции. Напомним о боях на Стоходе, предпринятых для спасения Вердена, когда значительно был выпрямлен Русский фронт и снова спасена Франция. Не следует забывать и об успехах, совершенно исключительных, на Малоазиатском театре войны: разгроме турецких армий и взятии Эрзерума, а потом Трапезунда войсками генерала Н.Н. Юденича. Напомним, что именно при командовании Государя русская армия, несмотря на непрерывные бои и страшные предыдущие потери, вновь была собрана и реорганизована, перевооружена и снабжена таким военным материалом и в таком изобилии, о каких раньше не имели понятия. Эта огромная (до 12 млн. человек) армия к весне 1917 года была вполне готова к общему наступлению, которое вымело бы из России навсегда австро-германцев и покончило бы с центральными империями, если бы не злосчастная революция, устранившая с престола Николая II и вместе с тем уничтожившая и самую Россию.

Что это не фантазия, доказано историей: даже без России Франция и Англия (с поддержкой С. Штатов, но при поражении Сербии, Румынии и Италии) одержали полную победу над Германией и Австрией, — только война длилась на полтора года дольше. При участии России, конечно, победа была бы одержана раньше и она была бы несравненно полнее.

Итак, с точки зрения внешней политики царствование Николая II было из блестящих блестящим. Его политика должна была привести Россию к вершинам ее славы, к осуществлению всех ее исторических задач. А низложение Императора Николая, напротив, в руках бездарной «демократии» довело Россию до небывалого падения, лишило Россию всех ее завоеваний, начиная с Петра Великого, не говоря уже о лишении плодов всех усилий и затрат, сделанных в Мировую войну. Все пошло прахом, и Россия отодвинулась почти к границам бывшего Московского царства (кстати, ее столицу снова перенесли в Москву), не только ничего не приобретя, но потеряв всю Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу с частями Белоруссии и Малороссии, Бессарабию и Карскую область с низведением населения почти в 190 млн. человек только до 140 млн., тогда как при нормальном приросте населения и без потери своих территорий Россия должна была бы теперь (1928) иметь не менее 220 млн. человек.

¹ Ставка Верховного Главнокомандующего // Русская летопись (с 1917 года): [в 7 кн.]. Париж: Рус. очаг, 1921–1925. Кн. 1. — 1921. С. 156–171.

III

***Внутренняя политика Императора Николая II.
Рост благосостояния населения. Его сбережения.
Внешняя торговля. Государственный бюджет. Урожай.
Аграрная политика. Отмена питейных налогов.
Наделение крестьян землею. Столыпинская реформа***

Что сделано было Императором Николаем II во внутренней политике? В этом отношении царствование Николая II представляет, быть может, единственную страницу в нашей истории по достигнутым результатам в смысле экономического и культурного подъема страны. Прежде всего бросается в глаза огромный рост населения. Он дошел, по официальным подсчетам, со 120 млн. душ (1894) до почти 190 млн. душ (1917), то есть за время царствования Императора Николая II составил около 70 млн. душ – цифра, превышающая все население тогдашней Германской Империи (менее 67 млн. душ). В стране несвободной, экономически не развивающейся такой рост населения невозможен: ему нечем будет прокормиться, будет неизбежная массовая эмиграция, будут наблюдаться голодовки, эпидемии, понижение среднего уровня благосостояния. В период 1894–1916 годов мы наблюдаем обратное: голодовки в России, которые в прежнее время все же иногда наблюдались (как последствия неурожаев), в царствование Николая II исчезают вовсе: конечно, были и неурожайные года (неизбежные по местам вследствие громадной территории Империи и ее в общем континентального, засушливого климата), но они не влекли за собою больше голода, запасы продовольствия в стране всегда были громадны, организация доставки его в местности, пострадавшие от неурожая, была отлично налажена, блестящие финансы всегда позволяли роскошь сверхсметных ассигновок для оказания помощи населению. Уровень благосостояния населения сильно поднялся, что доказывается огромным увеличением его сбережений, ростом государственного бюджета, повышением урожайности хлебов, ростом промышленности и торговли, в том числе торговли внешней, исчезновением недоимок по прямым налогам – этого верного показателя бедности плательщиков и т. д.

Довольно привести справку, что сумма вкладов в сберегательные кассы (куда именно стекаются мелкие сбережения) возросла с 300 млн. руб. в 1894 году до 2000 млн. руб. в 1913 году (на 570%) и в 1917 году даже до 5225 млн. руб. (увеличение почти на 1700%). Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях (на кооператив-

ных началах) составляла в 1894 году всего около 70 млн. руб., в 1913 году 620 млн. руб. (увеличение на 800%), а к 1 января 1917 года даже до 1 200 млн. руб. Самое количество этих учреждений возросло с 2 000 до 17 000, и нигде в мире не развивались эти мелкие кредитные учреждения, обслуживающие преимущественно сельские кооперативы и отдельных крестьян, с такою быстротою и размахом, как в России, причем это развитие шло неизменно по инициативе и под руководством правительства, при помощи и поддержке Государственного банка и Государственных сберегательных касс. И все это было разграблено большевиками.

Чрезвычайно было и развитие крупных кредитных учреждений. Так, акционерные коммерческие банки имели в 1893 году собственных капиталов всего 150 млн. руб. и вкладов на 300 млн. руб., а в 1913 году собственных капиталов уже 750 млн. руб. (более чем на 400%) и вкладов 2 500 (более чем на 700%). Таков же рост капиталов и вкладов в обществах взаимного кредита и городских банках. Мы не говорим уже об этом приросте во время войны под влиянием огромного выпуска в обращение бумажных денег. К январю 1917 года сумма вкладов в Государственном и частных банках превышала 8,5 млрд. руб., а со сберегательными кассами и мелкими кредитными учреждениями свыше 15 млрд. руб. Все эти огромные сбережения были поглощены и уничтожены революцией.

О росте промышленности и торговли дает представление рост акционерных капиталов крупных предприятий и размеры внешней торговли, также поступление налогов торговли и промышленности. В 1893 году акционерных капиталов в России числилось только 800 млн. руб., в 1913 году уже на 3 500 млн. руб. (увеличение на 340%). Обороты внешней торговли составляли в 1894 году 1 228 млн. руб., а в 1913 году – 2 642 млн. руб. (увеличение на 115%). Поступления налогов с торговли и промышленности дошло с 30 млн. до 150 млн. руб. (увеличение на 400%).

Государственный бюджет возрос с 1 031 млн. руб. до 3 563 млн. руб. в 1913 году, а в 1916 году даже до 4 000 млн. руб. (обыкновенные доходы), несмотря на отмену казенной продажи питей и вообще отмену налогов на спиртные напитки вследствие полного воспрещения (1914) их потребления, т. е. рост государственных доходов на время царствования Императора Николая II определился почти в 300% – явление небывалое за такой короткий промежуток времени, явное доказательство огромного роста народного благосостояния. Увеличение налогов здесь роли не играет, тем более что многие из них были понижены или вовсе отменены¹. Большое

¹ Между прочим, сильно были понижены железнодорожные тарифы, особенно пассажирские. Новое увеличение их произведено было только во время войны. – Авт.

значение в деле этого роста имело резкое увеличение урожая хлебов: в среднем урожай четырех главных хлебов (пшеницы, ржи, овса и ячменя) с 3 000 млн. пудов в год дошел до 4 500 млн. пудов (в круглых цифрах), сообразно с чем чрезвычайно возрос и наш вывоз хлеба за границу, дошедший в последние перед Мировой войной годы до громадной цифры, превышающей 800 млн. пудов на сумму до 750 млн. руб. золотом.

Чем же объясняется этот баснословный подъем народного благосостояния при Императоре Николае II? Прежде всего рациональной и смелой политикой в области важнейшего в России вопроса: аграрного. Было обращено особое внимание на подъем благосостояния крестьян: на расширение их прав, уничтожение остатков их крепостной зависимости, уменьшение лежащих на них налогов, расширение крестьянского землевладения, освобождение их от пут общины и власти «мира». Отменен был паспортный налог и введена была новая паспортная система, обеспечивающая крестьянам свободу передвижения, свободу выбора труда и независимость от произвола «мирских» организаций. Отменена была круговая порука при взыскании прямых налогов. Понижены были (наполовину) и без того очень невысокие поземельные налоги. Отменены были полностью, в общем на сумму около 100 млн. руб. золотом в год, выкупные платежи за земли, отошедшие в эпоху великих реформ Императора Александра II к крестьянам от их бывших помещиков и от уделов, а также за земли, отошедшие на выкуп при Александре III к бывшим государственным крестьянам от государства. Наконец, в начале войны были отменены и питейные налоги, также очень тяжело отражавшиеся на благосостоянии крестьян. Эта последняя реформа имела крайне благотворные следствия и позволила провести войну без особого обременения налогами широких крестьянских масс, получивших, напротив, в свое распоряжение огромные сбережения, которые помогли правительству легко разместить на очень крупные суммы свои военные займы, а крестьянству – выдержать войну без всякого разорения.

Россия, как это ни странно, скорее разбогатела, чем обеднела во время войны, увеличила, а не уменьшила свое производство. Самый «сухой» режим проведен был очень удачно. Это во время революции развилось в необычных размерах корчемное производство и потребление спиртных напитков («самогона»); а со времени восстановления коммунистической властью казенной выделки и продажи питей началось и дошло до гомерических размеров спаивание населения водкой. Во время же войны не было ничего подобного: народ принял воспрещение потребления алкоголя спокойно, с сознанием необходимости и чрезвычайной полезности этой меры и ей подчинился. Пьянство прекратилось вовсе.

Но и до отмены казенной продажи питей пьянство в России с каждым годом шло на убыль. Кабаки были закрыты. Качество спиртных напитков резко улучшено (освобождение их от сивушных масел, этого жесточайшего яда, сразу же прекратило так называемый запой). Потребление напитков было урегулировано. В целом мире по количеству душевого их потребления Россия занимала последнее место. Вся эта работа погублена революцией, введшей не только страшные налоги на спиртные напитки и путившей их в оборот в огромном количестве, но и задавившей несчастное крестьянство тягчайшими прямыми и косвенными налогами, во много раз превысившими скромные их ставки при Императоре Николае II.

Землею крестьяне в царствование Николая II были наделены вновь в размерах, превысивших даже это наделение при Александре II. Крестьянский банк, учрежденный в 1882 году (при Александре III) специально для помощи крестьянам при приобретении ими новых земель, но действовавший очень слабо ввиду ничтожного размера выдаваемых им ссуд и высокого процента по этим ссудам (7,5–8,5 в зависимости от срока погашения), при Императоре Николае II был реформирован. Ссуды банк стал выдавать крестьянам в размере до 90 и даже 100% оценки приобретаемой крестьянами земли (до реформы лишь до 60% и в виде исключения до 75%), а процент по ссудам был уменьшен до 4,5 (включая погашение), что по тогдашним русским условиям было очень дешево и даже убыточно для банка (убытки падали на Государственное казначейство). Сам банк получил право (и широко воспользовался этим правом) скупать продаваемые земли для распределения их между крестьянами.

При посредстве Крестьянского банка крестьяне в царствование Императора Николая II получили не менее 15 млн. десятин земли на самых льготных условиях¹. Крестьянам были переданы для их заселения также земли государственные и удельные и кабинетские земли в России Азиатской. Наделы в Азиатской России были громадны: по 15 десятин на душу, по 45 десятин на семью, причем каждой семье выдавалось пособие в 200 руб. золотом и она перевозилась со всем имуществом бесплатно (на казенный счет) до места поселения.

В Сибири были устроены казенные склады земледельческих орудий, снабжавшие население усовершенствованными сельскохозяйственными машинами и орудиями по крайне дешевой цене и на самых льготных условиях. Переселенцы получили в Азиатской России, по самым скромным подсчетам, не менее 40 млн. десятин земли (в царствование Императора Николая II переселилось около 5,5 млн. душ обоого пола). Таким образом,

¹ Кроме того, не менее 25 млн. десятин земли куплено было крестьянами без помощи банка. — *Авт.*

крестьяне увеличили площадь своего землевладения по крайней мере на 60 млн. десятин, не считая приобретенной без помощи государства (при Александре II на началах выкупа бывшие помещичьи крестьяне получили 33 млн. десятин)¹.

К 1916 году в руках крестьян и казаков было около 172 млн. десятин собственной земли только в 50 губерниях Европейской России (кроме Кавказа и Царства Польского). Гражданам других сословий принадлежало лишь около 85 млн. десятин, из которых 18 млн. десятин мелким собственникам, обрабатывающим земли личным трудом без помощи наемной силы. Большая часть остальных 67 млн. десятин была или под лесом, или в аренде у крестьян. Можно сказать, что накануне революции крестьянам принадлежала на началах собственности вся земельная пахотная площадь в Азиатской России и на началах собственности и аренды до 90% всей площади в России Европейской (по сельскохозяйственной переписи 1916 года). Таким образом, ходячее мнение, что в Царской России крестьяне были «обездолены землею», что она принадлежала «помещикам» и что было крайне необходимо отобрание этой земли у помещиков и передача крестьянам, – ни на чем не основано. Революция совершила «черный передел»². Крестьяне от этого только обеднели, урожаи резко понизились, и Россия из житницы Европы превратилась в страну непрерывного голода. Этот голод и есть настоящее «достижение революции» после сытого и обильного «царского периода».

Передавая все государственные, удельные и кабинетские земли крестьянам и всячески способствуя переходу к ним частновладельческих крупных владений, правительство Николая II заботилось также об улучшении приемов крестьянского хозяйничанья и о крестьянском землеустройстве. Были учреждены специальные землеустроительные комиссии при Землеустроительном комитете Министерства земледелия с участием в них крестьян. Крестьянам было разрешено (так называемая «столыпинская реформа») выходить из общин и требовать укрепления земли в единоличную собственность, оказывалось всяческое содействие развитию хуторского хозяйничанья³, широко был развит сельскохозяйствен-

¹ Не считая крестьян удельных (до 4,5 млн. десятин) и государственных, которые получили наделы на выкуп при Александре III (до 77 млн. десятин). – *Авт.*

² «Черный передел» – лозунг, выражавший стремление к всеобщему переделу земли, к ликвидации помещичьего землевладения. «Увеличив крестьянские наделы лишь на 5–10 %, черный передел 1917–1918 гг. ликвидировал 20 тыс. помещичьих хозяйств, которые поставляли на рынок около половины товарного хлеба». (*Радугин А.А. История России (Россия в мировой цивилизации): курс лекций. М.: Центр, 2001.*

³ В первые шесть лет реформы на хутора и отруба вышло около 2 млн. дворов, с площадью земли в 12 млн. десятин. – *Авт.*

ный кредит, открыт ряд высших, средних и низших сельскохозяйственных учебных заведений, организована широкая аграрно-воспитательная помощь населению, предприняты многочисленные работы по орошению и обводнению сухих земель и к осушению заболочиваемых, по борьбе с вредителями, по развитию специальных культур. Ассигновки на общее, т. е. низшее народное образование, увеличены с 14 млн. руб. до 67 млн. руб., то есть почти на 400%, и т. д. Все это дало прекрасные результаты. Урожаи зерновых хлебов и корнеплодов сильно повысились. Развилось производство промышленных растений, особенно льна и хлопка¹. Увеличилось скотоводство. Характерно, что даже за время войны количество скота у крестьян не уменьшилось, а возросло, несмотря на усиленные реквизиции для нужд армии. До очень крупных размеров дошел вывоз за границу масла, особенно из Сибири, и яиц. Первого на 70, вторых на 80 млн. руб. перед войною. В ближайшем будущем можно было рассчитывать на совершенно исключительный рост благосостояния широких народных масс – русского крестьянства.

Революция отбросила Россию на два столетия назад...

IV

Развитие обрабатывающей промышленности. Рельсовая сеть. Влияние войны. Приток иностранного капитала. Реформа денежного обращения. Государственный кредит России

Другой причиной общего экономического подъема России при Николае II, после правильной аграрной политики, явилась исключительная работа правительства о развитии в стране обрабатывающей промышленности и о разработке огромных естественных богатств страны. Чтобы сделать эти богатства доступными, необходимо было развить надлежащим образом рельсовую сеть, составлявшую ко вступлению на престол Императора Николая II немногим более 30 000 верст. Ни в какой период русской истории сооружение железных дорог не было столь интенсивным, как при Николае II. Равным образом только при нем удалось русскую сеть сделать доходной и освободить казну от постоянных приплат по убыткам железных дорог. Эти убыточные и бесхозяйственно ведшиеся линии, принадлежавшие частным обществам, были постепенно выкуплены в казну. Из частных обществ оставлены только те, которые зарекомендовали себя с наилучшей стороны.

¹ В начале царствования Императора Николая II сбор хлопка (волокна) составлял в России около 3 млн. пудов, в конце – около 16,5 млн. пудов (увеличение на 450%). Сбор льна составил в 1913 г. 23,5 млн. пудов. – *Авт.*

Правительство усердно сооружало новые линии и казенным распоряжением, и при посредстве частных обществ. В дело русского железнодорожного строительства были привлечены значительные капиталы и из-за границы. Всего до Великой войны было сооружено при Николае II около 32 тыс. верст новых рельсовых путей и до 7 тыс. во время самой войны. В постройке было около 18 тыс. верст. Всего русская сеть составляла до 74 тыс. верст, не считая дорог финляндских и восточно-китайской, а строящимися даже до 92 тыс. верст. Кроме того, до 70 тыс. верст было намечено к постройке сейчас же по окончании войны. Это уже чисто американский размах. Ежедневная погрузка этой сети составляла 40 тыс. вагонов, или 40 млн. пудов разных грузов и до 1 млн. пассажиров. Подвижной состав сети составлял 20 тыс. паровозов, 570 тыс. товарных и 20 тыс. пассажирских вагонов.

Постройка железных дорог сама по себе должна была способствовать развитию промышленности в стране. Для этого сооружения требовалось громадное количество разных материалов, рельсов, железных частей, паровозов, вагонов. Русский закон требовал, чтобы все это приобреталось исключительно на отечественных заводах и не могло выписываться из-за границы. Отсюда возникновение металлургических, паровозостроительных и вагоностроительных заводов в России. Многие из них были основаны за счет иностранного капитала, приток которого был тогда особенно обилен. Правительство Николая II вообще всячески поощряло создание новых заводов путем казенных заказов.

Заказы делались и для военных целей: постройка крепостей, военных судов, изготовление пушек, оружия, снарядов, и для целей общего развития страны. Так распоряжением казны сооружен был знаменитый керосинопровод из Баку в Батум с заказом труб на специально для этого сооруженном частном заводе. Так приступлено было к электрификации Волховских порогов и разработан был план электрификации Днепровских порогов распоряжением Министерства путей сообщения в бытность министром С.В. Рухлова. Так возникали заводы для изготовления материалов, необходимых для переоборудования наших портов, предпринятого в самых широких размерах правительством Императора Николая II.

Огромные оросительные работы в Закавказье и в Средней Азии вызвали новые оборудования и т. д. Поощряя путем казенных заказов развитие отечественной промышленности, правительство поощряло ее также усиленным таможенным покровительством, широкими кредитами, открываемыми Государственным банком, поддержкой частных банков, взявших на себя регулирование промышленности и пр. Можно сказать, что промышленное развитие России могло идти столь интенсивно

именно только при деятельном содействии и в значительной степени по инициативе правительства. Поэтому говорить, как часто у нас принято, что Россия развивалась не благодаря деятельности царского правительства, а независимо от нее и даже «вопреки ей», «несмотря на тягостный режим», совершенно несправедливо. Вот некоторые цифры. Добыча нефти возросла в царствование Николая II с 297 млн. пудов в 1894 году до 561 млн. пудов в 1913 году и до 602 млн. пудов в 1916 году (рост на 100% с лишком), добыча каменного угля с 331 млн. пудов в 1894 году до 1773 млн. пудов в 1913 году (на 436%) и до 2 101 млн. пудов в 1916 году, без Домбровского района. Добыча железной руды с 30–40 млн. пудов превысила 500 млн. пудов (увеличение почти на 1 600%). Добыча марганцевой руды доходила до 50 млн. пудов, золота в 1916 году до 3 764 млн. пудов вместо 2 500 млн. пудов в 1894 году.

Такой же подъем наблюдается и в отношении других ископаемых: меди, платины, серебра, соли. Обработка железа и стали возросла на 230%. Выплавка чугуна и производство готовых продуктов по железоделательным районам определялось цифрой до 300 млн. пудов. Размер производства всей фабрично-заводской промышленности Европейской России, за исключением производств, облагаемых акцизами, составлял цифру свыше 4 млрд. золотых рублей. Число более крупных промышленных заведений доходило до 14 тыс., число занятых в них рабочих – свыше 2 млн.¹ По сравнению с концом царствования Александра III это по крайней мере учетверение промышленной деятельности страны.

Особенно сильный рост наблюдается в развитии текстильной промышленности, в отношении производства которой Россия занимала четвертое место в целом мире после Англии, Германии и Соединенных Штатов. Велик также рост металлургической промышленности. В огромных размерах увеличилась эксплуатация и разработка леса. Вывоз его за границу дошел до 140 млн. руб. Производство сахара с 30 млн. пудов (в конце царствования Императора Александра III) дошло до 120 млн. пудов, став на первое место в Европе. Душевое потребление сахара возросло с 12 до 25 фунтов.

Развитие промышленности шло в чрезвычайных размерах. Война его не остановила. Напротив, многие отрасли промышленности ввиду полного отсутствия заграничной конкуренции и под влиянием огромных казенных заказов для надобностей армии чрезвычайно возросли. С окончанием

¹ Особенно сильно развилась текстильная хлопчатобумажная промышленность – с 3,5 млн. веретен, потреблявших до 8 млн. пудов хлопка, количество веретен дошло (в 1915 г.) до 9 млн. веретен, перерабатывавших свыше 24 млн. пудов хлопка. Сообразно с этим утроилось и потребление тканей населением. – *Авт.*

войны ожидался исключительный подъем производства. Революция уничтожила русскую промышленность совершенно, и все усилия царского правительства, столь обдуманно и планомерно развивавшего производительные силы страны, пошли прахом. Богатства царской России, однако, были так велики, что их остатков хватило на 11 лет безумного их расточения представителями социалистической демократии, не сумевшей ничего создать, но обнаружившей блестящую способность к разрушению.

Подъем русской промышленности не мог бы быть осуществлен без притока в Россию иностранного капитала. Препятствием для этого притока всегда служила неустойчивость русской валюты, постоянные колебания курса русского кредитного рубля. Даже государственные займы заключались поэтому на очень невыгодных условиях. Поэтому Император Николай II с самого начала своего царствования обратил внимание на необходимость урегулирования валюты. По признанию самого графа С.Ю. Витте, тогдашнего министра финансов, на которого возложено было поручение обеспечить в России правильное золотое денежное обращение, лично Императору Николаю II Россия была обязана приведением в порядок своей валюты. Сам Витте был в начале сторонником неразменных бумажных денег и даже провел новый устав Государственного банка именно в расчете на бумажное денежное обращение. В обществе стояли за биметаллизм и за серебряную валюту. Государственный Совет, куда внесен был проект реформы денежного обращения в смысле введения в России золотой валюты и фиксирования курса рубля по расчету 66 и $\frac{2}{3}$ коп. золотом, проект этот отклонил. Только по воле Государя и благодаря его настойчивости реформа была проведена помимо Государственного Совета отдельными Высочайшими указами, введенными сперва фактически, а затем и юридически в России золотую валюту. Для успешности реформы потребовалось накопление огромного золотого фонда, размер которого накануне войны, как указано уже выше, дошел до суммы свыше 1 600 млн. руб., не считая золота в обращении (свыше 400 млн. руб.) и принадлежащей России за границей валюты на сумму 500 млн. руб. золотом.

Денежное обращение было столь прочным, что Японская война не поколебала его вовсе, а война Мировая поколебала очень слабо. Правда, денежная политика при Императоре Николае II велась очень искусно и осторожно. Даже в 32 месяца войны было выпущено кредитных билетов только на сумму 8 316 млн. руб., тогда как Временное правительство (после революции) за 8 лишь месяцев выпустило их на 8 918 млн. руб. и тем страшно уронило курс рубля, до самой революции державшийся на очень высоком уровне. Большевики довели очень скоро этот курс

до нуля. Благодаря прекрасным финансам и вполне устойчивой валюте правительству Николая II удалось заключить (до Мировой войны) разных государственных займов, большинство из которых на сооружение железных дорог, на громадную сумму почти 7 млрд. руб. (из коих, впрочем, 3700 млн. руб. явились займами конверсионными). Железнодорожных (гарантированных государством) займов было выпущено 2 200 млн. руб., ипотечных свыше 5000 млн. руб., городских займов на 500 с лишком млн. руб. Значительная часть этих займов была выпущена за границей. В общем и среднем до Японской войны процент по этим займам был ниже 4, после Японской – несколько выше 5.

Во время Мировой войны кредит России до революции стоял очень высоко. Государство реализовало на 8 млрд. руб. внутренних долгосрочных займов с выручкой по ним 7 528 млн. руб. Займы были 5 и 5,5%, что по обстоятельствам, конечно, не может быть признано высоким процентом. Кроме того, было размещено на 4 000 млн. руб. краткосрочных обязательств Государственного казначейства (из 6%), не считая учтенных в Государственном банке. Наконец, около 7 000 млн. руб. золотом было предоставлено Российскому императорскому правительству нашими союзниками на достаточно льготных основаниях (из 5–6%). Благодаря этой кредитоспособности Россия могла вести войну, не расстраивая своих финансов и своего народного хозяйства. В начале революции русский кредит еще некоторое время держался по инерции, но быстро падал, а со времени пришествия к власти большевиков прекратился совершенно: отношение к ним всюду таково, как ко всякому злостному банкроту.

V

Виновен ли Император Николай II в революции? Была ли революция необходима и неизбежна? Прогресс Российской Империи. Революционное движение служило ему помехой.

Вопрос о конституции. Роль представительных палат при революциях. Вопрос об уступках Государственной Думе.
А.Д. Протопопов

Россия при Императоре Николае II быстро и неизменно прогрессировала во всех отношениях. Поклонники и творцы Мартовской революции 1917 года, желая оправдать ее полнейшую неудачу и стараясь всячески отгородиться от Октябрьской революции того же года (то есть от большевиков-коммунистов), постоянно объясняют этот неуспех тем, что «революция запоздала», что ее «подготовило царское правительство, сделав несвое-

временной, но в то же время неизбежной», что «бунт вспыхнул вследствие нежелания русских самодержцев сделать вовремя народу необходимые уступки». Это было бы справедливо, если бы самодержавие установило в России мертвый застой, остановило бы всякий прогресс в стране, культурный и экономический, сделало бы положение ее безвыходным. Мы видим обратное. Культурный и экономический прогресс страны, начиная с основания Русской Империи, то есть со времени Петра Великого, был исключительным, можно сказать, единственным в мировой истории. Из совершенно отсталого в культурном и экономическом отношении захолустного Московского Царства, бедного и слабого, создалась величайшая и могущественнейшая в мире Империя с населением, самым многочисленным среди культурных государств, богатым и просвещенным. В области литературы, музыки, живописи, архитектуры, прикладных наук Россия заняла одно из первых мест в мире. России в XVIII веке удалось сломить могущество сильнейших тогда в военном отношении государств – Швеции и Турции и овладеть побережьями Балтийского и Черного морей.

В начале XIX столетия Россия могла победить самого великого Наполеона, шедшего против нее во главе всей Европы. В начале XX века России удалось при самой неблагоприятной обстановке остановить новое монгольское нашествие и стать твердою ногой на побережьях Тихого океана и в безграничных степях, примыкающих к Китаю, а в эпоху Мировой войны сломить вместе с союзниками могущество центральных империй, если бы не злополучная «Мартовская революция», сведшая плоды русских военных усилий к нулю. Русские люди из бесправных подданных московских царей постепенно превратились в полноправных граждан Российской Империи, со всеми необходимыми конституционными гарантиями. Крепостное право пало без малейших народных волнений, и крепостные были освобождены на волю с землею, чего не было в других государствах.

Русский народ имел лучший в мире суд, лучшее местное самоуправление, превосходную администрацию, идеальную финансовую систему. Культурный и экономический прогресс, как показано выше, сделал особенно гигантский шаг именно при Императоре Николае II. Этот Государь даровал наконец России правильные представительные учреждения: Государственную Думу и Государственный Совет, оказавшие очень большое содействие правительству в его культурной работе. Между прочим, никогда так усиленно не развивалось народное просвещение, как именно при Николае II. Помимо двух новых университетов (в Саратове и Ростове) открыт был ряд великолепных политехникумов: в Петербурге, Киеве, Варшаве, Самаре, Омске и Новочеркасске, два новых сельскохозяй-

ственных института, в Воронеже и в Харькове, высший горный институт (в Екатеринославе), ряд высших коммерческих и женских медицинских институтов, сотни новых средних учебных заведений, в том числе специальных технических, и десятки тысяч новых народных школ. Число последних превышало 130 тыс., а число учащихся в них доходило до 10 млн. детей. Был разработан план введения всеобщего обязательного народного образования, который должен был быть осуществлен сейчас же после войны. Бюджет народного просвещения вырос только с 1907 по 1913 год (Думский период) с 76 млн. руб. до 176 млн. руб. (на 130%), не считая трат на народное образование со стороны органов местного самоуправления (как быстро рос бюджет этих органов, подтверждают цифры бюджета нашего земства: в 1895 г. – 66 млн. руб., в 1913 году – 250 млн. руб.).

При таких условиях спрашивается, зачем же была в России революция? Какова же могла быть ее цель? Что дать могла она русскому народу, который несомненно был счастливее и в массах своих богаче других народов? Когда при нормальной и очень быстрой эволюции русский народ в культурном и экономическом отношении прогрессировал с необычайной быстротой, небывалою в истории, и размножался сильнее, чем какой-либо народ в мире?

Когда в России был суровый режим, царило крепостное право, не существовало никаких свобод, не было ни конституционных гарантий, ни надлежащего суда, ни местного самоуправления, не говоря уже о представительных учреждениях, когда еще очень слаба была культура и в широких массах царила бедность, и часто голод посещал Россию, тогда можно было говорить о революции, мечтать о ней. Но тогда все было тихо и спокойно, не было никакого революционного движения. «Молчали, бо благоденствовали», как писал иронически Шевченко¹. Но с эпохою великих реформ Императора Александра II, который вел их «сверху, предупреждая движение снизу», никем не принуждаемый, по своей воле, с истине царской широтой и размахом, пользуясь беспрепятственно своим самодержавием для ограничения прав привилегированных сословий, т. е. без той страшной политической борьбы, которою сопровождаются всюду политические и особенно экономические реформы, – с этого времени начинается революционное брожение в России, осложняемое красным террором.

Революционное общество «Земля и воля» именно начинает тогда функционировать, когда крестьянство как раз получило с высоты престола эти

¹ «Мовчат, бо благоденствуют» – строчка из поэмы Тараса Шевченко «Кавказ». В пер. с укр. Павла Антокольского: «От молдаванина до финна / На всех языках все молчат: / Все благоденствуют!»

самые землю и волю¹. Террор начинает тормозить правительственные реформы. Через него приостанавливаются и не вводятся конституционные гарантии в местностях, объявленных на положении чрезвычайной или усиленной охраны. Свобода печати сейчас же влечет за собою призывы к революции и к вооруженному восстанию, что заставляет правительство ограничивать и стеснять печать. Террор, приводивший к убийству верных слуг русских Государей, дошедший до убийства самого Царя Освободителя², лучшего монарха, какого знает не только наша история, дает возможность поднять голову реакции, заставляет остановить необходимые дальнейшие реформы, возможные только при правильном развитии политических свобод. И замечательно: с реакцией сейчас же прекращается в России и революционное движение (царствование Александра III, первые годы царствования Николая II, пока во главе правительства стояли старые деятели).

Но жизнь не может останавливаться из-за призрака возможной революции. Реакция ослабевает, либерализм входит в свои права, жизнь неудержимо начинает прогрессировать, и снова создается благоприятная почва для революционной пропаганды.

Народное представительство. Сколько раз поднимался о нем вопрос и до Николая II, и при Николае II, и решался всегда отрицательно. Его боялись. Страх тот был формулирован знаменитым К.П. Победоносцевым, влиятельным деятелем трех царствований. Победоносцев говорил, что в с я к о е народное представительство, даже не ограничивающее верховной царской власти, о п а с н о в смысле революции. Бунт всегда возможен. Русская история знает достаточно серьезных бунтов. Довольно вспомнить Разина и Пугачева. Не шуткою был и бунт декабристов. Но пока их некому возглавить, бунты не превращаются в революцию. Этот опыт был подтвержден и русским восстанием 1905 года. Но если имеется выборное народное представительство, бунт, особенно военный, всегда может быть превращен в революцию: бунтовать будут во имя н а р о д н ы х интересов, их естественно защищать н а р о д н о м у п р е д с т а в и т е л ь с т в у — бунт легко им возглавляется независимо от дальнейших следствий такого в о з г л а в л е н и я . Так было во Франции в 1789 году

¹ Первое тайное общество «Земля и воля» возникло в 1861 г. и самораспустилось в 1864 г. Второе революционное общество с таким названием образовалось в 1876 г. Кроме пропаганды «народной революции» среди крестьян, землевольцы занимались «дезорганизацией государства», в частности уничтожением «наиболее вредных или выдающихся лиц из членов правительства». В 1879 г. «Земля и воля» распалась на «Народную волю» и «Черный передел».

² Царь Александр II был убит 1 марта 1881 г. в результате террористического акта, совершенного членом организации «Народная воля» Игнатием Гриневичким.

(при абсолютной королевской власти), в 1848 и в 1870 годах. И так потом было всюду, где возникали народные волнения, – в Бразилии, Португалии, даже Китае. И так уже, увы, произошло в России в 1917 году, когда солдатский бунт в Петербурге был возглавлен (на кратчайший срок) Государственной Думой самого, казалось бы, антиреволюционного, консервативного, «помещичьего», лояльного состава, «Столыпинской Думой третьего июля».

А по примеру России одним путем пошли революции в Австро-Венгрии, Германии, Турции, Греции... Были, следовательно, основания у русских императоров опасаться создания в России народного представительства. Оттого и «запоздала» русская революция. Представительные учреждения даны были в 1905 году. Императором Николаем II весьма неохотно и лишь благодаря давлению графа С.Ю. Витте и Великого князя Николая Николаевича. Можно сказать, что Николай II предвидел печальную роль, которую эти учреждения сыграют в эпоху солдатского бунта в феврале-марте 1917 года...

Императора Николая II упрекают в том, что дарованная им конституция не было «искренней», что он не дошел до конца, не ввел ответственного кабинета, т. е. парламентаризма. Здесь уже идет чисто технический спор о характере конституции. Не везде же был парламентаризм. Его не было ни в Австро-Венгрии, ни в Германии, ни в Японии. Права русской Государственной Думы были не меньшие, а во многих отношениях большие, чем в этих трех империях. Ответственного кабинета не знает и конституция С.-А. Соединенных Штатов, где президент почти самодержец. Это не мешало процветать всем этим государствам и считаться государствами культурными, передовыми, конституционными. Почему же Россия должна была подражать Италии, Испании, Румынии, Греции, Швеции и т. д.¹, но не Германии или Австро-Венгрии, что было гораздо естественнее для русских императоров? Говорят часто, что если бы Николай II в процессе Мировой войны согласился на ответственный кабинет, не было бы и самой революции. В этом позволительно усомниться. Император Вильгельм II для спасения своего престола именно пошел на эту уступку своему Рейхстагу, но опыт оказался бесцельным, и революция тем была только ускорена.

Государственная Дума, возглавив революцию, не только не сумела удержаться у власти, как сумела французская Палата в 1870 году при низ-

¹ В Англии конституция была слишком своеобразной, исторически сложившейся, неосуществимой в России. Во Франции была республика, а не монархия: не здесь, следовательно, могли искать русские монархи образцы для русской конституции. – *Авт.*

ложении Наполеона III, но вместо ответственного кабинета, за который боролась при Царе, создала безответственную диктатуру и... самоупразднилась. С тех пор в России одна диктатура сменялась другой, но никакого народного представительства создать не удалось, никакой конституции, никакого парламентаризма. После такого замечательного опыта странно и до сих пор упрекать Николая II, что он не предотвратил революции учреждением ответственного перед Государственной Думой кабинета. Это учреждение, конечно, только ускорило бы революцию, причина которой отнюдь не лежит в отсутствии в России парламентаризма. Не надо забывать, что наше плохо воспитанное политическое общество, его «передовые» круги еще со времени Герцена мечтали вовсе не о парламентаризме («буржуазный предрассудок»), а о социалистической революции, о диктатуре пролетариата, о «черном переделе», об уничтожении «буржуазно-капиталистического» строя и с презрением называли Французскую революцию «мещанской». Так а именно революция и осуществилась в России со всеми неизбежными следствиями, т. е. с установлением вместо свободы и правового порядка анархии и произвола и с разрушением всех культурных и материальных ценностей, созданных старым режимом.

Николай II всячески шел навстречу народному представительству и пытался ввести членов Государственной Думы и выборных членов Государственного Совета в состав правительства. К сожалению, выбор был ограниченный и не привел к улучшению правительства. Из выборных членов Государственного Совета привлечены были: А.Д. Самарин, кн. Н.Б. Щерба-тов и А.Н. Наумов и из Государственной Думы: А.Н. Хвостов, кн. В.М. Волконский, гр. А.А. Бобринский и А.Д. Протопопов. Государь особенно рассчитывал на А.Д. Протопопова, как товарища председателя Государственной Думы и председателя «прогрессивного блока» Государственной Думы, образованного во время войны специально для поддержки правительства. Представители русского парламента незадолго перед тем объезжали союзные государства, отдавая визиты западным парламентским деятелям. Во главе русской депутации стоял именно А.Д. Протопопов, представлявший, между прочим, английскому и итальянскому королям и произведший на них самое благоприятное впечатление. Оба короля (находившиеся в личных дружеских отношениях с Императором Николаем II) в особых письмах уговаривали Государя поставить во главе правительства именно А.Д. Протопопова, как либерального политического деятеля, популярного (как они предполагали) в русских парламентских кругах, в угоду общественному мнению как в России, так и союзных с ней государств. О том же писали из Англии и Государыне Александре Феодоровне.

Не надо забывать, что А.Д. Протопопов действительно считался либералом (его брат был известный писатель-народник) и организовал в то время большую «прогрессивную», то есть левого направления газету «Русская Воля» при ближайшем участии А.В. Амфитеатрова, первоклассного радикального публициста, прославившегося своим памфлетом «Господа Обломовы», направленным лично против Императора Николая II. Что же удивительного, если Государь, лично нерасположенный к Протопопову и не разделявший о нем общего мнения, согласился на назначение его министром внутренних дел, именно предполагая, что он делает шаг для сближения с Государственной Думой? И вот, до сих пор распространяется анекдот, что Протопопова «назначил» Распутин. Можно подумать, что Распутин выбрал его в Государственную Думу, в Думе выбрал его товарищем председателя и председателем прогрессивного блока и поставил его во главе русской парламентской депутации, отправленной в Западную Европу, ибо иначе Протопопову нельзя бы было попасть в министры внутренних дел. На такие посты при русских царях с улицы никого не назначали ни под какими «безответственными влияниями».

Конечно, Протопопов, очень ловкий человек и обладавший редким искусством приобретать у всех к себе личное расположение, сумел понравиться и Императору Николаю, и Государыне Александре Феодоровне, и даже «старцу Григорию», пользовавшемуся известным влиянием на Государыню. Но министром он оказался плохим, как и почти все наши «общественные деятели», приглашавшиеся на высшие административные посты при императорах и занявшие их после революции. К тому же начали обнаруживаться следствия его странной болезни, прогрессивного паралича мозга.

Наконец, Государственная Дума, а за нею и громадное большинство русского общества и печати (в том числе и созданная самим Протопоповым газета) сразу обрушились на Протопопова за то, что он «осмелился» войти один в Совет Министров, без общего «думского кабинета», и Государь, желавший этим назначением сделать удовольствие народному представительству¹, навлек на себя, наоборот, общие нарекания, несомненно способствовавшие поддержанию в стране революционных настроений. С Протопоповым надо было расстаться и вопрос этот был уже решен. Министром внутренних дел предполагалось назначить одного из популярных генералов (Государь лишь колебался в выборе). Но грянула революция, и Протопопов, конечно, оказался далеко не на высоте в деле поддержания порядка при начавшемся восстании. Назначение оказалось

¹ Об этом свидетельствует английский посол Бьюкенен на основании личной беседы с Государем. – *Авт.*

до известной степени роковым, но вина ли была в этом Государя? Не было ли большей вины со стороны тех, которые в эпоху грозной Мировой войны вместо помощи Государю только критиковали его и «бросали палки под колеса» государственной машины?

VI

*Сотрудники Императора Николая II. Их выбор.
Вопрос о безответственных влияниях. Григорий Распутин.
Две смены министров. Легенда о «сепаратном мире»
и об измене*

Вообще Государя упрекали, что он не умеет подбирать себе сотрудников, слишком в этом выборе руководится посторонними влияниями, «играет в министерскую чехарду» (крылатое слово В.М. Пуришкевича). Доля истины здесь, конечно, есть, но ошибки при назначениях и «посторонние» влияния неизбежны при всяком режиме и при всяких государях. Состав русского правительства вовсе не был плохим при Николае II, и в общем выдающихся сотрудников он находить умел. Русское правительство при нем было не хуже, чем при его предшественниках, и часто лучше, чем в западноевропейских государствах с их парламентаризмом или без парламентаризма. Такие министры иностранных дел, как кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов и Н.Н. Покровский, встречаются не каждый день, им завидовали и в Англии, и во Франции, и в Германии. Их политика была удачной, иногда даже блестящей. Превосходными министрами финансов были С.Ю. Витте и В.Н. Коковцев. Они также были очень известны в Западной Европе и весьма популярны. Русские финансы они вели прямо блестяще, создали идеальную финансовую систему в России, подняли на громадную высоту русский государственный кредит. Это факт бесспорный. Хорошим министром оказался П.Л. Барк, назначенный накануне Мировой войны. В области внутренней политики очень выдавались И.Л. Горемыкин (блестящий знаток и деятель в сфере крестьянского вопроса), П.Н. Дурново (покончивший так удачно с революционным движением 1905–1906 годов), наконец, П.А. Столыпин. Необходимо еще отметить А.С. Ермолова, А.В. Кривошеина, А.Н. Наумова, А.А. Риттиха, министров земледелия, превосходных знатоков земельного вопроса, выдающихся деятелей в сфере землеустройства и земледелия. Нельзя не вспомнить К.П. Победоносцева и И.Г. Щегловитова, о деятельности которых левые круги не могут говорить до сих пор без зубовного скрежета, но которые отличались исключитель-

ными дарованиями, государственным умом и редким образованием. Самая ненависть к ним показывает, насколько велики их заслуги по борьбе с надвигавшейся коммунистической революцией, приведшей Россию к гибели.

Невозможно перечислить всех выдающихся лиц, занимавших высшие административные посты при Императоре Николае II, но было бы несправедливым не вспомнить еще о деятелях, приведших в порядок нашу рельсовую сеть, о деятелях на почве народного просвещения. Такими именами, как кн. Хилков, Шауфус, С.В. Рухлов, Э.Б. Войновский-Кригер (министры путей сообщения), проф. Боголепов, Зенгер, Шварц, гр. П.Н. Игнатьев (министры народного просвещения), могла бы гордиться любая страна. Но русские привыкли хвалить все чужое, свое же только хулить.

Очень часто ставилось в упрек Императору Николаю II, что он в своих назначениях, особенно во время войны (в эпоху «министерской чехарды»), руководствовался советами Императрицы Александры Феодоровны, находившейся под влиянием «старца Григория». Анекдот этот распространен и до сих пор. При издании переписки Государя с Государыней редактор даже отмечает в некоторых местах совпадение в назначениях с рекомендациями Государыней в ее письмах. Здесь некоторое искажение истины, всего чаще не вся истина. Прежде всего чрезвычайно преувеличено влияние Распутина. Сама легенда о Распутине раздута до нелепых размеров явно с целью дискредитировать покойного Государя. Теперь, когда опубликовано столько данных о Распутине и настало уже время для объективной оценки ныне уже столь далеких событий, необходима большая осторожность в суждениях о них и большее беспристрастие.

Распутин пользовался большим влиянием в тех сферах, где вращался, еще до знакомства с ним Государя. Он вовсе не был ни в каком периоде своей жизни ни вором, ни конокрадом, ни даже «распутником», как повторяет о нем легенда. Был он из зажиточной, даже богатой сибирской семьи, так что не для чего было ему воровать вообще, а тем более лошадей, за что наше крестьянство так жестоко расправляется с ворами. Фамилия Распутин вовсе не означает прозвище «распутник», — это последнее слово книжное, а не народное. «Распута» значит человек, умеющий распутать всякое дело, прозвище скорей почетное, каковым и пользовался отец или дед Григория Распутина. Григорий был женат, имел детей, был хорошим семьянином. Не был и сектантом, тем более «хлыстом», как пустил легенду о нем в свое время известный публицист, очень талантливый и честный, И.А. Гофштетер. Не мог быть он сектантом уже потому, что был человеком неграмотным, очень поздно научившимся с трудом читать и писать, плохо знающим Священное Писание. Русские же сектан-

ты – все начетчики¹. Он был просто «богоискателем», странником по наклонности, любившим посещать святые места; между прочим, был он и в Иерусалиме, у Гроба Господня. Это опять-таки не признак сектантства. Григория очень любили такие высокой репутации деятели Православия, как епископ Гермоген Саратовский и епископ Феофан, ректор Петербургской Духовной Академии, духовник Царской семьи². Они же и ввели Григория в круг высшего петербургского общества, в те сферы, которые интересовались и увлекались религиозными вопросами. Довольно сказать, что еще до Государя Григорий был «своим человеком» и очень почитался в таких безусловно безукоризненных семьях, как семьи Великих князей Николая и Петра Николаевичей.

Что же удивительного, что с Григорием, молва о религиозном подвижничестве которого шла по всему Петербургу, пожелали познакомиться Государь Николай II и Государыня Александра Феодоровна, всегда несколько мистически настроенные, любившие «Божьих людей», склонные даже к «окультизму» (отсюда увлечение известными оккультистами Папюсом и Филиппом)? Это знакомство относится к 1908–1909 годам. Григорий жил тогда очень скромно у известного литератора Г.П. Сазонова, бывшего редактора-издателя газеты «Россия», запрещенной при Плеве за известную статью А.В. Амфитеатрова, – жил с женой и дочерью, которая училась в одной из гимназий. Ни о кутежах, ни о пьянстве (Григорий тогда ничего не пил), ни о «распутстве» знаменитого «старца» тогда не могло быть и речи. Григорий произвел самое хорошее впечатление в Царской семье. Ловкий, очень неглупый, бывалый, сметливый мужик, конечно, был совершенно новым, свежим явлением в замкнутой, до известной степени даже затхлой «царской» обстановке, среди круга все одних придворных и чиновных лиц. Он был интересен просто как собеседник, как представитель иного, чуждого дворцовым сферам мира, выразитель мнения безусловно новой и интересной для Царя крестьянской среды. Когда один из министров на своем докладе стал докладывать Государю опасность приближения к нему Григория и необходимость его удаления ввиду невозможных слухов, циркулирующих в обществе, и возбуждения общественного мнения, Государь только спросил его, имеет ли он знакомства помимо своих чиновников, а на ответ министра, что, конечно, имеет, со своей стороны сказал: «И я имею». Нравился Григорий и ма-

¹ Начетчик – книжный человек, богослов, знаток религиозной литературы. В старообрядчестве – знаток старопечатной (дониконовской) богословской литературы. В христианстве – мирянин, допущенный к чтению религиозных текстов в церкви или на дому у верующих.

² Впоследствии они изменили мнение о Распутине и стали его непримиримыми противниками.

ленькому Наследнику Цесаревичу, который всегда называл его «Новый», почему Государь приказал Григорию сменить его фамилию Распутин на фамилию Новый, а вовсе не «Новых», как почему-то неизменно повторяется в нашей печати.

«Влияния», конечно, Григорий добился не сразу. Оно установилось под впечатлением целительной силы Григория, примеренной им к страшной и неизлечимой болезни несчастного Цесаревича, а также и к самой Государыне, страдавшей невыносимыми головными болями и бессонницей. Григорий мог останавливать те кровотечения, которыми страдал Цесаревич (гессенская болезнь), силою гипнотического внушения. Тем же внушением прекращал он нестерпимые головные боли у Государыни и давал ей благодатный сон. Внушения свои Григорий делал, неизменно призывая имя Божие. Давались они ему нелегко, так как, человек невежественный, Григорий мог утилизировать свою природную огромную гипнотическую силу самым примитивным образом, чрезвычайно истощая себя самого. Мистически и религиозно настроенной Государыне (в числе предков которой была и известная Елизавета Венгерская, доходившая до пределов высокой экзальтации, не говоря уже о других соответствующих наследственных элементах), естественно, Григорий стал представляться «Божьим человеком», посланным свыше для спасения горячо любимого единственного ее сына, болезнь которого не поддавалась лечению научной медицины. Для утверждения такого мнения о нем Григорий вел постоянно «божественные» беседы, рассказывал о своих странствиях по святым местам, о происходящих там чудесных исцелениях и т. д.

Зная только эту сторону жизни Григория, наглядно убеждаясь в его целебной силе, естественно, Государыня никогда не верила «наветам» на «Божьего человека», когда ей сообщали о его кутежах и о безобразном поведении. Между прочим, до сих пор распространена легенда, твердо закрепленная печатью, что Распутин совершал свои «исцеления» шарлатанским способом, при содействии своей поклонницы, фрейлины А.А. Вырубовой. Вырубова-де давала Наследнику потихоньку (!) порошки из оленьего рога (печать проникла даже в тайну рецепта «порошка»), приготовленные тибетским врачом Бадмаевым, отчего у бедного мальчика немедленно начиналось кровотечение. Затем приглашался Григорий, что-то шептал над Наследником, после этого Вырубова прекращала давать порошки, и кровотечение прекращалось: создавалась легенда об исцелении. Кто знает о неусыпном надзоре самой матери, не говоря уже о надзоре врачебном за Цесаревичем, поймет полную невозможность питания его какими-то неведомыми порошками вне ведения Государыни и врачей.

Но непонятно, как кто бы то ни было мог оказывать доверие подобному вздору, когда чересчур даже было и раньше, не говоря уже о настоящем времени, известно, какую болезнью страдал Цесаревич, истекавший постоянно кровью, конечно, и без помощи «порошков». И неужели невежество столь велико, что факт останавливания кровотечения «заговором» многими даже простыми знахарями, не говоря уже о врачах-гипнотизерах и об индийских йогах и факирах, является столь неведомым, что понадобилась легенда о «порошках»?

Распутин был удален из Петербурга в 1912 году и возвратился лишь после известного несчастного случая с Цесаревичем в Спале¹, вызванный Государыней в отчаянии за жизнь сына. Цесаревич был исцелен. Сам едва избежавший смертельной опасности (покушение Гусевой)², Григорий резко изменился. Он не остановился у своего «друга» Г.П. Сазонова, а нашел самостоятельную квартиру. Переехал он с семьей. Возвратился он в «силе и славе». Его окружила толпа поклонников и прихлебателей, «чающих движения воды»³. Григорий вдруг бросил свой трезвый образ жизни. Настоявши перед Государем на отмене казенной продажи питей и воспрещении потребления спиртных напитков (в начале 1914 года), сам Григорий запил. Он бросился в море кутежей и разврата. Средства ему давали разные сомнительные дельцы, требовавшие у него разных «протекций» для ловли рыбы в мутной воде военного тыла. Это, действительно, печальная картина тогдашней петербургской жизни.

О значении, силе, влиянии Распутина ходили настоящие легенды, безмерно преувеличенные. Их поддерживал сам Григорий своим бесстыдством, пьяным хвастовством (а все говорили: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»). Находились даже министры, не говоря уже о низших чинах, которые по запискам Григория действительно оказывали кое-какую протекцию, предоставляли кое-какие льготы разным просителям. Это большею частью были дела мелкие: просьбы о помиловании, об освобождении от воинской повинности, об отправке просителя с фронта

¹ Осенью 1912 г. в Спале Цесаревич ушиб ногу, вследствие чего возникла гематома и развилась болезнь, принявшая угрожающий характер. Ребенок жестоко страдал, родители были уверены, что он умирает. В газетах было опубликовано официальное сообщение о тяжелой болезни Наследника. Вся Россия горячо молилась о его выздоровлении. Императрица послала Распутину телеграмму и получила ответ, что Цесаревич выздоровеет. Через некоторое время болезнь отступила.

² 29 июня (12 июля) 1914 г. на родине Распутина, в селе Покровском Тобольской губ., на него было совершено покушение. Хиония Гусева (признанная потом на следствии душевно больной) ударила его ножом в живот. До середины августа Распутин лечился в Тюменской больнице.

³ Слова из евангельского рассказа о схождении Ангела в Овчую купель (См.: Ин. 5, 2–4).

в тыл, о каком-нибудь небольшом подряде, о назначении на какие-либо должности и т. д. Некоторые лица стали влиять на Распутина, чтобы он «хлопотал» о назначении такого или иного крупного лица даже на должность министра. При той страшной политической борьбе, которая шла в Петербурге в эпоху Мировой войны, накануне революции, неудивительно, что пускались в ход всякие влияния, даже самые предосудительные. Но утверждение, что Распутин назначал министров и смещал их по своему желанию, – нелепая и злостная ложь.

Во время войны произошло две смены министров. Первая была произведена в угоду общественным кругам, вопреки давлению «реакционных» или консервативных сфер, которые находили поддержку в Государыне. Государыня была против этой смены и ссылалась в своих письмах к Государю и на мнение Григория. Однако Император Николай не внял этим советам, и следовательно, смешно говорить о «влияниях» при тех или иных назначениях. Н.А. Маклаков был заменен кн. Н.Б. Щербатовым, В.А. Сухомлинов – А.А. Поливановым, В.К. Саблер – А.Д. Самариным, И.Г. Щегловитов – А.А. Хвостовым. Если можно было говорить здесь о «влиянии», то о влиянии М.В. Родзянки и А.В. Кривошеина, но не о влиянии Государыни, тем более «старца Григория».

Вторая смена произошла вследствие протеста большинства Совета Министров против взятия на себя Государем Верховного командования армией. Почти весь Совет Министров подал в отставку, которой Государь не принял, но сказал, что заменит всех подавших в отставку в свое время по ходу дел. Почти все министры эти были уволены, но не все. Например, до конца остался на своем посту П.Л. Барк, хотя Государыня очень рекомендовала заменить его графом В.С. Татищевым: Государь очень дорожил Барком и был вполне доволен его деятельностью, – здесь не было никаких «влияний», было личное убеждение Государя. А.Д. Самарин был заменен А.Н. Волжиным (но не генералом Шведовым, на котором настаивала Государыня), весьма враждебно относившимся к Распутину. А.А. Поливанов был заменен генералом Шуваевым, совершенно независимо от рекомендации Государыни, которая и не знала генерала Шуваева. А.В. Кривошеина сменил А.Н. Наумов, несмотря на настоятельные возражения Государыни. А затем замена А.Н. Наумова графом А.А. Бобринским и графа Бобринского А.А. Риттихом решительно никакого отношения к рекомендациям Государыни не имели (она относилась к графу Бобринскому даже враждебно, считая его, по недоразумению, «либералом»). С.В. Рухлов был заменен А.Ф. Треповым, которого Государыня также не любила (С.В. Рухлов ушел по болезни), и А.Ф. Трепов – впоследствии Э.Б. Войновским. Все назначения были очень удачными.

То же можно сказать о назначении А.А. Макарова вместо А.Н. Хвостова и Н.Н. Покровского вместо П.А. Харитонов. Назначение К. Кульчицкого на место графа П.Н. Игнатьева (министром народного просвещения) состоялось уже после смерти Распутина.

Всего больше подчеркивают влияние Государыни и косвенно Распутина в назначении А.Н. Хвостова и Б.В. Штюмер. Но здесь чистое недоумение. Член Государственной Думы, лидер фракции правых, бывший нижегородский губернатор, А.Н. Хвостов, славившийся своей энергией и лично хорошо известный Государю (не Государыне), был давним и очень подходящим кандидатом на пост министра внутренних дел еще со времени убийства П.А. Столыпина. «Старец Григорий» здесь ни при чем. О самом существовании А.Н. Хвостова и о желательности его кандидатуры он узнал от своего «друга» Г.П. Сазонова, но при личном знакомстве Хвостов Григорию не понравился (Хвостов, человек с огромными связями, не стал, конечно, заискивать в каком-то «мужике»). В письмах своих к Государю Государыня очень настаивала на кандидатуре А.Н. Хвостова, но Государь оставлял ее просьбы без внимания, дорожа кн. Н.Б. Щербатовым и считаясь с мнением И.Л. Горемыкина, который имел своим кандидатом г. Нейдгарта. Только после категорического отказа Нейдгарта и нежелания князя Щербатова оставаться на своем посту Государь согласился на кандидатуру Хвостова, поддержанную на этот раз и Горемыкиным.

Следовательно, можно только говорить о влиянии Горемыкина, но ни о чем другом. Между прочим, А.Н. Хвостов оказался злейшим врагом Распутина и был первым организатором его убийства. Б.В. Штюмер пришел на смену И.Л. Горемыкина. Замена, конечно, была неудачной, но уж понятно, Государыня, а тем более Распутин, были здесь ни при чем. Государыня чрезвычайно ценила и уважала Горемыкина, Распутин пред ним благоговел, называя его не иначе как «премудрым старцем». Если бы влияние Государыни было столь серьезным, как это обычно утверждают, то Штюмер не заменил бы Горемыкина и затем не был бы очень скоро сам заменен А.Ф. Треповым (несмотря на свои блестящие дипломатические успехи при отстаивании русских интересов перед союзниками), которого Государыня буквально «не переваривала». Вообще Государыня в своей переписке с Государем «заваливает» его своими советами. Многие из них очень дельные и разумные, другие иногда ребячески наивны, показывая полное незнание Государыни с обстановкой, с политическим положением России и с теми людьми, о которых она хлопочет. При таких условиях влияние ее на Государя могло быть только незначительным, несмотря на всю любовь к ней Государя как к супруге...

Пришлось немного дольше остановиться на вопросе о «влияниях», чтобы хотя несколько рассеять нелепую легенду, сплетенную вокруг Царя-мученика, столь самоотверженно, удачно и честно несшего свой тяжелый и неблагоприятный долг Русского Императора.

Другая легенда, умышленно создававшаяся теми, кто готовил революцию, а с нею гибель России, это о желании Николая II под влиянием все той же Государыни и пресловутого Распутина и при помощи Штюрмера и «правых» заключить сепаратный мир с Германией. Открыто впервые с этим обвинением в измене против Государыни и Штюрмера выступил в Государственной Думе 1 ноября 1916 года П.Н. Милюков, пользуясь своей депутатской неприкосновенностью. Вторым выпадом было убийство Распутина (под тем же предлогом измены) также лицами, могшими рассчитывать на свою безнаказанность (они и не подверглись наказанию)¹. Под этим лозунгом готовилось революционное выступление (был даже военный заговор против Государя, во главе которого стоял генерал Крымов, впоследствии ведший «дикую дивизию» против Керенского).

Нелепое и ложное обвинение руководило требованием Государственной Думы об отречении Государя. По отречении Временным правительством была учреждена Верховная комиссия для расследования вопроса об измене. Предполагалось, что она «разоблачит» всех столь «ненавистных» деятелей, которые, кстати, и были арестованы. И что же? Несмотря на весьма «левый» состав комиссии, несмотря на ее полное пристрастие, выяснилось с полной очевидностью, что не только Государь и Государыня, но даже Штюрмер, Щегловитов, Протопопов и, наконец, сам Сухомлинов ни в какой мере не повинны ни в измене, ни в переговорах с Германией, ни в поисках (или хотя бы желании) сепаратного мира. Напротив, «революционная демократия» тотчас же по низложению Царя и его правительства потребовала этого сепаратного мира сперва «без аннексий и контрибуций», на условиях самоопределения народов, а затем и на какого угодно рода условиях, лишь бы мир, хотя бы «похабный» (таковой и был заключен в Брест-Литовске²). Самый знаменитый солдатский бунт в Петербур-

¹ Распутин был убит в ночь на 17 (30) декабря 1916 г. в Петербурге во дворце Юсуповых на Мойке. В убийстве участвовали: В.М. Пуришкевич, князь Ф.Ф. Юсупов, Великий князь Дмитрий Павлович.

² 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан сепаратный мирный договор между советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией – с другой. От России отторгались Польша, Прибалтика, часть Белоруссии; в пользу Турции отходила часть территории; советское правительство обязывалось вывести свои войска из Украины, Прибалтики и Финляндии; русский флот выводился из своих баз в Финляндии и Эстонии; Россия выплачивала 3 млрд. руб. репараций.

ге, положивший начало революции, шел именно под лозунгом нежелания солдат идти в окопы.

Что же, была рассеяна легенда о стремлении Николая II и его сотрудников к заключению сепаратного мира? Нет. Государь после отречения написал чудесный приказ войскам, призывал их быть верными Родине и союзникам и бороться с врагами до победного конца. Временное правительство не допустило опубликования этого приказа, как опровергающего ложь этого правительства. Опубликованы были материалы Следственной комиссии, из которых было ясно, что обвинение Государя, Государыни, Штюрмера, Протопопова и т. д. являлись ни на чем не обоснованными, вернее всего, пущенными в ход германским шпионажем? Нет, они были скрыты. Несчастный Сухомлинов был отдан под суд и осужден, хотя суд не нашел против него никаких улик, – осужден под угрозами бунтующей солдатчины, явно желавшей оправдать этим приговором свой собственный бунт и совершенно уже очевидную измену.

До сих пор еще пишут и пишут о «заговоре правых» против России, о какой-то шпионской германской организации, которая действовала через Распутина, министра Протопопова и банкира Мануса (кстати, расстрелянного впоследствии большевиками, которые сами именно и были германскими агентами). Шпионская германская организация была, конечно, но она действовала не через правых, а исключительно через левые круги, создавая с их помощью революцию и подготавливая низложение с престола Николая II, победившего Германию и готовившего ей не особенно приятную участь. Государыня (англичанка по воспитанию) ненавидела воинствующую Германию и особенно Вильгельма II, которого считала своим личным врагом.

Так пишется история. Но нет истины, которая в свое время не обнаружилась бы. Она уже обнаруживается при свете «блестящих достижений» великой социалистической русской революции. Среди нынешнего мрака, поглотившего несчастную Россию, после того моря унижений, которые она пережила, после всех неслыханных в мировой истории потрясений, злодейств и неудач, наблюдая полное бессилие и бездарность революционной демократии при попытках создания какого-то «нового порядка», особенно ярким светом сияет образ замученного в екатеринбургской тюрьме Императора Николая II, а его царствование представляется недостижимым идеалом совершенства, приблизиться к которому тщетно пытаются нынешние правители СССР – бывшей Российской Империи, – вечно доказывая, что в том или другом отношении они приблизились, наконец, к «довоенной» (им не хочется сказать «дореволюционной») норме...

VII

Отречение. Почему Император Николай II не оказал надлежащего сопротивления революции? Общая измена. Параллель с отречением Наполеона I в 1814 году

Император Николай II слишком быстро, без борьбы отрекся от престола и, так сказать, сдал свои позиции. Тогда, в марте 1917 г. его решение принято было с общим восторгом. Одни (революционеры и бунтовщики) радовались, что бунт и революция оказались безнаказанными и увенчались блестящим успехом. Другие – огромное большинство рядовых обывателей и пламенных патриотов – были довольны, воображая, что с отречением Николая II и передачей престола его брату Михаилу революции и бунту конец и все пойдет по-старому: переменится только Император. Значит, не революция, не страшный русский бунт, бессмысленный и беспощадный, а просто дворцовый переворот. Только очень немногие понимали, что отречение Императора Николая II под давлением бунтующей солдатчины и революционного движения, руководимого в самый опасный момент войны Германским Генеральным штабом, ставит Россию на край гибели. Теперь это ясно для всех. Теперь все, кроме, конечно, революционеров, отлично понимавших тогда и понимающих теперь, что без отречения Николая II революция никогда не удалась бы, шлют задним числом упреки покойному Императору, что он «не выказал достаточно мужества», не поборолся за свой престол, пошел на уступки. Вспоминают Императора Николая I, прадеда Императора Николая II, который мужественно и с опасностью для жизни лично принял командование над оставшимися верными ему войсками и подавил страшный военный «декабрьский» бунт, возглавленный гвардейскими офицерами, и тем спас престол и Россию от ужасов революции и гражданской войны.

Забывают обстановку, среди которой пришлось действовать Императору Николаю II, забывают ход событий, поведение лиц, окружавших Императора. Правительству Императора Николая II, конечно, надо поставить в упрек, что оно не приняло достаточных мер к охране Петербурга и Москвы от возможного и ожидавшегося революционного выступления. Столицы были переполнены призванными в войска новобранцами, которые заранее были распропагандированы, не были дисциплинированы и вообще ничего общего не имели с регулярной армией. Это был вооруженный сброд, не желавший идти в окопы, будущие «чудо-дезертиры». А между тем они считались «войсками», на них рассчитывали на случай революции, для подавления беспорядков. В столицах не было ни одного кадрового пол-

ка настоящей армии. А между тем вся гвардейская кавалерия, очень мало тронутая в боях, стояла на юге (на Румынском фронте), где ей решительно нечего было делать. Была «Дикая дивизия»¹, которую благоразумные и дальновидные генералы (см. Воспоминания генерала Половцева²) предполагали превратить в корпус, вполне надежный для борьбы с революцией. Имелись и надежные казачьи полки, но опять-таки на фронте, где они были, в условиях окопной войны, также почти бесполезны.

Почему столицы не охранялись? Почему в самой Ставке не было надежных войск? Было ли это преступной небрежностью или умышленным попустительством? Трудно даже теперь дать на это ответ. Государь лично понимал всю опасность, грозящую столицам. Он обращался незадолго до революции к генералу Келлеру, преданнейшему ему человеку, с просьбой принять командование Петербургским военным округом и перевести с собою гвардейские части для охраны столицы. Недальновидный Келлер ответил «мольбою» оставить его и гвардейские части на фронте («...прошу, как милость», – писал генерал Келлер). Конечно, быть на фронте во время войны много приятнее, чем охранять порядок внутри страны, – драться с неприятелем гораздо почетнее и выгоднее, чем подавлять революционные выступления рабочих и солдатский бунт. Всем было памятно, как русское общество поблагодарило генерала Мина и Семеновский полк за усмирение бунта в Москве (1905) и спасение России от революции и гибели³. На жертвенный подвиг способен не всякий. Государь не хотел насильствовать волю своих генералов, да и правильно думал, что насильно назначенный на столь ответственный и неблагодарный пост генерал плохо и выполнит свой долг. Образованию «Дикого корпуса» определенно мешал штаб Государя. И охранять столицы осталась одна полиция.

Полиция, усиленная собранными из окрестностей Петербурга конными стражниками и снабженная пулеметами, осталась преданной Государю

¹ «Дикая дивизия» – так называли Кавказскую туземную конную дивизию, созданную приказом Императора Николая II 23 августа 1914 г. как часть русской императорской армии. Командиром дивизии был назначен младший брат Царя, Великий князь Михаил Александрович. Дивизия на 90 % состояла из добровольцев-мусульман – уроженцев Северного Кавказа и Закавказья, которые, как и все туземные жители Кавказа, по законодательству Российской Империи не подлежали призыву на военную службу. Многие представители русского дворянства служили в дивизии офицерами.

² Половцов П.А. Дни затмения. Париж: Возрождение, 1927.

³ По приказу Государя в декабре 1905 г. командир Лейб-гвардии Семеновского полка генерал Мин прибыл со своим полком в Москву для помощи в подавлении революционного мятежа. После подавления восстания в либеральной и революционной печати против Мина и семеновцев была организована шумная клеветническая кампания,ставляющая их в превратном свете. 13 августа 1906 г. на Ново-Петергофском вокзале генерал Мин был убит пятью выстрелами в спину эсеркой З.В. Коноплянниковой.

до конца. Ее трупам устлано и кровью полито победное шествие «бескровной» русской революции. Но полиция не может без войска подавить вооруженное восстание широких народных масс. Тем более не могла она подавить солдатский бунт. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов не верил в успех революции и твердо верил в надежность войск Петербургского гарнизона. Твердо рассчитывал на верность войск и командующий округом генерал Хабалов, не подготовивший поэтому и не использовавший для подавления беспорядков безусловно надежные силы военных петербургских училищ и не вытребовавший для себя с фронта ни одной надежной кадровой части, не сгруппировавший хотя бы множества находившихся в столице раненых и отдыхавших офицеров и кадровых гвардейских солдат. Солдатский бунт застал правительство совершенно врасплох – его не ожидали. Врасплох застал этот бунт и Государственную Думу и даже самых революционеров (из тех, которые считали себя во главе движения, не будучи во главе на самом деле: головой были германские агенты).

Как отнестся к революционному движению и к солдатскому бунту Император Николай II, находившийся в это время в Ставке и удаленный от своей семьи, оставшейся как бы в залог революционерам в Царском Селе? Он нисколько не растерялся и отдал соответствующие распоряжения. Сперва он снабдил особыми полномочиями (диктатура) Председателя Совета Министров князя Н.Д. Голицына с приказанием немедленно и во что бы то ни стало подавить восстание. Понимая, однако, что правительство, лишенное войск, не в силах подавить бунт, Государь отправил вслед единственную находящуюся в его личном распоряжении, как его собственная охрана, надежную часть (Георгиевский батальон) под командой, казалось, наиболее преданного престолу генерала Н.И. Иванова в Царское Село для охраны Царской семьи и для возглавления всех сил, назначенных для подавления восстания. Одновременно Государь отдал через начальника своего Штаба генерала Алексеева приказ Штабу главнокомандующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского отправить в Петербург для подавления беспорядков надежные части с наиболее решительным генералом. Штаб Северного фронта сообщил, что такие части есть и что приказание будет немедленно и в точности исполнено. Сам Государь без всякой охраны смело и решительно выехал из Ставки по направлению к Петербургу, чтобы лично принять меры к прекращению начавшегося ужаса и развала. Что мог Император сделать большего? Где здесь растерянность, малодушие, слабость?

Растерянность, малодушие, трусость, недалёковидность обнаружило окружение Государя, обнаружило, скажем прямо, все русское общество,

почти без всякого исключения. Государственная Дума, не имевшая никакого отношения к революционному движению, была вынуждена под давлением бунтующей солдатчины «возглавить революцию». «Сделали-таки меня революционером», – восклицал в отчаянии потерявшийся М.В. Родзянко. Русские «общественные деятели» вообразили, что они смогут страшный бунт ввести в какое-то русло, начинавшуюся социальную революцию и беспримерный развал и анархию превратить в спокойный «дворцовый переворот». Всем казалось, революционное движение направлено лично против Императора Николая II, что стоит ему отказаться от престола в пользу сына, при регентстве Великого князя Михаила Александровича, и все войдет в норму – солдаты успокоятся, фронт не будет развален, война будет продолжаться. Пропаганда ведь перед революцией действительно была направлена почти исключительно лично против Государя и особенно против Государыни Александры Феодоровны. Им лично приписывались все беды, обрушившиеся на Россию. Императрицу открыто обвиняли в измене. Государю приписывали желание заключить сепаратный мир. Наивные русские «патриоты» серьезно думали, что солдаты взбунтовались именно в виде протеста против этого мира. И вот от Императора Николая II потребовали ж е р т в ы , которую он должен был принести р а д и Р о с с и и , ради ее блага.

Эта точка зрения с необычайной быстротой была усвоена всеми... Под влиянием телеграммы М.В. Родзянко из Петербурга она была усвоена и высшими военными кругами. Ее разделял даже генерал М.В. Алексеев, наиболее близкий Государю человек, наиболее им обласканный и возвышенный. Незадолго до революции к лечившемуся в Крыму генералу Алексееву приезжала депутация общественных деятелей для совещания о низложении Государя. М.В. Алексеев, конечно, отверг эту злосчастную и преступную мысль, но ничего о заговоре не доложил Государю и никаких мер к охране Государя не принял. Едва началась революция, генерал Алексеев стал уговаривать Государя отказаться от престола в интересах сохранения Династии и армии. Именно он предложил Государю разослать запросы главнокомандующим фронтами по поводу необходимости отречения, причем в этих запросах (по телеграфу, от 2 марта 1917 года) подсказывался и ответ: «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения». И это вместо того, чтобы спешно подавить (как приказывал Государь) далеко еще не грозное восстание недисциплинированных новобранцев.

Государь согласился на запрос, вероятно, в тайной надежде, что главнокомандующие дадут ответ отрицательный и выразят готовность немедленно идти с верными войсками на поддержку своего Императора,

которому они были всем обязаны. Но главнокомандующие, все без исключения, дали решительный ответ: немедленное отречение.

Великий князь Николай Николаевич телеграфировал: «Считаю необходимым по долгу присяги коленопреклоненно молить Ваше Величество спасти Россию и Вашего Наследника. Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследство. Другого выхода нет». Генерал Брусилов, герой наступления 1916 года, писал: «Единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом – отказаться от престола». И так же ответили: главнокомандующий Западного фронта генерал Эверт, главнокомандующий Румынским фронтом генерал Сахаров и Северным – генерал Н.В. Рузский, а генерал М.В. Алексеев скрепил: «Ваше Величество горячо любите Родину и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы соизвольте принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения», т. е. отречься от престола. При этом все генералы докладывали, что войска ненадежны и рассчитывать на них нельзя.

Что оставалось делать Государю? Он понимал всю ошибочность точки зрения своих советников, но не мог идти один против всех, без всякой поддержки. Его положение было бесконечно хуже положения Императора Николая I в пору декабрьского бунта. Николаю I оставалась верна большая часть петербургского гарнизона: бунтовала, в сущности, горсть офицеров и солдат. Никакой войны не было. Бунт подавить было нетрудно, и он был подавлен. Императору Николаю II никто не оставался верным, изменил ему Собственный Конвой. Даже генерал Н.И. Иванов, на которого так Государь рассчитывал и которому так верил, как видно из теперь опубликованных документов, и тот весьма легко и охотно отрекся от своего Государя. И Николай II, записав в своем дневнике: «Кругом измена, предательство»¹, вынужден был послать телеграмму М.В. Родзянке о своем согласии на отречение.

В подобных приблизительно обстоятельствах отрекся от престола 3 апреля 1814 года, условно в пользу сына, а 6 апреля окончательно, и Наполеон I: «Так как союзные державы объявили Наполеона единственным препятствием для восстановления мира в Европе, то он отрекается от престола за себя и своих наследников, ибо всякую личную жертву и самую жизнь он готов принести для блага Франции».

«Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения России. Посему я готов отречься от престола в

¹ Заключительная фраза в записи Государя Николая II от 2 марта 1917 г.: «Кругом измена и трусость и обман!».

пользу моего сына при регентстве брата моего Михаила», – телеграфировал Император Николай II председателю Государственной Думы 2 марта 1917 года.

Наполеон желал продолжать борьбу, мог продолжать борьбу с полной надеждой на успех, но его маршалы категорически потребовали его отречения и заявили, что в возникающей гражданской войне они не примут участия. Войска стояли за Наполеона, он даже мог арестовать своих маршалов и продолжать борьбу с оставшимися ему в общем верными войсками. Но он не захотел этого. Началась измена, настал черед предательству. Наполеон не захотел гражданской войны и возможной гибели Франции. Он уступил, отрекся от престола. Можно ли упрекать его в трусости, недалекости? Но Николай II находился в гораздо худшем положении, чем Наполеон: он вовсе не мог опереться на свои войска. Что же может быть бессмысленнее обвинения его в недостатке мужества и т. д.?

Император Николай II, напротив, обнаружил замечательное присутствие духа и полное самообладание. Он сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить своим преемникам успех в борьбе с внешним врагом и внутренними беспорядками. Понимая отлично, что регент не будет иметь того авторитета, как Император, что лица, способствовавшие перевороту, всегда будут бояться возмездия со стороны сына низложенного Императора, Николай II изменил первоначальную мысль об отказе от престола в пользу сына и отказался в пользу брата. Мало того, он указал брату путь сближения с народным представительством (присяга Конституции, ответственный кабинет). Он дал приказ армии и флоту бороться за Россию до конца, в единении с союзниками и повиноваться Временному правительству (без этого приказа многие офицеры не принесли бы ему присяги). Он успел до отречения назначить Верховным Главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича и Председателем Совета Министров князя Г.Е. Львова, которого Государственная Дума намечала на этот пост, именно для того назначил, чтобы оставшиеся верными Государю могли со спокойной совестью подчиниться тем, кому повиновением обязал их сам Государь. Все было обдуманно, все взвешено.

Именно Император Николай II сделал решительно все, пошел на все жертвы, чтобы только обеспечить, даже по своему отречении, процветание России и ее успех в борьбе с внешним врагом. Но все пошло прахом после его отречения. Революция вовсе не имела своей целью смену монарха. Цель ее была гибель и разложение России, чтобы вывести ее из рядов сражающихся против Германии.

Император Михаил Александрович не принял престола и предоставил решить вопрос о форме правления в России Учредительному Собранию.

Учредительное Собрание было разогнано большевиками.

Временное правительство после бесславного существования было упразднено.

Фронт развалился.

Россия вышла из войны и подписала позорный Брест-Литовский мирный договор, о котором Император Николай II сказал, что он предпочел бы скорей отрубить себе руку, чем подписать подобный мир. А между тем за его подпись германские агенты гарантировали ему его жизнь и жизнь его семьи.

Государь был зверски убит в Екатеринбурге (1918).

Началась гражданская война.

И на развалинах Российской Империи утвердилась диктатура Коммунистического Интернационала.

Теперь ясно, что отречение Императора Николая II было величайшей ошибкой и несчастьем для России. Но вина в этой ошибке не Императора Николая II, а тех, кто требовал и настоял на этом отречении.

Послесловие

Благородство Императора Николая II, его любовь, доверие к Родине выражалось решительно во всем. Личные интересы стояли для него всегда на втором плане. Одна из давних легенд, распространявшихся революционными кругами и имевших целью дискредитирование Царской Династии, была легенда о «Романовских капиталах» за границей. Легенда определенно гласила, что в Английском банке Русские Императоры имеют более 600 млн. руб. золотом (около 65 млн. фунтов стерлингов).

Недавно в газете «L'éclaireur de Nice» князь Д.Д. Оболенский напечатал справку об этих капиталах, основанную на его личном случайном знакомстве с данным вопросом.

Близко стоя к семье графов Адлерберг и живя в доме министра Высочайшего Двора графа Александра Владимировича Адлерберга, душеприказчика покойного Императора Александра II, распорядившегося личным капиталом Государя, князь Д.Д. Оболенский, можно сказать, был свидетелем распределения личных сумм Государя и узнал, что никаких капиталов за границей у Царской семьи не было. А капитал Александра III в Лондон возили тоже знакомые князя Д.Д. Оболенского, а именно: Н.Д. Игнатьев и В.А. Шереметев.

Таким образом, до Александра III никаких капиталов русские императоры не имели ни в каком заграничном банке: они верили в Россию, в прочность своей власти и никуда бежать из России не собирались. Впер-

вые Император Александр III поместил в Английском банке свой личный капитал (около 90 млн. руб. золотом), полученный им в наследство от отца. Император Николай II, однако, не пожелал удержать эти деньги в Англии. Он находил полезным перевести их в Россию и поместить в русские займы. Перевод этот удалось устроить с большим трудом. Английский банк ставил всякие препятствия к возврату денег. Потребовалось исключительное искусство Управляющего русским Государственным банком Э.Д. Плесске (впоследствии министра финансов, заменившего С.Ю. Витте), вынужденного лично отправиться для этого в Лондон, чтобы добиться осуществления названной операции. Деньги были переведены в Россию, и с того времени за границей у Государя не было никаких капиталов, чем и объясняется весьма тяжелое материальное положение наследниц Императора Николая II, вынужденных бежать за границу после революции. В таком же тяжелом положении оказались и все члены Романовской Династии, избегнувшие гибели и удалившиеся за границу. Создавая легенду о романовских капиталах за границей, революционеры, очевидно, «мерили на свой аршин». Овладев властью в России, они прежде всего озаботились переводом значительной части награбленного ими народного достояния за границу для обеспечения своего будущего, когда им придется покинуть пределы России. Русские цари, столь оклеветанные, поступали иначе...

Вырученные из Английского банка капиталы большею частью были истрачены в России – на щедроты царские. Неисчислимы случаи, когда Император Николай II приходил на помощь нуждающимся! Отказа, сколько я знаю, никогда не было, когда нужда была действительно налицо. Свою Коронацию Государь почти всю принял на свой счет, не желая обременять государственную казну. Сколько сотен тысяч рублей было роздано пострадавшим при Ходынской катастрофе! По 1 000 рублей на каждую семью, кроме вознаграждения отдельно лично пострадавшим. Сколько выдано на помощь строившимся церквям!

Самому пишущему эти строки пришлось пользоваться милостью Государя Императора. В моем тульском имении, селе Шаховском, строился каменный храм и по случаю войны произошла заминка в постройке. И вот, благодаря щедрот царских, удалось окончить постройку и в 1915 году при освящении этого храма Тульским архиепископом Парфением возгласить многолетие за возлюбленного Монарха. Повторяю, нет числа благодеяниям, оказанным своим подданным Царем-мучеником.

Князь Дмитрий Оболенский

Его Величество Государь Николай II

*Посвящается Его Императорскому Высочеству
Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому*

I

Призывая помощь Бога, пытаюсь дать очерк царения Государя Николая Александровича. Задача эта трудна как по сложности происшедших за время его царствования событий, так и по невозможности дать уже теперь исчерпывающую историю и характеристику этого Государя – столь малому числу лиц хорошо известного. Неразгаданным ушел он из жизни, оставив по себе безукоризненную полосу воспоминаний; но из этих воспоминаний лишь исключительного дарования историк сумеет тоже безукоризненно очертить весь его духовный и умственный облик.

Своим служением России, всей жизнью, нравственными и физическими страданиями – Государь искупил счастливое будущее любимого им превыше всего Отечества. Я верю в это сильное и счастливое будущее. Оно наступит скоро, и наступит благодаря жертве, им принесенной: жертве своей драгоценной, царственной жизни. Вся красоту его жизни, охранявшей единство нашей Родины, всю мировую важность этой жертвы оценят всей силой духа лишь будущие достойные России ее поколения. Оценят и народы мира, признав в нем исключительного по благородству, истинного носителя Верховной власти и великого по гуманности человека.

Царствование Государя Николая II было переломом в существовании России, в связи с мировыми событиями. Перелом этот при настроении и деятельности окружавшего его общества был неизбежен. От этого определения, как вывода напечатанных мною за всю жизнь мыслей, я и буду отправляться. Было ожидание именно такого перелома, на котором должен был остановиться ход русской истории.

Нация имела в России все для счастливой и богатой, независимой и покойной существования. Достигнуть необходимых преобразований было легко, и Государь, доверяя народу и обществу, на путь их вступил.

Не умея оценить этого Государя, ни использовать опыта истории, ни действовать власти, ни ценить блага владеть такой страной – своею ленью, легкомыслием и ропотом глухого недовольства и бессмысленных исканий общества, – современное поколение нации пришло к 1917 году.

Народы стали сами ответственны за судьбы своих стран, и вся вина происшедшего ложится всецело и безоговорочно на головы всей нации.

Русский Царь, выразитель эпохи. Он светлое и живое олицетворение России. В лице государей – всегда вся Россия. Потеряв Царя, замерла душа России, потерял себя народ. Суждено ли народу найти и восстановить ее силу без Царя? Покажет история...

Ропот и глухой бунт с первого часа воцарения пал на Царя. Перелом с этого часа и совершался...

Уже многие не только высказались о Государе, но самоуверенно дали характеристику его и его предков. Характеристика у большинства – отрицательная. Начиная с европейски известного Витте и кончая мерзостью писаний разных Василевских, Извольских и злобно-лживых выпадов некоторых представителей высшего света – о Государе говорится или грубо дерзко, или сожалительно, как о ничтожестве. Хорошо зная Витте, я знал его ненависть к Государю и подчеркиваемое неискренне лукавое «обожание» к отцу Государя¹. Злобное определение Государя как «гвардейского полковника» и не больше доказывает, что этот бесспорно умнейший чиновник эпохи по злобе своего мещанского духа не мог и не умел понять провиденциального значения своего Монарха: его злоба выросла из-за невозможности сломить волю Государя и повернуть Россию на путь эволюционного перехода к республиканскому строю, во имя которого этот интеллигент и сотрудник международных кругов работал, подготавливая кабалу и падение России.

В одной из французских газет дал отзыв и другой министр – г-н Коковцев. Насколько я помню, он говорит «благодарно» и «оправдывает» в чем-то Государя.

Есть хорошие, но больше злобных отзывов. Ложь беззастенчива даже теперь. Большинство злорадно пишет: «царь» – с маленькой буквы; Николай Романов или просто Николай. Пишущие выказывают все прелести того светского и интеллигентского воспитания, которое властно вело все наши классы к красным бантам и знаменам на улице, и привело на тротуары европейских городов...

В большинстве воспоминаний жизнь Государя сводится к Распутину, как показание какой-то его «страшной» вины.

¹ Прочтя мое открытое письмо-обвинение в марте 1905 г. в «Московских Ведомостях», Витте был у меня и в оправдание себя показал мне свою тайную записку, часть которой ныне опубликована его супругой. Ту же записку он показал Ф.Д. Самарину и в общей беседе «покаялся», что публиковать ее не будет, сознавая неточности и преувеличения. – *Авт.*

Перечислять таких авторов, и знатных и демократических, и приводить их доводы просто стыдно. Пошлость и низменность таких писаний очевидна, и если я говорю о них, то только потому, что в них повторяется будто установленное мнение, что Государь был «безволен, двоедушен, неумен», а главное, что благодаря ему были Распутины, Штюрмеры и другие виновники каких-то народных бедствий.

Но причинная связь этих определений с прошлым очевидна. В течение всего царствования, **столичное общество**, начиная с некоторых лиц окружения Государя¹ изощряется в создании всяких легенд о нем и его семье. Уже при отце Государя дерзость окружения в отзывах о Александре III была безграничная. При Государе Николае II недовольство «света», насмешки и пренебрежение к нему растут с первого года воцарения. Ходынка, прием тверцов, слова его о бессмысленных мечтаниях², участие на

¹ Типичным показанием отношений «света» к Государю служит книга барона Н. Врангеля <Врангель Н., барон. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. Берлин: Слово, 1924. – Ред.>.

Привожу выдержки: «Я вращался в кругу знати, вершителей судеб» и т. д. Эпоху Государя Николая I он определяет: «Мишура, насилие, время розог, плетей, дикого произвола, беззаконий, казней, мишура могущества, перед которым трепещет Европа.... все блеф, пуф (с. 5 и др.). Оплеухи в домах и на улице, драли везде».

Эпоха Александра II: описание, как себя нежит и холит аристократия.

«При Александре III и его сыне ведется травля евреев (с. 115). Положение невыносимо; они чуть не умирают с голоду» и т. д. (с. 115).

При Александре III (с. 99): «Последние годы жизни – стоячее болото. У Александра не было ни сил, ни особого дарования (с. 111)».

«Некоторые царедворцы зовут Александра III дворником (с. 137), характеризуют по его седалищу. Скобелев презирает Александра. При Черевине и Дохтурове Скобелев говорит, что Государь полетит, и скатертью дорога».

Г. Врангель «сам видел (с. 184), как какая-то карета улепетывала в 1905 г., а мальчишки кричали: «Ату его», – в карете был Николай II».

Манифест 1904 г. Врангель называет каталогом «Мюр и Мирилиза».

Близкий придворный говорил Врангелю, что перевороты как корректив неизбежны.

Николай II: армией не командует. Наборами деревни опустошались. Поля невозделаны, массы рабочих без работы. Солдаты скверно кормятся, грязь, разруха во всем.

«Самодержавие приказало долго жить. Умер от слабости (с. 227), говорит народ. Покойника отпели (с. 229)» и т. д. и т. д.

От автора: таковы лишь некоторые перлы писания этого «аристократа», конногвардейца, банковского дельца... старца. За кого и от кого он говорит? И отчего люди его круга не проверяют таких клевет? – *Авт.*

² После смерти Императора Александра III в прессе стали муссироваться слухи о том, что новое царствование Императора Николая II будет либеральнее, что готовятся соответствующие реформы. На 17 января 1895 г. в Зимнем Дворце был назначен Высочайший прием депутаций от дворянства, земств, городов и казачьих войск. К этому дню представители земств направили Царю приветственные адреса, в которые включили свои пожелания расширения прав земств. Наибольшую активность

балу в старинных одеждах – все высмеивается; малейшая неудача ставилась ему в вину, и ежегодно все бестактнее и бессердечнее была критика и Государя, и Государыни; общество с самого верха выискивало предлоги для их осмеяния.

Ведомо и другое: защиты от критики и наветов проявлено не было.

Притом ни малейшего предлога даже для критики не существовало, пока введенный во дворец «старец» не явился этим предлогом. С той поры Царская семья стала мишенью определенной клеветы. С его появлением те же верхи открыто, ни минуты не задумываясь о низости своего дела, злорадно **создают молву** о Царской семье; несколько ближайших к престолу лиц «гордо» отойдут от Государя и наконец, создав клевету, уснащая ее всякими небылицами, то же общество в 1916 году сделает, якобы для спасения монархии, лицемерный жест: заманив в ловушку, прикончат темного старца – создав взрыв революции.

Восторженно встречаемый народом, вознесенный небывалым подъемом встречи во Франции¹, Государь постепенно развенчивается в глазах и народа, и иностранцев. Наши знатные путешественники и сановники, как Витте, или деятели, как князь Долгоруков и граф Нессельроде (после Выборгского воззвания²), вкупе с печатью и радикалами делают свое преступное дело опорочения авторитета Государя. Охрана достоинства Монарха за границей возложена на дипломатию и... полицию: первая, читая отзывы нелегальной прессы, малодушно отмалчивается; вторая – с Манусевичами и Азефами – предает или бездействует. До войны – лишь народ никак и нигде не воспринимает клеветы общества на Государя. Зная это и пользуясь войною, все общество, с безответственными депутатами, напрягает главные усилия для опорочения Государя. Во время труднейших месяцев и Японской, и Мировой войны Дума, опираясь на общество, безнаказанно клеветает – и молва хлынула в армию и в народ.

Самодержец России, безупречнейший человек и семьянин, был в «чем-то» обвинен, и разнузданное общество осмелилось его же судить!

проявило твердое земство, традиционно бывшее одним из центров либеральной оппозиции самодержавию. В своей речи, обращенной к депутатам, молодой Государь решительно изложил политическое кредо своего царствования: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

¹ Визит Императора Николая II во Францию проходил с 23 по 27 сентября 1896 г.

² См. сноску на с. 108.

Этим ли актом совершался «перелом» жизни России? Если не этим, общество изыскало бы другой; Государь был обречен на осуждение и на смерть.

И вот теперь, спустя семь лет, после измены всех, кроме души свою с ним и за него положивших, мы все еще слышим критику: «Безволен... слаб... был не на высоте... Распутин» и прочее. Слов честного, открытого, коленопреклоненного покаяния перед памятью Государя-великомученика нет. А пора, если не устыдиться и не сознаться в бесчестии, то хотя бы молчать и не сметь ни на словах, ни письменно касаться имени того, чья кровь пала на все наши, его подданных, головы.

Клевета... Из многообразных свойств нашей нации одно из ярких: сплетня и клеветничество. Никогда не тронутый клеветой, пишущий эти строки чуть было не был затронут ее крылом, но у каждого из нас есть средства свести счеты с клеветником и встать за свое доброе имя.

У Монарха нет и этого права. И как мелка кажется любая наша обида, если сравнивать с той системой злостного навета, который духом зла, как стена, выкладывался русскими на Государя, стоявшего и как Монарх, и как человек недостижимым образцом идеальной честности, храбрости, семейственности и нравственности.

Неуклонно, по заповедям Христа жил этот тихо сияющий высокой человечностью Государь, а клевета-молва ползла, мучила и искала его жизнь.

Не подобие разве великой истории преследования Христа с конечным воплем толпы дать ей Варавву по наущению книжников (Мф. 27, 16–20)? И у нас книжники и «Вараввы» сменили его. Клевета совершила свое подлое дело — свела в могилу лучшего русского человека, гордо и непобедимо несшего крест, меч и знамя России.

Не стало живого олицетворения могущественной России, не стало обруча, ее сковывавшего, и без него — она рухнула.

II

Он умер, а клевета еще не умолкла¹. Перья пишут. Языки говорят. Изоглавшиеся люди ищут себе оправдания в его винах.

Берусь ли я за защиту его имени, деяний, чести? Нисколько. Я и не смею этим задаваться. Безукоризненную честь и правду не защищают; и та, и другая сами светят, и свет от Государя будет лишь разгораться. Перед ним

¹ Системой многолетнего навета в мнении обществ Запада создалось ложное суждение о Государе, и оно, быть может, более всего тяжко: вымирающее русское общество обязано сделать все, чтобы разуверить обманутых русскими клеветниками европейцев. — *Авт.*

будут преклоняться, и сознание, что он – в недостижимой для нас светлой вечности, – великое сознание.

Обязанность свидетелей эпохи – правдиво установить обстоятельства, при которых Государь Николай II вступил на престол и царствовал.

Условия эти были таковы, что помимо своей воли он оказывался иногда бессильным использовать полноту своей власти и проявить ее, как бы того ни желал. «Бессильный, – спросят меня, – значит безвольный?» – Нет, понятия эти совершенно разные.

Не будем утверждать, что Государь обладал непреклонной волей. Были случаи, когда он мог, – и не проявил ее. В ущерб или на пользу стране были эти случаи уклонения от воли – подлежит обсуждению. Но не эти случаи были роковыми для страны. На них, как и на некоторых ошибках в цепи событий, останавливаться нельзя.

Бесспорно одно: в главнейших вопросах судьбы страны Государь во все время и до последнего часа проявил громадное напряжение характера, выдержку и волю не уступающего Царских прав и не поступающегося Царской честью и достоинством своей Родины Государя.

Больше того – лишь он, Русский Царь, остался до последней минуты один непоколебимо верным присяге России и за нее – безропотно – не склонил, а сложил голову.

Докажем, что и последнее обвинение, что он отрекся по безволию – в корне лживо.

Государь вступил на престол при кажущемся благополучии в стране. За тринадцать лет до того престол этот был в крови его великодушнейшего деда. Это неслыханное по цинизму убийство висело гнетом, а покушение в Борках доказывало, что поход на монархию продолжается¹. Личность гиганта духа Александра III грозила подняться во весь рост самодержавия при малейшей попытке общества стать на пути его воли. Он сам держал в повиновении не только страну, но его воля лежала неподъемным грузом какой бы ни было агрессивной политики как общества, так и некоторых из века злобных против нас стран Запада. Но Государь в краткое царствование не успел противопоставить чего-либо реального

¹ Дед Государя Николая II, Император Александр II, был убит террористами 1 марта 1881 г. Через семь лет, 17 октября 1888 г., под Харьковом у станции Борки произошло крушение императорского поезда, в котором находился Император Александр III со всей своей семьей. Причина катастрофы, в которой пострадали свыше 280 человек, 21 из которых погиб, не была установлена следствием, но многие факты (прозвучало два взрыва, Великая княжна Ольга взрывной волной была выброшена из вагона, характер повреждения ж.д. состава и ж.д. полотна) свидетельствовали о том, что это был теракт.

начавшемуся расстройству экономического порядка в стране, кроме его величайшего творения – проведения Сибирского пути¹, значения которого никто и по сегодня не оценил, не поняв громадности замысла хода на Восток, где будет решаться все будущее России. Не поняли и того, что этот путь уже спас наш Восток от Англии, опоздавшей кинуть на него Японию.

Меньшого значения были внутренние реформы – водворения порядка на местах, с руководством департаментом из Петербурга. Вместо широкого самоуправления и органической системы децентрализации и установления действительной власти на местах, законодатель ограничился «опытом» введения земских начальников, причем предводителям дворянства, председателям ряда учреждений не было дано ни власти, ни прав, **ни ответственности**². В уезде так и не создалось руководящего и объединяющего все части управления и хозяйства органа местной власти.

Власть появилась не в уездах, а в участках. Мысль Государя была сначала отлично воспринята населением, но не имея ни местного руководства, ни конечной связуемой со строем и земством системы, ни цели, корней не дала. Через головы всех учреждений вожжи управления были в руках департаментского чина, и склонявшиеся перед таковым губернаторы считались с номером «входящего» приказа из Петербурга, а не с земской и сельской жизнью. При этих условиях лучшие и независимые местные люди служить не могли и состав оставлял желать лучшего. История «входящих» бумаг из министерства и пресловутого земского отдела трагична. История эта, ломавшая иногда весь быт и жизнь народа, **не могла** быть известна Монарху, и причин неудачи реформы он не знал.

Но, кроме того, даже против этой единственной местной власти в эпоху бесконечных комиссий Коханова и Пазухина ополчился либеральный клан бюрократии, и урезаемая реформа так и осталась незаконченной до 1905 года, когда при Думе и свободе печати о «власти» никто уже не смел

¹ Великий Сибирский путь – железная дорога через всю Сибирь, Транссиб. Начало его сооружения было положено 19 мая 1891 г., когда во Владивостоке совершилась закладка первого звена Транссиба – Уссурийской жел. дороги. Начать это «истинно народное дело» Император Александр III поручил Наследнику престола, Цесаревичу Николаю. Завершилось строительство Великого Сибирского пути 5 октября 1916 г., когда для движения был открыт мост через Амур в Хабаровске. Торжественное событие приурочили ко дню рождения Наследника престола, Цесаревича Алексея.

² В апреле 1904 г. Плеве передал мне Высочайшее повеление спешно представить законопроект местной реформы: губернские и уездные советы, уездный начальник, приход, губернские и областные Думы. Комиссия созывалась на сентябрь. Плеве был убит. Кн. Мирский и Булыгин считали местную реформу при Думе ненужной. Подробности этого дела печататься будут в моей «Экономической истории России». – *Авт.*

заикнуться. Нечего говорить, что общество и печать ненавидело и высмеивало даже эту попытку устройства порядка. Ничтожная же оплата огромного труда земских начальников не могла привлечь настоящих сил. Таким образом, реформа Государя не получила завершения, и армия поставленных в деревню чиновников осталась армией с генералами и штабами, но без строевых командиров. Удовлетворительно справляясь с задачей – как делать, армия эта не знала – что делать.

Второй важной реформой Государя Александра III был крестьянский банк. Но министерство финансов до 1897 года медлило развить его деятельность, а с падением денежных средств деревни (цены на хлеб – 18–25 копеек пуд) население не могло развить свободной покупки земель.

Экономическое положение страны за период царствования обоих Государей сливается, примерно до 1900 года. С 1880 года сельское хозяйство переживает резкий кризис, цены на продукты непомерно низки, покупательная способность населения слаба, и при этих условиях два тяжелых неурожайных года ослабили силы населения. В тот же период шла политика экспериментов господ Бунге, Вышнеградского и Витте: страна втягивалась в международный торговый и золотой оборот. **Мы начинаем делать долги**, и на страну возлагаются все обязанности капиталистического хозяйства по западному образцу.

Здесь нет места объяснять, как самобытный по духу Государь Александр III был вовлечен министрами и дипломатией в безвыходный круг международных обязательств и некоторых форм политики и хозяйства, и разгадка уступчивости этого Государя нелегка. Бросив Западу свой исторический тост «за единого друга – Черногорию», Государь выказал свое недоверие миру¹, но мир был сильнее его: к нам с Запада поступила бюрократическая система управления и хозяйства, на которую даже такой Государь, как Александр III, вынужден был опираться.

¹ «Из всех приездов в Петербург коронованных особ во время царствования Императора Александра III наиболее нашумел приезд князя Черногорского Николая. Приезд этот был в первые годы царствования Императора Александра III и нашумел он потому, что во время обеда Александр III провозгласил тост за «единственного моего друга князя Черногорского». <...> Я думаю, что этот тост <...> следовало бы понимать в том смысле, что Государь провозгласил его не бесцельно, провозгласил именно, чтобы показать, что ему никаких, ни с кем, политических дружб не нужно, что он считает Россию настолько сильною и властною, что ни в каких поддержках ни от кого не нуждается; что он сам стоит на ногах и сам влияет на общемировую политику, ни от кого не зависит, а напротив те, которые желают соответствующего успеха в мировом концерте, должны желать и искать дружбы России и ее Монарха, Императора Александра III» (*Витте С.Ю., граф. Воспоминания: Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894)*. Берлин: Слово, 1923).

В то же время и в полное противоположение развитию капиталистического хозяйства тот же Государь дает закон **14 декабря 1893 года**¹ о неотчуждаемости крестьянского надела. Этим законом крестьяне почти навсегда закрепощались к земле. Ни продать, ни купить земли, ни пользоваться где-либо кредитом с этой поры крестьяне не могли. Останавливалось всякое внутреннее и внешнее сельское передвижение, расселение, переселение, выход из общины и т. п.

Даже Государь Александр II и его комитеты не могли бы допустить мысли, что крестьяне, покрывшие выкупной долг, могут быть когда-либо ограничены в праве собственности.

Невероятное совершилось, и даже в 1907 году (реформа Столыпина) этот закон не был отменен.

Вся история этого закона и его последствий многократно изложена мною в печати с 1894 года, и я привожу лишь самый факт укрепления общины за счет всякой экономической свободы крестьян и за счет успехов сельского хозяйства. Излюбленная и взлелеянная сановниками (во имя нужды в рабочих руках помещиков-сановников и лени бюрократии провести кадастр), а также славянофилами и рядом с ними Герценами, Бакуниными и Чаадаевыми, и **сочиненная** в 1836 году для **России** немцем Гакстгаузенем **община**, этот явный признак строя социализма, актом 1893 года получил вящее и беспредельное закрепление, превосходящее даже начало коммунистическое, дающее некоторые права выхода из коммуны.

К радости Герценов, Винаверов, Савинковых и Ленина, монархия ужилась с подлинным сельским социализмом; **капиталистическое хозяйство строилось при коммуне-общине** – и в этом трагическом сочетании и глухой борьбе двух противоположных начал кто-нибудь должен был уступить².

¹ В 1894 г. по докладу Н. Павлова Саратовское дворянство дерзает представить доводы против этого закона и необходимость упразднить общину. Резкие доводы докладчика против общины о «неминуемой революции, черном переделе и проч., если власть не решится на ряд реформ и действий», вызвали протесты губернатора и письма министра – о темах, «волнующих умы». По докладу Н. Павлова Саратов. двор. в 1897 г., о реформе крест. и двор. Б., о земельном устройстве, о групповом переселении дворян и земцев с крестьянами в Сибирь, возбуждены ходатайства. Государю благоугодно было одобрить идеи. Полугодовая поездка Н. Павлова с 58 выборными ходоками 7000 верст в степях дали материал А.Н. Куломзину, и законопроекты печатались. В основу всех реформ ставится единоличная собственность, кредиты крестьянам, амелиорация, поселки и т. п. В 1902 г. все печатные доклады комиссии сданы в архив. Комиссии закрыты. – *Авт.*

² С.Ю. Витте – крупнейший по уму чиновник эпохи; но он обезличен чьей-то влияющей на него властью, и он против воли ведет страну культурными путями к хаосу. Очевидно, он знает «нелепость» забвения сельского хозяйства и развития промышленно-

Консервативнейший Государь **безотчетно** встал на опасный путь. Одной рукой он дал Витте вводить капитализм, другой думал укрепить против него заставу земельного тягла и общины, веря, что народ-общинник останется русским и не наденет маски Интернационала.

Государь Александр III **жалел народ**, боясь его обезземеленья, боясь сферы кредита и веря в самобытную крепость духа народа. Мы знаем, что он колебался, но благодаря влиянию на него министров – Толстого и Победоносцева – и всей бюрократии он перед своим концом бросил закон 1893 года, как якорь для народа, но этим остановил движение и работу крестьян. Очаги немца Гакстгаузена тлели. На общину, как на спину тарантула, насадится интеллигенция и зальет Россию ядом социализма в 1917 году. Та же община – клетка и аппарат, который даст возможность большевикам держать народ годами в трепете и нужде.

Покорный мысли, воле и заветам отца, начал царить Государь Николай II. Экономическое положение было сложно и неблагоприятно. Сельское хозяйство не могло не падать: налицо была община – воспитательница лени и народа, и правящего класса: что могло быть легче для фиска¹ и для управления, как распоряжение кучами Иванов Непомнящих!

Витте, поднимая на дыбы промышленность при общине и слабеющем сельском хозяйстве и начиная **занимать** золото, сознательно не открывает глаза обоим Государям. Неопытный в первые годы Государь был всецело в руках старых министров.

Но кризис сельского хозяйства не мог уже быть замолчан. Дутые успехи показной для Запада политики Витте не скрывают кризисов и падения сельского хозяйства. Настало время, когда вся система государственного хозяйства требовала пересмотра.

сти – при падении народного достатка. Он знал необходимость свалить общину, знал, как помочь сельскому хозяйству, необходимость переселения, расселения. Знал – и всему этому до конца противился. В мемуарах я записал целый ряд бесед с ним: знал его сотрудников и знакомых, и некоторые его планы. Он ненавидел Столыпина за его политику, ненавидел больше, чем Плеве, хотя Петр Аркадьевич никогда его не затрагивал. На все пожелания Государя (эпоха отмены круговой поруки и прощений долга по выкупным) помочь деревне Витте отвечал отсутствием средств. О том, кому он подчинялся, сказано будет в другом месте. Надо удивляться, сколько в его посмертно изданных книгах сказано ненужного, мелочного и неправильного, недостойного его ума, опыта и знаний. Будь он жив, он никогда бы такого труда не выпустил. Надо надеяться, что его книга послужит материалом историку только в своей деловой части, а остальное, как ненужное и злостное, канет в вечность без чьего-либо внимания и уважения. – *Авт.*

¹ Фиск – государственная казна.

«Неисчерпаемые» наши богатства не слишком привлекают иностранный капитал, и с 1900 года приток его ослабевает. Повторяется слово «урожай», и **на нем** начинает строиться вся наша экспортная политика и бюджет. Открыв все денежные краны казны промышленности и торговле (городам), Витте не дает **ни копейки** земле, и от нее ждет средств.

По почину Государя, в 1901 году созывается **Особое совещание** сельскохозяйственной промышленности¹. Витте организует его добросовестно, но ставка его на либерализм провинции срывается; до 600 комитетов говорят одно дело (о «конституции» проговорились всего 8 комитетов). Комитеты консервативны; просят: уничтожения общины, перехода к единоличному владению, кредита, расселения, переселения и проч. На величайший акт Государя – призыв местных людей – сельская Россия дает решающий и продуманный ответ. Началась сводка капитального труда. Особое совещание работает в комиссиях и подходит к выводам...

Государю была необходима такая помощь, он ждет ее с мест, проявляя громадный интерес. Как в освободительную реформу Александра II, как в эпоху местной реформы при Александре III, так и в эту эпоху Петербург – общество и бюрократия – вмешиваются двумя течениями. Одни находят ответы комитетов слишком консервативными, другие – либеральными. Чиновный Петербург возмущается – как смеет провинция указывать! Начинается ведомственная, подпольная борьба и интрига. Плеве подозревает Витте. Витте его ненавидит. Два клана борются два года и якобы консервативное течение берет верх. Плеве **испрашивает повеление остановить работы Совещания — и на них ставится крест**. Труды Комитетов сданы в архив.

Государю неоткуда знать правды, так как сводка трудов **не готова**, а самый процесс Совещания ему представлен как опасный шаг со стороны Витте.

Исторический и важнейший акт Государя — созыв Комитетов — сорван! О нем нарочно забудут до 1917 года и будут делать вид забвения до сих пор.

Полно или не полно созванная, но страна, в числе до 50 тысяч местных людей и крестьян, ответила Государю, показав свой разум и верность. Об-

¹ Пишущий эти строки жил 35 лет в деревне, был предводителем дворянства, участником земства 22 года, почетным судьей 18 лет, выборщиком в Государственном Совете от дворянства 11 лет. В 1901 г. состоял членом двух уездных комитетов и Саратовского губернского и вызван был Витте для участия в Особом совещании и трех комиссиях. Комиссии финансовая и по реформе крестьянского банка (по моему докладу), заканчивая 6-месячную работу, были закрыты управляющим земским отделом Гурко по распоряжению Плеве, согласно Высочайшего повеления. Почти все доклады и журналы вывезены мною из России. — *Авт.*

щина была накануне конца, а бюрократия и общество ее опять отстояли – для 1905 и для 1917 года.

Злорадно смеялся Витте и его светские друзья, радовались немцы.

Этого мало: на волю Государя был сделан поход, и кампания оппортунистов-чиновников, поныне здравствующих, побудила Плеве испросить **Манифест 26 февраля 1904 года**, которым община и неотчуждаемость надела и затруднение выхода из общины и переселения подтверждались и закреплялись. Это был удар ведомственный **по Витте**, отразившийся на работе всей местной России, ничего с Витте общего не имевшей.

И лишь в 1907 году, первый после Александра I, Государь решается сломить общину и дает свободу действия Столыпину. Община надломана, но не сломана. Закон о собственности еще не проведен, но вводится единоличное хозяйство.

На этот закон общество отвечает так: все радикальное общество, бывшее в 80-х годах **за** индивидуальное право, становится **против** Столыпина. Враги России поняли, **что община — основной успех и ключ революции**. Поняли и зарубежные враги, что при объявлении всей земли личной собственностью ее пользователей – народ в десять лет окрепнет, будет непобедим. Начался второй поход, и Столыпина убили.

Его последователи не имели ни энергии, ни разума быстро и энергично закончить эту главную реформу Государя, подымавшую все силы народа и хозяйства и страховавшую от всяких революций.

III

Оглядываясь на истекшее пятидесятилетие, можно показать, как прикованное к земле сельское население постепенно оскудевало, как с наступавшим недомоганием падали нравственность и порядок. Еще недавно крепкое духом и совершенно спокойное население развращалось. Наступило оскудение и с ним пьянство, ропот и развитие легендарной лени.

Радикальное общество это видело и, не касаясь экономических причин, отстаивая общину, твердило о спасении – в конституции, сознавая, что именно в общине народится деревенский бунт, без которого городская вспышка, как в 1905 году, будет безрезультатна. Отсюда – борьба и ненависть к Столыпину, ряд покушений и убийство. Отсюда ненависть к помещному дворянству, знавшему правду.

Но не этим одним исчерпывается история отношений общества ко всем начинаниям Государя Николая II: в знатных верхах Петербурга издавна повелась борьба против всяких «новшеств» и земельных реформ; борьба против переселения, расселения, против развития земельного и иных

кредитов. Владельцам латифундий, живущим в Петербурге (из 36 млн. десятин двор. земли 700 владельцев имели 20 млн. десятин), нужны были **сельские рабочие и дешевые руки**. Это корень их интересов, а последствия падения общины – переселение, расселение и прочее – сократило бы многочисленную и дешевую рабочую силу. Отсюда многолетняя защита общины в Государственном Совете и в составе бюрократии. Отсюда пренебрежение к поместному дворянству, уездному земству и Особому совещанию. Отсюда скрытое недоброжелательство к Столыпину. Отсюда издавна чинимые всякие препятствия переселению, расселению и прочему. За двадцать лет Государственный Совет восемь раз высказывается против земельной реформы и переселения, и министерство внутренних дел ведет переселение спустя рукава и **само** же своим земским отделом¹ в течение 20 лет тормозит его.

Безземельная интеллигентная бюрократия мыслит по руководству радикалов, за общину: она безразлична к сельской жизни или ничего не смыслит и прислуживается перед знатью во имя карьеры.

Так длилась при трех Государях защита социалистической крепости – общины. На долю Государя Николая II выпало покончить с ней. Его лучший министр был снят с пути, и нерешительно надломленная община продолжает нести свою службу врагам рода человеческого, умерщвляя чувство собственности, права и труда.

Нельзя, однако, не предвидеть, что надлом в роковом общинном начале, совершенный с опозданием на полвека Государем Николаем II, и очевидность выгод хуторского и личного владения не пройдут даром, и в той же **общине** самотоком забродит природное и непобедимое ничем чувство собственности и личности, и в ней же, наперекор всем идиллиям одних и подлым умыслам других, будут пущены корни народного непреодолимого желания к свободе, труду и личному достатку. Рано или поздно **народ сам** разобьет общину... если, что будет неудивительно, не покончат с нею сами социалисты-большевики, введя институт собственности.

В истории «расхищения самодержавия» пример упразднения работ Особого совещания 1901 года и сокрытия от Государя правды – один из разительных. Показателен он и в смысле той пропасти, которая залегла между землей и городом. То был первый за сто лет голос земли, и Петербург заглушил его от Царя – по «ведомственным» соображениям и по духу злой интриги, царившей в обществе.

Что была для бюрократии Россия? Сельское хозяйство? Жизнь текла мирно. Деньги нужны были для убыточной промышленности, на уплату

¹ Особенно упорно отстаивали общинное начало и тормозили переселение Стишинский и Гурко. – *Авт.*

процентов займов, на скрепление европейских сношений. Община лежала грузом на главном сельском производстве страны, грузом на свободе труда, **на всем государственном хозяйстве**, мы отставали только ради нее¹, и полвека бюрократия из-за оппортунизма и лени, а общество – по злому умыслу – оберегали это сокровище, доказывая монархам важность сохранения фискального аппарата, славянское ее начало, отсутствие средств для земельной реформы, недостаток межевых чинов и прочее.

Возможен вопрос: но оба Государя не могли не знать доводов против общины? Знали, и оба стремились начать реформу, но каждый раз дружный хор бюрократии авторитетно убеждал: о несвоевременности «ломки» строя, об опасности от будущего пролетариата, опасности сокращения рабочих рук на местах в имениях, о невозможности перехода на частное владение за отсутствием кадастра, а главное – за недостатком средств для осуществления этой «грандиозной» реформы! В эпоху освобождения крестьян под знаком отсутствия кадастра и межевиков торопливо строилось на общине освобождение крестьян (см.: Кошелева, Н. Семенова – труды редакционных комиссий), и борьба около общины шла до 1905 года, когда вред ее стал очевиден, а «земля» стала лозунгом революции. Ценою крови решилась участь общины, но враги государства спохватились и начали вновь ее защищать и восстанавливать.

За посягательство на общину пал Столыпин, и началась спешная подготовка к 1914 году.

Но взяв на себя правильное устройство хозяйства сельского населения законом 1907 года, Государь Николай II не останавливался уже ни перед чем, чтобы довести его до конца в свое царствование.

Интернационал ответил ему войной и революцией.

Судьба России решалась на полях посевов и в неоглядных степях, сознательно забываемых бюрократией и обществом.

IV

С критикой бюрократии следует быть осторожным. Она существует везде, и развитие бюрократического духа в республиканских странах несравненно значительнее, чем в монархических, да и огульное нападение на бюрократический строй прежде всего бессмысленно.

Однако в истории нашей бюрократии есть свойства, совершенно отличные от других стран.

¹ Никто не хотел видеть общей картины, как сто миллионов крестьян, не имевших права ни продать, ни заложить, ни купить крестьянской земли, ни получить откуда-либо кредита, сидели 35 лет прикованные законом без всякого движения! – *Авт.*

Наша столица, будто нарочно занесенная на край страны, скапливала в себе совершенно особый слой общества: привилегированный, замкнутый, неподвижный, но оказавшийся неотверделым. До половины XIX века слой этот исходил из дворянства. Земля «из службы еще не выходила», но с половины века всякая живая связь бюрократии с подлинным помещным дворянством утрачивается, и в рядах бюрократии оказалось огромное большинство недворян или дворян безземельных. Бюрократия, совершенно пренебрегая интересами первого сословия как сельских хозяев, продолжает существовать под знаком этого сословия и предусмотрительно старается, когда это выгодно, это подчеркивать, а когда надо – отрекаться от него. Петербургская чиновная и придворная бюрократия играет все время **двойную** игру, она составляет издавна особый класс и, связываясь кое-какими нитями с местами, пользуется при случае дворянством, не неся перед ним никакой ответственности, и своей экономической политикой приносит ему вред. Отсюда – ложное, маскированное положение бюрократии и перед Царем, и перед дворянством, и перед интеллигенцией, с которой она, за малым исключением, с 1905 года **составляет одно целое**.

Весь XVIII и XIX век служилый класс авторитетен в народе – непоколебимым обаянием самодержавной власти. Раньше, при малочисленности местной бюрократии, **страна жила предоставленная сама себе**, и западная «культура» начинает в нее вводиться лишь с проведением почт, телеграфа, сообщений и сношениями с центральными ведомствами.

С этой эпохой совпадает и оскудение центра.

Бюрократия из Петербурга начинает **вмешиваться** в жизнь страны по западным методам. Вмешиваться за счет былой свободы и значения местной власти и авторитета провинции. С этой эпохи прямого вмешательства должна возлагаться **на бюрократию полная ответственность за ход истории**.

Бюрократия, ревнивая к влиянию земства, берет на себя задачи опеки над народом, но выполнить своих целей не может, не имея ни сил, ни знания, ни патриотизма, ни сплоченности. Цель – оевропеить русских и обрусить окраины, провести начало капитализма и одновременно сохранить общину и «кое-что» бытовое – создает хаос понятий, и жизнь народа все глубже запутывается. Условия, этно- и географические, и социальные нашей страны так неимоверно различны с другими странами, что все западнические приемы и трафареты не оставляют никаких следов в жизни народа. Делается **не то, что надо**, и Россия Державина и Гоголя остается все той же, только здоровый дух ее быстро утрачивается.

Если кто и работает удачно, то только уездное земство.

Имея в своей среде до второй половины века целый ряд крупных государственников одной школы и круга и продолжая опираться лишь на авторитет Царя, бюрократия была в силах творить и помогать Государям медленно, но идти вперед. Со второй половины века физиономия бюрократии резко меняется, численно растет, и в близкие круги около Монарха вливаются новые элементы, типа интеллигентского, бесцензового, наемного. Служба «не за страх, а за совесть» сменяется в частых случаях службою за страх и против совести. Мелкие хищники – городничие – сменяются финансовыми хищниками центра.

Бюрократия берет на себя больше, чем может и смеет: она упорно держится Царскою властью, но начинает присваивать ее prerogatives в мелких вопросах, создавая свои чиновно абсолютные права, злоупотребляя Царским именем, и целой системой «расхищения самодержавия» постепенно размыкает власть от народа. Ни в одном случае, до самого 1917 года, бюрократия не сознает публично своих ошибок, **слагая каждое свое действие** на Высочайшую волю и, опираясь на эту волю, ищет опоры и в обществе, не сознавая изменнической сущности такой игры.

Отсюда создается право справедливого осуждения нашей бюрократии.

И теперь, когда по сравнению с творящимся в России бывшая бюрократия морально кажется идеальной, это право обвинения остается в полной силе и вырастает, так как действие правящего класса последнее полстолетие неукоснительно влекло к совершившемуся. Историк должен будет лишь строго различать эпохи и личный состав чиновного класса этих эпох.

Замыкаясь и ревниво оберегаясь от чьего-либо влияния извне на Власть, бюрократия сама, без «местной» помощи, справиться с хозяйством и с порядком управления не может и меняет то и дело курс политики истерически.

Самоуверенно утверждая, что «l'état c'est nous»¹, класс этот дает в иных случаях право называть самодержавный строй бюрократическим, и радикалы бьют в слабые места не бюрократию, а власть, и осуждают не бюрократию, а строй, связывая действия чиновников с волею Монарха. Бюрократия отталкивает от себя и приверженцев монархии, видящих расхищение царской власти, и укрывательство за ней – нередко беззакония и попустительства. Состав бюрократии к XX веку играет решающую роль. Начиная с некоторых придворных и кончая канцеляриями, в среду

¹ «Государство – это мы» (фр.). Ср.: «L'état c'est moi. – Государство это я» – фраза, приписываемая французскому королю Людовику XIV. На заседании парламента Франции в 1655 г., обращаясь к депутатам, он якобы сказал: «Вы думаете, господа, что государство – это вы? Ошибаетесь! Государство – это я!».

правительства допущен вход ряда авантюристов и массы либеральной интеллигенции. В 1905 году чиновники смешались с улицей и смычка с обществом становится физической. Еще недавно гордая и **независимая бюрократия и общество, нападающее на бюрократию, составляют одно**, – объединяясь в гостиных, канцеляриях, ресторанах и на улице. Военное общество сливается с гражданским, и многие мыслят с ним заодно. **Под видом** борьбы к 1917 году общество сливается с бюрократией.

С конца 1890-х годов своей двойственностью, своей видимой для всех мелочной, местнической, внутриведомственной и с провинцией борьбой – правящий класс сам дает право себя порицать и не щадить, и не умея защитить ни себя, ни власти, во имя самозащиты нападает на власть.

Облагораживая служилый класс, встает фигура Столыпина, защищающего жизнью Царя и Россию, и тем ярче для истории выступают бесцветные тени остальных.

Наш правящий класс, не в пример всем другим странам, **всем** обязан Государям: почестями, арендами, пенсиями, заботливым расположением монархов, и мы уже знаем, как в 1917 году заплатит им за это знать и бюрократия.

И те несколько консерваторов, которые выступают в слабо читаемой консервативной печати, видя ход событий к распаду, до 1900 года отстаивают силу правительства, верят еще в нее, но, убеждаясь с этой эпохи в его бессилии, оппортунизме, попустительстве, ошибках и в непризнании здоровых желаний и мыслей крестьян и местных людей, а главное – в неспособности защитить Монарха и строй, самые благонамеренные **вынуждены** на выступление против бюрократии, и этот класс по своей вине теряет последних защитников. Теряя авторитет, не имея корней в народе, бюрократия сдвигается в сторону радикалов.

Щадит правительство и осторожно в своих обвинениях, во имя верности к Монарху, – одно поместное дворянство, но и его голос будет и замолчан и заглушен тем же ревнивым правящим классом.

Бюрократия не дает сомкнуться силам, верным Государю.

Нельзя отрицать, что как в обществе, так и в бюрократии были люди, выдающиеся по труду и знанию. Такие были, держась старых традиций, оставаясь до конца неподкупными и твердыми. Были и трудоспособные, и достойнейшие, но с 1900-х годов «верный» тип чиновника уходит в тень, старея, не умея догнать запросов нового времени и не сочувствуя политике авантюризма и начавшемуся метанью из стороны в сторону.

В передних рядах Петербурга, не составляя сплоченного ядра, оказываются новые люди. Это даже не класс, а галерея меняющихся во имя карьеры чиновников. Кланясь на обе стороны, и консерватизма и либе-

рализма, стараясь угодить всем и не угождая никому, они делают политику. Однако делать политику **без преемственного плана** не удалось; за политикой стояла история, которая считалась только с Монархом. Пути же истории всячески загромождались бюрократией и обществом, и история неизбежно должна была в 1905 году временно остановиться.

Новый **прирост к бюрократии — парламент** — усилил централизацию, подорвал авторитет и живую силу монархии — нагромождение усилилось, и уже с 1905 года Россия, не имея защитников закона, была брошена на путь развала.

Для одних бюрократия конца XIX века — «стена», отделяющая власть от народа, для других — стена, ее ограждающая, окажется плетнем, через который шагнет общество — улица, чтобы покончить с царской властью. То же общество в 1917 году даст «вторую» свою бюрократию — правящую уже без всякой совести и разума во имя революции. Эта бюрократия не сумеет ни властвовать, ни управлять, ни сопротивляться, засядет в Зимнем дворце под защиту женского батальона и кадетов, и бесследно исчезнет за границей.

Последняя попытка возрождения бюрократии, в тылах белых и иных армий, тоже бессильна; общество не сумеет взять власть ни в Уфе, ни в Омске, ни в Риге, ни в Архангельске, ни в Крыму, найдя описание своих дел в летописях Гинса, Будберга, Сахарова и прочих¹. От этих описаний веет безысходной бездарностью общества, осмеливавшегося думать, что можно вернуть и спасти Россию без Царя.

Старая бюрократия окажется за рубежом и, не объединенная, не подаст авторитетного голоса в среде некоторых сочувствующих старой России стран. Запад не признает веса бывшего правящего класса, доказав тем, что мир считался с нами только через Монарха.

С конца XIX века бюрократия и общество составляют одно целое. Тот же дух, те же интересы, те же нравы создают полное органическое слияние. Борьба с Думой и обществом была комедией, и если Дума за десять лет была неспособна дать ни одного творческого закона, кроме переворота 1917 года, то и правительство, кроме Столыпина, не только не дало ничего сильного и планомерного, но не выдвинуло ни одного сколько-нибудь сильного оратора или защитника строя в противовес обвинениям общества и Думы, падающим на голову монархии. Бюрократия не отвердет этих ударов и не примет их на себя.

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1–2; Будберг А.П. Дневник белогвардейца // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1921–1937; Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; Чешские легионы в Сибири. Берлин, 1930.

Правящий класс, на который опирался Государь Николай II, оказался бессильным и неверным.

V

В 1857 году в России было в обращении: серий казначейских на 88 млн. рублей; кредитных билетов – 740 млн. рублей и вкладных, разменных без курса, ходивших как деньги знаков – один миллиард рублей, и золотой монеты 600 млн. рублей, а всего около двух миллиардов денежных средств при бюджете в 257 млн. рублей и при совершенно ничтожных податях.

Наличное обращение должно было прогрессивно увеличиваться. Народ был **сыт и богат**. Промышленность удовлетворяла потребность 75 млн. населения. Долгов у государства не было.

То было в крепостную зависимость, при ненавидимом интеллигенцией и Западом Государе Николае I и Александре II.

Канкринскую **систему** и хозяйство¹ Государя Николая I сменяют новаторы – западники школы, к которой позже принадлежал Витте.

С 1859 года вкладные билеты конвертируются, то есть ходячие деньги обращаются в банковые билеты при цене 75 рублей за 100. Курс начинает устанавливать **биржа**, и бумагой этой уже расплачиваться нельзя, а можно было **торговать, то есть играть**.

Из обращения изъят миллиард рублей. Введен «либеральный» таможенный тариф. Из **заграницы** начался наплыв дешевого товара, а за границу ушло все золото. Бумажки стали жечь (в 1858 году кредитных билетов было на 735 миллионов, в 1864 году – 617 миллионов).

Денежное обращение с двух с половиной миллиардов доведено до 750 миллионов.

Результаты: сельские хозяева разорялись. Крестьянство стало нищать, попав в руки кулаков и фискальных агентов. Государство ослабело и постепенно впадает в **неоплатные** долги. Цивилизация выродилась в фасад, в комедию, в **рост города** – с размножением в нем аристократии и плутократии. Власть начинает терять популярность. Самоуправление без денег хиреет. В завершение зверское убийство Царя 1 марта.

С этих лет управление России становится в зависимость от **биржи**, а жизнь страны – в зависимость от Европы. В прорубленное Петром окно просунулись головы кредиторов, спекулянтов, банкиров, колонизаторов,

¹ Канкринская система – по имени министра финансов в правительстве Императора Николая I графа Е.Ф. Канкрин. «Канкринская» денежная реформа 1839–1843 гг. (инициатором которой был выдающий государственный деятель М.М. Сперанский) восстановила твердый курс серебряного рубля по отношению к ассигнациям.

завистников и всех, кто смотрел на нашу страну как на источник наживы, грюндерства¹, захвата и легкого грабежа.

Императорский период оканчивается приобщением нас к Западу. Разгородившись зачем-то Уральским хребтом на две России, мы подлинно становимся **частью** Европы и вступаем в семью «великих» держав и демократий, восприняв и войдя в мировой товарообмен и **золотое** обращение. Бюрократия всеми своими ведомствами смиренно подчинилась министру финансов, золотому тельцу, и составив и замкнув звено, мы выпутаться из золотой цепи не можем.

При таких новых и сложных направлениях, в горячий период европеизации Витте, на царство вступает юный Государь, и почти через тридцать лет богатейшая страна, имеющая **все свое**, способная при некотором усилии завалить Европу сырьем и учетверить золотой запас, сократить ввоз – оказывается с крупным долгом. На робкие одиночные просьбы помощи главному хозяйству – сельскому – Витте отвечает отказом, не дает ничего, и отдает все на фасад – индустрию, не дающую на экспорт – ничего.

Хозяйство бюрократии за 30 лет привело к так называемому **оскудению**, и в этом повинен не один Витте, а весь правящий класс, окружающий Государя. Ни одно ведомство, ни один сановник, ни общество, ни Дума, ни печать не протестует против этой политики: золото греет. Общество требует «культуры», и мы, «догоняя» Европу, втянуты в цивилизованный мир ценою долгов и убыточных договоров. Войдя в акционерную семью биржевой Европы, мы осуществили западную идеологию «града земного», но зато теряем свою независимость, свободу, силу и многое иное. *Impera quia sunt divisi*² – девиз бюрократии.

Мог ли молодой Государь бороться против течения, рубить причалы и давать ход назад?

Мог бы, ответим мы, если б около него был бы кто-нибудь русский, сильный, и если бы с ним было общество. Но мы знаем, что с Государем не было никого.

И осуждать прошлое нужно, так как не будь этого прошлого, не было бы настоящего, и в прошлых ошибках неповинны лишь две силы: **Царь и народ деревенский**. Все же остальное поголовно повинно. Против одинокого Государя и слепого в политике народа пошел стеной «золотой телец», и борьба с ним оказалась Государю не по силам. Западный культ мешка с

¹ Грюндерство (от нем. Gründer – «основатель», «учредитель») – массовое учредительство всевозможных компаний, сопровождающееся кредитной экспансией, широкой эмиссией ценных бумаг, биржевыми спекуляциями, нездоровым ажиотажем, жульническими махинациями финансовых дельцов.

² Властуй, ибо разделены (лат.).

золотом заслонил самосознание общества. «Чек» стал девизом мира, кроме Африки, Китая и закабаленной Индии.

Прежний Царь не был никому обязан. Современный Император обязан перед Западом, не имея в стране ни в ком иной опоры и сознавая экономическую слабость народа.

И на самом деле: у французов *épargne*¹, у немцев *Sachwerte*², – у нас при общине народ беден и запасов нет.

В России были два Государя, не считавшиеся ни с чем и ни с кем: Иван IV и Петр, и очевидно, что последний, увидав куда мы лезем и как поняли его желание поднять Россию господ Витте, Абаза и Рафаловичи, Туганы, Озеровы и прочие, – разорвал бы в клочья все планы финансовых авантюристов и все договоры и приказал бы всем отпустить бороду, а на границу выставил бы 5 000 000 штыков. Возможно, что и г-н Витте и иные прочие болтались бы на виселице, а многие сановники и депутаты были бы биты батогами. И кто знает – не надел ли бы Петр I вновь бармы и шапку Мономаха; и тремя словами: «Я Царь России» не остановил ли бы вакханалию общества, доведшую до 1917 года, и не наказал ли бы он тех, – и прежде всего старых друзей немцев, – у кого учился «мещанству», не догадавшись, что учителя потребуют расплату натурой, то есть русской землей, которую он паки любил.

Признаем, что Государь Николай II не имел силы Петра I. Не имел и людей верных и послушных, какими были современники Петра.

Но было и иное: время ни при чем, и появление такой силы, как Петр, свет еще может увидеть. Но Государь наш следует заветам благородства предков; они щадят даже врага: входя в Париж и Берлин, щадят Францию и спасают Германию. Не сходясь во имя гуманности с Наполеоном, Александр I не идет на уничтожение Англии. Видя смуту внутри России, Государь не мстит и не давит врагов, ограничиваясь единицами осужденных.

Государь Николай II несет корону благородных, и на ломку, по примеру своего великого дерзновенного предка, не пойдет, да и одинокий не может помыслить – бороться с силой Европы. Он идет **по течению**, веря в культурное начало мирового движения, веря в порядочность общества и стойкость народа.

Государь полон желанием благоденствия народа, идет навстречу **культурным** начинаниям своих министров и общества и щадит и прощает ошибки.

Правда, сельское население при общине и при отсутствии всякого кредита хиреет. Правда – в среде народа не существует трудоспособ-

¹ Сбережения, накопления (фр.).

² Материальные ценности (нем.).

ного Mittel Stand'a¹, и отсутствие технических сил трудовой интеллигенции дает себя знать на количестве и качестве производства. Правда – покупательная способность народа ничтожна, но Государю глубокомысленно доказывается, что по «финансовым и экономическим законам», а главное, по политическим соображениям – мы иначе уже не можем, как продолжать строить громадное здание modern капиталистического хозяйства; Государю доказывают, что участие в мировом хозяйстве к тому обязывает – обязывают валюта, биржа, долги, – и что к «варварской» системе Николая I вернуться немыслимо. И самодовольный и малообразованный правящий класс, слепо подчиняясь вожаку Витте – на деревянных лесах и соломенной подстилке хиреющей деревни, замирающей в общине – продолжает **торопиться** достроить храм западного капитализма. Витте имеет за себя всю знать, печать, банки, биржу, тьму иностранцев, все купечество, все еврейство, всю интеллигенцию и все донизу общество, служащее через этого сановника «князю мира сего». Надо удивляться той смехотворной, дикой «отчаянности», с которой, наперекор праву, смыслу и стихии, без фундамента, **без плана** Витте ведет эту стройку. И все было бы нормально и целесообразно и необходимо, если бы был **план** и в первую очередь было бы сделано все **для забытого и пренебреженного сельского хозяйства** и бесправного крестьянства. Тогда никакие эксперименты не были бы страшны.

Этого-то главного правящий класс не делает. Фасад европейского образца растет и, как нелепый, будет сдунут первым ветром солдатско-интеллигентского бунта и похоронит под собой строителей. Из-под обломков его Ленин будет за что-то проклинать помогавшую ему бюрократию и буржуазию, а спустя шесть лет мы, русские, любя ходить по краю пропасти, впадаем в другую **крайность**, мечтая обрасти чертополохом и жить на основе натурального хозяйства.

Время не похоронит истории, ни славного, содеянного когда-то нашими большими государственными людьми, ни многого абсурдного, к которому стремилось современное общество.

Нам известно, что Государь знал все несовершенства и непродуманность политики своих правительств, но он был бессилен один встать против них. Он все чаще и чаще слышал слова: «Нельзя то и нельзя другое по политическим и международными условиям», – а позже, с введением парламента, принявшего целиком программу Витте и всего радикального общества, всякий отход от этого курса был равносильен перевороту, на который Государь не шел.

¹ Средний класс (нем.).

Государь избрал другой путь. Призвав Столыпина, он вверил ему переделать на здоровое начало частного владения весь крестьянский уклад жизни. **Первый Император выказал эту решимость** и пошел открыто на полное осуществление свободных прав и устройства главной силы страны – крестьянства. **Поздно для истории, он стал наконец на этот путь.**

Реформа эта, несмотря на препятствия, творимые частью правящего класса, и бешеный поход общества в защиту **общины**, могла принять вихревое движение. Стандарт жизни деревни стал сразу подыматься, народ, почуяв свободу и силу, начал богатеть. Через тридцать лет с силой народа-собственника сделать было бы ничего нельзя и выросла бы сила Царя и России.

Это и поняли враги. Спешно, в 1910 году Германия наряжает «комиссию по исследованию хуторского хозяйства». Живейший интерес проявляет печать Англии (1912 год). Правительства этих стран осведомлены о будущих успехах русского народа.

В то же время **наше общество подняло все силы против реформы и Столыпина**. Ряд покушений и его смерть. После него опять безлюдие, и темп реформы ослабляется. Парламент за десять лет не дает ничего своего; он тащится за бюрократией, а свое он даст только в 1917 году.

Государь, встав на путь земельной реформы, не отступит до конца, вверясь силам правящего класса и парламента. Он не может допустить мысли, что сил этих нет.

Характерно, что слово «собственность» не произносится в печати. Это право **само собою разумеется**, хотя слева на него ведется поход, а русское государственное право о нем осторожно умалчивает. В 1894 году об установлении этого **права** смело и первое скажет саратовское дворянство. В 1901 году о нем заговорила **земля** – в 600 комитетах сельскохозяйственной промышленности. Эти голоса и призывы похоронила бюрократия. В 1905 году, 17 ноября, «собственность» – лозунг первого Союза земельных собственников (Москва)¹. В мае 1906 года о ней заговорит объединенное дворянство, и в 1907 году это начало проведено в жизнь Столыпиным. С этого года **началась новая жизнь страны**, – но благодаря революции крестьянству так и не удалось до сего дня избавиться от «черты оседлости», и оно еще более обнищало. – Зато от черты оседлости освободилось еврейство. Оно наживется и станет собственником земель. Это одно из главных завоеваний революции.

¹ В сентябре 1905 г. сначала в Саратове, потом в Москве мною, при содействии Мельникова и князя Щербатова, собраны съезды и Союз землевладельцев. В ноябре, после съезда, Государю благоугодно было принять депутацию союза и адрес с изложением экономического плана. – *Авт.*

VI

Если не было устройства в земельном вопросе, то неустройство в **порядке управления** отозвалось на царствовании Государя Николая II не менее тяжело.

Петр I, осев в Петербурге, лишил местá самостоятельности. Екатерина II, то Самодержица, то Императрица, забывала провинцию, усиливая Петербург. Напомнил о деревне Пугачев, имевший на свое несчастье союзниками англичан, а не немцев. Александр I забывал, что Россию, как и в Смутное время, в 1812 году спас не Петербург, а живая сила провинции.

Центр продолжал укрепляться, пока Александр II не дал земства. Но бюрократия, боясь его усиления и «всяких» дворян: Жихаревых, Чичериных, Кошелевых, Хомяковых и Кривских, – сокращает права земства до филиалов министерства, не смеет даже дать «министерства земства»¹. Рядом циркуляров и законом о предельном обложении обуздывает его самостоятельность вплоть до 1917 года, пренебрегая главной силой – уездов – и дав выродиться губернскому земству в злобно-революционный земгор, ничего общего с земством не имеющий.

Мелкой и недостойной была борьба бюрократии с местами, вместо задачи совместного устройства России. При этом историк обязан записать, что земство до 1890-х годов было консервативнее бюрократии и как мировым посредникам, так и земству деревня обязана была порядком.

Огромным **преступлением** правящего класса, – ревнивого к своему влиянию, – было отдаление Государя от общения с местными людьми.

Вечно живая идея широкого самоуправления отбрасывалась как вредная и опасная.

Перечтем Голохвастова, «Земство в Смутное время»: «Иоанн Грозный дал северо-востоку **земскую** автономию... и когда воцарился Владислав, земская изба, великолепно устроенная, с подходным налогом, кадастром, денежными раскладками, богатая, независимая и верная самодержавию, сговорила по волостям и городам, двинула вперед Минина и покончила с поляками и ворами, выведя, как matka, Династию Романовых и крепя их долго Земскими Соборами»².

Примеров много: самоуправление, земская Русь, когда-то богатейший Псков и Новгород, наконец самобытная Финляндия... и жажда, жажда хо-

¹ Через Плеве Его Величеству от группы дворян мною подан проект устройства министерства земства. – *Авт.*

² Голохвастов П.Д. Земское дело в Смутное время // Русь. 1883. №№ 1, 2, 4, 6.

заяственных людей творить за свой страх, но на пользу страны и Государеву, и вотчинников, и торгового люда, и богатейших в былом крестьян. Примером служит Сибирь, по счастью забытая, далекая от бюрократии: сколько сил накопила она, сколько упорства показали там пришедшие «дряблые» из центра люди. По «азам» да по «херам», не отгораживаясь никакими стенами, создавали сибиряки в глуши степей и тайги хозяйскую вольную силу! Всем нутром Россия просила и ждала, назовем для краткости – «децентрализации». Ждала на места: работу, власть, местное хозяйское законодательство, торговлю.

С 1894 года одинокие голоса **требовали** местной реформы¹, прихода, укрепления уезда, **советов** в губернию или область – при управлении, контроле и общегосударственном законодательстве центра.

Катков писал: «Правительство идет»²... но оно никуда с Фонтанки и Мойки не шло, и кончило тем, что постыдно – ушло.

Если бы в Петербурге было еще ядро, **головка** правящего центра, который бы шел **дружно к цели** и укреплял монархию. Но было обратное: на протяжении всей эпохи происходил **вечный раздор ведомств** и расхищение самодержавия. А местная Россия жила бесправная, но творила. Медленно, без средств казны – шла вперед. Консервативная, здоровая, она представляла из себя главную опору царскую, но год от году восставала на бюрократию, отказывавшую ей в доверии и **мешавшую** ей развиваться. Бессмысленная оппозиция тверского земства была единична и сочувствия в земстве не встретила.

Помнилась еще старина, грезились крепкое самоуправление Иоанна Грозного. Вопрос висел в воздухе, но никто не смел его ставить, кроме двух-трех фанатиков из консервативной печати³.

¹ Саратовское дворянство, по моему докладу 1897 г., в числе других пожеланий ходатайствовало о широкой местной реформе. Лишь в 1904 г. Плеве по Высочайшему повелению поручил мне составление законопроекта местного уездного губернского и областного самоуправления. Как этот проект, так и земельной реформы оставлены кн. Мирским и Булгакиным [Булыгиным?] под сукном. – *Авт.*

² Имеется в виду статья М.Н. Каткова о принятии правительством нового университетского устава, в которой в частности говорилось: «Новый университетский устав важен не для одного учебного дела; он важен еще потому, что полагает собою начало новому движению в нашем законодательстве. Как устав 1863 года был началом системы упразднения государственной власти, так устав 1884 года предначинает собою возобновление правительства, возвращение властей к их обязанностям. <...> Итак, господа, встаньте: правительство идет, правительство возвращается!.. Не верите?» (*Катков М.Н. Возвращается ли правительство? Впервые опубликовано: «Московские Ведомости». 1884. 7, 10, 20 октября. № 278, 281, 291.*

³ В правой печати о самоуправлении и земельном устройстве с 1897 по 1912 г. пишут: С.Ф. Шарапов, А.П. Никольский и Павлов (Н.). – *Авт.*

У России было два пути: **самоуправление** или довершенная централизация бюрократии – **парламентаризм**. Победили общество и бюрократия, возглавляемая Витте.

Он и все его последователи предпочитали получать миллиард с акциза и делать займы, чем идти на широкое развитие производительности труда при самоуправлении областей.

Централизация довершится Думой и – самоуправление похоронено. Как и в вопросе общины, бюрократия в течение полувека отводит Государей от этих решений – придвигая события к 1917 году.

В 1905 году наше общество и Запад торжествовали. Крылья власти и рост сил народа на местах были связаны – парламентом.

На ломку строя прародителей Государь не решался: **императорство по теории и государственное право не допускало областного самоуправления**. Витте доказывает (неверно), что самодержавие даже с земством несовместимо.

Государь **опирается на систему**, так как с самого воцарения ему **доносят** и доказывают о «ненадежности» провинции. Бюрократия не допускает реформы строя, допустив потом его крушение. Не допустит самоуправления и собрание поденных депутатов, тянущихся к власти.

Лишь в 1915 году¹ Государь сознает всю тяжесть опутавшего его центра; он готов решиться на переворот, но ему не дадут обратиться к земле, зная, что даруй он областные самоуправления – власть его вырастет и народная Россия не допустит революции. И действительно, первыми после революции будут защищаться области, удаленные от центра: забродит против воровской власти Кавказ, Крым, Туркестан. Зашевелятся Урал, Сибирь и степи. Загорятся восстания в кубанских станицах, не примут коммунизма ни Финляндия, ни Балтика, ни Польша. Бороться будет дальше Поволжье. В областях живет здоровый дух; иной, чем в омертвевшем, обезволенном центре.

И мы будем ждать, как и при Владиславе, что подыматься начнут из беды и крови области, а не партии, и не городу, а провинции и деревне выпадет честь подъема национальных сил: с какою частью земляческих войск сольется народная сила – говорить еще рано². Но так будет. И в

¹ В 1915 г., проведя опять проект самоуправления через саратовское дворянство (и в Московских Ведомостях), я устаиваюсь вторично представить закон Государю. – *Авт.*

² Параллель с периодом Смутного времени в русской истории. В 1610 г. бояре низложили Царя Василия Шуйского и провозгласили Московским царем польского королевича Владислава. Однако Владислав, не приняв Православия, не был венчан на царство. Патриарх Гермоген призывает русских людей освободить Отечество от иноземцев. Возникает Первое народное ополчение во главе с рязанским дворянином Про-

укор двухсотлетнему прошлому – история, спустя вековой сон, природой вещей поворотит жизнь на свой лад – устройства **независимой и единой в своих свободных экономических частях России**. Того добьется сила земли, сила земская, земляческая, обманутая и усыпленная Петербургом.

VII

Вернемся к началу царствования. В ночь убийства Александра II по улицам столиц не расходилась сплошная толпа верного государям народа. Государь Николай II помнил тот день и ночь.

По вступлении на престол он вникает в управление. Он живет и правит по заветам отца. Политическое влияние на него имеют двое: Победоносцев и Витте. Первый – защитник старины и весь неподвижность. Второй – за прыжки в неизвестное. Оба умны, упорны, резки, – но едва ли преданы Государю. У обоих законченного плана управления нет.

Остальное окружение – светское, и ни совета, ни чувства к Государю оно в своем большинстве дать неспособно. Карьера, развлечение, парады, приемы, протекции, интриги, личные интересы поглотили чувства света. Старый опытный состав бюрократии исчезает. Безличного Дурново и немудрого Сипягина сменяет волевой, умный, до мозга чиновный Плеве. Бюрократия делится надвое: за Витте и за Плеве. Шесть лет на виду у всех длится эта борьба. Плеве боится самоуправления. Не любит дворянства и земства и не знает деревни. Советами двух-трех роковых для себя и страны советников¹ он **правит** Россией именем Государя. Он закроет важнейшее Особое совещание 1901 года² и не сумеет разоблачить Шиповский съезд³. Набросает массу проектов и, не кончив

копием Ляпуновым, затем Второе ополчение во главе с земским старостой Козьмой Мининым двинулось из Нижнего Новгорода к Москве, и в 1612 г. боярское правительство королевича Владислава было низложено, поляки изгнаны из России. В 1613 г. Земский Собор избрал на Русское Царство Михаила Феодоровича Романова.

¹ Все начатые и не проведенные в жизнь Плеве проекты составлялись Стишинским, Гурко, Штюмером и другими чинами МВД. – *Авт.*

² Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1904 гг. с председателем С.Ю. Витте и Редакционная комиссия МВД по пересмотру крестьянского законодательства во главе со А.С.Стишинским были важнейшими правительственными органами, созданными для решения аграрного вопроса в начале XX века. На заключительной стадии работы, в результате которой был накоплен огромный материал, выдвинут целый комплекс идей по разрешению крестьянского вопроса, Особое совещание было закрыто.

³ Председатель Московской губернской земской управы Д.Н. Шипов вел планомерную работу по объединению сил деятелей земского движения с целью созыва земских съездов для инициации вопроса о необходимости народного представительства.

ни одного, вырвет у Государя Манифест 26 февраля 1904 года¹, **укрепляющий общину.**

Его ставка на войну неудачна.

Опираясь на департамент полиции, он ошибается: департамент слаб, и там обманывают его и предают Государя господа Манусевичи-Мануйловы, Манусы, Зубатовы, Азефы и Гапоны. Многие из них близки к Витте и им руководятся.

Со смертью Плеве², не умевшего, как позже не сумел генерал Трепов, разоблачить Витте и общественный заговор, – Витте возьмет влияние и быстро поведет Россию на 17 октября 1905 года³.

Плеве не успевает дать ни одной реформы, и во время борьбы этих двух министров начинается первое серьезное политическое брожение.

Русское дело стоит: земству ограничивают средства работы. Местной реформы нет. Власть на местах слабеет. Переселение без движения. Сельское хозяйство без кредита. Водка растлевает нравы. «Расцвет» промышленности дает себя повсюду знать открытием банков и ресторанов и началом небывалого разгула общества. По желанию Витте нарушением в 1897 году статей 51 и 52 Устава Крестьянского банка, цены на землю взвинчены втрое и начинается, волнуя народ, азарт земельной спекуляции. Завелись шальные деньги. В городах начались рабочие беспорядки, а в деревнях голодовки, с набросанными земским отделом наспех «временными правилами» по борьбе с голодом. Усилились студенческие брожения и кое-где – бунты на фабриках. Террористические акты и неудачная война.

Твердый курс министерства Плеве не дал ничего. Борьба двух ведомств разжигала страсти, и радикальные круги подняли головы. С бес-

В 1902 г. на московской квартире Шипова прошло первое нелегальное общеземское совещание. В 1904 г., когда Шипов был вновь избран председателем губернской земской управы, министр внутренних дел В.К. Плеве не утвердил его на этой должности как оппозиционера.

¹ Основные мысли и редакция Манифеста составлены Стишинским, Гурко. – *Авт.*

² 28 июля 1904 г. министр внутренних дел В.К. Плеве был убит в Петербурге эсером Егором Созоновым, который бросил бомбу в его карету.

³ На фоне всеобщих беспорядков и забастовок 17 октября 1905 г. Императором Николаем II был обнародован «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка». Манифест, разработанный Витте, даровал свободу слова, собраний; давал избирательное право всем сословиям; обязывал рассматривать и утверждать все законопроекты через Государственную Думу. Правда, за Императором оставалось право распускать Думу и блокировать ее решения своим правом вето. Манифест 17 октября 1905 г. означал ослабление основ самодержавной монархии, положив начало учреждению парламента и появлению конституции.

тактностью, не имеющей оправдания, все сановничество разделилось в борьбе двух министров, и ставит Государя в особо тяжкое положение. Смута начинается в Петербурге, во время неудачной войны, в самом правительстве. Очевидно, что ею пользуются внутренние и иностранные враги. Во время похода флота Рождественского¹ великие державы делают нам беззаконнейшие препятствия и наше правительство и дипломатия проявляют полное бессилие.

И все же, все эти неблагополучия легко устранимы. Они не влияют еще ни на общее состояние и богатство страны, ни на заметные, хотя и медленные успехи хозяйства². Отставая от Запада, Россия шла вперед. Никакие крайние кризисы не угрожали, и нужны были лишь две основные реформы: местная и земельная.

Железнодорожное строительство развивалось. Промышленность оживала. Даже сельское хозяйство, лишенное всякой помощи, давало полмиллиарда пудов для вывоза.

Недовольство родилось в столице. Печать его разжигала. Общество злорадствовало на неудачи войны, и обстановка мирного управления страной – казалась **неблагополучной**.

У нас нет полной истории, как готовилась война с Японией. Дипломатия была не осведомлена и не внимала докладу Покотилова–Витте о шагах Англии, Германии и Японии. Как война 1904, так и 1914 года были спровоцированы, и наши послы оказались перед *fait accompli*³. Слепа была и русская печать. Разжигая внутреннюю смуту, печать и не думала изучать нашего положения ни на Востоке, ни на Западе.

Можно ли поставить войну 1904 года в вину Государю? Довоенные события создавали признаки этой войны. Государь оказался слишком доверчив к окружению. Он обманут был не только знатными аферистами – Безобразовыми, Абазой и К°, но и министрами, которые поддерживали этих господ. Большинство министров в совещании было на их стороне. Возражения Витте, Куропаткина и Ламсдорфа не были вески, и притом политика Витте 1901–1904 годов (Дальний и Амур) совпада-

¹ 2 октября 1904 г. из Либавы на помощь русскому флоту в Русско-японской войне вышла 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием контр-адмирала З.П. Рождественского. В задачи эскадры входил переход из Балтики в Тихий океан, помощь осажденному Порт-Артуру и сражение с японским флотом. Через полгода русские корабли добрались до цели путешествия. 14 мая 1905 г. японский флот атаковал эскадру Рождественского в Цусимском проливе и уничтожил ее.

² Доходы казны прогрессируют туго. Лишь с 1908 г. железнодорожный доход достигает 346 млн. рублей, в то время как все казенные заводы приносят лишь миллион рублей. – *Авт.*

³ Свершившимся фактом (*фр.*).

ла с планами Безобразова¹. Государь внимательно слушал, обсуждал и склонился на сторону большинства – за компанию на Ялу, создавшую повод к войне².

Уже в 1904 году около Государя проявляются признаки измены; критика и ропот общества усиливается. С убийством Плеве общество ищет предлога к обвинению Государя. Среди сановников нет группы, которая бы в трудную минуту ему помогла и **доказала**, что никакой опасности для России и строя – нет.

Витте с придворными настаивает на назначении бывшего гусара князя Святополка-Мирского. В три месяца аппарат власти им совершенно расшатан, и не только этот ничтожный министр, но и все правительство сдастся частному съезду в Москве и печати. Правительство объявило «доверие» обществу³, и началась пресловутая «весна» свободы и эра подлогов.

На «доверие» печать отвечает руганью власти и пропагандой революции.

Под флагом земства, частью из его среды, явочным порядком, никем не избранная, выделяется группа, созданная в Москве Шиповым (в числе 107 лиц) – Петрункевич, граф Гейден, Родичев, Бенкендорф, де Роберти,

¹ См. неизданные записки графа Витте. – *Авт.*

² В 1896 г. А.М. Безобразов составил записку, в которой указывал на неизбежность войны Японии с Россией и нежелательность для России водворения японцев в Корею и Маньчжурии. Безобразов предлагал создать в Маньчжурии, по границе с Кореей, вдоль реки Ялу, особые заслоны, под видом коммерческих предприятий, и таким образом иметь возможность защищать свои интересы в Корее и установить противовес японскому влиянию. Для этой цели владивостокский купец Юлий Бринер получил у корейского правительства лесные концессии на реке Ялу, и в 1901 г. концессия была продана организованному с казенной субсидией в 2 млн. «Русскому лесопромышленному товариществу», членом правления которого и стал Безобразов. Деятельность российских лесных концессий на Ялу была воспринята в Японии как агрессивная попытка России закрепить свое военное присутствие на севере Кореи. В разрешении русско-японского конфликта Безобразов придерживался жесткой позиции, ратуя за военно-политическое усиление России на берегах Тихого океана, добился приостановки эвакуации наших войск из Маньчжурии.

³ 16 сентября 1904 г., в день официального вступления в должность, министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский в своей речи сказал: «Плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и населению вообще». В этот же день в повестку дня предстоящего Земского съезда был включен вопрос о желательных изменениях в государственной жизни. Министр внутренних дел, считая, что на съезде земцы займутся обычными хозяйственными вопросами, получил от Государя Николая II разрешение на съезд. Когда же в правительстве узнали о внесении вопроса о конституции в программу съезда, было уже поздно отменять его проведение. Тогда Шипов испросил разрешение на частное совещание, которое и было получено.

князь Шаховской, князь Долгоруков, князь Трубецкой, Львов и прочие¹. Земцы приглашены **без** ведома земств и в состав съездов кооптированы интеллигенты. Это не оппозиция, а **заговор**, первое гнездо, преемственно давшее 1917 год, Родзянко, Гучковых, Милюковых, Керенского, Ленина и прочих. Этот заговор организован придворными, титулованными, с ведома бюрократии.

В этом его интерес и **глубочайшая предательская сущность**. Мундиры, титулы, два-три предводителя и чиновники защищают строящуюся за ней революционную организацию и всю интеллигенцию. Они почти все учредители «Союза освобождения» и штутгартского журнала Струве – «Освобождение», который клеветнически, жестоко и грубо поносит Государя и строй².

Группа эта — самозванная и не избранная земством, созвана явочно, но рекомендуется Государю министрами как земская. Предательство многократное. Государь обманут, и он примет у себя депутацию как земскую, и лишь этим создастся ее авторитетность.

Обманут народ, земство и дворянство, так как ни то, ни другое их не избирало, и большинство и не знало о происходящем. Но хроника и история, **скрыв правду**, наложили тень на участие в первом заговоре и земства, и дворянства, и доверие к ним Государя этим поколеблено.

В трагедии этого подлога есть и комическая сторона. Бюрократия не только не сплывается в свою очередь и не протестует и не разоблачает обмана, но министры открывают Московскому съезду двери министерства, и там, у Чернышева моста, 6 ноября 1904 года – правительству, а через него и Государю, компанией самозванцев, двумя резолюциями съезда ставится ультиматум. Резолюции эти: все свободы, конституция и прочее. Общественность выявляет свое полное и грубое политическое невежество, договариваясь до свержения государственного строя, так как вто-

¹ Частное совещание земских деятелей под председательством Д.Н. Шипова, ставшее первым легальным Земским съездом, проходило не в Москве, а в Петербурге 6–9 ноября 1904 г. Съезд выступил за введение в России парламента, свобод и конституции, хотя эти слова открыто в резолюциях не употреблялись.

² «Союз освобождения» – нелегальная политическая партия, учрежденная в Швейцарии в 1903 г., включавшая в свою программу создание в России конституционной монархии, введение всеобщего избирательного права, права народностей на самоопределение, принудительное отчуждение частновладельческих земель, проведение нелегальных земских съездов. Тактика «освободителей» состояла в атаке на принципы самодержавия с помощью публичных массовых кампаний. Ядро организации сформировалось из сторонников журнала «Освобождение» (основан в 1902 г. П.Б. Струве после его эмиграции за границу; редакция располагалась в Штутгарте, с сентября 1904 г. в Париже), ставящих своей целью объединение противников самодержавия для установления конституционного строя в России.

рая резолюция требует выборов на основании **всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов**. Схема эта еще нигде не принята в мире. Ео ipso¹ съезд ведет к анархии, республике, и уже в 1904 году по этой схеме мог бы пройти Ленин!

Не споря, не защищаясь, бюрократия осела, как тина. Государственное право упразднилось. Строй свергался в стенах министерства в присутствии многих чиновников, и **весь заговор и подлог остались безнаказанными**. Измена и ничтожество правительства и бюрократии — очевидны, и она повторится в 1915 году в блоке и в феврале 1917 года в панике министров. Государь обманут правительством, вступившим в соглашение с самозванным заговором с целью свергнуть государственный строй.

Общественность, и министры, и окружение утверждают, как и в 1917 году, о необходимости переворота, несмотря на то, что страна совершенно спокойна. Неустройство экономическое, вызванное политикой Витте и Плеве, устранялось реформами Особого совещания 1901 года. Труды его еще не были уничтожены. Острых кризисов быть не могло, и государственное хозяйство было устойчиво.

Война при терпении и настойчивости могла кончиться удачно. Не было ничего, что могло бы быть причиной революции. Народ был повсеместно спокоен.

Все было ложью в этой эпохе. Лгут заговорщики, лжет князь Святополк, лжет Витте, лжет печать, лгут и обманывают чиновные.

Перед Государем вставал вопрос: кому верить? Все кругом него утверждало необходимость уступить, идти на перелом истории или ввести диктатуру.

Государь остался покойнее всех, он ждал полгода и Манифестом 18 февраля 1905 года возвестил будущий созыв Государственной Думы.

Государь опирается на старую испытанную императорскую систему управления, завещанную предками, и верит бюрократии. Он защищает свое правительство, идет навстречу преобразованиям. Знал ли Государь несовершенства этой системы? Знал, но ему справедливо казалась непреложной и история, и государственное право, и сила правительства и окружения. И как уже сказано, страна шла вперед, считалась могущественной, и при богатстве были все возможности развивать все производительные и духовные силы народа; податного напряжения никакого нет².

¹ Тем самым (*лат.*).

² Наши налоги до 1917 г. — самые легкие в мире. Основной налог казны на землю не превышает в среднем 13 коп. с десятины. Земские налоги в среднем выводе не превышают 52 коп. с десятины. С 1913 г. государственные доходы с 2800 млн. доходят к

Историк не посмеет обвинить Государя в ошибочности его **общего** взгляда на положение и не может отрицать его права опираться на систему и предоставление бюрократии инициативы финансового и политического управления. Государь считается с тем, что перед 1905 годом почти весь правящий класс в унисон с обществом утверждает неотложную необходимость представительного строя.

Проверив все доводы, предоставляя той же бюрократии ввести новый закон, Государь вправе ожидать от общества признательности; от министров – охранения в стране порядка и работы; от Думы – творческого дела.

Государь имеет все основания полагаться на верность народа и части общества. Он не знает, что приверженцев защиты монархии и его личности окажется немного, он не знает, что присяга принимается лишь как форма службы. Он не допускает мысли, что кругом него создаются планы разрушения и никто и не мыслит о плане защиты власти и России.

VIII

Наступает 1905-й – предтеча 1917 года. Вместо признательности и дела, общественность и Дума отвечают революцией. Заговор, натравив улицу и рабочих, благополучно спрятался. Правительство охранить порядка не в силах, и о спокойной законодательной работе нет и речи. Война неудачна, и печать рвет и мечет против власти. Начат полный поход против монархии. К осени революция в разгаре. **Спокойная** до 1905 года деревня начинает в Поволжье жечь усадьбы (саратовская – первая)¹. Начались солдатские и фабричные бунты. Забастовка железных дорог. Но к октябрю 1905 года революция всюду утихает. Войска верны, и улица легко усмиряется. После ноябрьских съездов первого в России Союза землевладельцев и монархических организаций в Москве начинается серьезный рост этого движения².

1914 г. до 3500 млн. Прямые налоги – всего 270 млн. Косвенные подняты на 70 млн. Разоряет народ доход акцизный (водка), в 1913 г. доведенный до 870 млн., и мелочная мошенническая торговля. – *Авт.*

¹ Саратовская губерния в 1905 г. выжжена в усадьбах больше всех. Более всех пострадали усадьбы либералов. – *Авт.*

² 17 ноября 1905 г. в Москве прошло совещание крупнейших помещиков, съехавшихся из 33 губерний, и было объявлено о создании «Союза землевладельцев». Союз обвинил Витте в «недостойной политике, опирающейся на революционные силы» и потребовал немедленно «успокоить и водворить мир в сельских местностях», используя власть, «не ограниченную в средствах суда и расправы». В ноябре 1905 г. была создана и крупнейшая русская монархическая организация «Союз русского народа».

Но заговор не дремлет. Со смертью Великого князя Сергея Александровича¹ в окружении Государя, кроме твердого принца А.П. Ольденбургского и еще двух членов семьи, у Государя советников нет. Все окружение растеряно. Государю доложено ложно о ненадежности войсковых частей. Преувеличены бунты провинции. Министры и администрация не умеют справиться даже с утихающими волнениями, и близкие к Государю люди панически требуют от него полной конституции и всех свобод.

Государь верит. Не может не верить большинству. Кругом него паника. Он не может видеть доблестную неустрашимость и распорядительность некоторых губернаторов, как В.Ф. Лауниц. Ему говорят, что правое движение вздорное, и бюрократия делает свое дело: впопыхах, непродуманно Государю подается к подписи акт 17 октября. Дума и свободы даны.

Но Государь, изменив текст, оставляет за собой самодержавие.

В этом решении залег глубочайший государственный смысл. Государь сохранил для будущего это живое и неумирающее в России право.

На эту-то его **волю** немедленно после акта 17 октября и тогда уже совместно с международным заговором (массовый привоз оружия из Англии, Америки и Франции) бешено отвечает последней вспышкой город.

Совершенно потерянный Витте передает права управления Дурново, и этот хитрый и смелый сановник без особого усилия, двумя-тремя военными натисками подчиняет улицу и общество, а деревенские бунты, вспыхнув в трех губерниях, прекращаются **сами собой**.

Четверо решительных людей остановили бунт 1905 года. П.Н. Дурново в столице, в армии Ренненкампф, в Москве Мин, в провинции и в столице Лауниц. Последние оба – убиты.

О «работах» господ Булыгина и Витте по изданию закона о Думе не стоит говорить, столь мало они значительны и продуманы. Мало примечательно и Петергофское совещание 1905 года², доказавшее лишь глубокую рознь, робость и неискренность правящего класса и окружения. Бюрократия сдалась по всему фронту. Ее престиж до некоторой степени

¹ Московский генерал-губернатор, Великий князь Сергей Александрович был убит 4 февраля 1905 г. в Москве на Сенатской площади Кремля у Никольских ворот: террорист-эссер Иван Каляев бросил бомбу в карету Сергея Александровича.

² На совещаниях, прошедших в июле 1905 г. в летней резиденции Царя – Новом Петергофе, был рассмотрен проект Законосовещательной думы, разработанный министром внутренних дел А.Г. Булыгиным. Итогом совещаний стал Царский манифест от 6 августа 1905 г., утверждавший положения о выборах в Думу (правом голоса наделялись лишь ограниченные категории лиц: крупные собственники недвижимых имуществ, крупные плательщики промыслового и квартирного налога, и – на особых основаниях – крестьяне, которым отдавалось 49% всех выборщиков). Выборы в «Булыгинскую думу» не состоялись.

спас случайный сановник Дурново, и после него вплоть до 1917 года выступит единственная крупная и доблестная личность – министра Столыпина.

Наступившая эпоха Дум дает обычную картину в истории парламентаризма¹. Если недовольство прежде бродило в обществе, то теперь оно собралось и получило свой дворец, свой жертвенник-трибуну, около которой возносился всякий злобный, кощунственный вздор, заглушавший единичные голоса разума и дела. Работы некоторых комиссий Думы были почтенны, но пленумы были ристалищами злобных партийных схваток и безудержным глумлением над правительством. При этом последнее, кроме сильной самозащиты Столыпина, проявляет полное неумение защитить себя и власть и не имеет ни убежденности, ни ораторского дарования, ни смелости². **Голоса правительства страна не слышит вплоть до 1917 года.**

Подпольная пропаганда сменяется «законной», из Думы. Выборгское воззвание и иные выходки кончаются разгонами, выборным законом 12 июня и новой Думой, якобы законопослушной³.

Однако, как ни сильна пропаганда Думы, как ни разносится она по стране, население, кроме общества и рабочих, не воспринимает ее злых призывов. Больше того: интерес к ней охладевает в силу как бездарности ее лозунгов, **так и глубоко мирного духа народного.**

Деревня одно время прислушивается к Думе, но с 1907 года занята новым земельным устройством, покупкой земли, благодаря повышению цен на хлеб, и налегает на работу. Дума блекнет. Надежд на ее творчество нет. Столыпин содержанием своих великолепных речей почти исчерпал программу строительства своего времени, и больше его и глубже сказать было некому. Он опасно медлит лишь с широкой местной реформой по причинам, о которых сказано будет в другом месте.

С его смертью⁴ Дума становится свободной. Перед ней задача как-нибудь существовать и не быть совсем забытой народом. Она спасти себя

¹ Манифест 17 октября 1905 г. устанавливал новую компетенцию Государственной Думы: из совещательного органа она становилась законодательным органом. Первое заседание Государственной Думы первого созыва состоялось 27 апреля 1906 г. в Таврическом дворце Санкт-Петербурга.

² Наиболее твердыми министрами эпохи почитались: Рухлов, Трепов (А.Ф.), Кассо, Риттих. – *Авт.*

³ Первая Дума была распущена указом Императора от 8 июля 1906 г. Вторая Дума работала одну сессию: с 20 февраля по 2 июня 1907 г. и была распущена 3 июня 1907 г. Одновременно с указом о роспуске было опубликовано новое Положение о выборах в Думу. Третья Дума проработала весь положенный пятилетний срок: с ноября 1907 г. по июнь 1912 г.

⁴ 1 сентября 1911 г. в Киевском городском театре, где присутствовали Император с семьей и приближенными, на премьер-министра Столыпина было совершено покушение: секретный агент охраны Дмитрий Богров дважды выстрелил в него. После

может лозунгом – «революция». По мнению бюрократии – законопослушная, она окажется на высоте доверия и русского общества, и Интернационала – предаст Россию.

В последнюю эпоху царения Государь совместно с Столыпиным, не принадлежавшим к бюрократии, подымает силы страны. После 1905 года крестьянство само отвергает мысль о бунте и берется за дело. Владычье-ское и крестьянское хозяйство делают успехи. Успехи эти местами таковы, что хозяева Запада могли бы у нас поучиться. Экспорт зерна достигает миллиарда пудов¹. Не финансист Столыпин, оставляя прежнюю систему, предоставляет промышленности льготы и свободу развития. В планы Государя входит погашение долгов. Несмотря на помехи Думы, придирки и бесконечные запросы, ведомства начинают работать нормально.

Государь спокоен. Правовое землевладение автоматически обогащает страну. Дума, теряя при собственности революционную почву в деревне, больше не опасна, и Государь убежденно оставляет ее и выражает ей доверие.

Наступившее благополучие выводит из себя общество, и главенствующая партия Народной свободы резко склоняется к социализму и ведет поход против земельной реформы. Партия – в контакте с международными заговорами. Старые шиповские круги и петербургская англосаксонская снобическая знать и промышленные круги опять содействуют радикалам. С ними же – **большинство** бюрократии и интеллигенция. Примечательно, что с этой эпохи постепенно устанавливается связь общества с окружением и некоторыми членами Царской семьи. С 1905 года, когда определилась полная безнаказанность заговора (репрессии и временный военный суд после покушения на Столыпина ничтожны по числу казней), – начинает работу зарубежная организация. В Женеве, в Германии, Англии и в Париже – совместное действие групп социалистов. Наша полиция знает лишь некоторые узлы, но не знает ни корней заговора, ни вожаров в кругах заграничных капиталистов и правительственных лиц. Полиция и разведка, после умного Рачковского, при ничтожных расходах на розыск и при наличии Азефов – Мануиловых, почти ничего не знает. Состав разведки бездарен. Еще менее знает дипломатия; снобическая и не имея в личном составе ни одного сильного

ранения Столыпин повернулся в сторону Царя, перекрестил его, потом опустился в кресло и произнес: «Счастлив умереть за Царя». 5 сентября от полученных ранений Столыпин скончался.

¹ Наш экспорт 1904–1914 гг.: средний вывод: зерна 62%, продуктов мясных 15%, леса 8%, спирта 3%. Таким образом, сельское хозяйство дает к вывозу 88%, а из остающихся 12 – экспорт промышленного изделия не превышает 8%. Из 88% продуктов сельского хозяйства 72% принадлежит крупному землевладению. – *Авт.*

или талантливого, этот корпус существует для карьеристов и сибаритов. Заграничная дипломатия, капиталисты и социалисты крутят наших представителей вокруг пальца, а с другими, как Извольский и его друзья, готовят Россию к новому перевороту.

Эпоха 1907–1912 годов – сложение этих заговоров. Террористические акты отложены. Устранен (агентом полиции) один Столыпин, и заговор против России принимает мировой масштаб.

Сознав невозможность вновь поднять крестьян, **заговор берedit международные отношения. Поднят славянский вопрос; заработала печать. Дума вступает за славянство.** Общественники и депутаты посланы в славянские земли. Английская и французская печать сочувствуют этому движению.

Государь оставлен в полном неведении замыслов этих организаций.

Революция 1905 года забыта и ничему не научила.

Со смертью Столыпина авторитет правительства падает. Преемника он сам себе не находит, и посредственности, его сменившие, защитить Царя и России, как Столыпин – не сумеют. Историк у придется взять список состава сановников той эпохи; из него явствует, что сильнее или лучше тех, кто были наверху в 1917 году, – не было.

Столыпин был крупнейшим лицом последнего царствования. Последний сановник-барин, презиравший смерть. «Царю, народу, Церкви – друг»¹. По смертельном ранении его первый жест был осенить крестом Государя.

Движение это заветно для верного Царю поместного дворянства.

IX

Мог ли Государь в помыслах своих опираться на нацию?

Мог, основываясь на отношениях народностей к его предкам, проявлениях **искренней** радости при его появлении, верности войска, крестьянства и так далее.

Государь шел навстречу благоразумным желаниям народа.

Верны были короне южане и восточные народности; враждебнее, но до конца лояльны и Польша, и Финляндия.

По классам: Государь никогда не выделял дворянства. Никаких особых привилегий дворянству не дается, и само **поместное** дворянство ничего

¹ См. стихотворение Г. Державина «Вельможа». В нем есть такие строчки:

«Я князь – коль мой сияет дух;
Владелец – коль страстьми владею;
Болярин – коль за всех болею,
Царю, закону, Церкви друг».

не просило. Провокаторский жест Витте в 1896 году отпуска кредита по губерниям в 200 тысяч рублей принят был дворянствами холодно. Двенадцать губерний отказались от кредита, остальные внесли деньги Красному Кресту.

В отношениях Государя к дворянству осталось тяжкое недоразумение: чиновное дворянство было совершенно оторвано от поместного, и весь дух его был иной. Связь искусственно поддерживалась десятками титулованных дворян, наезжавших из столицы в провинцию и в земство. Лишь с 1906 года бюрократия спохватывается и ухаживает за объединенным дворянством, а кооптируемые в эту явочную организацию чиновники роняют и ее значение, разлагая дух поместного дворянства.

Государю угодно было понимать дворянство не как одно поместное, а как всех носящих это звание, и в этом была роковая ошибка по вине как дворянств, не сумевших разграничить поместных от чиновников, так и правящего класса, **отстранявшего** Государя от бескорыстно верного ему поместного класса. Из 39 дворянских обществ оппозиционных было 2, благоразумно либеральных 11 и неуклонно преданных 26. Многие обращения дворянства замалчивались правительством и печатью. Исторического значения обращения дворянств: саратовского в 1894 году и позже тульского и курского – остались без внимания и не были поддержаны остальными. Многие дворянства вплоть до 1917 года повергают свои чувства к стопам **самодержавного** Государя.

За всю эпоху дворянство ни разу спрошено не было. Желание таких обращений к дворянству и к земству у Государя было, но три раза было отведено правительством.

Если такие обращения и не имели бы решающего значения, то имели бы огромное влияние на весь характер отношений поместных сословий, и заговор 1904 и 1917 года не мог бы иметь места. В 1904 году происходит преступное: самозванному заговору Шипова сочувствуют предводители, князь Трубецкой, граф Гудович и другие, и съезд 21 предводителя, собиравшихся тоже без **ведома** дворянства, служит опорой и Витте, и радикалам.

Объединившиеся 12 предводителей, сторонники самодержавия и экономических реформ, подав Государю записку, влияния не имели.

Действие групп Шипова и князя Трубецкого создает недоверие Государя ко всему сословию, которое не давало предводителям полномочий и само обмануто. К 1910 году поправеют все 37 дворянских обществ, но у Государя сомнение останется, и ему памятно Петергофское совещание, на котором несправедливое и огульное обвинение дворянства Великим

князем Владимиром Александровичем и бюрократией осталось не опровергнуто¹.

Историк обязан точно установить, что поместное дворянство как таковое (и земство до 1905 года) не было спрошено, и что верность его большинства самодержавию была вне сомнения; и второе: в заговоре 1904 года против государственного строя во главе организаций стояла знать бюрократическая и столичная совместно с неуполномоченной никем группой земцев и дворян, тоже в части титулованных...

Российская знатная Жиронда², добавляю я, отличается своей гибкостью: она будет менять окраску. Когда начнут жечь усадьбы – будет молить о защите и кинется в объединенное дворянство. Позже устремится в Думу и Совет и вновь начнет интриговать и разлагать. Примкнет к знаменитому блоку 1915 года – первому сигналу революции. Больше всех будет клеветать на Государя в своих салонах и готовиться к перевороту.

Безупречные и верные монархии люди «света» будут молчать...

Поместное дворянство обмануто, но виновно, так как с 1904 года не сумело решительно **отмежеваться от бюрократии** и удалить из своей среды знатных и незнатных предателей. Стоя на сторожевых постах земли, выполняя до конца свой долг служения Государю и народу, примером в хозяйстве и безвозмездно в земстве **поместное дворянство** будет первой жертвой обмана общества и его заговора. Разъединенное по губерниям и не полно представленное в объединенной организации дворянство **не подает голоса и первым, и тяжелее других отдано будет в жертву революции...**

Энергично складывается оппозиция, а позже и заговор промышленников. Правительство, не давая³ **ничего** сельскому хозяйству, сжимая

¹ Великий князь Владимир Александрович, обращаясь к одному из защитников идеи о необходимости преобладания дворянства в будущей Думе, сказал: «Позвольте Вас спросить: к какому сословию принадлежат князья Долгорукие, Трубецкие, Голицыны, Шаховские, Кузьмины-Караваевы, Петрункевичи?.. Они дворяне. А что говорят и пишут?» Большинство перечисленных Великим князем имен принадлежали либеральным деятелям, которые говорили и писали о необходимости ограничить самодержавие, сделав правительство ответственным перед Думой, а не перед Царем, дать стране традиционный перечень буржуазных свобод со всеобщим избирательным правом, неприкосновенностью личности и, наконец, разрешить аграрный вопрос на базе «принудительного отчуждения» части помещичьих земель в пользу крестьян (Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981).

² Жиронда – здесь: партия, склонная к сделке с противником.

³ Из всех сумм кредитов лишь от 5 до 7 % поступает на сельское хозяйство. С 1895–1907 гг. на землеустройство отпущено государственного кредита 10 млн. руб. и за тот же срок мелиоративного кредита 3 млн. руб. (по 3 коп. на душу населения). С 1909 г. предположено кредиту 20 млн. руб. (по 14 коп. на душу) и ежегодно по 9 млн. руб. (по 5 коп. на душу). В то же время Пруссия дает кредиту 768 млн. Америка по 60 руб. на душу, Германия по 35 руб., Франция по 28 и т.д.

средствами земство, дает все индустрии. Двери казны широко открыты, и правительство порой унижено просить у Москвы сочувствия и поддержки. Помню Москву 1905 года: съезд землевладельцев и первый раз поставленный в упор вопрос о собственности. С какой злобой и пренебрежением отнеслась Москва к съезду и этому вопросу. «Что доказывать вздор – что два и два четыре!», «Нас это не касается!», «Конечно надо дать мужикам помещичью землю» – громко велись разговоры.

Облагодетельствованные монархическим строем промышленники – всегда в оппозиции, всегда за политическую революцию, всегда за интеллигенцию, и всегда против «гуманных» мер власти к рабочим...

Морозовы, Рябушинские, Коноваловы – с ними Гучков, Сытины, князь Львов, Астров и печать формируют в Москве вражеский дух к монархии и к личности Государя. Тут Минина не найдется... как не оказалось Пожарского. За промышленниками стоит европейская биржа, банки, грюндерство, комиссионерство, иностранцы, евреи, профессура, печать, артистический мир, вплоть до всяких подпольных театров и ресторанов. В разных Кюба и клубах в Петербурге знатно, а в Москве у Яра и в Эрмитаже¹ плетется злоба на власть, клевета на Государя, и успехи с 1915 года «земгоров» и «комитетов» приведут к 1917 году.

Очевидно, что полиция, гоняющаяся за эмиграцией и подпольем, не смеет и помыслить тронуть ни придворных титулованных заговорщиков, ни московских радикалов и купцов.

В то же время в провинции и частью в столице тысячи и тысячи торговцев, вне движения и заговора – верны старине, верны Государю², и историк ошибется, огульно сопричислив торговцев к оппозиции. Провинция и дворянская, и купеческая лишена голоса. Ее никто не спросит. Ее никто не сумеет толково организовать. Бюрократии нет до нее дела.

Государь высоко милостив и расположен к торговому классу, но как и со всеми, ровен и сдержан. Знаки внимания его – часты.

Получая с 1914 года громадную наживу от войны, призванные помогать власти, столичные промышленники возведут цитадели комитетов, откуда понесутся клики о ниспровержении Царя и строя; о углублении революции, а в 1918 году «неблагодарный» народ погонит и их за границу. Ропот оппозиции на старый строй сменится ропотом на новый. Раскаются одни, и непримиримо злобной останется группа других, не способных сознаться и думающих только о кармане. Оставшиеся дома промышленники ради

¹ «Кюба» (фр. Cubat), известный ресторан в Санкт-Петербурге; московский ресторан «Яр»; сад и театр «Эрмитаж» у Каретного Ряда – заведения, посещаемые богатой публикой, место встреч «золотой молодежи», любителей искусств, интеллигенции.

² Непокоримо верны старообрядцы и другие сектанты. – *Авт.*

наживы будут прислуживаться к воровской власти. Но в России, из среды торговцев и людей провинции, отберется крепкий отсоек, который организует ко времени местные силы для последней борьбы. Торговцы из областей помнят и повторят Минина.

Если старые сословия делятся на верных и неверных монархии, то в интеллигенции вражда к строю была вековая: ее армия выросла и выступила к 1905 году. Третье сословие работало не покладая рук на революцию, и, скрываясь за спиной «знатных» заговоров и самостоятельно, с 1917 года, – интеллигенция возьмет в руки власть.

Консерваторы-интеллигенты, как Тихомиров, Никольский, Величко, Булацель, Пуришкевич, Дубровин и иные, были наперечет. С 1906 года они не без успеха помогают организовать улицу и до 1908 года создадут довольно сильные союзы.

Но эти вожаки пренебрегают экономическими вопросами. Их тактика – организация толпы. Союзы правой интеллигенции вместе с рабочими насчитывают одно время десятки, может быть, сотни тысяч, но остальная вся интеллигенция и рабочий класс – революционны.

От проповедей графа Толстого до гнусного писания Горького – интеллигенция разносит безбожную молитву революции. Призыв разбоя донесется до 1917 года, затронув большую часть интеллигенции в офицерстве, которые превознесут Керенского и Гучкова, творца приказа № 1, покорно принятого генералом Алексеевым.

Итальянское *farà da sè*... и гордое французское *ça ira*¹, как и предостерегающее *Wacht am Rhein*, недоступно толще нашей интеллигенции. Она была по духу интернациональна и военно-пораженческая. Она сплочена и руководится умным еврейством. Для значительной части интеллигенции слова – нация, государство, вера, история – пустые звуки, а монархия – ненавистна до скрежета зубов.

В 1905 и в 1917 году интеллигенция пластом отвалится на крайнюю левую грань и повлечет и армию, и народ к позору и гибели. Она срослась с большей частью бюрократии и профессуры, она выросла на заблуждениях и на клевете печатного слова целой эпохи, она включила в себя все профессии, втянула отщепенцев личных дворян и знатных дегенератов под «Ставрогина», и в один голос будет петь и «Марсельезу», и «Сарынь на

¹ *Italia farà da sè* (*итал.*: Италия сама управится) – девиз борьбы Италии за независимость в 1849 г.; *ça ira*! (*фр.*: Дело пойдёт!) – песня-гимн Великой французской революции 1789 г.; *Wacht am Rhein* (*нем.*: Стража на Рейне) – немецкая патриотическая песня периода Франко-прусской войны, также была популярна во время Первой мировой войны.

Кичку», не думая о завтрашнем дне и о Родине. Интеллигенция ленивая и дерзкая и, кроме того, помешана инородцами. Ею руководит желание пасть ниц перед социализмом, ее влечет даже не нужда и не бедность, которой в России быть не может, и не народничество, а злое озорство. В ней помешана верховенщина вместе с ставроговщиной¹. Оттого такой молниеносный успех революции. За Россию не оказалось никого. Наверх интеллигенция выбросит собирательные типы Керенского, Ленина и прочих. На интеллигенции остановилась грань к народу. Она пыталась быть его учителем и равняла его на себя. Интеллигенция наша не из народа, а из «жилых помещений» – городов: она накрыла народ сверху. Она же слилась с обществом, от камергера Родзянки до Ленина, и узаконена тем городовым, который, наводя порядок в толпе, окликает: «Публика вперед – народ, осади назад».

Народ, наконец, не послушался, насел вперед, поглотив публику. Ленин осадит назад и народ, и публику, взяв всех в «железо». Правительство боролось с массой интеллигенции помощью сотен чинов полиции, среди которой такие же интеллигенты – Азефы, Лопухины и Манусевичи. Очевидно, такая борьба была бессмысленна.

Историк должен изучить ход движения интеллигенции всего XIX века и установить: могла ли бы она без общественного, светского заговора 1904 года дойти до 1917 года и его октября?

Не могла, и исток всего движения – в так называемом высшем обществе.

Отношений к интеллигенции у Государя нет никаких. Государь любит учащуюся молодежь и прощает ей многие выходки. Государь всемерно сочувствует науке, и его мечта – всеобщее образование. Витте три раза выслушивает это Высочайшее пожелание и каждый раз отвечает, что государственные средства этого не допускают.

Государь приветствует всякое открытие, все значительное в литературе, искусстве, музыке и в технике. Читая подпольную прессу, Государь неуклонно озабочивается улучшением быта рабочих, знакомясь с его неустройствами. Наше рабочее законодательство в его царствование по гуманности ушло во многом вперед западного, и Государь настаивает перед Витте и Тимирязевым идти дальше вперед и взять некоторые образцы германского закона. На докладе тульского предводителя А.А. Арсеньева Государь ему говорит, что для него «все классы равны и он особо озабочен бытом рабочих». Государь сам ищет путей улучшения, но в истории Зубатова, Гапона и иных бюрократия сминает вопрос и неспособна по-

¹ Петр Верховенский и Николай Ставрогин – герои романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

дойти к нему целесообразно. Радикальные промышленники на уступки не идут, и министры, не смея их раздражать, не настаивают.

Число рабочих по отношению к крестьянству – ничтожно¹, но они скоплены в центрах. Общество обещает дать рабочим «свое» гуманное правительство и сулит им рай. Слушая общество, рабочие идут на баррикады, идеально бастуют, по-учая своих западных товарищей приемам революции.

Имея всю власть и силу беспощадно карать бунтовщиков, Государь самым решительным образом противился массовому террору. Число наказаний, даже полевых судов при Столыпине – ничтожно. Число политических ссыльных, по статистике, падает сравнительно с девяностыми годами на 37%.

Государь противится укрощению массовой силой, ограничиваясь даже в 1905 году карательными отрядами в Москву и в Ригу, посылая в провинцию «уговаривающих» генералов без войска.

Государь озабочен бытом ссыльных и добивается его смягчения. Никакого иного шага, кроме терпения и милости к расплывчатому классу интеллигенции, Государь сделать не может, предоставляя правительству найти способ законной защиты государственного строя.

Бюрократия не имеет плана борьбы и защищает строй, злоупотребляя правом чрезвычайных и усиленных охран, предпочитая их законному коронному и военному суду. Интеллигенция осуждена гением русской мысли Ф.М. Достоевским. Для него либерал, западник и интеллигент – «наrost на русской нации». Достоевский угрожал, предостерегал, и его не послушал никто. Бюрократия и общество не сумели спасти народ от пропаганды интеллигенции, и бюрократия превратилась в нее.

В 1917 году, видя на своей стороне штык, рабочие откажутся от опеки интеллигенции и, взяв власть в свои руки, благодарно передадут ее – космополитическому интернационалу.

На терпение и милость Государя рабочие и интеллигенция ответили ему ненавистью.

Х

Отношение Государя к крестьянскому сословию совершенно ясно. Он глубоко, реально его любит, и в нем любит Россию; любит народ в деревне, в армии, всюду, где бы ни проявлялась его сила.

¹ Заводских рабочих у нас (к 1880 г.) всего 2 млн. 900 тыс. (2%), из числа которых рудных всего 180 тыс. В те же годы крестьян-домохозяев – 17 млн., из числа которых 5 млн. покупали продовольствие; 3 млн. работало у помещиков. Таким образом, заводских рабочих и крестьян было всего 12 млн. К 1910 г. % рабочих тот же, не превышая 5. – *Авт.*

Неведомы останутся отношения народа к Государю. Народ таинственный, мистический? Полагаю, – ни то, ни другое. Простой и земляческий, скажу я, – домашний. Умный, – но **домашний**, оттого дальше своего носа не видит и сдвинуться никуда не может. Встать – не встанет. Сидит сиднем и копошится в земле. И много их... Мужики, показывая, что сзади много народу, говорят: «Там несколько народу»... то есть сто миллионов...

«Показать» эти деревенские ничего не могли. Солдаты – дети – показывали. А отцы сидели дома. Богу и Царю крепко верили. Законы соблюдали и подати платили.

Свободнейший из народов, русский, свободный во всем, был ограничен только общиной. Поздно, но никто иной, как Государь Николай II, дал народу и эту свободу. Поистине трагична в этом вопросе внутренняя борьба в самом Государе и те, кто удостоились его слышать и убедить-ся, как он великолепно знал крестьянский вопрос, знали, как тяжело ему давалась эта борьба. Государь боялся обезземеления крестьян и лишь поэтому колебался.

Любовь Государя к крестьянам – продолжение любви всех его предков XIX столетия. Любовь эта верная и ни разу не ослабевшая. Но Государь не **ищет** у народа популярности, как это делали и делают современные демократические монархи, не говоря уже о демократии. Однако ни лукавые намеки Витте, ни угрозы Кутлера и целого ряда лиц не сломают его решения, и даже в революцию 1905 года он не отдаст принудительно во имя спасения Короны 36 миллионов десятин частновладельческой земли¹. Этот акт бессмыслен, незаконен и **ничего не разрешит**. Государь на черный передел не пойдет. При наличии до миллиарда десятин свободной земли по всей России вопроса о малоземелье быть не может.

И разум народа это понял: крестьяне в 1905 году после вспышки аграрных беспорядков в Поволжье **сами прекратили бунты**.

И несмотря на все **препятствия**, чинимые земским отделом МВД, крестьяне, бросив бунтовать, переселяются с 1906 года в Сибирь и степи в числе более полумиллиона людей в год.

То же и в 1914 году: ни в одной местности во время войны нет и следов беспорядков. И в 1917 году, несмотря на обещание нового правительства отдать земли дворян, крестьяне лишь в редких случаях захватили земли, и только с октября, с появлением солдатчины и декретов брать землю, начался дележ, погромы и убийства.

¹ Из 36 млн. десятин исключаются 8 млн. лесных дач; так что за исключением неудобья площадь земли к 1917 г. не достигала 25 млн. (С 1880 г. по 1917 г. продано было дворянской земли 38 млн. десятин.) – *Авт.*

Я утверждаю, что как в 1905 году, так и в 1917 захваты, погромы и убийства совершались там, где толпу вели интеллигенты, рабочие или солдаты. И обратное – не будь влияния интеллигенции в России, не было бы ни захватов, ни насилий.

Как ни распущено было население слабой властью, как ни ослаблено общиной и забвением его нужд, **оно до последней минуты выказывает здравый смысл и совесть...** теряя ее, когда повальным окриком и гиканьем – «бери и грабь» – все кинулось на грабеж и дележ.

То же и с армией: никогда ее крестьянский состав при Царе не тронулся бы с фронта, не будь интеллигенции, и надо было быть теми людьми глупости и бесчестия, какими были первые правители в 1917 году, чтобы заставить армию так развалиться.

Веря крестьянству, Государь был прав; в нем одном, благодаря природе, быту, истории и вере, жила еще совесть, **и будь другое общество и сумей бюрократия вовремя начать осуществлять скромные сельские пожелания и сделать народ собственником, — история России была бы иная и Россия не была бы сегодня погублена.**

Вопрос народный – вопрос страшный. Я попытаюсь о жизни народа сказать в ином месте. Прожив всю жизнь в деревне, я утверждаю наличие совести и былую народную веру, высокий дух, сельскую честь и верность крестьян Государям. Не было случая неверности Царю. Пугачев – и тот ведет толпы именем Царя. Ни одна война, ни одно бедствие не вызывает в деревне ропота против Государя.

Отсюда и глубокая вера и верность государей к народу.

И сегодня, вникая в смысл событий, явствует, что символ «Царь и народ» в России – не пустой звук, а сила. Сломал эту силу, сверг Царя не народ, а продало и свергло его общество, и в очерке жизни Государя ему – носителю русской славы и бытия страны, – **противопоставлено было только общество.**

Интеллигентско-рабочее злобно. Все крестьянское добродушно, просто и сильно духом, и, если бы этим великим свойствам была дана поддержка, – охраняющая Россию сила была бы непобедима.

Злая мгла и роса цивилизации еще не осела в народ. Пропаганда на протяжении полувека оказалась бессильна. Начавшееся с 900-х годов так называемое «хулиганство» – зараза города – результат пропаганды, безвластия, слабости суда и влияния печати.

Надо было создать что-нибудь **огромное**, чтобы сломать дух, а с ним повалить в бучу интернациональной мерзости народ. План заговора был верен: зажечь сомнение в Царе – Думой. Через нее хлынуть в народ мол-

вой, клеветой, и вовлечь страну **в войну**. Вооружив народ, бросить в него идею бунта, мира и земли. Программа-«максимум» Интернационала, подкупавшего всячески наше общество, оказалась верной. Надо было сбить народ с пути стихийно, и с падением Царя у народа вырвана из рук Россия, которой воспользуются все свои и международные воры.

Октябрь 1905 года откликнется октябрём 1917 года.

Народ заслоняется от Государя сначала бюрократией, захватывающей его права, и, наконец, парламентом, ничем не выражающим ни сельского народа, ни **интересов** страны. Парламент представляет лишь убеждения партий.

А когда общество – блоки и Дума – будут насиловать волю Государя, он на так называемую английскую форму конституции не пойдёт. Государь знает, как важно сохранить народу самодержавие, который признает лишь полноправную власть.

Видя такое «неслыханное упрямство», общество решает **«взять»** Монарха «живым», чтобы заставить его отречься в пользу другого, которого заставят отречься от самодержавия.

Падение России вслед за падением Царя показывает ту глубочайшую живую связь Царя с народом, которой существовала и строилась наша страна.

На сцене истории: Царь, общество и народ. Общество вышло сознательно из этой цепи. Оставшиеся две силы: Царь и народ – потеряли друг друга.

Оправдался принцип самодержавия. Без него кто угодно потянется на голову народа, но корней в народе не найдет. Корень подлинной власти – от глубин веков. Без Царя земля осталась одинокая. Началось возглавление народа с тряпьем вместо знамен и хоругвей. Началась **война города с деревней**¹, и она не прекратится, пока деревня не возьмет верха и не создаст правящего класса.

Государь полагался на народ, но не отдавал себе отчета, что народ ему помочь в час нужды не сможет. Он не мог ни позвать, ни спросить народа. Не было вечего колокола, не было ни верных гонцов к народу, ни посредников. Зато набатом для созыва революции будет Дума: ее назначение – призыв к крови.

Императорская система обезличила и слила все области, и они были безгласны и недейственны.

Опорой своей Государь считал армию. После своего прадеда Государь Николай II более всех к ней близок. Он живет ее интересами и влагает душу в военное дело.

¹ См. «Записки землевладельца». Н.А. Павлова, издание Суворина 1911 г.; и доклады объединенного дворянства 1908 г. (член совета 1906–1914). – *Авт.*

Но век распушенности, брожений, новых идеологий и классовых перестроек кладет отпечаток на дисциплину, на дух войск и на традиции.

В 1904 году оказался возможным самовольный отъезд с фронта генерала Гриппенберга¹. Возможен был генерал Стессель², бунт преображенцев³, бунты в Сибири и другие случаи. В Японскую войну не оказалось талантливого командования. Дисциплина падала, завелась военная бюрократия, не придававшая дисциплине решающего значения.

Суворовых, Кутузовых, Радецких и Скобелевых не появилось.

В рядах армии были образованные, храбрые генералы, но никого, кто бы обладал даром народного вождя. В армии не появилось военного «Столыпина» с его героической напряженностью и смертью – «за Царя и великую Россию».

Строгое равенство, порядок производства, большая официальность – качества, но они составили однородность командующей массы.

Однако, несмотря на ослабление дисциплины, организация армии в 1914 году оказалась на высоте. Мобилизация прошла бесподобно, и готовая немецкая армия натывается на сильное сопротивление.

Командный состав был хорош. Кадровое офицерство и войска отличны. Неудачи 1915–1916 года не мешают в 1917 году восстановить фронт, и десятимиллионная армия была готова к последнему наступлению в апреле.

Глубоко взвесив все условия войны, не **теряясь ни минуты при тяжелых неудачах**, Государь берет на себя командование. Окружает себя людьми выдающихся способностей, не считаясь с их убеждениями и своими симпатиями. Возглавляя армию в такую войну, Государь проявляет громадную волю и решимость.

Государь верит генералитету. Выказывает огромную выдержку и устойчивость своих отношений и твердо идет к победному концу.

¹ 12–16 января 1905 г. 2-я Манчжурская армия под командованием генерала Гриппенберга потерпела неудачу в операции при Сандепу. По мнению Гриппенберга, провал наступления стал следствием его разногласий с главнокомандующим Куропаткиным. Не находя возможным оставаться долее на своем посту (из-за лишения его «самостоятельности и инициативы» и «невозможности принести пользу делу, которое находится в безотрадном положении»), 17 января он телеграммой испросил Высочайшее разрешение на отъезд из армии, на что получил согласие Государя, и 12 марта 1905 г. был отчислен от командования 2-й Манчжурской армией.

² Комендант крепости Порт-Артур генерал Стессель 23 декабря 1904 г. «сдал крепость японским войскам, не употребив всех средств к дальнейшей обороне», как было сказано в обвинительном заключении.

³ В июне 1906 г., после восстания моряков в Кронштадте, солдаты 1-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка написали петицию с политическими требованиями. Петиция с требованиями преображенцев, подвергшихся революционной пропаганде, была напечатана в большевистской газете.

Ненавидя врага, он веряет Россию и себя в руки страстно любимого им войска.

В армии он не видит «общества» и не боится интриг и разложения. Он знает слабость и бессовестность тыла, но слышит, что армия презирает этот тыл, и за порядок в войсках Государь совершенно покоен.

Церковь – устой и надежная опора трона. Монархи **искренно**, просто и усердно берегли Церковь. Оттого и течение церковной жизни протекало смиренно и по старине. При Государе бюрократический Синод не дерзал затрагивать глубин религии. Не дерзал потому, что защитой ее устоев и живыми вдохновителями, хотя и не вмешивающимися в церковную жизнь, – были государи.

Соборное начало было желанно, и при Государе Николае II мы были накануне его осуществления.

Никакие попытки пропаганды – ни реформационные, ни католические, при царях были невозможны и Православие светилось утверждением истины, не вмешиваясь в политику.

Здесь не место разбирать возводимых на духовенство и Православие обвинений в слабом влиянии на дух народный. Вопрос этот слишком сложен. Озабочивал он и Государя, соболезновавшего, между прочим, бедности части сельского духовенства. Государь относился с особой осторожностью к затрагиванию основ здания нашей Церкви, – так прекрасна она была в своей истовой простоте и независимости от мира.

XI

В кратком перечне отношений слоев населения к Государю не исчерпывается вся картина эпохи, но она достаточна, чтобы видеть, что силы опоры Государя были значительны.

Нерусские племена государства, – кроме латышей и евреев – лояльны. «Великий Белый Царь» авторитетен для Востока. Даже поляки и финляндцы несравненно сдержаннее общества и улицы русских столиц, и в 1905 и 1917 годах, во время бунтов городов и армии, иноверцы и областники наиболее сдержаны. Кавказ до 1917 года мирен, за исключением нескольких политических партийных выступлений. Народы юго-востока и магометане – вернейшие племена.

Государь высоко ценит верность народностей. Он сдерживает усердие бюрократии в стремлении выявить власть в Польше и Финляндии и не сочувствует той части печати, которая требует репрессий и русификации.

К евреям Государь относится сдержанно, не увеличивая репрессий за агрессивные действия в печати и за границей. Он неустанно повелевает **не допускать** погромных движений народа, и те, кто осмеливается говорить о каком-то его сочувствии к погромам – презренные клеветники.

С конца 1890-х годов, в связи с эрой стремительного развития промышленности, государство нуждается в займах, и правительство поставило себя в зависимость от бирж и евреев – Ротшильдов, Шиффов и прочих. Витте и его последователи связывают вопрос займов с еврейским равноправием. Поучительны истории соглашений Шиффа–Витте в Портсмуте и обещания Витте; телеграммы Государю и прочее. На двукратную миссию действительного статского советника Виленкина в Париже и Нью-Йорке евреи отвечают, что получают равноправие от народа. Связь всей нашей политики с еврейским вопросом – очевидна. Политика займов привела к зависимости от Израиля.

Государь знает об этой зависимости, но как все власти всего мира, ослабить и избавиться от нее не в силах.

В обзоре отношений к России и монархии **иностраннных держав** всегда явствовало, а теперь очевидно – глубокое недоброжелательство большинства стран. Явно было пренебрежение, нежелание знать ни истории, ни строя, ни жизни народа. Не скрыто было и другое: зависть, страх перед нашей физической силой; презрение к нашему варварству и якобы деспотизму царизма и рабству народа.

Все сведения как самих иностранцев, так и передаваемые нашим обществом – были лживы, клеветнически подтасованы и невежественны. До сего дня ни нашей истории, ни сущности Верховной власти никто не знает. Никто не знает, что русский народ **жил свободной и независимой жизнью**, о которой и не снится на Западе. Неизвестны высота наших судебных учреждений земства, легкость нашей податной системы и многое другое. А это «многое другое» составлялось из удобств жизни, приволья и легкости добыть все необходимое, от отлично устроенного жилья, тепла и многих приспособлений, до свободы жизни и простора, которые делали жизнь сытой, широкой, легкой, оттого и ленивой. В целом ряде устройств жизни мы ушли вперед от Запада. Никто не знал, какими благами вольной жизни пользовались все классы, до крестьян включительно. Ценить мы ничего не умели.

Мы гордо считали себя частью Европы, а Европа нас никогда своей частью не признавала, возлагая на нас при случае тяжелые обязанности и не предоставляя никаких прав. Видя наши успехи, руководящие круги некоторых стран задались планом свести Россию на положение второстепенной державы.

Пророческих предупреждений Гоголя, Достоевского, Данилевского, Хомякова, Военского никто не слушал, и бюрократия и общество страстно тянулись к полной европеизации и – во многом чуждой нам – западной культуре.

Самой неудачной частью нашей бюрократии была дипломатия. На протяжении веков, и – вразрез с твердостью монархов – проявляется уступчивость, угодничество и раболепство чинов ведомства перед Западом.

На глазах дипломатии, без всякого противодействия, общественное мнение Запада встает против строя и монархии. На глазах наших послов русский заговор растет и сливается с иностранным. Господа Извольские, Поклевские и им присные светские снобы и англومانь раболепствуют перед Британией. Наши послы и министры, Тимирязевы и Витте – восхищаются Вильгельмом.

С 1911 года в Германии готов план разгрома и колонизации России, и с 1908 года англичане изучают план свержения царизма и расчленения нас республикой. Малые державы – пассивные участники этих планов.

Обе наши войны, благодаря дипломатии – внезапны, оттого так тяжелы. История раскроет систему готовящихся планов и образование западного международного заговора – блока. Как известны 70 миллионов немецких марок на компанию Ленина, так известно и многое другое. Важно точно узнать суммы, затраченные на наш переворот Англией и в Америке, и **весь** список русских участников.

Государь слабо осведомлен о сочувствии иностранцев русскому заговору.

Не теряя достоинства, он старался поддержать добрые отношения с коронованными братьями и родственниками, издавна готовящимися к выступлению против него и России. Высокие братья весьма нежны и доброжелательны в переписке. Их советы сердечны, объятия почти искренни, но они не посмеют шевельнуть пальцем для спасения Государя, и после революции – одни протянут руку воровской власти, другие сделают вид, что не знают о разрешении своих правительств торговать ворованным имуществом.

Побуждения монархов Запада и Государя были различны. Войну хотят парламенты. В узлы нитей социальных заговоров и интересов входят и выгоды капиталистов, чаянья социалистов, коммерческие расчеты, биржа и интересы экспорта. На Западе свои старые счета, и **Запад хочет войны**. Монархи – не смеют хотеть или не хотеть войны. Они народопослушны и, сохраняя важность сана, санкционируют желание парламентов.

России не нужны ни война, ни интересы торговые, ни биржевые. Нам не нужна война, и мы можем быть только вовлечены в нее. У нас вся ответственность на Государе, и Дума на него ее и возложит. У Государя все основания не принять войну, – но затронута честь страны, войны требует общество и Европа, – и он подчиняется неизбежному, уверенный в силе армии.

Государем проявлено огромное напряжение воли и мужества в принятии войны. Пережив уже тягости войны и революции, он спокойно, молитвенно и веря в народ и судьбу берет на себя этот новый крест.

В наступивших сумерках Европы, в качании идеологий и былых устоев поколеблено до основания и начало монархическое. Иными нациями и демократиями оно будто из милости оставлено, как *antiquité*¹, как парадный символ прошлого.

Эдуард VII использовал свое закулисное положение в системе тайных дипломатических интриг и подготовлений к войне с целью ослабления всех стран. Вильгельм – в сторону беспощадного плана нашествия, захватов, всяких насилий; его народ хочет войны, рвется к колонизации России.

Очевидно, что императорское начало в стадии разложения, и монархи сами шатают свои престолы и авторитеты, основанные в былое время на рыцарском благородстве.

Государь наш не сходил постепенно по ступеням трона. Нет, – он высоко несет Царский стяг. У него – одно слово. Он верит в прочность гордых начал монархии, верит монархам и в родство сана и крови. Его действия прямые, и он примет войну за свой страх.

Лязгая сталью Крупновских заводов², с ножом за спиной, родственник Вильгельм не удовольствуется унижительным торговым договором³, творением нашей скудоумной бюрократии. Он сулит наши земли своему

¹ Древность (фр.).

² Крупновские заводы – крупнейший промышленный концерн в Германии, основанный династией немецких промышленников Крупнов в 1860 г. Концерн занимался добычей угля, производством стали, артиллерии, военной и сельскохозяйственной техники, текстильного оборудования, автомобилей, судов и локомотивов. Перед Первой мировой войны заводы целиком перешли на выпуск вооружения.

³ Наш вывоз в 1875 г. – 400 млн. при ввозе 550 млн. В 1890 г. – 700 млн. при ввозе 400 млн. В 1891 г. мы подняли таможенные пошлины и таможенный тариф. С 1893 г. начало таможенной войны с Германией, которая усиливает экономическую эксплуатацию России. Желание Австрии захвата Балкан, а Германии – колонизации Турции и России (Багдадская ж. д. и прочее) приведет их к карательной экспедиции в Сербию. Основной торговый договор России с Германией (1904 г.) дает огромную прибыль аграриям и промышленникам Германии и разоряет Россию. Окончание его и новый договор повлечет причины войны. – *Авт.*

плодовитому народу, и если не оружием, то социальным пожаром готов сжечь страну. Отношение его к Государю – лукаво-злое и бессовестное.

Его руку направляет другой родственник – Эдуард VII. Лояльной к Государю остается Франция. Государь верен этому союзу своего отца. Во Франции немало врагов царизма, но она не будет участвовать в заговоре, и когда начнется революция, она увлечется ее первыми взметами, но она одна, хотя и неудачно, в 1918 году сделает попытку помочь России. Характерно, что лишь республики Америка, Франция и Швейцария дольше всех не признают воровской власти.

У России кроме Франции друзей не было; коронованные собратья одни безразличны или показали себя явными или скрытыми во все войны XIX столетия врагами, и раскрытие участия некоторых из них в заговоре – вопрос времени.

Международные события складываются вне воли Государя. Силы против него слишком велики. На него ополчаются скрытые в то время и полуобнаруженные сегодня международные организации. Один, без согласия с другими монархами, он – бессилён.

Лишь в 1904 году наша печать показывает открыто свое лицо. Идейные либерализм и консерватизм становятся реальными левыми и правыми течениями. Можно установить без оговорок, что определилось всеобщее левое течение и прессы и литературы, отражая мысли и чаяния городских обществ. Сельское общество и деревня никогда своего голоса и печати не имели и были бессильны.

В столицах левое течение – радикальных и большинства еврейских газет – несколько сдерживается «Новым временем», которое до 1905 года либерально и конституционно, но «милостиво» к бюрократии и монархии до 1917 года. Газета эта «светская», ее **читает** весь Петербург и живет по ней.

Большая часть остальной печати в обеих столицах **революционна**. Лозунг – злоба и поносительство всего своего. Всего, что бы ни делало правительство, что бы ни совершило дворянство, духовенство и администрация.

Левая печать – ноющая пила, политические «четьи минеи» с зудящим призывом к смуте, ненависти и кому-то за что-то – мести. Тон печати зловещий, осуждающий, без проблеска смеха, радости жизни, надежды, без отзвуков славы прошлого и призывов к будущей. Печать наша зовет к совершившемуся, зовет от чего-то спасти народ. Ее тон год от году заунывнее, призывы – грубее и решительней. Печать, наемная и ожесточенная, делает свое громадное и страшное дело.

У правой печати нет тиража. Скажут: нет тиража, нет и монархизма. Отчасти – это правда. В обществе одни считают, что монархизм и собственность «сами собою разумеются». Другие, – что монархия так сильна, что нечего ее защищать. Третьи, – по выгоде или искренно консерваторы, но стесняются и не смеют высказываться. «Гражданин» ненавистен за резкость и за репутацию своего даровитого, но не государственника редактора. «Московские Ведомости» далеки, бедны и имя редактора опорочено¹. Князя Ухтомского и Комарова почти не читают². С 1906 года появляются две-три газеты, взявшие сразу «ругательный тон»: этот тон был еще объясним в годы революции, но газеты эти так и не перейдут на серьезную экономическую и политическую работу и останутся без влияния. С 1900-го года «предупреждают» три-четыре сильных консервативных писателя и одинокий бьется в «Русском Деле»³, великолепный неocenенный Шарапов. У правой печати нет денег, нет сильных сотрудников и нет поддержки.

Попытки создать серьезный казенный орган кончаются ничем. Бюрократия неспособна дать жизнь хотя бы одной газете, и во главе казенных газет – бездарности или безвольные.

Цензура раздражает мелочами, не умея дать ни руководящего начала, ни плана как казенным газетам, так и всей печати.

Попутно сделаем сопоставление: в то время как вся иностранная печать изо дня в день занята восхвалением своих стран, правительств и деятелей и лишь меньшая часть – сдержанно оппозиционна, вся наша печать подлинно измывается и над строем, и над властью, и над всем течением русской жизни.

Общество считает, что никакой защиты строя, собственности и правового порядка – не нужно. Петербургская знать и общество, проживающее миллионы и вывозящее за границу до 200 миллионов рублей золотом в год, и московское купечество, соперничающее с знатью в мотовстве, **не дадут ни копейки** на консервативную газету, не внесут ни одного рубля союзам собственников и не выкажут никакого личного участия в защите

¹ «Гражданин» – журнал-газета, издававшийся князем В.П. Мещерским в 1872–1914 гг. (с перерывом). Редакторы: Г.К. Градовский (1872), Ф.М. Достоевский (1873–1874), В.Ф. Пуцыкович, В.П. Мещерский (1882–1906) и М.Н. Назаров (1906–1914). «Московские Ведомости» – газета, принадлежавшая Московскому университету и издававшаяся в 1756–1917 гг. в Москве. В 1896–1907 гг. ее редактором был В.А. Грингмут (родом из немцев-лютеран).

² Князь Э.Э. Ухтомский с 1896 г. редактор и издатель газеты «Санкт-Петербургские Ведомости»; Комаров В.В. в 1902–1906 гг. издатель журнала «Русский Вестник».

³ «Русское дело» – еженедельная газета патриотического направления, издавалась С.Ф. Шараповым в Москве в 1886–1890, 1905–1910 гг.

стройка и права. Ни один «вельможа», ни один богач Москвы, ни один из веселящихся без удержу не дал никогда и ничего на защиту от того, что совершилось. У общества столиц заветного ничего не существует. Знал ли об этом Государь – неизвестно: не ему же было давать почин публичной защиты престола, строя и правительства?

Нельзя допускать мысли, что в левых течениях общества не было людей идейных, верящих в освободительные начала, в конституцию, социализм и прочее. Такие люди были, но имена их наперечет.

Все остальное, стремившееся к перевороту, было глубоко и цинично корыстное, злобное, морально скверное, и ни к чему иному, как к тому, что сейчас существует, прийти не могло. Оставляя область морали и подходя к оценке ума и замысла движения, установим, что не только по результатам, но и в самом процессе сказалась совершенно явственная, глубокая бездарность всех замыслов общества. Встает вопрос: неужели все эти господа из бюрократии, из «света» и из интеллигенции, шедшие к «освобождению», не имели плана и предвидения? И неужели все проповеди, начиная с Герцена–Бакунина, и все партии, съезды, блоки и тому подобное были не что иное, как результаты беспросветной глупости?

Одиночные писатели-консерваторы, говорившие, что Россия **погибнет**, что заговоры ведут Россию к концу, – оказались правы! Отчего же их и слушать никто не хотел? И **за что** их ненавидело общество?

Отчего те, кто теперь сознают, что «они ошиблись», не скажут, **почему и в чем** ошиблись? Неужели «стыдно» сознаться? И как легко говорить: «Мы ошиблись».

Дюма во время хода революции клялся Наполеону, что он мог остановить *coup d'état*¹, но не решился. Наполеон ответил: «Вы болваны и не умеете делать революцию». Что же сказал бы он нашим творцам освобождения с 1904 года вплоть до октября 1917 года?

И неужели **всё** результат главным образом глупости? Современные летописи, описывая события, каждой строкой подтверждают именно это. Не от этой ли бездарности **всего** Государь так холоден к призывам общества? И не оттого ли в 1917 году народ сразу отверг власть общества и, поняв, что ему сулят всякий вздор, с отчаянья, махнув рукой, кинулся грабить, благо ему это **приказали**, и грабеж называли завоеваниями революции?

Окружение и бюрократия опорочивали правое движение. Чиновники стыдились читать правые газеты и, прячась, читали.

Не отозвался и народ на его призывы. В 1906 году правое движение было значительное; главари его требовали у власти подавления смуты.

¹ Государственный переворот (фр.).

Позже из этого движения не вышло ничего серьезного и законченного, что можно было бы противопоставить однообразным требованиям левых; в рядах правых умных людей было еще меньше.

Перед Государем было общество, разделенное с 1905 года на большинство, открыто шедшее к разрушению, и меньшинство, не имевшее ни единства, ни политической и экономической программы. Черпать идеи из отдельных пожеланий было невозможно, и торжествовала бюрократия, указывая лишь на свои заслуги и на положительные стороны «испытанной» европейской конституции.

Ссылаясь на свою силу, правительство упускало время, не сознавая, что только при самодержавии возможно было провести до конца экономическую местную и главную земельную реформу. Поздно, лишь при Думе, берется частично ее провести один Столыпин, понимая, что через 25 лет поднятая сильная крестьянская Россия будет неузнаваема и непобедима.

Это-то и учел заговор. Устранен был Столыпин, и решена была война. Лишь война могла дать победу над монархией. Война неудачная и, во всяком случае, такая, чтобы мы не были в среде победителей. Расчет был бесприкрытый: в худшем случае падали монархии побежденной стороны, и в лучшем — могли пасть все главнейшие.

XII

В сложных и неблагоприятных условиях проходит вся жизнь Государя. Злоба на монархию общества внутри и агрессивные планы Запада сдерживались тяжелой рукой его отца. С воцарением Государя Николая II все поняли его миролюбие и доверчивость. Решено было начать: «теперь или никогда», и началась осада; избегали покушений на него и оберегали его как жертву будущего.

Из обзора общего положения явствовало, что наше государственное и частное хозяйство отстает почти от всех стран света. Бесспорно, что мы легко могли удвоить и утроить производство сырья. Бесспорно, что отечественная промышленность уходила в чужие руки, что частно-банковская деятельность была на границе уголовной, что наше финансовое ведомство втягивало нас в долги и запутывало в политику.

Отсталость наша относительна, но велика. Экспорт различных стран с 1900—1913 годов (и параллельно и импорт) представляется в следующем виде: Англия подняла экспорт с 3 млрд. руб. до 6; Америка с $2\frac{1}{2}$ до 5; Германия с 2 до 5 и т. д. Бельгия с 700 млн. руб. до 1 480 млн. и Россия с 700 млн. до 1 500 млн. Таким образом, мы, имея 19 млн. кв. верст и

163 млн. населения, вывозим и ввозим то же, что Бельгия при 25 тыс. кв. верст и 7 млн. населения. В моем труде, еще неизданном, примеров много; ограничусь некоторыми. Средняя цифра дохода американца (1912 год) – 345 руб., англичанина – 273 руб., француза – 233, русского – 53.

Мы отстаем в сельском хозяйстве, хотя оно дает 88% вывоза. За границей удобренных земель 60%, у нас 4%. Крестьяне имеют кредит от 5 до 14 коп. на голову, тогда как американский земледелец имеет 60 руб., германский 53 и тому подобное. Из всех сумм кредита сельское хозяйство получает 6%. Доход нашего леса дает в среднем на десятину в Сибири 1 коп.; на севере 3 коп., в Европейской России 2 руб. 50 коп., тогда как средний доход в Германии 29 руб., во Франции 36 руб. и так далее. С 1900 года скотоводство наше уменьшается; добыча шерсти также, плодородие убывает, посеы льна сокращаются. Растет производство хлопка, сахара, молочных продуктов (Сибирь). С 1907 года увеличивается добыча и вывоз зерна и жмыхов. Отсталость особенно заметна в промышленности, несмотря на льготы и субсидии на сумму свыше 100 млн. руб. и несмотря на приток иностранного капитала (иностраннх предприятий от 60–70%). Производство железа и добыча угля увеличивается туго; с трудом удовлетворен внутренний спрос. Себестоимость плавки металла выше заграничных на 40%. Мы покупаем чугун в Германии и Австрии. Добычи чугуна 280 млн. пудов против Америки – 2 млрд., Германии – $1\frac{1}{2}$ млрд. и так далее. Угля мы добываем 2 250 млн., Германия 18 млрд., Америка 32 млрд. Расход чугуна на человека: у нас 10 пудов, в Америке 260 пудов, в Германии 150 пудов и так далее. В остальных производствах и потреблении наблюдается приблизительно то же.

Витте увеличивает число предприятий до 1500 с капиталом в $3\frac{1}{2}$ млрд. (в Германии 5 700 предприятий с капиталом 18 млрд.), но и предприниматели, и капиталы последнее десятилетие убывают, так как покупательная способность народа низка. Весь вывоз продолжает строиться на производствах сельского хозяйства, лишенного министром финансов какой-либо помощи. Сбережения жителя Германии 143 руб., англичанина 106 руб., француза 96 руб., русского 16 руб. (1910 год). Лишь с 1912 года заметно оживление оборотов кредитных товариществ. Наши 10 коммерческих банков (с 630 млн. руб. капитала) и столько же земельных (с 160 млн. руб.) закрыты для сельского хозяйства и мелкой торговли.

О кредитах сельского хозяйства не смеют говорить. Эмиссии боятся. Бюджет растет с 2 млрд. (1903 год) до 3500 (1910 год); государственные расходы покрываются займами (долг 1892 года – 1 млрд.; 1904 года – 6 млрд.; 1914 год – 9 млрд. плюс внутренний заем 3 млрд.), косвенными налогами (водка) и эмиссией (1904 год в обращении золота 774 млн. руб.

и бумажных денег 518 млн. руб., в 1913 году золота 628 млн. руб. и бумажных денег 1450 млн. руб.). Из суммы до 4 млрд. государственного расхода идет на производительные нужды всего 8%; на сельское хозяйство не ассигнуется почти ничего. Государственный долг достигает 2 руб. 80 коп. на голову населения (в Америке 5 коп.). Крестьянство оскудевает. Земство ограничено в средствах (в то же время Англия при бюджете в 160 млн. фунтов стерлингов расходует на self government (местным учреждениям) 170 млн. фунтов стерлингов).

Несмотря на краткий перечень доказательств нашей отсталости, все говорит, что при проведении земельной и местной реформы, при богатстве страны все производства – и притом сразу – утроятся. Одной осенней пахотой и с концом трехполья урожаи удвоятся, а с ними – скотоводство и новое промышленное сельское хозяйство (см. «Записки землевладельца», выводы). То же и в промышленности: успехи текстильного дела (Морозова и др.), два-три образцовых завода юга, достижения в сахарном деле, – все указывает на огромные возможности.

Дело в руках самого народа и в правильной финансовой политике.

Но ни один заклятый враг монархии за отсталость эту и пробелы не посмеет обвинить ни монархию, ни Государя.

Лень общества и народа, и особенно великорусского, были нашей болезнью. Мы подлинно как собака на сене лежали, сами не ели и другим не давали. И пришло время, когда эти другие решили наше добро отнять.

Историк обязан установить, что определение Государем размера богатств и сил страны в его эпоху не было преувеличенным. Запас этих богатств: земли, недр, леса и прочего, – был настолько громаден, и численность и прирост здорового народа так велик, что Государю **не могли прийти в голову** какие-нибудь серьезные беды. Еще менее ему могло прийти в голову, что все эти богатства и свою независимость и свободу народ отдаст когда-либо и кому-нибудь добровольно.

Заставить работать и добывать могла бы нужда. Побудить к работе – собственность. Поднять самодеятельность и спастись от засилия бюрократизма – широкое областное самоуправление.

Этих побудителей не было; последних двух реформ **упорно не допускали общество и бюрократия.**

Но несмотря на все, **сила** страны была такова и устройство казалось столь прочно, а управление совершалось, видимо, так стройно, что причин к тревоге и энергичной самозащите своей и России у Государя быть не могло. Поэтому тем из нас одиноким, кто предвещал с 1894 года¹ **гибель** страны, монархии, черный передел, мировую революцию, войну и

¹ Доклады мои 1894–1897 гг. саратовскому дворянству, оглашенные в печати. – Авт.

прочее, Государь имел все основания не верить. Наши предвидения почитались правительствами и обществом вздором, и Государю докладывали, что все благополучно.

Государь видит и другое: несмотря на тормозы, земское хозяйство народное образование, защита народного здоровья, железнодорожное строительство – шли вперед, и лишь с 1905 года задерживаются Думой. Эта последняя, путаясь в своей «вермишели», не светит и не греет, коптит тусклым фонарем путь национального и местного прогресса, по которому неторопливо двигалась царская, а позже императорская Россия.

Дав Думу, Государь не колеблется ее сохранить, веря в общество и народ, веря, что ее злоба и скандальность уступят когда-нибудь место порядочности, патриотизму и делу.

Государь не теряет никогда своей бодрости. Он не любит Думы, но не показывает этого ничем, проявляя изумительную выдержку и терпение. Надо было иметь его волю и силу духа, чтобы ни разу не проявить гнева...

Сознавая все трудности, но признав **силу** всей страны, он не преувеличивает опасности. Обладая огромной памятью, Государь читает, изучает все, касающееся России. В беседах со многими серьезными людьми он проявляет глубокие знания по всем вопросам, усваивая лучше всех крестьянский вопрос.

Надо поражаться выносливости и здоровью Государя. Кроме государственных дел, он принимает тысячи людей.

Часто и бестактно окружение отнимает его драгоценное царское время по множеству мелочных придворных вопросов, всяких связей, протекций и назначений. Ведомо, что Государь желает избавиться от этой «мелочи» жизни, но, не желая обидеть окружение и правящий класс, он утомляется, но вникает во всё.

Глубоко разочарование Государя в неуспехе Его личной идеи **мирной** конференции (Гаага). Но после этой попытки Государь еще ближе, еще крепче привязывается к **своей** России, становясь еще сдержаннее с Западом.

Террористические акты оставляют Государя хладнокровным. Ему ставят в вину его будто бы бессердечие. Это ложь. Государь всегда тревожен, всегда сочувствует, но он и сам всегда готов к смерти, и проявляет громадное самообладание, показывая своим спокойствием пример власти.

Государь не желает ни разу ответить террором на террор. Он не проявит до конца деспотизма власти и не назначит, как то предлагают ему в июне 1905 года («Московские Ведомости») – диктатора.

Может быть, в этом непротивлении злу историк и сочтет главную ошибку Государя? Возможно. Но то была, во всяком случае, не ошибка, а **твердая воля** Государя – не мстить, а ждать и терпеть.

Не следует еще забывать, что как о мерах предупреждения и пресечения, так и возмездия – первыми должны были думать лица правящего класса. Слабость этих лиц была преступна, и о **попустительстве** их беззаконию можно написать тома.

Не умея играть «роли», Государь был милостив, но требовал порядка, и этого порядка бюрократия не умела и боялась дать. Общество осмеливается говорить и писать о какой-то его жестокости. Заграничная пресса плетет клевету о «кровавом царизме», и даже в самом окружении Государя многие позволяли себе указывать на случаи и обвинять, когда Государь не лично, а письменно и без «предупреждения» уволил того или иного сановника: его осуждают за то, что какой-нибудь рескрипт не был достаточно **любезен**. Ропот салонов и канцелярии на Государя не прекращался никогда.

В 1905 и 1906 году перебит целый ряд верных Государю людей. То были жертвы не строя, а общества, и только общества и безвластной бюрократии.

Было время (июнь 1905 года), когда Государь принял **громадной важности решение**. Об этом событии еще не время говорить, хотя есть и документы и свидетели. Решение это связано было с рядом крутых мер в целях успокоения страны. Но Государь, взвесив все, передумал и остановился, и на его душе не осталось раскаяния пролитой крови¹.

К партийному началу Государь был безразличен и беспристрастен. Ему ставят в вину принятие значка правого союза², но никто не объяснит, что Государю было поднесимо множество значков всяких обществ.

Известно лишь одно, что приняв вожаков **партий** в 1905 г., – Государь был вне партий, и никаких отношений к ним не имел, и знал о них лишь через сановников.

Влияние партий – умеренных, обновления, националистов, прогрессистов и прочих – было совершенно ничтожно, как ничтожны были их

¹ Генерал Д.Ф. Трепов, узнав, что Витте, оправдываясь, передал Ф.Д. Самарину и мне записки, обвиняющие Государя, хотел сделать у меня выемку. Подробности этого эпизода, характеризующего Витте, я изложу в другом месте. Вопрос шел об аресте Витте и группы чиновников и назначении диктатором Лауница, Дубасова или Столыпина. – *Авт.*

² 23 декабря 1905 г. Император Николай II принял депутацию Союза русского народа, девиз которого был «За Веру, Царя и Отечество». Председатель Союза А.И. Дубровин преподнес Государю и Цесаревичу Алексею знаки члена Союза русского народа, сделанные по проекту А.А. Майкова. Император принял знаки, поблагодарив Дубровина.

«лидеры». Правая партия к 1914 году без денег почти не существовала. Этой партией руководили отставные бюрократы и члены Думы. Собрания были малочисленны и о них никто не знал. Вспышка фанатизма 1905 года угасла, и сил у правых не было никаких.

Не зная партийной жизни, Государь и здесь вводится в обман. В тревожные дни января 1917 года главари – часть правых депутатов и сановников – по телеграфу заверяют его и Государыню в готовности и огромной численности отделов Союзов. На самом деле организаций этих почти нет. Однако вера в эту «несуществующую» силу поддерживается сановниками и министрами, и такое уверение имело роковое значение на решение Государыни.

Последним обстоятельством, осложнившим наступившее спокойствие страны с 1907 года, был **славянский** подъем в Петербурге. В 1909 году его создало то же Петербургское общество. Видя наступившее успокоение, радикалы и «иностранцы» образовали неославянские кружки, отрекаясь от идей московского самаринского кружка. Целый ряд светских лиц с членами палат выехали агитировать в славянские земли. Печать во главе с «Новым Временем» забила в барабаны, требуя освобождения славян уже не от Турции, а от Австрии. Посольство этой страны было чуть не разгромлено толпой. Задор на собраниях, в Думе и банкеты создавали атмосферу войны. При этом в России никто ничего не знал, и славянского вопроса народ не признавал¹. Это воинственное настроение совпало с походом печати Англии и Франции за славянство, причем директивы движения даются Англией. С той поры Германия и Австрия настороже. **Бесспорно, что следствием этого движения общества было приближение войны.** Фитили ставятся Западом, а наши общество и печать призывали к войне.

С того же года начинает осуществляться объединение радикальных кругов Запада и России.

Я имею основание утверждать, что **приказ** общественным организациям дан Интернационалом в 1909 году.

Государь своим спокойствием и твердостью не один раз предотвращает так называемые конфликты, и доверие к его мирной политике ничем не нарушается. Миролюбие же дипломатии и бюрократии подлежало большому сомнению. Общество хотело и требовало войны.

¹ Статьи мои в 1907 году («Восточный союз») – об укреплении союза с Францией и заключении 20-летнего договора с Германией, Японией и Турцией и предупреждение о мировой войне – были конфискованы, а после статьи «Диктатор» и продолжения ее Шараповым (Иванов 16) П.А. Столыпин предложил нам временно не писать, «благо» я уезжал за границу. – *Авт.*

Многим известно, каких усилий стоило Государю сглаживать всевозможные недоразумения и, оставаясь спокойным, передавать это спокойствие правительству и тем самым **охранять спокойствие страны**.

Знал ли Государь, что измена и заговоры близятся к престолу? Есть указания, что он знал и не обманывался; есть указания и обратные. Сам Государь избегал высказываться.

Мог ли Государь помыслить, что **огромная** часть правящего класса относится к нему недоброжелательно, с осуждением и злобой, как это было и оказалось? Мог ли думать, что после 1905 года не образуется сплоченного ядра государственников, готовых к отпору организуемому заговору? Мог ли допустить, что даже среди окружения растет злой ропот и клевета и что некоторые будут замешаны в заговоре?

Государь не мог помыслить, что в течение небывало опасной войны ни в одном учреждении, ни местности, ни круге общества – пропаганда и клевета¹ на него не встретят сопротивления.

Мог ли Государь полагать, что его коронованные собратья допустят свои правительства и общества осуществлять задачу развала России и будут безразличны к его свержению?

Мог ли думать Царь России и Верховный командующий, что в среде любимой им армии, в его командном составе, в неслыханное нарушение присяги, дисциплины, традиций, и в пору, когда армия была наконец в силах победно кончить войну, – на него, ни в чем неповинного, посягнут?

И наконец, народ, нация, русское ее ядро, выковывавшее столетиями само свою власть, та армия, которая «со слезами умиления» и криками восторга его приветствовавшая, сразу отвернется? А нация пластом отвалится от своего Царя, равнодушно предаст его, не дрогнув хоть где-нибудь бешенством протеста против жалкого общества?

Мог ли Государь допустить, что, не думая ни о Родине, ни о чести, ни о прошлом, ни будущем, народ сменит свой крест, свои стяги на тряпку Интернационала?

Мог ли думать, что его, неповинного, будут судить? За что и кто? Думать, что **никто** – ни в Думе, ни в обществе – за него, Царя и человека, не заступится?

Нет, Государь не мог допустить ни одной из этих мыслей.

Отсюда его стойкость, спокойствие, бесхитростность, вера в армию, в народ, в светлое будущее – **его Отечества**.

¹ В ноябре 1916 г. саратовское дворянство восстает против клевет на Государя, повергает к стопам самодержавного Царя свои чувства и просьбу о призыве к власти людей испытанной чести, разума и твердости. – *Авт.*

Мог ли он знать, что заговор предусмотрел все? Политика Витте, война с Японией, 1905 год, — революция, свободы, собрание сил заговора. Славянский и еврейский вопрос. Партии. Мировая война, соучастие в революции Германии и Англии; организация Ленина и прочее.

Все шло по плану — гениально простому и безошибочному.

Государь наш гением не был, и такого плана предусмотреть не мог.

Но **страшно** то, что кругом него не оказалось никого, **кто бы предупредил его**, зная о заговорах.

XIII

Самодержавие или императорство? Общество не знало и не знает до сих пор, какой у нас был строй. На это не дают точного ответа ни государственное право, ни наука. Знает народ; знает Царя, хозяина земли.

В интересном очерке «Две России» графа А. Салтыкова¹ утверждается, что успехи прошлого лежали в Петровском строе, в императорстве и что будущее — в нем же: новый призыв варягов и полное западничество.

Огромные труды славянофилов доказывают обратное: славянофилы **возвращают** к допетровскому Царству и в отречении от самодержавия и укреплении германо-романского императорства видят падение России.

«Народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на самодержавии, тем самым устранив от политиканства, видя в нем необходимое зло, возлагаемое как бремя на жертвующего собою Государя, за что и воздастся ему честь и любовь соразмерно подвигам»².

Народ не понимает власти в наклонности к абсолютному (императорскому), ибо он считает власть органической частью самого себя (первый из всех). Власть уверена в своей связи с народом. Земля понимает, что есть государево дело и что ей вмешиваться без приглашения не подобает. **Царь понимает великое земское дело и что цель государева — дать земле жить своею земскою жизнью.**

Самодержавие есть активное самосознание народа, концентрированное в одном лице. Самодержавие проявляет себя всякими видами общения с народом, из которых одним может быть Земский собор. Величие самодержавия заключается в величии народа, добровольноверяющего ему свою судьбу.

¹ Салтыков А., граф. Две России: Национально-психологические очерки. Мюнхен: Милавида, 1922.

² Хомяков Д.А. Самодержавие (Опыт схематического построения этого понятия). М., 1903.

Здесь нет места привести все доводы целой плеяды мыслителей и идеологов, черпавших эти доводы из истории и из былой реальной жизни народа. Доводы эти взяты не из головы, а из подлинного прошлого жизни народа. Эта жизнь была жестоко и досадно, отчасти вынужденно прервана Петром I, надорвавшим все кровные нужные связи с народом. Через два века придется выдумывать эту связь, и брать императорский же западный образец, и привести в столицу поденно-наемный безответственный парламент, который не только не установит этой связи, но **укрепит пагубную централизацию**, стремясь к упразднению самого Царя и развалу государства. В этом процессе как никогда будет выявляться, что власть – бремя, а не привилегия, и к ней будут предъявляться непосильные и бессмысленные требования.

Цари, как и Государь Николай II, ищут опоры в народе, в опросах, в истории, в чтении... и наконец в Думе, чая в ней **подобие** Соборов, с которыми цари **дружно** и доброхотно управляли страной.

Царь – глава, народ – тело; части требуют только взаимодействия. Царь есть отрицание абсолютизма; он связан пределами народного понимания; служение – рама, в пределах которой власть почитает себя свободной. Служение – охрана огромнейших территорий, сцепленных в одно целое.

Нельзя не признать великолепия идеи, что **Царь всегда с землей**, всегда сдумывается с народом. Славянофилы доказывают, что самодержавие всегда считало себя ограниченным (в противоположность императорству), что оно жило в народе и Церкви. Россия – огромный «приход», и все время хочет этого приходского начала.

Власть царей и императоров в корне и по форме – различны. Д. Хомяков удачно говорит, что Император – хронический диктатор, вечный идеал диктатуры, происшедшей из власти полководца: альфа и омега человеческой деятельности, происшедшей через обожествление (Рим – Наполеон).

Наше самодержавие – смиренно: оно бытовая вера, устранившая политиканство.

Восток своей громадой ничем не похож на раздробленный на мелкие части Запад, держится самодержавного начала и в истории мы видим, что народы Востока считают власть частью самих себя, выразителями себя, неизбывной своей силой. Цари – независимы от всего мира; они ревниво хранят независимость России, и народ этой независимостью и доволен.

Наше самодержавие идет от хана Золотой орды, а не от варягов; воплощается в русское и, не успев быть доведено до идеальной формы Иваном IV (областное самоуправление), ломается Петром, извращается

заигрывающей с Церковью и народностью Екатериной, но охраняется последующими государями как нечто важное, непререкаемое.

Государи становятся для общества и иностранцев императорами; для народа они остались царями, и Русская земля **не общественная, а народная**. На протяжении двух веков никто не смеет разрешить вопрос об историческом генезисе; никто не знает, императорская ли наша власть или царская? Общественное мнение высмеивает и злобствует на «царизм-абсолютизм» и «деспотизм» наших государей. А это ложь и подтасовка, которую наше общество нарочно подносит Западу. Абсолютизм и деспотизм был на Западе, а у нас ни того, ни другого **никогда** не было, ибо в существе самодержавия этих признаков нет.

Появление признаков деспотизма при императорстве Петра I умалывается и ограничивается самодержавной основой власти. Но, заслоня самодержавие императорством, Петр I никогда от самодержавия не отрекался, зная гибкость, глубину и силу корней этой власти. Он принял новую форму, оставив сущность. В **сотнях** случаев, даже творя по-новому Россию, он черпает мысль и право из самодержавия.

«Если мой закон плох, не исполняйте его», – говорит он, куда-то отъезжая. Так скажет Царь, и никогда не скажет Император.

После сближения с народом в Отечественную войну Государь Александр I порывается дать Земский собор. О том же Николай I пишет графу Киселеву. Он почти решается на генерал-губернаторства (области). Александр II и Александр III готовы подойти к областному управлению: мешает ревнивая бюрократия, ограничившись бюрократическим земством.

Много раз Государи готовы вернуться к самодержавию, но бессильны, восприняв «систему» императорства и боясь ее нарушить и поколебать, не восстановив в полноте самодержавия.

Вернуться не даст и другая сила – бюрократическая, завладевшая значительной частью имперской власти. Невидимо на престоле борются два начала, разные по существу, происхождению и значению.

Но **коренное** начало готово взять верх.

Внизу шло расхищение власти: «чиновник – внешнее орудие абсолютизма, механическое орудие власти, – начал жить **для себя**, исключительно в интересах самосохранения. У чиновников с Царем только деловая связь. Для власти чиновник не оказался достаточно безвольным, а для народа был эксплуататором».

Бюрократия ограничила императорство и, по образцу Запады, она еще более ограничит его парламентом. Неограниченным не только по титулу, но по существу права власти останется самодержавие, сохраненное Государем.

Самодержавие и было страшно обществу и Западу **своими неограниченными возможностями**.

Запад боялся Царя, а не Императора, в силу того, что самодержавие — народное. Царь был неразрывно силен в народе. Евреи не только не признают, но ненавидят Христа и Его учение, так как оно народное. То же, в малом примере, представляет ненависть к православно-народному самодержавию. Запад боится царско-народной силы, нападая на первую. Сломится первая, — сломится и вторая. Этого и добьется революция.

У императоров, от римского и до английского короля, отнималось все, кроме тоги, мундира, пенсии и короны. У самодержавия ничего не отнято: оно временно **отошло** от народа с Государем. От народа отпала сама его держава.

Мы — восточное государство — пробыли два века под императорством и рухнули опять-таки в форму западную — социалистическую, по последнему слову западной науки, взлелеянной императорством¹. И никакой иной реальной, как большевистская форма, у вздорного и лживого учения социализма нет. Промежуточных станций социализма, на которых жизнь может остановиться — не существует.

И, рухнув, мы начнем искать, кто мы были и кем будем. Запутавшиеся в неправде евразийцы будут поздно доказывать доказанную жизнью истину, что мы восточники, а Салтыковы — что мы, погубленные Западом, им же спасемся. Хороши мы будем, если **теперь** начнем новую распря!

Начиная с географии, Православия и кончая этнически плохими и хорошими свойствами, — **нам некуда уйти от нашей восточности**. И ни императорство, ни евразийство нас не изменит. Мы — мы, хотя бы и меняли выражения наших лиц и имен. А главное — Россия, — Россия, пока она не разделена и не расхватаана по кусочкам Западом. И никаких *entweder-oder*² нам ставить нечего. Это доказал 1917 год. Мы изменить себя можем только сами, и в самой борьбе за право самим держаться или пропадем как русский народ, или победим как соборная нация всех народностей, удержав Россию сами, через Царя, сковав ее части этой властью.

Нет, утверждение графа Салтыкова, что роль Императора — борьба с народом, — незаманчиво. Самодержавие боролось с уклончивостью народа от государственных дел (не политика), с непокорением правде, закону и вере, но не создавало себе роли борца.

Царь печется о народной нужде. Когда нужно, самодержавие — не слабее диктаторского императорства, оно **покоряет** своей воле, и при Иване IV и Петре, рубивших головы супротивникам.

¹ Первый интернационал организовался под покровительством и на субсидии Наполеона III. — *Авт.*

² Либо — либо (*нем.*).

Царь первый страж страны от иноземных; Царь – врач, и вмешивается в жизнь народа, когда он болен, и оставляет его в покое, когда он здоров, и дает ему самоуправление для работы: *хлеб насущный даждь нам днесь*¹.

А императорский бюрократизм и парламентаризм зудит народ, вечно вмешивается, лживо опекает, тревожит жизнь, мудрит. Самодержавие – симптом здоровья, запаса сил; симптом начала – в противовес западной культуре – симптому конца. Тип самодержавия вырабатывался на глазах народа, составляя источник его силы, что и привело к могуществу России – так как в гуще народной до половины прошлого века жило духовное родство с народным, пусть и мужицким, былым самодержавием. Родство это и было ненавистно. Его и разбили. Долгие счастливейшие века Россия жила по-«Божьи», по совести, правде и в свободе.

Восточное самодержавие было гражданское, избегавшее вмешиваться в дела духа; но истовость, религиозный пафос царей витал перед народом как образец смысла жизни России.

В то время как Запад стоит за формы ограничительные или республиканские, по временам переходя в абсолютизм, смиренное самодержавие вершит над всем и неограниченно, так как в нем народный дух, не желающий себя ограничивать.

Народ знает, что ни по строению, ни по размеру, ни по духу Россия не схожа с другими странами – и равняться не хочет.

Самодержавие отвечает идее подлинного народоправства, с созданной самим народом венчанной благородной вершиной: головой, судьей жизни, хранителем его духа, совести, обычая, религии, силы, славы, земли и прочего. Царю отстаивать своего значения не надо, так как ограничителем своей власти не может быть сам народ.

Славянофилы называют самодержавие «активным самосознанием народа, концентрированным в одном лице», но они до конца не договаривают **об осуществлении этой власти самоуправлением** Калиты и Грозного, в противоположение западному абсолютизму Центра.

В одном лице наших государей два мировоззрения: императорство и «невесомое» самодержавие, которое в силу какого-то рока не хотят признать «весомым», действенным, каково оно есть. В этом – трагедия, борьба двух смыслов: Император и Царь; первый готов сдаться, как сдаются по очереди монархи Запада.

Царь не сдается, так как он не в семье монархов, он восточный, самоуправный, коренной русский. Императоров много, а самодержец – один.

Заветность вопроса так велика, что последние государи боятся его тронуть, интуитивно оберегая титул.

¹ Мф. 6, 11.

Судят мудро славянофилы. Но за ними не пойдут радикалы, ненавидя самый вопрос; не пойдут другие, чуя в *quoad systema*¹ ошибочность. У славянофилов все верно, кроме страха перед самоуправлением, кроме слепого и безрассудного поклонения общине и неперемennого слияния в славянское море. И все сильное, независимое, желающее работы, права собственности, как единственного двигателя жизни, с ними не пойдет. И в то время как одни, завистники исторических успехов государей и царской России, все отрицают, другие – доктринеры, не договаривают и, зараженные духом бюрократизма, не посмеют дать совета: **как силой самодержавия окончательно устроить жизнь России**, а не славянства, отторгнутого в своей части навсегда Западом. Самодержавие охраняется самими царями – для будущего.

От недоговоренности и лукавства бюрократии – незаконченность реформ Александра II. Отсюда же слабость земства, отсюда – община, отсюда гибельные войны за славянство, отсюда гибельная централизация.

Критик исторической системы: *ex sese non ex consensu Ecclesiae*² осудит главное: чуждость духу нашего народа. Мысль вновь «оваряжить», отречься от старой России, отворить все двери не только культуре Запада, но и самим европейцам – безумна. От этой мысли недалеко договориться и до монархии *made in Germany*³. Говорящие о сумерках России замалчивают о сумерках Европы, не говорят, что есть уже две Европы – старая, честная, и новая, теряющая честь, разум и дух правды. Не говорят и о современных социалистических монархиях. Какую же Европу и какого монарха зовут спасать Россию?

В суждениях за и против самодержавия и имперства лежит противное русское свойство вечного бездонного спора. Спор был и есть – разлагающий, особенно во время летаргического сна России. Вместо двух крайностей давно после Петра I должна была вырабатываться форма **своей**, все-российской Царской власти, принимаемой из всего лучшего – самодержавного, а также и императорского права. Государь – Царь всея России, равный и желанный всем народностям. Все признаки граненой твердости императорства – неотъемлемы; вся структура могла быть сохранена – при условии восприятия из самодержавного начала целого ряда основ, в противовес абсолютизму, бюрократии и парламентаризму, и признаний **широкого областного и уездного самоуправления и собственности**.

Это, и ничто иное, сто лет просилось в жизнь, и при освобождении крестьянства от рабства и от общины, при нашем богатстве и просторе,

¹ Отношении системы (лат.).

² Из себя, а не из согласия Церкви (лат.).

³ Сделанной в Германии (англ.).

хозяйство страны было бы великим и строй был бы народу желанным. Этого-то и не дано было совершить государям XIX века; не дано средой их окружения, обществом, чиновниками и интеллигенцией, сливающихся к 1916 году в одно целое против самой России.

XIV

В своих непрерывных трудах по изучению состояния страны, управления, финансового, военного и иных дел Государь редко успевал посещать театры и полковые собрания. Его отдых был в семье; дети его воспитаны безукоризненно, и любовь семьи – его поддержка. Его речь проста, продумана и никто не упрекнет его за неумную речь, за неверное суждение. Государь знает многое, но, далекий от местной жизни, он не мог всего знать. Так, не знал он о падении трудовой энергии своего народа, по причинам уже сказанным. Лишь внимательный наблюдатель знал, что работа русских, и интеллигента и рабочего, была несравнима с работой европейцев, у которых усидчивость, стойкость и продолжительность работы доведена до такого напряжения, о котором русские всех профессий не имеют и представления. Менделеев отметил и понижение уровня научных трудов нашей интеллигенции, и уменьшение производства в стране, и показал цифрами огромный процент ничего не делающих групп населения. Но кроме того – свобода выбора труда, свобода географическая, свобода условий промышленного и сельского труда, и превышение спроса были у нас так велики, что развитие лени отражалось не только на производстве страны, но и на моральных свойствах, на воспитании и укладе всей жизни населения. Нужны были и меры побуждения, и они существовали, но и само праздное и веселящееся общество и чиновничество закрывали глаза на такие вопросы; печать их замалчивала, и Государя заверяли, что жизнь идет нормально.

За последние годы было и другое, едва ли известное Государю явление, так называемое «хулиганство», проникающее из города в деревню; в нем открывались опасные признаки этнического общественного недуга или навыка, который и должен был вылиться в революцию. Достоевский и некоторые наблюдатели указывали на рождение этого свойства, но и по сегодня мы, русские, осуждающие других, боимся и боимся взглянуть и оценить себя.

И оглядываясь назад, рядом с славным видны и мрачные стороны былого, объясняющие некоторые наши недостатки. Если забылось время распрей республиканско-удельного периода, кончившегося спасением в

едином Царстве, если далеки воспоминания Смутного времени, то еще свежи картины эпохи Екатерины II, бунты гвардии, убийство Петра III и многое другое. Страшны страницы описания (Саблукова¹ и др.) зверского убийства благородного Павла I. Сколько цинизма и наглости в этом заговоре, сколько тайны в участии Англии и Германии. Как показательны участники светского разгульного заговора²!

А спустя 20 лет забродил опять не низ, не чернь, не верное и благодарное Государю крестьянство и поместное дворянство, а опять верх общества. Заговоры против умного и доброго Александра I; бунт семеновцев, масоны, «Арзамас», «Рыцари креста», «Союз спасения» и прочие³. Лозунги заговора: конституция, отречение, республика и... цареубийство (Каховский, Бибиков).

Безнаказанное за сто лет озорство и преступление верха общества столиц временно приостановится – и вновь начнется с зверским убийством Александра II, и после перерыва продолжится так называемым общественным заговором ста шести 6 ноября 1904 года⁴, возгласившим все свободы и четырехчленную формулу, то есть большевизм. Заговоры 1904–1917 годов крепнут и, **наконец**, покончат с монархией и Россией.

Где же и когда зародился приводящий нас в ужас большевизм – в народе или в столицах и среде, близкой к Государям? Найдется опять честный Саблуков, который поименует весь состав заговора, Думы, блока. И тогда определится, кто непростительно виновен в гибели страны – этнические ли свойства народа или образованнейшее общество, дошедшие до апогея **нераскаянной наглости**.

¹ Записки Н.А. Саблукова / Пер. С.А. Рачинского, предисл. К. Военского // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. Изд. 2-е. СПб.: А.С. Суворин, 1908. С. 1–105.

² Во главе заговора: Рибас, граф Панин, граф Пален, граф Беннигсен, граф Зубов, князь Зубов, князь Яшвиль, граф Уваров, Вильде, Аргаматов, Талызин, князь Вяземский, граф Кутузов, князь Долгорукий и так далее – 140, которые в свалке приканчивают Императора. – *Авт.*

³ В заговорах – до 400 человек: графы Муравьевы, князь Волконский, князь Трубецкой, Рылеев, Бестужев, князь Одоевский, Якушкин, Пестель, Раевский и прочие. Заговоры длятся до бунта при Государе Николае I (процесс 121). – *Авт.* — По делу о восстании декабристов 14 декабря 1825 г. к следствию и суду были привлечены 579 человек. 121 из них были сосланы в Сибирь, пятеро казнены.

⁴ Речь идет о Земском съезде, полулегально прошедшем в Петербурге 6–9 ноября 1904 г., участники которого (их количество варьировалось на разных заседаниях) потребовали от Царя конституции, свобод и парламента. Резолюции съезда в ноябре-декабре распространялись в печати в виде петиций «Союза освобождения». В русле этих событий была организована акция 9 января 1905 г. и началась первая русская революция.

Вывод может быть тяжелый; не для расплаты он будет нужен, расплата бесцельна, и Государь завещал к ней не прибегать. Вывод нужен для тех, кто думает вернуть Родину; чтобы знать, как и кем управлять ею.

Вывод необходим и для тех благонамеренных и верных строю среди всех сословий, которые были далеки от заговоров и политики. Неучаствующие по малодушию молчали, когда за общество и его именем говорили кому было не лень, – и в печати, и в партиях, и в Думе. Целые группы русских сторонились партий, делая свое дело, и было бы недобросовестно, несмотря на трудность разграничения не оговорить этого и огульно обвинять всех. С уточнением составов заговоров для истории выяснятся и те группы, которые стояли вне всякого обвинения: их надо знать.

Если – разумея общество, мы говорим о влиятельных и массовых группах, которые его вели, то и в обвинении соучастников заговоров надо оговориться: мы виним всех. Мы забываем историю и не сознаем, что события, как брошенный бумеранг, возвращаются назад, и ищем причин в событиях ближайшего дня.

Мы заслоняем ужасами и нелепостью большевизма подлость наших революций. Мы ищем виновников на Западе – и они были. Мы проклинаем подполье – и есть за что проклинать. Мы обвиняем евреев, масонов – и мы правы объявлять, что до революции они держали на откуп тысячи русских и что они научили нас, как делать революцию (теория: Маркс, Энгельс, Лассаль и др.), и что дав русским совершить ее, они овладели ее завоеваниями (Ленин, Троцкий, Апфельбаум и др.), взяв Россию на откуп.

Но если даже все это так, смеем ли мы, русские, винить в том, что совершилось, и Англию, и Германию, и подполье, и евреев? Важно ли сопоставление, что в 1801 году посол Англии Уитворд руководил заговором против Павла I, а в 1917 году посол Бьюкенен был в заговоре против Государя? Важно ли, что Вильгельм шел об руку с Лениным, Бьюкенен – с Керенским, Ллойд-Джордж – с Апфельбаумом? Все важно, но это частности по сравнению с совершенным нами, русскими, для достижения 2 марта¹.

А мы, были мы или нет? Имели мы все влияние и власть? Имели ли защиту в лице Государя? Имели ли свободу, богатство и славу? **Чего же нам не хватало?**

Нет, слагать вину на других нечего. Все на нас; мы обязаны были все предвидеть, обязаны были защитить свободу, землю. Не цареву дело было нас защищать, а он до последнего часа защищал Россию и нас.

¹ 2 марта 1917 г. Государь Император Николай II подписал Акт отречения от престола.

А мы? Одни опрокидывая, другие допустив опрокинуть, сдали все и от страха убежали.

Помочь будущим поколениям мы можем, объединившись на безоговорочном признании своей, русской вины – перед Государем и Россией.

У нас было все; медленно, но с 1907 года хозяйство шло вперед. Какова бы ни была бюрократия, но по инерции управление не останавливалось. Земство работало хорошо. От нас зависело утроить доходы плодороднейшей земли, недр, лесов и прочее.

Государь знал все эти возможности. Надо было видеть его горячность, когда он говорил о красоте Кавказа, о любимом им побережье Черного моря, или когда он вспоминал богатство Байкала, Урала, Малороссии, Севера и шири южных степей, Сибири и Дальнего Востока. Государь преклонялся перед величием природы России, внушал любовь к ней Цесаревичу. Он знал Россию и боялся за нее. А мы – знали, любили ли ее?

Недоуменные вопросы...

С XVIII века народ отрывают от государей. До Царя все дальше и дальше. Чиновник и интеллигент присваивают себе права учить издали народ правам и обязанностям. Вводится полная европейского образца опека – но как вводится? Чиновник и интеллигент, попирая быт и дух, тянут народ в разные стороны, и терявший Царя – отца и судью – народ, переставая понимать, чего от него хотят, и не давая себе отчета, что надо делать, поверит посулам общества и – отрывается от тысячелетнего начала царского, и рушится, наконец, не на него, а на окружение. «С Богом за Царя на господ!»

Пройдут годы, и народ **сам**, без пропаганды будет шептать не о Императоре и монархе, а о Царе-судье, о Царе, творившем по-Божьи, неподкупном, смиренном, но строгом. И если что и жалко будет народу оставить, то идею «советов» как намек на **невыполненное** начало самоуправления.

Забывается Восток с его страстным, солнечным желанием независимости. Врастая в Европу, мы потеряли свободу, попав в рабство ее ставленникам – социалистам-бюрократам. И в этом – безоговорочно виновно общество.

Достоевский говорит, что для русского заманчиво «право на бесчестие». Смутное время, стрельцы, Разин, Пугачев, убийства царей, обе революции, Временное правительство, предательство Государя, Брестский мир, пытки извергов, дебош, воровство, керенщина, горьковщина, рестораны и большевизм. Все современное кажется позорно, невыно-

симо и окаянно, и все от **каких-то причин**: от безволия и лени – этнических свойств.

Но из мрака событий, из кровавой тени и трупного смрада просвечивают и сверкают сказания славного прошлого и лучшего будущего. Прошлого – в лучах то самодержавного, то императорского **творчества**. Пройдя через все, Россия к 1917 году приближалась **царями к высоте могущества и новой победе. А победа эта лежала в руке самодержавного Государя Николая II**. Он вел к ней, решив после нее дать желанный покой, самоуправление и кончить земельное устройство.

Общество это понимало и решило ценою России вырвать у Государя эту победу и это величие.

Победа и слава Царя были **страшны** обществу, рвущемуся к власти над народом. Запад с своей стороны не мог бы допустить победы России, и заговор всей силой своей ударит прежде всего на Государя.

Потеряв Царя, народ потеряет голову и окажется еще более диким и страшным, чем во времена Разина, Тушина¹ и Пугачева. Народ **усоветить** уже некому.

В чем же синтез русской природы и духа? Неужели, как пишут, мы скифы, неужели только палачи и рабы бесчестия, и народ хаоса, и неужели в нас всегда был проклятый «максимализм души»?

Мы ищем, сомневаемся, мучаемся, – а ответ уже дан. Его дал преданный всеми, замученный всеми наш Государь Николай II. В прощальном слове своем, бесчестно скрытом одно время обществом – **Государь все так же любовно и доверчиво обращается к народу и армии**. Его слова благостны и дышат верой и заботой о народе и России.

Но слова его к обществу – укор в измене.

Он, носитель высшего духа – рассудил и утвердил своей верой в народ – нашу веру в него. Он простил и **проявил громадную волю**, завещав нам верить и не терять надежды в Россию и народ. И те, кто знает народ крестьянский, знают, что народ достоин его веры и благоволения.

Государь наш не искал славы, оставаясь олицетворением смиренного самодержавия, но он саном своим держал в руках славу Отечества и, прощая, славу эту он завещал народу. Поймут ли его хотя бы теперь?

У нас нет символа победы в могиле «неизвестного» солдата. У нас есть другой трепетный символ – могила Царя, державшего в руках настоящее знамя победы. Знамя это у него вырвано вместе с жизнью, и мы обязаны поклониться его жизни и смерти как неслыханной победе духа.

¹ Вероятно, имеется в виду самозванец Лжедмитрий II, прозванный в русской истории «Тушинским вором».

XV

Государь не интересовался общественным мнением. Таким же было его отношение и к мнению общества, когда он допускал во дворец «старца» Распутина.

Поведение этого комедианта-молитвенника неведомо было Государю.

Распутин был введен высоко рекомендованной духовной особой – с репутацией тоже молитвенника. Он допускался редко – в часы болезни Наследника.

Государем руководит желание исполнить **мистическое болезненное** желание супруги, видевшей в молитвах старца помощь во время недуга сына. Очевидно, что на Государыню действует и гипнотизм, как действовал раньше таковой же гипнотизм французского доктора Филиппа. Все показывает, что в гипнотическом влиянии Государыня не дает себе отчета.

Государь не допускал вмешательства в свою частную жизнь. Царственная чета в своей кристальной чистоте и простоте не имела мысли, что человек, ими к себе допущенный, – бессовестен и наглый лукавец. Государь не может следить за нравственностью лиц, которых он иногда видит, из которых иные мало и отличаются за глазами поведением от разгульного старца.

Государь считает его иногда юродивым и снисходит к его простоватой искренности.

Попав в доверие, Распутин, как все ему подобные, – зазнался, понимая, что терять ему нечего, а пожить можно всласть. Он хитро изображает простака и юродивость блаженного и молитвенника и умеет притвориться искренним, действуя на мистическую, тревожную и усталую душу Императрицы. В отношении к нему Императрицы есть доля суеверия, отражения медиумизма, **царившего** в высшем и придворном обществе. Лечение Наследника травами друга Распутина Бадмаева дает какие-то результаты, и Царица-мать в это, связанное с молитвой, лечение невольно верит.

Условия жизни склоняют Государыню к мистицизму; угрозы первой революции, убийства, призрак участи королей Франции, частые церковные служения, открытие мощей, искание высшей защиты. Государыня чувствует измену; отсюда сближение и дружба с женщиной, оказавшейся мелкой. Слухи через нее о нелюбви общества побуждают Государыню смотреть и на «старца» как на доброжелателя.

Государь и Государыня – оба цельные, верующие, нравственно усталые, живут без друзей, без знаков расположения. Во имя молитвенных экстазов этому «крестьянину» прощается его грубость. Развращенность его им была неведома. Они далеки в своей чистоте от распущенности образа

жизни общества, разгул которого был более утонченный, чем разгул того же Распутина.

При дворах королей, царей, рыцарей и бояр от века были фавориты, шуты, чудачки, советчики, буффоны и молитвенники, и Распутин был чем-то подобным.

Он был тем «дворовым» слугой с пороками, которые водились у бар, был «фаворитом», какие существуют у всякой толпы, какими были потом Керенский, Пуришкевич, Гучков, Илиодор, Горький и прочие.

Недалеки в истории «пирожник» Меньшиков, дворецкий Кутайсов и иные. Что же было бы, если бы у Царя появился не один, а несколько советников – простых крестьян? Был бы тот же вопль злобы и молва, и ненависть.

Выбор был несчастный. В приближении этом чувствуется что-то тягостное и роковое, что-то сатанински продуманное и слиянное все с той же распутиновщиной эпохи и среды, которая сама, разнузданная нравами, осмелится осуждать безупречнейшую русскую семью.

Лень, распутство, хамство и прочее совпадает providенциально с корнем имен – «Распутин, Ленин, Нахамкис, Воровский» и иные.

Царя осудят распутные, пляшущие, болтающиеся по ресторанам «снобы».

Государь не вникал в слухи о старце – и **терпел** его ради Императрицы, верившей его силе.

О влиянии этого паразита не стоит и говорить. Влияние это было на нескольких сановников, у него заискивавших и думавших влиять; влиял ведь и Керенский, и под его «обаянием» были передовые общественники.

Но попытки влияния на Государя были безуспешны. Со смертью Столыпина уровень кадра сановников был однообразен. Штюрмер был давно выдвинут группой правых и умеренных Совета и Думы; он был давно главой их единения. Хвостов и Протопопов – фавориты умеренных и радикалов Думы. Неумные, безвольные, они типично собирательны для бюрократии и общественности. Такие же посредственности были и в думских кругах. Ни крупных, ни смелых – просто не существовало.

Никакого влияния на события старец не имел, и если за него цеплялись несколько выскочек и конспирировали, то результатов таких конспираций не было и быть не могло.

История доказала и большее; когда революция выбросила, наконец, вперед «общественность», то представители ее оказались и по малодушию и бездарности – еще хуже тех, кто были последнее время в рядах бюрократии. Таким образом, ссылки на влияние старца просто вздорны; и вся буффонада его убийства, все преувеличения и придание ему какой-то роли в ходе государственных дел – все лживо и неумно.

Никогда и ни в одном деле этот человек лично на Государя влияния не имел.

Тем не менее это ничтожное имя попадет в историю. Значение его создавалось умышленно. Если высший заговор против России, неоспоримый факт, и война была той обстановкой, при которой могла создаться решающая революция, то нужно было придумать и реальный аксессуар, повод для опорочения безупречной чистоты, облика самого Государя, его семьи и монархии. Есть, хотя и не доказанные, указания, что «старец» был агентом и Германии, и Интернационала и его русских отделов, и связью всяких «блоков» и союзов. Приближенная свита старца: Симановичи, Манусевичи, Манусы, Рубинштейны и вся шайка с кружащими около людьми света устраняют сомнение в том, что он был орудием в чьих-то руках.

Поддерживаемый несколькими чиновниками не у дел, старец играет свою роль умно, но цели не достигает, благодаря сопротивлению воли самого Государя. На Государя повлиять трудно.

Государь равнодушен к клевете, ему не в чем и не перед кем оправдываться. Но вмешательства в свою жизнь он не допускает. На этом и играют противники, раздражая Государя и Государыню, вызывая их упорство. Игра рассчитана и достигает цели. Старец вырастает в фигуру рока. Появляются Кордэ, желающие его смертью «спасти» Россию! Скандальность убийства будет сигналом к революции. Весь народ сразу узнает, что был какой-то Распутин и что есть **измена**. **Молва** готова и делает свое дело.

Иного повода обвинения, как «старец» и измена, создать было нельзя. Клеветали светские гостиные; клеветала бюрократия, купечество, общество, часть офицерства, печать, армия, города. Молва создает обвинение в **измене** Царской семьи, и Дума аплодирует негодяям, сообщаям это «открытие». Союзники осмеливаются требовать своего военного контроля около Верховного вождя армии. От Государя в такое время осмеливаются уйти его приближенные и некоторые министры, укрепляя этим клевету. Совершается невероятное по наглости и ничтожности причины.

Молва становится на дыбы и ищет выхода. Вместо обожания своего и такого Государя, вместо бережного к нему отношения и тактичного предупреждения о молве, Государю делаются дерзости, пишутся истерические письма, ему угрожают. Из-за ничтожного мужичишки, не имеющего никакого влияния на ход событий, создается эпос с грязнейшей трагикомедией убийства. Молва разнесена по всему миру.

После убийства у английского посла собирается совещание «вождей» общества – будущих правителей. Выносится **приговор** о неизбежности государственного переворота – во имя «победы». Улицу растравливают

лживым слухом о недостатке продовольствия. Деньги на революцию даны. Купленные люди работают. Дума готова и совершает переворот. Нити заговора сходятся.

Следствие Временного правительства позже установило полную безупречность Государя и его семьи как в истории старца, так и в сплетне об измене Царицы и о прочем. Все от слова до слова оказалось подлейшей из клевет, которая когда-либо создавалась.

Нужно было осуждение, совершена и казнь. А кто проведет следствие и суд над тем обществом, которое создавало эту клевету и привело к казни? Где оно, это общество? Уловимо ли оно? Будет ли над ним суд?

Будем ждать, как историки перешагнут через эти эпизоды. Найдется ли в них простая порядочность досказать правду – или они уклонятся, умолчат, будут щадить общество и понесут эхо клеветы в глубь веков? Да не будет этого.

XVI

Запад издавна готовился к войне: Франция – в целях самозащиты; Англия – во имя мировой торговой гегемонии, Германия – с целью захвата власти на континенте и колонизации земель России. Австрия бряцает оружием немцев. Малые страны, как и великие, жаждут расширения территорий. Капиталисты потирают руки, предвкушая наживу, и имеют свой заговор и план. Социализм, имея тоже заговор, учитывает войну, как неминуемое свержение ряда монархий и победу демократии.

Ближний Восток – всегда готовый для взрыва пороховой погреб.

Не желает войны один Государь Николай II. Но уже после Японской войны Россия как Империя перестала принадлежать себе и, занимая «почетное» место среди «великих» держав, во всякую минуту может быть вовлечена в войну.

Самодержавие не было воинствующим. Оно собирало, защищало, устраивало землю почти без насилия. Императорство тяготеет к войне. Создается слава русского оружия, особенно на полях чужих стран. «Солдата русского мало убить, его надо повалить», – завистливо говорит о нас иностранный Государь¹. Так было до Японской войны.

Неудачи этой войны и новый, интеллигентский дух командного состава не разуверили Государя в силе армии и народа, и Государь не сомневается в победе.

При Государе Николае II, даже при постоянном урезании Думой военных кредитов, Россия готова к войне. Во главу командования Государь

¹ Фраза приписывается Фридриху Великому.

избирает лучших стратегов и всецело им вверяется, **не сделав сам своим вмешательством ни одной ошибки.**

«Настроение» общества дает Государю надежду, что война будет протекать при лучших, чем в 1904 году, условиях, когда общество предательски мешало войне, когда студенты посылали приветствия микадо¹ и позже депутаты в Выборге призывали не платить податей и не давать солдат. Настроение в 1914 году повышено. Происходит трогательное единение радикалов с Пуришкевичами², рассылающими телеграммы королям³. Лозунг – «до победного конца». Но безответственное общество и такие же поденные законодатели могут лишь потрясать воздух кликами. Дело не в них. За Россию отвечает один Монарх.

Час настал. Подготовив повод и план войны, западный заговор решает войну, бросая вперед растравленную Германию. Неизбежное совершается. Россия вовлечена в войну. Вопрос – в минутах решения, и последняя минута мирного разрешения дана нашим Государем. Вильгельм ею не пользуется, а позже – уже поздно: остановить бойню не дает техника войны⁴.

Россия шагнула к границам и приняла давно задуманный удар монархической Германии.

¹ Микадо – титул японского императора.

² Часть речи правого Пуришкевича по стенограмме Думы в феврале 1917 г.: «Вы знаете, господа, что старая власть не может воскреснуть, ибо весь старый строй жизни прогнил сверху донизу и упал от дуновения свежих национальных здоровых чувств народа. Вы знаете, что защитников старого строя нет и быть не может в России, ибо это было бы предательством и изменой Родине в переживаемые дни военной брани». Так говорил фаворит, один из вождей монархистов последнего времени, убийца Распутина, герой тыла. – *Авт.*

³ В числе причин отхода в 1907 г. нашей Московской группы (кн. А. Щербатова, Ю. Бартеньева, К. Степанова, С. Шарапова и др.) от начавшейся партийной деятельности правых были «приемы» правых, в том числе посылки Его Величеству и Коронованным Особам всяких телеграмм, призывов и заверений, совершенно недопустимых. – *Авт.*

⁴ После рокового выстрела в Сараево 15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В этот день Николай II телеграфировал кайзеру Вильгельму: «Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерное. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я умоляю тебя, во имя нашей дружбы, сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко». 16 июля Император Николай II предложил кайзеру передать австро-сербский вопрос Гаагской конференции, «чтобы избежать кровопролития». Но это предложение осталось безответным. Несмотря на все заверения, Император Вильгельм продолжал толкать Австрию к войне. Последняя «переговорная» телеграмма от канцлера Вильгельма Государю Николаю II нарочито была послана с опозданием, поздно вечером 19 июля 1914 г., когда посол Германии Пурталес уже передал министру Сазонову ноту германского правительства, в которой Германия объявляла войну России.

Война монархий, в которой главные монархи упадут. Тень Бисмарка не явится отвести руку коронованного безумца, умевшего рассчитывать, но не умевшего чувствовать и верить – не в «старого немецкого Бога», а в Самого Бога. Тень гениального Суворова не встанет около нашего Царя и не скажет: «Оглянись – нет ли предателей!».

Вожди Интернационала, вероятно, где-то «хохотали», предвидя падение монархий.

Через три года Монарх Австрийский скроется в тени. Германский – трусливо сбежит из своей страны. Монархи-победители усидят на тронах, любезно склонившись перед Интернационалом.

Русский Государь выказал царственное благородство и, встретясь лицом к лицу с врагом, он своею волей сложил с себя власть. Несмотря ни на угрозы, ни на посулы дарования жизни и свободы, он не изменил союзникам и сохранил безупречным имя Царской России и когда-то великого народа.

Он оставил армию «в ружье», готовой к решительному походу. Он оставил Россию – богатой, неистощенной, способной держаться еще много лет, – в часы, когда Запад был накануне истощения продовольствием и людьми.

Он оставил победу, уже предрешенную спасением в 1914 году Парижа, легендарным натиском в Пруссии и собранием армии в 12 миллионов.

Напрасно говорят, что война оказалась безрезультатной. Нет, результаты огромны, но обратны целям ее. Не разоружение и мир дала эта проклятая война, не дав удовлетворения никому, кроме людей зла, а начало будущих истребительных схваток народов. Прежние монархи сдерживали порывы кровоточивой по сегодня Европы. Влиявшее когда-то христианство отодвинулось в тень. Новые социальные устройства, новые нации будут беспредельно развивать злобу и месть за неоконченное в 1918 году – и оно повиснет над миром. Революции сольются с войнами, и идея братства народов отодвинута на века.

Сверхмерная выгода одних, нажива других, неудовлетворенность третьих – расшатывают все смычки Европы как организма, рушат ее авторитет, и она будет растрчивать свои силы в национальных и социальных ненавистях и экономических недомоганиях. Социализм и парламентаризм доведут политический и экономический строй Европы до абсурда, капитализм – до рабства. Зашевелится мирный, но могущественный Восток.

По плану заговора наша революция родилась из войны. Ее приветствовала Европа. История докажет, что главный замысел родился в Англии, которая и дальше будет сплетать ненависти и создавать недомогания. Со-

перницей в этом умысле будет Германия. Выведя из строя главную силу – Россию, эти страны не дадут устоять европейскому миру. Версальский мир будет договором с перспективой нового побоища¹, и подготовят его – Лига Наций² и Интернационал.

Постепенно будет вставать смиренный образ того первого, который звал мир к миру. Его не послушали. Его вовлекли в бессмысленную войну, и он пал жертвою своего царственного человеколюбивого долга. С падением Государя Европа потеряла страну от века примирительницу. Определилось наше первородное восточное призвание. Отход от Запада – совершившийся факт. Независимость – условие бытия России, которая сама определит свое значение, восприняв или вновь Царственную силу единства, или республиканское рабство и разделение.

XVII

Не заглядывая дерзновенно вперед, вернемся к близкому прошлому. Санкция на переворот дана на совещании посла Англии – на глазах правительства и, вероятно, с ведома союзных стран (?).

На сцене Царь, общество, армия и народ.

Повод к перевороту – революции, Распутин и недостаток продовольствия. Ложь и подлог в том и другом. Россия полна запасами, и новые правители будут три года ими кормить страну.

На этих «поводах» Дума произносит слово «измена» и обвиняет власть. Вынужден акт роспуска Думы. Дума решает не расходиться. На улицу выпущена сытая интеллигенция требовать хлеба. Первые три дня «рабочих» почти нет на улицах. Лишь кое-где – забастовки.

Россия совершенно и всюду спокойна.

Лишь на 4-й день, 1 марта на улицу вышли все солдаты.

¹ Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г. в Версальском дворце во Франции, официально завершил Первую мировую войну. Главнокомандующий союзными войсками маршал Ф. Фош, прочитав мирный договор, сказал: «Это не мир, это перемирие лет на двадцать».

² Лига Наций – международная организация, основанная в 1919–1920 гг. в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения, которая была сформирована под влиянием политических и военно-стратегических соображений стран-победительниц в Первой мировой войне (главным образом Великобритании, Франции, США, Японии) при игнорировании интересов побежденных и вновь образованных стран (Австрия, Венгрия, Югославия, Чехословакия, Польша, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония). Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, дипломатическое урегулирование споров между странами, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила свое существование в 1946 г.

Необходимо место, куда толпа может скопиться. До 1905 года такого места не было, и революция оттого и не удалась. В 1917 году это место — Дума, для этого акта она и создана.

Очевидец всего, я даю краткое показание.

По Невскому бродило общество, и на улицу с чердаков дано было с 23-го по 26-е несколько выстрелов; четверо убитых (всех «жертв» за 8 дней похоронено 83). На углу Литейной и Сергиевской, на фоне горящего Суда (после кражи из арсенала старых ружей) была толпа человек 500. На двух телегах — доски, и на них что-то кричали ораторы. Взвод преображенцев был уведен с поста в казармы. Лишь 28-го было серьезное скопление на Знаменской площади. В толпе одиночные солдаты четыре дня ведут себя чинно. Стрельба в воздух — **только в Литейной части.**

Под командой генералов Хабалова и Балка — до двух тысяч солдат четыре дня топчутся с Гороховой в Адмиралтейство и назад. Разъезды там, где нет толпы (Забалканский, Набережная и площадь).

Лишь одна казачья сотня была послана 25-го, 26-го и 27-го разогнать толпу в 500 человек на углу Литейного и Сергиевской, но идя по Невскому, не доходя до Литейного — сотня оба раза карьером поворачивает по Троицкому назад, через Забалканский на Гороховую.

Ни один из министров, ни генералов на улицы не выезжал.

На второй день выхода солдат из казарм войска генералов Хабалова и Балка, не сделав **ни одной** попытки очистить Невский от толпы (23, 24 и 25 февраля) — мирно расходятся куда хотят. Весь генералитет сидит в градоначальстве, повязывается бантами и расходится куда попало.

До 27-го рабочие скапливаются на острове, но в центре идут туго, а с 28-го стягиваются к Думе.

Вот что было первые четыре дня в Петербурге. **Никакой революции не было.** Незначительные толпы были в районах: Невский, Литейный, Знаменская площадь.

Ни одной попытки разогнать эти толпы сделано не было.

Революция началась только в стенах Думы. От Думы зависит все остановить.

Туда скапливался **не народ, а сброд**, общество, интеллигенция, рабочие и солдаты. Там произносится слово **революция** не кем иным, как **членами Думы**, и слова эти разносятся **всей без исключения печатью по России**, которая, несмотря на это, вплоть до 10 марта (Московское движение) невозмутима.

Эта справка приводится мною для следующего: когда в Петербурге (22-е — 28-е) **не было и подобия революции**, и вся страна была совер-

шенно спокойна, — и пресловутые массы были численно ничтожны и мирны, — Дума через Родзянко сообщала Государю в Ставку и всем командующим, что революция в полном разгаре.

Опровергнуть Государю этого подлога и новой лжи никто из бюрократии и военных чинов не посмел.

Обмана, подлога и преступления, равного этой буффонаде, история не знает.

От событий тех дней веет чем-то гнусным и мещанским. Никто ничего не смеет. Всё как ошалелое чего-то ждет, и по всей стране несется лживый голос председателя Думы и печати: революция!

Она наступит, когда народ станет бесноватым, одержимым, и начнет от этого клича пропадать.

Ленин — на балконе Кшесинской — сильнее всей Думы. Ленин — революция, он каторжник по призванию, наемник, шпион, насильник, наглец, но знает, чего хочет, глумясь над Россией, народом, миром.

А в дни 22–28-е идет подленький обман, беспричинный слом истории под призыв Думы «спасения России и победы».

На Государя лгали все. Теперь ему лгут все: общество, бюрократия, высшая власть, Дума, командующие. Распад страны, начатый в 1904 году обществом и бюрократией, — довершен.

Была ли попытка все это остановить? — Не было никакой. Гражданская и военная бюрократия — сразу и вся, — трусила и сдалась, не пробуя защитить ни России, ни Государя, ни строя, ни армии, ни самих себя.

Где же былое окружение Государей?.. Где Меншиков, Шереметьев, Волынский, Бецкий, Потемкин, Румянцев, Ростопчин, Суворов, Кутузов, Киселев? Сколько славных имен! Сколько сильных людей. Где люди высокого уровня общества и бюрократии эпох Государей Николая I и Александра II?

Где Сусанин, Минин? Ни кругом Государя, ни в Петербурге — нет людей. Все растворилось или в интеллигенции, или в снобизме, или в разгуле кутящего и спекулирующего тыла. Останутся князь Долгорукий, Татищев, Боткин — эти не оставят Царя. И позже не будет Кобленца, и пока не слышно о Минине.

Революции не было. Она начнется с часа отречения Государя. И акт этот исторгнут новым подлогом.

Все те роковые дни Государь Николай II был, видимо, совершенно покоен.

Он верит в народ и в армию.

XVIII

Революция Франции¹ – ни на минуту **не продает** Родины, к чему идут и что делают у нас с умыслом и от страха поголовно все вожаки – с часа отречения Государя, единого не продавшего ее.

Цель требования отречения – победа. Сколько бессовестной вздорности в этом условии!

Вожак **говорят** о победе, но ни одна душа не верит словам – оттого победы быть не может.

Весь народ понял сразу, что в происходящем все ложь. И народ **когда-нибудь** должен узнать, что все было подлогом и кто его совершал.

Да, – и у французов, и у их аристократии и демократии было «охвостье», но оно откидывалось, отбиралось, ему рубили головы, не давая слишком соваться вперед. У нас большинство оказалось сплошь «охвостьем».

Лишь много позже отобравшееся белое движение, не зная точно, во имя чего идти, сумеет героически умирать, но оно малочисленно и бес- сильно будет победить.

Революция Франции – побеждая, диктовала Европе условия. Наша революция – начала брататься, завопила «без аннексий и контрибуций» и «долой войну»; заставила воткнуть штыки, позволила продавать за водку оружие и все видимое грабить.

Франция рубит головы антипатриотам. У нас рубят – патриотам.

Пронесшийся вихрем после отречения Царя дух общественной измены – убил героизм, живший в народе и армии.

Лживость, пошлость, ненужность и преступность революции понялась **народом** сразу, и весь митинговый до сегодня пафос общества – был разочлачен. За ним народ не пошел. Народ принял – но презирал революцию. Французский социалист Thomas, приехавший в числе других поздравить народ, в августе скажет: «Votre révolution n'est pas sanglante, mais elle est lâche»².

Столичное общество берет, наконец, «власть» в руки.

Что же получилось? Народ этой власти не признал. Никакой связи с народом не оказалось. Авторитета нет, так как ни чувства, ни чести, ни истории, ни преемственности, ни плана у этой власти нет, и через восемь месяцев вожди общества, как и вся Дума с первых дней, «удерут», как разбежалось от окрика матроса желанное с 1904 года Учредительное собрание.

¹ Великая французская революция (14 июля 1789 г. – 9 ноября 1799 г.) привела к уничтожению монархии и провозглашению республики (1792) под девизом «Свобода, равенство, братство».

² Ваша революция не кровавая, но она трусливая (фр.).

И когда с 27 февраля общество – Дума – осмелится **судить** Государя и решать его отречение, оно даст себя навеки **суду** истории, и суд этот узнав, **кто и за что судил**, вынесет обществу позорнейший из приговоров. Не нужно имен, – самые имена и каждое имя действующих против Царя и России людей в организациях «Шиповского» съезда, а позже блока, комитетов и последнего думского ядра – и есть **клеймо** несмываемого преступления. И никого не тронет сознание этих господ, что они «ошиблись», ни развязная ссылка на чьи-то слова, что «нечего зарекаться от возможности поумнеть сообразно обстоятельствам». Кровь Царя и миллионов людей и позор России – не обстоятельства, и кровь эта клянет зачинщиков.

Франция судила Короля, ему ставили в вину: негодные финансы, голод, нищету рядом с роскошью двора. Привилегии дворянства и духовенства резали глаза народу. Налоговое напряжение было крайнее: 12 десятин дворянской земли платят 9 ливров, а крестьянские 4 – платят 14 ливров; Король терялся, видя упадок страны.

У нас ничего схожего нет. Страна богата, сыта, спокойна, на пути здоровых земельных реформ; как нигде в мире ничтожен налог и взимается без всяких кому-либо привилегий. Страна – могущественна и способна содержать величайшую армию в мире. Страна – в состоянии войны. Государь – образец скромности. Нет ни малейшего повода к осуждению.

Сходство лишь в окружении Государя; Mallet du Pan говорит, что «благодаря светскому эпикуреизму, изнеженности, все, что было знатного во Франции, все собственники были совершенно расслаблены».

У нас, как и во Франции – весь правящий класс шел к пропасти – с короной на голове. Сходство было еще в том, что как у Государя, так и у Короля – «был один человек – его жена».

Но тут же и разница: в счете десяти тысяч жертв Французской революции – восемь тысяч дворян, из которых около тысячи военных легло за Короля в бою за него.

Во Франции лозунг «монархия» не сходит с уст борющихся, и никто не прячется за одну идею спасения страны. Вещи назывались своими именами.

В монархии сознавали силу, были ей верны, и оттого с таким восторгом народ позже приветствовал корону, хотя и императорскую.

Короля критикуют и судят годами, так как народ не отдает его сразу.

Иное у нас. Без голоса и воли народа и без всякого участия России шайка заговора и разогнанная Дума осудила Государя в два дня и арестовала его. Нет сходства и в поведении окружения; сколько раз в Версале, и на улицах, и банкетах монархисты в кровавых схватках отдают свою жизнь за Короля!

У нас? – Ни одной сабли не будет вынуто в защиту нашего Государя. Всё кругом безвольно молчит. Государь после отречения подъезжает к Царскому Селу, в поезде придворные – до остановки поезда почти все, чтобы не быть узанными около Государя, выскочат на ходу.

Невозмутим лишь Государь. После отречения, арестованный, в ссылке, он и Царица и дети, все и каждую минуту царственно спокойны и величественны в своей простоте и бесстрашии.

Нет сходства и в поступках монархов.

Король уступает шаг за шагом. Бежит, цепляется за власть. Позволяет на себя надеть красный колпак, целует и благодарит своих мучителей. Благородный и невинный, он теряется и становится игрушкой революции. Но народ не хочет его потерять, и крестьянство остается ему верным.

Ни насилия, ни угроз, несмотря на свое полное одиночество, Государь Николай II не боится. Ни минуты малодушия. Ни одного движения к уступке. Доброй волей дает он в 1905 году конституцию, и не отдав и не дав ничего в 1917 году – отречется.

Общество, требуя отречения, будто не знает, что последствие отречения – смерть! *Moriendum esse!*¹

Шайка Робеспьера изощряется дать обстановку суда и говорит о казни – прямо.

У нас заговор предает Царя чужим рукам, и для этого сошлет его «с глаз долой».

«Дайте Кутону стакан крови – он хочет напиться», – вспоминает чью-то фразу историк².

Наш историк спросит общество и Думу – напились ли они достаточно невинной крови? Не в крови разве руки Родзянок, Керенских, Гучковых и всего поименно заговора, блока, партий?

В плеяде вожakov Французской революции: Кордье, Мирабо, Петитон, Редерер, Кондорсе, Марат, Сийес, Барнав, Лафайет, Фурнье и другие. В их среде таланты и умы. Многих историки зовут негодьями, – но они составляют Гору, они не бегут, как наши, они авторитетны в народе, в Европе, они – власть, и многие под угрозой казни борются за привилегии Короля, дают и защищают великие начала – **собственности, целостности и независимости** Франции. Революция дает армию, которая бьет Европу, и в рядах босой армии рождаются – Наполеон, Мюрат, Даву, Ней и вся галерея незабвенных героев и тоже умов, и талантов, и патриотов. Отстояв **собственность и границы**, а потом проходя

¹ Ты должен умереть (*лат.*).

² Воскликание Верньо, одного из лидеров Жиронды, после призыва Кутона к членам Конвента арестовать жирондистов.

победно по Европе, – Франция в праве когда-нибудь простить свою революцию!

Может разве Россия простить нашу и господ Шиповых, Гучковых, Милюковых, Керенских и все присное, делавших **все** обратное? Создавших не гору, а злую кровавую яму. Французская революция, разрушая, творит. Она никому не подражает, оттого она не постыдна, как наша, а трагична. Франции не были нужны искания ни франкофилов, ни Интернационала. Нет! Францию будит четкий клич нации: *ça ira*¹. Впереди их революции – всегда боевой звук трубы и барабана; оттого она отвратительно кровава, безумна, – **но не подла**.

У нас все иное. На другой день отречения – штык в землю и «айда до дому» – углубляй и спасай революцию! Царя не стало. Фанатиков монархии не оказалось никого. К вере призыва нет. **Без этих символов Отечество останется без содержания.**

Углубляя революцию, неведомый никому шут Керенский и прочие изображают Россию – вздорные спазмы, искания слов, и рядом генералы, козыряющие новому **начальству**. Но в истории не было шутов-героев, – и такие генералы побеждать не могли. Ни Карно, ни Дюмуре, ни Мюрата у нас не окажется. Ясно, что Керенских никто не слушает, и о победе не может быть и речи. У власти ничтожества и их сменят сильные, из тьмы той же интеллигенции и того же общества, и взяв за горло народ, без его спроса будут продавать Россию².

Годы революции Франции идут под знаком победы. Последняя серия Горы – Фурнье, Дантон, Ровер, Варен, даже мясник Лежандр и Робеспьер

¹ Дело пойдёт! (*фр.*) – песня-гимн Великой французской революции 1789 г.

² Как делалась революция и как выявляли свое предательство и свою бездарность руководители освобождения описывается очень своеобразно историком (*sic*) г-ном Милюковым. Он утверждает, что Дума и блок сделали много своею деятельностью; он описывает, как «ликвидировали» министров, как шла работа комитетов, как депутаты разъезжали по казармам, как Гучков «оборонял» столицу от войска Государя, как, усадив власть в крепость, демократия «боролась» со старой властью, как Шульгин требовал царской народной присяги, как Милюков заявил, что «их выбрала революция» и что «старый деспот, доведший Россию до разрухи» будет уничтожен, и тому подобное. Много важного написал г-н Милюков и его сознание, как развивалось предательство, заслуживает внимания и назидательно для многих.

(Заметка перед выпуском книги.) Ослабляет историю г-на Милюкова о изменах его изречения в день 10-летия революции: «Идея нашей революции есть идея **права**, внедряемого в сознание массы», «великий рубеж для новой жизни» и так далее. Его друзья говорят о «рыцарском ордене интеллигенции». Но говоря об идее «внедрения права», г-н Милюков справедливо не разделяет февраля от октября и говорит, что революция «продолжается». Не смело ли доказывать, что Временное правительство, заговоры и большевики утверждали **право**? – *Авт.*

не отступят в комитетах безопасности и спасения. Юродствуя у гильотины, они не забывают охраны собственности и борьбы с врагом страны. Франция содрогается, но духа не теряет. Французский народ и общество – не воры!

Когда-то наш восточный земский край выдвинул Минина, и вооруженный народ повалил спасать Царство от воров и поляка Владислава. Истомленный, но царственный дух побеждает без речей. Иное в 1917 году. Народ тот же, но его завлекли в болото. Убили – дух. В народе и обществе еще немало чудесных людей, – но они ошеломлены наглостью вожаков общества и не верят ни себе, ни друг другу.

Один порыв офицеров под Тернополем угас вспышкой патриотизма¹. Впереди не было никого, и людская лава хлынула домой грабить – благо во имя спасения революции обещана несуществующая и ненужная земля, и во имя старого «мы калуцкие». Ни минуты не веря новой власти, – народ, очертя голову, чувствуя позор совершившегося, убегая от самого себя, довершит грабежом воровскую идею революции. Армия сдается без боя. Альфа и омега социализма – ложь и пораженчество.

Зная нашу психологию, немцы, победив нас, не торопятся в Москву. Царственный родственник Государя Вильгельм чувствовал конец своей армии и нашу победу, послал Ленина со товарищи с 70 миллионами марок разворотить революцию, и Ленин, раскалив добела самую смерть, сломил всех. Отдав нанятым большевикам северо-восток, гордые своим преступлением немцы войдут на юг, – и народ наш и общество будут раболепно ждать своей участи от генералов Эйхгорна – Грюннера² и прочих.

Свиты генерал Скоропадский поедет на поклон к кайзеру, а представитель собравшейся в Москве общественности скажет присланному добровольцами делегату, что «спасение России – от немцев, а не от союзников».

Все позорно; полосой света перейдет в историю лишь чудесный путь добровольцев³, как попытка защиты народной чести.

¹ В конце июня 1917 г. началось наступление войск русского Юго-Западного фронта в Галиции. При общем развале фронта только в районе Тернополя Преображенский и Семеновский полки показали себя боеспособными соединениями российской армии, обеспечив кратковременный успех и продвижение вперед. Однако в итоге летнее наступление 1917 г. в Галиции окончилось тяжелым поражением русской армии и отступлением.

² Генерал Эйхгорн после Октябрьской революции в России и заключения Брестского мира руководил оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России; с 31 марта 1918 г. главнокомандующий германской армии на Украине. Возглавил администрацию оккупированных областей Украины (за исключением находящихся под управлением австро-венгерской администрации частей Волынской, Подольской, Херсонской и Екатеринославской губерний).

³ Добровольцы – офицеры и солдаты Добровольческой армии, сформировавшейся для борьбы с большевиками в 1917 г. на Юге России.

Водворится не власть, – а «международный синдикат» расхищения России. – Ходульная цивилизация Запада и демократия торжествует. Европа болеет клептоманией, а эмиграцию назовут «воблой».

Ключи мира и войны – в руках большевиков.

XIX

Чем больше пройдет времени, тем отчетливее резец истории будет обрабатывать рельеф великолепной жизни нашего Государя и значение этой жизни в мировой истории. Он, и никто иной, **бросил** вызов мировому безверию, бесчестию и идущему вихрем стадному человеческому безумству.

Монарх-христианин – первым в истории принял на себя нападение мрачного Интернационала и всей земной армии грядущего инквизитора. Западники должны себе сказать, что их бывшей закономерной Европы не существует. Если еще нет двух Европ: одной – держащейся за право, быт и религию, а другой – спекулятивной и извращенной, – то все же приближение Европы если не к концу, то к полной переоценке всех quasi¹ высоких достижений своей пресловутой культуры близко.

Допущенное Западом и забытое так легко свержение и смерть благороднейшего носителя истинной цивилизации, высокого защитника того же Запада от восточного и северного нашествия отзовутся на судьбе всех стран.

Фанфары социализма замолкнут, показав миру, что у социализма иного лица, как большевизм, нет, и человечество в конце концов смертельно испугается этого лица. Когда-нибудь самое слово «социализм» будет произноситься с проклятием и смехом. Но и капитализм должен пережить глубокий кризис, и рука времени и самосохранения властно отведет его с хищных путей, по которым «золотой телец», ведя перед собой свое детище, социализм безмятежно шествует и развращает.

Падение Государя Николая II и с ним России – потрясет еще мир. Эхо и раскаты этих событий перейдут в века, и сегодняшнее равнодушие к судьбе России и хищнические на нее стремления сменятся великой тревогой, когда эта Россия начнет подниматься и оглядываться.

Человечество, дошедшее до химических способов самоистребления, равнодушное к изуверствам войны и к процессу русской революции и полагающее, что революция – состояние нормальное и допустимое, поймет кровавым опытом, что надо или идти с культурой назад, или, не скрываясь, показать свое лицо преступника, или же начать новую жизнь.

¹ Якобы, мнимо (лат.).

Мира нет; война тлеет и, вспыхнув, опять зальет кровью мир.

Игра в коллективы, в демократию, парламент и социализм и все прочее – накануне разоблачений и крахов, и потерянные люди, обратив взоры на кресты могил прошлого, восстанут.

На все происходящее в томительные месяцы своего изгнания взирал наш Государь. Но позволим себе думать, что не мировые проблемы занимали его тяжкие думы, а иные, родные, о своей России, которую он беззаветно любил.

В своих последних словах народу Государь не сказал ни слова упрека; в них слышалось лишь горе за Отечество.

Живя в легендах трагических смертей почти всех своих предков и зная немало средств «ублажить» те или иные слои населения, Государь на эти способы не пошел. Он не боится себя, даруя дворянскую землю крестьянам. На трусливые советы в 1905 году дать все свободы и полную конституцию Государь созывает Думу и терпеливо оставляет ее действовать. Но ничто его не заставит отказаться от самодержавия. А как легко было отказаться от одного слова и на некоторое время получить покой!

В 1907 году Государь дает решающий земельный закон, хотя главная сила общества – против него и его лучшего министра.

Ценою договора с Германией Государь может обеспечить мир своей стране. Но он знает, каких уступок от него требуют. Он верен союзу отца с Францией и, уже в изгнании, отвечает немцам на условие своего спасения, «что даст отрубить себе руку, но не подпишет мира».

Государю все время грозят «еврейским вопросом». Верх общества – в «блоке», – и «блок» в первую голову требует равноправия евреев; министры финансов твердят – *entweder-oder*¹. В силу глубокого мышления и предвидения Государь на эту меру не идет, но готов сделать все облегчения.

Всё в чувствах Государя – против войны. Но затронута честь страны, и колеблясь лишь несколько часов, бодрый, твердый, он принимает вызов.

Все акты Государя полны достоинства. Ни одного исходящего от него несправедливого решения. Монарх безупречен.

Прошел год войны. Как и в Японскую войну, комедия общественного патриотизма тянуться дальше не может. Повторяется 1905 год. Неудачи армии в Польше ставятся в вину Государю и строю. «Они» – недовольны безупречным Монархом. «Они» – всё лучше сделают. Тыл в азарте разгула не унимается. Во Франции и Германии на двух строевых в тылу – один. У нас на одного в строю – тыловых двое.

Провинция держится с достоинством, но столичный распутный тыл, гуляя в ресторанах, сыпая деньгами, паясничает, интригует и ведет поход на Царя.

¹ Или-или (нем.).

Париж и Берлин закрыли все увеселения. Там полная тишина, напряжение патриотизма и беспрекословное послушание власти. У нас Государь запретил вино; в городах, в свете, в обществе – оно льется рекой. Народ и солдаты вина не пьют, его пьет общество. Хмельное общество – ропщет, и в армии раскатом превозносится Гучков и его присные. Блок – заговор показывает зубы, фрондируют опять титулованные и сановные, и сановники – боятся тронуть сановников. Посланный в Нью-Йорк для улажения еврейского вопроса агент министерства финансов сообщает из Америки, что синдикат банков не интересуется больше еврейским вопросом, так как равноправие будет дано не Монархом, а самим народом.

Требование «блока» поддерживается Англией и ему сочувствуют союзники.

Приезд в Стокгольм Ризова к Неклюдову с намеками на сепаратный мир. Бестактная дипломатия показывает документ Государю. Возмущенный Государь делает резкую отметку «не смей и думать о мире», но ею пользуются, чтобы сказать, что он «читал» эту бумагу.

К Государю пристают, его тревожат мелочами, будто измываются над ним.

Но ни блоку, ни Думе, ни державам – никому он не делает уступки. Не сделает, так как все требования только дерзки и неумны.

Правительство бессильно. Смены подающих в отставку министров не дают никого сильного. Состав бюрократии и палат одинаково бесцветен. Кто бы ни был на месте последних министров, – было бы то же самое. Бюрократия как класс – перестала существовать. Заговор спешит действовать. Обществу, Думе и всем даны директивы о неизбежности переворота. Все «координировано»; с сентября 1916 года организована швейцарская группа Ленина, и революционное правительство, вышедшее из «блока», **разрешил** Ленину приехать помогать революции. Историк должен разобраться, какие группы и лица работали для немцев, какие – под руководством англичан.

До сих пор скрыты стенограммы членов Думы последних дней. Скрыты и речи посланцев Думы – Государю.

Молве о Государе, об изменах и прочем дано полное распространение. Дума сознательно стремится к своему роспуску, то есть к перевороту. Думе и самому заговору бояться нечего – с ними армия, с ними – Европа.

Спокоен и тверд Государь. Тревога Государыни ему не передается. Беспорядки ему не страшны. План наступления в апреле – готов. Он предвидит славный конец войны, не допуская мысли о революции во время войны и накануне победы.

Государь опирается на свою верную армию, на свой командный состав.

XX

Наступают последние дни.

Сообщением о несуществующей революции, при полном спокойствии народа и армии, при обилии всего в стране и накануне победы – обманом всех – он свергается.

Вслед за отречением начинается кровавая, до сего дня длящаяся революция.

Страна без власти – хаос, и им воспользуется первый сильный человек, наемник Германии и Интернационала – Ленин.

Социализм – высшее достижение европейской культуры, плод тысячелетних исканий мудрецов, найдет себе приложение в необъятной России. Народ надолго согнет выю под этим страшнейшим игом. Космополитический интернационал будет править страной и сделано будет все для ослабления, для раздела, распродажи России, для вывода ее на столетие из ряда производящих государств, для обращения ее в выморочное пространство, а народа – в рабское состояние.

«Политика» Запада по отношению к упавшей России будет бесстыдная; проявлена будет жадность наживы и презрения к ее народу и истории. Лишь будущие русские поколения учтут чудовищность происшедшего, и надо верить, что этот бесчеловечный по жестокости и цинизму урок научит их любить Россию и познавать своих врагов.

Страшны дни перелома России. Страшны – не революцией, которая жалка и презренна, и не последующим поведением общества, армии, да и всего народа, добившихся права на бесчестие, а страшна простота событий тех дней в Ставке.

Перед Царем встает вождь общества, жалованный Государем камергер Родзянко. Он дерзает вступать в наглые переговоры и сразу грозит и предпринимает, заручившись еще с 1915 года поддержкой в армии.

Однако запугивание лживой революцией на Государя не действует. Очевидно, Государь не верит. Он не верит, что правительство поголовно трусило. Он не верит, чтобы среди бюрократии, ее учреждений, Сената, Совета, командующих тылом армии не было **никого** честного и смелого.

И наконец Государь у себя в Ставке, вождь всей силы страны; очевидно, он в безопасности.

И вот в этой Ставке происходят события, которых никакой человеческий ум предусмотреть бы не мог. Какой из заговоров предусмотрел и все подготовил, мы точно узнаем впоследствии.

На 4-й день «беспорядков», только в Петербурге, – 2 марта в 6 часов утра, помимо Государя – вождя армии, – генерал Алексеев, после «долгого» тайного ночного разговора по телефону, **послал** всем главнокомандующим предложение довести до Его Величества через него, Алексеева, какой **выход** они видят из **сложившихся обстоятельств**, которые им очерчены: **но** при этом Алексеев сообщил генералам, что **Родзянко** считает **возможным** продолжение войны **лишь в случае отречения Государя от престола**.

На это обращение **уже** 2-го получены аналогичные ответы от главнокомандующих из разных мест (кроме ответа генерала Сахарова).

(Все сие установлено в сообщении начальника связи Ставки Сергеевского.)

В 11 часов 2-го все ответы посланы Алексеевым Государю в Псков.

Командующие дерзают без спроса своего Государя и Верховного, и даже не являясь к нему лично, находить исход войны в его отречении.

Государь отвечал: «Нет жертвы, которой я бы не принес для Родины».

Немедленно в Ставке под руководством генерала Лукомского составляется **проект отречения**.

В ночь на 3-е чины Ставки, – «толпясь» у аппарата, узнают об отречении Государя за себя и сына.

Генерал Алексеев предупредительно передает текст командующим.

Вот все – самое главное. В эти часы совершалась история перелома России. В эту минуту решилась судьба России и кончалась война.

Позволим себе стать в положение Государя.

Против него опять встало петербургское общество с улицей. Россия опять безмятежна, ничего не знает и молчит. Государь обращает свой взор на армию в лице второго после себя вождя – Алексеева. Государь видит, что и здесь этот его ближайший помощник – за общество и за петербургский сброд улицы; узнаёт, что он **против него и что без его ведома** посылаются с мнением Родзянки телеграммы. Без него – генералы и Дума соглашаются, что продолжать с ним войны нельзя. Без повеления Царя, без вопроса и приказа вождя – командующие заглазно указывают выход, берутся решать судьбу России.

Предоставим историку тщательно показать, были ли и с каких пор Алексеев и генералы в сговоре с революцией, и что смели все они иметь против Государя, чтобы идти на явный подлог? В ночь 2 марта заговором поправано было все. Командующие, как и депутаты, презирая присягу, дисциплину, историю, боевую славу – смеют вместе с обществом не только судить своего Государя и вождя, но советовать, требовать, просить... не все ли равно... отречься и освободить свой престол и пост и обезглавить

Россию. И за что? На каких основаниях? Впрочем, на это, как и на убийство Павла I и Александра II, и на причины смерти во время революций пятнадцати миллионов людей – не ответит никто.

Все – беспричинно.

Мир не слышал ничего подобного этому правонарушению. Сказались этнические свойства русского общества. Не народа – нет. Народ был ни при чем. Анархия плеснула кровью в лицо – сверху. Ничего иного после этого, кроме большевизма, не могло и не должно было быть.

Конечно, Государю были безразличны угрозы Думы. С ним – армия. И вот против него поднимаются командующие – цепь замкнулась – вся армия. Вся ли? Тогда где же та **часть**, которая за Царя и вождя?

И на этот вопрос до сих пор история мрачно молчит: ни одного жеста за Царя сделано не было.

Русский Царь предан.

Предана вся Россия. Предана армия, и она после этого неминуемо предаст. Следствием актов Алексеева и командующих – приказ № 1, бесприкословно выполненный тем же Алексеевым; братанье; Брест и остальное. С ночи 2 марта нет армии, нет и России.

Ничего иного Государь не мог сделать — как отречься.

Государь понял всё, и Россия услышит его суд в словах: «Кругом предательство, ложь, измена».

Таковы главные слова истории эпохи. Ими все объясняется.

Судить имеет право один Государь; и страшны эти слова Государя России; страшны своим значением. В словах Государя – вся история его Царствования. Знающие **всех** деятелей эпохи знают весь ход измены ему и всей России.

У Государя могло быть три решения: уступить обществу, обезличить свою власть, отдать ее сущность и остаться слугою общества и Запада. На это он не пойдет.

Видя измену генералов и прибытие двух иуд, посланцев Думы, Государь мог повелеть созвать воинские части, объявить свою волю: диктатуру, отречение генералов и расстрел их и депутатов на месте.

Кровь в армии, риск бунта за и против себя. Даже при вероятности успеха Государь, каким мы знаем его, на кровь не пойдет. Оставалось решение – отречение.

В ту ночь решения тревожно носились образы России, вся история творений его предков, вся слава, весь неизвестный неоглядный народ и простор владений, и столь вероятное и возможное светлое будущее. Его совесть безупречна. Непрерывно его служение. Блага его цель; и благополучие России устраивалось так легко.

Он, Царь старой могучей России, остановит на минуту ее жизнь и историю. Всё кругом или молчит, или хочет его унижения. Один – против миллионов – он с молитвой совершит таинство отречения. С Государем – пала Царская сила, пала перед неимоверной силой западного Интернационала, с его миллиардами денег и подручными темными силами – русских подданных.

1 и 2 марта 1917 года – важнейшие дни всей истории России, ее «быть или не быть»: самодержавие – или социализм? Единое Царство – или республика? Победа – или поражение? Слава – или позор? Народная свобода при монархии или кабала социальная и экономическая? И, наконец: или тысячелетняя независимость России и самодовлеющий ход вперед, – или полная зависимость и иго – в тысячу крат более тяжкое, чем монгольское, и владычество над страной алчных мировых сил. В те часы христианская Россия дрогнет, отдавая надолго народ во власть дьявола.

Непобежденным остается один Государь.

В час решения Государя совершалось таинство, а не политика, и напрасно летописцы упрощают момент отречения – в эпизод.

Таинственность происходящего подтверждается тысячелетней историей страны, связью царей с Православием и народом и актом помазания Божом, в Которого еще по сегодня верит часть человечества.

Перед этим прошлым и будущим Государь стоял один. Ни на одного Монарха еще никогда не ложилось бремя подобного решения, так как нет более великой и важной страны, как Россия.

В сопоставлении трех сил: власти, общества и народа выступает яркая картина: велик, ясен и белоснежно чист облик носителя власти.

Низменно, преступно и мрачно общество.

Недоуменен и поневоле мрачен тоже обманутый народ.

Безошибочно продуманно совершен захват власти. Предусмотрено ее страшное одиночество: лживое утверждение о революции, обвинение в измене, телеграммы командующих, блуждание поездов, быстрота действий, удаление от Петербурга и семьи – все продумано. Космополитический интернационал и германцы довольны исполнением своих русских сообщников. И не было руки, которая взяла бы за горло этих всех и потрянула бы их силой беспощадной жестокости!

Никаких двух революций не было. Была одна февральская; и Родзянки, Гучковы и иные ее начнут, – а Ленины, Троцкие, Свердловы и Юровские ее продолжают. Одни свергнут, арестуют, осудят; другие – убьют. Палачи – все. Кто агенты Германии и Интернационала – какая часть общественников, – совершенно безразлично. Россия предана – всеми. Партии, салоны, блоки, комитеты, все делали одно дело. И когда общество совершит, не-

повинный до сего, далекий от всего, ничего не знающий народ, потеряв Царя, ринется по пути того позора и бесчестия, которое ему **указано обществом** и его желанным «ответственным» правительством.

Система строя, на которую опирался Государь, – **императорство**, – его не защитит. С поколением изменников и малодушных – она рухнула раньше его решения.

XXI

Государь все время спокоен. Одному Богу известно, что стоит ему это спокойствие. Лишь 3 марта, **привезенный** обратно в Ставку, он проявляет волнение. Сдерживаясь, стараясь быть даже веселым, он вышел из поезда, бодро здороваясь с Великими князьями и генералитетом. Видели, как он вздрогнул, увидав шеренгу штаб-офицеров. Государь всех обходит, подавая руку. Но вот **конец** этой **шеренге**. **Крупные слезы текли по его лицу, и закрыв лицо рукой, он быстро вошел в вагон.**

Прощание со Ставкой и армией. Государь видимо сдерживает волнение. У иных офицеров – на глазах слезы.

Наступила еще и последняя минута. Где-то тут должны нахлынуть тени Сусанина, Бульбы, Минина, Гермогена, Кутузова, Суворова и тысяч бывших верных. Здесь и гвардия, военное дворянство, народ.

Слезы офицеров – не сила. Здесь тысячи вооруженных. И ни одна рука не вцепилась в эфес, ни одного крика «не позволим», ни одна шашка не обнажилась, никто не кинулся вперед и в армии не нашлось никого, ни одной части, полка, корпуса, который в этот час ринулся бы, сломя голову, на выручку Царя, России.

Было мертвое молчание...

Все было **невероятное**, все хмурое, тоскливое, замороженное, безвольное.

Но во всем этом грустном и мрачном, сама собою, для истории начинает ярко светить вырастающая личность Государя Николая II.

Он прощается с офицерами, из которых иные падают в обморок, напряжение минут достигает апогея.

Владеет собою Государь. О, как он может воспользоваться этой минутой!

Вот **солдаты** его приветствуют. Их много; люди затаили дыхание; лязгает оружие, армия еще вся цела; все связано традициями, дисциплиной, всей историей. Силища – страшная. Солдаты – **народ**. Каких тут нет губерний.

К ним, к народу его последние слова.

«Прощайте, братцы», – будят напряженную тишину трагические слова Царя.

«Братцы» – говорят у нас в народе не часто. Слово старинное, любимое, ласковое и призывное: «Помогай Бог, братцы», «здорово, братцы» и «спасите, братцы!» – зовет, просит подмоги у своих человек погибающий, в беде, в обиде, в страхе. Задолго до того Государь ошибся – сказав тверцам вместо «несбыточные» – «бессмысленные мечтания»¹. Слова были пророческие.

Ошибись Государь теперь и скажи он – не «прощайте», а «спасите, братцы», – и быть может, этого слова было бы достаточно, чтобы повернуть ход истории.

Могла быть бойня, кровь, но всё могло бы кинуться его спасти, и кто знает, не стал ли бы наш Государь – кумиром армии, кумиром народа, став под его защиту, опять, по-старому кровно сроднившись с ним.

Кто знает? – Гадать не нужно.

Государь сказал великие незабвенные слова, сильнее всякого Манифеста. «Прощайте» – чудное слово нашего чудного языка. Он прощал. А «братцы» – прозвучало лаской к народу, который он так братски любил.

В этих словах сказался не пафос императорства, а смиренное народное самодержавие, православное, неизбывное, всепрощающее и свое, земляческое. Эти заветные слова внесутся в историю и когда-нибудь – и стариками, и молодыми поколениями нации – любовно поймутся и заставят дрогнуть сердца.

«Право на бесчестие» 1917 года будет же когда-нибудь со всех нас снято, и новые, подобные былым подвиги обелят и похоронят ненавистные события этих долгих лет и того страшного дня.

Государь остался один перед народом.

Так простился Государь с народом.

Так угодно было Богу.

Государь не изменил ни России, ни воинской чести. Он не призвал к защите себя, ни к бунту. Он не прорвал фронта, как советовал какой-то безумец, а повелел народу и армии продолжать до победы войну. Он остался один. Мы не знаем дум Царя. Знаем лишь его решения. Четкие, величественно простые слова и мысли мученика. Не он отрекается, а от него и тысячелетней России отрекся народ. С нее, с России снимается венчавшая главу корона, опустили ее крест и знамя, сменяясь терновым венцом.

Прольется его кровь. Прольется кровь и невинных многих членов его семьи, и миллионов истерзанных, тоже невинных людей.

¹ См. ранее: сноска 2, с. 167–168.

В актах Государя – глубокий смысл и огромная **воля**. Он один сознает, и будущее докажет, чем для России была Царская власть. Недаром, неся это бремя, он с 1905 года не отдает ее сущности. Он знает, что завтра без него начнется что-то совсем иное и страшное. Государь боится этого невыносимо страшного для Родины, но, сознав свое одиночество, иначе поступить не может: **иначе будет хуже, и он отрекается, но сохраняет всецело не тронутой, ни в чем неизменной носимую его предками и им власть. Он так и не уступил народного самодержавия.**

Он передал истории эту власть незыблемой, и тем завещал, что другой власти для России быть не должно, что она ей родная, коренная – по духу, по судьбе, по ее разуму – и потому, что **эту** власть вынашивал и держал веками хоругвью над собою, соборно, **сам** когда-то державный великий народ.

Государь сберег ее ему. Сберег от грязных рук и умаления ее пределов, от урезаний и форм зависимости.

Пусть будут республики, конституции и новые пробы, пусть дерево срублено, но корень цел. Природа свое возьмет, корни тысячелетней власти хранятся в земле живые.

Царская Россия навсегда останется памятником мощи своего прошлого. От памяти – не уйдешь, из памяти бывшего не выкинешь. Родина будет терзаема, доколе народы ее не вспомнят и не почувствуют свою прежнюю могучую, сияющую.

Европеизация, конституции, социализм научат народ, пробудят сознание. Народ – не истукан. К оплеванному и разоренному Отечеству проснется жажда любви. Не забудутся посягательства иноземные; все вспомнится. Надоедят хозяева без счета и края – вместо одного хозяина; потянет на собственность и на покой; пробудится и честность.

И народная мысль – хочет не хочет, а будет рыться и дороеется до корня царского. Все вспомнят и того, кто за тот корень творческий положил свою жизнь.

С Государем вместе пала страна, но не умерла, и встанет единой, какой была, – иначе не будет именоваться Россией.

На какого законного преемника выпадет бремя и честь понести крест **Иоанна Калиты**, приняв наследие нашего Государя?

Усвоена ли будет тем преемником важность акта Государя сохранения им своей власти не умаленной? Многое впереди тайно в Промысле Бога, но акты Государя Николая II **обязывают**. Реально одно: акты, заветы и история жизни Государя. События его Царения – не только урок, **но и материал будущего строения.**

Из тьмы настоящего и эпохи падения общества и народа его образ будет все более и более возвышаться и просветляться, становясь **примером** чести, воли, труда и тихой благости. Царь милосердный возбудит великое горе народное.

Входя в историю с путеводным именем Государя, ему последуют все те, кто наконец решится победить воцарившееся чудовищное зло. *In actu oculi*¹!

Его именем, его образом осеняться будут армии добра. И после тяжкого перерыва его примеру и заветам обязаны будут неотступнее следовать преемники Царской власти. Его имя и образ встанут не раз перед монархами других стран.

Государь наш предопределен Промыслом Бога. Самая жизнь, отречение и смерть его затронули глубже всего область духа. Все в жизни и в конце его свидетельствует в его пользу, – не только перед нашей и мировой историей, но и перед судом Вечного Правосудия.

Смерть избавила Государя от страдания видеть происходящее. Великомученический конец его и семьи его еще ярче, немеркнущим светом озарил память о нем. Мы умрем; вырастут новые русские. Дрогнет когда-нибудь сердце народов России – и опомнясь, всенародным порывом благодарности, жалости и раскаяния – в помысле Церкви своей – народ пожелает приобщить имя Государя к лику святителей.

Имя его – борца, подвижника против скопищ, вставших на Христову правду, должно быть вписано в историю Церкви.

Он – искупительная жертва эпохи; жертва безверной и преступной части людского мира, виновного не только в его смерти, но в гибели бесчисленного числа людей и в попрании высших заветов.

Все подлежит суду и возмездию Бога. Зло подняло меч, но и на него поднимется меч.

История Государя учит нас уповать на молитву и в раскаянии объединяться для действия, памятуя, что призвание России – быть неразделимо единой.

С его – Государя нашего – именем на устах будем молиться о самом дорогом для нас, – о нашей Русской земле.

Висбаден
1924 г.

¹ В мгновение ока (лат.).

Духовный облик Императора Николая Второго

*Глубокоуважаемому и дорогому Ф.Ф. де Постельс на добрую память
о совместном служении памяти убиенного Царя – от автора*

Чем дальше идет время, тем все резче выступает на фоне покрывшей Россию тьмы осиянный лучезарным светом облик Государя Императора Николая Второго.

«Чем больше пройдет времени, – говорит один из историков его царствования, – тем отчетливее резец истории будет обрабатывать рельеф великолепной жизни нашего Государя».

Да, дело истории – выяснить перед народом русским и перед миром подлинную, духовную и государственную личность убиенного Царя и произнести свой суд.

Но нужен ли этот суд, когда другой суд, суд совести народной, уже произнесен? Нужно ли говорить что-либо о духовном облике того Царя православного, который в совести народной уже канонизирован во свя-
тых, которому уже служат молебны, – о чем имеются свидетельства, – как великомученику и угоднику Божию, пусть эти молебны даже и незаконны по канонам Церкви?

Да нужно ли говорить? Увы, пока еще нужно. Около полутора лет назад в одном русском издании была помещена небольшая статья к годовщине цареубийства. Автор привел вскрик-вопрос Государя: «За что?» – который бросил он в лицо убийце в самый момент своей смерти.

«Да, за что?» – повторил автор статьи. Кто виноват в гибели России: он, убитый, или мы, оставшиеся в живых? Мы, «общество»? – спросил автор. И постарался показать, что виноваты мы. Статья эта вызвала резкую критику в другом печатном издании, где доказывалось, что виноват он, Царь, один он. И личность, и деятельность его в этой критике, говоря словами поэта про другого венценосца, «была поругана со злобой беспощадной». Значит, есть еще люди, как в старину говорили, «скорбные головой» и убогие душой, которые думают так. И, значит, несмотря на суд совести народной, задача исторического исследования не кончена.

Надо, чтобы знали все, что заслуживает убитый Царь восхваления и канонизации не только за подвиг смерти, но и за подвиг жизни.

Позвольте мне привести некоторые из принадлежащих убиенному Государю фраз. Я постараюсь затем развить их и выявить черты духовного облика Государя.

Я начну с трех, из которых две я слышал лично, а третью читал в написанном Царской рукой подлиннике, а потом перейду к взятым из печати.

В скорбный и трагический час прощания, после отречения, с личным составом Ставки, то есть своего Штаба, Государь сказал: «Сегодня я вижу вас в последний раз. Такова воля Божия и следствие моего решения».

Это подлинные слова начала речи, которые врезались в моей памяти. Дальше он требовал от нас подчинения Временному правительству и доведения войны до победы.

В эти же дни румынский военный агент генерал-адъютант Коанда зашел ко мне и показал, сильно волнуясь, написанный Государем по-французски подлинник телеграммы Румынскому Королю. Благодаря Королю за сочувствие, Государь написал: «Я все еще разделен с своей семьей».

Общеизвестны его слова: «Я родился в день Иова Многострадально-го», – говорил он несколько раз.

Затем: «Нет такой жертвы, которую я не принес бы для блага России». И еще: «Если России нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой». Далее: «Я отрекусь, но справитесь ли вы с народом?» – сказал он Гучкову.

«Я берег не самодержавную власть, а Россию», – сказал он другу семьи графу Фредериксу.

Я остановлюсь пока на этом.

Итак, «Такова воля Божья». Вот эта преданность воле Божьей, горячая, подлинная и глубокая вера в Бога, искренняя религиозность – есть главное свойство духовного облика Государя. Это не было внешнее благочестие, обязательное для русского православного Царя. Нет, «этим» он никогда не «играл», а верил всей душой и всем сердцем.

Откуда, из каких тайников его души эта вера?

Кто знает?! Быть может, осенила она его тогда, когда двенадцатилетним мальчиком стоял он в углу той комнаты Зимнего дворца, в которой в то время на его глазах умирал истекавший кровью, пораженный бомбой цареубийцы его дед, Император Александр II. Может быть, тогда, когда чудом спасся он, юношей, от покушения на его жизнь фанатика-японца¹. А может быть, дар веры был вложен в его душу от рождения. Но одно можно сказать: он никогда не был Савлом, обратившимся к Богу²; Павлом он был всю жизнь и Павлом он и умер. Надо было видеть, как он молился

¹ См.: Наст. изд. С. 28–29.

² См.: Деян. 7, 58–8, 3; 9, 1–22.

в церкви – а я видел это не раз в Ставке; видно было по его лицу, по тому, как стоял он неподвижно, что молитва, богослужение владели им всецело. И когда после отречения, в тяжкие для него дни пребывания в Ставке, случился праздник, – он пошел в храм и простоял всю обедню. Прославление святых – Серафима Саровского и других, бывшие в его царствование¹, были для него святым делом, наполнявшим его душу подлинным умилением. Когда при открытии 1-й Думы говорил он собравшимся в Зимнем Дворце членам Думы и Государственного Совета: «Бог в помощь вам и мне», – не пустые это были слова. И не для вида долго молился он в Петропавловском соборе у могилы отца перед открытием Думы. Не для красоты речи сказал он курским старшинам в 1902 году, что надо жить по заповедям Божиим. Его благословение иконами войск, идущих на войну, было подлинным призывом к милости Божией этим обреченным на смерть людям.

Министр Сазонов свидетельствует, что когда он в 1912 году в Спале представлялся Государю при отъезде и спросил о здоровье Наследника, тогда опасно больного и положение которого казалось врачам безнадежным, то Государь ответил: «Надеемся на Бога». «В этих словах не было ни тени условности и фальши, – замечает Сазонов, – звучали они просто и правдиво».

«Дело постройки церквей в Сибири особенно близко моему сердцу. Желаю, чтобы при каждой церкви была школа», – написал он на представленном ему докладе, как свидетельствует об этом начальник Переселенческого управления сенатор Глинка.

Глубокий религиозный смысл чудного чина Коронавания был им воспринят как подлинная присяга, как венчание с Россией, как обречение его Господом Богом на тяжкий путь служения Родине до конца дней своих.

И много, много можно было бы привести примеров той высокой религиозной устремленности, которая жила в душе Государя. Приведу еще одну подробность, близкую нам, русским «парижанам». В 1896 году, приехав в Париж и проследовав с вокзала в посольство, Государь немедленно и раньше всякого другого действия проехал в наш храм на рю Дарю.

Скажу кстати, что этот же высокий христианский дух, это религиозное устремление были в высшей степени присущи и Государыне. Немка по рождению, англичанка по воспитанию и протестантка по вероисповеданию, – она сделалась подлинной русской православной, православной до самоотречения Царицей. И оба они вместе так же воспитали и детей. Кому неизвестно стихотворение Великой княжны Ольги, в дни тяжкого

¹ См.: Наст. изд. С. 97.

заклучения в Сибири, полное напряженной веры в Бога¹! Господь был милосерд к ним, ибо в вере в Него и нашли они силу безропотно переносить выпавшие на них муки и страдания.

Поистине неисповедимы судьбы Божии. И если убиенному Государю суждено было от Бога быть искупительной жертвой за грехи русские, – и надо верить всем нам, что на крови этой жертвы и создастся просветленная Россия, – и если Господь Бог послал ему счастье веры, облегчавшей несение его креста, то, быть может, также свыше дано было Царю и предзнаменование, готовившее его к смертному подвигу, но и влекшее его к Богу.

«Я родился в день Иова Многострадального», – Царь говорил это не раз в дни испытаний, и некоторая обреченность всегда чувствовалась и в нем, и им самим. Но это не мешало ему нести бремя правления, и лишь строже и вдумчивее относился он к своему служению.

Да, служение России, служение «до гробовой доски».

Эти слова написал он лично в солдатской личной книжке-билете, которая была ему представлена вместе с солдатской формой, с винтовкой и снаряжением полного походного веса, которые он лично испытал, сделав в этом снаряжении несколькочасовой переход в окрестностях Ливадии.

Служение России требовало решений – и недаром подчеркнул он, как я сказал, что его отречение, будучи волей Божией, было также «следствием его решения».

В той кампании клеветы, поношения и злобы, которая велась против Царя утратившим чувство патриотизма и порядочности обществом и революционерами-интернационалистами, было принято выставлять Государя как слабого, ничтожного и безвольного человека.

Нет ничего более ошибочного, чем это суждение. Да, Государь ни в малой степени не обладал резкостью, грубостью, напором, которые часто ошибочно принимаются за проявление характера, воли. Но при видимой мягкости и при той отличной благовоспитанности, которые были отличительными признаками его обращения, он обладал волей упорной и неломающейся.

Удивительно, что иностранцы, Принц Генрих Прусский, Президент Лубэ и другие понимали его лучше русских и об этом свидетельствовали.

Вот что говорил о нем Президент Французской Республики Лубэ: «О Русском Императоре говорят, что он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Он сам проводит свои идеи. Он защищает их с постоянством и большой силой. У него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осуществлением их он трудится постоянно. Иной

¹ Имеется в виду стихотворение поэта С.С. Бехтеева. См.: Наст. изд. С. 74.

раз кажется, что что-либо забыто. Но он все помнит. Под личиной робости немного женственный Царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает, куда идет и чего хочет».

Трудно дать лучшую характеристику Государя, чем та, которую дал ему старый, умудренный опытом и знанием людей французский государственный человек.

А в русском обществе на решения Государя, которые не нравились этому обществу, умели лишь досадовать и раздражаться и считать их упрямством ничтожного «маленького армейского (почему армейского?) полковника».

Свой характер, мягкое упорство, пружинистость своей воли показал он еще в юных годах, не уступив столь «грозному» Царю, каким был Александр III, и своей матери в вопросе женитьбы. Он встретил и полюбил на всю жизнь Принцессу Алису, которую Император и Императрица не хотели видеть женой своего сына, предлагая ему других невест. Он не уступил.

Достаточно вспомнить хотя бы несколько главных событий его царствования, чтобы безошибочно утверждать о силе его настойчивости. Он выслушивал все мнения, но решения принимал сам. На самой заре царствования, в 1896 году, обстановка казалась благоприятной для захвата Босфора, то есть для разрешения вековой русской мечты. На Государя было произведено сильное давление и нашей дипломатией, и военным министерством. Но это грозило европейской войной, что было ясно Государю, и он отказал.

Когда мирные переговоры с японцами в Портсмуте в 1905 году зашли в тупик и казались неизбежными унижительные уступки, Царь заявил: «Я никогда не заключу позорного и недостойного великой России мира», – и продолжал усиливать армию в Маньчжурии. И японские уполномоченные сдали.

Тогда же Император Вильгельм советовал Государю переложить на Думу ответственность за казавшийся неизбежным позорный мир. Государь отказал, заявив, что сам понесет всю ответственность.

Осенью 1912 года вспыхнула война между объединившимися тогда в союз балканскими славянскими государствами и Турцией. Турки были разбиты, война закончилась взятием Адрианополя. Значительная часть русского общества требовала вмешательства России под заманчивым и обольстительным лозунгом – «крест на Святой Софии». Но по тогдашнему политическому положению вмешательство, то есть объявление войны Турции, явилось бы началом европейской войны. Россия была не готова, что было ясно Государю, и он отказал, как и 16 лет назад.

Но зато когда двумя годами позже России был сделан дерзкий вызов нападением Австрии на Сербию, он без колебаний объявил мобилизацию, исчерпав сначала все попытки к сохранению мира. Ибо он был умней своих заграничных противников и понимал, что будет значить европейская война.

Государь не сочувствовал образованию Государственной Думы в форме европейского парламента и не допустил до этого, несмотря на все давления и «общественности», и перепуганной бюрократии. Он оставил за собой назначение министров и дела дипломатические, и дела обороны. И, исключив из основных законов из титула монарха понятие «неограниченный», оставил понятие «самодержавный», ибо считал, что когда спасение государства не может быть достигнуто в общем законодательном пути, в Думском пути, то на Царской власти остается обязанность и право изыскать иной путь.

Этот свой Верховный суверенитет он и считал «самодержавием», и сохранил его. Это отвечало его религиозному восприятию существа Царского служения, восприятию Коронационной присяги и отвечало восприятию исторического уклада православного Царства Русского. Царское служение в его представлении было послушанием, возложенным на него Богом, и перед Богом он считал себя ответственным за судьбы России.

В этом и было непримиримое расхождение его с «общественностью», исходившей из абстрактного, вне русской действительности, лаического¹ восприятия государства, и готовившей революцию.

Из такого понятия о самодержавии проистекли роспуски Думы и изменение избирательного закона.

Но зато когда со стороны правых политических организаций был сделан на Государя неприкрытый нажим против Думы, он со всей определенностью ответил, что Манифест 17 октября есть выражение его непреклонной воли и акт, не подлежащий изменению.

Сибирь, Дальний Восток и улучшение экономического положения деревни были главными целями внутренней политики Государя со дня его воцарения. Одним из способов разрешения крестьянского вопроса было переселение на земельные просторы Сибири. Сильнейшие возражения были встречены Государем при решении вопроса в положительном смысле. И, однако, в 1895 году, через год по воцарении, он дал прямое приказание об организации дела, – и к 1911 году население Азиатской России выросло с 10 до 20 миллионов, и число русских там стало превышать инородцев.

В промежуток времени между Японской войной и войной 1914 года Россия сказочно развивала свое экономическое благосостояние. Госу-

¹ Лаический – светский, мирской; не принадлежащий к Церкви.

дарственные бюджеты неизменно росли и покрывались без дефицитов, несмотря на постоянные увеличения расходов на оборону и производительные цели. Но в этих бюджетах было темное пятно: почти четверть доходов покрывалась поступлениями от винной монополии. Общественное мнение восставало против «пьяного бюджета». Государь болезненно воспринимал эту критику, сознавая ее справедливость и считая, что долг Царской власти вступить в борьбу с народным пьянством. Предлагались разные запретительные меры. Но председатель Совета министров и министр финансов В.Н. Коковцев не верил в такие меры, но и не находил способов возмещения доходов от винной монополии из других источников. Государь высоко ценил заслуги В.Н. Коковцева, его твердость, его убеждение в необходимости сохранения мира, его заслуги по усовершенствованию государственного кредита России. Но Государь видел, что при Коковцеве нельзя приступить к коренным мерам в деле борьбы с народным пьянством, и он расстался с ним в январе 1914 года. А с началом войны Государь провел смелую реформу, близкую его сердцу, – продажа спиртных напитков была запрещена на все время войны. И Государь заявил: «Я уже предрешил – навсегда запретить в России казенную продажу водки».

Нигде еще не принималось такой радикальной меры борьбы с алкоголизмом. Америка встала на этот путь позже. Это был опыт грандиозный и неслыханный.

Вспомните знаменитые слова Столыпина в Думе: «Не запугаете!» и «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Он говорил так потому, что он знал, что за ним стоит в его работе сочувственная негнущаяся воля Царя, которого нельзя запугать. Не к себе, а к Государю, относил он это «не запугаете!»

Перечтите воспоминания Яхонтова о заседаниях Совета министров перед тем, как Государь принял Верховное командование армиями. Не было того средства, которое не было бы употреблено, чтобы заставить Государя изменить решение. И возмущается чувство, когда читаешь о том поистине бесстыдном давлении и министров, и «общественности», которое было оказано на Государя. Но он не внял общему непониманию и остался непреклонен. Он считал долгом Царя и благом России быть с армией в тяжкие минуты ее испытаний. И надо было покончить с двоевластием Петербург–Ставка, на коем шла игра к ущербу Царя. И он был прав. При его возглавлении армия оправилась после тяжких неудач и к весне 1917 года была готова к победе, которая была обеспечена. Ведь оттого-то и произошла революция, что вершители ее хотели вырвать победу у Царя и не дать ему быть осененным ореолом победителя, ореолом, исключавшим у революции надежду на успех.

И когда он сказал, что его отречение было следствием *его* решения, он говорил правду. Отречение не было актом малодушия, трусости, моральной усталости и отвращения: оно было следствием обдуманного решения, принятого Царем после оценки обстановки той минуты.

Когда подходишь к этому трагическому для России, и, как показали последствия, трагическому для всего мира действу – к отречению Русского Императора, невозможно не выйти на минуту из темы, которую я излагаю, и не задать себе вопроса – в чем было всеобщее спасение?

Трудно, невозможно обсуждать то, что было бы, если не было того, что было? Но теперь, через 35 лет, стало ясным то, что было закрыто тогда.

Можно сказать, что тогда, в минуту отречения, война была уже проиграна Германией. Австрия практически вышла из войны. Русские пореволюционные дивизии не имели боевого значения, и Германия обнажила свой восточный фронт, оставив там лишь завесу. Таким образом, сепаратный мир, то есть обнажение русского фронта, то есть то, что произошло от революции, не ухудшило бы положения союзников. Но зато те же самые бунтовавшие в Петрограде запасные батальоны, отражавшие безмерную усталость России непосильной продолжительностью войны, перервали бы горло тем, кто натравливал их на Царя, если бы он немного раньше своей волей освободил бы их от тягот войны и вернул по домам. И мир был бы спасен от бедствий второй войны, от большевизма и от угрозы третьей войны. Но сейчас еще страшно говорить вслух о правильности такого решения. Но правда и то, что если бы оно было принято и, значит, не произошло бы тех событий, которые произошли и происходят, то есть тех, которыми оправдалось бы это решение, – то на Царя все же легло бы позорное пятно предательства.

Конечно, такое решение и не могло быть принято Государем, воплощавшим собою высокий идеал самоотвержения, чести и честности.

«Я отрекись, но справитесь ли вы с народом?» – сказал Царь перед отречением Гучкову. Среди всех тех, кто требовал его отречения как условия возможности успешно продолжать войну, он один понимал, что он и народ – одно, и что только он может потребовать от народа и армии того последнего напряжения, которое дало бы победу.

Да, «они» не справились ни с народом, ни с армией: фронт рухнул, бунт превратился в революцию.

А совесть народная, не сдерживаемая мистическим авторитетом Царя, помутилась, и Россия подверглась потоку, разграблению, и бесчестию.

И прав был французский министр социалист Thomas, приехавший в Россию в августе и сказавший: «*Votre révolution n'est pas sanglante, mais elle est lâche*»¹.

¹ Ваша революция – не кровавая, но она трусливая (фр.).

Государь сказал Гучкову свои слова не только потому, что он Царским чувством знал опасность, но и потому, что Император Николай II, человек большого и тонкого ума, понимал то, чего не понимали посягнувшие на него.

После религиозности и воли, ум – третье отличительное его духовное свойство. Все лица, имевшие с ним непосредственные сношения, утверждают, что он был человеком, легко схватывавшим самую сложную сущность вопроса. Его огромная, можно сказать, исключительная память помогала ему в этом. Министры, начавшие в ноябре, по его вступлении на престол, свои первые доклады ему, были поражены, что он, молодой 26-летний человек, уже знал сущность вопросов, схватив их налету в бытность Наследником, в заседаниях Государственного Совета и Комитета Сибирской железной дороги.

В области внешней политики, унаследовав от отца франко-русский союз, он с самого же начала царствования постепенно превращал его из орудия французского реванша в орудие европейского замирения.

Гаагская конференция, прародительница Лиги Наций и теперешней Организации Объединенных Наций – его мысль. Великий поэт сказал, что страшно умереть, «не бросивши векам ни мысли плодovитой, ни гением начатого труда»¹. Вот Император Николай II нашел, что «бросить векам».

Его «дальневосточная программа», то есть мысль о значении для России Дальнего Востока – глубока и верна. Теперь, с целями злобными и разрушительными, с обратным знаком, – эту мысль подхватили большевики.

О его тонком понимании своеобразия исторического русского уклада, понимания взаимодействия двух исторических сил – Царя православного и народа, – понимании непригодности слепого восприятия парламентарных западных форм управления и понимания того, как именно народ может быть допущен к управлению наряду с Царской властью, – я уже говорил.

Глубокое разумение значения государственного переворота я слышал в его словах, обращенных лично ко мне. Слова эти непосредственно касались круга моего ведения, но они отражали общее положение. Я был ответственен за подвоз к армии всего необходимого, то есть технического и интендантского снабжения, пополнений и прочего. Ко времени революции потребности армии увеличились чрезвычайно и к тому же прифронтная полоса была выедена и все приходилось привозить издалека. Наша слабая железнодорожная сеть едва справлялась с задачей. И вот, приблизительно за месяц до революции, Государь сказал мне лично: «Перевезите все, что нужно для армии: я не сплю по ночам, когда думаю, что армия

¹ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума».

может голодать». Те же самые слова, в удивительном своем самообладании и в своей самоотверженной любви к армии и Родине, повторил он мне и в тяжкую трагическую для него минуту прощания с чинами Ставки, после отречения, добавив: «Теперь это нужно больше, чем когда-либо». Государь понимал, что значило исчезновение исконного священного Царского авторитета из народного сознания.

Из тех, кто посягнул на этот авторитет, одни этого не понимали, некоторые из таких не понимают и до сего дня, а кто понимал, тем и нужно было исчезновение этой вековой государственной спайки, ибо целью их были «великие потрясения».

Та земельная реформа, которую, с одобрения Государя, проводил Столыпин, есть второй, наряду с Думой, важнейший акт внутреннего управления, акт неизмеримой важности, есть крупнейшее проявление государственного ума Императора Николая Второго.

Его окраинная политика (кавказская, польская, финляндская) – политика имперская, то есть привлечение к интересам Империи местного населения, не насилуя их национальных особенностей, – принадлежит ему.

Широкое развитие переселенческого движения, то есть колонизация пустынных пространств Сибири, с одновременным ослаблением земельной тесноты в Европейской России; развитие, с той же целью, деятельности Крестьянского Банка; прогресс совершенно исключительный в двух главных, бесспорных и нужных для России областях – народного просвещения и народного достатка, – все это заслуга ума Императора Николая II.

Один из историков царствования, золотые слова которого мы читали в парижской печати¹, говорит следующее: «По размаху и ценности всего, что Государь сделал (во внутреннем управлении Россией), его царствование – не только одно из самых значительных в русской истории, но и одно из наиболее реформаторских. Все дело в том, что исторически после ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ и ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА России нужен был ЦАРЬ-УСТРОИТЕЛЬ».

Таким строителем он и был, всю силу своего творческого ума вкладывая в дело устройства горячо любимой им Родины.

Нужно ли долго останавливаться вот на этой стороне его облика – на великой его любви к Родине, к России. Любовь к Родине едва ли есть врожденная, как ум и воля – сторона духовной природы человека. Но у Императора Николая Александровича эта любовь была явлением органическим – он с нею и родился.

«Нет такой жертвы, которой я не принес бы для России» и «если России нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой».

¹ И.И. Тхоржевский, скончавшийся в марте 1951 г. – *Авт.*

И он, Царь, доказал это на деле и подвигом беззлобного отречения, и своими страданиями, и своей мученической смертью. Что можно прибавить к этому? Все слова были бы излишни.

И если все вообще его служение России есть крестный путь, есть жертва великой любви, то не стоило бы упоминать о мелочах. Но позвольте все же упомянуть о двух деяниях, как ни незначительны они при общем строе души Государя.

В Сибири, на Алтае, были обширные так называемые «кабинетские земли», то есть частная собственность Государя. Все эти земли огромной ценности были просто подарены им под переселение; в одном 1908 году было отведено более трех миллионов десятин.

Затем, если не ошибаюсь, то еще при Императоре Александре III Витте не то настоял перед Государем, не то тайно от него перевел за границу значительную сумму денег из личных доходов Государя на счет Государя же. Все эти деньги во время войны были возвращены в Россию и израсходованы Императрицей на санитарные учреждения для армии. Так что, если бы Государь после отречения оказался бы за границей, ему буквально не на что было бы существовать.

Итак: религиозность, горячая вера в Бога, воля не резкая, но спокойная, настойчивая и несдающаяся; тонкий и большой ум и пламенная любовь к России. Вот четыре главных стороны духовного облика Императора Николая Второго.

Как в фокусе собраны эти свойства во всех его повелениях и действиях, предшествовавших минуте отречения и следовавших непосредственно за ней. Отрекаясь, он ушел не «хлопнув дверью», а с величием Царя, с молитвой христианина, с мудростью правителя и с волей героя духа. С всепрощающей любовью к Родине сделал он все, чтобы облегчить России ближайшие последствия отречения.

Вот как пишет об этом «старый профессор» князь Д.Д. Оболенский в очерке, посвященном Государю: «Он сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить своим преемникам успех в борьбе с внешним врагом и внутренними беспорядками. Понимая отлично, что регент не будет иметь того авторитета, как Император, что лица, способствовавшие перевороту, всегда будут бояться возмездия со стороны сына низложенного Императора, Николай II отказался в пользу брата. Мало того, он указал брату путь сближения с народным представительством (присяга конституции, ответственный кабинет). Он дал приказ армии и флоту бороться до конца за Россию вместе с союзниками и повиноваться Временному правительству (без этого приказа многие офицеры не присягнули бы этому правительству). Он назначил Верховным главнокомандующим Ве-

ликого князя Николая Николаевича, а председателем Совета министров – князя Львова, которого Государственная Дума намечала на этот пост, – именно для того и назначил, чтобы оставшиеся верными Государю могли со спокойной совестью подчиняться тем, кому повиновением обязал их сам Государь».

И после этих последних *действий* до отречения, его речь, то есть заветное, приказ после отречения, при прощании с чинами своего Штаба, – речь, повторяющая вновь все мысли, изложенные в письменных документах, речь, первые слова которой – «сегодня я вижу вас в последний раз – такова воля Божия и следствие моего решения» – привел я в начале этого очерка...

Теперь я несколькими словами коснусь и других сторон духовного облика Императора.

Я привел его упоминание о семье в телеграмме к Румынскому Королю. Семья Государя была истинно христианская, образцовая, полная взаимной любви, доверия и дружества. Это было место сердечного отдыха Государя, то, выше чего для него был один идеал – Россия. И эту семью, это убежище от невзгоды и горя создавала вместе с ним чистая сердцем и возвышенная духом, оклеветанная русским обществом, его, говоря старинным русским наречием, «сослуживица и потрудилица» Императрица Александра Феодоровна.

Государь – безупречный семьянин – был тем образцом, которому в семейной жизни надлежало подражать каждому из его подданных.

Лично Государь был человеком чрезвычайной доброты. Известно множество случаев его материальной помощи и его Царской милости разного вида и отдельным лицам и группам лиц.

Он был человеком в высокой степени лояльным. Его Царское слово было нерушимым. Я уже привел его ответ по поводу нерушимости установления Думы.

Он был Русский Царь, но он был и ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ. И все его подданные были для него «россиянами» – какое это прекрасное и почти забытое с половины XIX века слово! – равные для него в пределах определяющих их бытие законов. «Для меня все классы равны, и я особенно озабочен бытом рабочих», – указал он на докладе тульского предводителя дворянства. И действительно наше рабочее законодательство в царствование Императора Николая II по гуманности во многом было впереди западного.

И не только рабочие, но и крестьяне, солдаты, весь «простой народ» были предметом его постоянных забот, доказательством чего является все законодательство его царствования. Заботы эти были следствием не

только соображений государственной пользы, следствием национально-го прогресса. Еще больше исходили они из чувства глубокой любви Государя к этому «простому народу», в котором видел он самое бытие России, той России, для которой готов он был принести всякую жертву. И принес. И отдал ей самую жизнь свою. Дикая, тупая и раздутая пропагандой ненависть революционеров-террористов, создававшая постоянную опасность для его жизни, только редко давала ему случай непосредственного общения с этим простым народом. Но случаи эти бывали, например, в Сарове, при прославлении преподобного Серафима Саровского или на Полтавских торжествах¹. И восторгом любви преисполняло такое общение душу Царя, чему есть много свидетельств.

В том же порядке отношений Государя к «простому народу», то есть к существу России, лежит и то значение, которое придавал он Москве. Его сдержанность и сознание веса его Царского слова заставляли его быть сдержанным и в проявлении его чувства к Москве, чтобы оно не было истолковано в ущерб Петербургу. Однако в подтверждение существования у него этого чувства я могу привести следующий случай. В день полкового праздника лейб-гусарского полка, где Государь в юности обучался строевому кавалерийскому делу, зашел в его присутствии разговор на тему Петербург – Москва. Бывший офицер полка, известный тульский политический деятель правого толка граф Владимир Алексеевич Бобринский говорил, что истинным национальным центром России, ее сердцем является Москва, а не Петербург, насчет которого Бобринский не скупился на порицания. Государь слушал молча. Потом шутя попросил у соседа «халат» (так называлась в офицерской среде рублевая бумажка), чернил и перо, и написал на кредитке: «Дано сие нашему Вовочке (так называли офицеры Бобринского), без права ношения в петлице, за правильно высказанный взгляд, который и я разделяю», и подписал: «Николай». Лицо, письменно сообщившее мне это, лично видело у Бобринского этот рубль и получило от него объяснение значения написанного.

Все классы и «всяк язык» державы его были ему близки.

Я расскажу случай, переданный мне очевидцем. Государь очень любил войска – армию, военную среду, заботился об армии всячески и не упускал случая дарить войска своим вниманием и личным с ними общением.

¹ Торжества прославления преподобного Серафима Саровского состоялись 17–20 июля 1903 г., Царская Фамилия посетила Дивеево 20 июля 1903 г. Полтавские торжества, в честь 200-летия битвы под Полтавой, прошли 20–27 июня 1909 г. 26 июня состоялась организованная П.А. Столыпиным неофициальная встреча Императора Николая II с сельскими выборными. Царь провел свыше трех часов в оживленной беседе с крестьянами.

Это общение по недосугу удавалось ему редко, ибо он ежедневно долгими часами работал у себя в кабинете.

Однажды он приехал на обед в один из полков в Петрограде. Во время обеда зашел разговор о недавнем террористическом акте, в котором было установлено участие евреев. Один из офицеров – неосторожно ли или умышленно – громко сказал: «Перевешать бы их всех». Слова эти дошли до ушей командира полка, сидевшего рядом с Государем. С беспокойством взглянул генерал на Государя, соображая – услышал ли Царь. Царь слышал.... и не промолчал. «Никогда не забывайте, что евреи – мои подданные», – тихо и спокойно сказал он в сторону, где были произнесены услышанные слова.

По своей природе Император Николай II был очень замкнут. Быть может, одна только Императрица знала всю глубину его помыслов, его души и сердца. Самообладание его было исключительным. Он никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний. И это доставляло ему репутацию духовной ограниченности, бесчувственности и эгоизма. Был один только внешний признак его душевного волнения: он бледнел. Так было в день Ходынки, когда по требованию международной политики он должен был быть, и был вечером в самый день катастрофы на приеме у французского посла. Бледность его тогда поразила присутствующих. Так же бледен, до серости, – что я видел сам, – был он и в день прощания с чинами Ставки.

Ни при каких внешних событиях не нарушался общий уклад дворцовой жизни: работа, приемы представляющихся и докладчиков, прогулка, трапеза и прочее. И в этом видели «бесчувственность» и эгоизм. И только из дневника его и из писем к Императрице видно, как тяжело и глубоко переживал он Цусиму, Сольдау, летнее поражение армий в 1915 году. Общеизвестны и его слова, не сказанные им вслух, а лишь записанные в дневнике: «Кругом измена, обман и трусость».

Он был всегда ровен в обращении с людьми, никогда не показывая резко знаков своего недовольствия. «Мне давно уже удалось заставить совершенно замолкнуть в себе струну личного раздражения, – сказал он однажды Сазонову, – раздражительностью ничему не поможешь, да и к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого».

Иногда он гневался. Однако гнев его, по свидетельству Гурко, выражался лишь в том, что глаза его делались пустыми, он как бы уходил вдаль, ничего не замечая и ничего не видя.

Он был прост и приветлив с людьми. Но и не допускал переходить неосторожно за черту, определяемую его Царским саном. «Министры не

могут ставить ультиматумов Монарху», – таково было отношение его к членам его правительства. Английский посол осмелился предложить ему «уничтожить преграду», то есть дать ответственное министерство и тем «заслужить доверие народа», как сказал посол. «Думаете ли Вы, господин посол, что я должен заслужить доверие моего народа, или он должен заслужить мое доверие?» – ответил ему Государь.

К этой области недопущения Царем переступать в отношениях к нему известной черты относится и вся история с Распутиным. Непомерно, умышленно клеветнически раздутая эта история, своего рода «история ожерелья» Марии Антуанетты¹, сведена теперь к подлинному ее размеру. Для России она была трагична не по своему ничтожному существу, а по силе клеветы, на ней построенной и с отвратительной жадностью воспринятой русским обществом.

Император Николай II был тем, что французы называют *charmeur* – чаровник.

Цитируемый мною автор (именующий Государя «Царем-устроителем») говорит: «Вот этой стороной Царского ремесла – умением очаровывать, будить в людских сердцах тайные струны – Царь владел в совершенстве».

Это верно. Но неверно тут только одно – это не было «умение ремесла», выучка. Это очарование исходило прямо из души Царя и выражалось оно во взгляде его совершенно незабываемых глаз. Я сказал – «незабываемых». Это не преувеличение и не экзальтация. От нее я обеспечен самым моим возрастом. Прошло 35 лет, как я видел Государя в последний раз, а вот как сейчас вижу я эти необыкновенные глаза.

С точки зрения знания Царского «ремесла» Государю, напротив, одного недоставало – того, что так любит толпа и что необходимо для правителя, будь он и наследственный Монарх. Он был прост, не любил этикета, пышности, позы, жеста, что так мастерски удавалось его деду и обоим прадедам – Императорам Александру I и Николаю I. Но оттого-то и не любил позы Император Николай II, что была она чужда всей его природе, устремленной в глубины духа.

Он был человек смелый, мужественный и благородной души.

Когда в Японии, тогда еще юноша, он был ранен покусившимся на него фанатиком-националистом японцем, он сохранил полное самообладание

¹ В 1785–1786 гг. в Париже состоялся громкий и скандальный уголовный процесс по делу о мошенничестве с целью завладения ожерельем фаворитки Короля Людовика XV. Мошенники, купившие ожерелье у ювелиров, действовали от лица новой Королевы Марии Антуанетты, подделав ее подпись на заемных письмах. Процесс об ожерелье способствовал развитию революционных настроений во Франции.

и не проявил никаких признаков смятения и робости. Когда в его присутствии был в театре смертельно ранен пулей террориста Столыпин, в зрительном зале поднялась паника. А когда затем оркестр заиграл гимн, Государь подошел к барьеру ложи. Возможность нового покушения не была исключена. Но Государь, открыто стоя у всех на виду, дослушал гимн, как бы показывая этим, что он в минуту опасности и смуты остается на своем посту.

Когда в мае 1915 года наш фронт в Галиции был прорван, Государь приехал в Ставку, чтобы, по словам его письма к Императрице, оставаться с армией в тяжкие минуты. Великий князь Николай Николаевич был потрясен событиями на фронте и плакал в кабинете Государя. С спокойной твердостью Государь его успокоил и оказал ему нравственную поддержку.

Осенью 1910 года умер Толстой. Заблудший в своих религиозных исканиях, он отказался от Церкви и Церковью был отлучен. По своему политическому мировоззрению он был враждебен идее Царя, и в этой враждебности, при огромной своей популярности, он много зла причинил русской монархии. Но он был русская слава, он был «великий писатель земли Русской». К нему не было применено никаких мер утеснения. А когда он умер, то на докладе о его смерти Государь написал следующие полные благородства слова: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего, во время расцвета своего дарования, в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему милостивым Судией».

Таков сияющий в своем душевном христианском и Царственном величии, духовной одаренности и в государственном строительстве облик Императора Николая Второго, двинувшего Россию на путь небывалого преуспевания, а в долгие дни преследования, унижений и мучительства явившего недостижимый образец величия подвига духа.

За что же его предали и убили? В чем и чем был он виноват? И был ли он вообще виноват?

Ответы на эти вопросы лежат вне моей темы и пусть каждый спросит свою совесть и сам на них и ответит.

Но повторим слова русского публициста, напечатанные в петербургском «Новом времени» еще в 1906 году: «Трон выше всего, и много видно с него, чего не видно с кресел и стульев, трибун и кафедр. Государь знает гораздо больше каждого из нас. Возблагодарим его. И если и не сумеет теперешнее поколение в торопливости мятущихся дней оценить величие и индивидуальность подвига Государя, то тем выше, во исправление настоящего, поднимет его имя историк».

Историк это сделает. Но, конечно, не сделают те пишущие, «скорбные головой и убогие душой», о которых я упомянул в начале этой статьи.

Мы не можем еще петь молебном святому благоверному великому Государю и Царю Николаю, но мы не погрешим, если служа панихиды об упокоении его души, из глубины нашей совести будем как святителя просить его о предстательстве перед Господом Богом, чтобы послал Господь России и нам огонь раскаяния в преступлении против помазанника Божия, Царя нашего и печальника за землю Российскую и чтобы, очистив нас в этом покаянном огне, даровал бы ГОСПОДЬ РОССИИ ЦАРЯ ПРАВОСЛАВНОГО.

Ибо ЦАРЬ не есть «ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ», а есть путь спасения России теперь и источник ее благоденствия в будущем.

И в нем же, в РУССКОМ ЦАРЕ ПРАВОСЛАВНОМ и в ИМПЕРАТОРЕ ВСЕРОССИЙСКОМ, – спасение человечества от ужасов текущей современности.

*Париж
Н. Тихменев*

Император Николай II как полководец

I

Немногие, кажется, рассматривали этот аспект личности и деятельности Императора Николая II. Сама постановка этого вопроса может у многих вызвать недоумение. Недавно мне пришлось прочитать в очень добросовестной книге, посвященной биографии Великого князя Михаила Александровича (Michael & Natasha. The life and love of the last Tsar of Russia. Rosemary & Donald Crawford, Phoenix Giant, London, 1997¹), что Император Николай II «не имел понятия о военном деле». Такая точка зрения, выраженная Кроуфордами, к сожалению, весьма расхожа, как на Западе, так и в России. О достоинствах и недостатках книги в данный момент говорить не стоит. Это отдельная тема. Как и обычно бывает, критика Императора сопровождается восхвалением Великого князя Николая Николаевича как «лучшего генерала в русской армии», популярным и в армии и в народе. Да, он был представительной властной фигурой, каким генералов представляют.

Говоря об Императоре Николае II как о полководце, неизбежно приходится сравнивать его с Великим князем Николаем Николаевичем, но это пока отложим. Сначала необходимо познакомиться с военным образованием, как теоретическим, так и практическим, Императора Николая II.

Согласимся, однако, что в оценке способностей полководца, главным критерием является его успех или конечная неудача в руководстве военными действиями. По русской традиции «цыплят по осени считают». Вторым критерием является цена его побед. Начальника, утопившего противника в крови своих солдат, талантливым полководцем назвать нельзя.

Готовясь к занятию престола, Наследник Николай Александрович получил всестороннее образование, которое включало курс экстерном (и, вероятно, в сокращенном виде) Академии Генерального Штаба. Можно предположить оговорку, что, мол, преподаватели не рискнули бы быть требовательными к такому высокопоставленному ученику. Однако, не

¹ Розмари и Дональд Кроуфорд. Михаил и Наташа. Жизнь и любовь последнего Русского Царя. Лондон: Феникс Джант, 1997 (англ.).

следует забывать, что Император Александр III был крайне строгим и требовательным в отношении Царской семьи, а следовательно, любые поправки вызвали бы его гнев. А его боялись...

Кроуфорды ссылаются на то, что Николай II вступил в Верховное командование, никогда не командовав ничем, кроме гусарского эскадрона. Однако, помимо этого строевого стажа, у него был немалый опыт в наблюдении того, что творилось на командных верхах, а затем у него был еще опыт дальнего плавания, из Балтики на Дальний Восток и личного знакомства со странами Азии. Этот опыт включал и покушение на его жизнь, произведенное фанатиком-японцем¹. Но главным результатом можно считать то, что он близко познакомился с морем и с флотской службой. Море он продолжал любить всю жизнь. В военном отношении это сильно расширило его кругозор, как увидим позже.

В деятельности Императора Николая II на военном поприще можно заметить три ярко выраженных периода.

Ни для кого не секрет, – и никто это не оспаривает, – что Николай II вступил на престол, еще не будучи к этому готов. Никто не мог ожидать, что Александр III, обладавший богатырским, казалось, здоровьем, так быстро и так рано уйдет из этой жизни. У молодого и еще неопытного и неуверенного Государя не было другого выхода, как довериться советникам и сотрудникам своего могучего отца. Однако, будущее показало, что не все они были на высоте. И если при Александре III они оставались в поставленных им рамках, то теперь понемногу стали проводить каждый свою линию. А это портило общее дело.

Это окружение не извлекло необходимых уроков ни из Англо-бурской войны, ни из Боксерского восстания в Китае, ни из короткого Русско-японского дипломатического конфликта, когда Россия, вовремя сосредоточив свой флот на Дальнем Востоке, заставила Японию отступить – без единого выстрела²! Япония этого России не простила... Однако в Пе-

¹ См.: Наст. изд. С. 28–29.

² Англо-бурская война 1899–1902 гг. – война Южно-Африканской республики против Великобритании, закончилась победой Великобритании. В этой войне англичане впервые применили тактику выжженной земли на земле буров и концентрационные лагеря, в которых погибли десятки тысяч африканцев. Боксерское восстание в Китае 1898–1901 гг. – борьба китайских повстанцев против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь. Повстанцы потерпели поражение от Альянса восьми держав. В 1902 г. Россия и Китай подписали договор о выведении русских войск из Маньчжурии и соблюдении русско-китайской конвенции от 1898 г., по которой Российская Империя взяла в аренду на 25 лет Порт-Артур вместе с прилегающим Ляодунским полуостровом и получила право пользования КВЖД, проходящей по маньчжурской территории. 24 апреля 1895 г. корабли соединен-

тербурге стали считать, что Япония не может являться серьезным противником.

Не считались в Петербурге и с предупреждениями. Так в Военном министерстве был поднят на смех доклад русского морского агента (атташе) в Токио капитана 2-го ранга (будущего адмирала) Русина. «Только моряк может вообразить, что японцы станут наступать на север, оставив у себя в тылу такую крепость, как Порт-Артур!» Великий князь Александр Михайлович, профессиональный офицер флота, хорошо знакомый с Дальним Востоком и с Японией в частности, предупреждал Государя о надвигающейся опасности. Но Государь продолжал доверять старшим начальникам и министрам. Мог ли он их удалить?

Этими лицами, приведшими Россию к Мукдену и Цусиме¹, были, во-первых, военный министр генерал Куропаткин, про которого острый на язык генерал Драгомиров сказал: «Да, он был при Скобелеве, но вот кто при нем будет Скобелевым?» и, во-вторых, генерал-адмирал Великий князь Алексей Александрович, про которого Великий князь Александр Михайлович впоследствии писал, что он управлял флотом «по традициям 18 века», но помимо них были и другие. Так, министр финансов, Витте, отказал флоту в кредитах на сооружение сухого дока в Порт-Артуре, указав, что экономнее пользоваться сухим доком в... Японии. В результате всего этого Россия была втянута в войну с Японией, войну, которой она не хотела, к которой она не готовилась и которую она считала невозможной. Это привело к Мукдену и Цусиме, к революции 1905 года. С этого времени начинается второй период военной деятельности Императора Николая II.

II

Теперь уже Император начинает принимать личное участие в реформах, проводимых в армии и флоте. Особенно острая борьба развернулась вокруг флота. С одной стороны, ряд политических деятелей, высшего начальства в армии, журналистов и общественных деятелей считали, что флот вообще России не нужен, что все затраты привели только к позорному разгрому при Цусиме, что России достаточно «иметь небольшие силы для защиты своих берегов», силы, подчиненные армейскому коман-

ных эскадр Тихого океана и Средиземного моря под командованием вице-адмирала С.П. Тыртова произвели демонстрацию вооруженных сил в 75 милях от Порт-Артура, в результате которой Япония без единого выстрела отказалась от Квантуна.

¹ Речь идет о поражениях русских войск в Русско-японской войне: в сухопутном сражении под Мукденом в марте 1905 г. и в морской битве в районе острова Цусима в мае 1905 г., в ходе которой русская эскадра была полностью разгромлена.

дованию. С другой стороны, ряд молодых морских офицеров, прошедших войну и на своей спине испытавших всю цену неготовности и всю горечь поражения, стали требовать решительных реформ и с этой целью образовали «морские кружки», вскоре ставшие мощной организацией. С третьей стороны был старый бюрократический аппарат Морского министерства, всячески противившийся всяким реформам.

В этой борьбе Император Николай II решительно поддержал «морские кружки», хотя для этого пришлось упразднить должность генерал-адмирала и отправить в отставку Великого князя Алексея Александровича, а затем и несколько морских министров и ряд адмиралов. Балтийский флот был доверен герою войны Н.О. Эссену, которого Государь защитил от предания суду «за перерасходование боеприпасов» в ходе обучения возрождающегося флота. Было заложено начало воздушного флота во главе с Великим князем Александром Михайловичем. Однако, на Черном море Государь не утвердил другого героя войны, адмирала Вирена – и можно догадаться, почему. Храбрейший человек, блестящий тактик и стратег, Вирен не обладал даром вождя, столь необходимым для потрясенного революционным движением Черноморского флота.

Второй период прошел, в основном, в наблюдении за проводимыми реформами. Но это наблюдение не было пассивным. Отнюдь не было. Так, назначив адмирала Григоровича Морским министром, Государь поручил ему работать в согласии с Государственной Думой, в которой престиж Григоровича поднялся на большую высоту.

Обладея феноменальной памятью, Государь знал всех командиров боевых кораблей, а также многих командиров полков. Неизвестно, каким образом знал он и кое-что из того, что от него скрывали, как, например, попытку Гардемаринского отряда «уйти» от постоянного поставщика-грека.

Россия должна была закончить восстановление своей военной мощи к 1917 году. Но война разразилась уже в 1914 году. Можно ли было избежать войны с Германией? Вряд ли. Как доказывает Роберт Масси в своем труде об истоках войны, с одной стороны, весь механизм внешней политики Германии был создан закулисным гениальным интриганом, статс-секретарем фон Гольштейном, который за спиной Бисмарка сумел вложить враждебность к России как одну из главных составных этого механизма. Ждать, пока Россия будет готова к войне, было не в интересах Германии. С другой стороны, в интересах Великобритании было не допустить превращения Германии в великую морскую державу. Германский военно-морской флот строился быстрыми темпами, был явно направлен на борьбу с английским флотом, а в его кадрах появились профессио-

налы своего дела. Ждать долго Англия также не могла. Поэтому не будь сараевского выстрела, то нашелся бы другой повод.

С началом войны Император Николай II назначил Великого князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим. Это было воспринято как естественный выбор: Великий князь был весьма популярным как в армии, так и в народе.

По началу война носила чисто сухопутный характер. Это отразилось и на стратегических, и оперативных взглядах Ставки Верховного. Так, в частности, Балтийскому флоту, который в начале войны, до вступления в строй новых линейных кораблей-дредноутов, был несравненно слабее германского, была поставлена задача обороны Рижского и Финского заливов, а сам флот был подчинен, в оперативном отношении, армейскому командованию. В самой Ставке имелось лишь небольшое «Морское управление», бывшее частью оперативного отдела Ставки.

Необходимо отметить, что, несмотря на свое подавляющее превосходство в силах на Балтийском море, германский флот не предпринял никаких попыток прорваться в Финский залив, с тем, чтобы одним ударом поставить Россию на колени. Теоретически это было возможно, так как в Петербурге была сосредоточена большая часть военной промышленности России. Но на пути германского флота стоял готовый к борьбе Балтийский флот, с готовыми минными позициями. Цена прорыва для германского флота становилась недопустимо дорогой.

Таким образом, уже только тем, что он добился воссоздания флота, Император Николай II спас Россию от скорого поражения. Этого не следует забывать!

Германский план войны был построен на «плане Шлиффена» и предполагал медленную мобилизацию русской армии. Это давало время Германии для решительной победы на западе. Это достигалось наступлением через Бельгию и охватом левого фланга французской армии главными силами германской армии, сосредоточившей для этого свои силы на своем правом фланге. Германия к этому готовилась и это наступление сразу же и начала. Быстрая победа на западе должна была освободить силы Германии для разгрома русской армии. Поэтому в начале войны против России оставлен был лишь заслон для обороны Пруссии.

Русский план войны был основан на «плане Милютина», предполагавшего лишь оборонительные действия против Германии и решительное наступление против Австро-Венгрии, для того чтобы, разделившись с более слабым противником, сосредоточить свои силы против Германии, которой одной тогда пришлось бы воевать на два фронта: против России и против Франции. Ставка и начала проведение этого плана.

Германское наступление против Франции привело к тяжелым потерям французских войск и великобританского экспедиционного корпуса. Над Францией нависла угроза полного и скорого военного разгрома. Это ставило Россию в тяжелое положение, так как в случае разгрома Франции ей пришлось бы одной вести изнурительную войну с двумя противниками. В интересах России было не допустить германскую победу на западе.

С этой целью было предпринято наступление на Восточную Пруссию, эту колыбель Германской Империи. Это наступление было чисто русской импровизацией. Неожиданные для Германии успехи 1-й армии генерала Ренненкампа серьезно обеспокоили Германию, а начавшееся наступление 2-й армии генерала Самсонова угрожало потерей всей Восточной Пруссии. Германский генеральный штаб предвидел возможность такого наступления и им был разработан план сражения, для которого, однако, нужны были дополнительные силы. И два корпуса были сняты с критически важного фланга на западе и переброшены в Пруссию. Русское наступление закончилось разгромом армии Самсонова.

Так или иначе, но главным стратегическим результатом русского наступления на Восточную Пруссию был срыв германского наступления на западе, а вместе с тем и срыв всего германского плана войны. Возможности достичь быстрой победы у Германии больше не было.

Самсоновская катастрофа не отразилась на русских планах войны, и Великий князь Николай Николаевич продолжал проведение «плана Миллютина». Началось наступление на Австро-венгерском фронте, принесшее по началу блестящие успехи. Русские войска продвинулись далеко вперед. При сдаче крепости Перемышль было взято около 100 000 пленных. Но это наступление переизрасходовало боеприпасы и растянуло линию снабжения. Это было уже, безусловно, виной Ставки.

В 1915 году Германия переориентировала свою стратегию и повернула главные силы против России. Момент был ею выбран удачно: в русской армии наступил «снарядный голод». Русские войска должны были отступать, отдавая пространство и жизни ради выигрыша времени. Германский Генеральный штаб готовил русской армии гигантские «канны»¹, которые он с таким успехом разыграл против Франции при Наполеоне III.

К этому времени Ставка потеряла управление войной. Русская армия была почти разбита; «почти», но не совсем. Войска продолжали драться с редким упорством.

¹ Битва при Каннах – крупнейшее сражение Второй Пунической войны, произошедшее в 216 г. до н.э. около города Канны на юго-востоке Италии. Карфагенская армия под командованием Ганнибала нанесла сокрушительное поражение превосходящей ее по численности армии Рима.

И в этот тяжелый для России момент Император Николай II решает принять Верховное командование, и принимает его вопреки протестам министров и вопреки столичным толкам.

С этого момента начинается третий период военной деятельности Императора Николая II, его деятельности как Верховного Главнокомандующего. Напомним, что он принял командование почти разбитой армией, находившейся под угрозой «канн» со стороны противника. Недаром многие из его сторонников, включая министров, боялись, что дальнейшие неудачи на фронте могут подорвать престиж монархии вообще...

III

Третий период начинается с прибытия Императора Николая II в Ставку. Одним из первых его действий была реорганизация Ставки, – она была расширена и в ней появились новые лица. Так, Начальником штаба Верховного был назначен генерал Алексеев, успевший уже проявить себя не только как талантливый военный администратор, но и как мастер оперативного искусства. Его заслугой являлось выведение значительной части русской армии из готовившихся для нее «канн» Гинденбурга. Тогда же ускорился процесс замены неудовлетворительных, или же просто переутомленных начальников талантливой, проявившей свои способности на войне молодежью. И произошло то, чего не ожидали: казавшееся неудержимым наступление противника замедлилось, а потом остановилось. Из хроники боевых событий можно увидеть, что оно «не выдохлось» и не само остановилось, а было остановлено сопротивлением и боями воспрянувшей силами русской армии. Германское наступление было остановлено на линии от Рижского залива, через западную Белоруссию до румынской границы.

Более важным было изменение в военно-морской организации Ставки. Вместо небольшого и мало влиятельного «Морского управления» в оперативном отделе Ставки был создан «Морской штаб Верховного Главнокомандующего», во главе которого стал адмирал Русин, самый молодой полный адмирал, имевший репутацию лучшего стратегического ума флота. Это расширило кругозор Ставки. Ни на чем это так не отразилось, как на боевых действиях на Черном море.

Со вступлением Императора Николая II в должность Верховного Главнокомандующего и после остановки наступления германских войск темп боевых действий на западных фронтах несколько замедлился; Россия начала накапливать силы для решительных действий, намеченных на 1917 год, боевые действия на Кавказе и на Черном море активизировались. В сере-

дине 1915 года в строй вступил первый русский дредноут, а вскоре затем и второй. Постройка следующей пары шла полным ходом. В единственной боевой встрече (германского линейного крейсера-дредноута) «Гебена» с русским дредноутом «Императрица Екатерина» «Гебен» сумел выйти из-под огня русского линкора, осыпаемый снарядами, а сам выпустил только пять снарядов, легших большим недолетом. С этого момента турецко-германские морские силы могли вести только корсарскую войну. Господство на Черном море было уже в русских руках. Теперь уже русские миноносцы и крейсера громили вражеские берега. Этому, конечно, немало способствовало и то, что теперь Ставка развязала руки командующего флотом.

Самыми знаменательными военными событиями 1916 года были разгром турецкой группы войск в Лазистане и Брусиловское наступление.

В Ставке в это время кипел спор о стратегии. Генерал Алексеев настаивал на большом наступлении на Германском фронте. Адмирал Русин, уподобляя Центральные державы осажденной крепости, настаивал, что крепости надо штурмовать в их наиболее слабом месте, каким являлась Турция.

В результате Император принял решение о нанесении двойного удара, — сперва по Германии, а вслед затем по Турции. Такая стратегия «двойных ударов» была успешно развита Америкой во время Второй мировой войны на Тихоокеанском театре войны. Тогда Японии наносились поочередно удары Средне-тихоокеанского ТВД¹ адмирала Нимица и Югозападно-тихоокеанского ТВД генерала Макартура. И если первое «алексеевское» наступление даже и не дало бы желаемых решающих результатов, то второй «колчаковский удар» имел бы уже все шансы на успех и начало крушения коалиции Центральных держав. Весной 1917 года все уже было готово... И тут разразилась Февральская революция.

Император Николай II был лишен не только трона, но и командования. С его уходом все начало разваливаться. Этого не смогли остановить ни генерал Алексеев, ни генерал Брусилов, ни генерал Корнилов. Дольше всего держался Черноморский флот. Кстати, ни адмирал Русин, ни адмирал Колчак не поддерживали требования об отречении. Есть указания и на то, что генерал Алексеев не мог простить себе того, что поверил думским политикам.

Советские историки, а с их легкой руки и западные, в основном левые историки в один голос говорят, что Россия стояла на грани военной катастрофы. Это утверждение понятно: им оправдывается революция, в ее февральско-октябрьском комплексе.

¹ Театра военных действий.

Но есть документы и посерьезнее. Так, бывший во время войны сперва Морским министром, а впоследствии и Военным министром Великобритании У. Черчилль, как таковой располагавший всеми, как официальными, так и агентурными данными, категорически утверждал, что Россия стояла у самого порога победы. С ним впоследствии согласился и его лютый враг и злейший враг России А. Гитлер. Писатель В. Солоухин глубоко прав, когда указывает, что Германия пала в 1918 году даже и без участия России в войне, а при участии пала бы еще раньше и меньшей кровью.

Теперь подведем итоги военной деятельности Императора Николая II за второй и третий периоды:

Второй период:

содействие в воссоздании армии и особенно флота после катастрофы войны с Японией. Это спасло Россию от быстрого поражения Германией сразу же в 1914 году.

Третий период:

а) Было остановлено наступление германских войск, и то в Западной Белоруссии и Прибалтике, а не на берегах Волги, Невы и Кубани, как при «гениальнейшем», и не в Москве, как при Александре I и Кутузове, и не у Полтавы, как при Петре Великом!

б) Было установлено абсолютное господство русского флота на Черном море, что повлияло на следующие события.

в) Разгром турецких сил в Лазистане и взятие Трапезунда.

г) Срыв попытки Германии обойти русский фронт через Румынию, путем быстрого создания румынского фронта, созданного переброской войск по Черному морю.

д) Брусиловское наступление, нанесшее катастрофический удар по силам Австро-Венгрии.

е) Взятие Эрзерума.

ж) Создание Северной флотилии для обеспечения связи с союзниками через Мурман.

з) Подготовка двойного удара для окончательного поражения противника.

И все это плоды деятельности «слабовольного и недалекого человека»! Нет, после всего выше изложенного, глядя на портрет работы Серова, невольно начинаешь думать, что за скромным фасадом человека в солдатской шинели и погонах полковника скрывался незаурядный полководческий талант. Пора это понять, признать и оценить.

Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев

*Сообщено Союзом ревнителей памяти
Императора Николая II*

Светлой памяти «наиболее оклеветанного Монарха».

Вильямс

Воздадите убо кесарева кесареви.

Мф. 22, 21

Глава I Вступление и материалы

Существуют две философские школы, из которых одна умяляет, а другая возвышает значение личности в исторических событиях, но нет ни одной, которая бы его отрицала.

Исходя из этого положения, весьма интересно было бы теперь же выяснить значение личности последнего Российского венценосца, Императора Николая II в истории последних лет Императорской России.

В предшествующее революции и непосредственно последовавшее за нею время широкие круги общества склонны были возлагать на него всю за нее ответственность: ныне это настроение как будто бы начинает рассеиваться и все больше и больше раздается голосов в пользу почившего мученической смертью Монарха, не только погибшего, но и принесшего на алтарь чести и любви к Родине то, что было для него самым дорогим — свою семью.

И хотелось бы закрепить на бумаге это еще витающее в подсознании русских людей и не принявшее еще конкретной формы настроение.

Обращение к данным русской исторической литературы или к живым еще деятелям, как бюрократическим, так и общественным, близко знавшим Государя, едва ли было бы целесообразно. Вряд ли со стороны названных лиц можно ожидать вполне объективного отношения к личности Государя. Иные из первых были чрезмерно им обласканы, другие теряли его расположение; общественные же деятели, правые, левые

ли – безразлично, оценивали и оценивают его лишь под углом своего политического «credo». Поэтому более осторожно – искать справедливой оценки Императора Николая II в других источниках. Таковыми, по-видимому, представляются мемуары иностранцев и в особенности воспоминания иностранных дипломатов, аккредитованных при Российском Дворе, имевших возможность входить в оценку и уяснение этого донныне неразгаданного сфинкса, скромного до простоты, а вместе с тем проникнутого мистическим сознанием Божественного происхождения своей власти; как говорили, упрямого, но слабохарактерного, легко будто бы жертвовавшего своими ближайшими сотрудниками, но, как оказалось, и самим собою, когда того потребовали интересы Родины, умного, по мнению одних, и ограниченного, по замечанию других, незначительного в полубожественном одеянии Монарха, в порфире и короне, но преисполненного царственности под надзором звероподобных красноармейцев, смягчающихся перед величием его смирения, как дикие звери перед сияющим нимбом христианских мучеников на арене Колизея.

Иностранные дипломаты могли ошибаться, да и ошибались в его оценке, но она является результатом напряжения всей их наблюдательности и разумения, так как разгадка характера Царя представлялась фактором, способствовавшим успеху их миссии. Они могли ошибаться, но всякая предвзятость должна была быть исключена из их мышления.

К сожалению, интересующий нас материал пока весьма незначителен и сводится к следующим сочинениям:

1. La Russie des Tzars pendant la guerre, par Maurice Paléologue, ambassadeur de France¹.

2. My Mission to Russia and other diplomatic memories² сэра Джорджа Бьюкенена, английского посла при Российском Дворе, в переводе П.Я. Блоха.

3. The Emperor Nicolas II. As I knew Him, by Major-General sir John Hanbury-Williams, K.C.B., K.C.V.O., C.M.G., Chief of the British Military Mission in Russia³. 1914–1917. London, Arthur Z. Humphreys, 1922.

4. Mémoires de Russie, Jules Legras⁴.

5. Le tragique destin de Nicolas II et de sa famille, Pierre Gilliard⁵.

¹ Царская Россия во время войны. Автор – Морис Палеолог, посол Франции (фр.).

² Моя миссия в России и другие мемуары дипломата (англ.).

³ Император Николай II, каким я его знал. Автор – генерал-майор сэр Джон Ханбери-Уильямс, шеф английской военной миссии в России (англ.).

⁴ Жюль Легра. Мемуары о России (фр.).

⁵ Пьер Жильяр. Трагическая судьба Николая II и его семьи (фр.).

6. Mes Cahiers Russes, Maurice Verstraete¹.

7. Leurs Majestés, Xavier Paoli².

8. Le dernier Romanoff, Charles Rivé³. 1918.

Наиболее обширным из вышеупомянутых трудов являются записки французского посла М. Палеолога, которые каждому русскому, интересующемуся историей, рекомендуется прочесть в подлиннике.

Если, к сожалению, мемуары Палеолога являются, можно сказать, единственным трудом, всецело посвященным интересующему нас вопросу, то зато нельзя не признать всю его значительность.

Конечно, Палеолог иногда и ошибается как в фактической стороне им сообщаемого, так и, несколько более, в его оценке. Однако приходится удивляться не тому, что он ошибается, а тому, как мало он ошибается. Прибыв в Россию лишь за полгода до начала войны, он сразу был ввергнут в сложную интригу международных отношений и борьбы. Разобраться в этой обстановке, в особенности иностранцу, действительно было мудрено. Ведь и русские люди, по своему положению ответственные перед Россией, жестоко в то время ошибались.

Вторым по значительности трудом, давшим материал для настоящего этюда, являются записки английского посла сэра Джорджа Бьюкенена. К изучению их невольно приступаешь с большим предубеждением. Во-первых, вся вековая политика Англии всегда вообще была направлена против России, во-вторых, многие убеждены, что Англия вовлекла нас и в мировую войну, и, в-третьих, на Бьюкенена тяготеет обвинение в том, что он способствовал нашей революции, а следовательно, и гибели России.

Второго и третьего пункта мы коснемся на своем месте, здесь же следует отметить, что самый тон записок Бьюкенена производит, в противоположность ожиданию, благоприятное впечатление. О России он говорит в духе сердечной и подкупающей благожелательности. Насколько это искренно, насколько демонстрируемые сэром Джорджем чувства были в соответствии с его действиями – вопрос, подверженный сомнению и, быть может, самый этот тон благожелательности явится для исследователя наибольшей помехой к выяснению истины: он побеждает и... затемняет. Сопоставляя труды этих двух дипломатов, аккредитованных при Российском Дворе от стран, имевших для нее в то время наибольшее значение, нельзя не заметить значительной между ними разницы. Мемуары Палеолога представляют литературную работу, нередко весьма изящную и красочную. У Бьюкенена сухое изложение воспринятых им событий. У Па-

¹ Морис Верстрат. Мои русские тетради (фр.).

² Ксавьер Паоли. Их Величества (фр.).

³ Шарль Ривэ. Последний Романов (фр.).

леолога неустанно работает мысль, ищущая объяснения всего окружающего, он думает перед читателем, делает выводы. Для того чтобы прийти к какому-нибудь заключению, Палеологу, по-видимому, нужна большая работа, для Бьюкенена этого не требуется: для него все ясно и просто, часто даже слишком просто... Однако достижения первого гораздо интереснее и блещут деталями привходящих обстоятельств. Возможно, что это последствия разницы между латинским и англосаксонским способом мышления, а, может быть, объясняется и проще: Бьюкенен пробыл в России перед войною более трех лет, а Палеолог прибыл лишь за полгода. Велика разница и в объеме этих работ: у Палеолога 1060 страниц, тогда как у Бьюкенена за тот же период их всего около 260.

Следующим по значению трудом являются воспоминания английского военного представителя при Ставке Верховного Главнокомандующего, генерала Вильямса. Записки эти производят безусловно отрадное впечатление своею непосредственностью: это не записки дипломата с оговорками и отступлениями, а прямого солдата. Нижеследующие выписки характеризуют труд Вильямса:

«Я, вероятно, видел Государя чаще и знаю его ближе, чем большинство других, за исключением его непосредственных приближенных, в течение периода его Верховного главнокомандования, когда его длительные отлучки из столицы вынуждали меня быть посредником и в делах, прямо до войны не касавшихся» (С. 1).

«Я ожидал встретиться вообще с затруднениями и таинственностью на каждом шагу и увидеть Императорскую семью подавленной гнетом забот, страхов и опасений анархистских бомб или кинжала убийц.

Мое общение с Императором, Императрицей и детьми явило мне совсем другое. Это была, по наружному виду, счастливая и несомненно благочестивая семья. – Слово “революция” стало таким ходячим в этой стране и ее пророки были так многочисленны, что это обстоятельство никого более не пугало» (С. 2).

«Первое впечатление (16 октября 1914 года), произведенное на меня Государем, было абсолютно отлично от того, которое я ожидал. Я всегда рисовал его себе как несколько грустного и озабоченного Монарха, подавленного и государственными, и другими заботами, тяжело его удручающими. Вместо этого я увидел оживленное, открытое, счастливое выражение лица и исполненного юмора здорового человека» (С. 15).

Не лишено интереса, как сам Вильямс характеризует свои записки:

«Последующее изложение не представляет из себя попытки апологии или спора с другими, писавшими о покойном Государе и его критиковавшими. – Но многое было сказано о нем лицами, не соприкасавшимися с

ним так близко, как я, и много было сказано враждебного. Один из критиков, проведя в России 24 часа, дал мне о нем такой отзыв, что я подумал, что он эти часы провел в помойных ямах Петербурга, ибо иначе он нигде не мог собрать сведения более лживые, несправедливые и столь же ошибочные, как и злобные. И это было еще до революции. Какие бы ни были ошибки Государя, они не происходили от недостатка его преданности Родине и делу союзников (С. 8). Многие из моих заметок, конечно, по множеству причин еще не могут быть напечатаны, но те, что предлагаются читателю, не сфабрикованы с целью дать одностороннее освещение наиболее оклеветанному Монарху¹, а лишь являются штрихами его характера, думается, небезынтересными, которые мне удалось подметить» (С. 9).

Автор «*Mémoires de Russie*», профессор Дижонского университета Легра был командирован в Россию для пропаганды на фронте и в тылу тех усилий, которые проявляла Франция в мировой войне. Легра объехал весь фронт, читал лекции в штабах фронтов, армий, корпусов и даже дивизий и полков, а затем занимал штабные должности в I Сибирском корпусе и в VIII армии. Два раза он побывал в Могилеве, где был представлен Государю, о котором записал следующие впечатления:

«После обеда... Государь спрашивает меня о предмете моей лекции, буду ли я говорить по-русски и не смущает ли это меня? Я отвечаю, что привык говорить публично, но что его присутствие несколько меня взволнует.

– Тогда, – восклицает он, – я не приду, чтобы вас не смущать!

– Ваше Величество, – отвечаю я, улыбаясь, – я не к тому вел!²

– Ладно! Итак, я приду! До свидания!

Я привожу эту мелкую деталь, чтобы показать мягкую и ласковую деликатность этого Монарха. Что было ему до сообщения иностранного профессора в незначительном чине?³ Тем не менее, он пожелал устранить от этого лектора неожиданное волнение, и он, по-своему, создал ему приятную обстановку. Очевидно, такое внимание объясняется тем кредитом, которым пользуется при Дворе мой начальник, генерал Лагиш. Тем не менее, это является доказательством одной черты характера Николая II: в мелочах жизни он полон внимания к окружающим, но, как говорят, он немилосерден к тем, которые не оказывают такого же внимания относительно его» (34).

Следующий случай еще более мелок и имеет лишь отраженное значение к характеристике Государя.

¹ Выделено нами. – *Авт.*

² «*Ce n'est pas de jeu!*» – буквально: «Это не по правилам игры». – *Авт.*

³ Профессор Легра, как призывный, состоял в обер-офицерском чине. – *Авт.*

Легра вновь обедает у Государя в Ставке. После обеда, когда закурили папиросы, Наследник начал играть спичками, извлеченными из трех коробок, изображая ими войска, которые он ведет в атаку: тут убитые, там раненые... Однако, когда встали со стола, вместо того чтобы бросить на столе свою импровизированную игрушку, Наследник спешно положил спички в коробки, что стоило немалых хлопот; мне понравилась эта черта порядка. Этот ребенок имеет много моральных свойств своего отца: он имеет его приветливую любезность» (97–98).

Этими двумя краткими заметками ограничиваются личные впечатления Легра о Царе. Приходится только сожалеть, что он так мало знал и видел Государя... При его объективности и наблюдательности отзыв его явился бы несомненным вкладом в характеристику «наиболее оклеветанного Монарха». Сожалея об этом пробеле, мы воспользуемся, однако, трудом Легра для выяснения общей атмосферы того времени, столь отразившейся на образе действий Государя.

Огромный интерес представляют записки швейцарца Петра Жильяра, сначала учителя французского языка, а затем гувернера Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, пробовавшего при Дворе тринадцать лет и последовавшего за Царскою семьею в ссылку в Сибирь, а затем и в Екатеринбург. Должность Жильяра ставила его в близость к Императорской семье, недоступную не только для других иностранцев, но и для самых приближенных. Непосредственный круг наблюдений его, разумеется, касался воспитания Цесаревича, но Алексей Николаевич был не только ребенком, но и Наследником престола, а его отец был не только отцом, но и Государем, а потому наблюдения Жильяра далеко выходят за пределы детской. Чтобы понять Жильяра, лучше всего привести выдержку из его вступления к своим запискам.

Жильяр отмечает, что большинство сочинений, появившихся в последнее время об Императоре Николае и его семье – только сборник нелепостей и лжи, самая низкопробная литература, опирающаяся на самую недостойную клевету. «Когда я познакомился, – пишет он, – с некоторыми из этих сочинений, я был возмущен; мое возмущение стало еще больше, когда я с изумлением убедился, что они были с доверием встречены широкой публикой... Я попытался в этой книге представить Императора Николая II и его семью таковыми, какими я их знал, пытаясь оставаться все время беспристрастным, и представить с полною независимостью события, коим я был свидетелем. Быть может, что в моем стремлении к истине я представлю их политическим врагам новое против них оружие, но я имею полную надежду, что из моего рассказа выявится их настоящая личность, так как не престиж их императорско-

го достоинства привлек меня к ним, а благородство их чувств и чудное моральное величие, которое они проявили в постигших их страданиях»¹ (С. 7–9).

Воздавая должное благородной задаче, возложенной на себя бывшим воспитателем Наследника, следует отметить подвиг, принятый на себя Жильяром, последовавшим за Царской семьей в ссылку, морально ее поддерживавшим, претерпевшим с нею все невзгоды и лишь случайно не разделившим с нею ее трагической участи. Нельзя и не отметить при этом его поразительную скромность: он почти не говорит о себе и даже будто бы и не понимает своего подвига.

К. Паоли занимал в Париже должность особого комиссара, назначавшегося французским правительством для охраны Высочайших особ, приезжавших в Париж.

Такая специальность не могла не развить в господине Паоли исключительной наблюдательности. Его характеристика Государя касается эпохи, значительно предшествовавшей нами рассматриваемой, но она заслуживает внимания потому, во-первых, что в ней упоминается весьма ценное мнение о Государе бывшего президента Французской Республики Лубэ, во-вторых, что в ней заключается анализ почерка Государя, имеющий не только временное значение и, в-третьих, что эта характеристика вполне подтверждается всем последующим. Приведя эту выдержку, к Паоли мы более не вернемся.

«Первое впечатление (дело касается приезда Государя и Императрицы в Париж в 1901 году), которое произвели на меня Царь и Царица, совершенно противоположно тому, которого я ожидал. По фантастическим мероприятиям и таинственности, которую создавали кругом них, невольно слагалось представление о них как о существах серьезных, торжественных, высокопарных, мистических и подозрительных. Внезапно, при первом с ними соприкосновении, это представление изменилось. Пред вами оказались два существа очень между собою близкие, очень простые, очень добрые, весьма озабоченные тем, чтобы понравиться всем и ко всем принаравливающиеся; имеющие, по-видимому, отвращение к официальной торжественности и сожалеющие о бесконечных барьерах, отделяющих их от остального мира. Замечалось, что они охотно были экспансивны, что у них были сердечные порывы, бесконечная деликатность мысли, в особенности по отношению к обездоленным. В смехе глаз Императора

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Предисловие автора.

чувствовалась свежая и молодая веселость, стесненная необходимостью быть постоянно сдерживаемой; в меланхолии взгляда Императрицы угадывалась драма, тайная драма нежности, всегда встревоженной судьбою, омраченной тяжестью короны, в которой всегда было более терний, нежели роз. И, признаюсь, если я даже буду осужден за это некоторыми лицами, самодержавие, олицетворенное этой молодой четой, которая столь очевидно была бы более счастливой между самоваром и колыбелью, чем между двойными шпалерами штыков, самодержавие, в этом неожиданном виде не заключало в себе ничего удручающего: напротив, в нем была некоторая прелесть.

Я, впрочем, знаю, что вообще о характере Царя создано было ошибочное представление. О нем говорили и говорят еще ныне, что он слаб. Однако по этому поводу я склонен думать, как и господин Лубэ, что “слабость” Николая II более кажущаяся, чем действительная, и что в нем, как некогда в Наполеоне III, есть “мягкий упрямец”, который обладает весьма определенными идеями, существо, сознающее свою власть, гордое своей славой и своим именем. Графологическое изучение его почерка в этом отношении довольно убедительно. Если прямолинейное горизонтальное наклонение букв его почерка обнаруживает существо нежное, чувствительное и мечтательное, то заметьте, напротив, энергичную и покровительственную гордость его “Н” (упорство крючка его буквы Н, заканчивающего), творческую силу, указываемую точкою над буквою И (по-французски – i), мощность широкого росчерка, свидетельствующего о прямоте и великодушии».

Наконец, подлежит изучению книга Верстрата «*Mes Cahiers Russes*». Автор – француз, проживавший долгое время в России¹. По положению своему директора банка, он соприкасался с обширными кругами, поэтому мемуары его заслуживают внимания. Отношение его к Императору Николаю отрицательное. Мы не будем останавливаться на его характеристиках не потому, что они отрицательны, а потому, что он никогда в личном контакте с Государем не был, а говорит лишь с чужих слов, и каких... Но для характеристики этих характеристик приводим одну:

«Если у Царя нет друзей, то нет и любимых женщин. Ни одна любовница не возымела на него влияния. Он не любил ни женщин, ни одной женщины в отдельности» (С. 28).

¹ Морис Верстрат, чиновник министерства иностранных дел Франции, приехав в Россию в 1894, через три года становится секретарем посольства в Санкт-Петербурге и атташе по торговле. В 1901 он возглавил Северный Банк, а затем Русско-Азиатский Банк (русские филиалы банка *Société Générale*). Его успешная деятельность длилась вплоть до сентября 1918, когда ему пришлось покинуть Россию.

Можно ли говорить о том, что он не любил женщину в частности – он, который обожал жену. Можно ли говорить, что женщина не имела на него влияния, когда вся Россия его упрекала в том, что он находился под влиянием Императрицы, и ставить ему, давно уже женатому человеку, в укор, что он не любит женщин вообще! Тем не менее, книга Верстрата имеет серьезный интерес, ибо, несмотря на то, что приводимое в ней местами не отвечает действительности, зато она вполне добросовестно отражает то, как эта действительность представлялась в то время широкой публике. Это не правда, но точное отражение той неправды, основанной на злостной клевете, имевшей, главным образом, в основе сплетню, которая владела обществом того времени. Правда, и Палеолог слушает сплетни, но, во-первых, он сам часто и резко дает им отпор, а, во-вторых, всегда проводит их через критику и большинство их отбрасывает. Палеолог пропускает сплетни через себя, а Верстрат воспринимает их полностью, но можно ли упрекать иностранца в том, в чем было повинно большинство русских!

К такого же рода сочинениям принадлежит и книга Шарля Ривэ «Последний Романов». Несколько выписок из нее будут приведены на своем месте, но для ее характеристики цитируем здесь одну:

«Когда слышался лай в коридорах дворца, то знали, что Маклаков, министр наиболее ответственного министерства в чрезвычайно трудную эпоху, прибыл и докладывает о своем прибытии» (75).

Книга эта, изданная в 1918 году, вышла уже в 88 изданиях... Какое она могла дать представление о России?!

Покончив с разбором материала, нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что чем ближе стояло к Государю наблюдавшее его лицо, тем отзыв о нем благоприятнее. Вот эта цепь: Вильямс в Ставке, Жильяр – гвернер, видевший его в семье, Палеолог, наиболее близкий из послов, потом комиссар Паоли, английский посол Бьюкенен, затем Легра, видевший его всего два раза, Верстрат, не говоривший с ним никогда, но живший в Петрограде, и, наконец Ривэ – иностранный журналист. Луч, исходящий от Царя, был светел; в широкие же слои, преломляясь в призме клеветы и измены, он выходил тусклым. Характерно то предубеждение, которое кто-то создавал против Императорской четы. Сопоставьте то, каковыми а priori представляли себе Императрицу Вильямс и Паоли, с тем, что они увидели на самом деле. Замечательно то, что презумпция и действительность очертаны ими почти в одних и тех же выражениях, а между тем, ведь это люди совершенно разные, принадлежащие к различным национальностям и наблюдения их разделены значительным промежутком времени. Значит, как обширны были силы, чернившие Государя и его Супругу, и

как настойчиво они действовали. Вспомните характеристику, сделанную Легра Государю: то, что он видел сам – было хорошо, но кто-то уже успел шепнуть ему о «немилосердии» Государя!

Как было уже высказано, наиболее ценным материалом представляются воспоминания дипломатов, а потому к ним, ранее всего, и обращаемся.

Центральным вопросом для обоих послов Антанты являлось выяснение отношения Государя к войне, а в особенности – решимость его довести ее до победного конца. В этом, конечно, заключалась служебная обязанность послов держав, вместе с Россией вступивших в смертный бой с Германиею. Мысль о возможной в этой области слабости Государя занимает всецело их внимание, переходящее временами и в мнительность. Трудно упрекнуть их за это, ведь от того или другого отношения Царя к войне зависели самые жизненные интересы их родины.

Постоянно затрагивая эту тему в беседах с Государем, Палеолог в особенности стремится всеми силами пополнить свою осведомленность расспросами всех лиц, с которыми приходилось ему встречаться, начиная от Великих княгинь и кончая таинственными осведомителями. Особенное внимание в этом отношении он проявляет к великосветским дамам. Для этого, впрочем, у него были основательные причины. Как видно из записок нашего бывшего министра иностранных дел А.П. Извольского¹, предместник Палеолога Бомпар был отозван вследствие будто бы слишком близких сношений его с наиболее передовыми кругами Думы. Очевидно, Палеолог перенес центр своих наблюдений в иные круги. Насколько эта среда могла дать верное представление о России, свидетельствует Легра, который говорит: «Россия не была тем, чем представляла ее дипломатия. Наши представители в Петрограде, с точки зрения осведомленности слабо оборудованные и бывшие знакомыми лишь исключительно с салонами столицы, черпали из них “свои сведения”...» (С. VIII).

В непрерывном опасении за верность России союзу посол ищет найти ей силы враждебные и находит их в «немецкой партии» «la clique de Potsdam»², как он ее образно называет. И вот, около личности Государя, Императрицы, немецкой партии и связываемого с нею Распутина все время работает мысль посла, и потому, признавая его несомненную наблюдательность, из воспоминаний Палеолога можно извлечь богатейший материал по интересующему нас вопросу.

¹ Mémoires d'Alexandre Isvolsky (С. 73). – Авт. — Извольский А.П., бывш. министр иностранных дел. Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского. П.–М.: «Петроград», 1924.

² Потсдамская клика (фр.).

Глава II

Первый период войны

Объявление войны. – Восприятие войны. – Первые сомнения. – Распутин. – Императрица. – Граф Витте. – Государь в первые месяцы войны. – Его сотрудники. – Идея самодержавия. – Шептуны и призраки революции.

7/20 июля 1914 года в Россию приезжал Президент Французской Республики Пуанкарэ. На яхте «Александрия» Государь выехал в море навстречу Президенту в сопровождении Палеолога. Последний высказывает Государю свои опасения возможности войны с Германиею.

После мгновенного раздумья Государь ответил:

«Я не могу поверить, чтобы Император Вильгельм хотел войны... – и прибавил: – Тем более необходимо, чтобы мы, в случае кризиса, могли рассчитывать на Англию. Не потеряв окончательно разума, Германия никогда не посмеет броситься на соединенные Россию, Францию и Англию» (Ч. I. С. 3)¹.

Из этого видно, что Государь определенно высказывал мысль, что перед союзными Россиею, Франциею и Англиею воинственность Германии спасует. Нельзя сомневаться в том, что такие взгляды Государь высказывал и своему министру иностранных дел, и обязанностью дипломатии было придать этой мысли конкретную форму. Будь это мудрое мнение Государя осуществлено, войны конечно бы не было.

По этому поводу сэр Бьюкенен замечает:

«Если бы Германия знала, что Великобритания будет сражаться вместе с Франциею и Россиею, она бы дважды подумала, прежде чем занять позицию, которую она не могла с честью покинуть» (Ч. I. С. 106).

В тот же день состоялся в Петергофском дворце парадный обед. Палеолог, сидевший против Императрицы, отмечает всю тягостность для нее участия в этой длительной церемонии, которую она преодолевает, чтобы чествовать Президента союзной республики, стараясь завязать разговор с Пуанкарэ, сидевшим по правую ее руку.

После обеда у Государя прием. По этому случаю Палеолог замечает: «Настойчивость, с которою стремятся представиться Пуанкарэ, доказы-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. I. Визит президента Республики к Императору Николаю (20–23 июля 1914 г.).

вает мне его успех. Даже немецкая клика, ультрареакционная партия, ищет чести приблизиться к Президенту» (Т. I. С. 6)¹.

Как видно, немецкая клика уже появляется в представлении посла. К сожалению, Палеолог не называет имен, так что трудно придать его заключению конкретную форму.

Весьма скоро после отъезда Президента из Петербурга, 11/24 июля, в то время пока он еще плыл к берегам Франции, что весьма осложняло положение дипломатов, Австрия, по поводу убийства эрцгерцога Фердинанда в Сараеве, вручила Сербии ультиматум. За этим немедленно последовало совещание между нашим министром иностранных дел Сазоновым, Палеологом и Бьюкененом. Палеолог говорит, что война может вспыхнуть каждую минуту и что это обстоятельство должно определить всю нашу, то есть Франции и Англии, политику.

Бьюкенен высказывает предположение, что его правительство пожелает остаться нейтральным и выражает опасения, что Франция и Россия будут раздавлены тройственным союзом.

«При сложившихся обстоятельствах, – возражает Сазонов, – нейтралитет Англии был бы равносителен самоубийству».

«Это мое убеждение, – печально отвечает сэр Джордж, – но я опасаюсь, что наше общественное мнение не скоро поймет то, что с такою очевидностью нам указывает наш национальный интерес».

Палеолог настаивает на решительном значении того влияния, которое может возыметь Англия в том, чтобы потушить воинственный пыл Германии, и указывает на мнение, высказанное ему Императором Николаем четыре дня тому назад: **«Не потеряв окончательно разума, Германия никогда не решится броситься на соединенные Россию, Францию и Англию»**. Сазонов с жаром поддерживает те же соображения.

«Бьюкенен обещает энергично поддержать перед Греком политику сопротивления Германским претензиям». Вечером Сазонов заявляет Палеологу, что «он сделает все возможное, чтобы избежать войны». Выслушав совет Палеолога быть весьма осторожным на предстоящем у Государя совещании, Сазонов говорит: **«Не беспокойтесь! Впрочем, вам известна мудрость Государя»** (Т. I. С. 23, 24, 25, 26)².

Последние слова Сазонова заслуживают особого внимания: значит, он признает Государя мудрым. Признавая в Государе мудрость в беседе с че-

¹ Там же.

² Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. II. Накануне войны (24 июля – 17 августа 1914 г.). Запись «Пятница, 24 июля 1914 г.».

ловеком, находившимся в постоянном с ним общении, Сазонов поставил бы себя в весьма неловкое положение, если бы это мнение не имело под собою почвы.

В беседе министра с послами 12/25 июля Сазонов и Палеолог вновь настаивают перед Бьюкененом на присоединении Англии к России и Франции. На это Бьюкенен с огорченным видом отвечает, что они «убеждают убежденного» (Т. I. С. 27)¹.

Вскоре после этой беседы Палеолог видится с Сазоновым и говорит ему: «Я вас умоляю не принимать никаких военных мер на германском фронте и даже быть весьма осторожным на австрийском, пока Германия не откроет своих карт. Малейшая неосторожность с вашей стороны может стоить вам сотрудничества Англии!»

«Это и мое мнение, – отвечает Сазонов, – но наш Генеральный штаб проявляет нетерпение, и я его с трудом сдерживаю».

Чтобы укрепить Сазонова в этих мыслях, Палеолог просит его обязаться принять все предложения, которые сделают Франция и Англия, чтобы спасти мир.

После краткого колебания Сазонов на это соглашается (Т. I. С. 33–34)².

Однако все эти попытки к предотвращению войны оказались тщетными.

По этому поводу Палеолог отмечает:

«Мои рассуждения радикально пессимистичны. Как я ни старался их опровергнуть, они неминуемо приводят к выводу: война. Время колебаний и дипломатического искусства прошло. **Около далеких и глубоких причин, вызвавших современный кризис, инциденты последних дней ничтожны**³. Нет более личной инициативы, нет более человеческой воли, которые могли бы сопротивляться автоматическому механизму разнуздавшихся сил. Мы, дипломаты, потеряли всякое воздействие на события, мы только можем попытаться их предусмотреть, а также заботиться о том, чтобы наши правительства сообразовали с ними свой образ действий» (Т. I. С. 30)⁴.

Тем временем события идут своим чередом. Одно зубчатое колесо задевает за другое. Происходит обмен телеграммами между Петербургом и Берлином по поводу мобилизации.

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. II. Накануне войны (24 июля – 17 августа 1914 г.). Запись «Суббота, 25 июля».

² Там же. Запись «Вторник, 28 июля».

³ Выделено нами. – *Авт.*

⁴ Там же. Запись «Понедельник, 27 июля».

17/30 июля Сазонов с докладом у Государя. Этот исторический доклад Палеолог изображает так: «Его Величество показывает министру угрожающую телеграмму от Императора Вильгельма. Прочитав ее, Сазонов говорит: “Мы не избежим войны. Германия, видимо, уклоняется от посредничества (с Австриею), которое мы ей предлагаем, и она только ищет возможности выиграть время, чтобы закончить свои приготовления к нападению. При таких обстоятельствах я не думаю, чтобы Ваше Величество могли более колебаться в отдаче приказа об общей мобилизации”».

Очень бледный, глухим голосом Государь ему отвечает: “Подумайте об ответственности, которую Вы мне советуете взять на себя. Подумайте о том, что это вызовет посылку на смерть сотен тысяч людей!”

Сазонов отвечает: “Ни совесть Вашего Величества, ни моя ни в чем себя не упрекнут, если вспыхнет война. Ваше Величество и Ваше правительство сделали все, чтобы мир избежал этого ужасного испытания. Но ныне я имею уверенность, что дипломатия закончила свое дело. Если Ваше Величество остановите предварительные действия к мобилизации, то Вы только расстроите нашу военную организацию и смутите наших союзников. Война, тем не менее, вспыхнет в тот час, когда Германия этого захочет, и застанет нас в полном расстройстве сосредоточения”.

Император с твердостью произнес: “Сергей Дмитриевич, идите и телефонируйте начальнику Главного штаба, что я повелеваю произвести мобилизацию!”» (Т. I. С. 39)¹.

Роль, которую сыграл Сазонов в момент объявления войны, Бьюкенен передает еще определеннее: «Только после того как Сазонов уверил его, что он может решиться на этот поступок со спокойной совестью, так как его правительство пустило в ход все средства, чтобы предотвратить войну, Государь, наконец, согласился не оставлять своего государства без защиты против подготавливавшегося германского нападения» (Т. I. С. 149)².

Осведомленный о только что приведенном, Палеолог сообщил о решении Государя своему правительству и немедленно получил ответ: Франция исполнит свои обязанности союзницы.

В ответ на мобилизацию следует обмен телеграмм между обоими Императорами, по наклонной плоскости ведущий к катастрофе.

19 июля / 1 августа германский посол Пурталес вручает министру иностранных дел акт объявления войны. В тот же день Бьюкенен передает Государю телеграмму от Короля Георга, обращающегося к миролюбию Царя, умоляя продолжить свои попытки к примирению. Просьба

¹ Там же. Запись «Четверг, 30 июля».

² Выделено нами. — *Авт.*

не имеет уже объекта с того момента, что Пурталес передал объявление войны.

19 июля / 1 августа в Зимнем Дворце, после торжественного молебна, Государь перед собранными сановниками и военными объявляет войну.

Вот как описывает эту сцену Палеолог: «Государь, приближаясь к аналою, подымает правую руку к Евангелию, которое ему подносят. Он еще серьезнее, еще сосредоточеннее, как бы приступая к причастию. Медленно и отчетливо подчеркивая каждое слово, он объявляет:

– Офицеры гвардии, здесь присутствующее, в вашем лице я приветствую всю мою армию и ее благословляю. Торжественно приношу клятву, что я не заключу мира, пока останется хотя один неприятель на родной земле.

Несмолкаемое “ура” отвечает на это заявление.

Государь выходит на балкон. Мгновенно толпа опускается на колени и начинает петь русский гимн. В эту минуту для этих тысяч людей, там распростертых, Царь действительно самодержец, помазанник Божий, глава своего народа, военный, политический и религиозный, неограниченный владыка тела и души» (Т. I. С. 46–47)¹.

23 июля / 5 августа Англия присоединяется к Франции и России.

Вот, вкратце, события, предшествовавшие войне. Какой можно сделать из них вывод?

Что Сазонов и Палеолог не хотели войны и что поэтому по мере сил своих стремились ее предотвратить, что, равным образом, не хотел ее и Государь.

Сталкиваясь с вопросами войны и мира, «Государь, – говорит Бьюкенен, – никогда не задумывался положить на чашу весов всю силу своего влияния в сторону мира. Он так старался вести мирную политику, так искренно готов был идти на уступки, лишь бы избежать ужасов войны, что в конце 1913 года создалось впечатление, что Россия никогда не будет воевать, впечатление, которое, к несчастью, побудило Германию воспользоваться создавшимся положением» (Т. I. С. 133).

Однако миролюбие не давало права Государю отказаться от традиционной роли России как покровительницы славянских государств. Весьма знаменательно, что такую роль признает за нею и английский посол: «Как естественная защитница балканских славян, она должна была охранять их интересы и следить за тем, чтобы вмешательством держав они не были лишены плодов своих побед» (Т. I. С. 105).

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. II. Накануне войны (24 июля – 17 августа 1914 г.). Запись «Воскресенье, 2 августа».

Тем не менее, в данный момент Государь еще раз подтвердил свое миролюбие способом, сделавшимся известным только впоследствии. 16/29 июля, то есть за три дня до объявления войны, «Государь, по словам Палеолога, повинаясь велению своего сердца и не пожелав посоветоваться ни с кем, телеграфировал Императору Вильгельму, предлагая ему передать Австро-Сербский конфликт на решение Гаагского суда. Если бы Кайзер принял этот способ решения спора – война была бы окончательно устранена, но он даже не ответил на это предложение Царя» (Т. I. С. 36)¹.

Между тем, война все-таки вспыхнула. Тяжесть ответственности за нее падает на Германию. Однако Палеолог намекает еще и на причины вне событий последних дней, «более далекие и глубокие». К сожалению, столь компетентный наблюдатель не поднял завесы над этой загадочной, но полной глубокого значения фразой и тем самым заставляет читателя искать таинственной разгадки. Весьма скоро, то есть на четвертый день после начала конфликта, он сознается уже в бессилии дипломатии и указывает на то, что события совершаются уже вне ее влияния и воздействия. Чьи же силы, в таком случае, действовали?

Достойным самого глубокого размышления является тот факт, что Англия присоединилась к Антанте (России и Франции) лишь **на пятый день после объявления войны**. Представим себе на мгновение, что она сделала бы это 18/31 июля. Война была бы невозможна. Как справедливо указывал Государь, Германия должна была обезуметь, чтобы пойти против объединенных России, Франции и Англии. Почему Англия этого не сделала? Зная историю Англии, разум ее народа, многовековую последовательность ее политики и мудрость ее государственных мужей, совершенно невозможно допустить, чтобы она не знала, как она поступит через пять дней в таком кардинальном вопросе, как столкновение Антанты с среднеевропейскими империями. Немыслимо, чтобы такая альтернатива не была заранее предусмотрена. Стоило Англии написать в Берлин, что она присоединяется к Петербургу и Парижу, все было бы кончено. Стоило ей сказать нам, что она будет на стороне Германии – результат был бы тот же самый. Нет, она предпочла открыть свои карты через пять дней, когда потушить огонь было уже невозможно, но представились шансы предоставить другим таскать из него каштаны для Англии. А между тем, наш мудрый Государь – мудрый по определению Сазонова, безоговорочно принятому Палеологом, – указал, что против соединенных России, Франции и Англии Германия не пойдет. Задачею дипломатии было придать

¹ Там же. Гл. XII. Забытая телеграмма Царя Императору Вильгельму. Запись «Воскресенье, 31 января 1915 г.».

мысли Государя конкретную форму, иначе говоря, вызвать присоединение Англии на пять дней ранее. Дать основную мысль было делом Государя, что и было им выполнено.

Мудро, в смысле своих эгоистических интересов, поступила Англия, мудро указывал путь к сохранению мира Государь, мудро поступим мы, вспомнив латинскую пословицу: «Cui prodest?» – «А кому это выгодно?»

Закончив беглый обзор периода перед объявлением войны, отметим ясность взгляда Государя на происходившие события, на его самообладание, на согласие его принять вызов Германии лишь для того, чтобы не «оставить государства своего без защиты», и величавое впечатление, которое произвел он даже на иностранца в торжественный момент объявления войны, когда на весы военного счастья была брошена Россия и с нею вместе его собственная судьба.

* * *

По свидетельству Палеолога, война была принята русским народом с энтузиазмом:

«Всюду (перечислено свыше десяти городов) тот же народный восторг, та же готовность, серьезная, спокойная и благоговейная, то же единение с Царем, та же вера в победу, тот же подъем национального самосознания. Никакого противоречия, никакого разделения... Коллективная душа Святой Руси никогда не выявлялась так сильно со времени 1812 года» (Т. I. С. 71)¹.

После заседания Государственной Думы, первом по объявлении войны, Палеолог записывает в свой дневник:

«Впечатление от этого заседания удовлетворительно. Русский народ, который не хотел войны, твердо решил ее осилить» (Т. I. С. 65)².

Председатель Государственной Думы Родзянко говорит Палеологу: «Война положила сразу конец нашим внутренним разногласиям. Во всех партиях Думы только и думают о том, чтобы биться с Германиею. Русский народ не испытывал такого национального подъема с 1812 года» (Т. I. С. 49)³.

23 июля / 6 августа небезызвестный Михаил Стахович говорит послу: «Никто в России не допустил бы мысли, чтобы мы позволили разбить маленький сербский народ». Никогда не оставляющая Палеолога мысль о враждебности к Антанте правых кругов побуждает его спросить своего

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. II. Накануне войны (24 июля – 17 августа 1914 г.). Запись «Понедельник, 10 августа».

² Там же. Запись «Пятница, 7 августа».

³ Там же. Запись «Понедельник, 10 августа».

собеседника: «Что думают крайние правые Государственного Совета и Думы, эта партия влиятельная и многочисленная, которая устами князя Мещерского, Щегловитова, барона Розена, Пуришкевича и Маркова всегда проповедовала соглашение с германским империализмом?» Стахович отвечает, что эта мысль, вдохновленная в особенности соображениями внутренней политики, в корне уничтожена нападением на Сербию, и делает вывод: «Начавшаяся война – дуэль не на живот, а на смерть между славянством и германизмом. Нет ни одного русского, который бы этого не сознавал» (Т. I. С. 60)¹.

На следующий день после этого разговора Палеолог обедает в яхт-клубе, после чего заносит в свой дневник: «В этой крайне консервативной среде я нахожу подтверждение тому, что высказывал мне вчера Стахович относительно отношения крайних правых к Германии. Те самые, которые только неделю тому назад энергично высказывались за необходимость укрепления православного самодержавия тесным союзом с прусскою властью, признают невыносимым оскорбление, нанесенное бомбардировкой Белграда всему славянству, и проявляют себя особенно воинственными.

Другие отмалчиваются или ограничиваются, высказываясь, что Германия и Австрия нанесли смертельный удар монархической идее в Европе» (Т. I. С. 61–63)².

Правые и народная масса приняли войну, приняли ее и левые, хотя и по иным соображениям.

«Один из моих осведомителей, – записывает Палеолог, – принадлежащий к передовым партиям, мне сообщает:

– Никакие стачки, никакие беспорядки ныне не предвидятся. Слишком велик национальный подъем. Так, например, главари социалистической партии проповедуют на заводах подчинение воинской повинности; впрочем, они убеждены, что эта война приведет к торжеству пролетариата.

– К торжеству пролетариата... даже в случае победы?

– Да, война заставит смешаться все классы населения, она сблизит мужика с рабочим и студентом, она лишний раз выявит грехи нашей бюрократии, что заставит правительство считаться с общественным мнением. Наконец, она введет в дворянскую касту офицерства либеральный и даже демократический элемент в лице запасных прапорщиков. Этот элемент сыграл уже большую политическую роль во время Маньчжурской кампании. Без него военные мятежи 1905 года были бы невозможны» (Т. I. С. 49)³.

¹ Там же. Запись «Четверг, 6 августа».

² Там же. Запись «Пятница, 7 августа».

³ Там же. Запись «Понедельник, 3 августа».

Такой патриотический подъем, по мнению посла, вызывается проявляющимися во всей России насилиями и погромами, ненавистью к немцам, в особенности к «балтийским баронам», захватившим мало-помалу все высшие посты при Дворе, первые места в армии, администрации и дипломатическом корпусе. Чтобы измерить ненависть, которую балтийское дворянство внушает истинным русским, Палеолог ссылается на директора Церемониальной части Е<вреина>, который, посетив посла по делам службы, «ругался даже с большей страстностью, чем обыкновенно, перечисляя придворных немцев: графа Фредерикса – министра Императорского Двора, барона Корфа – обер-церемониймейстера, генерала Гринвальда – обер-шталмейстера, графа Бенкендорфа – обер-гофмаршала и всех Мейендорфов, Будбергов, Гейденов, Штакельбергов, Ниродов, Коцебу и Кноррингов, переполняющих императорские дворцы»¹. Он заканчивает, подтверждая свои слова выразительным жестом:

«– После войны мы свернем шею всем этим балтийским баронам!

– Но когда вы им свернете шею, уверены ли вы в том, что в этом не раскаетесь?

– Как! Что вы хотите этим сказать? Разве вы думаете, что русские неспособны сами собою управлять?

– Я признаю вас вполне способными к этому, но не опасно ли устранять основу лесов, не имея под руками балки, чтобы ее заменить?» (Т. I. С. 73).

Нельзя не изумиться такому справедливому заключению иностранца, в особенности француза!

А в то время как чиновник Императорского Двора опорочивал своего министра и старшего сослуживца, вот что говорит о них Бьюкенен: «Несмотря на свои близкие отношения к немецкому Двору до войны, граф Фредерикс, как и граф Бенкендорф, были ярыми сторонниками союзников» (Т. II. С. 18).

Стремясь к выяснению общественного настроения, которое Палеолог ищет в великосветских салонах, он 28 июля / 12 августа обедает с госпожой Х. и графиней Z.² Графиня рассказывает о своем вчерашнем разговоре с Анной Александровной Вырубовой. «Последняя утверждает, что война, конечно, никогда бы не вспыхнула, если бы Распутин был в Петер-

¹ Кстати, следует отметить, что многие из названных лиц никогда «балтийскими баронами» не были. Например, Нироды – шведского происхождения. – *Авт.*

² Инициалы, которыми пользуется Палеолог, вероятно, легко могут быть расшифрованы лицами, знакомыми с Петроградским обществом, но могут привести и к ошибочным выводам, поэтому мы предпочитаем заменить их более темными Х. Y. Z.: тем более, что нас интересует общественное настроение, выраженное этими лицами, а не они сами. – *Авт.*

бурге, а не умирал в Покровском, в то время когда наши отношения с Германиею начали обостряться. Она много раз повторяла: “Если бы старец был тут, мы бы не имели войны! Я не знаю, что бы он сделал, но Бог бы его вдохновил, тогда как министры не сумели разобраться, а также ничего предотвратить!.. Вы видите, от чего зависит судьба Империи: публичная девка хочет отомстить грязному мужику¹, и немедленно Царь Всея Руси теряет голову. И вот весь мир в огне и крови!”

Госпожа Х. с раздражением ее останавливает:

– Даже шутя не рассказывай таких вещей перед послом. Это постыдно – вести такие разговоры в среде, близкой к Их Величествам!

Сделавшись серьезной, графиня спрашивает посла:

– Могла ли быть предотвращена война?

Палеолог отвечает:

– При условиях, в которых вопрос был поставлен Германиею, война была неизбежна. В Петербурге, как в Париже и в Лондоне, все было сделано, чтобы спасти мир. Нельзя было идти далее по пути уступок; оставалось только унизиться перед германскими державами и капитулировать. Не это ли посоветовал бы Распутин Государю?

– Не сомневайтесь в этом! – восклицает г-жа Х. с гневным взглядом» (Т. I. С. 75–77)².

Итак, первую сплетню о Распутине, в смысле прикосновенности его к вопросу о войне, Палеолог почерпнул в светском кругу, кругу, близком ко Двору. Не останавливаясь на том, что логически выводы относительно Государя анонимной графини не умны, нельзя не признать их неприличия. Хотя г-жа Х. и останавливает бестолковую болтовню графини, но сама, отвечая послу, она делает едва ли не худшую бестактность. Пусть это только светская болтовня, тем не менее, вредоносность ее утверждается уже одним тем, что посол считает нужным занести ее в свой дневник. Во всяком случае, скверное семя было брошено и принесло плоды, которые многим светским дамам горько впоследствии пришлось раскусывать.

23 июля / 5 августа Палеолог принят Государем в Александровском дворце в Петергофе.

Государь говорит послу:

¹ 29 июня 1914 г. Распутина, прибывшего на его родину в село Покровское, ударила ножом в живот проститутка Гусева. – *Авт.*

² Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. II. Накануне войны (24 июля – 17 августа 1914 г.). Запись «Среда, 12 августа».

«— Я хотел вам выразить всю мою благодарность, все мое восхищение вашей страной. Показав себя верной союзницей, Франция явила миру незабываемый пример патриотизма и чести. Передайте, пожалуйста, правительству Республики мою самую сердечную благодарность.

Он произносит эту фразу голосом проникновенным и волнующимся. Его волнение сильно выражено.

Далее Государь говорит:

— Нам нужно вооружиться мужеством и терпением. Что касается меня, то я буду бороться до конца. Пока будет хотя бы один враг на земле русской или французской, я не подпишу мира.

Это торжественное заявление он делает тоном самым спокойным, самым ровным. В его голосе, а в особенности во взгляде, какая-то странная смесь решимости и спокойствия, чего-то непоколебимого и пассивного, неопределенного и окончательного, как будто бы он выражает не свою личную волю, как будто бы он повинуетя какой-то внешней силе, ведению Провидения или судьбы.

Менее осведомленный в путях фанатизма, со всею энергиею, на которую и только способен, я представляю Государю ту опасность, которой Франция будет подвергаться в первый период войны. Он отвечает мне, подчеркивая слова:

— Только мобилизация будет закончена, я прикажу наступать. Мои войска полны отваги. Наступление будет поведено со всей возможною стремительностью. Вы, впрочем, знаете необычайную стремительность Великого князя Николая Николаевича!» (Т. I. С. 54, 55)¹.

Это обещание Государя было выполнено... и в какой мере!

Бьюкенен отмечает: «Согласно плану кампании, выработанному Генеральным штабом, Россия должна была сразу наступать против Австрии на юге и занять оборонительную позицию на севере, пока она не будет готова для более серьезного наступления на Германию. Если бы Россия считалась только со своими собственными интересами, это, несомненно, было бы самым благоразумным шагом, но она должна была также думать о своих союзниках. Продвижение германской армии на запад заставило ее произвести диверсию на восток. Первоначальный план кампании был соответственно изменен, и 17 августа — на следующий день по окончании мобилизации — генерал Ренненкампф начал наступление на Восточную Пруссию.

Первые десять дней его действия сопровождались таким выдающимся успехом, что можно было надеяться на то, что скоро вся область будет

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. II. Накануне войны (24 июля — 17 августа 1914 г.). Запись «Вторник, 4 августа».

в его руках. Но он продвинулся дальше, чем в данном случае допускало благоразумие, и германский Генеральный штаб, испугавшись громадного количества беженцев, устремившихся в Берлин, приказал перебросить войска с запада и передал командование на востоке генералу Гинденбургу. В это время, благодаря вынужденному отходу союзных армий на западе, французский посол получил инструкцию настаивать на том, чтобы русское правительство ускорило наступление на Восточную Пруссию. По мнению лучших русских генералов, подобное вторжение было преждевременным и было заранее обречено на неудачу. Армия во всех своих частях не была еще окончательно подготовлена. Трудности транспорта были необычайны, войска не были правильно распределены, а страна с ее лесами, озерами и болотами походила на губку, которая легко могла всосать всех, кто только в нее входил. Но Россия не могла остаться глухой к призыву союзника, столице которой угрожал неприятель, и армия Самсонова получила приказ наступать. Результатом явилась битва у Танненберга¹» (Т. I. С. 158–159). Армии, наступившие на Пруссию, чтобы геройским порывом спасти союзников, а в особенности Париж, были разгромлены.

По этому же поводу Легра говорит: «Чтобы помочь Франции защищать Париж, Россия самоотверженно бросилась в Восточную Пруссию» (С. 444).

Возвратимся к аудиенции: «Затем Государь расспрашивает по военным и техническим вопросам, о численности германских армий, о согласовании планов русского и французского Генеральных штабов, о содействии английских армии и флота, о предполагаемой позиции Турции и Италии и тому подобные вопросы, по которым он мне кажется точно осведомленным.

Аудиенция длится уже около часа. Государь смолкает. Он кажется мне несколько смущенным и с некоторою неловкостью и нерешительным движением рук он серьезно смотрит на меня. Вдруг он обхватывает меня руками и восклицает:

– Господин посол, позвольте мне в лице Вашем обнять дорогую и славную Францию!» (Т. I. С. 54–55)².

Можно ли представить себе что-либо более возвышенное, чем обращение Государя, нарисованное французским послом: тут есть и осведомленность Государя о положении дел, скромность при сознании своего исклю-

¹ Битва у Танненберга между русскими и германскими войсками в ходе Восточно-Прусской операции («самсоновская операция», «самсоновская катастрофа», «операция Гинденбурга») состоялась 26–30 августа 1914 г.

² Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. II. Накануне войны (24 июля – 17 августа 1914 г.). Запись «Вторник, 4 августа».

чительного положения как помазанника Божия, решимость, при покорности воле Божьей, и сердечный порыв.

При этом не следует забывать, что образ этот начертан лицом весьма скептического склада ума, лицом, иронически признающим себя «менее осведомленным в путях фанатизма», чем Государь.

Кстати, об осведомленности Государя нелишне привести здесь слова Бьюкенена, правда, по совершенно иному поводу: «Взяв атлас, Государь следил за докладом Сазонова, точно отмечая положение каждого указанного города и области с быстротой, которая меня удивила» (Т. I. С. 166).

5/18 августа Палеолог присутствует в Московском Кремле при торжественном объявлении Государем войны. Предоставляю слово послу: «В центре зала шествие останавливается. Государь голосом звучным и твердым обращается к дворянству и народу. Он заявляет, что, по обычаю своих предков, он пришел молиться об укреплении своих моральных сил у святынь кремлевских; он свидетельствует о чудесном подъеме всей России, без различия племен и национальностей – и заканчивает словами:

– Отсюда, из сердца земли Русской, я посылаю моим доблестным войскам и моим храбрым союзникам мой сердечный привет. С нами Бог!

Взрыв “ура” ему отвечает» (Т. I. С. 85)¹.

Ниже приводится описание Палеологом дальнейшего течения этой сцены, по стилю и по предмету своему достойному гомеровской «Илиады».

«В то мгновенье, когда Государь появился на Кремлевском крыльце, буря восклицаний подымается по всему Кремлю, где бесчисленный народ с обнаженными головами теснится на эспланаде². В то же время раздается трезвон всех колоколов Ивана Великого. И мощный звон колокола Вознесения, отлитый из металлического лома 1812 года, покрывает этот шум грохотанием грома. А там святая Москва с тысячами церквей, дворцов и монастырей, с лазурными главами, медными шпицами и золотыми куполами сияет под лучами солнца, как фантастический мираж... Ураган народного энтузиазма едва не покрывает звона колоколов. Ко мне подходит обер-гофмаршал граф Бенкендорф³ и говорит:

– Вот она, та революция, которую нам предсказывали в Берлине.

Он, по-видимому, этим передает всеобщую мысль.

Лицо Императрицы выражает восторженную радость. Бьюкенен шепчет мне на ухо:

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. III. Император в Москве. Запись «Вторник, 18 августа 1914 г.».

² Эспланада – площадь, открытая местность перед зданием.

³ Тот самый, которому заведующий церемониальной частью собирався, как «балтийскому барону», свернуть шею после войны. – *Авт.*

– Мы переживаем величественную минуту. Подумайте о той исторической будущности, которая здесь подготавливается!

По окончании церемонии Государь подзывает обоих послов и говорит:

– Приблизьтесь, господа послы. Это приветствие столь же относится к вам, как и ко мне!

Восторженные приветствия толпы продолжают.

Какой красивый и рыцарский поступок Государя, несомненно, вызванный исключительно личными побуждениями: церемониал не мог этого предусмотреть».

На обращение посла к Императрице она «едва отвечает, но сжатые губы, странный блеск ее неподвижного взгляда, магнетический и пламенный, свидетельствуют о внутреннем опьянении» (Т. I. С. 88)¹.

Посещение Государем Москвы произвело аналогичное впечатление и на Бьюкенена. Однако, возвращаясь с Кремлевского торжества со своим французским коллегой, он (Бьюкенен) «не мог удержаться от мысли, как долго продолжится народный энтузиазм и каковы будут чувства народа к своему “батюшке Царю”, если война затянется слишком долго?» (Т. I. С. 158).

Что это – просто скептицизм или вехи будущей деятельности сэра Джорджа?

Вся вышеописанная красивая, священная обстановка Кремля произвела на Палеолога глубокое впечатление. Он записывает: «В политическом отношении остались во мне два сильных впечатления: первое сложилось в Успенском соборе, наблюдая Государя стоящим перед иконостасом. Его личность, его окружение и вся декорация церемонии красноречиво выражали самый принцип самодержавия, таковой, каким его определяет Императорский манифест от 3/16 июня 1907 года о роспуске Государственной Думы второго созыва: “От Господа Бога вручена Нам Власть Царская над народом Нашим, перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской”. Второе впечатление от неописуемого энтузиазма московского народа к своему Царю. Я не думал, что монархическая иллюзия и императорский фетишизм имеют еще столь глубокие корни в душе мужика» (Т. I. С. 91)².

Если такое представление самодержавия могло сложиться в сознании посла от немногих виденных им случаев царского обихода, так какие же корни сознания своего исключительного положения помазанника Божия должны были прорасти в душе Императора Николая, не только много-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. III. Император в Москве. Запись «Вторник, 18 августа 1914 г.».

² Там же.

кратно присутствовавшего, но бывшего центром и объектом этого мистического служения. Не воспринять всего этого потрясенной душой мог только глубокий циник, благородную же и высокохристианскую душу Государя все это должно было пронизать и отразиться на всем его облике и внутреннем складе.

Ознакомившись с впечатлениями, которые произвел Государь на иностранных послов в торжественные дни объявления войны, со слов Жильяра мы узнаем, каковым он был в то же время в домашней обстановке.

«В то время, когда эта историческая сцена (передача объявления войны германским послом Пурталесом Сазонову) происходила в кабинете министра иностранных дел в Петербурге, Государь, Императрица и их дочери присутствовали на вечернем богослужении в маленькой церкви в Александрии. Встретив Государя несколько часов перед тем, я был поражен выражением его необычайной усталости: черты лица его были натянуты, цвет лица землистый, и мешочки, которые образовывались у него под глазами, когда он был утомлен, казались необычайно увеличившимися. И теперь он всей душой молился, чтобы Бог устранил от его народа эту войну, которую он признавал уже столь близкой и неизбежной. Все существо его казалось было напряжено в порыве веры, простой и доверчивой. Около него Императрица, скорбное лицо которой носило выражение глубокого страдания, столь часто подмеченное мною у изголовья Алексея Николаевича. Она тоже молилась в этот вечер с пламенной верою, как бы заклиная ужасную угрозу» (С. 85)¹.

«Несмотря на страшную ответственность, которая тяготела над ним, Государь никогда не проявлял столько твердости, решимости и сознательной энергии, как в периоде начала войны. Никогда его личность не выражалась с таким авторитетом. Оставалось впечатление, что он отдался всем телом и душой огромной задаче довести Россию до победы. В нем как бы чувствовалась лучезарность внутренней силы и упорная воля победы, которая заражала всех тех, которые к нему приближались. Государь был человеком скромным и застенчивым, он принадлежал к тем людям, которые постоянно колеблются от избытка совестливости и под влиянием чувствительной и чрезмерной деликатности лишь с трудом решаются подчинять других своей воле. Он сомневался в самом себе и был убежден в том, что он не может иметь успеха. Его жизнь, увы, как бы доказывала, что он не совсем был неправ. Отсюда его нерешительность и

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. IX. Царская семья в первые дни войны. – Путешествие в Москву.

сомнения. Но на этот раз, казалось, что что-то в нем изменилось. Откуда же происходило это убеждение?

Дело в том, что, с одной стороны, Государь веровал в святость того, что он защищал – события конца июля дали ему возможность проникнуть в немецкие плутни, жертвой которых он едва не сделался, – а с другой стороны, он никогда не был столь близок к своему народу. Его путешествие в Москву показало ему, насколько эта война была популярна и насколько ему были благодарны за его образ действий, преисполненный достоинства, поднявший за границей престиж его нации. Никогда энтузиазм масс не проявлялся с такой внезапностью и такою силою. Он испытывал ощущение, как будто бы вся страна стоит за ним, и он надеялся, что политическая рознь, прекратившаяся перед общей опасностью, не проявится вновь, пока длится война!» (С. 99)¹.

Два дня спустя после посещения Москвы Палеолог делится своими впечатлениями с Сазоновым:

«— Какое отличное впечатление о Государе я вынес из Москвы; он был проникнут волей, уверенностью и силою.

– Я имел то же впечатление, – отвечает Сазонов, – и вывел из него отличное предзнаменование... предзнаменование нужное, так как...

И он внезапно смолкает, как бы не смея закончить свою мысль. Я вынуждаю его продолжать. Тогда, беря мою руку, он говорит мне в тоне дружественной доверительности:

– Не забывайте, что сущность характера Государя – это мистическая покорность судьбе!

Затем он рассказывает мне интересный анекдот, переданный ему Столыпиным.

Столыпин предлагал Государю важную политическую меру. Выслушав его в задумчивости, Государь махнул рукою, как бы говоря: это или что-нибудь другое, не все ли равно, и с грустным тоном сказал:

– Мне не удастся ничего, что бы я ни предпринял. У меня нет удачи. Впрочем, воля человеческая так бессильна!

Мужественный и решительный по природе Столыпин энергично протестует. Тогда Царь его спрашивает:

– Читали ли Вы Жития святых?

– Да, отчасти, так как, если я не ошибаюсь, сочинение это занимает томов двадцать.

– Знаете ли Вы, какой день моего рождения?

– Как я мог бы этого не знать! 6 мая.

– А какого святого празднуют в этот день?

¹ Там же. Гл. X. Первые шесть месяцев войны.

– Извините, Ваше Величество, не помню.
– Это патриарх Иов¹.
– Слава Богу! Царство Вашего Величества кончится со славою, так как Иов, претерпев с кротостью величайшие испытания, был вознагражден благословением свыше и успехом.

– Нет, верьте мне, Петр Аркадиевич, я имею более чем предчувствие, а полную уверенность, что я предопределен ужасным испытаниям, но я не получу награды здесь на земле. Сколько раз я применял к себе слова Иова: “Едва я предчувствую опасение – оно осуществляется, и все несчастья, которых я опасуюсь, падают на меня”²» (Т. I. С. 95)³.

* * *

Для успешного выполнения своей дипломатической миссии Палеолог старается уяснить себе личность Государя. Непосредственные его впечатления превосходны, но приведенный разговор бросает уже в его душу сомнение.

После катастрофы у Мазурских озер (Танненберг), по сведениям Палеолога, настроение в русском обществе уже становится пессимистическим. 21 августа / 4 сентября он заносит в свой дневник: «Не сомневаются в том, что немцы овладеют укреплениями Парижа. После чего, как говорят, Франция будет вынуждена капитулировать. Откуда идут эти слухи, кем они распространяются? Разговор, который я имел с одним из моих тайных осведомителей Н., более чем ясно проливает на это свет. Личность эта, как все люди его ремесла, подозрительная, но очень осведомленная о том, что происходит и говорится около Их Величеств. К тому же в данный момент он имеет специальную и осязательную причину быть со мною искренним»⁴.

После успокаивающего заверения со стороны посла о положении дел во Франции Н. говорит:

«– Это правда! И мне очень отратно от Вас это слышать. Но есть один элемент, с которым Вы не считаетесь и который имеет большое влияние на тот пессимизм, который я вижу со всех сторон, в особенности на верхах.

¹ Праведный Иов Многострадальный (ок. 2000–1500 гг. до Р.Х.).

² Ср. Иов 3, 24–26: «Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода, ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье».

³ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. III. Император в Москве. Запись «Четверг, 20 августа».

⁴ Там же. Гл. IV. Поход немцев на Париж. Сражение при Сольдау. Запись «Пятница, 4 сентября».

- А в особенности на верхах?
- Да, в высших слоях общества и при Дворе, среди лиц, соприкасающихся обычно с Их Величествами, заметно большое беспокойство.
- Но почему?
- Потому что, потому что давно уже убеждены в неудачливости Государя. Знают, что все предприятия ему не удаются, что судьба всегда против него, что он предопределен для катастроф. Впрочем, линии его рук ужасающи!
- Как! Неужели поддаются таким глупостям?
- Что Вы хотите, господин посол, мы русские и, следовательно, суеверны. Но разве не очевидно, что Государь предопределен для катастроф?

Затем Н. перечисляет все неудачи, преследовавшие Государя: Ходынка, утопающий на его глазах в Киеве пароход с тремястами зрителей, смерть в его поезде любимого министра Лобанова¹. Желая иметь Наследника, он последовательно имеет четырех дочерей, а когда, наконец, Наследник появляется на свет, то он оказывается больным неизлечимым недугом. Любя тихую семейную жизнь, он получает истерическую жену, возбуждающую около себя беспокойство. Мечтая о вечном мире на земле, он втянут несколькими придворными интригами в Восточную войну, его армии побиты в Маньчжурии, а флот погибает в Китайском море. Потом вспыхивает революция в России; восстания и избиения следуют непрерывно друг за другом по всей стране. Убийство Великого князя Сергея Александровича открывает серию политических убийств. А когда беспорядки начинают утихать, Столыпин, обещавший быть спасителем России, падает на его глазах в Киеве от пули агента тайной полиции.

– Вы признаете, Ваше превосходительство, – заканчивает Н., – что Государь предопределен для катастроф и что мы имеем право дрожать, когда мы думаем о тех последствиях, которыми угрожает нам настоящая война» (Т. I. С. 110–111)².

1/14 октября Палеолога посещает одесский еврей, крупный экспортер хлеба, и говорит:

«Патриотический порыв не ослабел в массах. Напротив, ненависть к немцам кажется еще более острой, чем в первые дни войны. Все полны

¹ В дни торжеств по случаю Коронации Императора Николая II 18 мая 1896 г. на Ходынском поле произошла массовая давка, в которой погибло и пострадало около 1,5 тыс. человек; министр иностранных дел Лобанов-Ростовский внезапно скончался 18 авг. 1896 г. в Царском поезде при переезде из Вены в Киев.

² Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. IV. Поход немцев на Париж. Сражение при Сольдау. Запись «Пятница, 4 сентября».

решимостью продолжать войну до победы, в которой не сомневаются. Однако в Москве встревожены слухами, идущими из Петрограда: подозревают Императрицу и ее окружающих в секретных сношениях с Германиею; те же подозрения окружают Великую княгиню Елизавету Феодоровну, сестру Императрицы. Строго осуждают Государя за его слабость к Императрице, Вырубовой и Распутину» (Т. I. С. 172).

На следующий день после приема вышеупомянутого еврея к Палеологу приезжает французский промышленник, проживающий в Москве (председатель правления Московских металлических заводов), Гужон, который говорит:

«Многие из моих русских друзей, стоящие во главе московской промышленности и торговли, умоляли меня поставить вам один вопрос, который вам покажется странным. Правда ли, что придворным удалось поколебать решимость Государя продолжать войну до полного разгрома Германии? Возбуждение моих друзей чрезвычайно. Они до такой степени уверены в справедливости полученных сведений, что приехали со мною в Петроград и желают получить аудиенцию у Государя. Но предварительно они хотели бы осведомиться у Вас и были бы очень благодарны, если бы Вы их приняли.

Я отвечаю Гужону, разъясняя ему вопрос о тех интригах, которые куются около Императрицы и за которыми надо очень наблюдать; что же касается твердости намерений Государя, я перечисляю ему все те свидетельства, которые я ежедневно получаю в их подтверждение.

«Благоволите уверить Ваших друзей, – говорит Палеолог, – что я имею безусловную веру в слова Государя, в его верность союзу и решимость продлить войну до окончательной победы... Они, впрочем, поймут, что я не могу их принять, так как это имело бы вид, что я становлюсь между Царем и его подданными. Если впоследствии Вы узнаете что-либо определенное о придворных интригах, обязательно меня осведомите» (Т. I. С. 173).

Нельзя не оттенить здесь по достоинству образа действий Палеолога, осудившего бестактную выходку московских патриотов, пришедших к иностранному послу проверять образ действий своего Государя на основании сплетен, не имевших никакой под собою почвы, но спрашиваешь себя: о каких «интригах, которые куются около Императрицы и за которыми надо очень наблюдать», говорит посол, о интригах ли, которые хотели ее использовать, или которых она была жертвою?

Здесь не лишено интереса отметить, насколько Москва способна была питаться и отравляться вздорными слухами. Вот что записывает Легра.

Правда, приводимое относится к эпохе значительно позднейшей, а именно к весне 1916 года, но ведь Москва всегда была Москвой.

«Я закончил вечер с друзьями, принадлежащими к богатой буржуазии, людьми, исключительно интеллигентными и культурными. Один из них в страхе, но не из-за Вердена, но по поводу мира, который, по его сведениям, незамедлителен: ему это известно от X., который слышал Z., объявлявшего в Думе, что переговоры о мире подвинулись и что интендантство, по этому поводу, перестало делать заказы! Другой прибавляет, что Петроград будут мало-помалу эвакуировать, что, по его мнению, свидетельствует о том, что взятие Риги неминуемо. Наконец, третий сообщает слух, что Россия продала Германии несколько миллионов пудов хлеба взамен поставки аспирина, в котором она испытывала настоящую нужду! Нелепость этих слухов не поражает моих друзей; у них в настоящее время происходит что-то такое в мозгу, что извращает мысли, подобно зеркалам, извращающим изображение. Однако, если сливки интеллигентной и социальной Москвы так слабо разбираются, то что же происходит на низах общества?» (С. 63).

4/17 сентября французского посла посещает уже другой его осведомитель Б., который рассказывает ему о деятельности Ленина, основывавшего торжество своих идей на победе Германии и поражении России. Резюмируя эту беседу, посол записывает: «Итак, оба полюса русского общества: главари непримиримого православного самодержавия и апостолы крайнего и безусловного анархизма исповедуют одно и то же желание – победу Германии!» (Т. I. С. 174)¹.

Вот какими путями и какими разговорами, вне личных впечатлений, создавалось у Палеолога представление о Государе и окружавшей его обстановке.

Выше приведено все, что отмечено Палеологом в его записках до вышеупомянутого дня о консервативной партии в России, и спрашиваешь себя, не вытекает ли такое заключение посла относительно деятельности правых только из предубеждений к ним? Дальнейшее отчасти выяснит, кем питались эти предубеждения.

* * *

Уже несколько раз нам пришлось упомянуть имя Распутина. Личность эта сыграла такую большую роль в последние годы Императорской России, что знакомству с ней приходится уделить некоторое место. Зорко следит за ним и Палеолог.

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XIX. Измена Болгарии и сербская трагедия. Запись «Пятница, 17 сентября <1915 г.>».

В сентябре, по сведениям посла, Распутин вернулся в Петроград. «Он говорит о войне только в выражениях неопределенных, загадочных и апокалиптических, отсюда делают вывод, что он ее не одобряет и что он предвидит большие несчастья»¹ (Т. I. С. 117).

14/27 сентября Палеолог спрашивает графиню Х., сестра которой очень близка к старцу:

«— Правда ли, что Распутин уверял Государя, что эта война будет гибельна для России и что ей надо немедленно положить конец?

— Сомневаюсь... В июне, несколько ранее покушения на него Гусевой, Распутин часто повторяет Государю, что он не должен доверяться Франции, а сближаться с Германией, впрочем, он только повторял фразы, которым, с большим трудом, его обучал старый князь Мещерский. Но со времени своего возвращения из Покровского он держит совсем иные речи. Третьего дня он сказал мне лично: “Я счастлив этой войне, она избавила нас от двух недугов: пьянства и немецкой дружбы. Горе Царю, если он остановится в борьбе, не раздавив Германию!”

— Bravo! Но говорил ли он то же самое Их Величествам недели две тому назад? Мне сообщили об его разговорах совсем противное.

— Быть может... Распутин не политик, который имеет систему и программу и который следует им при всех обстоятельствах. Это безграмотный мужик, непосредственный, ясновидец, фантазер, полный противоречий. Но так как он очень лукав и чувствует, что его положение во дворце поколебалось, то я была бы удивлена, если бы там он высказывался бы против войны» (Т. I. С. 136–138)².

13/26 октября Палеолог записывает свою беседу с Великой княгиней Мариею Павловной. Он спрашивает ее, говорит ли Распутин о мире?

«Я не знаю, — отвечает Великая княгиня, — но это меня бы очень удивило. Он слишком хитер, чтобы не понять, что в этот момент его не стали бы слушать» (Т. I. С. 179).

Из приведенных разговоров видно, что фактически в этот момент Распутин не высказывался за прекращение войны, остальное лишь предположения, приводящие однако, хотя и путем отрицательным, к тому же выводу.

26 ноября / 9 декабря Палеолог записывает свою беседу с посетившим его «неким старым бароном Н., игравшим политическую роль лет десять тому назад, но с того времени посвятившемся ничегонеделанию и свет-

¹ Необходимо отметить, что из всех источников видно, что до того что война вспыхнула, Распутин определенно высказывался против нее. — *Авт.*

² Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. V. Распутин. Запись «Суббота, 12 сентября 1914 г.»

ской болтовне. Он говорил о вчерашних событиях (неудачное Лодзинское дело)¹:

– Дела идут плохо!.. Лодзинская битва, какое безумие, какой беспорядок! Мы потеряли более миллиона людей... Мы никогда не преодолеем немцев. Нужно думать о мире.

Я возражаю, что три союзных державы обязаны вести войну до разгрома Германии, так как вопрос идет не более не менее, как о национальной целостности; я присовокупляю, что позорный мир вызовет неминуемо в России революцию, и какую революцию! Я заканчиваю свою речь утверждением, что имею безусловное доверие в верность Государя нашему общему делу. Н. отвечает шепотом, как будто бы кто-нибудь может нас услышать:

– О, Государь, Государь...

Он останавливается, я настаиваю.

– Что Вы хотите сказать? Кончайте же!

Он продолжает с большим смущением, так как вступает на скользкий путь:

– В настоящий момент Государь возбужден против Германии, но он скоро поймет, что ведет Россию к гибели... Это ему дадут понять... Я как бы отсюда слышу, как эта каналья Распутин ему говорит: “Ну долго ли еще ты будешь проливать кровь своего народа? Ты разве не видишь, что Бог тебя оставляет”. В этот день, господин посол, – мир будет близок.

Я резко обрываю этот разговор:

– Это глупая болтовня. Государь присягал на Евангелии и на иконе Казанской Божьей Матери, что он не подпишет мира, пока хотя бы один вражеский солдат будет на Русской земле. Никогда Вы не заставите меня поверить, чтобы он не исполнил такой клятвы. Не забудьте, что в этот день, когда он приносил эту присягу, он хотел, чтобы я был около него, чтобы мое присутствие свидетельствовало о том, о чем он клялся перед Богом. В этом он всегда будет непреклонен. Он скорее пожертвует жизнью, чем изменит своему слову» (Т. I. С. 228)².

¹ Крупнейшее сражение Первой мировой войны на Восточном фронте – Лодзинская операция (ноябрь–декабрь 1914 г.) могла бы изменить ход всей войны, многочисленная русская армия имела все шансы дойти до Берлина. Однако в момент, когда русские войска могли захлопнуть немцев в котел и продолжить неумолимое движение на запад, генерал Рузский дал приказ к отступлению. Все же русские армии в этой битве одержали бесспорную победу, однако общие потери русских войск убитыми и ранеными составили более половины от участвовавшей в операции группировки (историки приводят цифру 280 тыс. чел.).

² Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. IX. Припадок пессимизма: снарядный кризис. Запись «Среда, 9 декабря 1914 г.».

Пророчески правым оказался французский посол, и приходится вновь с отрадным чувством отметить его заступничество за Государя перед этим, к стыду нашему, русским. Не говоря уже о гнусности его словоизвержений, нельзя не подчеркнуть и их глупости. Только что он говорит, что «нужно думать о мире», как признает Распутина «канальею», навязывая ему совет Государю прекратить войну, то есть заключить тот же мир!

И как ни глупы, как ни низки все эти разговоры, как ни находились они в явном противоречии с впечатлениями посла при непосредственном общении его с Государем и Императрицею, как ни возбуждали они его негодования, они тем не менее не могли не оставлять осадка в его сознании, осадка, стоявшего, как мы увидим далее, в несоответствии с действительностью.

Месяца два спустя (11/24 февраля 1915 г.) Палеолог встречается с Распутиным в одном салоне. Между ними происходит длинный разговор, из которого ниже приводится наиболее интересное.

На указание посла о вреде заключения при данных обстоятельствах мира Распутин отвечает:

«— Ты прав, мы должны биться до победы.

— Я счастлив от тебя это слышать, так как я знаю многих высокопоставленных лиц, которые рассчитывают на тебя, чтобы побудить Государя прекратить войну.

Окинув меня недоверчивым взглядом и почесав бороду, он резко отвечает:

— Всюду есть дураки!

— Досадно, что этим дуракам верят в Берлине. Император Вильгельм уверен, что ты и твои друзья всем своим влиянием работаете в пользу мира.

— Император Вильгельм... Ты разве не знаешь, что его вдохновляет диавол! Все его слова, все его поступки — по наущению диавола. Я знаю, что я говорю: в этом я разбираюсь! Один черт его поддерживает, но в один прекрасный день черт его оставит, потому что Богу так угодно. И Вильгельм падет, как сношенная рубашка, которую бросают в навоз.

— Тогда наша победа несомненна! Диавол, очевидно, не может победить.

— Да, мы победим».

Затем Распутин переходит на страдание народа и говорит:

«— Когда народ слишком страдает, он делается ужасным... он даже говорит о республике... ты должен был бы сказать об этом Государю.

Потом Распутин спрашивает, будет ли Константинополь принадлежать России?

— Да, если мы будем победителями.

– Наверное?

– Я в этом убежден.

– Тогда русский народ не пожалеет о своих страданиях и согласится страдать еще больше» (Т. I. С. 308–311)¹.

Оставаясь в рамках только что приведенного разговора и всего того, что до настоящего момента поведал нам Палеолог, спрашиваешь себя, в чем можно упрекнуть Распутина?

13/26 мая, то есть три месяца спустя, посол получает о «старце» другие сведения. Под влиянием военных неудач в Галиции Распутин будто бы вновь принялся проповедовать свою прежнюю тему: «Эта война оскорбляет Бога... Россия вступила в войну против воли Божьей... Генералы ведут мужиков на убой. Увы, кровь жертв падет не только на них одних: она падет и на Царя, потому что он отец мужиков... Я вам говорю, кара Божья будет ужасна!» (Т. I. С. 362)².

Признание ужасов войны не есть еще проповедь ее прекращения; да кто же был за войну? Союзные дипломаты гордились тем, что сделали все для ее предотвращения, а Вильгельм предается анафеме за то, что ее вызвал!

Несколько дней спустя (17/30 мая) Палеолог беседует «с высокопоставленную особую Х., пламенный патриотизм которого вновь приходит к нему изливаться».

Посол спрашивает Х., почему его сторонники не подкупят «старца» для проведения своих целей. И что же оказывается? В силу разных, правда отрицательных, соображений старца подкупить нельзя, и что даже «о всяком подозрительном предложении он немедленно доведет до сведения дворцового коменданта, генерала Воейкова» (Т. I. С. 366)³.

Здесь не место заниматься личностью Распутина во всей ее совокупности, то есть его биографией, обстоятельствами, создавшими его положение при Дворе и его гипнотической силою. В данном случае нас интересует только та роль, которую ему приписывали по отношению к войне или, точнее, к ее прекращению, причем его охотно обвиняли в том, что он состоял немецким агентом. Последнее обстоятельство, в виду близости его к Императрице, имело огромное значение в надвигавшейся трагедии Императорской семьи, и приходится спросить себя, можно ли из приведенных Палеологом данных, – а он очевидно привел все, чем распола-

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XIV. Встреча с Распутиным. Запись «Среда, 24 февраля 1915 г.».

² Там же. Гл. XVI. Сражение на Дунайце. Очищение Польши и Литвы. Запись «Среда, 26 мая».

³ Там же.

гал, — сделать вывод, подтверждающий приведенное о Распутине мнение. Рассмотрению вопроса, был ли Распутин немецким агентом, будет отведено место далее, здесь же интересно выяснить степень влияния Распутина на Государя. Об этом Палеолог говорит:

«Государыня всецело подчиняется Распутину... Подчинение Государя гораздо менее полно. Он, несомненно, думает, что Григорий Распутин “Божий человек”; однако он сохраняет относительно последнего большую долю самостоятельности, он никогда сразу ему не уступает. Эта относительная самостоятельность проявляется в особенности, когда старец вмешивается в политику. Тогда Николай II замыкается в молчание и сдержанность; он избегает затруднительных вопросов, он откладывает окончательный ответ; но во всяком случае, он подчиняется только после долгой внутренней борьбы, где его природный здравый смысл очень часто одерживает верх» (Т. II. С. 91)¹.

То же самое говорит и Бьюкенен:

«Его влияние на Государя не было так беспредельно, как на Государыню, и скорее касалось религиозных и церковных вопросов, чем политических» (Т. I. С. 177).

Отбрасывая гиперболическое прилагательное «беспредельно», приходишь к заключению, что влияние Распутина на Государя было определено сильно лишь в вопросах религии и касавшихся его личной жизни.

Между тем обществом владело иное представление. Это представление постоянным кошмаром стоит около Палеолога. Оно устрашает его, но надо отдать ему справедливость, при ясном свете критического анализа этот кошмар всегда рассеивается.

Задавшись целью уяснить личность Государя из представления о нем иностранцев, необходимо дать значительное место и Государыне. Общая молва приписывала ей большое влияние на своего державного супруга. Если это действительно было так, то нельзя понять Государя, не поняв Императрицы.

В настоящем этюде не предполагается ни изучать, ни изображать всю сложную личность Императрицы. Несомненно, что на эту тему будут написаны многие книги компетентными историками, талантливыми романистами и учеными психиатрами. Впрочем, последним придется, быть может, более заняться психологией масс, чем личностью Императрицы, так как общество того времени было, несомненно, захвачено психозом самоуничтожения. Здесь мы коснемся Императрицы лишь в узкой об-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. XIX. Измена Болгарии и сербская трагедия. Запись «Воскресенье, 10 октября».

ласти приписываемого ей влияния на Государя, как в вопросах внешней, так и внутренней политики. Последняя выявится впоследствии, пока обратимся к первой.

В каком направлении, по мнению общества, выражалось влияние Государыни во внешней политике? В скорейшем заключении сепаратного мира с Германией. Побудительной к тому причиной были будто бы симпатии прежней принцессы Аликс Гессенской к ее немецкой родине. Однако обвинения этим не ограничивались, они шли гораздо далее. Императрицу обвиняли в том, что она, пользуясь своим положением и осведомленностью и будучи в связи с Германией, служила последней в ущерб интересам России; словом, ее обвиняли в тягчайшем преступлении – государственной измене.

На чем было основано это обвинение? На том, что Государыня – немка. Была ли она такой в действительности?

Обратимся для разрешения этого вопроса к иностранцам:

Вот что говорит по этому поводу Жильяр:

«Потеряв в детском возрасте мать, принцесса Аликс Гессенская, будущая Императрица Александра Феодоровна, воспитание свое, по большей части, получила при Английском Дворе, где в скором времени сделалась любимой внучкой Королевы Виктории, которая перенесла на белокурую Аликс всю нежность, которую она испытывала к ее матери. Королева Виктория не любила немцев и питала особое нерасположение к Императору Вильгельму II, которое передала своей внучке. Последняя всю свою жизнь испытывала более влечение к родине матери – Англии, чем к Германии. Впрочем, она осталась очень привязанной к родным и друзьям, которых она там оставила» (С. 35)¹.

«Императрица восприняла новую родину так же, как и новую религию – всем рвением своего сердца: она была русской по чувству, как православной по убеждению» (С. 144)².

«Я никогда его (Вильгельма) не любила, – говорит Императрица Жильяру. – Он всегда упрекал меня, что я ничего не делаю для Германии, и он употребил все усилия, чтобы оторвать Россию от Франции, но я никогда не думала, что это ко благу России... Эта война!.. Он никогда не простит мне ее!» (С. 88)³.

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. IV. Императрица Александра Феодоровна.

² Там же. Гл. XIII. Государь и Дума. – Галицийская кампания. – Наша жизнь в Ставке. – Растущее недовольство в тылу.

³ Там же. Гл. IX. Царская семья в первые дни войны. – Путешествие в Москву.

Вот что говорит Бьюкенен:

«Хотя часто утверждают, что она немка, а потому преследует германские интересы, но это неправда» (Т. II. С. 43).

Много позднее, 23 июля 1916 года, генерал Вильямс записывает в свой дневник непосредственно после разговора с Императрицей: «Она так горда Россией» (С. 117).

Но наиболее обстоятельные данные дает нам по этому предмету Палеолог.

11/24 ноября 1914 года он спрашивает Великую княгиню Марию Павловну: «А каковы ныне чувства Императрицы к Германии?»

Великая княгиня отвечает: «Я Вас, быть может, удивлю. Она страстная антинемка. Она отрицает у немцев всякую честь, всякую совесть, всякую человечность. Она мне говорила на днях: “Они потеряли нравственный смысл! Они потеряли христианское чувство”» (Т. I. С. 207).

25 декабря 1914 года (7 января 1915 года) он заносит в свой дневник:

«Вот уже много раз мне приходится слышать упреки Императрице в том, что она сохранила на троне немецкие симпатии, предпочтение и нежность к Германии. Несчастливая женщина никаким образом не заслуживает этого обвинения, которое ей известно и приводит ее в отчаяние. Александра Феодоровна не немка, ни по уму, ни по сердцу, и никогда ею не была. Конечно, она таковая по рождению, во всяком случае, с отцовской стороны, ибо ее отец Людвиг IV – Великий герцог Гессенский, но она англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери Королевы Виктории. В 1878 году, шести лет от роду, она потеряла мать и жила обычно при Английском Дворе. Ее воспитание, образование, формирование сознания и морали стали, таким образом, совершенно английскими. И ныне она еще англичанка по своей внешности, манере себя держать, некоторой натянутости и пуританизму, неуступчивой и воинствующей суровости совести, наконец, по многим своим интимным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается то, что принадлежит ее западному происхождению.

Существо ее натуры сделалось совершенно русским. Ранее всего, и несмотря на творимую о ней легенду, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью. И как было не привязаться ей ко второй родине, которая осуществляет и олицетворяет все ее интересы женщины, супруги, Государыни и матери? Когда она взошла на престол в 1894 году, все уже знали, что она не любит Германию и в особенности Пруссию. В течение последних лет она в особенности возненавидела Императора Вильгельма, и она возлагает на него всю ответственность за войну, ту ужасную войну, “которая (по ее словам) ежедневно заставляет обливаться кровью

сердце Спасителя!» Когда она узнала о пожаре Лувена, она воскликнула: «Я краснею при мысли, что была немкой!»

Но ее моральная натурализация еще гораздо глубже. По странному явлению умственного заражения она ассимилировала, мало-помалу, самые древние, самые специфические элементы русской души, эти элементы темные, эмоциональные и туманные, которые имеют высшим проявлением религиозный мистицизм» (Т. I. С. 249–250)¹.

Хотелось бы, чтобы Палеолог навсегда остановился на этом верном и талантливом портрете Императрицы, написанном под личным впечатлением и бывшим результатом его недюжинной наблюдательности, отбросив все, чем затемняли этот образ недоброжелательство, сплетня и клевета.

Так характеризовали Императрицу те люди, которые были с нею в непосредственном общении, а вот каковое представление создавалось о ней в обществе, типичным выразителем которого является Верстрат:

«Интересы самодержавия и Династии Романовых требуют соглашения и союза с Императором Вильгельмом, – высказывает Протопопов. – Такие речи нравятся Императрице, чьи мысли они верно передают» (С. 122).

«К счастью, даже самодержец в действительности не обладает безграничною властью. Он должен иногда считаться с общественным мнением. Без последнего сепаратный мир между Россиею и Германиею, благодаря Распутину и Императрице, может быть, был бы уже давно заключен... Со своей стороны, Императрица, будучи немецкою принцессою, предпочитает новой родине старую, оплакивая в глубине сердца войну с Германиею, которая сохраняет ее тайные симпатии» (С. 33).

Комментарии, казалось бы, излишни.

Но наиболее типично то, что говорит Шарль Ривэ.

«Русская реакционерка, Царица сверх того была немецкой патриоткой, поддерживая постоянные сношения со своею родиною. Кайзер сумел это использовать. Через Царицу передавал он свои послания, свои мысли и влияния на своего кузена» (С. 36).

«Немка (Царица) маневрировала в пользу своего первоначального отечества» (С. 37).

Однако, думается, что вышеприведенных свидетельств достаточно, чтобы утверждать, что Государыня немкою не была и в качестве таковой на Государя не влияла.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. X. Патриотизм Императрицы. Запись «Четверг, 7 января 1915 г.».

Между тем, и не будучи немкой, просто в силу личных соображений, хотя бы и ошибочных, можно было желать скорейшего прекращения войны и заключения, вследствие этого, сепаратного мира с Германией. Из дальнейшего будет видно, что такими мыслями не только был проникнут граф Витте, но и широко их пропагандировал; значит, могла бы иметь таковые и Государыня.

Была ли она виновна хотя бы в этом?

Далее будет приведено все, что в этом отношении было подмечено иностранцами. Вывод будет ясен.

Быть может, здесь было бы уместным выяснить себе тот конфликт, который возник между обществом и Царственной четой и который создал ту атмосферу, в которой недоброжелательство к Императрице нашло для своего развития столь благоприятные условия.

С самого приезда принцессы Аликс Гессенской в Россию кто-то распространил о ней слух, что она не любит страны, которая должна была стать ей вторым отечеством. Ее застенчивый характер все приняли за надменность и нежелание сближения с обществом. К тому же состояние ее здоровья, тоже затруднявшее светские отношения, усугубило это, создавшееся о ней, представление. Появился Распутин. Неоднократные и подтвержденные даже иностранцами случаи исцеления этим мужиком припадков гемофилии у Наследника, тогда как медицина осталась бессильною, вызвало в Императрице необычайное расположение, а потом и преклонение перед «старцем».

Много лет эти отношения ее к Распутину не выходили из личной жизни Царственной семьи, и, казалось бы, что до всего этого обществу не было никакого дела. Однако кого-то это беспокоило и очень скоро распространилась отвратительная клевета о предосудительной близости Государыни к грязному мужику. Эта легенда овладела обществом и распространилась в широких слоях народа. Государь знал об этом. Знал он и то, какую восторженную любовью любила его Императрица. Конечно, эта клевета, это преступное легкоеверие людей, нередко стоявших у самых ступеней трона, не могли не возмущать Царственных супругов. Всякое действие вызывает противодействие, и между Царем и обществом пробежала тень. Наступила война. Пользуясь немецким происхождением Императрицы, враги (чьи враги?) изобрели новую, столь же отвратительную легенду об ее измене России. Государь тоже знал, каковыми были ее отношения к новой ее родине и об ее нелюбви к Германии и антипатии к Императору Вильгельму. Все и вся клеветало на Императрицу.

Государь опять не мог не сознавать всей опасности создаваемого врагами Императрицы настроения не только для нее, но и для него самого как

Монарха. Компрометируя Императрицу, чьи-то враждебные силы метили в самый режим, Императором возглавляемый. В представлении Государя они были врагами и беспредельно любимой им России. Государь видел работу своих врагов, страдал от этого, но, несомненно, страдал еще более от того легковерия, с которым общество принимало клевету, позорящую столь несправедливо самое дорогое, близкое ему существо, и приносящую столь непоправимый вред тому, что он любил еще больше, – что он доказал своею мученическою смертью – Россию. Государь не был бы человеком из плоти и крови, если бы все это не возмущало и не ожесточало его против окружавшей его среды. Могли быть ошибки Царя в управлении страной, в выборе людей, но справедливость требует признать, что эти влияния в значительной степени были последствием той обстановки, в которую поставили его силы, поднявшие против него анонимное и подлейшее оружие клеветы.

29 октября / 12 ноября Палеолог посещает яхт-клуб, где два собеседника емуверяют, «как опасны для России и Династии интриги, которые непрестанно ткуются около Императрицы». Посол отвечает им, что также озабочен этими интригами, и спрашивает: «Как допускает Государь даже в стенах дворца настоящий очаг измены? Почему он не наказывает? Одним словом, одним почерком пера он всех бы привел к порядку. Он все же хозяин» (Т. I. С. 191).

7/20 декабря посол отмечает: «До меня доходят слухи, что в интеллигентных и либеральных сферах о Франции говорят с недоброжелательностью и едкою несправедливостью (по поводу займа, предоставленного России в 1906 году). Я реагирую насколько могу против этих взглядов, но мой образ действий по необходимости ограничен и секретен. Если бы я слишком развил мои отношения с либеральными кругами, то я сделался бы подозрительным правительственной партии и Государю; я дал бы этим страшное орудие реакционерам крайней правой, шайке Императрицы, которая проповедует, что союз с республиканской Францией смертельная опасность для православного самодержавия и что спасение может прийти только от примирения с германским кайзеризмом» (Т. I. С. 235)¹.

Уже ранее приходилось ставить вопрос, откуда почерпал Палеолог неблагоприятные сведения как о деятельности правых, так и об интригах около Императрицы. Не раскрывается ли в вышеприведенном абзаце этот источник? Кто был заинтересован в дискредитировании правых? Оче-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. IX. Припадок пессимизма: снарядный кризис. Запись «Воскресенье, 20 декабря».

видно, левые. Кому выгодно было работать против существовавшего в то время строя? – Очевидно, левым, тем левым, которые уже в 1906 году поставили на знамени своем революцию, тем левым, которые не могли простить Франции займа 1906 года, способствовавшего Царскому правительству одолеть первую революцию.

Работа левых пока еще робко начинает свою тихую сапу против Царя и возглавляемого им строя.

* * *

Набросав, в мере имеющегося материала, значение Императрицы и Распутина в занимающем нас периоде, приходится остановиться еще на одном лице, сыгравшем в то время довольно интересную, хотя и эпизодическую роль главным образом потому, что французский посол отводит ему значительное место в своих записках, почему странно было бы отрицать его значение, а более всего потому, что на нем отражаются некоторые характерные свойства Государя.

В сентябре возвращается из-за границы граф Витте, который посещает французского посла и высказывает ему, что «война – безумие», что «она не может не быть злополучной для России, что победа кажется ему сомнительной» и что «надо как можно скорее ликвидировать эту глупую авантюру» (Т. I. С. 119–121)¹.

Недели две спустя Палеолог отмечает в своем дневнике: «Витте продолжает “со спокойной и высокомерной смелостью свою кампанию в пользу мира”, каковая производит большое впечатление».

Посол жалуется Сазонову, указывая на то, что кампания эта тем более вредоносна, что Витте не частное лицо, а бывший председатель Совета министров, статс-секретарь Его Величества, член Государственного Совета и председатель финансового комитета. Сазонов соглашается с послом, говоря, что интриги Витте не только неприличны, но и преступны и что он не раз доводил о них до сведения Государя, который был возмущен ими.

Посол спрашивает Сазонова, почему Государь не карает Витте и не отымает у него вышеупомянутых почетных званий и должностей. Сазонов отвечает: «Потому что... потому что...».

«И эта фраза оканчивается вздохом безнадежности».

К этому министр прибавляет, «что через несколько дней он увидит Государя, которому посоветует пригласить посла, чтобы тот услышал из его уст, что болтовня графа Витте не имеет никакого значения» (Т. I. С. 188–190).

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XX. Верность союзу. Запись «Понедельник, 27 декабря 1915 г.».

28 октября / 11 ноября Палеолог записывает: «В течение этих двух месяцев, что я посещаю русское общество, меня более всего изумляет та свобода и та распушенность, с которой здесь говорят о Государе, Императрице и Императорской фамилии. В этой стране самодержавия, где государственная полиция, жандармерия и охрана, Петропавловская крепость и Сибирь всегда во всей своей грозной наличности, преступление оскорбления величества¹ обычный грех светских разговоров» (Т. I. С. 1–140).

Как согласовать это наблюдение с замечанием Ривэ, который утверждает, что в России из боязни охраны не смели даже разговаривать:

«Лишь только разговор, всегда оживленный и умный и часто блестящий в этой стране, затрагивал некоторые вопросы, всматривались в соседа и слова замирали на устах. Нередко люди крупные, интеллигентные, добрые патриоты принижались этой осторожностью. Слишком часто приходилось понижать свой голос, отчего он терял свою звучность» (С. 118).

Палеолог подкрепляет свое впечатление за чаем у г-жи Х., которая приводит несколько новых данных о кампании, которую Витте ведет в пользу мира, и раздражается негодованием против Государя, который это терпит: «У него крайний страх (*peur bleue*), – говорит она перед Витте, – он никогда не осмелится его тронуть. Впрочем, от начала своего царствования он всегда выявлял себя не имеющим ни мужества, ни воли».

Посол счел нужным опровергнуть возмутительную болтовню этой светской барыни: «Имеется ли право говорить, что он не имеет воли? Кажется, напротив, он неоднократно умел держать руль рукой довольно твердой».

Но госпожа Х. не уступает: «Нет, у него нет никакой воли. И как может он ее иметь, раз у него нет никакой индивидуальности. Он упрям, но это совсем иное свойство. Раз ему вложена идея в голову, – так как идеи ему никогда не принадлежат, – то он упрямо ее отстаивает, цепляется за нее, потому что у него нет сил желать чего-либо иного (?). Но что меня особенно возмущает, это то, что у него нет мужества. Он всегда действует скрытно. Никогда он не принимает открытого и свободного спора по предмету, который ему не безразличен. Чтобы избежать возражений, он неизменно соглашается на все, что ему предложат и на то, о чем его просят. Только что повернут спину, он приказывает противоположное» (Т. I. С. 191).

Недели три спустя Палеолог заносит в свой дневник, что со всех сторон ему сообщают о неустанной кампании, которую Витте ведет в пользу заключения мира. Это подтверждает ему графиня Z. Не разделяя мнений

¹ Оскорбление величества – вид преступления, заключающееся в неуважительном высказывании по отношению к Монарху или к его отдельным действиям (зафиксировано в Римском праве, в европейских кодексах Нового времени, в Российских законодательных актах, начиная с Соборного уложения 1649 г.).

Витте, графиня имеет частые случаи его видеть и, сверх того, она основательно (будто бы) осведомлена о всем, что происходит за кулисами Двора. Она утверждает, что влияние Витте очень сильно в настоящую минуту и что его речи производят большое впечатление. Еще вчера, у княгини Х., он в течение часа доказывал необходимость немедленного заключения мира и утверждал, что в противном случае Россия идет к поражению и революции.

Посол вновь выражает свое удивление тому, что такие речи могут произноситься безнаказанно членом Государственного Совета и статс-секретарем Его Величества, которого так легко заставить замолчать!

«Не смеют заставить его молчать», — возражает графиня, прибавляя, что «Государь, ненавидящий Витте, очень его боится; он опасается его способностей, его надменного ума, его манеры говорить, точной и едкой, его эпиграмм, его интриг. Затем, между ними более одного секрета, разоблачению которых было бы невыгодно для престижа Их Величеств» (Т. I. С. 210).

Из всего приведенного видно, что французский посол чрезвычайно озабочен теми лицами и элементами, которые так или иначе могли повредить делу союза и доведения войны до победного конца. Он ищет их в Императрице, Распутине, Витте, в крайних правых и реже всего, в особенности в начале войны, — в среде левых. Из всех названных в первую очередь лиц и элементов, как мы видели и еще убедимся впоследствии, только один Витте оправдывал подозрительность посла, а потому впечатлениям его о деятельности графа здесь и отведено сравнительно большое место.

Какие можно сделать из приводимых Палеологом сведений выводы?

Ранее всего, что Витте был совершенно одинок и ни к какой партии не принадлежал. Здесь не место разбирать вопроса, насколько были правильны или неправильны его идеи, для нас важно выяснить лишь то, имели ли они влияние на общество, а затем и на Государя. На оба эти вопроса можно с определенностью ответить отрицательно. С правыми элементами общества Витте ни в каком контакте не состоял, от крайних левых, пораженцев ленинского толка, его все же отделяла целая пропасть, средние же элементы, по соображениям разного рода, а также и патриотическому подъему, представляли почву крайне неблагоприятную для восприятия идей графа. Что касается Государя, то он менее всех склонен был поддаваться идеологии Витте, хотя бы по одной уже разности их характеров, которую близко знавший обоих бывший министр иностранных дел Извольский выражает так: «Я указывал уже на контраст натуры Витте и натуры Императора Николая и род физического отвращения, которое они испытывали относительно друг друга»¹. По существу своему деятель-

¹ Mémoires d'Alexandre Isvolsky. С. 176. — *Авт.*

ность Витте в данном случае была недопустимой и иногда даже преступной, чему яркий пример приводит тот же Палеолог.

20 октября / 2 ноября 1916 года посол записывает свой разговор с покидавшим свой пост японским послом Мотоно, который передает ему свою беседу с посетившим его графом Витте: «Я знаю, что будут просить Ваше правительство, – говорит граф, – послать войска в Европу. Пусть оно остережется от этого. Это было бы безумием с его стороны. Верьте мне, что Россия истощена, самодержавие погибнет. Что касается Франции и Англии, то они никогда не победят. Победа не может ускользнуть от Германии!» «Вот, – восклицает японец, – что осмелился сказать мне, японскому послу, бывший министр Царя, подписавший Портсмутский договор» (Т. III. С. 73).

Тем не менее, в смысле реальных достижений пропаганда Витте не имела никакого успеха и в этом, вероятно, кроется одна из причин, почему она не была пресечена Государем. Была, несомненно, и другая, основанная на личных отношениях Государя и Витте.

Государь отлично знал, что Витте его ненавидел и позволял себе говорить о нем в выражениях самых недопустимых и интриговать против него. Так, под влиянием графа была написана англичанином Диллоном книга «Закат России», в которой, по словам Бьюкенена, «Диллон, говоря о Государе, применял к нему всякого рода оскорбительные эпитеты, приписывает ему недостойные побуждения и обвиняет его в лицемерии» (Т. II. С. 60).

То же говорит и Извольский: «В конце жизни графа Витте это чувство (отвращения) приняло форму настоящей ненависти, которая побуждала его иногда бросать против своего Монарха обвинения очевидно несправедливые».

Весьма естественно, что отлично осведомленный Государь не мог со своей стороны питать к Витте, возведенному им в графское достоинство, особенно нежных чувств.

В петербургском обществе, столь несправедливом к Государю, охотно объясняли себе нерасположение Царя к Витте тем обстоятельством, что он не терпел будто бы около себя лиц очень крупных и тем самым его затмевавших. Зачем искать объяснений в причинах гадательных, когда объяснение так просто? Мог ли Государь терпеть около себя лицо, так к нему относившееся? На это можно возразить, что ненависть Витте была последствием устранения его от дел и личных свойств Государя. Если это даже было и так, то формы, в которых Витте проявлял свою ненависть во всяком случае свидетельствуют о невысоком уровне нравственных качеств графа, делавших его для Николая II неприемлемым.

Надо полагать, что именно личные отношения побудили Государя проявить непонятную для Палеолога терпимость к недостойному носителю императорских вензелей.

Господин Витте мог проявлять свою ненависть к Государю своими интригами. Государю же подобало выражать свои чувства лишь величавым презрением. И такому заключению имеются определенные данные, вытекающие из того, насколько Государь был терпим вообще к личным своим врагам.

Вот что рассказывает Палеолог.

Известный революционер Бурцев, вернувшийся самовольно из-за границы во время войны, был арестован и выслан в Сибирь. Так как эта мера произвела в левых кругах Франции неблагоприятное впечатление, то Вивиани просил Палеолога употребить все свое влияние на ее отмену. Сазонов докладывает просьбу Палеолога Государю, а затем передает свою беседу с Царем послу:

«С первых же слов Его Величество сказал мне: “Господин Палеолог знает ли о тех мерзостях, которые Бурцев писал обо мне и Императрице?” – Однако я настаиваю. Государь был так милостив, у него такое высокое понимание своей миссии как Монарха, что он почти немедленно мне ответил: “Хорошо, скажите французскому послу, что я жалую ему помилование этого презренного (се misérable)”. При этом Его Величество не лишило себя лукавого удовольствия присовокупить: “Напомните мне, при каких обстоятельствах мой посланник в Париже предстательствовал бы о помиловании французских политических осужденных?”» (Т. I. С. 298).

Читателю остается судить по образу действий Государя по отношению к Витте и Бурцеву, насколько он был «немилосерден к тем, которые не оказывали внимания относительно его», как это успел кто-то шепнуть Легра, о чем было упомянуто выше.

Соображения госпожи X. и графини Z., что Государь «боится Витте» и не смеет его тронуть, неблагоприятны морально и неосновательны по существу. Если бы между Государем и Витте в действительности были тайны, компрометирующие «престиж Их Величеств», то неужели они не выплыли бы наружу при Временном правительстве, которое при посредстве комиссии Муравьева выискивало все, что только сколько-нибудь могло послужить во вред Николаю II и его Августейшей супруге.

С негодованием приходится отбросить суждения об отсутствии у Государя мужества и воли. И то и другое свойства он ярко проявлял как в стремлении довести войну до победного конца, так и при невыносимых условиях ареста и изгнания. Вот яркое свидетельство этому, приводимое Бьюкененом:

«Одной из причин отмены Керенским смертной казни было предупреждение возможности требовать казни Государя. Узнав об этом, Государь воскликнул: “Это ошибка! Уничтожение смертной казни подорвет дисциплину в армии. Если он это делает для того, чтобы избавить меня от опасности, передайте ему, что я готов пожертвовать жизнью для блага Родины!”» (Т. II. С. 54–55).

Вообще, вместе с Палеологом нельзя не возмущаться той непристойности, с которой позволяли себе говорить о Государе, и не поставить ему в заслугу, когда он эту непристойную болтовню обрывал. Но, с другой стороны, нельзя не отметить того, что представитель демократической и республиканской страны изумлялся тому, что Царская, иногда признаваемая им за анахроническую, власть не пользовалась в достаточной мере «Петропавловской крепостью и Сибирью, всегда находившихся в своей грозной наличности».

* * *

В общих чертах выше изображена та обстановка, в которой приходилось жить и действовать Государю. Не касаясь здесь той непомерной работы и той нечеловеческой ответственности, которую ему пришлось нести, нельзя не отметить тех затруднений, кои ему создавались нелепыми слухами об его готовности прекратить войну, сплетнями о влиянии Распутина, возмутительными обвинениями против Императрицы, интригами графа Витте и работою, действовавшей пока в тиши, оппозиции. Интересно теперь показать, каким он на самом деле выявляется.

В то время, когда шептуны приписывают Государю готовность закончить войну, он, по сведениям Палеолога, говорит А.В. Кривошеину (11/24 сентября):

«Я продолжу войну до крайности. Чтобы истощить Германию, я исчерпаю все средства, я отступлю, если нужно, до Волги».

К этому Царь прибавляет:

«Вызвав эту войну, Император Вильгельм нанес ужасный удар монархическому принципу» (Т. I. С. 136).

Заметьте, не монархизму Гогенцоллернов, а принципу монархизма. Царь отлично понимал уже тогда, к чему он идет, но верность слову не позволяла ему сойти с пути чести, единственному пути помазанника Божия.

8/21 ноября французский посол принят в Царском Селе и так описывает свою встречу с Государем.

«Как всегда, Государь стесняется при первых своих фразах, преисполненных любезности и внимания, но скоро он оправляется:

– Ранее всего, усядемся поудобнее, – сказал он, – так как я задержу вас продолжительное время... В течение трех месяцев, что мы с вами не

видались, совершились великие события. Чудесная французская и моя дорогая армии проявили такие доказательства своих достоинств, что победа уже не может от нас ускользнуть... Конечно, я не делаю себе никаких иллюзий относительно тех жертв, которые война еще от нас потребует, но уже ныне мы имеем право и даже обязанность согласоваться о том, что нам придется сделать, если Австрия и Германия попросят мира, принимая во внимание, что Германия весьма заинтересована в том, чтобы вступить в переговоры, пока ее военные силы еще опасны. Что касается Австрии, то разве она уже не истощена? Что же мы сделаем, если Австрия и Германия попросят у нас мира?

— Основной вопрос, — отвечаю я, — заключается в том, придется ли нам вести мирные переговоры или же продиктовать мир нашим противникам. Какова бы ни была наша умеренность, мы, очевидно, должны потребовать от Центральных держав таких гарантий и возмещения убытков, на которые они не согласятся, не будучи доведены до последней крайности.

— Это и мое убеждение. Мы должны продиктовать мир, и я решился продолжать войну до окончательного разгрома Германских империй. Но я настаиваю на том, чтобы условия этого мира были обсуждены между нами тремя: Францией, Англией и Россией, только между нами тремя. Следовательно, никакого конгресса, никаких посредников. Потом, когда настанет час, мы продиктуем Австрии и Германии нашу волю.

— Как, Ваше Величество, в общем представляете себе условия мира?

После минутного размышления Государь продолжает:

— Прежде всего мы должны предрешить уничтожение германского милитаризма, этот кошмар, в котором Германия нас заставляет жить более сорока лет. Надо отнять у немцев всякую возможность реванша. Если мы дадим себя разжалобить — это новая война через короткий срок. Что же касается точных условий мира, то я могу вам сказать, что я заранее соглашаюсь на те, которые выразят Франция и Англия в их частных интересах.

— Я благодарю, Ваше Величество, за это заявление. Я уверен, что со своей стороны правительство Республики благожелательно примет пожелания Императорского правительства.

— Это побуждает меня высказать вам всю мою мысль, но я буду говорить с Вами только лично от себя, так как не хочу решать этих вопросов, не выслушав совета своих министров и генералов... Вот как я представляю себе результаты, на которые Россия вправе надеяться и без которых мой народ не принял бы тех жертв, которые были от него потребованы.

В Восточной Пруссии Германия должна будет согласиться на исправление границы. Мой Главный штаб желал бы, чтобы это исправление рас-

пространилось до устья Вислы; мне это кажется чрезмерным, я обдумую. Познать и, быть может, часть Силезии будут необходимы для восстановления Польши. Галиция и северная часть Буковины позволят России достигнуть ее естественных границ, Карпат. В Малой Азии мне, очевидно, придется заняться армянами, я, право же, не могу вернуть их под турецкое ярмо. Придется ли мне аннексировать Армению? Я это сделаю лишь по просьбе армян. В противном случае, я организую для них автономное управление. Наконец, я вынужден буду обеспечить моей Империи свободный выход через проливы.

Так как он останавливается на этих словах, я настаиваю на том, чтобы он объяснился. Он продолжает:

– Я еще ни на чем не остановился. Вопрос так важен. Однако есть две комбинации, к которым я всегда возвращаюсь. Первая, что турки должны быть изгнаны из Европы, вторая, что отныне Константинополь должен быть нейтральным городом с интернациональным управлением. Само собою разумеется, что мусульманам будет гарантировано уважение к их святыням и могилам. Северная Фракия до линии Энос – Мидия будет предоставлена Болгарии. Остальное от этой линии, кроме окрестностей Константинополя, перейдет к России.

– Итак, если я понимаю Вашу мысль, турки будут отброшены в Азию, как во времена первых Османлизов, с Ангорой или Конией как столицей. Босфор, Мраморное море и Дарданеллы определяют, таким образом, западную границу Турции.

– Именно.

– Ваше Величество не изумитесь, если я прерву Вас, чтобы напомнить, что в Сирии и Палестине Франция обладает драгоценными историческими воспоминаниями и интересами моральными и материальными. Я надеюсь, что Ваше Величество соизволит на меры, которые правительство Республики признает нужным принять, чтобы сохранить свое наследство.

– Да, конечно.

Потом, разостлав карту Балкан, он изобразил мне в широких чертах, как он представляет себе территориальные изменения, каких мы должны желать.

– Сербия присоединит к себе Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную Албанию. Греция получит южную Албанию, кроме Валлоны, которая должна отойти к Италии. Болгария, если она останется благоразумной, получит от Сербии компенсацию в Македонии.

Потом он в раздумье спрашивает:

– А Австро-Венгрия, что будет с нею?

– Если победа Ваших армий распространится до Карпат, если Италия и Румыния выйдут на сцену, то Австро-Венгрия вряд ли переживет те территориальные жертвы, на которые Император Франц-Иосиф вынужден будет согласиться. При банкротстве Австро-Венгерского слияния сотрудники не пожелают более работать вместе, во всяком случае, в тех же условиях.

– Я это тоже предполагаю. Венгрия, лишенная Трансильвании, будет затруднена держать хорватов в своей зависимости. Чехия, по меньшей мере, потребует автономии. Австрия, таким образом, придет к своим наследственным владениям, Тиролю и Зальцбургу.

После этих слов, с надвинутыми бровями и полузакрытыми веками, как бы внутренне повторяя сказанное, он смолкает на минуту. Затем он бросает быстрый взгляд на портрет своего отца, висящий за мною.

– В особенности в Германии совершатся большие перемены. Как я вам сказал, Россия аннексирует территорию прежней Польши и часть Восточной Пруссии. Франция возьмет обратно Эльзас и Лотарингию и распространится, может быть, на Рейнские провинции. Бельгия должна будет получить в районе Ахена значительное увеличение территории. Что касается колоний, то Франция и Англия разделят их по своему усмотрению. Я желал бы, чтобы Шлезвиг, в том числе и зона Кильского канала, был возвращен Дании. А Ганновер? Не следовало бы его восстановить? Вставляя маленькое независимое государство между Пруссией и Голландией, мы очень укрепим будущий мир, а в этом должна быть наша руководящая идея. Мое дело будет оправдано перед Богом и перед историей лишь в том случае, если в основу его будет положена идея надолго укрепить мир в мире.

Произнося эту фразу, Государь выпрямляется в своем кресле, его голос немного дрожит в возбуждении торжественном и религиозном; странный блеск освещает его взгляд. Видимо, говорит его совесть и его вера. Но в его приемах, в его выражении нет никакой позы – полная простота» (Т. I. С. 197–202)¹.

Эта длинная выписка приведена, чтобы читатель мог вывести из нее заключение о проникновенности Государя в дела политики, понимании им нужд России, знании предмета и смиренно-величавом сознании своего долга.

Давно уже где-то автору настоящего очерка пришлось читать воспоминания председателя Государственной Думы второго созыва кадета Головина. Одна фраза из этих воспоминаний крепко засела в его памяти.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VIII. Мысли императора о будущем мире. Запись «Суббота, 21 ноября 1914 г.».

Головин передает впечатления своего разговора с Государем по поводу деятельности Думы и при этом говорит: «Государь с тупым упрямством ограниченного человека...»¹

В советской России была издана книга «250 дней в Царской Ставке», некоего Лемке. Автор заведовал отделом прессы в Ставке и работал в комнате рядом с той, в которой Государь принимал доклады от генерала Алексеева. Лемке, принадлежавший к социалистам-революционерам, не стесняясь, констатирует, что отлично слышал, или вернее, подслушивал эти доклады. В своих воспоминаниях Лемке называет Государя, – да простится мне это кощунственное выражение... – «коронованный идиот»².

Эти отзывы, несомненно сделавшиеся достоянием широкой публики, здесь приводятся, чтобы сопоставить их с вышеприведенными строками, характеризующими, чем Царь был в действительности, а также и отзывом Бьюкенена, свидетельствующим, что Царь обладал «быстрой сообразительностью, культурным умом, систематичностью и усидчивостью в работе и необычайным природным обаянием, которое привлекало всех, кто близко к нему подходил» (Т. II. С. 57).

* * *

Отлично осведомленный о том, что творилось около него, Государь на новогоднем приеме (1915) говорит Палеологу:

«Считаю необходимым высказать Вам, господин посол, что мне неизвестны некоторые попытки, которые были сделаны в самом Петрограде, чтобы утвердить мысль, что я потерял мужество, что я не имею более веры в то, что можно разбить Германию, словом, что я хочу открыть переговоры о мире. Это не годяи³, это немецкие агенты, которые распространяют эти слухи. Но все эти выдумки и махинации не имеют никакого значения. Следует считаться только с моей волею, и Вы можете быть уверены, что она не изменится» (Т. I. С. 268)⁴.

На следующий день Палеолог записывает:

¹ Ф.А. Головин оставил ряд воспоминаний о деятельности II Думы: Записки Ф.А. Головина: Николай II, Столыпин // Красный архив. 1926. № 6; Из записок председателя II Государственной Думы // Красный архив. 1930. № 6; Воспоминания о II Государственной Думе // Исторический архив. 1959. № 4, 5, 6.

² Сам Керенский, несомненный недоброжелатель Государя, после свиданья с Царем высказал сенатору Завадскому: «А ведь Николай II далеко не глуп, вопреки тому, что мы о нем думали» (Архив русской революции. Т. XI, ст. 18. Прим.). И всегда было так: личное соприкосновение с Царем приводило к положительным о нем впечатлениям, а молва, кем-то (?) созданная, – к отрицательным. – *Авт.*

³ Выделено нами. – *Авт.*

⁴ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XI. Самодержавие и православие. Запись «Четверг, 14 января 1915 г.».

«Я обдумываю выражения, в которых Государь вчера говорил со мною и которые еще раз утверждают в моей памяти ту прекрасную моральную позицию, которой он не изменял с начала войны. Его сознание своих обязанностей возвышенно и ценно, насколько это только возможно, так как оно непрестанно поддерживается, оживляется и освещается в нем религиозным началом. В остальном, я хочу сказать, в смысле реальных познаний и практического выполнения Верховной власти, он явно ниже выпавшей на него задачи. Спешу прибавить, что никто не мог бы удовлетворить такой задаче, так как она “*ultra vires*” – выше человеческих сил. Отвечает ли еще самодержавие характеру русского народа и степени его цивилизации? Это вопрос, по которому самые возвышенные умы не решаются высказаться. Несомненно, однако, что оно несовместимо более с территориальными размерами России, с разнообразием национальностей, ее населяющих, и с развитием ее экономической мощи. Что по сравнению с нынешней Империей, считающей не менее 180 миллионов населения на площади в 22 миллиона квадратных километров, Россия Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины II и даже Николая I. Чтобы править государством, сделавшимся столь громадным, чтобы управлять двигателями столь громадного механизма, чтобы соединить и вызвать к деятельности элементы столь сложные, разнородные и несоединимые, нужен был бы, по меньшей мере, гений Наполеона. Как бы ни были велики внутренние достоинства царского самодержавия, оно является географическим анахронизмом» (Т. I. С. 269–270)¹.

Вот наиболее сжатая и цельная характеристика Палеологом Императора Николая II. Возвышенное понимание своих обязанностей и несоответствие его способностей выпавшей на него задаче.

Всецело поддерживая первую часть этой характеристики, невольно противопоставляем второй – аргумент, самим Палеологом приводимый: для выполнения выпавшей на долю Государя задачи надо было быть... Наполеоном. Император Николай, конечно, Наполеоном не был, но за последний век новейшей истории Палеолог мог сослаться только на... Наполеона. Уже одна такая мерка в значительной степени смягчает приведенную характеристику.

Ну, а кто же в наше время оказался на высоте своей задачи? Больших имен первая четверть нынешнего века истории не отметит. Нет ни Меттерниха, ни Кавура, ни Бисмарка, ни Мольтке. Кто на Руси в последние годы царствования Императора Николая оказался большим человеком?

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XI. Самодержавие и православие. Запись «Пятница, 15 января».

Последний из них, П.А. Столыпин, сошел в могилу в 1911 году. Кто из наших генералов Великой войны заслужил себе памятники, как Суворов, Барклай де Толли, Кауфман-Туркестанский, Кутузов-Смоленский, Нахимов, Скобелев, Великий князь Николай Николаевич Старший?

А революция? Неужели сильными и большими людьми оказались Родзянко, Милюков, князь Львов, Коновалов и Шингарев вместе с Керенским, отдавшим власть черни. Неужели большими людьми почтутся генералы, владевшие одно время всей Сибирью, Кавказом и подступами к Петрограду, не сумевшие согласовать своих действий и вырвать власть из рук слабейшего, в их соединенных силах, противника.

Правда, есть действительно одно большое имя... Но оно не созидательное, а разрушительное, и потому не к чему его называть...

Нет. На почве блага и дела в русской современности не было никого выше оклеветанного Государя, а что касается морали, то перед образом Царя нам всем приходится преклониться.

В самом анализе характера Государя Палеолог указал на то, что существовавший в то время образ правления стал для России географическим анахронизмом. Однако Государь защищал этот анахронизм. Всякий анахронизм вреден. Защищать его, следовательно, вредно и даже, может быть, преступно. Поэтому приходится поставить вопрос, насколько Царская власть еще отвечала жизненным условиям России и поэтому был ли прав Государь, ее защищая.

В воспоминаниях иностранцев мы находим только одно непосредственное заявление Государя о взглядах его на свою власть, а именно у Вильямса.

«26 января 1916 года за обедом Его Величество говорил о республиках и монархиях. Его личное мнение еще с юности было, что на нем, несомненно, лежит огромная ответственность и он чувствует, что народ, коим он управляет, так многочислен и разнообразен по крови и характеру, так отличен от других европейских народов, что Император для него – жизненная необходимость. Его первое посещение Кавказа произвело на него большое впечатление и подтвердило эти взгляды. Он говорил, что Северо-Американские Соединенные Штаты – совсем другое дело, и эти два организма нельзя сравнивать. В этой стране есть много задач и трудностей, которые основаны на воображении; острое религиозное чувство, нравы и обычаи приводят к необходимости сохранения короны и он думает, что это так должно быть еще много времени, но что известная децентрализация управления, конечно, необходима, но главная и решающая власть должна остаться за короной. Власть Думы должна прогрессировать потихоньку, ввиду трудности скорого развития воспитания широких масс его подданных» (С. 75–76).

Принимая во внимание всю важность, которую имело отношение Государя к вопросу о характере его власти, приведенным сообщением Вильямса нельзя ограничиться и приходится искать других указаний косвенным путем, путем выяснения мнений ближайших его сотрудников, которые не могли не быть в соответствии с мирозерцанием монарха или же непосредственно влиять на него. Остановимся на ярких фигурах министра юстиции И.Г. Щегловитова, председателя Государственного Совета А.Н. Куломзина и министра земледелия А.В. Кривошеина.

Министр юстиции Щегловитов, «глава крайних правых в Государственном Совете, самый крайний и непримиримый из реакционеров», посетил 5/18 января 1915 года Палеолога, которому, между прочим, высказал:

«Что же касается России, то вопрос о моральных силах разрешается сравнительно просто. Лишь бы русский народ не был поколеблен в своем монархическом чувстве, и он вынесет все, он совершит чудеса героизма и самоотвержения. Не забывайте, что в глазах русских, — я хочу сказать — истинных русских, — Его Величество, Государь, воплощает в себе не только Верховную власть, но и религию, и отечество. Верьте мне, что вне Царской власти нет спасения, потому что вне ее нет России... Царь — помазанник Божий, избранный Богом быть верховным покровителем Церкви, и всемогущий глава Империи. В народной вере он образ Христа на земле. А так как он получил власть от Бога, то только Богу и обязан отчетом. Божественная сущность его власти имеет последствием то, что самодержавие и национализм нераздельны... Проклятие на тех безумцев, которые поднимают руку на этот догмат! Конституционный либерализм — ранее всего ересь, а потому химера и глупость. Нет национальной жизни вне самодержавия и Православия. Если политические реформы нужны, то они могут осуществиться только в духе самодержавия и Православия».

Палеолог на это ответил:

«Сила России имеет существенным условием тесное единение Императора с народом. По соображениям, отличным от Ваших, я прихожу к тому же заключению. Я не перестаю поэтому проповедовать это единение» (Т. I. С. 273–274)¹.

Было бы несправедливо к памяти Ивана Григорьевича не отметить здесь, насколько его слова оказались пророческими и свидетельствовали о глубококом понимании им русской действительности. Уже в мае 1917 года, при Временном правительстве, Бьюкенен записывает: «Нынешний русский солдат не понимает, ради чего и ради кого он воюет. Прежде он го-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. XI. Самодержавие и православие. Запись «Воскресенье, 17 января».

тов был отдать жизнь за Царя, олицетворявшего в его глазах Россию, но теперь, когда Царя нет, Россия за пределами его деревни ничего для него не представляет» (Т. II. С. 92).

14/27 января посла посещает председатель Государственного Совета А.В. Куломзин. Палеолог не скрывает от него опасений, которые внушают ему неудовольствие общества, слухи о котором доходят до него со всех сторон. Затем разговор переходит на внутреннюю политику:

«Реформы, о которых я думаю, – говорит Куломзин, – и которые было бы слишком долго вам излагать, не имеют ничего общего с теми, которых требуют наши конституционалисты-демократы из Думы и – извините мою откровенность – теми, которые нам рекомендуют так настойчиво некоторые западные публицисты. Россия – не западная страна и ею никогда не будет. Весь наш национальный темперамент отвергает ваши политические методы. Реформы, которые я себе представляю, внушаются, напротив, двумя принципами, которые являются основами нашего режима: самодержавием и Православием. Не теряйте никогда из вида, что Государь получил свою власть от Самого Бога, через Таинство Миропомазания (при Короновании) и что он не только глава Русского государства, но еще и высший покровитель Православной Церкви, верховный глава (*l'arbitre*) Святейшего Синода. Разделение Церкви от государства, которое кажется естественным во Франции, невозможно у нас: оно противоречило бы нашей исторической эволюции. Царизм и Православие сцеплены у нас неразрывной связью, связью Божественного права. Царь также не может отказать от самодержавия, как и отступить от Православия. Вне самодержавия и Православия есть место только для революции, а под революцией я понимаю анархию, полное разрушение России. У нас революция может быть только разрушительной и анархической» (Т. I. С. 281–282)¹.

Недели через две Палеолог беседует на ту же тему с министром земледелия А.В. Кривошеиным, который говорит:

«В победе наших армий я не сомневаюсь, но при одном условии: духовного единения правительства и общественного мнения. Это единение было совершенно в начале войны; я должен, к сожалению, сознаться, что оно ныне находится под угрозой. Я об этом еще третьего дня говорил с Государем... Увы, этот вопрос существует не с сегодняшнего дня. Антагонизм между Императорским правительством и обществом – самый ужасный бич нашей политической жизни. Я с болью наблюдаю это с давнего времени. Несколько лет тому назад я выразил свое огорчение в фразе, которая имела в то время некоторое распространение, я сказал: «Будущность России ненадежна, пока правительство и общественность

¹ Там же. Запись «Среда, 27 января».

упорствуют во взгляде друг на друга, как на два враждебных лагеря, пока каждая из сторон будет обозначать другую словом «они», а эти «они» не будут применять слово «мы», чтобы обозначить всю совокупность русского общества. Чья в этом вина? Как всегда – ничья и всех”.

Злоупотребление и анахронизмы царизма вас беспокоят. Вы не неправы. Но можно ли предпринимать реформу, сколько-нибудь значительную, во время войны? Очевидно, нет. Если царизм и имеет важные недостатки, то он имеет также первоклассные достоинства, незаменимые добродетели: он – могущественная связь всех разнообразных моментов, которых работа многих веков собрала около старой Москвы. Только царизм сознал наше национальное единство. Выбросьте этот могучий принцип, и вы увидите, что Россия немедленно разложится и распадется. Кто от этого выиграет? Разумеется, не Франция. Один из мотивов, привязывающих меня к царизму, тот, что я признаю его способным к эволюции. Он уже так часто эволюционировал. Учреждение Думы в 1905 году – факт чрезвычайной важности, изменивший всю нашу политическую физиономию. Я считаю, что необходимо еще более точное разграничение Императорской власти, а также распространение контроля Думы над администрацией. Я нахожу также, что в нашем правительственном аппарате придется произвести широкую децентрализацию. Но, повторяю вам, господин посол, это можно будет сделать только после войны» (Т. I. С. 288–290)¹.

Так представляется, со слов Палеолога, идеология самодержавия Щегловитова, Куломзина и Кривошеина, приводимая здесь, так сказать, с правого до левого фланга. На первых двух лежит значительная печать мистицизма, как будто бы наиболее близкая духовному складу Императора Николая II. В Кривошеине чувствуется уже некоторый модернизм, что делало его наиболее приемлемым министром в либеральных кругах. Приемлем, но надолго ли?

Можно разделять или не разделять взглядов вышеназванных сотрудников Николая II, но нельзя не признать того пророческого значения, которое заключалось в их словах. И если справедливо изречение, что «gouverner c'est grèvoir»², то нельзя отнять у них права на аттестат государственных людей. Было бы мудрено отнять его и у того, кто олицетворял и отстаивал эти идеи.

Итак, некоторые из ближайших сотрудников Государя еще в начале войны исповедовали идею самодержавия. Пришлось убедиться и нам, что

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XIII. Вторичное открытие Думы. Запись «Пятница, 5 февраля».

² Руководить значит предвидеть (фр.).

и последующее дало достаточно оснований поддерживать эту доктрину. Доктрину эту приходилось не только поддерживать, но и защищать. На самом деле, указываемая Кривошеиным в беседе с Палеологом драма России, заключающаяся в разделении ее на «мы» и «они», была гораздо глубже. Уже почти сто лет Россия была в состоянии революции. Царская власть отстаивала самодержавие, а те, которые считали себя вправе говорить от имени народа, требовали участия народа или, точнее, их самих, в управлении.

Расширение прав народа в управлении не есть абсолютное благо, а является лишь средством к предполагаемому достижению этого блага, а потому о степени участия народа в управлении страной можно быть разного мнения. Гамма начинается от прусского полицейского государства до диктатуры пролетариата. Каждая политическая партия претендует на патент достижения народного блага. Следовательно, и Государь имел право иметь по этому предмету свое мнение и его отстаивать. История самодержавия в России, расширившего государство от пределов Московского княжества до Империи, в которой действительно не заходило солнце, давало к тому достаточное основание. И не только Царь и консерваторы стояли на этой точке зрения, но и иностранцы. В подтверждение сего приходится вновь цитировать Палеолога.

«Уничтожение самодержавия, вероятно, откроет бесконечную эру смут, подобно той, которая последовала после смерти Иоанна Грозного, так как самодержавие – не только официальная форма русского образа правления, но вместе с тем основание, леса и структура всего русского строя. Самодержавие создало историческую индивидуальность России и ее поддерживало. Вся коллективная жизнь русского народа слилась с самодержавием. Вне самодержавия ничего нет» (Т. III. С. 203).

Позднее Палеолог высказывает одному из своих собеседников:

«Я допускаю, что Вы меняете Царя, но сохраните самодержавие... Самодержавие – это леса, на которые опирается Россия, броня сопротивления, незаменимая для русского общества; наконец, оно единственная спайка разнородных народностей Империи... Если самодержавие рухнет, будьте уверены, что оно повлечет за собою и всю храмину России» (Т. III. С. 228)¹.

К сожалению, приведенные мысли высказались уже после переворота, что, однако, не уменьшает их принципиального значения. Впрочем, довольно понятно, что такие заключения создались вполне определенно в представлении западника лишь тогда, когда он увидел, к чему пришла Россия, утратив самодержавную власть, но ценнее становятся тем самым

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VIII. Революция. Запись «Вторник, 13 марта <1917 г.>».

мысли русских государственных людей, а в том числе и Государя, которые это предвидели. Защищать самодержавие Государь не только имел право, но и обязанность. И он защищал свое самодержавие.

Понимая, вместе с тем, потребности своего времени, Государь неоднократно шел к ним навстречу. И чем же отвечало на это общество? Сделанные уступки, ослаблявшие правительственный аппарат, неизменно обращались в орудие против ослабленной власти. Кто проследит за революционным движением в России, тот убедится в том, что усиление этого движения никогда не являлось непосредственным последствием реакции, а напротив, проявлялось в моменты более либерального направления власти. Так, например, убийство Императора Александра II произошло накануне опубликования его решения «увенчать здание великих реформ». После манифеста 17 октября 1905 года, который логически должен был бы успокоить Россию, беспорядки вспыхнули с новою силою. Чьи-то силы не хотели допустить Россию встать на путь либеральных реформ, обеспечивающих ее расцвет. В этом заключалась вся великая трагедия последнего столетия Императорской России. В особенности это проявилось в царствование Императора Николая II и достигло наивысшего напряжения во время Великой войны.

«Государь, – пишет Жильяр, – давно уже колебался согласиться на либеральные уступки, которых от него требовали; но он находил, что момент дурно выбран и что было бы опасно пытаться делать реформы во время войны» (С. 140)¹.

Трудно не согласиться с таким решением Государя: «На переправе лошадей не перепрыгают».

Но общественность смотрела на дело иначе. Она находила, что пользуясь теми затруднениями, в которые ставила правительство война, легче от правительства эти уступки вырвать.

Первые неудачи войны дали для этого повод. Россия оказалась недостаточно к ней подготовленной. В частности, упрекали Государя в неудовлетворительной деятельности в этом отношении Сухомлинова, на которую со всех сторон было обращено его внимание. На этот упрек можно ответить, что одной из важнейших задач военного министра была организация мобилизации и продовольствия армии. По этому поводу Легра отмечает:

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XIII. Государь и Дума. – Галицийская кампания. – Наша жизнь в Ставке. – Растущее недовольство в тылу.

«Как же мы должны восхищаться Россией, в течение трех лет побеждавшей эти огромные затруднения? Имеем ли мы право забывать, что несмотря на ее неудовлетворительные средства передвижения, она осуществила мобилизацию на несколько дней ранее расписания; что она перебросила и продовольствовала свои армии до центра Западной Европы и почти до окраин Малой Азии!» (С. 440).

Факт готовности нашей армии даже ранее положенного срока не может не быть поставлен в заслугу министру. Он дал нам возможность осуществить движение в Восточную Пруссию. Прекрасная постановка интендантского дела обеспечила нашим армиям проявление своих боевых качеств. Дальнейшие же успехи войск зависели уже от новых обстоятельств и от общих условий войны, непредвиденных ни одной из воюющих сторон. – Какое же государство, кроме Германии, оказалось к ней готовым? Если бы не героический стремительный поход русской армии в Восточную Пруссию, Франция бы погибла. Англия приняла реальное участие в войне лишь через полгода. Все военные авторитеты предшествовавшей войне эпохи утверждали, что Европейская война не может продлиться более полугода. Так думали и экономисты. Этому тезису посвящены шесть толстейших томов известного Блюха. Военные и экономисты ошиблись. Но на полгода, даже и в отношении боевых припасов, Россия была готова. Правительство обвинялось в том, что своей непредусмотрительностью оно обрекло Россию на десятки и сотни тысяч ненужных жертв. Если правительство так плохо, то – очевидно – нужно взять его власть в свои руки. Таков был логический вывод. По вышеприведенным соображениям Государь был иного взгляда и между ним и обществом началась борьба.

«Он не дорожил для себя лично своими prerогативами самодержца, – свидетельствует Жильяр, – так как он был олицетворением простоты и скромности, но он опасался последствий, которые радикальные перемены могли бы иметь при обстоятельствах столь исключительной важности» (С. 141)¹.

Люди, которые обвиняли Государя в упорном отстаивании того, что он считал жизненно необходимым для блага Родины, «в ослеплении страстей не понимали, какую моральную силу, вопреки всему, представлял для русского народа Царь, непреклонно решившийся победить; не понимали, что мысль, которую он воплощал в народных массах, только одна могла вести к победе и спасти Россию от порабощения Германией... забывали, что Россия состоит не только из четырнадцати, пятнадцати миллионов (?) людей, зрелых для парламентского строя, но и из ста тридцати мил-

¹ Там же.

лионов мужиков, по большей части нецивилизованных и несознательных, для которых Царь оставался помазанником Божьим, тем, кого Бог избрал, чтобы управлять судьбами великой России» (Жильяр. С. 158–159)¹.

«Николай II не любил проявления своей власти, – говорит Палеолог. – Если он ревниво защищает prerogatives самодержавия, то единственно по причинам мистическим. Он никогда не забывает, что получил власть от Самого Бога, и он всегда думает о том отчете, который ему должно будет отдать в долине Иосафата. Это представление о роли Монарха совершенно противоположно тому, которое вдохновило знаменитый ответ Наполеона Редереру: “Я люблю власть, но я люблю ее, как артист, я люблю ее, как музыкант любит свою скрипку, чтобы вызывать из нее звуки, аккорды, гармонии”. Добросовестность, гуманность, кротость, честь – вот, мне кажется, выдающиеся добродетели Николая II, но у него нет священного огня (правителя)» (Т. III. С. 180)².

Когда справедливая история начертает образ благородного Николая II, подчеркнутые слова французского посла, несомненно, найдут на ее скрижалях свое место. Что же касается священного огня, то такового, каким он был у гениальнейшего артиста, сценой которого была вся Европа, а зрительным залом – весь цивилизованный мир, у Николая II не было. Он не был артистом, а Богом помазанным на царство Государем, и его священным огнем был тихий огонек лампы, перед ликом святых угодников, перед образом Царя царей в терновом венце и багрянице.

Государя огульно обвиняли в слабости и бесхарактерности, но когда он защищал свое самодержавие, то это почему-то называлось упрямством. Но интересно выяснить, был ли он в действительности столь слабохарактерным и не скрывались ли под этим приписываемым ему свойством иные качества?

Лица, бравшиеся характеризовать Государя, подчеркивали, в отрицательном смысле, какую-то непонятную его бесчувственность. Враги Государя склонны были усиливать эту черту до признания в нем как бы атрофии морального чувства³.

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XV. Революция. – Отречение Николая II.

² Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VII. Конференция союзников. Запись «Среда, 31 января».

³ Объяснение, данное выдержке Государя Диллоном в его книге «Закат России», написанное под влиянием Витте. Извольский. С. 221. – Авт. – Извольский А.П., бывший министр иностранных дел. Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского. Пг.–М.: Петроград, 1924. С. 137–139.

Палеолог приводит как характерный случай, что после Ходынской катастрофы Государь спокойно поехал на бал, а получив телеграмму о поражении нашего флота у Цусимы, положил ее в карман и безмятежно продолжал играть в теннис (Т. III. С. 22).

Если находились люди, допустившие чудовищную мысль, что Государь относился с равнодушием к интересам своей Родины и страданиям своих подданных, то не найдется ни одного человека, который отказал бы ему в беспредельной любви к своей семье, а в особенности к сыну. Враги Государя даже склонны были объяснять его равнодушие к другим людям поглощением всех его чувств семьей, а между тем – как эти чувства проявлялись в глазах посторонних?

Осенью 1912 года Наследник заболевает в Спале припадком гемофилии. Августейшие родители, по политическим соображениям, считали нужным скрывать это даже от своих ближайших. В этот вечер Великие княжны принимали участие в маленьком домашнем спектакле.

«Императрица, – записывает Жильяр, – в первом ряду, оживленная и улыбающаяся, беседует с соседями.

По окончании спектакля я вышел через заднюю дверь и оказался в коридоре перед комнатою Алексея Николаевича, чьи стоны до меня явно доносились. Внезапно я увидел Императрицу, приближавшуюся бегом и поддерживаемую в поспешности обеими руками стесняющее ее длинное платье. Я прижался к стене, она прошла мимо, не заметив меня. Лицо ее было взволновано и искажено тревогою. Я вернулся в зал; в нем царствовало оживление; ливрейные лакеи разносили блюда с прохладительными напитками; все смеялись, шутили; вечер шел полным ходом. Императрица вернулась несколько минут спустя; она вновь надела свою маску и силилась улыбаться окружающим. Но я заметил, что Государь, продолжая беседу, встал так, чтобы наблюдать за дверью, и я заметил на лету взгляд отчаяния, который бросила ему Императрица с порога. Час спустя я вернулся к себе, еще глубоко потрясенный этой сценой, которая внезапно обнаружила мне всю драму этого двойного существования.

Тем не менее, несмотря на то, что болезнь еще ухудшилась, в жизни Спале не проявилось никаких изменений. Только Императрица все менее и менее показывалась, но Государь, преодолевая свое беспокойство, продолжал свои поездки на охоту и за обедом собирались обычные гости» (С. 24)¹.

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. II. Алексей Николаевич. – Поездки в Крым (осенью 1911 г. и весной 1912 г.) и в Спале (осенью 1912 г.).

Такая же «бесчувственность» Государя проявлялась относительно Наследника и в деле его воспитания.

Сделавшись воспитателем Цесаревича, Жильяр пришел к заключению, что непрестанные страхи за его здоровье могут вредно отразиться на его характере и сделать его безвольным и даже морально калекою. «Это было делом родителей (предоставление ребенку большей самостоятельности), их одних – принять окончательное решение, которое могло иметь столь серьезные последствия для их ребенка. К моему великому удивлению, они вполне присоединились к моим мыслям и выразили готовность подвергнуться всем опасностям опыта, на который я склонялся не без ужасного беспокойства. Они, очевидно, сознавали тот вред, который приносила нынешняя система и что именно было наиболее ценным для их сына. И если любовь их к нему была беспредельна, то эта самая любовь давала им силы лучше подвергать его риску несчастного случая, последствия которого могли быть смертельными, чем увидеть его человеком без мужества и моральной независимости» (С. 33).

Однако опыт, произведенный Жильяром, оказался неудачным. Вскоре ребенок упал со скамейки, ушиб колено и у него начался обычный припадок гемофилии.

«Я был подавлен, – записывает Жильяр. – Однако ни Государь, ни Императрица не сделали мне и тени упрека. Напротив, они проявили сердечное желание, чтобы я не утерял надежды в достижении задачи, которую болезнь делала столь опасною» (С. 33)¹.

После двухмесячного периода выздоровления – восстановление здоровья всегда было очень длительным, – «Государь и Императрица решили продолжать, несмотря на весь риск, идти по намеченному пути» (С. 53)².

Можно себе представить, что чувствовали Государь и Императрица, спокойно и «бесчувственно» смотря на Наследника, поставленного вне условий постоянной охраны от неосторожности, что могло его погубить. Они терпели эту муку в сознании необходимости дать своему сыну развиться в условиях нормальных, чтобы сделать из него достойного Наследника престола. Чувства родителей приносились в жертву обязанностям Монарха.

А насколько Государь умел понимать отцовские чувства, видно из заметки генерала Вильямса:

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. III. Мои первые шаги в качестве наставника. – Болезнь цесаревича.

² Там же. Гл. VI. Жизнь в Царском Селе. – Мои ученики.

«20 декабря 1916 года. Я узнал о кончине моего старшего сына. Я был в комнате перед кабинетом Государя, перед обедом, когда Цесаревич один вышел из комнаты отца, бросился ко мне и, сев рядом со мною, сказал: “Папа сказал мне пойти и посидеть с Вами, так как он думает, что Вы чувствуете себя сегодня вечером одиноким”» (С. 138–189).

Трудно представить себе более умильное и деликатное проявление сочувствия к отцу, потерявшему своего ребенка.

Нечувствительность к чужим страданиям, приписываемую Императору Николаю, отрицает и Извольский.

В своих воспоминаниях, после взрыва на Аптекарском острове дачи, где жил Столыпин, причем пострадали дети министра¹, Извольский отмечает:

«Он (Государь) осыпал семью Столыпина трогательным вниманием. Быв свидетелем образа действия Николая II в этом случае, я могу засвидетельствовать полную лживость обвинений, согласно которым он был странно нечувствителен к чужим страданиям» (С. 243)².

Тот же Извольский приводит пример удивительной выдержки Государя. Дело происходило во время беспорядков 1905 года.

«В тот день, когда мятеж достигал своего кульминационного пункта, я находился близ Императора Николая, которому я делал устный доклад; это происходило в Петергофе, во дворце или, вернее, на Императорской даче, расположенной на берегу Финского залива напротив острова, на котором высится на расстоянии около пятнадцати километров Кронштадтская крепость. Я сидел против Государя у маленького стола при окне с видом на море. В окно виднелись вдали линии укреплений. Пока я докладывал Государю разные очередные дела, мы явственно слышали звуки канонады, которая, казалось, с минуты на минуту делалась все более интенсивной. Государь слушал меня внимательно и ставил мне, согласно своему обычаю, вопросы, которые доказывали, что он интересуется мельчайшими подробностями моего доклада. И сколько я его украдкой ни разглядывал, я не мог подметить в его чертах ни малейшего признака волнения; однако он должен был знать, что в эти минуты в нескольких милях от него дело шло об его короне. Если бы крепость осталась в руках восставших, то положение столицы сделалось бы не только ненадежным, но и его собственная судьба и судьба его семьи были бы серьезно угрожаемы; орудия Кронштадта могли помешать всякой попытке бегства морем.

¹ 12 августа 1906 г. террористы совершили покушение на П.А. Столыпина, взорвав здание его особняка на Аптекарском острове. Взрыв унес жизни 22 человек, Столыпин не пострадал, двое его детей были ранены.

² Извольский А.П., бывший министр иностранных дел. Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского. Пг.—М.: Петроград, 1924. С. 153.

Когда мой доклад был закончен, Государь остался несколько мгновений спокойным, смотря через открытое окно на линию горизонта. Я же был охвачен сильным волнением и не мог воздержаться, рискуя нарушением этикета, чтобы не выразить моего удивления видеть его столь спокойным. Государь, по-видимому, вовсе не был покороблен моим замечанием. Обратив на меня свой взор, необычайную доброту которого столь часто отмечали, он ответил мне этими резко врезавшимися в мою память словами:

“Если Вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи в руках Господа, который поставил меня на то место, где я нахожусь. Чтобы ни случилось, я склонюсь перед Его волей в убеждении, что никогда не имел иной мысли, как служить той стране, которую Он мне вручил”» (С. 221–222)¹.

Один мудрец сказал, что самой трудной победой является победа над самим собой. Эту победу Царь одержал: никто более его не умел владеть собою. И трудно представить себе, чтобы человек, проявивший такую волю по отношению к самому себе, не владел ею вообще.

В дальнейшем течении настоящего исследования читатель увидит, что Государь до самого конца своего царственного служения проявил неуклонную волю к победе. Одержать эту победу, даже по признанию иностранцев, можно было только при сохранении самодержавия. Царь положил всю свою волю к его сохранению, во всяком случае, во время войны. Что произошло бы далее – неизвестно. Однако из вышеприведенных слов Жильяра и генерала Вильямса скорее можно сделать вывод, что Государь пошел бы по пути расширения прав народного представительства, но при условии некоторой постепенности. Уже одно учреждение Думы, по выражению Кривошеина, указало, что самодержавие способно к эволюции... Но Государю опять и опять помешали повести Россию к ее действительному благу...

А пока Царь всеми силами боролся за победу, обществом уже овладел пессимизм. Оно не верило в возможность победы, не верило в силу нашей исторической власти, критиковало ее, подрывало к ней доверие, желало и боялось, боялось и желало революции. К действительным ошибкам правительственной власти присоединились измышления, ложь и клевета. Усугубляемая этими приемами тягость обстановки приводила к желаемому выводу – к необходимости изменения формы правления. И к этому были направлены все силы оппозиции. И вот, рядом с воображаемой опасностью интриги, ведущей к сепаратному миру, вырастает новая, уже

¹ Извольский А.П., бывший министр иностранных дел. Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского. Пг.–М.: Петроград, 1924. С. 138–139.

реальная, хотя еще в неопределенных очертаниях, опасность революционного воздействия на власть.

Французский посол зорко следил за обоими движениями. Всматриваясь во второе, он, как западник, несомненно более симпатизирует либералам, чем консерваторам, в которых он склонен видеть немецкую опасность, но не оценивает устоев того порядка, который единственно мог довести Россию до победного конца, а вместе с тем, симпатизируя либералам, как умный человек, он все время опасается, чтобы их выступление, по своей несвоевременности, не погубило возможности довести войну до разгрома Германии.

* * *

Приблизительно в это время возникает дело по обвинению в предательстве полковника Мясоедова, служившего по разведывательной части при X-й армии. Это дело дало повод Керенскому, по словам Палеолога, написать письмо председателю Государственной Думы, требуя ее созыва. «Измена, — пишет он, — имеет источником министерство внутренних дел¹. Обществу известно, что руководители этого государственного учреждения только и думают о том, как бы восстановить как можно скорее прежнее единение с прусской монархией, необходимой поддержкой нашей внутренней реакции. Дума должна охранить страну от этого удара, который ей наносят в спину. От имени своих избирателей прошу Вас, господин председатель, настоять на немедленном созыве Думы, чтобы она могла исполнить в этот важный момент свой долг надзора над исполнительной властью» (Т. II. С. 325).

И это дерзал писать Керенский, впустивший в Россию в запломбированном вагоне пацифиста и немецкого агента Ленина!

Если указанный образ действий Керенского был актом планомерно веденной против правительства кампании, то общество того времени всемерно, хотя и бессознательно, ей содействовало. Всякие, самые нелепые слухи, если только они были направлены против власти, находили в обществе благодарную почву. Образчиком сему может послужить разговор Палеолога с Великой княгиней Марией Павловной, имевшей, казалось бы, возможность разбираться в окружающей обстановке.

Она спрашивает посла: «Правда ли, что измена Мясоедова была открыта французской полицией и что, дабы говорить с ним об этом, Государь вызывал посла в Барановичи? Правда ли, что Витте покончил с собою, когда он узнал, что в руках Палеолога находятся документы его переговоров с Германией?»

¹ Следует отметить, что, состоя при штабе армии, Мясоедов ни в коем случае по названному министерству не служил. — *Авт.*

На это посол ответил, что узнал о деле Мясоедова лишь три или четыре дня до его осуждения, и то по доверительному сообщению русского офицера. Что же касается графа Витте, то он с определенностью знает, что граф умер внезапно от кровоизлияния в мозг (Т. I. С. 327).

Революция в лице Керенского и легковверное и недоброжелательное общество как бы подавали друг другу руку. Оппозиция тоже делала свое дело.

27 января / 9 февраля 1915 года, после открытия Думы, Шингарев «передает послу довольно точно то, что в своей здоровой части думает русская публика: “Франция имеет в России верную союзницу, союзницу, которая жертвует последним солдатом, последней копеей, чтобы добиться победы... Но нужно, чтобы Россия сама не была предана некоторыми тайными заговорами, которые становятся опасными¹. Вы выгоднее поставлены, господин посол, чтобы видеть многое, чего мы лишь подозреваем”» (Т. I. С. 291)².

Все дальнейшее показало, что тайные заговоры были революционной выдумкой, но как было не верить в их существование, когда член Государственной Думы указывал на них иностранному послу, подрывая его доверие к власти, и это вполне оправдывает всю дальнейшую подозрительность Палеолога. «Здоровая часть» русского общества того времени не имела необходимой стойкости нервов, чтобы выдержать все испытания войны в противность войскам, которые все еще бодро делали свое дело: на фронте все еще было благополучно. Но былой энтузиазм уже остыл в тылу. Видели только ошибки правительства даже там, где их не было... и слово «революция» повторялось во всех углах.

Ниже приводятся выдержки из характерного по этому поводу разговора, происшедшего между Палеологом и известным промышленником Путиловым 19 мая / 2 июня 1915 года, которым посол заканчивает I том своих воспоминаний.

«Дни самодержавия сочтены, – говорит Путилов, – оно погибло, неминуемо погибло, а вместе с тем оно – те леса, на которых держится национальное единение. Революция отныне неизбежна. Она только ждет случая, чтобы вспыхнуть. Этим случаем будет военная неудача, голод в провинции, стачка в Петербурге, мятеж в Москве, скандал или дворцовый переворот – безразлично... У нас революция может быть только разрушительной, так как образованная часть общества представляет ни-

¹ Выделено нами. – *Авт.*

² Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XIII. Вторичное открытие Думы. Запись «Вторник, 9 февраля».

чтожное количественное меньшинство без организации и политического опыта, без контакта с массами... Конечно, это буржуазия, интеллигенция и “кадеты” дадут сигнал революции, думая спасти Россию¹. Но из буржуазной революции мы немедленно подпадем под революцию рабочую, а затем мужицкую. Тогда начнется страшная анархия – десять лет анархии. Увидим эпоху Пугачева, и даже гораздо худшую» (Т. I. С. 372)².

А вот как в передаче долго жившего в России иностранца Верстрата думало «передовое» общество того времени: «Чтобы понять внутреннее положение России, исходите из убеждения, что правительство ничего не стоит, что администрация очень корыстолюбива и вызывает пожелания иметь лучшую и что немецкое влияние остается еще очень сильным в реакционной партии, находящейся у власти и которую Императрица поддерживает. Эта партия ненавидит людей честных, серьезных и работающих, вроде генерала Поливанова... Но есть нация, которая понимает немецкую опасность, либеральная партия, которая с нами, большой город Москва – душа русского национального напряжения, – и очень храбрая армия, которая не ослабевая несет ужасающие потери и чье настроение остается превосходным. Точно так же, как немцы не предвидели французского возрождения, также они не угадали, что появится новая Россия за официальною Россиею, которую они имели право презирать. Вопрос только в том, которая Россия победит» (С. 77).

Победила «новая», «либеральная» Россия. Презиравшая честных людей (!) власть пала, пала власть, боровшаяся до конца, и что осталось от России, выросшей под этой властью?

Но еще более типичной для того времени (весна 1915 года) представляется следующая беседа, передаваемая Палеологом.

«Весьма деятельный и несколько экзальтированный корифей национального либерализма», бывший гвардейский офицер посещает посла. Несмотря на обычный пессимизм посетителя, посол поражен серьезною, сосредоточенностью и страдальческим выражением его лица.

«– Никогда, – сказал он, – я не был так обеспокоен. Россия в смертельной опасности! Никогда в течение всей своей истории она не была столь близка к гибели. Немецкая зараза, которую она несет уже два века в своих жилах, готова ее убить. Она может быть спасена только национальной революциею.

– Революция во время войны!.. Опомнитесь!

¹ Выделено нами. – *Авт.*

² Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XVI. Сражение на Дунайце. Очищение Польши и Литвы. Запись «Среда, 2 июня».

– Да, я об этом думаю. Революция, каковою я ее себе представляю и каковою я ее желаю, была бы освобождением всех народных сил, дивным пробуждением всех славянских энергий. После нескольких дней неизбежной смуты, допустим, даже месяца беспорядка и паралича, Россия воспрянет в величии, которого Вы и не подозреваете. Вы увидите тогда, сколько моральных сил в русском народе! Он заключает в себе неисчислимый источник мужества, энтузиазма и великодушия. Это величайший из существующих в мире очагов идеализма!..

По голове следовало бы ранее всего нанести удар. Государь мог бы быть оставлен на престоле, хотя он и лишен воли, но он в сущности довольно патриотичен. Но Императрица и ее сестра, Великая княгиня Елизавета Феодоровна, московская настоятельница, должны бы быть заключены в монастырь на Урале, как это делалось в былое время нашими царями. Потом весь Потсдамский Двор, вся клика немецких баронов, вся камарилья Вырубовой и Распутина должны быть сосланы в глубь Сибири...

Он заканчивает точным изображением армии: она еще великолепна в своем героизме и самоотвержении, но она больше не верит в победу; она чувствует себя заранее обреченной, как стадо, которое ведут на убой. В один прекрасный день, может быть и очень скоро, произойдет всеобщий упадок духа, пассивное предание себя на волю Божью; она будет отступать бесконечно, перестанет сражаться, не будет сопротивляться. В этот день наша немецкая партия будет торжествовать! Мы будем вынуждены заключить мир... и какой мир!...

Наша последняя ставка к спасению – национальный государственный переворот» (Т. II. С. 40–42)¹.

Комментарии к этой болтовне излишни: история уже сказала свое слово. И вот, когда такие «патриоты» разносили сплетни о кознях изобретенной вражеской пропагандой немецкой партии, о понижении морального состояния армии, продолжавшей исполнять свой долг до той минуты, когда «национальная революция», вскоре оказавшаяся интернациональной, не освободила ее от этого долга и не превратила ее в «толпу взбунтовавшихся рабов», как проявлялась слабость Царя, на которого уже награвливали зверя революции?

Гофмейстерина Нарышкина говорит Палеологу:

– Государь бесподобен... Никогда ни малейшего признака уныния; всегда спокойный, всегда твердый, всегда у него слово укрепления, непоколебимая вера в победу.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XVII. Национальное пробуждение. Запись «Пятница, 13 августа».

– А Ее Величество? – спрашивает посол.

– Она не менее тверда, чем Государь, и еще вчера говорила мне: «Мы сделали все, чтобы избежать войны; мы, следовательно, можем быть уверены, что Бог нам даст победу!» (Т. I. С. 279–280).

Великий князь Павел Александрович говорит ему то же самое:

– Они оба превосходны в своем мужестве. Никогда ни одной жалобы, никогда ни одного слова уныния. Они только и ищут, как бы поддержать друг друга! (Т. I. С. 304).

Наши неудачи в Галиции весной 1915 года вызывают общее недовольство. По словам Палеолога, «все политические партии, за исключением, разумеется, крайних правых, требуют немедленного созыва Думы, чтобы положить конец неспособности военной администрации и организовать гражданскую мобилизацию» (Т. II. С. 2)¹.

Происходят волнения в Москве:

«На Красной площади толпа поносит Царя и Царицу, требуя заключения Императрицы в монастырь, низложения Государя» (Т. II. С. 3)².

Пропаганда и болтовня господ Х., Y. и Z.-ов приносят уже свои плоды...

По сведениям Палеолога (из откровений А. А. Вырубовой графине N.), «министр внутренних дел Маклаков, министр юстиции Щегловитов исчерпывают все усилия перед Государем, чтобы разубедить его от созыва Думы и чтобы доказать ему, что Россия не может продолжать войны. Относительно Думы Царь остается непроницаемым, несмотря на то, что Императрица всемерно поддерживает министров. Что касается продолжения войны, то Николай II выражается с горячностью, до того времени за ним неведомою: “Заклучить мир, – говорит он, – было бы бесчестьем и привело бы к революции. Вот что осмелились мне предлагать!”³ Императрица не менее энергично выражает, что если бы Россия теперь оставила своих союзников, то она покрыла бы себя вечным позором, но она заклинает Государя не делать никаких уступок парламентаризму и повторяет: “Помни более чем когда-нибудь, что ты самодержец милостью Божьей. Бог не простил бы тебе измены тому назначению, которое Он дал тебе на земле”» (Т. II. С. 5)⁴.

¹ Там же. Гл. XVI. Сражение на Дунайце. Очищение Польши и Литвы. Запись «Воскресенье, 6 июня».

² Там же. Запись «Воскресенье, 13 июня».

³ Эти слова Государя доходят до нас уже из четвертых рук. Поэтому то, что Государю кто-то предлагал закончить войну, остается под сомнением. – *Авт.*

⁴ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XVI. Сражение на Дунайце. Очищение Польши и Литвы. Запись «Среда, 16 июня».

Оставаясь непоколебимым в вопросе о продлении войны, Государь в ближайшем времени увольняет министров: военного – Сухомлинова, юстиции – Щегловитова, внутренних дел – Маклакова, обер-прокурора Святейшего Синода – Саблера, заменяя их, несмотря на противодействие Императрицы «парламентаризму», более либеральными или популярными генералом Поливановым, А. А. Хвостовым, князем Н. Б. Щербатовым и А. Д. Самариным. Вскоре после того созывается Дума.

По сведениям Палеолога, она собирается под знаком: «Довольно преступлений (каких?), реформы, наказания! Образ правления должен быть изменен сверху до низа!» (Т. II. С. 35)¹.

1/14 августа происходит бурное заседание Государственной Думы. Речь кадета армянина Аджемова оканчивается призывным криком: «Ллойд Джордж недавно выразился в палате общин, что немцы, поливая снарядами русских солдат, разбивают ими оковы русского народа. Это истинная правда. Русский народ, отныне (?) свободный, будет организовывать победу».

За ним говорил грузин Чхенкели, разражаясь анафемою против тирании царизма, приведшего Россию на край гибели.

Прения закончились речью В. Маклакова, требовавшего подчинения правительства одному девизу: «The right men in the right places» (настоящего человека на настоящее место). Иначе говоря, предоставить министерские портфели кадетам!

Мы их видели, этих министров Временного правительства, и знаем, насколько они оказались right men'ами².

¹ Там же. Гл. XVII. Национальное пробуждение. Запись «Четверг, 5 августа».

² Вот как характеризует Верстрат, которого нельзя заподозрить в нерасположении к нашим либералам, тех ожидаемых героев, которые заменили «ничего не стоящее» правительство:

«Гучков (6/19 мая, то есть два месяца спустя после переворота) впал в такое состояние пессимизма, что видевшиеся с ним уходили в полном унынии от его разговоров. Нечего сожалеть об его уходе (С. 149). Не думаю, что стоило бы сожалеть и о Миллюкове – тип профессора доктринера, не имеющего, по-видимому, необходимой гибкости для столь тревожного времени (С. 147), и о Переверзеве, который доныне отличался только своей неспособностью (С. 163). Керенский, к несчастью, слишком нервен и падает в обморок во время своих речей, и силы ему изменяют (на третий месяц пребывания у власти) (С. 149). Керенский, конечно, ненормальный человек. Его способности несомненны, но он неуравновешен, у него мания величия. В Киеве, когда солдаты несли его с триумфом, он, как актриса, бросал цветы в толпу. Когда он прибыл 6 июля в Петроград после восстания, он приказал генералу Половцеву поставить войска шпалерами по его пути и прислать ему навстречу казаков и белого коня для него лично. Он работает и дает аудиенции в кабинете Государя, спит в его кровати и воображает себя царем» (С. 179). – *Авт.*

«Отныне, – замечает Палеолог, – между бюрократической кастой и народным представительством началась дуэль. Примирятся ли они в виду высоких общих целей? – вся будущность России от этого зависит!» (Т. II. С. 44)¹.

«Мы видели, как ответила Дума на назначение министров, более отвечающих ее тенденциям и на призыв к ее сотрудничеству...

Подполье, близкое однако к Думе, идет далее. Глава трудовиков в Думе, Керенский, собирает конференцию социалистов, которая постановляет в случае, если новые военные неудачи заставят правительство заключить мир, поставить на своих знаменах: 1. Немедленное установление в России всеобщего избирательного права; 2. Безусловное право самоопределения народностей» (Т. II. С. 51).

Как буржуазная, так и пролетарская революции начали уже выпускать свои когти.

Самое замечательное заключалось в том, что в то самое время, когда представители интеллигенции всех слоев, каркали о революции во имя спасения России и достижения победы, войска на фронте продолжали делать свое дело, а рабочие, которых хотели превратить в передовых бойцов мятежа, приветствовали своего Государя.

18/31 июля Государь в сопровождении дипломатического корпуса присутствовал на Галерной гавани при церемонии спуска бронированного крейсера «Бородино».

«По окончании церемониала, – отмечает Палеолог, – мы посетили мастерские. Государя всюду приветствуют. По временам он останавливается, чтобы поговорить с рабочими и с улыбкой пожимает им руки. Когда он продолжает свой обход, приветствия удваиваются... А еще вчера мне свидетельствовали о тревожном революционном возбуждении в этих самых мастерских» (Т. II. С. 33)².

Заканчиваем эту главу трезвым отзывом генерала Вильямса.

«18 августа 1915 г. Здесь (в Петрограде) говорят о революции и сепаратном мире с Германией. Про Государя говорят, что он тверд и непоколебим в своем решении, когда он в Ставке, а тут подвержен колебаниям (мы знаем, насколько это ложно) из-за разных влияний. Во всяком случае, насколько я его знаю, он останется верен до конца делу союзников».

Беспристрастно и спокойно оценивая обстоятельства, Вильямс приходит к заключению, «что Петроград нервничает и что в нем широко рас-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XVII. Национальное пробуждение. Запись «Суббота, 14 августа».

² Там же. Запись «Суббота, 31 июля».

пространен дух критики, если не хуже, и что пресса не действует так, как могла бы». «Все это опасные признаки, – прибавляет он, – которые я не могу скрыть и, хотя я и стараюсь отделить порядочную часть того, что составляет болтовню алармистов¹ от истины, нет сомнения, что страна сильно взволнована и расстроена, и если скоро не будут приняты меры, дела пойдут все хуже» (С. 48–49).

Глава III

Второй период войны

*Государь принимает на себя Верховное главнокомандование. –
Осада власти. – Попытки склонить Государя к миру. –
Штюрмер – председатель Совета министров. – Заговоры. –
Правые и левые. – Штюрмер – министр иностранных дел. –
Протопопов. – Великая клевета. – А.Ф. Трепов – председатель
Совета министров. – Общее положение в конце 1916 года. –
Конец Распутина. – Девятый вал. – Революция и отречение
Государя. – Временное правительство*

На оппозиционное и подозрительное настроение общества Государь ответил принятием на себя Верховного главнокомандования. Такое решение встретило тогда, да и теперь еще, осуждение многих. Если бы даже и согласиться с последними, то, во всяком случае, нельзя отрицать того факта, что Государь принял на себя эту огромную и ответственную задачу в тот момент, когда наши дела на фронте стояли неудовлетворительно; не имелось равно и никаких данных к быстрому повороту к лучшему. Верховное командование не сулило, вне всякого сомнения, в ближайшем времени Государю никаких торжеств и радостей. К принятию такого решения побуждало его единственно чувство долга. В понимании своего долга каждому возможно ошибаться, но жертвенное исполнение долга, в оценке личности, всегда останется элементом положительным. Решение это было также и последовательным, так как в первоначальном Рескрипте на имя Великого князя Николая Николаевича прямо указано было, что Главное командование поручается ему лишь временно – до того момента, когда Государь эту задачу примет на себя лично.

Следует подчеркнуть, что еще в мирное время было предположено, что, в случае войны на Западном фронте, Верховным Главнокомандую-

¹ Алармист (от фр. *alarme* – тревога) – тот, кто паникует, распространяет ложные слухи.

щим будет Государь. Это с несомненностью вытекает из «Положения о полевом управлении войск во время войны». Со стороны Государя, таким образом, не было проявлено никакой импровизации, а напротив, подчинение заранее предусмотренной организации. Сам Государь по этому поводу совершенно определенно высказался Вильямсу:

«Он (Государь) сказал мне, что он имел намерение с начала войны принять на себя командование над армиями, но что давление правительства и разные дипломатические причины отвели его от этого решения. Он нашел, тем не менее, что наступил момент, что его долгом стало быть близ своих солдат в это трудное время и что он имеет в генерале Алексееве лояльного и прекрасного начальника Штаба и военного советника» (С. 50).

По этому же вопросу обстоятельные объяснения дает нам Жильяр:

«Государь вернулся 11 июля из Ставки и провел два месяца в Царском Селе, ранее чем прийти к этому решению. Привожу здесь разговор, который я имел с ним 16 июля, потому что он ясно показывает, какими чувствами он уже в то время (то есть за два месяца до принятия на себя Верховного главнокомандования) был проникнут:

“Вы не можете себе представить, насколько пребывание в тылу меня тяготит. Как будто бы здесь все, до воздуха, которым дышишь, включительно, ослабевает энергию и расслабляет характеры. Слухи самые пессимистические, новости самые невероятные принимаются на веру и распространяются во всех слоях. Здесь только занимаются интригами и заговорами, живут лишь интересами эгоистическими и ничтожными; там дерутся и умирают за Родину. На фронте одно чувство доминирует над всеми солдатами: воля победить; все остальное забыто, и, несмотря на потери, несмотря на неудачи все сохраняют доверие. Всякий человек, способный носить оружие, должен был бы идти в армию. Что касается до меня, то я не дождусь момента, когда я присоединюсь к моим войскам”».

Далее Жильяр прибавляет от себя:

«Бросая свою личность в борьбу, он хотел показать, что война будет доведена до конца, и подтвердить свою непоколебимую веру в окончательную победу. Он признал, что в этот трагический час его обязанностью было пожертвовать самим собою и принять на себя, главу государства, всю ответственность. Он хотел своим личным присутствием среди них вернуть доверие войскам, дух которых был пошатнут длинной серией неудач и которые устали драться с противником, главная сила которого заключалась в превосходстве вооружения... Приказ свой войскам о вступлении в Главное командование он собственноручно дополнил: “С непоколебимую

верою в милосердие Господне и неизменным убеждением в конечной победе мы исполним наш священный долг, защищая до конца нашу Родину, и мы не позволим осквернить Русскую землю» (С. 113–116)¹.

Но несмотря на очевидность причин, определявших образ действия Государя, враги его поспешили распространить злостные слухи, что он сменил Великого князя под влиянием Императрицы, из ревности к его популярности.

«Насколько верно, – говорит Вильямс, – что влияние Императрицы убедило Государя принять Верховное командование, вопрос больших споров. Я привел лично мне Государем объясненные причины, и не было специальных оснований для того, чтобы он мне это так ясно стал излагать, если бы это было не так» (С. 60).

«22 апреля Государь говорит мне, что предполагает сделать Великого князя фельдмаршалом, но не сейчас. Он говорил о нем в самом дружеском духе, что меня очень порадовало после всех злостных сплетен, которые распространяются вокруг них» (С. 89).

«14 мая 1916 года Государь очень заинтересовался фильмом “Взятие Эрзерума” и говорил в самых милостивых выражениях о Великом князе и его успехах, которым мы все, служившие при нем, очень радуемся» (С. 91).

20 ноября 1916 года с Кавказа прибывает в Ставку Великий князь. По этому поводу Вильямс отмечает: «Государь потом мне сказал, что он рад его видеть и слышать все новости об его блестящей работе» (С. 130).

Казалось бы, что приведенных выдержек из книги генерала Вильямса достаточно, чтобы опровергнуть те темные слухи, которыми объясняли решение Государя сменить Верховного Главнокомандующего, и для очищения атмосферы кругом благородного Государя и рыцарски преданного ему Великого князя.

Неделю спустя после принятия на себя Государем Верховного главнокомандования А.А. Вырубова сообщила Палеологу, что «на днях, после Литургии, Государь сказал нам: “Может быть нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию, я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня”. Когда он нам это сказал, он был очень бледен, но его лицо выражало полную покорность (воле Божьей)» (Т. II. С. 62)².

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XI. Отступление русской армии. – Государь принимает на себя Верховное командование. – Увеличивающееся влияние Государыни.

² Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XVIII. Император принимает верховное командование армией. Запись «Четверг, 2 сентября».

И справедливо говорит Бьюкенен: «Если бы он (Государь) жил в классические времена, его жизнь и смерть послужили бы сюжетом для какой-нибудь великой трагедии древнегреческого поэта. Он изобразил бы его жертвой, гонимой роком, при каждом последовательном шаге преследуемым безжалостной судьбой вплоть до того момента, покуда не опустился занавес над душераздирающей сценой в подzemелье дома в Екатеринбурге...» (Т. II. С. 56).

Приведенную выше мысль Государь впоследствии подтвердил Палеологу: «Да, это был для меня тяжелый час. Я думал, что Господь меня покидает и что нужна жертва, чтобы спасти Россию... Я знал, что в эти минуты Вы меня поняли, и я этого не забыл» (Т. II. С. 216).

За этот период генерал Вильямс так характеризует Государя:

«20 февраля 1916 года. Государь тут (в Ставке) очень популярен среди союзных генералов, что очень хорошо, так как в других штабах полны критического к нему отношения» (С. 80).

И это немудрено: чем ближе стояли к Государю люди, тем справедливее они его ценили...

«Он всегда так преисполнен хорошего настроения, – далее пишет Вильямс (17 марта), – и так чист душой, что с ним нельзя не быть хорошо настроенным. Это удивительный характер для человека, который должен быть так озабочен и у которого столько тревог на душе, и я уверен, что это имеет хорошее влияние на окружающих» (С. 83).

А тем не менее революция подготовлялась...

Желая уяснить себе создавшуюся обстановку, французский посол пожелал лично убедиться в том, что делалось в кругах оппозиции, для чего встречается в нейтральном доме с Максимом Ковалевским, Милюковым, В. Маклаковым, Шингаревым – «цветом либеральной партии», – находившихся в тот момент в подавленном настроении, в виду полученных сведений о предстоявшем роспуске Думы.

Свои впечатления от этой встречи он формулирует так:

«Понимание общих идей и познание политических систем недостаточны для управления людьми, надо обладать еще сознанием действительности, интуицией возможного и нужного, быстротой решения, твердостью в принятом решении, разумением народных страстей, обдуманною смелостью – всеми теми качествами, которыми кадеты, невзирая на их патриотизм и их добрую волю, как мне кажется, лишены...»

Тем не менее, эти люди тянулись к власти и было известно, что они уже распределяли между собою портфели. Палеолог понимал всю опасность положения и умолял расточать кругом себя советы терпения и благоразумия, приводя слова одного из вождей монархической оппозиции вре-

мен июньских дней 1848 года: «Если бы мы знали, как тонки стенки вулкана, мы бы не вызывали извержения...» (Т. II. С. 75)¹.

Уроки истории остались глухи... Оппозиция вызвала извержение, поглотившее и их, и Россию.

В сентябре Союз земств и городов постановил решение, заканчивающееся следующими словами:

«Более чем когда-либо русский народ принял непоколебимое решение продолжать войну до победы в полном единении с нашими верными союзниками. Однако на пути к победе стоит зловещее препятствие, заключающееся во всех старых пороках нашего правления, то есть в безответственности власти, отсутствии всякой связи между правительством и страной и так далее. Коренная перемена настоятельна. На место нынешних правителей нам нужны люди, облеченные общественным доверием... Работа Думы должна быть немедленно возобновлена...» (Т. II. С. 80)².

А между тем, когда Союз земств и городов видит в возглавляемом Государем строе «зловещее препятствие» к победе, англичанин, генерал Вильямс, отмечает:

«В вопросе о снаряжении виден некоторый прогресс, без сомнения этому обязаны той энергии, с которой следит за этим важнейшим вопросом Государь» (С. 73).

Жест Государя в сторону общественности, выразившийся в увольнении так называемых реакционных министров и назначении на их место более либеральных, уже не удовлетворял Львовых и К^е; дан был палец, надо было схватить и руку, а главное портфели, и созвать Думу вовсе не для производительной работы, а чтобы при ее посредстве революционировать страну речами вроде вышеприведенных выступлений Аджемова и Чхенкели. Оппозиции тоже нужно было уверить общество в полной непригодности правительства, чтобы забрать в свои руки наиболее жизненные интересы страны и армии и, пользуясь этим, захватить власть.

Вот что говорит по этому поводу весьма симпатизирующий общественности Легра:

«С того времени всякая ассоциация частных лиц, признавшая себя достаточно сильной, стремится в своей длительности заменить правительство, признаваемое неспособным. Нет сомнения в том, что если патриотический порыв лежит в основании этих учреждений, то задняя политическая мысль не замедлит в них замешаться» (С. 69).

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XIX. Измена Болгарии и сербская трагедия. Запись «Среда, 15 сентября».

² Там же. Запись «Понедельник, 27 сентября».

А между тем в самой общественности тоже не все было благополучно, о чем свидетельствует тот же автор:

«Один генерал говорил мне, что он прибыл сюда (на фронт), чтобы сделать обширное расследование об «окопавшихся», главная организация которых находится в Минске и в земском Союзе. За различные суммы устраивают призывных крупного собственника в качестве сапожника в гражданской мастерской, работающей на армию, студентов – в кузнице или булочной. Таких насчитывают до 70000 человек. Вместе с тем, здесь тайно распространяется энергичная революционная деятельность» (С. 149).

Вот кому давала приют пресловутая общественность и чем она занималась, дерзая величать власть «зловещим препятствием» к достижению победы!

* * *

Вновь назначенные либеральные министры, увлекшие за собою и остальных, подали Государю записку, в которой указывалось, что «совесть не позволяет им более работать с председателем Совета Горемыкиным». Это заявление вызвало сильное неудовольствие Государя, который в Могилеве «сурово обошелся с лицами, подписавшими записку. Он объявил им резким тоном: “Я не допущу, чтобы мои министры заключали стачку против моего председателя Совета. Я заставлю всех уважать свою волю!”» (Палеолог. Т. II. С. 82)¹.

Известно, что Государя упрекали в двоедушии и в отсутствии решимости высказывать свое неудовольствие людям в лицо: приведенный случай приводит к иному заключению.

* * *

Происходит изменение в составе министров. Эта перемена приводит к весьма интересной беседе Палеолога «с ультрареакционером», старым князем Х., который говорит: «Прогрессисты, кадеты, октябристы предают существующий строй и лицемерно ведут нас к революции, которая, впрочем, сметет их в первый же день, так как она пойдет много далее, нежели они полагают; она превзойдет в своих ужасах все, что когда-либо имело место. Не одни социалисты будут торжествовать, мужик тоже вмешается в дело. А когда мужик, который имеет такой кроткий вид, срывается с цепи, он становится дикарем. Увидят времена Пугачева. Это будет ужасно. Наш единственный путь к спасению – это реакция... да, реакция... Самодержавие судится по описаниям наших революционеров. Там (за

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XIX. Измена Болгарии и сербская трагедия. Записки «Вторник, 28 сентября», «Четверг, 30 сентября».

границей), не знают, что Россия и самодержавие нераздельны. Цари основали Россию. И наиболее суровые и немилосердные были наилучшими. Без Иоанна Грозного, Петра Великого, без Николая I не было бы России. Русский народ – самый покорный, когда он строго управляем, но он неспособен на самоуправление. Лишь только ослабляют повод, он впадает в анархию. Русский народ нуждается в хозяине, хозяине неограниченном: он идет прямо только тогда, когда над его головою железная рука. Малейшая свобода его опьяняет. Вы не измените его природы: есть люди, которые пьяны от одного стакана вина. Мы, может быть, восприняли это от долгого татарского ига, но это так. Нами никогда не будут управлять по английскому способу. Нет, никогда парламентаризм у нас не укрепитсся».

Резюмируя приведенные слова, посол отвечает: «Я живо желал бы, чтобы всякие попытки к реформе были отложены до подписания мира, так как я согласен с Вами, что в настоящее время самодержавие является наивысшим выражением национальности России и ее наибольшею силою» (Т. II. С. 102–104)¹.

Если и не соглашаться с крайностями взглядов князя Х., то нельзя отказывать ему в большой прозорливости; в этом отношении он оказался гораздо выше тех, кто воображал спасение России в западном парламентаризме.

Здесь уместно отметить правильность взгляда на надвигавшиеся события и Великого князя Павла Александровича, который в виду возможности убийства Государя и гибели Династии говорит Палеологу:

«А что же посадить на их место?.. Русский народ неспособен к самоуправлению: у него нет никакого политического воспитания: девять десятых населения не умеет ни читать, ни писать; рабочие прогнили в анархизме; крестьяне только и думают, что о разделе земли... С этим можно опрокинуть образ правления, но нельзя создать правительства!.. Если вспыхнет революция, то она превзойдет по своей дикости все, что когда-либо происходило... Это будет ужасно, Россия этого не переживет!» (Т. II. С. 49).

Итак, верхи Москвы, в лице общественности, стремятся дискредитировать существующую власть, в среде рабочих распространяются революционные идеи, министры фрондируют; вблизи же Государя, как будет видно далее, совершается еще худшее... Он же остается неизменным.

28 сентября / 10 октября Государь принимает Палеолога в Царском Селе. Посол отмечает: «У Государя хороший вид, доверчивый и спокойный, какого я давно у него не наблюдал». После чисто политического

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XIX. Измена Болгарии и сербская трагедия. Запись «Суббота, 13 ноября».

разговора Палеолог спрашивает Государя, какие он вынес впечатления с фронта.

– Превосходные, – отвечает Государь. – Я более уверен и бодро настроен, нежели когда-либо. Жизнь, которую я веду во главе моих войск, такая здоровая и бодрящая. Как чудесен русский солдат. Я не знаю, чего через него нельзя было бы достигнуть. И у него такое желание победы, такая вера в победу.

– Я счастлив слышать это от Вас, так как усилие, которое нам нужно осуществить, еще огромно, и мы можем быть победителями только благодаря упорству.

Государь отвечает мне, сжав кулаки и подымая их над головою:

– Я углубился в упорство по самые плечи, я в нем завяз. И я из него вылезу только после полной победы.

Он спрашивает меня о нашем наступлении в Шампани, восхваляя превосходные качества французских войск. Наконец, он говорит и обо мне, о моей жизни в Петрограде:

– Я Вас жалею, что Вам приходится жить в среде, столь упавшей духом и пессимистически настроенной. Я знаю, что Вы мужественно сопротивляетесь отравленной атмосфере Петрограда. Но если когда-нибудь Вы почувствуете себя зараженным, приезжайте ко мне на фронт, и я Вам обещаю, что Вы немедленно поправитесь.

Вдруг сделавшись серьезным, он говорит мне суровым тоном:

– Эти миазмы Петрограда, их чувствуешь здесь на расстоянии двадцати двух верст. И этот скверный дух идет не из народных кварталов, а из салонов. Какой срам! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишенным совести, патриотизма и веры! (Т. II. С. 88–89)¹.

Ясно, что Государь был хорошо осведомлен о той обстановке, в которой ему приходилось жить и работать, и несмотря на это, он находил в себе силы быть бодрым, спокойным и доверчивым.

Он был бодр, потому что имел веру, был спокоен, потому что у него была чиста совесть, был доверчив, потому что был проникнут сознанием добродетелей широкой массы своего народа.

Общество было подавлено, потому что утратило веру, было нервно, потому что совесть его была неспокойна, было недоверчиво, потому что не чувствовало в себе жертвенной силы.

* * *

В то же время министр Двора Германского Императора граф Эйленбург обратился к нашему министру Двора графу Фредериксу с письмом, в котором предлагалось сближение обоих Монархов с целью найти базу для заключения почетного мира.

¹ Там же. Запись «Воскресенье, 10 октября».

Ознакомившись с этим письмом, Государь высказал:

«Эйленбург как будто бы не сознает, что он предлагает мне не более не менее, как моральное и политическое самоубийство, унижение России и жертву моей чести» (Т. II. С. 139)¹.

Письмо это, по повелению Государя, было оставлено без ответа.

Вслед за сим фрейлина М.А. Васильчикова, оказавшаяся по объявлении войны за границей, привезла два письма от Великого герцога Гессенского, брата Императрицы, одно на имя Государя, а другое – Императрицы Александры Феодоровны. Письма эти имели задачей те же цели, что и письмо графа Эйленбурга.

По сведениям Палеолога, Государь страшно разгневался и воскликнул:

«Принять такую миссию от враждебного Монарха! Эта женщина или негодяйка, или сумасшедшая... как она не поняла, что принимая такие письма, она рисковала скомпрометировать меня и Императрицу» (Т. II. С. 144)².

По Высочайшему повелению, Васильчикова была выслана из столицы.

Эти два факта и доходящие до Государя слухи о готовности его будто бы заключить сепаратный мир побуждают его при всяком удобном случае провозглашать свою решимость довести войну до победного конца. В таком смысле изложен его приказ войскам в день Георгиевского праздника:

«Будьте уверены, что, как я высказал это в начале войны, я не заключу мира, пока последний враг не будет изгнан с нашей земли. Я не заключу этого мира иначе как в полном согласии с нашими союзниками, с которыми мы связаны не бумажными трактатами, но действительною дружбою и кровью, да хранит вас Бог».

«Это, – замечает Палеолог, – лучший ответ на сделанные недавно авансы со стороны Германии через посредство Великого герцога Гессенского и графа Эйленбурга» (Т. II. С. 147).

Этими же мыслями исполнен новогодний (1916) приказ Государя:

«...Проникнетесь мыслью, что не может быть и не будет мира без победы. Каких бы усилий, каких бы жертв эта победа нам ни стоила, мы должны дать ее отечеству» (Т. II. С. 153).

А пока Государь, верный союзникам, проявляет твердую волю в выполнении своих обязательств, адвокат Керенский, будущий идол толпы,

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. XX. Верность союзу. Запись «Понедельник, 27 декабря 1915 г.».

² Там же. Записи «Четверг, 30 декабря», «Пятница, 31 декабря».

ориентируясь на Ленина и Циммервальд¹, собирает тайное совещание социалистов, которое постановляет: «Лишь только мы увидим окончательное приближение кризиса войны, мы должны опрокинуть самодержавие, взять власть в свои руки и установить социалистическую диктатуру» (Т. II. С. 149).

* * *

В январе 1916 года, по случаю увольнения председателя Совета министров Горемыкина и назначения на его место Штюмерера, а вслед за сим и министром внутренних дел на место уволенного Хвостова, Палеолог так характеризует Штюмерера:

«67 лет, личность ниже незначительности, интеллигентность жалкая, ум ничтожный, характер низкий, честность сомнительная: никакой опытности и никакого разумения в крупных вопросах, однако довольно искусный талант в интригах и лести» (Т. II. С. 170)². «Но он не лишен культуры, он интересуется историей, особенно анекдотической и бытовой. Каждый раз, что я имею случай с ним соприкоснуться, я расспрашиваю его о прошлом России, и его беседа не причиняет мне скуки» (Т. II. С. 270)³.

Вслед за сим Палеолог отмечает, что Штюмерер назначил «шефом своего секретариата Манусевича-Мануйлова». «Этот выбор, – пишет он, – производящий скандальное впечатление, – знаменателен» (Т. II. С. 171)⁴.

Характерно, что Бьюкенен высказывает то же самое: «Чтобы показать, что это был за человек (Штюмерер), я укажу лишь на то, что он взял к себе начальником кабинета прежнего агента охранки (тайной полиции) по имени Мануйлова» (Т. II. С. 6).

Очевидно, оба посла не сговаривались, но что их осведомляли одни те же лица, подчиненные одной и той же тенденции. Дело в том, что Мануйлов никогда ни «шефом секретариата», ни начальником кабинета, ни председателем Совета министров, ни министром внутренних дел не был, уже по одному тому, что такой должности вообще не существовало, а был лишь одним из многочисленных «состоящих по министерству», который по секретным делам ходил с заднего крыльца к министру. Личность это действительно была подозрительная, но мало ли кого по необходимости приходится принимать государственным людям, доказательством чему

¹ В сентябре 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд состоялась Первая международная социалистическая конференция.

² Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. I. Отступление сербской армии. Запись «Суббота, 5 февраля».

³ Там же. Гл. III. Вивiani и А. Тома в Петрограде. Запись «Вторник, 16 мая».

⁴ Там же. Гл. I. Отступление сербской армии. Запись «Понедельник, 7 февраля».

является уже одно то, что французский посол виделся с ним, как в Петрограде, так и в Париже. Но кто-то был заинтересован дать иностранным дипломатам неверные сведения, из которых они вывели логичное, по-видимому, но неправильное по существу заключение, придавая назначению Мануйлова симптоматическое и неблагоприятное для Штюмерера значение.

В своих воспоминаниях Палеолог неоднократно высказывает подозрения в склонности Штюмерера к политике, направленной против интересов союзников и стремящейся к заключению сепаратного мира. Такие тенденции, приписываемые лицу, избранному Государем в качестве своего ближайшего сотрудника, и другие его свойства не могут быть оставлены без внимательного рассмотрения, тем более, что обвинения против Штюмерера шли и гораздо дальше.

В оппозиционных кругах нового премьера прямо называли изменником. Если в том же, как мы видели ранее, была взята под подозрение и супруга Императора, то весьма понятно, что это колебало и положение самого Царя. А насколько положение в этом отношении было остро, видно из слов Государя о М.А. Васильчиковой, когда он выразил, что «она рисковала скомпрометировать» его и Императрицу.

Штюмерер был отчасти таковым, каковым его характеризовал Палеолог, но не указанные выше его свойства близко интересовали французского посла, кардинальным вопросом для которого было отношение нового премьера к франко-русскому союзу. Зорко и подозрительно следя в этом отношении за Штюмерером, Палеолог озабочен и реакционностью его направления. Очевидно, внутренние дела России, с каким бы интересом ни относился к ним посол, были для него вопросом второстепенным и приводящим; в реакционности, в победе консерваторов Палеолог видел опасность для союза, а поэтому консервативное направление министра вызывало его беспокойство. Измена союзу и реакционность сливались в одну опасность.

Начнем с реакционности. Был ли Штюмерер реакционером? Конечно – да. Но предосудительна ли реакционность сама по себе? Ведь и в реакционности есть идея. Ее можно оспаривать, но нет основания признавать ее безнравственной. Перед реакционностью, в известные моменты истории, как например перед реакционностью Императора Александра III, должно преклониться, ибо это была реакционность принципиальная. Никогда никакой идейности у Штюмерера не было. Он был консерватором, потому что в соответствующем моменте его службы это было течение преобладающее, ведущее к почестям и карьере; он его воспринял, был им воспринят и поглощен им, но создавать из него какого-то столпа консерватизма

Наследник Цесаревич Николай и Великий князь Георгий.
Около 1877 г.

Наследник Цесаревич Николай Александрович

Государь Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна с детьми
(слева направо): Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем, Великим князем
Георгием, Великими княжнами Ольгой и Ксенией, Великим князем Михаилом.

Ливадия. Май 1893 г.

Наследник Цесаревич Николай и Принцесса Гессенская Алиса. 1890 г.

A. Pasetti

St. Petersburg
Nevisky, 24

Государь Император Николай II.
1896 г.

Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна
в одеждах Царя Алексея Михайловича и Царицы Марии Ильиничны
на костюмированном балу в Зимнем Дворце. 1903 г.

Испытание новой походной формы и нового снаряжения
Государем Императором Николаем II. Крым. Октябрь 1909 г.

Императорская Чета с Наследником Цесаревичем Алексеем
и дочерьми (слева направо): Великими княжнами Ольгой,
Марией, Анастасией, Татьяной. 1911 г. ►

Государь Николай II и Наследник Цесаревич Алексей

Императрица Александра Феодоровна с Наследником Цесаревичем Алексеем

Карта Российской Империи. Литография 1914 г.

Император Николай II с Великим князем Николаем Николаевичем

Император Николай II и командующие фронтами на заседании Ставки. 1916 г.

Под арестом в Царском Селе. 1917 г.

Икона святого Царя-страстотерпца Николая II

было бы преувеличением его значения. Наконец, за почти полугодовое его управление министерством никто не сумел бы указать ни одной органической реакционной меры, им принятой: была лишь слабая борьба против нахрапа со стороны общественности и больше ничего.

Перейдем далее к приписываемому ему отрицательному отношению к Антанте, тяготению к Германии и стремлению к заключению сепаратного мира.

Был ли Штюмер германофилом в душе или нет, для нас безразлично, важно то, проводил ли он свои чувства в жизнь. На этот вопрос отвечает нам тоже весьма к нему отрицательно относившийся Бьюкенен:

«Как реакционер и германофил, Штюмер никогда не склонялся в сторону союза с демократическими правительствами Запада из боязни, что это может послужить путем к проникновению либеральных идей в Россию, вместе с тем он был слишком хитер, чтобы защищать мысль о сепаратном мире с Германией. Он знал, что ни Государь, ни Государыня не допускали подобной мысли и что он поплатился бы за это своим положением» (Т. II. С. 17).

К этому лапидарному заключению нет надобности прибавлять ни одного слова.

Был ли, наконец, Штюмер изменником, по тем или иным соображениям, в той или другой форме продающим Россию? Последующее на это ответило: его политические противники, Гучков и Милюков, были министрами Временного правительства, когда он был заключен в Петропавловскую крепость и об его деятельности производилось вряд ли отличавшееся особым беспристрастием следствие. И что же? Против него, как, впрочем, и против всех министров Императорской России, не было найдено никаких обвинений.

Из вышеприведенного видно, что то, в чем обвиняли Штюмера в бытность его председателем Совета министров, лишено было основания. Тем не менее, обвинения эти наполняли чашу испытания, которую пришлось испытать благородному Николаю II, а затем и всей старой России.

Штюмер не был преступен, но он действительно не отвечал требованиям времени, и невольно спрашиваешь себя, почему на нем остановился выбор Государя?

Под давлением общественного мнения Государю пришлось уволить Горемыкина. Министры более либерального направления, назначенные Государем, перестали уже удовлетворять требованиям общественности. Наконец, выяснилось определенное со стороны последней стремление к захвату власти. Где же было искать Государю при таких условиях главы правительства, как не в консервативном лагере?

Каково было прошлое Штюмерера? Управляющий церемониальной частью, председатель Тверской губернской земской управы по назначению от правительства; по общим отзывам, с этой трудной и крайне щекотливой задачей Штюмерер справился превосходно. Затем – губернатор Новгородский и Ярославский, директор департамента общих дел министерства внутренних дел в бытность министром столь значительного человека, как Плеве. Наконец, почти десять лет – член Государственного Совета, где он занимал место в правой группе. Казалось бы, что приведенный ценз давал основания признавать его пригодным для поста министра внутренних дел и председателя совета?

Насколько внешние данные были в пользу Штюмерера, видно из слов Верстрата, отрицательное отношение которого к старому режиму достаточно ярко:

«Штюмерер моложе и крепче (Горемыкина), у него придворный чин, и он был в продолжительных связях с дипломатическим корпусом, как начальник церемониальной части. Потом он занимал важные должности по министерству внутренних дел и был Тверским (sic) губернатором. Это консерватор старой школы... Лично он хорошо держится и представитель» (С. 43).

Не лишена некоторого интереса и заметка о Штюмерере Легра.

Отправляясь на фронт, чтобы делать свои сообщения, Легра посетил председателя Совета министров. Его впечатление сводится к следующему:

«Тем не менее, у него внешность, которая внушала бы доверие, если бы не предупреждение быть с ним настороже» (С. 15). Значит, непосредственное впечатление было благоприятным, хотя кто-то успел уже вложить в сознание только что приехавшего в Россию иностранца червя сомнения.

Во всяком случае, в прошлом Штюмерера было более данных для занятия порученных ему должностей, чем у чиновника Дирекции императорских театров Терещенко, чтобы быть сначала министром финансов, а затем и иностранных дел, или у санитарного врача Шингарева – министром земледелия и, наконец, у мелкого адвоката Керенского – Верховным Главнокомандующим!

Если у Штюмерера были дефекты морального свойства, если он оказался не на высоте задачи, то это, конечно, явилось для Государя неожиданностью. Если повинен старый правительственный аппарат, доведший его до такой высоты, то что же сказать об общественности, доведшей Протопопова до поста товарища председателя Думы и председателя парламентской делегации, посланной в Западную Европу, чтобы «людей посмотреть и себя показать», и избравшей князя Львова главой Временного правительства!

Допуская, что Штюмер искал своего поста при посредстве Распутина, казалось бы, что в виду приведенных данных он мог получить портфель и без посторонних влияний, по непосредственному выбору Государя, и что в данном случае происки Распутина и выбор Государя совпали на одном объекте. Таким образом, творилась легенда о властном влиянии Распутина.

* * *

29 сентября / 11 октября Палеолог обедает у г-жи Х. На заявление посла, что Государь в хорошем настроении, г-жа Х. спрашивает:

« – Значит, он ничего не подозревает, что против него готовится?»

С женским жаром она сообщает мне о разговорах, которые ей пришлось слышать эти последние дни, которые она заканчивает словами: “Очевидно, надо прибегнуть к решительным средствам прошлого, единственно возможным и действительным при самодержавии: надо низложить Государя и провозгласить на его место Цесаревича Алексея”» (Т. II. С. 89).

При невыносимых условиях, которые складывались около Государя, положение его, как это видно из ставших достоянием всей читающей публики воспоминаний Палеолога, осложнялось еще отношением к нему Императорской Фамилии.

Несколько позднее Палеолог записывает следующее о госпоже Брасовой, морганатической супруге Великого князя Михаила Александровича, брата Государя:

«Честолюбивая, ловкая, лишенная всяких предрассудков, она демонстрирует в последнее время самые демократические убеждения. Ее круг, несмотря на свою замкнутость, часто раскрывается для левых депутатов. В придворных сферах ее обвиняют в измене самодержавию. Она от этого в восторге, так как это подчеркивает ее позицию и подготавливает ее популярность. Она высказывается с изумительной смелостью, которая в других устах привела бы к двадцати годам Сибири» (Т. II. С. 179)¹.

Далее Палеолог отмечает:

«Великая княгиня Мария Павловна давно тайно лелеет мысль увидеть одного из своих сыновей, Бориса или Андрея, восседающим на престоле. Поэтому она не упускает случая исполнять роль, к которой Императрица отнеслась небрежно» (Т. II. С. 268)².

Но помимо стремлений к личным достижениям, подрывают доверие к существовавшему в то время режиму и некоторые Великие князья; так, Великий князь Сергей Михайлович говорит:

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. I. Отступление сербской армии. Запись «Четверг, 10 февраля».

² Там же. Гл. III. Вивiani и А. Тома в Петрограде. Запись «Вторник, 16 мая».

«Французская промышленность достигла изготовления 100000 снарядов в день, мы же изготавливаем их едва 20000. Какой срам! Когда я думаю, что все наше самодержавие приводит к такому бессилию, я становлюсь республиканцем!» (Палеолог. Т. I. С. 342).

А вот что, с другой стороны, по вопросу о снабжении повествует Легра:

«Один русский артиллерийский генерал ходатайствовал перед правительством о постройке завода для выработки снарядов, средства на которую давал богатый московский промышленник Второв. Разрешение зависело от Великого князя (Сергея Михайловича) как фельдцейхмейстера¹. Великий князь, – пишет Легра, – не дал благоприятного отзыва. О! Он тоже и не отказал. От него зависело только протянуть дело: эта великая тактика русских. Просителям он отвечал:

– Зачем нам давать себе этот труд? Мы сделали в Америке и Японии огромные заказы; мы рискуем быть переобремененными.

Великому князю указывают на выгоду отечественного производства, хотя бы уже со стороны ускорения дела.

– Нет, право, к чему же? – отвечает Великий князь тоном любезным и усталым. И он сплавлял просителей» (С. 16).

А крылатое слово о республиканстве, слетевшее с уст Великого князя, делало свое злое дело...

Более значительную роль в оппозиции Государю сыграл Великий князь Николай Михайлович.

Вот несколько ярких характеристик, которые приводит о нем Палеолог:

«Замечаешь в глубине его души широкую рану (неудовлетворенного?) честолубия, угадываешь брожение честолубивых мечтаний и неосуществившихся надежд. У него есть сознание его личных достоинств, которые недюжинны, и он считает себя подходящим для первых ролей. Между тем он сознает себя неизвестным, пренебрегаемым, бесполезным и бессильным, подозрительным для своего Монарха и своей среды, связанным с образом правления, который он презирует, но из которого он, тем не менее, извлекает огромные выгоды. Во многих отношениях он заслуживает прозвища “Николая-Эгалитэ”², над которым он охотно под-

¹ Фельдцейхмейстер – главный начальник всей артиллерии.

² От *фр. égalité* – равенство. Сравнение с биографией герцога Орлеанского Луи Филиппа Жозефа по прозвищу Филиппа Эгалитэ: во время Великой французской революции герцог примкнул к революционерам, отказался от титула, стал «гражданином» и принял фамилию Эгалитэ, голосовал в Конвенте за казнь своего родственника Короля Людовика XVI; впоследствии и сам был казнен революционерами.

шучивает. Между другими сходными чертами с герцогом Орлеанским он обладает слабостью характера последнего. Он слишком предается критике и сплетням, чтобы быть человеком действия, инициативы и власти» (Т. I. С. 364).

«Николай Михайлович более критик и фрондер, нежели заговорщик; он слишком любит салонные эпиграммы. Ни в каком случае он не человек авантюры или атаки» (Т. III. С. 165)¹.

Сильно забегая вперед, приводим о нем еще несколько характерных строк.

«8/21 марта 1917 года, проходя по Миллионной, замечаю Великого князя Николая Михайловича. Одетый в черное, похожий на старого чиновника, он бродит кругом своего дворца. Он открыто стал на сторону революции, и он преисполнен оптимизма. Я знаю его достаточно, чтобы не сомневаться в его искренности, когда он утверждает, что гибель самодержавия обеспечивает отныне спасение и величие России, но я сомневаюсь, чтобы он надолго сохранил эти иллюзии, и я желал бы, чтобы он не потерял их, как Филипп-Эгалитэ!» (Т. III. С. 261)².

Увы, эпиграммы и фрондерство привели Великого князя к гибели в чрезвычайке Петропавловской крепости, как и «Филиппа-Эгалитэ» на эшафоте.

Такое отношение некоторых членов Императорской Фамилии к Верховной власти впоследствии, по сведениям Палеолога, перешло в настоящий заговор. Пока что это фрондерство оказывает уже свое вредное влияние, заражая собою и высшие классы общества.

25 июля / 7 августа Палеолог передает свой разговор с князем Х.

«Князь, тип старого русского дворянина, важного облика, ума широкого и культурного, преисполненного горячего и гордого патриотизма. После длинной и пессимистической тирады он с охотою распространяется о смерти Павла I» (Т. II. С. 332).

Очевидно, такие разговоры все время слышались около посла, ибо он заносит в свой дневник:

«Несомненно, Император Николай останется до конца верен союзу, я не испытываю в этом отношении никаких сомнений. Но он не бессмертен. Сколько русских даже, и в особенности в его ближайшем окружении в настоящий момент тайно желают его исчезновения. Что произошло бы при перемене царствования? В этом отношении я не делаю себе иллюзий:

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. VII. Конференция союзников. Запись «Понедельник, 15 января».

² Там же. Гл. VIII. Революция. Запись «Среда, 21 марта».

разгром России последовал бы незамедлительно... Если Россия не найдет в себе сил сыграть свою роль союзницы до последнего часа, если она ранее времени выйдет из борьбы, если она падет в конвульсиях революции, она неминуемо отделит свои задачи от наших; она поставит себя в невозможность участвовать в выгодах нашей победы, и ее поражение сольется с таковым же Центральных держав» (Т. II. С. 328–329).

Под этими словами проницательного иностранца хотелось бы подписаться. Увы, не так думали многие русские люди... Вольные и невольные ошибки и заблуждения Государю не прощались. Все как будто бы сговорились создать кругом него обстановку совершенно невыносимую, как будто бы не понимая, что при таких условиях работать совершенно невозможно, а тем не менее, со сверхчеловеческим самообладанием Царь продолжал свое служение Родине и оставался непоколебимо преданным союзником.

«Слабохарактерный» Государь непреклонно ведет свою линию.

2/15 февраля Палеолог спрашивает Великую княгиню Марию Павловну: «Думаете ли Вы, что союз в опасности?»

«О нет, – отвечает она, – Государь неизменно верен союзу, в этом я ручаюсь»¹.

13 марта Государь принимает Палеолога. Уходя после часовой аудиенции, Палеолог уносит такие впечатления:

«Ранее всего, Государь хорошо настроен и смотрит с доверием на будущее. Если бы не так, то мог ли бы он так охотно предаваться сблизившим нас воспоминаниям о войне. Затем выяснились еще несколько черт его характера: простота обращения, мягкость, способность к симпатии, твердость памяти, прямота его намерений, мистицизм, малое доверие к самому себе и постоянная потребность в поддержке, посторонней и высшей» (Т. II. С. 216–217)².

Следует к этой характеристике добавить еще удивительное равновесие и спокойствие, несмотря на ужасающую обстановку, его окружающую.

«У него свежий цвет лица, улыбающийся взгляд...» – отмечает Палеолог (Т. II. С. 262).

В это же приблизительно время последовало увольнение военного министра генерала Поливанова.

Характеризуя Поливанова с наилучшей стороны, Палеолог указывает, что его уход – чувствительная потеря для союза, и объясняет это в осо-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М. – Пг., 1923. Гл. I. Отступление сербской армии. Запись «Вторник, 15 февраля».

² Там же. Гл. II. Время Верденских боев. Запись «Понедельник, 13 марта».

бенности тем, что не в пользу ему «играли» на его отношениях с Гучковым, «личным врагом Их Величеств»... И еще один раз, по слабости, прибавляет посол, Государь пожертвовал одним из своих лучших слуг» (Т. II. С. 236)¹.

Слова «личных врагов Их Величеств» поставлены Палеологом в кавычки, выражающие, по-видимому, сомнение. Сомнение это рассеивается следующей заметкой Верстрата. «По поводу отречения Государя он спрашивает себя, как мог Гучков согласиться на отказ Государя от престола и за Цесаревича Алексея: “Почему Гучков так поступил? Не хватило ли у него духа, когда он оказался лицом к лицу с Монархом, которого он не видел, и увидел перед собою только человека, который просто не хотел, чтобы его разлучали с его сыном?”» (С. 130).

Отлично осведомленный Государь знал о тех чувствах, которые питал к нему Гучков, и весьма понятно его нерасположение к министру, дружившему с его заклятым врагом, и то, что он не мог доверять ему.

18 августа Легра записывает свой разговор с Гучковым, который заканчивает его словами: «Глава, лишенная всяких идей, безо всякой силы, поворачивающаяся по всякому ветру, рискует быть унесенной. По-моему, есть лишь одно решение: отречение Государя и назначение на его место регентства» (С. 103).

Вот когда все предстоявшее уже было задумано!

И будущее доказало основательность недоверия к Поливанову, красному генералу, подписавшему «Права солдата», и которого вещим сердцем угадала Императрица и раскрыла своему мужу и Государю.

В июле 1916 года до Палеолога доходят слухи о предстоящем увольнении Сазонова от должности министра иностранных дел. Слухи эти, волнующие посла, скоро получают подтверждение. Заместителем Сазонова назначается Штюмер.

На вопрос, какие причины побудили Государя назначить Штюмера министром иностранных дел, можно ответить только предположениями. Во всяком случае, это произошло не под влиянием Императрицы, которая в одном из своих, правда позднейших, писем² высказывает Государю: «Он (Распутин) сказал Штюмеру, что он не должен был принимать назначения министром иностранных дел, что его погубит немецкое имя и что станут говорить, что это все я делаю».

Значит, тут действовали не так называемые «оккультные силы», а личные соображения Государя, очевидно, перевесившие слабые стороны Штюмера.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. II. Время Верденских боев. Запись «Воскресенье, 2 апреля».

² «Письма Императрицы». Т. II. С. 237, № 389. 10 ноября 1916 г. — *Авт.*

Так же отрицательно, как и Палеолог, отнесся к этому событию Бьюкенен.

Вот впечатление от первого посещения Штюмером французского посольства, записанное Палеологом:

«Он (Штюмер) произносит фразу, которую я несколько раз слышал из уст Императрицы: “Никакой милости, никакого милосердия к Германии”. Он прощается со мною с долгими и преувеличенными саламалексами. На пороге он повторяет: “Никакой милости, никакого милосердия к Германии!”» (Т. II. С. 325)¹.

Однородные впечатления от назначения Штюмера у Палеолога и Бьюкенена (см.: Т. II. С. 15–17) делаются достоянием общества и общим местом. Отголосок общественного мнения, Верстрат высказывается так:

«Штюмер, председатель совета, заместил Сазонова, получил пост министра иностранных дел, к которому он давно стремился. Попав к Певческому мосту под эгидой Распутина и по милости Императрицы (?), он не может не быть подозрительным союзником. Официально он не перестанет утверждать о своем твердом намерении продолжать войну до победы, и он заявит, конечно, что Россия в единении со своими верными союзниками не сложит орудия ранее, чем Германия будет побеждена. Но обмануты будут Штюмером лишь те, которые сами этого пожелают, и, несомненно, внешняя политика России приобретает другую ориентацию, или, вернее, другое внушение, которое приведет к тому, что союз будет осуществляться в ином духе» (С. 72).

Первое оказалось верным. Штюмер ни в чем не изменил политики своего предместника, второе ложным – по той же причине.

Как видно из записок Палеолога, союзники придавали огромное значение присоединению к Антанте Румынии и оказывали в этом отношении давление на Штюмера, встречавшего сильное сопротивление со стороны начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева.

По этому поводу Жильяр сообщает:

«Я лишь впоследствии узнал, что, чтобы победить сопротивления, встречаемые в Бухаресте (присоединиться к союзу), министр иностранных дел Штюмер обещал, не заручившись согласием штаба Верховного Главнокомандующего, посылку войск в Румынию» (Прим. к С. 146)².

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. III. Вивиани и А. Тома в Петрограде. Запись «Суббота, 29 июля».

² Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника

Присоединение Румынии к союзу совершилось, вероятно, ценою вышеуказанного обещания и должно почитаться делом Штюрмера. Насколько присоединение к нам Румынии было ценно, насколько это присоединение компенсировало ослабление войсками нашего фронта – вопрос, которого мы здесь касаться не будем.

«Вне и вопреки Государю, – записывает Палеолог, – камарилья Императрицы (ставленником которой он признает Штюрмера) стремится придать русской дипломатии новую ориентацию, я хочу сказать, примирение с Германией. Главной побуждающей причиной к этому является опасение реакционной партии от столь тесного и продолжительного общения с демократическими государствами Запада» (Т. III. С. 2)¹.

Часто повторяя свои в этом отношении опасения, Палеолог в подкрепление их не приводит фактического материала, но для создания у него такого настроения, как видно из всего предыдущего и хотя бы даже из нижеприведенного случая, данных было более чем достаточно.

17 сентября / 1 октября на официальном рауте в японском посольстве «значительное должностное лицо двора Х., с трагическим лицом» показывая на Штюрмера, говорит послу:

«— Господин посол, как Вы и Ваш английский коллега не положите предела изменам этого человека?»

Посол его успокаивает и приглашает его переговорить с ним на эту тему в посольстве.

В назначенный день господин Х. приходит к послу, начиная беседу с только что цитированной фразы и повторяя всякие гнусные сплетни о происках консервативных партий и Императрицы. Приводить их прямо-таки стыдно. Интересующихся отсылаем к первоисточнику (Т. III. С. 37, 41–42)².

Но как назвать тот факт, что значительный чиновник Императорского Двора идет к представителю иностранной, хотя бы даже дружественной, державы и обвиняет главу правительства, избранного его Государем, в государственной измене, клеветает на Императрицу и заходит так далеко, что послу приходится заступаться даже за его Государя. И это не первый

Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XIII. Государь и Дума. – Галицийская кампания. – Наша жизнь в Ставке. – Растущее недовольство в тылу.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. V. Румыния вступает в войну. Запись «Воскресенье, 20 августа».

² Там же. Записи «Воскресенье, 1 октября», «Четверг, 5 октября».

и не последний раз, что подобные сплетни побуждают посла к такому образу действий.

3/16 октября он записывает: «Вот уже несколько дней странный слух циркулирует по Петрограду: со всех сторон утверждают, что Штюмер указал Государю на необходимость прекращения войны путем заключения сепаратного мира. Все получают от меня один ответ: “Я не придаю этим рассказам никакого значения!”» (Т. III. С. 51–52)¹.

Вот, действительно, омут предательства, в котором приходилось жить и работать благородному Государю!

И немудрено, если в этом периоде Палеолог отмечает: «В его (Государя) поступках, в его физиономии, в его внешности, во всех проявлениях его внутренней жизни чувствуется уныние, апатия и предание себя на волю Божию» (Т. III. С. 40)².

Мы видели ту роль, которую сыграл Штюмер в румынском вопросе, и видели также, что в приписываемом ему стремлении заключения сепаратного мира не приведено конкретных данных, и вот как все это представлялось Ривз:

«Правые стремятся к заключению сепаратного мира. Тогда возник маккиавелистический план, жертвой которого должна была сделаться Румыния. Ее поражение, по мнению авторов махинации, неизбежно должно было привести к русско-германскому миру. Предполагалось даже выгодное решение, Россия присоединяла к себе Молдавию, Валахия же представлялась Австрии» (С. 158).

«Штюмер, которому Румыния была обязана своим разгромом, как бы официально выдвинул лозунг, который предполагался окончательно забытым: “немецкая дружба”» (С. 219).

«Штюмер, его покровители при Дворе и его клеветы давали себе в этом отчет. Единственно в целях предотвращения внутренней катастрофы мы видели их готовящими пути к сепаратному миру. Это сделалось бредом “камарильи”, невзирая на все официальные опровержения, отмеченные нейтральной прессой, невзирая на лицеприятные протесты, повторяемые в Париже и Лондоне. Что было до того некоторым русским, что Россия потеряет свою честь и даже часть своей территории при перемене курса, который был бы беспримерной подлостью, лишь бы реакция осталась хозяйкой в Империи. Родина для этих людей была делом второстепенным... пусть умирает Родина, если их власть должна пасть» (С. 156).

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. V. Румыния вступает в войну. Запись «Понедельник, 16 октября».

² Там же. Запись «Среда, 4 октября».

Нет, не так думали правые. Так думали левые, – лишь бы парламентаризм, народоправство и даже власть пролетариата... А Россия, – что было им до России, самое имя которой уничтожено победой левых!

* * *

20 сентября / 3 октября Палеолог отмечает в своем дневнике назначение министром внутренних дел Протопопова на место уволенного Хвостова. Дав ему отрицательную характеристику и отметив, что он прошел к власти через Распутина, посол заканчивает саркастическим восклицанием: «Внутренняя политика государства, значит, в хороших руках!» (Т. III. С. 39)¹.

С этим мнением нельзя не согласиться. Но почему министерский портфель попал в руки Протопопова? Об этом подробно говорится в очерке о письмах Императрицы, помещенном в VI книге «Русской летописи», откуда и делаем выписку:

«Вина Императрицы за сближение с Протопоповым уже всецело падает на общественность, которая его вынесла, родила и преподнесла престолу в качестве государственного мужа. Он ведь был избран симбирским губернским предводителем дворянства, членом Думы, товарищем ее председателя, председателем парламентской делегации от обеих законодательных палат для поездки во Францию, Англию и Италию в целях сближения с парламентскими кругами наших союзников. Но стоило только этому детищу нашей общественности стать близким ко Двору, как против него началась травля... Он был беспринципен, лжив, политически бесчестен, но вместе с тем умен, вкрадчив и обаятелен: недаром же он сумел обольстить симбирское дворянство, думцев, членов Государственного Совета и даже Английского Короля Георга, рекомендовавшего его в собственноручном письме Государю в качестве выдающегося государственного человека. Почему эти сотни людей имели право ошибаться, виновата же перед ними оказалась Императрица, которая подпала под чары ими же возведенного человека»².

В первый момент назначение Протопопова не произвело неприятного впечатления в либеральных кругах, что явствует из отметки Верстрата:

«Товарищ председателя Думы, влиятельный член прогрессивного блока, Протопопов признается за одного из вождей либеральной оппозиции, он только что состоял в составе делегации, которую Дума посылала в Лондон и Париж, чтобы передать английским и французским парламентариям свой братский привет. Он был другом Родзянки, председателя

¹ Там же. Запись «Вторник, 3 октября».

² *Стремоухов П.П.* Императрица Александра Феодоровна в ее письмах // Русская летопись (с 1917 года): [в 7 кн.]. Париж : Рус. очаг, 1921–1925. Кн. 6. – 1924. С. 61–117.

Думы. Он был в лучших отношениях с лидерами кадетской партии Милюковым и Шингаревым» (С. 80).

Да и Палеолог отмечает впоследствии:

«Протопопов немного выше Штюрмера умом и умелостью. Разговор с ним не лишен приятности; он от этого только опаснее...» (Т. III. С. 83).

Появление у власти Протопопова с новой силой вызывает в представлении французского посла опасность сближения России с Германиею.

21 октября / 3 ноября Палеолог записывает:

«Уже несколько дней странный слух циркулирует в германофильских кругах Петрограда; несколько человек сообщило мне об этом, из которых двое очень серьезных подтверждают, что они имеют источником категорические утверждения Протопопова», а именно «о склонности Германии предоставить России Константинополь ценою заключения немедленного мира» (Т. III. С. 73–74).

На этот раз подозрения посла находят себе некоторое подтверждение.

«Мой английский коллега был сегодня принят Государем в Царском Селе, – записывает в своем дневнике Палеолог. – Его Величество выявился столь же решительным в продолжении войны до окончательной победы нашей коалиции. Сэр Бьюкенен сделал тогда намек на открыто проявляющееся со всех сторон и всеми способами маневры поборников сепаратного мира.

Государь ответил:

– Руководители этой компании изменники.

Мой коллега напоследок спросил:

– Ваше Величество не слышали ли, что если бы Россия согласилась отделиться от союзников, Германия предоставила бы ей Константинополь?

Государь делает неопределенный жест:

– Мне действительно говорили об этом... Но кто мне об этом говорил?.. Я уже не помню... Не Протопопов ли? Во всяком случае я не придаю этому никакого значения».

По поводу этого сообщения английского посла Палеолог телеграфирует своему правительству:

«Государь еще один раз подтвердил свою решимость продолжать войну до полной победы» (Т. III. С. 76).

«В начале ноября (по новому стилю), – повествует сэр Бьюкенен, – последовало открытие только что преобразованного Англо-Русского Общества. Когда мне пришлось выступить, я воспользовался случаем, чтобы показать, как германофильская партия в России старалась восстановить общество против Великобритании, изображая дело так, как будто бы мы

вовлекли Россию в войну, и обвиняя нас в желании бесконечно затягивать ее в целях эксплуатации России и обеспечения себе мирового господства. Указав на то, что вся эта ложь распространяется с тем, чтобы подорвать наш союз и подготовить почву для преждевременного мира, я заключил свою речь следующими словами: “Не только на полях сражения нужно довести войну до победного конца, победа должна быть одержана над врагом и в наших стенах”» (Т. II. С. 25).

Несколько дней спустя, 1 ноября <1916 года> собралась Государственная Дума, в которой Милюков выступил с обвинениями, явно направленными против Штюрмера, а в скрытом виде – против Императрицы.

«Чтобы подкрепить свое обвинение в измене, – записывает Палеолог, – Милюков приводит провокаторскую роль полиции в стачках на заводах, работающих на оборону, на секретную переписку с Германией, на беседу Протопопова с немецким агентом Варбургом в Стокгольме... на злоупотребления в деле Мануйлова... и делает заключение: “Если меня спросят, почему я поднимаю эти вопросы во время войны, то потому, что министерство Штюрмера представляет опасность во время и для продолжения войны. Значит, мы должны бороться, пока не будем иметь министров, достойных нашего доверия”» (Т. III. С. 88).

Эта речь, – в которой он далее по адресу правительства ставил вопрос: «это глупость или измена?», – была пропитана неправдою. Не было ни измены со стороны Штюрмера, ни провокаций полиции. Переписка с Германией выразилась лишь в письмах, привезенных самовольно фрейлиной Васильчиковой от Великого герцога Гессенского, которые с неодобанием были отвергнуты Государем, и в письме графа Эйленбурга к графу Фредериксу, оставленном без ответа; свидание Протопопова – избранника Думы, бывшего, по словам Верстрата, в «лучших отношениях с Милюковым» – не имело никаких последствий.

Речь Милюкова следует считать исторической. Клевета, обвиняющая все правительство, действовавшая до того времени лишь исподтишка и брошенная перед всей Россией с высоты Государственной Думы, сделала свое злое дело... Она была наиболее живучим и ядовитым семенем, из которого выросла революция. И если взятие Бастилии отмечает начало Великой французской революции, то 1 ноября знаменует начало русской. Если это может доставить удовольствие Милюкову, то он может гордиться... славою Герострата!

Не без влияния, конечно, осталась и речь английского посла, недавнего почетного гражданина города Москвы. Возведенные им обвинения не были подкреплены никакими данными, что можно доказать собственными же словами Бьюкенена:

«Штюрмер сказал мне, что он собирается привлечь Милюкова к судебной ответственности за речь, в которой тот укорял его в измене; он обратил мое внимание на два следующих отрывка из нее: “Для того чтобы раскрыть все пути и средства германской пропаганды, о которой нам недавно так откровенно говорил сэр Д. Бьюкенен, мы должны произвести законное расследование...” “Вот почему я (Милюков) не был удивлен, когда услышал из уст британского посла веское обвинение против некоторой группы людей, желающих подготовить путь к сепаратному миру...”»

«...Штюрмер спросил Бьюкенена, кто такие были руководители антибританской кампании. Когда я сказал, что именно это я и стараюсь узнать, он просил меня уведомить его, как только я получу какие-нибудь достоверные сведения» (Т. II. С. 26).

Из мемуаров сэра Джорджа не видно, чтобы эти сведения были им доставлены...

Итак, английский посол в публичной речи бросает, так сказать, на улицу неподкрепленные никакими данными сведения, компрометирующие в туманной форме русское правительство, прося впоследствии у того же правительства доставить ему эти данные, а член Государственной Думы, играя словами этого самого посла, уже открыто обвиняет главу правительства в предательстве. Что это? Приходится спросить и нам...

В то же время в обществе широко распространяется приводимое Палеологом письмо председателя Союза земств и городов князя Львова к председателю Думы Родзянко.

«Наше внутреннее положение с каждым днем делается все более трудным. Действия правительства, непоследовательные и несогласованные, еще более увеличили общую дезорганизованность государства. Народ приходит в отчаяние и возмущается. Постоянная перемена министров парализовала власть. Но это не все... Страшное подозрение, слухи об измене, возмутительные рассказы распространяют убеждение, что рука неприятеля тайно проникает в наше общественное дело. Это убеждение подтверждается непрерывными слухами, изображающими правительство, как уже готовое заключить сепаратный мир. Представители земского Союза с негодованием отбрасывают идею позорного мира; они признают, что патриотизм и честь обязывают Россию продолжать войну до победы в единении с союзниками. Они глубоко веруют в победу нашей героической армии, но должны, однако, признать, что главная опасность идет не извне, а изнутри. И поэтому они решаются поддерживать Думу в ее усилиях создать правительство, способное вызвать усилие всех средств страны. Великая Россия даст свою поддержку народному правительству» (Т. III. С. 89).

Это выступление не лучше ранее приведенных. Хотя и в замаскированной, но достаточно прозрачной форме правительству приписывается измена и готовность заключить сепаратный мир, о чем правительство никогда и не помышляло и что Государь неоднократно публично высказывал... а поэтому долой старое правительство и да здравствуют кадетские министры под ферулой князя Львова.

Наконец, Гучков пишет генералу Алексееву письмо, копия которого в тысячах экземплярах распространяется в тылу и в окопах:

«Народ и армия одинаково верят, что если Штюмер еще не изменил, то он готов это сделать. Не ужасно ли думать, что все секреты нашей дипломатии в руках этого человека? Возмутительная политика, которой он является орудием, грозит нам потерю всех наших военных успехов...» (Т. III. С. 90).

Под влиянием всех приведенных обстоятельств Штюмер пал.

Штюмеру и приписываемой ему измене здесь отведено как будто бы слишком большое место. Однако это было необходимо для выяснения личности Государя, что составляет предмет настоящего этюда. Если бы Штюмер был тем изменником, каковым изображало его общественное мнение или, вернее, действующая за его спиной революционная пропаганда, то нельзя было бы не упрекнуть Государя за то, что он держал около себя такого человека, хотя бы по одной только причине неумения разбираться в людях. Но дело в том, что Государь знал, что Штюмер не предатель, и понимал, что это приписывалось ему с целью отвести от власти человека, по тем или иным соображениям преданного идее неприкосновенности власти Государя, единственно способной довести войну до конца, в чем Государь видел в данное время цель своей жизни. К тому же Государь не мог не понимать, что легенда об измене Штюмера была одним из звеньев кампании, обнимавшей и Императрицу, и направленной к его, Царя, дискредитированию в целях захвата власти.

* * *

Вместо Штюмера председателем Совета министров был назначен министр путей сообщения А.Ф. Трепов, а министром иностранных дел – государственный контролер Н.Н. Покровский. Первого Палеолог характеризует «энергичным, умным и методичным» (Т. III. С. 98)¹, а Бьюкенен Покровского – «либеральным, уважаемым и умным». Оба эти назначения Бьюкенен называет «весьма удачными» (Т. II. С. 27).

Первейшей заботой Трепова было удаление из среды правительства Протопопова и более яркое выявление нашей политики в смыс-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. V. Румыния вступает в войну. Запись «Пятница, 22 сентября».

ле единения с союзниками и решимости довести войну до победного конца.

В первом вопросе в первые же дни своего министерства Трепов терпит у Государя неудачу; по поводу же второго он высказывает Палеологу, что «в Думе правительство бесповоротно обяжется продлить войну до разгрома Германии. Оно сожжет свои мосты» (Т. III. С. 104)¹.

Произнесенная новым председателем Совета (19 ноября / 2 декабря) в таком смысле декларация была встречена сочувственно в Думе, заявление же, которым он закончил свою речь, о предоставлении нам союзниками Константинополя, принимается равнодушно и как бы падает в пустую залу.

По этому поводу Палеолог записывает: «Часть министерской декларации, касающаяся Константинополя, не вызвала в публике большего отзвука, нежели в Думе. Это впечатление равнодушия и изумления, как будто бы Трепов выкопал старую утопию, когда-то лелеемую, но уже давно позабытую. Вот уже несколько месяцев, что я наблюдаю в народной душе это постоянное исчезновение византийской мечты; ее прелесть исчезла... Отказаться от своих мечтаний, отказаться от того, что преследовал, чего страстно жаждал, наслаждаться даже с какой-то горькой и едкой радостью своим разочарованием – как это по-русски!

Г-жа Х. мне говорила сегодня вечером:

“Правительственная декларация нелепа. Никто уже более не думает о Константинополе. Это было прекрасное безумие, но только безумие. И когда вылечиваешься от безумия, к нему более не возвращаются, а делают другое”» (Т. III. С. 107)².

И в то же время, когда избранник Государя А.Ф. Трепов, может быть и не симпатичный так называемой общественности, но ничем не опороченный, стремился к осуществлению многовековой мечты русского народа, русское общество уже утратило пафос войны; ни исполнение завещания Великого Петра, ни крест на Святой Софии его не интересовали, интересовала его только революция, которой оно хотело и боялось, боялось и хотело.

А Государь, «слабовольный Государь», гордо держал курс своего корабля в непоколебимой решимости, подобно своим духовным предкам, «повесить свой щит на ворота Цареграда»...

В приказе по армии и флоту от 12 декабря 1916 года указано:

«Время (для мира) еще не наступило, враг еще не изгнан из захваченных областей. Достижение Россиию созданных войной задач, обладание

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VI. Убийство Распутина. Запись «Четверг, 30 ноября».

² Там же. Запись «Понедельник, 4 декабря».

Цареградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее разрозненных областей – еще не обеспечено».

Государь еще верил в свою задачу и в свой народ.

* * *

13/26 ноября Палеолог заносит в свой дневник: «Некрасов, Милюков, Шингарев и Коновалов пришли к заключению, что наступил, быть может, час, конечно, не для свержения Императорского режима, но для организации поражающей манифестации, которая, смутив Царя, заставила бы его отказаться от самодержавных прерогатив и побудить создать свободное правительство» (Т. III. С. 100).

Однако «друзья слева» думали не так.

«Социалистическая группа, – сообщает Палеологу его осведомитель, – проявляет все более увеличивающуюся склонность действовать независимо от Думы и организовать программу действий вне легальных путей. Чхеидзе и Керенский повторяют: “Кадеты ничего не понимают в пролетариате. С ними нечего делать”. В настоящий момент главари сосредоточивают свою деятельность главным образом на армии, объясняя ей, что в ее интересах соединиться с рабочими, чтобы обеспечить крестьянству, из которого она главным образом происходит, торжество аграрных вожделений. Поэтому распространяют в казармах в изобилии брошюру на классическую тему: “Земля принадлежит земледельцу”, она принадлежит ему по праву, а следовательно, без выкупа; не покупают собственности, которой незаконно были лишены. Только революция может осуществить это огромное социальное восстановление нарушенных прав.

Посол спрашивает передавшего ему эти сведения, имеет ли учение “пораженчества” пресловутого Ленина, укрывавшегося в Женеве, распространение в армии.

“Нет, – отвечает он, – эти доктрины поддерживаются здесь только несколькими полоумными, которых подозревают в том, что они на содержании у Германии... или охраны”» (Т. III. С. 114)¹.

И в то же время, когда легенда о провокации охраны принималась многими с доверием, удивлялись запрещению правительством съезда в Москве Союза земств и городов, съезда, деятели которого лишь незадолго перед тем бросили в народ приведенный выше революционный выкрик... Впрочем, запрещение не помешало Союзу продолжить свое дело изданием следующей прокламации: «Наше спасение – в глубоком сознании нашей ответственности перед отечеством. Когда власть делается препятствием на пути к победе, ответственность за судьбы Рос-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VI. Убийство Распутина. Запись «Понедельник, 18 декабря».

сии падает на всю страну. Правительство, сделавшееся орудием тайных сил, ведет Россию к гибели и потрясает Императорский престол. Надо в один из наиболее грозных часов нашей истории создать правительство, достойное великого народа. Пусть Дума в решительной борьбе, ею принятой, оправдает чаяния страны! Нельзя потерять ни одного дня!» (Т. III. С. 126–127)¹.

Под влиянием всех этих выступлений, по словам одного из друзей посла, в Москве «в салонах, в магазинах, кафе открыто говорят, что “Немка” (Императрица) погубит Россию, что ее надо заточить как сумасшедшую. Относительно Государя не стесняются говорить, что он хорошо бы поступил, если бы задумался о судьбе Павла I» (Т. III. С. 118)².

И вот, весь этот ужас, который творится около престола, побуждает Палеолога формулировать более точно характеристику тех личностей, против которых направлено народное негодование.

«Что политика России направляется камарильей Императрицы, не подлежит сомнению. Но кто же руководит этой камарильей? Откуда она черпает свою программу и направление? Конечно, не от Императрицы. Публика, которая любит простые идеи и обобщения около личностей, не точно судит о роли Императрицы; она ее преувеличивает и извращает. Александра Феодоровна слишком импульсивна, слишком способна заблуждаться, слишком неуравновешенна, чтобы создать политическую систему и приводить ее к осуществлению, она – политическое и всемогущее орудие заговора, который я постоянно чую вокруг себя; она не более как орудие. Также и личности, которые суетятся кругом нее, – Распутин, Вырубова, генерал Воейков, Танеев, Штюмер, князь Андронников и тому подобные – только исполнители, статисты, послушные интриганы и манекены. Министр внутренних дел Протопопов, который кажется более значительным, обязан этой иллюзии лишь перевозбуждению своих мозговых оболочек. За его экспансивными фанфаронадами и шумною деятельностью нет ничего, кроме напряжения спинного мозга. Это мономан, которого скоро посадят под замок.

В таком случае, кем же руководится камарилья Царского Села?

Я напрасно допрашивал тех, которые казались мне более способными удовлетворить мое любопытство. Я получил только ответы неопределенные и противоречивые, гипотезы, подозрения³.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VI. Убийство Распутина. Запись «Пятница, 29 декабря».

² Там же. Запись «Суббота, 23 декабря».

³ Выделено нами. – Авт.

Если бы я, однако, был вынужден¹ сделать вывод, я сказал бы, что пагубная политика, за которую Императрица несет ответственность перед историей, внушается ей четырьмя лицами: председателем крайней правой группы Государственного Совета Щегловитовым, Петроградским митрополитом Питиримом, бывшим директором Департамента полиции Белецким и, наконец, банкиром Манусом. Вне этих четырех лиц я вижу лишь игру сил сокрытых, коллективных, разбросанных, иногда бессознательных, которые выражают, может быть, исключительное вековое воздействие самодержавия, его инстинкт самосохранения, все, что остается в нем жизненного от приобретенного движения (*vitesse acquise*²). В вышеупомянутом квартете я придаю специальное значение банкиру Манусу; он обеспечивает связи с Берлином. Это через него Германия проводит и осуществляет свои интриги в русском обществе; он раздатчик немецких субсидий» (Т. III. С. 110–111)³.

На этом месте записок французского посла приходится особенно остановиться, так как в нем наиболее определенно выражается мысль, красною нитью проходящая через три тома его капитального и замечательного по своей искренности труда. И что же мы видим? Палеологу ничего определенно неизвестно, он только *чувет*⁴. И чутье, по самой природе своей способное ощущать явления лишь в смутных очертаниях, а не в определенных представлениях, его не обманывает: кругом Императрицы действительно творилось темное дело всемирного «заговора», характер которого, быть может, далее выяснится.

В то же приблизительно время посол высказывается о Государе: «Кто-то сказал, что у Цезаря были “все пороки и ни одного недостатка”. У Николая II нет ни одного порока, но у него был наихудший недостаток для самодержца: отсутствие личности. Он всегда подчиняется. Его воля всегда связана, взята врасплох или подчинена. Она никогда не проявляется действием непосредственным и самопроизвольным» (Т. III. С. 101).

Приведенная оценка не совпадает с характеристикой другого иностранца, бывшего Президента Французской Республики Э. Лубэ, приведенной С.С. Ольденбургом в его «Слове памяти Государя»⁵: «Обычно видят в

¹ Выделено нами. – *Авт.*

² Достигнутая скорость (*фр.*).

³ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VI. Убийство Распутина. Запись «Воскресенье, 10 декабря».

⁴ Выделено нами. – *Авт.*

⁵ Ольденбург цитирует слова Лубэ из книги: Ch. Maurras: «Kiel et Tanger». С. 90. – *Авт.*

Императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, незащищенного против влияний и давлений. Это глубокая ошибка! Он предан своим идеям, он защищает их с терпением и упорством; он имеет задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает. Под видимостью робости, немного женственной, Царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает, куда идет и чего хочет».

Государь в рассматриваемом периоде имел одну основную идею: довести войну до конца, и проводил ее «с терпением и упорством». Для осуществления этой идеи он считал необходимым во время войны сохранить свою власть и поэтому не прибегать к каким бы то ни было коренным реформам, и это тоже осуществлял «с терпением и упорством». Говорили, что он совершал это под давлением Императрицы по слабости своей воли, но кто может доказать, что он творил не то, чего он хотел сам, а то, что ему навязывали? Почему нельзя допустить, что стремления и воли обоих Царственных супругов просто совпадали?

Во всяком случае в то время, когда русское общество уже «устало», Государь с изумительной стойкостью продолжал идти по намеченному пути. Вышеупомянутый приказ от 12 декабря он кончает словами: «Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный ваших героических подвигов, славные войска мои, — мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память».

По поводу приведенного приказа Палеолог говорит: «Это благородное и смелое выступление не может не отозваться в национальном сознании. Тем не менее, оно оставляет во мне чувство беспокойства, Государь слишком рассудителен, чтобы не отдавать себе отчета, что Румынский фронт отнимает у него все шансы овладеть Константинополем и что его народ давно отказался от византийской мечты. Тогда для чего же этот торжественный призыв к проекту, тщетность которого он лучше всех знает? Говоря так, не хотел ли он реагировать против недоброжелательства, которое выявляется к нему среди самых преданных слуг Династии? Или, наконец, чувствуя свою гибель и “оставленный Богом”, он пожелал выразить в торжественном акте нечто вроде политического завещания, мотивы величия и национального достоинства которого оправдали бы его в том, что он возложил на русский народ испытание этой войны?» (Т. III. С. 120)¹.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. VI. Убийство Распутина. Запись «Понедельник, 25 декабря».

Если беспокойство Палеолога навеяно на него «миазмами Петрограда», то выводы его, явившиеся последствием его личных впечатлений, как всегда верны в признании благородства побуждений Императора Николая.

* * *

17/30 декабря произошло убийство Распутина. Подробности этого убийства – вне темы настоящего этюда. Отметим лишь, что этот «хирургический» прием не принес никакой пользы. Вот как оценивает это событие Бьюкенен: «Убийство Распутина, хотя и подсказанное патриотическими побуждениями, было роковой ошибкой. Оно сделало Государыню еще более непримиримой и подало опасный пример, побуждая многих приводить свои замыслы в исполнение. Помимо этого, оно затруднило Государю возможность пойти на уступки, даже если бы он намеревался это сделать, так как его могли заподозрить в том, что он уступает из боязни быть убитым» (Т. II. С. 31).

Во всяком случае, это убийство крайне обострило уже без того тяжелые отношения между Государем и остальной Императорской Фамилией, ставшей в защиту высланного за участие в убийстве на Персидский фронт Великого князя Дмитрия Павловича.

Так или иначе, Распутин перестал существовать, и здесь следует подвести итог его деятельности в той области, которая нас интересует, а именно, был ли он немецким агентом? В подтверждение этого предположения Палеолог фактов не привел, а Бьюкенен так формулирует свое заключение: «Распутина также обвиняли в том, что он подкуплен немцами, – обвинение, которое, сказать по правде, не было основательным. Он не состоял в непосредственной связи с Германией и не получал денег непосредственно от немцев, но его широко финансировали некоторые еврейские банкиры, которые, по всей видимости, были немецкими агентами. Так как он имел привычку повторять перед этими еврейскими друзьями все то, что он слышал в Царском, и так как Государыня советовалась с ним по всем военным и политическим вопросам, многие полезные сведения доходили до немцев таким косвенным путем» (Т. I. С. 178).

«Я не думаю, – говорил Жильяр, – чтобы Распутин был в прямом значении этого слова наемным агентом Германии» (С. 353)¹.

Итак, в доказательство того, что Распутин был немецким агентом, иностранцы подтверждающих данных не приводят, что не мешало тому, что

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XIV. Политическое напряжение. – Смерть Распутина.

около Распутина ходило много баснословных рассказов, о чем после посещения Швейцарского посланника свидетельствует тот же Жильяр: «Я никогда до этого свидания не подозревал ту важность, которую приписывали не только в русских кругах, но и в посольствах и миссиях Петрограда политической роли Распутина. Ее значение сильно преувеличивалось» (С. 106–107)¹.

А сводилась эта роль к тому, что под влиянием Распутина Императрица изменяла России.

Это обвинение против Императрицы ныне опровергнуто как чрезвычайной следственной комиссией, учрежденной Временным правительством, так и опубликованными письмами Государыни, и поэтому по первому впечатлению, казалось бы, что не стоит им и заниматься, но это не совсем так.

Распространяемые об измене Императрицы слухи от светских салонов до полицейских участков, от учебных заведений до трактиров и кабаков, от штабов до окопов вселяли такой разврат как в высших слоях общества, так и в простонародье, что в них следует видеть если не главную причину, то во всяком случае главнейший предлог для революции.

Нельзя в данном случае не сослаться на авторитет Главнокомандующего «вооруженными силами на Юге России» генерала Деникина, который в своей книге «Очерки русской смуты»² (Т. I. Вып. 1. С. 17–18) высказывает следующее: «Но наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово “измена”... В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании Императрицей сепаратного мира, предательстве ее относительно фельдмаршала Китченера, о поездке которого она якобы сообщила немцам, и так далее. Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии этот слух об измене Императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии и в отношении ее к Династии и революции».

То обстоятельство, что Императрица ныне очищена от возведенной на нее клеветы, не уничтожает того факта, что приписываемая ей легендой «измена» владела обществом того времени и являлась самодовлеющим

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. X. Первые шесть месяцев войны.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Париж, 1921; Т. 2. Париж, 1922; Т. 3. Берлин, 1924; Т. 4. Берлин, 1925; Т. 5. Берлин, 1926.

фактом, значение которого не может не быть предметом изучения исследователя той эпохи.

Так как на вопрос о роли Распутина как немецкого агента мы не нашли ответа у иностранцев, то обращаемся к русским источникам.

В № 119 от 12 сентября 1924 года издающейся в Париже газете «Вечернее время» напечатана статья, подписанная Григорием Гирчицем¹, почетным мировым судьей, бывшим военным следователем по особо важным делам штабов главнокомандующего Деникина и Врангеля. По его свидетельству, по интересующему нас вопросу имеется исчерпывающий материал в работах «Чрезвычайной комиссии для расследования злоупотреблений министров и других высших чинов Империи». Председательствование в Комиссии социалиста большевистского оттенка адвоката Муравьева и бдительный контроль над ее работами со стороны Петроградского совдепа и толпы разнокалиберных интернационалистов, при традиционно честной работе русских судебных чинов, сделали результаты работы Комиссии бесспорными. Комиссия обладала исключительными возможностями для выяснения истины, и отдельное лицо, в особенности частное, никогда и ни при каких обстоятельствах не может располагать бывшими в ее распоряжении материалами и средствами. «До конца сентября 1917 года я заведовал 27-й следственной частью Комиссии, где были сосредоточены все указания, даже малейшие, на измену со стороны представителей власти в Империи и даже членов Царствующей Династии. Все указания были проверены с исчерпывающей полнотой, полным беспристрастием...»

И что же оказалось?

«Среди близких к Царской семье было мало людей верноподданных в благородном значении этого слова, но не было и изменников. Распутин, этот умный, с огромной волей подтаежный мужик, после многолетнего аскетического стажа сбитый с толку петербургским высшим советом, не был шпионом и изменником. В последние годы своей жизни он сделался негодяем, был и предателем – но только чести своих чистых душою державных покровителей, видевших в нем верного выразителя чувств “простого” народа и человека, одаренного свыше таинственной и благодатной

¹ В томе XI «Архива Русской Революции» появились воспоминания сенатора С.В. Завадского, состоявшего товарищем председателя (Муравьева) упомянутой Чрезвычайной комиссии. Завадский безусловно отрицает всякую причастность Императрицы к «измене», а о Гирчице говорит как об оставившем в его душе «самую лучшую о себе память как о деятеле и человеке» (С. 50). Заподозрить С.В. Завадского в особой слабости к старому режиму, и в частности к Императрице, довольно трудно, так как при таких свойствах не пригласил бы его Керенский на такую роль. – *Авт.*

силой. Не был Распутин и дельцом, а с какой-то точки зрения, его можно считать и “бессребреником”».

Гораздо более подозрительно относится к Распутину судебный следователь Соколов в своей книге, излагающей произведенное им следствие об убийстве Царской семьи¹. В этой книге, ссылаясь главным образом на князя Юсупова и Керенского, в свою очередь ссылающегося на бывшего министра внутренних дел А.Н. Хвостова, он указывает на связь Распутина с группой лиц, несомненно подозрительных в смысле своей деятельности, на разрушение России направленной, и в том числе с какой-то организацией «зеленых», действовавших в интересах врагов России в Швеции.

Вот что говорит князь Юсупов: «Мне все же кажется, что, являясь агентом немцев, он в своей политической деятельности не был вполне сознательным для самого себя и до известной степени поступал бессознательно в своей губительной для России деятельности».

Заключение агента, приставленного для наблюдения за Распутиным военными властями, сводится к следующему: «Ему было ясно, что его (Распутина) квартира и есть то место, где немцы через свою агентуру получали нужные им сведения, но (он) должен сказать по совести, не имел основания считать его немецким агентом. Он был безусловный германофил» (С. 80).

Керенский заявляет на следствии: «Что Распутин был немецкий агент или, правильнее сказать, что он был тем лицом, около которого работали не только германофилы, но и немецкие агенты, это для меня не подлежит сомнению» (С. 80).

Вот, в сущности, весь фактический материал, указывающий на связь Распутина с немцами. Насколько он оказался им полезным как осведомитель, не выяснено; не выяснено также, насколько он был использован ими в качестве проводника немецких чаяний и вожделений.

Однако существенно важным представляется то обстоятельство, что «А.Н. Хвостов, по словам В.А. Маклакова, даже сильно возбужденный против Государя, ни на минуту не допускал мысли, что Императорская чета могла бы иметь соприкосновение с германской интригой; он рядом соображений и фактов это энергично отрицал» (С. 79).

Оценивая значение Распутина, в смысле немецких происков, мы, по видимому, будем гораздо ближе к истине, последуя словам Жильяра: «Распутин, конечно, был страшным орудием в руках Германского генерального штаба, который, имея полный интерес продлить жизнь столь драгоценного союзника, окружил его шпионами, бывшими, вместе с

¹ Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. Берлин: Слово, 1925.

тем, и его охранителями. Немцы нашли в нем превосходное средство, чтобы компрометировать Двор, и широко это средство использовали» (С. 153)¹.

Дело, конечно, было не в Распутине; удар был направлен на Императрицу. «Наихудшие инсинуации распространялись на ее (Императрицы) счет и встречали доверие даже в кругах, которые до того времени отбрасывали их с презрением... Не удовлетворялись нападками, направленными против частной жизни Императрицы, но ее открыто обвиняли в германофильстве и давали понять, что ее симпатии к Германии могли стать опасностью для страны. Слово “измена” не было еще на устах, но намеки, полные недомолвок, показывали, что подозрение внедрилось уже в сознание многих. Я знал, что это было результатом немецких пропаганды и интриг... Берлинское правительство уже осенью 1915 года дало себе отчет, что оно никогда не справится с Россией, пока она объединена со своим Царем, и с того времени оно имело только одну мысль: вызвать революцию, которая привела бы к падению Николая II. В виду трудностей, которые оно встречало к нападкам непосредственно на Царя, немцы направили свои усилия против Императрицы, начав исподтишка против нее кампанию диффамации, очень искусно веденную, которая не замедлила принести свои плоды. Не отступали ни перед какой клеветой. Прибегнули к классическому приему, уже ведомому истории, который заключается в нападках, направленных на монарха в лице его супруги; действительно, легче повредить репутации женщины, в особенности если она иностранка. Понимая всю выгоду, которую можно было извлечь из того положения, что Императрица была немецкой принцессой, пытались ловкими провокациями создать о ней представление как об изменнице России. Это был лучший способ скомпрометировать ее в глазах нации. Это обвинение встретило благоприятный прием в некоторых русских кругах и обратилось в страшное орудие против династии» (С. 142–144)².

Все приписывали Императрице огромное влияние на ее державного супруга. Если бы она стояла за сепаратный мир с целью спасти от окончательного разгрома свою прежнюю родину, то, конечно, употребила бы на это свое влияние. Государь до последнего дня своего царствования

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XIV. Политическое напряжение. – Смерть Распутина.

² Там же. Гл. XIII. Государь и Дума. – Галицийская кампания. – Наша жизнь в Ставке. – Растущее недовольство в тылу.

стоял за продолжение войны и даже уже в плену у большевиков в Тобольске говорил, что не отрекся бы от престола, если бы знал, что это может привести к окончанию нашей борьбы с немцами, и тогда в первый раз пожалел о своей жертве. Какой из этого следует сделать вывод? Или тот, что Государь вовсе не так уж был послушен воле своей жены, как это говорили, или что влияние Императрицы в данном случае не проявлялось в том смысле, которое ей приписывали. Трудно допустить, чтобы столь дружные супруги расходились в таком кардинальном вопросе. Из сопоставления всех приведенных фактов совершенно ясно, что Императрица никогда сторонницей сепаратного мира не была.

Что касается вожделений немцев узнавать через Распутина тайны нашей политики и военных планов, то, может быть, к этому и делались попытки. Допуская даже, что кое-что Распутин мог слышать (хотя что мог он секретного слышать из неподлежащего оглашению?), разбалтывать в пьяном виде, нельзя одного не признать, что это зло было неизмеримо меньшим, чем распространение в обществе слухов, что Распутин, близкий к Императрице человек – немецкий агент: вера в такую возможность революционировала страну, а революция в России была в то время единственной надеждой немцев.

«Я часто мечтал, – говорит Людендорф в своих «Воспоминаниях о войне», – об осуществлении русской революции, которая должна была облегчить наше военное положение. Непрестанная химера! Ныне она совершилась неожиданно. Я почувствовал себя облегченным от громадной тягости!» (Жильяр. С. 157).

«Большая публика, – прибавляет от себя Жильяр, – не отдавая себе отчета, сделалась послушным агентом немецких интриг» (С. 159)¹.

Русское общество того времени не сумело понять, что немецкая интрига, губившая репутацию Императрицы, вместе с нею губила и Россию.

Девятый вал накатывался на нашу Родину.

В начале 1917 года Палеолог отмечает в своем дневнике о доходящих до него слухах о брожении, начавшемся против Государя в среде Императорской Фамилии, ведущем к его низложению (Т. III. С. 137, 138, 155).

И немудрено после этого, что когда посол представляется Государю 25 декабря / 7 января, он поражен «усталым видом Царя, его выражением сосредоточенным и удрученным», который все еще находит в себе силы сказать: «Я все еще упорно стою на том, чтобы продлить войну до побе-

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XV. Революция. – Отречение Николая II.

ды, до победы решительной и окончательной!» (Т. III. С. 148)¹. И при этом Государь знал о всем, что около него творилось (Т. III. С. 162).

Помимо всех приведенных затруднений, положение Государя осложнялось, может быть, еще и образом действий английского посла. Как было указано в начале настоящего этюда, многие обвиняли Англию в том, что она вовлекла Россию в мировую войну. Это обвинение разрешалось лишь словами: «*Cui prodest?*»² Обвинения шли и дальше: большое число лиц утверждало и утверждает, что Англия способствовала нашей революции. Какие могли быть у нее к этому побуждения? В конце 1916 года военное положение России значительно улучшилось. Армия была снабжена снарядами в изобилии. Противник изнемогал. Даже без активных с нашей стороны выступлений война близилась к своему концу, и Россия должна была пожать плоды своих трехлетних жертв и усилий. Константинополь, дверь в Индию, был нам обещан. Приближалось ультимо³ для оплаты по векселю. Платить по этому векселю было неприятно. Почему бы не поставить кредитора в такие условия, чтобы он оказался в невозможности предъявить свои законные требования? «*Cui prodest?*» На этот вопрос многие отвечали – Англии. Если действительно Англия делала такую политику, то вольным или невольным проводником ее являлся сэр Джордж Бьюкенен. Было уже указано, что воспоминания сэра Джорджа производят впечатление обратное, так как в них демонстрируются его живые симпатии к России, но, быть может, личные чувства Бьюкенена – одно, а порученная ему политика – другое.

По этому поводу около года тому назад между вдовой покойного Великого князя Павла Александровича, княгиней Палей и бывшим английским послом возгорелась на страницах «*Revue de Paris*»⁴ острая полемика, в которой княгиня обвиняет сэра Джорджа в способствовании нашей революции, а он против этих обвинений защищается. В последних главах своих воспоминаний Бьюкенен тоже старается оправдать себя в взводимых на него обвинениях. Нельзя не признать, что его оправдания не слишком убедительны и скорее производят впечатление, что «*qui s'excuse s'accuse*»⁵, а сэр Джордж, пользуясь термином нашей старой юриспруденции, «остаётся в сильном подозрении».

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VI. Убийство Распутина. Запись «Воскресенье, 7 января».

² Кому выгодно? (лат.)

³ Последний установленный день по оплате состоявшейся сделки.

⁴ «Парижское обозрение» (фр.).

⁵ Кто оправдывается, тот сам себя обвиняет (фр.).

Здесь не место заниматься этим вопросом, который завлек бы нас слишком далеко, отмечаем его потому, что образ действий Бьюкенена в рассматриваемом периоде внушал многим сомнение и поэтому, в конце концов, определял к нему и отношение Государя. К этому необходимо присовокупить, что, как это уже было отмечено выше, Государь вообще был хорошо осведомлен и кроме того обладал особою интуицией в том, как люди к нему относились.

12 января сэр Джордж был принят Государем.

«Во всех предшествующих случаях, — повествует посол, — Его Величество запросто принимал меня у себя в кабинете, просил садиться и, протягивая портсигар, предлагал закурить. Поэтому я был неприятно поражен, когда на этот раз меня ввели в приемную и я застал Его Величество ожидавшим меня, стоя посреди комнаты».

Несмотря на такой холодный прием, посол решается высказать Государю свои мрачные взгляды на положение и о необходимости поставить во главе правительства сильного человека. Государь с этим соглашается. Бьюкенен, однако, делает оговорку, чтобы стойкость этого лица «не проявлялась в усилении репрессивных мер или в том, чтобы мешать прекрасной работе земств». Воздавая должное земствам за услуги, оказанные ими во время войны, Государь ответил, что он порицает поведение и политическую деятельность некоторых их лидеров. Посол старался защищать их, указывая, что «если они и заблуждались, то руководились только чрезмерным патриотизмом», но его защита осталась без успеха. Очевидно, восхваление земств после их недавних чисто революционных выступлений не могло не поразить неприятно Государя, но апогея своей бестактности сэр Джордж достигает следующим выпадом: «Ваше Величество, разрешите мне сказать вам, что вы имеете перед собою только один верный путь — уничтожить преграду, отделяющую Вас от Вашего народа и снова заслужить его доверие»¹.

«Выпрямившись и твердо взглянув на меня, Государь спросил:

— Думаете ли Вы, что я должен заслужить доверие моего народа или что он должен снова заслужить мое доверие?» (Т. II. С. 36–37).

Нужно удивляться сверхчеловеческой сдержанности Монарха, который мог спокойно выслушать эту уже прямо дерзкую выходку зарвавшегося англичанина.

1/14 января новогодний прием в Царском Селе.

«Николай II появляется, как всегда, любезный и простой, даже с обликом развязности², но бледное и исхудалое лицо выдает природу его

¹ Выделено нами. — *Авт.*

² *Affectant même l'air dégagé.* — *Авт.* — Точнее: «даже стараясь быть непринужденным». — *Ред.*

тайных помышлений» (Палеолог. Т. III. С. 164). Таким же мы видим его 21 января (3 февраля), три недели спустя, за парадным обедом в Царском Селе, данном лорду Мильнеру, Думергу, генералу Кастельно и другим, когда для каждого из них он находит любезное слово (Там же. Т. III. С. 185)¹.

Какой героической силой самообладания владел этот так называемый «слабый» человек, и как мелки и ничтожны оказались перед ним будущее властелины России князья Львовы и Керенские, выдохнувшиеся через месяц пребывания у власти.

К концу 1916 года силы таинственного «заговора» развернулись во всю свою ширь. Движимая ими оппозиция закусил удила и слепо и упорно, в угоду Людендорфу, потянула Россию в бездну.

В столице не хватало хлеба. Начинаются волнения в хвостах у булочных, скоро перешедшие в демонстрации.

Все бывшие в то время в Петрограде должны признать, что никакого голода в столице в то время не было. Бывал временами недостаток в хлебе, часто добывание его требовало значительной затраты времени, но всяких других питательных веществ, как то: капусты, картофеля, было вполне достаточно, и голода в прямом смысле этого слова никто не испытывал. Теперь известно, что в Берлине и других немецких городах продовольственное положение в то время было несравненно хуже, но народ терпел. Терпел бы его и наш народ, привыкший к терпению и всегда пассивно героический, вытерпевший и терпящий во сто раз худшее при большевиках, но были силы, которые не только не хотели, чтобы он терпел, но, напротив того, жаждали вызвать его неудовольствие, памятуя слова Редерера: «Ораторам стоит обратиться к голоду, чтобы достигнуть жестокости», а также выкрики «le boulanger et la boulangère»², послужившие боевым криком Французской революции.

Здесь кстати отметить, что много хлеба было задержано какими-то таинственными силами на станциях железной дороги средней полосы России, и стоило появиться у власти Временному правительству, как хлеб «Deus ex machina»³ появился на столичных рынках.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. VII. Конференция союзников. Записи «Воскресенье, 14 января», «Суббота, 3 февраля».

² «Пекарь и пекарша» (*фр.*) — прозвище Короля Людовика XVI и его супруги, данное им голодными взбунтовавшимися женщинами, считавшими, что снабжение продовольствием в Париже наладится, если туда из Версаля будет перемещен Король.

³ Бог из машины (*лат.*). В античных трагедиях развязка действия наступала вследствие вмешательства божества: актера, исполнявшего эту роль, спускали сверху при помощи механических приспособлений.

Уличные демонстрации, сначала мирные, скоро приобрели революционный характер.

Вновь назначенный вместо ушедшего со своего поста А.Ф. Трепова председателем Совета министров князь Голицын и командующий войсками генерал Хабалов совершенно растерялись. Вызванные для подавления беспорядков войска, своевременно неиспользованные, отказались стрелять и вскоре стали на сторону восставшего народа. Родзянко телеграфирует Государю, пребывающему в Могилеве, о том, что Династия в опасности. Образуется исполнительный комитет Государственной Думы; министры старого правительства арестованы.

Родзянко, Гучков, Шульгин и Милюков совершенно ошеломлены анархическим видом армии. «Не таковой они ожидали революцию; они надеялись руководить ею, сдерживая ее армию. Теперь войска не признают никакого начальства и распространяют ужас по всему городу», — сообщает Палеологу некий присланный к нему Родзянкой значительный чиновник Х., которому, в свою очередь, Палеолог говорит: «Если самодержавие падет, будьте уверены, что оно увлечет за собою в погибель все здание русской государственности» (Т. III. С. 227–228)¹.

Образуется Совет солдатских и рабочих депутатов, с которым исполнительный комитет Государственной Думы начинает работать «в тесном единении», то есть беспрекословно исполнять его волю. Постановляется решение, требующее отречения Государя от престола. Предъявить это требование командированы члены Государственной Думы Гучков и Шульгин.

Нет надобности останавливаться здесь подробно на обстоятельствах, непосредственно предшествовавших отречению Государя, так как тема эта уже достаточно разработана.

Гучков и Шульгин прибыли в Псков, где, по словам Палеолога, встретили у Государя «свойственный ему любезный и простой прием» (Т. III. С. 237)².

Оставленный всеми Государь согласился на отречение, но отказался сделать это в пользу сына, с которым не имел сил расстаться, а передал престол своему брату, Великому князю Михаилу Александровичу. Необходимо отметить, что этому решению предшествовал разговор Государя с лейб-медиком Федоровым, который на поставленный ему Государем вопрос ответил, что болезнь Наследника неизлечима.

Ни Гучков, ни Шульгин не сделали против этого никаких возражений.

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.—Пг., 1923. Гл. VIII. Революция. Запись «Вторник, 13 марта».

² Там же. Запись «Пятница, 16 марта».

2 марта 1917 года Государь Император подписал акт отречения, заканчивающийся следующими благородными словами: «Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России».

Государя много и долго осуждали за отречение за своего малолетнего сына, на что он не имел юридического и будто бы нравственного права. Находили, что автоматическое восшествие Цесаревича Алексея на престол, не оставляя такового ни на одну минуту вакантным, обеспечивало сохранение трона за Династией Романовых и тем предотвратило бы Россию от постигших ее анархии и гибели. Государя упрекали в том, что интересы Родины он эгоистически пожертвовал своим родительским чувствам.

Решение Государя действительно было юридически неправильно. Но можно ли в такие минуты требовать от человека холодного юридического мышления? Ведь никто, а в том числе и высоко в ту минуту ответственные Гучков и Шульгин, тоже не подумали об этом.

Было ли решение Государя эгоистическим?

В ту минуту, когда у человека вырывают все, чему он по мере сил и разумения служил всю свою жизнь, в чем он видел призвание свое, ниспосланное Божественным Промыслом, когда все и вся ему изменяет, когда путем неслыханного насилия ему от имени будто бы всей России говорят «уходи», тогда ему же ставят в упрек, что он не отдает им, этим людям, своего обожаемого сына, к тому же, по слабости своего здоровья неспособного царствовать. Где же, наконец, справедливость!

Нет, этой справедливости не было. Надо было доконать «*pollice verso*»¹ уже взятого в плен и выведенного из строя благородного бойца за честь и доблесть России. Ведь, по существу, то, в чем обвиняли Государя, не имело даже реального значения. Неужели серьезно можно поверить, что слабые, ничтожные люди, дорвавшиеся до власти, с первого же дня ставшие игрушкой Совета солдатских и рабочих депутатов, могли бы сохранить права малолетнего Цесаревича? Ведь мы видели, с какою легкостью они были вырваны у Великого князя Михаила Александровича.

Нет, справедливо говорит Палеолог, «акт его отречения, который он так долго обдумывал, вдохновлен самыми лучшими побуждениями, и его об-

¹ С повернутым пальцем (*лат.*). Считается, что это латинское выражение означало опущенный вниз большой палец – жест зрителей гладиаторских боев в Древнем Риме, призывающий добить поверженного гладиатора.

щий тон проникнут Царственным величием. И его моральное состояние при этих исключительных обстоятельствах кажется совершенно логичным, если допустить, как я это часто отмечал, что в течение уже многих месяцев несчастный Монарх признавал себя приговоренным, так как он уже давно принес себя в жертву и подчинился року» (С. 239)¹.

Указав в акте отречения на «тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы», Государь уже после отречения, 8 марта обратился с прощальным словом к своим войскам, в котором указывал: «Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель...»

Но этот патриотический призыв низложенного Государя Временным правительством к распространению не был допущен и в то время остался русскому народу неизвестным!

И в то время, когда благородный и уже лишенный власти Монарх призывает свой народ к исполнению своего долга, новая власть, обвинявшая его в неспособности довести войну до победного конца и во имя этого вырвавшая у него власть, уже бьет отбой.

Палеолог отмечает 7/20 марта: «Манифест Временного правительства опубликован сегодня утром. Это документ длинный, многословный, напыщенный, бесчестящий старое правительство, обещающий народу все благодеяния равенства и свободы. В нем едва говорится о войне».

Возмущенный посол идет объясняться к Милюкову, который в растерянности только просит дать ему время (Т. III. С. 256–257)². Тот самый Милюков, который обвинял Штюмерера и весь старый строй в измене союзникам!

По сведениям Палеолога, почерпнутым у Милюкова, Государь предполагал просить гостеприимства у Английского Короля. «Он должен бы поспешить, – говорит ему Палеолог. – В противном случае, бесноватые из Совета могут вызвать против него досадные осложнения».

Но Милюков «не думает, что жизнь Их Величеств была в опасности» (Палеолог. Т. III. С. 255–256)³.

На сделанное Бьюкененом представление Король Георг предложил Государю и Императрице гостеприимство на британской территории (Там же. С. 263)⁴.

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. VIII. Революция. Запись «Пятница, 16 марта».

² Там же. Запись «Вторник, 20 марта».

³ Там же. Запись «Понедельник, 19 марта».

⁴ Там же. Запись «Пятница, 23 марта».

Однако, по требованию большевиков, Временное правительство обязалось удержать в России низложенного Государя и, кроме того, был назначен особый комиссар, чтобы наблюдать за арестованной Императорской семьей. В своей позорной угодливости перед Советом правительство уверило его, что по соглашению с Бьюкененом оно даже воздержалось от передачи Царю приглашений Английского Короля» (Там же. С. 273)¹.

А каково было в то время видимое настроение арестованного в Царском Селе Государя?

«Государь по-прежнему поражает своим равнодушием и спокойствием... Он испытывает как будто бы какую-то мягкую атмосферу отдыха от Верховной власти» (Т. III. С. 298)².

Думается, что это была естественная реакция после его невыносимых переживаний, освященная необычайным христианским смирением, ярким примером чего является тот факт, что после заутрени в Светлый Христов Праздник Государь христосовался со своими тюремщиками.

Удивительная, исполненная благородства манера держать себя Государя покорила даже такого отъявленного врага самодержавия, как Керенский, который не один раз улавливал себя на том, что называл Государя «Государем» и «Ваше Величество» вместо хамски установленного правительством обращения «полковник».

После приведенной отметки 10/23 марта 1917 года мы в записках Палеолога более не встречаемся с фактами, так или иначе имеющими отношение к Царю и его семье, но нельзя не привести здесь преисполненного сарказма замечания его о создавшемся новом положении в противоположность старому:

«Что Россия обречена на федерализм – это вероятно. Она предназначена ему громадностью своей территории, различием рас, ее населяющих, возрастающей сложностью ее интересов. Но настоящее движение носит гораздо более сепаратистический характер, чем областной, более склонное к уступкам (областей), чем к их федерации; оно ведет не менее чем к национальному расчленению. И этому Советы способствуют вовсю. Как же бесноватым и глупцам из Таврического дворца не соблазниться разрушить в несколько недель историческое создание десяти столетий! Французская революция началась с провозглашения “Французской Республики, единой и неделимой”. Этому принципу она пожертвовала тысячами голов, и французское единство было спасено.

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. IX. К анархии. Запись «Суббота, 24 марта».

² Там же. Запись «Среда, 11 апреля».

Русская революция принимает лозунгом: Россия разрушенная и расчлененная» (Т. III. С. 279)¹.

Оставляя Россию 4/17 мая 1917 года, Палеолог заканчивает свои столь богатые содержанием воспоминания словами: «И бросая последний взгляд назад, я повторяю себе пророческую жалобу, которой бедный мужик, блаженный или юродивый, заканчивает сцену мятежа в “Борисе Годунове” (опере)» (Т. III. С. 348):

Лейтесь, лейтесь, слезы горькие, плачь, плачь, душа православная!
Скоро враг придет, и настанет тьма, темень темная, непроглядная!
Горе-горе Руси! Плачь, плачь, русский люд, голодный люд!²

С отречением Николая II деятельность его как Монарха прекращается, но значение его не перестает быть знаменательным; недаром же большевики признали необходимым сначала его удалить, а затем и уничтожить. Он являлся как бы живым знаменем идеи продления войны до конца и уничтожения противника; этой идее Государь служил с таким самоотречением, что призывал всех служить тому правительству, которое его низложило.

Принимая в прощальной аудиенции в Могилеве уже после отречения генерала Вильямса, он высказывает, «что теперь надо поддерживать Временное правительство, что является лучшим способом сохранить Россию для союза, созданного для завершения войны». Последними словами Государя, обращенными к Вильямсу, были: «Помните, одно только важно – только разбить германцев!» (С. 170).

Все сведения иностранцев о Государе в дальнейшем ограничиваются воспоминаниями Жильяра. В этих воспоминаниях личность Царя и Царицы и всей Августейшей семьи выявляются в необычайной красоте благородства, величия и смирения. Эту книгу следует прочесть каждому русскому человеку. Здесь приведем из нее лишь несколько строк, касающихся непосредственно интересующей нас темы.

Арестованному Государю причиняют в Царском Селе ряд ненужных и оскорбительных неприятностей.

«Однако, – пишет Жильяр, – Государь принимал все эти стеснения со спокойствием и величием души замечательными. Ни разу слово упрека не сорвалось с его уст, и это потому, что одно чувство доминировало над всем его существом, даже более сильное, чем привязанность к своей се-

¹ Ср.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Гл. IX. К анархии. Запись «Пятница, 30 марта».

² Эту песнь юродивого Палеолог приводил в своем изложении; здесь приводится подлинный ее текст. – *Авт.*

мье: любовь к родине. Чувствовалось, что он готов был простить тем, кто причинял ему эти унижения, лишь бы они оказались способными спасти Россию» (С. 182)¹.

Сверхчеловеческое величавое смирение никогда не оставляет Государя.

Когда часть Царской семьи неожиданно, ночью отправляют из Тобольска в Екатеринбург, «он кажется спокойным и находит ободряющее слово для каждого из нас» (С. 221)².

Исключительная личность Царя и семьи его укрощают даже красноармейцев, присланных в Екатеринбург в качестве тюремщиков.

«Мало-помалу тюремщики смягчаются от контакта с заключенными. Они были удивлены их простотой, тронуты их кротостью и подавлены их безмятежным достоинством, и скоро они почувствовали себя подчиненными тем, над которыми предполагали властвовать. Пьяница Авдиев был обезоружен таким величием души и почувствовал всю свою мерзость. Глубокая жалость заменила у этих людей свирепость первых дней» (С. 241)³.

И Царь шел по своему крестному пути спокойный и ясный, подчиняясь Высшей Воле, пути Которой неисповедимы.

«Он находил, что личная инициатива, как бы она ни была мощна и гениальна, ничтожна перед Высшими силами, управляющими событиями. Отсюда у него сознание мистической обреченности, которая заставляет его скорее подчиняться жизни, чем стараться ее направлять. Это тоже одна из характерных черт русской души» (С. 172)⁴.

Но подчиненность эта шла лишь до определенного предела, до черты сознания своего долга, здесь этот скромный человек вырастал в величавый образ помазанника Божия.

По словам Жильяра, в половине апреля 1918 года Советы под давлением Германии порешили перевести Царскую семью в Москву или Петроград. «Целью немцев была монархическая реставрация в пользу Государя или Цесаревича при условии признания ими Брест-Литовского договора и с тем, чтобы Россия стала союзницей Германии. Этот план не имел успе-

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XVII. Как смотрели на революцию в Александровском дворце. – Возвращение Государя в Царское Село.

² Там же. Гл. XX. Конец нашего тобольского заключения.

³ Там же. Гл. XXII. Обстоятельства преступления, установленные следствием.

⁴ Там же. Гл. XVI. Император Николай II.

ха вследствие сопротивления Императора Николая II, который, вероятно, сделался жертвой своей верности союзникам» (С. 236)¹.

«В то время, – говорит Жильяр, – при общем крушении России были лишь два очага сопротивления, с одной стороны, маленькая армия добровольцев, а с другой, за деревянной оградой, которая его заключала, Государь вел тоже свой последний бой. Поддержанный Императрицей, он отверг все компромиссы. Им оставалась для жертвы только жизнь, и они готовы были ее отдать, лишь бы не примириться с врагом, который погубил их Родину, отняв у нее ее честь» (С. 261)².

«Император и Императрица предполагали умереть мучениками за свою страну: они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие не зависело от их Царского достоинства, а от чудесной высоты морали, до которой они постепенно поднялись. Они стали силою идеальной: даже в своей убогости они явили потрясающее явление чудесной ясности души, против которых бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует до самой смерти» (С. 262)³.

Этими словами заканчивает свои воспоминания близко наблюдавший Государя почтенный Жильяр.

А вот как оценивает Государя, или вернее, его дело, типичный выразитель идеологии общественности Верстрат: «После старого режима, который не позволял России развиваться и который не умел вести войны, пришел большевизм, который раздавил ее под худшею тираниюю.

Она пользовалась раньше престижем столь же великим, как территория ей подвластная и в которой не заходило солнце. Теперь же она презираема даже ее друзьями, которые обвиняют ее в измене, тогда как она честно боролась и без нее они не были бы победителями. Она несчастна, но она не виновата» (С. 317).

В общем, слова прекрасные, но с неминуемым заскоком нашего обывательского либерализма. Старый режим не позволял России развиваться, – но при нем она выросла в Империю больше той, которой гордился Карл V, и пользовалась огромным престижем, при нем она честно боролась и спасла союзников, но тем не менее 357 страниц книги Верстрата проникнуты мыслью «долой самодержавие!»

¹ Ср.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / предисл. С.Д. Сазонова. Вена: Русь, 1921. Гл. XXII. Обстоятельства преступления, установленные следствием.

² Там же. Заключение.

³ Там же.

В начале революции, когда на улице раздавалась Марсельеза и восторженные выкрики, Верстрат замечает: «Неужели воскрес патриотизм, который старый режим душил?» (С. 138).

Царь, возглавлявший и олицетворявший старый режим, за свой патриотизм был предан лютой смерти, новый режим открыл настежь двери торжествующему Интернационалу!

Глава IV

Заключение

Из всего вышеприведенного вытекает, что иностранцы вполне справедливо представляли себе Россию в годы войны ареной борьбы консервативных и либеральных элементов, увлекаемых потоком так называемого освободительного движения. Из цитированных наблюдателей, несомненно, наибольший интерес представляют для нас послы французский и английский. Оба посла, что тоже вполне понятно, как западники, еще не разочаровавшиеся в парламентаризме, более симпатизировали либералам, стремившимся к водворению и в России такого же режима. Эти симпатии у Палеолога вполне бескорыстны, у Бьюкенена же, как это указывалось выше, они имели, быть может, и иное основание, — желание временного ослабления России, неизбежного при перемене формы правления. Симпатизируя либералам, так сказать, принципиально, Палеолог тем не менее не только считал осуществление их стремлений недопустимым во время войны, но и неоднократно предостерегал их от опасности попыток к этому. Если даже в последние дни старого режима уже замечался некоторый контакт его с либералами, то это не заслуживает с нашей стороны упрека. Французский посол не хотел революции, указывал на ее опасность и вместе с тем обязан был думать об интересах представляемой им страны и обеспечить себе добрые отношения с правительством, как он думал, завтрашнего дня. Отдавая должное правильности концепции Палеолога в этих широких линиях, нельзя, однако, с сожалением не заметить его отрицательного отношения к правым — и не столько даже в силу их идеологии, так как он не мог не понимать, что они являлись устоем того режима, который единственно мог довести войну до конца, а потому, что в консерваторах он видел «Потсдамскую клику», тяготевшую к Германии. Это было заблуждением. До войны, несомненно, в России была группа людей, исповедовавшая необходимость сохранения дружеских отношений с Германией. Это «credo» ни в малейшей мере не противоречило верности союзу с Францией, который только укреплял Россию, а потому делал ее дружбу более ценной для Германии, а поэтому и

более плодотворной. Возможно, что многие из консерваторов сожалели о возгоревшейся войне, но никогда они не вели кампании к ее прекращению путем сепаратного мира. Для них ясно было, что власть, принявшая такое решение, в то время не могла бы удержаться и что только победа могла укрепить монархию и сохранить трон за Императором. Это правые понимали. Если припомнить все, что в настоящем очерке высказывалось правыми, то невозможно отказать им ни в уме, ни, в особенности, в ясном представлении последствий падения самодержавия. Но иностранцы не понимали их. Происходило это по двум причинам: первой – по самой разнице природы приверженцев русского царизма и людей, выросших в условиях парламентаризма; второй, быть может еще более существенной, – по той неустанной травле, которая велась против консерваторов не только «либералами», но и силами тайного мирового заговора, движимыми причинами, «глубокими и далекими». И в центре этой борьбы высились две фигуры: Государя и Императрицы, которые хотели только одного – блага России, кристаллизовавшегося в данный момент в победе над врагом, которую они считали достижимой лишь при сохранении незыблемости, во всяком случае, на время войны, существовавшего строя. Если бы даже – чего на самом деле не было, – правые побуждали их к позорному решению – сепаратному миру, – то тем светлее и величественнее вырастет их образ, так как они этому соблазну не поддались.

И Царь боролся за сохранение своей власти, но в этой борьбе оказался одиноким, ибо со стороны общества вместо поддержки он встретил лишь легкомысленное или злобное осуждение.

А каково было само общество, столь строго судившее Царя? Принявшее восторженно войну, оно после первой неудачи остыло, ища виновного. Злые силы указали на Государя и его супругу. Всякая хула, всякая скверная сплетня против них принималась на веру и распространялась с каким-то садизмом. Общество скоро «устало» от войны... Государь не уставал ни на одну минуту. Царь еще хотел осуществить заветную мечту русского народа воздвигнуть крест на Святой Софии, но общество уже не интересовалось этим... Оппозиция была занята более важным, она решила, что трудность момента является обстоятельством, благоприятствующим тому, чтобы вырвать у Государя его власть, не понимая, что только эта власть могла довести Россию до победы. Может быть, оппозиция страшилась победы, полагая, что таковая могла укрепить Царскую власть, и все силы были направлены против Царя. В то же время и крайние левые из Циммервальда делали свое дело. Этой страшной опасности наше общество не видело или не хотело видеть. Оно видело

только воображаемую опасность справа, а реальной слева не видело¹. Вместо того чтобы объединиться с Царем в борьбе с германизмом и интернационализмом, оно предпочло бороться против своего Государя. Пусть у него были недостатки и слабости, но как было не усмотреть за ними высокое понимание чести, любовь к Родине и готовность самопожертвования? Воистину, на общество напала какая-то слепота.

«Quos vult perdere Jupiter dementat»².

И Царь пал на этой борьбе, но пал на поле чести.

И думается иногда, что не Государь и Царица, а наше общество было слепым орудием каких-то иных, еще недостаточно определенных сил, восставших всюду против самого принципа монархической власти для создания новой. И Государь был последним рыцарем в этой битве новой власти против старой.

Нельзя отрицать исторических заслуг монархической власти и абсолютизма. Они вывели человечество из состояния хаоса; кругом них собралась и создавалась цивилизация. Абсолютные монархи собрали народы в организмы, обеспечивающие их существование и развитие; они же стали защитниками широких народных масс против феодальной власти. Под их мощным крылом выросла и созрела демократия, и, выросши, сама захотела сделаться хозяином своей жизни. Старая монархия, памятуя о своих исторических заслугах, не доверяла своей молодой демократии и думала, что ей принадлежит монополия на власть как средство благополучия своего народа. Между монархией и демократией началась борьба, нередко с обеих сторон жестокая и злая. В наши дни эта борьба приняла решительный и победный для демократии характер. Монархический принцип падает везде. Пала китайская, просуществовавшая тысячелетия монархия, пал неограниченно властвовавший пять веков калиф всех правоверных, исчезла хитроумно-мудрая династия Габсбургов («Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube!»³), склотившая лоскутную Австро-Венгерскую монархию, утратили власть Гогенцоллерны, сковавшие кровью и железом великую Германию. Пали династии португальская, греческая, многочисленные германские, герцогские и княжеские, остался Король Английский, вынужденный претерпевать Макдональда; короли Итальянский, поглощенный Муссолини, Испанский – диктатором Примо де Ривейра, и лишенные власти скандинавские и балканские государи. Промелькнула

¹ «Любовь к немцам, “влечение, род недуга”, таилась в крайней левой, но тогда всего злого искали только вправо», – пишет сенатор Завадский (см. С. 107, там же, С. 50). – *Авт.*

² Кого Юпитер захочет погубить, у того отнимет разум (*лат.*).

³ Пусть другие ведут войны, ты, счастливая Австрия, заключай браки! (*лат.*)

на горизонте рыцарская фигура Короля Бельгийского Альберта¹, в мирное время затертая сюртуками своих министров...

И вот, в то время, когда все силы, явные и тайные, ополчились против принципа Царской власти, Николай II за нее боролся.

Наследник Петра Великого, Великой Екатерины, Александра Благословенного, Царя-Освободителя и Царя-Миротворца не захотел сойти с пути своих державных предков и был уничтожен.

И защищал Государь Богом данную ему власть, чтобы довести войну до победного конца в высоком сознании чести своего народа и своих обязательств перед союзниками.

И в этом он был безукоризнен. Пока он был у власти, все силы его были направлены к победе и к исполнению своих союзных обязательств. Власть он сдал только потому, что его убедили в том, что в его отречении заключается залог победы. Совершив этот акт необычайного самопожертвования, он призывал свой народ подчиниться новой власти и служить тем же целям, которым он служил всю свою жизнь: чести Родины, которая в данный момент сосредоточивалась в победе и верности союзникам. В тяжком изгнании он только раз пожалел о своей жертве, когда увидел, что она оказалась тщетной. Когда, наконец, он мог спасти свою жизнь и жизнь обожаемой им семьи своей ценой позора России, он пожертвовал собою и своей семьею.

Великая французская революция после суда казнила Людовика XVI, Русская – убила без суда Николая II, ибо судить его было не за что. Людовик для защиты своей призывал на французскую землю иностранную силу. Николай II предпочел умереть, чем отдать врагу хотя бы частицу родной земли.

Французская революция была национальна, и французы гордятся этим. Русская обрекла святую землю Родины тирании Интернационала.

Как отнесутся грядущие поколения русского народа к современникам Императора Николая II? Что скажут они им, не понявшим всю душевную красоту этого человека и все благородство этого Монарха? Не проклянут ли они их за то, что они не пошли за данным им Богом вождем, который вел их к славе и чести?

Благородная Франция умеет чтить своих великих людей, и она покрыта памятниками, им воздвигнутыми, и в числе их, невзирая на республикан-

¹ Король Альберт в течение всей Первой мировой войны командовал бельгийской армией, которая оказала упорное сопротивление немецким оккупационным войскам и дала возможность Англии и Франции более тщательно подготовиться к сражению на Марне. В конце войны Альберт со своей армией освободил территорию страны от оккупантов и вошел в Брюссель как герой.

ский образ правления, есть и короли; но среди них нет памятника Людовику XVI, призывавшему чужестранца на родную землю, но более всего памятников, прославляющих революцию и ее героев.

И, думается, что у нас произойдет обратное. Когда пройдет «России черный год»¹, русские люди воздвигнут памятники благородному Николаю II, отдавшему «душу за други своя»², и будут скрыты до основания мавзолеев, осквернивший Красную площадь Москвы, и другие памятники русской революции, которой наши потомки гордиться не будут.

Париж, январь–март 1925 г.

Петр Стремоухов

¹ Слова из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Предсказание».

² Ин. 15, 13.

Великая фальшивка Февраля

Предисловие

Сейчас, когда керенское сборище, организованное на социальной базе случайных долларов, – никакой иной социальной базы у этого сборища нет, – начинает что-то пищать от имени России, – нам нужно, наконец, развеять великую и бесстыдную ложь о Февральской **народной** революции. Эта ложь культивируется более или менее всеми партиями России, начиная от коммунистической и кончая ультраправыми. По существу, обе эти точки зрения совпадают. ВКП(б) говорит: «Народ сделал революцию». Ультраправые говорят: «Чернь, обманутая левыми, сделала революцию». Срединные партии, виляя хвостом то вправо, то влево, талдычат о завоеваниях Февраля, завоеваниях, в результате которых «народ» сидит в концлагерях, а «избранные» разбежались по Парагваям. Новая эмиграция не имеет почти никакой возможности отличить заведомую чушь от реальных исторических фактов и строительство легенд – от реальных социальных отношений в довоенной России. Такие усидчивые компиляторы, как С. Мельгунов, собирают горы цитат и показаний и, как и полагается усидчивым компиляторам, из-за деревьев не видят леса. Не видят того, что дворцовый переворот был результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории.

Лично я был профессиональным свидетелем событий всего 1916 и 1917 годов – политическим репортером крупнейшей газеты России – суворинского «Нового Времени»¹. Даже и для нас, репортеров, так сказать, профессиональных всезнаек, революция была как гром среди совершенно ясного неба. Для левых она была манной, но тоже с совершенно ясного неба. Но о личных своих воспоминаниях я говорить не буду. Я постараюсь дать анализ социальной обстановки 1916 года и уже после этого приведу документальные данные о Феврале и его авторах.

По чисто техническим условиям я могу дать только очень схематический обзор событий. Для этой темы нужна бы книга – небольшая, но до-

¹ После смерти А.С. Суворина в 1912 г. издателем газеты «Новое Время» стало Товарищество А.С. Суворина. Газета была закрыта большевиками 26 октября 1917 г., на другой день после Октябрьской революции.

кументированная бесспорными данными, книга, которую можно было бы дать в руки любому человеку России и показать, – здесь нечего даже и «доказывать», – как Россию губили и справа и слева, и как фактически обстояли дела. Но до сих пор, за тридцать лет эмиграции, такой книги нет. Не было времени. Не было денег. И уж, конечно, не было никакого желания.

Это очень тяжелая тема. И я очень долго откладывал ее. Но дальше откладывать нельзя, ибо керенские и иже с ними готовят нам всем повторение: и Февраля, и Марта, и так далее до Октября включительно. С той только разницей, что керенщина 1917 года застала страну, полную противоречий, но полную сил. Сейчас противоречий будет, может быть, не меньше, чем их было в 1917 году, но хлеба – нет, жилищ – нет, одежды – нет, страна придавлена и чудовищным аппаратом ВКП(б), и чудовищной промышленностью для войны за мировой коммунизм, и чудовищностью предстоящей войны.

Сейчас не время ни для мифологии, ни для фальшивок. Кроме всего этого, мы должны иметь ввиду, что «наследники Февраля», собравшиеся в Штутгарте, готовят если не совсем раздел, то что-то вроде балканизации¹ России, что темные доллары им даны именно под этим условием, что они приняли: и условия, и доллары.

Правда о Феврале будет тяжелой правдой – легких правд у нас нет. Но эта тяжелая правда имеет и чисто практическое значение: нельзя допускать к власти никого из тех людей, которые справа сделали Февраль, а слева стали его углублять. Правда, все эти люди были только вывесками над событиями страшной нашей истории, и их личные преступления теряются в море исторических сдвигов. О Великой французской революции Талейран говорил: «В ней виноваты все или не виноват никто, что, собственно, одно и то же». О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый факт.

В числе прочих объяснений Февраля есть и еще одно, вероятно, самое глупое и самое позорное из всех имеющихся в распоряжении эмигрантской публики: английские интриги. Надо-де было изъять Россию из числа будущих победителей для того, чтобы не выполнить договора о проливах. Изъятие России ставило, прежде всего, под самую непосредственную

¹ Балканизация – процесс распада государства в результате попыток выделения каждому этносу отдельной территории, сопровождаемый дальнейшим дроблением вновь образованных политических субъектов, которые вступают друг с другом в острую борьбу.

угрозу **всю судьбу** войны, во-вторых, перемена режима никак не влекла за собою аннулирование международных договоров и, наконец, в-третьих, у английского посольства в Петрограде не было **никакой** возможности оказать заговору какую бы то ни было техническую помощь, а в материальной помощи участники заговора не нуждались никак: А. Гучков и М. Родзянко были богатейшими людьми России – никакие деньги им не были нужны. М. Алексеев богатым человеком не был. Но, как бы ни расценивать его личность, – нельзя же все-таки предположить, чтобы он продал своего Государя за деньги. Сэр Д. Бьюкенен и его дочь в своих мемуарах категорически отрицают какое бы то ни было английское участие в Февральском перевороте. Сторонники теории английской интриги не приводят **никаких** фактов, которые могли бы ее подтвердить. И единственное, на что они указывают, это на то, что совещания участников заговора происходили в английском посольстве. С совершенно такой же степенью безопасности они могли собираться и у Гучкова, и у Родзянки, и в штабе Алексева, и вообще где угодно – сыскной машины ВЧК–МВД тогда ведь не существовало. О нашем правящем – или правившем – слое можно быть очень низкого мнения. Сторонники теории английской интриги, сами не сознавая этого, пропагандируют самое низкое мнение, какое только может быть: наш правивший слой дошел-де до такой степени разложения, что достаточно было показать ему пачку фунтов стерлингов, чтобы толкнуть его на любое предательство. Такого мнения не придерживаюсь даже и я.

О символике вообще

Есть такой рецепт производства артиллерийских орудий: нужно взять круглую дыру и облить ее сталью – получится орудие. Целый ряд исторических концепций фабрикуется именно по этому рецепту: берут совершеннейшую дыру и обливают ее враньем: получается история. Или исторический факт. Именно по такому рецепту Петр Первый был сделан Великим, Екатерина II – Великой, Павел I – безумцем, Николай Первый – Палкиным. Примерно по такому же рецепту знаменитый Моммзен писал свою знаменитую римскую историю, и профессор Виппер, анализируя моммзенские изыскания, скорбно констатирует, что все они имели, в сущности, ввиду только одно: политическую пропаганду того, что впоследствии было названо прусским милитаризмом: «Вот видите, древние римляне поступали точно так же, как должны поступать мы: “Хайль Гитлер!”»

Гитлера, правда, во времена Моммзена не было, но Гитлер родился именно из Моммзена. Это только подпрапорщики запаса могут полагать, что

«великие люди» появляются на свет Божий путем самозарождения. Трагедия заключается в том, что большинство человечества состоит все-таки из вот таких подпрапорщиков. Им, подпрапорщикам, нужен символ. Что-то простое, явное, осязаемое, подменяющее реальную сложность жизни схематизированной фигурой гения, вождя, сверхчеловека. Символ нужен и слою, – слой спланируется около этого символа, как около знамени. Иногда символ нужен и нации, – как утешение. Таким символом стало для Франции 14 июля, день взятия Бастилии. А казалось бы, чего тут праздновать? Ведь как-никак взятие Бастилии если и символизирует что бы то ни было, так только начало падения страны с первого места в Европе и в мире на – трудно сказать, на какое именно – место, что-то в пределах второй половины первого десятка. Но вот, празднуют...

Противоречие символики с самыми очевидными фактами не играет, по-видимому, никакой роли. Вот умный человек, Лев Тихомиров, пишет, что Петр Первый понавыдумывал таких законов, которые, если бы у него хватило гениальности еще и провести их в жизнь, привели бы к форменной катастрофе, но, к счастью для России, гениальности Петра Первого хватило только на законодательное прожекторство... И – все-таки: гений. Другой, тоже умный человек, В. Ключевский, вертится, как черт перед заутреней, сам себе на каждом шагу противоречит, а опасные пункты символики старается обходить как можно осторожнее. Профессор Платонов посвятил целую книгу реабилитации Петровской гениальности¹ – в Советской России это предприятие абсолютно безнадежное – и самым тщательным образом обходит: и дезертирство под Нарвой (при пятикратном превосходстве сил), и бегство из-под Гродно, и, наконец, такой военный скандал, какого в русской истории больше не было никогда: Прутскую капитуляцию². И Нарва, и Гродно объясняются стандартизировано: престиж шведской непобедимости. И старательно обходится стороной нам почти неизвестный генерал-майор Келин, у которого в Полтаве было четыре тысячи «гарнизонной команды» и четыре тысячи «вооруженных обывателей» и который был, по-видимому, совершенно непроницаем ни для какого «престижа». Этот генерал-майор Келин, во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую «гарнизуну» и воору-

¹ Платонов С.Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. Л.: Время, 1926.

² В начале Северной войны со Швецией (1700–1721), в ноябре 1700 г. русская армия была разгромлена шведами под Нарвой. Гродненская операция в 1706 г., после блокады шведами русских войск в районе Гродно, закончилась отступлением русской армии. В результате неудачного Прутского похода в Молдавию против Османской империи летом 1711 г. (в ходе Русско-турецкой войны 1710–1713 гг.) Россия вынуждена была подписать 23 июля 1711 г. Прутский мирный договор, по которому она теряла выход к Азовскому морю и недавно построенный южный флот.

женных обывателей!) разделал тридцатитысячную армию Карла так, что от нее осталась – по Ключевскому, «голодная и оборванная толпа», и, кроме того, толпа, лишенная пороха, а следовательно, и артиллерии. Полтавская победа над этой толпой была описана двести пятьдесят раз. А о генерал-майоре Келине я не смог найти никакой литературы. Не знаю, есть ли она вообще. Вероятно, нет. Ибо, если мы сопоставим два **факта**: а) дезертирство при Нарве при пятикратном превосходстве русских сил и б) защиту Полтавы при четырехкратном превосходстве неприятельских сил, то совершенно очевидно, что от стратегического гения Петра Первого не останется абсолютно ничего. Но этот «гений» был необходим **социально** для правых, ибо он символизирует начало крепостного права, и для левых, ибо он символизирует революционное насилие над нацией.

Практически в установлении крепостного права Петр Первый был абсолютно ни при чем. Он не отдавал себе отчета в том, что делалось вокруг него и от его имени. Екатерина Вторая отдавала себе совершенно ясный отчет: она то взывала к Сенату, то писала указы, то плакала – но сделать она не могла ничего: ее убили бы еще проще, чем убили Императора Павла Первого.

Эта маленькая справка по поводу исторической символики приведена потому, что история – или, точнее, историография – Февральской революции с изумительной степенью точности повторяет рецепт артиллерийского производства: берется дыра и дыра обливается выдумками. Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было **вообще**: был дворцовый заговор. Заговор был организован: а) земельной знатью при участии или согласии некоторых членов Династии – тут главную роль сыграл Родзянко; б) денежной знатью – А. Гучков и в) военной знатью – генерал М. Алексеев. У каждой из этих групп были совершенно определенные **интересы**. Эти интересы противоречили друг другу, противоречили интересам страны и противоречили интересам армии и победы – но никто не организует государственного переворота под влиянием плохого пищеварения. Заговор был организован по лучшим традициям XVIII века, и основная ошибка декабристов была избегнута: декабристы сделали оплошность – вызвали на Сенатскую площадь **массу**. Большевистский историк профессор Покровский скорбно отмечает, что Императора Николая Первого «спас мужик в гвардейском мундире». И он так же скорбно говорит, что появление солдатского караула могло спасти и Императора Павла Первого. Основная стратегическая задача переворота заключалась в том, чтобы изолировать Государя Императора и от армии, и от «массы», что и проделал генерал М. Алексеев. Самую основную роль в этом перевороте сыграл А. Гучков. Его техническим исполнителем был

генерал М. Алексеев, а М. Родзянко играл роль, так сказать, слона на побегушках. Левые во всем этом были абсолютно ни при чем. И только после отречения Государя Императора они кое-как, постепенно пришли в действие: Милюков, Керенский, Совдепы и, наконец, Ленин – по тем же приблизительно законам, по каким развивается всякая настоящая революция. Но это пришло позже – в апреле-мае 1917 года. В феврале же был переворот, организованный, как об этом сказали бы члены СБОНРа¹ или Лиги, «помещиками, фабрикантами и генералами». Так что, если члены СБОНРа, или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий, клянутся великими принципами Февраля, то они клянутся принципами «помещиков, фабрикантов и генералов». По всей вероятности, ни о чем этом члены СБОНРа, или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий и понятия не имеют.

Таким образом, символика Февраля с потрясающей степенью точности повторяет символику Петра Первого. Правые, которые сделали революцию, признаться в этом не могут никак. Именно поэтому правая публицистика эмиграции ищет виновников Февраля в англичанах, немцах, евреях, масонах, японцах, цыганах, йогах, бушменах, в нечистой силе и в деятельности темных сил, ибо как признаться в том, что **«темными силами»** были как раз помещики, фабриканты и генералы? Не могут об этом говорить и левые – ибо что тогда останется от народной революции? От великих завоеваний Февраля? И от «восстания масс против проклятого старого режима»? Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка Государя Императора о предательстве и прочем относится именно к их среде, левым очень трудно признаваться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще ни от какой «революции», а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правившего слоя.

Таким образом, фальшивка Февраля декорируется с двух сторон: левые пытаются все свалить на народ, правые – на народ, «обманутый левыми».

Как будет показано дальше, никакой «народ» никакого участия в Феврале не принимал. Но кое-какие массы принимали кое-какое участие в «углублении Февраля», – а что им оставалось делать? Веками и веками привычная власть пала. Кому было верить? Массы не верили никому.

Прежде чем перейти к изложению фактической стороны событий конца 1916 года, когда заговор назревал, и начала 17-го, когда он был

¹ СБОНР – Союз борьбы за освобождение народов России – проамериканская анти-советская организация, созданная в 1947–1948 гг. в Западной Германии.

реализован, попробуем поставить вопрос: кому это было нужно? – *si prodest*¹? Нельзя же, в самом деле, предполагать, чтобы люди по пустякам пошли бы на такое предприятие, которое при неудаче грозило виселицей. Чтобы такие факторы, как болезненная застенчивость Государыни Императрицы, могли бы толкнуть людей на государственный переворот. Или чтобы даже и распутинская легенда, созданная верхами аристократии, могла играть какую-то реальную роль. Ведь вот никого в свое время не возмущали ни Орловы, ни Зубовы – при всей фактической стороне их плодотворной деятельности. Почему вымышленное «влияние» Распутина могло вызвать негодование? И именно в тех слоях, которые по ежедневной своей практике не могли не знать, что **никакого влияния не было?** Никакой роли не могло играть и положение армии, ибо если кто-либо в мире знал, что армия, наконец, вооружена до зубов, то в первую голову этого не могли не знать генерал Алексеев, как начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, и А. Гучков, как председатель Военно-промышленного комитета. Впоследствии М. Родзянко – самый массивный, самый громогласный и, по-видимому, самый глупый из участников заговора – писал о том, что с революцией или без революции – Россия все равно была бы разбита. Как мы уже знаем, некоторые несколько более умные люди, чем М. Родзянко, – У. Черчилль и А. Гитлер придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Таким образом, все эти соображения отпадают начисто. Остаются другие.

Если мы честно продумаем нашу внутреннюю историю Петербургского периода, то мы увидим, что красной и кровавой нитью проходит через нее **цареубийство**. Говоря несколько символически – от Царевича Алексея Петровича² до Царевича Алексея Николаевича. Все цареубийства, кроме цареубийства 1 марта 1881 года, были организованы **знатью**. И даже убийство Царя-Освободителя находится под некоторым вопросом: в самом деле, почему не смогли охранить? Может быть, не очень хотели? Жалкая кучка изуверов организует семь покушений и весь аппарат Империи никак не может с этой кучкой справиться.

В самом деле – почему? Как бы то там ни было, место, занимавшееся русскими государями, было самым опасным местом в мире. И если Алексей Петрович, Иоанн Антонович, Петр Третий, Павел Первый, Александр Второй и Николай Второй погибли от руки убийц, то ведь

¹ Кому выгодно? (*лат.*)

² Царевич Алексей, сын Петра I, заключенный в Петропавловскую крепость, под пытками выдал сообщников и признался в измене делу отца. Приговорен верховным судом к смертной казни и два дня спустя нашел смерть в Петропавловской крепости при неясных обстоятельствах.

Николай Первый и Александр Третий спаслись только случайно. Восшествие на Российский престол почти равнялось самоубийству. Дело заключалось в том, что **Петербургская** империя строилась как империя крепостническая, и Петербург был необходим как штаб, который мог бы держать монархию в плену, изолировав ее от страны, от нации, от массы и непрерывно держа носителей Верховной власти под дулом царубийства. Так было с Алексеем Петровичем и так же случилось с Николаем Александровичем. Санкт-Петербург был построен именно для этого.

Русская знать стояла накануне полной экономической катастрофы, точно так же, как перед Петром Первым она стояла накануне политической. В предвоенные годы дворянское землевладение теряло до трех миллионов десятин в год. Задолженность дворянского землевладения государству достигла чудовищной суммы в три миллиарда рублей. Если эту сумму перевести хотя бы на цену фунта мяса (около двугривенного в России тогда и около доллара в САСШ сейчас), то она будет равняться 12–15 миллиардам долларов. Два или три «плана Маршалла»¹, вместе взятых. Покрыть эту задолженность дворянство не имело никакой возможности – оно стояло перед полным банкротством.

Низовое и среднее дворянство давно примирилось с судьбою. Оно по существу возвращалось в старое положение московского служилого слоя. Оно заполняло администрацию, армию, свободные профессии, в очень слабой степени шло и в промышленность. Если по словам алдановского профессора Муравьева² Александр Второй отнял у дворянства половину его состояния, – то Столыпинские реформы отнимали и вторую. Для дворянской массы это уже не было угрозой: она служила, работала, и ее «поместья» были только или «подсобным предприятием», или – еще проще – дачей. Для нашего «вельможества» Столыпинская реформа была началом окончательного конца. Такие дворяне, как А. Кони, или Л. Толстой, или Д. Менделеев, или даже А. Керенский, шли в «профессию», которая иногда оплачивалась очень высоко, но которая никак не могла оплатить ни дворцов, ни яхт, ни вилл в Ницце, ни даже яхт-клуба в Петербурге. Это было катастрофой, отсюда и та травля, которой подвергался П.А. Столыпин со стороны Совета Объединенного Дворянства. Супругу министра

¹ План Маршалла – программа помощи восстановлению Европе после Второй мировой войны, выдвинутая в 1947 г. американским Государственным секретарем Дж. К. Маршаллом. При этом условия и размеры помощи, которую США могли оказать европейским странам, не были указаны. Совещание министров иностранных дел СССР, Франции и Англии по этому вопросу состоялось летом 1947 г. в Париже и закончилось безрезультатно из-за разногласий в позициях участников совещания.

² Профессор Муравьев, персонаж романа Алданова М.А. «Истоки» (1950).

Его Величества, П.А. Столыпина, в «салонах» не принимали, как не принимали и супругу С.Ю. Витте.

П.А. Столыпин был убит. Государь продолжал то дело, которое не совсем уж правильно называется «Столыпинской реформой», правильнее было бы назвать его «Николаевской реформой», как всегда, медленно и, как всегда, с огромной степенью настойчивости, – ничего не ломая сразу, но все переделывая постепенно. Для дворцов, яхт, вилл и прочего отстранение Государя Императора было единственным выходом из положения – точно так же, как в свое время – убийство Павла Первого.

Особенно трагическая черточка всего этого заговора заключается в том, что и часть Династии приняла в нем активное участие. Династия – чем дальше от престола, тем больше сливалась с земельной аристократией, с ее политическими и социальными интересами. В начале января 1917 года повелением Государя Императора четыре Великих князя были высланы из Петербурга (см.: *Ольденбург С. Т. 2. С. 232*)¹ – и, конечно, у Государя Императора были для этого достаточные основания, при его антипатии ко всякого рода крутым мерам. Династически-аристократическая группа строила свои расчеты на Великом князе Николае Николаевиче, который, кажется, не без основания считался крайним реакционером и отношение которого к Царской семье было чрезвычайно плохим. Тот факт, что о заговоре Великий князь Николай Николаевич знал, не может, по видимому, вызывать никакого сомнения. Дальнейшее пока неясно. Но, во всяком случае, именно эти круги обеспечили заговору его технического исполнителя генерала Алексеева.

Основной пружиной заговора был, однако, А.И. Гучков. Для этого у него были свои основания, и эти основания категорически и непримиримо расходились с мотивами аристократической группы.

После П.А. Столыпина А.И. Гучков был, конечно, самым крупным человеком России. В его патриотизме не может быть никаких сомнений, но ведь «патриотами» были и французские якобинцы, «патриотами» называют себя наши ленинцы и сталинцы, чекисты и энкаведисты, так что этот термин почти ничего не говорит. Пока был жив П.А. Столыпин, А.И. Гучков со всей своей силой поддерживал и П.А. Столыпина, и правительство вообще. Со смертью П. Столыпина А.И. Гучков перешел в оппозицию, имевшую два разреза.

Правая публицистика эмиграции очень любит идеализировать положение, существовавшее в России в предвоенные годы. Нет, положение никак не было блестящим. Не забудем того, что в 1902–1908 годах по

¹ *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Мюнхен: Общ-во распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. Гл. 20.

Высочайшему повелению была создана комиссия по обследованию причин «оскудения Центра России», под председательством В.Н. Коковцева. Так что факт «оскудения» был признан официально. И была найдена его причина – главным образом община. Не забудем того, что писал такой правоверный монархист, каким, конечно, является Л. Тихомиров.

«Господство бюрократической системы... довело до страшного упадка нашу Церковь, изуродовало дух земского самоуправления, подорвало даже боевые качества русской армии. Оно, наконец, так подорвало уровень самой бюрократии, что уже стало невозможно находить способных и дельных работников администрации»¹.

На ту же тему можно было бы привести еще более резкие мнения и барона Н. Врангеля, и князя С.М. Волконского, и А.С. Суворина, и многих других – правых людей. Русская бюрократия действительно была очень плоха, **для 1912 года, конечно**. Для 1951-го она показалась бы общим собранием ангелов, – ничего не поделаешь, мы прогрессируем... П.А. Столыпин кое-как привел эту бюрократию в кое-какой порядок. После его гибели начались Штюрмеры: людей в данном слое не было, как на это не раз жаловался и Государь Император. Но в России **вообще** людей было сколько угодно и, конечно, одним из них, может быть, первым из них, был А.И. Гучков – и лично, и социально.

А.И. Гучков был представителем чисто русского промышленного капитала, который хотел и который имел право по крайней мере на участие в управлении страной. В этом праве придворная клика ему отказывала. Об этой клике А. Суворин писал: «У нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то сброд» («Дневник». С. 26)².

Этот «сброд», проживавший свои последние, самые последние закладные, стоял на дороге Гучковым, Рябушинским, Стахеевым, Морозовым – людям, которые делали русское хозяйство, которые строили молодую русскую промышленность, которые умели работать и которые знали Россию. От их имени А.И. Гучков начал свой штурм власти. Власть для него персонифицировалась в лице Государя Императора, к которому он питал нечто вроде **личной** ненависти. Во всяком случае, Высочайший прием А. Гучкова, как председателя Государственной Думы, был очень холоден. В Петербурге рассказывали, что, отметая претензии А. Гучкова на министерский пост, Государь Император якобы сказал: «Ну, еще и этот

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Мюнхен : Технический Центр Заграничной Организации русской национально-мыслящей молодежи, 1923.

² Суворин А.С. Дневник / под ред. М. Кричевского. М.–Пг.: Изд. Л.Г. Френкель, 1923 (Запись от 14 февраля 1893 г.).

купчишка лезет». Фраза в устах Государя Императора очень мало правдоподобная. Но – фраза, очень точно передающая настроения «правлящих сфер» – если уж и П.А. Столыпин был неприемлем как «мелкопоместный», то что уж говорить об А. Гучкове? Лучшего премьер-министра в России не было. Но для того, чтобы назначить А. Гучкова премьер-министром, Государю Императору пришлось бы действовать в стиле Иоанна Грозного. Стиль Иоанна Грозного исторически себя не оправдал: его результатом было, в частности, и Смутное время.

Предреволюционная Россия находилась в социальном тупике – не хозяйственном, даже и не политическом, а социальном. Новые слои, энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом.

Сейчас, треть века спустя после катастрофы Февраля 1917 года, мы можем сказать, что объективное внутреннее положение России было почти трагическим. Сейчас, после Февральской и Октябрьской революций, мы обязаны, наконец, констатировать тот факт, что вся наша история Петербургского периода была до крайности дисгармонична: если половина носителей Верховной власти гибла от руки убийц и из всех императоров России только Петр Первый и Александр Первый не находились в состоянии непрерывной и смертельной опасности со стороны правящих слоев страны, то о внутренней гармонии в стране могут говорить только «Часовые»¹ и иже с ними. Но «Часовые» и иже с ними не могут, не смеют констатировать того факта, что из всех слабых пунктов Российской государственной конструкции верхи армии представляли самый слабый пункт. И все планы Государя Императора Николая Александровича сорвались именно на этом пункте.

Л. Тихомиров был прав: бюрократия поставила под угрозу даже и боеспособность армии. Может быть, лучше было бы сказать точнее: не боеспособность личную, а боеспособность техническую. Блестящие традиции Суворова, Потемкина, Кутузова и Скобелева были заменены прусской муштрой, против которой так яростно восставал М. Скобелев – последний «из стаи славных». Дольше всего эта блестящая традиция сохранилась в нашей кавказской армии, где даже и во времена Николая Первого солдат называл своего офицера по имени и отчеству и где солдат и офицер были боевыми **товарищами** – младшими и старшими, но все же товарищами. Эта традиция была заменена прусско-

¹ «Часовой» – ежемесячный журнал, основанный в 1929 г. в Париже офицерами-белоэмигрантами (с 1936 г. издавался в Брюсселе), орган связи русского воинства за рубежом, а впоследствии орган Российского национального объединения.

остзейской. Целый и длинный ряд социальных причин привел к тому, что если Россия, взятая в целом, дала миру ряд людей самой, так сказать, первой величины и дала их во всех областях человеческого творчества, то самый важный участок – армия – был **обнажен**. Как ни плоха была старая бюрократия, но даже и из ее среды государи могли подбирать таких людей, как С. Витте, В. Коковцев, С. Сазонов, не говоря уже о П. Столыпине. На верхах армии была дыра. После каждого крупного маневра производились массовые чистки генералитета, военный министр с трибуны парламента расписывался в бездарности командного состава армии. Но что было делать? Самый чин генерала в довоенной России приобрел, с легкой руки Ф. Достоевского, явственно иронический характер. Но – делать было нечего, людей не было и после страшной генеральской чистки, произведенной Великим князем Николаем Николаевичем в начале войны, обнаружилось, что на место вычищенных поставить некого. Чистка подняла популярность Великого князя в армии – точнее, в ее солдатском составе, но шла война и делать было нечего.

Генерал М. Алексеев был типичным генералом не от инфантерии, не от кавалерии и не от артиллерии, а от бюрократии. Генерал-канцелярист.

Другой генерал – А. Мосолов, придворный дипломатический генерал, пишет о Ставке так: «Окружение Царя в Ставке производило впечатление тусклости, безволия, апатии и предрешенной примиренности с возможными катастрофами»¹.

И тут же генерал А. Мосолов прибавляет поистине страшный штрих: **«Честные люди уходили, и их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе»**.

Таков подбор «кадров», сделанный генералом М. Алексеевым. Из каких соображений пошел он на приманку государственного переворота?

Аристократия и буржуазия имели совершенно ясные и классовые мотивы. Какие мотивы **могли быть** у генерала М. Алексеева? Об этом можно только гадать. Самая вероятная догадка сводилась бы к тому, что Государь Император брал командование армией в свои собственные руки и что переворот мог означать – Великого князя Николая Николаевича в качестве регента Империи, а генерала М. Алексеева в качестве Верховного главнокомандующего армией, – армией, которая стояла на пороге, казалось бы, совершенно гарантированной победы. Почему бы М. Алексееву не стать вторым М. Кутузовым? Это – самое вероятное объяснение. А может быть, и единственное.

¹ Мосолов А.А. При дворе Императора / ген. А. Мосолов, б. начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора. Рига: Филин, 1936.

Что есть революция

Прежде чем ответить на вопрос, была в феврале 1917 года революция или никакой революции не было, нужно установить, что, собственно, есть революция? Термин – неясен и неточен. Само собою разумеется, что «революция в науке» или «революция в технике» не то же самое, что революция в государстве. Но и в государстве революции бывают разные. Дворцовый переворот тоже можно назвать революцией. Можно назвать революцией и народное восстание. Было ли Пугачевское восстание революцией или не было? Было ли революцией восстание североамериканских подданных Великобритании против их метрополии? Условимся так: революция есть широкое, народное и насильственное движение, направленное к свержению или по крайней мере к изменению существующего государственного и социального строя. С этой точки зрения настоящими революциями были и Великая французская революция, и русская революция 1905 года.

Сейчас, почти полвека спустя, русскую революцию 1905 года мы обязаны оценить со всей доступной нам степенью объективности, – совершенно независимо от того, нравится ли она нам или не нравится. Революция 1905 года была народной, была массовой и была насильственной. Как и во всякой революции, ее участники ставили себе разные цели, шли разными путями и называли разные вещи одним и тем же именем и одни и те же вещи – разными именами. Такова судьба всех революций. Крестьянские восстания («беспорядки») охватили почти всю европейскую Россию; они были направлены против дворянства, но они не были направлены против монархии. Военные восстания – бунт на броненосце «Потемкин», захват революционерами Кронштадта (26 и 27 октября Кронштадт был во власти революционеров), вооруженное восстание Черноморского флота 14 ноября (главный «герой» – лейтенант Шмидт), вооруженное восстание в Москве, начатое 2 декабря Ростовским полком, Пресненское восстание в Москве (бои за Пресню длились десять дней), вооруженное восстание в Горловке, Новороссийске, в Туркестане, на Кавказе и прочие, и наконец, всеобщая забастовка, на три дня совершенно парализовавшая весь транспорт, всю промышленность, весь административный аппарат, – все это проходило под лозунгом «Долой самодержавие». Но под этим лозунгом разные люди и разные партии понимали разные вещи. Так, например, даже пресловутого лейтенанта Шмидта советская история называет «буржуазным демократом», что эквивалентно эмигрантскому термину «разлагатель».

Таким образом, в 1905 году в России была настоящая революция – массовая, народная и насильственная. Вину в этой революции не следует

сваливать ни на чьи частнособственнические плечи: это было историческое явление, в котором желания и цели отдельных лиц так перекрещивались, что... получалось глупо, как глупо получается со всякой революцией в мире и истории. Революции 1917 года очень симпатизировал еврейский банкирский дом Якоба Шиффа в САСШ, и после революции Якоб Шифф и Павел Милюков обменялись восторженными телеграммами. Якоб Шифф был, конечно, настроен против самодержавия – однако его симпатии к русской революции были вызваны не столько русофобством, сколько германофильством. До сих пор остается неизвестным, действительно ли Якоб Шифф «финансировал» революцию 1917 года и если да, то кому он давал деньги. Но если он их и давал, то – в конечном или еще не конечном счете – для того, чтобы на тучной почве русской революции вырастить Адольфа Гитлера. Так что деньги если и были вложены, были вложены не совсем туда, куда следовало. Несколько умнее поступили другие евреи. В числе прочих факторов, способствовавших разгрому революции 1905 года, был заем в 800 миллионов рублей, который дом Ротшильда устроил для России. Еврейская революционная и шовинистическая пресса – есть ведь и еврейский шовинизм, как есть русский и другие, – предала дом Ротшильда анафеме, что не помешало ему существовать и до сих пор.

Революционное движение 1905 года было лоскутным, – как всякое революционное движение в мире и истории. Крестьянство воевало против помещиков. Пролетариат ставил во главу угла социально-экономические требования. И крестьянство, и пролетариат действовали бесцельно, – ибо то же самое «самодержавие», которое они якобы пытались «свергнуть», делало все, что находилось в пределах данных историко-экономических условий, для того, чтобы удовлетворить законные требования и крестьянства и пролетариата. Солдатская и матросская масса восставала против остзейской дисциплины. Интеллигенция – главным образом во имя собственной власти или по крайней мере участия во власти. Причем в 1905 году, как и в 1917-м, цели разных групп интеллигенции были абсолютно несовместимы – Милюков, с одной стороны, и Ленин – с другой. Однако разница между событиями 1905 года и «революцией» 1917-го была огромной. По самому глубинному своему существу революция 1905 года была все-таки революцией патриотической – при всем безобразии ее внешних форм. Россия до 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя – строя, который «самодержавие» медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к ликвидации и без всякой революции. Не надо забывать: Россия того времени была единственной из культурных стран мира, в которой не су-

ществовало никакого народного представительства, в которой существовала предварительная цензура печати, паспортная система, чисто сословная администрация и **неполноправная** масса крестьянства. Социально-административный строй России был **отсталым** строем. Это положение никак не касается монархического принципа вообще, ибо монархии, как и генералы, «бывают разные». Сейчас, например, существует английская социалистическая монархия, чем она кончится – еще неизвестно. В России до 1905 года существовала монархия, «ограниченная цареубийством»¹ и сдавленная пережитками крепостничества. Государь Император Николай Второй был, несомненно, лично выдающимся человеком, но «самодержавным» он, конечно, не был. Он был в плену. Или, как еще резче выражается генерал А. Мосолов, «в тюрьме» – так же, как и его предок Император Павел Первый. Его возможности были весьма ограниченными – несмотря на его «неограниченную» власть. И если при Императоре Николае Первом Россией правили «сто тысяч столоначальников»², то при Императоре Николае Втором их было триста тысяч. Правил нацией, по существу, они. По существу, страна боролась против них. Но против них же, правда, в других формах, боролось и «самодержавие». Таким образом, обе линии совпадали, линия монархии и линия нации. И все шло более или менее гладко до военных катастроф Японской войны.

Очень было бы полезно вспомнить тот факт, что «общественное движение» времен этой войны началось со студенческой демонстрации к Зимнему дворцу с пением «Боже, Царя храни» (см.: *акад. Ольденбург. С. 233*)³. Страна была охвачена патриотическим подъемом. Потом он стал гаснуть. Ни одной победы. Сплошные поражения, закончившиеся гибелью всего флота при Цусиме, поражением при Мукдене и сдачей Порт-Артура. Нация исключительно талантливая, энергичная и боеспособная начала искать виновников. И если неудачи Крымской кампании имели удовлетворительное объяснение: против России выступали такие перво-классные европейские государства, как Франция и Англия, плюс еще и Турция; если Турецкая война оставила в нации все-таки очень горький осадок, то Японская война была страшным ударом по **национальному самлюбию**. В самом деле: даже с «япошками» – и с теми не можем спра-

¹ «Самодержавие, ограниченное цареубийством», – так ответил на вопрос об образе правления в России граф Алексей Григорьевич Орлов, один из главных участников дворцового переворота 1762 г., в результате которого Император Петр III был свергнут с престола и убит, а Императрицей стала Екатерина II.

² Слова Императора Николая I, сказанные Наследнику: «Россией не я управляю, Россией управляют сто (вариант: сорок) тысяч столоначальников».

³ *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград: О-во распространения рус. нац. и патриот. лит., 1939. Гл. 9.

виться! Целый ряд поражений заканчивается Цусимой – гибелью всего русского флота при почти полном отсутствии потерь в японском. Сдача Порт-Артура и – первый раз в новой истории мира – разгром **европейского** государства **азиатским** противником.

Если бы неудачу Японской войны персонифицировать в лице генерала А. Куропаткина, по той же схеме, как развал 1917 года персонифицирован в лице А. Керенского, то можно бы сказать так: генерал А. Куропаткин был до войны русским военным атташе в Японии: о степени японской военной подготовленности он **о б я з а н** был знать. Он не знал. Потом он был нашим военным министром, и в качестве военного министра он **о б я з а н** был подготовить армию. Он не подготовил. Потом в качестве главнокомандующего армией он обязан был вести ее к победам. Он не привел ни к одной. Советская историческая литература, и художественная и научная, всячески подчеркивает героизм офицеров и причины поражения объясняет исключительно одним – бездарностью командования. Объяснение неудовлетворительное, ибо неполное: генерал А. Куропаткин был результатом данного социального слоя. Да, интендантство, поставляя армии валенки на картонных подошвах, стесняло маневренные возможности генерала Куропаткина, но генерал Куропаткин в качестве военного министра был ответственен и за интендантство. Да, русское вооружение **о т с т а в а л о** от японского, как оно отставало от турецкого в войну 1877 года и от союзного в Крымскую войну. Может быть, не хватало денег на артиллерию. Но почему не хватило **знания** о закрытых позициях артиллерии? Да, радиотелеграф был изобретен в России. Но почему он был на японском флоте и его не было на русском? Таких вопросов можно было бы поставить бесконечное количество. Сумма ответов на все эти вопросы была действительно до очевидности проста: устарелый правящий слой страны, базирующийся на ее устарелом социальном строе, не годился никуда. Из установления этого – совершенно бесспорного – факта был сделан по меньшей мере спорный вывод: «Долой самодержавие». Спорный потому, что «самодержавие» или «монархия» не связаны ни со слоем, ни со строем: монархия может быть и крепостническая, и социалистическая, а «самодержавие» в старой Москве означало – в переводе на нынешний язык – национально-суверенную монархию, ограниченную и Церковью, и Соборами, и традицией. В Санкт-Петербурге XVIII века оно обозначало монархическую вывеску над диктатурой дворянства, и в XIX столетии оно обозначало центральную единоличную власть, «ограниченную цареубийством» и пытавшуюся вернуться к московским истокам этой власти. Кое-что из всего этого мы начинаем понимать только сейчас. Но в 1905–1906 годах вопроса о понимании даже и не ставилось: страна, я бы

сказал, пришла в разъяренное состояние. И не было никакого агитпропа, который разъяснил бы: так в чем же, в сущности, было дело? Дело, конечно, было в социальном тупике, настоящего выхода из которого не нашел и манифест 17 октября 1905 года. Двенадцать лет спустя оказалось, что тупик так и остался тупиком.

Банальное объяснение провала революции 1905 года говорит о том, что революция была ликвидирована «уступками» манифеста 17 октября. Люди вообще склонны к самым банальным объяснениям, – вот вроде немецкого «дольхштосса», в очень вольном русском переводе – «нож в спину революции». Германия 1930-х годов была твердо убеждена в том, что в Первую мировую войну ее армии оставались непобедимыми и что победу сорвала революция, давшая в спину армии «дольхштосс». Любая хронологическая справка указывает на тот печальный факт, что революция пришла приблизительно через месяц после полного военного разгрома, – после Салоникского прорыва, капитуляции Болгарии, Австрии и Турции, после истошных телеграмм Гинденбурга и Людендорфа, требовавших от Вильгельма «капитуляции в двадцать четыре часа». Высочайший Манифест был дан **семнадцатого октября**. Московское вооруженное восстание началось **второго декабря**, а всеобщая забастовка – **седьмого декабря**, то есть самая высокая волна революции поднялась приблизительно через полтора месяца после Высочайшего Манифеста. Можно, конечно, сказать: уступки только раззадорили революцию – но и это будет банальным ответом: правящий слой всех наших белых армий ничего «уступать» не захотел и, как нам совершенно точно известно, «не уступает» и до сих пор. Потерял а б с о л ю т н о все шансы на возвращение хоть чего бы то ни было, бежит, бежит, бежит – и не уступает.

Революция 1905–1906 годов не была «замазана уступками», а подавлена вооруженным путем. Если бы в эти годы Риманы, Мины и Дубасовы действовали так же, как в 1917 году действовали Алексеевы и Брусиловы, Рузские и Хабаловы, то тысяча девятьсот семнадцатый год мы имели бы в тысяча девятьсот пятом. Но в 1905 году правящий слой еще не имел в своем прошлом Столыпинской реформы, а перед его будущим еще не стояла перспектива полного банкротства. Поэтому в 1905 году правящий слой поддержал монархию, а в 1917 году – изменил ей. В феврале 1917 года никакой революции не было: был бабий хлебный бунт, и генерал Хабалов вопреки прямому повелению Государя отказался его подавить. Генерал Хабалов, видите ли, боялся пролития крови. Это, так сказать, биологическое чудо: генерал, боящийся пролития крови. Революция началась в марте и стала «углубляться» решительно по той же схеме, по какой углублялась Великая французская ре-

волюция. С той только разницей, что наши якобинцы оказались гораздо серьезнее французских.

Между двумя революциями

Итак, настоящая революция 1905–1906 годов была подавлена. Не замазана уступками, а подавлена вооруженной силой. 1905 год дал России конституцию. Но ни революция, ни конституция не решили ничего, почти ничего не улучшили, и весь исторический ход дальнейшей русской жизни привел, собственно говоря, только к одному: к предельному обнажению ее «трагических противоречий».

Формулировка о «трагических противоречиях» принадлежит не мне. С. Ольденбург (С. 10) пишет о Государе Императоре: «Новый порядок вещей во многом не соответствовал его идеалам, но Государь сознательно остановился на нем в долгом и мучительном искании выхода из трагических противоречий русской жизни»¹.

Основное из этих трагических противоречий заключалось в том, что в начале XX века в стране продолжал существовать совершенно ясно выраженный сословный строй. Что в это же время основная масса населения страны – ее крестьянство – было неполноправным ни экономически, ни политически, ни в бытовом, ни тем более в административном отношении. Законопроект о крестьянском равноправии был внесен в Законодательные палаты еще П.А. Столыпиным. Государственный Совет кромсал и откладывал этот законопроект, как только мог, и только осенью 1916 года, то есть совсем уже накануне революции, этот проект попал на рассмотрение Государственной Думы – да так и остался не рассмотренным... и до сих пор (Ольденбург. С. 180)². Это положение я сформулировал почти четырнадцать лет тому назад в «Тезисах штабс-капитанского движения»³ (С. 9): «Гений русского народа был зажат в железные тиски крепостничества, и тех его пережитков, которые существовали до 1917 года».

Имейте в виду: это было написано почти четырнадцать лет тому назад.

«Пережитки крепостничества» в той форме, в какой они сохранились до 1917 года, сводились в самом основном к тому, что дворянство сохранило за собой почти полную монополию управления государством – и не

¹ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Мюнхен: Общ-во распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. Гл. 13.

² Там же. Гл. 19.

³ Солоневич начал разрабатывать «Тезисы штабс-капитанского движения» в середине 1930-х годов, находясь в эмиграции в Болгарии. Работу над этим главным трудом своей жизни Солоневич продолжал в течение многих лет. Целиком книга под названием «Народная монархия» вышла уже после смерти автора в 1955–1958 гг.

только на верхах, но и на низах. Министрами могли быть и были только дворяне, губернаторами – тоже, земскими начальниками – тоже. Земскими самоуправлениями по закону и «по должности» заведовали уездные и губернские предводители дворянства. Крестьянская масса, **неравноправная** ни экономически, ни политически, ни даже в области гражданского права, была целиком отдана под дворянскую опеку. Эта масса рассматривала дворянство как своего наследственного противника, с которым она вела то партизанскую войну за выгоны, перегоны, уголья, аренды и прочее, то подымалась пугачевщиной или «беспорядками». Земство эта масса рассматривала как дворянское предприятие, и только в северных губерниях, где дворянства почти не было, земство попало в крестьянские руки и дало блестящие результаты, например, Вятское земство. Словом, дворянство удержало свою опеку надо всей страной.

Можно спорить о том, была ли эта опека благодетельна или губительна. Было и так и так. Русский суд – собственно, исключительно дворянский, был, вне всякого сомнения, лучшим в мире, причем между «лучшим в мире» русским судом и «вторым местом» в этой области был зияющий прорыв: уже «второе место» в сравнении с этим чисто дворянским русским судом не выдерживало никакого сравнения. Командный состав армии – откуда дворянство ушло прежде всего, или начало уходить – был совершеннейшей катастрофой. Правительство – исключительно дворянское – при всех своих недостатках было абсолютно неподкупным. Знать, вращавшаяся около правительства и «сфер», старалась воровать как только можно. Барон Дельви́г <пишет> в своих воспоминаниях о железнодорожных концессиях¹, которые получили представители знати, сейчас же перепродавшие эти концессии иностранцам, в результате каких операций «чистый доход» и без всякого приложения каких бы то ни было усилий составлял десятки миллионов тогдашних золотых рублей. Если вы удосужитесь перечитать воспоминания генерала Мосолова, или Бьюкенена, или Палеолога, то вас, вероятно, поразит то ощущение безмерных богатств, которые водопадами бриллиантов и жемчугов сверкали на петербургских приемах и балах, – но это было призрачное богатство, – его экономическая база уже не существовала. И наряду с этими водопадами рядовой русский офицер, по словам генерала П. Краснова, «если не всегда голодал, то недоедал всегда», а ведь это было в довоенной России! Быт этого офицерства я лично знал, потому что вырос в таких гарнизонных городах, как Гродно, Вильно, Минск – быт был ужасающий. Но в пределах этого быта шли «противоречия». Русская артиллерия была, ко-

¹ Дельви́г А.И. Мои воспоминания. М., 1913; Дельви́г А.И. Полвека русской жизни: Воспоминания А.И.Дельвига 1820–1870. М.–Л., 1930.

нечно, лучшая в мире. Русские артиллерийские офицеры ставили русские казенные заводы так, как по тем временам не был поставлен ни один завод в мире, может быть, за исключением Цейссовского кооперативного предприятия (заводы Цейсса были построены на наследственно-кооперативных началах). Так что и тут получается чрезвычайно странное противоречие: на человеческой базе вот этих самых артиллерийских офицеров можно было бы построить «настоящий социализм». То есть и в самом деле полное огосударствление средств производства. В то же время интендантство воровало, как последний карманный вор. Причем воровство это шло – как в Японскую войну – «на счет русской крови».

Морис Палеолог, французский посол в Петербурге в предреволюционные годы, был очень внимательным наблюдателем. Не обходится, конечно, и без некоторой клюквы, касающейся главным образом двух вещей – Государыни Императрицы и «охранки». Государыня Императрица, по мнению, почерпнутому из «салонов», была «мистически предана» Распутину, а о гемофилии Наследника Цесаревича и о гипнотическом лечении Распутина в воспоминаниях не сказано ни слова. Что же касается «этой ужасной охранки», то в представлении М. Палеолога она была чем-то вроде ГПУ – могла расстреливать любого гражданина страны, да так, что и родные ничего об этом не знали. Что делать, без клюквы не обходится ни один иностранный наблюдатель и очень многие русские наблюдатели.

М. Палеолог пишет еще обо одном противоречии: «общем невежестве русского народа», с одной стороны, и его «элите» – с другой. Он пишет о некультурной и отсталой массе и об элите «блестящей, активной, плодотворной и сильной»: «Нигде больше в мире экспериментальные и положительные науки не представлены так достойно, как в России». «И я даже рискую сказать, что Павлов и Менделеев – это такие же величины, как Клод Бернар и Лавуазье», – со стороны француза это, конечно, высший комплимент. Список имен этой элиты занимает у Палеолога две страницы, – причем часть этих людей он знал лично. На свои приемы он приглашал не только представителей Династии, правительства и дипломатии, но также и представителей промышленности и науки. Палеолог, как посол Франции, смертельно боялся русской революции, ибо революция в России означала бы переброску всех или почти всех германских сил на западный фронт, – что впоследствии и случилось. Он уже в то время отметил и Стравинского, и Прокофьева, но «мужик» в его представлении очень недалеко ушел от троглодита.

Итак: с одной стороны – Павлов и Менделеев, Толстой и Врубель, и с другой – «мужики», которые ставят свечи то ли перед образом святого Григория – в память убитого Распутина, то ли перед образом святого

Димитрия – в память убийц Распутина. Но само собой разумеется, что при всей своей наблюдательности, русского мужика М. Палеолог просто видеть не мог.

Сословный строй был дан России исторически, и очень немного в мире стран, которые без этого строя обошлись. Строй умирал, но еще не умер. Я как-то иронически писал, что русское дворянство разделилось на две части: дворянство кающееся и дворянство секущее. Политически это точно. Но вне политики существовала еще и третья разновидность дворянства – дворянство работающее. На судьбы России оно, к сожалению, не оказало никакого влияния. А. Кони – в области суда, Л. Толстой – в области литературы, Дягилев – в балете, Станиславский – в театре, Ипатьев – в химии и прочие и прочие, каждый в своей области ставили мировой рекорд, и рекорд в большинстве случаев неоспоримый. О русском народе М. Горький сказал: «Народ талантливых чудаков», – о «чудаках» можно спорить, о талантливости, пожалуй, не стоит. Русское дворянство было по-русски талантливо и, кроме того, оно имело, так сказать, экономический досуг для того, чтобы «овладеть всей современной культурой», по крайней мере та часть дворянства, которая этого хотела.

И если мне, например, пришлось зубрить иностранные языки по Туссену и Лангенштейдту¹, – отчего я и до сих пор, зная три иностранных языка, ни на одном из них не могу говорить совершенно свободно, то Герцены и прочие получали это автоматически – от гувернанток. Они не знали заботы о завтрашнем дне и могли заниматься Гегелем сколько им было угодно – жаль, что они занимались именно Гегелем. Как бы то ни было, были накоплены огромные культурные ценности, которые и потеряны сейчас почти бесповоротно. Радоваться этим потерям было бы совершеннейшей бессмыслицей.

Так что правящее сословие страны разделилось на три части: одна – аполитичная – пошла на работу, она, конечно, составляла ничтожное меньшинство, как и всякая умственная элита в мире. Остальное дворянство разделилось на кающееся и секущее – на революцию и реакцию, – почти без всякого промежуточного звена. Само собою разумеется, что ни в каких симпатиях к анархизму меня обвинить никак нельзя, хотя один раз ОГПУ меня арестовало именно за анархизм. Это был самый короткий арест: часа на два. Я был до того изумлен, что даже чекисты поняли свою ошибку. Но как бы ни относиться к анархизму вообще, следует все-таки признать, что князь П. Кропоткин был человеком совершенно исключительной моральной высоты. И как бы ни расценивать идею монархии, не-

¹ То есть заочным методом, по самоучителям: заочная форма образования появилась в 1856 г. в Германии в институте Туссена и Лангенштейдта.

обходимо все-таки констатировать тот факт, что для подавляющей массы «монархического дворянства» монархия, взятая как идея, не значит абсолютно ничего — это только вывеска.

Сословный строй страны вызвал целый ряд трагических и автоматических противоречий. Я несколько раз пытался проделать такой эксперимент: стать на наиболее объективную точку зрения, какая только практически возможна, — это будет точка зрения русского Монарха. Итак: сословный строй дан исторически и унаследован от всего прошлого. От этого прошлого унаследованы и некультурность масс, и культурность дворянства, не всех, впрочем, масс, и не всего, впрочем, дворянства.

Так вот: земство. Если отстранить дворянство от его ведущей роли в этом земстве, то земство попадает или в некультурные руки крестьянства, или в революционные руки интеллигенции. Если дать дворянству ведущую роль — совершенно неминуема оппозиция крестьянства. Администрация: если сломать дворянскую монополию — значит, нужно открыть двери или купечеству, у которого достаточных административных кадров еще нет, или разночинной интеллигенции, которая начнет «свергать». Если оставить эту монополию, то купечество и интеллигенция пойдут в революцию, — как это и случилось на самом деле. И так плохо, и так нехорошо. Скорострельного выхода из положения не было вообще. По крайней мере, государственно разумного выхода.

На это основное противоречие наслаивались десятки и десятки других. Финляндия была практически независимой страной, и в том же 1916 году в Государственной Думе еще рассматривался закон о равноправии русских в Финляндии — хороши «завоеватели». Хива и Бухара управлялись своими ханами и эмирами по своему адату и шариату. Но Грузия не имела никакого национального управления. И было совершенно неизвестно, как его организовать в кавказских условиях. В Прибалтике шел процесс дегерманизации Эстонии и Латвии, но шел и процесс русификации — не очень уж насильственной, но ненужной и раздражающей. От западнорусских губерний России в Государственный Совет попадали исключительно польские магнаты (см. ниже), — но преподавание польского языка и литературы было запрещено. Перед самой революцией Государственный Совет зарезал законопроект, предусматривавший польский язык в суде и администрации Царства Польского. Еврейская беднота, — а еврейская беднота в черте оседлости была ужасающей, — была сжата всякими ограничениями, а еврей-банкир Манус — личность в лучшем случае весьма подозрительная — имел свободный доступ в великокняжеские салоны. Русское крестьянство рассматривало Распутина как свой *porte-parole*¹

¹ Глашатай; представитель, выразитель интересов (фр.).

(на русском языке нет нужного термина), а те же великокняжеские салоны пустили по всему миру распутинскую клевету. Династия стояла в оппозицию Монарху, служба информации русской монархии была поставлена из рук вон плохо, монархия начисто изолирована от массы и генерал А. Мосолов констатирует (С. 99): «Бюрократия, включая министров, составляет одну из преград, отделяющих Государя от народа. Бюрократическая каста имела собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами страны и Государя. Другая преграда – это интеллигенция. Эти две силы построили вокруг Государя истинную стену – настоящую тюрьму...» А «ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями относительно внутренней жизни страны»¹.

Генерал А. Мосолов в качестве начальника Канцелярии министерства Двора был, конечно, вполне в курсе дела: «истинная стена» и «настоящая тюрьма». Государю приходилось действовать более или менее вслепую. Это нужно учесть для будущего. Должна быть создана по крайней мере такая служба информации, какую имеют большевики. Там, в секретных сводках, предназначенных для членов ЦК партии, есть все, – без пессимизма и без оптимизма, – совершенно объективное изложение данного положения вещей. У русской монархии этого не было. Это одна из основных технических ошибок ее организационной стороны. Очень серьезная ошибка, – ибо нет в природе людей, которые были бы совершенно свободны от «влияния». А «влияние» достигается вовсе не путем внушения, а путем информации. Информация хромала. И если генерал Мосолов выражается очень корректно: «Ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями» и что «честные люди уходили», то А. Суворин, издатель крупнейшей в России монархической газеты, формулирует это положение вещей несколько менее корректно: «Государь окружен или глупцами, или прохвостами». Эта запись сделана в 1904 году («Дневник». С. 175)². Тринадцать лет спустя Государь Император повторяет формулировку А. Суворина: «Кругом измена, трусость и обман» (*Якобий И.* С. 27, запись в Дневнике Государя Императора от 2 марта 1917 года)³. Само собою разумеется, что эта формулировка не могла относиться ни к Керенскому, ни к Ленину.

¹ Мосолов А.А. При дворе Императора / ген. А. Мосолов, б. начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора. Рига: Филин, 1936.

² Суворин А.С. Дневник / под ред. М. Кричевского. М.–Пг.: Изд. Л. Френкель, 1923 (Запись от 1 января 1898 г.).

³ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938.

* * *

«Трагические противоречия русской жизни» иногда принимали характер форменной нелепости. Польша, наконец, разгромлена и побеждена. В Государственной Думе польское «коло»¹ держится спаянно и особняком. При почти равенстве сил между правым и левым блоком польское «коло» получает решающее значение и может решать судьбу Империи. Затеваётся нелепый процесс Бейлиса, который кончается его оправданием, но который производит во всем мире совершенно скандальное впечатление². Государственный Совет, из чистого желания насолить П.А. Столыпину, проваливает его проект модернизации петербургской полиции и вооружения ее броневидами. И в феврале 1917 года петроградская полиция имеет на вооружении револьверы и «селедки» – так в свое время назывались те сабли, которыми были вооружены наши многострадальные городские. Единственная «реформа», которая удается П.А. Столыпину – это реформа Государственной Думы – закон 3 июня³. Путем всяческого законодательного и административного нажима создается народное представительство, которое хоть как-то может работать. Организовано оно отвратительно – и технически, и политически. Саша Черный писал:

Середина мая – и деревья голы...

Точно Третья Дума делала весну!⁴

Никакой весны не сделали ни Первая, ни Вторая, ни Третья. Весну сделала Четвертая – под «мудрым» водительством Пуришкевича, Шульгина, Милюкова и Керенского. Все четверо делали одно и то же дело. «Бороться надо, правительство – дрянь» – говорил В. Шульгин (*Ольденбург*. С. 211)⁵. Во время войны его речи почти ничем не отличались от речей П. Милюкова и в печати они были запрещены военной цензурой. В. Пуришкевич говорит с трибуны Думы истерический вздор, и ему принадлежит «первый выстрел русской революции» – убийство Распутина. Но это было уже во время войны.

¹ Коло – объединение польских националистских партий в Государственной Думе.

² Процесс Бейлиса состоялся в Киеве 23 сент. – 28 окт. 1913 г. Еврей Менахем Мендель Бейлис обвинялся в ритуальном убийстве 12 марта 1911 г. 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского Духовного училища Андрея Ющинского.

³ Указом от 3 июня 1907 г. была распущена неспособная Вторая Государственная Дума. Одновременно было опубликовано новое Положение о выборах в Третью Думу, которым правительство надеялось ограничить проникновение в Думу революционеров, что было воспринято либеральными кругами как государственный переворот.

⁴ Начальные строки стихотворения Саши Черного «Отъезд петербуржца» (1909).

⁵ *Ольденбург* С.С. Царствование Императора Николая II. Мюнхен: Общ-во распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. Гл. 19.

До войны почти единственным светлым пятном была недолгая деятельность П. Столыпина. В эмиграции очень склонны преувеличивать значение его реформ. По существу, кроме «третьеиюньской» Думы, почти никаких реформ не было: основная реформа – закон о «стольпинском мужике» – была только началом: до войны на отруба и прочее перешло только восемь процентов крестьянского землевладения. Все остальные попытки П.А. Столыпина были похоронены Государственным Советом. Особенный принципиальный интерес представляет проект о выборах в Государственный Совет от западных губерний. Право на участие в выборах имели только крупнейшие помещики. В западных девяти губерниях крупнейшими помещиками были поляки. От девяти западных губерний с их 2–3% польского населения в Государственный Совет попали исключительно поляки. П.А. Столыпин предложил снизить ценз. Правые протестовали с классовой точки зрения, – это-де «создаст нежелательный прецедент для остальных губерний», то есть поставили классовую точку зрения выше национальной. Левые были против из соображений интернационализма, то есть поставили национальный принцип выше классового, но не русский национальный принцип. Этот законопроект чуть не привел к отставке П. Столыпина – отставке, которая все равно уже была предрешена, – П.А. Столыпин выступал и против правых, и против левых, и Государю Императору оставалось или распустить обе законодательные Палаты, или отказаться от П.А. Столыпина. Пуля Д. Богрова внесла автоматическое решение в этот вопрос. Но оставила корабль русской государственности в том трагическом положении, о котором так красочно и так безнадежно писал Л. Тихомиров. И вот в этом трагическом положении, в переплете «трагических противоречий», невооруженная Россия вступила в войну с до зубов вооруженной Германией.

Война

Культурно и экономически предвоенная Россия росла невероятными темпами. Но «трагические противоречия» – оставались. В Первую мировую войну Россия вступила в обстановке этих противоречий, при разложившемся правящем слое, при крайней неудовлетворительности командования вооруженными силами, при недостатке вооружения, при незаконченном раскрепощении крестьянства, при разладе между монархией и верхами, при разладе в среде Династии, при наличии парламента, который только и ждал подходящего момента для захвата власти, – при Пуришкевичах, Шульгиных, Милюковых и Керенских, которые делали

одно и то же дело, и при совершенно архаическом административном аппарате.

Статс-секретарь С. Крыжановский, ближайший помощник П.А. Столыпина, пишет: «Основная язва нашего старого бюрократического строя – засилие на верхах власти старцев... Расслабленный старец граф Сольский... печальной памяти бессильные старцы Горемыкин, Штюмер, князь Голицын. Усталые и телесно и духовно, люди эти жили далеким прошлым, неспособные ни к какому творчеству и порыву, и едва ли не ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя» (С. 46). И дальше (С. 205): «Министры подкапывали друг друга у престола, поносили в обществе... Административный и полицейский фундамент Империи остался в архаическом состоянии, совершенно неприспособленном к новым требованиям жизни, и государству пришлось поплатиться за это, когда настали трудные времена»¹.

Барон Н. Врангель – отец Главнокомандующего – пишет, собственно, то же самое: «Между высшим обществом и народом образовалась пропасть, утерялась всякая связь. “Мы” – правительство, немногие его честные слуги и бесчисленные холопы. “Они” – вся остальная Россия... Мы все могли быть непогрешимы... Результатом этого ослепления было то, что часть “их” действительно стала подкапываться под правительство, остальная часть, – прибавлю, – самая лучшая, отошла в сторону от общественных дел и была заменена людьми, желающими не блага страны, а преследующими лишь свои собственные интересы»² (С. 63, 77).

Князь С. Волконский – бывший директор Императорских театров, – пишет решительно то же самое: «Россию губили с **двух сторон**. Сейчас мы склонны делать ответственными только людей революции. Да, они ответственны за свои дела. Но за свой **приход**? Разве они не нашли себе подходящей почвы? А где **длинный** путь, по которому мы шли к тому, к чему пришли? Вот это не все понимают из числа наших соотечественников, которых я встречал после моего бегства из советского ада. Все скошено – понимаете ли вы? **Все**. Нужна новая стройка, **новое** здание из **нового** материала и с **новыми** работниками»³ (везде выделено князем С. В.).

Это все отзывы правых людей, людей привилегированного слоя. Не Керенских и не Лениных. Самый правый из русских историков – И. Якобий дает еще более жуткую картину: «Помойными ямами были столичные

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания : из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего Государственного секретаря Российской империи. Берлин: Петрополис, 1938.

² Врангель Н., барон. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. Берлин: Слово, 1924.

³ Волконский С., князь. Мои воспоминания. Берлин : Мед. всадник, 1923.

салоны, от которых, по словам Государыни, неслись такие отвратительные миазмы... Русский правящий класс и здесь оплевывал самого себя, **как слабоумный больной, умирающий на собственном гноище**»¹ (С. 77).

Государыня Императрица пишет своему супругу о «ненависти со стороны прогнившего высшего общества» (Якобий. С. 7).

Тот же И. Якобий (С. 26) пишет: «Любопытно и поучительно сравнить рассказы дипломатов о настроениях столичного общества (в начале XIX века. – И. С.) с тем, что другие дипломаты, как М. Палеолог, например, писал о том же и во время Великой войны. Те же пересуды, та же эгоистическая близорукость, та же злоба к Монарху, то же **предательство**. За столет высшее русское общество не изменилось».

Генерал А. Мосолов сообщает: «Думали, что переворот приведет к диктатуре Великого князя Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях и к его **восшествию** на престол. Переворот считался возможным ввиду распрей в Императорской фамилии» (С. 23). «Легкомысленные представители общества думали исключительно о своем собственном благополучии... Ища виновников неудач России, они обрушились на Государя и в особенности на Государыню. Видя невозможность отделить Императрицу от Царя, они начали мечтать о дворцовом перевороте» (С. 60). И на странице 49 свои впечатления суммирует так: «Мне казалось, что столица объята повальным сумасшествием»².

Как видите, все это выражено очень туманно. Никаких имен не названо и никаких фактов не приведено. С. Ольденбург пишет еще осторожнее: «Измена бродила вокруг престола...». И потом, не без некоторой наивности, добавляет: «Но, к чести высшего общества, можно сказать, что эта измена так и не воплотилась в жизнь»³ (С. 232).

Вся эмиграция, в том числе и С. Ольденбург, является именно следствием «воплощения измены», но всю эту тему автор пытается обойти как-то сторонкой, как, впрочем, пытаются и И. Якобий, и А. Мосолов. Впрочем, на этой же странице С. Ольденбург приводит чрезвычайно симпатичный факт: «Дошло до того, что представитель Союза городов, городской голова Хатисов, ездил на Кавказ, предлагать Великому князю Николаю Николаевичу произвести переворот и провозгласить себя Царем». Великий князь Николай Николаевич отклоняет это предложение под предлогом

¹ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938.

² Мосолов А.А. При дворе Императора / ген. А. Мосолов, б. начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора. Рига: Филин, 1936.

³ Здесь и ниже: *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Мюнхен: Общ-во распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. Гл. 20.

«монархических чувств армии», но оставляет этот преступный разговор без всяких последствий и даже не докладывает о нем Государю Императору. Председатель Центрального комитета кадетской (милюковской) партии князь П.Д. Долгоруков, возражая кому-то, пишет в **январе** 1917 года: «Дворцовый переворот не только нежелателен, но скорее губелен для России. Дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на Русском престоле».

Значит, даже кадетская партия возражает против переворота. Кому она возражала? Сам С. Ольденбург констатирует: «Настроение общества, не говоря уже о широких массах, не благоприятствовало перевороту».

Под «обществом» генерал А. Мосолов понимал его привилегированные верхи. С. Ольденбург понимал его массу. Но это мало меняет дело. Дальше С. Ольденбург говорит: «В конце концов та группа, которая за ранее поставила себе целью свержение Императора Николая Второго, продолжала разрабатывать планы дворцового переворота или военного переворота».

Из кого состояла эта группа? С. Ольденбург называет только одно имя – А. Гучкова, который действительно был главным стратегом «Февраля». Но кто были остальные? На этот вопрос дает ответ французский посол в Петрограде М. Палеолог. Нужно иметь ввиду, что М. Палеолог стоял за русскую монархию. М. Палеолог любил слегка пофилософствовать. Так, на странице 282 он утверждает, что: 1) основная разница между латинской и англосаксонской революционной психологией, с одной стороны, и славянской, с другой, заключается в том, что у одних воображение логично и конструктивно, у других исключительно разрушительно... 2) Восемь десятых русского населения не умеют ни читать, ни писать... 3) Болезнь воли – это туземное заболевание России... 4) Анархия, соединенная с ленью и воображением, – это страстное желание России. И, наконец, 5) огромные пространства страны делают всякую провинцию центром сепаратизма¹.

Пока что русская революция сконструировала власть, которая претендует на мировое господство и рискует бросать вызов всему остальному миру. Болезнь воли сказалась в наших гражданских войнах. Ни из какого сепаратизма ничего не вышло. О восьмидесяти процентах неграмотных не стоит, конечно, и говорить. Некоторые клюквенные заросли совершенно неизбежны в мемуарах каждого иностранного наблюдателя. Тем не менее М. Палеолог стоял за русскую монархию, – а никак **не против**

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Запись «Воскресенье, 1 апреля <1917 г.>».

нее. Он, иностранец, республиканский посол в монархической стране, пытался доказать Родзянке, что «царизм есть основной стержень России, внутренняя скрепка всего русского общества, и, наконец, единственная связь, объединяющая народы Империи». И взывал: «Если царизм падет, поверьте мне, что он увлечет за собою в гибель все здание России!»¹

Так вот, этот М. Палеолог ставит некоторые точки над некоторыми «и».

И тот же М. Палеолог на страницах 137, 138 и других с полным недоумением рассказывает о том, что князья просто и Великие князья, представители и финансовой, и земельной знати, на своих приемах совершенно открыто говорили о свержении Государя и о том, как они уже ведут пропаганду в частях гвардии, – в первую очередь в **Павловском полку**, который и в самом деле первым начал «революцию». М. Палеолог ни на какие слухи не ссылается: на этих приемах он присутствовал лично и сам все это слышал.

Его изумляла откровенность заговорщиков, которые под хмельком все это выбалтывали в присутствии посторонних лиц, в том числе и посла союзной державы. Он называет имена, которых я здесь повторять не буду. Говорит, что эта аристократическая агитация велась даже среди личного Конвоя Его Величества. И провозглашались тосты такого рода: «За умного («intelligent») Царя, исполненного чувства долга и достойного своего народа». И тут же приводится «план» – принудить Государя Императора к отречению, заключить Государыню Императрицу в монастырь, возвести на престол Наследника Цесаревича при регентстве Великого князя Николая Николаевича².

* * *

И вот с такими «трагическими противоречиями» и с таким правящим слоем Россия вступила в Первую мировую войну. Первая мировая война была намного страшнее войны 1812 года. Тогда, в 1812 году, не было никакого вопроса ни о расчленении, ни о колонизации России. Украинский чернозем и прочее в этом роде Наполеону вовсе не был нужен: ему по существу нужно было только насильственное включение России в его систему континентальной блокады Англии. Планы Вильгельма были безмерно шире – и расчленение, и порабощение, и колонизация. Впоследствии Адольф Гитлер эти планы значительно «углубил». В 1812 году мы воевали почти против «всей Европы». В 1914 – в союзе с почти «всей Европой». Но в 1812 году наш правящий слой еще не был «слабоумным больным, умирающим на собственном гноище». В 1914 он уже был истинно слабо-

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Запись «Вторник, 13 марта <1917 г.>».

² Там же. Запись «Пятница, 5 января <1917 г.>».

умным. Таким он остался и сейчас. И сейчас, вот только что, так сказать, исторически позавчера, наша реакция нанесла такой удар по русскому монархизму, какого за все тридцать лет изгнания еще не было нанесено. Методы – не изменились. И они не изменятся. Поэтому историческая справка о великой фальшивке Февраля имеет совершенно конкретное практическое «судьбоносное» значение для всей нашей будущей работы.

Левые о Феврале

Когда мы ищем виновника революции, мы должны по мере возможности четко разграничить два вопроса.

Первый: кто делал революцию?

Второй: кто сделал революцию?

Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских людей первого сорта – при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни – революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта – вроде Горького, историки третьего сорта – вроде Милюкова, адвокаты четвертого сорта – вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдальблывала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция неизбежна, революция желательна, революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных профессоров. Жаль, что на Красной площади рядом с мавзолеем Ильича не стоит памятник «неизвестному профессору». Без массовой поддержки этой профессуры революция не имела бы никакой общественной опоры. Без поддержки придворных кругов она не имела бы никаких шансов. На поддержку придворных и военных кругов наша революция не рассчитывала никак, – и вот почему Февраль свалился ей как манна небесная в пустыне.

М. Палеолог на странице 298 подытоживает: «В 1917 году русские социалисты испытали такую же неожиданность, как французские республиканцы в 1848 году. На докладе в Париже 12 марта 1920 года А. Керенский сказал, что его политические друзья собрались у него 10 марта (26 февраля) 1917 года и единогласно решили, что революция в России невозможна. Через два дня после этого царизм был свергнут»¹.

Об этом же собрании сообщает и С. Ольденбург (С. 243), – хотя и в несколько иной редакции: «Собравшиеся на квартире Керенского предста-

¹ Там же. Запись «Среда, 11 апреля <1917 г.>».

вители крайних левых групп приходили к заключению, что “правительство победило”»¹. Но **в тот же день**, – в день «победы правительства», – 26-го, около четырех часов дня, произошло весьма серьезное событие: «Четвертая рота запасного батальона **Павловского** полка (в ней было 1500 человек), столпившись на улице около своих казарм, неожиданно открыла беспорядочный огонь по войскам, разгонявшим толпу. (М. Палеолог подчеркивает, что агитация верхов шла именно в Павловском полку. – *И.С.*) Были спешно вызваны несколько рот соседних полков... Прибыл командир полка, а также полковой священник, чтобы урезонить солдат. Те, отчасти под влиянием увещания, отчасти потому, что были окружены, ушли обратно в казармы и сдали оружие. 19 зачинщиков были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость»². (*Ольденбург*. С. 243).

До этого – 25 февраля – Государь Император телеграфировал генералу Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны».

На эту телеграмму утром 26 февраля Хабалов отвечал, что «в столице наблюдается успокоение». На другой день после отречения Государя М. Палеолог спросил Горького и Чхеидзе: «Значит, эта революция была внезапной (*spontante*)?» – «Да, совершенно внезапной»³.

Эту внезапность сам А. Керенский в своей книге⁴ передает так: «Вечером 26 февраля (то есть после провала восстания Павловского полка. – *И.С.*) у меня собралось информационное бюро социалистических партий. Представитель **б о л ь ш е в и к о в** Юренев категорически заявил, что нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет, что нужно готовиться к долгому периоду реакции».

Зензинов («Дело народа» от 25 марта 1917 года) писал: «Революция ударила как гром с ясного неба и застала врасплох не только правительство и Думу, но и существующие общественные организации. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров»⁵.

Левый эсер Мстиславский писал еще красочнее: «Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев – спящими»⁶.

¹ *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Мюнхен: Общ-во распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. Гл. 21.

² Там же.

³ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Запись «Среда, 11 апреля <1917 г.>».

⁴ *Керенский А.Ф.* Experiences. Париж, 1936. – Источник ссылки на эту книгу: *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 г. Париж: Возрождение, 1950–1954, 1961.

⁵ *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 г. Париж: Возрождение, 1950–1954, 1961.

⁶ Там же.

С. Мельгунов суммирует все это в «Независимой мысли»¹ (№ 7. С. 6) так: «Как бы ни расценивать роль революционных партий, все же остается несомненным, что до первого официального дня революции никто не думал о близкой возможности революции»².

Большевистская история СССР (С. 135) излагает все это самым схематическим образом: «Заговор царизма сводился к тому, чтобы заключить сепаратный мир (??? – И.С.) и, распустив Думу, направить главный удар против пролетариата. Заговор царизма против революции встретился с другим заговором, созревшим в кругах империалистической буржуазии и генералитета».

Таким образом, все историки, и правые и левые, и большевистские и иностранные, сходятся по крайней мере на одном пункте: начало революции было положено справа, а никак не слева. Именно оттуда и зензиновский «гром среди ясного неба». О заговоре «империалистической буржуазии и генералитета» левые, по совершенно понятным соображениям, знать не могли и не знали. А именно этот заговор был началом революции. Потом, в марте, апреле и так далее, революция двинулась вперед по путям «углубления», с исключительной степенью точности повторяя ход Французской революции. И если августейшие салоны и сам М. Палеолог, передающий их планы и вождения, выражал свое сожаление о том, что в России не нашлось Мирабо, – то это сожаление мне кажется совершенно непонятным, ибо ведь и во Франции даже и Мирабо решительно ничему не помог. М. Палеолог, посол страны, имеющей весьма большой опыт в революциях, все время проводит параллели между 1789 и 1848 годами во Франции и 1917 годом в России. Параллели получают действительно потрясающими. Что, впрочем, никак не мешает М. Палеологу задумываться над таинственной славянской душой, – почему бы не подумать и о таинственной французской?

Правые, или даже крайне правые, историки – И. Якобий, С. Ольденбург, А. Мосолов – глухо, но неоднократно упоминают о «заговоре». О нем же говорят и большевики. О нем же рассказывает – уже более подробно – французский посол. Конечно, заговор был. Подробности его мы если узнаем, то очень не скоро. Правые историки стесняются называть вещи своими именами – и людей тоже, левые были не в курсе дела, архивы, попавшие в руки большевиков, подверглись, конечно, весьма основательной чистке. Нет никакого сомнения в том, что в дальнейшем развитии революции огромную роль сыграли те 90 миллионов золотых марок, которые Германия Вильгельма отвалила Ленину и Троцкому. Но об этом

¹ «Независимая мысль» – один из сборников, издаваемых С.П. Мельгуновым во Франции.

² Из книги: *Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г.*

постараются промолчать и наследники Ленина, и преемники Вильгельма. Однако при наличии здорового правящего и ведущего слоя ничего не вышло бы ни из заговора, ни из Февраля, ни из Октября. За всеми бесчисленными подробностями событий этого страшного года, этого позорного года, и мемуаристы, и историки как-то совершенно упускают из вида самую основную нить событий: борьбу против Монарха и справа, и слева, борьбу, которая велась и революцией, и реакцией. По самому своему существу 1917 год в невероятно обостренной обстановке повторил историю П.А. Столыпина. П.А. Столыпин был, конечно, человеком исключительного калибра. Но он обессилел в борьбе и с реакцией, и с революцией. Вскрытие его тела показало совершенную изношенность сердца в ее роковой форме. 26 февраля 1917 года Государь Император пишет Государыне: «Старое сердце дало себя знать. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и мой лоб покрылся каплями пота».

Убийство П.А. Столыпина по самому существу дела не расследовано и до сих пор. И за всякими показаниями и воспоминаниями люди как-то забыли поставить простой, самый простой вопрос.

Д. Богров, убийца П.А. Столыпина, был тем, что на официальном языке называлось «осведомителем», на языке общественности – «provocatopом», на сегодняшнем языке – «сексотом». Такие люди необходимы всякой полиции мира, не только политической, но и уголовной. Это всегда подозрительные люди. Их можно и их нужно утилизировать для информации. Но почему Е. Богрова допустили к охранке и П.А. Столыпина, и Государя Императора? Не нашлось более надежных людей, чем этот осведомитель, провокатор и сексот? Или – при убийстве Царя-Освободителя: как могли люди допустить семь покушений со стороны десятка изуверов? Весь аппарат Империи не смог справиться с десятком человек? Не могли? Не хотели. Не считали очень уж необходимым. А может быть, и кое-какое участие принимали?

Целого ряда подробностей мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. Но в самом основном дело совершенно ясно: в 1916 году был заговор. И люди, которые этот заговор организовали, были, или казались себе, чрезвычайно дальновидными. По-видимому, первый шаг к технической реализации этого заговора было превращение Петрограда в пороховой погреб.

Пороховой погреб

Теперь позвольте мне все-таки обратиться к личным воспоминаниям. Я знаю: это не «документ». «Документом» воспоминания становятся

только после того, как их процитирует какой-либо иной автор. Однако мои личные воспоминания будут, как мне кажется, очень ценным объяснением к настоящему историческому документу: к повелению Государя Императора генералу Гурко.

В начале августа 1916 года я был, наконец, призван в армию и зачислен рядовым в лейб-гвардии Кексгольмский полк. Принимая во внимание мои глаза – одна двадцатая нормального зрения, – в полку не нашли для меня никакого иного места, как швейная мастерская. Швейная мастерская меня вовсе не устраивала. И так как для сотрудника «Нового Времени» не все уставы были писаны, то скоро и совершенно безболезненно был найден разумный компромисс – я организовал регулярные спортивные занятия для учебной команды и нерегулярные спортивные развлечения для остальной солдатской массы. Я приезжал в казармы в 6 утра и уезжал в 10 дня. Мои добрые отношения с солдатской массой наладились не сразу: близость к начальству эта масса всегда рассматривала как нечто предосудительное. Но они все-таки наладились.

Это был маршевый батальон в составе что-то около трех тысяч человек. Из них – очень небольшой процент сравнительной молодежи, остальные – белобилетники, ратники ополчения второго разряда, выписанные после ранения из госпиталей – последние людские резервы России, – резервы, которые командование мобилизовало совершенно бессмысленно. Особое совещание по обороне не раз протестовало против этих последних мобилизаций: в стране давно уже не хватало рабочих рук, а вооружения не хватало и для существующей армии.

Обстановка, в которой жили эти три тысячи, была, я бы сказал, нарочито убийственной: казармы были переполнены – нары в три этажа. Делать было совершенно нечего: ни на Сенатской площади, ни даже на Конно-Гвардейском бульваре военного обучения производить было нельзя. Людей кормили на убой – такого борща, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал. Национальный состав был очень пестрым – очень значительная часть батальона состояла из того этнографически неопределенного элемента, который в просторечии назывался «чухной». Настроение этой массы никак не было революционным – но оно было подавленным и раздраженным. Фронт приводил людей в ужас: «Мы не против войны, да только немец воюет машинами, а мы – голыми руками». «И чего это начальство смотрело». Обстановка на фронте была хорошо известна из рассказов раненых. Эти рассказы вполне соответствовали описанию генерала Н. Головина: «Подползая, как огромный зверь, германская армия придвигала свои передовые части к русским окопам... Затем зверь подтягивал свою тяжелую артиллерию... Она за-

нимала позиции, находящиеся за пределами досягаемости для русской полевой артиллерии, и тяжелые орудия начинали осыпать русские окопы градом снарядов, пока **ничего не оставалось ни от окопов, ни от их защитников**¹.

В 1916 году раненные рассказывали решительно то же самое, что в эмиграции писал генерал Н. Головин. И даже не преувеличивали. Роль беззащитной жертвы не улыбалась никому. Тем более что в основном батальон состоял из «бородачей», отцов семейства, людей, у которых дома не оставалось уже никаких работников.

«Быт» этих бородачей был организован нарочито убийственно. Людей почти не выпускали из казарм. А если и выпускали, то им было запрещено посещение кино или театра, чайных или кафе и даже проезд в трамвае. Я единственный раз в жизни появился на улице в солдатской форме и поехал в трамвае, и меня, раба Божьего, снял какой-то патруль, несмотря на то, что у меня было разрешение комендатуры на езду в трамвае. Зачем было нужно это запрещение – я до сих пор не знаю. Меня, в числе нескольких сот иных таких же нелегальных пассажиров, заперли в какой-то двор на одной из рот Забалканского проспекта, откуда я сбежал немедленно.

Фронтовики говорили: «И на фронте пешком, и по Питеру пешком – вот тебе и герой отечества!» Это было мелочью, но это было оскорбительной мелочью – одной из тех мелочей, которые потом дали повод к декларации «о правах солдата». Для этой «декларации» были свои основания: правовое положение русского солдата было хуже, чем какого иного солдата тех времен. Так что в числе тех «прав», которые «завоевала революция» для солдатской массы, были право езды в трамвае, посещение театров, а также и право защиты физической личности от физических методов воздействия. Кроме того, революция «завоевала» право на торговлю семечками, на выборы и на отказ идти на фронт: масса была лишена разумных прав и получила неразумные. Все это было «социальными отношениями», унаследованными от крепостнического прошлого. Но уже и перед войной, в связи с огромным, я бы сказал «ураганным», подъемом культуры в России, в связи со всякого рода заочными и не заочными курсами, тягой к образованию, появилась масса людей, для которых пережитки крепостничества были морально неприемлемы.

Итак: от двухсот до трехсот тысяч последних резервов России, скученных хуже, чем в концлагере, и обреченных на безделье и... пропаганду.

Пропаганда велась с трибуны Государственной Думы. И велась не столько левыми, сколько правыми. Речи Керенского не производили

¹ Головин Н.Н., генерал. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. Гл. 10.

никакого впечатления – на то он и социалист. Но когда бездарная военная цензура запрещала печатать речи В.В. Шульгина или В.М. Пуришкевича и когда вместо этих речей в газетах появлялись белые полосы, то по совершенно понятным соображениям любопытство массы доходило до степени белого каления. В ответ на этот «спрос» русский рынок заполнялся всякого рода гектографированными и литографированными изданиями этих речей. И тут уж каждый «издатель» редактировал их по-своему. Я и до сих пор очень ясно помню одну из совершенно истерических речей В.М. Пуришкевича – о ней очень коротко упоминается у Ольденбурга. Я ее слышал, я о ней писал (цензура выкинула), потом я ее перечитывал в стенограмме. Речь была откровенно глупа даже и в стенограмме. Это был призыв «пасть к ногам Государя Императора» и умолять его спасти Россию и Династию от влияния темных сил. Гектографированные издания внесли в эту речь и кое-что новое: в этих изданиях речь заключала в себе требование заточения в монастырь Государыни Императрицы как «немки, работающей на гибель России и армии».

Речи социалистов не производили на массу никакого впечатления: «Ну, это мы слышали сто раз». Но когда с революционными речами выступают монархисты, то впечатление получается убийственное: «Ну, если уж и Пуришкевич так говорит, значит наше дело совсем дрянь».

Я буду просить моих читателей из числа бывших подполковников и даже генералов оставить в покое ведомственные суеверия и оценить положение с точки зрения самого простого, самого человеческого здравого смысла, от двухсот до трехсот тысяч «бородачей»: позади у них – неубранные хлеба, впереди – беззащитный фронт против немецкой мясорубки, сейчас – теснота, тоска, обильное питание и слухи, слухи, слухи... Царица. Распутин. Штюрмер. Темные силы. Шпионаж. Предательство. Неспособность. В конце октября история дала «первый звонок»: на Выборгской стороне, на автомобильном заводе Рено вспыхнули рабочие беспорядки (см.: *Палеолог М. С.* 66)¹ и **гвардия стреляла в полицию**. «Гвардию» обезоружили казацки части. Сделали они это очень неохотно. 150 человек было расстреляно: на Шипке все снова стало спокойно.

...Цензура имеет технический смысл только тогда, когда она организована тотально, как у Гитлера или Сталина. В противном случае она оказывается по меньшей мере бессмысленной: белые полосы в газетах компенсировались гектографированными изданиями, на которые, по цензурным правилам, нельзя было отвечать публично. Потом цензуре пришла в голову истинно гениальная идея: запретить и белые поло-

¹ Ср.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.–Пг., 1923. Запись «Вторник, 31 октября <1916 г.>».

сы. Вместо них в газетах появились выцарапанные в стереотипе строчки. Ничего не было опубликовано о беспорядках на Выборгской стороне, но были и прокламации, и слухи, и выцарапанные строчки: «Вчера на Выборгской стороне...» и дальше шла выцарапанная строчка. Что случилось? Как случилось? Ответ давала нелегальная печать или обывательские слухи. Опровергать этот ответ было нельзя, ибо, по мнению гениальной нашей военной цензуры, раз она выкинула информацию о событии, то об этом событии никто не знал, никто ни о чем не слышал. И если военный цензор выкинул из газеты сообщение о «беспорядках», значит, ни Россия, ни немцы ничего ни о чем знать не будут. Но немцы обо всем этом знали совершенно точно, а Россия была переполнена слухами, раздувавшимися до полного безобразия.

Слухи, во всем их разнообразии и великолепии, проникали, конечно, и в казармы Кексгольмского полка. В этих казармах были, конечно, и революционные агитаторы. Лично я не мог отметить их присутствия – само собою разумеется, что при мне они никакой пропаганды не вели. Но влияние этой пропаганды совершенно ясно чувствовалось из тех вопросов, которые ставили солдаты: и о беспорядках на Выборгской стороне, и о «Распутинском влиянии», и о генеральской измене, и о том, что Царица «все-таки немка, вот нам – Россию жалко, а ей, может быть, жалко Германию».

Моим командиром был барон Тизенгаузен – я сейчас не помню его чина. Это был атлетически сложенный человек, очень выдержанный и очень толковый. Он сумел установить – в меру своих возможностей – прекрасные отношения с солдатской массой, и может быть, именно поэтому Кексгольмский полк никакой революционной активности не проявил. Но атмосфера была убийственной. Я пошел к барону Тизенгаузену и сказал: «Так что же это такое – пороховой погреб?» «...Совершенно верно: пороховой погреб. И кто-то подвозит все новый и новый порох. Нас – шесть офицеров на три тысячи солдат, старых унтер-офицеров у нас почти нет – сидим и ждем катастрофы».

В общем, выяснилось, что барон Тизенгаузен докладывал об этом по служебной линии: не получилось ничего. Пытался действовать по «светской» линии – тот же результат. Барон Тизенгаузен посоветовал мне пустить в ход «нововременскую» линию. Я попробовал. Доложил М.А. и Б.А. Сувориным о положении дел и о моем разговоре с бароном Тизенгаузенем. По существу, все это братья Суворины знали и без меня, но я был живым свидетелем, непосредственным очевидцем, а мои репортерские способности в редакции ценились очень высоко. Словом, и М.А. и Б.А. Суворины пришли в действие: к кому-то ездили, с кем-то говорили – во всяком случае, с Военным министерством и генералом Хабало-

вым. Ничего не вышло. М.А. о результатах своих усилий не говорил почти ничего, а Б.А. выражался с крайней степенью нелитературности.

М. Палеолог в записи от 5 ноября 1916 г. (С. 75) повествует о своем разговоре с каким-то генералом В., – фамилии его он не называет. Генерал В. говорил французскому послу: «Петроградский гарнизон ненадежен... Неделю тому назад было восстание на Выборгской стороне... Но я не вижу никакого намерения вывести этот гарнизон из Петрограда и заменить его надежными частями. По моему мнению, уже давно нужно было расчислить петроградский гарнизон... Знаете ли вы, что в нем по меньшей мере 170000? Они не обучаются, у них плохое командование, они скучают, и они разлагаются... Это – готовые кадры для анархии... Нужно было бы оставить в Петрограде тысяч сорок из лучшего элемента гвардии и тысяч двадцать казаков. При такой элите можно было бы справиться с любыми событиями. А если нет...»

«Его губы дрожали, – продолжает М. Палеолог. – Я дружески просил его продолжать». Он продолжал: «Если Господь Бог не спасет нас от революции, то эту революцию сделает не народ, а армия».

Генерал В. был не совсем прав: конечно, не «народ» сделал революцию, но и «армия» была в ней ни при чем: петроградский гарнизон армией, конечно, не был. Несколько спорен вопрос, были ли армией те генералы, которые устраивали из столицы Империи пороховой погреб?

Приблизительно в то же время Государь Император сместил с должности генерала Безобразова за истинно безобразные потери в боях у Ковеля и Владимира-Волынского (*Ольденбург*. С. 240)¹. Совсем недавно генерал Б. Хольмстон писал в «Суворовце» о том, как гвардию бессмысленно губили на Стоходе². Итак, для бессмысленных потерь – гвардия была, для охраны, монархии и, следовательно, России – ее не было. Информация об этих боях и о смещении генерала Безобразова в прессе не появилась – все та же военная цензура. Но само собой разумеется, что об этом знал «весь Петроград» и об этом знали и все казармы. Информационные ходы были очень просты: германская разведка и германская пропаганда. Были, конечно, и иные ходы, но в казармы, по-видимому, попадала главным образом германская пропаганда: «Вот-де ваши генералы, продались немцам и шлют вас на верный убой». По моим наблюдениям германская

¹ *Ольденбург* С.С. Царствование Императора Николая II. Мюнхен: Общ-во распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. Гл. 19.

² «Суворовец» – журнал, издавался в конце 1840-х – 1850-х гг. в Буэнос-Айресе генералом Б.А. Хольмстон-Смысловским. Знаковым событием в Первой мировой войне стало уничтожение Русской Императорской Гвардии при провальном наступлении под Ковелем сквозь болота у реки Стоход в июле-сентябре 1916 г.

информация имела довольно неожиданный результат: престиж Государя Императора, который и до того в солдатской массе находился вне каких бы то ни были сомнений, поднялся на небывалую до этого высоту. Правда, с комментариями: «Вот только Царь и заботится и о нас, и о России». Комментарии о генералах приводить не стоит.

«Ветераны»

Настроение армии, в особенности ее тыловых формирований, было до чрезвычайности осложнено одним фактором, о котором во всей литературе, посвященной революции, я не нашел ни одного слова. Дело заключалось в том, что последние предреволюционные призывы включили в армию «ветеранов» Русско-японской войны. Вся солдатская масса не могла не проявить самого острого интереса к боевому опыту этих ветеранов. Опыт был очень пессимистическим. Да, армия дралась героически, да, армия пролила ни с чем не сообразное количество крови, но война все-таки была проиграна. Та декламация о доблести и прочем, которая так принята в наших военных кругах, совершенно естественно, не имела никакого хождения в солдатской массе. «Ветераны» Русско-японской войны стояли в общем на той точке зрения, что «начальство» не годится никуда, – даже по сравнению с японцами, – а что уж там говорить о немцах. «Ветераны» были правы. И если генералу В. Ипатьеву в его политических соображениях не стоит верить ни одному слову, то его профессиональные наблюдения интереса не лишены. В своей книге (Т. 1. С. 45) он пишет о том, как он, еще молодым офицером, окончив Михайловское артиллерийское училище, был выпущен в стоявшую в Серпухове, то есть под Москвой, артиллерийскую бригаду.

«Усовершенствованиями, которые разрабатывала наука для повышения боевой способности артиллерии, наши офицеры не интересовались, и о них никто не знал... Командир моей батареи, совершенно не имевший представления о правилах стрельбы... С командирами других батарей выходили прямо анекдоты, и нам, молодым офицерам, было положительно совестно перед солдатами за незнание ими артиллерийского дела... В таком состоянии наша полевая артиллерия оставалась до Русско-японской войны... Полное незнание тактических приемов вело к тому, что наша артиллерия была бессильна бороться против японской, которая быстро приводила ее к молчанию»¹.

Отзывы генерала Ипатьева – профессиональные отзывы о высшем командовании армией – убийственны, и они соответствуют дей-

¹ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: В 2-х т. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. Гл. 2.

ствительности. В том же томе, с. 285, он пишет о его «невежестве», о «полной несостоятельности», о «неспособности командовать армией», об «ошибках, за которые офицер был бы немедленно исключен из военной академии».

Это пишет генерал и профессор, наблюдавший события, так сказать, сверху. «Ветераны» в свое время наблюдали их снизу. В. Ипатьев мирно получал свои ордена, солдатская масса платила своей кровью. В. Ипатьев констатирует «невежество» высшего командования, солдатская масса ощущала это невежество на своих костях. Выводы были приблизительно одинаковы: «Все равно начальство и нас погубит, и Россию погубит». Это не было революционным настроением. Даже и петроградский пролетариат в своем подавляющем большинстве никак не стоял за «дойлой самодержавие». Но вся страна была совершенно единодушна: «Начальство это пора менять, — как сказал мне один из “бородачей”, — и чего это Царь смотрит, давно в шею пора это начальство гнать».

Я не думаю, чтобы наиболее острые «комментарии» такого стиля делались бы в моем присутствии. Лично я старался «агитировать» за начальство: шла война, и «менять начальство» было не время. Я говорил «бородачам»: «Да, допустим, что наше начальство знает свое дело хуже немецкого, так ведь и ты, Иван Митрич, знаешь свое дело хуже немца». — «А это почему?» — «Да вот потому, что немец снимает с десятины по двести пудов, а ты, пожалуй, и пятидесяти не снимаешь». На то бородачи отвечали: «Да ведь только вчера из крепостных выпустили, машин у нас нет, подати» — словом, куренка выпустить некуда.

Моя агитация действовала плохо или не действовала совсем. Мнение о начальстве было всеобщим — в особенности о военном начальстве. И военный министр Редигер, и редакция «Нового времени», и солдатская масса, — о левых я уже не говорю, — все придерживались одного и того же мнения. Того же мнения, если верить генералу Мосолову, придерживался и Государь Император. В редакции «Нового времени» была довольно туманная информация о том, что Государь Император планировал — после окончания войны — заняться полной реорганизацией военного и административного аппарата страны. Но об этом, конечно, никто ничего конкретного не знал — были только слухи. Но, может быть, эти слухи тоже послужили толчком к дворцовому перевороту? Одно из «трагических противоречий русской жизни» заключалось именно в том, что «начальство» устарело до полного неприличия, а заменить его в те времена было еще нечем. Это есть основной фактор и наших военных неудач, и наших революций. Стоя на тротуарной точке зрения, можно, конечно, вешать всех собак на Милюкова, или все ордена на Деникина, или наоборот. Но если

попытаться подняться над этой точкой зрения, то общая картина будет в достаточной степени ясна: правящий слой устарел и модернизоваться то ли не хотел, то ли не мог. Офицерский состав армии выслуживал свои лета, но не рассматривал себя в качестве профессионалов войны – он был «военным словом». Он считал себя «доблестным» – прилагательное, которое не говорит решительно ничего. Генерал должен быть волевым человеком, должен быть умным человеком, должен быть культурным человеком, должен знать свою профессию, – а до его доблести никому никакого дела нет. И если говорить о доблестном генерале, то это значит только то, что ничего более лестного о нем сказать нельзя.

На переломе

С конца Русско-японской до начала Русско-германской войны русская армия совершила гигантский скачок вперед. И если в Японскую войну русский артиллерийский офицер был хуже **даже** и японского, то в Германскую он был лучше **даже германского**, – кажется, стал вообще лучшим артиллерийским офицером мира. Но если в 1904 году у него не было знаний, то в 1915 у него не было снарядов, – так что практически получилось то же самое. И с точки зрения «бородачей» виновато было «начальство»: «А начальство чего же смотрело?» Дальше: если для «модернизации» низшего командного состава было достаточно пяти-семи лет, то для модернизации среднего нужно было лет десять-пятнадцать. Для модернизации высшего – лет двадцать-тридцать. Получалась диспропорция: чем выше по «табели о рангах», тем все хуже и хуже. Диспропорция была дана исторически: генерал А. Деникин в «Старой Армии»¹ пишет, что его сверстники по чину жили еще психологией крепостного права, – а эта психология означает не только «социальную», но и техническую отсталость. Взяв на себя роль Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Империи, Государь Император никак не ограничивался «ролью». Он командовал и в самом деле, оставив генералу М. Алексею только техническое проведение его военных планов. А Государь Император был все-таки самым образованным человеком России. Может быть, и самым образованным человеком мира.

Конечно, что есть образование? Если считать им запас цитат, накопленных в любой профессорской голове, то самым образованным человеком России был профессор П.Н. Милюков: он, если верить его биографам, писавшим, правда, в его же собственной газете, знал все: от истории мидян до теории контрапункта. Что никак не помешало П. Милюкову в 1916 году

¹ Деникин А.И. Старая армия. Т. 1. Париж, 1929. Т. 2. Париж, 1931.

говорить о «глупости или измене», в 1917-м звать к завоевательной войне, в 1919-м вести кампанию против Белой Армии и в 1936-м звать эмигрантскую молодежь к возвращению в Россию – «бог бестактности». Государю Императору преподавали лучшие русские научные силы – и историю, и право, и стратегию, и экономику. За ним стояла традиция веков и практика десятилетий. Государь Император стоял, так сказать, на самой верхушке уровня современности – вот посещал же лабораторию Ипатьева и подымался на самолете И. Сикорского, был в курсе бездымных порохов и ясно видел роль авиации – по тем временам авиация считалась или делом очень отдаленного будущего или, еще проще, – проектерской затеей. Государь Император сконцентрировал свои силы на победе – довел армию до полной боевой готовности, – дело только в том, что об его усилиях и о его квалификации никто ничего не знал.

Я не хочу рисовать старую Россию ни в черных тонах, как это делают левые, ни в белых, как это делают правые: нужно дать не черно-белую, а цветную фотографию, – цвета же были очень пестрыми. С одной стороны, Д. Менделеев с периодической системой элементов, И. Сикорский с «Ильей Муромцем», Циолковский, – сейчас забытый, с его ракетными двигателями; с другой стороны – Царь, который верил в Народ. И Народ, который верил в Царя. И посередине «средостение», которое за очень редкими исключениями не годилось никуда. Думаю, что самым идиотским учреждением этих лет была все-таки цензура.

До войны в России существовала полная свобода печати, я бы сейчас сказал – гипертрофированная свобода печати. Во время войны, как и во всех воюющих странах мира, была введена военная цензура. Туда была запихана всякая заваль из всего того, что имелось в военном ведомстве. Эта цензура не только цензурировала, она, кроме того, и давила, – и официально, и неофициально. Редакция посылает свой материал в цензуру, и цензор может вернуть его через час, но может вернуть и через три часа, – то есть когда материал уже запоздал для ротационной машины. Давить на правую печать было трудно. На левую – намного легче. Поэтому получался еще один парадокс – правое «Новое время» было весьма сдержанно в своих военных обзорах и корреспонденциях, – левая печать захлебывалась от военного патриотизма. В левом «Русском слове» расстрига Г. Петров стал военным корреспондентом и обозревателем, и сам, единолично побил и в полон забрал в три раза больше немецких солдат, чем их существовало в реальности. Мой подсчет по этому поводу цензура все-таки зарезала. Блестящий рождественский рассказ А.М. Ренникова в «Новом времени» в 1916 году был посвящен раскаявшемуся военному корреспонденту. Словом, в печати установился тон, которому уж реши-

тельно никто не верил, примерно тот тон, какой ныне принят в некоторых органах печати по адресу белых армий: доблести хватило бы на весь мир, а война, извините, все-таки проиграна. К осени 1916 года русская армия была, наконец, вооружена. Генерал В. Ипатьев пишет (С. 554): «Войну мы свободно могли продолжать еще очень долгое время, потому что к январю и февралю 1917 года мы имели громадный запас взрывчатых веществ в миллионах различных снарядов и, кроме того, более миллиона пудов свободных взрывчатых веществ»¹.

Кстати, этот подъем русской химической промышленности – из почти ничего до миллионов пудов – был сделан усилиями частной промышленности, а не казенной. В 1915 году частные заводы повысили свою продукцию с 1,4 тысяч пудов в феврале до 74,0 в октябре. Казенные за то же время – с 5,0 до 11,5 (Там же. С. 454)².

Это еще одна иллюстрация к вопросу о государственном «общественном» хозяйстве и о частной «капиталистической» инициативе. Отсутствие частной инициативы – и во время мира, и во время войны – оплачивается миллионами человеческих жизней и голодом для остающихся миллионов.

Государь Император относился с величайшим вниманием к мобилизации или, точнее, к стройке русской военной промышленности, – отдавая этому делу и массу внимания, и громадные средства, но главная техническая заслуга лежит все-таки на А. Гучкове и В. Ипатьеве. Если А.И. Гучков был, конечно, душой и мозгом Февральского переворота, если генерал В. Ипатьев сейчас повторяет клевету на Царскую семью, – то это никак не исключает огромной организационной работы и А. Гучкова, и В. Ипатьева для вооружения русской армии. Черно-белую фотографию – даже еще и на контрастной бумаге – я предоставляю прессе, предназначенной для тротуарного уровня.

Во всяком случае, к зиме 1916 года и тем более к весне 1917 года русская армия была, наконец, вооружена до зубов. И об этом нельзя было писать. Нельзя было сказать и стране, и армии, и петроградским «бородачам», что теперь уж русский артиллерист имеет достаточное количество артиллерии и что он уж не подведет, что это есть все-таки лучший артиллерист в мире и что за ним где-то лежат «миллионы снарядов». В цензуре сидели, конечно, гениальнейшие генералы старого времени, – и они предполагали, что обо всем этом немецкая разведка, которая пронизывала весь Петроград, не имела никакого представления. Как документально выяснилось впоследствии, немецкая разведка имела не только

¹ *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания: В 2-х т. Нью-Йорк, 1945. Т. 2. Гл. 14.

² *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика: В 2-х т. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. Ч. 2. Гл. 3.

общее представление, но и точные цифры. А вот ни страна, ни армия, ни «бородачи» ничего этого не знали. Предыдущая же «ура-патриотическая» пропаганда подорвала всякое доверие и к тем намекам, которые все-таки просачивались в печати.

Словом, сидели набитые как сельди в бочке «бородачи», и среди них вели свою пропаганду и «великосветские салоны», и Пуришкевичи, и Керенские, и большевики, и, конечно, через большевиков, немцы. И никакого противодействия этой пропаганде **не было**. Весь Петербург талдычил об «усталости от войны». **Совершеннейший вздор**: Великую Северную войну Россия вела 21 год, Вторую мировую Советы вели почти четыре года, Карл XII дошел до Полтавы, Гитлер дошел до Волги, и никакая «усталость» не помешала – ни Полтаве, ни Берлину. В феврале 1917 года чисто русской территории немцы не занимали, – если не считать небольших клочков в Белоруссии и на Волыни. Еды в России было сколько угодно, – продовольственный экспорт был прекращен, – и только в Петрограде были некоторые перебои. Но был правящий слой, который хотел победы, но который хотел победы для себя, а не для России, и который подорвал Россию с обеих сторон. И слева, и еще больше – справа. Вот почему моя цветная фотография не нравится никому.

* * *

В общем, все тонуло в болоте правящего слоя. Тонули в крови фронтовики, тонули в тревоге и неведении «бородачи», и вся Россия тонула в слухах: «слабовольный Царь, истеричная Царица, влияние Распутина, немецкий шпионаж...» И вот на этом психологическом фоне прозвучал первый выстрел русской революции – убийство Распутина. Оно подтвердило самые худшие слухи: если уж такие монархисты, каким был В.М. Пуришкевич, и такие Великие князья, каким был Дмитрий Павлович, берутся за огнестрельные доводы, – з н а ч и т, дело дрянь. Впечатление в низах было ужасающим: вот до чего дошло!

Так наш правящий слой реализовал стратегическую доктрину Клаузевица-Ганнибала: охват с левого фланга, охват с правого фланга, прорыв центра, и – самоубийство.

Это было – справа. Слева шла, в частности, травля министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Если вы дадите себе труд просмотреть литературу того времени или литературу о том времени, то, вероятно, вы отметите странную черту: вся атака левых – против А.Д. Протопопова. Никаких мало-мальски конкретных обвинений ему не предъявлялось. Кроме одного: он-де был «распутинским ставленником». До его назначения министром он был избран товарищем председателя Государственной Думы. Что ж, и Государственная Дума избирала его под распутинским

влиянием? Его считали «изменником своему лагерю», – на этот раз левому. Дело же заключалось в том, что А. Протопопов был, может быть, единственным свежим человеком среди рухляди правящего слоя, и именно он докладывал Государю Императору о настроениях петроградского гарнизона и о том, что положение в Петрограде «является угрожающим». На основании этой информации Государь Император повелел генералу В. Гурко убрать из столицы ненадежные части и заменить их гвардейскими частями с фронта. С. Ольденбург пишет (С. 240): «Ни градоначальник, генерал-майор Балк, ни командующий войсками округа, генерал-лейтенант Хабалов, не считали положение дел угрожающим». Ни генерал Гурко, ни генерал Балк, ни генерал Хабалов повеления Государя Императора не выполнили, сославшись на то, что «в казармах совершенно нет места, а запасные батальоны некуда вывести»¹.

Итак: об «угрожающем положении» докладывал Государю его министр. Об этом положении французскому послу говорил генерал В. Об этом положении практически говорил **весь Петроград**. И три генерала не могли найти места для запасных батальонов на всем пространстве Империи. Или места в столице Империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев.

Это, конечно, можно объяснить и глупостью. Это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, – даже и человеческая глупость. Это была **измена**. Заранее задуманная и заранее спланированная. Маршевые батальоны из столицы выведены не были, – им, видите ли, не хватало места во всей России, гвардейские части в столицу переброшены не были, – им, видите ли, не хватало места в столице. Полиция, почти безоружная, и учебные команды насчитывали в своем составе 10000 человек – против, по меньшей мере, двухсот тысяч ненадежного гарнизона, – НЕ считая «вооруженного пролетариата».

Петроградские заводы и склады были переполнены оружием, сработанным для действующей армии. Это оружие практически находилось в руках «пролетариата». Советская история СССР несколько туманно указывает на то, что «рабочим удалось захватить 40000 винтовок». Хотел бы еще и еще раз повторить: петроградский пролетариат, несмотря на всю его «революционную традицию», н и к а к о г о участия в Февральских днях не принимал. К сожалению, в данный момент я не могу это доказать. На поверхность революционных дней выплыл какой-то **н е р у с с к и й** сброд, который уже п о с л е отречения Государя Императора заботился главным образом об одном: как бы внести возможно больше хаоса. По всей вероятности, всего этого мы не узнаем н и к о г д а : и немцы, которые финанси-

¹ *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Мюнхен: Общ-во распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. Гл. 21.

ровали большевиков, и большевики, которые получали деньги от немцев, сделали или еще сделают все что только возможно, чтобы следы этой позорной коммерческой сделки уничтожить начисто. Но тысяч пять такого сброда в столице все-таки нашлось.

Полиция была, в сущности, совершенно безоружна – револьверы и шашки. О гарнизоне я уже говорил. Оставались «учебные команды», да и те были под командованием генералов, которые повелений Государя Императора НЕ выполняли.

Государь Император был перегружен сверх всякой человеческой возможности. И помощников – верных и культурных помощников – у него не было. Он заботился и о потерях в армии, и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите против еще более ядовитых «салонов». На нем лежало и командование армией, и дипломатические отношения, и тяжкая борьба с нашим недоношенным парламентом, и Бог его знает что еще. И вот тут-то Государь Император допустил роковой недосмотр: поверил генералам Балку, Гурко и Хабалову.

Именно этот роковой недосмотр и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота.

А этот дворцовый переворот стал, в свою очередь, исходным пунктом не для одной и воображаемой **Февральской революции**, а для всего того революционного процесса, который, начавшись свержением Царя, сейчас привел нас всех к порогу Третьей мировой войны.

О поведении генерала Хабалова могут быть, конечно, разные мнения: наиболее лестное сводится к тому, что в Февральские дни он «растерялся». Академик В.Н. Ипатьев приводит другой, на этот раз истинно классический, случай генеральской растерянности. В томе II, на странице 9, он рассказывает о заседании, на котором присутствовал он сам. Заседание происходило у военного министра генерала Беляева, 22 февраля, и было посвящено вопросу о надвигающихся «беспорядках». Для предотвращения распространения этих беспорядков на весь город «растерявшийся генерал Беляев не нашел предложить ничего более умного, как... развести мосты через Неву»¹, – это в феврале, когда по Неве не только люди, а и трамваи ходят. Чем же все это было? Растерянностью или п л а н о м ?

Попробуйте соединить все отдельные точки этого плана в одну линию: срывается вооружение полиции, в столице концентрируются сотни тысяч заведомо ненадежных людей, НЕ выполняется Высочайшее повеление об их уводе, НЕ выполняется Высочайшее повеление о переброске гвардии, НЕ выполняется Высочайшее повеление о подавлении бабьего бунта. И в

¹ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: В 2-х т. Нью-Йорк, 1945. Т. 2.

качестве исходной идеологической базы этого «плана» стоит распутинская легенда, вышедшая из тех же кругов.

Легенда – исключительно живучее существо. Легенда о распутинском влиянии живет и до сих пор, хотя советские данные (см. у Ольденбурга на странице 193) не оставляют абсолютно никакого сомнения в том, что никакой политической роли Распутин не играл. Легенда выросла, как писал крайне правый историк русской армии А. Керсновский, «из августейших салонов». Тот же академик В. Ипатьев повторяет ее в своих мемуарах, и повторяет ее как не подлежащий никакому сомнению факт. Итак: академик, царский генерал, один из крупнейших химиков современности, сообщает американской аудитории о слабоволии и бездарности Царя, о влиянии Царицы на Царя, и Распутина – на Царицу, и о том, что в общем и целом русскую политику определял Распутин. Кто из американцев не поверит академику Ипатьеву и кто поверит И. Солоневичу и С. Ольденбургу? В. Ипатьев рекомендует себя как человека, стоящего вне политики, как химика и философа. И в качестве доказательства распутинского влияния приводит такой факт (Т. I. С. 411): «Супруга одного “почтенного генерала” просила отправить ее мужа в Крым на казенный счет в поезде для раненых. Получив от Красного Креста отказ, она, вместе со своей сестрой, очень миловидной женщиной, вдовой тоже генерала, отправляется к Распутину и устраивает своему мужу бесплатный проезд»¹. Есть маленький намек на то, что протекция была оказана не вполне бесплатно. Итак, вот вам «влияние». Проезд из Петербурга в Крым стоил первым классом, вероятно, рублей пятьдесят, и за пятьдесят рублей жена и вдова генерала («обе состоятельные женщины», отмечает генерал Ипатьев) идут к «старцу». Других примеров у академика Ипатьева нет. Едва ли кто-либо из его американских читателей уловит полную несообразность этого примера. А легенда укреплена еще больше: выдающийся ученый, царский генерал, беспристрастный человек, стоящий вне партий и вне политики... И вот даже он...

Повторяю еще раз: выпуская книгу, профессор В. Ипатьев мог и был обязан навести кое-какие справки, мог проверить слухи по материалам послереволюционной Следственной комиссии. Убийство Распутина превратило легенду в факт: не из-за прихоти же, в самом деле, люди пошли на убийство! Очень вероятно, что та историческая наука, которая когда-то, наконец, появится у нас, очень многое объяснит общественной истерикой. Очень может быть, что какие-то данные мы узнаем еще и о немецких махинациях в России. Всех их, по-видимому, мы не узнаем никогда, – по крайней мере достаточно подробно и документально. В 1921 го-

¹ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: В 2-х т. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. Ч. 2. Гл. 1.

ду П. Струве, тогда уже законченный монархист, писал в «Русской Мысли»: «Германия, которой в русской революции принадлежала роль устроителя и финансирующей силы, создала целую литературу о ней, в связи с государственным банкротством России. Это были теоретические проекты того разрушения России, за которое во время Мировой войны Германия взялась практически».

Это было написано за двадцать лет до германо-советской войны, в которой «теоретические проекты разрушения России» приняли окончательно з в е р и н ы й характер. Но еще и сейчас, и после этой войны, находятся русские и даже «национальные» публицисты, которые проливают слезы по нюрнбергским висельникам, строят совершенно детские легенды об «английском заговоре» и все еще мечтают то ли о генерале Эйхгорне, то ли о партайгеноссе Кохе. «Кого Бог захочет погубить – отнимет разум». Кого Бог продолжает губить – разума не возвращает.

Лично я думаю, что в **подготовке** Февраля немецкие деньги никакой роли не играли. Эту подготовку вели люди, которые, как и цареубийцы 11 марта 1801 года, не нуждались ни в каких деньгах: богатейшие люди России. Но подпольный мир Обводного канала, ночлежек, притонов, отчасти и случайных новых рабочих петроградской промышленности, был использован немецкими деньгами до конца. Однако все это было уже после Февраля. Сейчас я говорю только о Феврале. В феврале месяце Петроград представлял собою пороховой погреб, к которому оставалось поднести спичку. Роль этой спички, или детонатора, или «случая» – называйте как хотите – пришлось на долю чухонских баб. Так что при добром желании историю Февраля можно средактировать так: в Февральской революции виноват А. Керенский. Но можно средактировать и иначе: Февральскую революцию сделали чухонские бабы Выборгской стороны.

Детонатор при погребѐ

Итак: концентрацией в столице тысяч двухсот всякого рода белобилетников и бытовой обстановкой, в которую эти белобилетники были поставлены, – в этой столице был создан пороховой погреб. Ни левые вообще, ни Государственная Дума в частности, – н и к т о , кроме «военного ведомства», этого погреба создать не мог, хотя бы уже просто технически. Было ли это демонстрацией «глупости» или подготовкой «измены» – каждый может решать по-своему, – но третьего объяснения нет. И вот при этом погребе, – на этот раз уже автоматически, сам по себе, создался и «детонатор»: чухонское бабье Выборгской стороны.

На эту тему ни в одной «истории революции» я не нашел никаких указаний и никакой статистики. Дело же заключалось в том, что призывы в армию оставляли в петроградской промышленности огромный людской пробел: никаких льгот по призывам военная промышленность не получила, а Петроград был главным образом центром металлургической промышленности. Нехватка вооружения отчасти объясняется нехваткой рабочих. В Петрограде эту нехватку кое-как восполнял приток женских рабочих рук из окрестностей Петрограда. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в статье «Санкт-Петербург» – в подстрочном примечании сказано, что из ста жителей окрестностей Санкт-Петербурга в 1897 году 96 показали своим родным языком не русский язык (привожу по памяти, но точно). Именно этот элемент несколько позже, в марте и апреле 1917 года, тащился с санками и салазками в заводоуправления получить «недополученную» заработную плату за все время работы, – в представлении этих чухонек эту заработную плату можно было вывезти только на санках – никаких карманов или даже корзин для нее не хватило бы. 23 февраля 1917 года был «Международный женский день», кое-как использованный большевиками: чухонские бабы вышли на улицы Выборгской стороны и начали разгром булочных. Так что если следовать по стопам некоторой части нашей публицистики и из всех звеньев русской революции выбрать одно – по вкусу и усмотрению своему, то можно сказать и так: русскую революцию начало чухонское бабье.

Мсье Талейран, сидя в эмиграции, говаривал: «Во Французской революции виноваты все – то есть никто». Этот афоризм можно, конечно, оспаривать, но нет никакого сомнения, что князь С. Волконский прав: Россию губили с обеих сторон. И можно было бы добавить: и из центра.

Знаменитый Клаузевиц всю свою жизнь анализировал Канны¹. Стратегическая идея Канн была очень проста: охват обоих флангов и прорыв центра. В результате этого стратегического маневра римская армия была почти поголовно истреблена. Канны не помешали тому, что Ганнибалу пришлось искать спасения в бегстве и потом покончить жизнь самоубийством. Сейчас можно с достаточной степенью обоснованности предполагать, что у Ганнибала охват флангов и прорыв центра просто вышел сам по себе – ни до, ни после Канн этот маневр не удастся ни одному полководцу истории. Но в 1916–1917 годах наш обезумевший правящий

¹ Битва при Каннах – крупнейшее сражение Второй Пунической войны, произошедшее в 216 г. до н.э. около города Канны на юго-востоке Италии. Карфагенская армия под командованием Ганнибала нанесла сокрушительное поражение превосходящей ее по численности армии Рима.

класс (см. *А. Мосолова*)¹, сам не отдавая себе никакого отчета в том, что именно он делает, повторил ганнибальский маневр, с тем чтобы потом разделить и ганнибаловскую судьбу: охват русской государственности с обоих флангов – и слева и справа, и прорыв ее центра – дворцовый переворот. Маневр, как мы уже знаем, удался блестяще: сидим мы все, уцелевшие, в эмиграции и решительно не знаем, где именно мы будем сидеть завтра. И всякий из уцелевших – по собственному благоусмотрению своему – ищет виновников там, где ему благоугодно. Левые – в Государе Императоре, правые – в А. Керенском. Впрочем, некоторые правые, вот вроде Ипатьева, не щадят и памяти Государя Императора, а некоторые левые, вот вроде П. Сорокина или Р. Абрамовича, не очень стесняются и с А. Керенским. Историки революции занимаются бирюльками – «повестью о том, как поссорился Иван Иванович Милюков с Иваном Никифоровичем Маклаковым». Сущность же вопроса заключается в том, что на этом отрезке исторического времени скрестились две несовместимых линии развития: безусловная необходимость для страны сменить свой правящий слой и такая же невозможность менять его во время войны и подготовки к войне. Монархия стремилась пройти это «узкое место» эволюционным путем. Не прошла. Разные люди играли в этом вопросе разную роль. Сейчас, когда процесс завершен, нам он кажется «исторически предопределенным», но это древний спор между детерминизмом и индетерминизмом, спор, для которого на страницах газеты места нет. Разные люди играли разную роль. Основной пружиной революции был, конечно, А.И. Гучков. Основной толчок революции дали, конечно, чухонские бабы. Чухонские бабы не имели, конечно, никакого понятия о том, что именно они делают. Горькая ирония истории заключается в том, что А.И. Гучков понимал никак не больше чухонских баб.

«Канны» А.И. Гучкова

Итак, все фигуры на шахматной доске заговора – самого трагического и, может быть, самого гнусного в истории человечества, были уже расставлены. С самых верхов общества была пущена в самый широкий оборот клевета о Распутине, о шпионаже, о вредительстве, – клевета, которую даже и В.М. Пуришкевич самоотверженно развозил по фронтам. Вся гвардия была заблаговременно убрана из столицы – и ее «бессмысленно губили на Стоходе», как писал генерал Б. Хольмстон. Действительно, губили – совершенно бессмысленно. Ибо отход русских армий вызывался не нехваткой

¹ *Мосолов А.А.* При дворе Императора / ген. А. Мосолов, б. начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора. Рига: Филин, 1936.

бойцов и еще меньше – нехваткой у них мужества, а просто недостатком вооружения: этот недостаток никакая гвардия, конечно, восполнить не могла. Гвардия была заменена «маршевыми батальонами», для размещения которых не нашлось, видите ли, места во всей России. Предупреждение Протопопова, предупреждение прессы, приказы Государя Императора не помогли ничему: маршевых батальонов из столицы не удалили.

Приказов Государя о переброске в столицу гвардейской кавалерии не выполнили. Столица была во власти «слухов» и в распоряжении маршевых батальонов. Не хватало одного: повода. Так, в 1914 году Германия Вильгельма Второго довела свою боевую готовность до последнего предела и войны откладывать не могла. Раздался «сараевский выстрел». Если бы не было его, нашлось бы что-то другое. Если бы не нашлось чего-то другого, было бы спровоцировано что-то третье: времени терять было нельзя.

В феврале 1917 года в Петербурге – не только в нем одном – действительно начались хлебные «перебои». Их обострили все те же слухи: хлеба скоро вовсе не будет. Обыватель бросился закупать и сушить хлеб в запас. В литературе были указания на сознательную подготовку этих перебоев. Указания эти проверить невозможно. М. Палеолог сообщает, что в результате исключительно жестоких морозов в январе и феврале 57 тысяч вагонов с хлебом застряли на железнодорожных путях, – это больше пяти миллионов пудов хлеба. Революционная пресса – уже после Февраля – сообщала, что Калашниковские склады оказались переполнены зерном, – это очень маловероятно, так как после «перебоев» февраля 1917 года дальнейшие месяцы, и каждый месяц все хуже и хуже, – приносили с собой переход от «перебоев» к просто голоду. Самое вероятное объяснение сводится все к той же предусмотрительности, на основании которой генерал Беляев предлагал развести мосты на покрытой саженым слоем льда Неве. Но, во всяком случае, хлебный бунт был наилучшим поводом к Февралю: хлебные перебои дискредитировали власть в самой гуще населения, а даже и маршевые батальоны автоматически ставились в очень неудобное психологическое положение: стрелять в голодных баб? Одно дело – социалисты и революционеры, другое дело – бабы, которым, может быть, дома детишек кормить нечем. И вот на этом общем фоне А.И. Гучков разыграл то ли свои, то ли не свои «Канны». О заключительном плане этих «Канн» рассказывает почти с полной ясностью сам А.И. Гучков («Падение царского режима». Т. IV. С. 277–278)¹:

¹ Падение Царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П.Е. Щеголев. Т. IV. М.–Л., 1927.

«Я ведь не только сочувствовал этим действиям, но и принимал активное участие. План заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить между Царским Селом и Ставкой императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство».

Это было заключительной частью гучковского стратегического плана. Как мы уже знаем, эта часть была выполнена на сто процентов: императорский поезд оказался отрезанным и от столицы, и от армии, Государь Император оказался в буквальном тупике, и никакого выхода у него не было. С. Ольденбург пишет (С. 257):

«Поздно гадать о том, мог ли Государь не отречься. При той позиции, которую занимали генерал Алексеев и генерал Рузский, возможность сопротивления исключалась: приказы Государя не передавались»¹.

С. Ольденбург выражается не совсем точно: приказы Государя не только не передавались — они отменялись.

Получив, наконец, достаточно веские данные о положении дел в Петрограде, Государь Император решил лично отправиться в столицу, но перед этим он отдал приказ об отправке туда шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков — из самых надежных, — плюс пулеметные команды. (На фронте «надежных частей» было сколько угодно.) Генерал Алексеев был против отправки этих частей, считая, что «при существующих условиях меры репрессий могут только обострить положение». По словам того же генерала Алексеева, Государь «не захотел разговаривать с ним» (С. *Ольденбург*. С. 248). И этот приказ Государя Императора был сорван: генерал Рузский своей властью распорядился не только прекратить отправку войск в помощь генералу Иванову, но и вернуть обратно в Двинский район уже отправленные эшелоны. В ту же ночь из Ставки было послано на Западный фронт от имени Государя предписание: уже отправленные части задержать на больших станциях, остальных — не грузить.

Что касается войск Юго-Западного фронта (гвардии), то Ставка еще днем 1 марта сообщила генералу Брусилову, чтобы отправка не производилась до особого уведомления!.. (С. 253) «Меры противодействия революции — отправка войск в восставший Петроград — были отменены именем Государя, но помимо его воли».

¹ Здесь и далее: *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Мюнхен: Общ-во распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. Т. 2. Гл. 21.

Между тем пресловутый Бубликов сам признавал:

«Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено» (С. 251).

Может быть, не нужно было даже и дивизии: там, где «восстание» наткалось на какое-то сопротивление, оно таяло как дым: на трубочном заводе поручик Гесса застрелил агитатора, и вся толпа разбежалась, бросив и знамена, и лозунги. Так что, может быть, хватило бы и семисот георгиевских кавалеров генерала Иванова. Но не пустили и их. В Таврическом дворце от времени до времени вспыхивала паника: вот придут части с фронта – и тогда что?

Словом, Государь отдал приказ о переброске в столицу шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков и пулеметных команд, – и направился в **заранее подготовленный для него тупик**. Поезд застрял на станции Малая Вишера – в 150 километрах от Петрограда, потом вернулся на станцию Дно и со станции Дно направился в Псков, в Ставку Северного фронта, которым командовал генерал Рузский.

Там, в Пскове, вечером 1 марта произошла поистине историческая беседа между Государем Императором и генералом Рузским. Нужно иметь в виду, что до этой беседы Государь Император провел сорок часов в поезде и был начисто отрезан от какой бы то ни было информации. В Ставку генерала Рузского Государь Император прибыл, по всей вероятности, как на некий опорный пункт. Сейчас же он получил телеграмму от генерала Алексеева с уже готовым манифестом об ответственном министерстве. Именно этому министерству была, по-видимому, посвящена историческая беседа между Государем Императором и генералом Рузским. Часть этой беседы передает С. Ольденбург по записи князя Васильчикова, со слов генерала Рузского – так что за точность передачи ручаться никак нельзя. До этой беседы генерал Рузский сказал свите Государя Императора: «Нужно сдаваться на милость победителей». И по-видимому, вся беседа была посвящена именно вопросу этой капитуляции.

«Генерал Рузский с жаром доказывал необходимость ответственного министерства. Государь возражал спокойно и хладнокровно и с чувством глубокого убеждения: “Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится. Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом или нет – безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело”».

«Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды тех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена... И высказывал свое убеждение, что те общественные деятели, которые, несомненно,

составят первый же кабинет, – все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться с своей задачей».

Сейчас, тридцать пять лет спустя, мы обязаны отдать должное «необыкновенной ясности» Государя Императора: «деятели» действительно не справились. Но во всяком случае, со стороны Государя Императора – если верить этой записи, – это был категорический отказ от «ответственного министерства». С. Ольденбург дополняет этот отказ и своими сообщениями: **бунт** умиряется не уступками, а вооруженной силой. Однако было уже сделано все, чтобы вооруженная сила не смогла применить своего оружия.

На следующее же утро генерал М. Алексеев, получив от генерала Рузского телеграмму с изложением этой исторической беседы, поставил вопрос ребром: уже не ответственное министерство, а отречение от престола. В 10 часов 15 минут 2 марта генерал Алексеев разослал всем командующим фронтам телеграмму следующего содержания:

«Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест, идя навстречу народному желанию учредить ответственное министерство перед палатами и поручить председателю Государственной Думы образовать кабинет. По сообщению этого решения Главкосевом председателю Государственной Думы, последний в разговоре по аппарату в три с половиной часа утра 2 марта ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы, председателю Думы хотя пока и верят, но он опасается, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича, **обстановка, по-видимому, не допускает иного решения** и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что армия и работа железных дорог находится фактически в руках **Петроградского Временного правительства**. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России, и судьбу Династии нужно поставить на первый план, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно через Главкосева, известив меня, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальствующими лицами армии нужно устано-

вить единство мысли и цели и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

Алексеев,

2 марта, 10 час. 15 мин.».

Одновременно с этой телеграммой генерал Рузский посылает в Ставку телеграмму, в которой сказано, что «при существующей обстановке он не считает возможным сосредоточение железнодорожных батальонов к Пскову, прибытие же их может лишь только осложнить обстановку». Этим отрезывается для императорского поезда возможность прорваться в Петроград.

Итак: фронтовые дивизии и полки оставлены. Железнодорожные батальоны оставлены. Генерал М. Алексеев сколачивает единый фронт генералитета уже не для ответственного министерства, а с требованием отречения. Генерал М. Алексеев ссылается при этом на данные Родзянки. В распоряжении генерала Алексеева, кроме данных Родзянки, должны были быть и данные военной контрразведки, которая была подчинена Ставке, которая работала действительно скандально плохо, но которая все-таки могла уловить положение в Петрограде, – уловил же его пресловутый Бубликов: довольно одной дисциплинированной дивизии, и вся эта охваченная, так сказать, превентивной паникой толпа просто разбежится.

Главнокомандующие фронтами и флотами – за единственным исключением генерала хана Нахичеванского¹, – поддержали «единый фронт». В телеграммах Государю Императору была вся та фразеология, которую вы еще и сейчас можете найти на страницах крайне правой прессы: и коленопреклонение, и рыдание, и «помощь Божию», и все что хотите – но во всех них стояло категорическое требование отречения. Государь Император оказался начисто изолированным от армии и от столицы, – как это и планировал А. Гучков. Телеграммы главнокомандующих, во всяком случае, означали одно: отказ от повиновения и от поддержки. Оставалась вооруженная охрана императорских поездов. Что было делать?

¹ Командир Гвардейского кавалерийского корпуса генерал Нахичеванский не был главнокомандующим. Все командующие фронтами, без исключения, поддерживали требование отречения Императора Николая II. Наряду с этим, по сведениям генерала А.И. Деникина, было «две телеграммы, посланные Государю командирами 3-го конного и Гвардейского конного корпусов, графом Келлером и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение Государя для подавления “мятежа”» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Глава VI). Оба генерала отказались присягать Временному правительству, оба впоследствии были расстреляны.

План А.И. Гучкова удался на сто процентов. Дальнейшие проценты он стал приносить впоследствии, – вплоть до сегодняшнего дня. А.И. Гучков в сопровождении В.В. Шульгина приехал в Псков диктовать Императору условия отречения. Этой диктовки Император не принял, – текст отречения написал он сам.

Так был закончен «династический переворот», который, если верить С. Ольденбургу, стал вчерне намечаться еще в столыпинские времена.

В чем, собственно «фальшивка»

В течение более чем трех десятков лет склоняется во всех мыслимых и немыслимых падежах «народная Февральская революция». Я, опираясь почти на правые источники, а также и на более или менее общеизвестный ход событий 1916–1917 годов, пытался показать, что к Февралю «народ» не имел ровно никакого отношения. И А. Мосолов, и И. Якобий, и С. Ольденбург – люди правые оперируют все время терминами «дворцовый заговор», «военно-дворцовый заговор», «измена бродила **вокруг** престола». Конечно, и сто тысяч чухонских баб входит все-таки в состав «народа». Входят, конечно, и тысяч двести запасных. В общем, и бабы, и гарнизон дали бы от одной десятой до одной пятой одного процента всего населения страны. Остальных 99%... никто ни о чем не спрашивал. И если генерал Эверт в своей телеграмме утверждал, что «на армию в ее настоящем составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя», то совершенно очевидно, что – можно ли, нельзя ли, – этого генерал Эверт знать не мог. Ибо подавлять он и не пробовал. Так же очевидно, что если бы даже на всю армию действительно рассчитывать было нельзя, то десяток надежных дивизий для этого, во всяком случае, нашелся бы. Однако «надежных дивизий» в Петроград не пустила Ставка, то есть генерал Алексеев.

Февраль 1917 года – это почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросшего в март, июль, октябрь и так далее... Нет, конечно, никакого сомнения в том, что революционные элементы в стране существовали, – в гораздо меньшем количестве, чем в 1905 году, но существовали. В 1905–1906 годах их подавили. В 1917 году их подавлять **не захотели**. Левые русские деятели несколько лет подряд хвастались своими достижениями Февраля – пока целый ряд документов доказал с безусловной степенью очевидности, что в февральских событиях они были совершенно ни при чем. Дальнейшие события показали, что хвастаться вообще нечем. Основную «осевую» роль в этом перевороте играл, конечно, генералитет – в этом тоже

не может быть **ни малейшего сомнения**. Без самой активной, технически тщательно продуманной помощи генералитета, ни А. Гучков, ни даже пресловутый Бубликов, само собою разумеется, не могли сделать ничего. Вопрос заключается в следующем: из каких же соображений действовал русский генералитет?

Самое вероятное объяснение сводится к тому, что политически он был вопиюще неграмотен. И очень может быть, что Гучкову и прочим людям Земторга и Военно-промышленного комитета, сталкивавшимся с генералитетом, удалось убедить генералов в том, что политика Государя Императора действительно ведет армию к поражению и страну к гибели. Вне всякого сомнения, на этот генералитет производилось очень сильное давление справа. Самое снисходительное объяснение всей техники заговора могло бы заключаться в том, что генералитет был искренне уверен в неспособности Государя Императора, во влиянии Государыни Императрицы (Распутин к этому времени уже отпал) и в том, что «вся страна» настроена против Монарха. Это, конечно, не очень лестное объяснение, но все-таки наименее нелестное, какое только можно подыскать. В неразумно правых кругах имеет хождение вариант об «английской интриге». С. Ольденбург этому варианту не верит: «Весьма мало правдоподобно, чтобы Англия, особенно в такой момент, когда исход войны еще не определился, отважилась бы на страшный риск крушения великой союзной державы». М. Палеолог отрицает «английскую интригу» самым категорическим образом, и в качестве иллюстрации ссылается на совершенно такую же легенду о той же английской интриге, связанную с цареубийством 11 марта 1801 года. Легенду об интриге лорда Уитворта М. Палеолог обрывает самым простым образом – указанием на то, что лорд Уитворт покинул Россию почти за год до убийства Императора Павла Первого. В отношении к Февралю такой способ исключается – сэр Бьюкенен оставался в России очень долгое время и после революции. Однако все указания на «английскую интригу», в том числе и указание генерала Спиридовича, носят замечательно расплывчатый характер. С таким же основанием можно ссылаться на йогов, магов, волшебников и прочих людей того же сорта. Ни одного конкретного факта я нигде в литературе не нашел. И кроме того, если даже и была «интрига», то «интрига» распоряжалась русскими генералами, как пешками. Теория политической ошибки может дать «смягчающее вину обстоятельство». Теория «английской интриги» не дает никакого. Люди, оперирующие этой последней теорией, просто не дают себе труда додумать дело до конца: английская интрига – это значит английское золото. О цареубийстве 11 марта так и говорилось:

английское золото. О перевороте Февраля говорится туманнее: просто «интрига». Каким именно способом могла «английская интрига» подчинить себе русский генералитет – об этом, кажется, не говорил никто. Можно как угодно выворачивать наизнанку роковые события Февраля, но, если придерживаться точки зрения «английской интриги», это будет означать, что русские генералы продали Русского Царя по приказу иностранного посольства. Это, конечно, будет намного хуже политической неграмотности.

Зачем это нужно?

Нам, народным монархистам, – не «цензовым» и прочим, – необходимо установить ту правду, что между Царем и народом если и было «средостение», то не было антагонизма. Что если Государь Император делал для России и для народа все, что только было в человеческих силах, – то и народ отвечал ему своим доверием. Что революция – обе революции: и Февральская, и Октябрьская – вовсе не вышли из народа, а вышли из «средостения», которое хотело в одинаковой степени подчинить себе и монархию и народ.

Всякий разумный монархист, как, впрочем, и всякий разумный человек, болеющий о судьбах своей Родины (а в том числе и о своей собственной судьбе), не имеет права подменять факты декламациями и даже галлюцинациями. Мы обязаны установить тот факт, что российская монархия петербургского периода НЕ БЫЛА гармоничной монархией, какой была московская. Что дворцовые заговоры и перевороты шли, собственно, почти непрерывным «фронтом». Будущая российская монархия не может быть восстановлена не только без «народного голосования», но и без всенародной помощи. Отстраивая эту монархию в очень тяжелых условиях, – легких условий не видать, – мы обязаны учесть все тяжкие уроки нашего прошлого и заранее обеспечить будущую российскую монархию от ее самого страшного врага – внутреннего. И в его самом страшном варианте – коленопреклоненном.

Миф о Николае Втором

В свое время я изрек некую истину: «Гений в политике – это хуже чумы». В те времена эта истина была сообщена почти без доказательств. Несколько позже по поводу нее меня свирепо допрашивали в гестапо: кого это я, собственно, имел в виду? Я отвечал невинно: конечно, Сталина. Еще позже я пытался обосновать эту истину так: гений – это человек, выдумывающий нечто принципиально новое. Нечто принципиально новое, естественно, входит в конфликт со всем, что называется «старым». Но так как жизнь человеческого общества базируется на целой сумме старых навыков, верований, традиций и чего хотите еще, то гению остается одно: попробовать сломать «косность среды» методами вооруженных доказательств. Из этого никогда ничего путного не выходило.

Гений в политике – как и в других областях человеческой жизни, кроме науки, – поставляет ничем не заменимый материал для экранных и литературных Холливудов всех эпох. О докторе Дженкинсе¹, который нам с вами дал оспенную прививку, вы, я полагаю, не знаете или почти ничего, или вообще ничего. Вероятно, не знают о нем и сестры милосердия. Но о Екатерине Великой исписаны целые библиотеки романов и накручены миллионы верст фильмов. Я не занимаюсь никаким утопизмом и никаким прожектерством и не собираюсь предлагать Холливуду фильм из жизни Дженкинса или Менделеева. Но нынешнему русскому читателю стоит предложить некоторые – в общем, довольно простые соображения. Вот из числа тех, которые нам в голову не приходили, – пока голова была в безопасности.

Итак: Ганнибал был, вероятно, величайшим полководцем истории: его «Канны» с тех пор пытались «догнать и перегнать» все полководцы мира и никому это не удалось². Ганнибал действительно «чуть-чуть» не захватил Рима. Но Карфаген он погубил окончательно. И в изгнании покончил жизнь самоубийством.

Цезарь был тоже гением. Римскую демократию он заменил первым в европейской истории тоталитарным режимом, Рима не спас и был зарезан своим лучшим другом – почти как Троцкий.

Карл Великий резал публику налево и направо, никакой Империи не создал и вообще у него ни из чего ничего не вышло.

¹ Вернее: Дженнере.

² См. с. 458, сноска 1.

В гении попал и наш Петр Первый. Его карьера кончилась более мирно: капитуляция всей армии на Пруте, опустевший престол, почти сто лет порнокрапии и крепостное право.

Был гением и Наполеон: Ваграм и Аустерлиц, свод законов и стихи Гейне о двух гренадерах – коронный номер Шаляпина¹. Даже и Лермонтов соблазнился:

Хвала, он русскому народу
Великий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал².

Какую это свободу каким это народам мог завещать наследник Цезаря и предшественник Сталина – остается мало понятным. Но в общем все это кончилось так: Франция обескровлена вконец, Европа разорена, тираны и казаки в Париже, а гений на острове Святой Елены. Потом был «гений Гитлера». Теперь живет еще гений Сталина. Подождем. Гениев по осени считают.

В числе тех еретических мыслей, которые в свое время были высказаны в моей газете, была и такая: Николай Второй был самым умным человеком России. Сейчас, восемь лет спустя, в мою фразу о Николае Втором я внес бы некоторое «уточнение»: с момента его отречения от престола в мировой политике – **во всей мировой политике**, – более умного человека не было. Или еще точнее – или осторожнее – никто ничего с тех пор более умного не сделал.

Напоминаю исторический и общественный ход событий. У нас после гибели Николая Второго погибли: Милюков, Керенский, Троцкий, Бухарин и еще несколько сотен столь же талантливых людей. И мы вместе с Милюковым, Керенским, Троцким, Бухариным и еще несколькими сотнями столь же умных людей тоже катимся со ступеньки на ступеньку.

В Германии с тех пор выведены в исторический и прочий расход Вильгельм Второй, Веймарская конституция и гитлеровский Третий Рейх. Немцы за это время проделали тот же процесс, что и мы. Или почти такой же.

После устранения двух реакционных монархов – в притоне Лиги Наций собрался «цвет человечества». Цвет человечества лил потоки красноречия и водопады шампанского. Клемансо – «отца победы» – вышибли вон. Вильсона, отца «четырнадцати пунктов» – вышибли вон. Ллойд Джорджа,

¹ Стихотворение Г. Гейне «Два гренадера» в переводе М.Л. Михайлова на музыку Р. Шумана.

² Заключительные строки стихотворения А.С. Пушкина «Наполеон» (1821).

отца «торговли с людоедами» – тоже вышибли вон. Ни из чего ничего не вышло: ни из примирения с Германией, ни из разоружения Германии. Ни из помощи Белой армии, ни из признания большевиков. Ни из посредничества между Японией и Китаем, ни из попыток посредничества в греко-турецкой войне. Я в свое время писал, что удостоверения Лиги Наций следовало бы печатать на бланках желтых билетов¹. У М. Алданова есть очерки заседаний Лиги Наций, которые, вероятно, являются мировым рекордом в области политического репортажа. Прочтите их – и не пеняйте на желтый билет.

Итак, вот: был цвет человечества. Самые избранные из самых избранных. Они произносили по сто красивых слов в минуту. Кое-кто и по триста. За это время шла война в России, шла война на Дальнем Востоке, шла война в Турции, шла война в Испании. Были и «инциденты»: польский генерал захватил литовскую Вильну. Муссолини захватил Абиссинию. Лига Наций говорила: ах, как нехорошо! Потом Гитлер захватил Рейнскую область. Потом Австрию. Потом Чехию. К моменту абиссинской войны «англичанин мудрец» оказался без снарядов: флот снарядов не имел. К моменту гитлеровских неприятностей тот же мудрец страшно боялся... французского подводного флота. Словом – под прикрытием цвета человечества мирно зрел плод Второй мировой войны. Потом было 110 союзных дивизий против пяти немецких – и под прикрытием этого блефа Гитлер съел Польшу. Сталин помогал, французы безмолвствовали. Потом Гитлер съел Францию – и Сталин был очень доволен. Потом у Гитлера оказались развязанные руки, и Сталин оказался лицом к лицу со своим вчерашним другом, союзником и почти благодетелем: на советском фронте германские самолеты питались сталинскими же смазочными маслами. Потом товарищ Сталин был лучшим другом Черчилля. Потом все это временно задержалось на линии Штеттин-Триест. А – что будет еще потом? Нет, я не считаю Николая Второго «гением»...

Очень трудно было бы считать «гением» и Александра Первого. В 1814 году «Лигой Наций» был он. Собственно, в единственном числе. Никто повешен не был. Ни одного клочка земли у Франции отнято не было. Даже и от миллиардной контрибуции «всеевропейский жандарм» отказался. Не было: ни репараций, ни репатриаций. Ни революций, ни войн. Не было концентрационных лагерей, хотя нечто вроде колхозов у нас уже было: военные поселения. Военные поселения нам «втемяшили в голову». А знаете ли вы, что военные поселения были введены – как и колхозы – на самом строгом основании самой современной науки?

¹ Желтый билет – документ, выдававшийся в Российской Империи вместо паспорта и дававший право легально заниматься проституцией.

И проект выработал наш ученый историк профессор князь Щербатов. К сожалению, Александр Первый некоторое философское образование все-таки имел. Так что колхозы академика Щербатова были проведены в жизнь. Потом всю вину за них свалили на Аракчеева. О том, чего говорить не надо – наука умеет не говорить. Словом – в 1814 году была «кровавая реакция». В 1918 был бескровный прогресс.

Основное преимущество монархии (повторяю еще раз: я говорю только о русской монархии) заключается в том, что власть получает средний человек и получает ее по бесспорному праву случайности: по праву рождения. Он, как козырный туз в игре, правила которой вы признаете. В такой игре такого туза даже и Аллах не бьет. Этот средний человек, лишенный каких бы то ни было соблазнов богатства, власти, орденов и прочего – имеет наибольшую в мире свободу суждения. Американский писатель мистер Вудсворт – бывший коммунист и потом бывший банкир (может быть, раньше банкир и только потом коммунист) – мечтал о том, как было бы хорошо, если бы на мирных и мировых конференциях заседали просто булочники, сапожники, портные и прочие – хуже Лиги Наций все-таки не было бы. Говоря очень грубо – русская монархия реализовала вудсвортовскую мечту: средний человек, по своему социальному положению лишенный необходимости «борьбы за власть» и поэтому лишенный по крайней мере необходимости делать и гнусности. Ошибки будет, конечно, делать и он. Но **меньше**, чем кто бы то ни было другой.

...Мы живем в мире втемяшенных представлений. Мы называем: Петра Первого – Великим, Александра Первого – Благословенным и Сталина – гением. Поставим вопрос по-иному.

При Петре Первом – Швеция Карла XII, которая Германией Вильгельма Второго, конечно, никак не была, – дошла до Полтавы. Александр Первый, которого история называет Благословенным, – пустил французов в Москву – правда, Наполеон был не чета Карлу. При Сталине, Гениальнейшем из всех Полководцев Мира, – немцы опустошили страну до Волги. При Николае Втором, который не был ни Великим, ни Благословенным, ни тем более Гениальнейшим – немцев дальше Царства Польского НЕ ПУСТИЛИ: а Вильгельм Второй намного почище Гитлера.

* * *

При Николае Втором Россия к войне готова не была. При Сталине она готовилась к войне по меньшей мере двадцать лет. О Шведской войне Ключевский пишет: «Ни одна война не была так плохо подготовлена»¹.

¹ Русско-шведская война 1808–1809 гг. закончилась подписанием мирного договора во Фридрихсгаме, по которому к России отходила вся Финляндия, что ознаменовало собой конец многовековых войн между Российским государством и Швецией.

Я утверждаю: никогда ни к одной войне Россия готова не была и никогда готова не будет. Мы этого не можем. Я не могу годами собирать крышки от тубиков, и вы тоже не можете. Я не хочу маршировать всю жизнь, и вы тоже не хотите. А немец – он может. В 1914 году Германия была, так сказать, абсолютно готова к войне. Это был предел почти полувековой концентрации всех сил страны. Это было как в спортивном тренинге: вы подымаете ваши силы до предела вашей физиологической возможности. Больше – поднять нельзя и нельзя держаться на этом уровне. Нужно: или выступить, или отказаться от выступления. Так было и с Германией Вильгельма. С Германией Гитлера был почти сплошной блеф.

Поэтому война с Германией была неизбежна. Это знал Николай Второй, и это знали все разумные и информированные люди страны – их было немного. И их травил интеллигенция. Один из самых реакционных публицистов этой эпохи, сотрудник «Нового времени» М.О. Меньшиков повторил литературный фокус Катона Римского. Катон каждую свою речь кончал так: «Прежде всего нужно разрушить Карфаген». М.О. Меньшиков каждую статью кончал так: «А есть ли у нас достаточно пулеметов?»

Пулеметов у нас было недостаточно. Не хватило, впрочем, их и у Вильгельма: к зиме 1914–1915 года ни у кого ничего не хватило. Но нам от этого пришлось тяжелее всего: фронт был слишком широк.

До Русско-германской войны была еще и Русско-японская неудача. Война с Японией была так же неизбежна, как и война с Германией, – хотя и по другим причинам. Нам был нужен выход из всей Сибири, японцам никак не было нужно, чтобы мы этот выход имели бы под самым их носом. Истории с пресловутыми лесными концессиями на Ялу имеют точно такое же значение, как те обвинения, которые в ночь на 22 июня 1941 года герр Риббентроп предъявил Советскому Союзу: стопроцентная ерунда.

Войну с Японией мы прозевали и потом проиграли. В общем, она была повторением Крымской войны: чудовищные расстояния между страной и фронтом, морские коммуникации противника – и, о чем историки говорят глухо или не говорят вовсе – фантастический интендантский грабеж. В Крымскую войну пропивалась даже «солома для лазаретов», а в Японскую целые дивизии сражались с картонными подметками к валенкам. В Крымскую войну этим промышляли сыновья декабристов, в Японскую – их правнуки. В Мировую Великий князь Николай Николаевич вешал интендантов пачками: воровства не было.

Итак – неизбежная, но прозванная война, недооценка противника, 8 тысяч верст по единственной и еще недостроенной железной дороге – японцы так и начали войну: пока дорога еще не достроена – ника-

ких особых неудач, середняцкое командование – героическая армия – и, как в 1917 году – «кинжал в спину победы» – тыловые части российского интендантства. Русская революционная интеллигенция идет на штурм. Революция 1905 года. В революции 1917 года немецкие деньги ясны. О японских деньгах в революции 1905 года наши историки говорят так же глухо, как и о задушевных планах декабристов. Или – о письме Бакунина Царю¹.

Словом: соединенными усилиями японцев, интендантства и интеллигенции война проиграна. Наступает «Дума народного гнева». Дума народного гнева, и также и ее последующее перевоплощение, отклоняет военные кредиты: мы – демократы, и мы военщины не хотим. Николай Второй вооружает армию путем нарушения духа Основных Законов: в порядке 86-й статьи. Эта статья предусматривает право правительства в исключительных случаях и во время парламентских каникул проводить временные законы и без парламента – с тем, чтобы они задним числом вносились бы на первую же парламентскую сессию. Дума распускалась («каникулы»), и кредиты на пулеметы проходили и без Думы. А когда сессия начиналась – то сделать уже ничего было нельзя.

Так вот: одним из самых основных воителей против вооружения русского солдата был профессор П.Н. Милюков. И когда выяснилась недостаточность этих пулеметов – то именно профессор П.Н. Милюков и обвинил Николая Второго в «глупости или измене»!

М.О. Меньшиков был прав: с 1906 до 1914 года «пулеметы» были самой важной проблемой государственного существования России. По плану Николая II перевооружение русской армии и пополнение ее опустевших arsenалов должно было завершиться в 1918 году.

Русско-германская война началась в 1914 году по той же причине, как Русско-японская в 1905 году: пока не был закончен Великий сибирский путь и пока не было кончено перевооружение русской армии. Только и всего. Япония не могла ждать, как не могла ждать и Германия. Как в 1941 году не мог больше ждать Гитлер.

Итак: началась война. Правительство Николая Второго наделало много ошибок. Сейчас, тридцать лет спустя, это особенно видно. Тогда, в 1914-м, это, может быть, так ясно не было. Основных ошибок было две: то, что призвали в армию металлистов, и то, что не повесили П.Н. Милю-

¹ Находясь в заточении в Петропавловской крепости, Михаил Бакунин написал в 1851 г. Императору Николаю I покаянную «Исповедь». В 1857 г. Бакунин написал «молящее письмо преступника» Александру II с просьбой о помиловании. В результате он был освобожден из тюремного заточения и отправлен на вечное поселение в Сибирь (откуда впоследствии сбежал).

кова. Заводы лишились квалифицированных кадров, а в стране остался ее основной прохвост. В день объявления войны П.Н. Милюков написал в «Речи» пораженческую статью. «Речь» все-таки закрыли; потом Милюков ездил извиняться и объясняться к Великому князю Николаю Николаевичу, и тот сделал ошибку: «Речь» снова вышла в свет, а Милюков снова стал ждать «своего Тулона»¹. Тулон пришел в феврале 1917 года.

Это были две основные ошибки. Правда, в те времена до «мобилизации промышленности» люди еще не додумались, а политических противников вешать принято не было: реакция. Впрочем, своего сэра Кэзмента англичане все-таки повесили. Поплакали, но повесили.

В 1939 году Сталин с аппетитом смотрел, как немцы съели поодиночке: Польшу, Голландию, Бельгию и, главное, – Францию. И – остался со своим другом с глазу на глаз. В 1914 году положение на французском фронте было, собственно, таким же, как и в 1940: Жоффр расстреливал целые дивизии, чтобы удержать их на фронте. Германская армия двигалась с изумительно той же скоростью, как и в 1871, и в 1940. Русские реакционные железные дороги справились с мобилизацией армии на две недели раньше самого оптимистического расчета русского Генерального штаба. И самого пессимистического расчета германского Генерального штаба. Но наша мобилизация закончена все-таки не была: расстояния. Николай II – по своей Высочайшей инициативе – лично по своей – бросил самсоновскую армию на верную гибель. Армия Самсонова погибла. Но Париж был спасен. Была спасена, следовательно, и Россия – от всего того, что с ней в 1941–1945 годах проделали Сталин и Гитлер. Ибо если бы Париж был взят – то Франция была бы кончена. И тогда против России были бы: вся Германия, вся Австрия и вся Турция. Тогда дело, может быть, не кончилось бы и на Волге.

Я еще помню атмосферу этих дней. Паника. Слухи. Измена. Глупость. Мясоедов, Сухомлинов, Распутин. Потом – после войны – Фош и Черчилль с благодарностью вспоминали «глупость или измену», которая спасла Париж, спасла союзников – и чуть-чуть было не спасла Россию.

Потом – война зарылась в землю. Русские, немецкие, французские, английские и прочие военные полуспецы, пишущие военные истории, разбирают военные ошибки: Жоффра и Фоша, Николая Николаевича и Алексеева, Николая Второго и Черчилля, Гинденбурга и Людендорфа. Я стою на той точке зрения, что все это не имеет в о в с е никакого значения. И по той совершенно простой причине, что на всех фронтах были одинаковые генералы, делавшие одинаковые ошибки, и что в конечном счете эти ге-

¹ То есть удачного начала карьеры. Осада Тулона в 1793 г. стала блестящим началом карьеры никому не известного молодого капитана Наполеона Бонапарта.

нералы и эти ошибки выравнивались автоматически. Сегодня – запоздал Ренненкампф, завтра – запоздает Макензен. Не судят, конечно, только победителей. Нужно же иметь символ победы. Или в противном случае – нужно же иметь козла отпущения. Иногда, впрочем, роли несколько перемешиваются: жертва поражения становится символом грядущей победы; так случилось с нашими декабристами.

Я не знаю, насколько наши генералы были хуже или лучше германских. Я не знаю, был ли Куропаткин действительно такой бездарностью, как у нас принято думать. Да, подбор и выдвижение высшего командного состава было поставлено отвратительно – об этом пишет и Деникин. Да, русская военная доктрина была чисто германской – о Суворове забыли начисто и зубрили Клаузевица. Но приблизительно так же был поставлен подбор генералитета и в германской армии. И она тоже базировалась на Клаузевице. Общая подготовка германской армии была неизмеримо выше нашей: вся страна сотню лет экономически, психологически и профессионально готовилась к войне – «последней и решающей». Во всяком деревенском трактире был свой почетный стол, за который могли садиться: аристократия деревни и участники войны – орденоносцы. Если в каждой деревне так делается сто лет, то это, конечно, действует. У нас это просто не было возможно, – как и собирание тюбиков. Вся машина германской армии была сколочена гораздо крепче нашей – это помогло мало. Наша машина, как и всегда в нашей истории – сколачивалась на ходу. Недавнее прошлое этой машины – было очень плохо: две неудачные войны – Крымская и Японская, отвратительное положение офицерства – нищего, забитого, презираемого «общественностью» и преследуемого революционерами, общепринятая пропаганда против милитаризма, империализма, золотопогонников, опричников и прочее и прочее. И это, впрочем, помогло мало. Первые дни и месяцы войны продемонстрировали поистине изумительный сдвиг: вчерашних опричников носили на руках. Вчерашние демонстранты и революционеры перли добровольцами. Толпы и десятки тысяч человек ходили с царскими портретами. И вот, тут-то наши последующие историки нам говорят: да же и этого подъема Николай не сумел использовать. А – как было «использовать»?

Оглядываясь на эти героические и решающие годы, я теперь думаю, что во всей России было только три человека, которые точно знали, чего они хотели: Николай II, Милюков и Ленин. Русского народа, в сущности, не знал никто из них. Николай Второй его просто не мог знать во дворце, да еще и в нерусском Петербурге. Но Николай Второй действовал на основании традиции – и традиция более или менее совпадала и с общим инстинктом русского народа. Николай Второй хотел: победы, укрепления

престола и замены Государственной Думы чем-то по крайней мере более приличным. Милюков и Ленин хотели власти и только власти. И никакие приличия на их дороге не стояли. Биография Ленина более или менее известна. В своей книге «Две интеллигенции» я привожу самые основные этапы политической биографии Милюкова. Это – или полная бессовестность, или полная безмозглость. Или и то, и другое вместе взятые. Что в 1914–1916 году означал рецепт «использовать народный подъем»? Или «протянуть руку народу»? Или «найти общий язык со страной»? Только одно: передать всю власть в руки Милюкова-Ленина. То есть организовать полусовдепское Временное правительство уже в 1914 году.

Подъем был действительно небывалый. Не потому ли Милюков сменил вехи и стал проповедовать захват Дарданелл? Еще летом 1917 года Ленин на митинге клялся и божился, что и он – за войну до полной победы, – это Ленин, прибывший в Питер битком набитый немецким золотом и немецкими чеками. На этом митинге я в первый раз слышал Ленина. Оратор он был отвратительный: картавил, путался, потел и волновался страшно. Пролетариат Ленину не верил ни на копейку, и ленинская речь все время прерывалась ироническими возгласами. Было действительно трудно на немецкие деньги изворачиваться о полной победе. Но Ленин знал, чего он хочет. Знал и Милюков. Не потому ли странные личные симпатии этих двух людей: Ленин несколько раз писал: из всех наших противников Милюков самый умный. Милюков все время сворачивал на эволюцию советской власти. Очень вероятно, что в наследники этой эволюции метил он сам: милюковского дара предвидения хватило бы и на это.

Так вот: война. И еще до нее, после Столыпина – начало перековки русской интеллигенции. Осенью 1912 года у нас в университете еще были забастовки и «беспорядки». И еще вмешивалась полиция. Зимой 1913–1914 годов мы уже обходились и без полиции – мы просто били социалистов по зубам. Это было, конечно, некультурно. Но, странным образом, это помогало лучше, чем полиция. Получивши несколько раз по морде, центральные комитеты и члены центральных студенческих комитетов РСДРП и СР как-то никли и куда-то проваливались. Осенью 1914 года студенчество поперло в офицерские школы – добровольцами. Правительство старалось не пускать: весь мир предполагал, и Германия тоже, что война продлится месяцев шесть. Правительство дорожило каждой культурной силой. Народные учителя от воинской повинности были освобождены вообще. Студентов резали по состоянию здоровья: меня не приняли по близорукости. Не думаю, чтобы когда бы то ни было и где бы то ни было существовало правительство, которое держало бы свою интеллигенцию в такой золотой ватке и была бы интеллигенция, которая

так гадила бы в эту ватку. Но уже и до 1914 года был перелом. В 1914 году наступил геологический сдвиг. Что было делать Николаю Второму, и что было делать Милюкову?

Снарядов не было все равно. И никакой энтузиазм не мог накопить их раньше, чем года через два. Союзных поставок не было во все — мы были начисто отрезаны от внешнего мира. Стали строить заводы военного снаряжения и в непотребно короткий срок построили Мурманскую железную дорогу — кстати: в свое время постройка Сибирского пути шла почти в полтора раза скорее, чем современная ей постройка Тихоокеанского пути. «Стратегия войны» была проста до очевидности: нужно как-то продержаться. К тому именно времени относится почти анекдотический визит американской комиссии на русские военные заводы. Комиссия должна была их инспектировать. Комиссия осмотрела казенные военные заводы и довольно поспешно уехала обратно в САСШ: наши заводы оказались очень новы и очень нужны и для САСШ. В своей книге о социализме я ставлю и такой вопрос: казенные заводы были казенными заводами, то есть предприятиями социалистического типа. Нигде во всей русской литературе я не нашел не только ответа на вопрос, но даже и вопроса: чем объяснить их блестящую работу? Этим наша «наука» не поинтересовалась. А может быть, и некоторый процент «социализма» был бы вовсе не так утопичен именно при «самодержавии»...

Имейте ввиду: все эти годы я провел в качестве репортера. Может быть, мне когда-нибудь удастся написать о том, как шла в России настоящая борьба за власть: не о декоративных заседаниях, комиссиях, блоках, приглашениях, программах, обещаниях, восклицаниях и прочем — а о том, что совершалось на низах: в казармах, на заводах, на Обводном канале, в полицейских участках и ночлежках. Так, например, последние предреволюционные месяцы я был рядовым лейб-гвардии Кексгольмского полка. Это был не полк, и не гвардия, и не армия. Это были лишенные офицерского состава биологические подонки чухонского Петербурга и его таких же чухонских окрестностей. Всего в Петербурге их было до трехсот. Как могло правительство проворонить такие толпы? Летом 1917 года я говорил об этом Б. Савинкову — он тогда был военным министром. Савинков обозвал меня паникером.

Что было делать Николаю Второму? Только одно: готовить победу. Что было делать П. Милюкову? Только одно: срывать победу. Ибо если бы конец 1917 года — как на это рассчитывал Николай Второй, принес бы России победу, — то карьера П.Н. Милюкова и вместе с ней все надежды и все упования русской революционной интеллигенции были бы кончены навсегда. «Пятидесятилетний план» Николая Второго, его деда и его отца,

его предков и его предшественников был бы «выполнен и перевыполнен». Россия одержала бы победу – под личным командованием Царя. При каком бы то ни было участии Русского Царя в какой бы то ни было «Лиге наций» ничего похожего на женевский публичный дом не было бы возможно. При консолидированной России – никакой Гитлер не попер бы на Вторую мировую войну, Гитлер так и писал – «русская революция есть для нас указующий перст Провидения» – Провидение подвело. В 1930-х годах при соблюдении довоенного промышленного темпа – Россия приблизительно «обогнала» бы САСШ – не по всем показателям, но по очень многим. Мы с вами не сидели бы здесь – но это, конечно, не имеет никакого значения. Имеет значение другой вопрос: что стало бы с «эпохой войны и революций», на которую нацеливался ведь не только один Ленин. Для русской революционной интеллигенции, как для Японии 1905 года, для Германии 1914 или Сталина в 1947 году – выхода бы не было. О том, что Сталин в 1947 году не мог действовать иначе, чем он действовал, я пишу в другом месте. Сейчас скажу только очень схематически: принятие плана Маршалла означало бы подчинение капиталистическим методам, а эти методы Сталина бы съели¹. Очищение Венгрии, или Польши, или прочего в этом роде означало бы создание в Венгрии, или Польше, или в прочих – правительства и армии, исполненных предельной ненависти и к коммунистам, и к коммунистам-завоевателям. СССР оказался бы охваченным тесным кольцом стран и народов, на которых не могла бы подействовать никакая коммунистическая пропаганда. В СССР пришлось бы вернуть еще и еще сотни тысяч солдат и офицеров Красной армии. И на границах СССР держать новые миллионы – защиту против вчерашних «сателлитов». Пришлось бы поставить крест над мировой революцией. И ждать капиталистической консолидации всего мира, консолидации, которая в конечном счете не может не взять за горло русский отряд мировой революционной сволочи: всех этих коммунистов, энкаведистов, погонщиков и палачей. Их – от пяти до десяти миллионов. Под ними – вечно, хотя и глухо, бурлящее море народного недовольства. И в этой обстановке принять план Маршалла?

1916 год был последним годом интеллигентских надежд. Все, конечно, знали это – и союзники, и немцы, знал это, конечно, и Милюков, – что армия, наконец, вооружена. Что снаряды уже в избытке, и что 1917 год будет годом победы: над немцами и над революцией. Но тогда – конец. Не только для Милюкова, но и для всей интеллигентской традиции. Ибо она, эта традиция, будет разгромлена не только фактически – победой, одержанной без нее, – но и принципиально: будет доказано, что

¹ См. с. 417, сноска 1.

процветание, мир и мощь России достигнуты как раз теми антинаучными методами, против которых она боролась лет двести подряд, и что ее методы – научные и философские – не годятся никуда и что, следовательно, – она и сама никуда не годится.

То, что в России произошло 19 февраля 1861 года, с «научной» точки зрения есть чудо: вмешательство надклассовой личной воли в самый страшный узел русской истории. Что, если путем такого же «чуда» – и Царь и народ найдут пути к развязыванию и других узлов? Ведь вот – уже при министерстве С.Ю. Витте Николай Второй повелел разработать проект введения восьмичасового рабочего дня – восьмичасового рабочего дня тогда еще не было нигде. Этот проект был пока что утопичен, как был утопичен и манифест Павла Первого об ограничении барщины тремя днями в неделю. Но он – указывал направление и ставил цель. Направление было указано верно, и шестьдесят лет спустя цель была достигнута.

Что – если русское самодержавие достигнет русских целей и без Милюкова? Или человечество – человеческих целей и без Сталина? 1916 год был двенадцатым часом русской революции и русской революционной интеллигенции: или сейчас, или никогда. Завтра будет уже поздно...

И вот российская интеллигенция бросилась на заранее подготовленный штурм. Вся ее предыдущая вековая деятельность выяснила с предельной степенью ясности: ни за каким марксизмом, социализмом, интернационализмом – ни за какой философией русская масса не пойдет.

Вековая практическая деятельность социалистических партий доказала с предельной степенью наглядности: никакая пропаганда против Царской власти не имеет никаких шансов на успех, и рабочие и тем более крестьянство такой пропагандой только отталкиваются – центральные комитеты СД и СР партий рекомендовали своим агитаторам ругать помещиков и фабрикантов, – но совершенно обходить закон о Царе. Революцию можно было провести только под патриотическим соусом. Он был найден.

Кто начал революцию? Думаю, что принципиально ее начал патриарх Никон: первой инъекцией иностранной схоластики в русскую жизнь. Его поддержал правящий слой, жаждавший привилегий по шляхетскому образцу. В 1914–1917 году самое страшное изобретение революции было сделано петербургской аристократией. Это – распутинская легенда. Напомню: он был единственным, кто поддерживал жизнь Наследника престола, который был болен гемофилией. Против гемофилии медицина бессильна. Распутин лечил гипнозом. Это была его единственная функция – никакой политической роли он не играл. При рождении – и при почти конце этой ле-

генды я присутствовал сам. Родилась она в аристократических сплетнях – русская аристократия русской монархии не любила очень – и наоборот. В эмигрантской литературе были и подтверждения этого расхождения. Эмигрантский военный историк Керсновский, идеолог офицерства – или еще точнее – офицерской касты писал: «Сплетня о Царице-любовнице Распутина родилась в “великосветских салонах”. За эту сплетню милюковцы ухватились руками и зубами: это было именно то, чего не хватало. “Проклятое самодержавие” на массы не действовало никак. Но Царица – изменница и шпионка, и любовница пьяного мужика. И Царь, который все это видит и терпит. И армия, которая за все это платит кровью?»¹

Санкт-Петербург – как истерическая баба. Трибуна Государственной Думы стала тем же, чем сейчас для товарища Молотова служит трибуна всех конференций: не для организации мира, а для разжигания революции. Милюков гремел: «Что это – глупость или измена?» Военная цензура запрещала публикацию его речей – они в миллионах оттисков расходились по всей стране. Я никак не думаю, чтобы они действовали на всю страну. Но на Петербург они действовали. Возьмите в руки Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Т. 65, С. 270). Там сказано:

«Инородческое население живет около столицы, окружая ее плотным кольцом и достигая 90% общего числа населения. По переписи 1891 года – 85% (восемьдесят пять процентов) указали русский язык в качестве не родного языка».

Но даже и Санкт-Петербург – город с тремя именами, чужой город на чужом болоте – был только одним из симптомов. Уже в Смутное время семибоярщина советовала полякам вырвать Царский престол из Москвы и унести его куда-нибудь подальше. Этот проект и был реализован при Петре, – один из вариантов европейского разгрома русской государственной традиции. Страна в истерике не билась. Но в Петербурге, куда всякие милюковцы собрались «на ловлю счастья и чинов»², денег и власти – все равно каких денег и какой власти, – в Петербурге была истерика. В марте 1917 года толпы шатались по городу («с красным знаменем вперед – обалделый прет народ»³) и орали «ура» – своим собственным виселицам, голоду, подвалам и чрезвычайкам.

Итак: лозунг был найден. Патриотический, и даже антимонархический – что и было нужно. Царь – дурак, пьяница и тряпка. У него под носом его жена изменяет с изменником Распутиным, он ничего не видит, – Царя нужно менять.

¹ Керсновский А.А. История Русской Армии в 4-х томах (1933–1938).

² Строчка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

³ Строки из четверостишия В.М. Пуришкевича 1917 г.

Позвольте рассказать один из заключительных штрихов распутинской истории.

У меня был старый товарищ юности – Евгений Михайлович Братин. В царское время он писал в синодальном органе «Колокол». Юноша он был бездарный и таинственный, я до сих пор не знаю его происхождения, – кажется, из каких-то узбеков. В русской компании он называл себя грузином, в еврейской – евреем. Потом он, как и все неудачники, перешел к большевикам. Был зампредом харьковской чрезвычайки и потом – представителем ТАСС и «Известий» в Москве. Потом его, кажется, расстреляли: он вызван был в Москву и как-то исчез.

Летом 1917 года он перековался и стал работать в новой газете «Республика», основанной крупным спекулянтом Гутманом. В те же времена действовала Чрезвычайная следственная комиссия по делам о преступлениях старого режима. Положение комиссии было идиотским: никаких преступлений – хоть лавочку закрывай. Однажды пришел ко мне мой Женька Братин и сообщил: он-де нашел шифрованную переписку Царицы и Распутина с немецким шпионским центром в Стокгольме. Женьку Братина я выгнал вон. Но в «Республике» под колоссальными заголовками появились братинские разоблачения: тексты шифрованных телеграмм, какие-то кирпичи, какие-то «обороты колеса» и вообще чушь совершенно несусветимая. Чрезвычайная комиссия, однако, обрадовалась до чрезвычайности, – наконец-то хоть что-нибудь. ЧК вызвала Братина. Братин от «дачи показания» отказался наотрез: это-де его тайна. За Братина взялась контрразведка – и тут уж пришлось бедняге выложить все. Оказалось, что все эти телеграммы и прочее были сфабрикованы Братиним в сообществе с какой-то телефонисткой.

Вообще за такое изобретение Братина следовало бы повесить, как впрочем и Милюкова. Но дело ограничилось только скандалом – из «Республики» Братина все-таки выгнали вон, – его буржуазно-революционная карьера была кончена и началась пролетарски-революционная – та, кажется, кончилась еще хуже. Потом, лет двадцать спустя, я обнаружил следы братинского вдохновения в одном из американских фильмов. Так пишется история.

Истории Государственной Думы у нас нет. То, что есть – такая же чушь, как и британский шифр. Напомню о том, что классической формой русского народного представительства были С о б о р ы. То есть деловое представительство, а не партийное. Напомню и еще об одном обстоятельстве: англо-американский парламентаризм есть внепартийный парламентаризм. По закону и традиции, в парламент попадает тот, кто получил хотя бы относительное большинство голосов – это

создает систему двух партий, из которых ни одна не имеет никакой программы. Работа партии мистера Эттли – это первый в истории Великобритании опыт превращения отсталого английского острова в передовую европейскую страну. До этого ни тори, ни виги, ни консерваторы, ни либералы не имели никаких программ. Не имеют их ни республиканцы, ни демократы в САСШ. Не имели программ и русские Соборы. В первую же Государственную Думу хлынули десятки программ, и революционных программ. Дума пришла – и положила ноги на стол. Ее разогнали – безо всякого ущерба для кого бы то ни было. Но не было использовано предостережение нашего единственного теоретика монархии – бывшего террориста Льва Тихомирова. Он писал, что в положении о Государственной Думе «национальная идея отсутствует, так же как и социальная»¹ – нет органической связи с жизнью страны. До Тихомирова – после манифеста 1861 года – Ю. Самарин писал: «Народной конституции у нас пока быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства... есть ложь и обман»². Так наша Дума и оказалась: ложью и обманом.

Монархия без народного представительства работать не может. Это было ясно Алексею Михайловичу и Николаю Александровичу. Но Николай Александрович поддался теориям государственного права и допустил перенос на русскую точку зрения западноевропейского парламентаризма, который и у себя на родине, в Западной Европе успел к этому времени продемонстрировать свою полную неспособность наладить нормальный государственный быт. Лев Тихомиров предлагал народное представительство по старомосковскому образцу: Церковь, земство, купечество, наука, профессиональные союзы, кооперация промысла и прочее. То есть представительство, органически связанное с органически выросшими общественными организациями. Вместо этого мы получили монопольное представительство интеллигенции, начисто оторванной от народа, «беспочвенной», книжной, философски блудливой и революционно неистовой. В Государственную Думу первого созыва так и попали наследники «Бесов» и Нечаева, сотоварищи Азефа и Савинкова, поклонники Гегеля и Маркса. Никому из них до реальной России не было никакого дела. Они были наполнены программами, теориями, утопиями и галлюцинациями – и больше всего – жадой власти во имя программ и галлюцинаций. А может быть, и еще проще: жадой власти во имя власти. Сегодняшнее НКВД с изумительной степенью точности воспроизводит на практике теоретическое построение Михайловского и Лаврова – художественно от-

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность: в 2 т. Мюнхен, 1923.

² Самарин Ю.Ф. По поводу толков о конституции (1862 г.) // Русь. 1882. № 21.

раженное в «Бесах». Я более или менее знаю личный состав НКВД. Только окончательный идиот может предполагать, что у всех этих расстрельщиков есть какая бы то ни было «идея».

Вот от всего этого нас всех и пытался защищать Николай Второй. Ему не удалось. Он наделал много ошибок. Сейчас, тридцать лет спустя, они кажутся нам довольно очевидными – тридцать лет тому назад они такими очевидными не казались. Но нужно сказать и другое: история возложила на Николая Второго задачу сверхчеловеческой трудности: нужно было бороться и с остатками дворянских привилегий, и со всей или почти со всей интеллигенцией. Имея в тылу интендантов и интеллигентов – нужно было бороться и с Японией, и с Германией. И между «Царем и народом» существовала только одна – одна единственная связь: чисто моральная. Даже и Церковь, подорванная реформами Никона и Синодом Петра – Церковь, давно растерявшая свой морально-общественный авторитет, давным-давно потеряла и свой собственный голос. Сейчас она служит панихиды. Тогда она не шевельнула ни одним пальцем. Никто, впрочем, не шевельнул. Так был убит первый человек России. За ним последовали и вторые и десятки: до сих пор в общем миллионов пятьдесят. Но и это еще не конец...

Проблема русской монархии и Николая Второго в частности – это вовсе не проблема «реформы правления». Для России это есть вопрос о «быть или не быть». Ибо это есть вопрос морального порядка, а все то свое, что Россия давала или пыталась дать миру и самой себе – все то, на чем реально строилась наша история и наша национальная личность, – было основано не на принципе насилия и не на принципе выгоды, а на чисто моральных исходных точках. Отказ от них – это отказ от самого себя. Отказ от монархии есть отказ от тысячи лет нашей истории.

Если рассматривать вещи с точки зрения, допустим, А.Ф. Керенского, то эти тысяча лет были сплошной ошибкой. Сплошным насилием над «волей народа русского», выраженной в философии Лейбница, Руссо, Сен-Симона, Фурье, Гегеля, Канта, Шеллинга, Ницше, Маркса и Бог знает кого еще. Разумеется, всякий Лейбниц понимал «волю русского народа» лучше, чем понимал это сам русский народ. Если мы станем на такую точку зрения, то тогда нужно поставить крест не только надо всем прошлым, но также и надо всем будущим России: ибо если одиннадцать веков были сплошной ошибкой и сплошным насилием, то какой Лейбниц сможет гарантировать нам всем, родства не помнящим, что в двенадцатом веке будет мало-мальски лучше – даже и в том невероятном случае, если рецепты Лейбница будут применены без конкуренции со стороны других рецептов, рожденных органами усидчивости других властителей дум. Если

за одиннадцать веков своего существования нация не смогла придумать ничего путного, то какое основание предполагать, что в двенадцатом или пятнадцатом она найдет что-то путное в картотеке очередного аспиранта на кафедре философской пропедевтики¹?

Русская история, при всей ее огромности, в сущности, очень проста. И если мы будем рассматривать ее не с философской, а с научной точки зрения – даже и отбрасывая в сторону какие бы то ни было «эмоции», то на протяжении одиннадцати веков мы можем установить такую связь явлений:

Чем было больше «самодержавия», тем больше росла и крепла страна.

Чем меньше было «самодержавия», тем стране было хуже.

Ликвидация самодержавия всегда влекла за собою катастрофу. Вспомним самые элементарные вещи.

Расцвет Киевской Руси закончился ее почти феодальным «удельным» разделом, то есть ликвидацией самодержавной власти – Киевскую Русь кочевники смели с лица земли.

После смерти Всеволода Большое Гнездо самодержавие никнет опять, и Россия попадает под татарский разгром.

Прекращение Династии Грозного вызывает Смутное время.

Период безвластных императриц организует дворянское крепостное право.

Свержение Николая Второго вызывает рождение колхозного крепостного права.

Итак: в течение одиннадцати веков лозунг «Долой самодержавие» был реализован пять раз. И ни одного разу дело не обошлось без катастрофы.

Это, может быть, и не совсем «наука». Но есть все-таки факт. Целая цепь фактов, из которых при некотором напряжении нормальных умственных способностей можно было бы извлечь и некоторые политические уроки. Я очень боюсь, что русская интеллигенция этих уроков не извлекла. Между ней и действительностью висит этакий бумажный занавес, разрисованный всякими небылицами. И всякая небылица кажется ей реальностью. И всякая мода – законом природы.

Около ста лет тому назад французский политический мыслитель Токвиль писал: «Нет худших врагов прогресса, чем те, кого я бы назвал “профессиональными прогрессистами”, – люди, которые думают, что миру ничего больше не требуется, как радикальное проведение их специальных программ». Русская интеллигенция в своей решающей части вот и состо-

¹ Пропедевтика – вводное изложение философской системы, позволяющее перейти к более глубокому усвоению основных дисциплин.

яла из «профессиональных прогрессистов». И у каждого была «специальная программа», и каждый был убежден в том, что миру ничего больше не требуется. На путях к реализации всех этих программ стояла традиция, в данном случае воплощенная в Царе. Русская профессионально-прогрессивная интеллигенция ненавидела Царя лютой ненавистью: это именно он был преградой на путях к невыразимому блаженству: военных поселений, фаланстеров¹, коммун и колхозов. Профессионально-прогрессивная интеллигенция была профессионально-прогрессивной: она с этого кормилась. Верхи русской культуры к этой интеллигенции собственно никакого отношения не имели. От Пушкина до Толстого, от Ломоносова до Менделеева – эти верхи были религиозны, консервативны и монархичны. Среди людей искусства были кое-какие отклонения – вот вроде толстовского Николая Палкина². Среди людей науки, кажется, даже и отклонений не было. Но эти верхи «политикой не занимались» – политика была в руках профессиональных прогрессистов, революционеров, нечаевых, савинковых, милюковых и азефов. Профессионалы давали тон. Я очень хорошо знаю быт дореволюционной сельской интеллигенции. Она жила очень плотно и сытно. Всем своим нутром она тянулась к Церкви и к Царю. Все «Русские богатства»³ настраивали ее против Церкви и против Царя. Но «Русские богатства» были, конечно, прогрессом. Церковь и Царь были, конечно, реакцией. Так шаталось сознание низовой интеллигенции. Так оно было разорвано на две части: в одной был здоровый национальный и нравственный инстинкт, в другую целыми толпами ломились властители дум. И люди не знали, что почать: «Ложиться спать или вставать». Подымать агротехнику и тем подрывать возможности «черного передела» или агитировать за черный передел и для этого тормозить агротехнику как только можно. Нужно ведь революционизировать деревню. Так – оно и шло, через пень в колоду.

Но низовая интеллигенция была искренняя. С моей личной точки зрения, властители дум были почти сплошной сволочью – в буквальном смысле этого слова. Они в общем делали то же, что в эмиграции делали профессора Милюков и Одинец: звали молодежь на каторжные работы и сами пожинали гонорары. Молодежь – бросала бомбы или возвращалась в СССР, и ее «жертвы» властители дум записывали на свой текущий счет.

¹ Фаланстёр – в учении утопического социализма Шарля Фурье особый дворец, в котором живут и трудятся члены фаланги – коммуны из 1600–1800 человек.

² Толстой Л.Н. Николай Палкин. Петроград, 1917.

³ «Русское богатство» – ежемесячный литературный и научный журнал. Выходил в Санкт-Петербурге с 1876 по 1918 г. В 1891 г. журнал перешел в руки народников и стал одним из наиболее распространенных и влиятельных органов печати.

Никто из них повешен не был и почти никто не попал даже и на каторгу. Что же касается ссылки – то она играла решительно ту же роль, как развод для киноартистки: реклама, тираж и гонорары.

* * *

Известные представления всасываются с млеком всех философских ослиц. Они становятся частью и умственного, и – что еще хуже, эмоционального багажа: «Старый режим», «тюрьма народов», «кровавое самодержавие», «отсталая Царская Россия» – вся эта потерянная мелкая и фальшивая монета котируется на интеллигентском черном и красном рынке и сейчас. Не совсем по прежнему паритету, но все-таки котируется. Да, конечно, так плохо, как при Сталине, не было и при старом режиме. Да же при старом режиме. Но зачем же возвращаться к «старому режиму». Попробуем новый. Какой новый? А какой-нибудь. По Иванову, Петрову, Степову. По Бердяеву, Шестову, Сартру. Или по Бухарину, Левицкому. Или по Махно, Григорьеву, Улялаеву. Только не по живому опыту одиннадцати веков.

В наших русских условиях на страже настоящего прогресса стояла монархия – и только она одна. Это она защищала Россию от таких прогрессивно-мыслящих людей, как Батый или Наполеон, и от таких философски образованных рабовладельцев, каким был вольтерианский помещик или марксистский чекист. И в те периоды, когда монархия слабела, для России наступала катастрофа. Это есть очевидный исторический факт. Носители прогрессизма делали, делают и будут делать все от них зависящее, чтобы эту очевидность замазать или по крайней мере извратить. И у всякого из них будет своя «специальная программа», рожденная в схоластической реторте, как был рожден гетевский Гомункулус. И у всякого будет своя специальная галлюцинация. Иногда – и по несколько галлюцинаций...

Гомункулус поумнеть, конечно, не мог. Профессиональные прогрессисты тоже не могут. Одни из них, философы, будут заниматься фабрикацией призраков, другие – приват-доценты, будут Добчинскими и Бобчинскими, вприпрыжку, «петушком, петушком» трепать за каждым Хлестаковым каждого варианта «самой современной» философии: только бы не отстать от века. Никаких методов общественной санитарии, которые охранили бы всех нас от философов, гомункулусов, призраков, приват-доцентов, галлюцинаций и просто от общественной хлестаковщины, – современная общественная медицина еще не придумала. Старая русская эмиграция в ее подавляющем большинстве нашла достаточно эффективный способ: просто не принимать ничего этого мало-мальски всерьез. Но с новой эмиграцией дело обстоит значительно хуже.

Старая эмиграция – в ее массе имела время кое о чем подумать. У новой этого времени не было. Старая эмиграция за эти тридцать лет могла сравнить: Россию мирного времени и за границу мирного времени. Новая из лагерей ГУЛАГа попала в лагеря УННРы¹. Старая эмиграция эти тридцать лет жила в условиях свободы печати – новая очутилась в атмосфере цензуры, лицензий и партийности. В старой России свобода печати была ограничена левыми кругами – не правительством, – об этом писал еще и А. Герцен. На территориях новой эмиграции свободы печати нет. Одна партийная жвачка об одном невыразимо прекрасном будущем заменена другой партийной жвачкой о другом невыразимом будущем. Никаких фактов о прошлом России, революции и эмиграции – новым русским беженцам не сообщено. Не сообщено – как готовилась и как родилась великая и бескровная, не сообщено о том, так что же за эти тридцать лет думали и писали обо всем этом Деникин и Троцкий, Алданов и Бунин, Керенский и Милюков, Черчилль и Гитлер, евразийцы и фашисты, сменовеховцы или даже такие, как я. Нет истины, кроме истины, и Гомункулус – пророк ее: он уж знает, как помудрее приспособиться к философии. И вместо старой дюжины призраков строится новый – порядкового номера чертовой дюжины. Есть в мире головы, в которых все тринадцать переплелись в одну единую неразбериху...

В течение одиннадцати веков русской истории русская национально-политическая традиция была воплощена в русской монархии. Если бы традиция была неудачна – удачна не всякая традиция, – то в данных исторических и географических условиях великая нация вырасти бы не могла. Она – выросла. В течение последних десятилетий русской истории эта традиция была воплощена в Николае Втором. Если Николай Второй был так плох, как его рисуют профессиональные гомункулусы, то Россия не имела бы самого быстрого в мире хозяйственного роста, и война 1914–1916 года не остановилась бы на границах Царства Польского. Николая Второго можно рассматривать как личность – это, может быть, было бы очень интересно с точки зрения исторического романиста. Его можно рассматривать как носителя традиции – и тогда придется установить тот исторический факт, что носители этой традиции, за очень немногими исключениями, были ее рабами. Но также – и ее героями, и ее мучениками. Что ни Павел Первый, ни Александр Второй не были убиты

¹ УННРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) – организация при ООН, созданная в 1943 г. для оказания помощи так называемым перемещенным лицам, которые в годы Второй мировой войны были вывезены на принудительные работы в Германию и оккупированные ею европейские страны. В Германии, Австрии, Италии и Франции для перемещенных лиц были созданы специальные лагеря, где они содержались до момента передачи их на родину.

«за реакцию» – они были убиты за прогресс. Павел, который взялся за освобождение крестьян, и Александр, который это закончил. Что никакими тиранами, деспотами и прочим никто из них не был, но что все они стояли поперек дороги гомункулусам и философам, профессиональным прогрессистам и профессиональным революционерам. Цареубийства 1801, 1881 и 1918 года – все они были победой реакции. 1801 год отбросил освобождение крестьян, 1881 – восстановление народного представительства, 1918 закрепостил русский народ на основе комбинированного метода Батыя и Салтычихи.

Что сейчас сказать о личности и о работе Николая Второго?

Президент Французской Республики Лубэ писал о нем:

«Он предан своим идеям. Он защищает их терпеливо и упорно. У него надолго продуманные планы, которые он постепенно проводит в жизнь. Царь обладает сильной душой и мужественным, непоколебимым верным сердцем. Он знает, куда он идет и чего он хочет».

Уинстон Черчилль пишет:

«Представление о царском режиме как об узкосердечном и гнилом отвечает поверхностным утверждениям наших дней. Но один только взгляд на тридцатимесячную войну против Германии и Австрии должен изменить это представление и установить основные факты. По тем ударам, которые Российская Империя пережила, по катастрофам, которые на нее свалились – мы можем судить о ее силе... Почему можем мы отрицать, что Николай Второй выдержал это страшное испытание? Он наделал много ошибок – какой вождь не делает их? Он не был ни великим вождем, ни великим Царем. Он был только искренним простым человеком со средними способностями... На тех высотах человечества, где все проблемы сводятся к “да” или “нет”, где события перерастают человеческие способности, решение принадлежало ему: война или не война? Направо или налево? Демократия или твердость? Справедливость требует признания за ним всего, чего он достиг. Жертвенное наступление русских армий в 1914 году, которое спасло Париж, упорядоченный отход, без снарядов, и снова медленно нарастающая сила. Победы Брусилова – начало нового русского наступления в 1917 году – более мощного и непобедимого, чем когда бы то ни было. Несмотря на большие и страшные ошибки, тот строй, который был в нем воплощен, которому он давал жизненный импульс – к этому моменту уже выиграл войну для России... Пусть его усилия преуменьшают. Пусть чернят его действия и оскорбляют его память – но пусть скажут: кто же другой оказался более пригодным? В талантливых и смелых людях, в людях властных и честолюбивых, в умах дерзающих и повелевающих – во всем этом нехватки не было. Но никто

не смог ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависели жизнь и слава России. На пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая червями...» (к сожалению, приходится цитировать по немецкому переводу книги «Мировой кризис». Т. I. С. 221–222).

Президент Лубэ был республиканцем, Черчилль был монархистом. Третий вариант «формы правления» представлял собою Гитлер. О монархах он отзывался в тоне крайнего презрения: все они были дураками – один он, Гитлер, умный. Это писалось, конечно, до 1941 года. До обсуждения личности и деяний Николая Второго Гитлер не снисходит. Но в его «Майн Кампф» есть формулировка того положения, в котором очутилась Германия в 1916 году. Вот она:

«Победу России можно было оттянуть – но по всем человеческим предвидениям она была неотвратима».

Гитлер даже не пишет о «победе союзников», он пишет только о победе России. Собственно, он повторяет то, что говорит и Черчилль: в 1917 году Россия стояла на пороге победы. И средний человек – Николай Второй – несмотря на его «страшные ошибки» – вел и почти привел Россию к этой победе. Где были бы мы с вами, если бы черви не уготовали нам всем – всему миру – катастрофы февраля 1917 года? И как мы можем исторически, политически и, в особенности, морально квалифицировать тех людей, которые еще и сейчас что-то талдычат о народной революции 1917 года – о двух или даже четырех народных революциях? В феврале 1917 года свершилось заранее и задолго обдуманное величайшее преступление во всей истории России: черви профессиональных прогрессистов сознательно и упорно подтачивали «жизнь и славу России». Подточили. Никак не меньше шестидесяти миллионов русских людей заплатили своими жизнями за этот философский подвиг. «Слава России» стала «притчей во языцех» и «поношением человеков». Когда-то Святая Русь стала предметом ужаса, отвращения и ненависти – собственно, во всем мире. Оставшиеся – миллионов то ли двести, то ли только сто семьдесят – вот уже три десятка лет проводят на каторжных работах – во имя призрака. Что ждет их завтра? Сталинская коммунизация или атомная ликвидация? И что возникнет послезавтра? Какие новые философские и партийные колодки будут навязаны на шею двумстам миллионам, которые тридцать лет подряд ничего, кроме колодок, не знали?

Самая основная, самая решающая проблема нашего национального бытия заключается в отказе от всяких призраков – то есть от всякой лжи. И активной и тем более пассивной лжи. Лжи, которая замалчивает – как замолчаны были планы декабристов или как замолчала вся наша историография роль русских царей. Мы обязаны знать факты,

от этого и почти только от этого зависит все наше будущее – и личное, и национальное.

Николай Второй есть факт, взятый, так сказать, вдвойне. И как личность, и как представитель традиции. Он – средний искренний человек; «со средними способностями», верно и честно – до гробовой доски – или до Ипатьевского подвала делал для России все, что он умел, что он мог. Никто иной не сумел и не смог сделать больше. Его «убрали». Но, хотя и не таким способом, были убраны и Вильгельм, и Клемансо, и Вильсон, и даже тот же Черчилль, но всем им была дана возможность довести **русскую** победу до **западного** ее конца. Для России никто не делал и не сделал больше, чем сделали ее цари. Но и для мира всего мира никто не делал и не сделал больше, чем сделали они. Николая Первого звали жандармом, и Александра Третьего называли «Миротворцем» – в сущности, оба названия совпадают. Все они – от Александра Первого до Николая Второго – честно хотели мира и для мира могли сделать больше, чем кто бы то ни было другой. Совершенного мира не было и при них – но без них мира стало намного меньше. И их ненавидели все, кто в грядущей каше «эпохи войн и революций» видел спиритическую материализацию своих философских призраков. С их памятью будут бороться все те, кто строит новые призраки и на этих новых призраках планирует строить свою власть. И все те, кто против монархии, – есть сторонники своей власти. Во имя своего призрака. Может быть – с нас всех всего этого уже хватит?

Проблема Николая Второго, как и проблема русской монархии вообще, есть главным образом моральная проблема. Это – не вопрос о «форме правления», «конституции», «реакции», «прогессе» и всяких таких вещах. Это есть вопрос о самой сущности России. О нашем с вами духовном «я».

Что, в самом деле, может предложить Россия миру? Самую современную систему канализации? – В этом отношении мы никогда не сможем конкурировать с немцами. Самую совершенную систему накопления долларов? Мы в этом отношении никогда не сможем конкурировать с американцами. Самую лучшую систему торговли с людоедами? – Мы в этом отношении никогда не сможем конкурировать с англичанами. Мы всегда будем отставать и в канализации, и в долларах, и в людоедах. Просто потому, что и канализация, и доллары, и людоеды интересуют нас меньше, чем немцев, американцев и англичан. «Не имей сто рублей, но имей сто друзей». Нас главным образом интересуют человеческие отношения с людьми. И, в общем, при всяких там подъемах и спадах – человеческих отношений человека к человеку в России было больше, чем где бы то ни было. И, в общем, наша Империя отличается от всех иных именно

тем, что от времени колонизации Волжского междуречья до 1917 года в этой Империи не было завоеванных народов. В этой «тюрьме народов» министрами были и поляки (граф Чарторыйский), и грек (Каподистрия), и армяне (Лорис-Меликов), и на бакинской нефти делали деньги порабощенные Манташевы и Гукасовы, а не поработители Ивановы и Петровы. В те времена, когда за скальп индейца в Техасе платили по пять долларов (детские скальпы оплачивались в три доллара), русское тюремное правительство из кожи лезло вон, чтобы охранить тунгусов и якутов от скупщиков, водки, сифилиса, падения цен на пушнину и от периодических кризисов в кедровом и пушном промысле. Была «завоевана», например, Финляндия. С Финляндией получился фокус, какого никогда с сотворения мира не было: граждане этой «окраины» пользовались всеми правами русского гражданства на всей территории Империи, – а все остальные граждане всей остальной Империи – не пользовались всеми правами в Финляндии. В частности, Финляндия запретила въезд евреев – по какому бы то ни было поводу. Это в свое время ставило перед нашими профессиональными прогрессистами истинно головоломную задачу: защищая независимость Финляндии, им приходилось защищать и еврейское неравноправие. Вообще, если вы хотите сравнивать быт тюрьмы и быт свободы – то сравните историю Финляндии с историей Ирландии.

Сейчас обо всем этом люди предпочитают не вспоминать. Ибо каждое воспоминание о русской государственной традиции автоматически обрушивает всю сумму наук. Если Вы признаете, что в самых тяжелых исторических условиях, какие когда-либо стояли на путях государственного строительства, была выработана самая человечная государственность во всемирной истории, то тогда вашу философскую лавочку вам придется закрыть. Тогда придется сказать, что не Николаю Второму нужно было учиться у Гегеля, а Гегелям нужно было учиться у Николая Второго. Этого не может признать никакой приват-доцент. Ибо – что же он будет жрать без Гегеля? И чем будет он соблазнять свое шашлычное стадо?

В течение одиннадцати веков строилось здание «диктатуры совести». Люди, которые это здание возглавляли, были бóльшими рабами этой совести, чем кто бы то ни было из нас. Они несли бóльшие потери, чем пехота в Первой мировой войне: из шести царей – от Павла I до Николая II – три погибли на посту: Павел I, Александр II и Николай II – ровно пятьдесят процентов. И Павел, и Александр, и Николай были убиты, конечно, вовсе не за реакцию, сумасшествие, проигрыш войны и прочее: они все были убиты главным образом за русское крестьянство. Павел начал его освобождение, Александр – кончил, и Николай ликвидировал последние остатки неравноправия. Павла объявили сумасшедшим. В моей книге я

привожу все его законодательные мероприятия, среди всех них нет ни одного неразумного, ни одного реакционного, ни одного, под которым мы и сейчас, полтора века спустя, не могли бы подписаться обеими руками. Но его сделали сумасшедшим, как Александра Второго – реакционером и Николая Второго – пьяницей и дураком. Это было необходимо для вящей славы науки. И НКВД.

Русский царизм был русским царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль. «Диктатура совести», как и совесть вообще, – не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, – совесть есть религиозное явление. Одна из дополнительных неувязок русских гуманитарных наук заключается, в частности, в том, что моральные религиозные основы русского государственного строительства эта «наука» пыталась уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права, в истории Московской Руси и даже петербургской Империи ничего нельзя было понять – русская наука ничего и не поняла. В «возлюби ближнего своего, как самого себя»¹ никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой, православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?

Я должен сознаться совершенно откровенно: я принадлежу к числу тех странных и отсталых людей, русских людей, отношение которых к русской монархии точнее всего выражается ненаучным термином: любовь. Таких же, как я чудаков, на Русской земле было еще миллионов под полтора века. Под полтора века миллионов есть их и сейчас. Нужно, кроме того, сказать, что термин «любовь», во-первых, страшно затрепан и, во-вторых, совершенно неясен. Любовь к Богу и любовь к севрюжине с хреном, совершенно очевидно, обозначают разные вещи. Я очень охотно могу себе представить, что ряд русских монархистов питали и питают к монархии точно такие же чувства, как и к севрюжине: хороша была севрюжина! К числу этих людей я не принадлежу: никаких севрюжин у меня в Царской России не было. Как не было их и у остальных полтора века миллионов чудаков. Мы были самым бедным народом Европы или, точнее, самыми бедными людьми Европы. И в то же время мы были самыми сильными людьми мира и самым сильным народом истории. Мы были бедны потому, что нас раз в лет сто – жгли дотла, и мы были сильны потому – и только потому, что моральные соображения у нас всегда перевешивали всякие иные. И если люди в течение одиннадцати веков

¹ Мф. 22, 39.

обломали всех кандидатов в гениальные и гениальнейшие – от обрвов до немцев и от Батыя до Гитлера, то потому и только потому, что в России они видели моральную ценность, стоящую выше их жизни. Ценность, стоящая выше жизни, может быть историей или религией. Можно, конечно, доказывать, что все одиннадцать веков русский народ пребывал в состоянии перманентной истерики и, как истерическая баба, требовал над собою кнута. Эту точку зрения очень охотно разрабатывала немецкая общественная мысль. Если судить по доктору Шумахеру, то истоки этой мысли не иссохли и сейчас.

Стоя на общепринятой научной точке зрения, мы можем сказать, что Русский Царь был «властителем» над ста восьмидесятью миллионами «подданных». Юридически это будет более или менее верно. Психологически это будет совершеннейшим вздором. Русский Царь был единственным в России человеком, который не имел свободы совести, ибо он не мог не быть православным, не имел свободы слова – ибо всякое его слово «делало историю», и не имел даже свободы передвижения, ибо он – был, конечно, Русским Царем.

Да, цари жили во дворцах. Это кажется очень соблазнительным для людей, которые во дворцах не живут. Люди, которые по долгу службы обязаны иметь дворцы – предпочитают из них удирать. Николай Второй не стоял, конечно, в очередях за хлебом и икрой, – я сильно подозреваю, что даже и мистер Уинстон Черчилль имеет в своем распоряжении что-то кроме официальных 2500 калорий, полагающихся по карточкам. Вероятно, мистер Трумэн шлет ему посылки КАРЕ. Николай Второй был, вероятно, самым богатым человеком в мире. Ему «принадлежал», например, весь Алтай. На Алтае мог селиться кто угодно. У него был цивильный лист в 30 миллионов рублей в год: революционная пропаганда тыкала в нос «массам» этот цивильный лист. И не говорила, что за счет этих тридцати миллионов существовали императорские театры – с входными ценами в 17 копеек – лучшие театры мира, что из этих тридцати миллионов орошались пустыни, делались опыты по культуре чая, бамбука, мандаринов и прочего, что на эти деньги выплачивались пенсии таким друзьям русской монархии, как семья Льва Толстого. И когда русская Династия очутилась в эмиграции, то у русской Династии не оказалось ни копейки, никаких текущих счетов ни в каких иностранных банках. Другие Династии о черном дне кое-как позаботились...

Но пока что мы с очень большой степенью точности переживаем судьбу нашей монархии: погибла она – гибнем и мы. Страшное убийство Царской семьи было, так сказать, только введением в тридцатилетнюю работу ВЧК – ОГПУ – НКВД. Я никак не склонен ни к какой мистике: но вот

эта тридцатилетняя работа – не является ли она каким-то возмездием за нашу измену нашей монархии, нашей Родине, нашему собственному национальному «я». Платим, впрочем, не мы одни: весь мир тонет в грязи и в свинстве, какие при наличии русской монархии были бы немыслимы вовсе, как немыслима была бы и Вторая мировая война. Русская революция была для Гитлера «указующим перстом Провидения», это именно она указала ему путь к войне, к славе и к виселице. Сколько людей, кроме Гитлера, видят в ней тот же указующий перст – и в том же направлении? Начиная от Милюкова и кончая теми еще даже и не новорожденными идеями, которые так скромно и так жертвенно собираются усесться на престоле русских царей?

Я недавно отправил в САСШ рукопись моей новой книги. Моя первая книга – «Россия в концлагере» – была переведена на 16 иностранных языков и имела общий тираж что-то около пятисот тысяч экземпляров. Следовательно, можно рассчитывать и на какой-то успех этой книги. Но можно рассчитывать и на полный провал: я пытаюсь доказать республиканским янки, что все их представления о русской монархии есть совершеннейший вздор. Вообще говоря, люди не любят доказательства такого рода: каждый считает, что уж он-то никаким вздором не одержим. Может быть – другие, но только не он. У него, у каждого данного человека в мире, достаточно и информации, и ума. Так, например, вероятно считает и французский мужик, голосующий за коммунистов. Так, конечно, считает и американский фермер, голосовавший против войны с Гитлером за несколько месяцев до вступления Америки в эту войну. Очень большие запасы и информации, и мозгов находились в распоряжении германской интеллигенции в 1938 году. И еще бóльшие – у русской до 1917 года. А дела с каждым годом идут все хуже и хуже. Попробуйте вы доказать янки, что с чем-то у него не в порядке: или с информацией, или с мозгами, или с тем и другим одновременно!

Тема о русской монархии может похоронить книгу. Можно ли отказаться от этой темы, «молчанием предать истину», нейтрально смотреть на всю ту ложь, которую – увы, наша же интеллигенция пустила по всему миру о наших «коронованных зверях» – о Царе-Освободителе Александре Втором и о Царе-Искупителе – Николае Втором? И я пишу: от этой темы я отказаться не могу, ибо это вопрос с о в е с т и. А вопрос о совести есть вопрос о жизни или смерти России. Но может быть – и не только России. Что станет со всем миром, если диктатуре бессовестности дадут время для массовой продукции атомных бомб?

Очень многие из моих читателей скажут мне: все это, может быть, и правильно – но какой от всего этого толк? Какие есть шансы на восста-

новление монархии в России? И я отвечаю: приблизительно все сто процентов.

Из всех доводов против монархии имеет самое широкое хождение такой: «А с какой же стати я, Иванов Самый Седьмой, стану подчиняться Николаю Второму?» Иванов Самый Седьмой забывает при этом, что живя в государстве, он все равно кому-то подчиняется. Забывает и еще об одном: он подчиняется не Николаю Второму, а тому принципу, который в Николае Втором персонифицирован и которому Николай Второй подчинен еще в большей степени, чем Иванов Самый Седьмой. Царь есть только первый слуга монархии, и это очень тяжкая служба: пятьдесят процентов потерь за 116 лет! Нигде в мире, кроме России, такой службы не было и нигде в мире, кроме России, люди не старались в меру юридической и моральной возможности отказаться от бремени Мономахова Венца. Обычно это было технически невозможно. Но когда появлялась лазейка – то вот, Николай Павлович усердно присягал Константину Павловичу, а Константин Павлович столь же усердно присягал Николаю Павловичу¹. Можете ли вы себе представить такое же соревнование между Троцким и Сталиным?

Если у нас, не дай Господи, произойдет то, что эмигрантские простецы называют «национальной революцией», то к власти придут наследники нынешней коммунистической банды – в СССР больше никому, и бывшая Святая Русь в октябре 2017 года будет праздновать столетний юбилей взятия Зимнего дворца – и никакой историк не посмеет сказать о шестидесяти миллионах убитых и замученных русских людей: ибо у власти будут сидеть наследники убийств и убийц. Что к этому времени останется от бывшей Святой Руси – для наследников банды будет так же безразлично, как сегодняшним политическим наследникам Конвента совершенно безразлично, что осталось от Франции и что еще останется. Да, миллионы моих «братьев» пали жертвой в борьбе роковой. Зато я, Иванов Самый Седьмой, унаследовал их штаны – не снимать же мне их в самом деле? Да, были муки рождения новых штанов, сшитых по последнему слову философской моды – вот, видите, какие замечательно свободные просторные штаны! Штаны, наполненные свободой, равенством

¹ Ситуация, возникшая в области русского престолонаследия после смерти 19 ноября 1825 г. бездетного Александра I: второй сын Павла I, Великий князь Константин Павлович, в 1820 г. вступил в морганатический брак с графиней Грудзинской, в связи с чем вынужден был по настоянию Александра I отречься от права на престол в пользу младшего брата Николая, однако манифест об отречении не обнародовался. Запоздалое публичное отречение Константина после смерти старшего брата послужило одним из формальных поводов для выступления декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

и братством – четырьмя сотнями правительств, из которых за полтора столетия ни одно не в состоянии удержать страну от распада – может быть, самую талантливую страну в истории человечества, страну, поставленную в самые лучшие в Европе условия, страну, которая как в 1914, так и в 1948 году может держаться только на русской крови или американских долларах. Уберите русскую кровь в 1914 или в 1942 году, или американские доллары в 1918 или 1948 – и с прекрасной Францией будет кончено: ее разорвут на клочки ее собственные налогоплательщики.

Но это – ничего. В 1948 году Франция празднует годовщину революции 1848 года. И никто не краснеет – ни за себя, ни за Францию. Так при «национальной революции» наши внуки, может быть, не будут краснеть за золотое сердце товарища Дзержинского. Найдутся деньги, найдутся профессора и найдутся исторические объяснения: муки рождения новых штанов...

Всех ста процентов нигде в мире нет. Всегда остаются какие-то проценты или доли процента, каких не может учесть никакое человеческое предвидение. Но по всему человеческому предвидению республиканская форма правления у нас невозможна никак. Для нее не было почвы в 1917 году, когда еще оставались земское и городское самоуправления, Церковь, буржуазия и прочее. Что останется для нее в 195? году? Совершенно атомизированная масса, которая если не пойдет за «веру, Царя и Отечество», то совершенно неизбежно влипнет в новый тоталитарный режим. И вовсе не потому, что в эмиграции имеются тоталитарные партии – а только потому, что единственным сырьем для какой бы то ни было «организации» в России окажутся остатки коммунистической партии и советской бюрократии. Если не будет монархии – то тогда к власти придут они. Они будут называть себя «советской интеллигенцией». Они будут «советской бюрократией». И всеми силами постараются воссоздать режим, который в наилучшей степени пристроит бюрократию – то есть тоталитарный режим.

Настоящая угроза будущему России – если исключить внешние опасности, – заключается только и исключительно в тех последышах ВКП(б), которые под всякими «национальными» и даже «демократическими» восклицательными знаками продолжают нынешнюю традицию ВКП(б). Это, как ж е т с я , начинают понимать даже и наши социалисты. Это значит, что даже и Р. Абрамович чему-то научился. Может быть, можно было бы кое-кого научить и еще вот чему.

Русское «самодержавие» было «куполом», под которым уживались чисто республиканская форма правления в Финляндии и чисто абсолютистская форма правления в Бухаре. Мирно потрясали кулаками перед самым носом друг у друга самые крайние монархисты – вроде Пуришкевича и

самые левые социалисты вроде Ленина: пускать в ход эти кулаки монархия не позволяла ни Пуришкевичу, ни Ленину. При монархии было хозяйство капиталистическое, но при той же монархии у нас был такой процент социалистического хозяйства, какого не было больше нигде в мире. Как нынче доказать мистеру Эттли, что Николай Второй был большим прогрессистом и даже социалистом, чем лидер английской рабочей социалистической партии?

Раньше всего условимся: если под национализацией, социализацией или социал-демократизацией чужих кошельков понимать истинный социализм, то ни Николай Второй, ни мистер Эттли социалистами не являются. Оба они с точки зрения чистого марксизма являются «социал-соглашателями». Эттли «национализует железные дороги». Николай Второй их «скупал в казну». Мистер Эттли национализует Английский банк – русский всегда был государственным. Эттли проектирует бесплатное обучение – оно у нас при Николае Втором было уже фактически бесплатным. Мистер Эттли заводит государственное хозяйство – такого государственного хозяйства, как при Николае Втором и в его время, ни у кого в мире не было, да, вероятно, нет и сейчас: были казенные заводы, казенные имения, было огромное земское хозяйство, были артели, кооперация, были церковные поместья, которые стояли на очень высокой технической ступени, и были «удельные имения», которые играли роль лабораторий для всего русского сельского хозяйства. Если под социализмом подразумевать «общественный сектор народного хозяйства», а не грабеж среди красного дня, то тогда с совершенной неизбежностью нужно будет сказать, что Николай Второй был не меньшим социалистом, чем мистер Эттли.

Если вам попадется моя книга «Диктатура импотентов», то вы, вероятно, установите тот факт, что я занимаю самый крайний фланг непримиримости по адресу всякого социализма. Но здесь я хочу констатировать то совершенно очевидное обстоятельство, что режим Царской России давал свободу конкуренции всем людям и всем хозяйственным формам страны: и капиталистической, и земской, и государственной, и кооперативной, и артельной, и даже общинной.

Свобода конкуренции есть свобода жизни. Свобода конкуренции есть свобода проявления вашего творческого «я». Всякая государственность как-то ограничивает и свободу конкуренции, и свободу «я» – вводит таможенные пошлины и воинскую повинность. Но всякая разумная форма государственности ограничивается пределами самого необходимого, очевидно необходимого, крайне необходимого. Но когда возникает ИСТИНА из шести больших букв, то за тем забором из восклицательных

знаков, которым она себя окружает – неизбежно организуется застенком, в котором святые отцы философской инквизиции будут определять мое право пахать землю, шить сапоги, писать книги или komponировать оперы. И тогда пропадет хлеб, обувь, литература и вообще – всё.

Задача объединения всей разумной части эмиграции заключается в ее объединении против всякого тоталитарного режима – режима ВКП(б) или ХУ – это совершенно безразлично. Задача всякого разумного русского человека заключается в том, чтобы смотреть в лицо фактам, а не в рожу – галлюцинациям. Сговориться мы можем только относительно фактов – пусть с оговорками, разницей в оценках и оттенках. Но нет никакой возможности сговориться о галлюцинациях – тех вариантах невыразимого будущего, каких еще никогда не было, какие ни на каком языке действительно не выразимы никак.

Я призываю людей следовать украинскому лозунгу:

«Волим под Царя Московского православного»¹,

ибо это есть единственная, единственно реальная, веками проверенная гарантия того, что мы и дальше не будем катиться – почти по Горькому: все вперед – и ниже, все вперед и ниже², как все мы фактически катимся уже тридцать лет. Никакой иной гарантии нет. И все нынешние обещания стоят столько же, сколько нам уже обошлись все предшествующие. Давно забытый Автор сказал нам: «Берегитесь волков в овечьих шкурах – по делам их узнаете их»³. Сравните то, что нам обещали овечьи шкуры и сто, и пятьдесят, и тридцать, и десять лет тому назад, – со всем тем, что сейчас реализовано и во Франции, и в России, и в Германии. Не верьте никаким обещаниям. Не стройте никаких галлюцинаций. Не слушайте никаких философов ни с какими писаными торбами: в этих торбах ничего, кроме спирохет⁴, нет.

¹ Волеизъявление народа Украины, высказанное 8 января 1654 г. на собрании Рады в Переяславе после речи Богдана Хмельницкого о необходимости для Украины выбрать подданство одного из четырех государей: султана Турецкого, хана Крымского, короля Польского или Царя Московского.

² Приветствие «Вперед и выше, комсомолец!» написано М. Горьким в 1933 г. в связи с пятнадцатой годовщиной основания ВЛКСМ.

³ Ср.: Мф. 7, 15–16.

⁴ Спирохеты – тип бактерий, могут быть возбудителями заразных болезней.

Памяти последнего Царя

Россия и Царь. – Тайна личности Царя. – Катастрофа

Настоящий очерк был напечатан в 1943 году в харбинском «Хлебе Небесном». Воспроизводится он с незначительными, по большей части чисто редакционными, изменениями. Если бы автор писал его наново, под живым впечатлением событий, возникших в мире за последние годы, то, надо думать, естественно сгустились бы эсхатологические краски. Но в общем, ни опыт истекших лет, ни то обстоятельство, что в подписи автора слово «профессор» заменилось словом «священник», не заставляют пересмотреть написанное по существу. Выношенное автором в процессе долголетнего размышления понимание судеб нашей Родины получило лишь большую крепость.

I. Россия и Царь

«Величие и падение Римской Империи» – под таким названием написал когда-то Монтескье свое знаменитое исследование о причинах гибели величайшего культурно-политического и государственного образования античного мира¹. Под подобным же наименованием можно было бы написать теперь исследование и о судьбах России – с той разницей, что, быть может, еще большим было величие и, уж наверное, более страшным было падение этого величайшего, после первого и второго Римов, имперского тела – более страшным как в смысле быстроты низвержения, действительно мгновенной, так и в смысле глубины падения, положительно неисследимой.

Громадность катастрофы тем более потрясает воображение, что вопреки нередким суждениям, ни на чем, кроме тягостного неведения и злого предубеждения, не основанным, катастрофа эта никакими объективно-вразумительными причинами обусловлена не была. Она возникла в обстановке такого блистательного расцвета живых сил и среди такого обилия широко раскрывающихся конкретных возможностей дальнейшего, еще более блистательного, расцвета этих сил, что всякий, самый проницательный человеческий разум, руководимый самой, казалось бы, трезвой человеческой волею, должен был бы в своем практически-политическом делании исходить из предположения о всецелой вероятности дальнейших

¹ Монтескье. Размышления о причинах величия и падения римлян (фр.: *Montesquieu. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*). Париж, 1734.

успехов России, дальнейшего разрастания ее могущества, дальнейшего экономического и культурного преуспевания ее.

Ведь буквально по всем статьям под резким углом вздымалась вверх кривая развития России: хозяйственное благосостояние, гражданственность, политическая мощь, военная сила, просвещение, наука, технический прогресс, искусство всех видов – везде Россия ставила рекорды, несравненную степень которых только сейчас можем оценить мы, озирая умственным оком весь предшедший путь русской истории. На безбрежных русских просторах расцветал новый культурный мир, легко и свободно осваивавший все достижения Запада и вместе с тем лишенный того слепого преклонения пред материальными благами, того узкого практицизма, той прижимистости и приземистости, той тесноты духовных горизонтов, того культурно-морального крохоборства, которые, составляя в известном смысле силу западного человечества, вместе с тем так безысходно обедняют его жизнь. Уверенной, но легкой и свободной поступью выходила Россия на мировую арену, как некий исполин, который может себе позволить во всем быть широким и великодушным, вплоть до политики, привычно, даже поскольку она выходит за пределы торговых интересов, исполненной, в представлении Запада, национальной корысти и принципиального макиавеллизма. И другую роскошь могла позволить себе Россия: не рекламировать себя! Не кричала о себе, а замалчивала себя Россия. Не только не домогалась признания Россия, а скорее стеснялась слишком громких его проявлений...

И вдруг – катастрофа, внезапная и оглушительная, начисто и до конца упразднившая все многочисленные «коэффициенты», которыми так выразительно можно было измерять «прогресс» на всех поприщах общественной, государственной, культурной жизни России. Дикое поле! Погорелое место!

Не стало Великой России. Как марево расплылся ее величественный облик, утратив самое имя свое и обернувшись нечестивым государственным образованием мирового же масштаба, но лишенным всякого органического родства с бывшей Россией и прямой задачей себе ставящим сознательное и последовательное разрушение богоустановленного порядка на пространстве земной планеты. Память о подлинной России осталась только в ее исконной великолепной культуре, которая продолжает быть великой и, в конечном счете, положительной силой, все глубже проникающей в сознание мира. И все с большей настойчивостью стучится в сознание мира мысль о необыкновенной загадочности, о некой «провиденциальности» судьбы России. Не чудом ли Божественной благодати является ее былой рост, о котором два века тому назад обруселый немец

Миних, столь много сделавший для величия России, мог сказать: «Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется Самим Богом: иначе невозможно объяснить, как оно существует». Не чудом ли Божьей кары является и ее срыв? Пред зрячим духовным взором **Историческая** Россия, как некое замкнутое единство, встает ныне во всем своем величии, во всей своей духовной особливости, во всей своей культурной целостности. И все чаще задумывается человек, не утративший мысль о душевном спасении: не содержит ли в себе некую спасительную тайну этот прекрасный, ни на что не похожий самобытный мир, открытый теперь наблюдению и размышлению на всем своем жизненном пути, от начала и... **до конца.**

Да! **До конца!** Нельзя не произнести этого жестокого слова! Ибо не знаем мы, что готовит нам будущее, в настоящем же мы видим полное нарушение преемственности с прошлым, уход из действительности того, что мы привыкли называть Россией. С отречением Царя, с опустением престола, с низвержением Династии, с мученической гибелью Царской семьи **не стало России.** Отказался русский народ от православного Царя – и прахом пошли все «коэффициенты» прогресса, а потом, если и возникли в некоторых направлениях новые, то уже в существенно ином плане и не на пользу ни России, ни человечеству, а в прямую им угрозу. **То, что высится ныне на месте России, – не Россия.** Россия на Русской земле таится в подполье, Россия живет в Зарубежии, Россия светится в прошлом, Россия грезится в будущем, Россия в каком-то распыленном виде, быть может, зреет и там, внутри. Но, как национально-государственного целого, в настоящее время ее нет. То, что составляло живую личность России, утратило связь с национально-государственным ее бытием, Россия испытала то, что бывает с людьми, страдающими помутнением и угасанием сознания, онемением свободной воли. Живая душа уходит в некие глубины, а «видимый» человек делается игральным обдергаемым чужой и враждебной силы. Человек порою живет физической жизнью почти нормально, он совершает обдуманные, тщательно иногда подготовленные поступки, – но он «себя» не знает, не помнит, не сознает своего поведения, своего подлинного «я» в нем не обнаруживает. Такой человек утратил свою «личность»: в нем живет дух посторонний.

«Личность» свою утратила и Россия! Она избыла свое национальное самосознание. Эта страшная беда, конечно, зрела издавна, но разразилась она на наших глазах в формах бурной и внезапной одержимости. Действительно, вдумайтесь в смысл знаменитого «Февраля», для части русского общества и посейчас окруженного дымкой светлой лазури, якобы омраченной лишь в силу позднейшего воздействия темного,

отвратительного большевистского «Октября». Между тем, именно в образе этого «светлого» Февраля свершилось то, что, в представлении каждого морально-здорового, не оторвавшегося от русской почвы, русского человека, независимо от его настроенности и политического направления, искони было самым страшным, что только можно было представить: сознательный бунт против Царя – не против определенного Царя, во имя Царя другого, а против Царской власти вообще! И что же? Россия восприняла это отталкивающее бесчинство в ликование праздничном, как весну, как освобождение от злой неволи, как зарю новой светлой жизни! И это – вся Россия в целом, весь русский народ во всех общественных группах! Это ли не бесноватость? Это ли не припадок злой одержимости?

И кончилась на этом Россия. Покинула ее благодать Божия: за легкомысленно-суетливым, прекраснотушно-мечтательным «Февралем» пришел, как Немезида, зловеще-кровавый и сосредоточенно-мрачный Октябрь – и задавил Россию.

Больше четверти века прошло, а Россия все еще неспособна вернуться к сознанию своей утраченной личности, ибо неспособна осознать свое окаянство...

А как долго, как терпеливо пребывала благодать Божия на челе России, пока не совершено было покушение на помазанника! Ведь и Великая война шла так, что Россия двигалась к победе. Не побежденная Россия стала жертвой революции. Напротив того! Россия-победительница была лишена плодов своей победы фактом низвержения ее в пучину революционной смуты. Революция – не плод поражения, а источник его. Революция сорвала победу. Этим Господь как бы с нарочитой ясностью показал нам, что не Он забыл нас, а что мы забыли, что мы Его предали, от Него отказались. Свергнув Царя, Богом поставленного, мы отреклись от Божией помощи, и с железной логикой развернулся дальнейший ход событий, о котором большевики так прямо и говорили: «Сбросили Царя, теперь сбросим и Бога...»

Безблагодатная Россия уже не в силах была противостоять злу, обдержажшему ее: духовная личность ее поистине воплощалась в Царе. Свергнув Царя, Россия утратила свою личность и стала жертвой бесов...

Поразительна внезапность, с которой произошло это оборотничество. Но, конечно, эта мгновенная катастрофа была лишь кристаллизацией процесса, идущего издавна. И нельзя лучше задним числом осознать наглядно-показательное значение последних подготовительных стадий назревавшей катастрофы, как вдумываясь и всматриваясь в личность и судьбу нашего последнего Царя, жизнь которого так трагически оказалась связанной с жизнью нашего отечества. Не только следует нам любовно

всматриваться в прекрасные **личные** свойства этого светлого человека, являвшего на всем протяжении своей жизни незамутненный образ православного христианина, глубокого и истового, а и вдумываться в **предметную сущность** той связи Царя с Россией, разрыв которой возымел столь трагические для нее последствия.

Будем кратки.

Россия, историческая Россия Императорская, закатную красоту которой мы еще помним, встает пред нами прежде всего как **Великая Россия**. Но возникла и выросла эта Россия, как **Святая Русь**, в которой жизнь государства и общества, жизнь каждой отдельной личности и семьи, от Царя до крестьянина, была неотрывна от жизни Церкви. Начиная с Петра, Россия, все больше успевая в своей великодержавности, все сильнее обмирщалась. Церковь, правда, не уходила из русской жизни, но она постепенно, с какой-то неотвратимой последовательностью оттеснялась от разных сторон русской действительности. Если Россия в целом продолжала, однако, как государственно-национальное тело, быть неразрывно связанной с Церковью, то это было только в лице Царя, который являлся воплощением одновременно и Великой России, и Святой Руси. Пока во главе Великой России стоял Царь, Россия не только содержала в себе отдельные элементы Святой Руси, но и в целом **продолжала быть** Святой Русью, как организованное единство. Но вот что замечательно! Чем явственнее сказывалось расхождение с Церковью русской общественности, русской государственности, русского народа, тем явственнее в личности Царя обозначались черты Святой Руси. Уже Император Александр III был в этом отношении очень показательным явлением. Еще в гораздо большей степени выразительной в этом же смысле была фигура Императора Николая II. В этом — объяснение той трагически-безысходной отчужденности, которую мы наблюдаем между ним и русским обществом. Великая Россия в зените своего расцвета радикально отходила от Святой Руси, но эта последняя как раз в это время в образе последнего Русского Царя получила необыкновенно сильное, яркое — прямо-таки светоносное выражение.

Чтобы измерить всю силу поистине потрясающей отчужденности между православным Царем и уходящей от Православия Россией, надо познакомиться с состоянием умов тогдашней России. Ограничимся несколькими иллюстрациями, извлеченными из публицистики эпохи.

Вот как в самом начале XX века писал об этом, в самой общей форме, известный духовный писатель, профессор гомилетики Киевской Духовной Академии В. Певницкий в статье, так и названной им: «Об отношении к Церкви нашего образованного общества».

«Издревле Русь называлась Святой Русью, и охранение чистоты и целостности Православия она считала своим призванием. Вы знаете из истории, что наши предки твердо держались уставов Церкви, забота об охранении Православия от всяких нечистых примесей одинаково была на мысли всех сословий русского общества. А что ныне? Может ли Русь по-прежнему называться Святою Русью? Не потускнело ли это светлое титуло, которым прежде украшалось наше отечество? Если бы восстали из гробов наши благочестивые предки и посмотрели на нынешнее шатание умов, на современное непочтительное отношение к Церкви и ее уставам нашего образованного передового общества, они удивились бы изменению наших нравов, и чувства их терзались бы от глубокой скорби при виде оскудения в нас духа благочестия...

Представьте себе святую православную веру, хранимую в Церкви, посланницею небес. Мы можем так называть ее, потому что она не нашим земным разумом измышлена: источник ее – небесный, Божественный. Она вера откровенная; она свыше, от разума Божественного ниспослана нам, и ей, этой небесной посланнице, поручено освещать наше темное сознание и указывать нам путь спасения. Где же среди нас обиталище ее, и где ее принимают? Принимают ее люди простые, держащиеся руководства Церкви. Но нет ей благоприятного приема там, где, по-видимому, должен быть особенно слышен и понятен голос ее. Она хотела бы занять и утвердить себе место среди руководителей общественного мнения, направляющих печатным словом. Но многие ли здесь принимают ее и признают своей руководительницей? Едва ли не большинство сторонится от нее и ищет себе других руководителей, чуждых и даже прямо враждебных ей. В нашем печатном слове, на страницах наших повременных изданий – журналов и газет (писал некогда наш самый видный и знаменитый публицист Катков), – “замечается совершенное отсутствие религиозного направления”. Если и слышен инде¹ голос ревнителей и чтителей веры, то он совершенно заглушается шумными голосами людей, знать не хотящих указаний веры и нередко подвергающих глумлению суждения, на ней основанные. Читайте и перелистывайте наши светские газеты и журналы: чувствуется ли в них такой тон, чтобы вы могли сказать, что это говорят люди, воспитанные в Православии? Редко, весьма редко. Правда, многое здесь пишется людьми неправославными, в особенности семитами, враждебно относящимися ко всему христианскому, силящимися и усиливающимися все более и более овладеть нашею повременною печатью. Нельзя не жалеть об этом, особенно ввиду того, как много способствовали эти пришлые деятели нашей печати распространению анти-

¹ Инде – где-то.

христианского духа на Западе. Но еще более жаль, что и наши русские, наши единоверцы, говорят так, что вы не сумеете отличить их речей от речи какого-либо семита.

Идет вера, эта небесная посланница, в святилища наших высших знаний. Здесь встречает она храмы Божии, откуда свет небесный должен распространяться и освещать собою сознание людей, посвящающих себя исканию истины. Но она не довольствуется рукотворенными храмами, а ищет живых храмов, которых желает вести ко спасению, – в сердцах человеческих. А други и преданные служители веры скорбят, жалуются и на то, что ей, этой небесной посланнице, в живых храмах, витающих в наших святилищах высших знаний, не отводят почетного, ей подобающего, места и часто слишком мало придают значения ее требованиям и указаниям.

Идет она в собрания передовых людей, в роскошно убранные и освещенные дома, куда собираются люди для удовлетворения потребностей своей души, ищущей не то поучения, не то удовольствия. И здесь ей нет места, и здесь на нее не обращают внимания, и напрасно стала бы она здесь возвышать свой голос. Идет она... Но нет, не будем более, хотя и мысленно, сопровождать ее в ее странствиях по домам и жилищам нашим, чтобы не видеть того равнодушия, если не прямого пренебрежения, с каким в разных местах встречают ее, и не болеть за нее душою».

Еще в более общей форме этот же вопрос был поставлен и со свойственной ему беспощадно-острой проницательностью освещен Розановым – человеком, много погрешившим против Церкви Православной, но, в отличие от своих многочисленных современников, настолько органически связанным с Церковью, что, и бунтуя против нее, не в силах был он покинуть ее ограды.

Розанов подвергает обсуждению самое понятие «культуры», в том ее облики, которое было характерно для быта русских «образованных» людей, и приходит к выводу, весьма для русской культурной «элиты» невыгодному. Не обинуясь, он так называемый «простой» народ противопоставляет обществу «культурному» не по признаку отсталости первого от второго, а, напротив, – по признаку явного превосходства «простонародья» над русским «образованным обществом»¹.

«Будучи чрезвычайно первобытен во всем второстепенном, наш простой народ в то же время во всем существенном, важном высоко и строго культурен. Собственно, бескультурно то, что вокруг него, среди чего он живет, трудится, рождается, умирает; но внутри себя, но он сам, но его душа и жизнь – культурны. В этом отношении он составляет как бы анти-

¹ Далее цитируется работа: *Розанов В.В. Сумерки просвещения.*

тезу высшим классам, над ним лежащим, которые культурны в подробностях быта, во всем, что окружает их, но не в строе своем внутреннем и также не в существенных моментах жизни. Можно сказать, и к прискорбию уже давно, что рождается, думает, чувствует себя и других, и, наконец, умирает человек высших слоев если не как животное, то несколько близко к этому; и только трудится он не только как человек, но и как человек усовершенствованный, искусно приподнятый на высоту. Напротив, грубый люд наш, правда, трудится почти как животное, но он думает, но он чувствует, но он умирает, как христианин, то есть как человек, стоящий на высшей доступной степени просвещения...»

Нащупывая пограничность культурного пресыщения с культурным одичанием, Розанов говорит:

«Первобытный, элементарный человек есть не только тот, кто, озирая мир новыми и изумленными глазами, ничего не различает в нем и одинаково дивится солнцу и пылающему вдали костру; но и тот, кто всему перестав удивляться, ко всему охладев, так же как и дикарь, только ощущает свои потребности и удовлетворяет им».

«Культура есть синтез всего желаемого в истории: из нее ничто не исключается, в нее одинаково входят религия, государство, семья, наконец, весь склад жизни личной и общественной. Все это, насколько оно зиждется, возрастает, — навивает на человека одну черту сложности за другой, обогащая его сердце, возвышая его ум, укрепляя волю. И, напротив, — насколько это разрушается, с человека сходит одна черта за другой, пока он не останется прост, обнажен от всего, как тогда, когда вышел из лона природы».

Перенося эти размышления на проблему, особо его занимавшую, — проблему школы, Розанов заключает:

«Отсюда ясна задача нашей элементарной школы: тот культ, который несет уже в себе темный люд, прояснить и распространить — вот в чем лежит ее смысл, ее особое, внутреннее оправдание. Мы не сказали — укрепить этот культ, потому что кровью своею народ наш не однажды уже запечатлел эту крепость. Но столь преданный, но так любящий, он никогда не поднимался на сколько-нибудь достаточную высоту в созерцании любимого им. Можно сказать, что, как нищий, он стоял в притворе храма и плакал, слыша едва доносящиеся до него отрывки песнопений и возгласов; и боролся, и защищал храм, и проливал кровь за его стенами, чтобы не вошли и не осквернили его враги, или чтобы криками и смятением они не прервали совершающееся в нем. Поистине эта верность достойна, чтобы наградиться, достоин он и увидеть и понять таинственное в нем служение. Этою наградой за верность и должна быть ему школа: около

храма, около богослужения, около религии, она – лишь незначительная пристройка, внутренний притвор, вводящий темную и любящую душу в смысл того, что она безотчетно любила и за что страдала. Такова задача школы культурной и исторической, в противоположность антикультурной и антиисторической, какая установлена у нас человеком, темным в смысле просвещения и в путях истории».

Здесь естественно выдвигается Церковь как ведущая сила в школе.

«Нельзя слепому доверять вести зрячего... не нужно к Церкви приставлять стражей, чтобы она, почти два тысячелетия учительная, возраставшая в учении своем весь христианский мир, не упустила каких-нибудь подробностей, в которых одних могут что-нибудь понимать эти приставленники».

Так должно быть! А что наблюдается в действительности?

«Ни Часослова, ни Псалтири, ни Ветхого Завета нет в списке рекомендованных, одобренных, допущенных для сельских школ книг».

Розанов строит обширный план «воцерковления» школьного дела. Строит он и дальнейшие планы: воцерковления внешкольной культуры! Видит он необходимость, кроме школы, еще одной пристройки к храму: церковного книгохранилища... Видит он необходимость и бытового сближения духовенства с обществом... Как всегда, мыслит он конкретно. Берет он «мальчика».

«У него нет своего, местного священника, который был бы также и священником его сестры и матери, которого он привык бы видеть у себя на дому с образом – служащим молебен или всенощную в памятные семейные дни. Мало-помалу семья, раздвоенная времяпровождением, имея разные приходы, не сливается тесно ни с одним и отвыкает от Церкви... Так образуется не неверующее общество наше – сказать это значило бы грубо ошибиться, – но общество, страшно уединенное от своей Церкви, и если не считать полузабытых книжек, вполне ее неведущее. В свою очередь, Церковь, оставленная высшим обществом, имея живую и постоянную связь лишь с мало обученным человеком, становится робка, неуверенна в своих действиях и хоть с болью, но там и здесь поступает для нее должным».

Итак, грандиозная духовная реформа встает в воображении гениального чудака? Общество воцерковляется! Оно возвращается, подобно блудному сыну, в ограду Церкви! Но ведь для этого нужно было бы этому обществу «прийти в себя»! Способно ли было оно на это? Склонно ли было русское образованное общество к «воссоединению» с Церковью?

На этот вопрос ясный ответ даст нам еще одна, последняя из извлекаемых нами, иллюстрация из публицистики эпохи, – как увидим, иллюстра-

ция, жуткая по силе и напряженности «антиклерикальной» настроенности, а главное – по тому жуткому спокойствию, с каким утверждают в ней самые страшные вещи.

Эта иллюстрация извлекается нами не из подпольного безбожного листка, не из радикально социалистической литературы, а из самого мирного, самого «академического», самого «буржуазного», самого высококультурного, широкого и «просвещенного» органа русской повременной печати – из солиднейшего «Вестника Европы», руководимого солиднейшими Стасюлевичем и Арсеньевым.

Кони, Сергеевич, Герье, Владимир Соловьев – вот высокие имена лиц, которые украшали страницы этого прекрасного журнала своими статьями и целыми исследованиями. Мужики науки, отвлеченной мысли, государственного опыта несли туда самые выношенные свои произведения, зная, что это – подлинно форум надпартийной русской общественной жизни. И вот в отделе «Литературное обозрение» под ничего не говорящими инициалами «М. Г». находим мы в сентябрьской книжке за 1908 год следующую многоговорящую рецензию на брошюрку некоего Н. Казмина-Вьюгова, выпущенную в том же году в Петербурге под заглавием: «О религиозном воспитании детей».

«Замечательная брошюра г. Казмина-Вьюгова заслуживает самого глубокого внимания не только педагогов, но и всякого образованного человека. В ней затронут вопрос первостепенной важности, и поставлен он во всем объеме, с силою и задушевностью честно продуманного убеждения.

В двух формах практикуется у нас религиозное воспитание детей, и в обеих оно, по мысли автора, является жестоким насилием над будущим человеком. Одна из них – отрицание всякой религии, сопровождающееся обыкновенно ироническим отношением (при детях) не только к обрядовой стороне религии, но и к религиозным верованиям вообще. Это делается для того, чтобы дети были свободны. В действительности эта система заранее связывает ребенка.

Всю ошибочность этой системы, широко практикуемой среди нашей интеллигенции, автор вскрывает в следующих умных строках: “Одно из двух: или ваше отрицание истинно – или истинность его сомнительна. Если оно истинно, обоснованно, убедительно, тогда не нужно внедрять его детям раньше, чем они могут во всей силе понять убедительность вашего отрицания. Последнее возможно лишь тогда, когда дети получают общее научное развитие. Если же отрицание не обосновано, если его истинность сомнительна, то какое право имеем мы внушать его беззащитным детям?”

Другая система, может быть, еще пагубнее. Она состоит в раннем приучении детей к исполнению религиозных обрядов, молитве, хождению в храм и пр. Такие родители обыкновенно ссылаются на то, что внешнее в религии есть выражение и, вместе, способ пробуждения внутренней потребности. На это автор метко возражает, что в таком случае не должно ли внешнее само собою рождаться из душевной потребности, как рождается крик радости или дрожь испуга? Какой смысл имеет благодарственная молитва к Богу в устах ребенка, когда у него нет самого чувства? Мы назвали бы вопиющей нелепостью систему воспитания, которая заставляла бы детей, например, ежедневно в определенный час громко выражать радость, притом – одними и теми же словами и телодвижениями; но не это ли самое делают с детьми те, кто заставляют их читать без смысла готовые молитвы, и пр.?

Эта система опаснее, чем это кажется с первого взгляда. Она гипнотизирует ребенка, и часто на всю жизнь. Воспитанное в детстве благоговение ко всему церковному делает юношу несвободным в его религиозных исканиях; оно или заставит его бессознательно бояться отрицания, быть робким и непоследовательным из страха разрушить уютный мир детских привычек и представлений, или наоборот, в упорной борьбе с этими трудно искоренимыми привычками толкнет его к резкому озлобленному отрицанию. Но это еще не все. Сторонники церковно-религиозного воспитания не ограничиваются внушением религиозного чувства: они стараются сообщить ребенку известный цикл религиозных понятий, которые представляют собою готовые ответы на глубочайшие мировые загадки. В семье, а еще более в школе, ребенок получает множество догматических знаний – о том, что Бог есть, что Он сотворил мир, и так далее. Известно, какой характер носит преподавание Закона Божия в наших школах. Восьми- и девятилетним детям законоучитель обязан (таково требование программы) сообщать общие понятия “о Боге, Творце мира, о Его вседуху, всемогуществе и благодати... об Ангелах, душе человека, созданной по образу Божию” и пр. Что поймет здесь ребенок? Автор обстоятельно и очень тонко выясняет разнообразный вред, проистекающей из такого воспитания для ума, воли, для нравственного склада ребенка. Чего стоит, например, одна идея непрестанного вмешательства Бога в естественный порядок вещей, прививаемая этим путем ребенку? Войдя в плоть и кровь, сделавшись привычкой, она парализует разум и укореняет фатализм; зачем допытываться причин, зачем обдумывать заранее? – Бог послал, Бог не попустил, как Бог даст, – и кончено».

Автор брошюры имеет свою систему: надо развить чувство связи с миром, идеализм! Рецензент не согласен. Надо внушать детям чувство

мировой связи, которое непостижимо рассудком. «Все религии, – по мнению рецензента, – опираются на эту почву; изберет ли воспитанник позже какую-нибудь догматическую религию или нет – во всяком случае, мы должны пробудить в нем религиозность, которая есть не что иное, как всеобъемлющая разумность».

* * *

Достаточно на этом, бегло нами обрисованном, фоне представить себе облик нашего последнего Царя, чтобы реально ощутить ту непроходимую пропасть, которая лежала между Государем Императором Николаем Александровичем и русской общественной средой.

Отчужденное одиночество – вот на что был обречен этот истинный и истовый православный христианин на престоле Православного Царя. Теми именно свойствами своими, которые делали из него идеального Русского Царя, он становился загадочным и непонятым «лучшим» людям своей Земли! Вот корень национально-общественной трагедии всего его царствования, вот корень катастрофы, которая вырастала из этой трагедии.

II. Тайна личности Царя

Моральная трагедия, обусловленная неспособностью русского образованного общества уразуметь духовную красоту и нравственную высоту своего Царя и даже просто объективно-добросовестно распознать и оценить его личность, очень сильно выражена была однажды епископом Иоанном Шанхайским в Слове, сказанном им пред богослужением об упокоении душ Царской семьи. Не менее сильно истолкован был владыкой в этом слове и тот страшный грех царевубийства, который лег на весь, в целом, русский народ.

«Царь-мученик, – говорил владыка, – более всего походил на Царя Алексея Михайловича, Тишайшего, но превосходил его своей непоколебимой кротостью... Его внутренний духовно-нравственный облик был так прекрасен, что даже большевики, желая его опорочить, могут упрекнуть его только в одном – в набожности.

Доподлинно известно, что он всегда начинал и заканчивал свой день молитвою. В великие церковные празднества он всегда приобщался, причем смешивался с народом, приступавшим к великому Таинству, как это было при открытии мощей преподобного Серафима. Он был образцом целомудрия и главой образцовой православной семьи, воспитывал своих детей в готовности служить русскому народу и строго подготовлял их к предстоящему труду и подвигу. Он был глубоко внимателен к нуждам сво-

их подданных и хотел ярко и близко представить себе их труд и служение. Всем известен случай, когда он прошел один несколько верст в полном солдатском снаряжении, чтобы ближе понять условия солдатской службы. Он ходил тогда совсем один, и тем ясно опровергаются клеветники, говорящие, что он боялся за свою жизнь... Говорят, что он был доверчив. Но некий отец Церкви святой Григорий Великий говорил, что чем чище сердце, тем оно доверчивее.

Чем же воздала Россия своему чистому сердцем, любящему ее более своей жизни, Государю?

Она отплатила ему клеветой. Он был высокой нравственности – стали говорить об его порочности. Он любил Россию – стали говорить об измене. Даже люди близкие повторяли эту клевету, пересказывали друг другу слухи и разговоры. Под влиянием злого умысла одних, распущенности других, слухи ширились, и начала охладевать любовь к Царю. Потом стали говорить об опасности для России и обсуждать способы освобождения от этой несуществующей опасности и, во имя якобы спасения России, стали говорить, что надо отстранить Государя. Расчетливая злоба сделала свое дело: она отделила Россию от своего Царя, и в страшную минуту в Пскове он остался один... Страшная оставленность Царя... Но не он оставляет Россию, Россия оставляет его, любящего Россию больше своей жизни. Видя это и в надежде, что его самоумаление успокоит и смирит разбушевавшиеся страсти народные, Государь отрекается от престола... Наступило ликование тех, кто хотел низвержения Государя. Остальные молчали. Последовал арест Государя, и дальнейшие события были неизбежны... Государь был убит, Россия молчала...

Великий грех – поднять руку на помазанника Божия... Не остается и малейшая причастность к такому греху неотмщенной. В скорби говорим мы: *кровь его на нас и на детях наших* (ср.: Мф. 27, 25). Но будем помнить, что это злодеяние совершено в день святого Андрея Критского, зовущего нас к глубокому покаянию... Но покаяние наше должно быть полное, без всякого самооправдания, без всяких оговорок, с осуждением себя и всего злого дела от самого его начала...»

Да, вся современная злодеянию Россия в какой-то мере несет на себе вину царевбийства: те, кто не были пособниками, были попустителями! Но, пожалуй, еще более устрашающим, чем признание всей России виновной в этом злодеянии, является констатирование того, каким относительно малым было впечатление, произведенное в этом именно смысле на русское общество екатеринбургским царевбийством. Все готовы обличать большевиков. На этом все сходятся. А разве в этом дело? С большевиков взятки гладки! Но они ведь только произнесли последнюю букву

страшной азбуки, которую выдумали не они. Задуматься же над тем, где **начинается** этот жестокий и мерзостный алфавит, мало кто хочет. В частности, поразительно, как медленно и с каким трудом раскрываются глаза у даже, казалось бы, «прозревших» людей на личность Царя. С каким трудом изживается сложившаяся у русского образованного общества привычка **свысока** смотреть на кроткого помазанника! Вот как, задним числом, рисует лучший биограф Царя, С.С. Ольденбург, эту отвратительную повадку русского общества:

«Сторонясь от всяких подлинных сведений о Царе и Царской семье с упорной предвзятостью русская интеллигенция воспринимала и запоминала то, что печаталось о Царе в подпольных революционных пасквилях, обычно по своей фантастичности относящихся к области “развесистой клюквы”; ловила шепот придворных сплетен, инсинуации опальных сановников. Мнение о Государе как о человеке невежественном, ограниченном, – некоторые договаривались до выражения “слабоумный”, – человеке безвольном, при этом злом и коварном – было ходячим в интеллигентских кругах. Даже военный чин его – в котором он оставался, потому что отец его скончался, когда Государю было двадцать шесть лет – обращали ему в укор, говоря о “маленьком полковнике”, об “уровне” – почему-то “армейского полковника” и так далее».

Не нужно при этом думать, что подобное отношение к Царю было свойственно лишь злонамеренно-подозрительным людям, монархически индифферентным или даже монархизму враждебным. Люди монархически настроенные и лично Государю симпатизировавшие нередко видели в его фигуре что-то жалкое. С каким злорадством подхвачена была либеральным обществом мысль о том, что Царь является двойником несчастного Феодора Иоанновича, к тому же нарочито стилизованного в сценическом изображении под кроткого, но убогого «простачка»! Но ведь со скорбью, с тяжелым сердцем, сокрушенно покачивая головами, о том же говорили и убежденные монархисты, не обретая в Царе того, что хотели бы видеть, и не ощущая его твердой руки на руле государственного корабля.

Можно понять, а в известном смысле даже оправдать тех, кто так думали «тогда»: ведь перспектива была укорочена и искажена. Но «теперь», после всего свершившегося – дозволительно ли оставаться при прежних трафаретах? А между тем, Царь оставался непонятым и после своей мученической смерти, а тем самым непонятой оставалась и объективная трагедия его взаимоотношений с обществом. Так глубок был духовно-психологический отход русского образованного общества от основ Святой Руси, от понимания существа самодержавной власти на Руси!

Показательна в этом отношении честная и умная книжка В.И. Гурко «Царь и Царица»¹. Автор ее – один из лучших сынов ушедшей России, один из столпов ее государственного строительства. Человек редкого ума и исключительного образования, он был украшением сановной русской бюрократии. Имя его останется незабвенным, как едва ли не главного внутриведомственного подготовителя знаменитой столыпинской реформы. Пав жертвой интриги он оказался, при проведении реформы в жизнь, обреченным на относительное бездействие, но не озлобился и не превратился в будирующего оппозиционера. Оставаясь, по связям своим, в курсе того, что делалось «на верхах», он лучше, чем кто-нибудь мог «наблюдать» и «оценивать», тем более, что ни к каким партиям не принадлежал и чужд был пристрастиям, как правым так и левым, по убеждениям же был консерватором и монархистом. Трудно представить себе человека, более пригодного для «реабилитации» Царя в глазах общества!

И действительно, во многих отношениях книга Гурко, отдавая должное Царю, убивает, можно сказать, наповал некоторые ходячие, но абсолютно лживые представления о нем, издавна отравлявшие сознание русской интеллигенции. Пред нами встает человек, безупречный в семейном быту – «сияющее исключение на фоне нравов, ставших привычными в высшем обществе» – и вместе с тем образец полнейшего самоотвержения в исполнении того, что он считал своим Царским Делом. Но высоко расценивая моральный облик Царя, Гурко не находит ключа к пониманию его личности... В плане государственном и для Гурко Царь – «маленький» человек, не стоящий на уровне задач, ставившихся ему действительностью! По мнению Гурко, Царю вообще была чужда широкая картина – он был «миниатюристом», способным осознать только детали. В связи с этим стоит, по мнению Гурко, неспособность Царя отличать общее «правление» от конкретных и частных «распоряжений», ведшая его к излишней и неоправданной обстоятельностью подозрительности в отстаивании своей власти от несуществовавших покушений. Не считаясь с общими принципами управления, он порой настойчиво проводил в мелочах свою волю. Не договаривая своей мысли до конца, Гурко дает понять, что тут, вероятно, сказывалось столь обычное для слабовольных людей упрямство. Впрочем, и Гурко «слабоволие» Царя признает лишь условно, оттеняя, что Царь упорно шел по пути собственных намерений – с одним только исключением, известным Гурко: это капитуляция 17 октября пред чужим мнением, ему внушенным и ему навязанным по признаку «исторической необходимости».

¹ Гурко В.И. Царь и царица. Париж: Возрождение, 1927.

Не задумываясь над тем, в какой мере это «исключение» способно раскрыть тайну личности Императора Николая II, Гурко проходит мимо него. В другом месте, как бы мимоходом, останавливаясь на умоначертании Царя, Гурко приводит свидетельство А.А. Половцова, занесенное им в дневник 12 апреля 1902 года и так изображающее это умоначертание: «Всем управляет Бог, помазанником Коего является Царь, который поэтому не должен ни с кем сговариваться, а следовать исключительно Божественному внушению». Гурко склонен искать в этом умоначертании корень лишь некоторых совершавшихся Государем (отчасти под влиянием Государыни) самоличных действий, врывавшихся в круг нормального течения государственных и церковных дел.

А между тем, стоило углубить эту тему – и именно здесь можно было бы найти общий ключ к пониманию поведения Царя, иногда казавшегося Гурко столь загадочным. Дело в том, что Царь, при всем своем уважении к порядку и к форме, не считал Царскую волю **формально** чем бы то ни было связанной. Поэтому там, где он, в очень редких случаях, настаивал на исполнении ее в обход формы, были, значит, у него основания серьезные, которые побуждали его к этому. Искать причин таких действий надо не в упрямстве и не в мелочности Царя, а в чем-то другом. Показательно, кстати сказать, что тот материал, который попутно раскрывает нам сам Гурко, ни в какой мере не вяжется с делаемой им оценкой действий Царя. Гурко отмечает безграничное самообладание Государя, исполненное внутреннего упора неколебимого. Его никогда не видали ни бурно гневающимся, ни оживленно радостным, ни даже в состоянии повышенной возбужденности. Гнев его выражался в том, что глаза его делались пустыми – он как бы уходил вдаль, ничего не замечая и не видя. Полное спокойствие сохранял он и в моменты опасности. Вместе с тем, переживал он, по указанию того же Гурко, весьма сильно все то, что он ощущал как удар, наносимый России. Поражение под Сольдау стоило ему недешево. «Я начинаю ощущать мое старое сердце, – писал он Царице 12 июня 1915 года. – Первый раз, ты помнишь, это было в августе прошлого года после самсоновской катастрофы, а теперь опять». Отмечает Гурко и то, что настойчиво проводил Государь свою волю в относительных «мелочах»: ни разу не нарушил он закона в вопросах общегосударственного значения!

Вяжется ли с подобными данными упрек Царю в мелочности, в упрямстве? За чертами характера Царя, которые воспроизводит Гурко, чувствуется сильная, изумительно дисциплинированная воля, чувствуется глубокое сознание моральной ответственности, чувствуется и **большая душа**. Откуда же здесь быть мелочности или упрямству? Эти свойства обнаруживаются тогда, когда человек, **позируя** на **большого** человека, на самом

деле таковым не является! Когда **такой** человек срывается со своей «позы», тут, конечно, проявляется **подлинная** его мелкая природа. Но у Царя-то никакой **позы** не было! Если он на чем-либо настаивал, значит, в его представлении это не было мелким, и настаивал он на этом не по причине неосмысленно-упорного своеволия, как это бывает в случаях упрямства, а по какому-либо существенному, морально оправданному основанию.

Чтобы нам еще отчетливее представить себе свойственную Государю нравственную серьезность, коренящуюся в высокой дисциплине духа, приведем несколько показаний о Государе другого человека, тоже заслуживающего доверия. Мы имеем в виду министра иностранных дел Сазонова, человека чистого, деликатного, морально тонкого. Что ему запомнилось из его общения с Царем?

«Глядя на него у церковных служб, во время которых он никогда не поворачивал головы, я не мог отделаться от мысли, что так молятся люди, изверившиеся в помощи людской и мало надеющиеся на собственные силы, а ждущие указаний и помощи только свыше. <...>

Что бы ни происходило в душе Государя, он никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам. Мне пришлось видеть его близко в минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, в котором сосредоточивалась вся его нежность, и кроме некоторой молчаливости и еще большей сдержанности, в нем ничем не сказывались пережитые им страдания... (Спала, 1912 г.). <...>

На третий день моего пребывания в Спале я узнал от пользовавших Наследника врачей, что на выздоровление больного было мало надежды. Мне надо было возвращаться в Петроград. Откланиваясь Государю перед отъездом, я спросил его о состоянии Цесаревича. Он ответил мне тихим, но спокойным голосом: «Надеемся на Бога». В этих словах не было ни тени условности или фальши. Они звучали просто и правдиво»¹.

А вот небольшой, но сколь характерный штрих, наблюденный Сазоновым в отношениях Государя к людям, ему явно неприятным! Зашла раз речь об одном бывшем министре, которого Сазонов не называет, но в котором легко угадать – Витте. Между ним и Государем лежала не только пропасть непонимания, но и нечто большее. Государь не уважал Витте, а тот платил ему озлобленной антипатией, которой нередко давал волю в своих высказываниях, прикрываемых иногда нарочитым подчеркиванием «пиетета» к памяти Александра III. Государь, конечно, знал об этих

¹ Сазонов С.Д. Предисловие к: *Жильяр Пьер*. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Вена: Русь, 1921.

чувствах к нему Витте. Велико было удивление Сазонова, когда он в высказываниях Царя о Витте не уловил ни малейшего оттенка раздражения. Сазонов не скрыл своего удивления от Царя. «На это, – рассказывает Сазонов, – Государь ответил мне следующими словами, живо сохранившимися в моей памяти: “Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого”»¹.

Ограничимся еще одним отзывом, исходящим от человека, хотя и далекого от России и от ее Царя, но способного, по своему положению, многое увидеть в характере Царя. Это – президент Французской Республики Лубэ. Он давал такой отзыв о главе союзного Франции государства:

«Обычно видят в Императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, беззащитного против влияния и давлений. Это – глубокая ошибка. Он предан своим идеям, он защищает их с терпением и упорством; он имеет задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает... Под видимостью робости, немного женственной, Царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает, куда идет и чего он хочет»².

Не будем продолжать нанизывать оценки и свидетельские показания, удостоверяющие исключительные моральные свойства Царя и крепость его воли. Не будем приводить и тех отзывов, которые отмечают столь же исключительную умственную силу Царя. Отсылаем читателя к известной книге С.С. Ольденбурга. Ознакомившись с ней, читатель на самом материале, сгруппированном автором книги, убедится в выдающихся качествах Государя как человека и правителя.

Тем большей загадкой остается стойкость легенды, которая совершенно иначе изображала Царя, а также глубина той пропасти непонимания, которая разделяла общество от Царя и которая создавала почву, благоприятную для происхождения и укрепления этой легенды. Едва ли при объяснении этого явления допустимо ограничиваться указанием на злость клеветы, направленной против Царя, и на намеренную деятельность темных сил. Недостаточно и **общего** указания на то разномыслие и разночувствие между Царем и обществом, на которое мы выше обращали внимание.

¹ Сазонов С.Д. Предисловие к: *Жильяр Пьер*. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Вена: Русь, 1921.

² Новогодний номер венской газеты «Neue Freie Pressa» за 1910 г.

Важно здесь уловить два обстоятельства, которые бросают свет на природу этого разномыслия и разночувствия, корни свои имеющего не только в настроениях общества, но и в некоторых свойствах или, вернее сказать, в некоторой установке сознания самого Царя, которая делала нахождение общего языка между ним и его современниками самого разного направления психологически невозможным.

Одно обстоятельство мы уже отмечали, и теперь остается только несколько ближе к нему подойти. Это – разность понимания Царем и русским обществом института Царской власти.

Государь, как человек церковно-верующий, признавал себя помазанником и Царем в том высоком и ответственном понимании этих обозначений, которые присущи учению Церкви. Проблема «абсолютизма», а тем самым и проблема «конституционных» ограничений этого абсолютизма, уяснением каковых проблем в глазах русского образованного общества, даже иногда и правого, исчерпывалось уразумение отношения подданных к Царю, – этих «проблем» в глазах Императора Николая II вообще не существовало. Не существовало их и в глазах любого подлинно-церковного русского человека или даже такого человека, который, будучи по своим убеждениям далек от точного учения Церкви, оставался бы способным точно уяснить себе русское понимание вопроса, исторически и юридико-догматически данное. Русский Царь не был и не мог стать «абсолютным» монархом в понимании Запада. Он был Царем самодержавным – по самой природе своей власти не поддающимся никаким формальным ограничениям ни с чьей стороны. Однако это никак не означало, что он был Государем, которому не противостояли бы никакие сдержки и который в одной лишь собственной воле должен был искать границ допустимого. Приведем страничку из очерка графа Ю. Граббе «Святая Русь в истории России»¹, где почтенный автор останавливается и на религиозной природе Царской власти в России.

«Особенно ярко обрисовывается религиозная сущность русской Царской власти в чине Коронования и Миропомазания. В самом начале этого чина, едва Государь входит в собор и становится на свое место, он, “по обычаю древних христианских монархов”, вслух своих подданных отвечает на вопрос первенствующего архиерея: “Како веруеши?” и читает святой Символ Православной веры. И лишь после этого начинается самая служба. Все регалии принимаются Царем “во имя Отца и Сына и Святого Духа”; читаются глубокие по содержанию молитвы с исповеданием, что земное царство вверено Государю от Господа, с прошением о том, чтобы

¹ Григорий (Граббе), епископ. Святая Русь в истории России // Церковь и ее учение в жизни. Т. 1. Монреаль, 1964.

Господь всеял в сердце его страх Божий, соблюл его в непорочной вере как хранителя Святой Церкви, “да судит он людей Божиих в правде и нищих Его в суде, спасет сыны убогих и наследник будет Небесного Царствия...” Но особенно торжественный и трогательный момент – это чтение Царем коленопреклоненной молитвы, полной смирения, покорности и благодарности Богу: “Ты же, Владыко и Господи мой, – молится Царь, – настави мя в деле, на неже послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем... Буди сердце мое в руку Твоею еже вся устроити к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день Суда, Твоего непостыдно воздам Тебе слово...”

Катков говорил, что в присяге – наша конституция, по которой мы имеем больше чем политические права – мы имеем политические обязанности. Это отчасти верно, но в сущности, подлинная конституция была в священном Короновании. Там исповедовалась неразрывность нашей Царской власти с Православной Церковью, там самодержец торжественно заявляет, что он ограничен Законом Божиим, что он – Божий слуга. В молитвах этого замечательного чина, развившегося уже в Императорский период, а до того весьма краткого, – самое глубокое изложение сущности русской Верховной власти и ее главной задачи. Тут государственные принципы Святой Руси получают свое самое яркое и глубокое выражение».

Вне подобной церковно-религиозной осмысленности Царской власти в России нельзя вообще понять ее сущности. Тот, кто не понимает, что такое «Православие», не может понять и того, что такое – Русский Царь. Отделенная от этой своей церковно-православной природы, несущей в себе сильнейшие и глубочайшие «ограничения», теряет самый свой смысл Царская власть, как она выработана тысячелетней русской историей. Это прекрасно понял такой относительно далекий от Церкви человек, как знаменитый историк русского права Сергеевич, который распознал юридическое своеобразие русского самодержавия и потому самым решительным образом отвергал применимость к нему – в исторической перспективе! – понятий западного абсолютизма.

Этого-то и не понимало русское общество. Оно не могло иметь ученой проницательности величайшего русского правоведа-историка, и оно, вместе с тем, в такой мере утратило уже способность мыслить и чувствовать так, как велит Церковь Православная, что для него смысл русского самодержавия испарился. Тут и лежит корень непонимания обществом Царя – непонимания безысходного.

Царь, оставаясь Русским Царем, не мог себя ограничить западной конституцией, не мог сделать этого не потому, чтобы судорожно держался он за свою власть, а потому, что самая власть эта, по существу своему, не

поддавалась ограничению. Ограничить ее – значило изменить не ее, а изменить ей. И тут, в дополнение к тому, что явствует из вышеприведенной страницы, заимствованной у Граббе, напомним еще одно обстоятельство, еще более, с точки зрения церковно-верующего человека, значительное. Русский Царь – не просто Царь-помазанник, которому вручена Промыслом судьба великого народа. Он – тот единственный Царь на земле, которому вручена от Бога задача охранять Святую Церковь и нести высокое Царское послушание до Второго Пришествия Христова. Русский Царь – тот Богом поставленный носитель земной власти, действием которого до времени сдерживалась сила врага. В этом и только в этом смысл преемственности русской Царской власти от Византии.

Нужно именно это учесть, чтобы уяснить себе, какую трагедию переживал Император Николай II, когда у него «вымучивали» манифест 17 октября, и, наконец, вырвали то, как он говорил, «страшное решение», которое он, перекрестившись, принял, не видя другой возможности спасти страну.

Создав народное представительство, Царь принял, однако, новый порядок лишь как изменение техники высшего правительственного механизма. Человек исключительно лояльный и свободный от личных пристрастий и увлечений, он с необыкновенной скрупулезностью соблюдал закон в отношении Государственной Думы, – как он соблюдал закон и во всех иных случаях и направлениях. Но внутренне чуждой оставалась ему эта механика, не знавшая прецедентов в русском прошлом.

Об этом ясно свидетельствует опубликованная в советской России переписка Царя с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым. Настраивая Царя против Думы, Маклаков в 1913 году испросил у Царя разрешение распустить ее, если ему не удастся ее «ввести в законное русло». Из замыслов Маклакова ничего не вышло, так как он встретил в Совете министров решительную и сплоченную оппозицию. Но любопытно, что Царь в своей переписке с Маклаковым высказывал полное свое несочувствие сложившемуся у нас государственному порядку. Он писал: «Также считаю необходимым и благонамеренным немедленно обсудить в Совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения Государственной Думы, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Государственного Совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это – при отсутствии у нас конституции, есть полная бессмыслица. Предоставление на выбор и утверждение Государя мнения и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе»¹.

¹ Монархия перед крушением. 1914–1917. Из бумаг Николая II. Л.: Госиздат, 1927.

Таково было «личное» мнение Царя, на котором он, конечно, не стал настаивать, ибо был человеком, лишенным тех мелочности и упрямства, которые ему так упорно ставят в вину. Напротив того, он своеобразную, во многих отношениях замечательную «конституцию» русскую, нашедшую себе превосходное юридическое выражение в Основных законах 23 апреля – своего рода шедевре государственного права! – заботливо покрывал своим высоким покровительством. Но это отнюдь не могло означать для него, чтобы он всегда и при всех условиях считал себя обязанным подчиняться той форме, которая была выражена в «конституционных» законодательных актах. Ведь он, только он один продолжал нести и в рамках новых «основных законов» ответственность перед Богом за судьбы русского народа! Никакая власть на земле не способна была лишить Царя права и снять с него обязанность считать и чувствовать себя высшим арбитром в последних решениях, требуемых обстоятельствами чрезвычайными. Когда Германский Император предложил ему, в целях ослабления ответственности за Портсмутский договор, передать его на ратификацию Думе, Царь ответил, что ответственность за свои решения несет он перед Богом и историей.

Арбитром, на которого не может быть апелляции, продолжал считать себя Государь и во внутренней гражданской политике. Акт 3 июня 1907 года, которым была нарушена буква «конституции», но которым Россия была выведена из тупика думской неработоспособности, явился плодом именно такого умоначертания Царя. «От Господа Бога вручена Нам власть Царская над народом Нашим, перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской», – читаем мы в манифесте 3 июня!

На свою совесть брал иногда Царь и решения в вопросах церковных, и тут не считая себя формально связанным решением Святейшего Синода. Осведомленный Жевахов говорит, что Царь в течение своего царствования всего лишь три раза проявил свою самодержавную волю в отношении Синода. Первый раз это было в деле прославления святого Иоасафа Белгородского, в 1910 году. С нетерпением ожидая назначения Синодом торжества прославления, Царь не счел себя, однако, вправе торопить Синод. Но когда состоялось мнение Синода о необходимости отложить это торжество, то Царь, не согласившись с доводами обер-прокурора и Синода, сам назначил срок его. Второй раз его воля была проявлена в деле прославления святого Иоанна, митрополита Тобольского. Наконец, третий случай связан с назначением митрополита Питирима на Петербургскую кафедру и с перемещением митрополита Владимира в Киев¹.

¹ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова: В 2 т. Ч. 3. Гл. 51. Мюнхен–Новый Сад, 1923–1928.

Были, по-видимому, и другие аналогичные случаи, не отмеченные Жеваховым. Так, Гурко говорит об отмене Государем предписания Синода о перемещении иеромонаха Илиодора, каковое распоряжение Государя, по свидетельству Гурко, произвело очень тягостное впечатление на митрополита Антония.

Не будем касаться двух последних частных случаев, касающихся личностей – тут, как во всяких вопросах личных, всегда возможны разные мнения и противоречивые оценки. Что же касается роли Царя в деле прославления святых, то нельзя не признать, что Царь в этом вопросе шел в духовном плане впереди Синода, находившегося под известным влиянием века, с его равнодушием и скептицизмом в делах веры. В частности, отсрочку канонизации митрополита Иоанна Синод мотивировал необходимостью учесть политические соображения – в них уже во всяком случае Царь мог считать себя более компетентным, чем Синод! В общей же форме значение личности Царя в деле канонизации святых, прославленных в его царствование, митрополит Антоний (Киевский и Галицкий) характеризовал так в 1930 году:

«Царствование Императора Николая II ознаменовалось открытием в России мощей святых угодников и их прославлением. Насколько в России это дело в последнее время было трудным, видно из того, что после открытия мощей святого Тихона Задонского в 1861 году, сопровождавшегося народным энтузиазмом и многими чудесами, по России распространился слух, будто бы Император Александр II выразился, что это будет последний святой в России. Я не верю, чтобы Государь мог сказать такую фразу, но самый факт распространения такого слуха достаточно характеризует тогдашние общественные настроения. В царствование Государя Императора Николая II были открыты мощи святого Феодосия Черниговского (1896 год), преподобного Серафима Саровского (1903 год), святого Иоасафа Белгородского (1911 год), Иоанна Тобольского, Анны Кашинской, Питирима Тамбовского. Я помню, как в одном из заседаний Святейшего Синода один из иерархов заметил, что нельзя же до бесконечности продолжать прославление святых. Взоры присутствовавших обратились на меня, и я ответил: «Если мы верим в Бога, то мы должны быть рады прославлению святых угодников». Из этого видно, – заканчивает владыка, – насколько велико было благочестие Государя, который почти первый решился на это дело»¹.

Приведенного нами материала достаточно для того, чтобы мы могли считать разъясненной природу разномыслия и разночувствия между Ца-

¹ Антоний (Храповицкий), митрополит. Православная Церковь и Император Николай II: Речь на монархическом собрании в г. Белграде 9/22 декабря 1929 г. // Царский вестник. 1929. № 72. 16/29 декабря.

рем и обществом русским, поскольку тут дело было в различии понимания и оценки существа Царской власти и ее прерогатив в России. Но этим мы еще не решили вопроса в целом. самого существенного мы еще не сказали и даже на него не намекнули! Ведь как мы знаем, разномыслие и разночувствие наблюдалось не только между Царем и людьми церковно-индифферентными (не говорим уже о людях враждебных и чуждых Церкви), а и между ним и людьми и к Церкви близкими, и Царю преданными, — иногда до последней капли крови!

Из вышесказанного понятно, почему не было общего языка у Царя с кадетами или хотя бы с Витте. Но был ли у Царя действительно общий язык со Столыпиным, которого Царь искренно и глубоко уважал и ценил и который, с своей стороны, делом и самой смертью своей доказал свою преданность Царю? Между Столыпиным и Царем, в более, конечно, слабой степени, но тоже ощущалось известное и очень существенное разномыслие и разночувствие.

Тут мы подходим к загадке, которая находит себе разрешение только в событиях позднейших, для взора современников Царя в эпоху его царствования недоступных. Вместе с тем, мы подходим к явлениям, которые нередко люди, даже и не так уж далекие от Церкви, отмечают, наклеивая на них ярлык «мистики», «мистических настроений» и так далее. Да, Царь, несомненно, был во власти таких «настроений». Другими словами, — он способен был знать и видеть то, чего не могли видеть и знать люди духовно менее одаренные и менее живущие духом. И именно та настроенность, которая у Государя зрела в его «мистическом надсознании», делала его относительно-равнодушным ко всему тому культурному, экономическому, политическому блеску, который так украшал его царствование и на пользу которого с таким увлечением, с таким подлинным пафосом работали его приближенные, его сотрудники — и впереди всех Столыпин.

Нужно, впрочем, сказать, что и Столыпин, по свидетельству лиц, его знавших, не вполне чужд был «мистического» ощущения бездны, которая грозила поглотить Россию. Чувство это, в большей или меньшей степени, было свойственно чуть ли не всем очень выдающимся русским консерваторам самого разного психологического и умственного уклада. Оно лежало в основе того недоверия к положительным результатам гражданского развития страны, которое с такой резкостью обнаруживалось у Победоносцева и Леонтьева. Оно, в разных дозах, присуще было и многим из тех, кто не склонен был идти за этими столпами «реакции», причем этот страх ощущался ими нередко совершенно инстинктивно, не поддаваясь уразумению и находясь иногда в полном противоречии с практически принятой ими политической позицией.

Так это было и со Столыпиным. Он своей большой душой интуитивно иногда ощущал неблагополучие, веявшее над Россией, но, как человек практического дела и борьбы, не задумывался над этими «предчувствиями», гнал их от себя и продолжал лихорадочно работать в плане политическом и только в нем. И здесь, конечно, он был не всецело с Государем.

Позиция Столыпина была ясна. Россия зреет для величайшего благоденствия и славы – вернее даже, уже «дозревает» для окончательного вступления в новую блистательнейшую фазу своего мирового существования. Что ей нужно для этого? Относительно небольшой срок времени, потребный для завершения ее политического перевоспитания. Это перевоспитание наглядно при Столыпине совершалось и завершалось. Россия, с одной стороны, делалась страной мелких собственников, избавляясь от проказы сельской общины и проникаясь здоровым сознанием индивидуализма, хозяйственного и правового. С другой стороны, Россия в составе своих имущих классов постепенно приспособлялась и приучалась к сознательной гражданской жизни, основанной на началах разумной свободы. Государственная Дума, при всех ее недочетах, в этом отношении служила, в глазах Столыпина, прекрасной школой, принося вместе с тем полезные плоды и как контрольный аппарат над бюрократией. Столыпин верил, что эксцессы, отравлявшие деятельность Думы, постепенно сгладятся, как проявления детской болезни. Он уже и видел положительный успех, в этом отношении достигнутый после акта 3 июня. Незадолго до смерти он мечтал только о том, чтобы России Бог дал мир еще на несколько лет. Пишущему эти строки доводилось держать в руках письмо покойного премьера к Извольскому, которое проникнуто именно такими мыслями и настроениями.

Эта программа Столыпина – в плане, свободном от «мистики»! – была абсолютно правильна и совершенно убедительна. Она увлекала его, поглощая всецело его силы. Она была тем идеалом, устремляясь к которому слагалась в России новая политическая идеология. На этой идеологии и вырастала некая новая «столыпинская» Россия. Но какое-то уже новое место занимал в ней старый Русский Царь!

Формально Царь продолжал, правда, быть в центре всего. Не только никакой закон не мог воспринять силу без его утверждения, но весь правительственный аппарат оставался в его руках. Важнейшие отрасли народной жизни продолжали быть в его всецелом единоличном ведении, с устранением представительных учреждений: Церковь и армия жили так, как они жили до первой революции. Но внутренняя связь, соединявшая Царя с Россией, постепенно ослаблялась, сходилась на нет. Россия наглядно выходила из-под власти Царя, она все больше тяготилась ею. И чем более

осторожным и менее притязательным становилось воздействие на общество этой власти, тем раздражительнее относилось оно к проявлениям ее.

Тут мы подходим еще к одной загадке, раскрытие которой вскрывает факт постыдный, тягостный. Пока Россия жила сознанием своих истинных подневольных обязанностей, оставаясь крепко стянутой узлом служилой и крепостной неволи, она была внутренне крепка. По мере же того как она вкушала от плода гражданской свободы, неудержимо утрачивала она внутреннюю крепость и делалась жертвой своеволия, анархии, бунтарства. Великая вещь – гражданская свобода! Но она предполагает способность и готовность свободного подчинения. Русские цари от царствования к царствованию богато одаряли Россию благами гражданской свободы. С необыкновенной последовательностью, настойчивостью и любовью, еще задолго до Александра II, властно насаждали они ее в своей стране – насильственно порою внедряли, опираясь на тот капитал верноподданнического послушания, который завещан был Московской Русью Петербургской России. И они добились постепенно результатов грандиозных. Россия росла как на дрожжах. Мы уже отмечали громадность ее гражданских успехов. Вот наступил момент, когда, наконец, последние остатки крепостничества в России были упразднены! Это и было делом знаменитой столыпинской реформы, которая отнюдь не просто была агротехнической земельной реформой, а означала второе и подлинное освобождение крестьян от уз сословно-крепостной зависимости, с превращением их в равноправных граждан, живущих по общему гражданскому праву, как свободные собственники. Но в том-то и была трагедия, что в глазах «свободной» России Царь не так уж казался нужен! Правда, он и раньше перестал быть нужен для той темной массы общинного крестьянства, которую, логике вопреки, продолжали держать в составе граждански-свободной России на началах устаревшего общинно-передельческого крепостничества. Реформа Столыпина своей прямой задачей и имела создать нового крестьянина – собственника, способного занять место того общинника-передельщика, который с каким-то экстатическим упрямством ждал от революции вожделенного черного передела, которого он не дождался и который он изверился получить от Царя. Но, повторяем, в том-то и была беда, в том и был стыд и мрак, раскрывающийся в процессе раскрытия русской исторической загадки, что начало гражданской свободы не уживалось в русском быту с прежним церковно-православным и верноподданническим сознанием. В том-то и была русская трагедия, что гражданский расцвет России покупался ценой отхода русского человека от Царя и от Церкви. Свободная Великая Россия не хотела оставаться Святой Русью! Разумная свобода превращалась в мозгу

и в душе русского человека в высвобождение от духовной дисциплины, в охлаждение к Церкви, в неуважение к Царю.

Царь становился, с гражданским расцветом России, духовно-психологически лишним. Свободной России он становился ненужным. Внутренней потребности в нем, внутренней связи с ним, должного пиетета к его власти уж не было. И чем ближе к престолу, чем выше по лестнице культуры, благосостояния, умственного развития – тем разительнее становилась духовная пропасть, раскрывавшаяся между Царем и его подданными. Только этим можно, вообще, объяснить факт той устрашающей пустоты, которая образовалась вокруг Царя с момента революции. Ведь, не забудем, что если акт 17 октября был у Государя вымучен, то буквально вырван у него был акт отречения. Царь не потерял головы при первых признаках революции. При всей своей кротости и незлобии он, как то и раньше бывало по отношению к «крамоле», готов был проявить необходимую крутость. Однако его схватили за руки. Хуже: его просто покинули. Вместо помощи он нашел не просто трусость и измену, как он горестно писал своим близким, а нечто худшее, ибо владело оно и теми, кому чужды были и трусость и измена. Не трусость и не измена диктовали Алексееву и Великому князю Николаю Николаевичу слова настойчивого убеждения, обращенные к Царю с требованием его отречения. Это было острое проявление того психологического ощущения ненужности Царя, которое охватывало Россию. Каждый действовал по своей логике и имел свое понимание того, что нужно для спасения и благоденствия России. Тут могло быть много и ума, и даже государственной мудрости. Но того мистического трепета перед Царской властью и той религиозной уверенности, что Царь-помазанник несет с собою благодать Божию, от которой нельзя отпихиваться, заменяя ее своими домыслами, – уже не было. Это исчезло. Как иначе объяснить еще ранее возникшее дружное сопротивление, которое вызвано было решением Царя возглавить лично армию? Все думали сделать все лучше сами, чем это способно делать царское правительство! Это надо сказать не только о земцах, которые тяготились относительно очень скромной опекой министерства внутренних дел, не только о кадетах, мечтавших о министерских портфелях, но и о тех относительно очень правых общественных деятелях, которые входили в прогрессивный блок. Это можно было сказать даже и о царских министрах, которые уж очень легко заключали, что они все могут сделать лучше Царя.

Мы сейчас говорим о последних днях России. Но и тогда, когда не было на политическом горизонте ни малейшего внешнего признака готовившейся беды, ее элементы были налицо. С одной стороны, стоял «Про-

гресс» России – прогресс несказанный, величественный, прогресс не просто материальный и культурный, прогресс и гражданский. Это последнее обстоятельство особенно сильно способно было исказить перспективу. Ведь Столыпин явно, наглядно справлялся с революцией!.. Справлялся с ней не только на фронте полицейском, но и на фронте политическом! Россия мужала, зрела, крепла в своей новой гражданственности.

Если отбросить «мистический» план жизни, то можно было сказать с абсолютной уверенностью: дайте России двадцать пять лет спокойного существования, и она будет непобедима, так как она вся превратится в страну застрахованных против революционного яда, крепких консервативных собственников. В перспективе социально-политической это было верно.

Иное раскрывалось глазу внутреннему, способному зреть «духовное». В этой «мистической» перспективе социально-политический прогресс был чем-то вторичным, поверхностным, паразитарным. Все успехи, в этом направлении достигнутые в царствование Императора Николая II, были последними всплесками громадной, но упдающей духовной волны, которая в свое время подняла из ничего Русскую землю и дала ей постепенно неслыханное величие и славу, а теперь растекалась исчезающей пеною. И это-то духовное опустошение России и чувствовал, непосредственно осязал своим духовным чутьем Государь. Он сам весь, всецело был сыном духовной России. В ней были и все его интересы. А эти интересы уже стали чуждыми, непонятными или мало понятными далее его ближайшим помощникам. Для него, например, вопрос канонизации святого Иоанна Тобольского был событием исключительной важности, а для главного работника по осуществлению столыпинской реформы, умного, честного и правого В.И. Гурко, это была мелочь, в отстаивании которой проявилось лишь мелочное своеволие Царя! Это было «по меньшей мере произвольное решение», вызвавшее, по мнению Гурко, справедливое негодование «как среди общественности, так и у иерархов Церкви».

Да, Царь был уже несовременен России. Царь, действительно, продолжал быть человеком одного духа с Царем Феодором Иоанновичем, которого, кстати сказать, ближайшие потомки готовы были ублажать как святого. Он, правда, был, в отличие от немощного сына Грозного, блестящим, так сказать, профессионалом Царского ремесла, достойным преемником своих великих предков и верным продолжателем их традиций. Но не «профессия» высшего государственного управления была смыслом его жизни, а нечто большее и высшее – то именно, что и роднило его с последним венценосным Рюриковичем: принадлежность его к Церкви и

сознание тех обязанностей, которые отсюда вытекали. Это живое чувство всецелой принадлежности к Церкви должно было делать для него «профессию» Царя иногда тягостной, в условиях отхода общества от Церкви. Как легко отказался бы он от нее! Кажется, иногда он и мечтал об этом. Но это же чувство принадлежности к Церкви исключало для него возможность не только «дезертирства», но даже простой неверности своему высокому сану. Царь не просто умно и талантливо выполнял обязанности Царя, он нес «послушание» своего звания – тем более трудное, чем резче и яснее для него обозначались руки, тянущиеся к его венцу, и чем явственнее обнаруживалась неспособность русского общества одуматься, очухаться от лихорадки гражданского самомнения, которая его охватила и которая делала его безразличным к вопросу охраны Царского венца от этих кощунственных рук.

Первая встреча с народом, когда с внешней наглядностью обнаружилось одиночество Царя, его покинутость народом, его ненужность для него, произошла в момент созыва первой Думы. Что там ни говорить – народ прислал своих представителей в Думу, и она выражала мнения и настроения народа. Вот как описывает торжественный прием в Зимнем Дворце (27 апреля 1906 года) народного представительства граф Олсуфьев:

«Государь поразил меня своим видом: цвет лица у него был необычайный: какой-то мертвенно-желтый; глаза неподвижно устремлены вперед и несколько вверх; видно было, что он внутренне страдает. Длительная церковная служба постепенно разогрела присутствующих членов Думы. Начали молиться. При многолетии чувство глубокое охватило многих.

По окончании службы Государь и Царица приложились к кресту. Духовенство и Царская семья прошли вперед и стали на назначенных местах около трона. Среди общего движения сначала не заметили, где же был он. Между тем Государь остался один на прежнем месте между эстрадами. Когда все расставились около трона, взоры зала направились на него, стоявшего одиноко. Напряжение чувств достигло высшей степени. С полминуты он продолжал стоять неподвижный, бледный, по-прежнему страдальчески сосредоточенный. Наконец, он пошел замедленным шагом по направлению к трону, неторопливо поднялся по ступеням, повернулся лицом к присутствующим и, торжественно подчеркивая медленностью движений символическое значение совершающегося, “воссел на трон”. С полминуты он сидел неподвижно в молчании, слегка облокотившись на левую ручку кресла. Зала замерла в ожидании... Министр Двора подошел к Государю и подал ему лист бумаги. Государь поднялся и начал читать...

Государь как бы усиливался читать сдержанно, не давая выхода волновавшим его чувствам. Легким повышением голоса были отмечены слова

“лучшие люди”, “буду непоколебимо охранять дарованные мною учреждения”, “дорогое моему сердцу крестьянство”. Как-то особенно осталось у меня в памяти упоминание о малолетнем Наследнике... Наконец, прозвучали последние слова, произнесенные с расстановкой:

– Бог в помощь мне и вам.

И торжество закончилось. Громкое “ура” охватило зал, сливаясь с звуками народного гимна, который исполнял оркестр на хорах. Государь в сопровождении Царской семьи и Двора шествовал обратно, отвечая легким наклоном головы на приветствия справа и... слева».

Когда возникла вторая революция, встречи Царя с «народом» уже не произошло. К этому времени Царь оказался одиноким даже пред лицом своих ближайших соратников! Трудно вообразить что-нибудь более трагичное, чем положение Царя непосредственно перед революцией и в первые ее дни. Когда Государь уже перестал быть Царем, а стал просто «христианином», он мог страдать от грубости, навязчивости, бестактности окружавшей его среды, но он уже был душою спокоен: он нес новый крест, на него Богом возложенный. Но достаточно вспомнить все то, что мы выше говорили о природе Царской власти и о том глубоком понимании ее Царем Николаем II, чтобы уразуметь весь ужас, который должен был пережить он пред перспективой ухода с своего поста под натиском революции.

И можно быть уверенным: если бы революционеры говорили с ним без подставных лиц, никогда не было бы отречения и не было бы никогда «бескровной» русской революции. У Царя отняли венец не революционеры, а генералы, сановники, Великие князья, спасовавшие перед ставшей на революционный путь Думой – и, опять-таки, пред почти всей Думой, а не только перед ее радикальным крылом! Милюков был вправе озаглавить первую главу своей «Истории второй русской революции» так: «Четвертая Государственная Дума низлагает монархию».

*Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне!*¹ – Вот когда Царь мог до конца реализовать смысл слов святого Иова, столько раз им повторяемых в течение своей жизни в муках тяжкого предчувствия. Нужно, однако, поражаться, с каким самообладанием, с какой выдержкой, с какой мудростью и здесь действовал Царь. Он никогда и раньше не отделял интересов своих от интересов страны. Готов он был и сейчас стать искупительной жертвой для спасения России. Ведь этот крест свой он предсознавал в прежнее, благополучное время своей жизни! Твердо и спокойно принял он его. Все было им обдумано с точки зрения интересов России, когда он совершал отречение.

¹ Иов 3, 25.

Все кругом обезумели, всё делали впопыхах, опрометью. Один Царь был трезв, сосредоточен, разумен.

III. Катастрофа

«Отец мой пал на бреши, но в его лице удар нанесен христианскому обществу. Оно погибнет, если общественные силы не объединятся и не спасут его».

Так писал Император Александр III Императору Францу-Иосифу в 1881 году, под свежим впечатлением катастрофы 1 марта. Царствование Императора Александра III было временем внутреннего спокойствия; революция притаилась. Россия быстро «входила в тело», наливаясь соками. Но это был штиль перед бурей. Сознательного объединения общественных сил вокруг Царя для спасения русского «христианского общества» не произошло!

Штурм возобновился с новой силой при сыне Императора Александра. Не нужно, однако, думать, что уж так были могучи кадры революции в эпоху Императора Николая II: они были ничтожны по сравнению с государственной мощью России. Беда была в том, что с угрожающей быстротой убывала у общества способность оказывать сопротивление разрушительным ядам революции, да и пропадало просто самое желание им противодействовать. Россия была больна. Процесс болезни развивался наглядно. К смерти ли была болезнь? Увы! Самые сильные средства не помогали! Не оказала спасительного воздействия и грандиозная встряска 1905 года.

«Люди обратились в зверей, зверей лютых, беспощадных, для укрощения коих не было других средств, кроме оружия. И вот загревели пушки, пулеметы... И в древних храмах русской столицы мы молились при громе этих выстрелов, как будто в осажденном городе», — писал, встречая новый, 1906, год, архиепископ Никон в Троицких листках¹.

«Так закончился год, этот мрачный, “черный”, позорный год — год великих скорбей и гнева Божия... Что пережило бедное русское сердце? Что перестрадало многострадальное, воистину мученическое сердце нашего доброго, кроткого, любвеобильного Царя? Не были ли муки его сердца томительнее мук великого ветхозаветного страдальца Иова?

Господи! Да доколе же это?! Ужель фиал гнева Твоего еще не истощился до дна? Или еще рука Твоя карающая высока?! О, мечу Божий! Доколе не успокоишься? Доколе не внидеши в ножны твоя?..

¹ Архиепископ Никон (Рождественский), будучи еще послушником в Троицкой Лавре, с 1879 г. начал выпускать Троицкие листки, которые сразу стали любимым чтением для русского народа. В 1900 г. за Троицкие листки он получил Макариевскую премию.

Но уже текут реки крови и потоки слез, уже несутся к небу стоны беспомощных вдов и несчастных малюток-сирот: ради этой крови, этих слез, этих стонов, смилуйся, Господи, над нашей многогрешной Русью!.. Не помяни беззаконий наших, опусти карающую руку, вложи меч Твой в ножны, помяни милости Твоя древняя и – сжался над несчастною нашей Родиной!

Воздвигни силу Твою и прииди во еже спасти нас!»

Так переживал смуту 1905–1906 годов добрый сын Церкви. Но не так восприняло страшный урок русское общество. Не уразумело оно знамение гнева Божия! Да и мало думало оно о Боге.

Настал период нового благоденствия, еще более яркий, еще более блистательный, чем при Императоре Александре III. Но не ко спасению пошла и эта милость Божия, не вразумили русское общество и эти дары Божией благодати, так обильно вновь одождившие Россию. Общество не прозрело, не очухалось от революционного угара, ничему не научилось: единого фронта охранительных общественных сил вокруг правительственной власти не сложилось и теперь, в этот последний час. Антитеза «мы» и «они» осталась в полной силе. Баснословно широко разливалась волна оппозиции; «лучшие люди» готовы были как угодно далеко идти в соглашательстве с революцией – только бы не оказаться на стороне Царского правительства.

Губительный, смертельный пароксизм революционной горячки Россия испытала в февральские дни. Беспорядки, возникшие в Петербурге, ничего угрожающего сами по себе не представляли. Они относительно легко могли быть подавлены. Незначительные перебои в доставке продовольствия раздулись в воспаленном воображении общества в нечто, якобы дающее населению право на то, чтобы «выйти на улицу» с требованием хлеба. Объективная обстановка не отвечала этой инсценировке «голодных беспорядков»: Россия в целом, а уж тем более в Петербурге, жила не хуже, а может быть, и лучше, чем до войны. Трезвая оценка положения, произведенная глазом опытного администратора, легко подсказала бы меры, которые неизбежны в таких случаях и которые выполняются самопроизвольно, под действием своего рода инстинкта государственного самосохранения.

Однако Россия дошла уже до такого состояния, что у нее инстинкт самосохранения перестал функционировать: не нашлось скромной военно-полицейской силы, способной в самом зародыше подавить бунт, так беспощадно врывавшийся в русскую жизнь в момент, когда Россия была как никогда близка к реализации военного успеха. В каком-то болезненном экстазе восторженного бунтарства Россия внезапно ополоумела, и во мгновение ока омерзительный, предательский бунт облекся в глазах

общества ореолом «революции», пред которым бессильно склонилась и полицейская, и военная сила.

Чуть ли не единственным человеком, у которого не помутилось национальное сознание, был Царь. Его духовное здоровье ни в какой мере не было задето тлетворными веяниями времени. Он продолжал смотреть на вещи просто и трезво. В столице в разгар войны – Великой войны, от исхода которой зависела судьба мира! – возник уличный бунт! Его надо на месте подавить с той мгновенной беспощадностью, которая в таких случаях есть единственный способ обеспечить минимальную трату крови. Это было Царю так же ясно, как было ему ясно при более ранних его столкновениях с общественным мнением, что во время войны, и притом буквально накануне конечной победы над внешним врагом, нельзя заниматься органическими реформами внутренними, ослабляющими правительственную власть.

Царь был на фронте, во главе армии, продолжавшей быть ему преданной. Так, кажется, просто было ему покончить с бунтом!

Но для этого надобно было, чтобы то, что произошло в столице, было воспринято государственно-общественными силами, стоящими во главе России, именно как «бунт». Для этого надобно было, чтобы Царь мог пойти умирять столичный «бунт» как общерусский Царь, спасающий Родину от внутреннего врага, в образе бунтующей черни грозящего ее бытию! Этого-то как раз и не было. Между бунтующей чернью и Царем встал барьер, отделивший страну от ее Богом помазанного Державного Вождя. И встали не случайные группы и не отдельные люди, а возникла грандиозная по широте захвата коалиция самых разнокачественных и разномыслящих групп и людей, объединенных не мыслью о том, как сгрудиться вокруг Царя на защиту страны – а напротив того, мыслью о том, как не дать Царю проявить Державную волю; мыслью о том, как – страшно сказать! – спасти страну от Царя и его семьи.

Что же было делать Царю? Укрыться под защиту оставшихся ему верными войск и идти на столицу, открывая фронт внутренней войны и поворачивая тыл фронту войны внешней? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять морально-психологическую невозможность вступления Царя на этот путь.

Ехать в столицу, чтобы там в сотрудничестве с ведущими силами страны подавить бунт, опираясь на военную силу, хотя бы ценою тяжелых, если это неизбежно, жертв, – на это готов был Царь. Но рвать с «лучшими людьми» страны и идти не карательной экспедицией против столичной черни, выбросившей красное знамя, а междоусобной войной против столицы, ставшей центром сопротивления именно ему во имя какого-то нового устрое-

ния общегосударственной власти и не вызывавшей отталкивания даже у ближайшего окружения Царя, — этого не мог сделать Царь.

Государь внезапно оказался без рук: он ощутил вокруг себя пустоту. Вместо честных и добросовестных исполнителей своих предначертаний он уже раньше все чаще видел «советников» и «подсказчиков», в глазах которых «он» мешал им «спасать» Россию! У него прямо вырывали «министерство общественного доверия». Можно легко представить себе, с какой горечью должен был уже раньше выслушивать Царь подобные советы в тех тогда еще относительно редких случаях, когда они назойливо предъявлялись ему чуть ли не в ультимативной форме. Так, английский посол имел смелость предложить Царю уничтожить «преграду», отделявшую его от народа, — и тем снова заслужить доверие народа.

— Думаете ли Вы, — с достоинством отвечал ему Царь, — что я должен заслужить доверие моего народа, или что он должен заслужить мое доверие?

Похожие речи пришлось выслушать однажды Царю и от председателя Государственной Думы Родзянко. Настойчивость родовитого и сановного возглавителя народного представительства довели Царя до того, что он, закрыв лицо руками, произнес:

— Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?

— Да, Ваше Величество, — был самоуверенный ответ. — Двадцать два года Вы стояли на неправильном пути.

С этим неумным барином пришлось теперь столкнуться Царю, действующим уже в качестве представителя победоносной революции, властно от ее имени диктующего Царю, как ему надо поступать, чтобы, наконец, пока не поздно, попасть на «правильный путь». Наивно веря в то, что «ответственное перед Думой» правительство сумеет остановить революцию, Родзянко торопил Царя с этой мерой. О подавлении «бунта» силой в его глазах не могло быть и речи.

Ведь то, что произошло в Петербурге, не был «бунт»: то была «революция»! Ее надо было умиловать уступками, возможно скорыми, мгновенными, способными остановить возгорающийся ее аппетит. Стоя у одного конца прямого провода, Родзянко волновался и негодовал по поводу того, что Царь недостаточно быстро реагирует на его требования об уступках. К сожалению, у другого конца этого провода не было людей, способных оборвать бесплодные речи и без всяких околичностей поставить себя в распоряжение Царя... «Революция» и в Ставке, в глазах окружавших Царя генералов, была уже не просто силой внешней и вражеской, а она была авторитетом. Этот авторитет давил на их волю, на их совесть.

Самодержавный Царь был уже как бы чем-то отжившим, устарелым, выходящим в тираж. «Будущее» шло ему на смену: какое – никто толком не знал и не понимал, но, во всяком случае, далекое от навыков и традиций прошлого. В глазах даже этого – «генеральского» – общества судьба России бесспорно отделилась от судьбы «самодержавия». Царь один этого не понимал!..

Да! Царь этого не понимал. Он готов был восстановить порядок самыми крутыми мерами – и тем спасти Россию.

– Я берег не самодержавную власть, – сказал он старому другу своей семьи Фредериксу, – а Россию.

В этом убеждении он оказался одинок. Ближайшее окружение его стало на сторону «бунта» и свои устремления направило на соглашательство с ним.

Психологическую опору это настроение находило в убеждении, принявшем в то психически-больное время форму навязчивой идеи, будто Царь, и особенно Царица, препятствуют нормальному ведению войны! Измена Царю тем самым облекалась в патриотический покров. Убрать Царя и Царицу – в этом намерении сходились и «бунтовщики», и «патриоты». Что было делать Царю?

Оставалась одна надежда спасти Россию: признать, что действительно, по каким-то непонятым, но вполне реальным причинам, лично он с Царицей являются помехой для успокоения России и для срочного возврата ее на путь бесперебойного продолжения войны.

Уйти – уступить место на троне другому и тем образумить Россию. Пред этим решением склонился Царь, как перед необходимостью, определяемой обстоятельствами непреодолимыми. Как мог Царь поступить иначе, когда на этот путь толкала его не только настойчивость петербургского прямого провода, но и армия!

Не кто иной, как генерал Алексеев предложил Государю разослать запросы главнокомандующим фронтами по вопросу об отречении от престола. Самая форма запроса с несомненностью показывала, что ближайший к Государю человек ищет у своих помощников поддержки своему настойчивому совету. В запросе было прямо сказано: «Обстановка, по видимому, не допускает иного решения». Ответы были единогласны. Не составил исключения и ответ Великого князя Николая Николаевича. Бывший Верховный телеграфировал:

«Считаю необходимым, по долгу присяги, коленопреклоненно молить Ваше Величество спасти Россию и Вашего Наследника. Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследство. Другого выхода нет».

Запросы и ответы датированы 2 марта 1917 года. В этот же день Государь телеграфировал председателю Государственной Думы: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, при регентстве брата моего Михаила».

Судьба России была решена. С этого момента – спасения для нее не было. Генерал Алексеев едва ли не первый протрезвел, – но было поздно. Уже 3 марта он сокрушенно говорил: «Никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых лиц, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от престола».

Царь только в одном изменил свое решение: он отрекся и за себя, и за сына. Можно думать, что не только соображения о здоровье Наследника играли здесь роль. Вероятно, приняты были во внимание и соображения государственные: раз необходимость отречения диктовалась отрицательным отношением «народа» к личности Царя и Царицы – не лучше ли было власть передать лицу совершеннолетнему, а не отроку, неотделимому от родителей? Вообще удивительна та собранность мысли и рассудительность поведения, которые проявил отрекающийся от престола Монарх: он все сделал, чтобы облегчить положение своим преемникам по власти.

Вот как об этом говорится в изданном князем Д.Д. Оболенским очерке, посвященном Государю Императору Николаю II и составленном по материалам, собранным «старым профессором»: «Он сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить своим преемникам успех в борьбе с внешним врагом и внутренними беспорядками. Понимая отлично, что регент не будет иметь того авторитета, как Император, что лица, способствовавшие перевороту, всегда будут бояться возмездия со стороны сына низложенного Императора, Император Николай II изменил первоначальную мысль об отказе в пользу сына и отказался в пользу брата. Мало того, он указал брату путь сближения с народным представительством (присяга конституции, ответственный кабинет). Он дал приказ армии и флоту бороться до конца за Россию в единении с союзниками и повиноваться Временному правительству (без этого приказа многие офицеры не принесли бы ему присяги). Он успел до отречения назначить Главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича и председателем Совета министров – князя Г.Е. Львова, которого Государственная Дума намечала на этот пост, именно для того назначил, чтобы оставшиеся верными Государю могли со спокойной совестью подчиниться тем, кому повиновением обязал их сам Государь. Все было обдуманно, все взвешено».

Государь, покидая трон, поглощен был мыслью о том, как пойдут дела на фронте. Война была в центре его жизни. «И подумать только, – ска-

зал он с печалью одному из офицеров Свиты, – что теперь, когда я уже больше не Император, мне не позволят даже сражаться за мою Родину». С какою болью в сердце отрывался от армии ее Державный Вождь, с какою тягостной заботой: будут ли так же думать о нуждах доблестных защитников России теперь, когда не будет его неусыпного глаза?

Генерал Н.М. Тихменев, начальник военных сообщений театра военных действий во время Великой войны, передавая свои воспоминания о последнем прощании Государя со своими сотрудниками по Ставке, отмечает, между прочим, прощальные слова, обращенные Государем к нему и к главному полевому интенданту генералу Егорьеву. Как характерны эти слова! «Подав обоим руку и на секунду задумавшись, Государь, – рассказывает Тихменев, – потом, подняв на меня глаза и, глядя в упор, сказал: «Помните же, Тихменев, что я говорил Вам, непременно перевезите все, что нужно для армии, – и, обращаясь к Егорьеву: – А Вы непременно достаньте; теперь это нужно больше, чем когда-либо. Я говорю Вам, – что я не сплю, когда думаю, что армия голодает»».

А прощальное обращение Царя к армии?

Нельзя без волнения читать его. Какое беспредельное самоотвержение звучит в нем, какая преданность долгу обороны страны! Страшным укором должен был прозвучать этот прощальный Царский привет войскам по адресу тех, кто боролся с Царем, сверг его и занял его место. Не этим ли объясняется, что обращение Царя, опубликованное генералом Алексеевым по армии, не допущено было Временным правительством к распространению?

Вот этот исторический документ:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага... Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так и мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте же доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое послабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе святой великомученик и Победоносец Георгий.

8 марта 1917 г. Ставка».

Для уходящего Царя думы о России неотделимы были от исповедания православной веры: только под святым стягом великомученика Георгия мыслил он победу! Не так уже думала и чувствовала Россия. Простившись с Царем, Россия прощалась и с верою отцов.

«Россия никогда не будет побеждена, и это не столько благодаря обширной своей территории, сколько благодаря душе своего народа, которая все будет гореть и страдать, страдать и гореть. Русские могут потерять весь мир, но они сохраняют свою душу».

Так писал во время Великой войны архиепископ Лондонский, передавая своим единоплеменникам и единоверцам то реальное впечатление, которое испытывал каждый вдумчивый и чуткий иностранец, прикасавшийся к России. Так оно и было. Теперь, с отказом от Царя, Россия отрекалась и от своей души.

«Помни, Россия, — восклицал в середине XIX века, в разгар великих реформ, в бытность его еще архимандритом, знаменитый церковно-православный проповедник, епископ Иоанн Смоленский, — что в тот день, когда ты посягнешь на свою веру, ты посягнешь на свою жизнь».

Этот день наступал с вынужденным уходом Царя, с отречением от него русского народа. Вот когда мог русский народ восклицать, обливаясь слезами: «Погибаем, погибаем...» Ибо подлинно «закатилось Солнце Земли Русской».

Забыв о Царе, Россия забыла о войне, забыла о Родине, забыла и о Боге. «Россия» вообще перестала существовать как некая соборная личность. Осталась рассыпанная хранина, в которой не могло уже ничего сплотиться достаточно стойкого ни для защиты Царя, ни для защиты Бога, ни для защиты Родины.

В возникающем хаосе судьба Царя и его семьи была предрешена. С необыкновенной быстротой оказался он на положении поднадзорного арестанта. Пусть клевета замолкла незамедлительно, как только открылась возможность проверки ее на фактах: Царь и его семья были чисты как стеклышко и в политическом, и семейно-общественном отношениях. Какое это теперь имело значение? О Царской семье мало уже кто думал: все думали о себе, о своих текущих нуждах и болезнях, которых становилось все больше и больше.

Предоставленная себе, изолированная от внешнего мира, подвергнутая режиму, колеблющемуся между положением домашнего ареста и политической тюрьмы, Царская семья обнаружила силу христианского духа необыкновенную. Слияние шло от этих исполненных любви и смирения людей, и нужно было действительно утратить самый облик человеческий, чтобы, приблизившись к ним, не проникнуться к ним симпатией и

почтением. Не осталось у меня в памяти подробностей, но довелось мне слышать из уст известного журналиста Петра Рысса рассказ о том, какое неизгладимое впечатление вынес некий (не помню его фамилии) старый революционер, приставленный одно время для наблюдения за поведением Царской семьи: он не мог иначе говорить о них, как с чувством восторженного умиления. Достаточно прочесть книги генерала Дитерихса или Соколова, чтобы испытать на себе действие этого обаяния чистоты и святости. А стихотворение-молитва Великой княжны Ольги? Его должны бы знать русские дети.

Промыслительной Своей десницей Господь любовно возвращивал Свое насаждение. И вот настал день, когда Ангелы приняли в свои светлые объятия светоносные души Царя и его семьи... Роковой цепью докатились события до екатеринбургского злодеяния. Кровью Царя обагрилась Россия. Мученической смертью почил последний Русский Царь.

Кажется, никто еще не обратил внимания на необыкновенное совпадение, способное заставить горестно задуматься над судьбами несчастной России. «День скорби», день екатеринбургского злодеяния совпал с днем памяти святого князя Андрея Боголюбского, то есть того русского князя, который, если не по имени, то по существу, по замыслу, был первым Русским Царем¹!

Мученической смертью погиб и этот венценосец, головою своей заплатив за то, что чуть не четырьмя столетиями шел он впереди своего века. И вот, в тот самый день, когда Церковию поминается блаженная память причтенного к лику святых монарха-мученика, бывшего **предтечею** идеи православного Царства Российского, падает жертвою за ту же идею **последний** Русский Царь.

Сомкнулась цепь времени! И что еще примечательно!!

Свершилось падение Царского престола на Руси и самой Державы Российской в тот самый момент, когда Россия, **впервые за всю свою историю**, была у конечной цели всей своей жизнедеятельности как Царства Православного! Свержение Царя сорвало победный для русского оружия конец Великой войны. Между тем, что обещало России победоносное завершение войны? Ответ на этот вопрос даст нам замечательное слово, сказанное митрополитом Антонием в Неделю Православия в храме Спасителя в Москве в 1918 году².

¹ Благоверный Великий князь Андрей Боголюбский, основатель Северо-Восточной Руси, управляемой самодержавным правителем и неделимой на уделы, был убит 4 (17) июля 1174 г.

² Антоний (Храповицкий), митрополит. Торжество православия и скорби православия. (Слово на Литургии в храме Христа Спасителя в Москве, в 1-е воскресенье

Знаменитый архипастырь прежде всего указал на то, что Торжество Православия, в отличие от принятого обычая справлять его в древнем Успенском соборе, как это и происходило в течение четырех с половиною веков, ныне справляется в храме Спасителя. Почему? Загражден путь в священный Кремль! Пастырей и паству не пускают в чудотворную древнюю церковь Успения! Проповедник обращает далее внимание верующих на поразительный контраст по сравнению с прошлым годом, когда в середине февраля совсем иного ожидали от предстоящего года.

«Тогда наши верные войска грозною стеною собрались против врага и, усилившись вчетверо по своему числу и по количеству оружия, должны были с наступлением весны быстрым победоносным потоком пройти по вражеской земле до Вены и Берлина и достигнуть тех целей, с которыми начата была русским народом та священная и самоотверженная война, то есть освободить доблестное племя православных сербов от поработорительных посягательств еретиков, протянуть руку братского общения к умолявшим о том Россию нашим единокровным малороссам-галичанам и освободить от инородного ига их родину, – нашу родину, наследственный удел равноапостольного Владимира, русскую Галицию, и что всего важнее, – дать ее сынам, а нашим родным братьям возможность возвратиться в лоно Святой Церкви от униатской ереси, куда вовлекли ее насильем поработителей и коварством иезуитов.

Да, год тому назад мы, все русские люди, надеялись на то, что сегодняшнее Торжество Православия мы будем справлять уже вместе с ними, что к этому дню, как было сказано, уже не будет подъяремной Руси, а единая свободная и православная Русь.

Но и этим не ограничивались наши желания. Уже исполнен был рисунок креста для водворения его на куполе Константинопольской Софии; уже близко было к исполнению обещание Московского Царя Алексея Михайловича, данное от имени своего потомства и всего русского народа Восточным Патриархам, – обещание освободить православные народы из-под ига неверных мусульман и возвратить христианам все древние храмы, обращенные в магометанские мечети.

Россия должна была занять проливы Черного моря, но не покорять себе священной столицы великой Византии, а восстановить это священное государство наших отцов и учителей по спасительной вере Христовой, то есть греков, а себе приобрести отечество всех истинных христиан, то есть Святую Землю, Иерусалим, Гроб Господень, и, соединив ее широкой по-

лосой земли с Южным Кавказом, заселить те святые места добровольными русскими переселенцами, которые ринулись бы туда в таком изобилии, что в несколько лет обратили бы Палестину и Сирию в какую-нибудь Владимирскую или Харьковскую губернию, конечно, сохранив все преимущества того полумиллиона христиан и их пастырей, которые доньше уцелели еще там от турецких насилий.

Не один русский православный люд жил такими надеждами и полагал за них сотни тысяч своих жизней в тяжком воинском подвиге: этими надеждами жили, ими дышали, ими утешались в своих страданиях, скажем без преувеличения, все православные народы всего современного мира, вся Святая Соборная и Апостольская Церковь. Вся она ожидала, что наступившее теперь 1918-е лето Господне будет таким светлым торжеством Православия, каким не было даже то 842-е лето, когда в память духовной победы над еретиками-иконоборцами был установлен настоящий праздник.

И что же? Вместо освобождения порабощенных православных народов, Церковь Российская впала сама в такое порабощенное состояние, какого не испытывали наши единоверные племена ни под властью магометан, ни под властью западных еретиков, ни наши предки под игом татар».

Перед этой тягостной картиной проповедник, однако, не предается унынию.

Он вспоминает с горечью о той мрачной тени, которую так долго отбрасывало на Церковь «синодальное» ее возглавление и отдается радостному чувству пред лицом вожделенного переустройства нашей Церкви на началах возвращения к Патриаршеству. Теперь ее «возглавляет давно жданный жених Поместной Церкви, и вот она, в разоренном нашем государстве, окруженная злобствующими врагами нашей спасительной веры, торжествует и благодарит Бога о том, что Он послал ей в утешение среди настоящих скорбей то, чего она была лишена в годы своего внешнего благополучия и безопасности».

Но этому можно радоваться только потому, что существует и еще одна причина к радости: сохранение того доброго, что возвращено было прежними годами русской церковной жизни. Это – особое отношение русских пастырей и русской паствы к жизни и вере. «Запад взирает на временную жизнь как на наслаждение, а на религию – как на одно из средств (даже сомнительных) к поддержанию благополучия этого. Напротив, русские люди, даже и не очень твердые в вере, понимают жизнь как подвиг, цель жизни видят в духовном совершенствовании, в борьбе со страстями, в усвоении добродетелей, словом – в том, чего европейцы даже и не поймут, если будете говорить с ними о подобных предметах».

Проповедник убежден в том, что отошедшие от Бога не составляют большинства русского народа.

«Огромное большинство русского народа, которое, сидя в деревнях и городах, продолжает в поте лица смиренно трудиться над своим делом и больше прежнего переполняет святые храмы, говееет и жертвует на церкви и на бедных, — оно по-прежнему носит в своих сердцах высокие заветы Христовы, по-прежнему оно вовсе не похоже на современных европейцев: оно отличается от них неслыханною среди них откровенностью, искренностью, доверчивостью, отсутствием гордыни и незлобием; оно благодушно принимает обличения, быстро умиляется сердцем и отзывчиво на мольбу...

Геройство духа, понятие о жизни как о подвиге, хранится только в Церкви, а так как оно в большинстве ее сынов хранится и до настоящих дней, то Торжество Православия совершается сегодня вполне законно, как торжество Христовой правды на земле; и оно будет совершаться с тем же восторженным прославлением Пастыреначальника душ наших, как в прошедшие годы, когда Церковь именовалась господствующей». Но не закрывает проповедник своих пронизательных глаз и на иную, более страшную, перспективу, которая может ждать Россию. «Да! — продолжает архипастырь, — оно будет продолжаться и в том случае, если государство подпадет полному подчинению врагов, если даже на православных откроется прямое гонение. Церковь будет торжествовать о своем вечном спасении, о том, что ее чада идут ко Христу, как Он и завещал им: *блажени будете, егда возненавидят вас человецы и разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческого ради; возрадуются в той день и възграйте: се бо, мзда ваша многа на небеси*¹. Аминь».

Эта мрачная концовка только оттеняет тот на теперешний взгляд удивительный оптимизм, которым проникнута проповедь, сказанная наиболее, быть может, прозорливым и глубоко проникнутым идеею Православного Царства русским иерархом, — сказанная пред лицом уже завладевшего Кремлем торжествующего большевизма! В глазах митрополита Антония уступленная большевикам Россия — еще Святая Русь! В его представлении императорский период истории России заслонен еще тенью, отбрасываемой Синодом, как неким злым началом, сменившим Патриарха в жизни Православной Русской Церкви!

Медленно, очень медленно, слишком медленно, чтобы оказать ощутимое воздействие на судьбы России, проникало в сознание русских людей даже, казалось бы, наиболее открытых пониманию реальной действитель-

¹ Лк. 6, 22–23.

ности в ее «мистической» сущности, представление о **подлинном** значении факта отречения России от своего Царя. Все мы в этом в той или иной степени повинны, и каждый из нас, оглядываясь на себя, вероятно, немало может сделать себе упреков.

Не раз приходило мне на ум сделанное однажды одним умным французским писателем наблюдение: когда, говорит он, смотришь назад, прошлое кажется гладкой, хорошо укатанной, широкой дорогой, по которой естественной чередой текут события, – а когда пытаешься всмотреться в будущее, вздымается крутая скалистая стена, и бесплодно ломаешь себе голову над тем, в какую же из небольших расщелин, в этой стене замечаемых, устремится поток событий и превратит ее в широкий открытый проход...

Откуда только ни ждали русские политики-мыслители спасения России! А того «единого на потребу», что означало бы моральное **выздоровление** России, не обнаруживали в своем духовном хозяйстве: **покаяния** в великом грехе царетоступничества, которое явилось одновременно и отступничеством от веры.

Убог наш монархизм, поскольку он не выходит за пределы размышлений утилитарно-политических! Бессилен он перед фактом духовного распада России. Восстановление Российской монархии не есть проблема политическая. Парадоксально может это звучать, но в настоящее время **реальным** политиком может быть только тот, кто способен проникать в **мистическую** сущность вещей и событий. Только **духовное возрождение** России может вернуть ее миру. Поскольку в прошлом мы стали бы искать уроков, светлых знамений, духовных руководителей для создания нашего будущего, наша мысль должна обращаться не к политическим вождям, как бы велики ни были в прошлом их заслуги. Чем могут помочь нам Петр Великий, Александр II или Столыпин? Не поможет нам и уход в древнюю Москву, поскольку мы там стали бы искать уроков политической мудрости! Эти уроки использовали, может быть, сами того и не подозревая, теперешние властители России. Не является ли СССР, как это первый заметил П.Б. Струве, обезбоженным и обездушенным универсально-крепостным государством, организационно весьма близким опыту древней Москвы, только... с обратным духовным знаком?!

Есть только один вождь, способный нам вернуть Россию – тот, который положил ее начало в облике Святой Руси, утвердив Российское великодержавие: Владимир Святой! Россию надо «крестить». Только наново крещеная Русь может снова стать Православным Царством.

Возможно ли это новое рождение духовное? В этом – вопрос бытия России, как исторической личности, которая известна нам из истории

и которая кончила свою внешнюю, государственно-организационную жизнь с падением трона ее царей. Другого пути восстановления **Исторической России** нет. И это – проблема не только наша, русская. Это и проблема мировая, вселенская. Ибо от того или иного решения ее зависит и судьба мира, точнее говоря, зависит вопрос о **Возрасте** мира и о близости наступления **Восьмого Дня**.

Часть
ВТОРАЯ

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ КАТАСТРОФЫ

Провозвестник кары Божией русскому народу

К 60-летию преставления епископа Феофана Затворника

В нынешнем 1954 году на праздник Богоявления исполнилось ровно 60 лет со дня блаженной кончины приснопамятного епископа Феофана, известного верующим русским людям под именем Вышенского Затворника.

Замечательна жизнь этого великого светильника Российской Церкви последнего времени, как замечательно и то огромное духовное богатство, которое оставил он нам в виде своих поистине драгоценных письменных творений, могущих составить целую библиотеку.

<...>

Как личный великий подвиг жизни святителя Феофана, так и его глубокое проникновение в самую сущность подлинной христианской жизни дает ему бесконечное превосходство, как учителю христианской нравственности, над всеми современными системами христианского нравочужения, появляющимися у нас и на Западе – у римо-католиков и протестантов. Заслуга его в этом отношении беспримерна, и он не имеет для себя равного ни в прошлом, ни в настоящем. Таково значение нашего великого святителя для всего Православия.

Но не в том задача настоящего нашего очерка, чтобы дать исчерпывающую характеристику замечательной личности, жизни и трудов этого дивного столпа нашей Российской Церкви за последнее время, а в том, чтобы обрисовать его как пророка Божия, посланного русскому народу перед наступлением грозных времен, как провозвестника кары Божией русскому народу за его измену своему призванию, за его богоотступничество, за попрание им святого Православия, за отход от священных заветов своего просветителя, святого равноапостольного князя Владимира.

Дабы понять и оценить во всей силе значение преосвященного Феофана для русского народа, верным сыном которого он являлся, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на то, что представляло собой современное ему русское общество. Оно являло собою крайне печальное зрели-

ще. Оторвавшись, под губительным влиянием западной лжекультуры, от своего родного православного корня, оно не пришло ни к чему, не создало, да и не могло создать никаких положительных идеалов. Губительнее всего был тот глубокий разлад, та пропасть, которая образовалась между простым народом, сохранявшим еще преданность родной старине, и руководящим образованным классом, так называемой «интеллигенцией», порвавшей почти все связи с прошлым и сделавшейся в русском народе как бы каким-то особым народом, не помнящим родства. Дабы не быть голословными, предоставим здесь говорить современному наблюдателю, так характеризующему тогдашнюю русскую жизнь: «Современное русское общество, – говорит он, – превратилось в умственную пустыню. Серьезное отношение к мысли, искреннее уважение к науке почти исчезли, всякий живой источник вдохновения иссяк. С падением философии логика сделалась излишним бременем; умение связывать свои мысли отошло в область предрассудков; никогда еще русская литература не стояла так низко; никогда еще легкомыслие и невежество так беззастенчиво не выставлялось напоказ. Самые крайние выводы самых односторонних западных мыслителей, обыкновенно даже и непонятые и непереваренные, смело выдаются за последнее слово европейского просвещения... Современный образованный человек потерял свое равновесие. Нигде он не находит твердой точки опоры. Среди бесконечного множества частных у него исчез всякий общий взгляд. Никогда еще не было такого всеобщего шатания, такого умственного мрака. Сильная мысль, крепкие убеждения, высокие характеры становятся редкостью» (Чичерин Б.Н. «Наука и религия». <М., 1879>).

В религиозно-нравственной области картина современной святителю Феофану русской жизни – еще мрачнее, еще безотраднее. Безверие, нигилизм, беспринципность, отрицание каких бы то ни было религиозно-нравственных устоев и тут же порой – нездоровое истерическое увлечение крайними сектантскими лжеучениями, спиритизмом, оккультизмом, теософией, черными мессами и тому подобному, – все это ясно показывало, что русское общество тяжело болеет, что оно заражено тяжелым, трудноисцелимым недугом, что оно переживает мучительный нравственный кризис. Существо этого кризиса метко определил один из наших поэтов того времени:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует;
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Без верием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит!..
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... Но о ней не просит.
Ф. Тютчев

«Безверие» – вот где корень всех зол, вот что привело образованного русского человека к этому шатанию умов и сердец, к этому гнетущему духовному кризису.

Но откуда взялось это «безверие» в русском народе, который со времен святого князя Владимира настолько воплотил в своей жизни высокие евангельские идеалы, что заслужил название «народа-богоносца», сделался подлинно «Святою Русью», как свидетельствуют об этом беспристрастные исторические памятники?

Это «безверие» и порожденное им шатание умов и сердец было занесено к нам с Запада. Оно посеяно было у нас в результате слишком стремительного и неосторожного сближения с чуждой нам по духу, полужызыческой западноевропейской культурой. Судьбы каждого народа, как и судьбы каждого отдельного человека, несомненно – в руках Божиих. И каждый народ имеет свою особую, указанную ему Богом миссию, свое призвание. Уклонение от этой миссии неизбежно влечет за собой катастрофу, ибо никто не может безнаказанно идти против воли Божией. У русского народа была своя высокая миссия, несомненно, Богом ему определенная – быть хранителем истинной веры в мире, быть светом святого Православия для всего остального человечества. И пока русский народ сознавал величие этой своей миссии, пока он дорожил своим святым Православием, он благополучно выходил из всех постигавших его исторических потрясений. Но вот, к несчастью для русского народа, а как мы видим теперь, и к несчастью для всего человечества, русское передовое общество в конце XVII и начале XVIII века начало резко отклоняться от предназначенного ему Богом исторического пути. Мы далеки от того, чтобы огульно осуждать все реформы Императора Петра I, «прорубившего окно в Европу» и заимствовавшего с Запада много полезного для усовершенствования русской техники, военного и корабельного дела и вообще всего того, что касается благоустройства земной жизни человека. Не сами по себе эти внешние заимствования были губительны – роковым для русского народа в ту пору оказалось его внутреннее, духовное сближение с Западом, который праздновал как раз тогда эпоху так называемого «Возрождения», то есть отречения от последних остатков христианства, какие еще оставались в латинстве, и возвращения к идеа-

лам язычества. Наглядным примером правильного отношения к петровским реформам должен был бы служить случай с великим нашим святителем Митрофаном Воронежским, которого очень любил и чтил сам Император Петр. Святой Митрофан с полным сочувствием относился ко многим мероприятиям Петра, но лишь до тех пор, пока они не шли вразрез с православным благочестием русского народа, не подрывали устоев святой православной веры и не разрушали той истинно-христианской аскетической нравственности, в которой веками до того воспитывались все русские люди от князей и Царей до последнего простолюдина. Известно, что на закладку русского флота святой Митрофан пожертвовал Императору Петру все сбережения от архиерейских доходов в огромной по тому времени сумме 6000 рублей и затем постоянно отсылал ему новые сбережения с надписью: «На ратных». Но когда однажды Петр пригласил его к себе во дворец, он отказался войти туда, увидя перед воротами и на дворе статуи языческих божеств. Царь сильно разгневался на него за это, но святитель оставался непреклонен. И что же? Петр в конце концов уступил – приказал убрать статуи, а по кончине святителя плакал о нем и сам нес его гроб до могилы. В этом простом, но жизненном примере ясно был указан русскому человеку правильный путь в отношениях с Западом: можно заимствовать с Запада все, что там действительно есть хорошего и полезного, но не забывать при этом ни с чем не сравнимого превосходства сокровищ своей родной Православной веры, помнить свое высокое призвание и не приобщаться чуждому нам западному духу губительной для душ противоестественной смеси извращенного христианства с возрожденным язычеством.

Но, увы! Слишком соблазнительными показались русскому человеку приманки глубоко земной западной культуры, потакавшей всем низменным страстям и похотям падшего человека. Падать вниз, катиться по наклонной плоскости всегда легче, чем держаться на высоте своего положения, своего призвания. Вот мы и покатались!.. И хотя внешняя, чисто земная культура у нас продолжала развиваться и совершенствоваться, – зато внутренняя культура, культура православно-христианского духа стала быстро улечиваться. Со времен Петра мы начали заимствовать с Запада и пересаживать на благодарную, черноземную русскую почву все что попало, без всякого разбора. «Все хорошо, что не наше» – стало лозунгом русского общества XVIII века, а наше исконное родное, вплоть до святынь нашей веры, оплевывалось и высмеивалось, – в крайнем случае признавалось законным достоянием «мужика», который стал каким-то низшим существом, представителем какой-то особой, отсталой расы русского народа. В этом диком увлечении всем западным дошли наконец

до такого сумасбродства, что презрели даже свой родной русский язык. Французский язык оказался почему-то лучше, прекраснее, благороднее, выразительнее нашего родного русского языка, а самыми лучшими воспитателями и желаннейшими наставниками и учителями русского молодого поколения сделались французские лакеи, дворники, горничные, парикмахеры, по большей части до мозга костей глубоко развращенные и наше юношество так же глубоко развращавшие, учившие его безверию, нигилизму и разврату. Вместо святоотеческих творений, которые были любимым чтением наших благочестивых предков, русские нравственные уроды XVIII века зачитывались пошлыми и гнусными французскими романами, пропитанными все тем же духом безверия, пошлости, бесстыдного цинизма и всякой нравственной нечистоты. Всякое новое веяние, всякое новое течение в развращенной лжекультурной жизни Запада сейчас же раболепно и подобоострастно у нас подхватывалось, всячески распространялось, прививалось и насаждалось как верх «культурных достижений» человечества. Особенно губительными для нас оказались плоды посеянных у нас в эпоху Императрицы Екатерины II идей французской так называемой «просветительной» философии XVIII века. Безбожные и революционные идеи, под впечатлением только что разразившейся Великой французской революции, настолько захватили тогда русское общество, что вызвали серьезное беспокойство даже в наших весьма либеральных правительственных кругах. Посеянная зараза, поскольку ей не было оказано с самого начала решительного противодействия, не могла не распространяться все шире и шире. Нисколько не удивительно поэтому возникновение всевозможных тайных революционных кружков и движение декабристов в начале следующего XIX века. Весь XIX век проходит под знаменем дальнейшего импорта с Запада всех возникавших там безбожных материалистических и революционных учений и течений, вплоть до пресловутого марксизма-коммунизма, окончательно сгубившего нашу несчастную Родину.

Конечно, все это происходило не случайно, не делалось само собой. Особые темные силы, которым ненавистна была наша Родина как оплот истинной веры на земле, веры Православной, систематически работали над тем, чтобы развратить наши молодые поколения и сделать Святую Русь жребием сатаны. Но досадно и до глубины души больно за тех наивных и неразумных русских людей, которые и тогда не понимали, да и теперь еще не понимают, кто, как и зачем толкал русский народ в пропасть безверия и разврата. Ну вот и докатились, наконец, до страшной кровавой бездны, до жуткого коммунистического ада, который готовится теперь поглотить уже весь мир. Не время ли, не пора ли, хотя теперь, прозреть всем и каждому?!

И в этом отношении необыкновенно драгоценны и поучительны для нас творения великого нашего светильника и наставника преосвященного епископа Феофана Затворника. Истинное значение его как пророка Божия, посланного русскому народу для того, чтобы призвать его к покаянию и обращению к Богу, до сих пор еще по достоинству не оценено. Ведь он, находясь в глубине своего затвора, еще в 60–70-х годах прошлого столетия прозревал духом своим то страшное бедствие, которое надвигалось на не устоявший в верности своему святому Православию русский народ, предошущал ту жуткую кровавую бездну, в которую он катился. Прозревал духом, скорбел, ужасался, отечески вразумлял, умолял, предостерегал. Все его проповеди и письма в той или иной мере отражают эту скорбь великого святителя о неразумных увлечениях современных ему русских людей, а некоторые яркими штрихами и совершенно открыто изображают черты приближающегося бедствия. Замечательно, что он говорил и писал об этом так решительно еще в 60–70-х годах прошлого века. То, что для многих стало ясно в годы, непосредственно предшествовавшие нашей несчастной революции, далеко не было и не могло быть ясным для всех в те еще столь отдаленные годы прошлого столетия. Но великий святитель Божий все это провидел своими богоозаренными прозорливыми очами и грозно предостерегал русский народ о неизбежно ожидающей его каре Божией. К убеждению в неизбежности ее приводили его прежде всего собственные наблюдения над современными ему русскими людьми. Вот как пишет он, например, в одном из своих писем: «Знаете ли, какие у меня безотрадные мысли? И не без основания. Встречаю людей, числящихся православными, кои по духу вольтериане, натуралисты, лютеране и всякого рода вольнодумцы. Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и не злы, но относительно к вере и к Церкви никуда негожи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключаю отсюда, что **через поколение, много через два, иссякнет наше Православие**».

Эти «безотрадные мысли» не ввергают, однако, святителя Феофана в уныние и отчаяние. Он находит еще возможным бороться с этим религиозно-нравственным разложением русского общества его времени. И как истинный служитель Божий, горячо призывает всех, кто к тому способен не сидеть сложа руки, но начать решительную борьбу с надвигающейся на русский народ смертельной опасностью.

«Что ж? Сидеть поджавши руки? – пишет он далее. – Нет! Надо что-нибудь делать! Злые начала вошли в науки и в жизнь; у нас нет книг, читая которые можно бы образумиться тем, кои еще способны к образумлению... Нужны жаркие книги, защитительные против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать» (Письма о христианской жизни. С. 78)¹.

В первую очередь к этой священной борьбе за спасение русского народа святитель Феофан призывал пастырей. Неустанной пастырской проповеди он придавал громадное значение и горячо звал пастырство не умолкать в проповеди Слова Божия, разъясняя верующим истины Христовой веры и безмерное превосходство Православия над всеми другими исповеданиями, всех привлекая и словом, и примером на путь истинной благочестивой христианской жизни.

«Молчащее пастырство – что за пастырство?» – говорит он и советует священнику регулярно собирать детей в церковь и на дом по воскресным вечерам или «когда и как будет удобнее», чтобы «юное народившееся поколение с первых сознательных лет подготавливать, толкуя и разъясняя им истины нашей веры, что нужно и можно им знать».

«Первым делом своей совести, – говорит дальше святитель Феофан, – священник должен считать проповедование Слова Божия, наставление и усовершенствование как взрослых, так и детей в ведении христианской веры (Мысли на каждый день года. С. 247)².

Положение пастыря-священника стало особенно ответственным вследствие того, что на Русской земле все более и более распространяются всевозможные ложные учения, противные Слову Божию и учению Церкви, а потому от пастыря требуются большие знания, чтобы уберечь свою паству от увлечения ими.

«Каких-каких у нас не ходит учений и в школах, и в обществе, и в литературе!» – горестно восклицает святитель. Священник и должен уметь все это разъяснять, и давать решение на все, ибо «говор ученых похож на молву и моду: ныне одно, завтра другое; – ты же внимай одному глаголу Божию, пребывающему вовеки³»⁴.

¹ Феофан, епископ. Письма о христианской жизни. М., 1899. Переиздание: Феофан Затворник, святитель. Письма о христианской жизни. М.: Отчий дом, 2009. Письмо 48. С. 88–89.

² Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. Переиздание: Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года. М.: Отчий дом, 2006. С. 98, 170.

³ Ср.: 1 Пет. 1, 25.

⁴ Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. Переиздание: Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года. М.: Отчий дом, 2006. С. 307.

Наблюдая все усиливающееся богоотступничество в русском народе, постепенный отход от веры и Церкви, святитель Феофан приходит к печальному заключению о неизбежности кары Божией над русским народом и притом именно в форме кровавой революции, на что он весьма прозрачно намекает в целом ряде своих «Мыслей на каждый день года» и во многих проповедях.

«Поднялось скрытое гонение на христианство, которое стало прорываться и явно, как недавно в Париже. Что там сделалось в малом объеме, того надобно ожидать со временем в больших размерах... Спаси нас, Господи!» (С. 225, 226)¹. Здесь замечательное предвидение того, что революция в России будет еще хуже французской.

«Господь много знамений показал в Капернауме, Вифсаиде и Хоразине; между тем число уверовавших не соответствовало силе знамений. Потому-то Он строго и обличил эти города и присудил, что в День Суда отраднее будет Тиру и Сидону, Содому и Гоморре, нежели городам тем². По этому образцу надо нам судить и о себе. Сколько знамений показал Господь над Россией, избавляя ее от врагов сильнейших и покоряя ей народы! Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения, – в святых мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России! И однако ж во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья тайком сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм, и геологические бредни с Божественным Откровением. Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образумимся? И будет, наконец, то же и у нас, что, например, у французов и других... А если это будет, что, думаете, будет нам за то в День Судный после таких Божиих к нам милостей? Господи! Спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и лежащего прещення!» (С. 187–188)³.

Как это ясно видно, в вышеприведенных словах святитель Феофан достаточно понятным для всех языком предрекает, что неминуемым последствием уклонения русских людей от веры и усиления в их среде зло-

¹ Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. Переиздание: Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года. М.: Отчий дом, 2006. С. 155–156.

² См.: Мф. 11, 20–24.

³ Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. Переиздание: Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года. М.: Отчий дом, 2006. С. 130.

верия и неверия явится подобная той, что была у «французов и у других», страшная кровавая бойня самоистребления, называемая революцией.

В чем же видит богомудрый святитель причину этого все растущего зловерия и неверия, грозящих нам такой страшной катастрофой?

Во многих местах своих творений он ясно и определенно указывает причину этого в нашем неразумном увлечении чуждой нам по духу полудуховской, отрекшейся от Христа культурой Запада.

«Западом и наказывал, и накажет нас Господь, – так грозно предостерегает святитель, – а нами в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Посли свет Твой и истину Твою!» (Письма о христианской жизни. С. 70)¹.

Но где нам было понимать это так, как понимал это он? Ведь все, приходившее с Запада, представлялось нам тогда идеалом подлинного просвещения, а свет евангельской истины многие обезумевшие русские люди не уstraшались кощунственно именовать «мракобесием».

Указывает святитель Феофан и на зловерное влияние современной ему русской литературы, утратившей в большинстве произведений к тому времени свой идеальный характер и национальный русский дух и сделавшейся проводником в обществе все тех же разрушительных западных идей.

«Другая злая вещь у нас, – пишет он в том же письме, – наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все неймется» (С. 70)².

Имея в виду нелепую и смешную, но в то же время и глубоко зловерную французоманию, которой болело наше интеллигентное общество во второй половине XVIII и в начале XIX века, вплоть до так называемой Отечественной войны с Наполеоном и его полчищами, святитель Феофан посвящает и ей несколько слов в своем поучении на праздник Рождества Христова, когда праздновалось у нас «Избавление России от нашествия галлов и с ними двадцати язык».

«Нас увлекает просвещенная Европа... – говорит он. – Да! Там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? – Бог

¹ Феофан, епископ. Письма о христианской жизни. М., 1899. Переиздание: Феофан Затворник, святитель. Письма о христианской жизни. М.: Отчий дом, 2009. Письмо 40. С. 79–80.

² Там же. С. 79.

послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее, – а дальше пророчески грозит и предрекает, – а теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это – не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что *Бог поругаем не бывает*¹» (Мысли на каждый день года. С. 461)².

Нет сомнения, что под этими «мерзостями языческими», восстановленными в Западной Европе, святитель Феофан подразумевает эпоху так называемого «Возрождения» или «гуманизма», которая характеризовалась отречением культурной жизни Запада от христианства и возвращением к идеалам язычества. В вышеприведенных словах святитель, как мы видим, резко осуждает наше неразумное увлечение этой полуязыческой западной культурой, и в особенности – французоманию, доходившую до презрения к своему родному языку и замены его французским. И это страшное, можно сказать, стихийное нашествие на нас французов и с ними других европейских народов («двадесяти язык») в 1812 году было, по мысли святителя Феофана, ничем иным, как целительным средством, которое употребил Господь для того, чтобы мы прозрели и воочию увидели, чего стоит эта мнимая западная «культура». Когда в Отечественную войну французы, столь обаятельные и галантные в светских салонах, обнаружили все свое внутреннее бесстыдство, «буйство» и «зверонравность», храмы Божии не постыдились обратить в конюшни и надругались над нашими святынями, – тогда только познали мы истинную цену той лжекультуры, которой так безрассудно прежде увлекались. В итоге Отечественной войны мы, казалось, радикально излечились от «французской жизни»: «Покаялась тогда Россия, – говорит святитель Феофан, – и Бог помиловал ее».

Но вскоре стало ясно, что урока этого все же было недостаточно. Слишком глубоко «завязли мы в грязи западной», слишком привлекательной казалась «гуманистическая» западная культура, поставившая на место Бога самого человека, угождавшая и льстившая всем низменным страстям и похотям плотского человека – человека «душевного, не име-

¹ Гал. 6, 7.

² *Феофан Затворник, святитель*. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. Переиздание: *Феофан Затворник, святитель*. Мысли на каждый день года. М.: Отчий дом, 2006. С. 313–314.

ющего духа»¹. И вот, по словам святителя Феофана, «стал забываться тот урок», который был дан нам в промыслительном нашествии французов. Снова началось увлечение всякими вольнодумными, безбожными, материалистическими теориями, порожденными на отвергшем Бога Западе, снова самозванные западные учителя и наставники безверия, нигилизма и разврата стали у нас желанными гостями и даже кумирами, перед которыми благоговейно преклонялось наше интеллигентное общество, а особенно – несчастное, сбитое с толку учащееся юношество.

«Горько, горько то, – пишет по этому поводу в одном из своих писем святитель Феофан, – что творится у нас среди мыслящих. Все ум потеряли. Философские воззрения не в ходу, руководятся ветром наваемыми началами. Святая вера отодвинута на задний план. И даже богословствующие потеряли настоящие основы богословствования православного, и все смеются. И Господь, кажется, отвратил очи Свои от нас и не посылает делателей. Сколько раз я порывался кричать, но ничего не идет из головы. Может быть, и другие то же испытывают. Не оставление ли это Божие? Боже, милостив буди!» (Собрание писем. Вып. VII. С. 206)².

«Следует наказать нас, – пишет святитель в другом письме, – пошли хулы на Бога и дела Его гласные. Некто писал мне, что в какой-то газете “Свет” № 88 напечатаны хулы на Божию Матерь. Матерь Божия отвратилась от нас: ради Ее и Сын Божий, а Его ради Бог Отец и Дух Божий. Кто же за нас, когда Бог против нас?! Увы!» (Там же).

Замечательно, что сам святитель Феофан – кротчайший, благостнейший и любвеобильнейший, был немилосердно суров и беспощадно строг ко всем сеятелям безверия и нечестия, увлекавшим Россию в бездну гибели. Говорят, что одной из причин ухода его с епископской кафедры в затвор была именно необыкновенная, голубиная его кротость, мешавшая ему делать необходимые выговоры и замечания неисправным подчиненным. И вот такой кротчайший святитель со всей беспощадной суровостью обрушивается в своих письмах на распространителей материалистических воззрений в России и требует запретить им их разлагающую работу... под угрозой смертной казни!

«У вас там, – пишет он, – и всюду охают и охают. Беда! Беда! И беда видна. Но никому в голову не приходит – загородить и завалить источник беды. Как шла Французская революция? Сначала распространились материалистические воззрения. Они пошатнули и христианские, и обще-

¹ Ср.: Иуд. 1, 19.

² Собрание писем свт. Феофана. Выпуск VII. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1899. С. 206–207. № 1183. 17 июля 1888 г.

религиозные убеждения. Пошло повальное неверие: Бога нет; человек – ком грязи; за гробом нечего ждать. Несмотря однако на то, что ком грязи можно бы всем топтать, – справедливо иронизирует святитель, – у них выходило: не замай! не тронь! дай свободу! И дали! Начались требования – инде разумные, далее полумумные, там безумные. И пошло все вверх дном.

Что у нас? У нас материалистические воззрения все более и более приобретают вес и обобщаются. Силы еще не взяли, а берут. Неверие и безнравственность тоже расширяются. Требование свободы и самоуправления – выражается свободно». И вот «выходит, – уже прямо и открыто предрекает святитель, – что и мы на пути к революции. Как же быть?» И богоозаренный святитель, прозревая духом все те бесчисленные кровавые ужасы, которые в результате укрепления этих материалистических воззрений постигли нашу несчастную Родину, предлагает самые решительные, радикальные меры, к которым у нас в свое время не захотели прибегнуть. «Надо, – говорит он, – свободу замыслов пресечь – зажать рот журналистам и газетчикам. Неверие объявить государственным преступлением. Материальные воззрения запретить под смертной казнью. Материальные воззрения чрез школы распространяются. Лапласовская теория самообразования мира с прибавкой дарвиновских бредней идет в уроках. После школы и в письмена она вошла... и всюду приносит плод неверия. Кто виноват в этом? Правительство. Оно позволило. Следовательно, кому следует все это пресечь? Правительству» (Собрание писем. Вып. VII. С. 142–143)¹. Интересно, что в этом обвинении нашего правительства в слабости и недостаточной решительности в борьбе со все разрастающимся злом святитель Феофан вполне сходится с другим своим великим современником – приснопамятным отцом Иоанном Кронштадтским, который также неоднократно упрекал наше царское правительство за то, что оно не принимает достаточно решительных и суровых мер к пресечению зла, влекущего русский народ в погибель. Оба этих великих духоносных мужа, несших подлинно пророческое служение для спасения гибнущего русского народа, горячо призывали русский народ к покаянию, стремясь поднять русский народ из той страшной бездны падения, в которую он опускался, но тщетно.

Рисуя в одной из своих замечательных проповедей мрачную картину широкого распространения на нашей Родине зловредных материалистических идей, занесенных к нам с давно отрекшегося от Христа под влиянием «гуманизма» Запада, святитель Феофан делает логичный вывод:

¹ Собрание писем свт. Феофана. Выпуск VII. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1899. С.206–207. № 1144. 3 мая 1881 г.

«Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец осьмнадцатого века со всеми его ужасами? Ибо от подобных причин подобные бывают и следствия!» (Слова на торжественные дни. С. 187)¹. «Воды потопного нечестия устремляются на нас и готовы поглотить всех нас», и все это потому, что «ныне начинает господственно водворяться среди нас дух мира, тот дух, который побежден Господом Иисусом Христом и должен быть побеждаем силою Его и чрез нас» (Там же. С. 262)².

В своей проповеди на день рождения Наследника Цесаревича³, произнесенной 8 сентября 1864 года, святитель Феофан изрек подлинное пророчество, которое исполнилось буквально: «Издавна охарактеризовались у нас коренные стихии жизни русской, и так сильно и полно выражаются привычными словами: **Православие, Самодержавие и Народность**. Вот что надобно сохранять! – когда ослабеют или изменятся сии начала, русский народ перестанет быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя» (Там же. С. 289)⁴.

* * *

Все предреченное епископом Феофаном, как мы видим теперь, исполнилось. Действительно, мало-помалу «иссякло наше Православие». Как мало осталось среди нас людей, понимающих святое Православие, ценящих его, любящих его и свою жизнь старающихся устраивать по нему! Огромное большинство не знает, да и знать не хочет Православия, живя своей собственной, независимой от Церкви и ее уставов жизнью и руководясь полуязыческими, полуживотными идеалами «гуманизма». А те, кто по каким-то особым своим соображениям не порвали совсем с Православием, изобретают, измышляют свое собственное «нео - правосла в и е». Действительно началось сначала «скрытое», а потом и «явное гонение на христианство», достигшее столь «больших размеров», что Церковь Русская уподобилась мученической Церкви первых веков христианства.

Исполнилось и предречение святителя Феофана о том, что «вновь пошлет Господь на нас таких же учителей наших, чтобы привели нас

¹ Феофан Затворник, святитель. Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича // Сборник слов на Господские, Богородичные и торжественные дни. М., 1883.

² Там же. Слово в день тезоименитства Государя Императора Александра Николаевича.

³ Николая Александровича (8 сент. 1843 – 12 апр. 1865), старшего сына Императора Александра II.

⁴ Феофан Затворник, святитель. Слово на Рождество Пресвятой Богородицы и день рождения Наследника Цесаревича Николая Александровича // Сборник слов на Господские, Богородичные и торжественные дни. М., 1883.

в чувство и поставили на путь исправления», ибо «таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему». Увлекались мы материалистическими теориями Запада, нигилизмом, марксизмом-коммунизмом – Господь и послал нам в заплombированных вагонах облюбованных нашим интеллигентным обществом вождей марксизма-коммунизма Ленина и Троцкого с «товарищами», чтобы «привели они нас в чувство и поставили на путь исправления». И вот они в течение более 35 лет уже, в лице своих достойных преемников, «приводят нас в чувство», в целях нашего вразумления, исправления и покаянного обращения к Богу. Страждет в страшных цепях самого унижительного рабства наша Родина, обливаясь кровью и слезами, подвергается издевательствам и всяческому глумлению и поношению святое святых души русского человека. «Вы сами этого хотели, – как бы так говорит нам Господь, – получайте же желанное вами и наслаждайтесь!»

«Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему»¹.

Не хотело правительство наше принять решительных мер: «свободу замыслов пресечь, зажать рот журналистам и газетчикам, неверие объявить государственным преступлением, материальные воззрения запретить под смертной казнью» – вот и дожили мы до революции, даже еще более страшной, чем революция французская, и «между нами повторился конец осьмнадцатого века со всеми его ужасами». Не хранили мы «коренных стихий жизни русской» – Православия, Самодержавия и Народности, и в результате: Православие заменено у нас на Родине безбожной религией марксизма, самодержавие – неслыханной еще в истории человечества жесточайшей тиранией, а народность – бездушным Интернационалом. И вот нет больше ни России, ни русского народа, ни нашего священного трехцветного знамени!

Из всего этого мы можем убедиться, какое подлинно пророческое служение нес наш великий богомудрый наставник преосвященный Феофан, Затворник Вышенский, пытаясь вразумить своим огненным словом наш несчастный русский народ в самую печальную пору его исторического бытия, когда он словно в каком-то безумном опьянении неся очертя голову в разверзшуюся перед ним страшную кровавую бездну.

Объявляя нам причины постигших нас тяжких бедствий и раскрывая нам в своих вдохновенных творениях, исполненных глубокого духовного опыта, дивные возвышенные красоты духовной жизни – сокровенной

¹ *Феофан Затворник, святитель*. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. Переиздание: *Феофан Затворник, святитель*. Мысли на каждый день года. М.: Отчий дом, 2006. С. 313–314.

жизни в Боге, – святитель Феофан всех нас, русских людей, зовет на путь покаяния и обращения к Богу от прелестей мира и греха. Буквальное исполнение пророчески предреченных им бедствий, обрушившихся на русский народ, должно со всею очевидностью убеждать нас, что только в Боге и в руководстве учением нашей Святой Православной Церкви наше спасение. Отношение к святителю Феофану тех или иных лиц, мнящих себя быть духовными вождями и руководителями умов и сердец русских людей, в настоящее время можно почитать безошибочным критерием их православности и духовной благонадежности. Нет другого пути ко спасению и возрождению нашей Родины, кроме единственно верного, строго православного пути, начертанного в творениях святителя Феофана и сродных ему по духу духоносных мужей и наставников чистого, беспримесного, святоотеческого Православия. Только твердыми вековыми устоями такого подлинного Православия жил и жив будет православный русский народ.

*Епископ Аверкий (Таушев)
Джорданвилль, 1954 г.*

Отец Иоанн Кронштадтский как пророк Божий, посланный России для вразумления

Будучи «пастырем добрым», приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский не переставал болеть душой, глубоко скорбя о духовных недугах современного ему русского общества, видя, как далеко оно отошло от истинной веры в Бога, от евангельских заветов Христа Спасителя и от Матери-Церкви с ее спасительными установлениями. В этом он видел страшную угрозу для всего русского народа, и не только для частной, но и для общественной, и государственной его жизни.

Вот как скорбел он о том, чуждом веры и Церкви Христовой направлении, которое приняла наша русская литература и, в частности, журналистика. *«Иже постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его»*¹. О презренный стыд! – восклицает отец Иоанн, – о, диавольский стыд! О, из кладезя бездны исходящий смрад сатанинский! Как многие недугуют тобою! Как многие не знают твоей прелести² и раболепствуют тебе на погибель душам своим! Вот светский сочинитель, журналист-фельетонист. Пишут, пишут, пишут... чего-чего не напишут в продолжение своей литературной или беллетристической деятельности? А о Боге, а о Спасителе Иисусе Христе, а о Церкви, о богослужении, о праздниках христианских, о воскресении плоти нашей, о Суде, о загробной жизни – хоть бы вспомнули. Не наша, говорят, область, не наше дело. Мы *от мира* есмы, *от мира* глаголем; и потому мир нас слушает³; а станешь говорить о Боге, – пожалуй, и читать нас не станут. Таким образом, светская литература совершенно чужда христианского духа, она даже стыдится духа Христова»⁴.

С великой горестью говорит отец Иоанн о тех современных ему русских людях, которые забывают, что «настоящая жизнь наша есть изгнаниче-

¹ Мк. 8, 38.

² Прелесть – соблазн, искушение.

³ Ср.: 1 Ин. 4, 5.

⁴ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе*. М.: Отчий дом, 2014. Т. 1. С. 266–267.

ство» и что «мы все должны усиленно стремиться чрез покаяние и дела, достойные покаяния, к своему отечеству», и предаются «удовольствиям в театре, на вечерах, когда рисуются в нарядных одеждах и уборах, когда предаются наслаждению чрева, кружатся в веселых танцах, разъезжают в великолепных экипажах и прочее». Отец Иоанн напоминает таким, что они находятся в «большой опасности потерять вечную жизнь», особенно если они «живут нерадиво, не творят дел, достойных покаяния». Ведь над всеми нами, людьми грешными, учит отец Иоанн, тяготеет «гнев Божий», особенно если мы не умилимостивляем оскорбленного нами Бога «молитвою, покаянием, исправлением». «Итак, **не до удовольствия тебе, – увещевает наш великий праведник современного ему русского человека, – но скорее до слез: удовольствия должны быть редки, и то по преимуществу такие удовольствия, которые тебе представляет вера в духовных празднествах**»¹.

Это так говорил о развлечениях и удовольствиях великий праведник, когда русские люди в полном благополучии жили у себя на Родине. Что же сказал бы он теперь русским людям, в изгнании и рассеянии сущим, так беспечно развлекающимся и веселящимся за границей, когда наша Родина уже сорок с лишком лет страдает, обливаясь кровью лучших своих сынов?!

Каким страшным негодованием воскипел бы он против современных наших субботних танцулек, оскверняющих святость наших великих праздничных дней!

А все это от чего?

От пустоты душевной, как часто подчеркивает отец Иоанн в своих поучениях.

«Вот светский кружок, – говорит он в своем вдохновенном дневнике, – говорят, говорят, большею частью переливая из пустого в порожнее, и нет речи о Боге – общем всех Отце, о любви Его к нам, о будущей жизни, о воздаянии, – почему? Стыдятся завести речь о Боге. Но что удивительнее всего, даже люди, мнящиеся быти благочестивыми, сами светильники, редко говорят о Боге, о Христе Спасителе, о драгоценности времени, о воздержании, о воскресении, о Суде, о будущем блаженстве и вечных муках, в кругу своих семейств и в кругу светских людей, а проводят часто время в пустых разговорах, играх и занятиях! Опять потому, что стыдятся завести такой разговор, боятся наскучить или опасаются, что сами не выдержат, не будут сердечно вести речь о духовных предметах. О, мир прелюбодейный и грешный! Горе тебе в день Суда от общего всех, нелицеприятного Судии. *Во своя прииде, и свои Его не прияша*². Да, не принят

¹ Там же. С. 271–273.

² Ин. 1, 11.

у нас Господь и Зиждитель всех! Не принят в домах наших, в разговорах наших»¹.

А вот как говорит отец Иоанн об увлечении русского общества театрами и о предпочтении многими русскими людьми театральных зрелищ, ради которых стало пренебрегаться посещение церковных богослужений: «В театре многим приятно чувствуется, а в церкви – тяжело, скучно, – отчего? Оттого, что в театре все прекрасно подлажено чувственному человеку, и диавола мы там не трогаем, а тешим его, и он нам делает удовольствие, не трогает нас: веселитесь себе, друзья мои, думает, только смейтесь, да Бога не помните. В церкви же все приспособлено к возбуждению веры и страха Божия, благочестивых чувств, чувства нашей греховности, растленности; и диавол всевает в наше сердце сомнения, уныние, тоску, *лукавые, скверные и хульные помыслы*², – и вот сам себе не рад человек и стоять не может, час трудно простоять. И бежит скорее вон. Театр и церкви – противоположности. То – храм мира, а это – храм Божий; то – капище диавола, а это – храм Господа»³.

Как это справедливо сказано и как это вполне и даже еще в большей степени идет и к нашему времени! Эту болезнь русского общества умело использовали безбожники-большевики, отвлекая людей от Церкви театральными зрелищами; это же делается у нас и за границей – непрошенные мнимые «благотворители» и «просветители» отвлекают легкомысленных русских людей от храма Божия и покаянной молитвы путем устройства увеселительных зрелищ и собраний в кануны воскресных и праздничных дней и в дни святых постов.

Скорбел наш великий праведник и об увлечении русских людей его времени разными светскими писателями и учителями, проповедниками разных новых модных учений, в ущерб Слову Божию и учению Святой Церкви.

«По своим похотех изберут себе учителя, чешими слухом, – приводит он по этому поводу пророческие слова святого апостола Павла во 2 Послании его к Тимофею, гл. 4, ст. 3⁴. – Не это ли ныне делают светские люди и даже многие духовные? Не сами ли себе избрали они учителей, ласкающих их слуху? Учатся не у единого Учителя-Христа, из Евангелия

¹ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 1. С. 284–285.

² Молитва «Пресвятая Владычице моя Богородице...», из утренних молитв.

³ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 1. С. 266–267.

⁴ В синодальном переводе: *Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху* (2 Тим. 4, 3).

Его, и не у Церкви Его, а у светских журналистов, фельетонистов, романистов, поэтов, актеров и говорят: ах! как все это занимательно, как все это нравоучительно! И если не на словах, то на деле говорят: нам не надо ни Евангелия, ни Церкви с ее богослужением, Таинствами и проповеданием Слова Божия. У нас такие хорошие, пренравственные учителя! Господи Иисусе! До чего мы дожили? *Отвергли словеса Твои всяты*¹»².

Не раз в своих вдохновенных мыслях отец Иоанн объясняет стремление к развлечению душевной пустотой, которая естественно возникает в человеке, когда он перестает жить серьезной жизнью.

«Что значит искать развлечений? – спрашивает он и отвечает. – Значит хотеть наполнить чем-нибудь внутреннюю болезненную пустоту души, созданной для деятельности и не терпящей быть праздною»³.

Решительно осуждал отец Иоанн светское просвещение, которое обладало у нас в последние два века над просвещением духовным под влиянием сближения с Западом: «Современное ложное просвещение, – говорил он, – удаляет от *истинного Света, просвещающего всякого человека, грядущаго в мир*⁴, а не приближает к Нему. А без Христа суетно все образование»⁵.

«Учившаяся и недоучившаяся молодежь редко ходит в церковь, – говорит он в другом месте, – вообще не ведет дела воспитания своего духовного, считая его как бы ненужным и отдаваясь житейской суете. На это надо обратить внимание. Это плод гордости, неразвитости духовной. Считают посещение храма и богослужения общественная делом простого народа да женщин, забывая, что в храме со страхом служат вместе с человеками Ангелы и вменяют это себе в величайшее блаженство»⁶.

Вот как сравнивает отец Иоанн современную ему светскую жизнь отошедших от веры и Церкви людей с настоящей жизнью – жизнью духовной, которой должны жить все подлинны е православные христиане, не напрасно носящие это имя.

Не раз в своем дневнике наш великий пастырь возвращается к вопросу о пагубности развлечений, которым так любят предаваться современные люди. «Смотря на многообразные развлечения людей, – говорит он, – на исключительные попечения о плоти, думаешь: есть ли в людях душа?

¹ Ср.: Пс. 49, 17.

² *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 1. С. 306–307.*

³ Там же. С. 345.

⁴ Ср.: Ин. 1, 9.

⁵ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 1. С. 429.*

⁶ Там же. Т. 2. С. 444.

А если есть, то почему они не заботятся, не думают о ее спасении, ибо она предана бесчисленным грехам, которые составляют смерть ее, и смерть вечную? Есть ли вечная мука и вечное блаженство? А если есть, то отчего так мало стараются или вовсе нет старания избежать вечного мучения и наследовать вечное блаженство? Вот что меня удивляет. И еще: отчего людей не страшит страшный час смерти? Ведь не вечно же будем мы жить на земле. Когда-нибудь и до нас очередь дойдет, и нам скажут: *обратитесь* и вы, *сыны человеческие, в персть*¹, из которой созданы. О, рассеянность наша, гордость наша, пристрастие, пригвождение к земле! Грешники, думаете ли вы, что Богу нечем наказать вас? О, есть чем, есть чем! Это – геенна огненная, озеро огненное, тартар страшный, которого и сам сатана трепещет, червь неумирающий и скрежет зубов»².

«Говорят: не важное дело есть скоромное в пост, не в пище пост; не важное дело носить дорогие, красивые наряды, ездить в театр, на вечера, в маскарады, заводить великолепную дорогую посуду, мебель, дорогой экипаж, лихих коней, собирать и копить деньги и прочее; но из-за чего сердце наше отвращается от Бога, Источника жизни, из-за чего теряем вечную жизнь? Не из-за чревоугодия ли, не из-за драгоценных ли одежд, как евангельский богач³, не из-за театров ли и маскарадов? Из-за чего мы делаемся жестокосердыми к бедным и даже к своим родственникам – не из-за пристрастия ли нашего к слятям, вообще к чреву, к одежде, к дорогой посуде, мебели, экипажу, к деньгам и прочему. Возможно ли работать Богу и мамоне; быть другом мира и другом Божиим, работать Христу и велиару⁴? Невозможно»⁵.

А вот как резко отрицательно отзывается отец Иоанн о современной светской журналистике: «Во многих светских журналах и газетах, которых число умножилось до крайности, дышит дух земной, нередко богопротивный, между тем как христианин (в надежде) есть гражданин не только земли, но и неба, и должен мудрствовать и о небесном. Языческая древняя письменность была нередко, кажется, лучше и чище (Цицерон), возвышеннее по своему началу и побуждению, чем письменность иная народов христианских. Ипостасное Слово Отчее, Господа нашего Иисуса Христа, непрестанно и крепко оскорбляют христианские народы, кото-

¹ Ср.: Пс. 89, 4; 103, 29.

² *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 443.*

³ См.: Лк. 16, 19–31.

⁴ См.: Мф. 6, 24; Иак. 4, 4; 2 Кор. 6, 15.

⁵ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 462–463.*

рые должны были бы быть по преимуществу словесными, то есть богоподобными, существами – в устном и печатном слове, которое тратится во множестве попусту и даже к соблазну христиан, светскою письменностью отвлекаемых от чтения Слова Божия и писаний святых отцов. В преумножении лстивых словес уловляют и обольщают редакторы и издатели журналов и газет словесное стадо Христово. О, Слове Божий! Какой ответ дадим мы на Страшном Суде Твоем!»¹.

С большой душевной скорбью отмечает наш всероссийский праведник, как далеко отошли современные ему русские люди от высокого примера и святых обычаев наших благочестивых предков, создавших Святую Русь. «Где теперь чтение в домах богодухновенной Псалтири, – спрашивает он, – внушающей такую великую веру в Бога, такое крепкое упование на Бога в напастях, в болезнях, в бедах и скорбях, и такую пламенную любовь к Богу? Где чтение богодухновенных псалмов, которое было любимым чтением наших предков, не простых только, но бояр и самих князей? Нет его: зато нет во многих веры, упования христианского и любви к Богу и ближнему, а есть безверие, отчаяние, ненависть. Нет пламенной молитвы, нет чистоты нравов, нет духа сокрушения о грехах и умиления, нет *правды, мира и радости в Духе Святом*². Большинство христиан проникнуты духом мира, духом журналов, газет и вообще светских писателей, кои сами проникнуты в свою очередь духом языческим, а не христианским, духом отрицания богодухновенности Священного Писания и превозношения себя самих, своего гордого и напыщенного разума, духом житейской суеты»³.

Весьма скорбит отец Иоанн о начавшемся уже в его время пренебрежении церковными постами, об увлечении лакомой пищей, питьем и курением табаку. «Разумно ли человеку, – говорит он, – жить непрестанно в желудочном чаду, в желудочных испарениях, поднимающихся внутри от непрестанного варения пищи и ее брожения? Разве человек только ходячая кухня или самодвижущаяся дымовая труба, каковой по справедливости можно уподобить всех, занимающихся непрестанным курением? Какое удовольствие жить в непрестанном чаду, испарении и дыму?.. Пьяница для удовольствия плоти и одурения себя не жалеет множества денег, а нищим жалеет копейки; куритель табаку бросает на ветер десятки и сотни рублей, а нищим жалеет копеек, которые могли бы спасти его душу... Зачем мы будем заражать воздух смрадом и дышать

¹ Там же. С. 476–477.

² Ср.: Рим. 14, 17.

³ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе*. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 477.

им, а паче всего – омрачать и подавлять душу, убивать ее последние духовные силы?»¹.

Особенно сильно выступает отец Иоанн против увлечения театром. «Театр, – говорит он, – усыпляет христианскую жизнь, уничтожает ее, сообщая жизни христиан характер жизни языческой. *Воздремашася вся и спяху*²; между прочим, этот гибельный сон производит в людях и театр. А потом что? Науки, в духе языческом преподаваемые, заботы житейские, усиленные донельзя, любостяжание, честолюбие, сластолюбие. **Театр – школа мира сего и князя мира сего — диавола**; а он иногда *преобразуется и в ангела света*³, чтобы прельщать удобнее недалёковидных, иногда вернет по видимому и нравственную пьеску, чтобы твердили, трубили про театр, что он пренравоучительная вещь и стоит посещать его не меньше церкви, а то, пожалуй, и больше: потому-де, что в церкви одно и то же, а в театре разнообразие и пьес, и декораций, и костюмов, и действующих лиц»⁴.

С великой скорбью указывает наш великий праведник и молитвенник на поразительное невежество современных ему русских людей во всем, что касается их святой Православной веры, и предпочтение театра храму Божию. «Занятые суетою и суетными удовольствиями, – говорит он, – вы не имеете ни времени, ни охоты вникнуть в дух христианской веры, христианского богослужения, и знать уставы церковные, цель праздников Православной Церкви, постов, и в частности, значение каждой Недели Великого поста или исторические воспоминания, соединенные с каждой Неделей. Вы знаете иногда наизусть, какую пьесу играли на театре, из скольких действий или явлений она состоит, какое содержание ее общее и в частности, а сущности христианских Таинств не знаете, между тем как они достойно приемлющим их доставляют жизнь вечную и неизреченные блага вечной жизни; вы не знаете сущности богослужения Святой Православной Церкви, матери своей, питающей, греющей, очищающей, освящающей и укрепляющей вас в материнских святых недрах своих; вы не знаете содержания и значения ни вечернего, ни утреннего, ни обеденного богослужения и всегдашних песнопений, чтений и обрядов церковных. Оправдывают игру в театре и называют ее полезною и нравоучительною или безвредною, или по меньшей мере меньшим злом в сравнении с пьянством и распутством,

¹ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 509, 508, 509.

² Мф. 25, 5.

³ 2 Кор. 11, 14.

⁴ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 517–518.

и с этой целью стараются заводить повсюду театральные зрелища. Удивительное дело, что христиане не нашли лучшего средства для препровождения драгоценного времени, как театр, и по происхождению своему и по значению сохраняющий доселе характер языческий, идолопоклоннический, характер суетности, пустоты, вообще показывающий в себе полнейшее отражение всех страстей и безобразий мира сего, *похоти плоти, похоти очей и гордости житейской*¹, и лишь редко, редко доблестей сынов отечества, и то, конечно, сынов отечества земного, а не небесного.

Все небесное, святое, носящее печать христианства чуждо театру, если же когда входит на сцену, то как предмет насмешки: самое имя Божие, страшное для всей твари, произносится здесь лишь легкомысленно, иногда со смехом, кощунственно; звания священные, например, монашеское, — это ангельское звание — осмеивается; уважение к начальству, к родителям, к священным лицам подрывается, когда публично осмеиваются некоторые предосудительные действия этих лиц пред лицом всего общества, пред лицом легкомысленной молодежи, даже детей, для которых должны быть священные имена их родителей и начальников. Иногда довольно одного неуважительного или непристойного слова относительно старших, чтобы подорвать к ним должное уважение. Так ли стали христиане легкомысленны, что не находят лучшего средства к проведению драгоценного времени, кроме театра, и из-за него оставляют храм Божий, богослужение и драгоценное праздничное время, данное Богом для поучения в Слове Божиим, в спасительных размышлениях и в делах добродетели, безумно расточается на пустые дела, на смехотворство и глупые рукоплескания в театрах. **Нет, как хотите, а театр — богомерзкое учреждение.** Только вникните в дух его, и вы согласитесь: это — училище безверия, глумления, дерзкой насмешки над всем и — разврат. **Горе тому обществу, в котором много театров и которое любит посещать театры.** Иногда, правда, театр бывает меньшим злом для любящих злое. Прислушайтесь к мнению народному, к мнению тех, которые посещали театр много раз: они не стесняясь говорят, что театр ведет к разврату. Только слепые, *в нихже бог века сего ослепи разумы неверных*², говорят, что театр нравоучителен. Нет, христиане должны неотменно поучаться в законе Божиим, читать чаще Евангелие, вникать в богослужение, исполнять заповеди и уставы церковные, читать писания святых отцов, духовные журналы, чтобы проникаться духом христианским и жить по-христиански. Вот — ваши зрелища!³.

¹ 1 Ин. 2, 16.

² 2 Кор. 4, 4.

³ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе.* М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 541–543.

Замечательно сильно и убедительно обличает отец Иоанн всю ложь так называемых «благотворительных» увеселений, которые в такой моде и теперь у нас за границей. «О нынешних благотворениях. – Ты полною мерою вкушаешь блага земные, подаешь нуждающимся, но себя ласкаешь больше, значит делаешь добрые дела без малейшего самоотвержения. Не велики дела твоих благотворений. А то, что еще есть? Какие благотворения мнимые? С благотворительной целью делают увеселения, то есть прежде всего, хотят намеренно послужить своей греховной плоти, диаволу, а потом уже – ближнему и Богу. Да это, господа, вовсе **не благотворение!** Одно только имя благотворения носит. *Не сотворим злая, да приидут благая*¹. *Горе вам, насыщенные ныне, яко взалчете! Горе вам смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете*²!»³.

«Удивительная болезнь явилась нынче, – говорил отец Иоанн в своей беседе с сопастырями в городе Сарапуле в 1904 году, – это – страсть к развлечениям. Никогда не было такой потребности к развлечениям, как нынче. Это показатель того, что людям нечем стало жить, что они **разучились жить серьезной жизнью** – трудом на пользу нуждающихся и внутренней духовной жизнью. И начали скучать! И меняют глубину и содержание духовной жизни на развлечения! Какое безумие! Точно дети, лишенные разума! А между тем, **развлечения – это уже общественный порок, общественная страсть!**⁴»

Глубоко скорбит отец Иоанн и о том, что чтение пустых по содержанию светских книг вытеснило собою в русском обществе душеполезное чтение литературы духовной. «Многие не читают проповедей и духовных книг, – говорит он, – потому, что будто бы они все знают, что там все одно и то же, что они давно знают, между тем как светские книги, в коих именно всегда одна и та же пустейшая житейская суета, читают охотно и перечитывают. О, нечистые мухи, питающиеся мертвечиною!»⁵.

Эта духовная пустота отразилась и на домашних разговорах, и на всем времяпрепровождении русских людей: «Как много теряют люди в домашней беседе, для оживления ее, чрез то, что не говорят о Боге! Как одушевился, плодился и разнообразился бы их разговор! У верующих

¹ Ср.: Рим. 3, 8.

² Лк. 6, 25.

³ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 553–554.*

⁴ Беседа отца Иоанна Кронштадтского с пастырями 21 июня 1904 г. в г. Сарапуле // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1904. 15 авг. № 16. С. 1095–1102.

⁵ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 554.*

тогда *потекли бы реки от чрева их спасительных слов*¹. Сколько такие разговоры доставили бы назидания, успокоительности, истинной сладости! Между тем теперь, не говоря о Боге в домашних кружках, а говоря о суете мирской, скоро истощаются в разговоре, скучают и потом убивают драгоценное время в глупых играх или в танцах. Враг рода человеческого подметил эту слабость в людях заниматься суетными житейскими разговорами и вообще проводить время в суетных забавах; он извлек и извлекает для себя из этой слабости огромную выгоду: завел театры, цирки — истое осуществление суеты, истинное посмеяние над суетою людскою; и безумные между людьми, склонные к суете, к лени и бездействию, охотно посещают эти театры и цирки, не находя для себя лучшего занятия, которое бы доставляло спокойствие и приятность их духу. *Суета суетствий — всяческая суета. Бога бойся и заповеди Его храни, яко сие всяк человек*^{2»3}.

«Настоящая жизнь не шутка и не игрушка, — говорит отец Иоанн в другом месте, — а между тем люди обратили ее в шутку и в игрушку; легкомысленно играют временем, данным для приготовления к вечности, играют праздными словами. Соберутся в гости, сидят и празднословят, а потом сядут играть так или иначе; соберутся в театре, и там лишь забавляются и действующие лица, и смотрящие на их действия; иные забавляются своими умственными дарованиями, человеческими слабостями или добродетелями, способностью хорошо говорить и писать; забавляются даже пищею или питьем, употребляя в излишестве, вместо того чтобы употреблять их только для необходимого насыщения; забавляются одеждой своими, забавляются лицами своими; забавляются детьми своими, вместо того чтобы воспитывать их в вере, благочестии и страхе Божиим. **Вся жизнь у них забава. Но горе забавляющимся!**»⁴.

«У христиан и науки и литература стали все почти только земные, — скорбит отец Иоанн. — Евангелие и Закон Божий пренебрегают, жития святых осмеивают; **вообще у всех какая-то лихорадочная, земная деятельность, — о угождении Богу и о спасении души никто почти не думает.** Жалкое состояние!

Вот наше современное в христианстве идолопоклонство: самолюбие, честолюбие, наслаждение земное, чревоугодие и любостяжание, любодеение; оно-то совсем отвратило очи наши и сердца наши от Бога и не-

¹ Ср.: Ин. 7, 38.

² Еккл. 1, 2; 12, 13.

³ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 559–560.

⁴ Там же. С. 571.

бесного отечества и пригвоздило к земле; оно-то искоренило любовь к ближнему и вооружило друг против друга. Горе, горе нам!»¹.

«Что вносят театры в сердца человеческие? Дух этого века, — дух праздности, празднословия, пустословия, смехотворства, хитрости и лукавства, дух гордости, чванства, и никому нимало доброй нравственности не дают. Сочинители пьес и актеры передают народу то, что имеют в себе сами, свой дух, ни больше, ни меньше. А думают ли актеры о нравственности народной? Имеют ли они в намерении исправить народные нравы? Нет и нет»².

Все это, как учит отец Иоанн, от оскудения духа истинно-христианской жизни в современных христианах: «Бедствие христиан оттого, что не имеют христианской надежды. Вот у человека теснота греховная на сердце, тоска, скука грешная; если надежды христианской нет у него на сердце, то что он делает? Прибегает к искусственным средствам прогнать тесноту и скуку — к развлечениям преступным, а не ко Христу, Коего *иго благо* сердцу нашему и *бремя легко*³, — не к молитве, не к раскаянию во грехах, не к слову Божию, *которое полезно к научению, к обличению*⁴, утешению. Так делается большей частью. Отсюда необходимость для светских людей театров и множество других развлечений. Прибегают к самоубийству»⁵.

«Характер людей XIX века, второй половины — самообожание, самозаконие (автономия), материализм в жизни и духовный скептицизм (безверие)»⁶.

«Изнеживают, расслабляют и смущают душу образы житейской суеты, на которые мы с полным удовольствием и сочувствием сердца смотрели; лишают чистоты сердца и дерзновения пред Богом; поэтому **благо не ходить в театры, не посещать светских, веселых, пышных собраний, не видеть кружащихся в вихре танцев, не смотреть на мирские зрелища**, представляющие многообразную суету мира сего. *Благо* же непрестанно *прилепляться* сердцем к единому *Богу*⁷; а в мире столько приманок, что не насытитися око зрети»⁸.

¹ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 658—659.

² Там же. С. 660.

³ Ср.: Мф. 11, 30.

⁴ Ср.: 2 Тим. 3, 16.

⁵ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 770—771.

⁶ Там же. С. 844.

⁷ Ср.: Пс. 72, 28.

⁸ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Отчий дом, 2014. Т. 2. С. 876.

В связи с этим и вся богоборческая настроенность современных людей. «Нынче, – говорит отец Иоанн, – ученые люди поставили и ставят огромного идола и велят всем поклоняться, да и сами кланяются ему. Этот идол – отрицательная литература; нечистый дух, нас движущий, – гордый, богопротивный, неверующий разум. Дьявол хитер, – о, как хитер! Он и в христианстве изобрел тонкое идолопоклонство, сообразно с направлением и духом века и со степенью его умственного развития. Уж какой злой хитрец! Как он ворочает бедным человечеством, удалившимся от сердечной веры во Христа! Как он сильно влечет людей в ад сплетенным и постоянно сплетаемым вервием от самих же людей! Боже мой, Боже мой! Нашим же разумом, который должен был нас вести к Животу, Вечному Богу, он губит нас! Нашим же почерпалом черпает нам мертвую воду житейского, стихийного, суетного мудрования, подает ее пить нам и другим людям вместо живой воды Слова Божия! А мы пьем да пьем, не подозревая, что то – мертвая вода»¹.

* * *

Вот такие-то духовно-нездоровые настроения в русском обществе и послужили причиной все большего и большего отхода его от веры и Церкви, что привело его в конце концов к массовому богоотступничеству, к ожесточенному безбожию, а это, в свою очередь, и вызвало страшную кровавую революцию с невыразимыми ни на каком языке человеческом жуткими ужасами и неисчислимыми бедствиями, повергшими во прах нашу несчастную Родину, от которых она вот уже более 40 лет не может восстать.

Все это в пророческом вдохновении предвидел наш великий праведник и молитвенник отец Иоанн Кронштадтский и от этого горячо предостерегал русский народ, особенно когда слишком явны стали для всех духовно-зрячих людей эти надвигающиеся на русский народ ужасы после так называемой «первой революции» 1905 года.

«Откуда эта анархия, эта революция, этот социализм, эта нелепая коммуна, эти забастовки, разбои, убийства, хищения, эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство? – в горести восклицал отец Иоанн в своей проповеди на Неделю Православия 19 февраля 1906 года и тут же сам отвечал: – **от неверия, от безбожия.** И потому, если правительство или Государственная собирающаяся Дума хотят водворить порядок в государстве и уважение к законам, повиновение правительству, мир и безмятежие, разумный и полезный труд, они должны обуздать безнравственную печать, воспламеняющую все страсти, и обратить самое заботливое внимание на воспитание юношества и вну-

¹ Там же. С. 885–886.

шить ему, его гордым наставникам и интеллигенции собственным примером должное уважение к вере и Церкви и к заповедям Евангелия. *Правда возвышает народ, а грехи унижают и умаляют его*¹, говорит царь Соломон, делают бессильным политически, и экономически, и нравственно. Нынешнее состояние России служит тому явным доказательством. Как хитер и лукав сатана! Чтобы погубить Россию, он раздул в ней безверие и разврат чрез злонамеренных писателей и учителей, чрез русские средние и высшие школы и чрез так называемую интеллигенцию. На почве безверия, слабодушия, малодушия, безнравственности совершается распадение государства. **Без насаждения веры и страха Божия в населении России она не может устоять.** Скорее с покаянием к Богу! Скорее к твердому и непоколебимому пристанищу веры и Церкви!»

Особенно знаменательно слово, произнесенное отцом Иоанном в Неделю Крестопоклонную 5 марта 1906 года, где он, рисуя мрачную картину богоотступничества русского народа, приходит к мысли о близости кончины мира и Второго Пришествия Христова. «Как относятся наши интеллигенты, некоторые учителя и неблагонамеренные писатели, учащая молодежь к святому и животворящему орудию нашего спасения – Кресту? Они не хотят чтить Креста и не кланяются ему, и не считают его нужным для себя, значит, переучились и из света христианского вступили в непроглядную тьму бесовскую; возгордились сатанинской гордостью и забыли Того, Кто, будучи Богом, *смирил Себе ради нас до смерти, и смерти крестной*² (Флп. 2, 8), чтобы дать нам Собою образец смирения и терпения и пример послушания Богу и властям земным. Без веры, смирения, терпения и послушания никто не угодит Богу и не избежит Страшного праведного Суда Его – вечного огня и ужасного тартара. Впрочем, недоучки и переучки не верят в Личного, Праведного, Всемогущего и Безначального Бога, а верят в безличное начало и в какую-то эволюцию мира, по которой будто бы произошло все само собой, верят бредням еретика Толстого и подобным ему безверов, коим нет числа, а не Богу Истинному, и потому живут и действуют так, как будто никому не будут давать отчета и ответа в своих словах и делах, обоготворяя самих себя, свой разум и свои страсти... **По-видимому, скоро наступит день Второго Пришествия Христова, — ибо наступило предсказанное в Писании отступление от веры,** хотя еще не открылся человек греха, сын погибели (антихрист), *противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею... Тайна беззакония уже в действии* (еще во времена апостольские), *только не совершится до тех пор, пока не бу-*

¹ Ср.: Притч. 14, 34.

² Флп. 2, 8.

дет взят от среды удерживающий теперь (Самодержец, удаления которого домогается известная публика). *И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины* (слышите – за что?) *для своего спасения. И за сие* (слышите?) *пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине* (Евангелия и Церкви), *но возлюбившие неправду* (2 Сол. 2, 4, 7–12) – а теперь исчезла правда, и повсюду неправда, и в печати, и в жизни».

В Слове на Благовещение 25 марта 1906 года наш великий пастырь еще более красочно изображает страшное нравственное разложение нашего русского общества, особенно бичуя нашу печать, и грозит гибелью нашей Родине – России и Страшным Судом Божиим. «Вера слову истины, – говорит он, – слову Божию исчезла и заменена верою в разум человеческий; печать, именующая себя гордо шестою великою державою в мире подлунном, в большинстве изолгалась, – для нее не стало ничего святого и досточтимого, кроме своего лукавого пера, нередко пропитанного ядом клеветы и насмешки, не стало повиновения детей родителям, учащихся – учащим и самих учащихся – подлежащим властям; браки поруганы; семейная жизнь разлагается; твердой политики не стало, всякий политиканствует, – ученики и учителя в большинстве побросали свои настоящие дела и судят о политике; все желают автономии; едва не всякий ребенок мнит быть автономом; даже средние и высшие духовно-учебные заведения позабыли о своем назначении: быть слугами Церкви и спасения людей. Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать ее инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям, уже не говорю о том, что не стало у нее веры в Церковь, возродившей нас для Бога и Небесного Отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность; настал, в прямую противоположность Евангелию, культ природы, культ страстей плотских, полное неудержимое распутство с пьянством; расхищение и воровство казенных и частных банков и почтовых учреждений и посылок; и враги России готовят разложение государства. **Правды нигде не стало, и отечество на краю гибели.** Чего ожидать впереди, если будет продолжаться такое безверие, такая испорченность нравов, такое безначалие? Снова ли приходиться на землю Христу? Снова ли распинаться и умирать за нас? Нет – полно глумиться над Богом; полно попирать Его святыне законы. **Он скоро придет, но придет судить мир и воздать каждому по делам.** Теперь мы еще празднуем Благовещение Архангела,

а может быть, скоро услышим грозную весть: «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща»¹. Человек, именующийся христианином, одумайся, возвратись к вере, к здравому смыслу, к слову Божию».

Ту же характеристику пагубных настроений русского общества дает отец Иоанн и в своем Слове на Вознесение Господне того же года: «Ум цепенеет и сердце содрогается при виде особенно нынешнего огульного неверия, коим заражена современная интеллигенция, современное учащееся юношество, бредящее гордым неверием и богохульством, заимствованным от одного знаменитого светского писателя (Льва Толстого), боготворимого некоторыми за попрание им веры Христовой, святой, непорочной, премудрой, всеобновляющей и всеспасающей».

А вот и еще подобная же характеристика в Слове на праздник Успения Пресвятыя Богородицы: «Ныне страшное время безверия и отступления от Бога, время потрясающих душу беззаконий всякого рода; многие люди обратились нравственно в диких зверей или злых гениев и духов. Нет для них ничего святого, нет души бессмертной, по их мечтаниям; нет Бога, нет воскресения и нет воздаяния по делам, нет Суда нелицеприятного, точного, строгого за всякое дело и слово, а потому, говорят они: громи, убивай, жги, похищай, насилуй всячески ближнего, лги, лицемерь, не подчиняйся никакому начальству, будь сам для себя начальник — отвечать ни за что не будешь, — так думают и говорят многие из пресловущих интеллигентов и неучей, — и, так думая, поступают сообразно со своими воззрениями. Господи! Положи же конец злодеяниям!»

А вот как объясняет отец Иоанн наш неуспех в Японской войне 1904–1905 годов: «Почему мы не удостоились помощи от Церкви Небесной, от Христа Бога, от Богоматери, от святых в прошлую войну с Японией? — спрашивает он в своем Слове на праздник Покрова Пресвятыя Богородицы 1 октября 1906 года и отвечает. — Потому что множество русского народа, особенно интеллигенции, разрушило союз с Небом, с Богом, с Богоматерью и святыми чрез неверие, злословие, богохульство, кощунство, гордость, разврат, грабительство, убийства, неповиновение властям, родителям. **Не стало союза с Богом — не стало и помощи от Неба, и Богоматерь не являет над нами Своего Божественного покрова».**

В Слове на тезоименитство Наследника Цесаревича 5 октября 1906 года отец Иоанн говорит: «Мы имели счастье родиться и креститься в Царстве Христовом — в Церкви Православной и призваны быть наследниками Царствия Небесного, повиноваться Христу Богу, творить заповеди Его, —

¹ Тропарь, гл. 8, поемый на утрени в Страстную седмицу: во Святой и Великий Понедельник, Вторник и Среду.

но множество из народа русского интеллигентного отреклось от Христа и от Церкви Его, – захотели управляться сами собою, жить по своей безрассудной воле, быть автономными, непокорными и Царю земному, – **и сами стремятся, и Россию влекут к гибели**».

Разве это не воистину пророческие слова?!

А вот и еще грозное пророческое предостережение русскому народу. «Сегодня Россия вспоминает, – говорил отец Иоанн 21 октября 1906 года, – и празднует восшествие на прародительский престол Государя Императора Николая Александровича. Двенадцать лет прошло со времени его воцарения. В последнее время Русское Царство сделалось царством неслыханных и нечаянных ужасов – мятеж крамольников *опустошает* Русскую землю, и злодеи угрожают превратить престолы сильных¹ и на место их хотят воссесть сами... Что же было бы с Россией, если бы эти “самодержцы” воцарились в России? Не забудьте, что этими самодержцами были бы и инородцы и иноверцы, враги России и веры Православной, которые намереваются лишить церкви исконного благолепия, непоподобного богослужения, лишить их имуществ и свободы, и совсем закабалить и русских и веру их, а свои “веры” сделать господствующими! Безумны и жалки интеллигенты наши, утратившие по своему легкомыслию и недомыслию веру отцов своих, веру – эту твердую опору жизни нашей во всех скорбях и бедах, этот якорь твердый и верный, на котором незыблемо держится жизнь наша среди бурь житейских и – Отечество наше!»

В Слове на день памяти святого апостола Андрея Первозванного 30 ноября 1906 года так говорил отец Иоанн: «Современный мир обуяло неверие, безбожие – он впал в слепоту, покорился зверским страстям плоти; люди возмнили о себе, как о богах, и отвергли Бога – погрузились во тьму и мерзость всяких беззаконий и погибают снова безобразною смертью. Нужен снова Искупитель, **но Он придет уже не спасать, а судить изоглавшийся и обезумевший от неверия мир и – страшен будет Суд Его хулителем Его**».

«Тем именно и страдает ныне русское общество, – говорил отец Иоанн в Слове на день памяти святого Николая Чудотворца 6 декабря 1906 года, – **что в нем нет веры во Христа**, нет твердости веры и убеждений христианских, что оно помешано на всяких “свободах”, превратно понятых, и творит всякие несуразности, нелепости и гоняется за новомодным образом правления, к которому оно совершенно неспособно по своей разнородности и разнovernости и взаимной враждебности. **Всепагубно правление многих: один да будет царь**, говорит древний мудрец».

¹ Ср.: Прем. 5, 24.

А в Слове на Рождество Христово 25 декабря 1906 года отец Иоанн, изъяснив значение для нас, людей, этого великого события, пояснил, что от неверия в него «произошли и происходят все бедствия в нашем Отечестве: крамолы, убийства, развращение и неповиновение юношества, всякие непорядки в семейной жизни, разврат мужей и жен, небрежение о воспитании детей, неповиновение их родителям и начальству, бедность и нищета – разложение общества и Отечества; от этого безумия – развращающая печать и всякое лукавое словоизвержение, от которого окончательно развращается молодое и взрослое поколение».

В слове на Богоявление 6 января 1907 года отец Иоанн опять так характеризует современное ему русское общество: «Современные интеллигенты не признают первоначальной порчи человеческого рода – и страсти плотские считают законными, и борьбу с ними ненужною, так же как и нахождение свое под сенью Церкви – ненужным, и Евангелие для себя необязательным или неисполнимым, и потому отдались быстрине течения своих страстей, и в этом беспутии погибают; жизнь считают за игру страстей и плотские наслаждения – за цель жизни, а смерть за – совершенное исчезновение с жизненного позорища. Боже мой! До чего извратились понятия людей, еще именующихся христианами!

Господи! Где Твое Евангелие, это Слово о Царствии Небесном, – слово о вере и покаянии, слово мира, слово жизни вечной, слово во всякой иоте истинное, непреложное, неизменное, спасительное, радостное и животворное для всех верующих искренно? Оно удалено от всех жилищ и читается ежедневно только в церкви, а без него человек *ходит во тьме и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза*¹. Слово человеческое, суетное, блazenное² читается ежедневно и в домах и на улицах с жадностью и величайшим интересом, а к сладчайшему и спасительному Слову Божию пропал в людях всякий интерес. О, суетные, спящие духовным сном люди, – когда вы воспрянете, пробудитесь и взглянете трезво, истинными очами на жизнь свою, на высокую, вечную цель ее! Когда вы заинтересуетесь своею христианскою задачею, вопросом о будущем Суде, о жизни и смерти? **Дела ваши осудят вас, слово Евангелия, которое вам проповедано, оно будет судить вас в последний день**³».

В своем поучении на день Сретения Господня 2 февраля 1907 года отец Иоанн, нарисовав дивную, умиляющую душу картину домостроительства Божия, в заключение говорит: «Веришь ли ты во все это, со-

¹ 1 Ин. 2, 11.

² Блаженное – соблазняющее.

³ Ср.: Ин. 12, 48.

временный человек, изверившийся и обезумевший от повсюдного нравственного угара, от опошлившейся, безумной, свободной печати? Но ведь дело, совершенное Богом для твоего спасения, – неизменно, и твое неверие не упразднить его – оно требует твоей веры, твоего доверия, твоего послушания, твоей благодарной любви, твоих дел, твоего покаяния, твоего делания, твоей нравственной перемены, твоей святости, как сказано: *будьте святы, ибо Я свят, Господь Бог ваш*¹. Правду *имейте и святость*, – говорит Писание, – *без коих никто не увидит Господа*². А если в тебе этого нет, то ты – жертва вечного праведного гнева Божия и – вечного проклятия...

Горе тебе, лукавый, непокорный, неблагодарный человек! **Все бедствия нынешние, постигшие Россию, постигли ее из-за тебя.** Но, смотри, скоро настанет и день твоего праведного, страшного воздаяния вечного. Трясись, трепещи, человек, недостойный этого великого имени (“человек” – от слова “словек” – “словесный”, “разумный”), и скоро жди праведного Суда Божия. *Бог поругаем не бывает*³.

В своем Слове на Неделю о блудном сыне 18 февраля 1907 года отец Иоанн говорит о широком распространении в России греха блуда и прелюбодеяния, о вырождении христианской семьи, причину чего указывает в безверии, потере страха Божия и, вследствие этого, ужасном растлении прелестью греха. В этом отец Иоанн винит нашу печать. «Известный русский безбожник (Лев Толстой) – писатель, – говорит отец Иоанн, – особенно повинен в растлении и безбожии русского народа, преимущественно интеллигенции, да и вообще – злонамеренные публицисты виновны в том: их безбожные писания, рассеянные в России в миллионах листов печатных, наводнили всю Россию и столкнули юношество с основы веры религиозной и гражданской.

О всепагубное неверие людское непреложной истине Божией и Евангелию Христову! Умри, исчезни всякий соблазн, всякая страсть человеческая, ругающаяся Всесвятому и Всеправедному Творцу нашему. Ибо страсти необуздываемые, несдерживаемые разумом, верою и страхом Божиим, причиняют бесчисленные беды всему человечеству, всех возрастов. Из-за них столько бед в семьях, в обществах, во всех сословиях, в народах и племенах, во всех религиях, в государствах, во всем мире. Из-за них все стихии мира в смятении: земля, огонь, вода и воздух; из-за них неурожай, голод, бури, ураганы, землетрясения, извержения вулканов, – войны ужасные, потопа, бешеные революции, всякие безобразия

¹ Лев. 19, 2.

² Ср.: Евр. 12, 14.

³ Гал. 6, 7.

в жизни общественной и семейной; непочтение, неповиновение младших старшим; леность к учению юношей и отречение от изучения спасительного и необходимого Закона Божия. По причине необузданных страстей человеческих, неверия в Бога и пристрастия к видимому, осязаемому, раздражающему вкусы и нервы, воцарилась страсть к чревоугодию, корыстолюбию и наживе и охлаждение к ближнему, к милостыне – убийства, наглые хищения! О, страсти человеческие, бессмысленные, дикие, всепачубные, за которые уготована правосудием Божиим вечная мука нераскаянным. О, бессмысленное и косное к вере и богопочтению человечество! Тебя Творец всячески хочет спасти, избавить от вечной гибели, – а ты само всеми силами стремишься к ней, оскверняешься произвольно всякою скверною и мерзостью. Ты принудишь Всеблагого и Всеправедного Творца и Судию произнести на тебя в конце концов страшное проклятие и осуждение тебя на вечные муки. *Идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его*¹.

Эта злая сила всемирная (сила диавола, первого отступника от Бога) возмутила и всю Россию, произвела и производит в ней доселе волнения, мятежи, неверие, богохульство, неповиновение, лень, невежество, попустительство и потворство со стороны власти всякому беззаконию. **Настало время, что люди стали стыдиться не греха и беззакония, а – правды и Того, Кто вечно царствует правдою – Христа Искупителя, Законодателя и Судию Праведного.** – Но *кто постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет во славе Отца Своего со святыми Ангелами*².

В своем слове на Неделю мясопустную, когда вспоминается Страшный Суд, 25 февраля 1907 года отец Иоанн говорит в заключение: «В каком положении тогда явятся нынешние, прошедшие и будущие наши неверующие, интеллигенты называемые, и все декаденты – неверующие и злонамеренные писатели, сделавшие слово печатное орудием клеветы, обмана, соблазна, торговли и издевательства над всякой святыней и над благонамеренными людьми? Пред ними слишком будет действительно (реально) то, над чем они глумились, что они отвергали здесь, над чем издевались. Явная истина поразит их, сделает их немыми, безответными, – и в том, в чем они считали себя безответственными, они увидят себя виновными и ответственными»³.

¹ Мф. 25, 41.

² Мк. 8, 38.

³ Новые грозные слова отца Иоанна (Кронштадтского), произнесенные в 1906 и 1907 годах «О страшном поистине суде Божиим грядущем и приближающемся». СПб., 1908.

В поучении на Благовещение 25 марта 1907 года отец Иоанн со скорбью говорит о нашей учащейся молодежи, которая «мнит себя сверхчеловеками и так называемыми автономистами». «У них нет веры в Бога, у них дерзкое издевательство над Тем, Кого мы называем Богом; в неизмеримой гордости они считают себя выше всех, выше властей, выше родителей и не хотят никому подчиняться; мы, говорят они, сами себе закон. Мы – автономисты, мы – боги. Но эти самозаконники не имеют никакого закона. Нигде нет такой бессмыслицы в учащем и учащемся мире, как в России: это знает весь свет и об этом трубят все газеты. Какое нелепое начало действует в нашем учащем и учащемся мире? **Змий, тот древний змий**, который нашептал Еве и Адаму, чтобы они не слушали Бога, а послушали его, змия, что они будут автономны, будут, как боги¹. Не время ли одуматься, не время ли взяться за разум, за веру, за Бога, за Церковь Божию, за Книгу книг? Довольно горьких, жалких и бессмысленных опытов. Прочь от нас, сатана!»

А вот как говорит отец Иоанн о уже начавшемся в его время гонении на веру: «Мы никого не гнали и не гоним, предоставляя каждому православному и иноверцу жить по своей вере, а **нас гонят и преследуют всячески**. Впрочем, когда же была не гонима православная вера? Божественный Основатель нашей веры предсказал всевозможные гонения на истинных исповедников ее. – А в нынешнее время искренно верующие терпят гонения не только от иноверцев, **но и от своих, отвергшихся своей веры и неверующих ни во что**» (23 апреля 1907 года).

В день рождения Государя Императора Николая Александровича 6 мая 1907 года наш великий праведник грозно предрекает: «**Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению**. Отчего же столь великое, бывшее столь твердым, могущественным и славным прежде, Царство Русское ныне так расслабело, обессилело, уничижилось, всколебалось? **Оттого, что оно сошло с твердой и непоколебимой основы истинной веры, и в большинстве интеллигенции отпало от Бога, Который один есть непоколебимая во веки Вечная Держава**, Коим твердо держатся в дивной гармонии небо и земля – столько веков. **Вот отчего Царство наше колеблется...** некоторые царства и города, бывшие до Христа и после Христа, сошли совсем с позорища мира **за неверие и беззаконие**. И чем дольше существует мир прелюбодейный и грешный и преуспевает в беззакониях, тем он больше и больше слабеет, дряхлеет и колеблется, так что к концу мира он совсем сделается трупом или дымящейся головней, которая совсем истлеет от последнего,

¹ См.: Быт. 3, 1–5.

страшного, всеобщего огня: *ибо земля, и все дела на ней сгорят, по апостолу, и мы чаем нового неба и новой земли, по обетованию Божию, на которых живет правда*¹»².

* * *

Так наш великий праведник, молитвенник и чудотворец прозорливо предрекал о тех бедствиях, которые действительно постигли отступившую от Бога, от веры и Церкви Православной Россию. **Все это исполнилось на наших глазах.**

Не должно ли это убеждать нас в непоколебимой истине всего того, что говорил и о чем учил приснопамятный отец Иоанн? И не должны ли мы видеть спасение для себя и для России только в том, в чем это нам указывал отец Иоанн?

А в чем это спасение?

«Обратись к Богу, Россия, – пламенно взывал отец Иоанн в день Рождества Пресвятой Богородицы 8 сентября 1906 года, – согрешившая пред Ним больше, тягчае всех народов земных, – обратись в плаче и слезах, в вере и добродетели. Больше всех ты согрешила, ибо имела и имеешь у себя неоцененное жизненное сокровище – веру Православную с Церковью спасающею, и попраля, оплевала ее в лице твоих гордых и лукавых сынов и дочерей, мнящих себя образованными, но истинное образование, то есть по образу Божию, без Церкви быть не может».

«Возвратись, Россия, – взывал отец Иоанн в своем Слове 30 августа 1906 года, – к святой, непорочной, спасительной, победоносной вере своей и к святой Церкви – матери своей – и будешь победоносна и славна, как и в старое, верующее время. Полно надеяться на свой кичливый, омраченный разум. Борись со всяким злом данным тебе от Бога оружием святой веры, Божественной мудрости и правды, молитвою, благочестием, крестом, мужеством, преданностью и верностью твоих сынов».

Горе тем, кто безумно ищет каких-то иных путей спасения России, **ибо иных путей нет и быть не может!** Спасение наше только в верности заветам нашего великого праведника – подлинного пророка Божия, посланного Богом России перед наступлением страшных времен Его праведного воздаяния за грехи русских людей. – Скорее же, скорее с покаянием к Богу!

Архиепископ Аверкий

¹ Ср.: 2 Пет. 3, 10, 13.

² Новые грозные слова отца Иоанна (Кронштадтского), произнесенные в 1906 и 1907 годах «О страшном поистине суде Божиим грядущем и приближающемся». СПб., 1908. С 43.

Слово на расстрел Государя

Сказано 8 (21) июля 1918 года

на Божественной литургии в Казанском соборе города Москвы

Блажени слышащии Слово Божие и хранящии е.
Лк. 11, 28

Эти слова, сейчас прочитанные в Святом Евангелии, сказаны Господом Иисусом Христом тогда, когда одна женщина из народа, в порыве священного восторга от Его проповеди, воскликнула: *Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие*¹, то есть счастлива Мать, родившая и воспитавшая такого Сына. Господь, поставлявший и в других случаях родство духовное выше телесного², отвечал ей: *Блажени слышащии Слово Божие и хранящии е*³, то есть больше, чем родные Мне по плоти, счастливы те, которые близки Мне по духу, которые слушают Мои слова и хранят их, живут так, как Я учу словами жить. Значит, счастье, блаженство наше заключается в соблюдении нами Слова Божия, в воспитании в наших детях заветов Господних.

Эту истину твердо помнили наши предки. Правда, и они, как все люди, отступали от учения Его, но умели искренно сознавать, что это грех, и умели в этом каяться. А вот мы, к скорби и стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается как нечто законное.

Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство – Исполнительный комитет – одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его.

Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пе-

¹ Лк. 11, 27.

² См.: Мф. 12, 46–50.

³ Лк. 11, 28.

ред неліцеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринял для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние – уже после расстрела, – одобряется высшей властью.

Наша совесть примириться с этим не может, и мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточают в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: *Блажени слышащии Слово Божие и хранящии е.*

*Высокопреосвященнейший
Анастасий (Грибановский),
митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский*

Слово в седьмую годовщину мученической кончины Государя Императора Николая II и всей Царской семьи

*Произнесено 4 (17) июля 1925 года
после заупокойной Литургии на Голгофе*

Исполнилось семь лет со дня кончины наших Царственных мучеников, и мы приносим на этом всемирном алтаре бескровную жертву в память их.

Молитва любви – наш постоянный долг пред ними и их великими страданиями, завершившимися жестокой казнью всей Царственной семьи в нынешнюю кровавую ночь в Екатеринбурге.

Не прекратилась еще великая брань добра и зла, потребовавшая от России столь тяжкой жертвы, и имя почившего Государя продолжает доныне стоять пред нами, как *знамение пререкаемо*¹.

В то время как одни при самом воспоминании об этом имени проливают слезы скорби и сострадания, другие приходят в неистовство и с яростью бросают в него отравленные стрелы.

Не потому ли эти последние так негодуют против замученного Царя, что, пролив его кровь, они ничем не могут оправдать совершенного ими преступления?

Все ухищрения убийц Государя оказались бессильны помрачить нравственный образ его – тот образ, который служит мерилom истинного достоинства человека: будет ли последний сидеть на престоле или влачить свое печальное существование среди униженных земли.

Известно, что люди, подобно драгоценным металлам, познаются в горниле огненных испытаний. Почивший Император прошел сквозь оба главных вида искушений, каким подвергается человек на земле: искушение высотой, славою, счастьем, и искушение унижением, лишениями, телесным и душевным страданием. Трудно сказать, какой из этих двух

¹ Лк. 3, 24.

искусительных путей опаснее для нас. Не легко перенести человеку сознание своего превосходства пред другими людьми и устоять пред опьяняющим действием величия, славы, богатства, которые почти всегда приходят к нему в сопровождении своего всеразвращающего спутника в виде соблазна гордыни. Не менее требуется от нас нравственных усилий и для того, чтобы сохранить спокойное величие духа в постигающих нас тяжких скорбях и бедствиях, когда сердце человека невольно озлобляется против всего мира или впадает в уныние. Положение венценосца, и притом самодержавного, таит в себе тем более духовных опасностей, что в его руках сосредоточена полнота власти, могущества и связанных с ними прочих земных благ, прельщающих большинство людей.

Для властелина миллионов людей почти не существует слово «невозможно», его веления обладают творческой силой. Не напрасно льстецы готовы приписывать этим славным и сильным земли почти Божеские свойства.

Искушения царской власти так велики, что в древней Византии существовал мудрый обычай: среди шума и блеска коронационных торжеств, когда восторженный народ рукоплескал, как некоему полубогу, своему венчанному повелителю, — подносить последнему куски мрамора, чтобы он заранее выбрал из них материал для своей гробницы, или давать ему в руку мешок с золой, дабы напомнить ему, что и он станет некогда землею и пеплом, как и каждый из смертных.

Престол Русского Царя в то время, когда его унаследовал Император Николай II, стоял так высоко, что виден был всему миру; однако блеск его не ослепил ни на минуту почившего Государя. Последний не упивался вином власти и не увлекался своим преходящим величием; напротив, он скорее тяготился последним и не мог преодолеть в себе врожденного чувства скромности, часто мешавшего ему проявлять свою власть в такой степени, как это требовалось, иногда по обстоятельствам времени. Напитанный с детства умиротворяющим духом Православия, Царь-мученик всегда был *кроток и смирен сердцем; трости надломленной он не сокрушал, льна курящего не угашал*¹. Мир и любовь составляли главную стихию его духа; призывом к миру всего мира начал он свое безмятежное, казалось, и благословенное царствование, и когда он впервые увидел себя вынужденным обнажить меч для защиты России сначала от внешних, а потом от внутренних врагов, его сердце невольно сжалось от боли.

Неискушенный еще опытом Государь постоянно скорбел от того, что великодушные намерения его разбивались о неодолимые противоречия жизни. Власть открывалась пред ним не столько как радостная возмож-

¹ Ср.: Мф. 11, 29; Ис. 42, 3.

ность поощрять добро, сколько как суровая необходимость бороться со злом (Рим. 13, 1–4), и он, страдая внутри, с терпеливою покорностью нес бремя ее как долг, наложенный на него свыше.

Минуты отдыха Государь проводил в кругу любящей семьи, жившей скромным древне-русским укладом среди окружавшего ее внешнего блеска.

Высокое жертвенное настроение, загоревшееся в сердце русского народа в начале Мировой войны, снова окрылило Государя. Воспламененный тем же священным огнем, он слился духом со своими подданными и, сделавшись выразителем общенародных чувств, стал истинным Вождем Отечества.

Это были, несомненно, одни из самых счастливых дней его царствования, когда пред ним отверзлись заветы родной истории и он ощутил в своем сердце таинственный голос, зовущий его к осуществлению высокого призвания русского народа. С терпением преодолевая все невзгоды войны, он бодро шел навстречу этому грядущему светлому дню торжествующей правды и мира. Но увы! Исполнение времен приблизилось к нам лишь для того, чтобы показать, как мало мы были подготовлены к приятию ожидавшего нас жребия. Народ не претерпел до конца великого испытания и потому не венчался венцом победы. Увлеченный духом обольщения и соблазна, он сошел с тесного пути подвига, на который был поставлен рукою Промысла, и устремился на широкие пути своеволия и беззакония. В каком-то опьянении безумия он беспощадно стал разрушать все разумные основы общежития, и тогда взят был из его среды Удерживающий, то есть Царь, как источник власти и главный оплот порядка в государстве.

Подобно Иову, в день которого Государю по воле Божией суждено было увидеть свет, он в одно мгновение лишился и славы, и богатства, и царства, и друзей.

Лишь немногие из близких к нему лиц захотели пить с ним чашу страданий и остались верны ему до конца; другие хотя и сочувствовали бедственному состоянию его, но не решались заявить об этом открыто, чтобы не быть отлученными от сонмища; большинство же его прежних, часто – благодетельствованных им, друзей совсем отреклось от него страха ради иудейского и вместо утешения посылали своему недавнему покровителю упреки в том, что он сам заслужил свою участь.

Господь оставил страстотерпцу-Государю только одно утешение сравнительно с Иовом – это любящую и самоотверженно преданную семью, но, увы – она должна была делить с ним одни унижения и скорби, и потому иногда служила для него невольным источником новых страданий.

Тягчайшим из всех бедствий, какие так внезапно упали на главу Повелителя всей России, было несомненно лишение личной свободы – этого драгоценнейшего блага, которым обладали миллионы его подданных и которого Бог не захотел отнять у самого великого ветхозаветного страдальца – патриарха Иова. Заключенный под стражу, Государь должен был испытывать всю горечь неволи и всю жестокость человеческой неблагодарности. Люди, еще недавно трепетавшие от одного взгляда его и ловившие улыбку его, как живительный луч солнца, теперь подвергали его самым грубым оскорблениям, глумились не только над ним самим и Императрицей, но и над их юными, благоухающими нежной чистотой детьми, душа которых особенно должна была страдать от первого соприкосновения со злом и неправдой жизни. Каждый день, каждый час эти жестокие истязатели изобретали новые нравственные пытки для беззащитной Царской семьи и, однако, ни одного слова ропота на свой жребий не вышло из уст Царственных страдальцев. Они подражали Тому, о Ком сказано: *будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал*¹. Только Богу они возвещали печаль свою и пред Ним одним изливали свое сердце. Чувство оставленности, угнетавшее душу их, не охладило любви их к России; забывая собственные испытания, Царственные узники продолжали до конца жить и страдать нераздельно с своим народом.

Уже самый акт отречения от престола является со стороны Государя выражением высокого самопожертвования ради горячо любимого им Отечества.

В то время как иностранные венценосцы, прошедшие (в Англии и Франции) по воле Промысла тем же крестным путем, не захотели расстаться со своим тронem без кровопролитной борьбы, наш почивший Император был далек от мысли защищать свою власть только ради желания властвовать. «Уверены ли Вы, что это послужит ко благу России?» – спросил он тех, кто якобы от имени народа предъявили ему требование об отречении от своих наследственных прав, и, получив утвердительный ответ, тотчас же сложил с себя бремя Царского правления, боясь, что на него может пасть хоть одна капля русской крови в случае возникновения междоусобной войны.

Этим мудрым отныне историческим вопросом Государь навсегда снял с себя ответственность за предпринимаемое им решение, и она пала на главу тех, кто первый поднял на него святотатственную руку.

По мере приближения к своему исходу вся семья доблестных страдальцев с истинным царственным величием все выше и выше поднимается

¹ 1 Пет. 2, 23.

над землей и достигает, как об этом свидетельствуют последние письма их, исповеднической крепости веры и мученического незлобия, и всепрощения к врагам своим.

Смерть застала всех их вполне созревшими для вечности; однако, самая обстановка неожиданной казни их должна была причинить им новые тяжкие, хотя уже последние, страдания. Для юных Царских детей, увядавших в самом расцвете жизни, образ насильственной смерти ужасен был особенно потому, что они впервые встречались с ним лицом к лицу, и один вид бессердечных палачей должен был привести в содрогание нежную душу их. Сердце же родителей их раздиралось на части от одной мысли, что ради них влекутся на заклание ни в чем неповинные дети, и они, эти несчастные Царственные родители, подобно мученице Софии, прошли сквозь горнило смерти несколько раз, умирая одновременно с каждым из своих чад.

История в свое время расскажет сокровенные еще для нас подробности этой страшной ночи, и слезы тихого умиления неоднократно прольются над подвигом новых великих страстотерпцев, которых Господь *разжег, яко сребро, искусил седмицею, чтобы обрести их достойными Себе*¹ и увенчать более славными диадемами, чем венцы царские.

Весь мир содрогнулся от ужаса при виде екатеринбургского злодеяния. Только сами виновники его дышали еще чувством неутолимой злобы и продолжали даже после казни преследовать свои жертвы, сплетая вокруг имени их терния язвительной клеветы. К счастью, время – этот нелицеприятный судия человеческих дел – каждый день разоблачает эту клевету, являя образ почившаго Государя и Государыни в его истинном свете. Теперь уже никто не дерзает сказать, что они даже в мыслях способны были изменить России или что святыня семейного очага их была омрачена хотя бы малейшею мимопроходящей тенью. Никто не решится ныне вменить в вину одному Императору Николаю II и все те бедствия и ужасы, в какие ввержена ныне наша многострадальная Родина, ибо в этом повинны весь русский народ и каждый из нас в отдельности.

Этот поистине страдалец-Государь не может быть ответственным за то, что ему указан был жребий управлять столь обширным государством на переломе вековой истории его, когда никаких естественных человеческих сил не было достаточно для противодействия надвигающейся злой разрушительной стихии, накопленной грехами целого ряда поколений и неудержимой, как лава извергающегося вулкана.

Свыше была определена и та мера духовных дарований, какую он обладал при прохождении высокого пред Богом и людьми служения свое-

¹ Ср.: Пс. 11, 7; Прем. 3, 5–6.

го. Никто из людей не обязан родиться гениальным, но каждый должен трудиться и умножать в меру сил своих полученные им от Бога таланты. Кто может упрекнуть в Бозе почившего Царя в том, что он не исполнил этой евангельской заповеди? Кто не знает, что он был неутомимым работником на троне, всегда ревновавшим о преуспейнии державы своей, охранявшим достоинство и безопасность ее в течение 23-х лет своего царствования, пока он не положил, наконец, за нее свою душу.

Если же Государь, стремясь всегда к высоким целям, не находил иногда соответствующих средств для осуществления их, если он думал нередко о своих приближенных лучше, чем они заслуживали, и испытывал по временам чувство смущения и нерешительности пред лицом надвигающейся опасности, то это доказывает только то, что он был человек, и потому ничто человеческое не было чуждо ему.

Кто имеет право судить его за те или другие человеческие немощи, за вольные и невольные грехи его, кроме Того, Кто вручил ему Царство и послал ему столь великие очистительные испытания, что они способны перевесить *песок морей*¹?

Великомученический подвиг Русского Царя Николая II почти не имеет равного себе в истории последних веков, и только здесь, на этой трепетной и таинственной Голгофе, мы уразумеваем сокровенный смысл креста, возложенного на него и вместе с ним на всю семью его свыше. Голгофа — это всемирный жертвенник и вместе всемирное судилище.

С тех пор как здесь соединились вместе Божественная любовь и правда, чтобы раздрать рукописание грехов человечества, с вершины Голгофы открываются для нас судьбы Божественного Провидения, взвешивающего жребий отдельных людей и целых народов. Отсюда всякая мученическая кровь вопиет на небо и низводит гнев Божий на одних и благодать на других. Отсюда износится суд и помилование языкам.

Исполненные скорбного недоумения, некогда стояли здесь Пречистая Мать Божия с женами мироносицами и святым Иоанном Богословом, взирая на распятого на Кресте Царя славы. С пронзенным печалью сердцем взираем и мы с высоты этого священного места на распятую, поруганную и окровавленную Россию и как бы от лица всего русского народа вопрошаем Того, в руце Которого власть всяя земли: Господи! Если для очищения всего народа нужна была жертва первого из сынов его и самого Вождя Русской земли, то она уже принесена ныне. Если для заглаждения наших общих грехов должна была пролиться невинная кровь, то она еще дымится пред Тобою из ран закланных, юных и чистых, как непорочные агнцы, Царских детей и иных подобных им страстотерпцев, их же имена

¹ См.: Иов. 6, 3.

Ты веси. Приносим Тебе в искупление и воздыхания и вопли всех русских людей, томящихся ныне в смертных муках, и эти умиленные русские слезы, которые в течение веков лились на Голгофе.

Уповаем на милосердие Твое и взываем к вечной правде Твоей, сочтавшейся в неизреченной тайне Креста, подъятого Божественным Сыном Твоим.

Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты царствуеши во веки¹!

Аминь.

¹ Ср.: Пс. 81, 8.

О Царе и цареубийстве

Из проповедей разных лет

Есть события, которые потрясают даже бездушные стихии. Сам Господь творит тогда суд над ними. Таково было первое убийство, убийство Каиново. Таковы многие другие тягчайшие преступления. К ним относится страшное цареубийство в Екатеринбурге. За что был преследуем, оклеветан и убит Царь Николай II? За то, что он был Царь, Царь милостью Божией. Он был носителем и воплощением православного мировоззрения, что Царь есть слуга Божий, помазанник Божий, Ему должный дать отчет за судьбы вверенного ему народа, за все свои деяния и поступки, не только личные, но и как правителя.

Так верил православный русский народ, так учила Православная Церковь, так сознавал и ощущал Царь Николай. Он весь проникнут был этим сознанием. Он смотрел на свое несение Царского венца как на служение Богу. Он помнил то при всех своих важных решениях, при всех возникавших ответственных вопросах. Вот почему он так тверд и непоколебим был в тех вопросах, в которых он был убежден, что такова воля Божия, твердо стоял за то, что представлялось ему нужным для блага возглавляемого им Царства.

А когда он увидел, что поставлен в невозможность совершать по совести свое Царское служение, то сложил с себя Царский венец, подобно святому князю Борису, не желая стать причиной раздоров и кровопролития на Руси. Самопожертвование Царя, не принесшее России пользы, а наоборот, давшее еще большую возможность безнаказанно совершать преступление, принесло невообразимую скорбь и страдания. Но в них он проявил величие духа, уподобившее его праведному Иову.

Прообразом страдавшего и воскресшего Христа был праведный Иов Многострадальный... книга о котором читается на Страстной седмице, потому что праведный Иов был первым прообразом Великого Страдальца за наши грехи, Спасителя мира. Подобно Иову, из обладавшего боль-

шим богатством сделавшемуся нищим, Сын Божий, оставя Небесный Престол Свой, *обнищал*¹, сделавшись подобным нам Человеком, терпевшим все нужды человеческие и *не имевшим где главу приклонить*². Как праведный Иов терпел укоризны от своих ближайших друзей, так и Христос претерпел поношения и клеветы от Своих соплеменников и предательство Иуды. Но как после страданий святой Иов вновь увенчался славой и богатством, так и Сын Божий воскрес из мертвых, возшел на Свой Небесный Престол, воспеваемый Ангелами и приемлющий поклонение от всего мира. Как были прообразы Христовы до Его Пришествия на землю, так после Пришествия Его образами Его должны быть верующие в Него. Сам Христос сказал на Тайной вечери: *Образ (пример) вам дал, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите*³... *В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе*⁴, – пишет святой апостол Павел верующим. Таким живым напоминанием о страданиях Христовых явился в дни своих испытаний Царь Николай II. Предан он был теми, кому доверял. Оставлен был почти всеми приближенными, лишь немногие пошли с ним на его Голгофу. Толпы, еще недавно с восторгом встречавшие и приветствовавшие его, теперь поносили его, приветствуя тех, кто желал его казни. Как друзья Иова, недавно казавшиеся преданными ему, обвиняли его в несовершенных им преступлениях. *Распи, распи его*⁵, – слышалось всюду, и те, кто оставался верен ему, не смели возвысить голоса, скрываясь *страха ради иудейска*⁶.

...В один день рухнули величие и слава Державы Российской, оплота мира во всем мире. Подпись Государя Императора Николая Александровича на акте отречения от престола – есть историческая граница, отделяющая великое и славное прошлое России от темного и мучительного положения ее теперь...

Что произошло в тот день?.. Отступление народа от помазанника Божия, отступление от власти, покорной Богу, отступление от данной перед Богом присяги на верность Государю помазаннику Божию и предание его на смерть.

Лишен власти, а потом и свободы тот, кто все свои силы отдавал во имя Божие на служение России.

¹ См.: 2 Кор. 8, 9.

² Ср.: Лк. 9, 58.

³ Ин. 13, 15.

⁴ Флп. 2, 5.

⁵ Лк. 23, 21.

⁶ Ин. 7, 13.

Десятки лет темные силы зла вели борьбу против помазанника Божия, против государственной власти верной Богу. Те же силы убили и Государя Императора Александра Николаевича, Царя-Освободителя.

То преступление отрезвило народ, всколыхнуло всю страну, и тот нравственный подъем дал возможность Государю Императору Александру III Миротворцу крепкой рукой править Россией.

Прошло два десятка лет мирной жизни и развития России, и создался новый заговор ниспровержения Царского престола. То был заговор врагов России.

В самой России шла борьба против самой ее сущности и, разрушив престол, враги России уничтожили даже имя ее.

Теперь весь мир может видеть, как связаны между собой Царская власть, верная Богу, и Россия. Не стало Царя – не стало России.

Борьбу против Царя и России вело скрытое безбожие, проявившее себя затем открыто.

Такова сущность борьбы против Царя и России, против основы ее жизни и исторического развития.

Таковы смысл и цель той борьбы, которых, может, не все сознавали – те, которые были ее пособниками.

Против Царя и России было призвано все грязное и ничтожное и грешное, что может быть в душе человека.

Все это всеми силами поднималось на борьбу против Царской Короны, увенчанной крестом, ибо Царское служение есть крестоношение.

Против креста людей всегда поднимают клеветой и ложью, творя дьявольское дело, ибо, по слову Господа Иисуса Христа: *он есть ложь и отец лжи, и когда говорит ложь — говорит свое*¹.

Все было поднято против самого кроткого, чистого и любвеобильного Царя, чтобы в страшный час борьбы против него – он остался один. Предварительно распространялись грязные клеветы на Царя и его семью, чтобы народ охладел к нему.

Неверные союзники приняли участие в заговоре. Ближайшие сотрудники, когда Государю нужна была нравственная поддержка, не дали ее и нарушили присягу. Одни – приняв участие в заговоре, другие – по слабости советуя отречение. Государь остался совсем один, а кругом «измена, подлость и трусость».

Со дня отречения все пошло последовательно рушиться. Иначе и не могло быть. Был свергнут тот, кто объединял все, стоя на страже Правды. Был совершен грех и открыт свободный путь греху. Напрасно хотят отделать Февраль от Октября: одно было прямым следствием другого.

¹ Ин. 8, 44.

...Псков был Гефсиманией для Государя, Екатеринбург стал для него Голгофой.

Государь Николай Александрович скончался как мученик, с непоколебимой верой и терпением, выпив чашу страданий до дна.

Убийство Императора Николая II и его семьи является исключительным как по виновности в нем русского и других народов, так и по его последствиям. Не сразу оно совершилось, подготавливалось постепенно.

Гнусная клевета поколебала преданность Царю и даже доверие к нему значительной части русской общественности. В связи с этим наступившему искусно вызванному мятежу не было дано должного отпора ни властями, ни обществом. Малодушие, трусость, предательство и измена во всей полноте были проявлены ими. Многие поспешили искать доверия и милостей от преступников, пришедших к власти. Народ безмолвствовал сначала, а потом быстро начал пользоваться создавшимися новыми условиями. Каждый старался о своей выгоде, попирая Божественные заповеди и человеческие законы. Открыто не было ничего сделано в защиту Государя и престола. Молчаливо принято было известие о лишении Царя и его семьи свободы. Втайне лишь возносились молитвы и воздыхания теми немногими, кто не поддался общему искушению и понимал преступность тех деяний. Посему Государь оказался всецело в руках своих тюремщиков и новой власти, знавшей, что может сделать все, что хочет.

Убийство легло на совесть и душу всего народа. Виноваты все в той или иной степени: кто прямым мятежом, кто его подготовкой, кто изменой и предательством, кто оправдыванием совершившегося или использованием его в выгоду себе. Убийство Царя-мученика есть прямое следствие их.

*Кровь Его на нас и на чадах наших*¹. Не только на современном поколении, но и на новом, поскольку оно будет воспитано в сочувствии к преступлениям и настроениям, приведшим к Цареубийству.

Лишь полный духовный разрыв с ними, сознание их преступности и греховности и покаяние за себя и своих предков освободят Русь от лежащего на ней греха.

Святая Церковь завтра прославляет святого Андрея, епископа Критского, творца Великого покаянного канона², а мы собрались, чтобы молиться об упокоении души Царя-мученика и иже с ним убиенных. В России также ежегодно собирались русские люди в храмы в день святого Андрея Критского, но не того, который прославляется завтра, а препод-

¹ Мф. 27, 25.

² Андрей Критский, архиепископ († 4/17 июля 740).

добномученика Андрея, замученного за исповедание Христа и правды Христовой¹. В этот день преподобномученика Андрея в России люди с радостным чувством собирались благодарить Господа за чудесное спасение Государя Александра III в Борках 17 октября 1888 года. Во время его путешествия произошло страшное крушение поезда, все вагоны были разбиты кроме одного, в котором находился Царь со своей семьей.

Так в день преподобного Андрея Критского, замученного врагами Христа и Его Церкви, был спасен Наследник, а впоследствии Государь Николай Александрович, и также в день святителя Андрея Критского, мирно окончившего свои дни на земле, Государь был убит безбожниками и изменниками. В день Андрея-мученика Россия прославляла и празднуемого в один день с ним пророка Осию, предсказавшего воскресение; в их честь строились храмы, где народ русский благодарил Бога за спасение Государя. А через 30 лет, в день святителя Андрея, учившего о покаянии, Государь был умерщвлен на глазах всего народа, не сделавшего даже попытки его спасти. Это тем более страшно и непонятно, что Государь Николай Александрович воплотил в себе лучшие черты царей, которых знал, любил и почитал русский народ.

Царь-мученик более всего походил на Царя Алексея Михайловича, Тихайшего, но превосходил его своей непоколебимой кротостью. Россия знала Александра II, Освободителя, но Царь Николай II освободил еще больше народа из братского славянского племени. Россия знала Александра III, Миротворца, а Государь Николай II не ограничивался только попечением о мире в свои дни, но сделал крупный шаг к тому, чтобы все народы Европы и всего мира жили миролюбиво и разрешали свои недоразумения мирным путем. С этой целью, по бескорыстному и благородному личному почину его, была созвана Гагская конференция. Россия восхищалась Александром I и назвала его Благословенным за то, что он освободил Европу от чуждой власти одного человека. Государь Николай II, в условиях во много раз более трудных, восстал против такой же попытки другого человека распространить свою власть на чуждый ему по крови и вере славянский народ и в защите его проявил стойкость, не знающую компромиссов. Россия знала великого преобразователя Петра I, но если припомнить все преобразования Николая II, то мы не знаем, кому отдать предпочтение, причем последним преобразования были проведены более внимательно, обдуманно и без резкости. Иоанна III, Иоанна Калиту Россия знала как собирателей России, но до конца довел их дело Государь Николай II, когда в 1915 году вернул России, хотя и на краткое время, всех ее сынов. Государь Всероссийский – он первый и единственный был Ца-

¹ Андрей Критский, преподобномученик († 17/30 октября 767).

рем Всерусским. Его внутренний духовный нравственный облик был так прекрасен, что даже большевики, желая его опорочить, могут упрекнуть его только в одном – в набожности.

Доподлинно известно, что он всегда начинал и заканчивал свой день молитвой. В великие церковные празднества он всегда приобщался, причем смешивался с народом, приступавшим к великому Таинству, как это было при открытии мощей преподобного Серафима. Он был образец целомудрия и глава образцовой православной семьи, воспитывал своих детей в готовности служить русскому народу и строго подготавливал их к предстоящему труду и подвигу. Он был глубоко внимателен к нуждам своих подданных и хотел ясно и близко себе представить их труд и служение. Всем известен случай, когда он прошел один несколько верст в полном солдатском снаряжении, чтобы ближе понять условия солдатской службы. Он ходил тогда совсем один и тем ясно опровергаются клеветники, говорящие, что он боялся за свою жизнь. Если Петр I сказал: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы Россия», то Государь Николай Александрович поистине, можно сказать, исполнил это. Говорят, что он был доверчив. Но великий Отец Церкви святой Григорий Великий говорил, что чем чище сердце, тем оно доверчивее.

Что же воздала Россия своему чистому сердцем, любящему ее более своей жизни Государю?

Она отплатила ему клеветой. Он был высокой нравственности – стали говорить о его порочности. Он любил Россию – стали говорить об измене. Даже люди, близкие Государю, повторяли эту клевету, пересказывали друг другу слухи и разговоры. Под влиянием злого умысла одних, распушенности других слухи ширились, и начала охладевать любовь к Царю. Потом стали говорить об опасности для России и обсуждать способы освобождения от этой несуществующей опасности, и во имя якобы спасения России стали говорить, что надо устранить Государя. Расчетливая злоба сделала свое дело: она отделила Россию от своего Царя и в страшную минуту во Пскове он остался один. Близких нет. Были преданные, но и их не допустили. Страшная оставленность Царя... Но не он оставляет Россию, Россия оставляет его, любящего Россию больше своей жизни. Видя это и в надежде, что его самоумаление успокоит и смирит разбушевавшиеся страсти народные, Государь отрекается от престола. Но страсть никогда не успокаивается, достигнув желанного, – она разгорается еще больше. Наступило ликование тех, кто хотел низвержения Государя. Остальные молчали. Последовал арест Государя и дальнейшие события были неизбежны. Если оставить человека в клетке со зверьми, то рано или поздно они его растерзают. Государь был убит, и Россия молчала. Не раздалось

ни возмущения, ни протеста, когда совершалось это страшное злодеяние, и это молчание есть великий грех русского народа, совершенный в день святителя Андрея Критского, творца Великого покаянного канона, читаемого Великим постом...

Под сводом екатеринбургского подвала был убит Повелитель Руси, лишенный людским коварством Царского венца, но не лишенный Божией Правдой священного Миропомазания. Все цареубийства в истории России были произведены кучкой людей, но не народом. Когда был убит Павел I, народ и не знал об этом, а узнав, долгие годы приносил к его гробу сочувствие и молитвы. Убийство Александра II вызвало в России бурю возмущения, которая оздоровила нравственное состояние народа, и это сказалось в царствование Александра III. Народ остался чист от крови Царя Освободителя. Здесь же народ, весь народ виновен в пролитии крови своего Царя. Одни убили, другие одобряли убийство и тем совершили не меньший грех, третьи не помешали... Измена, предательство, нарушение присяги на верность Царю Михаилу Феодоровичу и его наследникам без обозначения их имен, пассивность и окаменение, нечувствие – вот из чего русский народ сплел венок, которым увенчал своего Царя...

Великий грех – поднять руку на помазанника Божия... Не остается и малейшая причастность к такому греху неотмщенной. В скорби мы говорим: «Кровь его на нас и на детях наших». Но будем помнить, что это злодеяние всего народа совершено в день святителя Андрея Критского, зовущего нас к глубокому покаянию. Будем помнить, что нет предела милости Божией и нет такого греха, которого нельзя смыть покаянием. Но покаяние наше должно быть полное, без всякого самооправдания, без оговорок, с осуждением себя и всего злого дела от самого его начала.

После смерти Саула, павшего на свой меч во время битвы с Филистимлянами, один Амаликитянин побегал известить о том Давида, гонимого в то время Саулом.

Предполагая, что Давид будет весьма рад принесенной вести, он решил выдать себя за убийцу Саула, чтобы тем еще больше увеличить ожидаемую награду.

Однако, выслушав придуманный Амаликитянином рассказ о том, как он, по просьбе раненого Саула, умертвил его, *Давид схватил одежды свои и разордал их, также сделали и все люди, бывшие с ним. Они рыдали и плакали и постились до вечера. И сказал Давид отроку, рассказавшему ему: откуда ты? И ответил он: я – сын пришельца Амаликитянина. Тогда Давид сказал ему: как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня?* И приказал одному из слуг убить его. Притом Да-

вид сказал: *кровь твоя на голове твоей; ибо твои уста свидетельствовали на тебя, когда ты говорил: я убил помазанника Господня*¹.

Так был казнен иноплеменник, выдавший себя за убийцу Саула. Он подвергся жестокой казни, хотя Саул сделал много зла, за которое отступил от него Господь, и он являлся гонителем невинного Давида.

Из слов Давида видно, что он сомневался в правдивости рассказа Амаликитянина и не был уверен, что тот именно является убийцей Саула, однако, он предал его смерти, считая достойным смерти даже одно название себя цареубийцей и похвальбу сим поступком.

В сколько же раз тяжелее и греховнее убийство православного помазанника Божия, во сколько раз большая кара должна лежать на убийцах Царя Николая II и его семьи?!

В противоположность Саулу, отступившему от Бога и за то оставленному Им, Царь Николай II является образцом благочестия и полной преданности воле Божией.

Восприяв не ветхозаветное возлияние елея на главу, а благодатную «печать дара Духа Святаго» в Таинстве Миропомазания, Император Николай II был до конца жизни верен своему высокому званию и сознавал свою ответственность перед Богом.

Император Николай II в каждом поступке отдавал отчет перед своей совестью, вечно «ходил пред Господом Богом». «Благочестивейший» во дни своего земного благополучия не по имени только, а и самым делом, он во дни своих испытаний проявил терпение, подобное терпению праведного Иова.

На такого-то Царя поднялись руки преступников, и притом уже тогда, когда он от перенесенных им испытаний очистился, как золото в горниле, и был невинным страдальцем в полном смысле того слова.

Преступление против Царя Николая II еще тем страшнее и греховнее, что вместе с ним убита вся его семья, ни в чем не повинные дети!

Такие преступления не остаются безнаказанными. Они вопиют к Небу и низводят Божий гнев на землю.

Если подвергся смерти иноплеменник – мнимый убийца Саула, за убийство беззащитного Царя-страдальца и его семьи страдает ныне весь русский народ, допустивший страшное злодеяние и безмолвствовавший, когда Царя подвергли унижению и лишению свободы.

Глубокое осознание греховности содеянного и покаяние перед памятью Царя-мученика требуется от нас Божией Правдой.

Память невинных князей святых Бориса и Глеба пробуждала совесть русских людей во время удельных смут и устыждала князей, начинавших

¹ См.: 2 Цар. 1, 1–16.

раздоры. Кровь святого Великого князя Игоря произвела душевный переворот в душах киевлян и объединила Киев и Чернигов почитанием убиенного святого князя.

Святой Андрей Боголюбский своей кровью освятил единодержавие Руси, утвердившееся уже значительно позже его мученической кончины.

Всероссийское почитание святого Михаила Тверского исцелило раны на теле России, причиненные борьбой Москвы и Твери.

Прославление святого Царевича Димитрия прояснило сознание русских людей, вдохнуло в них нравственные силы и, после тяжких потрясений, привело к возрождению России.

Царь-мученик Николай II со своим многострадальным семейством входит ныне в лик тех страстотерпцев.

Величайшее преступление, совершенное в отношении его, должно быть заглажено горячим почитанием его и прославлением его подвига.

Пред униженным, оклеветанным и умученным должна склониться Русь, как некогда склонились киевляне перед умученным ими преподобным князем Игорем, как владимирцы и суздальцы – перед убитым Великим князем Андреем Боголюбским!

Тогда Царь-страстотерпец возымеет дерзновение к Богу, и молитва его спасет Русскую землю от переносимых ею бедствий.

Тогда Царь-мученик и его сострадальцы станут новыми небесными защитниками Святой Руси.

Невинно пролитая кровь возродит Россию и осенит ее новой славой!

Памяти Императора

(Полный текст доклада, произнесенного на собрании «День Скорби», 20.07.1969 г., устроенном Комитетом Российской Колонии в Аргентине)

Глубокий смысл наших собраний в «День Скорби»

Итак, еще раз мы собрались в День Скорби.

Давно это было. И было, и все не верится, что это было.

«Что видим? Что делаем? Петра Великого погреем!» – так восклицал церковный вития над отверстым гробом почившего Государя, Петра Великого.

Что видим? Что делаем? – восклицаем сегодня мы.

Что делаем? Оплакиваем гибель Русского Царя, помазанника Божия, носителя идеала христианской государственности, воплощавшегося в жизни нашей Родины. Ужасно это, господа!

Оплакиваем гибель Русского Царя и его семьи, стоя над отверстой могилой **Ганиной Ямы**¹, куда злодейство революции предательски низвергло тысячелетнюю славу России².

День Скорби.

Едва ли какой-либо другой день нашего русского календаря острее вызывает в сердце потребность ощутить локоть соседа больше, чем именно этот день. Скажут, что-де, мол, это просто привычка к традиции, форма, установившийся обычай. Что ж! Каждый мерит на свою мерку, и есть немало людей, суд которых лишь обличает их безрассудство. Пусть говорят, что все дело только в обычае, но дух обычая-то откуда берется?

Я скажу вам откуда: из чистого сердца, рана которого в этот день особенно жжет. Эта рана палит и мучит, и знает сердце, что соприкоснувшись

¹ См.: *Вильтон Р.* Последние дни Романовых. С. 79. – *Авт.* – 1-е издание: в переводе князя А. Волконского. Берлин: Град Китеж, 1923.

² В урочище Ганина Яма под Екатеринбургом в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. большевики тайно отвезли тела расстрелянных в доме Ипатьева Царственных страстотерпцев и их верных слуг. Тела были сброшены в шахту, сожжены, а затем останки были зарыты. В 1991 г. на Ганиной Яме был установлен памятный крест. 17 июля 1995 г. на этом месте отслужили первую ночную Божественную литургию. В 2000 г. на этом святом месте был основан мужской монастырь во имя Святых Царственных страстотерпцев.

с подобным себе, оно найдет исцеляющую силу. Не бальзам, не лекарство найдет здесь сердце, но импульс к подвигу, способному послужить оправданием, чтобы изгладить чувство виновности, невольно закрадывающееся в душу в этот скорбный день. В самом деле, в общении, в обмене мыслью и чувствами мы надеемся в лабиринте современности найти самих себя, чтобы знать, как чувствовать себя и как себя вести.

Немало десятков лет происходят такие собрания, и наши враги злорадствуют, говоря, что-де, мол, это старички-эмигранты собираются, чтобы потолковать все про то же, про старое, про то, с чем вместе они ушли в область прошедшего, в область забвения. На самом же деле, если бы исследовать все речи, сказанные на наших собраниях, подобных сегодняшнему, если бы исследовать все высказывания, проследить все замечания, с двадцатых годов звучавшие на собраниях, посвященных Дню Скорби, то **вы увидите процесс духовного роста Русской Белой эмиграции**. Процесс этот протекает исподволь, незаметно. За процессом нашего поседения, старения и умирания, за процессом ухода нашей молодежи «на страну далече», в местный благодыйт, – его и не заметишь, однако, как год за годом углубляется наше понимание революции, как усиливается ощущение ее истонной сущности, и духовная ее природа все ясней и яснее обнажается перед нашим внутренним взором.

Значение этого обстоятельства переоценить невозможно, ибо в нем заложены корешки сильного растения, которому имя: **восстановление христианской государственности России**. А то, что этот процесс протекает медленно, что он совершается внутри «малого стада», а не на широкой арене, – это лишь свойство его природы, всегда наталкивающейся на косность и леность большинства.

Вот и сегодня мы обратим свой взор именно к духовной сути скорбных событий, ибо, – и это мы позволим себе сказать к сведению большинства, присутствует оно здесь, или нет, – если духовная эта суть не будет ясно отпечатлена в сознании, то всякий, кто ей окажется чужд, будет оторванным от ветки сухим листком. Ни Богу достойно душу свою они не принесут, ни памяти доброй они по себе не оставят. Пронесется ветер и развеет их прах, а благополучно прожитые годы будут погребены в развалинах их когда-то уютных домов.

Думая о такой печальной судьбе, поторопимся принять меры, чтобы избежать ее и всмотримся поглубже как в события нашего безвременья, так и в духовную суть ужасного события, воспоминание о котором собрало нас сюда.

Так почему же все-таки в этот день каждое русское сердце стремится к общению со своими людьми? Почему нами овладевает беспокойство,

если мы лишены возможности присутствовать на собрании, посвященном Дню Скорби? Думается, что здесь играют роль силы, выходящие за пределы физического учета, силы духовные, не имеющие названия на обыкновенном языке.

Дело в том, что в трагическом событии цареубийства перед духовным взором человечества **открылась великая тайна сочетания земных потрясений с событиями космической борьбы, начавшейся еще до сотворения мира.** Она прежде всего открылась перед взором русского сердца, нашего сердца. Почему? Потому что на Русской земле, в русском народе, в той его малой части, что собою олицетворяет Россию как землю, как народ, как страну, то есть в судьбе Русского Царя, преломилось течение событий всемирной истории, и события Апокалипсиса разразились на земле воочию всего человечества.

Историческая перспектива

Вы знаете, конечно, что всемирная революция, завершившая свой путь гибелью России, начала свое наступление на христианские народы, прежде всего подступив к тем из них, кто наиболее удалился от Истины веры Христовой. Плод революции впервые завязался в Англии XVI и XVII веков, ибо именно здесь почва оказалась подготовленной благодаря отступлению сначала в римский католицизм, а потом в разнообразные протестантские секты. Следом за тем влияния черного капитала, то есть золота, кровавой пиратской рукой отнятого у обманутых и угнетенных дикарей, влияние династических, а потом религиозных войн создали условия, чтобы именно из Англии впервые раздался философски обоснованный призыв к свободе, равенству и братству, и тотчас вослед за этим здесь же стало возможным провозгласить идею низвержения монархии и теорию, оправдывающую цареубийство, «режисид»¹.

Более трехсот лет с тех пор набирала революция силы, прежде чем ей удалось овладеть Россией, а здесь уже, в последующих событиях обнаружилась дьявольская природа ее.

Более трехсот лет Россия удерживала мировую революцию, связывала ей руки, и за это многолетнее препятствие революция жестоко мстит России, нанося ей неопишуемые скорби.

Мстит жестоко.

¹ Во время английской революции в 1649 г. был убит Король Англии Чарльз I. Режисид (*фр. regicide*) – цареубийца. Так во Франции после реставрации Бурбонов называли тех членов Национального Конвента, которые в 1793 г. голосовали за казнь Короля Людовика XVI.

Вот и сегодня мы здесь собрались по случаю Дня Скорби. Мы только что сказали, что скорби, низвергнутые революцией на землю, прежде всего коснулись русского сердца. Но посмотрите, что же случилось! В эти страшные судьбы вовлеченными оказались не только русские люди, но и сотни миллионов людей, чуждых России и далеких от нее. Тут и немцы, тут и другие народы Восточной Европы, тут, наконец, народы Дальнего Востока. Наконец, трагедия России захватила и Америку, ибо кровавый большевизм внедрил на Кубе. Откуда же? Где же корень этой всемирной трагедии?

Ужасное событие собрались мы оплакивать сегодня. Убит Русский Царь и его семья!

Это произошло 4 июля 1918 года в городе Екатеринбурге, в доме Ипатьева. Известно, что расстрел производил некий проходимец Юровский. Но надо твердо знать, что Юровский был лишь исполнителем. Он был только пальцем, нажавшим преступный курок. Как показывает исторический разбор дела, преступление 4 июля 1918 года произошло в результате действий штаба всемирной революции, ибо Русский Царь исконно стоял у нее поперек дороги, связывая свободу действий злу. Как только Русский Царь оказался в руках агентов всемирной революции, они поторопились лишить его жизни; лишив же жизни Русского Царя, агентура всемирной революции вонзила нож в спину России, и тогда у всемирного злодейства руки оказались развязаны.

Заметьте: если бы, удалившись от престола, Государь Император оставался жив, революция не могла бы так безнаказанно и беспардонно вершить свои судьбы, как мы это видим на протяжении всех последующих лет. Слово Русского Царя продолжало бы звучать тихим голосом мировой совести, и тогда оказались бы невозможными такие акты, которые были необходимы для успеха всемирной революции. Американский президент Вильсон не мог бы выступить в Версале со своим предательским шестым пунктом, в силу которого были преданы в руки большевиков белые борцы¹. Последовательно, не было бы возможности и для тех обстоятельств, на волнах которого всплыл Гитлер, стоивший жизни миллионам людей; не возникло бы возможности и для тегеранского, и ялтинского, и

¹ Программа из 14 пунктов, разработанная президентом США Вудро Вильсоном, легла в основу Версальского мирного договора, завершавшего Первую мировую войну. Шестой пункт касался России, в нем гарантировалось «самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет».

потсдамского сговора в сороковые годы. Голос Русского Царя **удерживал бы** мировое злодейство, силы революционного зла это знали заранее.

Чему учит Священное Писание

Русский Царь издавна был предметом их ненависти, ибо именно он был силой, **удерживавшей зло**, силой, связывавшей его свободу. И они его убили. Убили низко, подло, тайком, убили в такое время, когда для них он не представлял никакой опасности. Разве не был он предан и оставлен почти всеми?

Удерживающий!.. Так говорит Священное Писание.

Апокалиптические вести, говорящие о последних сроках человеческой жизни, находятся как в Апокалипсисе, так и в Святом Евангелии в Апостольских посланиях, а также и в некоторых книгах Ветхого Завета (особенно у святого пророка Даниила). Собственно самое слово об «удерживающем» находится в Послании святого апостола Павла (2 Сол. 2, 7)¹ и издавна понимается как речь об императорской власти, как ее изначально видели во власти Императора Константина Великого.

В XX веке христианская государственность сохранилась только в России, где Православие и монархия взаимно охраняли друг друга, и Русский Царь был предметом боязни и страха всемирной революции, так как **он и был тем удерживающим, который не давал совершиться тайне беззакония, которая была в действии еще во время жизни святого апостола Павла!** Так издавна толковала этот текст Святая Церковь, так громогласно толковал его святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, так это толкование оказалось подтверждено историческим опытом, ибо когда погиб от руки злодеев Русский Царь, тогда на историческую арену выступил апокалиптический бледный конь со всадником, *которому имя «смерть»;* *и ад следовал за ним, и дана ему власть... умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными*².

Мы – дети страшных лет России –
Забуть не в силах ничего³.

Мы знаем, и помним, и свидетельствуем. Бедствия от безудержного разлития злодейства, пришедшие на Русскую землю после гибели Рус-

¹ В синодальном переводе: *Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.*

² Апок. 6, 8.

³ Строки из стихотворения А. Блока «Рожденные в года глухие...» (1914 г., с посвящением З.Н. Гиппиус).

ского Царя, получают более или менее точное выражение только в словах Апокалипсиса. Ярче того их выразить не могут даже томы и томы описаний от Солоневича до Солженицына, до множества мелких свидетельств, каплями кровавого пота написанных на многих страницах русской белоэмигрантской печати.

Ад следовал за ним. Ад смерти физической и ад смерти духовной. Ад от нищеты и голода, от предательства, от лишения всякой духовной радости, от иссякания любви между людьми, ад материалистического удушья.

Глядя вспять, оценивая покойного нашего Государя как личность, в которой сосредоточилась сила удерживающего, мы с особенной любовью и почтением обращаемся к его памяти. Мы видим в нем помазанника Божия, а далее, с одной стороны – достойнейшего человека, а с другой – блестящего политика, всегда оставшегося честным перед Богом, Родиной и собственной совестью; мы видим в нем и его семье олицетворение всего исторического величия грандиозного тысячелетнего государства, каким была наша Родина, особенно великая христианской сущностью своей государственности и православным бытом русского народа.

Критикам Государя

У Государя было много врагов. Они уже осуждены судом истории. Но у него было так же немало и так называемых добросовестных, доброжелательных критиков. Посмотрим сегодня – чего же они-то стоят.

Истинная мудрость всегда несет на себе знак чистоты, мирной настроенности и скромности (См.: Иак. 3, 7). В ней нет ни показа, ни задора, ни наскока, ни тем более самовозвышения, типичных для демократических политиканов. Отличительные свойства истинной мудрости определяют ее послушливость Закону Божию (См.: Мф. 5, 39) и бесшумное несение скорби (См.: Мф. 5, 11–12; Иак. 1, 2 и мн. др.), почему, когда она бывает предметом наблюдения глубокого и внимательного ума, то склоняет и его к молчанию. Наоборот, умы поверхностные, те самые, которые берут за дором, наскоком и самопревозношением, в истинном уме видят свойства только отрицательные, за которые они и выносят уму свой легкомысленный, но жестокий суд, ибо как холодное сердце не знает сердечных движений и не может их понять, так и недостаток ума лишает иного судью и критика возможности оценить недоступную ему мудрость.

Именно эта сторона интеллектуальной и духовной жизни нашей Родины в годы, предшествовавшие революции, привели к тому, что Государь Император и его семья сделались мишенью для критики, обвинений и даже насмешек. Критики и насмешники все быстро замолкли бы, если бы

Государь нашел нужным и возможным разговаривать со всеми этими людьми, если бы он стал править Россией путем властительского принуждения, путем силы и беспощадной кары.

Но Великий Государь православной христианской державы до этого не унился. Это явило его якобы физически слабым. Так слабым оказывается тот, кто верен честности и правде против предателя, не брезгующего то подставить ножку, то ударить носком сапога. И чем выше Государь возвышался над своими врагами, тем жарче разгоралось пламя их ненависти к нему, ибо в его подвиге смирения заключается конечная гибель их гордости. И не избегнут.

Но в то время... В страшной ненависти к подвигу святости они восстали на него и на его семью и убили их.

Мог ли Государь защитить себя и семью? Мог ли он тем самым предотвратить и всю катастрофу? Мог ли он заставить молчать всю ту негодную публику, всех этих речистых политиканов и прогрессивных либералишек, лаявших на него и на Россию из подворотен всяких газет, газеток и газетенок? Мог ли он стукнуть кулаком по столу и привести их к молчанию?

Да, мог... Или нет?

Вот говорят, что стоило Государю по докладу полиции допустить, чтобы были повешены несколько тысяч революционеров-зачинщиков, так удалось бы предотвратить и саму революцию, и цареубийство, и весь последовавший за тем ужас безудержного господства зла и смерти. Повесить бы только несколько тысяч... — говорят молодые умы, неосторожно осмеливаясь упрекать Государя за то, что они называют излишней добротой, словно бы она была причиной государева решения, или же словно бы Государь был лишен политической дальновзоркости. Когда только показались первые только еще цветочки революции, то сами русские марксисты, устами своего бывшего предводителя проф. П.Б. Струве упрекали Государя за его ошибку:

— Он должен был всех нас повесить! — плакали они, в отчаянии глядя на плоды своего просвещения.

Так что же: мог или не мог?

Если бы он был деспотом, то мог бы. Если бы он был монархом абсолютным, в себе воплотившим государство, то мог бы, ибо закон был бы ему подчинен вполне. **Но он был прежде всего и до конца православным самодержавным Царем.** Вот почему он и знал, что кровопролитием зла не остановишь. Зло врачуется только добром.

Да и в самом деле. Та жестокая мера не могла бы вызвать ничего кроме озлобления, а цель все равно не была бы достигнута. Ведь яд от укуса бешеной собаки уже слишком глубоко проник в тело России, и если зачинщиков были только тысячи, то сочувствовали им миллионы.

Волки в овечьей шкуре и стада овец

Нужно, конечно, осудить это бешенство, но и то вспомнить надо, что бешеный оный волк революционной мысли в русское стадо пришел в овечьей шкуре борца за всенародное благо.

Волка убить не хитрое дело. Трудно с волка овечью шкуру снять, и знаете почему? Овцы в защиту волка вступаются! Все попытки русской мысли снять шкуру с бешеного волка революционной мысли наталкивались на стену защиты, которую вокруг волка устраивали овцы. И волк расхитил овец, разогнал их и внес в их среду бациллу бешенства революции.

Вспомните февраль и март семнадцатого года и скажите – кто же был свободен от революционного бешенства? В ответ остается вспомнить слова псалма: *Вси уклонишася, вкупе неключими быша... Растлеша и омерзишася в начинаниих*¹.

То был водоворот всемирных событий!

Схваченная этим потоком задолго до роковых годов, Россия могла делать только то, что делает кормчий судна, попавшего в стремнину быстрого потока между скалистых берегов: вести судно, оберегая его по мере сил от ударов о скалы и моля Бога о милости.

Но вот приходит команда, восставшая против капитана, и выбивает у него руль из рук прежде, чем он мог вывести корабль из стремнины на спокойную воду, и вот увлеченный потоком корабль низвергнут и разбит о скалы.

Нет-нет. Не торопитесь из наших слов вывести заключение, будто бы мы верим в историческую неизбежность революции. Мы видим не ее. О чем же наша речь?

Премудрость! Прости!

Господа, вы слышали этот призыв, конечно. Вы слышали его из уст священнослужителей перед теми моментами богослужения, когда Церковь открывает перед верующими Премудрость, – этот дивный венец христианской добродетели. Тогда-то, перед тем как обнаружить Премудрость, Церковь и призывает нас выпрямиться, стать в струнку, как бы в позицию «смирно». Таково значение слова «прости». Церковь призывает нас в эти моменты стоять без небрежной распушенности членов нашего тела, стоять с некоторым напряжением, придающим бодрость, и разумеется, это все относится прежде всего к духовной стороне, ко внутреннему напряжению человека, готовящегося войти в соприкосновение с какою-то великой тайной.

¹ Пс. 13, 3, 1.

Тайна беззакония

Об этом-то у нас и будет речь. Премудрость! Перед нами обнаруживается великая тайна.

Мы стоим у открытой могилы.

Вокруг пятна крови. Вокруг разбросаны драгоценности. Здесь были убиты люди. Вот кровь детей. Это кровь Царицы. Это кровь Русского Царя. Пятна крови ведут к дому Ипатьева, к подвалу, в котором совершилось убийство, исполненное по замыслу тайного штаба всемирной революции. Недаром же на стене здесь, где убит Император, чьей-то рукою написаны по-немецки дерзкие стихи революционного писателя Гейне, нагло сравнивающие Русского Царя с вавилонским Вальтасаром. Здесь же и каббалистические знаки. Кто-то нашел нужным написать все это, несмотря на то, что убийцам не было много времени. Шла война. Город вот-вот должен был перейти в другие руки.

Итак, Русский Царь и его семья были убиты в интересах всемирной революции.

Революционеры делали ее, убеждая весь мир в том, будто бы они стремятся ко всеобщему благу, к счастью, но при этом еще при первом своем успехе, в дни Американской революции 1776 года¹, они высказали о себе страшную правду, ибо благо, несомое революцией, представилось им столь великим, что для достижения его они объявили разрешенными все средства. Когда же теперь, уже после того, что революция стала совершившимся фактом, смотрим на благо, достигнутое революцией, то видим, что выигравшим оказался только принцип атеизма.

В самом деле – не нужно быть очень наблюдательным, чтобы знать, что ни одно из добрых намерений древних революционеров в революции своего осуществления не нашло.

Абсолютный провал принципа свободы, принципа равенства и принципа братства. Нищих стало больше, бесправные умножились. Возникла категория париев, а голод, а нищета... Даже иностранные туристы возмущаются тем, что печать свободного мира молчит о нищете, сковавшей всякий и каждый народ, попавший под власть революции. Боже! Нет сил продолжать. Тюрьмы полны добрыми людьми. Прогресс привел к созданию концлагерей, и те полны, и там места не хватает. Все идеалы революции потерпели полный крах.

¹ Американская революция (1775–1783) – война между Великобританией и революционерами 13 британских колоний, которые провозгласили свою независимость от Великобритании как самостоятельное союзное государство в 1776 г. В 1783 г. Великобритания признала независимость США.

Но мы никогда не устанем указывать на одно начало, которое в революции пришло к полному своему торжеству: оно в том, что на том месте, где утверждалась православная государственность, теперь водружено царство, враждебное Богу. На место низвергнутого славословия Христу Богу революция утвердила богохульное отрицание, возведенное в положение государственной религии.

Итак, мы видим, хранителем чего был Русский Царь. Итак, мы видим, для чего они убили Русского Царя.

Премудрость! Прости!

На Русской земле совершилась тайна беззакония, предсказанная святым апостолом Павлом¹, и вот теперь, стоя у открытой могилы Русского Царя, переживая тяжкую скорбь, мы углубляемся в изучение этого события, чтобы, проникнув в самую его сущность, усвоить его внутренний смысл. Сегодня, собравшись ради скорбного дня и не мысля о развлечении, обратим наш взор в глубину судеб Божиих. Что же увидим мы?

Увидим, что в мире протекает космический процесс борьбы зла против Божественного Добра. Он начался на Небе, когда *Бог разделил между светом и между тьмою*² и когда Сын Божий *видел*³, как упал с неба Денница, говоривший: «буду подобен Всевышнему», как сей Денница низвержен в ад, в глубины преисподней⁴. Этот космический процесс затем был отмечен сотворением Адама, грехопадением прародителей наших в раю, многовековой маетностью человечества, которая завершилась Пришествием на землю Сына Божия, Его искупительным подвигом и торжеством Его Воскресения и дальнейшими судьбами Его Церкви, Церкви, созданной Иисусом Христом Сыном Божиим. Космический этот процесс неизбежно завершится полным торжеством Божественного Добра, когда Сын Божий придет во славе судить живым и мертвым, вознаградить добро, наказать зло со всей беспощадностью, которой оно заслуживает, и воцариться во веки в том Царстве славы, которому не будет конца.

Это не есть чье-то мнение, с которым можно согласиться или быть несогласным. Это не принцип, конвенционно положенный в основу доктрины религиозной мысли, это не мистическое восприятие мира и не сознание, порожденное сочетанием священного пламенного внутреннего чувства с доктриной об Абсолютной Силе, сотворившей мир и правящей им.

То, что мы сейчас изложили, есть абсолютная действительность, частью открытая человеку Богом, частью же сохранный историей в таинственной

¹ См.: 2 Сол. 2, 7

² Ср.: Быт. 1, 4.

³ Ср.: Лк. 10, 18.

⁴ Ср.: Ис. 14, 12, 14–15.

силе Церкви и пронесенная Церковью сквозь века. Действительность эта подтверждена научными данными палеонтологии и археологии, их младшей сестры – истории, лингвистикой и, наконец, теорией относительности, в которой многое, что до тех пор казалось невероятно, явилось как факты, подтвержденные данными мира трех измерений и пяти чувств. Доказательству этого мы посвятим время в другой раз, сейчас же устремимся дальше в созерцании космического процесса, в который вовлечены все мы.

До тех пор, пока цареубийство и все события русской революции вы не впишете в сочетание с космическим процессом премирной борьбы Добра и зла, все ее события, ее жестокость и ее тщета, всегда будут оставаться выше человеческого понимания, но когда вы увидите это сочетание, тогда все становится на место, все становится ясно и понятно.

Подлинно. Нужно смотреть на премирную сущность действительности жизни духа. Тогда мы узнаем, что в этой действительности, как то видно из Священного Писания, «в космическом процессе борьбы зла против Добра есть два плана: вверху – столкновение основоположительных факторов мироздания и миробытия; внизу – соучастие людей или отражение высшей борьбы среди людей: с одной стороны, происходит небесная брань за чистую истину пребывания всех с Богом, с другой – земная борьба людей ради любви к Богу» (ср.: проф. Н. Глубоковский. С. 113)¹.

Мы знаем, что интенсивность зла будет систематически нарастать по мере приближения окончательного торжества Добра. Будет даже такой ужасный момент, когда будет казаться, что зло вообще вышло окончательным победителем. Зная это, мы не удивляемся тому, что космическая эта борьба разворачивается не в желательном для нас смысле, хотя именно через это обстоятельство укрепляемся в сознании несомненной победы Добра в свое время. Среди тяжких земных испытаний Господь ведет Свое стадо к конечной цели небесного торжества, вечной небесной славы.

Наше бытие, как бытие созданий Божиих, стремящихся к утверждению в мире воли и славы Божией ради любви к нашему Творцу и Создателю, может быть плодотворным, может протекать надлежащим образом лишь тогда, если в обстановке протекающей премирной борьбы мы верно найдем свое место, чтобы ничто не смогло сбить нас с пути служения Добру, чтобы нам невольно не оказаться на путях служения злу. Отыскание нашего правильного места зависит от того, чтобы нам во всех случаях иметь правильное рассуждение о происходящем. Вопрос в том, чтобы для на-

¹ См.: Глубоковский Н.Н. Благовестие христианской славы в Апокалипсисе святого апостола Иоанна Богослова. Джорданвилль, 1966. С. 224.

шего нормального бытия, как созданий Божиих, из каждого события мы извлекали правильный урок. Когда же мы присмотримся к оплакиваемому нами событию, то увидим, что наша скорбь служит нам к великому поучению. Давайте же попытаемся извлечь его.

Третий Рим

Русская Белая эмиграция привыкла знать о событии Дня Скорби, но пришло время углубиться в суть события; пора вписать его в великую цепь космической борьбы.

После того как Вседержителю было угодно совершить спасение человеческого рода, полнота Его благодатной силы сосредоточилась в Риме Константина Великого; сосредоточилась церковно и государственно. С падением Рима это средоточие переместилось в Константинополь, где и возник Второй Рим; когда же над Вторым Римом вместо Святого Креста водрузился полумесяц ислама, то Ферапонтова монастыря старец Филофей справедливо наименовал Москву Третьим Римом и сказал: «А четвертому не бывать!»¹.

В этом «А четвертому не бывать!» надо уметь чувствовать не чванство, но ощущение того, что гибель Третьего Рима последует за полным истощением в человечестве тех благодатных сил, которые являются из церковного и государственного средоточия благодатной христианской жизни. Это-то отошение, это оскудение, эта опустошенность именно и привела Россию к событию в подвале дома Ипатьева, к екатеринбургскому злодеянию, к тому, что банда международных проходимцев пустила России пулю в затылок и столкнула ее в Ганину Яму.

Ужасно это!

Но разве это не так?

Посмотрите на русскую литературу перед революцией, на русскую школу, на университетскую жизнь. Посмотрите на то, чем духовно жило наше общество.

Точно надо сказать, что в ту пору никакая виселица не помогла бы России. Государь понимал, что исполнение замысла полиции обозначало бы только напрасное кровопролитие.

Последняя запись Государя лучше всего характеризует тупик, в который нашу Родину загнали материалисты. Вы знаете, конечно. Это послед-

¹ «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». См. «Послание о неблагоприятных днях и часах» старца Филофея, адресованное псковскому дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину // *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

няя запись Русского Царя в его дневнике, и она говорит: «Кругом измена, и трусость, и обман» (2.III.1917).

И вот мы стоим у открытой могилы. Слезы застилают глаза. Рыдания подступают к горлу... Что же, брат, русский христианин, не сдерживай их. Это чистые слезы любви. Пусть они оросят потерянную могилу Русского Царя. Пусть это будет слезой покаяния.

А там, в злорадной свистопляске, получив долгожданную свободу, всемирное зло тогда и низвергло на нашу Родину смерть, и тесно стало на Русской земле от свежих могил. Ушло от нас, невозвратно ушло то драгоценное, ласковое, красивое, доблестное и честное, что содержала в себе наша Родина.

Вы слышали уже наше обвинение. Мы законно обвиняем: в убийстве Русского Царя виновна всемирная революция.

Но одна ли она виновата?.. Было ли место на Русской земле, где Правде Божией было где приклонить главу? *Растлеша и омерзишася в начинаниих. Вси неключими быша: несть творяй благостыню, несть до единого*¹.

Кто же свободен от вины?

Ужасно теперь говорить это, но будем иметь смелость глядеть правде в глаза: ведь нет никого из современников события, кто так или иначе не был бы причастен к виновности в том, что совершилось в ту ночь 4/17 июля 1918 года. Вот потому-то и не осталось ни одного слоя в русском народе, который не понес бы своей кары, страшной кары, низвергнувшейся на Россию, но до сих пор нет равной меры между грехом и карой, ибо чьими бы руками ни было совершено гнусное злодеяние, оно явилось выражением греха нашей Родины перед Богом, и напрасен был бы труд, если бы кто попытался вписать это событие в какие-то ясные рамки, в какие-то измерения. Надо прийти к созерцанию всей космической трагедии, видеть то, что предшествовало царевбийству, видеть то, что за ним последовало. Тогда вы увидите, что за страница перелистнулась в книге истории мира, когда оказалась повергнута на землю слава Третьего Рима...

*И когда Агнец снял четвертую печать... я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть... умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными*².

И все мы несем скорби, и нет никому покоя.

¹ Пс. 13, 1, 3.

² Апок. 6, 7, 8.

А молодежь?

Но неужели же виновно и юное поколение? Не прав ли молодой задор, который говорит: «Что вы меня призываете каяться в грехе революции, когда я родился после нее, да и России в глаза не видал!..» По-своему молодой задор прав, но разве и молодое наше поколение не несет на себе травмы потери Родины? Конечно, у юности нет времени замечать эту травму, но мы-то ее уже видим на молодом поколении, и опыт наш учит, что в свое время эта беда так или иначе выйдет наружу. Как же так? Как же грех отцов может упасть на сынов и на дочерей? Обратимся к мудрости святых отцов.

«Когда услышишь о преступлении Адама и Евы, – понимай его так: в начале подверглись ему собственно они; ныне же подвергаемся ему в духе мы, я и ты» (св. Марк Подвижник, у епископа Игнатия Брянчанинова. Т. V. С. 151)¹.

Вот что надо твердо запомнить. **События прошлого не уходят бесследно. Они все отражены в современности. Наше отношение к этим отражениям определяет и наше отношение к их действительности в прошлом годов и столетий.**

Вы увидите это из следующего примера. Екатеринбургское злодеяние не есть первый в истории случай цареубийства. Во время английской революции, в 1649 году, король Англии Чарльз I был предательски выдан в руки своих врагов парламентаристов-кромвелевцев. Они его осудили и казнили. Это было первое цареубийство, в котором виновна демократическая революция. То было 320 лет тому назад. Виновны ли современные поколения англичан в кромвелевском цареубийстве? Судите сами.

На этих днях (1 июля) Английская Королева Елизавета II возвела в достоинство принца Уэльского своего старшего сына Чарльза. В свое время он должен будет стать Королем Англии, приняв наименование Короля Чарльза III. Печать разносит по всему миру слова каждого, кто знаменит. Донесла она до нас и мнение принца Чарльза о своем предке, казненном революционерами.

«Чарльз I отнюдь не был целиком ни великолепен, ни невиновен. Я восторгаюсь Кромвелем!»

Неправда ли, было бы лучше, если бы принц Чарльз не приходил в восторг от Кромвеля? Пусть этот пример даст каждому из нас возможность

¹ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Советы относительно душевного иноческого делания. Гл. 33. Учение святых отцов о тесном пути (Выписка из творений прп. Марка Подвижника) // Полное собрание творений. Т. V. Приношение современному монашеству.*

задуматься над собственным сердцем, чтобы видеть степень своей виновности по отношению к екатеринбургскому злодеянию.

Было время, скажем – двадцатые годы, когда налицо были люди всего русского народа, поголовно принявшие участие в событиях революции. Относительно того начавшего уходить поколения трудно отвергать мысль о поголовной виновности русского народа, но последующее поколение, тогда еще не жившее, а теперь уже начинающее сидеть? Но поколение, следовавшее за ним? Можно ли этим людям вменять виновность?

Нет, нельзя. Но мысли и чувства каждого из этих людей способны обвинять или же оправдывать их так, как принц Чарльз обличил свою виновность в цареубийстве, совершенном в Лондоне в 1649 году.

Говоря о русской революции, нельзя заявлять себя сторонником революции и противником монархии и в то же время говорить против цареубийства. Отрицать желание цареубийства, заявляя желание революции и отрицание монархии, может только политический неуч, не знающий истории революции, да еще религиозный недоросль, до сих пор не дошедший до понимания прямой зависимости революции от боготорческого, антихристианского импульса. Может человек с холодным сердцем, не понявший до сих пор, что революция не могла бы найти модуса для сосуществования с личностью помазанника Божия и носителя идеала христианской государственности, существующей для славы Божией.

Пусть же каждый из нас найдет в себе мужество спросить у своего сердца... Представьте себе себя стоящим в царском карауле на станции Псков. Вы видите, как к Государю нагло входят представители Думы... Что же нам подсказывает сердце: преградить им доступ, вытолкнуть их в шею, или же оно склонно хладнокровно рассматривать вопрос и беспристрастно решать предмет: резонно или не резонно мыслила тогда Дума, когда она добивалась власти? Или может быть, прав был Милюков, нагло вопрошавший об измене и о предательстве? Или может быть, приняв ученый вид, надо нам заняться вопросом о том, что же делать с отжившей формой государственной жизни?.. Или же мы станем обвинять Государя за то, что он не распорядился повесить всю думскую делегацию, как не распорядился он повесить те тысячи революционных вожаков?

Да, мало кто невиновен перед Русским Царем.

А ведь вина перед ним есть вина передо всем русским народом, повергнутым с тех пор в глубочайшую скорбь. Вот и мы здесь собраны ради Дня Скорби.

Скорби окружают нас со всех сторон.

Скорби теснят нас и вяжут нам руки. Скорби нарастают, ибо не стало того, кто удерживал зло, кто был *удерживающим*... ибо он *взят от среды*¹.

Будем же нести нашу скорбь в покаянии, следя за собою, вытаптывая в сердце своем большие и малые следы ложного отношения ко всем событиям прошлого, ко всем отражениям даже малейших граней прошедшей действительности, ведшей Россию к Ганиной Яме.

Как сын воспринимает на себя долги отца, так и мы должны воспринять на себя ответственность за прошлое, а восприняв эту ответственность, сделать исправления, которые должны были быть сделаны, но до сих пор еще остаются не сделанными.

В чем же суть покаяния?

Мы немало слышали о покаянии, но мало понято самое его дело. В чем же суть покаяния? Бить себя в грудь? Послушно твердить «мэа кульпа»², даже не поняв своей вины? Изнурять себя постом? Поставить себя на столп для неизменного пребывания в молитве? Кто опишет, какими внешними путями поведет человека его сердце, когда Бог ему даст согреться внутренним обращением.

Действительно, ожидаемый от нас акт покаяния состоит во внутреннем, а не во внешнем. **Требуется внутреннее обновление, совершить которое, собственно говоря, довольно просто.** В пользу этого обращения говорят все данные, обнаруженные перед нами в событиях современности. Акт внутреннего обращения состоит в том, чтобы каждый из нас переменил свой взгляд на окружающий мир и на самого себя.

Революция сделалась возможна не только по той причине, что кто-то целиком отрекся от Бога, назвав себя атеистом. Как бы важным ни был этот безумный акт, гораздо большее значение для успеха революции было то, что ценности земной жизни, жизни временной, **приобрели в глазах русской общественной мысли значение большее, чем ценности жизни вечной.** Вот где «мэа кульпа» русской общественной мысли. Само христианство стало оцениваться как учреждение, призванное облегчать человеку его земную жизнь и облагораживать ее, – и только. Качества человека стали оцениваться в зависимости от его служения земным интересам, и даже Церкви были предъявлены требования не столько заниматься душепопечением, сколько земным благотворением. Больше, чем чем бы то ни было другим. Те, кто звал к Царству Небесному, потеряли популярность.

¹ Ср.: 2 Сол. 2, 7.

² Mea culpa – моя вина (лат.).

Отвержение вечности есть то абсолютное миролюбие, которое во время земной жизни Богочеловека толкнуло иудейских первосвященников завершить свои злодеяния отвержением Христа и Богоубийством, а в последние времена мира то же самое отвержение вечности толкнет миролюбцев принять антихриста и воздать ему божеские почести, как то предвидел Христос Бог, сказав: *Аз приидох во имя Отца Моего, и не приемлете Меня: аще ин приидет во имя свое, того приемлете* (Ин. 5, 43) (см.: Еп. Игнатий Брянчанинов)¹.

Удивительно ли, что общество, отвергнувшее вечность, не распознало волка в овечьей шкуре? Удивительно ли, что оно пришло к революции, а Россия оказалась низринута в Ганину Яму? Наш Царь убит. Наш народ терпит скорби.

Выход мыслим только через покаяние.

В чем же оно? – спросим еще раз.

Нужно ли говорить, что настроение миролюбия продолжает бытовать и в наших сердцах. Мир живет, чуждаясь вечности, и если мы говорим о покаянии, то его-то и надо осуществить в том смысле, чтобы **омирщенное, материалистически настроенное, земное мировоззрение подвергнуть коренному изменению, внести в него переворот. Нужно обратиться к вечности!**

Да. В событии екатеринбургского злодеяния мы увидели отражение исконной космической трагедии. На минуту для нас разверзлось Небо, и извечная борьба зла против Добра явилась нам как причина страшных событий, происходящих у нас на родине. Мы коснулись чувства, говорящего, что страшные судьбы, о которых идет речь, есть наши судьбы, есть судьба каждого из нас, ибо судьба каждого русского человека вписана в ту грандиозную картину, что изображена в Библии.

Да. Перед нами разверзлась дверь в вечность, и этот мгновенный блик, подобный свету молнии, освещает нашу задачу, ставит перед нами ясную цель: **ощутить свою сопричастность с вечностью, уже окружающей нас.** Отсюда выясняется и задача: каждому ощутить себя существом, предназначенным к соучастию во вневременной Победе Добра и именно по этой причине подвергающимся страшному нападению сил зла, в конце концов обреченного на страшное и беспощадное истребление.

На протяжении долгих десятилетий эмигрантского быта мы привыкли рисовать себе будущее в форме легкой и быстрой победы, которая осуществится в давно понятных нам формах, здесь и теперь. До сих пор, к сожа-

¹ *Игнатий (Брянчанинов), святитель.* Советы относительно душевного иноческого делания. Гл. 41. Значение слова «мир» // Полное собрание творений. Т. V. Приношение современному монашеству.

лению, не смолкли речи, говорящие о той или иной форме реставрации, связанной с низвержением большевизма. До сих пор у нас продолжают говорить о том, как на белом коне Русский Царь въедет в белокаменную Москву, и если так толкуют легкомысленные единицы, то в принципе мы внутренне все согласны в том, что какой-то неизвестный ветер понесет нашу ладью против всемирного потока зла. Почему? На основании какого закона? Нет ответа.

Господа! Станем говорить отчетливо и прямо, и мы должны будем понять, что прежде чем маленькие победы добра пробьют путь к ожидаемому нами торжеству России, всему миру, очевидно, придется пройти через пропасть глубокого падения в ров зла, а выйти из него мир сможет только при условии, если силы добра окажутся достаточно сильными, чтобы выдержать предстоящие испытания и восторжествовать в предстоящей борьбе. **Это торжество возможно только для тех, кто беззаветно предан Христу Спасителю, а беззаветно преданным Ему может быть только тот, кто способен презреть все блага временной жизни ради Царства славы в вечности.**

Путь наш впереди долог. Он изнурительно труден. Это... путь узкий и прискорбный.

Все то, из чего могло произрасти добро, было подавлено злом сначала в 1920-е годы, а потом в 1941–45 годах. Подавлено злом не только в силу количественного превосходства, но также и в силу качественной недостаточности предложенного добра. Речь шла о поверхностном, точно говоря – о производном добре. Живое слово о вечности если и производилось, то так неслышно, что до народной массы оно не дошло. Была искра, но она не попала на сухой трут, и пламя не вспыхнуло. Не возникло духовное возрождение.

Но допустим теперь, что какое-то число из нашего стана с помощью Божией стало в русло интегрального добра, стало на путь жизни в русле Добра, Истины и Красоты. Можно ли этому малому стаду гарантировать скорое торжество? Будет ему обеспечена победа?

Увы. В перспективе не видно. Почему?

Потому что в ночь 4 июля 1918 года в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге прогремели роковые выстрелы... *и отверзе Ангел четвертую печать... и се, конь блед, и сядя на нем, имя ему «смерть»: и ад идяше вслед его*¹, и пришло *отступление*, в котором открылся сын погибели, *противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога*².

¹ Апок. 6, 7, 8.

² 2 Сол. 2, 3–4.

Посмотрите на разлившееся в мире безумие примирения со злом, посмотрите на безумие бесчинствующего студенчества, на целое движение сопротивления всему, что до сих пор было авторитетным, посмотрите на общую воленавправленность к самопревозношению. Вникните в его суть, и вы увидите, что корнем и здесь является отказ от вечности. Бездна временной жизни. Пустота. Но всмотритесь, и вы увидите, что отсюда происходит мысль, присваивающая человеку первенствующее место в мироздании, и вы увидите, что в переживаемые нами дни этот беззаконник, антихрист, имеющий явиться лично, сегодня является в виде некоего знамения в студенчестве, восставшем и на своих родителей, и на своих учителей. Почему восстало это студенчество? Потому, что прежние поколения не принесли покаяния в том, как они презрительно говорили о христианской морали: «*Nous avons changé tout cela!*» («Мы переменили все это!»).

Ложные чудеса

Священное Писание предупреждает нас, говоря, что пришествие этого беззаконника, *по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением*¹, и мысль об этом непрестанно является перед нашим взором, когда мы сегодня видим, как беспомощный, бескрылый человек сегодня делает вид, что он покорил себе пространство.

Не станем истощать красноречие. Факт является общеизвестным: человек на Луне!

Чудо это является ложным, так как полет совершил не человек, а аппарат, управляемый трудом сотен тысяч людей, по-прежнему сидящих на земле. Но люди верят, и ложное это чудо дает повод всему миру материалистов ликовать, ибо они, «обольщенные неправдой», увидят в этом ложном чуде торжество мысли, отрицающей жизнь духа. **Но дух от этого быть не перестает.**

Мы испытываем чувство людей, стоящих на островке, затопленном наводнением. Если мы попытаемся связать воедино все измерения событий, открывшихся нам, русским людям, русским православным христианам, в узле, сплетенном революцией, царубийством, всем последовавшим террором и, наконец, нынешними днями, когда вот-вот над миром разразится атомный пожар, то мы увидим, что вот-вот выйдут у возгордившегося человека из подчинения силы Нечаевых, Бакуниных, Лениных, Фиделей Кастро с Геварами, с Брежневыми и Мао-Цзе-Тунгами. Мы бессильны остановить надвигающийся вал.

¹ Сол. 2, 9–10.

Предусматривая в событиях современности начало событий, образно предначертанных в Апокалипсисе, событий, ведущих к ужасам последних дней, как Господь говорил (см. Мф. 24-ю главу и все параллельные места), – многие сердца в трепете вопиют, что все теперь пора оставить, все пора бросить, ибо пришла пора высоко поднять факел света Христовой истины. Пришла пора заботиться лишь о том, **чтобы быть достойными христианами последних дней в открытом исповедничестве Христовой Истины, и стоять в нем**, пока еще свобода не вполне угасла в мире.

Сквозь донельзя сгустившийся мрак, из дали смятенных годов на нас смотрит Русский Царь. Его все еще свежая могила привлекает наш взор и в малой картине, открывающейся нашему взору, является дивное зрелище: Русский Царь требует от нас, чтобы мы помнили о Родине, и луч света, скрестившийся на царской могиле, гремит к нам словом древних патриотов, возглашавших:

Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего¹.

Будущее в руках Божиих. Этим все сказано. Мы продолжаем надеяться, что, пройдя сквозь тяжкие испытания, мир, через подвиг России, восстанет во славе христианской государственности, и Россия снова вознесется во славу Третьего Рима. Но нам ли или нашим детям и внукам в их старости это придется видеть, все равно, – это торжество возможно только тогда, если мы все теперь будем стоять в святорусском подвиге. Поэтому-то сейчас так и важно приготовиться к той страшной обстановке, когда люди окружены злом и когда зло пронизывает каждую клеточку общественного организма.

Нет нам пути забывать Россию

Вдохновенные благочестием наставники с горячностью призывают всех к вере, говоря, что только вера и Церковь спасут Россию. В горячности этой они, однако, забывают сказать, что *вера без дел мертва есть*². Дела наши показывают веру, и если мы забудем о России и ее судьбах, забудем, что там поправа Правда Божья, что там злодеи надругались над святыней Христовой Церкви, что там водворился ад, если делом не явим своей непримиримости, своего намерения восстановить Россию, – то тем самым и покажем, что вера эта мертва. А мертвой верой все равно не достичь спасения.

¹ Пс. 136, 5–6.

² Иак. 2, 26.

Нет нам пути забывать Россию, хотя бы даже и ради собственного спасительного подвига. Да ведь и подвиг-то этот может быть совершен только тогда, когда он сочетается с заботой о ниспровержении власти зла, утвердившейся на Русской земле. Без мысли о России спасительный подвиг совершить невозможно, ибо чувство скорби о ней в постигшей ее судьбе может утратить только холодное сердце, а с холодным сердцем в число спасенных не войти.

А что Россия есть страна судеб Божиих, то об этом знамением служит факт, что перелом в событиях истории, когда явилось сочетание между космической борьбой Добра и зла и судьбами людей, произошел именно в России, а печатью послужила страшная судьба помазанника Божия, Русского Царя.

В этом событии явлено, что восстание революции было нацелено не против прежнего правопорядка, но было восстанием против Бога, хранителем священных принципов Которого в христианском государстве был наш Император.

Сегодня он смотрит на своих слуг и спрашивает:

– Верны ли вы святорусской христианской государственности, или же и вы сдались перед волною наступающего зла? Где и как может побеждать Добро среди людей, если ему нигде будет поставить ногу на земле?

Что ответишь ты в сердце своем, русский человек?

*Спасаясь, да спасет свою душу!*¹ Но помни при этом, что святорусский подвиг неотделимо вплетен в пути спасения, и худо будет тому, кто ради высоких целей забудет о нашем разрушенном Иерусалиме, Святой Руси, почему мы и взываем вместе с пророком:

*Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя*²!

И что бы ни говорили внешние, наш ответ прозвучит сегодня теми же словами, которыми в свое время потряс сердца тогдашний архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий):

«Мы верны Христу и святым Его, и Родине, и самодержавию, и исконным упованиям наших предков независимо от того, какая внешняя участь ожидает нас и Россию. Являемся ли мы первыми провозвестниками народного возрождения, предтечами славного будущего, когда Россия снова будет русскою и православной благовестницей Христа для всей Азии и юго-востока Европы; или мы, напротив, последние исповедники этих высоких и святых побуждений в развращенном мире, обреченном вскоре на конечную гибель от червонных валетов богоборческой революции, но

¹ Ср.: Быт. 19, 17.

² Пс. 136, 5.

мы останемся верны тому, чего требует от нас Божья Правда, и не здесь, а на Небе ожидаем себе венцов.

Мы будем радоваться, если образумившееся общество и народы будут дружно возвращаться к христианским основам во всех областях жизни; мы будем горько плакать, если зараза безбожного и безнравственного восстания русских безумцев против своей Родины будет и дальше умножаться, как чума.

Но если и огромное большинство добровольно кинется в эту погибель, как панургово стадо, как гадаринские свиньи, то мы за ними все-таки не пойдем»¹.

Эти слова были сказаны больше шестидесяти лет тому назад. С тех пор события далеко ушли в печальном направлении, предсказанном тогдашним наставником русского народа. Увы, слишком мало было тех, кто оказался верен его словам, и теперь события заставляют каждого помышлять о близости страшного времени полного исчезновения Правды, Добра и Красоты из жизни человечества. А мы будем продолжать нашу борьбу.

Отдавая все духовные силы спасению для вечной жизни, мы ради славы Божией не покладая рук будем продолжать служение благолепному храму Святой Руси, и верим, что если Вседержителю будет угодно удостоить нашу Родину великой чести – за несомый ею подвиг мученичества, за страдания Русского Царя и его семьи, и России, – как Третий Рим, вновь подняться светочем всему миру, то тогда Господь не забудет Своих верных рабов, по примеру своего Царя сохранивших верность земной Родине до гробовой доски. Это так и да будет, ибо Святая Русь есть земной храм вечной славы Божией. Это ее судьбы являются отражением судеб космической трагедии, совершающейся в мире, отнележе² *мир бысть*³.

Спасительный подвиг совершается нами в обстановке окружающего нас физического мира. Даже монаху нет сил уйти от мира в наше лукавое время, а скитаться в горах и пустынях – у кого есть силы? Так что же? Складывать руки? Безразлично смотреть, как враг расхищает наше духовное богатство?

Нет! С нашей стороны нужна агрессия. Обстановку, нас окружающую, мы должны так перестраивать, чтобы она по возможности меньше пре-

¹ Антоний (Храповицкий), архиеп. Храм славы и храм скорби. Слово на празднике русских монархистов 1 октября 1909 г. // Полное собрание сочинений: В 3-х т. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1911. Т. 1. С. 214–219.

² С тех пор как (церк.-слав.).

³ Ин. 1, 10.

пятствовала спасительному подвигу. В идеале и в цели это обозначает следование святорусским путем к цели утверждения христианской государственности, с преодолением всей бесконечной вереницы больших и малых к тому препятствий. И это так везде и всюду и в любых условиях.

К этому подвигу мы сознаем себя призванными сегодня, как и полвека тому назад. Так и сынам и внукам своим отныне завещаем всегда пребывать в этом подвиге.

Мы собраны здесь ради Дня Скорби.

Скорби Господь посылает для того, чтобы мы воспользовались ими для Господней же славы. Апостол поучает: *Скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит*¹.

Восклонись же брат, русский человек! – как тебя учит Спаситель в Своей речи о бедствиях последнего времени, и *бодрствуй*². Бодрствуй ко славе Божией в подвиге Святой Руси, Третьего Рима. Помни, что Истина Христова на земле нуждается в форме, которою ты поэтому пренебрегать и не смеешь, и знай, что раз на нашей стороне Истина, то бесспорно и наше торжество. Как славен подвиг солдата, водрузившего знамя на стенах крепости побежденного врага, так же славен и подвиг солдата, совершившего только малый долг сторожевой службы.

Годы пройдут или десятилетия... Не все ли равно? Мы все так же будем верны Христу, и Родине, и самодержавию до гробовой доски. Наш подвиг сочетается с премирным подвигом сил Света, ведущих космическую борьбу ради любви Христовой.

Страшным был голгофский подвиг Русского Царя и знаменателен тем, что проведен был весь путь подвига в духе верности Христу Богу.

Да останется же навеки светлою память Государя Николая Александровича и его семьи. Да упокоит Господь их души. День их мученической кончины – это поворотный пункт истории. Будет ли миру еще дана отсрочка или нет, то знает один Господь Бог, но никто и ничто не отменяет нашего долга.

Ныне, украшенные венцами мучеников, Царственные страдалцы предстоят Престолу *Царя царей*³ и, видя муку верных сынов русского народа, вопиют ко Вседержителю: *Доколе, Владыко Святый и Истинный, не мстишь живущим на земле за кровь нашу*⁴?

¹ Рим. 5, 3–5.

² См.: Лк. 21, 6–36.

³ Дан. 2, 47.

⁴ Апок. 6, 10.

Судьба же Царственных мучеников вооружает нас примером. Свое стадо Господь ведет среди земных испытаний к конечной небесной цели, почему и смерть за Истину Христову ведет к жизни. Пойдемте же путем святорусского подвига, смело глядя в лицо жизни, с неуклонной верой в окончательное воссияние полного торжества Истины, Добра и Красоты во Христе Иисусе.

Не бойся, малое стадо¹.

С нами Бог!

Н. Кусаков

4/17 июля 1969 г.

¹ Лк. 12, 32.

О значении канонизации Царственных страстотерпцев

Прославление Царя Николая Александровича¹, может быть, имеет большее значение, чем прославление любого другого русского святого XX века. Почему его канонизации так сопротивлялись атеисты, демократы и неообновленцы?

Прославление Царя обозначило как преступников очень многих – в том числе вчерашних и сегодняшних большевиков, под каким бы названием они ни скрывались. Их правление было по-настоящему преступным: свою власть они начали с убийства святого, и на этой крови хотели утвердить себя. Как писал Троцкий по поводу расстрела Царской семьи: «Ильич как всегда поступил мудро. Во-первых, мы показали всем, кто мы такие, и во-вторых, что к старому возврата больше нет». И новая власть в России, даже если она именуется демократической, может быть продолжением той же самой власти, духовно и физически.

Как писал несколько десятилетий назад выдающийся богослов нашего времени архимандрит Константин Зайцев, «сейчас, может быть, наиболее явные признаки расщепления русского общества на два духовно разноокрашенных лагеря – при всех их в иных отношениях возможностях сближения – это то, как они относятся к Царской семье»². А сегодня, добавим мы, это как никогда соединяется с отношением к судьбе России, ради которой Царь принес себя в жертву.

Однако мы были всегда готовы и к тому, что в наше время великих подмен эту канонизацию разрешат и примут в ней торжественное участие вчерашние и сегодняшние хулители Царя и распинатели России, чтобы превратить все в красивый узор, как они уже сделали это с трехцветным знаменем и двуглавым орлом Императорской России и как они намереваются сделать это с самой идеей православной монархии, превращая ее в украшение антихристианской власти маммоны.

Тем не менее прославление Царя стало победой над темными антихристианскими силами, победившими Россию в 1917 году. Пусть в не-

¹ Царь Николай Второй и его семья были прославлены на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 г. в лике страстотерпцев.

² Кирилл (Зайцев), архимандрит. Светлой памяти возлюбленного Государя. «Слово Церкви», 1950.

большой части народа, но победой. Канонизация отогнала какую-то часть бесов от России и от Церкви.

В народе, даже мало духовно просвещенном, но знающем на иррациональном уровне имена Сергия Радонежского и Серафима Саровского как символ русской святости, символ России, совершилось узнавание еще одного великого русского святого. И уже мало у кого язык повернется произнести на него хулу.

Известна мысль преподобного Серафима: «Стань святым, и тысячи во-круг тебя устремятся к святости». Осознание того, что произошло: убили Царя с семьей, проклинали семьдесят лет и еще десять лет глумились, а он оказался святым! – начало покаяния, обретения народом Царя. Народ обрел новую возможность узаконить Царскую власть и победить врагов Отечества. Канонизацией Царя мы осознали себя как нация, поставили немаловажный предел гибели русских. Эта канонизация цементирует нацию, в ней – духовное объединяющее начало. Возвращение русскому народу его достоинства.

У нас оказалось достаточно покаяния, правды и духовности, чтобы признать Царя святым. Наша Церковь достаточно свободна, чтобы явить свою святость. Канонизация Царя стала историческим чудом – еще недавно среди всеобщего предательства и забвения нельзя было представить даже возможность такого. На исходе XX века, когда война со злом вступила в новый период, мы получили от Бога эту неодолимую духовную поддержку.

Как происходило в народе постепенное осознание святости Царя? Не сразу он был прославлен нашей Церковью после крушения советской власти, но отношение к Царю в Церкви и в обществе постепенно менялось. Это было знаком того, что, несмотря на кажущуюся безнадежность ситуации девяностых годов, какая-то часть народа пробудилась. «Есть немало храмов, – было сказано в докладе Комиссии по канонизации в 1997 году, – где уже молятся перед иконами царственных мучеников». Вот чудо, свидетелями которого мы явились: естественная потребность православных русских людей в канонизации Царя совпала с волей Божией.

«Соскучились, что ли, по Царю-батюшке?» – насмешливо говорили противники православной монархии, как будто для России это не было лучшим временем. Между прочим, соскучились. Плохо нам стало без него, и все хуже становится, с тех пор как вместо Божия помазанника пришли помазанники сатанинские.

Вот разговоры, которые я слышал во время крестного хода в память Царя-страстотерпца: «Значение канонизации огромно, не все даже мож-

но выразить словами», – сказал один молодой человек. «Самое главное, – заметил другой, – здесь раскрывается, что это наш Царь. В этом одновременно и покаяние, и все вместе». «Я очень молюсь, чтобы прославили Царя, – добавил третий, – мне легче будет: не в Зарубежной только Церкви, а у нас признали Царя святым. Я этим утвержусь в том, что я живу в России, а не где-то, не в колонии».

Тема канонизации, действительно, прежде всего – тема пробуждения. Размышление о том, как отшибли память у народа, как держали его в гипнотическом сне, внушая, что ничего не было, и не было Царя. Самая запретная тема была – Царь.

В начале 60-х годов Цезарь Голодный, сын известного поэта, «певца революции» Михаила Голодного, человек неверующий, крайне рациональный, рассказал мне, что в войну, когда ему было 14 лет, он с мальчишками тушил на крышах зажигательные бомбы. В одном из домов на чердаке на них свалился откуда-то сверху деревянный ящик. Он с треском раскололся, и они увидели большой портрет Николая II в золоченой раме. Мальчиков охватил непонятный им самим ужас. Они стояли как замороженные и смотрели на портрет. Чего испугались они? Может, прикосновения к чему-то запрещенному, невероятному посреди советской действительности? Тогда ведь, при Сталине, могли обвинить в укрывательстве портрета и огромный срок дать. Поди потом докажи другое. Уже в одном факте, что они это видели, был с точки зрения власти криминал, наглядная анти-советская агитация. «Да нет же, – сказал Цезарь, – это был совсем иного рода страх. В это время уже шли похороны, одна за другой» – и он стал называть убитых на войне молодых ребят, немного старше его, из его двора. «Какая связь между войной и Царским портретом?» – спросил я. «В том-то и дело, что здесь, на чердаке, произошло то, что как молния просветило сознание: как в каком-то странном калейдоскопе Царь и эта война, и вся наша жизнь соединились в одно, – сказал он. – Глядя на лицо Царя, я вдруг пронзительно, отчетливо понял, что возмездие существует. Мы убежали, оставив на чердаке портрет, и никогда не обсуждали это событие между собой. Но то, что мне тогда открылось, навсегда осталось в душе».

Из вышеприведенного рассказа хорошо видно, что это было табу, бесовская заколдованность народа. У колдунов есть такой прием: напустить на человека порчу, чтобы к нему относились как к мертвому. Однако народ пробуждается и видит Царя. Эта порча постепенно преодолевалась через Церковь, через священников, и канонизацией началось ее преодоление во всем народе. Как говорится, Бог правду видит, да не скоро скажет, – и Бог обнаружил эту правду. И чем больше люди прикасаются к Царю, чем

больше видят его портреты, чем больше читают о нем книг, вроде исследований Соколова или генерала Дитерихса, тем слабее это табу. То, что открылась эта правда, – хороший знак для России: Россия осознала, что у нее был Царь, и теперь он есть – в образе святого, заступника небесного. Это начало покаяния: тот, кого убили, кого пытались сделать посмешищем и скрыть вообще всю правду о нем, теперь признан святым.

Наш Царь – святой символ России. У каждого народа свое историческое призвание и свои особенности. Сейчас происходит все большее обезличивание народов, именно потому, что в каждом народе, как и в каждом человеке, истинно и единственно неповторимо только то, что принадлежит Христу. Русский Царь отличается от европейских монархов, и русский народ соответствовал этому образу правления. Русский народ – простодушный, и Царь ему нужен был мудрый и простодушный. В последнем Царе все это соединилось.

Вот почему проросли, устремились к этой тайне души столь многих людей. И размышления молодых верующих во время царского крестного хода, которые я приводил выше, – не поверхностный патриотизм, а проявление глубокого православного самосознания.

Если бы Царя не свергли, не убили, они и священников, и весь православный народ не могли бы убивать. Он явился первомучеником в Церкви новомучеников, пусть хронологически это и не совсем так.

Но враги подбирались к Царю и к Церкви. Когда говорили, что нам не нужен наш православный Царь, они хотели отнять у народа даже инстинкт самосохранения. Они клеветали на Царя, чтобы русские перестали быть русскими, и хотя бы на уровне инстинкта самосохранения мы должны сегодня это понять.

Для прославления святого всегда требовались два условия: первое – почитание верующего народа, второе – посмертные чудеса.

Вышло пять сборников с описанием чудес по молитвам Царя-страстотерпца, а потом двухтомник, собравший прежние и новые чудеса¹. <...> Но самое великое чудо в том, что как бы ни старались оболгать Царя, а факт его убийства замолчать (например, в школьных учебниках истории), тем не менее и камни сейчас вопиют об этом. Внезапно многие люди были как бы просвещены таинственным светом, сердцем почувствовали правду – не один, не два, а многие. Почему-то эта тема поразила в самое сердце самых разных людей, в том числе далеких от Церкви. Сила подвига Царя оказалась настолько действенной, что сумела привлечь к себе мно-

¹ Чудеса царственных мучеников / сост. прот. Александр Шаргунов. М.–Курган: Хронос-Пресс; Звонница, 2001.

гих. Почему столько людей откликаются на свидетельства о его чудесах? Почему эта фигура стала не политической, а благодатно мистической?

Святость нельзя понять рационально. Нелепо поэтому фиксировать внимание на недостатках: «Царь курил» или еще что-нибудь такое, как это делали противники канонизации. В принципе, как известно, ни одного святого не было без греха. Жизнь нельзя разложить по полочкам. Церковь основана на камне веры, исповеданной человеком, трижды отрекшимся от Христа и явившим свою величайшую святость¹. Церковь прославляет того или иного святого не за те или иные его достоинства и недостатки, а за особенный подвиг веры, который всегда сияет для всех особым присутствием Христа.

Что мы можем сказать о нашем Царе? Он был испытан в огне и оказался золотом, в котором нет никакой ложной примеси, с печатью самой высокой пробы Креста Христова. Царственные страстотерпцы были возлюблены Богом. И они принесли Ему плод своей жизнью и смертью. *По плодам их узнаете их*². Каков же этот плод? Этот плод прежде всего – они сами, вся семья.

Семья Царя – образец семьи, икона семьи. Брак Государя, сила его чувств по отношению к супруге и детям уже говорит о его необыкновенной глубине, о духовной незаурядности этой личности. Его единение с Царицей было таким, что мы через этот союз начинаем постигать смысл слов Писания: *Тайна сия велика*³ – то, что уподобляется союзу Христа и Церкви. В этом браке так раскрылась единственность и незаменимость человека, что двое действительно стали одной плотью. Вследствие нашей бездуховности мы плохо воспринимаем, насколько значителен этот дар Божий. На самом деле это величайшая редкость – подлинная семейная жизнь, где двое соединяются во Христе, также говорит о воссоединении с Богом человека. Они умерли всей семьей, и это было не просто стечение обстоятельств, но даже смерть не могла их разлучить. *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает*⁴, – исполнение этой заповеди до конца возможно только в любви до конца.

Они были настолько единомысленны, что всей семьей заботились о своем народе и при жизни были готовы пожертвовать собой для России. И это тоже было свидетельством их пребывания в Боге. Господь пророче-

¹ ... ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей (Мф. 16, 18).

² Мф. 7, 16, 20.

³ Еф. 5, 32.

⁴ Мф. 19, 6.

ски явил на такой высоте образ православной семьи накануне крушения семьи и государства.

Убийство Царя имело много далеких целей, в том числе и разрушение семьи. Троцкий писал в 30-е годы: «Опять Россия стала буржуазной, снова в ней культ семьи». Они хотели уничтожить семью. Семья – малая Церковь, и таким образом осуществлялось разрушение всей Церкви.

На семье держится все: и нравственность, и государство. За убийством Царской семьи в обществе последовало: «Долой брак!», «Долой стыд!» – как бы прорвалось и ясно обозначилось (пока на время) то, что было духовной сутью этого убийства. Мощь государства сохранится на десятилетия, но не может в конце концов не рухнуть.

Семья и Родина – от Бога, две составляющие «удерживающего». И потому кто хранит их, тот исполняет волю Божию. Символично, что убили не одного Царя и его семью, а всех верных слуг его. Царственные мученики и слуги их – символ России. Это было как уничтожение всей России, всех, кто был предан Царю. А потом старались убить тех, кто их знал, чтобы не было памяти. Мы не должны удивляться, что после разрушения православной монархии последовало быстрое разрушение черт неповторимости русского народа, вначале – в обезличивающей коммунистической коллективизации, а теперь, в более страшной степени, – обезличивающей народ оскотилизации через узаконивание самых растленных грехов как нормы.

То, что происходит в России сегодня, – распад семьи, нравственности и государства, – является непосредственным результатом неосознанного и нераскаянного преступления 1918 года. Сейчас, когда уничтожение семьи достигает предела, канонизация Царя должна способствовать собиранию русского народа в единую семью и возвращению блудного сына к своему отцу.

Как только заходила речь о прославлении Царя, все его противники начинали обвинять его в отречении от престола. На самом деле это вина не Государя, а его окружения, которое бесовски на него навалилось со всех сторон. Его слова в самый момент отречения: «Если требуется, я готов принести эту жертву за Россию», – говорят сами за себя. От него это все требовали, причем в категоричной форме.

Кругом были только «измена, трусость и обман». Великий князь Кирилл Владимирович с красным бантом на груди привел свой Гвардейский экипаж и встал на сторону «революционного народа». Всем известно предательство генералов Алексеева и Рузского. Командующие фронтами, которые должны были быть опорой Государя, слали телеграммы, где говорилось, что для спасения России необходимо отречение Импе-

ратора. Все призывали Царя «принести жертву на алтарь Отечества и отречься».

В послании бывшего Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича говорилось: «Я как верноподданный считаю по долгу присяги и по духу присяги коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувства святой любви Вашей к России и к нему». Он предлагает сделать это, «осенив себя крестным знамением», и добавляет: «Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить Вас». Самые близкие и, казалось, искренние по отношению к Государю люди подступали к нему с этим требованием.

Вот телеграмма от командующего Румынским фронтом генерала В. Сахарова, которая пришла последней: «Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнуснейшего предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы немедленно не дало пищи к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний».

А что же народ? Народ, по крайней мере в столице, превратился в ту самую толпу, которая кричала: «Распи, распи Его! Не Его хотим, но Варава»¹. Как пишет историк Александр Боханов, «торжествовал красный цвет флагов и наскоро намалеванных транспарантов, на которых преобладал один лозунг: “Долой самодержавие”. Никто уже не работал и, казалось, что чуть ли не все жители трехмиллионного города вышли на улицы в уверенности, что черные дни миновали, что теперь начнется новая, светлая жизнь без горестей и печалей... Как-то разом опустели церкви и быстро входило в моду новое слово “товарищ”»². Шульгин уверяет, что он поехал в Псков, чтобы спасти Царя и его жизнь, понимая, что иначе они его убьют. Совершенно ясно, что здесь нельзя уже ничего было сделать. Здесь было Божие попущение, нечто неотвратимо роковое. Современники сравнивают эти события со снежным комом, который катится, превращаясь в лавину и сметая все.

¹ См.: Лк. 23, 18–23.

² Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П. История России с древнейших времен до конца XX века. М.: АСТ, 2001.

Однако чтобы понять, почему Государь отрекся от престола, недостаточно распознавания темных сил, действующих в истории, – требуется вера в Промысл Божий. Подвиг мученичества, святости заключается в полном отвержении себя, в совершенном предании себя воле Божией. И тайна отречения от престола последнего святого Царя в том, что для него не было разницы между долгом Государя и долгом христианина, исполняющего заповеди Божии.

Ожидания православных людей, что после прославления Царя наступят большие перемены, не оправдались. У некоторых, особенно когда они видят намерения врагов России использовать канонизацию для декорации власти маммоны, это вызывает чувство безнадежности. «Поздно сейчас говорить о возрождении России», – сетуют они. Но Богу все возможно. Как татаро-монгольское иго, как польско-шведское нашествие, когда, казалось, все кончено с Россией, внезапно рассыпались, так сегодняшнее иго «золотого тельца» и нашествие лжи на Россию расточатся только силой Божией.

Почему канонизация Царя должна была дать духовную силу верующему народу, почему мы рассматриваем ее как чудо из чудес? Потому, что это событие означает, что вся ложь XX столетия спала, слезла, как гниль, а истина открылась. Царь наш – ориентир и поводыр для слепых. Это тот, кому Россия должна довериться и в какой-то части уже доверилась.

С расстрелом Царя от России как бы отступила благодать. Все загадилось в России. Замутилось. Настолько чудовищно было преступление, что народ наш как бы лишился своего детства, чистого, первозданного, прекрасного. Как ребенок с открытыми глазами и чистым сердцем, на которого зло, окружающее его, давит сознательно или подсознательно, не может уже жить естественной беззаботной жизнью, так природность из нашего народа ушла. Это был грех противоестественный, противоположный.

«Мне бабушка об этом рассказывала, когда мне было 7 лет, – поделилась со мной своими впечатлениями одна прихожанка нашего храма. – У бабушки лицо менялось, когда она говорила о расстреле Царя, Царицы, детей, слуг. Хотя она сама была революционеркой. Этот ужас мне передавался».

Этот ужас переходил из поколения в поколение. Вот почему люди из поколения в поколение с такой рабской покорностью шли в ГУЛаги. Вот почему говорили «царь-Николашка» об убитом и смеялись противоестественным смехом – это они так свой испуг прятали. И теперь вступили в еще больший ужас. Это было противонародное, противозаконное, против всякой духовности преступление. И то, что к памяти Царя-страстотерпца вернулись (а почему, собственно, вернулись? Почему бы не забыть?), сви-

детельствует о том, что эта память – все, что связано с ней, – подспудно жила в сердцах и совести людей.

Выше мы говорили о потере своего лица русским народом и русским человеком. В заключение скажем несколько слов о лице святого Царя. Как написано в Отчнике:

– Почему ты ни о чем не спрашиваешь меня? – говорит авва своему ученику.

– Мне достаточно смотреть на тебя, – отвечает тот¹.

В лице Царя – благодать божественного спокойствия. Глядя на его фотографию, можно успокаиваться. Даже в ссылке покой ему не изменил (посмотрите на снимки, где он сидит на бревнах или с лопатой чистит снег). И наш народ может после смятения возвращаться к покою. Человек с чуткой душой не может этого не понять.

Да, лицо Царя говорит само за себя. Оно благообразно, оно просветлено. Оно исполнено высшего благородства. Царь сохранил детскость, чистоту. Царь сохранил застенчивость, ему как бы неловко, что он облечен властью над людьми. Это отмеченность Божественная, которую он сохранил до конца.

Как бы кто ни смотрел на Царя, никому невозможно отрицать, что лицо его всегда исполнено подлинной значительности. Удивительная эта естественность Царской семьи отражена в фотографиях. Не было ни у кого ничего актерского. Нет лукавства в лице, прямой взгляд, – потому эти лица отчасти иконописны, сами по себе. Икона Царя в Зарубежной Церкви – по существу, просто фотография с нимбом, и некоторые фотографии Царственных мучеников воспринимаются как иконы. Неслучайно во многих православных домах они висят вместе с иконами.

Сравни портрет Царя и любых других государственных деятелей. Не только очередных наших Черненко, Черномырдиных и Чубайсов, но и всех западных знаменитых правителей вроде Черчилля, Рузвельта или де Голля. Есть отмеченность свыше в лице Царя.

Покажи лицо Царя ребенку, и это благотворно подействует на душу его. Дети чувствуют сердцем – их не обманешь. И что бы ни происходило, жива еще детская душа русского народа. Детское есть в иконах, и лицо Царя в этом смысле имеет общее с ликом Христа. Лицо, доверчивое по отношению к Богу и людям.

Очень важно увидеть, что это Русский Царь, который был у нас. Это Царь, которого убили. И это Царь, у которого отношения с народом могли быть действительно другие. Канонизация узаконит в глазах народа святость Царя. Над Россией будет Царь!

¹ Древний Патерик. Изд-во Московской Патриархии, 1991. Глава 17. О любви. П. 5.

«Искупитель мой жив». Святой праведный Иов и святой царь Николай II

Очевидно для всех чудо, явленное Промыслом Божиим в самом дне рождения Царя-страстотерпца Николая Александровича – дне памяти святого Иова¹. Сам Государь видел в этом факте прообраз своей судьбы, его слова: «Я имею больше, чем предчувствие, но полную уверенность, что я предопределен ужасным испытаниям и не получу награды здесь, на земле. Сколько раз я применял к себе слова Иова: *Едва я почувствую опасность, она осуществляется, и все несчастья, которых я опасюсь, падают на меня*²» (Из воспоминаний М. Палеолога – со слов министра иностранных дел Сазонова и председателя Совета Министров Столыпина)³.

И еще: «Я питаю твердую и абсолютную уверенность, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи находится в руке Бога, поставившего меня на то место, где я нахожусь. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей, с сознанием того, у меня никогда не было иной мысли, чем служить стране, которую Он мне вверил»⁴. Книга Иова, как и всякое слово Божие, освещая историю человечества лучами Божественного света, помогает нам понять глубины недавних событий и то, что произошло с нашим последним Царем. Мы знаем по благодати Духа Святого, что Царь наш – святой. И поэтому мы можем сравнивать его с другим святым, с праведным Иовом.

Имя «Иов» означает, согласно одному толкованию, «ненавидимый» или «почитаемый за врага». Другие толкуют его как «тот, кто исполнен горя» и «тот, кто стонет».

¹ 6 (19) мая – день прав. Иова Многострадального († ок. 2000 – 1500 гг. до Р.Х.).

² См.: Иов 3, 24–26.

³ Ср.: Палеолог М. Императорская Россия в эпоху Великой войны (пер. с фр.). Гл. III. Император в Москве. Запись «Четверг, 20 августа».

⁴ Извольский А.П., бывший министр иностранных дел. Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского. Пг.–М.: Петроград, 1924. С. 138–139.

Об Иове говорится прежде всего, что он был человек благочестивый. Он был *непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла*¹. «Непорочен» не означает «безгрешен», как он сам признает это: *Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня*². Но когда человек старается с благоговением хранить все заповеди Божии, устремляясь к совершенству, сердце его непорочно и взгляд – чист. Все это в полной мере относится и к Императору Николаю II. Достаточно взглянуть непредвзято на фотографии Царя, чтобы убедиться в этом. Да, Государь был праведен в своих отношениях с Богом и с людьми, никогда не обманывал ничье доверие. Страх Божий определял все его поведение. Самое главное, что можно сказать об Иове и о Государе – они были верующими людьми, искренними в своей вере.

Об Иове сказано, что он был человек – то есть он жил как все, обычной жизнью. Но за этой обычностью скрывается необыкновенное духовное богатство. То же самое можно сказать и о Государе. Так, например, многие поражаются простотой его дневниковых записей – погода, прогулки, встречи. Но записи эти как бы закодированы, понятны ему одному. А все сокровенное, связанное с этими событиями, остается тайной его души.

Иов был богатый, процветающий по земным понятиям человек, и его богатство было украшением его благочестия, потому что давало ему большую возможность делать добро. Он был праведен, и потому богатство его росло. Не зря говорят, что честность есть лучшая политика, а благочестие – самый надежный путь к процветанию. И у Царя Николая Александровича владения были огромны – Российская Империя, и у него, как у Иова, было множество слуг.

Иов был человек, облеченный властью. Преимущество земли, в которой он правил, было иметь правителем столь доброго человека. Далее мы узнаем, какое сострадание народу было у Иова, как было оно и у нашего Царя-страстотерпца. *Не плакал ли я о том, кто был в горе? Не скорбела ли душа моя о бедных?*³ И мы знаем, какую заботу проявлял о своих подданных наш Государь, о расцвете Русской Империи в период его правления.

У Иова была большая семья. И наш Царь, подобно Иову, был отцом и господином христианской семьи. Особым утешением для них было видеть своих детей не только в здравии и благополучии, но в любви друг ко другу.

Как видно из книги Иова, из благочестия истекает великая забота о своих детях. Иов приносил каждодневную жертву молитвы за своих

¹ Иов 1, 1.

² Иов 9, 20.

³ Иов 30, 25.

детей¹. За каждое дитя он молился – согласно его темпераменту, талантам и особенностям. Ведь родители не могут дать благодать своим детям (только Бог дает благодать и освящает все), но они молятся и все делают, чтобы каждодневно способствовать их освящению.

Иов был не только богат и велик, но также мудр и добр, и казалось, что его благополучие и крепость не подвигнутся вовек. Но темные тучи собрались над его головой. Дьявол, у которого была огромная вражда к Иову, как и к Государю, за их исключительное благочестие, получил позволение мучить их.

Благочестие и богатство были у них прежде, чем пришли великие скорби, чтобы показать нам, что ничто не обезопасит нас от превратностей жизни. Благочестие не сохранит нас от них, как думали ошибочно друзья Иова (и как думали иные богословы – противники прославления Царя Николая II), ни тем более богатство, как легкомысленно думает мир.

Вот сатана появляется среди сынов Божиих – противник (как означает его имя) Богу, людям, добру и истине. Он допускается в собрание сынов Божиих, которые приходят предстать пред Богом².

*Откуда ты пришел?*³ – спрашивает Господь сатану. Господь прекрасно знает, откуда он пришел и с какой целью: как добрые Ангелы пришли, чтобы творить добро, так он пришел за позволением творить зло. Но Господь, требуя от него объяснения, хочет показать ему, что он находится под Божией властью и контролем.

– *Я ходил по земле и обошел ее*⁴, – отвечает сатана Богу.

Покуда мы на земле, мы в пределах его досягаемости. И с какой хитростью, быстротой и усердием проникает он во все уголки земли – так что мы не можем нигде быть в безопасности от искушения! В ответе сатаны чувствуется одновременно его гордыня и его вечное недовольство. Он ходит взад-вперед и не может найти покоя.

И Бог спрашивает его: *Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? Какую честь воздал Бог Иову, говоря так о нем: «Вот Мой раб Иов, нет такого, как он, на земле»*⁵!

В ответ на Божию похвалу Иова мы слышим злую клевету дьявола против него. Он не может отрицать, что Иов боится Бога, но полагает, что его

¹ См.: Иов 1, 5.

² См.: Иов 1, 6.

³ Иов 1, 7.

⁴ Там же.

⁵ Иов 1, 8.

религиозность расчетлива, что он – лицемер: *Разве даром богобоязнен Иов?*¹

Особенно невыносимо для дьявола слышать похвалу человека, когда Сам Бог хвалит его. Но здесь речь идет об особом человеке. Как хитро он называет его лицемером, не утверждая прямо, но только вопрошая: «Разве это не так?» Это обычная манера клеветников, завистников, злоязычных – предполагать что-либо в форме вопроса, хотя нет никаких оснований для такого утверждения. Как напоминает это недавние возражения противников канонизации Царя-страстотерпца!

Злые и завистливые люди утверждают, что единственная причина, почему благочестивые люди служат Богу, заключается в том, что Бог дарует им благополучие. И для доказательства этой лжи сатана просит позволения лишить Иова его богатства и власти. А в случае с Государем – и свободы.

«Пусть будет это подвергнуто испытанию, – говорит он. – Сделай его бедным, лиши его всего, *прости руку Твою*², и тогда посмотрим, где будет его вера. Коснись всего, что у него, и тогда откроется, что он за человек. Он не только забудет о своем благочестии, но, несомненно, проклянет Тебя пред лицом Твоим».

И вот, мы видим, что Бог позволяет сатане огорчать Иова, чтобы испытать искренность его веры. Мы не можем не удивляться, почему Бог дает сатане такое позволение. Но Он делает это ради славы Божией, ради чести Иова, ради того, чтобы открыть нам глубины Промысла Божия и утешить обремененных скорбями людей во всех веках.

Неизмеримы бедствия, понесенные нашим Государем. Скорбью были омрачены даже самые светлые для него дни: венчание на Царство – Ходынской катастрофой, рождение долгожданного Наследника – его неизлечимой болезнью. Русско-японская война, революция 1905 года, Первая мировая война, революция 1917 года, предательство со стороны, казалось, самых близких людей, крушение православной монархии, начало гонений на Церковь.

Когда сатана получает позволение делать зло, у него нет недостатка в предателях, людях, которые были бы инструментом для осуществления его замыслов. Мы все помним эти слова Царя-страстотерпца: «Кругом измена, трусость и обман». Измена и трусость со стороны Великих князей, министров, генералов и в конце концов – обман всего народа. Особая скорбь Государя была связана с его детьми. Точно так же, как у Иова, дети которого были погребены под обломками дома, где был их пир. Это была

¹ Иов 1, 9.

² Иов 1, 11.

величайшая из потерь Иова, и потому диавол приберет ее напоследок, с тем, чтобы, если другие искушения не достигнут цели, это наконец заставило бы его проклясть Бога.

Наши дети – часть нас самих, и разлука с ними поражает в самое сердце. Но расстаться сразу со всеми в одно мгновение, с теми, кто столь много лет были его постоянной заботой и надеждой, – выше сил человеческих. Дети Иова умерли все вместе, внезапно, именно тогда, когда он больше всего нуждался в их утешении среди всех других потерь.

Царь в момент расстрела пережил то же самое, только в иной форме. Все совершилось в одно мгновение – и расставание, и встреча навеки. Да, подлинно для родителей особое утешение – видеть духовное благополучие своих детей. Если они богобоязненны и благочестивы, они поистине велики, и не имеет значения, какое место они занимают в жизни. И даже если они умерли, то пребывают с Господом. Можно ли сравнить лишение земного царства с обретением Небесного? Если Промысл Божий не дал твоим детям долгой жизни, все равно можно сказать, что они достигли полноты дней и зрелости, и бесконечно большего.

Видя происходящее, мы радуемся за Иова, потому что именно в этом заключается его испытание. Иов – мужественный, преданный Богу человек. Среди всех скорбей он более всего боится Бога, страшась греха больше, чем любых внешних бед. Он смиряет себя под крепкую руку Божию и принимает Промысл Божий о себе. *Господь дал и Господь взял*¹. Тот Самый, Кто дал – взял. И разве, отнимая от нас что-либо, Он не хочет дать нам бесконечно большее!

Как глубоко Иов смотрит и видит суть того, что стоит за этими событиями, он не отводит взора от Первопричины. Он поклоняется Богу в благоденствии и в лишении. Когда буря миновала, он пал ниц и поклонился Богу. Скорби не должны удалять нас от истинной жизни, но приближать к ней.

Также было и с Государем. Когда пришли его испытания, вся его мысль была только о Христе Боге. Посмотрите, какие книги читает Царская семья в Тобольске и Екатеринбурге, какие заметки оставляют они на полях книг. Какие глубины Божиих тайн постигают: «Зло, которое сейчас в мире, будет расти, но не зло победит зло, а только любовь»².

Иов с честью вышел из спора между Богом и сатаной о нем. Казалось бы, он прошел все испытания, и нигде его праведность не может быть поставлена под сомнение.

¹ Иов 1, 21.

² Из записей Великой княжны Ольги Николаевны, сделанных в заключении в Тобольске.

Но сатана следует дальше, добиваясь нового испытания, которое касается костей и плоти человека: *Кожа за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него*¹. Люди не только рискуют, но отдают все, что есть у них, все свое состояние, чтобы спасти свою жизнь. На этом основывает свое обвинение Иова сатана. *Но простри руку Твою и коснись кости его и плоти его*, – говорит сатана, – *благословит ли он Тебя?*² Мужественно держится Иов, теряя все, что есть у него.

Господь позволяет сатане и это: *Вот, он в руке твоей, только душу его сбереги*³ – не касайся его души, не помрачай его разум, его свободную волю.

Болезнь Иова была ужасна: сатана *поразил его проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его*. Вместо того чтобы лечить свои язвы, Иов взял черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел⁴. Он сидел на пепелище. Так смирил он себя под крепкую руку Божию, размышляя об ужасности и плачевности своего положения. В славянском тексте Ветхого Завета сказано, что он сидел *на гноище вне града*⁵.

Никто из тех, к кому он раньше был столь добр, не пришел к нему, чтобы из благодарности послужить ему в его несчастье – потому что болезнь его была отвратительна или потому что они считали ее заразной. Разве не так было с Государем?

Далее сатана пытается вынудить Иова проклясть Бога уговорами собственной жены, все утешители были отняты от Иова, жена его искушала его: *Ты все еще тверд в непорочности твоей! Похули Бога и умри*⁶, – говорит она. Неужели ты во всем будешь покоряться Богу, Который за все твое служение только бьет тебя нещадно? Разве можно такого Бога любить и благословлять, разве можно такому Богу служить?

По дару Христа Царь-страстотерпец имел верующую супругу, которая разделяла с ним его страдание. Но сколь многие из близких ему, и не только высокопоставленные чиновники, оказались предателями! Сколь многие у нас отреклись от Бога в годы огненных испытаний, и много было таких, кто выступил с хулой на Бога, с кощунством, разрушая храмы и оскверняя святыни! (Естественно, за этим следовало отречение от Царя и глумление над ним.)

Мы слышим в безумных словах жены Иова самое черное, самое ужасное сатанинское искушение. Ничто так не противно естественному созна-

¹ Иов 2, 4.

² Иов 2, 5.

³ Иов 2, 6.

⁴ Иов 2, 7, 8.

⁵ Иов 2, 8.

⁶ Иов 2, 9.

нию, как хула на Бога. Ничто так не вопиет против естественного чувства, как самоубийство. Отречение от Бога и хула на Него и явились самоубийством, как скоро показала жизнь, значительной части русского народа.

Иов мужественно сопротивляется искушению и побеждает его. Он возмущен самой мыслью так поступить: «Как? Похулить Бога? *Отойди от меня, сатана!*»

Новое искушение постигает Иова, когда к нему приходят его друзья. Может, более, чем все скорби, для него ощутимы наставления этих богословов: *Если бы не насмешки их, то и среди споров их око мое пребывало бы спокойно*². Они претендуют на духовную мудрость, а на деле смеются над страданиями человека, потому что он низведен так низко.

Если бы Иов был искренним в своей вере, говорят они, Бог не посетил бы его такими скорбями и он не вел бы себя так в этих скорбях. Не заключалось ли все благочестие Иова в надежде земного благополучия? – повторяют они вслед за диаволом. – Если бы это благочестие было искренним, не сохранило ли бы оно его от отчаяния?

Это было именно то, чего добивался сатана: доказать Богу, что Иов не был праведником. Когда он сам не смог сделать этого, он пытается через друзей убедить в этом Иова и заставить его признать себя лицемером.

Те, кто выступает с резкими, лишенными любви обличениями своих ближних, которых посетили великие скорби, и тем более угодников Божиих, когда те находятся в скорби, исполняют работу сатаны.

Рана Иова кровоточит, боль не перестает, но никто из его друзей-богословов не принес ему елея, и третий из друзей вылил столько же укуса и желчи, сколько двое первых. Перед нами «Гефсимания» Иова – Иов горько жалуется на оставленность Богом: *Почему Ты скрываешь Свое лицо?*³ Нет очевидности небес, связь с Богом и с людьми прервана, кажется, нет надежды, что возвратится утешение. Дух Святой иногда покидает Своих лучших и любимейших святых.

В 22-й главе Елифаз называет Иова лицемером не только из-за его нетерпения в скорбях, но и из-за самих скорбей. Елифаз сравнивает бедствия Иова с обычными бедами нечестивых. «Его дети погибли – так бывает с нечестивыми: они оставляют богатство своим детям, но все погибает».

Елифаз обвиняет Иова во многих грехах и преступлениях, за которые, как он полагает, Бог наказал его. Он сравнивает его случай с тем, что было в истории человечества с грешниками, которые были смыты потопом и богатства которых поглотил огонь, – то есть с содомитами.

¹ Мф. 4, 10; 16, 23.

² Иов 17, 2.

³ Ср.: Иов 13, 24.

Благосостояние Иова, материальное и духовное, подрублено, говорят его друзья, а наше – нет, потому мы праведники. К тому, в чем обвиняют Иова друзья его, сводились, по существу, обвинения противников канонизации Царя-страстотерпца: «Если бы он был достойным человеком, он не довел бы до такого состояния процветающую страну. Не проиграл бы Японскую войну. Благочестивых людей никогда не постигает такое крушение». *Вспомни*, – говорят они, – *погибал ли кто невинный, и где праведные были искореняемы*¹. Если речь идет о конечной гибели, это так. Никто из праведников не погибнет вовек. Но если речь идет о временных поражениях, это ложь.

Друзья Иова – богословы представляют Бога воюющим против Иова как против врага, в то время как Бог испытывал его как друга. Опасно без любви судить о духовном и о вечном состоянии других, ибо таким образом мы можем осудить тех, кого Бог оправдал и прославил.

Иов (и вместе с ним Государь) говорит: *Бог поставил меня притчею для народа и посмешищем для него*². *Пиющие вино* сочиняют оскорбительные песни про него³. Его имя стало притчей во языцех – так же, как имя Государя. Желтая пресса, перед которой Царь был беззащитен, сочиняет сплетни о семье Царя, о Распутине, о том, что Царица – немецкая шпионка. И до сих пор мы слышим: «Николай кровавый» или «человек слабой воли».

В описаниях страданий Иова мы как бы узнаем в подробностях то, что переживал Государь. *Помутилось от горести око мое, и все члены мои как тень*⁴. Он мог бы сказать о себе: «Я уже не человек, а тень человека». Он муж скорбей, он столько пролил слез, что почти потерял зрение.

Мы не можем не узнавать в словах Иова великое бесчестие, павшее на нашего Государя после великой чести, которую народ и Церковь оказывали ему ранее. *Они гнушаются мною, удаляются от меня и не удерживаются плевать пред лицом моим*⁵. В глумлении толпы пинают его ногами: «Они обвиняют меня в своем горе» (то есть за то, что они живут сейчас в такой стране). Они ложно говорят о его прежнем поведении и политике, *сбивая с ног*⁶. Они относятся к нему как к тирану за то, что он праведно управлял ими, они неразумны во всем другом, но очень искусны в нанесении оскорблений и причинении нового зла. И как похоже на революцию 1917 года описание бедствия Иова: *Они пришли ко мне как сквозь*

¹ Иов 4, 7.

² Иов 17, 6.

³ Ср.: Пс. 68, 13.

⁴ Иов 17, 7.

⁵ Иов 30, 10.

⁶ Иов 30, 12.

*широкий пролом, с шумом бросились на меня*¹. Как воды, затопляющие все, когда прорвана плотина, или как войско, которое сквозь пролом в крепости прорывается в город и с нечеловеческой яростью устремляется на живущих в нем.

Мы видим, что все презрение к Иову, как и к Царю-страстотерпцу, вызвано бедами, в которые они попали. Ты *совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей*², – говорит Иов, и вместе с ним Царь. Так как *Он развязал повод мой и поразил меня, то они сбросили с себя узду перед лицом моим*³, – говорит Иов. То есть после того как Господь отнял от него честь и славу, которой он был препоясан, они дали себе свободу говорить и делать против него все, что им заблагорассудится. Они сбросили с себя узду, они ни во что ставят его власть, его царское достоинство – не стоят уже, как прежде, с почтением и трепетом перед ним. Все как с Самим Господом: те, кто сегодня кричат «Осанна!», завтра могут кричать «Распни Его!» Но есть честь и слава, которая дается от Бога и которую, если мы храним ее, то найдем неизменной и неутраченной.

Иов говорит о смятении и ужасе своего ума как о самом страшном своем бедствии.

Иов скорбно жалуется: *Стрелы Вседержителя во мне*⁴. В самое сердце поражает его мысль, что Бог, Которого он любит и Которому служит, отвергает его, отмечая его жизнь знаками Своего гнева. Смятение и страдание ума, которые пережил Государь на станции Дно, – столь же мучительные страдания, когда душа так ранена, кто может это вынести! *Яд и пламень Божиих стрел пьет дух Иова*⁵, и это повергает его в смятение, колеблет его решимость, истощает его внутренние силы. Он видит себя окруженным угрозами Божиими, как бывает окружен на поле боя полководец вражескими армиями.

Конечно же, Иов не только прообраз Христа – это про всех нас. Но именно поэтому Книга Иова прежде всего раскрывает нам тайну Креста и Гефсимании. Главный пункт в споре между Иовом и его друзьями – утверждение этих богословов, что праведники всегда процветают и только нечестивые терпят поражение. Иов же, напротив, говорит, что как правило, нечестивые процветают, а праведники пребывают в скорбях.

Среди безмерного горя Иов верит, что увидит благодать Божию на земле живых. *Я знаю, что Искупитель мой жив, я слышу дыхание Его в ноздрях*

¹ Иов 30, 14.

² Иов 19, 9.

³ Иов 30, 11.

⁴ Иов 6, 4.

⁵ Ср.: Иов 6, 4.

моих. Я знаю, Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию¹. Иов верит в славу Воскресения: та же сила, которая сотворила человека из обыкновенного брения, может восставить его из земли. Оттого что ему дается ощутить это дыхание Божественной жизни, он говорит: *Я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его*². И прозрение Царя-страстотерпца о том, что «зло, которое теперь в мире, будет еще сильнее, но не зло победит, а любовь», созвучно этому откровению Иова. Слово Иова к друзьям-богословам – предостережение тем, кто выступает против него, – не упорствовать в недобром отношении к нему.

Живой, животворящий, все определяющий принцип благодати в сердце – основание всего, столь же необходимое в нашей вере, как корень для дерева. Любовь к Богу и ближним, вера во Христа, ненависть к греху – в этом корень всего, остальное по сравнению с этим – листья.

Мы верим и знаем, что Государь имел в себе этот корень, несмотря, может быть, на некоторые его слабости и ошибки. Тот, кто не видит ничего, кроме этих недостатков в Царе, как бы продолжают участвовать в преследовании его, *как будто корень зла найден в нем*³.

Вначале мы видим терпение Иова среди невероятных бедствий, как пример терпения для всех нас. В конце книги, для нашего воодушевления последовать его примеру, мы видим счастливый итог его испытаний, восстановление его благополучия. Может быть, чрезвычайное богатство, которым был увенчан Иов после своих скорбей, не просто обещание восстановления былой мощи России, – скорее всего, этого не произойдет. «Россия будет материально бедной, но духовно богатой» (преподобный Нектарий Оптинский). Но это для нас символ и образ небесной славы, которая начинается для верных уже здесь, на земле, и которой мы достигаем через земные страдания. *Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его*⁴.

Бог просит Иова помолиться за своих друзей-обвинителей, иначе Бог погубит их⁵. Услышим это как пророчество о святом нашем Царе и о России! Бог возвратил Свою милость по отношению к нему. В новом, радостном свете мгновенно предстало то, что было раньше мрачным и

¹ Иов 19, 25; 27, 3; 19, 25.

² Иов 19, 26–27.

³ Иов 19, 28.

⁴ Иак. 1, 12.

⁵ См.: Иов 42, 7–9.

страшным. Все бури позади, утешение Божие заполняет души верных, как раньше горечь. Он страдал за славу Божию, и потому Бог воздает ему с избытком¹.

И посмотрите, что происходит с верующим народом! Старые знакомые Иова, соседи и родные были очень добры к нему: они плакали с ним в его горе и радовались его радости. Они оказались не такими «жалкими утешителями», как трое его друзей. Они не были столь учеными и красноречивыми богословами, как те, но они оказались более искусными в утешении Иова. Иов молился за своих друзей, и они собрались вокруг него, побежденные его любовью, и все искали его молитв. О, если бы Бог за молитвы святого Царя-страстотерпца утешил наш народ, в соответствии с днями, в которые Он посылал ему скорби!

События истории человечества таинственны, и мудрейшие из мудрецов порой растерянно смотрят на происходящее вокруг. Цели Промысла Божия оказываются более глубокими и неисследимыми. Бог совершает чудеса, которые невозможно исчислить. Тьма находит на торжествующих победителей среди полудня, Бог возвышает смиренных. Смиренных сердцем и плачущих Он ставит впереди, утешает и дает им жить на высотах. Нищие, которые начинают отчаиваться, обретают надежду. Утешение одних в горьких испытаниях дает надежду на лучшее для других в самые худшие времена, ибо слава Божия заключается в том, чтобы посылать помощь беспомощным и надежду – безнадежным.

И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние². Мы не знаем, какие еще хорошие дни хранятся у Бога для нашего последнего времени. У Бога всегда есть пути восстановить наши потери и утешить наше горе.

Терпение Иовле слышасте, и кончину Господню видесте³. Так говорит нам слово Божие в Новом Завете, навсегда ставя на самую великую высоту этого праведника. И мы смеем утверждать, что также и нашего Царя-страстотерпца, приобщившегося в полноте подвигу его, без всякого сомнения, небесного покровителя. Этот подвиг обращен с исключительной силой к последним временам. *Претерпевший до конца спасется⁴.*

¹ См.: Иов 42, 10–17.

² Иов 42, 12.

³ Иак. 5, 11. В синодальном переводе: *Вы слышали о терпении Иова и видели конец [оного] от Господа.*

⁴ Мф. 10, 22.

Судьбы России

*Господи! Милость Твоя до небес...
Правда Твоя, как горы Божии,
и судьбы Твои — бездна великая...*

Пс. 35, 6–7

Истинно русский человек, где бы он ни находился: на плененной безбожными коммунистами Отчизне или на реках вавилонских великого русского рассеяния, не может не задумываться над судьбами России.

Наша страждущая Родина переживает, несомненно, самое ответственное время своей истории. Ни братоубийственные распри удельного периода, ни долголетняя злая татарщина, ни первая смута, ни нашествие двенадцати языков даже в малой степени не могут быть сравниваемы с нашим страшным временем.

Тогда больше страдало тело нации, ныне идет борьба за душу нашего народа. Сатана ныне открыто ополчился на Христа и полем битвы избрал широкие просторы России. Сей страшный и умный дух знает, что делает. Он хорошо понимает, что для победы над человечеством надо сокрушить главного своего противника – русский народ, который недаром носил столь долгое время светлое наименование народа-богоносца.

И вот, сорок долгих лет верные слуги сатаны – безбожные коммунисты – стараются вырвать из души этого народа Бога, отнять у него Христа.

Сорок долгих лет могучая страшная машина вооруженного всей современной техникой государственного аппарата планомерно и методично вырывает из души русского человека все святое и духовное.

Чего же ждать в будущем русским людям? Есть ли надежда на спасение?

Судьбы Господни – бездна великая! – глаголет велемудрый псалмопевец¹. Но, вооружившись молитвою смиренною, призвав на помощь всех святых, в земле Российской просиявших, уповая на милость Божию, можно решиться взглянуть в туманную даль русского будущего.

Три пути, как будто, простираются перед Россией.

Первый путь, на который тянут ее безбожники, – углубление коммунизма и мировая революция, с установлением земного рая без Бога.

¹ Ср.: Пс. 35, 7.

Второй путь, о котором мечтают многие русские либералы-западники, – постепенная замена большевистской диктатуры капиталистической демократией западного, скажем, американского образца.

Эти два пути чисто человеческие. Но, верую я и исповедую, что есть еще третий особый, Божий, путь для русского народа. Выявить сущность его и является целью настоящего очерка.

История и судьба каждого большого народа всегда до известной степени связана с историей и судьбой всего человечества. Лучшее и высшее, что есть в человечестве, это, бесспорно, христианство. Для нас, христиан, это более чем понятно.

Христос Бог воплотился и явился в мир сей со Своим дивным учением, дабы оно стало достоянием всех народов, всего человечества.

*Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века*¹.

Господь не сказал Своим ученикам: идите, научите отдельных избранных людей, но все народы.

Сие означает, что жить по-Божьему, по-христиански, и спастись во Христе должны не только отдельные личности, но и общественные группы, более того – целые народы, то есть государственные образования. А если так, то государственная система, государственные законы, самый строй государственный должны быть проникнуты благодетным христианским духом.

Как только кончились гонения и христианство вышло из катакомб, со времен уже святого равноапостольного Императора Константина Великого вопрос христианизации общественной и государственной жизни был поставлен пред человечеством, принявшим христианство, и многие большие и малые народы пытались как-то его решить.

К этому времени основанная Христом Церковь – этот богочеловеческий организм, действительная и предметная, то есть видимая на земле форма Царства Божия, по выражению Владимира Соловьева, уже стала могучим фактором в жизни принявших христианство народов².

Будучи учреждением «суи генерис», то есть особого рода, Церковь принципиально не претендовала заменить собой государственный аппарат. *Божие – Богу, а кесарево – кесарю*³. Но, будучи, по другому образному выражению того же Владимира Соловьева, «организацией истинной жизни», – эту истинную жизнь в государстве Церковь старалась создавать.

¹ Мф. 28, 19–20.

² Соловьев В.С. История и будущность теократии. Загреб, 1887.

³ Мф. 22, 21.

В историческом плане на этой почве между Церковью и государством иногда возникали известные коллизии. На Западе Церковь стала все более и более подавлять государство, присваивая себе кесаревы функции.

Это явление исторической наукой именуется *теократией*. Теократия за все почти 2000 лет существования христианства не смогла достигнуть полного конечного развития и приняла несколько уродливые формы так называемого папо-цезаризма.

На Востоке, в Византии наблюдалось, увы, обратное явление – некоторое подавление Церкви государством, что принято именовать *цезаре-папизмом*.

В борьбе с этим также духовно уродливым явлением лучшие умы представителей Церкви и государства как бы выкристаллизовали особую, поистине благодатную систему взаимоотношений Церкви и государства, каковая система получила наименование СИМФОНИИ, а по-русски сказать – созвучия, согласности.

Сущность симфонии сводится к следующему. Церковь и государство, осуществляя каждая самостоятельно свою миссию, Церковь – в Божественном плане, государство – в человеческом, когда эти планы сталкиваются, синхронизируют свои действия так, чтобы получалась истинная симфония или гармония.

Если государство в лице своего Монарха – помазанника Божия – отступает от Божественных законов, – Церковь в лице своего первоиерарха – Патриарха использует свое право, как хорошо сказано по-русски, печалования и совета. Когда правонарушения государства бывали особенно вопиющими, иерархи прибегали к церковным санкциям: отлучали императоров и других власть имущих от причастия, не допускали их даже входить в храм.

Так было, например, с Императором Феодосием Великим, которого святой Амвросий Медиоланский не допустил в храм за приказ перебить всех жителей одного взбунтовавшегося города.

В Византии идея симфонии получила определенные, почти законченные формы. Периоды симфонии Церкви и государства продолжались иногда десятки лет, и тогда Византию можно было по справедливости называть оцерковленным государством, прообразом пакибытия в Царствии Божием.

Увы, внешние и внутренние обстоятельства воспрепятствовали Византии и ее государственности получить мировое значение. Эллинская мудрость помогла Церкви создать глубокую и стройную систему христианского вероучения, но у наследников блестящей Византии греков второго тысячелетия христианской эры уже не хватило духовных сил до конца

реализовать на практике облеченную в плоть систему подлинной христианской жизни, истинной христианской государственности.

Для осуществления этого, очевидно, нужны были просто большие просторы, большие государственные масштабы, большее опытное поле.

И по мере заката Византийской Империи и упадка эллинской культуры, как бы в возмещение этого, на северо-востоке от нее образовывается и начинает расцветать новая государственность на широких бескрайних просторах, населенных молодым, полным свежих умственных и физических сил народом.

Народ этот принимает христианство не формально, не внешне, как многие народы на Западе, а всем сердцем, всею душою. Владимир Святой является как бы символом преображения русской души после облечения в белые крещальные одежды.

Конечно, не сразу и не все полудикие славянские племена стали вдруг образцовыми христианами, но процесс их христианизации и оцерковления был более быстрым и глубоким, чем на Западе. Достаточно упомянуть, что во времена Великого князя Ярослава и Владимира Мономаха столица тогдашней Руси Киев был гораздо более культурным городом, чем современный ему Париж и даже Лондон, а «Русская Правда» была более проникнута светлым христианским духом, чем все другие современные ей юридические кодексы западных народов.

Насколько оцерковление проникло вглубь народных масс русского народа, показывает тот факт, что были быстро утрачены племенные наименования древлян, полян, вятичей, кривичей и заменены общим названием христиан, переделанных в простонародье на крестьян.

К сожалению, русские люди не сумели долго оставаться на высоте своего великого христианского призвания. Начались братоубийственные удельные распри, междоусобные брани...

Тогда Господь стал посылать на Русскую землю кратковременные, как бы предупредительные испытания внешними скорбями. Огнем и мечом опустошали грады и веи русские всякие половцы, печенег, хазары и другие кочевники.

Не опомнился, увы, русский народ, продолжал братоубийственные распри.

Тогда, по попущению Божьему, из глубин Азии внезапно явился могучий внешне татарский народ и на долгих 250 лет поработил русских христиан, на добрую половину истребив их физически, спалив и срывая с землей большинство русских городов и селений.

На русском народе как бы повторилась судьба библейского многострадального Иова. Все земное у него было отнято, только душу его христи-

анскую Господь повелел диаволу не трогать. И вот, татары не дерзнули покуситься на Церковь Божию, а она-то и сберегла душу русскую от отчаяния, вдохнула в нее волю к жизни и помогла снова облечься в плоть и в кровь, в доспехи бранные.

Только Церкви Православной обязана тогдашняя Россия своим духовным выздоровлением и превращением в большое монолитное государственное образование.

Из татарщины перерожденный русский народ, возглавляемый Великим князем Иоанном III, вышел уже с сознанием своей великодержавности, своего особого призвания в мире, с идеей Третьего Рима – наследника угасающей Византии.

Этой святой и великой идеей одушевлялись лучшие русские люди того времени, и это была идея осуществления в мире подлинной христианской государственности.

Симфония Церкви и государства в какой-то степени осуществлялась при кротком Царе Феодоре Иоанновиче. Большого развития она достигла при Царе Михаиле Феодоровиче и Патриархе Филарете, а кульминации – при Царе Алексее Михайловиче и Патриархе Никоне.

Царь Петр круто повернул руль государственного корабля от Божественного плана к человеческому. Православное Царство он заменил Империей с чисто земными человеческими тенденциями. Петр категорически отказался от симфонии Церкви и государства, заменив ее цезаре-папизмом в довольно крайней форме. Из песни слова не выкинешь. Ошибки в недавнем историческом прошлом нашем были. Их надо изучать и исправлять.

Необходимо честно признать, что цезаре-папизм в большей или меньшей степени существовал в России до самой революции. Даже наш святой Царь-мученик Государь Император Николай Александрович не сумел отказаться от этой неверной традиции своих державных предков. Он не решился, благодаря неразумным советникам, возвратить России канонический соборный строй Церкви, созвать Всероссийский Поместный Собор, который бы избрал Патриарха и восстановил утраченную симфонию Церкви и государства¹.

¹ Есть ряд свидетельств, опровергающих это утверждение. В книге Ольденбурга говорится о том, что весной 1905 г. Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества и за созыв в Москве Всероссийского церковного собора для выбора Патриарха. В декабре Государь издал рескрипт о создании Предсоборного совещания для подготовки созыва Собора (*Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград: О-во распространения рус. нац. и патриот. лит., 1939. Гл. 11*). Совещание выполнило чрезвычайно важную и ценную работу, потребовавшую много времени и труда, но вспыхнувшая Мировая война помешала созыву Собора в цар-

Справедливость требует, однако, признать, что из всех государей после Петра, за исключением, быть может, благочестивейшей Государыни Елизаветы Петровны, покойный Государь был самым церковным, самым благочестивым.

Вот мы подошли к нашему времени, к революции.

Почему же она произошла?

По моему глубочайшему убеждению, потому что Россия не выполнила своего Божественного призвания дать миру образец оцерковленного христианского государства, в котором бы царила симфония между духовной и светской властью.

Чего же нам ждать в будущем? Каковы судьбы России?

Истинное христианское сознание, верующее в Промысл Божий над нами, не может принять и решительно отменяет большевистскую идею земного рая, тем более, что на эту идею нет решительно никаких указаний в Священном Писании.

Второй путь, о котором мы говорили выше, путь превращения России в арелигиозное демократическое капиталистическое государство, безразлично – монархию или республику, не созвучен ни русской душе, ни русской истории, ни русской духовной мысли, о чем я говорил выше.

В настоящее время немало наших зарубежных церковников охвачены эсхатологическими умонастроениями, то есть ожиданием близкой кончины мира. До некоторой степени они правы. Никогда за последние 2000 лет не скапливалось так много признаков близкого Пришествия Христова. И войны ужасные, и землетрясения великие, и страшное умножение зла, и общий упадок веры, и проповедь христианства, как будто осуществленная во всем мире, ибо вряд ли найдется теперь уголок на земном шаре, где бы не слыхали о Христе, и страшные атомные бомбы, от которых земля может мгновенно сгореть, и крылатая железная саранча, о которой предсказано в Апокалипсисе, – все это может настраивать весьма эсхатологически.

У протестантов существует даже большая секта адвентистов¹, которая в последнее время приобретает все больше и больше адептов.

Однако лично я не настроен эсхатологически. Выше пришлось уже говорить, что христианство как будто еще не нашло полного своего выяв-

ствование Императора Николая II. См. также: *Нилус С.* На берегу Божьей реки. Записки православного. Т. II. С. 181–183. Сан-Франциско: Изд. Братства прп. Германа Аляскинского, 1969.

¹ Адвентисты (от *лат.* *adventus* – пришествие) – приверженцы христианской секты, возникшей в США в 30-е гг. XIX в.; проповедуют скорое Второе Пришествие Иисуса Христа, соблюдение субботы, придерживаются ветхозаветных традиций; не признают иконопочитание, систему Таинств, бессмертие человеческой души.

ления в нашей земной жизни. Идеал христианского государства, создающего благоприятные внешние условия для жизни и спасения человека, еще не осуществлен вполне ни одним народом и не явлен миру в своей гармонической законченности.

По моему глубокому убеждению, христианство и в учении, и, особенно, в жизни, еще не достигло своей кульминации, не сказало своего последнего слова. Не сказала своего последнего слова и Россия.

В особое призвание России верили многие, очень многие лучшие русские люди, как например, Гоголь, Достоевский, Хомяков, Киреевский, Аксаков и другие славянофилы, Владимир Соловьев и ряд других больших русских писателей и мыслителей.

Нынешнее трагическое безвременье предсказывали преподобный Серафим Саровский, праведный отец Иоанн Кронштадтский, святитель Феофан Вышенский, Оптинский старец Нектарий, митрополит Антоний и многие другие. Все они верили в грядущее воскресение Святой Руси. Их предсказания общеизвестны.

Господь недавно, во время моего первого богомолья в Палестину, удостоил меня, грешного, познакомиться с нашими новыми, доселе неизвестными пророчествами, которые бросают новый свет на судьбы России.

Пророчества сии обнаружил случайно один ученый русский монах в старинных греческих рукописях, хранившихся в одном древнем греческом монастыре.

Неизвестные святые отцы VIII и IX веков, то есть современники святого Иоанна Дамаскина, в таких приблизительно словах запечатлели сии пророчества:

«После того как богоизбранный еврейский народ, предав на муки и позорную смерть своего Мессию и Икупителя, потерял свое избранничество, последнее перешло к эллинам, ставшим вторым богоизбранным народом.

Могучий, пытливый ум древних греков, просветленный христианством, проник в самые глубины миропознания. Великие восточные отцы Церкви отточили христианские догматы и создали стройную систему христианского вероучения. В этом великая заслуга греческого народа. Однако построить гармоническую общественную и государственную жизнь на этом прочном христианском фундаменте у Византийской государственности не хватает творческих сил и возможностей. Скипетр Православного Царства выпадает из слабеющих рук византийских императоров, не сумевших осуществить симфонию Церкви и государства.

Поэтому на смену одряхлевшему духовно избранному греческому народу Господь Промыслитель пошлет третий богоизбранный свой народ.

Народ этот появится на севере через сотню-другую лет (писались эти пророчества в Палестине за 150–200 лет до Крещения Руси), всем сердцем примет христианство, будет стараться жить по заповедям Христовым и *искать*, согласно указанию Христа Спасителя, *прежде всего Царствия Божия и правды Его*. За эту ревность возлюбит сей народ Господь Бог и *приложит ему все* остальное¹ – большие земельные просторы, богатство, государственное могущество и славу.

По немощи человеческой не раз будет впадать в большие грехи этот великий народ и за сие будет наказуем немалыми испытаниями. Лет через тысячу и этот богоизбранный народ поколеблется в вере и в стоянии за правду Христову, возгордится своим земным могуществом и славою, перестанет пещись о взыскании Града грядущего и захочет рая не на небе, а на грешной земле.

Однако не весь тот народ пойдет по сему гибельному широкому пути, хотя и значительное его большинство, особенно ведущий его слой. И за это великое падение будет послано свыше на этот презревший Божии пути народ страшное огненное испытание. Реки крови прольются по его земле, брат будет убивать брата, голод не раз посетит эту землю и соберет свою страшную жатву, почти все храмы и другие святыни будут разрушены или осквернены, множество людей погибнет.

Часть этого народа, не желая мириться с беззаконием и неправдой, покинет родные пределы и рассеется, подобно еврейскому народу, по всему миру (разве это не про нас, русских зарубежных, сказано?).

Все же не до конца прогневается Господь на Свой третий избранный народ. Кровь тысяч мучеников будет вопиять к небу о помиловании. В самом народе начнется протрезвление и возврат к Богу. Минет, наконец, определенный Правосудным Судией срок очищающего испытания и вновь засияет ярким светом возрожденное святое Православие в тех северных просторах.

Сей дивный свет Христов озарит оттуда и просветит все народы мира, чему поможет промыслительно посланная заранее в рассеяние часть этого народа, которая созиждет очаги Православия – храмы Божии по всему миру.

Христианство тогда явит себя во всей своей небесной красоте и полноте.

Большинство народов мира станет христианами. На некоторое время во всей подлунной воцарится благоденственное и мирное христианское житие...

¹ Ср.: Мф. 6, 33.

А потом? Потом, когда наступит исполнение времен, начнется уже во всем мире полный упадок веры и прочее предсказанное в Святом Писании, появится антихрист и наступит, наконец, кончина мира».

Изложены эти пророчества в разных рукописях и в разных вариантах, но в основном все они сходятся. Это основное я и постарался передать, как запомнил от рассказчика, может быть, только более современным языком.

Напоминаю, что эти пророчества обреты в подлинных греческих рукописях VIII и IX веков, когда о Руси как о государстве и слышно ничего не было, а Русскую равнину населяли разрозненные полудикие славянские племена и другие народности.

Что мне к этому прибавить?

Верую, что эти пророчества относятся к нашему русскому народу и что он, таким образом, является третьим богоизбранным народом.

Верую, что в этих удивительных пророчествах явлены грядущие судьбы русского народа, и все так и совершится, как в них предсказано тысячу лет тому назад.

Святое Православие устами возрожденного русского народа вновь явит Христа Спасителя всему миру.

Сие буди, буди!

*Архиепископ Серафим
Чикаго. Октябрь 1959 г.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Будет Царь – будет и Россия, не будет Царя – не будет и России», – так сказал преподобный Анатолий Оптинский, и так говорили тогда многие. Но вот не стало Царя – и нет России? Однако Россия есть. И над всем XX веком и далее горят эти слова нашего святого Царя: «Кругом измена, трусость и обман».

В революции 1917 года – торжество греха и предательства, в котором квинтэссенция греха. Так, в связи с постановлением Совнаркома 1918 года об установке в Советской России «памятников великих деятелей социализма, революции и проч.» в список новых монументов был включен и памятник Иуде как «борцу с христианством». Существуют свидетельства, что такой памятник был установлен в Свяжске. На церемонии его открытия глава Красной Армии Лев Давидович Троцкий сказал, что это памятник человеку, понявшему, что христианство – лжерелигия, и нашедшему силы сбросить с себя ее цепи. Он выразил уверенность, что памятники этому человеку в скором времени будут воздвигнуты по всему миру. Хотя памятник Иуде впоследствии был снесен, но след остался.

После всего, что произошло, должны ли мы заключить, что православная монархия в целом потерпела поражение? Да, по отношению к идеалу христианской цивилизации и культуры, которые православная монархия хотела осуществить. Но будем справедливы, это следует измерять только согласно человеческим меркам. Ибо все человеческие дела и среди них устройство жизни государства и общества на христианских началах в конечном счете с неизбежностью обречены на поражение. Никогда не существует совершенного успеха в рамках земной истории. В искушении осуществить христианский идеал здесь и сейчас, на земле и во временной истории, всегда присутствует тень вавилонской башни. Как если бы судьба человечества могла завершиться на этой отпавшей от Бога земле, как если бы его история могла найти свою цель и свой смысл во временном.

Всякий земной град, и даже православная монархия, – непрочное соединение Иерусалима и Вавилона, Града Божия и града зла. Часто соблазняются словами блаженного Августина о «земном граде», и делают из этих слов неправильные выводы. Ясно, что взятый по существу «земной град», временный град, не есть что-то проклятое Богом. Это нормальное место, где живет человек, созданный Богом, благословленный Им: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею*¹. Это земля, где

¹ Быт. 1, 28.

мы должны умножать таланты, вверенные нам. Это наше Отечество, которое мы любим и которому служим. Мы должны делать все от нас зависящее, и чем ближе приход в мир человека беззакония¹, тем больше наша ответственность.

Но при этом необходимо трезвенно видеть всю перспективу. Одно дело создать теоретическую модель общества, где царствуют правда, порядок и мир, заповеданные творению, предназначенные для нашего земного существования, – то, без чего не может обойтись наша временная жизнь. Ничто как православная монархия не может содействовать созданию и сохранению этих ценностей. Но после этого следует тотчас же добавить, что не сюда должен быть направлен наш духовный взор, или, если угодно, идеальный замысел, обозначающий цель, к которой должна устремляться наша деятельность. Если бы такой замысел был действительно осуществим, временная деятельность человека прямо соответствовала бы его возрастанию в вечном. Но вот то, что реально существует: мы имеем не только доброе естество, которое восхотел даровать нам Благой Творец, – в истории и в жизни постоянно обнаруживает себя наше падшее естество, ослабленное и искаженное грехом.

Среди как будто самых благоприятных обстоятельств мы видим повсюду неистребимое и многообразное присутствие греха и зла. Только на краткие мгновения траектория человеческой деятельности становится единой с идеальным путем, ведущим к Богу. Человек постоянно уступает своим страстям, и даже во граде справедливости покоряется прежде всего воле власти. Мир, как правило, – торжество силы, а то, что именуется порядком, основано не на согласии и любви, и этот порядок – не более чем «упорядоченный беспорядок». Каждое благо и каждую ценность этой земли, именуются ли они родиной, искусством или наукой, даже если они устремлены к высшей цели, следует воспринимать как промежуточную цель, как ступени восхождения к Богу, как то, через что человек достигает высшего блага. Увы, в наших руках эти блага, эти ценности нередко разрушаются в самой своей сущности, превращаясь в чудовищные карикатуры.

Здесь не следует сразу же говорить о пессимизме историков-атеистов, выносящих приговор всякой политической системе, в особенности православной монархии. Они констатируют повсюду торжество греха, зла, решительно побеждающего силы добра: православная монархия для них в обозреваемом периоде истории, с точки зрения провозглашаемого ею идеала, – только насмешка над ним. Сознывая слепоту этих историков, там, где они добросовестно заблуждаются, не видя главной – светлой сто-

¹ 2 Фес. 2, 3.

роны жизни, мы, христиане, не можем не признавать их частичной правоты. В коллективной истории мы находим тот же горький опыт поражения, что и в личной жизни в нравственном плане: *Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю*¹. То, что было в начале прекрасной мечтой, благородным предприятием, по мере того как теоретический его образ уточнялся, все более вызывало разочарование. Все яснее обнаруживался разрыв между тем, чем люди хотели бы быть, и тем, чем они остаются и фактически становятся. Наступает день, когда это расстояние становится слишком большим, и перед нами разверзается бездна.

Но всякое поражение во временной жизни, каким бы оно ни было, не должно приводить нас в отчаяние, как это бывает с не знающими Бога людьми, когда они видят, что все их возможности исчерпаны. Ибо наша надежда устремляется дальше и выше. Да, все земное приговорено к исчезновению, и зло возрастает. Но Бог никогда не обещал нам, что мы будем непременно успешными в земных делах. Вот почему православное богословие – снова и снова будем повторять эту мысль – отвергает как иллюзию надежду тысячелетнего царства, царства праведников со Христом на этой подчинившейся злу и смерти земле и во временной истории. Скорее мы должны ждать противоположного. Мы знаем, как судит Бог лжепророков, вдохновляемых подобным воображением. «Пусть никто, – говорит блаженный Августин, – не обещает того, чего не обещает Евангелие. Наше Священное Писание не возвещает в веке сем ничего, кроме испытаний и мук, несчастий, страданий и искушений»².

Но мы узнали, что подлинная история – та, которая имеет смысл, – не завершается в обозримом пространстве времени, *ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего*³.

После Первой мировой войны, а также после Второй, люди в большинстве своем хотели надеяться, что это страшное явление навсегда уйдет из человеческой истории. Хотя удобная и наивная вера многих в идущий по прямой линии прогресс рассеялась навсегда как иллюзия. Революция 1917 года в России и ее конвульсии: гражданская война, голод, концлагеря, безжалостное уничтожение миллионов людей; а на Западе ни с чем не сравнимый кошмар нацистской Германии, когда великие культурные народы уступили небывалому коллективному безумию, – говорят сами за себя. Мир, который был достигнут – чем дальше, тем это становится очевидней, – лишь передышка, достигаемая равновесием страха и взаимных угроз атомной или химической смерти, время от времени нави-

¹ Рим. 7, 19.

² Толкование на псалом 39.

³ Евр. 13, 14.

сающей над всеми. И мы помним слово Писания: *Когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба... и не избегнут*¹.

Где найти смысл в этом идеологическом Вавилоне, который представляет собой сегодняшний мир? После разрушения православной монархии никогда и нигде тирания не была столь жестокой, как в тех странах, где люди верили, что они осуществляют судьбу человечества. Но для нас, христиан, необходимо прежде всего задавать себе вопрос: вера, которую мы исповедуем в служении Откровению, – просвещает ли она нас пониманием тайны?

В адрес православных христиан нередко звучат обвинения в алармизме, в апокалиптическом восприятии всего происходящего, в сгущении красок. Но поскольку участие каждого человека в земной истории, по крайней мере, видимое, находит свой конец в час смерти, очень важно для нас не допустить, чтобы искажение христианского идеала в мире сопровождалось атрофией апокалиптической надежды.

Конец света, как обычно это называют, – определение с разным значением. Ибо если верно, что *проходит образ мира сего*², то, как говорят святые отцы, исчезает только его образ, форма, но не сущность. Чудесно преображенный, мир станет новым и лучшим – и это будет последним днем всеобщей истории. У многих же, увы, даже среди именующих себя христианами, этот день удерживается в сознании как образ катастрофы, исполненный отчаяния и страха. Как если бы этот день Второго Пришествия Господа не был для нас всепревосходящей надеждой, как если бы христиане не должны были жить в ожидании победоносного возвращения Христа, *избавляющего нас от грядущего гнева*³, как если бы Священное Писание не заканчивалось словами: *Ей, гряди, Господи Иисусе*⁴. Но есть у великих катастроф исключительные преимущества, когда кровь невинно убиенных и кровь мучеников вопиет к небу: *Доколе, Владыка Святый и Истинный*⁵? И здесь ответ на вопрос о смысле истории.

Смысл истории – глубокое испытание веры. Прогресс в христианстве – не линейный и не горизонтальный, он – вертикальный. Он измеряется вечностью, не продолжительностью времен. Христианство всегда требует от нас решительного и полного обращения. *Покайтесь!* – первое слово проповеди святого Иоанна Предтечи и Самого Спасителя, а также апосто-

¹ 1 Фес. 5, 3.

² 1 Кор. 7, 31.

³ 1 Фес. 1, 10.

⁴ Откр. 22, 20.

⁵ Откр. 6, 10.

ла Петра в день Пятидесятницы¹. Это то, что требуется от нас сегодня не только в личном плане, но и в подлинном видении решающих событий истории.

И столь же важно другое ключевое слово, непрестанно звучащее в Евангелии: *Не бойтесь!* – уверенность, что среди самого беспросветного мрака всегда есть решение, и что здесь источник ничем не омрачаемой радости. Увы, чаще о христианстве говорят, желая возвеличить или унижить его с точки зрения чисто земной, – содействует ли оно внешнему процветанию или, наоборот, ведет к упадку. Чтобы познать подлинную человеческую историю в ее целостности, в ее полноте или хотя бы в какой-то ее период, надо быть Богом – Тем, *Который есть и был и грядет*². Или надо быть Божественным – тем, кто по дару Христа, как святой Царь-страстотерпец Николай, знает, куда мы идем.

Протоиерей Александр Шаргунов

¹ Мф. 3, 2; 4, 17; Деян. 2, 38.

² Откр. 1, 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ АВТОРАХ

Часть ПЕРВАЯ. СЛУЖЕНИЕ БОГУ И ОТЕЧЕСТВУ

Н. Обручев

Подлинный облик Царя-мученика как человека, христианина и монарха

Печатается по: *Обручев Н.* Подлинный облик Царя-мученика как человека, христианина и монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. Москва: Вече, 2008.

Обручев Николай – публицист и литератор, внучатый племянник генерала Н.Н. Обручева, эмигрант, сотрудник «Всеславянского издательства» в Нью-Йорке.

Князь Д. Оболенский

Император Николай II и его царствование (1894–1917)

По материалам, собранным старым профессором

Печатается по: Император Николай II и его царствование (1894–1917). По материалам, собранным старым профессором. Ницца: Издание князя Дмитрия Дмитриевича Оболенского, 1928.

Оболенский Дмитрий Дмитриевич (1844–1931) – князь, помещик, коннозаводчик, статский советник (1890), Епифанский и Ефремовский уездный предводитель дворянства (1870–1880), шталмейстер двора Александра II, публицист, мемуарист.

Родился 19 декабря 1844 в Москве, был сыном князя Д.Н. Оболенского (1820–1884). Мать Елизавета Ивановна (1822–1902), урожденная Бибикова, была давней знакомой Л.Н. Толстого. В 1861–1865 учился на юридическом факультете Московского университета. Часто бывал в семье Толстых, в московском доме Берсов. Позже в тульском имении Д.Д. Оболенского, Шаховском, часто бывал Л.Н. Толстой, приезжая сюда поохотиться. Согласно одной из версий, Д.Д. Оболенский был одним из прототипов Стивы Облонского, персонажа «Анны Карениной».

Вскоре после окончания университета князь Д.Д. Оболенский был пожалован на должность шталмейстера Высочайшего Двора Императора Александра II – редкий факт для совсем молодого человека того времени.

Университетские занятия Д.Д. Оболенский совмещал с написанием уставных грамот крестьянам в трех имениях Богородицкого, Ефремовского и Веневского

уездов под руководством князя В.А. Черкасского, организовавшего кружки помещиков для обсуждения крестьянского вопроса и составившего проект освобождения крестьян от крепостной зависимости. В эти годы Д.Д. Оболенский уже занимал должность председателя земского собрания в Ефремове.

В 70-х Д.Д. Оболенский поселился в Тульской губернии, в имении Шаховское Богородицкого уезда (ныне – Узловский район Тульской области). Он был избран на должность Епифанского и Ефремовского уездного предводителя дворянства. Принимая активное движение в земском движении, он стал одним из виднейших деятелей губернии. С именем Д.Д. Оболенского связано строительство Рязско-Вяземской железной дороги, открытой в 1874 г. по решению Императора Александра II. Железная дорога, прошедшая через город Ефремов и непосредственно через имение князя, стала жизненно важной транспортной артерией региона, существенно поддержав местную торговлю хлебом и крупами. При содействии князя Д.Д. Оболенского в Туле был открыт первый Городской Банк, ему же принадлежит приоритет открытия залежей угля в Тульской губернии, на его земле. Оболенские шахты стали крупным предприятием. По этому примеру начались изыскания и в других уездах. Этот угольный район получил название Московского угольного бассейна и сыграл очень большую роль при устранении топливного кризиса в первые годы революции.

В 1890 Д.Д. Оболенский стал статским советником. При этом он был известным публицистом и мемуаристом. Его воспоминания публиковались в «Русском Архиве» (1894, т. III и 1895, т. I) и «Историческом Вестнике» (1895, том I).

Большой вклад внес князь Д.Д. Оболенский в развитие русского коннозаводства. Он был выбран вице-президентом Императорского Московского Скакового общества и Тульского бегового общества.

Князь беззаветно любил свое родовое гнездо – имение Шаховское. Из-за ряда финансовых неудач Шаховское оказалось обремененным большими долгами, и каждый год назначалось банками в продажу с торгов. При помощи Государя Николая II, который несколько раз вносил проценты банку из своих личных средств, князю Д.Д. Оболенскому удалось спасти Шаховское от продажи и передать его в наследство единственному внуку.

В 1918 князь Д.Д. Оболенский был арестован в Шаховском и заключен в городскую тюрьму Богородицка. Шаховское было национализировано.

В 1923 эмигрировал во Францию. В изгнании работал переводчиком Английской военной миссии, входил в Русскую секцию борьбы против III Интернационала.

Умер в Ницце 5 апреля 1931. Похоронен на кладбище «Кокад» в Ницце.

Н.А. Павлов

Его Величество Государь Николай II

Печатается по: *Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Париж, 1927.*

Павлов Николай Алексеевич – видный правый общественный деятель и публицист, один из лидеров Объединенного Дворянства.

Крупный землевладелец Саратовской губернии, с 1895 корреспондент Главного управления государственного коннозаводства по Саратовской губ. Предводитель дворянства, выборный местного земства в течение 22 лет, почетный судья в течение 18 лет, выборщик в Государственный Совет от дворянства в течение 11 лет. С 1905 чиновник особых поручений по переселенческому делу, при министре внутренних дел. Автор многочисленных записок по крестьянским делам.

1 декабря 1905 в составе депутации «Союза землевладельцев» был принят Императором Николаем II. Активный деятель дворянского движения, член Постоянного совета Объединенного Дворянства, был сторонником консолидации дворянства на экономической основе, активной политики правительства в отношении дворянства. Популярный правый публицист, сотрудник «Московских ведомостей», «Гражданина», «Русского знамени» и др. правых изданий, подписывал свои статьи «Дворянин Павлов». Участник 2-го Всероссийского съезда Русских Людей в Москве 6–12 апреля 1906, на котором выступал с докладом. Был одним из инициаторов исключения дворян, подписавших Выборгское воззвание, из числа членов дворянских обществ как изменников, выступал по этому вопросу в Русском Собрании (РС), выступал с докладами на др. темы в РС и Русском Монархическом Собрании.

В период раздоров в Главном Совете Союза Русского Народа принимал участие в примирительных переговорах, проходивших на Троицком подворье в Санкт-Петербурге под председательством князя А.А. Ширинского-Шихматова (в переговорах также участвовали: А.И. Дубровин, В.М. Пуришкевич и протоиерей Иоанн Восторгов, будущий священномученик).

После революции эмигрировал. Участник Рейхенгалльского съезда (Съезд хозяйственного восстановления России в Рейхенгалль (Бавария) 29 мая – 4 июня 1921), на котором выступал с сообщением о положении монархического движения и судьбе русских беженцев в Бизерте (Тунис). В 1924 подготовил в Висбадене книгу «Его Величество Государь Николай II» (издана в Париже в 1927), посвященную памяти Государя.

Скончался 31 января 1931 в городе Ванв под Парижем.

Н.М. Тихменев

Духовный облик императора Николая II

Печатается по: *Тихменев Н.М., председатель Союза ревнителей памяти Императора Николая II. Духовный облик Императора Николая Второго. Париж: Издание II Отдела в САСШ Союза Ревнителей Памяти императора Николая Второго, 1952.*

Тихменев Николай Михайлович (1872–1954) – русский военачальник и востоковед, генерал-лейтенант Генштаба. Участник Белого движения, председатель Союза ревнителей памяти Императора Николая II.

Родился 27 марта / 9 апреля 1872 в Рыбинске (по другим сведениям, в Санкт-Петербурге) в дворянской семье. Получил образование в Рыбинской классической гимназии. В службу вступил 10.06.1889. Окончил курс Московского пехотного юнкерского училища (1891). Выпущен подпоручиком в 8-ю артиллерийскую бригаду.

Окончил Николаевскую Академию Генерального штаба (1897). Служил по Генеральному штабу в Московском военном округе. Старший адъютант управления (штаба) 2-й отдельной кавалерийской бригады (1898). Старший адъютант штаба 3-й Гренадёрской дивизии (1899 – февраль 1900).

В 1900–1901 участвовал добровольцем в Китайском походе, где произвел географическое и статистическое исследование обширного района в Маньчжурии.

В 1904 участвовал добровольцем в Русско-японской войне. Штаб-офицер для особых поручений при штабе XIX армейского корпуса. Награждён за храбрость.

24 мая 1904 – 14 июня 1905 – правитель дел полевого управления этапами Маньчжурской армии.

14 июня 1905 – февраль 1907 – начальник канцелярии начальника военных сообщений 1-й Маньчжурской армии.

1907 – полковник, начальник отделения в отделе военных сообщений Главного управления Генерального штаба.

В 1913 стал командиром Замостского 60-го пехотного полка, с которым вышел на фронт Первой мировой войны.

В августе 1914 участвовал в боях в Галиции в составе 15-й пехотной дивизии 8-й армии генерала Брусилова.

30 августа 1914 произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады. Осенью 1914 за оборону Львова награжден Георгиевским оружием. В январе 1915 награжден орденом Св. Георгия IV степени за бои в Галиции.

12 февраля 1915 – командир бригады 58-й пехотной дивизии. 4 мая 1915 – помощник начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта.

С 5 октября 1915 назначен помощником главного начальника военных сообщений в Ставке Верховного Главнокомандующего.

С февраля 1917 – начальник военных сообщений всего театра военных действий. Генерал-лейтенант.

10 сентября 1917 после выступления генерала Л.Г. Корнилова арестован и заключен в Быховскую тюрьму, после чего был освобожден досрочно за отсутствием состава преступления и зачислен в резерв чинов при штабе Одесского ВО.

С 1918 в Добровольческой армии. Ближайший сотрудник генерала А.И. Деникина, начальник военных сообщений в штабе армии и организатор восстановления железнодорожных и других путей. В Вооруженных Силах Юга России – на той же должности.

В парижской эмиграции был многолетним председателем «Союз ревнителей памяти Императора Николая II» (1944–1954) и деятельным членом епархиаль-

ного управления в Париже. В 1948 упомянут как активный член «Парижской православной культовой ассоциации» («Association Cultuelle Orthodoxe Russe a Paris»).

Скончался 12 июня 1954. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Георгий Некрасов

Император Николай II как полководец

Печатается по: *Некрасов Георгий*. Император Николай II как полководец. Мельбурн, 1999. Личный архив А.Ю. Хвалина.

http://ruskline.ru/analitika/2011/01/20/imperator_nikolaj_ii_kak_polkovodec

Предисловие А.Ю. Хвалина к публикации

После канонизации святых Царственных страстотерпцев всей Полнотой Русской Православной Церкви продолжается не только их церковное молитвенное почитание, но и осмысление подвига их жизни и смерти. Комплекс вопросов, обсуждаемый до прославления Царской семьи специалистами на немногочисленных богословско-научных конференциях, за десять лет прочно вошел в круг интересов самых широких слоев российского общества. Публикации новых архивных материалов времен правления Государя Императора Николая II, воспоминания современников, исследования ученых помогают лучше усвоить и использовать имперский опыт державного домостроительства.

Более десяти лет назад в письме ко мне настоятель одного из зарубежных приходов, поддержав усилия, предпринимаемые на родине для прославления Царской семьи, написал: «Дай Бог Вам продолжать Ваше дело во славу России. Самое главное, чтобы была затронута Армия, чтобы она стала христолюбивым воинством». И как бы в подтверждение своих слов уважаемый пастырь приложил к своему письму вышедшую в 1999-м году в австралийском Мельбурне брошюру Георгия Некрасова «Император Николай II как полководец». Тогда же мне удалось напечатать выдержки из нее небольшим тиражом («Десятина» № 3–4(36–37), 2000).

Надо сказать, что тема эта достаточно острая и мало изученная. В российском общественном сознании за долгие годы тоталитарного господства атеистической и марксистской пропаганды сформирован миф о якобы полной непригодности Государя Николая II как полководца, о его «полковничьем уровне» при руководстве Императорской Армией. Предлагаемый сегодня вниманию боголюбивого читателя исследовательский материал Георгия Некрасова разрушает этот очередной злокозненный миф о нашем Батюшке-Царе и рисует его как мудрого и дальновидного Верховного Главнокомандующего Армией русских чудобогатей.

Но прежде, чем вы ознакомитесь непосредственно с текстом, думается, уместно сказать несколько слов об авторе этого труда.

Родился и вырос Георгий Некрасов в белой эмигрантской военной семье. Будучи молодым офицером Королевского Военно-морского флота Австралии, начал серьезно читать военную и военно-историческую литературу. Уже выйдя в запас в зрелом возрасте и работая над своей книгой о боевой деятельности Черноморского Флота в Первую мировую войну (North of Galipoli, Black Sea Fleet at War 1914–1917, G. Nekrasov, Columbia University Press, 1992), ему пришлось многое пересмотреть, передумать и переосмыслить. Плодом этих размышлений и стала новая работа исследователя, предлагаемая ныне вниманию читателей. Публикуется с сокращениями. По возможности сохранены орфография и пунктуация оригинала.

П.П. Стремоухов

Император Николай II и русское общество

в конце его царствования в освещении иностранцев

Печатается по: *Стремоухов П.П.* Император Николай II и русское общество в конце его царствования, в освещении иностранцев. Сообщено Союзом ревнителей памяти Императора Николая II // Русская Летопись. Кн. 7. Париж, 1925.

Стремоухов Петр Петрович (1865–1951) – русский государственный и общественный деятель, сенатор, литератор.

Родился 16/28 января 1865 в Рязани в семье православного чиновника (впоследствии тайного советника), из дворян Рязанской губернии.

Окончил Пажеский корпус по 1-му разряду (1885), был выпущен подпоручиком в Егерский лейб-гвардии полк. В 1889 был произведен в поручики, переведен в 149-й Черноморский пехотный полк. В следующем году служил в 152-м Владикавказском пехотном полку. В мае 1892 вышел в запас Гвардейской пехоты.

В декабре 1892 был назначен чиновником особых поручений при Варшавском генерал-губернаторе, возглавлял делопроизводство канцелярии. Он часто ездил в командировки по губерниям Царства Польского с инспекционными, ревизионными и иными задачами.

На службе П.П. Стремоухов получал ордена и повышения в чинах.

Гражданские чины: титулярный советник (1892), коллежский асессор (1893), надворный советник (1896), статский советник (1904), действительный статский советник (6 декабря 1907).

Придворные чины: камер-юнкер (1903), камергер (1906), состоящий в должности егермейстера (1913), егермейстер (1 января 1917).

Занимал посты Калишского вице-губернатора (1897–1904), Сувалкского (1904–1910), Саратовского (1911–1912), Костромского (1913–1915) и Варшавского (1915–1916) губернатора.

Назначение в Костромскую губернию произошло в преддверии юбилейных торжеств по случаю 300-летия Династии Романовых, что можно было трактовать как знак особого доверия, и эти мероприятия П.П. Стремоухов провел с успехом: 20 мая 1913 он был назначен на должность егермейстера Высочайшего Двора, а Государь Император соизволил объявить Высочайшую благодарность за образцовый порядок во время своего посещения Костромы и Костромской губернии. В 1916 был назначен директором департамента общих дел Министерства внутренних дел, 1 января 1917 пожалован в егермейстеры, 3 февраля 1917 назначен сенатором.

Последние годы службы П.П. Стремоухов провел в управлении Вооруженных сил Юга России, сначала в качестве помощника начальника Минералводского района, а потом помощника Главноначальствующего генерала от кавалерии И.Г. Эрдели, в Главном управлении Северного Кавказа. В 1920 был эвакуирован в Константинополь на пароходе «Витязь».

Эмигрировал в Болгарию, работал в Национальной библиотеке. Позднее переехал в Югославию. В 1926 в Париже был делегатом Российского Зарубежного съезда от Турции (первоначально выдвигался от Русского комитета Югославии). С 1927 жил в Париже, работал кассиром в ресторане, зарабатывал перепиской на машинке.

Состоял секретарем Общества защиты собственности русских эмигрантов. Член Союза ревнителей памяти Императора Николая II; член Общества бывших воспитанников Санкт-Петербургского университета; состоял в Объединении лейб-егерей, Гвардейском объединении во Франции. Выступал с докладами о России, об общности русских и французских революций (в Русском очаге, Союзе ревнителей памяти Императора Николая II и др.).

С 1934 жил в Ницце. Читал лекции в кружке молодежи по изучению русской культуры, кружке ревнителей русского прошлого. Оставил воспоминания о своей службе. Публиковался в издании Русского очага «Русская летопись» (Париж, 1925, статья «Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев»), в «Казачьем журнале» (Париж, 1929), в журнале «Россия» (начало 1930-х) и др. Написал мемуары «Все в прошлом».

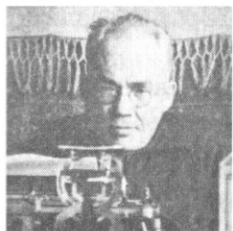
В последние годы жил в Русском доме в Ницце. Скончался там же 27 декабря 1951. Похоронен на русском кладбище «Кокад».

И.Л. Солоневич

Великая фальшивка Февраля

Печатается по: *Солоневич И.Л. Великая фальшивка Февраля. Буэнос-Айрес, 1954*; <http://rus-sky.org/history/library/february.htm>

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) – русский публицист, мыслитель, журналист и общественный деятель, организатор Народно-монархического движения в Русском Зарубежье.

Родился 1/13 ноября 1891 в гродненском селе в семье белорусского историка и журналиста Лукьяна Михайловича Солоневича и Юлии Викентьевны, в девичестве Ярушкевич. Оба деда были священниками. Учился в Гродненской и Виленской гимназиях (до 1912). Во время учебы Иван выступал с публицистическими статьями в газете «Северо-Западная жизнь» (редактором и издателем газеты был его отец), участвуя в борьбе за русское дело в Западном крае. При этом, как вспоминал сам Солоневич, приходилось несколько раз отстаивать с револьвером в руках свою типографию от еврейских революционеров.

Здесь же, в газете «Северо-Западная жизнь», Солоневич познакомился со своей будущей женой – Тамарой Владимировной Воскресенской (1894–1938), дочерью офицера. После женитьбы молодые переехали в Петроград, где вскоре родился их единственный сын Юрий.

Солоневич занимался тяжелой атлетикой. На февральском Всероссийском чемпионате 1914 г. в Риге занял второе место в пятиборье. Позже стал профессиональным борцом и тяжелоатлетом.

В Петрограде Солоневич поступил на юридический факультет университета, в начале Первой мировой устроился на работу в известную суворинскую газету «Новое время».

После февраля 1917 во главе студентов-спортсменов участвовал в организации студенческой милиции для поддержания порядка.

С приходом большевиков к власти, с началом Гражданской войны Иван и его брат Борис Солоневичи бегут из красного Петрограда на белый юг, в Киев. Они работают на белых, добывая секретную информацию и ежедневно рискуя жизнью. В 1920 всю семью Солоневичей забирают в одесскую ЧК, а после выхода оттуда сотрудничество с белыми возобновляется. Однако эвакуироваться вместе с ними Ивану Солоневичу помешала болезнь – сыпной тиф.

На юге И.Л. Солоневич задерживается до 1926, работая «по спортивной части» в советских профсоюзах. В 1926, переехав в Москву, И.Л. Солоневич стал инспектором ВЦСПС по физкультуре и спорту. Но его не покидало желание убежать из «коммунистического рая».

Когда младший брат Борис (бывший инспектором физической подготовки Военно-Морских Сил), отбыв срок в концлагере в Соловках и ссылку в Сибири за подпольное руководство скаутским движением, вернулся в Москву, братья стали основательно готовиться к побегу. Жена Ивана Солоневича заключает фиктивный брак с немецким техником и, получив германское подданство, в 1932 уезжает в Берлин. Первая попытка побега была предпринята в 1932, через Карелию. Но братья не знали, что это район магнитных аномалий – их компасы неправильно показывали направление. Они заблудились, Иван заболел – братьям пришлось вернуться. Вторая попытка была еще менее удачна: Бориса, Ивана и его сына Юрия, несмотря на их сопротивление (их опоили снотворным, но и даже в полусонном состоянии Борис успел сломать челюсть одному из чеки-

стов), сотрудники ГПУ арестовали в поезде по пути в Мурманск. Братьям дали по 8 лет концлагеря, а Юре – 3 года.

Претерпев всевозможные мытарства советских лагерей, Солоневичи смогли бежать из Свирского лагеря, и 14 августа 1934 Иван Солоневич с сыном Юрием удачно переходят финскую границу. Борису Солоневичу удалось это двумя днями раньше. Попав в Финляндии в фильтрационный лагерь, Иван Лукьянович, взяв взаймы карандаш и бумагу, начинает описывать все то, что пережил в СССР. Так зародилась знаменитая книга «Россия в концлагере», принесшая автору мировую славу и финансовую независимость. «Россия в концлагере» создавалась два года. Все это время Солоневичи разгружали мешки и бочки в Гельсингфорском порту. В Финляндии Иван Солоневич прожил около двух лет (1934–1936).

Из Финляндии Солоневич переезжает в Болгарию. Гонорары с иностранных изданий книги «Россия в концлагере» позволили писателю начать издавать в 1936 г в Софии газету «Голос России» (1936–1938). Он старался создать на основе кружков любителей этой газеты сплоченную организацию народно-монархического направления, хотел воспитать тот здоровый монархический слой общества, который смог бы, вернувшись в Россию, встать во главе возрождающегося Отечества.

Подобная деятельность не осталась незамеченной советскими спецслужбами: 3 февраля 1938 в редакции «Голоса России» прогремел взрыв. Погибли жена Ивана Солоневича Тамара Владимировна и секретарь Николай Петрович Михайлов. Вскоре прекратилось и издание «Голоса России».

Весной 1938 И.Л. Солоневич переезжает в Германию, где продолжает публицистическую и писательскую деятельность (здесь он пишет книги «Диктатура сволочи», «Диктатура импотентов», «Великая фальшивка Февраля», «Диктатура слоя», «Белая империя»), организует издание в Болгарии газет «Наша газета» (1938–1940), «Родина» (1940). После начала Великой Отечественной войны отказался выступить в поддержку Гитлера, за что был несколько раз арестован, а затем сослан в Темпельбург.

В 1948 г. И.Л. Солоневич с семьей сына переезжает в Аргентину, где основывает газету «Наша страна», орган русской монархической мысли (издающуюся по сей день), создает Народно-Монархическое движение (также то сих пор существующее). В Аргентине он издает книги «Народная Монархия» (основной труд его жизни, наиболее известное произведение), «Диктатура импотентов», «Диктатура слоя», «Роман во Дворце Труда», «Хозяева», «Что говорит Иван Солоневич о Царе и монархии, о большевизме, о русской эмиграции, о „Штабс-капитанском“ (Народно-Монархическом) Движении», «Великая фальшивка Февраля» и другие статьи. Кроме того, он издал работы своих единомышленников – Башилова, М. Спасовского, Н. Потоцкого, М. Зыкина, Б. Ширяева, Н. Былова и других.

В конце жизни переезжает в Уругвай и продолжает писать для «Нашей страны». Умер 24 апреля 1953 в Монтевидео после операции рака желудка. Похоронен в Монтевидео, на Английском кладбище.

И.Л. Солоневич

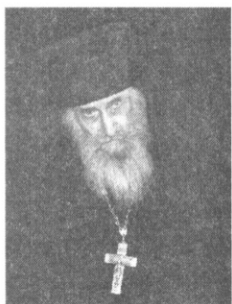
Миф о Николае Втором

Печатается по: Наша Страна (газета). Буэнос-Айрес, март–июнь 1949.

Архимандрит Константин (Зайцев)

Памяти последнего Царя

Печатается по: *Зайцев Кирилл, священник. Памяти последнего Царя. Шанхай, 1948.*

Архимандрит Константин (Зайцев Кирилл Иосифович; 1887–1975) – священнослужитель Русской Православной Церкви Заграницей, профессор Свято-Троицкой Духовной семинарии, редактор журнала «Православная Русь», богослов, один из виднейших духовных писателей Русского Зарубежья.

Родился 28 марта 1887 в Санкт-Петербурге. Его отец, Иосиф Зайцев, был крещеным евреем. Окончив гимназию, в связи с революционными событиями 1905, уехал учиться в Германию, изучал государственное право в Гейдельбергском университете.

После возобновления занятий в Петербургском университете юноша вернулся в Россию. В 1912 окончил экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Оставшись для подготовки к научному званию по кафедре государственного права, занялся изучением крестьянской реформы 1861 года.

Затем преподавал в Петербургском университете, служил в 1-м департаменте Сената по ведомству земледелия и землеустройств. Во время Первой мировой войны участвовал в трудах особой комиссии по продовольствию.

После Октябрьского переворота 1917 уехал в Москву, оттуда на юг России, где участвовал в Белом движении.

В 1920 эмигрировал с армией генерала П.Н. Врангеля из Крыма в Константинополь. Позже переехал в Прагу, где был приват-доцентом административного права Русского юридического факультета, читал курс административного права. Подготовил книгу, посвященную дореформенному земельному строю в России, готовился к магистерским экзаменам.

По приглашению П.Б. Струве (своего профессора в Санкт-Петербургском политехническом институте, позднее работавшего вместе с Зайцевым в Петрограде и Крыму) переехал в Париж, где в 1928–1933 редактировал газеты «Возрождение» и «Россия и славянство». Находился в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей, прихожанин Знаменской церкви в Париже.

В 1930 в Париже женился на певице и писательнице Софье Артемьевне Авановой (1899–1945).

В 1935 переехал в Харбин. В 1935–1936 стал ректором Харбинского педагогического института. В 1936–1938 был профессором политэкономии юридического факультета русского Харбинского университета, опубликовал в местной периодике отдельные части своей работы о земельном строе, написанной в Праге. В этот период, по собственным воспоминаниям, «впервые приблизился к Церкви», был профессором Харбинского Свято-Владимировского богословского института. Сотрудничал с японским дипломатическим ведомством в качестве аналитика, однако за протест против принуждения японцами православных эмигрантов к поклонению языческой богине Аматерасу был выслан в Русскую Духовную Миссию в Китае.

В 1944 епископом Иоанном (Максимовичем) рукоположен в сан диакона, а 28 августа 1945 – в сан иерея. В этом же году скончалась супруга Кирилла Зайцева.

Был священнослужителем в Циндао и Шанхае, в последний период жизни в Китае издал пять книг.

В 1949 бежал из коммунистического Китая в США, жил в Сан-Франциско среди духовных чад – насельниц Богородице-Владимирской женской обители, затем был принят в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, где читал курсы догматического богословия, истории русской словесности и пастырского богословия в Духовной семинарии.

31 декабря 1949 в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле был пострижен в монашество с именем Константин в честь Константина Философа, учителя Словенского.

В 1949–1975 редактор журнала «Православная Русь», также редактировал ежемесячное приложение к журналу «Православная жизнь», его англоязычный вариант *The Orthodox Life* и ежегодник «Православный путь». Состоял в переписке с И.А.Ильным.

С 1950 был профессором в Свято-Троицкой Духовной семинарии РПЦЗ, читал курсы догматического богословия, истории русской словесности и пастырского богословия.

21 ноября 1954 возведен в сан архимандрита.

Скончался в Джорданвилле 26 ноября 1975 в возрасте 88 лет, похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря.

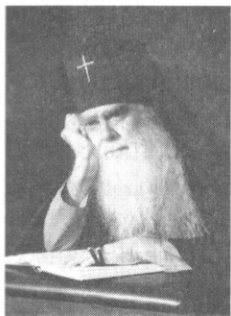
Часть ВТОРАЯ. ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ КАТАСТРОФЫ

*Высокопреосвященный Аверкий (Таушев),
архиепископ Сиракузский и Троицкий*

Провозвестник кары Божией русскому народу

(К 60-летию преставления епископа Феофана Затворника)

Печатается по: *Аверкий (Таушев), епископ. Провозвестник кары Божией русскому народу (к 60-летию преставления епископа Феофана Затворника). Джорданвилль, 1954.*

Высокопреосвященный Аверкий (Таушев Александр Павлович; 1906–1976) – архиепископ Сиракузский и Троицкий Русской Православной Церкви Заграницей, богослов, духовный писатель.

Родился 19 октября/1 ноября 1906 в Казани в семье дворянина Симбирской губернии, сотрудника военно-судебного ведомства.

В 1920 семья вынуждена была эмигрировать в Болгарию. Окончил русскую гимназию с золотой медалью (1926) и богословский факультет Софийского университета (1930).

Большое влияние на духовное становление оказали архиереи Серафим (Соболев) и Феофан (Быстров). Благодаря последнему юный богослов утвердился в мысли о принятии монашества.

В 1931 переехал в Прикарпатскую Русь (сегодня это Закарпатская область Украины). Назначен помощником секретаря в г. Хусте.

17 мая 1931 в Свято-Николаевском монастыре в селе Иза пострижен в монашество с именем Аверкий, на следующий день рукоположен во диакона, а спустя год – во иеромонаха.

В 1932 назначен приходским священником в Ужгород, позднее назначен настоятелем. С августа 1936 издатель-редактор епархиального журнала «Православный Карпаторусский вестник».

В 1937 награжден саном игумена.

В 1938 настоятель прихода в Мукачеве.

В 1940 году иеромонах Аверкий вынужден перебраться в Белград из-за оккупации Прикарпатской Руси венгерскими войсками. В Белграде митрополитом Анастасием (Грибановским) он был назначен священником Свято-Троицкой церкви. Преподавал на миссионерско-пастырских курсах пастырское богословие и гомилетику.

В 1944 возведен в сан архимандрита.

В 1944 эвакуировался в Австрию. В 1945 с Архиерейским Синодом прибыл в Мюнхен, где был законоучителем в старших классах гимназии «Милосердный самарянин» и в «Гимназии бесподданных» в лагере для перемещенных лиц, вел преподавательскую работу на курсах сестер милосердия. С 1950 председатель миссионерско-просветительского комитета при Архиерейском Синоде.

В 1951 по приглашению архиепископа Виталия (Максименко) переехал в США и поселился в Свято-Троицком монастыре города Джорданвилля. В том же году будущий архиерей начал преподавать Новый Завет, гомилетику и литургику в Джорданвилльской семинарии, а в 1952 стал ректором этого учебного заведения.

В период его 24-летнего ректорства Свято-Троицкой Духовной семинарии Джорданвилля был присвоен статус университета штата Нью-Йорк. Благодаря архимандриту Аверкию, преподавательский состав семинарии обогатился такими выдающимися лекторами, как протопресвитер Михаил Помазанский, иеро-

монах (а позже – архиепископ) Алипий (Гоманович), архимандрит Константин (Зайцев), Николай Дмитриевич Тальберг и др.

С 1952 главный редактор журнала «Православная Русь».

В 1953 хиротонисан во епископа Сиракузского, викария Восточно-Американской епархии.

12 мая 1960 после смерти архиепископа Виталия избран настоятелем Свято-Троицкого монастыря.

17 августа 1961 возведен в сан архиепископа.

С 1964 постоянный член Архиерейского Синода РПЦЗ.

Председатель благотворительного фонда им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

Автор многочисленных проповедей, статей и докладов в период с 1956 по 1976 год. Часть гомилитического и публицистического наследия архиепископа Аверкия вошла в сборник под названием «Современность в свете слова Божия». Автор учебных пособий «Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета», «Руководство по гомилетике» и др.

Скончался 13 апреля 1976 в Джорданвилле. Похоронен в Троицком соборе Свято-Троицкого монастыря.

*Высокопреосвященный Аверкий (Таушев),
архиепископ Сиракузский и Троицкий*

Отец Иоанн Кронштадтский как пророк Божий, посланный России для вразумления

Печатается по: *Аверкий (Таушев), архиепископ. Отец Иоанн Кронштадтский как пророк Божий, посланный России для вразумления. Джорданвилль, 1963.*

*Святитель Тихон,
Патриарх Московский и всея России*

Слово на расстрел Государя

Печатается по: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 142–143.

Слову Святейшего Патриарха Тихона предшествуют и последуют такие записи в «Актах...»:

«06(19).07.1918.

Резолюция Святейшего Патриарха Тихона на протоколе совещания Соборного Совета, созданного по вопросу о служении соборной панихиды по расстрелянному бывшем Императоре Николае II

Благословляю архипастырей и пастырей молиться о сем на местах.

08(21).07.1918.

Слово Святейшего Патриарха Тихона, сказанное богомольцам в Казанском соборе г. Москвы во время торжественного патриаршего служения Литургии по случаю храмового праздника, с комментариями к нему члена Собора протоиерея П.Н. Лахостского (выписка из 132-го Деяния III сессии Священного Собора)

...108. Прот. П.Н. Лахостский (*внеочередное заявление*): Я выпросил себе слово, чтобы познакомить в нем в кратких словах с тем, о чем теперь со вчерашнего дня очень много говорят в Москве. А если многие знают и говорят, то и члены Собора должны знать это и обстоятельно подумать. Дело в том, что вчера Святейший Патриарх в Казанском Соборе совершал Литургию и после Евангелия выступил со словом, которое он произнес экспромтом. Это слово, с разрешения Его Святейшества, я записал. Вот с ним-то я и познакомлю вас.

<...>

Вот слово, произнесенное Его Святейшеством, мною записанное, просмотренное и одобренное Святейшим Патриархом. Я наблюдал, какое впечатление производило оно на народ. Его Святейшество говорил с волнением. К сожалению, его слышали не все, но мне показалось и другим, что те, которые слышали, почувствовали какое-то облегчение от сознания, что заговорили те, кому следует говорить и будить совесть. Правда, на улицах говорят различно, некоторые злорадствуют и одобряют убийство, но верующие будут чувствовать себя смущенными. Вчера, без всякой связи со словом Святейшего Патриарха, в храме Христа Спасителя совершена панихида. В храме св. Спиридония, по требованию народа, панихида совершена дважды. Народ ждет, что мы, как представители и носители христианской совести, присоединимся не к тем, кто убивает и одобряет убийство. Мое предложение к Собору: присоединиться к слову Святейшего Патриарха, подобно тому, как Собор присоединился в свое время к посланию Его Святейшества с анафематствованием. Настоящее слово прекрасно выражает, представляет собою самую суть того, что говорилось о событии на Соборе в пятницу [6(19) июля 1918 г.], пред совершением панихиды. Мы делом уже выразили свое согласие со словом Патриарха».

(В ходе дискуссии члены Поместного Собора в основном осудили убийство Императора, однако акта с официальной позицией относительно расстрела Государя не последовало. – *Ред.*)

Святитель Тихон (Беллавин Василий Иванович; † 1925) – Патриарх Московский и всея России, исповедник.

Будущий святитель родился 19 (31) января 1865 в приходе Воскресенской церкви погоста Клин Торопецкого уезда Псковской губернии в священнической семье. Окончил Торопецкое Духовное училище (1878), Псковскую семинарию (1884) и Петербургскую Духовную Академию (1888). После Академии три года преподавал догматику, нравственное богословие и французский язык в Псковской Духовной семинарии.

14 декабря 1891 принимает постриг с именем Тихон, в честь святителя Тихона Задонского, на следующий день его рукополагают в иеродиакона, и вскоре – в иеромонаха.

В 1892 отца Тихона переводят инспектором в Холмскую Духовную семинарию, где скоро он становится ректором в сане архимандрита. С 1894 ректор Казанской Духовной Академии.

19 октября 1897 в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры состоялась хиротония его во епископа Люблинского с назначением викарием Холмско-Варшавской епархии. Через год, осенью 1898, назначен епископом Алеутским и Аляскинским, с января 1900 – Алеутским и Северо-Американским.

6 мая 1905 года возведен в сан архиепископа.

Владыка упорядочил жизнь православных приходов в Соединенных Штатах и на Аляске, воздвигнул новые храмы, и среди них – кафедральный собор во имя святителя и чудотворца Николая в Нью-Йорке, куда и перенес из Сан-Франциско кафедру Американской епархии, организовал Миннеаполисскую Духовную семинарию для будущих пастырей, приходские школы и приюты для детей. В Соединенных Штатах за преосвященным Тихоном закрепилась слава подлинного апостола Православия.

В 1907 архиепископ Тихон был назначен на древнюю Ярославскую кафедру. В 1914 назначен архиепископом Виленским и Литовским.

23 июня 1917 архиепископ Тихон избирается на Московскую кафедру с возведением в сан митрополита.

15 августа 1917 в праздник Успения Пресвятой Богородицы открылся Всероссийский Поместный Собор, восстановивший Патриаршество. Жребием из трех кандидатов Патриархом был избран митрополит Тихон. Интронизация нового Патриарха была совершена в Кремлевском Успенском соборе 21 ноября в день празднования Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Патриарху Тихону пришлось решать вопрос об отношениях с новым государственным строем, враждебно относящимся к Церкви, а также предстояло сделать все возможное, чтобы сохранить Православие в тяжелый период лихолетья в условиях захлестнувших Россию революции, гражданской войны и всеобщей разрухи. В своих обращениях к пастве он осуждал кровавые беспорядки, обличал безбожную власть, призывал верующих не изменять христианской совести. Твердо противостоял Патриарх Тихон обновленческому расколу, не допуская разложения Церкви изнутри.

В 1921 святитель возглавил Комитет помощи голодающим, призывая жертвовать драгоценные церковные украшения небогослужебного употребления. Но когда под предлогом помощи голодающим власти начали разгром Церкви, Патриарх выступил против посягательств на святыни и народное достояние.

В результате Патриарх был арестован большевиками и с 16 мая 1922 по июнь 1923 находился в заточении. Власти не сломили святителя и были вынуждены

выпустить его, однако стали следить за каждым его шагом. 12 июня 1919 и 9 декабря 1923 были предприняты попытки убийства, при втором покушении мученически погиб келейник Святейшего Яков Полозов.

Святейший Патриарх Тихон скончался 25 марта 1925, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, и был погребен в московском Донском монастыре. Ныне мощи святителя покоятся в большом соборе Донского монастыря.

В 1981 Архиерейский Собор РПЦЗ прославил в соборе новых мучеников и исповедников Российской Церкви Патриарха Тихона. А в 1989, в год юбилея установления Патриаршества в России, Святейший Патриарх Тихон был прославлен Русской Православной Церковью Московского Патриархата. Его память совершается 25 марта/7 апреля и 26 сентября/9 октября.

*Высокопреосвященнейший Анастасий (Грибановский),
митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский*

Слово, произнесенное на Голгофе в седьмую годовщину мученической кончины Государя Императора Николая II и всей Царской семьи

Печатается по: Слово Высокопреосвященнейшаго митрополита Анастасия в седьмую годовщину мученической кончины Государя Императора Николая II и всей Царской семьи // Православная жизнь (ежемесячное приложение к журналу «Православная Русь»). Август, 1963.

Высокопреосвященнейший Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич; 1873–1965) – архиепископ Кишиневский и Хотинский Русской Православной Церкви; впоследствии митрополит Русской Православной Церкви Заграницей, второй, после митрополита Антония (Храповицкого), председатель Архиерейского Синода РПЦЗ.

Родился 6/18 августа 1873 в селе Братки Тамбовской губернии в семье сельского приходского священника. Окончил Тамбовское Духовное училище, затем Тамбовскую Духовную семинарию, поступил в Московскую Духовную

Академию, которую окончил в 1897 со степенью кандидата богословия.

В апреле 1898 Тамбовским епископом Александром (Богдановым) в Тамбовском Казанско-Богородицком монастыре был пострижен с именем Анастасий, в честь преподобного Анастасия Синаита, 23 апреля рукоположен тем же архиереем во иеродиакона, вскоре затем – во иеромонаха. С июля 1901 года состоял на должности ректора Московской Духовной семинарии в сане архимандрита.

29 июня 1906 в московском Успенском соборе был хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии, с местопребыванием в Даниловом монастыре.

Принимал участие в подготовке к празднованию 300-летия Дома Романовых, возглавляя в Москве церковную юбилейную комиссию, принимал участие в юбилейных торжествах в Москве в мае 1913 в Высочайшем присутствии.

14 мая 1914 переведен на самостоятельную Холмскую и Люблинскую кафедру, 10 декабря 1915 – на Кишиневскую и Хотинскую кафедру, 6 мая 1916 переведен в сан архиепископа.

Член Всероссийского Поместного Собора РПЦ 1917–1918 годов, возглавлял Отдел церковного имущества и хозяйства, возглавил соборную комиссию, работавшую чин интронизации новоизбранного Патриарха; был избран членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета РПЦ.

В октябре 1918, по указанию Патриарха Тихона, выехал из Москвы в Одессу в надежде восстановить прерванные ввиду оккупации губернии румынскими войсками связь с Бессарабией, которая в церковном отношении была включена в состав Румынской Церкви. Отказался от предложения румынского Синода войти в его состав.

В 1919 уехал в Константинополь и пребывал там в Галате, в подворье русского Пантелеимонова монастыря. Продолжал использовать свой прежний титул.

15 октября 1920 Временным Высшим Церковным Управлением Юго-Востока России был назначен на правах епархиального архиерея управляющим русскими приходами Константинопольского округа. 22 ноября 1920 был включен в состав ВВЦУ, заседания которого проходили в Константинополе, и избран заместителем митрополита Антония (Храповицкого). 2 декабря 1920 грамотой Местоблюстителя Вселенского престола, в числе прочих российских архиереев, получил разрешение образовать временную церковную комиссию («эпитропию») под высшим управлением Вселенской Патриархии для надзора и руководства церковной жизнью русских колоний. Комиссия получила название Временного высшего церковного управления заграницей (ВВЦУЗ). 24 апреля 1922 был избран председателем Русского комитета в Турции, объединявшего до 35 организаций беженцев.

С 21 ноября по 2 декабря 1921 в Сремских Карловцах (Сербия), как один из заместителей председателя, участвовал в Русском Всезаграничном церковном Соборе; возглавлял Отдел духовного возрождения России, 30 ноября выступил с докладом по вопросу о восстановлении монархии в России. После прений Собор принял обращение с призывом молиться о восстановлении в России монархии и царствующего Дома Романовых.

С 13 сентября 1922 вошел в созданный Архиерейским Собором в Сремских Карловцах временный Архиерейский Синод (вне юрисдикции Московского Патриархата), который стал правопреемником ВВЦУЗ.

В мае-июне 1923 принял участие в проходившем в Константинополе Всеправославном совещании, где выступил в качестве руководителя оппозиции предложенным Патриархом Мелетием реформам. В 1924 был вынужден покинуть Константинополь вследствие наложенного в мае того года Вселенской Патриархией запрещения. Отбыл через Францию в Болгарию, где в сентябре принял

участие в новом освящении Александро-Невского собора в Софии, что стало первым случаем сослужения российского архиерея с находящимся под схизмой (с 1872 года) болгарским духовенством.

Указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя РПЦ, митрополита Московского Сергия (Страгородского), от 22 июня 1934, в числе прочих «карловацких епископов» был запрещен в священнослужении; указ был отвергнут 10 сентября того же года особым постановлением Архиерейского Собора РПЦЗ в Сремских Карловцах.

В ноябре 1935 стал во главе автономного Балканского округа. В 1935 Сербским Патриархом Варнавой был возведен в сан митрополита.

31 октября – 18 ноября 1935, как представитель РПЦЗ, принимал участие в совещании, проходившем под председательством Патриарха Варнавы, с представителями других церковно-эмигрантских структур: митрополитами Евлогием (Георгиевским) и Феофилом (Пашковским) и епископом Димитрием (Вознесенским) (представитель Дальневосточного округа); совещание выработало Временное Положение об управлении Русской Церковью Заграницей.

10 августа 1936, по смерти митрополита Антония (Храповицкого), как старейший по хиротонии архиерей РПЦЗ и первый заместитель почившего, был избран Первоиерархом РПЦЗ, председателем Архиерейских Собора и Синода.

В августе 1938, под его председательством, в Сремских Карловцах прошел II Всезарубежный Церковный Собор, который, среди прочего, осудил переход управляющего Западноевропейскими русскими приходами митрополита Евлогия (Георгиевского) в юрисдикцию Вселенского Патриарха, а также гонения на Церковь в СССР.

21 октября 1943 в Вене возглавил Совещание 8 епископов РПЦЗ, которое заявило о незаконности и недействительности состоявшегося 11 сентября того же года избрания митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси.

В сентябре 1944, вместе с прочими архиереями и канцелярией Синода РПЦЗ, переехал в Карловы Вары, затем в Мюнхен. В начале 1946 выезжал в Женеву, где пополнил епископат РПЦЗ, хиротонисав в сослужении с епископом Иеронимом (Черновым) двух архимандритов, Нафанаила (Львова) и Серафима (Иванова).

На Архиерейском Соборе в мае 1946 в Мюнхене в РПЦЗ влились 12 русских архиереев, служивших в годы войны на контролировавшейся Германией территории СССР, и был воссоздан Архиерейский Синод РПЦЗ.

24 ноября 1950 переехал из Мюнхена в Нью-Йорк (США). 25 ноября отбыл в Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк), где совершил освящение новопостроенного каменного храма в честь Святой Троицы, после чего состоялся Архиерейский Собор, в котором приняли участие 11 иерархов РПЦЗ. Здесь же, впервые в истории РПЦЗ, им был совершен чин мирования и освящения мира, которое прежде РПЦЗ получала от Сербской Церкви.

В 1964 инициировал созыв Архиерейского Собор РПЦЗ для избрания нового Первоиерарха. 27 мая того же года ушел на покой.

Скончался 22 мая 1965 в Нью-Йорке. Погребен в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, под алтарем.

*Святитель Иоанн (Максимович),
архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский*

О Царе и цареубийстве. Из проповедей разных лет

Составлено по: *Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, святитель*. Слова и проповеди // http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maksimovich/slova-i-propovedi/4

Высокопреосвященнейший Иоанн (Максимович Михаил Борисович; † 1966) – архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский, Шанхайский, святитель, чудотворец.

Родился 4(16) июня 1896 в селе Адамовка Харьковской губ. (ныне Донецкая область) в дворянской православной семье; к этому же роду принадлежал прославленный в 1916 святитель Иоанн Тобольский (Максимович).

Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1914) и юридический факультет Харьковского университета (1918). Эмигрировал, окончил богословский факультет Белградского университета (1925).

В 1924 митрополит Антоний (Храповицкий), возглавивший к тому времени Русскую Православную Церковь Зарубежом, посвятил его в чтецы в русской Троицкой церкви Белграда. Вскоре Максимович по поручению владыки Антония подготовил доклад о происхождении закона о престолонаследии в России.

В 1926 в Мильковском монастыре митрополитом Антонием пострижен в монашество с именем Иоанн в честь святителя Иоанна Тобольского. Был законоучителем в сербской гимназии города Великая Кикинда и в Духовной семинарии в городе Битоле. В 1929 возведен в сан иеромонаха.

В 1934 хиротонисан во епископа Шанхайского, викария Китайской и Пекинской епархии. При епископе Иоанне в Шанхае было завершено строительство кафедрального собора в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных» и Свято-Николаевской церкви – храма-памятника Царю-мученику.

Во время жизни в Китае получил известность как благотворитель, организовал для сирот и детей бедных родителей приют во имя святителя Тихона Задонского; сам подбирал больных и голодающих детей на улицах шанхайских трущоб и приводил их в приют. Епископ посещал заключенных в тюрьмах, навещал больных в психлечебницах, по его молитвам исцелялись безнадежно больные.

В 1946 возведен в сан архиепископа, окормлял всех прихожан РПЦЗ в Китае. В 1949 три месяца служил в лагере русских беженцев на Филиппинах, после этого отбыл в США.

С 1951 архиепископ Брюссельский и Западно-Европейский; за ним было сохранено управление оставшимися приходами Шанхайской епархии (в Гонконге, Сингапуре и др.). Центром активной деятельности архиепископа Иоанна был брюссельский храм во имя святого праведного Иова Многострадального, заложенный в память Царя Николая Александровича. Жил и служил во Франции, часто бывал в Леснинском Богородицком женском монастыре в Фуркё.

В 1961 освятил парижскую церковь Всех святых, в земле Российской просиявших. Владыка прославился множеством исцелений, прозорливостью и нестяжательностью, он часто ходил по парижским улицам босой, отдавая свою обувь нищим; его так и прозвали – Иоанн Босой.

В 1962 переехал в США, в 1963 был утвержден на Сан-Францисской кафедре. Несмотря на многочисленные препоны, еще при жизни архиепископа в Сан-Франциско был успешно достроен кафедральный собор в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Скончался 19 июня/2 июля 1966 во время своего посещения Свято-Николаевского прихода в Сиэтле, куда он прибыл с чудотворной Курско-Коренной иконой Божьей Матери. Перед этой святой иконой во время молитвы в своей келье и предал владыка свою душу Богу.

Святитель был погребен в Сан-Франциско, в усыпальнице под выстроенным им собором. Вскоре здесь стали происходить чудеса исцелений и помощи в житейских делах.

В 1994 специальная комиссия по прославлению владыки обнаружила его мощи нетленными, и 2 июля 1994 Русская Православная Церковь Заграницей причислила к лику святых святителя Иоанна (Максимовича) Шанхайского и Сан-Францисского чудотворца. Его общецерковное прославление в Русской Православной Церкви совершилось решением Архиерейского Собора от 24 июня 2008 г.

Н.П. Кусаков

Памяти Императора

(Полный текст доклада, произнесенного на собрании «День Скорби», 20.07.1969, устроенном Комитетом Российской Колонии в Аргентине)

Печатается по: *Кусаков Н.П.* Памяти Государя Императора Николая Александровича. Буэнос Айрес: Русское слово, 1969.

Кусаков Николай Павлович (настоящая фамилия Чурилов; 1909–1997) – эмигрантский православный писатель, публицист, общественный деятель.

Родился 1/14 января 1909 в городе Сумы Харьковской губернии. Окончил Московский педагогический институт иностранных языков, позже, в эмиграции, поступил в Немецкий институт для иностранцев, при Берлинском университете. Свободно владел английским, немецким и испанским языками. Свою переводческую и литературно-публицистическую деятельность начал еще в России.

По обвинению в участии в контрреволюционной организации церковников был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. С 1933 по 1936 находился в ссылке в Усть-Сыольске (Сыктывкаре), где работал чернорабочим. Вернувшись из ссылки, обосновался в Воронеже, затем переехал в Мариуполь. Работал учителем немецкого языка в средней школе.

Во время немецкой оккупации жил и работал в Мариуполе. С наступлением советских войск перебрался в Германию. В 1948, после многочисленных мытарств, уехал с семьей в Аргентину. Работал соредактором газеты «Суворовец», а также сотрудником Российского Имперского Союза-Ордена.

Автор ряда трудов и десятков статей православно-монархического и религиозного направления, которые публиковались на страницах многих церковных и национальных изданий. Среди известных его произведений повести «Всюду жизнь» и «Старина»; труды «Православие и Монархия», «Юридическая ересь и Православная Церковь», историко-философский очерк «Как перед потоком» о борьбе революции против христианства.

Последние годы жизни провел в США в пригороде Нью-Йорка – Глен Кове, куда перебрался по приглашению сына. Несмотря на преклонный возраст, регулярно совершал паломничества в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, где проживал по нескольку дней.

Накануне кончины исповедался, причастился в своем приходском храме в Глен Кове и был напутствован Иверской Чудотворной иконой Божией Матери. Скончался 23 июня 1997, погребен на кладбище в Ново-Дивееве.

Протоиерей Александр Шаргунов

О значении канонизации Царственных страстотерпцев

Печатается по: *Александр Шаргунов, протоиерей. Царь. Златоуст, Челябинск: Изд-во «Златоуст», 2013. С. 21–27.*

Шаргунов Александр Иванович (род. в 1940) – священнослужитель Русской Православной Церкви, митрофорный протоиерей, настоятель московского храма святителя Николая в Пыжах, глава Комитета «За нравственное возрождение Отечества».

Родился 31 декабря 1940 в Кировской (Вятской) области.

С 1961 по 1967 обучался в Московском государственном пединституте иностранных языков им. Тореца. Свободно владеет английским и французским языками, занимался поэтическими переводами.

В 1965 принял Святое Крещение.

С 1967 по 1968 работал переводчиком в Госконцерте. С 1971 по 1975 работал в Загранпатенте при комитете по изобретениям СССР.

Экстерном сдал экзамены в Духовной семинарии, в 1977 поступил в Московскую Духовную Академию.

27 марта 1977 был рукоположен в сан диакона, а 21 мая того же года и в сан священника. Служил в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке.

В 1982 окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, защитив диссертацию на тему: «Догмат в христианской жизни».

В 1986 возведен в сан протоиерея.

С 1 сентября 1989 – преподаватель Московской Духовной Академии и семинарии. Преподает Священное Писание и одновременно занимается активной общественной деятельностью.

Был активным сторонником канонизации Николая II и его семьи.

В 1991 назначен настоятелем храма во имя святителя Николая Чудотворца в Пыжах.

Резко обличал расстрел парламента в октябре 1993.

В апреле 1994 создает Общественный комитет «За нравственное возрождение Отечества» и занимает в нем пост председателя (члены: писатели Валентин Распутин, Владимир Крупин, Василий Белов и др.).

Регулярно выступает с проповедями на православном радио «Радонеж», в журнале «Русский Дом» отвечает на письма читателей, является составителем шести сборников «Чудеса Царственных мучеников», автором многочисленных книг.

7 апреля 2012 удостоен права ношения митры.

Протоиерей Александр Шаргунов

«Искупитель мой жив»

Святой праведный Иов и святой царь Николай II

Печатается по: *Александр Шаргунов, протоиерей. Царь. Златоуст, Челябин. обл.: Изд-во «Златоуст», 2013. С. 69–76.*

*Высокопреосвященный Серафим,
архиепископ Чикагский и Детройтский*

Судьбы России

Печатается по: *Архиепископ Серафим. Судьбы России. Чикаго, 1959.*

Высокопреосвященный Серафим (Иванов Леонид Георгиевич; 1897–1987) – архиепископ Чикагско-Детройтский и Среднеамериканский Русской Православной Церкви Заграницей, первый заместитель Первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета (Вознесенского).

Родился 1/13 августа 1897 в Курске. После окончания Курской классической гимназии поступил на философский факультет Московского университета (1914).

В 1916 пошел добровольцем в армию. После развала Русской армии вступил в Добровольческую армию, где служил в Марковской бригаде Корниловского полка и участвовал в наступлениях на Курск и Харьков.

Эвакуировался в 1920 году из Крыма вместе с Белой армией, эмигрировал в Югославию.

Окончил богословский факультет Белградского университета (1925).

1 августа 1926 в Пантелеимоновом монастыре на горе Афон принял монашеский постриг с именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского.

В том же году возвращается в Скопье, где митрополитом Варнавой (Росичем), будущим Патриархом, был рукоположен во иеромонаха. Служит приходским священником и становится законоучителем в гимназии Скопье.

С 1928 по 1946 подвизался в миссионерской обители прп. Иова Почаевского во Владимирове (Ладомирове) на Карпатской Руси в Словакии (Чехословакия). В 1934 вступил в Братство святого Иова Почаевского в Ладомировой.

В 1935 митрополитом Антонием (Храповицким) возведен в сан архимандрита и назначен им настоятелем монастыря Святого Иова Почаевского и Типографского братства.

При Архимандрите Серафиме монастырь стал наиважнейшим печатным центром Зарубежной Церкви в предвоенный период. Во время Второй мировой войны монастырь печатал православную литературу для распространения на оккупированных немцами территориях Советского Союза.

В 1944 вместе с братией эвакуировался на запад: сначала в Германию, потом в Швейцарию. Составил послание с опровержением сведений о «полной религиозной свободе в СССР» и распространил его среди православных людей Западной Европы. Оно имело такой эффект, что Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I было предписано особым Обращением от 15 декабря 1945 объявить его «клеветой».

24 февраля (9 марта) 1946 в Крестовоздвиженском соборе Женевы архимандрит Серафим был возведен в епископа Сантьягского и Чилийского. Хиротонию возглавлял митрополит Анастасий (Грибановский).

Ввиду невозможности отправиться на кафедру в Чили, вместе с братией эмигрировал в Соединенные Штаты, где они поселились в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле. Принял на себя руководство монастырем. Назначается епископом Троицким и викарием Восточно-Американской епархии.

Издает газету «Православная Русь», редактирует журналы «Детство во Христе» и «Православная Жизнь». Написал за эти годы больше 200 статей, очерков и рассказов.

По инициативе епископа Троицкого Серафима в январе 1950 на пожертвованной РПЦЗ земле в городе Магопак под Нью-Йорком была основана Ново-Коренная пустынь. Пустынь служила домом для Курской Коренной иконы и

резиденцией Архиерейского Синода РПЦЗ (где по приезду в США имел пребывание Владыка митрополит Анастасий (Грибановский)) с 1951 по 1958 год. Епископ Серафим был настоятелем Пустыни с 1951 по 1957 год, в эти годы он также стал постоянным членом Синода.

В октябре 1957 назначен на Чикагскую и Детройтскую кафедру. Много потрудился, чтобы привести епархию в надлежащий порядок. В 1959 возведен в сан архиепископа.

В 1960 основал Организацию Русских Православных Разведчиков (ОРПР), нашел и приобрел участок земли в 100 милях к западу от Чикаго для устройства детского летнего лагеря ОРПР. Это место получило название «Владимирово». Проводил съезды молодежи.

С 1976 года носил титул архиепископа Чикагско-Детройтского и Среднеамериканского. Тогда же назначен почетным членом Синода и первым заместителем первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета (Вознесенского).

В середине 80-х переселился в Ново-Коренную пустынь.

Скончался 25 июля 1987 в Ново-Коренной пустыни в Магопаке, где и похоронен на русском кладбище.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза Алексей Михайлович (1853 – ?), контр-адмирал, управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока (1903–1905), после поражения в Русско-японской войне комитет по делам Дальнего Востока был упразднен. Абаза перешел в морское ведомство – 118, 120, 185, 193

Абрамович Рафаил Абрамович (наст. фамилия Рейн; 1880–1963), социал-демократ; в 1918 активный участник движения уполномоченных (выборных уполномоченных от фабрик и заводов); арестовывался в 1918, 1919 и 1920; вскоре эмигрировал. В 1921 организовал в Берлине журнал «Социалистический вестник» – 459, 496

Августин Блаженный, епископ Иппонийский († 430), крупнейший христианский философ, один из виднейших отцов Церкви – 652, 654

Авдеев Александр Дмитриевич (? – 1947), большевик, член исполкома Урал-облсовета. В начале марта 1918 во главе боевой дружины из екатеринбургских рабочих пробрался в Тобольск, где вместе с другими группами установил режим уральских большевиков. Вместе с Яковлевым участвовал в перевозке Государя и Государыни с Великой княгиней Марией из Тобольска в Екатеринбург. Комендант дома особого назначения – «Ипатьевского дома» в Екатеринбурге (30.04 – 4.07.1918). Заменен Юровским – 56–58

Авдиев, красноармеец – 403

Аверкий (Таушев Александр Павлович; 1.11.1906, Казань – 13.04.1976, Джорданвилль, США), архиепископ Сиракузский и Троицкий РПЦЗ (1961), постоянный член Архиерейского Синода РПЦЗ (1964), богослов, автор широко известного руководства к изучению Священного Писания («Четвероевангелия») и др. трудов. Подробнее см. «Об авторах» – 545, 560, 668–670

Адам, праотец – 73, 579, 608, 612

Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1953), член конституционно-демократической партии, член II и III Государственной Думы; комиссар Временного правительства в министерстве юстиции; эмигрант; в качестве доверенного лица нефтяных магнатов Манташевых продал их нефтяные промыслы в Баку англичанам – 356, 362

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), граф, министр Императорского двора и уделов (1870–1881); управляющий делами Императорской Главной квартиры (1855), член Комитета по делам книгопечатания (1859), член Главного управления цензуры (1860), член Военного совета (1866). Будучи приближенным лицом Императора Александра II, принимал деятельное участие в важнейших событиях его царствования – 163

Азеф Евгений Филиппович (Евно Фишелевич; 1869–1918), агент-provокатор департамента полиции (с 1892); глава «Боевой организации» социалистов-революционеров (1903–1908); после разоблачения В.Л. Бурцевым (1908) приговорен эсерами к смерти, бежал, жил в Германии под вымышленным именем – 168, 192, 200, 206, 482

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), русский писатель, историк, один из основоположников славянофильского движения. Сын писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, брат Ивана Сергеевича Аксакова – также горячего сторонника славянофильства – 649

Алданов Марк Александрович (настоящая фамилия Ландау; 1886–1957), писатель, философ, химик, член партии эсеров. В марте 1919 эмигрировал во Францию, жил в Париже. В 1922–1924 жил в Берлине. Автор книг «Ленин» (1919), «Две революции: революция французская и революция русская» (1921), «Огонь и дым» (1922), «Святая Елена, маленький остров» (1923) и др. В 1940 после капитуляции Франции переехал в Нью-Йорк. В 1947 вернулся во Францию, жил в Ницце – 417, 470, 487

Александр I Павлович (12.12.1777, Санкт-Петербург – 19.11.1825, Таганрог), Российский Император (1801–1825), «Благословенный» – 89, 176, 185, 188, 228, 233, 276, 287, 408, 420, 470, 471, 490, 495, 594

Александр II Николаевич (17.04.1818, Москва – 01.03.1881, Санкт-Петербург), Российский Император (1855–1881), «Царь-Освободитель». Убит вследствие теракта, совершенного организацией «Народная воля» – 23, 134–136, 143, 144, 163, 167, 170, 173, 175, 183, 188, 191, 228, 231, 233, 245, 256, 263, 344, 408, 416, 417, 442, 473, 487, 488, 491, 492, 494, 521, 524, 541, 592, 594, 596

Александр III Александрович (26.02.1845, Санкт-Петербург – 20.10.1894, Ливадийский дворец, Крым), Российский Император (1881–1894), «Царь-Миротворец» – 21–23, 25, 26, 28, 32, 79, 91, 93, 96, 97, 134–136, 139, 144, 163, 164, 167, 170–172, 174, 175, 228, 266, 270, 272, 280, 368, 408, 417, 490, 503, 515, 529, 530, 592, 594, 596

Александр Александрович (26.05.1869 – 20.04.1870), Великий князь, второй сын Александра III – 21

Александр Михайлович, Великий князь (1866–1933), генерал-адъютант (1909), начальник Главного управления торгового мореплавания и портов (1901–1905), адмирал (1915), командующий авиацией Южного фронта, генерал-инспектор Военно-воздушного флота (1916–1917) – 39, 281, 282

Александр Петрович, принц Ольденбургский (1844–1932), генерал-адъютант, член Государственного Совета (с 1896), главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью (1914–1917). С 1917 в эмиграции во Франции – 198

Александр Субботин, протоиерей, член Варшавско-Холмской Духовной консистории Православной Церкви в Польше – 67

Александр Шаргунов (род. в 1940), священнослужитель РПЦ, митрофорный протоиерей, настоятель московского храма святителя Николая в Пыжах, гла-

ва Комитета «За нравственное возрождение Отечества»; автор статей из книги «Царь». Подробнее см. «Об авторах» – 623, 632, 652, 678–679

Александра Феодоровна (урожд. Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, внучка Английской королевы Виктории; 25.05.1872, Дармштадт – 4/17.07.1918, Екатеринбург), Российская Императрица (1894–1917), супруга Императора-страстотерпца Николая II. Расстреляна большевиками вместе с мужем и детьми. Канонизирована РПЦ в лике страстотерпцев (2000), почитается в Соборе новомучеников Российских – 6, 26, 32, 33, 35, 39, 40, 46–54, 56, 59, 64, 67, 69, 72, 74, 118, 146, 147, 149–156, 160, 168, 224, 237–240, 248, 253, 264, 266, 272, 273, 275, 277, 291, 294–298, 310–312, 316, 320–328, 330, 332, 333, 347, 348, 353–355, 360, 366, 368, 369, 371, 375–377, 379, 381, 386–390, 393, 394, 400, 402, 404–407, 416, 429, 436, 438, 442, 445, 446, 453, 456, 466, 480, 481, 514, 527, 533, 534, 586, 587, 607, 627, 639

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), генерал-адъютант, генерал от инфантерии; с начала Первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта; с весны 1915 командовал Северо-Западным фронтом; с августа 1915 по март 1917 начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего; участник заговора против Царя, один из главных действующих лиц, вынудивших Царя отречься от престола; после Февральской революции назначен Временным правительством Верховным главнокомандующим, позднее подал в отставку. Участник Белого движения, возглавил Добровольческую армию в Новочеркасске – Верховный руководитель (при главкомах Корнилове и Деникине). Похоронен в Белграде – 110, 129–131, 159–161, 205, 255, 256, 285, 286, 337, 359, 376, 383, 412, 414–416, 418, 421, 426, 450, 461–465, 474, 525, 533–535, 628

Алексей Александрович (1850–1908), Великий князь, четвертый сын Александра II, дядя Николая II; генерал-адмирал, морской министр (1882–1905); член Государственного Совета (1881) – 34, 281, 282

Алексей Михайлович (19.03.1629, Москва – 29.01.1676, Москва), Русский Царь с 1645, сын первого Царя из Династии Романовых – Михаила – 482, 510, 538, 594, 647

Алексей Николаевич (30.07.1904, Петергоф – 4/17 июля 1918, Екатеринбург), Наследник-Цесаревич и Великий князь, сын Императора Николая II. Расстрелян большевиками вместе со всей Царской семьей. Канонизирован РПЦ в лике страстотерпцев (2000), почитается в Соборе новомучеников Российских – 6, 20, 34, 36–38, 49–52, 56, 57, 59, 60, 64, 67, 73, 75, 76, 94, 151, 152, 160–162, 171, 223, 235, 237, 264, 272, 293, 312, 315, 326, 347, 348, 371, 375, 398, 399, 416, 429, 437, 463, 479, 515, 528, 533, 534, 574, 629

Алексей Петрович (18.02.1690, Преображенское – 26.06.1718, Санкт-Петербург), Царевич, сын Петра I и его первой жены Евдокии Лопухиной – 416, 417

Алиса Великобританская, Великая герцогиня Гессенская и Прирейнская (1843–1878), дочь Королевы Великобритании Виктории, мать Императрицы Александры Феодоровны и Великой княгини Елизаветы Феодоровны – 323, 324

Альберт, Король Бельгийский (1875–1934) – 408

Альбер Тома – см. **Тома Альбер**

Амвросий Медиоланский, епископ, святитель († 397) – 645

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938), публицист, литературный и театральный критик, эмигрант. В 1902 написал фельетон «Господа Обмановы», содержащий резкие выпады против Русского самодержца, за что был выслан под гласный надзор в Минусинск, затем в Вологду. В 1903 освобожден из ссылки. В 1904 выехал в эмиграцию в Париж, затем жил в Италии. В 1916 вернулся в Россию. В 1917 за критику в печати министра Протопопова выслан в Иркутск, но освобожден Февральской революцией. С 1921 в эмиграции в Праге. В дальнейшем до самой смерти жил в Италии, в Леванто. Постоянно сотрудничал с газетой «Возрождение», поддерживал организацию «Братство русской правды» – 147, 150

Анастасий (Грибановский) Александр Алексеевич; 06.08.1873, Тамбовская губ. – 09.05.1965, Нью-Йорк), архиепископ Кишиневский и Хотинский РПЦ (1916); с 1919 в эмиграции; иерарх РПЦЗ, митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский, председатель Архиерейского Синода РПЦЗ (1936–1964). Подробнее см. «Об авторах» – 70, 583, 673–676

Анастасия Николаевна (1868–1935), Великая княгиня, урожденная княжна Черногорская; дочь Черногорского Короля Николая I (Негош-Петровича). Первый муж – герцог Г.М. (Юрий) Лейхтенбергский, Светлейший князь Романовский, второй муж – Великий князь Николай Николаевич (Младший). Умерла в эмиграции – 36

Анастасия Николаевна (05.06.1901, Петергоф – 4/17 июля 1918, Екатеринбург), Великая княжна, дочь Императора Николая II. Расстреляна большевиками вместе со всей Царской семьей. Канонизирована РПЦ в лике страстотерпцев (2000), почитается в Соборе новомучеников Российских – 6, 34, 60, 64

Анатолий Оптинский, Младший (Потапов) Александр Алексеевич; † 30.07/12.08.1922), преподобный. Род. 15.02.1855 в Москве в купеческой семье, закончил уездное училище, служил приказчиком в Калуге. После кончины матери в 1885 поступил в Оптину пустынь и был определен в скит келейником прп. Амвросия. 23.04.1888 пострижен в рясофор. После блаженной кончины прп. старца Амвросия 10.10.1891 определен келейником к его преемнику, скитоначальнику прп. старцу Иосифу. 3.06.1895 пострижен в мантию с наречением имени Анатолий. 5.07.1899 рукоположен в сан иеродиакона. В 1900 о. Анатолий, не имея еще священнического сана, становится уже общепризнанным оптинским старцем. На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в 1906 рукоположен в сан иеромонаха и почти одновременно указом Калужской ДК назначен духовником Казанской Амвросиевской женской пустыни, что в Шамордино, и исправлял это служение до самой своей кончины. В 1921 принял схиму – 652

Андрей, Великий князь (1879–1956), сын Великой княгини Марии Павловны (Мекленбург-Шверинской) – 371

Андрей Боголюбский, благоверный Великий князь († 4/17 июля 1174) – 537, 598

Андрей Критский, архиепископ, святитель († 4/17 июля 740) – 511, 593, 596

Андрей Критский, преподобномученик († 17/30 октября 767) – 594

Андрей Первозванный, апостол из 12-ти, брат апостола Петра († ок. 62) – 575

Андронников Михаил Михайлович, князь (1875–1919), чиновник для особых поручений при обер-прокуроре Синода (1914–1915); ближайший друг Г.Е. Распутина; выслан в Рязань (1916); расстрелян ЧК – 386

Анна Кашинская, Тверская (в иночестве Евфросиния), благоверная княгиня, схимонахиня († 1368) – 97, 521

Антоний (Храповицкий) Алексей Павлович; 17.03.1863, Новгородская губ. – 10.08.1936, Сремские Карловцы), митрополит Киевский и Галицкий, основатель и Первоиерарх РПЦЗ. Учился в СПбДА. Находился под большим влиянием Ф.М. Достоевского, часто беседовал с ним. В конце 4-го курса принял монашество с именем Антоний и в 1885 рукоположен во иеромонаха. Архимандрит (1890), ректор МДА, ректор КазДА (1895), епископ Чебоксарский (1897), епископ Чистопольский (1899), епископ Уфимский и Мензелинский (1900), епископ Волынский и Житомирский, священноархимандрит Почаевской Успенской Лавры (1902), архиепископ (1906), архиепископ Харьковский и Ахтырский (1914), один из кандидатов в Патриархи на Всероссийском Поместном Соборе (1917), митрополит (1917), митрополит Киевский и Галицкий (1918). С 1919 в эмиграции, организатор Карловацкого собора (1921) – 68, 521, 537–540, 619, 649

Апфельбаум – см. **Зиновьев Григорий Евсеевич**

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф; генерал (1807); военный министр (1808–1810); ближайший советник Императора Александра I – 471

Армаков Александр Васильевич (1776–1833), офицер, двоюродный брат М.А. Фонвизина, участник заговора против Императора Павла 11 марта 1801. В 1801 поручик, дежурный адъютант Преображенского полка. Пользовался особым доверием Павла I. Позднее полковник того же полка. В 1812 командир егерского полка Московского ополчения – 233

Арсеньев Алексей Александрович (1849–1914), тульский губернский предводитель дворянства, член Государственного Совета по назначению – 206

Арсеньев Константин Константинович (1837–1919), юрист, публицист; сотрудник и редактор журнала «Вестник Европы»; основатель Партии демократических реформ – 508

Астров Николай Иванович (1868–1934), мировой судья, гласный Московской городской думы (1903); участник земских съездов (1904–1905); член Главного комитета Всероссийского союза городов (1915–1917); комиссар Временного правительства в Москве (1917) – 204

Бадмаев Петр Александрович (1851–1920), врач, специалист по тибетской медицине – 118, 151, 237

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), деятель российского и международного революционного движения, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества – 173, 218, 473, 617

Балк Александр Павлович (1866–1957), генерал-майор; с 10.11.1916 по 27.02.1917 петроградский градоначальник – 244, 454, 455

Барк Петр Львович (1869–1937), министр финансов (1914–1917), тайный советник (1915) – 148, 153

Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818), выдающийся русский полководец, князь – 339

Барнав, Антуан Пьер Жозеф Мари (1761–1793), деятель Французской революции XVIII века – 248

Бартеньев (Бартенев) Юрий Петрович (1866–1908), публицист-славянофил, общественный деятель, активный участник право-монархического движения в Москве – 241

Батый (1208–1246), хан Золотой Орды – 486, 488, 493

Бауэр, обер-лейтенант Германской армии – 15

Безобразов Александр Михайлович (1853–1931), отставной офицер Кавалергардского полка, статс-секретарь (1903–1905), сторонник жесткой политики России на Дальнем Востоке – 103, 118, 193, 194

Безобразов Владимир Михайлович (1857–1932), генерал от кавалерии, генерал-адъютант – 447

Бейлис, Менахем Мендель, житель окрестностей Киева еврейского происхождения, обвиненный в ритуальном убийстве киевского мальчика Андрея Ющинского (1911). В ходе громкого судебного процесса, известного как «дело Бейлиса», был полностью оправдан – 433

Белецкий Степан Петрович (1873–1918), директор департамента полиции (1912–1915); сенатор (1914); товарищ министра внутренних дел (1915–1916) – 46, 55, 58, 64, 387

Белобородов (Вейсбарт) Александр Григорьевич (1891–1938), председатель исполкома Уральского облсовета (1918–1919) – 46, 55, 58, 64

Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918), генерал от инфантерии (1914), последний военный министр Российской Империи (1917) – 455, 460

Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921), граф, обер-гофмаршал Императорского Двора (1893–1917) – 306, 310

Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826), граф, один из активных участников заговора 11.03.1801, приведшего к убийству Императора Павла I – 233

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), религиозный философ – 486

Бернар, Клод (1813–1878), знаменитый французский физиолог – 429

Бестужев Николай Александрович (1791–1855), декабрист – 233

Бехтеев Сергей Сергеевич (1879–1954), русский поэт и драматург, белогвардейский офицер – 74

Бецкий (Бецкой) Иван Иванович (1704–1795), государственный и общественный деятель, действительный тайный советник (1766), личный секретарь Екатерины II (1762–1779) – 245

Бибиков Иларион Михайлович (1793–1860), русский государственный деятель, генерал-лейтенант, сенатор – 233

Бисмарк Отто фон (1815–1898), первый канцлер Германской Империи – 242, 282, 338

Блиох Иван Станиславович (1836–1901), крупнейший российский банкир, один из основателей движения борьбы за мир в Европе, считается автором значительного числа крупных научных исследований, освещающих глобальные стороны государственного управления – 345

Блох П.Я., переводчик – 289

Бобринский Алексей Александрович (1852–1927), граф, член Государственного Совета по назначению (1912–1917); обер-гофмейстер (1916); товарищ министра внутренних дел (1916); министр земледелия (1916) – 146, 153

Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927), граф, предводитель дворянства Богородицкого уезда Тульской губернии (с 1906); член II, III и IV Государственных Дум – 274

Бобчинский, персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» – 486

Боголепов Николай Павлович (1846–1901), профессор римского права, ректор Московского университета; министр народного просвещения (1898–1901) – 149

Богров Дмитрий Григорьевич (1887–1911), член киевской группы анархистов-коммунистов, секретный осведомитель охранного отделения, убийца П.А. Столыпина – 434, 442

Бомпар, Морис (1857–1936), посол Франции в Российской Империи до 1914 г. – 297

Борис, князь, страстотерпец († 1015) – 590, 597

Борис, Великий князь (1877–1943), сын Великой княгини Марии Павловны (Мекленбург-Шверинской) – 371

Боткин Евгений Сергеевич – см. **Евгений (Боткин)**, страстотерпец, праведный, врач

Боханов Александр Николаевич (род. в 1944), российский историк, доктор исторических наук – 629

Бочкарева Мария Леонтьевна (1889–1920), командир добровольческого женского батальона, поручик (1917) – 14

Брасова Наталья Сергеевна (1880–1952), морганатическая жена Великого князя Михаила Александровича – 371

Братин Евгений Михайлович, знакомый И.Л. Солоневича – 481

Брежнев Леонид Ильич (1906–1982), Генеральный секретарь ЦК КПСС, высший руководитель СССР – 617

Бронштейн-Троцкий – см. **Троцкий Лев Давидович**

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), главнокомандующий Юго-Западным фронтом (1916), Верховный Главнокомандующий (май–июль 1917), затем – военный советник Временного правительства; с 1919 сотрудничал с Красной Армией – 75, 131, 161, 286, 426, 461, 488

Бубликов Александр Александрович (1875–1941?), член IV Государственной Думы, прогрессист – 462, 464, 466

- Будберг Алексей Павлович** (1869–1945), барон, генерал-лейтенант, автор воспоминаний «Дневник белогвардейца» – 182
- Буксгевден София Карловна** (1883–1956), баронесса, фрейлина последней Русской Императрицы Александры Феодоровны – 53
- Булацель Павел Федорович** (1867–1919), один из основателей Союза Русского народа – 205
- Булыгин Александр Григорьевич** (1851–1919), министр внутренних дел Российской Империи (1905) – 171, 189, 198
- Бульба Тарас**, персонаж повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» – 258
- Бунге Николай Христианович** (1823–1895), профессор и ректор Киевского университета; министр финансов (1881–1886), председатель Комитета министров (1887–1895) – 22, 86, 92, 172
- Бунин Иван Алексеевич** (1870–1953), русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии 1933 года – 487
- Бурцев Владимир Львович** (1862–1942), участник революционного движения, публицист, издатель, «охотник за провокаторами» – 332
- Бухарин Николай Иванович** (1888–1938), один из руководителей большевистской партии – 469, 486
- Бьюкенен Джордж Уильям** (1854–1924), посол Британии в России (1910–1918) – 147, 234, 289–291, 296, 298–302, 308, 310, 311, 322, 324, 331, 332, 337, 340, 361, 367, 369, 376, 380–383, 389, 395, 396, 400, 401, 405, 412, 428, 466
- В.**, генерал – 447, 454
- Ваганов**, участник расстрела Царской семьи – 60, 61
- Валтасар**, последний царь Вавилона – 607
- Варбург Фриц** (1879–1964), банкир, уполномоченный со званием торгового атташе при немецком посольстве в Стокгольме – 381
- Варен**, комиссар военного министерства периода Великой французской революции 1789–1799 – 249
- Василевский** – 166
- Васильчиков Борис Александрович** (1863–1931), князь, государственный и общественный деятель, в 1906–1917 член Государственного Совета – 462
- Васильчикова Мария Александровна** (1859–1934), княгиня, фрейлина – 366, 368, 381
- Вейсбарт (Белобородов)** – см. **Белобородов (Вейсбарт)**
- Величко Василий Львович** (1860–1903), поэт и общественный деятель, один из вдохновителей и организаторов Русского Собрания – 205
- Верньо, Пьер Виктюрниен** (1753–1793), французский политический деятель, революционер, глава партии жирондистов – 248
- Верстрат, Морис**, финансист, директор русских филиалов французского банка, надворный советник, автор воспоминаний «Мои русские тетради» – 290, 295, 296, 325, 353, 356, 370, 375, 376, 379, 381, 404

- Верховенский Петр**, герой романа Ф.М. Достоевского «Бесы» – 206
- Вивиани, Рене** (1863–1925), французский политический деятель, в 1914–1915 премьер и министр иностранных дел Франции – 332
- Виктория** (1819–1901), Королева Великобритании из Ганноверской династии, правившая в 1837–1901 – 35, 323
- Виленкин**, действительный статский советник – 213
- Вильгельм II Гогенцоллерн** (1859–1941), Король Пруссии, Германский Император с 1888 до отречения в 1918 – 46, 48, 114, 115, 122, 123, 145, 156, 214, 215, 234, 241, 250, 266, 298, 301, 303, 320, 321, 323–326, 333, 438, 441, 442, 460, 469, 471, 472, 490, 520
- Вильде Иван Иванович** (1753–1803), генерал-лейтенант артиллерии – 233
- Вильсон, Томас Вудро** (1856–1924), Президент США в 1913–1921 – 469, 490, 602
- Вильтон, Роберт Арчибальд** (1868–1925), английский журналист, работавший в России в годы Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны. Автор книг «Агония России» и «Последние дни Романовых» – 599
- Вильямс** – см. **Хэнбери-Уильямс, сэр Джон**
- Винавер Макс Моисеевич** (1863–1926), депутат I Государственной Думы от Санкт-Петербургской губернии – 114, 173
- Виппер Роберт Юрьевич** [(1859–1954), профессор (с 1894), советский историк, академик АН СССР (1943) – 412
- Вирен Роберт Николаевич** (1856–1917), адмирал, главный командир и военный губернатор Кронштадта, зверски убит толпой матросов – 18, 282
- Витте Сергей Юльевич** (1849–1915), граф; министр путей сообщения (1892); министр финансов (1893–1903); председатель Комитета министров (1903–1906); председатель Совета министров (1905–1906); член Государственного Совета по назначению (1906–1915) – 25, 36, 86, 92, 95, 100, 101, 103, 104, 106–109, 117, 118, 120, 122, 140, 145, 148, 164, 166, 168, 172–176, 183–186, 190–194, 196–198, 202, 206, 208, 213, 214, 220, 223, 226, 272, 281, 326, 328–333, 346, 351, 352, 417, 421, 479, 515, 516, 522
- Витте Матильда Ивановна** (урожд. Хотимская, по первому браку Лисаневич), жена С.Ю. Витте – 166, 418
- Владимир**, святой равноапостольный Великий князь († 1015) – 538, 541, 545, 547, 646
- Владимир (Богоявленский)**, Киевский, митрополит, священномученик († 1918) – 520
- Владимир Александрович**, Великий князь (1847–1909), третий сын Императора Александра II; президент Академии художеств (1876–1909); главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905) – 203
- Владимир Мономах** (1053–1125), Великий князь Киевский (1113–1125), государственный деятель, военачальник, писатель, мыслитель – 185, 495, 646

Владислав (1595–1648), старший сын Короля Сигизмунда III, Королевич Польский (до 1633), Король Польский и Великий князь Литовский (с 1633) – 188, 190, 250

Военский Константин Адамович (1860–1928), русский генерал и историк, один из составителей издания «Отечественная война и русское общество» – 214

Воейков Владимир Николаевич (1868–1947), генерал свиты, командир Лейб-гвардии гусарского полка (1907); дворцовый комендант (1913–1917) – 321, 386

Войков Петр Лазаревич (1888–1927), в январе-декабре 1918 комиссар снабжения Уральской области, один из организаторов убийства Царской семьи – 55, 58, 61, 63

Войновский-Кригер Эдуард Брониславович (1864–1933), российский государственный деятель, инженер, последний министр путей сообщения Российской Империи – 149, 153

Волжин Александр Николаевич (1862–1933), директор департамента общих дел МВД (1914); обер-прокурор Синода (1915–1916); член Государственного Совета (1916) – 153

Волков Алексей Андреевич (1859–1929), крестьянин с. Старое Юрьево Козловского уезда Тамбовской губернии; камер-лакей, личный камердинер Императрицы Александры Феодоровны, автор воспоминаний «Около Царской семьи» (Париж, 1928) – 53, 56

Волконский Владимир Михайлович (1868–1953), князь, государственный деятель, член Союза русского народа, товарищ председателя III Государственной Думы, товарищ министра внутренних дел (1915–1916) – 146

Волконский Сергей Григорьевич (1788–1865), декабрист – 233

Волконский Сергей Михайлович (1860–1937), Директор Императорских театров (1899–1901), режиссер, критик, мемуарист, литератор; камергер, статский советник, автор книги «Мои воспоминания» – 419, 435, 458

Волынский Артемий Петрович (1689–1740), государственный деятель, дипломат – 245

Вонлярлярский Владимир Михайлович (1852–?), полковник, помещик Новгородской губернии, владелец золотых приисков на Урале, гофмейстер, помощник статс-секретаря (1901) – 118, 120

Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923), советский государственный и партийный деятель, в 1914 агитировал за поражение России в Первой мировой войне, убит в Лозанне русским офицером-эмигрантом М. Конради – 238

Врангель Николай Егорович (1847–1923), барон; коммерсант, коллекционер; доктор философии; писатель. Отец генерала Петра Николаевича Врангеля – 167, 419, 435

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны, генерал-лейтенант (1918), Главнокомандующий русской армии в Крыму и Польше (1920) – 391

Врубель Михаил Александрович (1856–1910), русский живописец – 429
Всеволод Большое Гнездо (1154–1212), Великий князь Владимирский с 1176 – 484

Второв Николай Александрович (1866–1918), предприниматель, крупный деятель отечественной промышленности, финансист – 372

Вудсворт, американский писатель – 471

Вырубова Анна Александровна (урожд. Танеева; 1884–1964), ближайшая подруга Императрицы Александры Феодоровны – 18, 37, 151, 306, 316, 354, 355, 360, 386

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895, математик, инженер; член Государственного Совета (с 1886); министр финансов (1887–1892) – 92, 172

Вяземский И.Г., князь, полковник Измайловского полка, участник заговора против Павла I – 233

Гагарина, княжна, доброволец Женского батальона смерти под командованием М.Л. Бочкаревой – 15

Гакстаузен Август (1792–1866), немецкий исследователь земельных отношений в Пруссии и России – 173, 174

Ганнибал (247–183 до н. э.), карфагенский полководец и государственный деятель – 453, 458, 468

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906), священник; основатель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» (1904); инициатор вручения петиции Николаю II 9 января 1905 – 192, 206

Гевара, Эрнесто Че Гевара (1928–1967), латиноамериканский революционер, команданте Кубинской революции 1959 – 617

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1780–1831), немецкий философ-идеалист – 430, 482, 483, 491

Гейден Петр Александрович (1840–1907), граф, предприниматель, земский деятель, один из лидеров октябристов (1905) и мирнообновленцев (1906) – 194, 306

Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт, публицист и критик; дальний родственник и поклонник Карла Маркса – 234, 469, 607

Гендрикова Анастасия Васильевна (1888–1918), графиня, фрейлина Императрицы Александры Феодоровны; зверски убита большевиками в Перми; канонизирована РПЦЗ в 1981 – 49, 53, 56, 74

Генрих-Альберт-Вильгельм Гогенцоллерн (1862–1929), принц Прусский, гросс-адмирал (1909), младший брат Вильгельма II, двоюродный брат Императрицы Александры Феодоровны – 265

Георг V (1865–1936), Король Английский, Император Индии, двоюродный брат Императора Николая II – 301, 379, 400

Георгий (1869–1957), принц, наследник Греческого престола – 28

Георгий Александрович (1871–1899), Великий князь, брат Императора Николая II – 28, 29

Георгий Победоносец, великомученик († 303) – 535, 536

Гермоген (Ермоген), Патриарх Московский и всея России, священномученик († 1612) – 97, 258

Гермоген (Долганев Георгий Ефремович; род. в 1858), епископ Саратовский и Царицынский (1903–1912), затем Тобольский и Сибирский (1917–1918), священномученик († 1918) – 150

Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель и революционер – 146, 173, 218, 430, 487

Герье Владимир Иванович (1837–1919), профессор всеобщей истории, основатель Московских высших женских курсов, председатель Московской городской думы; член Государственного Совета – 508

Гесса, поручик – 462

Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943), российский и государственный политический деятель, эмигрант, издатель 22-томного документального сборника «Архив русской революции» (1921–1937) – 15

Гиббс – см. **Николай (Гиббс)**

Гинденбург, фон Пауль (1847–1934), генерал-фельдмаршал, Главнокомандующим немецкой армии в 1916 – 1917 – 128, 285, 309, 426, 474

Гинс Георгий Константинович (1887–1971), член Временного Сибирского правительства (1918–1919), эмигрант, издатель газеты «Русская жизнь» (с 1942 в Сан-Франциско), автор мемуаров «Сибирь, союзники и Колчак» (Пекин, 1921) – 182

Гире Николай Карлович (1820–1895), министр иностранных дел (1882–1895), сенатор; статс-секретарь – 119

Гирс Александр Федорович (1871–1958), губернатор в Киеве (1909–1911), в Минске (с 1912), в Нижнем Новгороде (с 1915). Действительный статский советник, камергер – 27, 31

Гирчич Григорий, в 1917 следователь «Чрезвычайной комиссии для расследования злоупотреблений министров и других высших чинов Империи» – 391

Гитлер, Адольф (1889–1945), глава Германского фашистского государства (1933–45) – 287, 412, 416, 423, 438, 445, 453, 469–474, 478, 487, 489, 493, 494, 602

Глеб, князь, страстотерпец († 1015) – 597

Глинка Григорий Вячеславович (1862–1934), начальник переселенческого управления МВД (1905); товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1915–1916); сенатор (1916); министр земледелия правительства Врангеля (1920) – 264

Глубоковский Николай Никанорович (Н. Вифанский) (1863–1937), богослов-библеист, историк Церкви – 609

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель – 179, 214, 649

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925), князь, действительный тайный советник, сенатор, с 1885 по 1903 последовательно архангельский, калужский, тверской губернатор. С 27.12.1916 по 27.02.1917 председатель Совета министров – 159, 398, 435

Головин Николай Николаевич (1875–1944), русский генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны; в Белом движении: в штабе адмирала Колчака; эмигрант – 443, 444

Головин Федор Александрович (1867–1937), один из основателей партии кадетов, председатель II Государственной Думы (1907); комиссар Временного правительства по Министерству двора (март 1917); работал в советских учреждениях – 114, 337

Голодный Михаил Семенович (настоящая фамилия Эпштейн; 1903–1949), поэт – 625

Голодный Цезарь, сын Голодного Михаила – 625

Голохвастов Павел Дмитриевич (1838–1892), историк-славянофил, публицист, филолог; автор исследования «Земское дело в Смутное время» – 188

Голощекин Филипп Исаевич (Шая Ицович-Исакович) (1876–1941), большевик; с января 1918 комиссар юстиции Урала, с февраля уральский областной военком, член Уральского обкома РСДРП(б) и облсовета; один из организаторов расстрела Царской семьи в Екатеринбурге – 58

Гольштейн, Фридрих Август фон (1837–1909), барон, немецкий дипломат – 282

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), государственный деятель, действительный тайный советник I класса (1916), статс-секретарь (1910), сенатор (1894). Министр внутренних дел (1895); председатель Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения (1905); председатель Совета министров (1906; 1914–1916); в марте 1917 арестован Временным правительством; после освобождения убит в своем имении близ Сочи – 108, 118, 148, 154, 363, 367, 369, 370, 435

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936), писатель – 205, 238, 430, 439, 440, 498

Гофштетер Ипполит Александрович (1863 – ?), публицист, народник, сотрудник газеты «Новое время» – 149

Граббе Юрий Павлович, граф – см. **Григорий (Граббе)**

Грей, Эдуард (1862–1933), видный английский политический деятель, дипломат; министр иностранных дел (1905–1916) – 299

Григорий Великий, Двоеслов, папа Римский († 604) – 511, 595

Григорий (Граббе Юрий Павлович; 1902–1995), епископ РПЦЗ, епископ Вашингтонский и Флоридский; автор ряда работ исторического характера – 517, 519

Григорович Иван Константинович (1853–1930), адмирал (1911), генерал-адъютант Его Императорского Величества (1912). В 1911–1917 Морской министр; под его руководством был выработан и осуществлен ряд программ по восстановлению флота после Русско-японской войны 1904–1905 – 282

Григорьев Никифор, атаман, участник борьбы за власть на Украине после революции – 486

Гринвальд Артур Александрович, фон (1847–1922), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-шталмейстер, заведующий придворной конюшенной частью – 306

Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907), русский политический деятель; действительный статский советник; с 1896 редактор «Московских Ведомостей», инициатор создания Русской монархической партии (1905), один из вождей Всенародного Русского Союза, член Русского собрания. На его могильном кресте были высечены его предсмертные слова: «Православные русские люди, собируйтесь, объединяйтесь, молитесь» (крест и могила уничтожены) – 217

Гриппенберг, Оскар-Фердинанд Казимирович (1838–1915), русский генерал-адъютант, участник Крымской войны, Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, командующий 2-й Манчжурской армией в Русско-японской войне – 211

Гудим-Левкович Павел Константинович (1842–1907), генерал от инфантерии, управляющий Кабинетом Его Императорского Величества в 1895–1900 годах, член Государственного Совета – 22

Гудович Василий Васильевич (1866–1945), петербургский уездный (1899–1903) и губернский (1903–1908) предводитель дворянства; член ЦК «Союза 17 октября»; шталмейстер (1908) – 202

Гужон Юлий Петрович (1854–1918), предприниматель, директор правления товарищества Московского металлического завода, член Московского отделения совета торговли и мануфактур (1905–1910); председатель Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района (1907–1917) – 316

Гукасов Павел Осипович (1858–1937), российский нефтепромышленник, инженер, финансист; председатель Совета съездов представителей бакинских нефтепромышленников (1890–1906, 1915–17) – 491

Гурко Василий Иосифович (1864–1937), русский генерал от кавалерии; во время отпуска по болезни М.В. Алексеева с 11.11.1916 до 17.02.1917 исполнял обязанности начальника штаба Верховного Главнокомандующего; эмигрант – 443, 454, 455

Гурко Владимир Иосифович (1862–1927), помещик, монархист, товарищ министра внутренних дел (1906); член Государственного Совета (1912); автор книг «Царь и Царица», «Черты и силуэты прошлого»; эмигрант – 117, 175, 177, 191, 192, 275, 513, 514, 520, 521, 526

Гусева Хиония Кузьминична (1881 – после 1919), мещанка, последовательница Илиодора (Труфанова), совершившая 29.06.1914 покушение на Григория Распутина – 152, 307, 318

Гутман, основатель газеты «Республика» – 481

Гучков Александр Иванович (1862–1936), лидер октябристов; председатель III Государственной Думы (1910–1911); председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915); один из главных участников Февральского переворота и заговора против Императора Николая II; военный и морской министр Временного правительства (март–апр. 1917); эмигрант – 80, 195, 204,

205, 238, 248, 249, 253, 257, 263, 269, 270, 356, 369, 375, 383, 398, 399, 412, 414–416, 418, 419, 437, 452, 459, 460, 464–466

Давид, Псалмопевец, царь Израильский, пророк (XI – X вв. до н.э.) – 596, 597

Даву, Луи Никола (1770–1823), маршал Франции – 248

Давыдов, полковник, в 1905 командир Лейб-гвардии 1-й конной Его Величества батареи – 36

Даниил, пророк († 600 г. до Р.Х.) – 603

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), русский мыслитель, философ, социолог, естествоиспытатель – 214

Данилович Григорий Григорьевич (1825–1906), генерал от инфантерии, воспитатель Великого князя Николая Александровича, будущего Императора Николая II – 22

Дантон, Жорж Жак (1759–1794), политический деятель эпохи Великой французской революции – 249

Де Голль, Шарль (1890–1970), французский генерал, президент Франции в 1959–1969, руководитель движения Сопротивление – 631

Дельвиг Андрей Иванович (1813–1887), барон, инженер-генерал, принимал участие в техническом руководстве и организации строительства многих крупных инженерных сооружений на территории Российской Империи; оставил ценные мемуары – 428

Демидова Анна Степановна (1878–1918), комнатная девушка Императрицы Александры Феодоровны, дворянка. Расстреляна большевиками вместе с Царской семьей. Канонизирована РПЦЗ в 1981 – 6, 51, 56, 57, 59, 60, 63, 64

Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант; главнокомандующий Добровольческой армией (с октября 1918), главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России» (с января 1919); «Верховный правитель Российского государства» (с января 1920). С апреля 1920 в эмиграции – 104, 105, 110, 390, 391, 449, 450, 464, 475, 487

Деревенко Владимир Николаевич (1879–1936), доктор медицины, почетный лейб-хирург, с 1912 состоял при Цесаревиче Алексее, в 1917–1918 врач отряда особого назначения в Тобольске – 49

Державин Гаврила Романович (1743–1816), поэт, драматург, государственный деятель Российской Империи, сенатор, действительный статский советник – 179, 201

Дженнер, Эдвард Энтони (1749–1823), английский врач, разработал первую в мире вакцину против натуральной оспы, прививая неопасный для человека вирус коровьей оспы – 468

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), профессиональный революционер, советский политический деятель, создатель и глава ВЧК – 58, 496

Диллон, Эмиль Джозеф (1854–1933), английский журналист, российским корреспондентом «Daily Telegraph» с 1887 до 1914, автор книги «Закат России» – 331, 346

Димитрий Угличский и Московский, Царевич († 1591) – 598

Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937), генерал-лейтенант; один из организаторов Белого движения в Сибири. В 1919 командовал Сибирской армией А.В. Колчака и Восточным фронтом. Лично курировал следствие по убийству Царской семьи, проводимое следователем Н.А. Соколовым – 54, 74, 537, 626

Дмитрий Павлович (1891–1942), Великий князь, сын Великого князя Павла Александровича, флигель-адъютант, штаб-ротмистр Лейб-гвардии Конного полка, участвовал в убийстве Григория Распутина в ночь на 17 декабря 1916, после чего выслан в Персию – 40, 44, 389, 453

Добчинский, персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» – 486

Долгорукий, князь, участник заговора против Павла I – 233

Долгорукий Василий Александрович (1868–1918), князь, генерал-майор свиты Его Величества, гофмаршал Высочайшего Двора, пасынок обер-гофмаршала графа П.К. Бенкендорфа, во время войны находился при Царе в Ставке. Один из близких Царю людей, добровольно отправился в ссылку в Сибирь с Царской семьей; расстрелян большевиками в Екатеринбурге вместе с И.Л. Татищевым, Г.П. Никулиным. Канонизирован РПЦЗ – 47–49, 50, 52, 245

Долгоруков Петр Дмитриевич (1866–1945), князь, председатель Судженской земской управы; основатель журнала «Освобождение» и «Союза освобождения»; участник земских съездов; организатор кадетской партии; товарищ председателя I Государственной Думы; отбывал трехмесячное заключение за подписание Выборгского воззвания; восстановлен в правах в 1909 – 168, 195, 437

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель – 113, 206, 207, 214, 232, 235, 421, 439, 649

Дохтуров Дмитрий Петрович (1838–1905), генерал от кавалерии, участник Кавказской, Сербско-турецкой (1876–1877) и Русско-турецкой (1877–1878) войн – 167

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал-адъютант, профессор тактики и военной истории Академии Генерального штаба, военный писатель – 22, 281

Дрентельн Александр Александрович (1868–1925), флигель-адъютант, генерал-майор свиты Его Величества, командир Лейб-гвардии Преображенского полка – 22

Дубасов Федор Васильевич (1845–1912), адмирал, московский генерал-губернатор (1905–1906) – 223, 426

Дубровин Александр Иванович (1855–1918), руководитель Союза Русского Народа – 205, 223

Думерг, Гастон (1863–1937), в 1914–1918 министр иностранных дел Франции. В феврале 1917 во главе французской миссии приезжал в Петроград – 397

Дурново Иван Николаевич (1834–1903), товарищ министра внутренних дел (1882–1886), начальник IV отделения С.Е.И.В.К. (1886–1889); министр внутренних дел (1889–1895), председатель Комитета министров (1895–1903) – 191

Дурново Петр Николаевич (1845–1915), директор департамента полиции (1884–1893); товарищ министра внутренних дел (1900–1903); начальник управления почт и телеграфов министерства (1903–1905); член Государственного Совета (1905); министр внутренних дел (окт. 1905 – апр. 1906) – 108, 148, 198, 199

Дюма, Матье (1753–1837), граф, французский дивизионный генерал – 218

Дюмурье, Шарль Франсуа (1739–1823), французский государственный и военный деятель, генерал; якобинец, в марте 1793 сделал попытку восстановить во Франции монархию во главе с Людовиком XVIII – 249

Дягилев Сергей Павлович (1872–1929), театральный и художественный деятель; организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева» – 430

Ева, праматерь, жена Адама – 579, 612

Евгений (Боткин), страстотерпец, праведный, врач († 1918). Боткин Евгений Сергеевич (1865–1918), сын знаменитого врача Сергея Петровича Боткина; после окончания Военно-медицинской академии работал в больнице для бедных, ушел добровольцем на фронт Русско-японской войны; с 1908 стал лейб-медиком Царской семьи, расстрелян вместе с ней в подвале Ипатьевского дома. В 1981 канонизирован РПЦЗ. В 2016 причислен к лику святых Архиерейским Собором РПЦ – 6, 18, 24, 37, 49, 50, 56, 57, 59, 63, 64, 245

Евреинев Василий Вячеславович (1868 – ?), гофмейстер, заведующий церемониальной частью Министерства Императорского Двора – 306

Евфросин Синозерский, преподобный († 1612) – 97

Евфросиния, игумения Полоцкая, преподобная († 1173) – 97

Егорьев Константин Николаевич (1870–?), русский военный деятель, генерал-лейтенант (1916), главный полевой интендант (1916) – 535

Екатерина II (1729–1796), Российская Императрица (1762–1796) – 188, 228, 233, 338, 408, 412, 414, 424, 468, 549

Елизавета Венгерская, Елизавета Тюрингская (1207–1231), принцесса из венгерской династии Арпадов, дочь Венгерского Короля Андраша II, ландграфиня Тюрингии, католическая святая – 151

Елизавета Петровна (1709–1761), Императрица Всероссийская в 1741–1761, дочь Петра I и Екатерины I – 125, 648

Елизавета Феодоровна, Великая княгиня, преподобномученица († 1918). Старшая сестра последней Русской Императрицы-страстотерпицы Александры Феодоровны; внучка Королевы Англии Виктории. Род. 20.10.1864, в 1884 вышла замуж за Великого князя Сергея Александровича, в 1891 приняла Православие, с 1909 настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве, расстреляна большевиками в Алапаевске Пермской губ. в ночь с 17 на 18 июля 1918. В 1992 причислена к лику святых РПЦ. Ее мощи почивают в Иерусалиме в храме св. равноапостольной Марии Магдалины у подножия Елеонской горы – 26, 97, 316, 354

Елизавета II, Елизавета Александра Мария (род. 1926), Королева Англии с 1952 года – 612

Елифаз, друг Иова – 638

Ермаков, участник расстрела Царской семьи – 60, 61

Ермоген – см. **Гермоген, Патриарх Московский и всея России**

Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917), министр земледелия и государственных имуществ (1894–1905); член Государственного Совета (1905) – 148

Жевахов Николай Давыдович (1876–1949), князь, русский государственный деятель, камер-юнкер Высочайшего Двора, товарищ обер-прокурора Синода (1916–1917), духовный писатель Русский Царь – 521

Жилкин Иван Васильевич (1874–1958), публицист; депутат I Государственной Думы; лидер «трудовиков»; после Октябрьской революции работал в наркомате народного просвещения – 93

Жильяр, Пьер (Петр Андреевич, Жилик; 1879–1962), швейцарский подданный, преподаватель французского языка Великих княжен и репетитор Наследника, добровольно отправился с Царской семьей в ссылку в Тобольск; автор воспоминаний «Трагическая судьба Николая II и его семьи» – 19–21, 37, 45, 47, 64, 65, 67, 75, 289, 293, 294, 296, 312, 323, 344–348, 350, 359, 376, 389, 390, 392, 394, 402–404

Жоффр Жозеф-Жак (1852–1931), маршал Франции (1916), главнокомандующий французскими армиями в 1915–1916., позднее Глава Верховного военного совета – 474

Завадский С.В. (1871–1935), тайный советник, сенатор, с марта по май 1917 товарищ председателя «Чрезвычайной комиссии для расследования злоупотреблений министров и других высших чинов Империи», в 1918 державный секретарь в правительстве П.П. Скоропадского на Украине – 337, 391, 406

Замысловский Егор Егорович (1841–1896), русский историк, член-корреспондент АН (с 1888) – 22

Зенгер Григорий Эдуардович (1853–1919), министр народного просвещения Российской Империи (1902–1904) – 149

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953), один из лидеров эсеров, активный участник Февральской революции, редактор газет «Дело народа» и «Партийные известия» – 440

Зиновьев Григорий Евсеевич (настоящая фамилия Радомысльский, фамилия матери Апфельбаум; 1883–19360), революционер, советский политический и государственный деятель – 234

Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917), полковник; затем начальник Московского охранного отделения (1896–1902); начальник особого отдела департамента полиции (1902–1903); инициатор создания подконтрольных властям рабочих организаций – 192, 206

Зубов Валериан Александрович (1771–1804), военный деятель, генерал-аншеф (1796), генерал-адъютант (1796), граф (1793), участник заговора против Павла I – 233

Зубов Платон Александрович (1767–1822), князь, генерал-адъютант и генерал-фельдцейхмейстер, участник убийства Павла I – 233

Зубовы, братья, сподвижники Императрицы Екатерины II – 416

Зуров Александр Александрович (1863–1931), генерал-майор, командир Лейб-гвардии Семеновского полка (с 1908 в отставке), егермейстер, управляющий Конторой Двора Ее Императорского Высочества Елизаветы Феодоровны – 26, 27

Иван IV – см. Иоанн Грозный

Иванов Николай Иудович (1851–1919), генерал-адъютант; кронштадтский генерал-губернатор (1906–1907); командующий войсками Киевского военного округа (1908); командующий Юго-Западным фронтом (1914); в феврале 1917 получил приказ Николая II подавить восстание в Петрограде, однако эшелоны с войсками не достигли города – 75, 76, 129, 159, 161, 461, 462

Игнатий (Брянчанинов) Дмитрий Александрович; род. в 1807), святитель, епископ Кавказский; русский церковный деятель, богослов, религиозный писатель († 1867) – 612, 615

Игнатъев Н.Д., знакомый князя Д.Д. Оболенского – 163

Игнатъев Павел Николаевич (1870–1926), граф; в 1915–1916 управляющий министерством и министр народного просвещения – 149, 154

Игорь (в Крещении Георгий, в иночестве Гавриил), Ольгович, Черниговский и Киевский, Великий князь († 1147) – 598

Извольский Александр Петрович (1856–1919), секретарь миссии в Бухаресте (1882) и Вашингтоне (1885); посол в Сербии (1897), Японии (1899), Дании (1902); министр иностранных дел (1906–1910); посол в Париже (1910–1917) – 121, 122, 148, 166, 201, 214, 297, 330, 331, 346, 348, 523

Илиодор (Труфанов) Сергей Михайлович; 1880–1958), бывший иеромонах, расстрига – 238, 521

Иоанн I Данилович Калита (1283–1341), Великий князь Московский (1325–1341), Великий князь Владимирский (1328–1341), князь Новгородский (1328–1337); почитается в лике благоверных в Соборах Московских и Тульских святых – 230, 260, 594

Иоанн III Васильевич (1440 – 1505), Великий князь Московский (с 1462), Государь всея Руси. Объединил значительную часть русских земель вокруг Москвы, положил конец ордынскому игу – 594, 647

Иоанн IV Васильевич (1530–1584), князь Московский и всея Руси (с 1533), первый Русский Царь (с 1547) – 185, 188, 189, 227, 229, 230, 338, 343, 363, 420, 484

Иоанн VI Антонович (1740–1764), Император Российской Империи (1740–1741); убит в Шлиссельбургской крепости в ночь на 5 июля 1764 при попытке его освобождения – 416

Иоанн Богослов, апостол из 12-ти, евангелист († 98–117) – 588

Иоанн Грозный – см. **Иоанн IV Васильевич**

Иоанн Дамаскин, преподобный, песнописец († ок. 780) – 649

Иоанн Калита – см. **Иоанн I Данилович**

Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич; род. в 1829), протоиерей, праведный († 1908) – 111, 556, 560–580, 603, 649

Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, святитель († 1715) – 97, 520, 521, 526

Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, святитель († 1966). Подробнее см. «Об авторах» – 510, 590, 676–677

Иоанн Смоленский – см. **Иоанн (Соколов)**

Иоанн (Соколов Владимир Сергеевич; 1818–1869), епископ Смоленский (1866–1869); ученый и духовный писатель; известен как лучший русский канонист и проповедник – 536

Иоанн (Сторожев Иван Владимирович; 1878–1927), протоиерей, с 1 января 1917 настоятель градо-Екатеринбургского Екатерининского собора; совершал богослужения в Ипатьевском «доме особого назначения» для Царственных узников – 59, 70

Иоанн Тобольский – см. **Иоанн (Максимович)**, митрополит Тобольский

Иоанн Шанхайский – см. **Иоанн (Максимович)**, архиепископ Шанхайский

Иоасаф, епископ Белгородский, святитель († 1754) – 97, 520, 521

Иов Многострадальный, праведный († ок. 2000–1500 до Р.Х.) – 22, 70, 71, 263, 265, 314, 528, 529, 585, 586, 590, 591, 597, 632–642

Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927), партийный деятель, советский дипломат. В 1918 председатель советской делегации на переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске; подписал в числе других перемирие с Германией и ее союзниками – 45

Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952), российский химик, военный инженер, генерал-лейтенант, академик АН СССР – 430, 448–450, 452, 455, 456, 459

Ипатьев Николай Николаевич (? – 1923), купец, капитан инженерных войск в отставке, кадет, член Комитета Общественной Безопасности Екатеринбурга, владелец «дома особого назначения» – 55

Ирина Александровна (1895–1970), Великая княжна, племянница Императора Николая II, внучка Императора Александра III. С 1914 в морганатическом браке с князем Ф.Ф. Юсуповым – 39

Иуда, предатель Господа нашего Иисуса Христа, бывший одним из 12-ти апостолов – 573, 591

Кавур, Камилло Бенсо (1810–1861), граф, итальянский государственный деятель и дипломат; сыграл важную роль в процессе объединения Италии путем династических и дипломатических сделок – 338

Казмин-Вьюгов Николай Васильевич (1881– после 1940), педагог и писатель – 508

Каин, сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля – 590

Каледин Алексей Максимович (1861–1918), генерал от кавалерии. После отречения Царя сдал командование армией Л.Г. Корнилову, избран атаманом Донского казачьего войска, зимой 1917–1918 возглавил восстание против большевиков на Дону, после поражения которого застрелился – 14

Калинкин, производитель лимонада – 84

Калита – см. **Иоанн I Данилович Калита**

Канкрин Егор Францевич (1774–1845), генерал, министр финансов России в 1823–1844 – 183

Кант, Иммануил (1724–1804), немецкий философ – 483

Каподистрия Иоанн (Иоаннис) (1776–1831), статс-секретарь по иностранным делам (1815), с 1816 управлял (совместно с К.В. Нессельроде) министерством иностранных дел Российской Империи. Президент Греции (1827–1831) – 491

Капустин Михаил Николаевич (1828–1899), русский юрист – 22

Карабчевский Николай Платонович (1851–1925), писатель, поэт, публицист – 9

Карл I Великий (742–814), Король франков в 768–814; Император Священной Римской империи в 800–814 – 468

Карл V (1500–1558), Король Испании, Император Священной Римской империи – 404

Карл XII (1682–1718), Король Швеции с 1697, полководец – 453, 471

Карно, Лазар-Никола-Маргерит (1753–1823), французский государственный и военный деятель, математик, с 1796 член Института Франции – 249

Кассо Лев Аристидович (1865–1914), профессор Юрьевского (Дерптского), Харьковского и Московского университетов; министр народного просвещения (1910–1914) – 199

Кастельно, де Куриер де Кастельно (1851–1944), виконт, французский дивизионный генерал – 397

Кастро, Фидель (род. 1927), первый секретарь ЦК Компартии Кубы (КПК), председатель Государственного Совета и Совета министров Республики Куба – 617

Катков Василий Данилович (1867–после 1917), русский правовед, публицист, профессор – 113

Катков Михаил Никифорович (1818–1887), русский публицист, с 1851 по 1855 и с 1863 по 1887 издавал газету «Московские Ведомости», а с 1856 журнал «Русский Вестник» – 189, 504, 518

Катон, Марк Порций Катон Цензор (234–149 гг. до н.э.), римский политический деятель, полководец, знаменитый оратор и юрист; непримиримый противник Карфагена – 472

Кауфман-Туркестанский, фон, Петр Михайлович (1857–1926), обер-гофмейстер, сенатор, член Государственного Совета; в 1906–1908 министр народного просвещения – 94, 339

Каховский Петр Григорьевич (1797–1826), декабрист; настаивал на истреблении всей Царской фамилии – 233

Келин (Келен) Алексей Степанович (?–1715), русский военачальник, участник Северной войны 1700–1721, в чине полковника комендант крепости Полтава во время ее обороны (1709), в день Полтавской битвы 27 июня 1709 вел активные вылазки, в результате взял в плен первого министра Шведского Короля Пипера и двух его государственных секретарей. За заслуги после победы получил чин генерал-майора, минуя чин бригадира. В 1909 в дни празднования 200-летнего юбилея Полтавской победы в Полтаве в присутствии Императора Николая II был открыт памятник Келину – 413, 414

Келлер Федор Артурович (1857–1918), граф, генерал-лейтенант; в марте 1917 отказался признать отречение Императора Николая II и присягнуть Временному правительству. В 1918 жил в Киеве, занимал пост командующего вооруженными силами на территории Украины. Расстрелян петлюровцами – 158, 464

Кеннеди, Джон Фицджералд (1917–1963), президент США в 1961–1963 – 82

Керенский Александр Федорович (1881–1970), адвокат; социалист-революционер; депутат III и IV Государственной Думы; товарищ председателя Петросовета (1917); министр-председатель, военный и морской министр в различных составах Временного правительства; с 8 июля по 25 октября 1917 министр-председатель Временного правительства, с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий; эмигрировал – 7–10, 12–15, 39, 57, 60, 61, 67, 155, 195, 205, 206, 234, 238, 248, 249, 333, 337, 339, 351, 352, 356, 357, 366, 370, 385, 391, 392, 397, 401, 410, 411, 415, 417, 425, 432, 433–435, 439, 440, 444, 453, 457, 459, 469, 483, 487

Керсновский Антон Антонович (1905–1944), русский военный историк, публицист – 456, 480

Киреевский Иван Васильевич (1806–1856), русский литературный критик и публицист, философ, один из основоположников славянофильства – 649

Киреевский Петр Васильевич (1808–1856), публицист, археограф и фольклорист, видный деятель славянофильства – 649

Кирилл Владимирович (1876–1938), Великий князь, двоюродный брат Императора Николая II; нарушив присягу Царю, поддержал Февральскую революцию; эмигрировал; провозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I – 628

Кирилл Зайцев, священник – см. **Константин (Зайцев), архимандрит**

Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф (с 1866); участник Отечественной войны 1812; генерал-адъютант; в 1828–1829 управлял Молдавией и Валахией в качестве наместника; в 1835 возглавлял секретный комитет по крестьянскому делу; с 1837 министр вновь образованного Министерства государственных имуществ; в 1856–1862 посол в Париже – 228, 245

Китченер, Гораций Герберт (1850–1916), британский фельдмаршал – 390

Кичунов Николай Иванович (1853–1942), известный ученый агроном, доктор сельскохозяйственных наук, профессор – 89

Клаузевиц, Карл Филипп Готфрид фон (1780–1831), немецкий военный теоретик и историк – 453, 458, 475

Клемансо, Жорж (1841–1929), французский политический и государственный деятель, журналист, премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 – 110, 469, 490

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), русский историк – 413, 471

Кнорринг, Людвиг Карлович (18?? –1930), барон, дипломат, действительный статский советник, секретарь российского посольства в Берлине, министр-резидент в Дармштадте, эмигрант – 306

Коанда, Константин (1857–1932), румынский генерал. Во время мировой войны состоял румынским военным представителем при Ставке Верховного Главнокомандующего русской армии – 263

Кобылинский Евгений Степанович (1875–1927), полковник, начальник Царскосельского караула и особого отряда по охране Царской семьи в Тобольске – 47–49, 52

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), правовед, создатель Партии демократических реформ (1905); депутат I Государственной Думы; член Государственного Совета (1906) от Академии наук; академик – 361

Ковалевский Павел Иванович (1849–1923), профессор, психиатр, публицист, идеолог русского национализма; эмигрант – 112

Коковцев Владимир Николаевич (1853–1943), государственный секретарь (1902–1904); министр финансов (1904–1914); председатель Совета министров (1911–1914); председатель II департамента Государственного Совета (1915); эмигрант – 107, 148, 166, 268, 419, 421

Колчак Александр Васильевич (1874–1920), начальник отдела Морского Генерального штаба (1906–1908); командующий Черноморским флотом (1916 – июнь 1917 г.); член военной миссии в США; военный и морской министр правительства Директории (1918), свергнув которое, объявил себя Верховным правителем России (нояб. 1918 г. – 1920); арестован чехословаками, расстрелян большевиками – 54, 286

Комаров Виссарион Виссарионович (1838–1907), русский полковник, сербский генерал, редактор-издатель ряда крупных патриотических изданий, один из членов-учредителей и член Совета Русского Собрания – 217

Кондорсе, Жан Антуан Никола (1743–1794), ученый, философ, государственный деятель эпохи Великой французской революции – 248

Кондратенко Роман Исидорович (1857–1904), военный деятель, генерал-лейтенант, герой обороны Порт-Артура – 104

Кони Анатолий Федорович (1844–1927), юрист, писатель, член Государственного Совета, сенатор; приобрел известность, прежде всего, как выдающийся судебный оратор – 417, 430, 508

Коноваловы (Петр Кузьмич, Александр Петрович, Иван Александрович, Александр Иванович), российские фабриканты, основатели хлопчатобумажной промышленности – 204

Коновалов Александр Иванович (1875–1948), российский крупный фабрикант и общественно-политический деятель; депутат IV Государствен-

ной Думы; один из организаторов Прогрессистской партии (1912) и Прогрессивного блока (1915); член партии кадетов (1917); министр торговли и промышленности в первом составе Временного правительства; эмигрант – 339, 385

Константин Великий, Император, святой равноапостольный († 337) – 603, 610, 644

Константин (Зайцев Кирилл Иосифович; 1887–1975), архимандрит (1954) РПЦЗ, профессор Свято-Троицкой Духовной семинарии, редактор журнала «Православная Русь», богослов, один из виднейших духовных писателей Русско-го Зарубежья. Подробнее см. «Об авторах» – 499, 623, 667–668

Константин Константинович (1858–1915), Великий князь, внук Николая I, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, генерал инспектор военно-учебных заведений, почетный президент Академии наук, известный поэт, писавший под инициалами «К.Р.» – 27, 99

Константин Павлович (1779–1831), Великий князь, второй сын Павла I, брат Александра I и Николая I; генерал-адъютант – 495

Кордье, один из деятелей Французской революции – 248

Кордэ д'Армон, Мария-Анна-Шарлотта (1768–1793), французская дворянка, считала Марата главным виновником разгоравшейся гражданской войны; решив спасти Францию ценою собственной жизни, проникла в дом к Марату и заколола его кинжалом – 239

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал от инфантерии (1917). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. К началу революции командующий войсками Петроградского военного округа. После Февральской революции командующий Юго-Западным фронтом и Верховный главнокомандующий (июль–август 1917, преемник Керенского), выступил против Временного правительства («мятеж Корнилова», арестован Керенским, бежал на Дон, где стал одним из организаторов создания белогвардейской Добровольческой армии (ноябрь–декабрь 1917); убит в бою под Екатеринодаром – 14, 286

Коровиченко Павел Александрович (1874–1917), социалист, соратник А.Ф. Керенского, зауряд-полковник; в марте–мае 1917 по личному указанию А.Ф. Керенского назначен комендантом Александровского дворца, где содержалась под арестом Царская семья – 67

Корф Павел Павлович (1845 – не ранее 1917), барон, с декабря 1912 обер-церемониймейстер Двора, действительный тайный советник – 306

Кох, Эрих (1896–1961), нацистский партийный и военный руководитель; в 1942–1944 рейхскомиссар оккупированной Украины – 457

Коханов (Каханов) Михаил Семенович (1833–1900), статс-секретарь, председатель Особой комиссии для составления проектов местного управления (1882–1885) – 171

Коцебу, представители немецкого рода при Русском Дворе – 306

Кошелев Александр Иванович (1806–1883), русский общественный деятель и публицист – 178

Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал-майор (1914), генерал от кавалерии (1918), атаман Войска Донского (1918), эмигрант; в 1944 начальник Главного управления казачьих войск при Министерстве восточных областей Германии; писатель, историк. В 1945 в Лиенце (Австрия) выдан англичанами советской военной администрации. По приговору суда повешен в Лефортовской тюрьме – 15, 117, 428

Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923), товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1905–1906); член Государственного Совета (1906) по назначению; товарищ министра финансов (1906–1908); начальник Главного управления землеустройства и земледелия (1908–1915); глава правительства Юга России при П.Н. Врангеле (1920) – 148, 153, 333, 340–343, 350

Кромвель, Оливер (1599–1658), деятель Английской революции XVII в. – 612

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, основатель анархизма – 430

Кроуфорд Розмари и Дональд, авторы книги «Михаил и Наташа. Жизнь и любовь последнего Русского Царя» – 279, 280

Крупская Надежда Константиновна (1869–1939), жена Ленина – 10

Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1934), товарищ министра внутренних дел (1906–1911); сенатор (1906); государственный секретарь (1911); член Государственного Совета (1917) – 435

Крымов Александр Михайлович (1871–1917), генерал-лейтенант; участник Русско-японской войны и Первой мировой войны; один из организаторов Февральского переворота; в августе 1917 командующий Особой Петроградской армией, созданной для подавления революционных волнений; участник мятежа генерала Корнилова, был заманен Керенским в Петроград для «переговоров», поняв, что попал в ловушку, застрелился у кабинета Керенского – 14, 155

Ксения Александровна (1875–1960), Великая княгиня, младшая сестра Государя Николая II – 39

Куломзин Анатолий Николаевич (1838–1923), председатель Государственного Совета – 173, 340–342

Кульчицкий Николай Константинович (1856–1925), тайный советник, государственный деятель, последний министр народного просвещения Российской Империи (с декабря 1916); эмигрант – 154

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), военный министр (1898–1904); главнокомандующий русской армией во время Русско-японской войны; командующий Северным фронтом во время Первой мировой войны, с 1916 туркестанский генерал-губернатор; после Октябрьской революции служил волостным писарем в Псковской губернии – 100, 101, 105, 193, 211, 281, 425, 475

Кусаков Николай Павлович (настоящая фамилия Чурилов; 1909–1997), эмигрантский православный писатель, публицист, общественный деятель. Подробнее см. «Об авторах» – 599, 677–678

Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759–1834), граф, любимец Императора Павла I, мальчиком взятый в плен в Турции и живший при Русском Дворе; сделан гардеробмейстером, пожалован дворянством; стал одним из богатейших людей России, одновременно пользовался всеобщей ненавистью – 238

Кутлер Николай Николаевич (1859–1924), товарищ министра внутренних дел (1904–1905); товарищ министра финансов (1905); главноуправляющий землеустройством и земледелием (1905–1906); депутат от кадетской партии во II и III Государственной Думе; после Октябрьской революции служил в наркомате финансов, член совета Госбанка СССР в 1922–1924 – 208

Кутон, Жорж Огюст (1755–1794), деятель Французской революции – 248

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Иларионович (1745–1813), Светлейший князь Смоленский (1812), русский полководец, генерал-фельдмаршал (1812) – 211, 245, 258, 287, 339, 420, 421

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Павел Васильевич (1772–1843), граф, в 1800 генерал-майор, причастен к заговору против Павла I – 233

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1971), балерина Мариинского театра (1890–1917); после революции жила в Париже, где вышла замуж за Великого князя Андрея Владимировича; в 1917 ее особняк заняли большевики, в нем работал и произносил речи с балкона Ленин – 10, 245

Кэзмент, Роджер Дейвид (1864–1916), участник ирландского национально-освободительного движения; повешен по приговору английского суда – 474

Лавров Петр Лаврович (1823–1900; псевдоним Миртов), крупный теоретик революционного народничества – 482

Лавуазье, Антуан Лоран (1743–1994), французский химик – 429

Лагиш (Лягиш), Пьер, де, маркиз, дивизионный генерал, французский военный атташе в Петрограде, глава французской военной миссии в России (1916–1919) – 292

Лазаверт Сергей Сергеевич, старший врач отряда Красного Креста, которым командовал В.М. Пуришкевич – 40–42

Ламсдорф Владимир Николаевич (1845–1907), граф, директор канцелярии министерства иностранных дел (1880–1897); товарищ министра (1897–1900), затем министр (1900–1906) иностранных дел – 106, 107, 122, 193

Лангеншейдт, Густав (1832–1895), немецкий педагог-методист и издатель – 430

Ланин Николай Петрович (1832–1895), владелец производства и оптовой торговли минеральными, фруктовыми, ягодными водами и русскими виноградными винами в Москве на Софийской набережной – 84

Лассаль, Фердинанд (1825–1864), немецкий социалист – 234

Лауниц Владимир Федорович, фон дер (1855–1906), шталмейстер Высочайшего Двора, генерал-майор Свиты, действительный статский советник, петербургский градоначальник (1905–1906); духовный друг прав. Иоанна Кронштадтского; убит эсерами – 198, 223

Лафайет, Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер дю Мотье, маркиз, де (1757–1834), французский политический деятель – 248

Левицкий Сергей Александрович (1908–1983), философ, публицист, литературовед – 486

Легра, Жюль (1866–1938), германист, профессор Дижонского и Сорбоннского университетов, один из первых во Франции профессоров-русистов; член французской военной миссии (1916–1919); автор воспоминаний о России, книг «В русской стране» («На русской земле»), «В Сибири», «Литература в России», «Русская душа» – 289, 292, 293, 296, 297, 309, 316, 317, 332, 345, 362, 370, 372, 375

Леер Генрих Антонович (1829–1904), генерал от инфантерии, профессор военного искусства – 22

Лежандр, Луи (1752–1797), французский деятель Великой революции – 249

Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, математик, физик, языковед – 483

Лемке Михаил Константинович (1872–1923), журналист, социал-революционер, в сентябре 1915 – июле 1916 служил в Ставке Верховного главнокомандования, заведующий отделом прессы, автор книги «250 дней в Царской Ставке» (Пг., 1920) – 337

Ленин Владимир Ильич (1870–1924), вождь пролетариата – 8–11, 14, 16, 17, 58, 95, 173, 186, 195, 196, 206, 214, 226, 234, 238, 245, 250, 253, 254, 257, 317, 351, 367, 385, 415, 423, 432, 435, 439, 441, 442, 475, 476, 478, 497, 558, 617, 623

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), писатель, философ и социолог – 112, 522

Леопольд (1853–1884), принц, младший сын Королевы Великобритании Виктории и ее мужа Альберта, дядя Российской Императрицы Александры Феодоровны; герцог Ольбани, граф Кларенс и барон Арклоу; страдал гемофилией – 35

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), русский поэт – 469, 480

Линевич Николай Петрович (1838–1908), генерал от инфантерии (1903), генерал-адъютант (1905); руководитель подавления Боксерского восстания – 105

Ллойд Джордж, Дэвид (1863–1945), премьер-министр Великобритании в 1916–1922 – 110, 234, 356, 469

Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь; посол в Константинополе (1859–1863, 1878–1879), Лондоне (1879–1882), Вене (1882–1895) и Берлине (1895); министр иностранных дел (1895–1896) – 119, 148, 315

Лобко Павел Львович (1838–1905), государственный деятель; окончил Академию Генерального штаба, с 1867 служил в канцелярии Военного министерства; с 1885 один из наставников Великого князя Николая Александровича, будущего Императора; член Государственного Совета (1898); государственный контролер (1899–1905) – 22

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), первый российский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, художник, историк, поборник развития отечественного просвещения, науки и экономики – 485

Лопухин Алексей Александрович (1864–1928), директор департамента полиции (1902–1905); эстляндский губернатор (1906); подтвердил В.Л. Бурцеву (1908) факт сотрудничества Е.Ф. Азефа с департаментом полиции; приговорен за разглашение служебной тайны к каторжным работам, замененным ссылкой в Сибирь; помилован в 1912 г.; служил в Москве вице-директором Сибирского торгового банка – 206

Лопухин Петр Сергеевич (1885–1962), князь, земский деятель, участник Белого движения, после Второй мировой войны епархиальный секретарь РПЦЗ в Западной Европе, один из основателей общества «Православное Дело» (1959), издатель журнала «Вестник Православного Дела» (Женева, 1959–1962) – 113

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), российский государственный деятель, министр внутренних дел (1880–1881) – 491

Лубэ, Эмиль Франсуа (1838–1929), президент Третьей республики во Франции – 265, 294, 295, 387, 488, 489, 516

Луиза Гессен-Кассельская (1817–1898), принцесса, в замужестве Королева Дании (с 1863), супруга короля Дании Кристиана IX, мать Российской Императрицы Марии Феодоровны (принцессы Дагмары), бабушка Императора России Николая II – 21

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), генерал-лейтенант Генштаба – 255

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь; кадет; председатель Всероссийского земского союза для помощи больным и раненым воинам (1914–1917); министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства (март–май 1917; эмигрировал – 162, 195, 204, 272, 339, 362, 370, 382, 383, 397, 534

Львов Николай Николаевич (1867–1944), земский деятель, депутат I, III и IV Государственной Думы; входил в кадетскую фракцию, позднее основал Партию мирного обновления; участвовал в борьбе с большевиками на юге России; эмигрировал – 117

Людвиг IV, Великий герцог Гессенский и Прирейнский (1837–1892), отец Императрицы Александры Феодоровны и Великой княгини Елизаветы Феодоровны – 324

Людендорф, Эрих (1865–1937), немецкий военный и политический деятель, пехотный генерал (1916), один из идеологов германского милитаризма – 394, 397, 426, 474

Людвик XVI (1754–1793), Король Франции из династии Бурбонов – 397, 408, 601

Майков Аполлон Аполлонович (1866–после 1917), публицист, художник, один из основателей Союза русского народа, автор проекта союзного нагрудного значка – 223

Макаров Александр Александрович (1857–1919), товарищ министра внутренних дел (1906); государственный секретарь (1909); министр внутренних дел

(сент. 1911– дек. 1912 г.); член Государственного Совета (1912) по назначению; министр юстиции (июль 1916– янв. 1917 г.); расстрелян ЧК – 154

Макартур, Дуглас (1880–1964), американский военный деятель, генерал армии США – 286

Макдональд, Джеймс Рамсей (1866–1937), государственный и политический деятель Великобритании, один из лидеров Лейбористской партии – 407

Макензен, Август (1849–1945), немецкий генерал-фельдмаршал – 130, 475

Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957), присяжный поверенный, правый кадет, член ЦК (с 1906); депутат II, III и IV Государственной Думы; при Временном правительстве посол в Париже; эмигрировал – 41–43, 296, 356, 361, 392, 459

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), министр внутренних дел (1913); член Государственного Совета (1915) по назначению; расстрелян большевиками – 153, 355, 356, 519

Малле дю Пан, Жак (Mallet du Pan; 1749–1800), французский политический деятель и публицист, убежденный монархист – 247

Мальтус, Томас (1766–1834), английский ученый, демограф, автор теории народонаселения, согласно которой рост населения не ведет к усилению мощи государства, а наоборот, не успевая за производством продуктов, способствует обнищанию – 112

Мамантов (Мамонтов) Василий Иларионович (1863–1928), помощник начальника (1900–1913) и начальник Канцелярии по приему прошений на Высочайшее имя (1913–1917); член Государственного Совета (1913) по назначению – 23, 75

Манташев Александр Иванович (1842–1911), крупнейший российский нефтяной магнат и филантроп; один из самых богатых людей своего времени – 491

Мануйлов – см. Манусевич

Манус Игнатий Порфирьевич (1860–1918), из мещан. В нач. 1900-х, занимаясь спекуляциями на бирже, приобрел значительное состояние – 156, 192, 239, 387, 431

Манусевич (Манусевич-Мануйлов) Иван Федорович (1869?–1918), журналист, агент охранного отделения, чиновник особых поручений Департамента полиции, надворный советник – 168, 192, 200, 206, 239, 367, 381

Мао Цзе-Тунг (Мао Цзэдун) (1893–1976), государственный и партийный деятель Китая, один из самых кровавых тиранов XX в. – 617

Марат, Жан-Поль (1743–1793), политический деятель, один из вождей якобинцев – 248

Мария Антуанетта (1755–1793), Королева Франции, супруга Короля Людовика XVI; во время Французской революции объявлена вдохновительницей контрреволюционных заговоров, осуждена Конвентом и казнена – 276

Мария Николаевна (14.06.1899, Петергоф – 4/17 июля 1918, Екатеринбург), Великая княжна, дочь Императора Николая II. Расстреляна большевиками вме-

сте со всей Царской семьей. Канонизирована РПЦ в лике страстотерпцев (2000), почитается в Соборе новомучеников Российских – 6, 34, 46, 50–52, 56, 60, 64

Мария Павловна (Старшая) (1854–1920), Великая княгиня, жена Великого князя Владимира Александровича (третьего сына Александра II), урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская – 318, 325, 351, 371, 374

Мария Феодоровна (урожд. Мария-София-Фредерика-Дагмара, дочь Датского короля Христиана IX; 1847–1928), Российская Императрица (1881–1894), супруга Императора Александра III, мать Императора Николая II – 21, 30, 32, 33, 69, 108, 266

Марков Николай Евгеньевич (1866–1945), депутат III и IV Государственной Думы; лидер крайней правой фракции; член «Союза русского народа»; эмигрировал – 305

Маркс, Карл (1818–1883), политэконом, философ, революционер – 234, 482, 483

Маршалл, Джордж Кэтлетт (1880–1959), государственный и военный деятель США, генерал армии, занимал посты начальника Генштаба, Государственного секретаря, министр обороны; инициатор плана Маршалла – 417, 478

Масси – см. **Месси**

Махно Нестор Иванович (1888–1934), анархист, участник Гражданской войны – 486

Медведев Павел, комиссар Екатеринбургской ЧК, участник расстрела Царской семьи – 55, 59–61

Мейендорф Феофил Егорович (1838–1919), барон, командир 1-го армейского корпуса (1896), генерал от кавалерии (1898), генерал-адъютант Его Императорского Величества (1902), участник Русско-турецкой и Русско-японской войны. Три его брата занимали видное место на военной службе России – 30, 306

Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956), русский историк и политический деятель; выслан в 1922 из России; автор антибольшевистских статей и книг – 410, 441

Мельник Татьяна Евгеньевна (1898–1986), дочь страстотерпца Евгения Боткина, лейб-медика Императора Николая II; автор воспоминаний о Царской семье – 18

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), выдающийся русский ученый и мыслитель, профессор химии, организатор и первый директор Главной палаты мер и весов; автор более 500 фундаментальных научных работ по химии, физике, метрологии, воздухоплаванию, метеорологии, экономике и народному просвещению – 81–83, 86, 89, 111, 232, 417, 429, 439, 451, 468, 485

Меньшиков Александр Данилович (1672–1729), государственный и военный деятель, сподвижник Императора Петра I, первый российский генералиссимус. По наиболее распространенной версии, происходил из крестьян и торговал пирогами на московских улицах – 238, 245

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918), русский мыслитель, публицист и общественный деятель, ведущий сотрудник газеты «Новое время» – 472, 473

- Месси, Роберт** (род. 1929), американский историк, писатель – 8, 75, 282
- Меттерних, Клеменс Лотар Венцель** (1773–1859), князь, австрийский государственный деятель, дипломат – 338
- Мещерский Владимир Петрович** (1838–1914), князь, камергер, писатель и публицист крайне правых взглядов, издатель-редактор журнала «Гражданин», камергер Императора Александра II – 217, 305, 318
- Милица Николаевна** (1866–1951), Великая княгиня, дочь Черногорского Короля Николы I, жена Великого князя Петра Николаевича – 36
- Миллер Евгений Карлович** (1867–1937), русский генерал-лейтенант, участник Белого движения – 27
- Мильнер, Альфред** (1854–1925), лорд, государственный деятель Великобритании; в 1917 глава британской военной миссии в России – 397
- Милюков Павел Николаевич** (1859–1943), историк, профессор Московского университета; основатель «Союза освобождения»; председатель «Союза союзов» (1905); основатель и бессменный лидер кадетской партии; член III и IV Государственной Думы; министр иностранных дел Временного правительства (март–апрель 1917); эмигрировал – 11, 13, 40, 100, 155, 195, 249, 339, 356, 361, 369, 380–382, 385, 398, 400, 415, 423, 433, 434, 439, 449, 450, 459, 469, 473–481, 485, 487, 494, 528, 613
- Милютин Дмитрий Алексеевич** (1816–1912), генерал-фельдмаршал; в 1861–1881 военный министр, осуществил проведение военной реформы и реорганизации армии; уже в 1873 разработал проект действий России на европейском театре против возможной коалиции Германии и Австро-Венгрии – 283, 284
- Мин Георгий Александрович** (1855–1906), русский генерал, командир лейб-гвардии Семеновского полка (1904–1906), сыгравшего решающую роль в подавлении декабрьского восстания в Москве (1905); убит эсеркой З. Конопляниковой – 158, 198, 426
- Минин (Сухорук) Кузьма** (? – 1616), нижегородский посадский человек, один из организаторов и руководителей Второго земского ополчения в период польской и шведской интервенции в России XVII в., русский национальный герой – 188, 204, 205, 245, 250, 258
- Миних, Бурхард Кристоф** (Христофор Антонович) (1683–1767), русский военный и государственный деятель, граф, генерал-фельдмаршал – 501
- Мирабо, Оноре Габриель Рикети, граф де** (1749–1791), один из видных деятелей Великой французской революции – 248, 441
- Мирбах, Вильгельм фон** (1871–1918), граф, генерал, дипломат, с апреля 1918 посол Германской Империи при правительстве РСФСР в Москве. Убит в Москве – 45, 46, 56
- Мирский** – см. **Святополк-Мирский**
- Митрофан**, епископ Воронежский, святитель († 1703) – 548
- Михаил Александрович** (1878–1918), Великий князь, младший брат Императора Николая II; убит большевиками в окрестностях Перми – 157, 158, 160, 162, 272, 279, 371, 398, 399, 463, 534

Михаил Польский (1891–1960), протопресвитер РПЦЗ, публицист, богослов; автор книги «Новые мученики российские» – 72

Михаил Феодорович (1596–1645), первый Русский Царь (с 1613) из Династии Романовых – 119, 596, 647

Михаил Ярославич Тверской, Великий князь († 1318) – 598

Михайловский Николай Константинович (1842–1904), русский социолог, публицист и литературный критик; теоретик либерального народничества – 482

Мичурин Иван Владимирович (1855–1935), российский, советский биолог, селекционер, почетный член АН СССР, академик ВАСХНИЛ – 89

Мищенко Павел Иванович (1853–1918), русский генерал от артиллерии, генерал-адъютант, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Китайского похода (1900–1901), во время Русско-японской войны командовал Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизией, участник Первой мировой войны – 105

Моисеев Александр Иванович (1868–1918), строитель судов различного ранга и класса для Российского Императорского флота, организатор судостроительной промышленности, начальник Императорского Адмиралтейского судостроительного завода (1910–1914), управляющий объединенных Балтийского и Адмиралтейского заводов (1914–1917), генерал-лейтенант Корпуса корабельных инженеров. После февральской революции 1917 уволен, арестован и вскоре убит большевиками. По одним данным он был расстрелян, по другим в августе 1918 утоплен большевиками в Финском заливе на барже – 18

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986), советский политический деятель, в 1939–1949 и 1953–1956 нарком, министр иностранных дел СССР – 480

Мольтке, Хельмут Карл (1800–1891), граф, германский генерал-фельдмаршал, военный теоретик – 338

Моммзен, Теодор (1817–1903), немецкий историк, филолог-классик и юрист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 года за труд «Римская история» – 412

Монтескье, Шарль Луи (1689–1755), французский писатель, правовед, философ – 499

Мордвинов Анатолий Александрович (?–1940), полковник, флигель-адъютант Императора Николая II – 30

Морозовы (XVIII – нач. XX в.), текстильные фабриканты – 204, 221, 419

Мосолов Александр Александрович (1854–после 1933), генерал-лейтенант Лейб-гвардии конного полка, начальник канцелярии Министерства Императорского Двора (1900–1917); посланник в Румынии (1917); участвовал в попытках спасти Царскую семью в 1918, автор воспоминаний «При дворе последнего Императора» (СПб., 1992) – 421, 424, 428, 431, 436, 437, 441, 449, 459, 465

Мотоно, Итиро (1862–1918), в 1906–1916 японский посол в России – 331

Мошкин Александр Михайлович, слесарь, помощник коменданта «ипатьевского» дома особого назначения – 58

Мстиславский, левый эсер – 440

Муравьев, профессор, персонаж романа М.А. Алданова «Истоки» – 417

Муравьев Николай Константинович (1870–1936), адвокат, присяжный поверенный. 9 марта 1917 возглавил Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства по расследованию действий бывших министров и прочих должностных лиц – 332, 391

Муравьев Николай Леонидович (1866–1940), граф, русский государственный деятель, полтавский (1908–1913) и московский губернатор (1913–1916), сенатор (1916–1917) – 31

Муравьевы, графы, декабристы – 233

Муссолини, Бенито (1883–1945), лидер итальянского фашизма – 407, 470

Мюрат, Иоахим (1767–1815), великий герцог Бергский, маршал Франции, король неаполитанский. Службу в армии начинал рядовым, но очень быстро продвинулся – 248, 249

Мясоедов Сергей Николаевич (1866–1915), начальник жандармского отделения ст. Вержболово (1901); бывал в гостях у Императора Вильгельма II в поместье Роминтерн; заподозрен в шпионаже и отчислен в запас (1907); восстановлен на службе (1911) по протекции Сухомлинова; в 1914 служил переводчиком в 10-й армии; заподозрен в шпионаже и расстрелян по приговору военно-полевого суда – 351, 352, 474

Нагорный Климентий Григорьевич (?–1918), матрос гвардейского экипажа, дядька Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Проявил верность и преданность Царской семье, последовал за ними в ссылку, убит большевиками в окрестностях Екатеринбурга вместе с лакеем Иваном Седнёвым – 52, 53, 57

Наполеон I (Наполеон Бонапарт; 1769–1821), Император Франции (1804–1814 и в марте–июне 1815) – 142, 161, 162, 185, 218, 227, 248, 338, 346, 438, 469, 471, 474, 486, 553

Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт; 1808–1873), племянник Наполеона I, Император Франции (1852–1870) – 146, 229, 284, 295

Нарышкина Александра Николаевна (урожд. Чичерина; 1839 – ?), статс-дама; близкий друг Царской семьи – 354

Наум Мезецкий, митрофорный протоиерей – 67

Наумов Александр Николаевич (1868–1950), егермейстер, самарский губернский предводитель дворянства, управляющий министерством земледелия и землеустройства (1915–1916) – 146, 148, 153

Нахамкис, Нахамкис-Стеклов – см. **Стеклов**

Нахимов Павел Степанович (1802–1855), русский флотоводец, адмирал, герой Крымской войны – 339

Нахичеванский Гусейн (1863–1918), хан, русский генерал от кавалерии, генерал-адъютант, с 1916 командир Гвардейского кавалерийского корпуса; отказался присягать Временному правительству; расстрелян большевиками – 464

Ней, Мишель (1769–1815), маршал Франции; родом из семьи простого ремесленника – 248

Нейдгарт Алексей Борисович (1863–1918), гофмейстер, действительный статский советник. Расстрелен латышскими стрелками – 154

Неклюдов Анатолий Васильевич (1856–1943), в 1914–1917 посланник Российского Императора в Стокгольме, тайный советник – 253

Некрасов Георгий, из семьи белоэмигрантов, офицер Королевского Военно-морского флота Австралии, автор статьи «Император Николай II как полководец». Подробнее см. «Об авторах» – 279, 662–663

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), общественно-политический и государственный деятель; депутат III и IV Государственной Думы; член ЦК партии кадетов, лидер ее левого крыла (1909–1917) – 385

Нектарий Оптинский, преподобный († 1929) – 641, 649

Немешаев Клавдий Семенович (1849–1927), инженер, начальник Юго-Западных железных дорог (1896–1905); министр путей сообщения (1905–1906); член Государственного Совета (1912) по назначению – 23

Непенин Адриан Иванович (1871–1917), вице-адмирал, командир службы связи Балтийского моря, с сентября 1916 командующий Балтийским флотом, убит в Гельсингфорсе во время февральских событий – 18

Нессельроде – вероятно, Нессельроде Анатолий Дмитриевич (1850–1923), служил при министерстве юстиции, министерстве финансов, министерстве иностранных дел, с 1889 в отставке; поселяется в Саратовской губ., гласный Саратовской городской думы; стал известен оппозиционными либеральными выступлениями; по сведениям 1906, являлся одним из кредиторов партии эсеров, позднее демонстративно отказался от придворного звания, а затем и от российского подданства – 168

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882) – деятель революционного движения в России; прототип Петра Верховенского в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (1873) – 482, 617

Никола I (1841–1921), Король Черногории (1910–1918) – 172

Николай, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец, святитель († ок. 335) – 575

Николай I Павлович (1796–1855), сын Императора Павла, Российский Император (1825–1855) – 157, 161, 167, 183, 186, 228, 245, 276, 338, 363, 412, 414, 417, 420, 424, 473, 490, 495

Николай Александрович (1843–1865), Наследник Цесаревич, старший сын Императора Александра II; скоропостижно скончался, Наследником стал его брат – Александр Александрович, будущий Император Александр III – 557

Николай (Гиббс Чарльз Сидней; 1876–1963), архимандрит. В 1908–1917 воспитатель и преподаватель английского языка у детей Императора Николая II; в 1917 последовал за Царской Семьей в Сибирь; в 1934 году принял Православие с именем Алексей, в честь своего воспитанника Цесаревича Алексея; в 1935 пострижен в монашество с именем Николай, в честь убиенного Государя;

иеродиакон; иеромонах; с 1938 архимандрит; в 1941 основал православный приход св. Николая Чудотворца в Оксфорде; в 1945 перешел в Московский Патриархат – 49

Николай Михайлович (1859–1919), Великий князь, внук Императора Николая I; русский генерал от инфантерии, историк; расстрелян большевиками в Петропавловской крепости вместе с еще тремя Великими князьями: своим родным братом Георгием Михайловичем и двоюродными: Павлом Александровичем и Дмитрием Константиновичем – 45, 372, 373

Николай Николаевич (Младший) (1856–1929), Великий князь; внук Императора Николая I; командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914); Верховный главнокомандующий (1914–1915); наместник на Кавказе (1915–1917) – 11, 12, 36, 122, 129, 130, 145, 150, 161, 162, 272, 277, 279, 283, 284, 308, 358, 360, 418, 421, 436, 438, 472, 473, 525, 533, 629

Николай Николаевич (Старший) (1831–1891), Великий князь, третий сын Императора Николая I; генерал-фельдмаршал – 339

Никольский Александр Петрович (1851–1919), управляющий государственными сберегательными кассами (1893–1906); главноуправляющий землеустройством и земледелием (1906); сенатор (1906); член Государственного Совета (1908); член комитета финансов (1914) – 189, 205

Никон (**Минов** Никита; 1605–1681), Патриарх Московский и всея Руси (1652–1667) – 479, 483, 647

Никон (**Рождественский** Николай Иванович; 1851–1919), архиепископ; богослов, публицист, просветитель – 529

Никулин Г.П. (1894 – после 1964), помощник Юровского, участник расстрела Царской семьи – 58, 59, 61

Нимиц, Честер Уильям (1885–1966), американский адмирал флота – 286

Нироды, представители графского рода шведского происхождения, служили при Царском дворе. Так, **Нирод Маврикий (Михаил) Евстафьевич** (1852–1930) был помощником министра Императорского двора, шталмейстером – 306

Ницше, Фридрих (1844–1900), немецкий философ – 483

Ноги Марэсукуэ (1849–1912), генерал Японской Империи и третий генерал-губернатор Тайваня – 101, 104

Обер, Теодор (1878–1963), швейцарский адвокат, писатель, политический деятель – 16

Оболенский Дмитрий Дмитриевич (1844–1931), князь, помещик, коннозаводчик, статский советник (1890), Епифанский и Ефремовский уездный предводитель дворянства (1870–1880), шталмейстер двора Александра II, публицист, мемуарист. Подробнее см. «Об авторах» – 116, 163, 164, 534, 658–659

Обручев Н., участник Сборника памяти 100-летия со дня рождения Государя Императора Николая II Александровича (под редакцией Сергея Завалишина. – Нью-Йорк, Всеславянское издательство, 1968); внучатый племянник генерала Н.Н. Обручева – 5

Обручев Николай Николаевич (1830–1904), русский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, почетный член Петербургской Академии наук, начальник Главного штаба (1881–1897), профессор Николаевской Академии Генерального штаба, автор трудов по военным наукам; преподаватель Цесаревича Николая Александровича – 22, 23, 86, 100

Огарев Александр Николаевич, офицер с 1868, старший полковник, командир 1-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка; с апреля 1893 назначен командиром 7-го гренадерского Самогитского генерал-адъютанта графа Тотлебена полка; в 1898 был генерал-майором, командиром Лейб-гвардии Стрелкового Е.В. батальона – 27

Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950), российский ученый, историк, общественный и политический деятель русского зарубежья. Член ЦК Трудовой группы (1906–1917), министр великорусских дел в правительстве УНР (1917–1918), председатель киевского комитета «Союза возрождения России» (1918–1919), профессор русской истории и истории русского права в Сорбонне (1922–1948), председатель «Союза советских граждан во Франции» (1947–1948), профессор Казанского университета (1948–1950) – 485

Одоевский Александр Иванович (1802–1839), участник восстания декабристов, поэт – 233

Озеров Иван Христофорович (1869–1942), экономист, статистик, профессор Московского и Петербургского университетов, член Государственного Совета от университетов и Академии наук – 185

Озол Вольдемар-Оскар Анжеевич (Владимир Антонович; псевдоним Золя; 1884–1949), латыш, член Латвийской социал-демократической рабочей партии – 109

Олсуфьев Дмитрий Адамович (1862–1937), граф, камергер; эмигрант – 527

Ольга Александровна (1882–1960), Великая княгиня, сестра Царя Николая II, жена принца П.А. Ольденбургского, во втором браке жена Н.А. Куликовского – 37

Ольга Николаевна (03.11.1895, Царское Село – 4/17 июля 1918, Екатеринбург), Великая княжна, дочь Императора Николая II. Расстреляна большевиками вместе со всей Царской семьей. Канонизирована РПЦ в лике страстотерпцев (2000), почитается в Соборе новомучеников Российских – 6, 34, 60, 64, 74, 264, 537, 636

Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940), русский историк и публицист, журналист, профессор истории; автор фундаментального исторического исследования о жизни и деятельности Императора Николая II («Царствование Императора Николая II». Мюнхен, 1949) – 24, 98, 387, 427, 436, 437, 439–441, 445, 454, 456, 461–466, 512, 516, 647

Ольденбургский Александр Петрович – см. Александр Петрович, принц Ольденбургский

Орлеанский, герцог – см. Филипп Эгалитэ

Орлов Петр Петрович (1874–1929), в 1905 флигель-адъютант, позже генерал-майор Свиты; эмигрант – 75

Орлов (Чесменский) Алексей Григорьевич (1737-1807), граф, русский военный и государственный деятель; участник дворцового переворота 1762 г.; коннозаводчик, вывел знаменитые породы лошадей: орловский рысак и русская верховая – 89, 424

Орловы, братья, сподвижники Императрицы Екатерины II – 416

Осия, пророк († 820 г. до Р.Х.) – 594

Павел, первоверховный апостол († 67) – 66, 263, 591, 603, 608, 621

Павел I Петрович (1754, Санкт-Петербург – 1801, Санкт-Петербург), Император Всероссийский с 1796, великий магистр Мальтийского ордена, сын Петра III Феодоровича и Екатерины II Алексеевны; убит заговорщиками в Михайловском замке – 233, 256, 373, 386, 412, 414, 416, 418, 424, 466, 479, 487, 488, 491, 495, 596

Павел Александрович (1860–1918), Великий князь, шестой сын Императора Александра II и Императрицы Марии Александровны; дядя Императора Николая II; генерал-адъютант, генерал от кавалерии; расстрелян большевиками в Петропавловской крепости – 355, 364, 395

Павлов Иван Петрович (1849–1936), русский ученый, основатель крупнейшей российской физиологической школы, первый русский Нобелевский лауреат в области медицины и физиологии 1904 года – 429, 439

Павлов Николай Алексеевич (? – 1931), видный правый общественный деятель и публицист, один из лидеров Объединенного Дворянства, автор брошюры «Его Величество Государь Николай II». Подробнее см. «Об авторах» – 165, 173, 189, 659–660

Пазухин Александр Дмитриевич (1841–1891), предводитель дворянства Алатырского уезда, сотрудник Кохановской комиссии (1882–1885), разрабатывал проект о земских начальниках; правитель канцелярии министерства внутренних дел – 171

Палей Ольга Валериановна (1865–1929), княгиня; графиня Гогенфельзен, в первом браке Пистолькорс, морганатическая жена Великого князя Павла Александровича; эмигрантка – 395

Пален Петр Алексеевич (1745–1826), граф, военный и государственный деятель; один из главных участников убийства Павла I – 233

Палеолог, Морис Жорж (1859–1944), французский посол в России в 1913–1917; автор воспоминаний «Царская Россия во время войны» – 63, 115, 126, 289–291, 296–311, 313–322, 324, 325, 327–343, 346, 347, 351–357, 360, 361, 363–368, 371–389, 394, 396, 398–402, 405, 428, 429, 430, 436–441, 447, 454, 460, 466, 632

Панин Никита Петрович (1770–1837), граф, дипломат; участвовал в заговоре против Императора Павла I, но непосредственного участия в перевороте и убийстве 11 марта 1801 не принимал (находился в это время в ссылке) – 233

Паоли, Ксавьер, исполняющий обязанности специального комиссара по иностранным монархам в частной резиденции Франции (Ницце); автор воспоми-

наний «Их Величества, какими я их знал. – Личные воспоминания о королях и королевах Европы» – 290, 294, 296

Папюс (настоящее имя Жерар Анаклет Венсан Анкосс; 1865–1916), известный французский оккультист конца XIX – начала XX века – 150

Парфений (Левицкий; 1858–1921), архиепископ (с 1911) Полтавский и Переяславский (с 1920); с 1908 по 1917 на Тульской и Белевской кафедре – 164

Певницкий Василий Федорович (1832–1911), известный духовный писатель, профессор гомилетики Киевской Духовной Академии – 503

Переверзев Павел Николаевич (1871–1944), адвокат, политический деятель; министр юстиции Временного правительства (1917), эмигрант – 356

Пестель Павел Иванович (1793–1826), полковник, декабрист – 233

Пестржецкий Дмитрий Иларионович; юрист, профессор; товарищ прокурора Псковского окружного суда (1895); помощник управляющего земским отделом МВД (1905); член совета министра внутренних дел (1910); эмигрант; автор книги «Около земли: из курса лекций сельскохозяйственной статистики, читанного в 1921/2 гг. в Политехникуме в Вюнсдорфе близ Берлина» (1922) – 86, 87, 89, 90

Петион, Жером де Вильнёв (1756–1794), деятель Великой французской революции, жирондист, мэр Парижа (1791–1792) – 248

Петр, первоверховный апостол († 67) – 627

Петр I Алексеевич, Великий (1672–1725), Царь Московский (1682–1721); Император Всероссийский (1721–1725) – 91, 98, 122, 131, 142, 183, 185, 188, 227–229, 231, 287, 338, 363, 384, 408, 412–417, 420, 469, 471, 480, 483, 503, 541, 547, 548, 594, 595, 599, 647, 648

Петр III Феодорович (Карл Петр Ульрих, 1728–1762), Российский Император (1761–1762) – 125, 233, 416, 424

Петр Николаевич (1864–1931), Великий князь, генерал-адъютант, генерал-инспектор по инженерной части – 36, 150

Петров Г., обозреватель «Русского слова» – 451

Петрункевич Иван Ильич (1844–1928), гласный черниговского (1866–1879) и тверского (1886–1904) земства; основатель «Союза освобождения» (1904) и конституционно-демократической партии; в 1908–1917 издатель газеты «Речь»; эмигрант – 194

Питирим, святитель, епископ Тамбовский († 1698) – 97, 521

Питирим (Окнов Павел Васильевич) (1858–1920), митрополит Петроградский и Ладожский (1915–1917) – 387, 520

Платонов Сергей Федорович (1860–1933) русский историк, профессор, академик Российской академии наук (1920) – 413

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), директор департамента полиции (1881–1894); государственный секретарь (1894–1902), одновременно в 1900 государственный секретарь по делам Великого княжества Финляндского; министр внутренних дел (1902–1904); убит эсером Сазоновым – 150, 171, 174–176, 188, 189, 191, 192, 194, 196, 370

Плеске Эдуард Дмитриевич (1852–1904), директор кредитной канцелярии Министерства финансов (1892–1894); управляющий Государственным банком (1894–1903), управляющий Министерством финансов (1903–1904), член Государственного Совета (1904) – 164

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), профессор русского гражданского права Московского университета; преподавал законоведение детям Императора Александра II (1860–1865); член Государственного Совета (с 1872); обер-прокурор Синода (1880–1905) – 22, 144, 148, 174, 191, 522

Поволоцкий Яков Евгеньевич (настоящее имя Бендерский Якоб Ефимович; 1881–1945), издатель, меценат, общественный деятель; в 1909 принял французское гражданство, издавал во Франции русских авторов – 43

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642), князь, народный герой, полководец, соратник Кузьмы Минина; участник Первого народного ополчения 1611, руководитель Второго народного ополчения, освободившего Россию от иноземных интервентов в годы Смуты – 42, 204

Поклевский (-Козелл) Станислав Альфонсович (1868–1939), российский дипломат; действительный статский советник, камергер – 214

Покотилев Дмитрий Дмитриевич (1865–1908), русский дипломат и предприниматель, действительный статский советник (1900), посол в Китае – 193

Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), член большевистской партии с 1905, видный советский государственный и общественный деятель, историк, академик – 414

Покровский Николай Николаевич (1865–1930), товарищ министра финансов (1906–1914); член Государственного Совета (1914); государственный контролер (1916); министр иностранных дел (1916–1917); эмигрант – 148, 154, 383

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1922), начальник Генерального штаба (1905); товарищ военного министра (1906–1912); член Государственного Совета (1912); военный министр (1915); служил советником в Красной армии – 153, 353, 356, 374, 375

Половцов (Половцев) Александр Александрович (1832–1912), государственный секретарь с 1883; член Государственного Совета с 1892; один из основателей и председатель (с 1878) Русского исторического общества – 514

Половцов (Половцев) Петр Александрович (1874–1964), русский генерал-лейтенант; при Временном правительстве с 22 мая по 2 сентября 1917 командующий войсками Петроградского военного округа; автор воспоминаний «Дни затмения» (Париж, 1927) – 13, 158, 356

Постельс, Федор Федорович (Фридрих Фридрихович), де (1873–1960), русский и американский архитектор, живописец, график, иллюстратор, преподаватель, общественный деятель – 262

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), граф, Светлейший князь Таврический, русский государственный и военный деятель – 245, 420

Примо де Ривейра (1870–1930), маркиз де Эстелья, военный диктатор Испании – 407

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), русский композитор, пианист и дирижер – 429

Проскуров Филипп, красногвардеец из охраны «дома особого назначения» Ипатьева – 55

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918), предводитель дворянства Корсунского уезда Симбирской губернии, гласный уездного и губернского земских собраний (1905); депутат III и IV Государственной Думы (товарищ председателя с 1914), октябрист, член Прогрессивного блока; управляющий министерством (сент. 1916), затем министр внутренних дел (дек. 1916 – февр. 1917); арестовывался Временным правительством, расстрелян большевиками – 146, 147, 155, 156, 159, 238, 325, 370, 379–381, 383, 386, 453, 454, 460

Протопопов, брат Протопопова А.Д., писатель-народник – 147

Прохоров Амвросий, тульский купец, инженер и писатель; организатор первого в России «Завода растительных консервов» – 84

Пуанкаре, Раймон (1860–1934), премьер-министр (1912–1913), президент Франции (1913–1920) – 298

Пугачев Емельян Иванович (1740–1775), руководитель крупнейшего народного движения – 144, 188, 209, 235, 236, 353, 363

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), помещик, один из инициаторов создания «Союза русского народа», организатор Палаты Михаила Архангела, депутат II и IV Государственной Думы от Бессарабской губернии; враг Г. Распутина и участник его убийства – 40–44, 148, 205, 238, 241, 305, 433, 434, 445, 453, 459, 480, 496, 497

Пурталес, Фридрих (1853–1928), граф, германский дипломат; с 1907 посол в Петербурге; 1 августа 1914 вручил министру иностранных дел России С.Д. Сазонову ноту об объявлении Германией войны – 301, 302, 312

Путилов Алексей Иванович (1866–1937), финансист и промышленник – 352

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт – 112, 469, 485

Радецкий Федор Федорович (1820–1890), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1877); русские войска под его командованием в тяжелых боях на Шипке в 1877 отразили турецкое наступление, а затем выдержали изнурительные и затяжные бои при обороне Шипкинского перевала – 211

Радко-Дмитриев (Радко Русков Дмитриев; 1859–1918), болгарский и русский генерал от инфантерии; с марта 1916 командующий 12-й армии; убит красноармейцами в Пятигорске – 130

Раевский Владимир Федосеевич (1795–1872), декабрист – 233

Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671), предводитель крестьянского восстания 1670–1671, казачий атаман – 144, 235, 236

Раскольников Федор Федорович (1892–1939), член РСДРП с 1910; окончил один курс Морского корпуса; в 1917 участвовал в Октябрьском вооруженном восстании, в отражении наступления на Петроград Керенского-Краснова; сторонник Л.Д. Троцкого – 15

Распутин Григорий Ефимович (1864–1916), крестьянин с. Покровского Тобольской губернии, с 1905 близкий «друг» Царской семьи, единственный человек, обладавший способностью приносить облегчение в болезни Наследнику Цесаревичу Алексею. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 убит в доме Ф.Ф. Юсупова – 8, 18, 36–45, 118, 147, 149–156, 166–169, 237–239, 243, 276, 297, 306, 307, 316–322, 325, 326, 328, 330, 333, 354, 371, 375, 376, 386, 389–394, 416, 429, 431, 433, 445, 453, 456, 459, 466, 474, 480, 481, 639

Рафалович Артур Германович (1853–1921), экономист, получил образование во Франции; директор Русского для иностранной торговли банка; агент Министерства финансов во Франции – 185

Рачковский Петр Иванович (1853–1911), глава заграничной агентуры департамента полиции (1885–1902); вышел в 1902 в отставку и жил в Париже; вице-директор департамента полиции (1905–1906) – 200

Редерер, Пьер-Луи (1754–1835), французский публицист и государственный деятель – 248, 346, 397

Редигер Александр Федорович (1853–1917), участник Русско-турецкой войны; в 1882 военный министр в Болгарии; в 1883 вернулся в Россию; профессор Николаевской академии; начальник канцелярии Военного министерства (1898–1905); военный министр (1905–1909); член Государственного Совета (1905) – 449

Ренненкамф Павел Карлович, фон (1854–1918), генерал-адъютант, генерал от кавалерии; участник Китайского похода 1900–1901; в Русско-японскую войну командовал Забайкальской казачьей дивизией; в 1906 успешно действовал по ликвидации беспорядков в тылу армии, разгромив мятежников в Чите; в Первую мировую командуящий 1-й армией Северо-Западного фронта во время Восточно-Прусской операции (1914), после неудач под Лодзью в ноябре 1914 отстранен от командования, а в октябре 1915 уволен от службы; за отказ поступить на службу в Красную Армию расстрелян красноармейцами в Таганроге – 105, 127, 198, 284, 308, 475

Ренников Андрей (Андрей Митрофанович Селитренников) (1882–1957), прозаик, драматург – 451

Рибас Осип Михайлович, де (1751–1800), адмирал, испанский дворянин по происхождению, русский военный и государственный деятель, один из организаторов заговора против Императора Павла I – 233

Риббентроп, Иоахим фон (1893–1946), министр иностранных дел Германии (1938–1945), советник Гитлера по внешней политике – 472

Ривз, Шарль, журналист французской газеты в Петрограде; автор воспоминаний «Последний Романов» – 290, 296, 325, 329, 378

Ризов, Димитр Христов (1862–1918), болгарский революционер, дипломат, публицист, журналист, во время Первой мировой войны болгарский посланник в Берлине – 253

Риман Николай Карлович (1864–1917, по другим данным 1938), русский офицер, генерал-майор, шталмейстер, активный участник подавления революции 1905 – 426

Риттих Александр Александрович (1868–1930), директор департамента государственных имуществ и управляющий делами комитета землеустройства Главного управления землеустройства и земледелия (1905–1912); товарищ начальника этого управления (1912–1916); сенатор (1916); министр земледелия (январь – март 1917); эмигрант – 148, 153, 199

Роберти Евгений Валентинович, де (1843–1915), российский социолог, философ-позитивист и экономист испанского происхождения – 194

Робеспьер, Максимилиан (1758–1794), деятель Великой французской революции – 248, 249

Ровер, деятель Великой французской революции – 249

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), октябрист; депутат и председатель III и IV Государственной Думы; член Государственного Совета (1906); активный участник Февральского переворота; эмигрант – 114, 117, 153, 160, 161, 206, 245, 248, 254, 255, 257, 304, 339, 379, 382, 398, 412, 414–416, 438, 532

Родионов, комиссар – 52–54

Родичев Федор Измайлович (1853 или 1856–1932), помещик, земский деятель, один из лидеров партии кадетов – 194

Рождественский (Рождественский) Зиновий Петрович (1848–1909), русский флотоводец – 193

Розанов Василий Васильевич (1856–1918), русский философ – 113, 505–507

Розен Роман Романович (1847–1922), барон, российский дипломат – 305

Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), русский государственный деятель – 245

Ротшильды, еврейская династия финансовых магнатов – 213, 423

Рубинштейн Дмитрий Львович (1876–1936), председатель правления Русско-французского банка – 239

Рузвельт, Теодор (1858–1919), президент США – 106, 631

Русский Николай Владимирович (1854–1918), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного и Военного советов; участник Русско-турецкой (1877–1878), Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн; командующий Северо-Западным фронтом (1914), один из активных участников Февральского переворота и заговора против Императора Николая II, убит краснoармейцами в Пятигорске – 80, 129, 130, 159, 161, 319, 426, 461–464, 628

Румянцев Александр Иванович (1680–1749), генерал-аншеф; деятельный сотрудник Петра I – 245

Русин Александр Иванович (1861–1956), русский адмирал – 281, 285, 286

Руссо, Жан Жак (1712–1778), французский философ – 483

Рухлов Сергей Васильевич (1853–1918), товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и портами, министр путей сообщения (1909–1915), тайный советник – 138, 149, 153, 199

Рыков Алексей Иванович (1881–1938), большевик, советский деятель – 10

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), поэт, декабрист – 233

Рысс Петр Яковлевич (1870–1948), журналист, литератор, эмигрант, редактор журнала «Борьба за Россию» (1926–1931) – 537

Рябушинский Павел Павлович (1871–1924), предприниматель, финансист; старшина московского биржевого комитета (1906, с 1912 председатель); октябрист, член ЦК; издатель газеты «Утро России» (1907–1917) – 204, 419

С., гвардейский поручик, участник заговора против Г. Распутина – 40

Саблер Владимир Карлович (1845–1923), товарищ обер-прокурора Синода (1892); сенатор (1896); член Государственного Совета (1905); обер-прокурор Синода (1911–1915); в 1915 принял фамилию «Десятовский» – 153, 356

Саблуков Николай Александрович (1776–1848), русский военный деятель, генерал-майор (1801). Незадолго до смерти, в отставке, живя в Англии, написал мемуары о правлении Павла I, о его гибели в результате дворцового заговора. Мемуары Саблукова впервые изданы в Англии (1865) и Франции (1866), 1-е русское издание-перевод (неполн.) – в журнале «Русский архив» (1869), наиболее полное – в сборнике «Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников», СПб, 1907 – 233

Савинков Борис Викторович (1879–1925), член Боевой организации эсеров с 1903; во время Первой мировой войны служил добровольцем во французской армии; товарищ военного министра во Временном правительстве А.Ф. Керенского; активный участник борьбы с большевиками; арестован в 1924 и осужден к десяти годам заключения; якобы покончил с собой в тюрьме – 173, 477, 482

Сазонов Георгий Петрович (ок. 1851 – ?), в 1899–1902 главный редактор газеты «Россия» – 150, 152, 154

Сазонов Сергей Дмитриевич (1861–1927), служил в Министерстве иностранных дел; посол в Лондоне, Риме, Ватикане (1906); товарищ министра иностранных дел (1909–1910); министр иностранных дел (1910–1916); член Государственного Совета (1913); посол в Лондоне (1917); министр иностранных дел правительства Колчака; эмигрировал – 117, 122, 126, 148, 264, 275, 299–303, 310–313, 328, 332, 375, 376, 421, 515, 516, 632

Салтыков Александр Александрович (1865–1940?), граф; действительный статский советник; землевладелец Тульской губернии; Тамбовский губернатор; публицист, специалист по аграрному вопросу; эмигрант; философ, историк русской культуры и поэт; автор книги «Две России» – 226, 229

Салтычиха (настоящая фамилия и имя Салтыкова Дарья Николаевна; 1730–1800), помещица Московской губернии; садистка и самодурка – 488

Самарин Александр Дмитриевич (1872 – ?), Богородский уездный предводитель дворянства (1893–1899); предводитель дворянства Московской губернии (1908–1915); член Государственного Совета (1912); обер-прокурор Синода (июль–сент. 1915) – 146, 153, 356

Самарин Федор Дмитриевич (1858–1920), земский деятель; московский уездный предводитель дворянства (1884); член Государственного Совета (1907–1908) от дворянства – 166, 223

Самарин Юрий Федорович (1819–1876), философ, историк, публицист – 482

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914), русский генерал от кавалерии; служил в Генеральном штабе (с 1884); командир Елизаветградской кавалерийской школы (1896–1904); генерал (1902); командующий Сибирской казачьей дивизией в период Русско-японской войны (1904–1905); туркестанский генерал-губернатор (1909); командующий 2-й армией во время Восточно-Прусской операции (1914). Погиб (по другой версии, покончил с собой) после поражения при Танненберге – 127, 282, 309, 474

Сартр, Жан Поль (1905–1980), французский писатель, философ и публицист – 486

Саул, первый царь Израиля (XI в. до н.э.) – 596, 597

Сафаров Георгий Иванович (1891–1942), член РСДРП с 1908, в 1918 член президиума Уральского облсовета, редактор газеты «Уральский рабочий» – 58

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920), русский генерал от кавалерии; командующий Румынским фронтом (1916–1917) – 161, 255, 629

Сахаров Константин Вячеславович (1881–1941), русский генерал-лейтенант; участник Первой мировой войны; участник мятежа генерала Корнилова; участник Белого движения: начальник гарнизона острова Русского во Владивостоке, представитель генерала Деникина в Ставке адмирала Колчака, начальник штаба Западной армии, командующий Московской группой войск, командующий Восточным фронтом; эмигрант; инициатор создания в США «Русского Национального Общества»; автор мемуаров о Гражданской войне в России – 182

Саша Черный (настоящее имя Гликберг Александр Михайлович; 1880–1932), русский поэт Серебряного века – 433

Свердлов Яков Михайлович (1885–1918), революционер, большевик; руководитель большевистских организаций Урала; в 1917 член Петроградского ВРК и Военно-революционного центра по руководству восстанием; председатель ВЦИК; участник убийства Царской семьи; один из инициаторов «красного террора» – 7, 46, 47, 55, 56, 58, 62, 64, 257

Свечин Владимир Владимирович (1871–1944), флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка; один из основателей автомобильного дела в России, председатель Союза ревнителей Памяти Императора Николая II – 76–78

Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857–1914), князь, участник Русско-турецкой войны 1877–1878; пензенский, затем екатеринославский губернатор; товарищ министра внутренних дел, директор департамента полиции (1900–1902); виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1902–1904); министр внутренних дел (1904–1905) – 171, 189, 194, 196

Седнёв Иван Дмитриевич (1885–1918), унтер-офицер гвардейского экипажа, проходил службу на Императорской яхте «Штандарт», лакей детей Императора Николая II и официант Их Величеств; последовал за Царской семьей в ссылку, был расстрелян под Екатеринбургом; в 1981 РПЦЗ причислен к лику святых в числе слуг Царской семьи, убитых советской властью – 51, 56, 57

Седнёв Леонид Иванович (1903–1929 или 1942?), племянник Седнёва И.Д., «поваренок» Царской семьи в Царском Селе и в ссылке в Тобольске и Екатеринбурге – 53, 56, 59

Семенов Николай Петрович (1823–?), государственный деятель, сенатор (с 1868); приглашенный принять участие в подготовке крестьянской реформы как член редакционной комиссии для составления «Положения о крестьянах», Семенов вел во время заседаний комиссии подробные записки, результатом чего явился труд «Освобождение крестьян в царствование Императора Александра II» (1889–1893), удостоенный премии Академии наук – 178

Сен-Симон, Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский социалист-утопист – 483

Серафим (Иванов Леонид Георгиевич; 1897–1987), архиепископ Чикагско-Детройтский и Среднеамериканский РПЦЗ, первый заместитель Первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета (Вознесенского). Подробнее см. «Об авторах» – 643, 679–681

Серафим Саровский, преподобный, чудотворец († 1833) – 69, 97, 264, 274, 510, 521, 595, 624, 649

Сергеев Иван Александрович, член Екатеринбургского Окружного Суда, следователь по делу исчезновения Царской семьи в 1918 – 54

Сергеевич Василий Иванович (1832–1910), историк русского права – 508, 518

Сергей Александрович (1864–1905), Великий князь, сын Императора Александра II, дядя Николая II; муж Великой княгини Елизаветы Феодоровны, московский генерал-губернатор; убит эсером И.П. Каляевым – 97, 198, 315

Сергей Михайлович (1869–1918), Великий князь, внук Императора Николая I, сын Великого князя Михаила Николаевича; в 1915–1917 полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем; зверски убит большевиками в Алапаевске – 371, 372

Сергеевский Борис Николаевич (1883–1976), полковник Генштаба, с февраля 1917 начальник службы связи Ставки Верховного Главнокомандующего; офицер Добровольческой армии; эмигрант – 255

Сергий Радонежский, игумен, преподобный, всея России чудотворец († 1392) – 624

Серов Валентин Александрович (1865–1911), русский живописец и график, автор портретов членов Царской семьи – 287

Сиволенко, солдат Первой мировой войны – 77, 78

Сийес, Эмманюэль Жозеф (1748–1836), аббат, деятель Французской революции конца XVIII в. – 248

Сикорский Игорь Иванович (1889–1972), выдающийся русский ученый-авиаконструктор; создатель самолетов «Гранд», «Русский витязь» и «Илья Муромец», отличавшихся большой дальностью полета и положивших начало многомоторной авиации; первым в мире совершил дальний перелет «Санкт-Петербург–Киев»; эмигрант; создатель лайнеров для трансатлантических пе-

релетов, гидросамолетов, изобретатель вертолета; возглавлял Толстовское и Пушкинское общества, занимался философией и богословием; дал средства на издание второго тома книги И.К. Сурского (Илляшевича) «Отец Иоанн Кронштадтский» (Белград, 1938–1941), подготовившей канонизацию Кронштадтского пастыря за рубежом – 451, 455

Симанович Арон Симхович (Симонович, Самуилович; 1872–1944), российский купец 1-й гильдии, личный секретарь Григория Распутина, мемуарист – 239

Симеон Верхотурский, праведный († 1642) – 70

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902), московский губернский предводитель дворянства (1884); харьковский вице-губернатор (1886); курляндский (1888–1891) и московский (1891) губернатор; товарищ министра государственных имуществ (1893–1894); товарищ министра внутренних дел (1894–1895); начальник канцелярии по приему прошений, на Высочайшее имя приносимых (1895–1899); управляющий министерством (с 1899), затем министр внутренних дел (1900–1902). Убит эсером С.В. Балмашовым – 86, 191

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал русской армии, получивший известность во время похода русских войск в Хиву (1873), против кокандцев (1875–1876) и особенно в Русско-турецкую войну (1877–1878); в 1880–1881 был руководителем Ахалтекинской экспедиции – 167, 211, 281, 339, 420

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), русский генерал-лейтенант (1915); гетман Украины (1918) – 250

Скрыдлов Николай Иларионович (1844 – ?), адмирал, командующий Черноморским флотом (1902–1904 и 1906); командующий Тихоокеанским флотом после смерти С.О. Макарова (1904–1905) – 15

Скрыдлова Мария Николаевна (1898 – ?), дочь адмирала Скрыдлова Н.И., подпоручик, адъютант командира первого Петроградского русского женского батальона смерти поручика М.Л. Бочкаревой – 15

Соколов Николай Алексеевич (1880–1924), следователь по делу об убийстве Царской семьи – 54, 55, 61, 62, 392, 537, 626

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), диссидент, публицист, писатель – 604

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), русский религиозный философ, поэт, публицист, переводчик и литературный критик – 508, 644, 649

Соломон, третий еврейский царь объединенного Израильского царства в X в. до Р. Х. (ок. 970–930), автор нескольких библейских книг: Притчи Соломона, Песнь песней, Екклесиаст, Премудрость Соломона – 572

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953), русский мыслитель, писатель, журналист и общественный деятель, организатор Народно-монархического движения в Русском Зарубежье. Подробнее см. «Об авторах» – 410, 456, 468, 604, 664–667

Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997), русский поэт, прозаик – 287

Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), граф, государственный секретарь (1867–1878); государственный контролер (1878–1889); член и председатель Департамента законов Государственного Совета (1889–1893); затем – Департамента государственной экономии (1893–1902); председатель Государственного Совета (1905–1906) – 435

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968), российско-американский социолог – 459

София Римская, мученица († ок. 137) – 587

Спиридович Александр Иванович (1873–1952?), жандармский начальник; начальник дворцовой охранной агентуры (1906–1916), полковник; с 1916 ялтинский градоначальник; генерал-майор – 466

Ставрогин Николай Всеволодович, центральный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы» – 205, 206

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953), глава Советского государства, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) (1922–1953), Председатель Совета министров СССР (1946–1953) – 445, 468–471, 474, 478, 479, 486, 495, 625

Станиславский (настоящая фамилия **Алексеев**) **Константин Сергеевич** (1863–1938), русский актер, режиссер, педагог, теоретик и реформатор театра – 430

Старынкевич Сергей Созонтович (1874–1933), в 1918–1919 министр юстиции в правительстве А.В. Колчака – 54

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911), русский историк и публицист, редактор журнала «Вестник Европы» (1866–1908) – 508

Стахеевы, известны род русских купцов и промышленников, крупнейшие российские монополисты, меценаты – 419

Стахович Михаил Александрович (1861–1923), орловский губернский предводитель дворянства (1895–1897); активный участник земского движения; один из создателей «Союза 17 октября» (1905); член I и II Государственной Думы; в 1906 основал думскую фракцию «мирного обновления», от имени которой выпустил воззвание, заявляющее о полном подчинении воле Царя (в противовес Выборгскому воззванию), член Государственного Совета (1907) от орловского земства – 304, 305

Стеклов Юрий Михайлович (псевдоним *Ю. Невзоров*, настоящее имя **Овший Моисеевич Нахамкис**; 1873–1941), революционер и публицист, советский государственный и политический деятель, редактор газеты «Известия» – 14, 238

Степанов Клавдий Петрович (1854–1910), живописец, видный деятель право-монархического движения в Москве, редактор газеты «Московский голос», сотрудник «Московских ведомостей» – 241

Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915), генерал-лейтенант, в 1903 комендант крепости Порт-Артур – 104, 211

Стишинский Александр Семенович (1851–1920), служил в МВД, с 1873 в Государственной канцелярии; помощник статс-секретаря (1882–1886); товарищ государственного секретаря (1896–1899); товарищ министра внутренних дел

(1900–1904); член Государственного Совета (1904); председатель комитета по борьбе с немецким засильем в России (1916) – 177, 191, 192

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), с 1885 на службе в Министерстве государственных имуществ; Ковенский губернский предводитель дворянства с 1899; Гродненский (с 1901) и Саратовский (с 1903) губернатор; министр внутренних дел (с апреля 1906); председатель Совета министров (с июля 1906); убит провокатором Д. Богровым – 31, 86, 106, 108, 109, 112, 114, 120, 148, 154, 173, 174, 176–178, 181, 182, 186, 187, 199–201, 207, 211, 219, 223, 224, 238, 268, 271, 274, 277, 313–315, 339, 349, 417–421, 427, 433–435, 442, 475, 522, 523, 526, 541, 632

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971), российский композитор и дирижер – 429

Стремоухов Петр Петрович (1865–1951), русский государственный и общественный деятель, Сувалкский (1904–1910), Саратовский (1911–1912), Костромской (1913–1915) и Варшавский (1915–1916) губернатор, сенатор, литератор; эмигрант. Подробнее см. «Об авторах» – 288, 663–664

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), публицист и философ; «легальный» марксист, автор манифеста, принятого I съездом РСДРП (1898), редактор газет «Новое слово» (1897) и «Начало» (1899); отошел от марксизма; редактор журнала «Освобождение» и один из основателей «Союза освобождения»; член ЦК кадетской партии; депутат II Государственной Думы; входил в «белые» правительства Юга России; эмигрировал; впоследствии монархист; редактор журнала «Русская мысль»; издавал в Париже газету «Возрождение» (с 1925) – 113, 196, 457, 541, 605

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), издатель и публицист; издатель газеты «Новое Время» – 410, 419, 432

Суворин Борис Алексеевич (1879–1940), русский журналист, писатель, издатель, сын Суворина А.С. – 446, 447

Суворин Михаил Алексеевич (1860–1936), писатель, драматург, журналист и общественный деятель консервативного направления, сын Суворина А.С. – 446, 447

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), великий русский полководец, военный теоретик, генералиссимус, национальный герой России – 113, 211, 242, 245, 258, 339, 420, 475

Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956), писатель; эмигрант; автор повести «Детство Императора Николая II» (Париж, 1953), сын Сургучевой – 22, 29

Сургучева, первая учительница Великого князя Николая Александровича, будущего Императора Николая II – 22

Сусанин Иван Осипович (? – 1613), герой освободительной войны против польских интервентов в XVII в. – 245, 258

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа (1904–1908); начальник Генерального штаба (1908); военный министр (1909–1915) – 153, 155, 156, 344, 356, 474

Сыромолотов Федор Федорович (1877–1949), член компартии с 1897; в 1917–1918 член Уральских областных комитета партии и Совета в Екатеринбурге – 58

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), издатель и книготорговец – 204

Тайлер, Сидней, американский журналист, военный корреспондент в России, написавший книгу о Русско-японской войне – 103

Талейран, Шарль Морис Перигор (1754–1838), епископ Отенский, князь Беневентский, граф Дино; французский государственный деятель, дипломат; руководитель переворота, приведшего Наполеона к власти – 411, 458

Талызин Петр Александрович (1767–1801), генерал-лейтенант, один из активных участников заговора против Императора Павла I – 233

Тальберг Николай Дмитриевич (1886–1967), чиновник, член Русского Собрания, церковный историк, публицист, писатель, педагог, видный деятель монархического движения за рубежом – 23, 27, 74, 75, 113, 114

Танеев Александр Сергеевич (1850–1918), статс-секретарь, обер-гофмаршал Высочайшего двора, в 1896–1917 главноуправляющий Собственной Е.И.В. канцелярией, член Государственного Совета, композитор; отец Вырубовой А.А. – 386

Татиана Николаевна (29 мая 1897, Петергоф – 4/17 июля 1918, Екатеринбург), Великая княжна, дочь Императора Николая II. Расстреляна большевиками вместе со всей Царской семьей. Канонизирована РПЦ в лике страстотерпцев (2000), почитается в Соборе новомучеников Российских – 6, 34, 50, 53, 60, 64

Татищев Владимир Сергеевич (1865–1928), граф, банкир, действительный статский советник, чиновник особых поручений Министерства финансов Российской Империи – 153

Татищев Илья Леонидович (1859–1918), генерал-адъютант Императора Николая II; последовал с Царской семьей в ссылку; расстрелян большевиками в Екатеринбурге. Канонизирован РПЦ – 47, 49, 52, 53, 56, 245

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), в 1911–1912 чиновник особых поручений при Дирекции императорских театров; со 2 марта 1917 министр финансов в первом составе Временного правительства; 5 мая 1917 назначен министром иностранных дел, 1 сентября членом Директории, 5 сентября 1917 заместителем министра-председателя; эмигрант – 370

Тизенгаузен Эммануил Павлович (1881–1920), барон, в 1917 капитан Лейб-гвардии Кексгольмского полка – 446

Тимирязев Василий Иванович (1849–1921), товарищ министра финансов, директор департамента промышленности и торговли (1902); министр торговли и промышленности (1905–1906 и 1909); предприниматель; член Государственного Совета (1906) – 206, 214

Тихменев Николай Михайлович (1872–1954), русский военачальник, востоковед, генерал-лейтенант Генштаба. Участник Белого движения, председатель

Союза ревнителей памяти Императора Николая II. Подробнее см. «Об авторах» – 262, 535, 660–662

Тихомиров Лев Александрович (1852–1922), революционер-народник, член исполкома «Народной воли»; в 1882 г. эмигрировал, резко изменил взгляды; в 1889 г. вернулся в Россию; сотрудничал в консервативной прессе; автор труда «Монархическая государственность» – 205, 413, 419, 420, 434, 482

Тихон, епископ Воронежский, Задонский чудотворец, святитель († 1783) – 521

Тихон, Патриарх Московский и всея России, святитель, исповедник († 1925). Подробнее см. «Об авторах» – 581, 670–673

Токвиль, Алексис Клерель, де (1805–1859), французский социолог историк – 484

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, государственный деятель в царствование Императоров Александра II и Александра III; обер-прокурор Синода (1865–1866); министр народного просвещения (1866–1880); министр внутренних дел (1882–1889) – 174

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель. Имея по всей России славу талантливого писателя и авторитет мыслителя, Л. Толстой в своих поздних религиозных воззрениях занимал антихристианскую и антицерковную позицию, выступая со злобными и богохульными публикациями («Исповедь» (1878–1881), «Критика догматического богословия» (1880), «Краткое изложение Евангелия» (1881), «В чем моя вера?» (1884), «Ответ на постановление Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма» (1901), «Обращение к духовенству» (1902)) – 89, 205, 277, 417, 429, 430, 485, 493, 572, 574, 577

Тома, Альбер (1878–1932), в 1915 министр военного снабжения Франции; в 1916 приезжал в Россию представляться Царю; после Февральской революции 1917 вторично приезжал в Россию, где вел переговоры с Временным правительством и Петроградским советом; с 1919 председатель Международного Бюро Труда при Лиге Наций – 116, 246, 269

Трепов Александр Федорович (1862–1926), служил в МВД (1889–1892); помощник статс-секретаря (1899); сенатор (1906), член Государственного Совета (1914); министр путей сообщения (нояб. 1915 – нояб. 1916); председатель Совета министров (нояб. – дек. 1916); эмигрант – 153, 154, 199, 383, 384, 398

Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906), генерал свиты, московский полицмейстер (1896–1905); в 1905 петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел и начальник департамента полиции; с окт. 1905 дворцовый комендант – 192, 223

Тройницкий Александр Николаевич (1869 – ?), русский государственный деятель, действительный статский советник, Семипалатинский и Тульский губернатор; состоял членом Тульской губернской ученой архивной комиссии – 87

Троцкий Лев Давидович (1879–1940), социал-демократ, меньшевик-«искровец»; член Петроградского совета (1905); в июле 1917 примкнул к большевикам; председатель Петроградского совета (1917); народный комиссар иностранных дел (1917–1918); народный комиссар по военным и морским делам (1918–1924); выслан из СССР в 1929; убит агентом советской разведки – 9, 10, 14, 45, 234, 257, 441, 468, 469, 487, 495, 558, 623, 628

Трубецкой Петр Николаевич (1858–1911), князь, московский уездный (1887) и губернский (1893–1906) предводитель дворянства; член Государственного Совета (1906) от дворянства – 195, 202

Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860), участник Отечественной войны 1812 года, декабрист – 233

Трумэн, Гарри С. (1884–1972), Президент США – 493

Трупп Алексей Егорович (Труупс Алоиз Лаурус, 1856–1918), полковник Русской императорской армии, камер-лакей (камердинер) Императора Николая II; расстрелян большевиками вместе с Царской семьей и другими приближенными; канонизирован РПЦЗ – 6, 53, 56, 57, 59, 60, 64

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), экономист, публицист, общественный деятель; сотрудничал в легальных марксистских изданиях; активный участник кооперативного движения – 185

Туссен, Шарль (1813–1877), француз. педагог, работавший в Германии – 430

Тушин (Тушинский вор, Лжедмитрий II; ? – 1610), самозванец, выдававший себя за Царевича Дмитрия – 236

Тхоржевский Иван Иванович (1878–1951), русский поэт и переводчик; эмигрант; автор книги «Последний Петербург: воспоминания камергера» – 271

Тютчев Федор Иванович (1803–1873), русский поэт – 547

Уваров Федор Петрович (1773–1824), граф, генерал-адъютант, участник заговора против Павла I – 233

Уитворд, Чарльз (1752–1825), лорд, посланник Великобритании в России в 1788–1800 – 234, 466

Улялаев, деятель Гражданской войны – 486

Урусов Сергей Петрович. (1859–1918), князь, сенатор, шталмейстер, тайный советник, чиновник особых поручений при МВД, главный редактор «Правительственного вестника»; специалист по сельскому хозяйству и животноводству; автор капитального труда «Книга о лошади»; расстрелян большевиками – 89

Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921), князь; публицист; служил в департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД; изучал буддистские народы Сибири и Средней Азии; председатель правления Русско-Китайского банка и Китайско-Восточной железной дороги; издатель «Санкт-Петербургских Ведомостей» (1896–1917) – 217

Федоров Сергей Петрович (1861–1936), тайный советник, лейб-хирург, профессор Военно-медицинской академии, с осени 1915 в Царской Ставке – 398

Феодор Иоаннович (1557–1598), Русский Царь с 1584, сын Царя Иоанна Грозного и Царицы Анастасии, последний представитель династии Рюриковичей по мужской линии; причислен к лику Московских святых, почитается как Государь-молитвенник, благодаря которому в 1589 на Руси было учреждено Патриаршество – 512, 526, 647

Феодосий, архиепископ Черниговский, святитель († 1696) – 69, 97, 521

Феодосий I Великий Флавий (347–395), Римский император в 379–395 – 645

Феофан (Быстров Василий Дмитриевич; 1872–1940), архимандрит, церковный писатель; с 1909 ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, духовник Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны; епископ Ямбургский, викарий Петербургской епархии (1909); сначала сторонник, затем один из непримиримых противников Г. Распутина; был удален из столицы; епископ Таврический и Симферопольский (1910), Астраханский (1912), архиепископ Полтавский и Переяславский (1913) – 150

Феофан, Затворник Вышенский (Говоров Георгий Васильевич; † 1894), святитель – 545, 546, 550–559, 649

Фердинанд, Франц (1863–1914), эрцгерцог Австрийский, с 1896 Наследник престола Австро-Венгрии – 299

Филарет (Романов Федор Никитич; 1554–1633), Патриарх Московский и всея Руси с 1619, отец первого Царя из Династии Романовых Михаила Феодоровича – 647

Филипп, Низье Антельм (1849–1905), французский оккультист – 150, 237

Филипп Эгалитэ (Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский; 1747–1793), французский военный и политический деятель; либерал; казнен революционерами – 372, 373

Филофей (ок. 1465 – ок. 1542), старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря, мыслитель, писатель, один из создателей государственной идеологии русской монархии – 610

Фор, Франсуа Феликс (1841–1899), Президент Франции с 1895 – 25

Фош, Фердинанд (1851–1929), французский военный деятель; во время Первой мировой войны командующий армией, группой армий, затем (1917–1918) начальник Генштаба Франции, с апреля 1918 Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Антанты; в 1918–1920 один из организаторов вооруженной интервенции в Советскую Россию – 243, 373

Франц-Иосиф (1830–1916), Император Австрии (с 1867 Австро-Венгрии) из рода Габсбургов, правивший в 1848–1916 – 336, 529

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), граф; генерал-лейтенант, генерал-адъютант; товарищ министра (1893–1897), затем министр Императорского Двора (1897–1917); член Государственного Совета (1905); эмигрант – 263, 306, 365, 381, 533

Фридрих II Великий (1712–1786), Прусский король с 1740, из династии Гогенцоллернов, крупный полководец – 125

Фурнье, Клод (1745–1825), деятель Французской революции – 248, 249
Фурье, Шарль (1772–1837), французский социалист-утопист – 483, 484
Фушима (Фусима), наследный принц Японии – 103

Хабалов Сергей Сергеевич (1858–1924), генерал-лейтенант, военный губернатор Уральской области, наказной атаман Уральского казачьего войска (1914). С июля 1916 главный начальник Петроградского военного округа, с февраля 1917 командующий войсками Петроградского ВО; эмигрант – 159, 244, 398, 426, 440, 446, 454, 455

Харитонов Иван Михайлович (1870–1918 года), повар семьи Николая II; расстрелян большевиками вместе с Царской семьей и другими слугами; канонизирован РПЦЗ в 1981 – 6, 53, 56, 57, 59, 60, 64

Харитонов Петр Алексеевич (1856–1916), статс-секретарь Департамента гражданских и духовных дел; товарищ государственного секретаря (1904–1906); сенатор (1906), член Государственного Совета (1906) по назначению; государственный контролер (1907–1916) – 154

Хатисов (Хатисян) Александр Иванович (1874–1945), в 1910–1917 городской голова Тифлиса; в конце декабря 1916 участвовал в совещании у Г.Е. Львова в Москве, на котором обсуждался план подготавливаемого дворцового переворота; эмигрант – 436

Хвостов Александр Алексеевич (1857 – ?), директор хозяйственного департамента МВД (1900); товарищ министра юстиции (1905), сенатор (1906), член Государственного Совета (1912); министр юстиции (1915–1916); министр внутренних дел (июль-сент. 1916) – 153, 154, 238, 356, 367, 379

Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), Вологодский (1906–1910), затем Нижегородский (1910–1912) губернатор; депутат III Государственной Думы; лидер правой фракции; министр внутренних дел (1915–1916); арестован Временным правительством, расстрелян большевиками – 146, 392

Хилков Михаил Иванович (1843–1909), князь; министр общественных работ, путей сообщения, торговли и земледелия в Болгарии (1882–1885); в 1885–1895 занимал ответственные посты на российских железных дорогах; министр путей сообщения (1895–1905); член Государственного Совета (1905) – 149

Хисс Карл Иосифович, учитель английского языка Великого князя Николая Александровича, будущего Императора Николая II – 22, 30

Хлестаков, персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» – 486

Хольмстон-Смысловский Борис Алексеевич (1897–1988), русский граф, белый эмигрант, к концу Второй мировой войны руководил 1-й Русской национальной армией, созданной на территории Германии из русских эмигрантов и советских военнопленных – 447, 459

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), русский писатель и философ, один из основоположников славянофильства – 214, 649

Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841–1919), мыслитель и церковный деятель; сын А.С. Хомякова; принимал участие в издании Полного собрания сочи-

нений отца; сотрудничал в «Русском архиве»; на основе учения славянофилов дал свое истолкование формулы «Православие. Самодержавие. Народность» – 226, 227, 649

Христиан (Кристиан) IX (1818–1906), Король Дании с 1863 по 1906, из династии Глюксбургов – 21

Хэнбери-Уильямс, Джон (1859–1946), английский генерал-майор, автор воспоминаний «Император Николай II. Каким я его знал» – 288, 289, 291, 296, 324, 339, 340, 348, 350, 357–362, 402

Цезарь, Гай Юлий (100–44 до н.э.), римский диктатор, полководец – 468, 469

Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935), русский мыслитель и ученый, основатель отечественной космонавтики и ракетоплавания – 451

Цицерон, Марк Туллий (106–43 до н.э.), древнеримский политический деятель, оратор, писатель – 564

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), русский философ и политический мыслитель – 173

Чарльз (Карл) I Стюарт (1600–1649), Король Англии и Шотландии, казненный по приговору трибунала Кромвеля – 601, 612, 613

Чарльз, принц Уэльский (род. 1948), старший сын королевы Великобритании Елизаветы II и ее мужа принца Филиппа, герцога Эдинбургского, наследник Британского престола, фельдмаршал, адмирал флота и маршал Королевских ВВС Великобритании – 612

Чарторыйский, Адам Ежи (1770–1861), князь; министр иностранных дел Российской Империи в 1804–1806 – 491

Чемодуров Терентий Иванович (1849–1919), камердинер Государя Николая II с 1908, добровольно последовал за Царской семьей в ссылку в Сибирь – 51, 56, 57

Черевин Петр Александрович (1837–1896), генерал-лейтенант, с 1880 по 1883 товарищ министра внутренних дел; с 1883 начальник дворцовой охраны при Государе Александре III и личный друг Императора – 167

Черненко Константин Устинович (1911–1985), Генеральный секретарь ЦК КПСС с 1984 – 631

Черномырдин Виктор Степанович (р. 1938), в 1992–1998 Председатель Правительства РФ – 631

Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), премьер-министр Великобритании – 10, 287, 416, 470, 474, 487–490, 493, 631

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), юрист, историк, философ – 546

Чубайс Анатолий Борисович (род. 1955), советский и российский политик, экономист, управленец, один из идеологов и руководителей либеральных реформ в России начала 1990-х – 631

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926), один из лидеров меньшевиков; во время Февральской революции 1917 первый председатель Петро-

градского Совета рабочих и солдатских депутатов; председатель ВЦИК; эмигрант – 385, 440

Чхенкели Акакий Иванович (1874 – 1959 или 1931?), революционер, меньшевик – 356, 362

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), выдающийся русский певец – 469

Шарапов Сергей Федорович (1856–1911), русский мыслитель, писатель, выдающийся ученый-экономист и общественный деятель; в 1880–1890-е издавал журналы «Русское дело» и «Русский труд»; автор монографии, в которой концентрируются важнейшие основы русской экономической мысли («Бумажный рубль: его теория и практика») – 189, 217, 224, 241

Шауфус Николай Константинович (1846–1911), управляющий Курско-Киевской (1878–1892), Московско-Курской (1892–1899), Николаевской железными дорогами; министр путей сообщения (1906–1909); член Государственного Совета (1908) по назначению – 149

Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939), князь; земский деятель Весьегонского уезда Тверской губернии; один из организаторов «Союза освобождения» и кадетской партии; депутат и секретарь I Государственной Думы; министр общественного призрения Временного правительства (май–июль 1917); в Советской России занимался историко-краеведческой работой – 195

Шварц Александр Николаевич (1848–1915), министр народного просвещения России (1908–1910) – 149

Шведов Николай Константинович (1849–1927), генерал от артиллерии; председатель Общества востоковедения; в 1916 был одним из кандидатов на пост обер-прокурора Св. Синода – 153

Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775–1854), немецкий философ – 483

Шереметев Владимир Алексеевич (1847–1893), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества (1891), командир Собственного Его Императорского Величества конвоя – 163

Шереметьев Борис Петрович (1652–1719), генерал-фельдмаршал, дипломат, сподвижник Петра I – 245

Шестов Лев (Лев Исаакович Шварцман) (1866–1938), российский философ и писатель – 486

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), врач; земский деятель; кадет; член II, III и IV Государственной Думы; министр земледелия Временного правительства (март–май 1917); министр финансов (май–июль 1917); после Октябрьской революции арестован; убит в тюремной больнице революционными матросами – 42, 339, 352, 361, 370, 380, 385

Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920), земский деятель, лидер умеренного крыла земских либералов, основатель кружка «Беседа» (1900–1905); один из лидеров «Союза 17 октября» (1905–1908); с 1908 в Партии мирного обновления; член Государственного Совета (1907–1909) по назначению; арестован ЧК, умер в Бутырской тюрьме – 191, 192, 194, 195, 202, 249

Шифф, Якоб Генрих (Джейкоб Генри), (1847–1920), американский банкир еврейского происхождения; владелец банковского дома в Нью-Йорке «Кун Лоеб Банк», который являлся частью банковской империи Ротшильдов – 213, 423

Шмелев Иван Сергеевич (1873 – 1950), русский писатель – 29

Шмидт Петр Петрович (1867–1906), командир миноносца на Черноморском флоте, революционер, один из руководителей Севастопольского восстания 1905; расстрелян за военный бунт против государственной власти – 422

Шнейдер Екатерина Адольфовна (1856–1918), дочь надворного советника Шнейдера, гофлектрисса Царицы Александры Феодоровны, преподавала ей русский язык; добровольно отправилась в ссылку с Царской семьей; зверски убита большевиками в Перми; канонизирована РПЦ в 1981 – 49, 53, 56

Шредер Рихард Иванович (1822–1903), российский селекционер, садовод, автор наиболее полного практического руководства «Русский огород, питомник и плодовый сад» (Петербург, 1880), удостоенного в 1883 Императорским Обществом садоводства премией «За лучшее сочинение на русском языке по садоводству или по огородничеству» – 89

Штакельберг Рудольф Александрович, фон (1880–1940), барон, последний обер-церемониймейстер Императорского Двора в Российской Империи; эмигрант – 306

Штакельберги, старинный баронский род – 306

Штейнберг Исаак Захарович (1888–1957), левый эсер, народный комиссар юстиции с декабря 1917 по март 1918; эмигрант – 12, 13

Штюмер Борис Владимирович (1848–1917), правитель дел экспедиции церемониальных дел Министерства императорского двора (1885); обер-камергер; Новгородский (1894) и Ярославский (1896) губернатор; директор департамента общих дел МВД (1902–1916); председатель Совета министров (янв.–нояб. 1916); министр внутренних дел (март–июль 1916); министр иностранных дел (июль–нояб. 1916); арестован Временным правительством, скончался в тюремной больнице Петропавловской крепости – 40, 124, 126, 154–156, 167, 191, 238, 367–371, 375–378, 380–383, 386, 400, 419, 435, 445

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937), генерал от инфантерии; с 15 марта 1916 военный министр; служил в Красной армии; расстрелян – 153

Шуйлер, Монтгомери (1843–1914), капитан, начальник Разведывательного отделения Американских экспедиционных сил в Сибири – 10

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), земский деятель; редактор газеты «Киевлянин»; депутат II, III и IV Государственной Думы; один из лидеров фракции националистов в IV Государственной Думе; член Прогрессивного блока думских фракций, созданного в 1915; вместе с А.И. Гучковым принял Манифест об отречении Императора Николая II; с 1918 в эмиграции в Югославии; в 1945 арестован и возвращен в СССР; до 1956 находился в заключении – 44, 80, 114, 249, 398, 399, 433, 434, 445, 465, 629

Шумахер, Эрнст Фридрих (1911–1977), британский экономист; главный советник по экономическим вопросам Национального угольного совета (1950–1970) – 493

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), обер-прокурор (1903) уголовного кассационного департамента Сената; директор департамента (1905), министр юстиции (1906–1915); член (1907) и председатель (1916) Государственного Совета; арестован в феврале 1917; расстрелян большевиками – 148, 153, 155, 305, 340, 342, 355, 356, 387

Щербатов Александр Григорьевич (1850–1915), князь, президент Московского общества сельского хозяйства (1892–1905), камергер (1899); председатель Союза Русских Людей (1905–1909); учредитель и председатель «Российского союза торговли и промышленности» (1914) – 187, 241

Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790), князь, русский историк, публицист, философ; почетный член Санкт-Петербургской Академии Наук (1776), член Российской Академии (1783) – 471

Щербатов Николай Борисович (1868–1943), князь, Полтавский губернский предводитель дворянства (1907), начальник Главного управления государственного коннозаводства (1913–1915), член Государственного Совета (1915) от полтавского земства, управляющий министерства внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов (1915), министр внутренних дел (июнь–сентябрь 1915), эмигрант – 146, 153, 154, 356

Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926), русский генерал от инфантерии (1911), генерал-адъютант (1915); с августа 1915 Главнокомандующий армиями Западного фронта – 465

Эдуард VII (1841–1910), Король Великобритании в 1901–1910 – 161, 215, 216

Эйленбург, Филипп фон (1847–1921), граф, затем князь, дипломат, министр Двора Германского Кайзера Вильгельма II – 365, 366, 381

Эйхгорн, Герман фон (1848–1918), немецкий генерал-фельдмаршал; Главнокомандующий германской армии на Украине (1918) – 250, 457

Энгельс, Фридрих (1820–1895), один из основоположников марксизма, организатор и руководитель первых международных коммунистических и социал-демократических организаций – 234

Эрнест Людвиг Гессенский (1868–1937), Великий герцог Гессенский и Рейнский; брат Российской Императрицы Александры Феодоровны и Российской Великой княгини Елизаветы Феодоровны – 32, 366, 381

Эссен Николай Оттович (1860–1915), российский адмирал (1913); командир броненосца «Севастополь» при обороне Порт-Артура (1904); в 1909–1915 командующий Балтфлотом – 282

Эттли, Клемент Ричард (1883–1967), британский государственный деятель, лидер Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании (1945–1951), объявивший о переходе к мирной экономике и к социализму – 482, 497

Юденич Николай Николаевич (1862–1933), генерал от инфантерии (1915), с января 1915 командующий Кавказской армией; в 1916 провел успешные Эрзурумскую и Трапезундскую операции; в марте – апреле 1917 главнокомандующий Кавказским фронтом; в июле 1919 возглавил белогвардейскую Северо-Западную армию; эмигрант – 131

Юрнев (настоящая фамилия Кротовский) **Константин Константинович** (1888–1938), большевик, в 1917 член исполкома Петроградского совета, участвовал в подготовке и проведении Октябрьской революции; в 1921–37 полпред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии, Германии; расстрелян – 440

Юровский Яков Михайлович (Янкель Хаимович) (1878–1938), с октября 1917 член Екатеринбургского Военного отдела, Председатель Следственной комиссии Уральского областного ревтрибунала, комиссар юстиции Уральской области, член Коллегии областной ЧК; с 4 июня 1918 комендант Ипатьевского дома, где заключалась Царская семья; в ночь с 16 на 17 июля 1918 по приказу Голощекина произвел расстрел всей Царской семьи, затем руководил уничтожением трупов; далее руководил ЧК в Москве, на Урале; последняя должность – директор Политехнического музея в Москве – 58–61, 257, 602

Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967), князь, граф Сумароков-Эльстон (младший), генерал-майор Свиты; участник убийства Г. Распутина 17 декабря 1916; эмигрант – 39–42, 44, 117, 392

Якимов Анатолий Александрович (1887–1919), рабочий завода братьев Злоказовых, разводящий караула охраны в доме Ипатьева – 55

Якобий Иван Павлович (? – 1964), публицист и историк; автор труда «Император Николай II и революция» – 432, 435, 436, 441, 465

Яковлев Василий Васильевич (Мячин Константин Алексеевич) (1866–1938), член РСДРП с 1904, чрезвычайный комиссар ВЦИК, выполнявший личное задание Ленина и Свердлова по перевозке Царской семьи в Тобольск и Екатеринбург; командующий Самаро-Оренбургским фронтом; с 1919 проживал в Китае, вернулся в Россию, отбывал наказание в Соловецком лагере (1927–1933); репрессирован – 46, 47, 49, 50, 59

Якушкин Иван Дмитриевич (1793–1857), декабрист – 233

Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), русский генерал от инфантерии, начальник законодательного отдела канцелярии Военного министерства (1905–1911); профессор, затем начальник Академии Генерального штаба (1913–1914); начальник Генерального штаба (1914); начальник Ставки Верховного главнокомандующего (1914); заместитель на Кавказе (1915) – 129

Ярослав Владимирович (Мудрый) (ок. 978–1054), Великий князь Киевский, сын Владимира Святого – 646

Яхонтов Виктор Александрович (1881–1978), русский генерал-майор, советский общественный деятель; с 1916 военный атташе в Японии; в 1917 зам.

военного министра Временного правительства; в 1919 выехал в США, в 1975 вернулся в СССР; автор воспоминаний – 268

Яшвиль Владимир Михайлович (1764–1815), князь, генерал-майор; участник убийства Императора Павла I – 233

СОДЕРЖАНИЕ

Часть ПЕРВАЯ. СЛУЖЕНИЕ БОГУ И ОТЕЧЕСТВУ

Н. Обручев

**Подлинный облик Царя-мученика как человека,
христианина и Монарха 5**

Князь Д. Оболенский

**Император Николай II
и его царствование (1894–1917)**

По материалам, собранным старым профессором 116

Н.А. Павлов

Его Величество Государь Николай II 165

Н.М. Тихменев

Духовный облик Императора Николая II 262

Георгий Некрасов

Император Николай II как полководец 279

П.П. Стремоухов

**Император Николай II и русское общество
в конце его царствования в освещении иностранцев 288**

И.Л. Солоневич

Великая фальшивка Февраля 410

И.Л. Солоневич

Миф о Николае Втором 468

Священник Кирилл Зайцев

Памяти последнего Царя 499

Часть ВТОРАЯ. ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ КАТАСТРОФЫ

*Высокопреосвященный Аверкий (Таушев),
архиепископ Сиракузский и Троицкий*

**Провозвестник кары Божией русскому народу
(К 60-летию преставления епископа Феофана Затворника) 545**

<i>Высокопреосвященный Аверкий (Таушев), архиепископ Сиракузский и Троицкий</i>	
Отец Иоанн Кронштадтский как пророк Божий, посланный России для вразумления	560
<i>Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России</i>	
Слово на расстрел Государя	581
<i>Высокопреосвященнейший Анастасий (Грибановский), митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский</i>	
Слово в седьмую годовщину мученической кончины Государя Императора Николая II и всей Царской семьи	583
<i>Святитель Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский.</i>	
О Царе и цареубийстве Из проповедей разных лет	590
<i>Н.П. Кусаков</i>	
Памяти Императора	599
<i>Протоиерей Александр Шаргунов</i>	
О значении канонизации Царственных страстотерпцев	623
<i>Протоиерей Александр Шаргунов</i>	
«Искупитель мой жив». Святой праведный Иов и Царь-страстотерпец Николай II	632
<i>Высокопреосвященный Серафим, архиепископ Чикагский и Детройтский</i>	
Судьбы России	643
Послесловие. Протоиерей Александр Шаргунов	652
Приложение	
Об авторах	658
Указатель имен	682

Просим благочестивого читателя
помолиться о здравии рабов Божиих:
Сергия, Елены, болящей Галины, болящего Сергия,
Анны, Александра, Илии, Галины

ЦАРЬ И РОССИЯ
Размышления о Государе Императоре Николае II

Редактор *Л. Коротенко*

Набор *Т. Колесникова*

Корректоры *Е. Алешина, Н. Болотина*

Технический редактор *А. Гулина*

Художественное оформление и верстка *В. Мельников*

Дизайн обложки *В. Михалицын*

Подписано в печать 31.05.2017. Формат 70х100/16 . Физ. п. л. 46,5

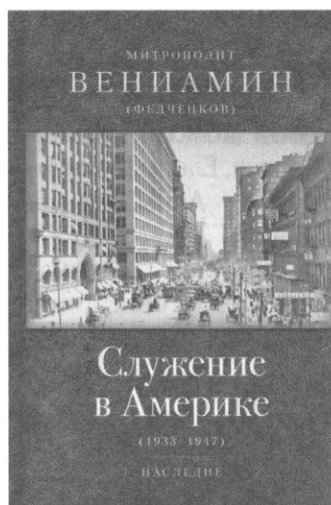
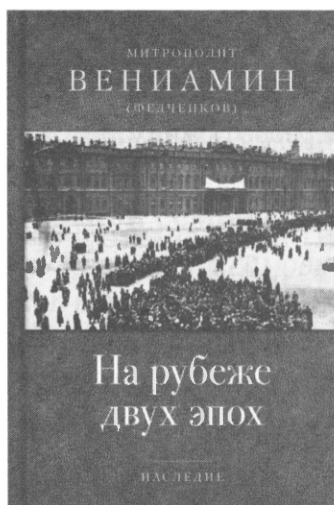
Тираж 10 000 экз. Заказ № 4887.

ООО Издательство «Отчий дом»; 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1

Тел.: 8 (499) 261-18-87

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В серии «**Митрополит Вениамин (Федченков).**
Наследие» вышли следующие книги

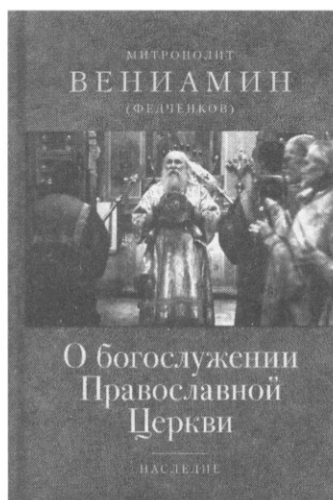

«**На рубеже двух эпох**» — уже полюбившаяся читателю книга. Владыка был свидетелем трех революций, двух мировых войн, жил в годы гонений на христиан, в эмиграции на себе ощутил всю тяжесть церковного раскола. Митрополит Вениамин пишет о своей жизни, вспоминает пережитое, но благодаря дару смирения в центре повествования оказывается не его личность, а время, в которое он жил, и люди, с которыми встречался. *Переплет, 146x221 мм, 704 с.*

Служение в Америке стало для владыки Вениамина исповедническим путем верности Матери-Церкви. В книге собраны архивные документы, письма и доклады патриаршего экзарха в Америке митрополита Вениамина Патриархам Сергию (Страгородскому) и Алексию (Симанскому). Основная часть документов публикуется впервые.

Переплет, 146x221 мм, 920 с.

В серии «**Митрополит Вениамин (Федченков).
Наследие**» готовится к выходу книга

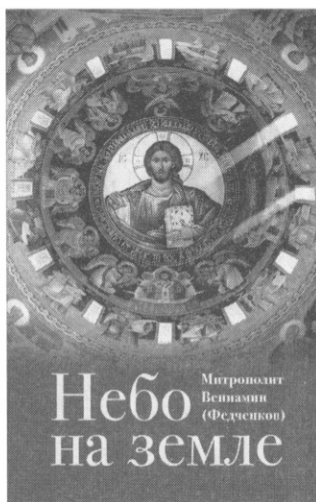

***Митрополит
Вениамин (Федченков)***
**О богослужении
Православной
Церкви**

Предлагаемая вниманию читателя книга митрополита Вениамина (Федченкова; 1880–1961) посвящена службам суточного круга: вечерне, утрени и Божественной литургии. В центре повествования — смысл и внутреннее содержание богослужения, «жизнь души за Литургией», по удивительно точному определению автора. Книга «О богослужении Православной Церкви» приоткрывает перед нами сокровенные мысли владыки о самом дорогом, чем с юных лет жила его душа.

Переплет, 146х221 мм, 360 с.

Издательство «Отчий дом» предлагает книгу
митрополита Вениамина (Федченкова)

***Митрополит
Вениамин
(Федченков)***
Небо на земле

В книге выдающегося иерарха Церкви, богослова, духовного писателя митрополита Вениамина (Федченкова) собраны размышления о Божественной литургии святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. По мнению владыки, в творениях отца Иоанна – «великого служителя Литургии» – наилучшим образом раскрывается дух и смысл главного христианского Богослужения.

Книга содержит общие воззрения Всероссийского пастыря на Литургию и последовательное истолкование службы «от самого входа в храм... до выхода после причащения».

Очень важным представляется также тот факт, что митрополит Вениамин был лично знаком с отцом Иоанном и сослужил ему за Литургией.

Переплет, 130х206 мм, 176 с.

Издательство «Отчий дом» предлагает книгу
архимандрита Иоанна (Крестьянкина)

*Архимандрит Иоанн
(Крестьянкин)*

ИЗБРАННОЕ

В Избранное вошли три книги батюшки Иоанна. Первая — это проповеди. К каждой проповеди он тщательно готовился, предварительно записывая то, что предполагал сказать. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!» — голос батюшки звучал звонко, преисполненный живой верой в присутствие Самого Бога. Так отец Иоанн и произносил проповедь — в присутствии Самого Бога, не просто наставляя, но пробуждая души людей.

На протяжении всей жизни отец Иоанн собирал мысли и рассуждения подвижников благочестия о душе человека и сложил их в единое целое в книге «Размышления о бессмертной душе».

Тексты праздничных поздравлений с Рождеством и Пасхой — это пир духа. Отец Иоанн рассылал их своим духовным чадам в утешение и укрепление. В них звучит неповторимая интонация Старца.

Переплет, 120х168 мм, 816 с.

Издательство «Отчий дом» предлагает книгу
святого праведного Иоанна Кронштадтского

Катехизические беседы

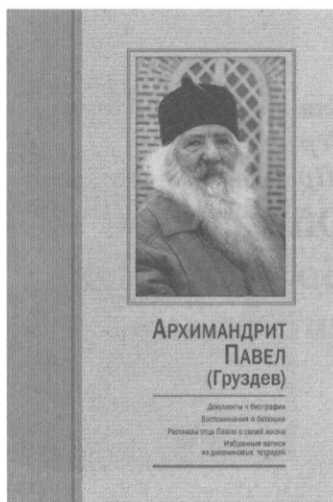
в Кронштадтском
Андреевском соборе

Беседы катехизического содержания святого праведного Иоанна Кронштадтского, впервые изданные в 1859 году, и сегодня могут принести неоценимую пользу в деле духовного просвещения. Они отличаются простым, ясным и подробным изложением глубочайших истин православной веры. В каждом слове Кронштадтского пастыря чувствуется особая сила как отражение силы его собственного духа, ведь пример его жизни во Христе, его проповеди и поучения пробуждали и обращали на путь спасения десятки тысяч людей.

Книга будет полезна как тем, кто только начинает свой путь христианина, так и тем, кто давно находится в церковной ограде: священникам, катехизаторам, миссионерам и всем православным христианам, желающим лучше узнать свою веру и приобщиться к святоотеческому наследию.

Переплет, 140х218 мм, 168 с.

В издательстве «Отчий дом» готовится
к переизданию следующая книга

Архимандрит Павел (Груздев)

***Документы
к биографии***

***Воспоминания
о батюшке***

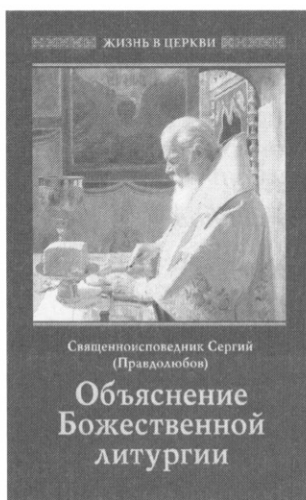
***Рассказы отца Павла
о своей жизни***

***Избранные записки
из дневниковых
тетрадей***

Издательство сочло необходимым и правильным дать возможность читателям узнать о жизни архимандрита Павла (Груздева), основываясь на официальных документах, на воспоминаниях очевидцев — тех людей, которым посчастливилось знать батюшку, пользоваться его советом и поддержкой, на собственных рассказах отца Павла о себе и его многолетних записях. Этой целью и обусловлена структура книги. Мы посчитали невозможным добавлять что-либо от себя или «редактировать» записки отца Павла, стремясь к «художественности» повествования, — лишь в подстрочных сносках дан необходимый, на наш взгляд, комментарий. Записки рассказов отца Павла, его любимых стихов и песен сделаны с аудио и видеокассет.

Переплет, 146х221 мм, 736 с.

В серии «Жизнь в Церкви» вышла книга

***Священноисповедник
Сергей
(Правдолюбов)***
**Объяснение
Божественной
литургии**

Божественная литургия — это центр всей жизни православного человека. Без участия в Литургии внутренняя, духовная жизнь человека даже очень верующего не имеет полноты и силы, так как их сообщает только Бог, с Которым верующие соединяются в Таинстве Причащения.

В традиции Русской Православной Церкви всегда была забота о том, чтобы народ Божий знал и понимал православное богослужение, особенно Литургию. Проповеди и беседы на эти темы были органической составляющей приходской жизни. Мы предлагаем нашим читателям мысленно перенестись в Троицкую церковь в городе Касимове и прослушать вместе с ее прихожанами десять проповедей-бесед о Божественной литургии, которые в 1924–1925 годах читал настоятель ее, митрофорный протоиерей Сергей Анатольевич Правдолюбов, будущий соловецкий узник — священноисповедник Сергей Касимовский († 1950).

Мягкая обложка, 125х200 мм, 112 с.

В серии «Жизнь в Церкви» вышла книга

***Протоиерей
Анатолий
Правдолюбов***

**В чем каяться
на исповеди**

В этой книге звучит живой голос пастыря — протоиерея Анатолия Правдолюбова (1914–1981), увещающего свою паству ходить в заповедях Божиих, призывающего ее к покаянию и сокрушению сердечному. Стиль автора прост и безыскусен, но слово его, сказанное со властью, данной от Бога пастырям стада Его, глубоко проникает в душу, очищая и просвещающая ее. Книга будет ценным пособием для молодых священников, а православным людям поможет подготовиться к исповеди.

Мягкая обложка, 125х200 мм, 160 с.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Отчий
дом**

РЕДАКЦИЯ | 8 (499) 261-18-87

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН | **WWW.OTDOM.RU**
8 (800) 775-39-10 (звонок по России бесплатный)
8 (926)926-04-27 | zakaz@mail.ru

Книги всех православных издательств, утварь.
Доставка по всей России. Постоянные скидки и акции.
Индивидуальные условия для оптовых покупателей.

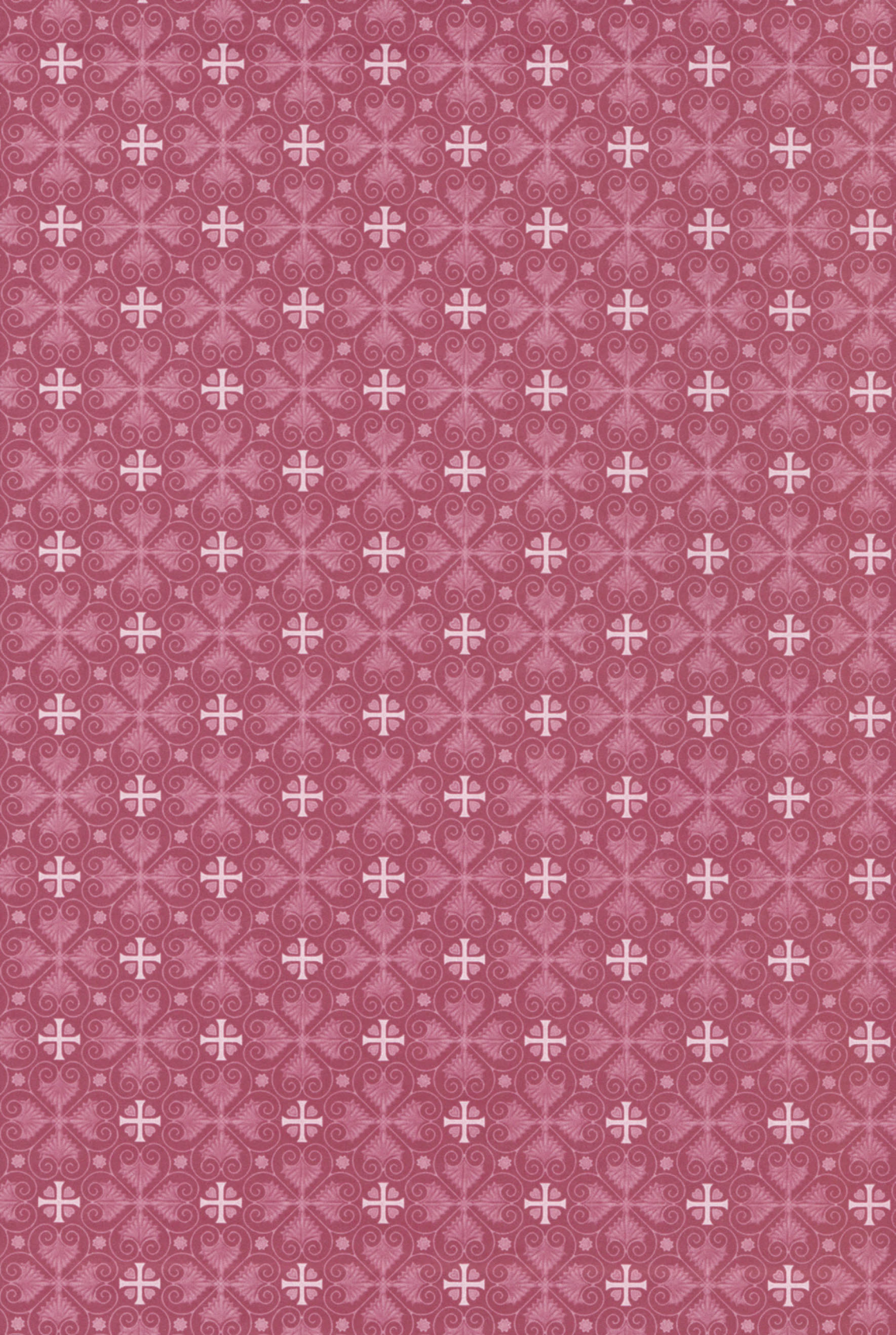
Мы в социальных сетях:

Вконтакте: vk.com/public_otdom

Instagram: [@otdom_izdat](https://www.instagram.com/otdom_izdat)

Отчий
дом

